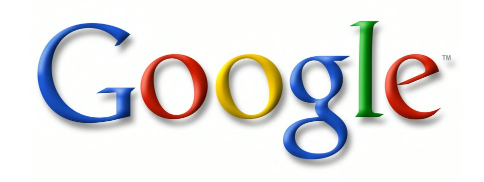
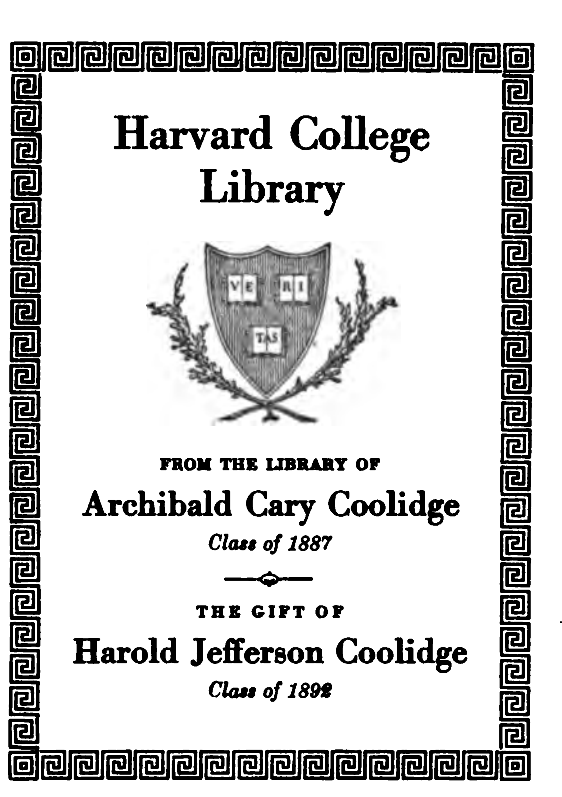

VE RI TAS

РУССКІЕ ПОЭТЫ.

Н. В. Гербель.

РУССКІЕ ПОЭТЫ

ВЪ БІОГРАФІЯХЪ И ОБРАЗЦАХЪ.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

П. ПОЛЕВОГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1888.

1484

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНІЮ.

Покойный Н. В. Гербель, въ предисловіи ко второму изданію своей книги «Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ», заявилъ, между прочимъ, что имѣлъ въ виду — «дать русской публикѣ возможно-полный сборникъ избранныхъ произведеній русскихъ поэтовъ *не только первостепенныхъ*, но и такихъ, которые написали всего какихъ-нибудь два-три стихотворенія». Вслѣдствіе такого, нѣсколько произвольнаго расширенія круга русскихъ поэтовъ, книга значительно увеличилась въ объемѣ, но ничего не выиграла въ отношеніи къ литературному своему достоинству, и въ новомъ изданіи требовала серіознаго пересмотра и даже нѣкотораго приспособленія къ тѣмъ требованіямъ, какія могутъ быть предъявлены къ такому сборнику, какъ «Русскіе Поэты».

Принявъ на себя редакцію третьяго изданія книги «*Русскіе Поэты*», я позволилъ себѣ, съ одной стороны, подвергнуть болѣе строгой критикѣ собранный въ ней матеріалъ, съ другой — внести болѣе правильности и соразмѣрности въ самый планъ всего сборника. На этомъ основаніи, я тщательно пересмотрѣлъ всѣ біографіи, написанныя Н. В. Гербелемъ, дополнилъ ихъ необходимымъ запасомъ новыхъ фактовъ и сократилъ въ нихъ все то, что̀ не представляло литературнаго интереса. Такъ же тщательно пересмотрѣлъ я и весь поэтическій матеріалъ, и внесъ въ него много стихотвореній, не попавшихъ въ предшествующее изданіе; съ другой стороны, я выключилъ изъ него всѣ драматическія произведенія, *писанныя прозой*, какъ вовсе не подходящія къ программѣ сборника.

Въ восполненіе образовавшихся въ книгѣ пробѣловъ, я внесъ въ нее все то, что̀ почему-либо не попало въ предшествующія изданія сборника Гербеля, и при стихотворныхъ образцахъ новѣйшихъ русскихъ поэтовъ помѣстилъ краткія біографическія замѣтки, составленныя отчасти на основаніи свѣдѣній, полученныхъ мною отъ самихъ авторовъ. Въ настоящемъ своемъ видѣ, какъ я полагаю, сборникъ Гербеля, несмотря на нѣкоторыя сокращенія, является «болѣе полнымъ» по своему внутреннему содержанію, и «болѣе цѣльнымъ» по составу собранныхъ въ немъ произведеній, и можетъ служить полезною настольною книгою для ознакомленія съ лучшими изъ оригинальныхъ произведеній русской поэзіи.

П. Полевой.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Вамъ, чистые сердцемъ, вамъ, любящимъ Русь
Съ ея озерами — морями,
Съ ея неоглянымъ просторомъ полей,
Съ ея городами, рѣками,
Съ ея благодушнымъ народомъ, волной
Залившимъ отъ краю до краю
Равнины и степи родимой земли —
Вамъ новый мой трудъ посвящаю!

Всѣ эти жемчужины чистой воды,
Всѣ эти крупицы-топазы,
Что такъ же, какъ жемчугъ, плѣняютъ нашъ взглядъ
И блещутъ порой, какъ алмазы,
Я бережно сббралъ — и нынѣ на судъ
Несу ихъ въ убогой кошницѣ:
Да славится жемчугъ! да снидетъ хвала
И къ блещущей искрой крупицѣ!

Н. Гербель.

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ.

ОТЪ ЛОМОНОСОВА ДО КАРАМЗИНА.

М. В. ЛОМОНОСОВЪ.

Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ, сынъ холмогорскаго рыбака, родился въ 1711 году, въ деревнѣ Денисовкѣ, лежащей на двинскомъ островѣ, Куростровской волости, недалеко отъ Холмогоръ. Въ это время весь дальній Сѣверъ былъ еще не только полонъ чудными разсказами о пребываніи Петра Великаго въ архангельскомъ и олонецкомъ краяхъ, но разсказы эти уже приняли форму легендарную, и въ нихъ великій царь являлся полубогомъ, по единому мановенію котораго стихаютъ бури, возникаютъ города и флоты и самыя нѣдра земныя выдаютъ ему всѣ сокровища. Весьма вѣроятно, что разсказы о Петрѣ Великомъ были первыми свѣдѣніями, усвоенными пытливымъ умомъ ребёнка-Ломоносова, и Пётръ Великій сдѣлался идоломъ всей его жизни, съ колыбели, какъ это видно изъ его „Похвальнаго слова Петру Великому", написаннаго уже въ зрѣломъ возрастѣ и въ которомъ онъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: „Кому-жъ я героя нашего уподоблю? часто размышлялъ я. Каковъ Тотъ, Который всесильнымъ мановеніемъ управляетъ небо, землю и море? Дохнётъ духъ Его—и потекутъ воды; прикоснётся горамъ—и воздымятся. Но мыслямъ человѣческимъ предѣлъ предписанъ: божества постигнуть не могутъ. Обыкновенно представляютъ Его въ человѣческомъ видѣ. Итакъ, ежели человѣка, Богу подобнаго, по нашему понятію, найти надобно, кромѣ Петра Великаго, не обрѣтаю". Отецъ Ломоносова, Василій Дороѳеевъ, отправляясь на промыселъ по Бѣлому морю и Сѣверному океану, бралъ съ собою и сына. Проводя лѣто среди опасностей и бурь, въ созерцаніи дикихъ и величественныхъ картинъ сѣверной природы, Михайло рано окрѣпъ духомъ и силами физическими. Выучившись грамотѣ у матери, а потомъ у дьяка, онъ вскорѣ сталъ лучшимъ чтецомъ въ околоткѣ, и любилъ читать и пѣть во время церковнаго богослуженія. Долго довольствовался Ломоносовъ чтеніемъ однѣхъ церковныхъ книгъ; но когда ему случайно попались въ руки „Славянская грамматика" Смотрицкаго, „Ариѳметика" Магницкаго и „Псалтирь", переложенный въ стихи Симеономъ Полоцкимъ, онъ понялъ, что гдѣ-то, далеко, знаютъ много такого, чего ему и во снѣ не грезилось. Выучивъ добытыя имъ книги наизусть, онъ захотѣлъ достать другія; но люди свѣдущіе, къ которымъ онъ обращался съ разспросами, отвѣчали ему, что такія книги можно найти въ Москвѣ и Кіевѣ, гдѣ живутъ люди учёные. Тогда онъ задумалъ бросить всё ему дорогое—родину, семью, старика отца—бѣжать въ Москву и тамъ учиться. На семнадцатомъ году, въ одну зимнюю ночь, захвативъ съ собою свои завѣтныя книжки, онъ вышелъ, никѣмъ незамѣченный, изъ отцовскаго дома, настигъ обозъ съ рыбой, вышедшій наканунѣ изъ Денисовки, и съ нимъ пришёлъ въ Москву. Тамъ случай свёлъ его съ землякомъ, господскимъ прикащикомъ, который, узнавъ о причинѣ его бѣгства изъ дому родительскаго, познакомилъ его съ однимъ монахомъ Заиконоспасскаго монастыря, прося помѣстить его въ монастырскую школу. Монахъ исполнилъ его просьбу—и Ломоносовъ былъ вскорѣ принятъ въ число учениковъ Заиконоспасскаго училища.

Быстро переходя изъ класса въ классъ, Ломоносовъ сталъ понимать по-латыни и по-гречески; но вскорѣ умъ его пересталъ удовлетворяться тонкостями схоластики—и предался изученію фи-

зики и математики. Затѣмъ онъ былъ переведенъ въ Кіевскую академію; но и это заведеніе не удовлетворило его любознательности—и, ровно черезъ годъ, онъ вернулся въ Москву. Наконецъ, въ 1734 году, къ величайшей его радости, онъ былъ переведёнъ въ гимназію при Санктпетербургской Академіи Наукъ, гдѣ посвятилъ себя исключительно изученію естественныхъ наукъ. По прошествіи двухъ лѣтъ, какъ лучшій ученикъ, онъ былъ отправленъ, для окончанія курса наукъ, въ Германію, въ Марбургъ, къ славному тогдашнему философу и математику Вольфу. Отсюда, по совѣту самого Вольфа, подъ руководствомъ котораго Ломоносовъ проработалъ цѣлыхъ три года, переѣхалъ онъ въ Фрейбургъ, къ горному совѣтнику Генкелю, чтобы, подъ его руководствомъ, заняться на практикѣ изученіемъ металлургіи и горнаго дѣла. Черезъ годъ Ломоносовъ былъ снова въ Марбургѣ и усердно продолжалъ свои прежнія занятія. Въ концѣ того же 1739 года онъ написалъ свою первую оду: „На взятіе Хотина". Эта ода есть первый поэтическій опытъ Ломоносова и, вмѣстѣ съ тѣмъ, первое тоническое стихотвореніе, написанное на русскомъ языкѣ, такъ-какъ стихи Тредьяковскаго, написанные прежде, хотя и были тоническіе, но, по крайнему своему неблагозвучію, не способствовали введенію у насъ тоническаго размѣра. Ода была встрѣчена въ Россіи всеобщимъ одобреніемъ. Баронъ Корфъ, тогдашній президентъ Академіи Наукъ, поднесъ ее императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, которая приняла ее благосклонно и поручила благодарить автора. Въ 1740 году Ломоносовъ женился на дочери своего квартирнаго хозяина, и вскорѣ сдѣлался отцомъ. Эти обстоятельства, вмѣстѣ съ разгульною жизнью нѣмецкаго студента, которую онъ велъ въ Марбургѣ, дѣля свое время между аудиторіей и погребкомъ, въ которомъ собирались студенты пить пиво и балагурить, ввели Ломоносова въ неоплатные для него долги. Дѣлать было нечего: угрожаемый тюрьмою, онъ бѣжалъ изъ Марбурга, располагая пробраться въ Любекъ или въ Голландію, чтобы оттуда отправиться моремъ въ Петербургъ. На третій день своего побѣга, онъ встрѣтился съ прусскими вербовщиками и чуть было не попалъ въ прусскіе солдаты. Но ему удалось бѣжать, перейти вестфальскую границу и спокойно продолжать свой путь. Въ Амстердамѣ его приняли ласково; снабдили деньгами—и вотъ онъ въ Россіи, въ Петербургѣ, въ Академіи, гдѣ, вскорѣ по пріѣздѣ, его дѣлаютъ адъюнктомъ, а черезъ пять лѣтъ назначаютъ профессоромъ физики и химіи.

Устроивъ дѣла, Михаилъ Васильевичъ вызвалъ свое семейство изъ Германіи—и провёлъ всю остальную жизнь въ занятіяхъ науками, искусствами и словесностью. Дѣятельность Ломоносова не имѣетъ ничего себѣ равнаго. Если ему было много дано отъ Бога, то также много и сдѣлано было имъ въ жизни на пользу горячо любимой имъ родины. Польза и слава отечества были постоянными его цѣлями. Движимый ими, онъ вникалъ во всё, и отъ души жаждалъ дѣла, и дѣлалъ всё, что сдѣлать былъ въ силахъ. Всё привлекало его вниманіе; на всё отзывалась его душа. Начиналъ-ли онъ думать о томъ, какъ это мы говоримъ и пишемъ, какъ составились въ нашемъ языкѣ слова, чѣмъ они различаются между собою, какъ мы ихъ соединяемъ, чтобы выходила понятная рѣчь—и результатомъ его размышленій являлась „Русская грамматика", трудъ, по тогдашнему времени, весьма цѣнный. Принимался-ли онъ за чтеніе нашихъ лѣтописей—сей часъ въ умѣ его зарождались вопросы: откуда идетъ Русь, кàкъ жили и чтó дѣлали наши предки, какою была въ древнія времена наша Россія?—и являлась „Древняя Россійская Исторія", написанная имъ въ тѣ короткіе промежутки времени, которые оставались у него отъ постоянныхъ и тяжелыхъ работъ по Академіи. Западала-ль въ его голову мысль, что въ нѣдрахъ Россіи много золота, серебра и другихъ металловъ—и начиналъ онъ думать о томъ, какъ слѣдуетъ добывать ихъ изъ земли—и книга „Первыя основанія металлургіи" составлялась мало-по-малу, въ назиданіе занимающимся горнымъ дѣломъ.

Хотя Ломоносовъ, подобно Кантемиру, не былъ поэтомъ, въ строгомъ смыслѣ этого слова, тѣмъ не менѣе онъ, всё-таки, стоитъ несравненно выше Кантемира не только какъ стихотворецъ, но и какъ поэтъ. Ломоносовъ, подобно Петру Великому, былъ геній всеобъемлющій. Ему были равно доступны и поэзія, и естествознаніе, и исторія, и всѣ свои знанія, всю свою опытность въ дѣлѣ науки онъ умѣлъ обратить на пользу русской литературы и поэзіи.

Послѣ Петра Великаго, съ новою жизнію народа, свѣжія силы Русской Земли являли истинно геніальныхъ людей по всѣмъ отраслямъ, на всѣхъ ступеняхъ общества; но всѣ эти геніи были односторонни, были явленіями частными. „Было только однажды явленіе въ Россіи тотчасъ послѣ Петра",

говоритъ Н. А. Полевой: „явленіе генія многосложнаго, изумительнаго своимъ разнообразіемъ, брошеннаго судьбою въ самыя низшія званія народа, вышедшаго изъ нихъ своею непобѣдимою волею, блеснувшаго потомъ на самыхъ высшихъ ступеняхъ современной образованности—явленіе генія, боровшагося съ жизнью, съ людьми, съ природою, съ самимъ собою, вѣчно устремлённаго въ томительное многоразличіе, вѣчно недовольнаго собою: этимъ явленіемъ былъ Ломоносовъ, имя у насъ народное, имя типовое. Онъ не только стихотворецъ, не только художникъ, не только ученый, не только писатель: въ его пламенной душѣ кипѣло всё, и подъ сосредоточенными лучами впечатлѣній, отовсюду летѣвшихъ въ его душу, всё сгорало въ ней, какъ алмазъ горитъ и углится подъ лучами соединённыхъ зеркалъ“. Но, не смотря на всю свою геніальность, Ломоносовъ не былъ поэтомъ,— и первая его ода, а вмѣстѣ съ тѣмъ и первое русское стихотвореніе, написанное правильнымъ размѣромъ, „Ода на взятіе Хотина“, принадлежало къ тяжёлому и скучному роду *воспѣвательныхъ*, торжественныхъ похвальныхъ одъ. Впрочемъ, *воспѣвательный* взглядъ на поэзію созданъ не нашими первыми поэтами: такъ смотрѣли тогда на поэзію во всёй просвѣщённой Европѣ, и потому нечего удивляться, что Ломоносовъ не уклонился отъ общаго пути. Гораздо лучше—его оды духовныя: „Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ“ и „Подражаніе Іову“—до-сихъ-поръ поражающія читателя глубокимъ религіознымъ чувствомъ и звучностью своего стиха. Также очень хороши: переводъ „Оды на счастье“ Руссо и переложенія нѣкоторыхъ псалмовъ, напримѣръ: 1-го, 14-го и 145-го. Поэма „Петръ Великій“, за исключеніемъ двухъ-трехъ картинъ сѣверной природы, не удалась Ломоносову и не была окончена. Что же касается его трагедій „Тамира и Селимъ“ и „Демофонтъ“, написанныхъ по заказу, то онѣ, и при жизни автора, были осуждены даже той публикой, которая восхищалась трагедіями Сумарокова. Послѣднимъ изъ большихъ стихотворныхъ произведеній, написанныхъ Ломоносовымъ, было „Письмо о пользѣ стекла“—дидактическое стихотвореніе, въ видѣ эпистолы къ графу И. И. Шувалову. Стихъ „Письма“ такъ гладокъ и звученъ, что его до-сихъ-поръ еще приводятъ въ христоматіяхъ, какъ образецъ посланій.

28-го іюня 1762 года Екатерина II вступила на престолъ; 4-го апрѣля 1765 года скончался Ломоносовъ. „Вижу“, говорилъ умирающій Ломоносовъ другу своему Штелину: „вижу, другъ, что мнѣ надо умереть. Равнодушно смотрю я на смерть, и только о томъ жалѣю, что не успѣлъ кончить начатаго мною для пользы отечества, славы наукъ и чести Академіи; жалѣю, чувствуя, что благія намѣренія мои исчезнутъ со мною“.

Когда печальная вѣсть о смерти Ломоносова пронеслась по Петербургу, громкія сѣтованія стали раздаваться повсюду; многіе говорили: „могъ бы еще пожить и потрудиться для славы и пользы отечества!“ Похороны Ломоносова были великолѣпны. Чуть не весь городъ сопровождалъ его въ послѣдній пріютъ, въ Александро-Невскій монастырь, гдѣ онъ и похороненъ. На могилѣ его былъ воздвигнутъ его почитателемъ, графомъ Воронцовымъ, надгробный памятникъ изъ бѣлаго мрамора, въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія; другой—въ Архангельскѣ, на главной площади; а въ скоромъ времени будетъ поставленъ ему еще третій памятникъ—въ Холмогорахъ.

Ломоносовъ, будучи отъ природы угрюмъ и раздражителенъ, былъ крайне настойчивъ во всемъ задуманномъ имъ, а при случаѣ и мстителенъ, какъ мы это знаемъ изъ дѣла съ Шлецеромъ, котораго онъ едва не погубилъ, въ отмщеніе за оскорбленіе его авторскаго самолюбія. „Съ нимъ шутить было накладно“, говоритъ А. С. Пушкинъ. „Онъ вездѣ былъ тотъ же: дома, гдѣ всё его трепетали, во дворцѣ, гдѣ онъ диралъ за уши пажей, въ Академіи, гдѣ, по свидѣтельству Шлецера, не смѣли при нёмъ пикнуть“. Но при всёмъ томъ, въ сущности, Ломоносовъ былъ скорѣе человѣкъ добрый, что̀ можно видѣть изъ статьи Батюшкова, въ которой авторъ приводитъ нѣсколько прекрасныхъ его поступковъ, въ которыхъ вполнѣ высказалась его любящая и добрая душа. Сочиненія Ломоносова изданы были всего семь разъ: 1) Собраніе разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ Михайла Ломоносова. Спб. 1751. 2) Собраніе сочиненій Ломоносова. Двѣ части. Изданіе второе. М. 1757. 3) Собраніе сочиненій Ломоносова. Двѣ части. М. 1778. 4) Собраніе сочиненій М. В. Ломоносова. Спб. 1803 (Изданіе Академіи Наукъ). 5) Избранныя сочиненія Ломоносова (Изд. Перевлѣсскаго). Спб. 1846. Три тома. 6) Сочиненія Ломоносова. Спб. 1847. (Изданіе Смирдина, помѣщенное въ „Полномъ Собраніи Сочиненій Русскихъ Авторовъ“). 7) Собраніе сочиненій русскихъ писателей. I. Сочиненія Ломоносова. Спб. 1867.

I.

УТРЕННЕЕ РАЗМЫШЛЕНІЕ О БОЖІЕМЪ ВЕЛИЧЕСТВѢ.

Уже прекрасное свѣтило
Простерло блескъ свой по земли
И Божія дѣла открыло.
Мой духъ, съ веселіемъ внемли!
Чудяся яснымъ толь лучамъ,
Представь, каковъ Зиждитель самъ!

Когда-бы смертнымъ толь высоко
Возможно было возлетѣть,
Чтобъ къ солнцу бренно наше око
Могло, приблизившись, воззрѣть,
Тогда-бъ со всѣхъ открылся странъ
Горящій вѣчно океанъ.

Тамъ огненны валы стремятся
И не находятъ береговъ;
Тамъ вихри пламенны крутятся,
Борющись множество вѣковъ;
Тамъ камни, какъ вода, кипятъ;
Горячи тамъ дожди шумятъ.

Сія ужасная громада,
Какъ искра предъ Тобой одна.
О, коль пресвѣтлая лампада
Тобою, Боже, возжжена
Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
Чтò Ты творить намъ повелѣлъ!

Отъ мрачной ночи свободились
Поля, бугры, моря и лѣсъ,
И взору нашему открылись,
Исполнены Твоихъ чудесъ.
Тамъ всякая взываетъ плоть:
„Великъ Зиждитель нашъ, Господь!"

Свѣтило дневное блистаетъ
Лишь только на поверхность тѣлъ;
Но взоръ твой въ бездну проницаетъ,
Не зная никакихъ предѣлъ.
Отъ свѣтлости Твоихъ очей
Ліётся радость твари всей.

Творецъ, покрытому мнѣ тьмою,
Простри премудрости лучи,
И, чтó угодно, предъ Тобою
Всегда творити научи,
И, на Твою взирая тварь,
Хвалить Тебя, безсмертный царь!

II.

ІОВЪ.

О ты, что въ горести напрасно
На Бога ропщешь, человѣкъ!
Внимай, коль въ ревности ужасно
Онъ къ Іову изъ тучи рекъ!
Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь градъ блистая
И гласомъ громы прерывая,
Словами небо колебалъ—
И такъ его на распрю звалъ:

„Сбери свои всѣ силы нынѣ,
Мужайся, стой и дай отвѣтъ:
Гдѣ былъ ты, какъ Я въ стройномъ чинѣ
Прекрасный сей устроилъ свѣтъ,
Когда Я твердь земли поставилъ—
И сонмъ небесныхъ силъ прославилъ
Величество и власть Мою?
Яви премудрость ты свою!

„Гдѣ былъ ты, какъ передо Мною
Безчисленны тьмы новыхъ звѣздъ,
Моей возжженныхъ вдругъ рукою
Въ обширности безмѣрныхъ мѣстъ,
Моё величество вѣщали;
Когда отъ солнца возсіяли
Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна въ ночи?

„Кто море удержалъ брегами
И безднѣ положилъ предѣлъ,
И ей свирѣпыми волнами
Стремиться далѣ не велѣлъ?
Покрытую пучину мглою
Не Я ли сильною рукою
Открылъ и разогналъ туманъ,
И съ суши сдвигнулъ океанъ?

„Возмогъ-ли ты, хотя однажды,
Велѣть ранѣе утру быть
И нивы, въ день томящей жажды,
Дождёмъ прохладнымъ напоить,
Пловцу свободный вѣтръ направить,
Чтобъ въ пристани его поставить,
И тяготу земли тряхнуть,
Дабы безбожныхъ съ ней сопхнуть?

„Стремнинами путей ты разныхъ
Прошёлъ-ли моря глубину,
И счёлъ ли чудъ многообразныхъ

Стада, ходящія по дну?
Отверзлись-ли передъ тобою
Всегдашнею покрыты тьмою,
Со страхомъ, смертныя врата?
Ты стёръ-ли адовы уста?

„Стѣсняя вихремъ облакъ мрачный,
Ты солнце можешь-ли закрыть,
И воздухъ сгустить прозрачный,
И молнію въ дождѣ родить,
И вдругъ—быстротекущимъ блескомъ
И горъ сердца трясущимъ трескомъ
Концы вселенной колебать,
И смертнымъ гнѣвъ свой возвѣщать?

„Твоей-ли хитростью взлетаетъ
Орёлъ, на высоту паря,
По вѣтру крыла простираетъ
И смотритъ въ рѣки и моря?
Отъ облакъ видитъ онъ высокихъ,
Въ водахъ и пропастяхъ глубокихъ
Чтò Я ему на пищу далъ—
Толь быстро око ты-ль создалъ?

„Воззри въ лѣса на бегемота,
Чтò Мною сотворёнъ съ тобой:
Колючій тёрнъ его охота
Безвредно попирать ногой;
Какъ верви сплетены въ нёмъ жилы.
Отвѣдай ты своей съ нимъ силы!
Въ нёмъ рёбра, какъ литая мѣдь:
Кто можетъ рогъ его сотреть?

„Ты можешь-ли левіаѳана
На удѣ вытянуть на брегъ?
Въ самой срединѣ океана
Онъ быстрый простираетъ бѣгъ;
Свѣтящимися чешуями
Покрытъ, какъ мѣдными щитами;
Копьё и мечъ, и молотъ твой
Считаетъ за тростникъ гнилой.

„Какъ жерновъ, сердце онъ имѣетъ,
И зубы—страшный рядъ серповъ:
Кто руку въ нихъ вложить посмѣетъ?
Всегда къ сраженью онъ готовъ;
На острыхъ камняхъ возлегаетъ
И твёрдость оныхъ презираетъ:
Для крѣпости великихъ силъ
Считаетъ ихъ за мягкій илъ.

„Когда во брани устремится,
То море, какъ котёлъ, кипитъ,
Какъ печь, гортань его дымится,
Въ пучинѣ слѣдъ его горитъ;
Сверкаютъ очи раздражённы,
Какъ угль, въ горнилѣ раскалённый;
Всѣхъ сильныхъ онъ страшитъ, гоня.
Кто можетъ стать противъ Меня?

„Обширнаго громаду свѣта
Когда устроить Я хотѣлъ,
Просилъ-ли твоего совѣта
Для множества толикихъ дѣлъ?
Какъ перстъ Я взялъ въ началѣ вѣка,
Дабы создати человѣка,
Зачѣмъ тогда ты не сказалъ,
Чтобъ видъ иной тебѣ Я далъ?“

Сіё, о смертный, разсуждая,
Представь Зиждителеву власть!
Святую волю почитая,
Имѣй свою въ терпѣньи часть.
Онъ всё на пользу нашу строитъ,
Казнитъ — кого, или покоитъ.
Въ надеждѣ тяготу сноси
И безъ роптанія проси.

III.

ИЗЪ ОДЫ „НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ“.

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство сёлъ, градóвъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ,
И класы на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Своё богатство по земли...

Сія тебѣ единой слава,
Монархиня, принадлежитъ!
Пространная твоя держава
О какъ тебя благодаритъ!
Воззри на горы превысоки,
Воззри въ поля твои широки,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, гдѣ Обь течётъ:
Богатство въ оныхъ потаенно
Наукой будетъ откровенно,
Что щедростью твоей цвѣтётъ...

Хотя всегдашними снѣгами
Покрыта Сѣвера страна,
Гдѣ мёрзлыми Борей крылами
Твои взвѣваетъ знамена;
Но Богъ межъ льдистыми горами
Великъ своими чудесами:
Тамъ Лена чистою водой,
Какъ Нилъ, народы напояетъ,
И бреги, наконецъ, теряетъ,
Сравнявшись морю шириной...

Широкое открыто поле,
Гдѣ Музамъ путь свой простирать!
Твоей великодушной волѣ
Что можемъ за сіё воздать?
Мы даръ твой до небесъ прославимъ
И знакъ щедротъ твоихъ поставимъ,
Гдѣ солнца всходъ и гдѣ Амуръ
Въ зелёныхъ берегахъ крутится,
Желая паки возвратиться
Въ твою державу отъ манжуръ...

Тамъ тьмою острововъ посѣянъ,
Рѣкѣ подобенъ океанъ;
Небесной синевой одѣянъ,
Павлина посрамляетъ вранъ.
Тамъ тучи разныхъ птицъ летаютъ,
Что пестротою превышаютъ
Одежду нѣжныя весны;
Питаясь въ рощахъ ароматныхъ
И плавая въ струяхъ пріятныхъ,
Не знаютъ строгія зимы.

И се! Минерва ударяетъ
Въ верхи Рифейски копіёмъ:
Сребро и злато истекаетъ
Во всёмъ наслѣдіи твоёмъ.
Плутонъ въ разсѣлинахъ мятётся,
Что Россамъ въ руки предаётся
Драгой его металлъ изъ горъ,
Который тамъ Натура скрыла:
Отъ блеску дневнаго свѣтила
Свирѣпый отвращаетъ взоръ.

О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зовётъ отъ странъ чужихъ —
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ, ободренны,
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать.

Науки юношей питаютъ,
Отраду старцамъ подаютъ,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ несчастной — случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха,
Науки пользуютъ вездѣ:
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и на-единѣ,
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ...

IV.

ИЗЪ „ПИСЬМА О ПОЛЬЗѢ СТЕКЛА".

Неправо о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ,
Которые стекло чтутъ ниже минераловъ,
Приманчивымъ лучёмъ блистающихъ въ глаза:
Не меньше польза въ нёмъ, не меньше въ нёмъ краса.
Нерѣдко я для той съ Парнасскихъ горъ спускаюсь,
И нынѣ отъ нея на верхъ ихъ возвращаюсь,
Пою передъ тобой въ восторгѣ похвалу
Не камнямъ дорогимъ, не злату, но стеклу;
И какъ я оное, хваля, воспоминаю,
Не ломкость лживаго я счастья представляю.
Не должно тлѣнности примѣромъ тое быть,
Чего и сильный огнь не можетъ разрушить
(Другихъ вещей земныхъ конечный раздѣлитель):
Стекло имъ рождено, огонь его родитель.
Съ натурой нѣкогда онъ, произвесть хотя
Достойное себя и оныя дитя,
Во мрачной глубинѣ, подъ тягостью земною,
Гдѣ вѣчно онъ живётъ и борется съ водою,
Всѣ силы собралъ вдругъ, и хляби затворилъ,
Въ которы океанъ на брань къ нему входилъ;
Напрягся мышцами и рамена подвигнулъ,
И тяготу земли превыше облакъ вскинулъ.
Внезапно чёрный дымъ навёлъ густую тѣнь,
И въ ночь ужасную перемѣнился день.
Не баснотворнаго здѣсь ради Геркулеса
Двѣ ночи сложены въ едину отъ Зевеса;
Но Этна правдѣ сей свидѣтель вѣчный намъ,
Которая дала путь чуднымъ симъ родамъ.
Изъ ней разжжённая рѣка текла въ пучину,
И свѣтъ, отчаясь, мнилъ, что зритъ свою судьбину.
Но ужасу тому послѣдовалъ конецъ:

Довольна чадомъ мать, доволенъ имъ отецъ.
Прогнали долгу ночь и жаръ свой погасили,
И солнцу ясному рожденіе открыли.
Но что-жъ, отъ нѣдръ земныхъ родясь, произошло?
Любезное дитя, прекрасное стекло...

По долговременномъ теченьи нашихъ дней,
Тупѣетъ зрѣніе ослабленныхъ очей.
Померкшее того не представляетъ чувство,
Что кажетъ въ тонкостяхъ Натура и Искусство.
Велика сердцу скорбь лишиться чтенья книгъ:
Скучнѣе вѣчной тьмы, тяжéлѣе веригъ!
Тогда противенъ день, веселіе — досада.
Одно лишь намъ стекло въ сей бѣдности отрада:
Оно способствіемъ искусныя руки
Подать намъ зрѣніе умѣетъ чрезъ очки.
Не даръ ли мы въ стеклѣ божественный имѣемъ?
Чтó честь достойную воздать ему коснѣемъ?...

Во зрительныхъ трубахъ стекло являетъ намъ,
Колико далъ Творецъ пространство небесамъ,
Столь много солнцевъ въ нихъ пылающихъ сіяетъ,
Недвижныхъ сколько звѣздъ намъ ясна ночь являетъ.
Кругъ солнца нашего, среди другихъ планетъ,
Земля съ ходящею вкругъ ней луной течетъ,
Которую хотя весьма пространну знаемъ,
Но, къ свѣту примѣнивъ, какъ точку представляемъ.
Коль созданныхъ вещей пространно естество!
О коль велико ихъ создавше Божество!
О коль велика къ намъ щедротъ Его пучина,
Что нà землю послалъ возлюбленнаго Сына!
Не погнушался Онъ на малый шаръ сойти,
Чтобы погибшаго страданіемъ спасти.
Чѣмъ меньше мы Его щедротъ достойны зримся,
Тѣмъ больше благости и милости чудимся.
Стекло приводитъ насъ чрезъ оптику къ сему,
Прогнавъ глубокую невѣдѣнія тьму.
Преломленныхъ лучей предѣлы въ нёмъ не ложны,
Поставлены Творцомъ: другіе — невозможны.
Въ благословенный нашъ и просвѣщённый вѣкъ
Чего не могъ дойти по онымъ человѣкъ?
Хоть острымъ взоромъ насъ природа одарила,
Но близокъ онаго конецъ имѣетъ сила.
Кромѣ, что въ далекѣ не кажетъ намъ вещей,
И собранныхъ трубой онъ требуетъ лучей,
Коль многихъ тварей онъ ещё не достигаетъ,
Которыхъ малый ростъ предъ нами сокрываетъ!
Но въ нынѣшнихъ вѣкахъ намъ микроскопъ открылъ,
Чтó Богъ въ невидимыхъ животныхъ сотворилъ:
Коль тонки члены ихъ, составы, сердце, жилы
И нервы, что хранятъ въ себѣ животны силы.
Не меньше, нежели въ пучинѣ тяжкій китъ,
Насъ малый червь частей сложеніемъ дивитъ.
Великъ Создатель нашъ въ огромности небесной!
Великъ въ строеніи червя, скудели тѣсной!
Стекломъ познали мы толики чудеса —
Чѣмъ Онъ наполнилъ понтъ и воздухъ, и лѣса.
Прибавивъ ростъ вещей, оно, коль намъ потребно,
Являетъ травъ разборъ и знаніе врачебно.
Коль много микроскопъ намъ тайностей открылъ,
Невидимыхъ частицъ и тонкихъ въ тѣлѣ жилъ!
Но что ещё? Уже въ стеклѣ намъ барометры
Хотятъ предвозвѣщать, коль скоро будутъ вѣтры,
Коль скоро дождь густой на нивахъ зашумитъ,
Иль, облаки прогнавъ, ихъ солнце осушитъ.
Надежда наша въ томъ обманами не льстится:
Стекло поможетъ намъ — и дѣло совершится.
Открылись точно имъ движенія свѣтилъ:
Чрезъ то-жъ откроется въ погодахъ разность силъ.
Коль могутъ счастливы селяне быть оттолѣ,
Когда не будетъ зной, ни дождь опасенъ въ полѣ!
Какой способности ждать должно кораблямъ,
Узнавъ, когда шумѣть или молчать волнамъ,
И плавать пò морю безбѣдно и спокойно!
Велико дѣло въ сёмъ и горъ златыхъ достойно!

А. П. СУМАРОКОВЪ.

Александръ Петровичъ Сумароковъ, сынъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Петра Панкратьевича, родился 14-го ноября 1717 года; воспитывался сначала дома, а съ 1713 года—въ сухопутномъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ, единственномъ въ то время высшемъ учебномъ заведеніи въ Россіи, гдѣ вскорѣ своими способностями обратилъ на себя вниманіе начальства. Одарённый умомъ, пылкимъ воображеніемъ и нѣжнымъ сердцемъ, онъ посвятилъ себя литературѣ, предоставляя другимъ пользоваться правомъ рожденія и достигать высокихъ ступеней на поприщѣ служебной дѣятельности. Ещё будучи кадетомъ, онъ пробовалъ свои силы въ сочиненіи трагедій, которыя находили читателей и почитателей не только между товарищами, но и внѣ стѣнъ корпуса. Въ 1740 году онъ былъ выпущенъ въ офицеры и вскорѣ послѣ того поступилъ адъютантомъ къ графу А. Г. Разумовскому. Первая трагедія Сумарокова, „Хоревъ“, была напечатана въ 1747 году и цѣлые три года находила однихъ читателей и слушате-

лей, а не зрителей, и только въ 1749 году была сыграна кадетами сухопутнаго шляхетнаго корпуса, въ присутствіи самого Сумарокова. Узнавъ о томъ отъ А. П. Разумовскаго, императрица Елисавета Петровна приказала кадетамъ повторить это представленіе во дворцѣ. Спектакль удался вполнѣ. Всѣ присутствовавшіе были въ восторгѣ. Императрица была растрогана до слёзъ, позвала къ себѣ Сумарокова, осыпала его похвалами и подарила ему драгоцѣнный перстень со своей руки. Ободрённый успѣхомъ, молодой драматургъ написалъ въ скоромъ времени ещё двѣ трагедіи: „Синавъ и Труворъ" и „Семира", — которыя окончательно упрочили его славу въ глазахъ современниковъ.

Въ 1756 году состоялся высочайшій указъ объ учрежденіи придворнаго русскаго театра, при чёмъ Сумароковъ, имѣвшій чинъ полковника, былъ назначенъ его директоромъ. Первымъ дѣломъ новаго директора было—расширеніе репертуара новыми своими пьесами: трагедіями, операми и комедіями. Но самымъ важнымъ дѣломъ его директорства было открытіе театра въ Москвѣ. Императоръ Петръ III произвёлъ Сумарокова въ бригадиры, а Екатерина II—въ дѣйствительные статскіе совѣтники и пожаловала кавалеромъ ордена Св. Анны I-го класса. Въ 1761 году Сумароковъ оставилъ управленіе театромъ и жилъ съ тѣхъ поръ то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ. Кромѣ названныхъ выше трёхъ трагедій, Сумароковъ написалъ еще слѣдующія: „Гамлетъ", „Артистона", „Ярополкъ и Дамиза" (1758), „Вышеславъ" (1768), „Димитрій Самозванецъ" (1771) и „Мстиславъ" (1774), но изъ нихъ имѣли успѣхъ только „Гамлетъ", передѣланный изъ пьесы Шекспира, и „Димитрій Самозванецъ". Первый успѣхъ и названіе „Русскаго Расина", данное Сумарокову тотчасъ послѣ представленія „Хорева", внушили ему желаніе сочинить что-нибудь не Расиновское, а еще небывалое на парижской сценѣ — и Сумароковъ, слегка ознакомившись съ Шекспиромъ, рѣшился по-своему воспользоваться его „Гамлетомъ". Но и тутъ нашъ драматургъ поступилъ добросовѣстно, т. е. воспользовался однимъ сюжетомъ, да и тотъ перекроилъ на свой ладъ.

Въ „Димитріи Самозванцѣ" также замѣтно подражаніе Шекспиру: главное дѣйствующее лицо трагедіи есть сколокъ съ Ричарда III, въ драмѣ Шекспира (того же имени). Кромѣ девяти трагедій, положившихъ основаніе славѣ Сумарокова, онъ написалъ еще двѣнадцать комедій („Опекунъ", „Лихоимецъ", „Три брата совмѣстники", „Ядовитый", „Нарцисъ", „Приданое обманомъ", „Чудовищи", „Трисотиніусъ", „Пустая ссора", „Рогоносецъ по воображенію", „Мать совмѣстница дочери" и „Вздорища"), три оперы и одну драму. Комедіи Сумарокова иногда довольно забавно рисуютъ современное ему общество, гдѣ французское образованіе уже начало пускать свои корни, но еще далеко не укрѣпилось, не освоилось съ жизнью.

Не одна драматическая поэзія была призваніемъ Сумарокова: чтобы сравниться съ *господиномъ* Вольтеромъ, онъ писалъ во всѣхъ родахъ, и потому не преуспѣлъ ни въ одномъ, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ привычку сочинять торопливо, не заботясь объ обработкѣ написаннаго. Онъ писалъ оды, перелагалъ псалмы, сочинялъ посланья, сатиры, басни, сказки, идилліи, пѣсни, элегіи, эклоги, стансы, сонеты, загадки, эпиграммы, эпитафіи и мадригалы. Словомъ, писалъ всё и обо всёмъ: не создалъ только одной героической поэмы. Болѣе всего удавались ему басни. Многія изъ нихъ читаются до сихъ поръ съ удовольствіемъ. Современники даже рѣшались ставить Сумарокова выше Лафонтена! И мнѣніе это раздѣляли лучшіе люди того времени. Вотъ, напримѣръ, чтó говоритъ о Сумароковѣ Новиковъ, одинъ изъ умнѣйшихъ и просвѣщённѣйшихъ русскихъ людей того времени: „Различныхъ родовъ стихотворными и прозаическими сочиненіями пріобрѣлъ онъ себѣ великую и безсмертную славу не только отъ россіянъ, но и отъ чужестранныхъ академій и славнѣйшихъ европейскихъ писателей. И хотя первый онъ изъ россіянъ началъ писать трагедіи по всѣмъ правиламъ театральнаго искусства, но столько успѣлъ во оныхъ, что заслужилъ названіе сѣвернаго Расина. Его эклоги равняются знающими людьми съ Виргиліевыми, и по днесь ещё остались неподражаемы; а притчи его почитаются сокровищемъ россійскаго Парнаса, и въ сёмъ родѣ стихотворенія далеко превосходитъ онъ Федра и де-ла-Фонтена, славнѣйшихъ въ семъ родѣ". („Опытъ Историческаго Словаря о Россійскихъ Писателяхъ", стр. 207). Читая такіе восторженные отзывы и, притомъ, такихъ уважаемыхъ людей, невольно думаешь: не можетъ быть, чтобы въ сочиненіяхъ Сумарокова не было никакого достоинства. Отецъ русскаго театра, онъ перенёсъ въ Россію современную французскую драму, сохранивъ безъ всякаго измѣненія всѣ правила, условія и формы французскаго театра. Въ комедіяхъ же, подражая Мольеру, показалъ образцы разговорной прозы,

пытаясь, такимъ образомъ, создать комедію изъ русскихъ нравовъ. Наконецъ, его сатиры, его простодушно-жёлчныя выходки противъ *крапивнаго съмени*, равно какъ и нѣкоторыя прозаическія статьи, болѣе или менѣе касавшіяся вопросовъ современной ему дѣйствительности—всё это указываетъ на стремленіе къ сближенію литературы съ жизнью и на то, что сочиненія Сумарокова, не смотря на свой устарѣвшій языкъ и отсутствіе художественности, заслуживаютъ изученія, а имя его, сперва не по достоинству вознесённое, а въ настоящее время несправедливо унижаемое, заслуживаетъ уваженія потомства.

Сумароковъ былъ до мелочности самолюбивъ и вспыльчивъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, добръ и великодушенъ, любилъ правду, ненавидѣлъ зло и невѣжество. Имѣя весьма ограниченное состояніе, онъ былъ щедръ до расточительности. Разсказываютъ, что, гуляя однажды, онъ встрѣтился съ безрукимъ офицеромъ, просившимъ милостыню. Это такъ тронуло Сумарокова, что онъ, не имѣя денегъ ни при себѣ, ни дома, снялъ съ себя вышитый золотомъ кафтанъ и отдалъ его изумлённому просителю, а самъ вернулся домой въ плащѣ своего слуги, бывшаго съ нимъ. Сумароковъ умеръ въ Москвѣ, 1-го октября 1777 года—и похоронёнъ въ Донскомъ монастырѣ. Сочиненія Сумарокова были собраны послѣ его смерти Новиковымъ и изданы имъ въ 1781—1782 годахъ, въ десяти томахъ, подъ заглавіемъ: „Полное собраніе всѣхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ А. П. Сумарокова". Второе изданіе было напечатано имъ же въ 1787 году.

I.

НА СУЕТУ ЧЕЛОВѢКА.

Суетенъ будешь
Ты, человѣкъ,
Если забудешь
Краткій свой вѣкъ!
Время проходитъ,
Время летитъ:
Время проводитъ
Всё, что ни льститъ.
Счастье, забава,
Свѣтлость коронъ,
Пышность и слава—
Всё только сонъ.
Какъ ударяетъ
Колоколъ часъ—
Онъ повторяетъ
Звукомъ сей гласъ:
„Смертный, будь ниже
Въ жизни ты сей!
Сталъ ты поближе
Къ смерти своей!"

II.

ЭПИСТОЛА О РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Для общихъ благъ мы тó передъ скотомъ имѣемъ,
Что лучше, какъ они, другъ друга разумѣемъ
И, помощію словъ пространна языка,
Всё можемъ изъяснить, какъ мысль ни глубока.
Описываемъ всё,—и чувствія, и страсти,
И мысли голосомъ дѣлимъ на мелки части.
Пріявъ драгой сей даръ отъ щедраго Творца,
Изображеніемъ вселяемся въ сердца.
То, чтó постигнемъ мы—другъ другу сообщаемъ,
И въ письмахъ тó своимъ потомкамъ оставляемъ,
Но не такіе такъ полезны языки,
Какими говорятъ мордва и вотяки.
Возьмемъ себѣ въ примѣръ словесныхъ человѣковъ:
Такой намъ надобенъ языкъ, какъ былъ у грековъ,
Какой у римлянъ былъ, и, слѣдуя въ томъ имъ,
Какъ нынѣ говоритъ Италія и Римъ,
Каковъ въ прошедшій вѣкъ прекрасенъ сталъ французскій,
Иль, наконецъ сказать, каковъ способенъ русскій.
Довольно нашъ языкъ въ себѣ имѣетъ словъ,
Но нѣтъ довольнаго числа на нёмъ писцовъ.
Одинъ, послѣдуя несвойственному складу,
Влечётъ въ Германію россійскую Палладу,
И мня, что тѣмъ онъ ей пріятства придаётъ,
Природну красоту съ лица ея берётъ.
Другой, не выучась такъ грамотѣ, какъ должно,
По русски, думаетъ, всего сказать не можно,
И, взявъ пригоршни словъ чужихъ, сплетаетъ рѣчь
Языкомъ собственнымъ, достойну только сжечь;
Иль слово-въ-слово онъ въ слогъ русскій переводитъ,
Которо на себя въ обновѣ не походитъ.
Тотъ прозой скаредной стремится къ небесамъ,
И хитрости своей не понимаетъ самъ.
Тотъ прозой и стихомъ полѣзъ—и письма оны,
Ругаючи себя, даётъ писцамъ въ законы,
Хоть знаетъ, что ему во мзду смѣётся всякъ,
Однако онъ своихъ не хочетъ видѣть вракъ.

„Пускай, онъ думаетъ, меня никто не хвалитъ;
То сердца моего ни мало не печалитъ:
Я самъ себя хвалю—на что мнѣ похвала?
И знаю тó, что я искусенъ до зѣла“.
Зѣло, зѣло, зѣло, дружокъ мой, ты искусенъ,
Я спорить не хочу, да только складъ твой гнусенъ.
Когда не вѣришь мнѣ, спроси хотя у всѣхъ:
Всякъ скажетъ, что тебѣ перомъ владѣти грѣхъ.
Но только ли того? Не можно и помыслить,
Чтобъ враки мнѣ писцовъ подробно всѣ исчислить.
Кто пишетъ, долженъ мысль прочистить напередъ
И прежде самому себѣ подать въ томъ свѣтъ;
Но многіе писцы о томъ не разсуждаютъ:
Довольны только тѣмъ, что рѣчи составляютъ.
Немысленны чтецы, хотя ихъ не поймутъ,
Дивятся имъ и мнятъ, что будто тайна тутъ,
И, разумъ свой покрывъ, читая, темнотою,
Невнятный складъ пѣвца пріемлютъ красотою.
Нѣтъ тайны никакой безумственно писать!
Искусство, чтобъ свой слогъ исправно предлагать,
Чтобъ мнѣніе творца воображалось ясно
И рѣчи бы текли свободно и согласно.
Письмо, что грамоткой простой народъ зовётъ,
Съ отсутствующими обычну рѣчь ведётъ,
Быть должно безъ затѣй и кратко сочинённо,
Какъ просто говоримъ, такъ просто изъяснённо.
Но кто не научёнъ исправно говорить,
Тому не безъ труда и грамотку сложить.
Слова, которыя предъ обществомъ бываютъ,
Хоть ихъ перомъ, хотя языкомъ предлагаютъ,
Гораздо должны быть пышнѣе сложены,
И риторски бъ красы въ нихъ были включены,
Которыя въ простыхъ словахъ хоть необычны,
Но къ важности рѣчей потребны и приличны,
Для изъясненія разсудка и страстей,
Чтобъ тѣмъ входить въ сердца и привлекать людей.
Намъ въ ономъ счастлива природа путь являетъ
И двери чтеніе къ искусству отверзаетъ.
Посёмъ скажу, какой похваленъ переводъ:
Имѣетъ въ слогѣ всякъ различіе народъ.
Что очень хорошо на языкѣ французскомъ,
То можетъ въ точности быть скаредно на русскомъ.
Не мни, переводя, что складъ въ творцѣ готовъ:
Творецъ даруетъ мысль, но не даруетъ словъ.
Въ спряженіе рѣчей его ты не вдавайся
И свойственно себѣ словами украшайся.
На что степень въ степень послѣдовать ему?
Ступай лишь тѣмъ путёмъ и область дай уму.
Ты симъ, какъ твой творецъ письмомъ своимъ ни славенъ,
Достигнешь до него, и будешь самъ съ нимъ равенъ.
Хотя передъ тобой въ три пуда лексиконъ,
Не мни, чтобъ помощь далъ тебѣ велику онъ,
Коль рѣчи и слова поставишь безъ порядка, —
И будетъ переводъ твой нѣкая загадка,
Которую никто не отгадаетъ въ вѣкъ;
То даромъ, что слова всѣ точно ты нарекъ.
Когда переводить захочешь безпорочно,
Не то — творцовъ мнѣ духъ яви и силу точно.
Языкъ нашъ сладокъ, чистъ и пышенъ, и богатъ,
Но скупо вносимъ мы въ него хорошій складъ;
Такъ, чтобъ незнаніемъ его намъ не безславить,
Намъ должно весь свой складъ хоть нѣсколько поправить.
Не нужно, чтобы всѣмъ надъ риѳмами потѣть,
А правильно писать потребно всѣмъ умѣть.
Но льзя-ли требовать отъ насъ исправна слога?
Затворена къ нему въ ученіи дорога.
Лишь только ты склады немного поучи,
Изволь писать „Бову“, „Петра златы ключи“.
Подъячій говоритъ: „писаніе тутъ нѣжно;
Ты будешь человѣкъ—учися лишь прилежно“.
И я то думаю, что будешь человѣкъ;
Однако грамотѣ не станешь знать во вѣкъ.
Хоть лучшимъ почеркомъ, съ подъяческа совѣта,
Четыре литеры сплетай ты въ слово „лѣта“,
И вычурно писать научишься „конецъ“—
Повѣрь, что никогда не будешь ты писецъ.
Перенимай у тѣхъ, хоть много ихъ, хоть мало,
Которыхъ тщаніе искусству ревновало
И показало имъ, коль мысль сія дика,
Что не имѣемъ мы богатства языка.
Сердись, что мало книгъ у насъ и дѣлай пени:
Когда книгъ русскихъ нѣтъ, за кѣмъ итти въ степéни?
Однако больше ты сердися на себя
Иль на отца, что онъ не выучилъ себя;
А еслибъ юность ты не прожилъ своевольно,
Ты бъ могъ въ писаніи искусенъ быть довольно.
Трудолюбивая пчела себѣ берётъ
Отвсюду тó, что ей потребно въ сладкій мёдъ,
И, посѣщающа благоуханну розу,
Берётъ въ свои соты частицы и съ навозу.
Имѣемъ сверхъ того духовныхъ много книгъ:
Кто виненъ въ томъ, что ты псалтыри не постигъ
И, бѣгучи по ней, какъ въ быстромъ морѣ судно,
Съ конца въ конецъ разъ сто промчался безразсудно?
Коль *аще*, *точію* обычай истребилъ,
Кто нудитъ, чтобъ ты ихъ опять въ языкъ вводилъ?
А чтó изъ старины понынѣ неотмѣнно,
То можетъ быть тобой повсюду положенно.

Не мни, что нашъ языкъ не тотъ, что въ книгахъ чтёмъ,
Которы мы съ тобой нерусскими зовёмъ.
Онъ тотъ же; а когда бъ онъ былъ иной, какъ мыслишь,
Лишь только отъ того, что ты его не смыслишь,
Такъ что-жъ осталось бы при русскомъ языкѣ?
Отъ правды мысль твоя гораздо вдалекѣ.
Не знай наукъ, когда не любишь ихъ, хоть вѣчно,
А мысли выражать знать надобно конечно.

III.

КЪ НЕПРАВЕДНЫМЪ СУДЬЯМЪ.

О вы, хранители уставовъ и суда,
Для отвращенія отъ общества вреда,
Которы силою и должностію власти
Удобны отвращать и приключать напасти
И не жалѣете невинныхъ поражать!
Случилось-ли себѣ вамъ тó воображать,
Колико тягостно вамъ кланяться напрасно,
Молитвы принося, какъ Богу, повсечасно,
Противъ васъ яростью по правости кипѣть
И въ сердцѣ тó скрывать, сердиться и терпѣть?
Иль вы не помните, въ ожесточеньи тверды,
Что Вышній справедливъ, а вы немилосерды?
Иль вы не вѣрите, что Богъ неправду мститъ,
И вамъ стенаніе невинныхъ отплатитъ?
Иль вы забыли тò, что время скоротечно
И что и на землѣ намъ счастіе не вѣчно?
Неправду видитъ Богъ, и внемлетъ бѣдныхъ стонъ;
Чтó вы ни мыслите, о всёмъ извѣстенъ Онъ;
А чтó творите вы, такъ тò и люди знаютъ,
Которые отъ васъ отчаянно стонаютъ.

IV.

ИЗЪ ТРАГЕДИИ „ДИМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ“.

ДѢЙСТВІЕ II, ЯВЛЕНІЕ I.

ГЕОРГІЙ И КСЕНІЯ.

КСЕНІЯ.

Блаженъ на свѣтѣ тотъ порфироносный мужъ,
Который не тѣснитъ свободы нашихъ душъ,
Кто пользой общества себя превозвышаетъ
И снисхожденіемъ санъ царскій украшаетъ,
Даруя подданнымъ благополучны дни,
Страшатся коего злодѣи лишь одни.

ГЕОРГІЙ.

О ты, нечальный Кремль! сталъ нынѣ ты свидѣтель,
Что днесь низвержена съ престола добродѣтель.
Томящаясь Москва въ уныніи дрожитъ;
Блаженство въ горести изъ стѣнъ ея бѣжитъ;
Дни свѣтлы кажутся густой темнѣе нощи;
Прекрасны вкругъ Москвы покрыты мракомъ рощи.
Когда торжественный шумитъ во градѣ звонъ,
Намъ мнится, что твердитъ онъ града общій стонъ
И церкви нашея паденье возвѣщаетъ,
Которое она отъ папы ощущаетъ.
О Боже, ужасъ сей отъ Россовъ отведи!
Уже разносится молва на площади,
Что Климентъ обѣщалъ на небеси награду
Мятежникамъ, врагамъ отеческому граду
И что имъ всѣ грѣхи прощаетъ напередъ.
Постраждетъ такъ Москва, какъ страждетъ Новый Свѣтъ!
Тамъ кровью землю всю нанисты обагрили,
Побили жителей, оставшихъ разорили,
Средь ихъ отечества стремясь невинныхъ жечь,
Въ рукѣ имѣя крестъ, въ другой—кровавый мечъ.
Что съ ними дѣлалось въ незапной ихъ судьбинѣ,
Отъ папы будетъ тó тебѣ, Россія, нынѣ!

КСЕНІЯ.

Всѣ силы пагубны—Димитрій, Климентъ, адъ —
Изъ сердца моего тебя не истребятъ!
О Небо, удали свирѣпство папской власти,
А съ нимъ и Ксеніи несносныя напасти,
Дабы свою главу Россія подняла,
А я бъ супругою любовнику была!
Дай намъ увидѣти монарха на престолѣ,
Подвластна истинѣ—не беззаконной волѣ!
Увяла правда вся; тирану весь законъ —
Едино только тó, чего желаетъ онъ;
А праведныхъ царей, для ихъ безсмертной славы,
На счастьи подданныхъ основаны уставы.
Намѣстникъ Божества быть долженъ государь.
Рази, губи меня, немилосердый царь!
Изъ Тартара тебя Мегера возметала,
Кавказъ тебя родилъ, Ирканія питала.
Извержетъ еретикъ, толпой своихъ рабовъ,
Тѣла святыхъ мужей, ругаясь, изъ гробовъ.
Въ Россіи имена ихъ вѣчно сокрушатся,
И домы Божіи въ Москвѣ опустошатся.
Народъ, сорви вѣнецъ съ главы творца злыхъ мукъ,
Спѣши, исторгни скиптръ изъ варваровыхъ рукъ!

ЯВЛЕНІЕ VII.

ДИМИТРІЙ (*одинъ*).

Нетвёрдо на главѣ моей лежитъ вѣнецъ —
И близокъ моего величія конецъ.
Повсеминутно жду незапныя премѣны.

О, устрашающи меня Кремлёвы стѣны!
Мнѣ мнится, что всякъ часъ вѣщаете вы мнѣ:
„Злодѣй, ты врагъ, ты врагъ и намъ, и всей странѣ!"
Гласятъ граждане: „мы тобою разорённы!"
А храмы вопіютъ: „мы кровью обагрённы!"
Уныли вкругъ Москвы прекрасныя мѣста,
И адъ изъ пропастей разверзъ на мя уста;
Во преисподнюю зрю мрачныя ступени —
И вижу въ Тартарѣ мучительскія тѣни;
Уже въ геєннѣ я — и въ пламени горю;
Воззрю-ль на небеса — селенья райски зрю:
Тамъ добрые цари природы всей красою,
И ангелы кропятъ ихъ райскою росою;
А мнѣ, отчаянну, на что надежда днесь!
Въ вѣкъ буду мучиться, какъ мучуся я здѣсь.
Не вѣнценосецъ я въ великолѣпномъ градѣ,
Но беззаконникъ злой, терзаемый во адѣ.
Я гибну, множество народа погубя.
Бѣги, тиранъ, бѣги! Кого бѣжать?—себя:
Не вижу никого другого предъ собою.
Бѣги! куда бѣжать?—твой адъ вездѣ съ тобою!
Убійца здѣсь — бѣги! Но я — убійца сей!
Страшуся самъ себя и тѣни я моей.
Отмщу! Кому? — себѣ... себя-ль возненавижу?
Люблю себя, люблю — за что? — того не вижу.
Всё вопитъ на меня: грабёжъ, неправый судъ,
Всѣ страшныя дѣла — всѣ купно вопіютъ.
Живу къ несчастію, умру ко счастью ближнихъ.
Завидна участь мнѣ людей и самыхъ нижнихъ:
И нищій въ бѣдности спокоенъ иногда.
А я здѣсь царствую — и мучуся всегда.
Терпи и погибай, воссѣдъ на тронъ обманомъ!
Гони и будь гонимъ! живи, умри тираномъ!

ДѢЙСТВІЕ V, ЯВЛЕНІЕ I.

ДИМИТРІЙ (*одинъ*).

Довольно я терплю душевныхъ огорченій!
Не умножайте вы, мечты, моихъ мученій!
Мнѣ всё приснилося, чѣмъ страшенъ мнѣ сей градъ,
И весь передъ меня предсталъ ужасный адъ.
(*Слышенъ колоколъ.*)
Въ набатъ біютъ! Сему біенью что причина?
Въ сей часъ, въ сей страшный часъ пришла моя кончина!
О ночь! о грозна ночь! о ты, противный звонъ!
Вѣщай мою бѣду, смятеніе и стонъ!
Трепещетъ духъ во мнѣ: сего не зналъ я прежде!
Объятъ отчаяньемъ—и нѣтъ путей къ надеждѣ.
Домъ царскій зыблется, колеблется чертогъ...
О, Боже!... Но меня оставилъ вѣчно Богъ,
А люди моего гнушаются и виду.
Смотрю прибѣжища—не зрю: въ геенну сниду.
Во преисподнюю ступай, душа моя!
Правитель естества, и тамъ рука Твоя!
Исторгнешь мя на судъ изъ адскія утробы,
Суди и осуждай за всѣ творимы злобы!
И человѣчества я врагъ, и божества:
Противъ я шёлъ тебя, противъ и естества.
Весь воздухъ восшумѣлъ: враги вооруженны
У стѣнъ моихъ палатъ ярятся приближенны;
А я безсильствую, ихъ наглости внемля.
Всё, всё противъ меня: и небо, и земля!
О градъ, которымъ я ужъ больше не владѣю,
Достанься ты по мнѣ такому же злодѣю!

М. М. ХЕРАСКОВЪ.

Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ, авторъ „Россіады", родился 25-го октября 1733 года. Отецъ его, сынъ валахскаго выходца, выселившагося въ Россію при Петрѣ Великомъ, служилъ въ кавалергардахъ. Благодаря его хлопотамъ, молодой Херасковъ былъ записанъ, въ исходѣ 1743 года, въ сухопутный шляхетный кадетскій корпусъ, гдѣ, въ теченіе семи лѣтъ, обучался разнымъ наукамъ и языкамъ, а въ 1751 году выпущенъ поручикомъ въ Ингерманландскій пѣхотный полкъ, въ которомъ прослужилъ до 1754 года. Оттуда онъ былъ переведёнъ въ Коммерцъ-коллегію, съ переименованіемъ въ титулярные совѣтники, а въ 1755 году, при учрежденіи Московскаго университета, зачисленъ въ его штатъ, въ чинѣ коллежскаго ассесора; затѣмъ, въ 1761 году, произведёнъ въ надворные совѣтники, а въ 1763 — назначенъ директоромъ университета. Въ 1770 году онъ оставилъ службу въ университетѣ, и былъ переведёнъ вице-президентомъ въ Бергъ-коллегію, въ которой и прослужилъ до 1775 года, послѣ чего вышелъ въ отставку, съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Но черезъ три года онъ былъ снова вызванъ на службу изъ своего уединенія и назначенъ кураторомъ Московскаго университета. Эту послѣднюю должность Херасковъ занималъ цѣлыхъ двадцать-четыре года, то-есть до преобразованія университета въ 1802 году, и въ теченіе этого времени былъ произведёнъ въ тайные (1796) и въ дѣйствительные тайные совѣтники (1799) и награждёнъ орденомъ Св. Владиміра 2-го класса (1786) и Св. Анны 1-й степени (1799). По увольненіи отъ должности куратора, Херасковъ

жилъ въ отставкѣ до самой смерти, послѣдовавшей 27-го сентября 1807 года.

Ещё будучи кадетомъ, Херасковъ, подъ вліяніемъ господствовавшаго тогда въ корпусѣ стремленія къ литературѣ и подъ руководствомъ плодовитѣйшаго изъ поэтовъ того времени Сумарокова, началъ сочинять мелкія стихотворенія, изъ которыхъ нѣкоторыя были напечатаны въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ", журналѣ, издаваемомъ профессоромъ Академіи Наукъ Миллеромъ, съ 1754 по 1765 годъ. Затѣмъ онъ самъ задумалъ сдѣлаться журналистомъ, и въ теченіе трёхъ лѣтъ, начиная съ 1760 года, издавалъ журналъ „Полезное Увеселеніе", а съ 1763 — „Свободные Часы", страницы которыхъ почти исключительно наполнялись его собственными стихами. Что же касается отдѣльныхъ изданій его сочиненій, то вотъ ихъ списокъ въ хронологическомъ порядкѣ: „Плоды Наукъ", поэма въ 3-хъ пѣсняхъ (1757); „Венеціянская монахиня", трагедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ (1758); „Храмъ Славы", поэма (1761); „Басни" (1764); „Мартезія" и „Фалестра", двѣ трагедіи, каждая въ 5-ти дѣйствіяхъ (1765); „Новыя философическія пѣсни" (1767); „Нума Помпилій" (1768); „Селимъ и Селима", поэма, и „Ненавистникъ", комедія (1770); „Чесменскій бой", поэма въ 5-ти пѣсняхъ (1771); „Бориславъ", трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ (1774); „Россіада", ироическая поэма въ 12-ти пѣсняхъ (1779); „Владиміръ возрождённый", эпическая поэма въ 18-ти пѣсняхъ (1785); „Кадмъ и Гармонія", повѣсть въ прозѣ, въ 2-хъ частяхъ (1789); „Полидоръ, сынъ Кадма и Гармоніи", повѣсть въ прозѣ (1794); „Пилигримы или искатели счастья", поэма въ 6-ти пѣсняхъ (1795); „Царь или спасённый Новгородъ", поэма въ 7-ми пѣсняхъ (1800), и „Бахаріана или Неизвѣстный", эпическая поэма въ 14-ти пѣсняхъ (1803).

Не смотря на всю искусственность поэзіи Хераскова, современники высоко цѣнили его поэмы и находили стихи его верхомъ изящества и чудомъ гармоніи, при чёмъ особенно выхваляли слѣдующіе два стиха изъ „Россіады":

> И въ солнцѣ, и въ лунѣ есть тёмныя мѣста...
> Тамъ зримы въ воздухѣ вѣщаемы слова...

Но въ настоящее время трудно восхищаться поэмами Хераскова, хотя нельзя не сказать, что и въ нихъ встрѣчаются мѣста поэтическія, преимущественно—описанія природы. Подобно всѣмъ своимъ современникамъ-поэтамъ, Херасковъ вовсе не заботился о вѣрномъ изображеніи жизни и дѣятельности, поставивъ для себя единственною задачею — приближаться, насколько возможно, къ французскимъ писателямъ-образцамъ изъ такъ-называемой классической школы, слѣдовавшей рабски правиламъ, начертаннымъ въ кодексѣ Буало:— „L'art poétique".

I.

ИЗЪ ПОЭМЫ „РÓССІАДА".

Пою отъ варваровъ Россію свобождённу,
Попранну власть татаръ и гордость побѣждённу,
Движенье древнихъ силъ, труды, кровову брань,
Россіи торжество, разрушенну Казань!
Изъ круга сихъ времёнъ, спокойнныхъ лѣтъ начало,
Какъ свѣтлая заря, въ Россіи возсіяло.
О ты, витающій превыше свѣтлыхъ звѣздъ,
Стихотворенья духъ! приди отъ горнихъ мѣстъ,
На слабое моё и тёмное творенье
Пролей твои лучи, искусство, озаренье!
Отверзи, вѣчность, мнѣ селеній тѣхъ врата,
Гдѣ вся отвержена земная суета;
Гдѣ души праведныхъ награду обрѣтаютъ;
Гдѣ славу, гдѣ вѣнцы тщетою почитаютъ;
Передъ усыпаннымъ звѣздами алтарёмъ,
Гдѣ рядомъ предстоитъ послѣдній рабъ съ царёмъ;
Гдѣ бѣдный нищету, несчастный скорбь забудетъ;
Гдѣ каждый человѣкъ другому равенъ будетъ.
Откройся, вѣчность, мнѣ—да лирою моей
Вниманье привлеку народовъ и царей!

—

Въ пещерахъ внутреннихъ кавказскихъ льдистыхъ горъ,
Куда не досягалъ отважный смертныхъ взоръ,
Гдѣ мразы вѣчный сводъ прозрачный составляютъ
И солнечныхъ лучей паденье притупляютъ,
Гдѣ молнія мертва, гдѣ цѣпенѣетъ громъ,
Изсѣченъ изо льда стоитъ обширный домъ.
Тамъ бури, тамо хладъ, тамъ вьюги, непогоды;
Тамъ царствуетъ зима, снѣдающая годы.
Сія жестокая другихъ времёнъ сестра
Покрыта сѣдиной, проворна и бодра.
Соперница весны и осени, и лѣта,
Изъ снѣга сотканной порфирою одѣта;
Висосомъ служатъ ей замерзшіе пары.
Престолъ имѣетъ видъ алмазныя горы;
Великіе столпы, изъ льда сооружённы,
Сребристый мещутъ блескъ, лучами озарённы;
По сводамъ солнечно сіяніе скользитъ,
И кажется тогда—громада льдовъ горитъ.

Стихія каждая движенья не имѣетъ:
Ни воздухъ тронуться, ни огнь пылать не смѣетъ.
Тамъ пёстрыхъ нѣтъ полей—сіяютъ между льдовъ
Однѣ замёрзлыя испарины цвѣтовъ;
Вода, растоплена надъ сводами лучами,
Окаменѣвъ, виситъ волнистыми слоями;
Тамъ зримы въ воздухѣ вѣщаемы слова,
Но всё застужено, натура вся мертва;
Единый трепетъ, дрожь и знобы жизнь имѣютъ;
Гуляютъ инеи, зефиры тамъ нѣмѣютъ,
Мятели вьются вкругъ и производятъ бѣгъ,
Морозы царствуютъ на мѣсто лѣтнихъ нѣгъ;
Развалины градóвъ тамъ льды изображаютъ,
Единымъ видомъ кровь которы застужаютъ;
Стѣснённы мразами, составили снѣга
Сребристые бугры, алмазные луга.
Оттолѣ къ намъ зима державу простираетъ,
Въ поляхъ траву, цвѣты въ долинахъ пожираетъ
И соки жизненны древесные сосётъ,
На хладныхъ крыліяхъ морозы къ намъ несётъ,
День гонитъ прочь отъ насъ, печальныя длитъ ночи
И солнцу отвращать велитъ свѣтящи очи.
Её со трепетомъ лѣса и рѣки ждутъ,
И стужи ей ковры изъ бѣлыхъ волнъ прядутъ.

II.

ИЗЪ ПОЭМЫ
„ВЛАДИМІРЪ ВОЗРОЖДЕННЫЙ“.

Вдохни небесное мнѣ, муза, восхищенье,
Владимірово пѣть святое просвѣщенье,
Которымъ древняя полночная страна,
Какъ солнцемъ съ высоты, до-днесь озарена!
Владиміръ свой народъ преобразилъ, прославилъ,
Кумировъ истребилъ и Богу храмъ поставилъ.
О, духъ мой! плавая въ пучинѣ суеты,
Когда ты не лишёнъ небесной чистоты —
Какъ голубь полетѣлъ изъ Ноева ковчега,
Его пернатостью бѣлѣй и чище снѣга,
Предобразующій земли съ водою миръ—
Лети, крылатый духъ, быстрѣе, чѣмъ зефиръ!
Дерзай, пари, пройди пространный шаръ весь
земный,
И масличную вѣтвь внеси въ ковчегъ мой темный.
Рцы, Господи, мнѣ рцы: „въ тебѣ да будетъ свѣтъ!“
И важну пѣснь мой духъ во свѣтѣ воспоётъ.
А ты, священный князь, Россіи просвѣтитель,
Какъ вѣры былъ святой, — мнѣ буди предводитель!
Довольно представить мнѣ и терны, и цвѣты,
По коимъ шествовалъ въ небесной славѣ ты.
Клонился къ вѣчности уже десятый вѣкъ,
Какъ въ мірѣ возсіялъ и Богъ, и Человѣкъ;
Сивиллы древнія оракулы молчали,
Додонскіе лѣса жрецамъ не отвѣчали;
Но Кіевъ, истины взирая на лучи,
Дремалъ безбожнаго невѣрія въ ночи.
Какъ-будто былъ Творецъ никѣмъ незнаемъ въ
міре,
Являлся тамо Богъ въ безчувственномъ кумирѣ;
То сонная была и мутная вода,
Въ которой небеси не видно никогда.

—

Между песчаныхъ горъ, гдѣ бурный Днѣпръ свои
Влечетъ сквозь тростники шумящія струи,
Томленны жаждою долины орошаетъ
И шумомъ пѣсни птицъ въ дубравахъ заглушаетъ,
Со брегу надъ водой угрюмый лѣсъ нависъ
И выдался въ рѣку крутой, безплодный мысъ—
Видна глубокая кремнистая пещера;
Кругомъ ея растётъ кудрявая гедера;
Изсохши древеса дрожащу мещутъ тѣнь.
Пещеру никогда не посѣщаетъ день:
Тамъ, кажется, ночныхъ жилище привидѣній,
Убѣжище тоски, вертепъ печальныхъ мнѣній;
Тамъ вѣчный одръ себѣ устроилъ томный сонъ,
И скука мрачная соорудила тронъ;
Тамъ царствуютъ всегда нахмурены туманы,
Слетаются кругомъ стадами черны враны.
Зломіръ тамъ обиталъ, безбожный чародѣй,
Врагъ неба, врагъ земли, врагъ Бога, врагъ людей;
Во чернокнижіи искусенъ былъ глубокомъ:
Именовался онъ у кіевлянъ пророкомъ;
Въ пещерѣ съ сонмищемъ бесѣдовалъ духовъ
Защитникъ идоловъ, и другомъ былъ жрецовъ.
Тамъ человѣчіи изсохши кости видны,
Шипящіи змѣй и лютыя ехидны;
Тамъ ненависть,—людей, ни Бога не любя,—
Терзаетъ грудь свою и ѣстъ сама себя,
Но паки внутренна во скорбяхъ въ ней родится,
И паки пищею злодѣйства становится;
Тамъ злоба рвётъ власы, тамъ бѣдный страхъ
дрожитъ;
Цѣпями совѣсть тамъ окована лежитъ;
Обманъ и лесть сидятъ украшены вѣнцами,
Готовы царствовать надъ слабыми сердцами.
Межъ ними, день и ночь волшебствуя, Зломіръ
Геенской прелестью обворожаетъ міръ.
Изъ сей губительной, подобной аду, бездны
Взираетъ чародѣй въ ночи на круги звѣздны.

—

Изъ тьмы сгустившейся престолъ его устроенъ.
На немъ сидящій царь быть думаетъ спокоенъ,
Повсюду сѣя зло, спокоенъ чаетъ быть;
Но тотъ ли счастливъ есть, не можетъ кто любить?
Не можетъ кто любить, а только ненавидѣть,
Бѣды и вредъ творить, добра не хочетъ видѣть?
Кометѣ пламенной его подобенъ зракъ;
Одежда—бурный вихрь, а плоть—сгущённый мракъ;
Какъ громы, рѣчь его; сверкающія очи
Подобны молніямъ среди глубокой ночи;
Въ нёмъ сердце есть гора, дышащая огнёмъ,
Какъ искры, мечуща лежащи злости въ нёмъ;
Убійство—взоръ его, дыханіе—отрава,
Утѣха—общій плачъ, мучительство—забава.
Но злобный міра князь хоть мраками одѣтъ,
Пріемлетъ кроткій видъ, являетъ ложный свѣтъ:
Сей свѣтъ есть татское у неба похищенье,
Ввергающе людей во тьму и развращенье.
Нерѣдко въ молніяхъ, во буряхъ и въ пыли
Распростирается князь міра по земли,
Въ туманахъ кроется, въ перунахъ поражаетъ,
Въ дубравахъ нимфамъ онъ зовущимъ подражаетъ,
Во мрежи онъ влечётъ повсюду смертныхъ родъ,
Таится въ тьмѣ ночной, таится въ нѣдрѣ водъ;
Крылами воздухъ весь невидимо объемлетъ;
Онъ смотритъ внутрь сердецъ, слова людскія внемлетъ,
И душу слабую едва примѣтитъ онъ, —
Вселяется въ неё и въ ней поставитъ тронъ.

Д. И. ФОНВИЗИНЪ.

Денисъ Ивановичъ Фонвизинъ, авторъ „Недоросля", родился 3-го апрѣля 1744 года въ Москвѣ. Родъ Фонвизиныхъ — не коренной русскій, хотя и совершенно обрусѣвшій въ своёмъ новомъ отечествѣ. Предки ихъ были рыцарями ордена Меченосцевъ. Пётръ Фонъ-Визенъ, взятый въ плѣнъ во время ливонской войны, въ царствованіе Іоанна Грознаго, былъ водворёнъ въ Москвѣ и, поневолѣ, сдѣлался подданнымъ русскаго царя, сохранивъ свою вѣру. Но уже внукъ его, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, принялъ православіе и названъ при крещеніи Аѳанасіемъ. Съ тѣхъ поръ потомки плѣннаго рыцаря, утрачивая всё болѣе и болѣе черты своей прежней національности, стали даже самую частицу *фонъ* писать слитно съ своей фамиліей. Такъ писалась она впослѣдствіи и во всѣхъ жалованныхъ грамотахъ, хранящихся въ родѣ Фонвизиныхъ. Отецъ Дениса Ивановича, Иванъ Андреевичъ, служилъ въ Ревизіонъ-коллегіи и имѣлъ собственный домъ въ Москвѣ, недалеко отъ университета. Это былъ человѣкъ умный, но не получившій надлежащаго образованія. Подъ его-то руководствомъ воспитанъ молодой Фонвизинъ, а затѣмъ отецъ рѣшился отдать мальчика въ гимназію, незадолго предъ тѣмъ открытую при Московскомъ университетѣ. Фонвизинъ успѣлъ вынести изъ гимназіи кое-какія познанія въ латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, а также въ словесныхъ наукахъ. Затѣмъ, на торжественномъ актѣ, происходившемъ 26-го апрѣля 1759 года, въ присутствіи всѣхъ московскихъ сановниковъ, Фонвизинъ былъ *произведёнъ* въ студенты Московскаго университета. Факультетъ, избранный имъ, былъ философскій. Одинъ изъ профессоровъ этого факультета — Рейхель, авторъ „Исторіи о Японскомъ государствѣ" и издатель журнала „Собраніе лучшихъ сочиненій", обратилъ вниманіе на своего даровитаго слушателя и поручилъ ему переводъ четырехъ статей для своего журнала: „О зеркалахъ древнихъ", „Торгъ семи музъ", „О приращеніи рисовальнаго художества" и „О дѣйствіи и существѣ стихотворства", которыя и были напечатаны въ журналѣ. Затѣмъ Фонвизинъ сдѣлалъ переводъ басенъ Гольберга для одного московскаго книгопродавца, и получилъ отъ него за трудъ, вмѣсто условленнаго гонорара, на 50 рублей иностранныхъ книгъ соблазнительнаго содержанія. Въ это же время, по его собственному свидѣтельству, онъ написалъ нѣсколько сатиръ, наполненныхъ „острыми ругательствами"; къ сожалѣнію, эти первые опыты молодаго писателя не дошли до насъ, за исключеніемъ басни „Лиса-казнодѣй", которую читатель найдётъ въ нашемъ изданіи. Къ этому же времени относятся его переводы „Овидіевыхъ превращеній" и „Альзиры" Вольтера. Послѣдній переводъ, сдѣланный стихами, надѣлалъ, по свидѣтельству самого Фонвизина, много шуму въ Москвѣ, конечно благодаря имени Вольтера. Въ 1762 году Фонвизинъ окончилъ курсъ, послѣ чего отправился въ Петербургъ, и опредѣлился тамъ на службу въ Иностранную коллегію переводчикомъ съ латинскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ. Ознакомившись короче съ французскимъ языкомъ, онъ принялся за французскихъ писателей XVIII столѣтія — и вскорѣ полюбилъ ихъ всею душою, обольщённый ихъ занимательностью, жаромъ и остроуміемъ. Начитавшись Вольтера, Руссо, Дидро и другихъ энциклопедистовъ,

онъ невольно проникнулся ихъ матеріализмомъ и скептическимъ образомъ мыслей и, подъ ихъ вліяніемъ, написалъ извѣстное „Посланіе къ слугамъ моимъ Шумилову,Ванькѣ и Петрушкѣ", исполненное сомнѣній относительно важнѣйшихъ вопросовъ жизни. Но доморощенный атеизмъ недолго царилъ въ умѣ и сердцѣ Фонвизина. Нѣсколько поѣздокъ въ Москву, гдѣ скептицизмъ его не только не находилъ поддержки, а, напротивъ, встрѣчалъ одинъ суровый отпоръ, гдѣ поминутно возникали въ душѣ его воспоминанія дѣтства, осмѣянныя, но ничѣмъ основательно не разрушенныя — всё это, взятое вмѣстѣ, мало-по-малу разсѣяло тучи, нависшія надъ нимъ, и водворило прежній миръ въ душѣ его. Въ 1766 году Фонвизинъ окончилъ свою первую оригинальную комедію „Бригадиръ". Всѣ, слышавшіе комедію, приходили отъ нея въ восторгъ, и вскорѣ молва о ней дошла до императрицы. Приглашённый въ Петергофъ, Фонвизинъ прочёлъ свою пьесу государынѣ — и былъ удостоенъ самаго милостиваго вниманія. Съ этой минуты молодой писатель сдѣлался предметомъ общаго вниманія. Великій князь Павелъ Петровичъ, графы Панины, графы Чернышовы, графъ Строгановъ, графъ Шуваловъ, графиня Румянцова — всѣ наперерывъ желали видѣть автора и слышать его пьесу. Остроумная насмѣшка, составлявшая всю силу писателей XVIII вѣка, привилась къ Фонвизину тѣмъ легче, что въ его собственной природѣ было много расположенія къ сатирѣ. Какъ мнѣніе современника, интересно сужденіе о пьесѣ Фонвизина графа Н. И. Панина, одного изъ умнѣйшихъ людей вѣка Екатерины. „Я вижу", сказалъ онъ автору: „что вы очень хорошо нравы наши знаете, ибо бригадирша ваша всѣмъ родня; никто сказать не можетъ, что такую же Акулину Тимоѳеевну не имѣетъ — или бабушку, или тётушку, или какую-нибудь свойственницу". Въ декабрѣ 1769 года графъ Панинъ перечислилъ Фонвизина въ свой штатъ, въ которомъ онъ и оставался до самой смерти графа, при чёмъ отношенія ихъ были до конца самыя дружественныя. Въ 1774 году Фонвизинъ женился на вдовѣ Хлоповой, а въ 1777 — отправился, вмѣстѣ съ женою, за границу. Плодомъ этой первой поѣздки были извѣстныя письма его къ графу Панину, содержащія въ себѣ изображеніе тогдашняго французскаго общества и дышащія то горячимъ негодованіемъ, то простодушно-язвительною насмѣшкою. За границей Денисъ Ивановичъ держалъ себя, какъ знатный человѣкъ, и водилъ знакомство съ мѣстными аристократами, русскими посланниками и знаменитѣйшими изъ ученыхъ и литераторовъ. Въ промежутокъ между первымъ и вторымъ путешествіемъ онъ написалъ „Недоросля", имѣвшаго ещё болѣе успѣха, чѣмъ „Бригадиръ". Всѣ восхищались комедіей, и даже самъ Потёмкинъ не могъ скрыть своего восторга, сказавъ: „умри, Денисъ: ты не создашь ничего лучшаго". „Выборъ гувернёра" и другіе драматическіе отрывки, появившіеся послѣ „Недоросля" — не болѣе какъ блѣдныя копіи первыхъ комедій. Въ 1784—85 годахъ Фонвизинъ совершилъ своё второе заграничное путешествіе, при чёмъ объѣхалъ всю Италію. Въ маѣ 1785 года онъ покинулъ Венецію, а въ августѣ того же года уже былъ въ Москвѣ, гдѣ, тотчасъ по пріѣздѣ, ударъ паралича лишилъ его руки и ноги, и свободнаго употребленія языка. Весною 1786 года онъ снова отправился за границу съ спеціальною цѣлью поправить здоровье; но ни эта поѣздка, ни поѣздка въ 1789 году въ Ригу и Митаву, нисколько не облегчили его болѣзни, и утраченное здоровье уже болѣе не возвращалось къ нему. По смерти графа Панина, въ 1783 году, Фонвизинъ недолго находился на дѣйствительной службѣ—и въ чинѣ статскаго совѣтника вышелъ въ отставку. Въ 1788 году талантъ Фонвизина вспыхнулъ-было въ послѣдній разъ новою, живою искрою: онъ задумалъ изданіе сатирическаго журнала, подъ названіемъ „Другъ честныхъ людей или Стародумъ". Уже нѣсколько статей было заготовлено для задуманнаго журнала и даже объявленіе о скоромъ выходѣ его печаталось въ типографіи, какъ вдругъ, совершенно неожиданно для Фонвизина, было получено имъ увѣдомленіе отъ петербургской полиціи, что изданіе журнала не можетъ быть разрѣшено. Это обстоятельство показало ясно Фонвизину, что императрица перестала благоволить къ нему. Поводомъ къ неудовольствію государыни послужило написанное для великаго князя Фонвизинымъ, по порученію графа Панина, политическое разсужденіе, въ которомъ былъ затронутъ основной принципъ нашего государственнаго устройства. Узнавъ объ этомъ, императрица, обратясь къ своимъ приближённымъ, сказала: „плохо мнѣ приходитъ жить: ужъ и господинъ Фонвизинъ хочетъ учить меня царствовать!" Всѣ эти неудачи и непріятности сильно вліяли на здоровье Дениса Ивановича, и безъ того сильно разстроенное. Послѣдніе годы своей жизни онъ не могъ ни ходить безъ чьей-либо помощи, ни гово-

рить сколько-нибудь внятно. Вотъ какъ описываетъ его И. И. Дмитріевъ, видѣвшій его за день до смерти: „Въ шесть часовъ пополудни пріѣхалъ Фонвизинъ. Увидя его въ первый разъ, я вздрогнулъ и почувствовалъ всю бѣдность и нищету человѣческую. Онъ вступилъ въ кабинетъ Державина, поддерживаемый двумя молодыми офицерами, выпущенными изъ шкловскаго кадетскаго корпуса и пріѣхавшими съ нимъ изъ Бѣлоруссіи. Уже онъ не могъ владѣть одною рукою; равно и одна нога одеревенѣла: обѣ поражены были параличемъ; говорилъ съ крайнимъ усиліемъ, и каждое слово произносилъ голосомъ охриплымъ и дикимъ; но большіе глаза его быстро сверкали. Первый брошенный на меня взглядъ привёлъ меня въ смятеніе. Разговоръ не замѣшкался. Мы разстались съ нимъ въ одиннадцать часовъ вечера, а на утро онъ былъ уже въ гробѣ“. Фонвизинъ скончался 1-го декабря 1792 года въ Петербургѣ, не оставивъ послѣ себя дѣтей. Кромѣ упомянутыхъ выше сочиненій и переводовъ, Фонвизинъ написалъ ещё слѣдующія пьесы: „Коріонъ“, комедія въ трёхъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, передѣланная изъ Грессе (1764), „Торгующее дворянство, противуположное дворянству военному“ (1766), „Сидней и Салли, англійская повѣсть“ (1769), „Калисѳенъ, греческая повѣсть“ (1770), „Слово похвальное Марку Аврелію, соч. Томаса“ (1777), „Поученіе, говорённое въ Духовъ день іереемъ Василіемъ“ (1783), „Всеобщая придворная грамматика“ (1783) и „Чистосердечное признанье“ (1792). Всѣхъ изданій полнаго собранія сочиненій Фонвизина — девять: 1) Собраніе сочиненій Д. И. Фонъ-Визина. 2 части. М. 1829. Весьма плохое изданіе. 2) Собраніе оригинальныхъ драматическихъ сочиненій и переводовъ Д. И. Фонъ-Визина. 3 части. М. 1830. Тоже плохое изданіе. 3) и 4) Полное Собраніе сочиненій Д. И. Фонъ-Визина. 4 части. М. 1830. Тоже. Изданіе второе. М. 1838. Лучшее изъ всѣхъ изданій, за исключеніемъ послѣдняго (Ефремова), составлено П. П. Бекетовымъ. 5) 6) и 7) Сочиненія Фонъ-Визина. Изданіе А. Смирдина. Спб. 1846. Тоже, изданіе второе. Спб. 1847. Тоже, изданіе третье. Спб. 1852. Всѣ три изданія сдѣланы крайне небрежно. 8) Избранныя сочиненія Д. И. Фонвизина. Изданіе Перевлѣсскаго. Спб. 1858. Изданіе хорошее, но не полное. 9) Сочиненія, письма и избранные переводы Д. И. Фонъ-Визина. Изданіе Глазунова. Редакція П. А. Ефремова. Спб. 1866. Самое полное изъ всѣхъ.

I.

КЪ УМУ МОЕМУ.

Къ тебѣ, о разумъ мой, я слово обращаю!
Я болѣе тебя уже не защищаю.
Хоть въ свѣтѣ больше всѣхъ я самъ себя люблю,
Но склонностей своихъ я больше не терплю.
Къ чему ты глупости людскія примѣчаешь?
Иль ты исправить ихъ собой предпринимаешь?
Но льзя ль успѣху быть въ намѣреньѣ такомъ?
Останется дуракъ навѣки дуракомъ.
Скажи, какія ты къ тому имѣешь правы,
Чтобъ прочихъ исправлять и разумы, и нравы?
Всѣ склонности твои прилежно разобравъ,
Увидѣлъ ясно я, что ты и самъ неправъ.
Ты хочешь здѣшніе обычаи исправить;
Ты хочешь дураковъ въ Россіи поубавить,
И хочешь убавлять ты ихъ въ такіе дни,
Когда со всѣхъ сторонъ стекаются они,
Когда безъ твоего полезнаго совѣта
Возами ихъ везутъ со всѣхъ предѣловъ свѣта.
Отвсюду сей товаръ безъ пошлины идётъ
И прибыли казнѣ ни малой не даётъ.
Когда бы съ дураковъ здѣсь пошлина сходила,
Одна бы Франція казну обогатила.
Сколь много тысячей сбиралося бы въ годъ!
Таможенный бы сборъ былъ первый здѣсь доходъ.
Но, видно, мы за то съ нихъ пошлинъ не сбираемъ,
Что сами сей товаръ къ французамъ отправляемъ.
Казалось бы, что сей взаимный договоръ
Французамъ доставлялъ такой же малый сборъ;
Но нѣтъ: у насъ о томъ совсѣмъ не помышляютъ,
Что подати тамъ съ насъ другія собираютъ.
Во Франціи тарифъ извѣстенъ намъ каковъ:
Чтобъ быть французскими изъ русскихъ дураковъ!

II.

ПОСЛАНІЕ КЪ СЛУГАМЪ МОИМЪ: ШУМИЛОВУ, ВАНЬКѢ И ПЕТРУШКѢ.

Скажи, Шумиловъ, мнѣ: на что сей созданъ свѣтъ?
И какъ мнѣ въ ономъ жить, подай ты мнѣ совѣтъ.
Любезный дядька мой, наставникъ и учитель,
И денегъ, и бѣлья, и дѣлъ моихъ рачитель,
Боишься Бога ты, боишься сатаны:
Скажи, прошу тебя, на что́ мы созданы?
На что́ сотворены медвѣдь, сова, лягушка?
На что́ сотворены и Ванька, и Петрушка?
На что́ ты созданъ самъ, скажи, Шумиловъ, мнѣ?

На тó ли, чтобъ свой вѣкъ провёлъ ты въ крѣпкомъ снѣ?
О, таинство, отъ насъ сокрытое судьбою!
Трясёшь, Шумиловъ, ты сѣдой своей главою:
„Не знаю“, говоришь: „не знаю я того—
Мы созданы на свѣтъ и кѣмъ, и для чего.
Я знаю то, что намъ быть должно вѣкъ слугами
И вѣкъ работать намъ руками и ногами;
Что долженъ я смотрѣть за всей твоей казной,
И помню только тó, что власть твоя со мной.
Я знаю, что я мужъ твоей любезной няньки;
На чтó сей созданъ свѣтъ, изволь спросить у Ваньки“.
Къ тебѣ я обращу теперь мои слова,
Широкія плечà, большая голова,
Малѣйшаго ума пространная столица!
Во области твоей кони́ и колесница,
И стало, наконецъ, угодно небесамъ,
Чтобъ слушался тебя извощикъ мой и самъ.
На свѣтску суету вседневно ты взираешь
И, стоя назади, Петрополь обтекаешь;
Готовься на вопросъ мудрёный дать отвѣтъ;
Вѣщай, великій мужъ, на что сей созданъ свѣтъ?
Какъ тучи ясный день внезапно помрачаютъ,
Такъ Ванькинъ ясный взоръ слова мои смущаютъ.
Сомнѣніе его тревожить начало;
Наморщились его и харя, и чело;
Вѣщаетъ съ гнѣвомъ мнѣ: „На всё твои затѣи
Не могутъ отвѣчать и сами грамотеи.
И мнѣ ль о томъ судить, когда мои глаза
Не могутъ отличить отъ ижицы азà!
Съ утра до вечера держася на каретѣ,
Мнѣ тряско разсуждать о Богѣ и о свѣтѣ;
Неловко помышлять о томъ и во дворцѣ,
Гдѣ часто я стою смиренно на крыльцѣ,
Откуда каждый часъ друзей моихъ гоняютъ
И палочьемъ гостей къ каретамъ провожаютъ;
Но если на вопросъ мнѣ должно дать отвѣтъ,
Такъ слушайте жъ, каковъ мнѣ кажется сей свѣтъ.
Москва и Петербургъ довольно мнѣ знакомы:
Я знаю въ нихъ почти всѣ улицы и домы.
Шатаясь пó свѣту и вдоль, и поперёгъ,
Чтó могъ увидѣть я, того не простерёгъ.
Видалъ и трусовъ я, видалъ я и нахаловъ,
Видалъ простыхъ господъ, видалъ и генераловъ;
А чтобъ не завести напрасный съ вами споръ,
Такъ знайте, что весь свѣтъ считаю я за вздоръ.
Довольно на вѣку я свой животъ помучилъ,
И ѣздить назади я истинно наскучилъ.
Извозчикъ, лошади, карета, хомуты
И всё, мнѣ кажется, на свѣтѣ суеты.
Здѣсь вижу мотовство, а тамъ я вижу скупость;
Куда ни обернусь, вездѣ я вижу глупость.
Да сверхъ того ещё примѣтилъ я, что свѣтъ
Столь много времени неправдою живетъ,
Что нѣтъ уже такихъ кащеевъ на примѣтѣ,
Которы бъ истину запомнили на свѣтѣ.
Попы стараются обманывать народъ,
Слуги — дворецкаго, дворецкіе — господъ,
Другъ друга — господа, а знатные бояря
Нерѣдко обмануть хотятъ и государя;
И всякій, чтобъ набить потуже свой карманъ,
За благо разсудилъ приняться за обманъ.
До денегъ лакомы посадскіе, дворяне,
Судьи́, подьячіе, солдаты и крестьяне;
Смиренны пастыри душъ нашихъ и сердецъ
Изволятъ собирать оброкъ съ своихъ овецъ:
Овечки женятся, плодятся, умираютъ,
А пастыри притомъ карманы набиваютъ,
За деньги чистыя прощаютъ всякій грѣхъ,
За деньги множество въ раю сулятъ утѣхъ.
Но если говорить на свѣтѣ правду можно,
То мнѣніе моё скажу я вамъ не ложно:
За деньги самого Всевышняго Творца
Готовы обмануть и пастырь, и овца.
Что дуренъ здѣшній свѣтъ, то всякій понимаетъ;
Да для чего онъ есть, того никто не знаетъ.
Довольно я мололъ, пора и помолчать:
Петрушка, можетъ быть, вамъ станетъ отвѣчать“.
— „Я мысль мою скажу“, вѣщаетъ мнѣ Петрушка:
„Весь свѣтъ, мнѣ кажется, ребятская игрушка;
Лишь только надобно потверже то узнать,
Какъ лучше, живучи, игрушкой той играть.
Чтò нужды, хоть потомъ и возьмутъ душу черти,
Лишь только-бъ удалось получше жить до смерти!
На что молиться намъ, чтобъ далъ Богъ видѣть рай?
Жить весело и здѣсь, лишь ближними играй,
Играй, хоть отъ игры и плакать ближній будетъ,
Щечи его казну — твоя казна прибудетъ;
А чтобъ пріятнѣе ещё казался свѣтъ,
Бери, лови, хватай всё, что ни попадетъ.
Всякъ долженъ своему послѣдовать разсудку:
Чтó ставишь въ дѣло ты, другой то ставитъ въ шутку.
Не часто ль оттого родится всѣмъ бѣда,
Что тѣшиться хотятъ большіе господа,
Которы нашими играютъ господами,
Такъ точно, какъ они играть изволятъ нами?
Создатель твари всей, себѣ на похвалу,
По свѣту насъ пустилъ, какъ куколъ по столу.
Иные рѣзвятся, хохочутъ, пляшутъ, скачутъ,
Другіе морщатся, грустятъ, тоскуютъ, плачутъ.

Вотъ какъ вертится свѣтъ; а для чего онъ такъ,
Не вѣдаетъ того ни умный, ни дуракъ.
Однако ежели какими чудесами
Изволили спознать вы ту причину сами,
Скажите намъ её...“ Симъ рѣчь окончилъ онъ;
За рѣчію его послѣдовалъ поклонъ.
Шумиловъ съ Ванькою, хваля догадку ону,
Отвѣсили за нимъ мнѣ также по поклону —
И трое всѣ они, возвыся громкій гласъ,
Вѣщали: „Не скрывай ты таинства отъ насъ:
Яви ты намъ свою въ рѣшеніяхъ удачу,
Рѣши ты намъ свою премудрую задачу!“
А вы внемлите мой, друзья мои, отвѣтъ:
„И самъ не знаю я, на что сей созданъ свѣтъ!“

III.

ЛИСИЦА-КАЗНОДѢЙ.

Въ Ливійской сторонѣ правдивый слухъ промчался,
Что левъ, звѣриный царь, въ большомъ лѣсу скончался.
Стекалися туда скоты со всѣхъ сторонъ
Свидѣтелями быть огромныхъ похоронъ.
Лисица-Казнодѣй, при мрачномъ сёмъ обрядѣ,
Съ смиренной харею, въ монашескомъ нарядѣ,
Взмостясь на каѳедру, съ восторгомъ вопіетъ:
„О, рокъ! лютѣйшій рокъ! кого лишился свѣтъ!
Кончиной кроткаго владыки пораженный,
Восплачь и возрыдай звѣрей соборъ почтенный!
Се царь, премудрѣйшій изъ всѣхъ лѣсныхъ царей,
Достойный вѣчныхъ слёзъ, достойный алтарей,
Своимъ рабамъ отецъ, своимъ врагамъ ужасенъ,
Предъ нами распростёртъ, безчувственъ и безгласенъ!
Чей умъ постигнуть могъ число его добротъ,
Пучину благости, величія, щедротъ?
Въ его правленіи невинность не страдала,
И правда на судѣ безстрашно предсѣдала;
Онъ скотолюбіе въ душѣ своей питалъ,
Въ нёмъ трона своего подпору почиталъ;
Былъ въ области своей порядка насадитель,
Художествъ и наукъ былъ другъ и покровитель“.
— „О, лесть подлѣйшая!“ шепнулъ Собакѣ Кротъ:
„Я зналъ Льва коротко: онъ былъ пресущій скотъ,—
И золъ, и безтолковъ, и силой вышней власти
Онъ только насыщалъ свои тиранскія страсти.
Тронъ кроткаго царя, достойна алтарей,
Былъ сплоченъ изъ костей растерзанныхъ звѣрей;
Въ его правленіе любимцы и вельможи
Сдирали безъ чиновъ съ звѣрей невинныхъ кожи;
И, словомъ, такъ была юстиція строга,
Что кто кого смогалъ, такъ тотъ того — въ рога.
Благоразумный Слонъ изъ лѣса въ степь сокрылся,
Домостроитель Бобръ отъ пошлинъ разорился
И Пификъ-слабоумъ (списатель звѣрскихъ лицъ,
Служившій у Двора честнѣе всѣхъ лисицъ,
Который, посвятя работѣ дни и ночи,
Искусной кистію прельщая звѣрски очи,
Портретовъ написалъ съ царя звѣрей лѣсныхъ
Пятнадцать въ цѣлый ростъ и двадцать поясныхъ,
Да сверхъ того ещё, по новому манеру,
Альфреско росписалъ монаршую пещеру)
За-то что въ жизнь свою трудился, сколько могъ,
Съ тоски и съ голоду третьёго-дня издохъ.
Вотъ мудраго царя правленіе похвально!
Возможно-ль ложь сплетать столь явно и нахально!“
Собака молвила: „Чему дивишься ты,
Что знатному скоту льстятъ подлые скоты?
Когда же то тебя такъ сильно изумляетъ,
Что низка тварь корысть всему предпочитаетъ
И къ счастію бредётъ презрѣнными путьми,
Такъ, видно, никогда ты нѐ жилъ межъ людьми“.

В. П. ПЕТРОВЪ.

Василій Петровичъ Петровъ родился въ 1736 году въ Москвѣ, гдѣ началъ своё образованіе дома, подъ надзоромъ приходскаго дьячка, и окончилъ — въ тамошней духовной академіи, вмѣстѣ съ будущимъ *великолѣпнымъ княземъ Тавриды*, Потёмкинымъ, который, въ дни славы и могущества, никогда не забывалъ стараго товарища. По окончаніи курса, Петровъ былъ оставленъ при академіи преподавателемъ піитики, реторики и греческаго языка, а въ 1769 году, по рекомендаціи Потёмкина, получилъ мѣсто кабинетнаго переводчика и чтеца императрицы Екатерины II, что̀ дало ему право, въ письмѣ своемъ къ государынѣ, посланномъ въ 1774 году изъ Лондона, сказать: „я имѣлъ честь нѣкогда слыть карманнымъ Вашего Величества стихотворцемъ“. („Библіографическія Записки“, 1858, стр. 528). Затѣмъ, въ 1770 году, онъ былъ отправленъ, вмѣстѣ съ Силовымъ, въ Англію, для довершенія своего образованія. Здѣсь онъ изучилъ основательно англійскій языкъ и ознакомился съ англійской литературой, оказавшей большое вліяніе на всю остальную его литературную дѣятельность. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ былъ произведёнъ въ статскіе совѣтники и назначенъ придворнымъ би-

бліотекаремъ императрицы. Это мѣсто занималъ онъ до самой смерти. Петровъ умеръ въ Петербургѣ, 4-го декабря 1799 года.

Оды Петрова, отличавшіяся крайнею напыщенностью, но богатыя мыслями и выразительностью, пользовались въ своё время большою извѣстностью; многіе даже предпочитали ихъ одамъ Ломоносова. Эти неумѣренныя похвалы вызвали Новикова на слѣдующую, довольно рѣзкую, замѣтку объ одахъ Петрова, помѣщённую въ „Опытѣ Историческаго Словаря о Россійскихъ Писателяхъ“: „Вообще о сочиненіяхъ его (Петрова) сказать можно, что онъ напрягается итти по слѣдамъ россійскаго лирика (Ломоносова), и хотя нѣкоторые и называютъ уже его вторымъ Ломоносовымъ, но для сего сравненія надлежитъ ожидать важнаго какого-нибудь сочиненія, и послѣ того заключительно сказать, будетъ ли онъ второй Ломоносовъ, или останется только Петровымъ и будетъ имѣть честь слыть подражателемъ Ломоносова“. Помѣщённое въ нашемъ собраніи „Посланіе къ ***, изъ Лондона“ — есть лучшее произведеніе Петрова. Посланіе это пользовалось въ своё время большою извѣстностью, такъ-что нѣкоторыя его мѣста не остались безъ подражанія: такъ въ сатирѣ И. И. Дмитріева „Чужой толкъ“ можно указать стихи, написанные подъ вліяніемъ сатиры Петрова, который обладалъ сатирическимъ талантомъ. Кромѣ сочиненія одъ и посланій, Петровъ занимался переводами, изъ которыхъ болѣе извѣстны: переводы „Энеиды“ Виргилія (Спб. 1787) и „Потеряннаго Рая“ Мильтона (Спб. 1796). „Сочиненія Петрова“ были изданы два раза: въ первый — имъ самимъ въ 1796 году, а во второй — его вдовою въ 1811 году, въ трёхъ частяхъ. Въ 1867 году П. А. Ефремовъ издалъ его сатирическое стихотвореніе: „Приключеніе короля шведскаго Густава III“, написанное въ 1788 году и ходившее до настоящаго времени по рукамъ въ рукописи.

ИЗЪ ПОСЛАНІЯ „КЪ ***, ИЗЪ ЛОНДОНА“.

О, просвѣщённые вѣковъ грядущихъ роды,
Примите вы мои всемилостиво оды!
Не баснословный бредъ, не обща то дремà —
Препоручаю вамъ сокровище ума.
Я пѣлъ — струны мои казались очень звонки;
Пріятелей моихъ разсудки сильно тонки:
Бывало, какъ стихи прочту я въ ихъ кругу,
Свидѣтель Аполлонъ, всѣ хвалятъ — я не лгу.
Я въ жизни не съ однимъ имѣлъ знакомство домомъ:
Гдѣ ни обѣдывалъ — меня зывали *громомъ*.
Я *прахъ* теперь: моя жива ль-то въ свѣтѣ честь?
Молю, стихи мои не дайте моли съѣсть!
То правда, въ разныя идутъ потребы:
Ихъ подъ-исподъ кладутъ, какъ въ печь сажаютъ хлѣбы;
Купцы, что продаютъ различный смертнымъ злакъ,
Завёртываютъ въ нихъ хрѣнъ, перецъ и табакъ;
Идутъ они въ дѣла, идутъ и въ забобоны:
На мѣрки для портныхъ и войску на патроны,
Ребятамъ на змѣй, хлопушки и пыжи,
Свѣчамъ, окорокамъ копчёнымъ — на брыжжи...
Я признаюсь: въ стихахъ я самъ жужжу, какъ муха,
Но это моего не оскорбляетъ уха:
Не всякій папою быть можетъ кардиналъ;
Всякъ ждётъ, чтобъ на него сей жеребій упалъ.
Спроси писца стиховъ: желаетъ ли онъ славы?
Смиренный дастъ отвѣтъ: онъ пишетъ для забавы,
Избытокъ въ томъ лишь дней препроводить хотя,
Онъ межъ парнасскихъ чадъ невинное дитя.
Но загляни сему ты въ сердце отрочати—
Тамъ найдешь: я піитъ — стихи мои въ печати!
Но если дѣло всё въ печати состоитъ,
То всякій грамотей въ мигъ можетъ быть піитъ:
Поставь слова твои въ пристойныя шеренги,
Поди въ печатный домъ и заплати тамъ деньги;
Тамъ въ мигъ твой тиснутъ слогъ, и выйдетъ мокрый листъ;
Ты въ ту жъ минуту сталъ сатирикъ иль лиристъ,
Пошелъ въ домъ съ вѣчною въ своёмъ карманѣ славой;
Дерзай — ты деньги далъ, ты стихотворецъ правой.
Вотъ тайна вся стиховъ: рука да голова,
Чернильница, перо, бумага, да слова.
И диво-ль, что у насъ піиты столь плодятся,
Какъ отъ дождя грибы въ березникѣ родятся!
Однако мнѣ жалка такихъ піитъ судьба,
Что ихъ и слогъ стоитъ не долѣе гриба.
Когда же всѣ мы толь недолговѣчны крайне,
Другой какой-нибудь тутъ должно крыться тайнѣ:
Знать, не отъ риѳмъ однѣхъ и точныхъ стопъ числа
Зависитъ нашего удача ремесла.
Какъ путный, на театръ онъ риѳменный выходитъ,
Берётъ перо межъ перстъ и по бумагѣ водитъ:
Вотъ это, говоритъ, поставилъ я „творогъ“,
Такъ долженъ ужъ стоять въ другой строкѣ „пирогъ“.
Прибравши такъ слова, онъ мыслитъ — сдѣлалъ чудо,
Что предъ читателя вдругъ выставилъ онъ блюдо.
Со всей худбою нескладицы, бредни,

Слывётъ онъ у своей писателемъ родни,
Великій умница и со смѣха уморецъ;
У знатоковъ прямыхъ онъ — жалкій риѳмотворецъ;
Межъ нимъ и игрокомъ въ томъ только разность вся:
Тотъ кликнутъ въ дѣло былъ, а этотъ самъ вплелся.
Обоимъ, станется, имъ быть въ театрѣ любо:
Тотъ малый съ прбста радъ, нашъ писарь буй сугубо.
Природа, видитъ всякъ, въ дарахъ къ нему скупа;
Онъ мыслитъ: голова другихъ людей тупа,
И, не сошлясь на свѣтъ, себя всѣхъ выше ставитъ;
Другой кто стань писать — онъ къ буйству злость прибавитъ,
Вдругъ вышлетъ на тебя сто надписей, сатиръ:
Ты смѣлъ потрясть его въ умахъ людскихъ кумиръ;
Дастъ жаломъ знать, кто онъ — онъ колоколъ званный,
Горацій онъ въ Морской и Пиндаръ въ Милліонной;
Въ приказахъ и въ рядахъ, гдѣ Мойка, гдѣ Нева,
Неугомонная шумитъ объ нёмъ молва...
Кто знаетъ? можетъ-быть, при каждой онъ страницѣ
Пыхтѣлъ и мучился, подобно роженицѣ;
Такъ пусть, когда онъ чадъ съ такимъ трудомъ родитъ,
Пусть мàтерски на нихъ любуется, гладитъ.
Гляди, лишь не кричи: „мои другой породы!
Мои — какъ ангелы; у всѣхъ другихъ уроды!"
Какой-то тамъ живётъ на Мойкѣ меценатъ,
Что пестуетъ твой слогъ, а ты тому и радъ.
И думаешь, что въ нёмъ, невѣдь, какая сдоба;
Но истинныхъ красотъ не знаете вы оба.
Не видитъ проку онъ, кромѣ тебя, ни въ комъ—
Причина вся тому, что ты ему знакомъ.
Оставь читателей судьями думъ твоихъ:
Есть аполлоновы наперсники и въ нихъ;
Имъ шепчетъ въ уши Фебъ, чей лучше слогъ, чей хуже,
Кто въ Ипокренѣ пилъ, кто черпалъ въ мутной лужѣ;
Свѣтъ знаетъ и безъ насъ, полезно что ему,
Гдѣ сердце зиждется, гдѣ пища есть уму;
Пчела не черезъ-чуръ віётся вкругъ навоза:
Любимы ей мѣста — нарцисъ, піонъ иль роза.
Купцы товаръ лицомъ, не горломъ продаютъ,
И только лишь въ набатъ, коль нездорово, бьютъ...

И. Ѳ. БОГДАНОВИЧЪ.

Ипполитъ Ѳёдоровичъ Богдановичъ родился 23-го декабря 1743 года въ мѣстечкѣ Переволочнѣ, въ Малороссіи, и уже въ самомъ раннемъ дѣтствѣ обнаружилъ страстную любовь къ чтенію, рисованью, музыкѣ и поэзіи. Затѣмъ, двѣнадцати лѣтъ, онъ былъ отвезёнъ въ Москву и записанъ въ Юстицъ-коллегію юнкеромъ. Побывавъ однажды въ театрѣ, онъ такъ былъ пораженъ всѣмъ видѣннымъ тамъ, что тотчасъ же отправился къ директору московскаго театра, которымъ въ ту пору былъ Херасковъ, авторъ „Россіады", и заявилъ желаніе вступить въ актёры. Херасковъ сталъ уговаривать его записаться въ число слушателей университета, предлагая помѣщеніе у себя въ домѣ. Богдановичъ согласился — и вскорѣ правила языка и тайны стихосложенія сдѣлались ему извѣстны, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и познанія его въ иностранныхъ языкахъ значительно расширились. Первые поэтическіе опыты Богдановича появились въ журналѣ „Полезныя Увеселенія". Въ 1761 году онъ занималъ уже мѣсто надзирателя надъ университетскими классами, а въ 1763— былъ опредѣлёнъ въ штатъ графа Н. И. Панина переводчикомъ, и тогда же началъ издавать журналъ „Невинное Упражненіе". Въ нёмъ напечаталъ онъ свои довольно удачные переводы изъ Вольтера, а также и нѣсколько своихъ собственныхъ сочиненій, отличавшихся нѣжностью чувствъ и неподдѣльнымъ простодушіемъ. Затѣмъ, въ 1766 году, назначенный состоять секретарёмъ при нашей миссіи въ Саксоніи, онъ отправился въ Дрезденъ, гдѣ и провёлъ нѣсколько самыхъ счастливыхъ лѣтъ своей жизни, какъ, впослѣдствіи, выражался самъ, вспоминая годы своей молодости. Блестящая обстановка, образованное общество, живописныя окрестности города и сокровища искусства, украшающія знаменитую дрезденскую картинную галлерею, совершенно очаровали Богдановича и, конечно, имѣли сильное вліяніе на его поэтическій талантъ. По возвращеніи въ Петербургъ въ 1768 году, онъ совершенно посвятилъ себя литературѣ, преимущественно поэзіи: сочинялъ стихи, переводилъ стихами и прозой и, наконецъ, около 1775 года, написалъ свою поэму „Душенька", прославившую его имя наравнѣ съ первыми поэтами того времени. Успѣхъ „Душеньки" былъ полный. Императрица Екатерина отозвалась о поэмѣ съ большой похвалою, сановники и придворные наперерывъ спѣшили заявить автору знаки уваженія; поэты и журналисты писали оды, мадригалы и восторженныя рецензіи въ честь и славу творца „Душеньки". Всё, написанное Богдановичемъ послѣ „Душеньки" („Радость Душеньки", „Славяне" и другіе), не имѣло и тѣни успѣха его зна-

менитой поэмы; да и, вообще, вся его послѣдующая дѣятельность не представляетъ ничего сколько-нибудь замѣчательнаго. „Душенька“ была издаваема много разъ. Митрополитъ Евгеній говоритъ, что первая книга поэмы была издана графомъ М. Ѳ. Каменскимъ въ 1778 году, но въ каталогахъ Сопикова и Смирдина ничего не говорится объ этомъ изданіи. Первое намъ извѣстное изданіе „Душеньки“ принадлежитъ Ржевскому. Оно явилось въ Петербургѣ въ 1783 году, подъ заглавіемъ: „Душенька, древняя повѣсть въ вольныхъ стихахъ“. Затѣмъ, первая и третья книги этого изданія перепечатаны безъ перемѣны Сопиковымъ во 2-мъ томѣ его „Опыта Россійской Библіографіи“. Второе исправленное изданіе вышло въ 1794 году; третье — въ 1799; четвёртое — въ „Собраніи сочиненій и переводовъ Богдановича“, изданномъ Бекетовымъ, въ 1809—10 годахъ, въ шести частяхъ; пятое — отнесено Сопиковымъ къ 1811 году, но оно сгорѣло въ Москвѣ, во время пожара 1812 года; наконецъ, шестое и послѣднее сдѣлано Смирдинымъ, въ 1848 году, въ его изданіи „Полнаго собранія сочиненій русскихъ авторовъ“, куда вошли и остальныя сочиненія Богдановича.

Въ 1780 году Богдановичъ былъ назначенъ членомъ въ государственный санктпетербургскій архивъ, въ 1788 — его предсѣдателемъ, а въ 1796 году вышелъ въ отставку. Проживъ еще около года въ столицѣ, онъ переселился сперва въ Сумы, а потомъ въ Курскъ, гдѣ и умеръ 6-го января 1803 года.

ИЗЪ ПОЭМЫ „ДУШЕНЬКА“.

1.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Не Ахиллесовъ гнѣвъ и не осаду Трои,
Гдѣ боги спорили и гдѣ дрались герои,
Но Душеньку пою.
Тебя, о Душенька, я въ помощь призываю
Украсить пѣснь мою,
Котору въ простотѣ свободной я слагаю!
Не лиры громкій звукъ — услышишь ты свирѣль.
Сойди ко мнѣ, сойди отъ мѣстъ, тебѣ пріятныхъ,
Вдохни въ меня твой жаръ и разумъ мой осмѣль
Коснуться счастія селеній благодатныхъ,
Гдѣ ты всегда безъ бѣдъ проводишь сладки дни,
Гдѣ царствуютъ безъ скукъ весёлости одни!
У хладныхъ береговъ обильной льдомъ Славены,
Гдѣ Фебъ туманится и кроется отъ глазъ,
Яви потоки мнѣ чудесной Иппокрены!
Покрытый снѣжными буграми здѣсь, Парнассъ
Отъ взора твоего растаявалъ не разъ.
Съ тобою нѣжные присутствуютъ зефиры;
Бѣгутъ отъ мѣстъ, гдѣ ты, докучныя сатиры,
Хулы и критики, и грусти, и бѣды;
Забавы безъ тебя приносятъ лишь труды:
Веселье морщится, амуры плачутъ сиры.
О, ты пѣвецъ боговъ,
Гомеръ, отецъ стиховъ,
Вездѣ умомъ богатыхъ,
И равныхъ, и двойчатыхъ,
Прости вину мою,
Когда я формой строкъ тебя не безпокою
И мѣрныхъ пѣсней здѣсь не строю!
По вольному стиховъ покрою,
На всякій образецъ крою.
И малой мѣры, и большія,
И часто риѳмы холостыя,
Безъ сочетанія законнаго въ стихахъ,
Свободно ставлю на концахъ.
А если отъ того устану,
Отважно и покойно стану,
Забывъ чернилъ и перьевъ страхъ,
Забывъ сатиръ и критикъ грозу,
Писать безъ риѳмъ, иль просто прозу.

2.

ВЕНЕРА.

Амуръ, простря свой властный взоръ,
Подвинулъ весь Нептуновъ Дворъ.
Узря Венеру, рѣзвы волны
Текутъ за ней, весельемъ полны.
Тритоновъ водяной народъ
Выходитъ къ ней изъ бездны водъ:
Иной вокругъ ея нырягетъ
И дерзки волны усмиряетъ;
Другой, крутясь во глубинѣ,
Сбираетъ жемчуги на днѣ
И всѣ сокровища изъ моря
Тащитъ повергнуть ей къ стопамъ;
Иной, съ чудовищами споря,
Претитъ касаться симъ мѣстамъ;
Другой, на козлы сѣвъ проворно,
Со встрѣчными бранится вздорно,
Раздаться въ стороны велитъ,
Вожжами гордо шевелитъ,
Отъ камней далѣ путь свой правитъ
И дерзостныхъ чудовищъ давитъ.

Иной съ трезубчатымъ жезломъ,
На китѣ впереди верхо̀мъ,
Гоня далёко всѣхъ съ дороги,
Вокругъ кидаетъ взоры строги
И, чтобы всякъ то вѣдать могъ,
Предъ нею громко трубитъ въ рогъ.
Другой, изъ кра̀евъ самыхъ дальнихъ,
Успѣвъ приплыть къ богинѣ сей,
Несётъ отломокъ горъ хрустальныхъ
На мѣсто зеркала предъ ней.
Сей видъ пріятность обновляетъ
И радость на ея челѣ.
„О, еслибъ видъ сей", онъ вѣщаетъ:
„Остался вѣчно въ хрусталѣ!"
Но тщетно то тритонъ желаетъ:
Исчезнетъ призракъ сей, какъ сонъ;
Останется одинъ лишь камень,
А въ сердцѣ лишь несчастный пламень,
Которымъ втуне тлѣетъ онъ.
Иной, приставъ къ богинѣ въ свиту,
Отъ солнца ставитъ ей защиту
И прохлаждаетъ жаркій лучъ,
Пуская вверху водный ключъ.
Сирены, сладкія пѣвицы,
Межъ-тѣмъ поютъ стихи ей въ честь:
Мѣшаютъ съ былями небылицы,
Её стараясь превознесть.
Иныя передъ нею пляшутъ,
Другія во услугахъ тутъ,
Предупреждая всякій трудъ,
Богинѣ опахаломъ машутъ;
Другія жъ, красотамъ дивясь,
Подносятъ ей цвѣточну вязь.
Сама Ѳетида ихъ послала
Для малыхъ и большихъ услугъ,
И только для себя желала,
Чтобъ дома былъ ея супругъ.
Въ благопріятнѣйшей погодѣ
Не смѣютъ бури тамъ пристать;
Одни зефиры лишь въ свободѣ
Венеру смѣютъ лобызать...
Иной власы ея ввѣваетъ,
Межъ-тѣмъ, открывъ прелестну грудь,
Перестаётъ на время дуть,
Власы съ досадой опускаетъ
И, съ ними спутавшись, летитъ;
Другой, невѣдомымъ языкомъ,
Со вздохами и нѣжнымъ крикомъ,
Любовь ей на̀ ухо свиститъ;
Иной, пытаясь безъ надежды
Сорвать покровъ другихъ красотъ,
Въ сердцахъ вертитъ ея одежды
И падаетъ безъ силъ средь водъ;
Другой въ уста и въ очи дуетъ
И ихъ украдкою цѣлуетъ.
Гонясь за нею, волны тамъ
Толкаютъ въ ревности другъ друга,
Чтобъ, вырвавшись скорѣй изъ круга,
Смиренно пасть къ ея ногамъ.

3.

ДУШЕНЬКА.

Тутъ взорамъ Душеньки открылась тьма чудесъ:
Сквозь рощу миртовыхъ и пальмовыхъ древесъ
Великолѣпные представились чертоги,
Блестящіе среди безчисленныхъ огней —
И всюду розами усыпаны дороги...
Порфирныя врата, съ лица и со сторонъ,
Сапфирные столпы, изъ яхонта балконъ,
Златые куполы и стѣны изумрудны —
Простому смертному должны казаться чудны...
Царевна ласково на каждую ей честь
Отвѣтствовала всѣмъ то зна̀комъ, то словами.
Зефиры, въ тѣснотѣ толкаясь головами,
Хотѣли въ домъ её привесть, или принесть;
Но Душенька имъ всѣмъ велѣла быть въ покоѣ,
И къ дому шла сама, среди различныхъ слугъ, —
И Смѣховъ, и Утѣхъ, летающихъ вокругъ...
Царевна, посреди сихъ почестей отмѣнныхъ.
Не знала — духъ-ли былъ, иль просто человѣкъ,
Обѣщанный супругъ, властитель мѣстъ блаженныхъ,
Котораго предъ симъ Зефиръ, въ словахъ смятенныхъ,
Ей только предвѣстилъ, но прямо не нарекъ?
Вступая въ домъ, она супруга зрѣть желала
И съ нетерпѣніемъ служащихъ вопрошала;
Но вся сія толпа, котора съ нею шла,
Или вокругъ летала,
Увѣдомить её подробнѣй не могла —
И Душенька о нёмъ въ незнаніи была.
Межъ-тѣмъ она прошла крыльцовыя ступени
И введена была въ пространнѣйшія сѣни,
Отколь во всѣ края, сквозь множество дверей,
Открылся передъ ней
Прекрасный видъ аллей
И рощей, и полей;
И болѣе потомъ высокіе балконы
Открыли царство тамъ и Флоры, и Помоны.
Царевна райскіе увидѣла сады —
И прежніе свои забыла всѣ труды.

Оттуда сорокъ нимфъ ввели её въ чертоги,
Какіе созидать лишь только могутъ боги,
И тамо Душеньку, въ прохладѣ отъ дороги,
Въ готовую для ней купальню привели.
Амуры ей росы чистѣйшей приносили,
Котору, вмѣсто водъ, повсюду собирали;
Зефиры воздухъ тамъ дыханьемъ согрѣвали,
Изъ разныхъ ароматъ вздували пузыри
И благовонныя работали ей мыла,
Какими моются восточные цари
И коихъ вѣдома бодрительная сила.
Царевна въ оный часъ, хотя и со стыдомъ,
Со споромъ и трудомъ,
Какъ водится притомъ,
Взирая на обновы,
Какія были тамъ на выборъ ей готовы,
Дозволила сложить съ красотъ своихъ покровы.
Полки различныхъ слугъ, предъ тѣмъ отдавъ поклонъ,
Безъ вздоховъ не могли оттуда вытти вонъ,
И даже за дверьми, не бывъ тогда въ услугѣ,
Охотно слѣдъ ея лобзали на досугѣ.
Зефиры лишь одни, имѣя входъ вездѣ,
Затѣмъ-что ростомъ мелки,
У оконъ и дверей нашли малѣйши щелки,
Прокрались между нимфъ и спрятались въ водѣ,
Гдѣ Душенька купалась:
Она предъ ними тамъ во всей красѣ являлась...

Зефиры, коихъ я счастливѣйшими чту,
Вы, кои видѣли царевны красоту —
Зефиры, вы меня, какъ должно, научите
Сказать читателямъ, иль сами вы скажите
Всѣ части, всѣ черты
И всѣ пріятности царевнины подробно,
Которыхъ мнѣ перомъ представить неудобно:
Вы видѣли тогда не сонъ и не мечты...
Но здѣсь молчите вы: молчанье разумѣю!
Къ изображенію божественныхъ даровъ
Потребенъ вамъ и мнѣ особый даръ боговъ...
Я здѣсь красотъ ея описывать не смѣю!

Царевна, вышедши изъ бани, наконецъ,
Съ улыбкою свои раскидывала взгляды
На выбранны для ней и платье, и наряды,
И нѣкакой вѣнецъ...
Не трудно разумѣть, что для ея услугъ
Горстями сыпались каменья и жемчугъ,
И всяки рѣдкости невидимая сила,
По слову Душеньки, мгновенно приносила —
Иль лучше такъ сказать: то мысль ея творила,
Коль вещи съ мыслями предъ ней являлись вдругъ.
Плѣняяся своимъ прекраснѣйшимъ нарядомъ,
Желаетъ ли она смотрѣться въ зеркала —
Они рождаются ея единымъ взглядомъ
И по стѣнамъ стоятъ предъ ней великимъ рядомъ,
Дабы краса ея удвоена была.
Увидѣвъ тамъ себя, лицомъ, плечомъ и задомъ,
Отъ головы до ногъ,
Легко могла судить царевна на досугѣ
О будущемъ супругѣ,
Что онъ, какъ видно, былъ горазло не убогъ.
Межъ-тѣмъ, къ ея услугѣ
Въ ближайшей залѣ былъ къ обѣду столъ готовъ:
Тамъ яства и напитки
Являли всѣхъ сластей довольство и избытки.
Тамъ нектаръ всѣхъ родовъ
И всё, что̀ для боговъ,
Въ роскошнѣйшемъ жилищѣ,
Могло служить къ ихъ пищѣ,
Стояло передъ ней во множествѣ рядовъ.
Иной вкусивъ—она печали забывала,
Другая—ей красотъ и силы придавала.
Амуры, чтобъ притомъ ей ревность изъявить,
Хозяйски должности старались раздѣлить.
Иной былъ кравчимъ тамъ, другой носилъ посуду,
Иль рюмки наливалъ—и всякъ совался всюду;
И тотъ считалъ себѣ за превысоку честь,
Кому, изъ рукъ своихъ, ихъ новая богиня
Полрюмки нектара изволила поднесть;
И многіе предъ ней стояли, ротъ разиня:
Хотя амуры въ томъ,
По правдѣ, жадными отнюдь не почитались
И болѣ, нежели виномъ,
Царевны зрѣніемъ въ то время услаждались.
Межъ-тѣмъ надъ ней, съ верховъ,
Въ чертогахъ безпечальныхъ,
Раздался сладкій звукъ орудій музыкальныхъ
И пѣсенъ ей похвальныхъ,
Какія сочинять лишь можетъ богъ стиховъ...

Потомъ одна изъ нимфъ явилась доложить,
Что время было опочить.
При словѣ „опочить“ царевна покраснѣла
И, какъ невѣста, оробѣла,
Однако спорить не хотѣла.
Раздѣта Душенька; ведутъ её въ чертогъ
И тамъ, какъ надобно, къ покою отъ дорогъ,
Кладутъ её въ постель на нѣкоемъ престолѣ,
И, поклонившись ей, уходятъ всѣ оттолѣ.
Обѣщанный супругъ, чрезъ нѣсколько минутъ,
Въ невидимомъ лицѣ тогда явился тутъ.

А если спросятъ—какъ невидимый явился?
Не трудно отвѣчать: явился онъ въ-потьмахъ —
И былъ въ объятіяхъ, но не былъ онъ въ очахъ:
Какъ духъ, или колдунъ, онъ былъ, но не открылся.
Никто не вѣдаетъ—ни что̀ сказалъ женихъ,
Ни что̀ они потомъ другъ съ другомъ говорили,
Ни о подробностяхъ, притомъ какія были:
Навѣки тайна та осталась между нихъ.
Но только по утру примѣтили амуры,
Что нимфы межъ собой смѣялись подтишкомъ,
И гостья, будучи стыдлива отъ натуры,
Казалась между нихъ съ завѣшеннымъ ушкомъ.

Супружество могло царевнѣ быть пріятно,
Лишь только таинство казалось непонятно:
Супругъ у Душеньки, сказать,—и былъ, и нѣтъ;
Пріѣхалъ ночью къ ней, уѣхалъ до разсвѣта,
Безъ имени, безъ лѣтъ,
Безъ росту, безъ примѣтъ
И, вмѣсто должнаго отвѣта,
Скрывая, кто онъ былъ, на Душенькинъ вопросъ,
Просилъ, увѣщевалъ, для нѣкакихъ ей грозъ,
Чтобъ видѣть до поры супруга не желала;
И Душенька не знала,
Съ какимъ чудовищемъ иль богомъ ночевала.
Не слыханъ былъ подобный бракъ!
Царевна, думая о томъ и такъ, и сякъ,
Развязку тайны сей въ Оракулѣ искала.
Оракулъ ей давно супруга описалъ
Страшилищемъ ужаснымъ:
Супругъ съ Оракуломъ казался быть согласнымъ,
Какъ будто онъ себя затѣмъ и не казалъ...
Межъ-тѣмъ какъ Душенька въ постелѣ
Не знала, какъ рѣшить о дѣлѣ,
Заря гнала ночную тѣнь —
И свѣтлый видъ восприналъ день.

И. И. ХЕМНИЦЕРЪ.

Иванъ Ивановичъ Хемницеръ, знаменитѣйшій изъ русскихъ баснописцевъ прошлаго вѣка, родился 5-го января 1745 года въ г. Енотаевскѣ, Астраханской губерніи, основанномъ только за три года передъ тѣмъ. Замѣчая въ ребёнкѣ большую любознательность, отецъ Хемницера, добродушный и довольно образованный нѣмецъ, рано сталъ его знакомить съ языками нѣмецкимъ и латинскимъ, и съ первыми правилами ариѳметики. За тѣмъ мальчика отдали въ ученье къ пастору Нейбауеру, у котораго молодой Хемницеръ оказалъ большіе успѣхи. Что же касается русскаго языка и математики, то оба эти предмета преподавалъ ему знакомый инженерный офицеръ. Въ 1755 году семейство Хемницера переѣхало въ Петербургъ. За тѣмъ, 27-го іюня 1757 года, Хемницеръ, которому не было ещё тринадцати лѣтъ, вопреки желанію отца, поступилъ рядовымъ въ Нотебургскій пѣхотный полкъ, съ которымъ сдѣлалъ всю кампанію 1759 года, былъ произведёнъ въ сержанты и, наконецъ, въ прапорщики, а незадолго до восшествія на престолъ Екатерины II назначенъ адъютантомъ къ генералу Остерману. Прослуживъ двѣнадцать лѣтъ въ военной службѣ, Хемницеръ вышелъ въ отставку, и около 1770 года мы уже видимъ его на службѣ при Горномъ училищѣ. Это новое мѣсто Хемницеръ получилъ по ходатайству своего друга, Н. А. Львова, извѣстнаго литератора и родственника М. Ѳ. Соймонова, который былъ тогда главнымъ начальникомъ горнаго управленія въ Россіи. Благодаря предстательству Львова, Хемницеръ нашелъ въ Соймоновѣ добраго начальника и покровителя, сдѣлался у него домашнимъ человѣкомъ, а въ 1776 году совершилъ съ нимъ поѣздку за границу, продолжавшуюся болѣе года.

Первымъ напечатаннымъ стихотвореніемъ Хемницера—была весьма плохая ода: „На взятіе крѣпости Журжи“, появившаяся въ 1770 году въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ. Не смотря на всю свою незначительность, ода эта послужила поводомъ сначала къ знакомству, а потомъ и къ дружбѣ его съ Львовымъ. Въ 1774 году Хемницеръ напечаталъ свой стихотворный переводъ героиды Дора̀: „Письмо Барнвеля къ Трумону изъ темницы“, и посвятилъ этотъ трудъ Львову. По возвращеніи изъ заграничнаго путешествія, Хемницеръ во многомъ измѣнился: началъ пудриться и обращать большое вниманіе на свою одежду, хлопоча о томъ, чтобы она соотвѣтствовала модѣ; утра проводилъ на службѣ, вечера — въ обществѣ; всё же остальное время посвящалъ литературѣ, руководствуясь совѣтами Державина. Впрочемъ, занятія поэзіей не мѣшали его занятіямъ по части горнаго дѣла. Въ 1778 году онъ напечаталъ свой переводъ сочиненія академика Лемана, подъ заглавіемъ: „Кобальтословіе, или описаніе красильнаго кобальта“, а въ слѣдующихъ годахъ появилось въ печати нѣсколько переводныхъ сочиненій, также по части металлургіи, просмотрѣнныхъ и исправленныхъ Хемницеромъ, носившимъ уже въ это время званіе оберъ-бергмейстера.

Первое собраніе басенъ Хемницера, подъ заглавіемъ „Басни и сказки N. N.“, безъ означенія года изданія, вышло въ 1779 году въ Петербургѣ; но современники, не смотря на очевидныя достоинства, заключавшіяся въ нихъ, не обратили вниманія на произведенія неизвѣстнаго сочинителя и продолжали восхищаться притчами Сумарокова, почитая ихъ образцовыми. Прошло сто лѣтъ — и взгляды совершенно измѣнились: басни Хемницера до сихъ поръ не утратили своего достоинства и составляютъ принадлежность всякой „Христоматіи“, тогда какъ притчей Сумарокова никто уже не читаетъ.

Между тѣмъ, въ горномъ вѣдомствѣ произошли перемѣны, вслѣдствіе которыхъ Соймоновъ отказался отъ занимаемой имъ должности. Хемницеръ, не желавшій продолжать службу подъ начальствомъ другого директора, послѣдовалъ его примѣру—и въ 1781 году былъ уволенъ отъ службы съ чиномъ коллежскаго совѣтника. Но не имѣя никакого состоянія, онъ вынужденъ былъ въ скоромъ времени искать новой службы. Благодаря ходатайству Львова, графъ Безбородко обѣщалъ пристроить Хемницера—и дѣйствительно, въ скоромъ времени онъ былъ назначенъ генеральнымъ консуломъ въ Смирну. Грустно простился Хемницеръ съ друзьями и отечествомъ, какъ-бы предчувствуя, что ему не вернуться и не свидѣться съ ними—и въ іюнѣ 1782 года выѣхалъ изъ Петербурга. Перемѣна климата и совершенное одиночество сильно подѣйствовали на здоровье и воображеніе нервнаго поэта: онъ сталъ тосковать; душевныя страданья довершили разстройство физическихъ силъ, и 20-го марта 1784 года—Хемницера не стало. Тѣло Хемницера было привезено въ Россію и похоронено въ Николаевѣ. На плитѣ, покрывавшей могилу поэта, говорятъ, были высѣчены слѣдующіе два стиха, сочинённые самимъ покойнымъ поэтомъ:

Жилъ честно, цѣлый вѣкъ трудился —
И умеръ голъ, какъ голъ родился.

Главное достоинство басенъ Хемницера — простота и естественность разсказа. Не надо забывать, что у нашего баснописца не было другого предшественника, кромѣ Сумарокова, и что онъ выступилъ на литературное поприще за цѣлое десятилѣтіе до извѣстности Карамзина, когда ещё не было ни „Душеньки“ Богдановича, ни „Недоросля“ Фонвизина. Также не должно упрекать его въ недостаткахъ стиха и бѣдности риѳмъ: довольно того, что онъ побѣдилъ трудности языка и выработалъ такой слогъ, какого не имѣлъ ни одинъ современный ему писатель: по прошествіи почти ста лѣтъ, онъ поражаетъ насъ своею правильностью. Наконецъ, самый стихъ Хемницера, не смотря на свои глагольныя риѳмы, укладывается у него непринуждённо, не подвергаясь искусственной перестановкѣ словъ.

Второе изданіе басенъ Хемницера вышло также въ Петербургѣ, въ 1782 году, незадолго до отъѣзда автора въ Смирну. Третье изданіе, подъ заглавіемъ: „Басни и сказки И. И. Хемницера“, вышло въ 1799 году въ Петербургѣ же. Напечатанное по распоряженію его друга Львова, оно полнѣе предъидущихъ и украшено виньетками работы Оленина и силуэтомъ автора. Въ нынѣшнемъ столѣтіи, особенно въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, изданія басенъ Хемницера быстро слѣдовали одно за другимъ, и въ настоящее время ихъ насчитывается до пятнадцати. Цифра эта, краснорѣчивѣе всевозможныхъ рекламъ и рецензій, выражаетъ то значеніе, какимъ уважаемое имя Хемницера до нынѣ продолжаетъ пользоваться, какъ въ исторіи русской литературы, такъ и въ кругу русской читающей публики.

I.

МЕТАФИЗИКЪ.

Отецъ одинъ слыхалъ,
Что за̀ море дѣтей учиться посылаютъ
И что того, кто за̀ моремъ бывалъ,
Отъ небывалаго и съ виду отличаютъ.
Такъ, чтобъ отъ прочихъ не отстать,
Отецъ немедленно рѣшился
Дѣтину за̀ море послать,
Чтобъ доброму онъ тамъ понаучился.
Но сынъ глупѣе воротился:
Попался на̀ руки онъ школьнымъ тѣмъ вралямъ,
Которые съ ума не разъ людей сводили,
Неистолкуемымъ давая толкъ вещамъ;
И малаго не научили,
А на̀вѣкъ дуракомъ пустили.
Бывало, съ глупости онъ по̀-пусту болталъ,
Теперь всё свысока безъ толку толковалъ.
Бывало, глупые его не понимали,
А нынѣ разумѣть и умные не стали.
Домъ, городъ и весь свѣтъ враньёмъ его скучалъ.
Въ метафизическомъ бѣснуясь размышленьи
О заданномъ одномъ старинномъ предложеньи:

„Сыскать начало всѣхъ началъ“,
Когда за облака онъ думой возносился,
Дорогой шедши, оступился
И въ ровъ попалъ.
Отецъ, который съ нимъ случился,
Скорѣе бросился верёвку принести —
Премудрость изо рва на свѣтъ произвести.
А думный между-тѣмъ дѣтина,
Въ той ямѣ сидя, разсуждалъ:
Какая быть могла причина,
Что оступился я и въ этотъ ровъ попалъ?
Причина, кажется, тому землетрясенье;
А въ яму скорое стремленье —
Центральное влеченье,
Воздушное давленье...“
Отецъ съ верёвкой прибѣжалъ:
„Вотъ—говоритъ—тебѣ верёвка: ухватися!
Я потащу тебя, держися!“
— „Нѣтъ, погоди тащить! скажи мнѣ напередъ“,
Понёсъ студентъ обычный бредъ:
„Верёвка вещь какая?“
Отецъ его былъ не ученъ,
Но разсудителенъ, умёнъ.
Вопросъ ученый оставляя:
„Верёвка вещь—ему отвѣтствовалъ—такая,
Чтобъ ею вытащить, кто въ яму попадётъ“.
— „На это-бъ выдумать орудіе другое“,
Ученый всё своё несётъ:
„А это что такое —
Верёвка?... вервіе простое!“
„Да время надобно!“ отецъ ему на то́:
„А это хоть не ново,
Да, благо, ужъ готово.“
— „А время что?...“
— „А время вещь такая,
Которую съ глупцомъ не стану я терять.
Сиди“, сказалъ отецъ: „пока приду опять“.

Что, еслибы вралей и остальныхъ собрать
И въ яму къ этому въ товарищи послать?
Да, яма надобна большая!

II.

БОГАЧЪ И БѢДНЯКЪ.

Сей свѣтъ таковъ, что кто богатъ,
Тотъ каждому и другъ, и братъ;
Хоть не имѣй заслугъ, ни чина,
Хоть родомъ будь изъ конюховъ,
И, кто бы ни былъ ты таковъ —
Дѣтина будешь, какъ дѣтина.
А бѣдный — будь хоть изъ князей,
Хоть разумъ ангельскій имѣй
И всѣ достоинства достойнѣйшихъ людей,
Того почтенья не дождётся,
Какое ото всѣхъ богатымъ отдаётся.

Бѣднякъ въ какой-то домъ пришелъ.
Онъ знанье, умъ и чинъ съ заслугами имѣлъ;
Но бѣдняка никто не только-что не встрѣтилъ,
Никто и не примѣтилъ,
Иль, можетъ-быть, никто примѣтить не хотѣлъ.
Бѣднякъ нашъ то къ тому, то къ этому подходитъ,
Со всѣми разговоръ и такъ, и сякъ заводитъ,
Но каждый бѣдняку въ отвѣтъ
Короткое иль „да“, иль „нѣтъ“.
Привѣтствія ни въ комъ бѣднякъ нашъ не находитъ:
Съ учтивствомъ подойдетъ, а съ горестью отходитъ.
Потомъ
За бѣднякомъ
Богачъ пріѣхалъ въ тотъ же домъ.
Хотя заслугой, ни умомъ,
Ни чиномъ онъ не отличался,
Но только въ двери показался —
Сказать нельзя, какой пріемъ!
Всѣ встали передъ богачёмъ,
Всякъ богача съ почтеніемъ встрѣчаетъ,
Всякъ стулъ и мѣсто уступаетъ,
И подъ руки его берутъ,
То тутъ,
То тамъ его сажаютъ,
Поклоны чуть ему земные не кладутъ,
И мѣры нѣтъ, какъ величаютъ.
Бѣднякъ, людей увидя лесть,
Къ богатому неправу честь,
Къ себѣ неправое презрѣнье,
Вступилъ о томъ съ своимъ сосѣдомъ въ разсу-
жденье.
„Зачѣмъ“, онъ говоритъ ему:
„Достоинствамъ, уму
Богатство свѣтъ предпочитаетъ?“
— „Легко, мой другъ, понять:
Достоинства нельзя занять,
А деньги всякій занимаетъ“.

III.

ДВА СОСѢДА.

„Худой миръ лучше доброй ссоры“,
Пословица старинна говоритъ;
И каждый день намъ тожъ примѣрами твердитъ,

Какъ можно, не вплетаться въ споры;
А если и дойдётъ нечаянно до нихъ,
Не допуская вдаль, прервать сначала ихъ,
И лучше до суда хотя ни съ чѣмъ мириться,
Чѣмъ дѣло выиграть и вовсе просудиться,
Иль, спора о грошѣ, всѣмъ домомъ разориться.

—

На дворъ чужой свинья къ сосѣду забрела,
А со двора потомъ и въ садъ его зашла.
И тамъ бѣдъ пропасть накутила:
Гряду изрыла.
Встревожился весь домъ —
И въ домѣ бѣганье, содомъ:
„Собакъ, собакъ сюда!“ домашніе кричали.
Изъ избъ всѣ люди побѣжали —
И ну свинью травить,
Швырять въ неё, гонять и бить:
Со всѣхъ сторонъ на свинью напустили,
Полѣньями её, метлами, кочергой,
Тотъ шапкою швыркомъ, другой её ногой
(Обычай на Руси такой!)
Тутъ лай собакъ и визгъ свиной,
И крикъ людей, и стукъ побой
Такую кашу заварили,
Чтобъ и хозяинъ самъ бѣжалъ съ двора долой;
И люди травлю тѣмъ рѣшили,
Что, наконецъ, свинью убили
(Охотники тѣ люди были).
Сосѣди въ тяжбу межъ собой:
Непримиримая между сосѣдовъ злоба;
Огнёмъ другъ на друга сосѣди дышатъ оба:
Тотъ проситъ на того за садъ изрытый свой,
Другой же, что свинью его въ нёмъ затравили;
И первый говорилъ:
„Я живъ быть не хочу, чтобъ ты не заплатилъ,
Что у меня ты садъ изрылъ“.
Другой же говорилъ:
„Я живъ быть не хочу, чтобъ ты не заплатилъ,
Что у меня свинью мою ты затравилъ“.
Хоть виноваты оба были,
Но кстати-ль, чтобъ они другъ-другу уступили?
Нѣтъ, мысль ихъ не туда:
Во чтобъ ни стало имъ, хотятъ искать суда.
И подлинно, суда искали,
Пока всѣ животы судьямъ перетаскали:
Не стало ни кола у истцовъ, ни двора.
Тогда судьи имъ говорили:
„Мы дѣло ваше ужъ рѣшили:
Для пользы вашей и добра
Мириться вамъ пора“.

IV.

ДРУЗЬЯ.

Давно я зналъ, и вновь опять я научился,
Чтобъ другомъ никого, не испытавъ, не звать.

Случилось мужику чрезъ лёдъ переѣзжать —
И возъ его сквозь лёдъ, къ несчастью, провалился.
Мужикъ — метаться и кричать:
„Ой, батюшки, тону, тону! ой, помогите!“
— „Ребята, что же вы стоите?
Поможемъ-те!“ одинъ другому говорилъ,
Кто вмѣстѣ съ мужикомъ въ одномъ обозѣ былъ.
— „Поможемъ!“ каждый подтвердилъ.
Но къ возу, между-тѣмъ, никто не подходилъ.
А должно знать, что всѣ одной деревни были,
Друзьями межъ собою слыли,
Не разъ за братское здоровье вмѣстѣ пили;
А сверхъ того, между собой,
Для утвержденія ихъ дружбы круговой,
Крестами даже помѣнялись;
Другъ-друга братомъ всякъ зовётъ —
А братній возъ ко дну идётъ!
По счастью мужика, сторонніе сбѣжались
И вытащили возъ на лёдъ.

Я. Б. КНЯЖНИНЪ.

Яковъ Борисовичъ Княжнинъ родился 3-го октября 1742 года, во Псковѣ. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ домѣ своего отца и продолжалъ его въ Петербургѣ, подъ надворомъ профессора Модераха. Здѣсь выучился онъ языкамъ французскому, нѣмецкому и италіанскому, и началъ писать стихи. Окончивъ воспитаніе, Княжнинъ поступилъ на службу въ Иностранную коллегію, откуда вскорѣ перешелъ въ Контору строенія домовъ и садовъ. Затѣмъ онъ оставляетъ гражданскую службу и переходитъ въ военную — капитаномъ, съ назначеніемъ адъютантомъ въ штабъ графа Кириллы Григорьевича Разумовскаго. Около этого времени, то-есть въ 1769 году, онъ написалъ свою первую трагедію „Дидона“, обратившую на него вниманіе императрицы Екатерины. Потомъ отправился въ Москву, познакомился съ Сумароковымъ, при чёмъ поднёсъ ему свою „Дидону“, подружился съ нимъ и впослѣдствіи женился на его дочери, Екатеринѣ Александровнѣ. Около 1773 года, какія-то огорченія заставили его выйти въ отставку, послѣ чего онъ уединился

въ своёмъ семействѣ и занялся исключительно литературой. Это удаленіе отъ службы продолжалось около восьми лѣтъ, послѣ чего онъ получилъ мѣсто секретаря при знаменитомъ Бецкомъ. Впрочемъ, занятія по канцеляріи не препятствовали ему работать для театра. Въ 1784 году была окончена имъ и поставлена на сцену новая трагедія „Рославъ“, упрочившая окончательно его славу при Дворѣ и въ Петербургѣ. Тогда онъ перестаъ уединяться, а вскорѣ и самъ началъ жить открыто. Но и среди свѣтскихъ развлеченій онъ находилъ время трудиться для „Собесѣдника“, журнала благоволившей къ нему императрицы, работать для Россійской Академіи и говорить рѣчи на ея засѣданіяхъ, писать, по порученію государыни, трагедіи, какъ напримѣръ, „Титово милосердіе“ (1785), давать уроки русской словесности въ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ и сочинять стихи на различные случаи. Въ 1787 году онъ издалъ свои сочиненія въ четырехъ томахъ и посвятилъ ихъ Екатеринѣ II, которой былъ преданъ всѣмъ сердцемъ. Кромѣ упомянутыхъ нами выше, Княжнинымъ написаны были ещё слѣдующія драматическія произведенія: трагедіи — „Владиміръ и Ярополкъ“ (1772), „Софонизба“ (1786), „Владисанъ“ (1786) и „Вадимъ Новгородскій“ (1789); комедіи — „Хвастунъ“, „Неудачный примиритель“, „Трауръ“ и „Чудаки“; оперы — „Несчастіе отъ кареты“, „Сбитеньщикъ“, „Скупой“, „Орфей“, „Притворно-сумасшедшая“ и „Мужья — женихи своихъ женъ“. Послѣднія двѣ комедіи и послѣдняя опера были напечатаны уже по смерти Княжнина. Кромѣ того, ему приписываютъ напечатанныя въ 1779 году переложенія бѣлыми стихами „Сида“, „Помпеевой смерти“ и „Цинны“ Корнеля. Бѣлыми же стихами перевёлъ онъ „Генріаду“ Вольтера (1777) и прозой—романъ „Графъ Комендэкъ“ (1771). Послѣдняя изъ трагедій Княжнина, „Вадимъ Новгородскій“, написанная имъ въ 1789 году, то-есть въ годъ начала французской революціи, и не поставленная на сцену по ея *несвоевременности*, была напечатана, по распоряженію княгини Дашковой, въ 1793 году, отдѣльною книгой и въ 39 части „Россійскаго Ѳеатра“ — и это напечатаніе, совпавшее съ разгаромъ французской революціи, было причиною большихъ непріятностей, какъ для княгини, такъ и для вдовы и дѣтей покойнаго Княжнина. Книга была признана вредною; по словамъ митрополита Евгенія, она показалась *набатомъ*. Сначала предположено было сжечь её *рукою палача*; но затѣмъ, ограничились уничтоженіемъ оставшихся въ кладовой Академіи экземпляровъ трагедіи и вырѣзкою пьесы изъ „Россійскаго Ѳеатра“. Княжнинъ былъ членомъ Россійской Академіи и участвовалъ въ сочиненіи „Россійско-Академическаго Словаря“. Онъ скончался послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни 14-го января 1791 года въ Петербургѣ. „Сочиненія Якова Княжнина“ выдержали четыре изданія: первое—4 тома, Спб. 1787; второе—5 томовъ, М. 1802—1803; третье—5 томовъ, Спб. 1817—1818, и четвёртое (Смирдинское) 2 тома, Спб. 1847—1848.

I.

ИЗЪ ТРАГЕДІИ: „ВАДИМЪ НОВГОРОДСКІЙ“.

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ II.

Вадимъ, Пренестъ и Вигоръ.

Вадимъ.

Иль Рюрикъ столько могъ вашъ духъ преобразить,
Что вы лишь плачете, когда вашъ долгъ — разить?

Пренестъ.

Мы алчемъ вслѣдъ тебѣ навѣкъ себя прославить,
Разрушить гордый тронъ, отечество возставить;
Но хоть усердіе въ сердцахъ у насъ горитъ,
Однако, способовъ ещё къ тому не зритъ.
Пренебрегая дни и гнусны, и суровы,
Коль должно умереть — мы умереть готовы;
Но чтобы наша смерть не тщетная отъ зла
Спасти отечество любезное могла,
И, чтобы, узы рвать стремяся, мы, въ неволѣ,
Не отягчили бы сихъ узъ ещё и болѣ!
Намъ должно помощи безсмертныхъ ожидать —
И боги случай намъ удобный могутъ дать.

Вадимъ.

Такъ должно на боговъ намъ только полагаться,
И въ стадѣ человѣкъ безъ славы пресмыкаться?
Но боги случай дали намъ свободу возвратить,—
И сердце — чтобъ дерзать, и руки—чтобъ разить!
Ихъ помощь въ насъ самихъ: какой ещё хотите?
Ступайте, ползайте, ихъ грома тщетно ждите,
А я, одинъ за васъ во гнѣвѣ здѣсь кипя,
Подвигнусь умереть, владыки не терпя!
О, рокъ! Отечества три лѣта отлучённый,
За славою его побѣдой увлечённый,
Оставя вольность я, блаженство въ сихъ стѣнахъ,
На насъ воздвигшихся, свергаю гордость въ прахъ;
Я подвиговъ моихъ плоды несу народу:

Что жъ вижу здѣсь? Вельможъ утратившихъ свободу,
Во подлой робости согбенныхъ предъ царёмъ
И лобызающихъ подъ скиптромъ свой ярёмъ.
Скажите: какъ вы, зря отечества паденье,
Могли минуту жизнь продлить на посрамленье?
И если не могли свободы сохранить —
Какъ можно свѣтъ терпѣть и какъ желать вамъ жить?

Вигоръ.

Какъ прежде, мы горимъ къ отечеству любовью!

Вадимъ.

Не словомъ доказать, то должно бъ — вашей кровью!
Священно слово толь изъ вашихъ бросьте словъ.
Иль отечество быть можетъ у рабовъ?

Вигоръ.

Имѣя праведно духъ, грустью огорчённый,
Напрасно, противъ насъ ты, гнѣвомъ омрачённый,
Тягчишь невиннѣйшихъ толь лютою виной.
Едва предъ войскомъ ты разстался съ сей страной,
Вельможи многіе, къ злодѣйству видя средство,
И только сильные отечества на бѣдство,
Гордыню, зависть, злость, мятежъ ввели во градъ.
Жилище тишины преобразилось въ адъ;
Святая истина отселѣ удалилась;
Свобода, встрепетавъ, къ паденью наклонилась,
Междоусобіе со дерзостнымъ челомъ
На трупахъ соградданъ воздвигло смерти домъ.
Стремяся весь народъ быть пищей алчныхъ врановъ,
Сражался въ бѣшенствѣ за выборы тирановъ.
Весь Волховъ кровію дымящейся кипѣлъ.
Плачевный Новградъ, ты спасенія не зрѣлъ!
Почтенный Гостомыслъ, украшенъ сѣдинами,
Лишился всѣхъ сыновъ подъ здѣшними стѣнами,
И, плача не о нихъ — о бѣдствѣ сограждȧнъ,
Единъ къ отрадѣ намъ безсмертными былъ данъ.
Онъ Рюрика сего на помощь приглашаетъ;
Его мечомъ онъ намъ блаженство возвращаетъ.
Въ то время, лѣтами и бѣдствомъ изнурёнъ,
Дни кончилъ Гостомыслъ, отрадой озарёнъ,
Что могъ отечества возстановить спокойство;
Но, отходя къ богамъ, чтя Рюрика геройство,
Народу завѣщалъ — да сохранитъ онъ власть,
Скончавшую его стенанья и напасть.
Народъ нашъ, тронутый заслугой толь великой,
Поставилъ надъ собой спасителя владыкой.

Вадимъ.

Владыкой! Рюрика! — кого народъ сей спасъ?
Пришедъ на помощь намъ, чтб дѣлалъ онъ для насъ?
Онъ долгъ платилъ! Но коль его благодѣянья
Казалися вамъ быть достойны воздаянья —
Иль должно было вамъ свободою платить
И рабство ваше въ даръ заслугѣ положить?
О! души низкія, надущія предъ рокомъ
И увлекаемы случайности потокомъ —
Ахъ, еслибъ вы себя умѣли почитать!
Блаженъ бы Рюрикъ былъ, когда бъ возмогъ онъ стать,
Въ порфирѣ облечёнъ, гражданамъ вашимъ равенъ;
Великимъ титломъ симъ между царей всѣхъ славенъ,
Сей честью былъ бы онъ съ избыткомъ награждёнъ.
Гласите: Гостомыслъ, геройствомъ убѣжденъ,
Вамъ узы завѣщалъ, чтобъ кончить ваше бѣдство.
Иль вольность сограждȧнъ была его наслѣдство?
Иль могъ онъ васъ равно, какъ тѣхъ животныхъ дать,
Которыхъ для себя всякъ можетъ обуздать?

ДѢЙСТВІЕ V, ЯВЛЕНІЕ III.

Рюрикъ, Вадимъ *и народъ*.

Рюрикъ (*Вадиму*).

Желалъ ли я вѣнца—ты вѣдаешь то самъ!
Я нёсъ не для себя спасенье симъ странамъ...
Искалъ ли власти я, отъ коей отрицался,
И можетъ ли то быть, чтобъ скиптромъ я прельщался?
Иль славы придалъ мнѣ тронъ пышностью своей?
Кто спасъ народъ отъ бѣдъ—превыше тотъ царей,
Въ утѣхахъ дремлющихъ подъ сѣнію короны!
Но сограждȧнъ твоихъ тогда плачевны стоны
Мой духъ принудили — ихъ счастья не лишить.
Начавъ благотворить — былъ долженъ довершить.
Отверженную мной я принялъ здѣсь корону,
Чтобъ вашему для васъ покорствовать закону.
Я чѣмъ мрачу мой тронъ? Гдѣ первый судія?
Вы вольны, счастливы — стонаю только я.
Который гражданинъ, хранящій добродѣтель,
Возможетъ укорить, что былъ я зла содѣтель?
Единой правды чтя священнѣйшій уставъ,
Я отнялъ ли хотя черту отъ вашихъ правъ?
И если иногда отъ строгости закона
Изъ устъ несчастливыхъ я слышалъ жалость стона,
Чего я правдою стонающихъ лишалъ,
За-то — щедротою моею утѣшалъ.
Скажите — истину ль, граждȧне, я вѣщаю?
Въ свидѣтели и васъ я, боги, призываю!
Вы знаете, что я, имѣя вашу власть,
Страшился слабостей подъ бременемъ упасть;
И прихоть гордости, я, долгомъ удручая,
Нёсъ иго скипетра, себя не примѣчая.

Г. Р. ДЕРЖАВИНЪ.

Гавріилъ Романовичъ Державинъ, величайшій изъ русскихъ лириковъ прошлаго вѣка, пѣвецъ „Бога“ и „Фелицы“, родился въ Казани 3-го іюля 1743 года. Раннее дѣтство Державина прошло въ скитаньяхъ по городамъ восточной Россіи. Ему не исполнилось ещё и году, когда его родители должны были переселиться, вмѣстѣ съ нимъ, въ Яранскъ, Вятской губерніи, а потомъ въ Ставрополь, Саратовской, и, наконецъ, въ 1749 году въ Оренбургъ. Хотя есть извѣстіе, что маленькій Державинъ умѣлъ уже читать на четвёртомъ году, но оффиціальное воспитаніе его началось позже, именно—въ Оренбургѣ, когда ему было семь лѣтъ. Первымъ наставникомъ его былъ ссыльный изъ нѣмцевъ, Іосифъ Розе. Всё, что пріобрѣлъ отъ него ребёнокъ въ теченіе четырёхлѣтняго ученія, это — довольно-слабое умѣнье писать, читать и говорить по-нѣмецки. По смерти мужа, вдова Державина переселилась со всѣмъ семействомъ въ Казань, а сына, въ ожиданіи открытія гимназіи, отдала, для обученія ариѳметикѣ и геометріи, артиллеріи, штыкъ-юнкеру Полетаеву. Наконецъ, 21-го января 1759 года Казанская гимназія была открыта — и Державинъ вступилъ въ число ея воспитанниковъ. Но и тутъ пробылъ онъ всего три года. Не окончивъ и скуднаго своего воспитанія, онъ долженъ былъ отправиться въ Петербургъ, такъ какъ въ началѣ 1762 года пришло въ Казанскую гимназію требованіе, чтобы онъ немедленно явился въ Преображенскій полкъ, куда былъ записанъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. По пріѣздѣ въ столицу, онъ немедленно былъ зачисленъ на дѣйствительную службу, и 28-го іюня того же года, въ день вступленія на престолъ императрицы Екатерины II, стоялъ уже на часахъ въ Зимнемъ дворцѣ. Вотъ какъ описываетъ самъ Державинъ своё житьё-бытьё въ первый годъ своего пребыванія въ Петербургѣ: „Поступивъ на настоящую службу, жилъ я въ казармѣ, между многими женатыми и холостыми. По тѣснотѣ, неудобно мнѣ было заниматься ни музыкою, ни рисованьемъ. Оставивъ сіи искусства, занимался я безпрестанно, когда другіе спали, чтеніемъ книгъ, кои въ Петербургѣ удобнѣе было доставать; также писаньемъ для разныхъ людей писемъ, а иногда стиховъ на разные случаи, единственно для себя. Правила поэзіи почерпалъ я изъ сочиненій Тредіаковскаго, а въ выраженіяхъ и словахъ старался подражать Ломоносову, но, не имѣя подобнаго ему таланта, въ томъ не успѣвалъ“. Такимъ образомъ, промаялся онъ цѣлыя семь лѣтъ, то-есть до производства въ первый офицерскій чинъ. Съ перемѣной общественнаго положенія, у Державина оказалось столько свободнаго времени, что онъ могъ посвятить нѣкоторую его часть на изученіе нѣмецкаго языка, и съ этою цѣлью сталъ переводить произведенія Клейста, Гагедорна и другихъ. Благодаря своимъ занятіямъ, Державинъ вскорѣ свелъ знакомство съ Херасковымъ, Хемницеромъ, директоромъ Академіи Наукъ, Домашневымъ и другими. Сочиненія свои онъ бо́льшею частью истреблялъ, а если что́ и оставлялъ, то показывалъ ихъ только изрѣдка своимъ ближайшимъ друзьямъ. Однако, не смотря на всё недовѣріе къ своимъ силамъ, онъ принялся около этого времени за переводъ „Мессіады“ Клопштока, и перевёлъ уже двѣ пѣсни изъ этой поэмы, когда Домашневъ, выпросивъ у него переводъ для прочтенія, потерялъ его, и тѣмъ лишилъ Державина возможности и охоты продолжать свой трудъ. Въ это же время были напечатаны, тайкомъ отъ него, въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ, нѣкоторыя его стихотворенія, въ томъ числѣ „Посланіе Вавлиды къ Кавку“ Овидія, чѣмъ авторъ, однако, остался не совсѣмъ доволенъ.

Вскорѣ обстоятельства измѣняются—и въ 1773 году мы уже видимъ Державина въ приволжскихъ степяхъ, куда онъ уѣзжаетъ вмѣстѣ съ генераломъ Бибиковымъ, назначеннымъ для дѣйствій противъ Пугачёва. Здѣсь Державинъ заживаетъ настоящею жизнью воина: вихремъ переносится изъ одной губерніи въ другую, проводитъ дни и ночи подъ открытымъ небомъ и исполняетъ удачно возлагаемыя на него порученія. Онъ разбиваетъ большое скопище мятежниковъ, готовившихся вторгнуться по рѣкѣ Иргизу во внутреннія губерніи Имперіи, защищаетъ саратовскія луговыя колоніи отъ разграбленія ихъ киргизъ-кайсаками и, послѣ удачнаго сраженія съ ними, освобождаетъ болѣе тысячи семей, захваченныхъ мятежниками. Наградою Державина за оказанные имъ подвиги были — чинъ капитанъ-поручика и 300 душъ крестьянъ въ Бѣлоруссіи, а вскорѣ послѣ того и чинъ полковника арміи. Во время службы своей при Бибиковѣ, Державинъ писалъ много, а по возвращеніи въ Петербургъ издалъ книжку своихъ стихотвореній, назвавъ ихъ „Читалагайскими одами“, по имени горы, около которой онъ жилъ довольно долго, во время своей экспедиціи. Только „Ода на знатность“ встрѣтила общее одобреніе; что же ка-

сается остальныхъ, то они прошли почти незамѣченными.

Въ 1778 году Гавріилъ Романовичъ женился на Екатеринѣ Яковлевнѣ Бастидоновой, воспѣтой имъ подъ именемъ Плѣниры,— прелестной и доброй дѣвушкѣ, страстно полюбившей поэта. Бракъ этотъ можно назвать вполнѣ счастливымъ. Между-тѣмъ Державину не очень счастливилось по службѣ: переведённый въ Сенатъ, онъ только черезъ пять лѣтъ получилъ чинъ статскаго совѣтника, а въ 1784 году, вслѣдствіе разныхъ непріятностей, былъ уволенъ отъ службы съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Тогда, не стѣсняемый болѣе служебными занятіями, Державинъ отдался весь поэзіи. Ободряемый любовью жены и похвалами друзей, Львова, Капниста и другихъ, а также подкрѣпляемый ихъ добрыми совѣтами и наставленіями Баттё, Державинъ, подражавшій до того Ломоносову, сталъ мало-по-малу выходить на новую дорогу, которая, впослѣдствіи, прославила его имя и передала его потомству. Но и теперь Державинъ всё ещё относился скептически къ своимъ произведеніямъ, и, печатая ихъ въ „Санктпетербургскомъ Вѣстникѣ“, никогда не подписывалъ подъ ними своего имени. Напрасно разсказывали ему о томъ впечатлѣніи, которое производили его безыменныя стихотворенія въ обществѣ: поэтъ болѣе удивлялся, чѣмъ радовался этимъ извѣстіямъ. И это недовѣріе къ собственнымъ силамъ тѣмъ болѣе изумительно, что онъ въ это время уже былъ авторомъ такихъ стихотвореній, какъ напримѣръ: „На рожденіе въ Сѣверѣ порфиророднаго отрока“, „На смерть князя Мещерскаго“, „Къ первому сосѣду“, „Властителямъ и Судьямъ“ и другихъ. Но, наконецъ, геній Державина явился во всёмъ блескѣ въ лучшемъ, быть-можетъ, произведеніи нашего лирика — въ „Фелицѣ“. Написанная въ 1782 году, по поводу выхода въ свѣтъ сказки императрицы Екатерины: „Царевичъ Хлоръ“, и напечатанная друзьями поэта, безъ его вѣдома, въ „Собесѣдникѣ“ графини Дашковой, „Фелица“ обратила вниманіе Императрицы Екатерины на поэта. Прочитавъ „Фелицу“, Екатерина осталась очень довольна какъ ея содержаніемъ, такъ и формою, и подарила автору золотую табакерку съ 500 червонцами. Успѣхъ „Фелицы“ ободрилъ Державина и поощрилъ его къ новымъ произведеніямъ. За „Фелицею“ послѣдовала „Благодарность Фелицѣ“, „Видѣніе Мурзы“ и „Рѣшемыслу“. Послѣднее стихотвореніе было написано Державинымъ съ цѣлью снискать расположеніе Потёмкина; но изъ этого ничего не вышло, и заискиванье поэта пропало даромъ. Наконецъ, въ 1784 году, было напечатано въ „Собесѣдникѣ“ знаменитое его произведеніе: ода „Богъ“, упрочившая его славу и сдѣлавшая его имя извѣстнымъ не только въ Россіи, но и за границею. Ода начата была имъ ещё въ 1780 году, по возвращеніи отъ заутрени Свѣтлаго Христова воскресенья; но должностныя занятія и столичныя развлеченія долго не давали ему её окончить. Наконецъ, весною 1784 года, онъ, по выходѣ въ отставку, отправился въ Нарву и тамъ дописалъ свою оду, мысль о которой тревожила его въ теченіе почти четырёхъ лѣтъ. Ни одно изъ стихотвореній этого рода не имѣло такого успѣха, какъ ода „Богъ“. Она переведена на языки: нѣмецкій, французскій, англійскій, италіанскій, испанскій, польскій, чешскій, латинскій и японскій. Однихъ французскихъ переводовъ, по счету В. С. Полторацкаго, существуетъ болѣе пятнадцати, не считая прозаическаго перевода Жуковскаго, сдѣланнаго имъ въ 1799 году, когда онъ былъ ещё ученикомъ благороднаго пансіона при Московскомъ университетѣ.

Но Державинъ не долго пользовался независимостью своего положенія: императрица Екатерина, ровно черезъ четыре мѣсяца по выходѣ его въ отставку, по собственному побужденію, опредѣлила его губернаторомъ въ Олонецкую губернію, гдѣ въ то время генералъ-губернаторствовалъ Тутолминъ, родственникъ князя Вяземскаго, бывшаго начальника Державина по Сенату. Такъ какъ Державинъ былъ не въ ладахъ съ Вяземскимъ, то Тутолминъ, на первыхъ же порахъ, не поладилъ съ Державинымъ, и въ слѣдующемъ 1785 году состоялся переводъ Державина губернаторомъ въ Тамбовъ.

Съ переѣздомъ въ Тамбовъ, Державинъ усердно принялся за службу: написалъ „Постановленіе о больницахъ Приказа Общественнаго Призрѣнія“, „Проектъ о судоходствѣ въ Тамбовской губерніи“ и „Топографическое описаніе Тамбовской губерніи“, и вовсе не сочинялъ стиховъ, если не считать „Пролога“, написаннаго имъ для своего домашняго театра. Но горячій нравъ и прямодушіе вовлекли его и здѣсь въ тысячи непріятностей — и ни старанія друзей, ни собственныя объясненія не помогли ему: отрѣшенный отъ службы, онъ былъ отданъ подъ судъ. До сихъ поръ, въ теченіе двухъ съ половиной лѣтъ, съ самаго переѣзда въ Тамбовъ, Державинъ воздерживался отъ сочине-

нія стиховъ; но когда увидѣлъ, что и это не помогаетъ и его по прежнему гонятъ и бранятъ, онъ принялся снова за перо съ удвоенною ревностію—и цѣлый рядъ прекрасныхъ стихотвореній обогатилъ нашу литературу. Это были: „На смерть графини Румянцевой", „Осень во время осады Очакова", „Побѣдителю", „Величіе Божіе", „На счастіе", „Изображеніе Фелицы" и другія. Въ 1790 году мы видимъ Державина снова въ Петербургѣ, гдѣ первымъ его произведеніемъ была ода: „На взятіе Измаила", написанная имъ въ самомъ началѣ 1791 года, то-есть тотчасъ послѣ того, какъ графъ Зубовъ привезъ это радостное извѣстіе императрицѣ. Прочитавъ поднесённую ей оду, великая Екатерина осыпала автора самыми восторженными похвалами и вручила ему въ подарокъ осыпанную бриліантами табакерку. Великолѣпный князь Тавриды, по пріѣздѣ своёмъ въ Петербургъ, также изъявилъ поэту свою искреннюю благодарность за его стихотвореніе — и вскорѣ Державинъ, описавшій, по его просьбѣ, великолѣпный праздникъ въ Таврическомъ дворцѣ, данный Потёмкинымъ по случаю взятія Измаила, былъ оправданъ по суду и взятъ императрицею въ статсъ-секретари. Въ этой новой должности Державинъ могъ свободно писать обо всёмъ, не стѣсняясь служебными отношеніями, хотя и долженъ былъ, прежде напечатанія, показывать всё имъ написанное самой императрицѣ. Къ этому времени относятся слѣдующія стихотворенія: „Прогулка въ Царскомъ Селѣ", „Памятникъ герою", „Къ второму сосѣду", „Водопадъ", „На умѣренность", „На рожденіе в. к. Ольги Павловны", „Къ Н. А. Львову", „Храповицкому", „Горѣлки" и другія. Затѣмъ, въ 1793 году, Державинъ былъ сдѣланъ сенаторомъ въ день бракосочетанія великаго князя Александра Павловича (28-го сентября того же года), произведёнъ въ тайные совѣтники и пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Владиміра 2-го класса, а, нѣсколько недѣль спустя, назначенъ президентомъ Коммерцъ-коллегіи. Не смотря на трудныя служебныя обязанности, сопряжённыя съ новою должностью, Державинъ и тутъ находилъ время для своихъ любимыхъ занятій. Оплакивая потерю горячо-любимой жены, скончавшейся въ ранней молодости, онъ прилежно занимался поэзіею. Вотъ болѣе замѣчательныя стихотворенія Державина, написанныя имъ до 1796 года, т. е. до смерти императрицы Екатерины: „Буря", „Ласточка", „На гробъ Е. Я. Державиной", „Призваніе и явленіе Плѣниры", „Мой истуканъ", „Вельможа", „Соловей", „Павлинъ", „На кончину графа Орлова", „Побѣда красоты", „Пчёлка", „Памятникъ" и многія другія, которыя онъ собралъ въ одну рукописную тетрадь и поднёсъ государынѣ. Со смертью великой Екатерины, которой вѣкъ и дѣла были главнымъ источникомъ его вдохновеній, Державинъ понялъ, что поприще его кончено, что звѣзда его закатилась и что ему нечего дѣлать при Дворѣ. Императоръ Павелъ назначилъ-было Гавріила Романовича правителемъ канцеляріи Государственнаго Совѣта, но вскорѣ отмѣнилъ своё распоряженіе и оставилъ старика въ прежнемъ званіи сенатора. Державинъ снёсъ это безъ ропота, снова принялся за прежнія дѣла, и только изрѣдка развлекалъ себя переводами одъ Горація и псалмовъ Давида.

Въ 1799 году, ознаменованномъ побѣдами Суворова въ Италіи, Державинъ снова берётся за перо. Изъ ряда одъ, посвященныхъ маститымъ поэтомъ подвигамъ русскихъ войскъ въ Италіи, лучшія: „На побѣды въ Италіи" и „На переходъ Альпійскихъ горъ". Обѣ оды удостоились милостиваго вниманія императора Павла. Вскорѣ послѣ того, онъ былъ снова назначенъ президентомъ Коммерцъ-коллегіи, а черезъ три мѣсяца — государственнымъ казначеемъ. Въ день коронаціи императора Александра I Гавріилъ Романовичъ былъ пожалованъ кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго и, вслѣдъ затѣмъ, уволенъ отъ всѣхъ своихъ должностей, за исключеніемъ сенаторской. Въ 1802 году, при образованіи министерствъ, государь назначилъ Державина министромъ юстиціи; но вскорѣ самъ маститый поэтъ увидѣлъ, что новая должность ему не по лѣтамъ, и потому черезъ годъ, по собственной просьбѣ, былъ уволенъ въ отставку, съ полученіемъ въ пенсіонъ прежняго жалованья. Съ тѣхъ поръ Державинъ до самой смерти проживалъ лѣто въ своей новгородской деревнѣ, Званкѣ, на р. Волховѣ, а зиму — въ Петербургѣ, посвящая всё свободное отъ занятій по хозяйству время литературѣ и, притомъ, почти исключительно — поэзіи. Но всё написанное имъ съ этого времени, не исключая и драматическихъ произведеній, не представляетъ ничего сколько-нибудь замѣчательнаго. Старость, видимо, гасила живительную искру въ душѣ его и налагала свою разрушительную печать на его воображеніе. Изъ всей массы стиховъ, написанныхъ Державинымъ въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ, выдаются всего только двѣ пьесы: „Жизнь Званская" и „Атаману и войску донскому". Первое

стихотвореніе — есть посланіе поэта къ епископу старорусскому Евгенію Болховитинову, бывшему потомъ митрополитомъ кіевскимъ, о своёмъ житьѣ-бытьѣ въ Званкѣ, а второе — посланіе къ тогдашнему атаману войска донского, Платову. Въ началѣ весны 1816 года Державинъ, по обыкновенію, переѣхалъ въ Званку, гдѣ и скончался 9-го іюля того же года, на 73 году отъ рожденія. Тѣло его, согласно желанію покойнаго, погребено въ Хутынскомъ Варлаамовомъ монастырѣ. Глыба гранита, увѣнчанная черною мраморною урной и окруженная вызолоченною рѣштекой, украшаетъ его могилу. Другой памятникъ Державину поставленъ, съ 1847 года, въ Казани, противъ университета.

Въ восемнадцатомъ столѣтіи Россія произвела всего только одного поэта, въ полномъ значеніи этого слова: это былъ — Державинъ. Какъ лирикъ, онъ стоитъ неизмѣримо выше всѣхъ современныхъ ему и предшествовавшихъ стихотворцевъ, не исключая самого Ломоносова. Живя и дѣйствуя въ лучшую эпоху вѣка, ознаменованную блестящимъ царствованіемъ великой Екатерины, дѣла которой были предметомъ удивленія современниковъ и потомства, Державинъ, ещё будучи юношей, понялъ всё величіе этой государыни — и вѣкъ ея, вѣкъ великихъ дѣлъ и славы Россіи, сталъ источникомъ его вдохновеній. Онъ пѣлъ её, свою божественную Фелицу, глубоко поражённый ея величіемъ, и не лесть, а искреннее чувство управляло его перстами, перебиравшими струны высоко-настроенной лиры. Читая оды Державина, хотя иногда и тяжеловатыя по стиху, нельзя не удивляться ихъ поэтической восторженности, глубинѣ мыслей и силѣ выраженія. Державинъ былъ, по выраженію одного извѣстнаго критика, „первый живой глаголъ русской поэзіи", и это совершенно справедливо, такъ-какъ до Державина Россія не имѣла ни одного истиннаго поэта. Но, рождённый поэтомъ, онъ самъ не вполнѣ понималъ своё истинное призваніе: мѣнялъ лиру на мечъ, поэзію — на канцелярскія занятія, часто совсѣмъ отказывался отъ поэзіи, досадуя на неудачи по службѣ. Лучшая пора поэтической дѣятельности Державина — есть время между появленіемъ „Фелицы" и концомъ царствованія Екатерины. Державинъ былъ, вообще, добръ, правдивъ, постояненъ въ дружбѣ и откровененъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣлъ характеръ крайне-раздражительный, вслѣдствіе чего часто говорилъ и дѣйствовалъ рѣзко, и тѣмъ навлекалъ на себя большія непріятности. Стихотворенія Державина были изданы, при жизни автора, четыре раза; именно: въ 1776 году („Оды, переведённыя и сочинённыя при горѣ Читалагаѣ 1774 года"), въ 1798 („Сочиненія Державина", ч. I), въ 1804 („Анакреонтическія пѣсни") и въ 1808 („Сочиненія Державина", четыре части), да въ 1816 — 5-й томъ къ изданію 1808 года. Затѣмъ, книгопродавецъ Смирдинъ издалъ въ 1831 году новое „Полное собраніе сочиненій Державина", перепечатанное имъ ещё разъ въ 1833 году; а въ 1845 году книгопродавецъ Штукинъ издалъ „Сочиненія Державина" съ біографіей и предисловіемъ, соч. Николаемъ Алексѣевичемъ Полевымъ. Это довольно полное и исправное изданіе долгое время считалось за лучшее, и только со времени появленія въ свѣтъ послѣдняго изданія „Сочиненій Державина, съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота" (1864—1872, семь томовъ), потеряло свою прежнюю цѣну.

I.

БОГЪ.

О Ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеньи вещества,
Теченьемъ времени превѣчный,
Безъ лицъ, въ трёхъ лицахъ Божества!
Духъ всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто всё собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ — Богъ!

Измѣрить океанъ глубокій,
Сочесть пески, лучи планетъ
Хотя и могъ бы умъ высокій —
Тебѣ числа и мѣры нѣтъ!
Не могутъ духи просвѣщенны,
Отъ свѣта Твоего рожденны,
Изслѣдовать судебъ Твоихъ;
Лишь мысль къ Тебѣ вознестись дерзаетъ —
Въ Твоёмъ величьи исчезаетъ,
Какъ въ вѣчности прошедшій мигъ.

Хаоса бытность доврéменну
Изъ безднъ Ты вѣчности воззвалъ,
А вѣчность, прежде вѣкъ рожденну,
Въ себѣ самомъ Ты основалъ:
Себя собою составляя,

Собою изъ себя сіяя,
Ты свѣтъ, откуда свѣтъ истекъ.
Создавый всё единымъ словомъ,
Въ твореньи простираясь новомъ,
Ты былъ, Ты есть, Ты будешь вѣкъ!

Ты цѣпь существъ въ себѣ вмѣщаешь,
Её содержишь и живишь,
Конецъ съ началомъ сопрягаешь
И смертію животъ даришь.
Какъ искры сыплются, стремятся,
Такъ солнцы отъ Тебя родятся.
Какъ въ мразный, ясный день зимой
Пылинки инея сверкаютъ,
Вратятся, зыблются, сіяютъ:
Такъ звѣзды въ безднахъ подъ Тобой.

Свѣтилъ возжённыхъ милліоны
Въ неизмѣримости текутъ;
Твои они творятъ законы:
Лучи животворящи льютъ.
Но огненны сіи лампады,
Иль рдяныхъ кристалей громады,
Иль волнъ златыхъ кипящій сонмъ,
Или горящіе эѳиры,
Иль вкупѣ всѣ свѣтящи міры
Передъ Тобой — какъ нощь предъ днёмъ.

Какъ капля въ море опущенна,
Вся твердь передъ Тобой сія;
Но что̀ мной зримая вселенна?
И что̀ передъ Тобою я?
Въ воздушномъ океанѣ ономъ,
Міры умножа милліономъ
Стократъ другихъ міровъ — и то,
Когда дерзну сравнить съ Тобою,
Лишь будетъ точкою одною,
А я передъ Тобой — ничто.

Ничто! — Но Ты во мнѣ сіяешь
Величествомъ Твоихъ добротъ;
Во мнѣ Себя изображаешь,
Какъ солнце — въ малой каплѣ водъ.
Ничто! — Но жизнь я ощущаю,
Несытымъ нѣкакимъ летаю
Всегда пареньемъ въ высоты;
Тебя душа моя быть чаетъ,
Вникаетъ, мыслитъ, разсуждаетъ:
Я есмь — конечно, есть и Ты!

Ты есть! природы чинъ вѣщаетъ,
Гласитъ моё мнѣ сердце то̀;
Меня мой разумъ увѣряетъ:
Ты есть — и я ужъ не ничто!
Частица цѣлой я вселенной,
Поставленъ, мнится мнѣ, въ почтенной
Срединѣ естества я той,
Гдѣ кончилъ тварей Ты тѣлесныхъ,
Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ
И цѣпь существъ связалъ всѣхъ мной.

Я — связь міровъ, повсюду сущихъ,
Я — крайня степень вещества,
Я — средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества;
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю;
Я царь — я рабъ, я червь — я Богъ!
Но, будучи я столь чудесенъ,
Отколѣ происшёлъ? — Безвѣстенъ;
А самъ собой я быть не могъ.

Твоё созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источникъ жизни, благъ Податель,
Душа души моей и Царь!
Твоей то̀ правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бездну преходило
Моё безсмертно бытіё,
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ, въ безсмертіе Твоё!

Неизъяснимый, Непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображенія безсильны
И тѣни начертать Твоей;
Но если славословить должно,
То слабымъ смертнымъ невозможно
Тебя ничѣмъ инымъ почтить,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться,
Въ безмѣрной разности теряться
И благодарны слёзы лить.

II.

ФЕЛИЦА.

Богоподобная царевна
Киргизъ-Кайсацкія орды,
Которой мудрость несравненна
Открыла вѣрные слѣды
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоку гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ,

Гдѣ добродѣтель обитаетъ.
Она мой духъ и умъ плѣняетъ:
Подай найти её совѣтъ!

Подай, Фелица, наставленье:
Какъ честно и правдиво жить,
Какъ укрощать страстей волненье
И счастливымъ на свѣтѣ быть?
Меня твой голосъ возбуждаетъ,
Меня твой сынъ препровождаетъ;
Но имъ послѣдовать я слабъ:
Мятясь житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотямъ я рабъ.

Мурзамъ твоимъ не подражая,
По-часту ходишь ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за твоимъ столомъ;
Не дорожа твоимъ покоемъ,
Читаешь, пишешь предъ налоемъ,
И всѣмъ изъ твоего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь;
Подобно въ карты не играешь,
Какъ я, отъ утра до утра.

Не слишкомъ любишь маскарады,
А въ клобъ не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкихотствуешь собой;
Коня парнасска не сѣдлаешь,
Къ духамъ въ собранье не въѣзжаешь,
Не ходишь съ трона на востокъ;
Но, кротости ходя стезёю,
Благотворящею душою
Полезныхъ дней проводишь токъ.

А я, проспавши до полудни,
Курю табакъ и кофе пью;
Преобращая праздникъ въ будни,
Кружу въ химерахъ мысль мою:
То плѣнъ отъ персовъ похищаю,
То стрѣлы къ туркамъ обращаю;
То, возмечтавъ, что я султанъ,
Вселенну устрашаю взглядомъ;
То вдругъ, прельщаяся нарядомъ,
Скачу къ портному по кафтанъ.

Или въ пиру я пребогатомъ,
Гдѣ праздникъ для меня даютъ,
Гдѣ блещетъ столъ сребромъ и златомъ,
Гдѣ тысячи различныхъ блюдъ —
Тамъ славный окорокъ вестфальскій,
Тамъ звенья рыбы астраханской,
Тамъ пловъ и пироги стоятъ —
Шампанскимъ вафли запиваю,
И всё на свѣтѣ забываю
Средь винъ, сластей иароматъ.

Или средь рощицы прекрасной,
Въ бесѣдкѣ, гдѣ фонтанъ шумитъ,
При звонѣ арфы сладкогласной,
Гдѣ вѣтерокъ едва дышйтъ.
Гдѣ всё мнѣ роскошь представляетъ,
Къ утѣхамъ мысли уловляетъ,
Томитъ и оживляетъ кровь,
На бархатномъ диванѣ лежа,
Младой дѣвицы чувства нѣжа,
Вливаю въ сердце ей любовь.

Илй великолѣпнымъ цугомъ
Въ каретѣ англійской, златой,
Съ собакой, шутомъ, или другомъ,
Или съ красавицей какой,
Я подъ качелями гуляю,
Въ шинки пить мёду заѣзжаю;
Или, какъ тò наскучитъ мнѣ,
По склонности моей къ премѣнѣ,
Имѣя шапку на бекренѣ,
Лечу на рѣзвомъ бѣгунѣ.

Или музыкой и пѣвцами,
Органомъ и волынкой вдругъ,
Илй кулачными бойцами
И пляской веселю мой духъ;
Илй, о всѣхъ дѣлахъ заботу
Оставя, ѣзжу на охоту
И забавляюсь лаемъ псовъ;
Или надъ невскими брегами
Я тѣшусь по ночамъ рогами
И греблей удалыхъ гребцовъ.

Иль, сидя дома, я прокàжу,
Играя въ дураки съ женой;
То съ ней на голубятню лажу,
То въ жмурки рѣзвимся порой,
То въ свайку съ нею веселюся,
То ею въ головѣ ищуся;
То въ книгахъ рыться я люблю —
Мой умъ и сердце просвѣщаю:
„Полкана“ и „Бову“ читаю,
За „Библіей“, зѣвая, сплю.

Таковъ, Фелица, я развратенъ!
Но на меня весь свѣтъ похожъ.

Кто сколько мудростью ни знатенъ,
Но всякій человѣкъ есть — ложь.
Не ходимъ свѣта мы путями,
Бѣжимъ разврата за мечтами.
Между лѣнтяемъ и брюзгой,
Между тщеславья и порокомъ
Нашёлъ кто развѣ ненарокомъ
Путь добродѣтели прямой.

Нашёлъ — но льзя ль не заблуждаться
Намъ, слабымъ смертнымъ, въ сёмъ пути,
Гдѣ самъ разсудокъ спотыкаться
И долженъ вслѣдъ страстямъ итти?
Гдѣ намъ ученые невѣжды,
Какъ мгла у путниковъ, тмятъ вѣжды?
Вездѣ соблазнъ и лесть живётъ:
Пашей всѣхъ роскошь угнетаетъ.
Гдѣ жъ добродѣтель обитаетъ?
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ?

Тебѣ единой лишь пристойно,
Царевна, свѣтъ изъ тьмы творить;
Дѣля хаосъ на сферы стройно,
Союзомъ цѣлость ихъ крѣпить;
Изъ разногласія согласье
И изъ страстей свирѣпыхъ счастье
Ты можешь только созидать.
Такъ кормщикъ, черезъ Понтъ плывущій,
Ловя подъ парусъ вѣтръ ревущій,
Умѣетъ судномъ управлять.

Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхожденьемъ правишь;
Какъ волкъ овецъ, людей не давишь —
Ты знаешь прямо цѣну ихъ:
Царей они подвластны волѣ,
Но Богу правосудну — болѣ,
Живущему въ законахъ ихъ.

Ты здраво о заслугахъ мыслишь,
Достойнымъ воздаешь ты честь;
Пророкомъ ты того не числишь,
Кто только риѳмы можетъ плесть.
А что сія ума забава —
Калифовъ добрыхъ честь и слава,
Снисходишь ты на лирный ладъ:
Поэзія тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.

Слухъ идетъ о твоихъ поступкахъ,
Что ты нимало не горда,
Любезна и въ дѣлахъ, и въ шуткахъ,
Пріятна въ дружбѣ и тверда;
Что ты въ напастяхъ равнодушна,
А въ славѣ такъ великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть.
Ещё же говорятъ не ложно,
Что будто завсегда возможно
Тебѣ и правду говорить.

Неслыханное также дѣло,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смѣло
О всёмъ—и въявь, и подъ рукой—
И знать, и мыслить позволяешь,
И о себѣ не запрещаешь
И быль, и нѣбыль говорить;
Что будто самымъ крокодиламъ,
Твоихъ всѣхъ милостей зоиламъ,
Всегда склоняешься простить.

Стремятся слезъ пріятныхъ рѣки
Изъ глубины души моей.
О, коль счастливы человѣки
Тамъ должны быть судьбой своей,
Гдѣ ангелъ кроткій, ангелъ мирной,
Сокрытый въ свѣтлости порфирной,
Съ небесъ ниспосланъ скиптръ носить!
Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ
И, казни не боясь, въ обѣдахъ
За здравіе царей не пить.

Тамъ съ именемъ Фелицы можно
Въ строкѣ описку подскоблить,
Или портретъ неосторожно
Ея на землю уронить;
Тамъ свадебъ шутовскихъ не парятъ,
Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ;
Не щёлкаютъ въ усы вельможъ;
Князья насѣдками не клохчутъ,
Любимцы въявь имъ не хохочутъ
И сажей не мараютъ рожъ.

Ты вѣдаешь, Фелица, правы
И человѣковъ, и царей:
Когда ты просвѣщаешь нравы,
Ты не дурачишь такъ людей;
Въ твои отъ дѣлъ отдохновенья
Ты пишешь въ сказкахъ поученья,
И Хлору въ азбукѣ твердишь:
„Не дѣлай ничего худого—

И самого сатира злого
Лжецомъ презрѣннымъ сотворишь".

Стыдишься слыть ты тѣмъ великой,
Чтобъ страшной, нелюдимой быть:
Медвѣдицѣ приличной дикой
Животныхъ рвать и кровь ихъ пить.
Безъ крайняго въ горячкѣ бѣдства
Тому ланцетовъ нужны-ль средства,
Безъ нихъ кто обойтися могъ?
И славно-ль быть тому тираномъ,
Великимъ въ звѣрствѣ Тамерланомъ,
Кто благостью великъ, какъ Богъ?

Фелицы слава—слава Бога,
Который брани усмирилъ,
Который сира и убога
Покрылъ, одѣлъ и накормилъ;
Который окомъ лучезарнымъ
Шутамъ, трусамъ неблагодарнымъ
И праведнымъ свой свѣтъ даритъ,
Равно всѣхъ смертныхъ просвѣщаетъ
Больныхъ покоитъ, исцѣляетъ,
Добро лишь для добра творитъ;

Который даровалъ свободу
Въ чужія области скакать,
Позволилъ своему народу
Сребра и золота искать;
Который воду разрѣшаетъ
И лѣсъ рубить не запрещаетъ,
Велитъ и ткать, и прясть, и шить;
Развязывая умъ и руки,
Велитъ любить торги, науки
И счастье дома находить;

Котораго законъ, десница
Даютъ и милости, и судъ.
Вѣщай, премудрая Фелица:
Гдѣ отличенъ отъ честныхъ плутъ?
Гдѣ старость по міру не бродитъ?
Заслуга хлѣбъ себѣ находитъ?
Гдѣ месть не гонитъ никого?
Гдѣ совѣсть съ правдой обитаютъ?
Гдѣ добродѣтели сіяютъ?
У трона развѣ твоего!

Но гдѣ твой тронъ сіяетъ въ мірѣ?
Гдѣ, вѣтвь небесная, цвѣтёшь?
Въ Багдадѣ, Смирнѣ, Кашемирѣ?
Послушай: гдѣ ты ни живёшь,—
Хвалы мои тебѣ примѣтя,
Не мни, чтобъ шапки иль бешметя
За нихъ я отъ тебя желалъ:
Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не собиралъ.

Прошу великаго пророка,
Да праха ногъ твоихъ коснусь,
Да словъ твоихъ сладчайша тока
И лицезрѣнья наслажусь!
Небесныя прошу я силы,
Да, ихъ простря сафирны крылы,
Невидимо тебя хранятъ
Отъ всѣхъ болѣзней, золъ и скуки!
Да дѣлъ твоихъ въ потомствѣ звуки,
Какъ въ небѣ звѣзды, возблестятъ!

III.

ИЗЪ ОДЫ „НА РОЖДЕНІЕ ВЪ СѢВЕРѢ ПОРФИРОРОДНАГО ОТРОКА".

Съ бѣлыми Борей власами
И съ сѣдою бородой,
Потрясая небесами,
Облака сжималъ рукой;
Сыпалъ инеи пушисты
И метели воздымалъ;
Налагая цѣпи льдисты,
Быстры воды оковалъ.
Вся природа содрагала
Отъ лихова старика:
Землю въ камень претворяла
Хладная его рука:
Убѣгали звѣри въ норы,
Рыбы крылись въ глубинахъ,
Пѣть не смѣли птичекъ хоры,
Пчёлы прятались въ дуплахъ;
Засыпали нимфы съ скуки
Средь пещеръ и камышей;
Согрѣвать сатиры руки
Собирались вкругъ огней.
Въ это время, столь холодно,
Какъ Борей былъ разъярёнъ,
Отроча порфирородно
Въ царствѣ сѣверномъ рождёнъ.
Родился—и въ ту минуту
Пересталъ ревѣть Борей;
Онъ дохнулъ—и зиму люту
Удалилъ Зефиръ съ полей;
Онъ воззрѣлъ—и солнце красно

Обратилося къ веснѣ;
Онъ вскричалъ—и лиръ согласно
Звукъ разнесся въ сей странѣ;
Онъ простёръ лишь дѣтски руки—
Ужъ порфиру въ руки бралъ;
Раздались громовы звуки—
И весь сѣверъ возсіялъ...

IV.

ВЛАСТИТЕЛЯМЪ И СУДІЯМЪ.

Возсталъ Всевышній Богъ—да судитъ
Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ.
„Доколѣ“, рекъ: „доколь вамъ будетъ
Щадить неправедныхъ и злыхъ?

„Вашъ долгъ есть: сохранять законы,
На лица сильныхъ не взирать,
Безъ помощи, безъ обороны
Сиротъ и вдовъ не оставлять.

„Вашъ долгъ—спасать отъ бѣдъ невинныхъ,
Несча̀стливымъ подать покровъ,
Отъ сильныхъ защищать безсильныхъ,
Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ“.

Не внемлютъ! видятъ—и не знаютъ!
Покрыты мракомъ очеса:
Злодѣйства землю потрясаютъ,
Неправда зыблетъ небеса.

Цари! я мнилъ: вы боги властны,
Никто надъ вами не судья;
Но вы, какъ я подобно, страстны
И такъ же смертны, какъ и я.

И вы подобно такъ падёте,
Какъ съ древъ увядшій листъ падётъ!
И вы подобно такъ умрёте,
Какъ вашъ послѣдній рабъ умрётъ!

Воскресни, Боже! Боже правыхъ!
И ихъ моленію внемли:
Приди, суди, карай лукавыхъ—
И будь одинъ царёмъ земли!

V.

НА СМЕРТЬ КНЯЗЯ МЕЩЕРСКАГО.

Глаголъ времёнъ! металла звонъ!
Твой страшный гласъ меня смущаетъ;
Зовётъ меня, зовётъ твой стонъ,
Зовётъ—и къ гробу приближаетъ.
Едва увидѣлъ я сей свѣтъ—
Уже зубами смерть скрежещетъ,
Какъ молніей, косою блещетъ,
И дни мои, какъ злакъ, сѣчетъ.

Ничто отъ роковыхъ когтей,
Никая тварь не убѣгаетъ:
Монархъ и узникъ—снѣдь червей;
Гробницы злость стихій снѣдаетъ;
Зіяетъ время славу стерть:
Какъ въ море льются быстры воды,
Такъ въ вѣчность льются дни и годы;
Глотаетъ царства алчна смерть.

Скользимъ мы бездны на краю,
Въ которую стремглавъ свалимся;
Пріемлемъ съ жизнью смерть свою;
На то̀, чтобъ умереть, родимся.
Безъ жалости всё смерть разитъ,—
И звѣзды ею сокрушатся,
И солнцы ею потуша̀тся,
И всѣмъ мірамъ она грозитъ.

Не мнитъ лишь смертный умирать,
И быть себя онъ вѣчнымъ чаетъ;
Приходитъ смерть къ нему, какъ тать,
И жизнь внезапу похищаетъ.
Увы! гдѣ меньше страха намъ,
Тамъ можетъ смерть постичь скорѣе;
Ея и громы не быстрѣе
Слетаютъ къ горнимъ вышинамъ.

Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ,
Куда, Мещерскій, ты сокрылся?
Оставилъ ты сей жизни брегъ,
Къ брегамъ ты мёртвыхъ удалился:
Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ.
Гдѣ-жъ онъ? Онъ тамъ! Гдѣ тамъ? Не знаемъ.
Мы только плачемъ и взываемъ:
„О, горе намъ, рождённымъ въ свѣтъ!“

Утѣхи, радость и любовь
Гдѣ купно съ здравіемъ блистали,
У всѣхъ тамъ цѣпенѣетъ кровь,
И духъ мятётся отъ печали.
Гдѣ столъ былъ яствъ—тамъ гробъ стоитъ;
Гдѣ пиршествъ раздавались клики,
Надгробные тамъ воютъ лики—
И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ.

Глядитъ на всѣхъ,—и на царей,
Кому въ державу тѣсны міры;

Глядитъ на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и сребрѣ кумиры;
Глядитъ на прелесть и красы,
Глядитъ на разумъ возвышённый,
Глядитъ на силы дерзновенны —
И точитъ лезвіе косы.

Смерть, трепетъ естества и страхъ!
Мы — гордость съ бѣдностью совмѣстна:
Сегодня — богъ, а завтра — прахъ;
Сегодня льститъ надежда лестна,
А завтра — гдѣ ты, человѣкъ?
Едва часы протечь успѣли,
Хаоса въ бездну улетѣли —
И весь, какъ сонъ, прошёлъ твой вѣкъ.

Какъ сонъ, какъ сладкая мечта,
Исчезла и моя ужъ младость:
Не сильно нѣжитъ красота,
Не столько восхищаетъ радость,
Не столько легкомысленъ умъ,
Не столько я благополученъ:
Желаніемъ честей размученъ —.
Зовётъ, я слышу, славы шумъ.

Но такъ и мужество пройдётъ —
И вмѣстѣ къ славѣ съ нимъ стремленье;
Богатствъ стяжаніе минётъ,
И въ сердцѣ всѣхъ страстей волненье
Прейдётъ, прейдётъ въ чреду свою.
Подите, счастьи, прочь, возможны!
Вы всѣ премѣнны здѣсь и ложны:
Я въ дверяхъ вѣчности стою.

Сей день иль завтра умереть,
Перфильевъ, должно намъ, конечно!
Почто-жъ терзаться и скорбѣть,
Что смертный другъ твой жилъ не вѣчно?
Жизнь есть небесъ мгновенный даръ:
Устрой её себѣ къ покою —
И съ чистою твоей душою
Благословляй судебъ ударъ.

VI.

ВЕЛЬМОЖА.

Не украшеніе одеждъ
Моя днесь муза прославляетъ,
Которое, въ очахъ невѣждъ,
Шутовъ въ вельможи наряжаетъ;
Не пышности я пѣснь пою;
Не истуканы за кристалломъ,
Въ кивотахъ блещущи металломъ,
Услышатъ похвалу мою.

Хочу достоинства я чтить,
Которыя собою сами
Умѣли титла заслужить
Похвальными себѣ дѣлами,
Кого ни знатный родъ, ни санъ,
Ни счастіе не украшали,
Но кои доблестью снискали
Себѣ почтенье отъ гражданъ.

Кумиръ, поставленный въ позоръ,
Несмысленную чернь прельщаетъ;
Но коль художниковъ въ нёмъ взоръ
Прямыхъ красотъ не ощущаетъ —
Се — образъ ложныя молвы,
Се — глыба грязи позлащенной!
И вы, безъ благости душевной,
Не всѣ ль, вельможи, таковы?

Не перлы персскія на васъ,
И не бразильски звѣзды ясны:
Для возлюбившихъ правду глазъ
Лишь добродѣтели прекрасны;
Онѣ суть смертныхъ похвала.
Калигула! твой конь въ сенатѣ
Не могъ сіять, сіяя въ златѣ:
Сіяютъ добрыя дѣла.

Осёлъ останется осломъ,
Хотя осыпь его звѣздàми:
Гдѣ должно дѣйствовать умомъ,
Онъ только хлопаетъ ушами.
О, тщетно счастія рука,
Противъ естественнаго чина,
Безумца рядитъ въ господина,
Или въ шумиху дурака.

Какихъ ни вымышляй пружинъ,
Чтобъ мужу бую умудриться:
Не можно вѣкъ носить личинъ —
И истина должна открыться.
Коль я не свергъ въ бояхъ, въ судахъ,
Въ совѣтахъ царскихъ супостатовъ —
Всякъ думаетъ, что я Чупятовъ *)
Въ марокскихъ лентахъ и звѣздахъ.

---

*) Купецъ Чупятовъ, вслѣдствіе пожара, истребившаго его амбары съ пенькою, на петербургской биржѣ, объявилъ себя банкротомъ, а для избѣжанія преслѣдованія со стороны своихъ довѣрителей, представился помѣшаннымъ, увѣряя, что марокская принцесса въ него влю-

Оставя скипетръ, тронъ, чертогъ,
Бывъ странникомъ въ пыли и въ потѣ,
Великій Пётръ, какъ нѣкій богъ,
Блисталъ величествомъ въ работѣ.
Почтенъ и въ рубищѣ герой!
Екатерина въ низкой долѣ,
И не на царскомъ бы престолѣ,
Была великою женой.

И впрямь, коль самолюбья лесть
Не обуяла-бъ умъ надменный —
Чтó наше благородство, честь,
Какъ не изящности душевны?
Я князь — коль мой сіяетъ духъ;
Владѣлецъ — коль страстьми владѣю;
Болярипъ — коль за всѣхъ болѣю,
Царю, закону, церкви другъ.

Вельможу дóлжны составлять
Умъ здравый, сердце просвѣщенно;
Собой примѣръ онъ долженъ дать,
Что званіе его священно,
Что онъ орудье власти есть,
Подпора царственнаго зданья.
Вся мысль его, слова, дѣянья
Должны быть — польза, слава, честь.

А ты, второй Сарданапалъ,
Къ чему стремишь всѣхъ мыслей бѣги?
На то-ль, чтобъ вѣкъ твой протекалъ
Средь игръ, средь праздности и нѣги?
Чтобъ пурпуръ, злато всюду взоръ
Въ твоихъ чертогахъ восхищали,
Картины въ зеркалахъ дышали,
Мусія, мраморъ и фарфоръ.

На то-ль тебѣ пространный свѣтъ,
Простёрши раболѣпны длани,
На прихотливый твой обѣдъ
Вкуснѣйшихъ яствъ приноситъ дани,
Токай - густое льётъ вино,
Левантъ — съ звѣздами кофе жирный, —
Чтобъ не хотѣлъ за трудъ всемірный
Мгновенье бросить ты одно?

Тамъ воды въ просѣкахъ текутъ
И, съ шумомъ вверхъ стремясь, сверкаютъ;
Тамъ розы средь зимы цвѣтутъ,
И въ рощахъ нимфы воспѣваютъ —
На то ль, чтобы на всё взиралъ
Ты окомъ мрачнымъ, равнодушнымъ,
Средь радостей казался скучнымъ
И въ пресыщеніи зѣвалъ.

Орёлъ, по высотѣ паря,
Ужъ солнце зритъ въ лучахъ полдневныхъ;
Но твой чертогъ едва заря
Румянитъ сквозь завѣсъ червленныхъ;
Едва по зыблющимъ грудямъ
Съ тобой лежащія цирцеи
Блистаютъ розы и лилеи;
Ты съ ней покойно спишь — а тамъ?

А тамъ — израненный герой,
Какъ лунь во браняхъ посѣдѣвшій,
Начальникъ прежде бывшій твой,
Въ переднюю къ тебѣ пришедшій
Принять по службѣ твой приказъ,
Межъ челядью твоей златою,
Поникнувъ лáвровой главою,
Сидитъ и ждётъ тебя ужъ часъ.

А тамъ — вдова стоитъ въ сѣняхъ
И горьки слёзы проливаетъ,
Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ
Покрова твоего желаетъ:
За выгоды твои, за честь
Она лишилася супруга;
Въ тебѣ его знавъ прежде друга,
Пришла мольбу свою принесть.

А тамъ — на лѣстничный восходъ
Прибрёлъ на костыляхъ, согбенный,
Безстрашный, старый воинъ тотъ,
Тремя медальми украшенный,
Котораго въ бою рука
Избавила тебя отъ смерти:
Онъ хочетъ руку ту простерти
Для хлѣба отъ тебя куска.

А тамъ, гдѣ жирный пёсъ лежитъ,
Гордится вратникъ галунами —
Заимодавцевъ полкъ стоитъ,
Къ тебѣ пришедшихъ за долгами.
Проснися, сибаритъ! — ты спишь,
Иль только въ сладкой нѣгѣ дремлешь?
Несчастныхъ голосу не внемлешь
И въ развращённомъ сердцѣ мнишь:

„Мнѣ мигъ покоя моего
Пріятнѣй, чѣмъ въ исторьи вѣки;

блена и прислала ему въ подарокъ нѣсколько лентъ и звѣздъ, которыя онъ и носилъ на себѣ, какъ равно и множество другихъ лентъ, присылаемыхъ ему городскими шутниками.

Жить для себя лишь одного,
Лишь радостей умѣть пить рѣки,
Лишь вѣтромъ плыть, гнесть чернь ярмомъ.
Стыдъ, совѣсть — слабыхъ душъ тревога!
Нѣтъ добродѣтели! нѣтъ Бога!"
Злодѣй! Увы! — и грянулъ громъ.

Блаженъ народъ, который полнъ
Благочестивой вѣры къ Богу,
Хранитъ царевъ всегда законъ,
Чтитъ нравы, добродѣтель строгу
Наслѣднымъ перломъ женъ, дѣтей;
Въ единодушіи — блаженство,
Во правосудіи — равѣнство,
Свободу — во造дѣ страстей.

Блаженъ народъ, гдѣ царь главой,
Вельможи — здравы члены тѣла,
Прилежно долгъ всѣ правятъ свой,
Чужого не касаясь дѣла;
Глава не ждётъ отъ ногъ ума
И силъ у рукъ не отнимаетъ;
Ей взоръ и ухо предлагаетъ,
Повелѣваетъ же сама.

Симъ твёрдымъ ўзломъ естества,
Коль царство лишь живётъ счастливымъ —
Вельможи! славы, торжества
Иныхъ вамъ нѣтъ, какъ быть правдивымъ,
Какъ блюсть народъ, царя любить,
О благѣ общемъ ихъ стараться,
Змѣёй предъ трономъ не сгибаться,
Стоять — и правду говорить.

О, русскій бодрственный народъ,
Отечески хранящій нравы,
Когда разслабъ весь смертныхъ родъ!
Какой ты не причастенъ славы?
Какихъ въ тебѣ вельможей нѣтъ?
Тотъ храбрымъ былъ средь бранныхъ звуковъ;
Здѣсь далъ безстрашный Долгоруковъ
Монарху грозному отвѣтъ.

И въ наши вижу времена
Того я славнаго Камилла,
Котораго труды, война
И старость духъ не утомила.
Отъ грома звучныхъ онъ побѣдъ
Сошёлъ въ шалашъ свой равнодушно,
И отъ сохи опять послушно
Онъ въ полѣ Марсовомъ живетъ.

Тебѣ, герой, желаній мужъ,
Не роскошью вельможа славный,
Кумиръ сердецъ, плѣнитель душъ,
Вождь, лавромъ, маслиной вѣнчанный,
Я праведну здѣсь пѣснь воспѣлъ!
Ты ею славься, утѣшайся,
Борись вновь съ бурями, мужайся,
Какъ юный возносись орелъ!

Пари — и съ высоты твоей
По мракамъ смутнаго эѳира
Громовой пролети струей,
И, опочивъ на лонѣ мира,
Возвесели ещё царя!
Простри твой поздній блескъ въ народѣ,
Какъ отдаётъ свой долгъ природѣ
Румяна вечера заря!

VII.

ИЗЪ ОДЫ „ВОДОПАДЪ".

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четырьмя скалами;
Жемчўгу бездна и сребра
Кипитъ внизу, бьётъ вверхъ буграми;
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ.

Шумитъ — и средь густого бора
Теряется въ глуши потомъ;
Лучъ чрезъ потокъ сверкаетъ скоро;
Подъ зыбкимъ сводомъ древъ, какъ сномъ
Покрыты, волны тихо льются,
Рѣкою млечною влекутся.

Сѣдая пѣна по брегамъ
Лежитъ клубами въ дебряхъ тёмныхъ;
Стукъ слышенъ млатовъ по вѣтрамъ,
Визгъ пилъ и стонъ мѣховъ подъёмныхъ.
О, водопадъ, въ твоёмъ жерлѣ
Всё утопаетъ въ безднѣ, въ мглѣ!

Вѣтрами-ль сосны пораженны —
Ломаются въ тебѣ въ куски;
Громами-ль камни отторженны —
Стираются тобой въ пески,
Сковать-ли воду льды дерзаютъ —
Какъ пыль стеклянна, ниспадаютъ.

Волкъ рыщетъ вкругъ тебя и, страхъ
Въ ничто вмѣняя, становится:
Огонь горитъ въ его глазахъ,

И шерсть на нёмъ щетиной зрится.
Рождённый на кровавый бой,
Онъ воетъ, согласясь съ тобой.

Лань йдетъ робко, чуть ступаетъ;
Внявъ водъ твоихъ падущихъ ревъ,
Рога на спину преклоняетъ
И быстро мчится межъ деревъ:
Её страшитъ вкругъ шумъ, бурь свистъ
И хрупкій подъ ногами листъ.

Ретивый конь, осанку горду
Храня, къ тебѣ порой идётъ;
Крутую гриву, жарку морду
Поднявъ, храпитъ, ушми прядётъ
И, подстрекаемъ бывъ, бодрится —
Отважно въ хлябь твою стремится.

VIII.

РОЖДЕНІЕ КРАСОТЫ.

Сотворя Зевесъ вселенну,
Звалъ боговъ всѣхъ на обѣдъ;
Вкругъ нектàра чашу пѣнну
Разносилъ имъ Ганимедъ.
Мёдъ, амброзія блистала
Въ ихъ устахъ, по лицамъ — огнь,
Благовоній мгла летала,
И Олимпъ былъ свѣта полнъ;
Раздавались пѣсенъ хоры,
И звучалъ весельемъ пиръ;
Но незапно какъ-то взоры
Опустилъ Зевесъ на міръ
И, увидя царства, грады,
Чтó погибли отъ боёвъ,
Что богини мещутъ взгляды
На бѣднѣйшихъ пастуховъ,
Распалился столько гнѣвомъ,
Что, курчавой головой
Покачавъ, шатнулъ всѣмъ небомъ,
Адомъ, моремъ и землёй.
Вмигъ сокрылся блескъ лазури:
Тьма съ бровей, огонь съ очесъ,
Вихорь съ ризъ его — и буря
Восшумѣла отъ небесъ;
Разразились всюду громы;
Мракъ во пламени горѣлъ;
Яры волны — будто холмы;
Понтъ стремился и ревѣлъ;
Въ растворённы безднъ утробы
Тартаръ искры извергалъ;
Въ тучи Фебъ, какъ въ черны гробы,
Погруженный трепеталъ;
И средь страшной сей тревоги
Коль ещё бы грянулъ громъ —
Міръ, Олимпъ, боговъ чертоги
Повернулись бы вверхъ дномъ.
Но Зевесъ вдругъ умилился:
Стало, знать, красавицъ жаль;
А какъ съ ними не смирился,
Новую тотчасъ создалъ:
Ввилъ въ власы пески златые,
Пламя въ щёки и уста,
Небо въ очи голубыя,
Пѣну въ грудь — и красота
Вмигъ изъ волнъ морскихъ родилась;
А взглянула лишь она,
Тотчасъ буря укротилась
И настала тишина.
Сизы, юные дельфины,
Облелѣя табуномъ,
На свои её взявъ спины,
Мчали по пучинѣ волнъ.
Бѣлы голуби станицей,
Гдѣ откуда ни взялись,
Подъ жемчужной колесницей
Съ ней на воздухъ поднялись,
И, летя подъ облаками,
Вознесли на звѣздный холмъ:
Зевсъ объялъ её лучами
Съ улыбнувшимся лицомъ.
Боги, молча, удивлялись
На красу, разинувъ ротъ,
И согласно въ томъ признались:
Миръ и брани — отъ красотъ.

IX.

СОЛОВЕЙ ВО СНѢ.

Я на холмѣ спалъ высокомъ,
Слышалъ гласъ твой, соловей;
Даже въ самомъ снѣ глубокомъ
Внятенъ былъ душѣ моей;
То звучалъ, то отдавался,
То стеналъ, то усмѣхался
Въ слухѣ издалече онъ —
И въ объятіяхъ Калисты
Пѣсни, вздохи, клики, свисты
Услаждали сладкій сонъ.

Если по моей кончинѣ,
Въ скучномъ, безконечномъ снѣ,

Ахъ, не будутъ такъ, какъ нынѣ,
Эти пѣсни слышны мнѣ,
И веселья, и забавы
Плясокъ, ликовъ, звуковъ славы
Не услышу больше я:
Стану-жъ жизнью наслаждаться,
Чаще съ милой цѣловаться,
Слушать пѣсни соловья.

X.

КЪ ПЕРВОМУ СОСѢДУ.

Кого роскошными пирами
На влажныхъ невскихъ островахъ,
Между тѣнистыми древами,
На муравѣ и на цвѣтахъ,
Въ шатрахъ персидскихъ, златошвенныхъ,
Изъ глинъ китайскихъ драгоцѣнныхъ,
Изъ вѣнскихъ чистыхъ хрусталей,
Кого толь славно угощаешь
И для кого ты расточаешь
Сокровища казны твоей?

Гремитъ музыка; слышны хоры
Вкругъ лакомыхъ твоихъ столовъ;
Сластей и ананасовъ горы
И множество другихъ плодовъ
Прельщаютъ чувства и питаютъ;
Младыя дѣвы угощаютъ,
Подносятъ вина чередой, —
И аліатико съ шампанскимъ,
И пиво русское съ британскимъ,
И мозель съ зельцерской водой.

Въ вертепѣ мраморномъ прохладномъ,
Въ которомъ льётся водоскатъ,
На ложѣ розъ благоуханномъ,
Средь лѣни, нѣги и отрадъ,
Любовью распалённый страстной,
Съ младой, весёлою, прекрасной
И нѣжной нимфой ты сидишь.
Она поётъ — ты страстью таешь:
То съ ней въ весельи утопаешь,
То, утомлёнъ весельемъ, спишь.

Ты спишь — и сонъ тебѣ мечтаетъ,
Что ввѣкъ благополученъ ты,
Что само небо разсыпаетъ
Блаженства вкругъ тебя цвѣты,
Что Парка дней твоихъ не коситъ,
Что откупъ вновь тебѣ приноситъ
Сибирски горы серебра
И дождь златой къ тебѣ лiётся.
Блаженъ, кто поутру проснётся
Такъ счастливымъ, какъ былъ вчера!

Блаженъ, кто можетъ веселиться
Безпрерывно въ жизни сей!
Но рѣдкому пловцу случится
Безбѣдно плавать средь морей:
Тамъ бурны дышатъ непогоды,
Горамъ подобны гонятъ воды
И съ пѣною песокъ мутятъ.
Петрополь сосны осѣняли;
Но, вихремъ пораженны, пали:
Теперь корнями вверхъ лежатъ.

Непостоянство — доля смертныхъ;
Въ премѣнахъ вкуса счастье ихъ;
Среди утѣхъ своихъ несмѣтныхъ
Желаемъ мы утѣхъ иныхъ.
Придутъ, придутъ часы тѣ скучны,
Когда твои ланиты тучны
Престанутъ граціи трепать;
И, можетъ-быть, съ тобой въ разлукѣ,
Твоя ужъ Пенелопа въ скукѣ
Ковёръ не будетъ распускать.

Не будетъ, можетъ-быть, лелѣять
Судьба ужъ болѣе тебя,
И вѣтръ благопріятный вѣять
Въ твой парусъ: береги себя!
Доколь текутъ часы златые
И не приспѣли скорби злы,
Пей, ѣшь и веселись, сосѣдъ!
На свѣтѣ жить намъ время срочно:
Веселье тó лишь непорочно,
Раскаянья за коимъ нѣтъ.

XI.

ИЗЪ ПОСЛАНІЯ „ЖИЗНЬ ЗВАНСКАЯ".

Блаженъ, кто менѣе зависитъ отъ людей,
Свободенъ отъ долговъ и отъ хлопотъ приказныхъ.
Не ищетъ при дворѣ ни злата, ни честей,
И чуждъ суетъ разнообразныхъ.

Зачѣмъ же въ Петропóль на вольну ѣхать страсть,
Съ пространства въ тѣсноту, съ свободы за затворы,
Подъ бремя роскоши, богатствъ, сиренъ подъ власть
И предъ вельможей пышны взоры?

Возможно-ли сравнять что съ вольностью златой,
Съ уединеніемъ и тишиной на Званкѣ?
Довольство, здравіе, согласіе съ женой,
Покой мнѣ нуженъ — дней въ останкѣ.

Возставъ отъ сна, взвожу на небо скромный взоръ:
Мой утренюетъ духъ Правителю вселенной;
Благодарю, что вновь чудесъ, красотъ позоръ
Открылъ мнѣ въ жизни толь блаженной.

Пройдя минувшую и не нашедши въ ней,
Чтобъ чёрная змѣя мнѣ сердце угрызала,
О, коль доволенъ я, оставилъ что людей
И честолюбія избѣгъ отъ жала!..

Бьётъ полдня часъ: рабы служить къ столу бѣгутъ;
Идётъ за трапезу гостей хозяйка съ хоромъ.
Я озрѣваю столъ — и вижу разныхъ блюдъ
Цвѣтникъ, поставленный узоромъ.

Багряна ветчина, зелёны щи съ желткомъ,
Румяно-жёлтъ пирогъ, сыръ бѣлый, раки красны,
Что смоль, янтарь-икра, и съ голубымъ перомъ
Тамъ щука пёстрая — прекрасны!

Прекрасны потому, что взоръ манятъ мой, вкусъ,
Но не обиліемъ иль чуждыхъ странъ приправой,
А что опрятно всё и представляетъ Русь:
Припасъ домашній, свѣжій, здравый...

Тутъ кофе два глотка; схрапну минутъ пятокъ;
Тамъ въ шахматы, въ шары иль изъ лука стрѣлами,
Пернатый къ потолку лаптой мечу летокъ
И тѣшусь разными играми.

Иль изъ кристальныхъ водъ, купаленъ, между древъ,
Отъ солнца, отъ людей подъ скромнымъ осѣненьемъ,
Тамъ внемлю юношей, а здѣсь плесканье дѣвъ
Съ душевнымъ нѣкимъ восхищеньемъ...

Иль смотримъ, какъ вода съ плотины съ ревомъ льётъ,
И, движа машину, древа на доски дѣлитъ;
Какъ сквозь чугунныхъ паръ столповъ на воздухъ бьётъ,
Клокоча огнь, толчётъ и мелетъ...

Иль, стоя, внемлемъ шумъ зелёныхъ, черныхъ волнъ,
Какъ дёрнъ бугритъ соха, злакъ травъ падётъ косами,
Серпами — злато нивъ и, ароматовъ полнъ,
Порхаетъ вѣтръ межъ нимфъ рядами.

Иль смотримъ, какъ бѣжитъ подъ черной тучей тѣнь
По копнамъ, по снопамъ, коврамъ желтозелёнымъ,
И сходитъ солнышко на нижнюю ступень
Къ холмамъ и рощамъ синетёмнымъ.

Иль, утомясь, идёмъ скирдовъ, дубовъ подъ сѣнь,
На брегѣ Волхова разводимъ огнь дымистый;
Глядимъ, какъ на воду ложится красный день,
И пьёмъ подъ небомъ чай душистый...

Стёклъ заревомъ горитъ мой храмовидный домъ,
На гору жёлтый всходъ межъ розъ осіявая,
Гдѣ встрѣчу водомётъ шумитъ лучей дождёмъ,
Звучитъ музыка духовая...

Чего въ мой дремлющій тогда не входитъ умъ?
Мимолетящи суть всѣ времени мечтанья:
Проходятъ годы, дни, ревъ морь и бурей шумъ,
И всѣхъ зефировъ повѣванья.

Ахъ! гдѣ-жъ, ищу я вкругъ, минувшій красный день?
Побѣды, слава, гдѣ лучи Екатерины?
Гдѣ Павловы дѣла? Сокрылось солнце — тѣнь!
Кто вѣсть и впредь полётъ орлиный?

Видъ лѣта краснаго намъ Александровъ вѣкъ;
Онъ сердцемъ нѣжныхъ лиръ удобенъ двигать струны;
Блаженствовалъ подъ нимъ въ спокойствѣ человѣкъ,
Но мещетъ днесь и онъ перуны.

Умолкнутъ-ли они? Сіё лишь знаетъ Тотъ,
Который къ одному концу всѣ правитъ сферы;
Онъ пёрстомъ ихъ Своимъ, какъ строй какой, ведётъ,
Ко благу общему склоняя мѣры...

Такъ самыхъ свѣтлыхъ звѣздъ блескъ меркнетъ отъ нощей.
Что жизнь ничтожная? моя скудельна лира?
Увы! и даже прахъ спахнётъ моихъ костей
Сатурнъ крылами съ тлѣнна міра.

Разрушится сей домъ, засохнетъ боръ и садъ,
Не воспомянется нигдѣ и имя Званки;
Но совъ, сычей изъ дуплъ огнезелёный взглядъ
И развѣ дымъ сверкнётъ съ землянки.

XII.

ЦѢПИ.

Не сѣтуй, милая, со груди что твоей
Сронила невзначай ты цѣпи дорогія:
Милѣе вольности нѣтъ въ свѣтѣ для людей;
Оковы тягостны, хотя они златыя.

Такъ наслаждайся-жъ здѣсь ты вольностью святой,
Свободною живя, какъ вѣтерокъ въ полянкѣ;
По рощамъ пролетай, кропися водъ струёй,
И, чѣмъ въ Петрополѣ, будь счастливѣй на Званкѣ.

А если и тебѣ подъ бремя чьихъ оковъ
Подвергнуться велитъ когда-либо природа:
Смотри, чтобъ ихъ плела любовь лишь изъ цвѣтовъ;
Пріятнѣй этотъ плѣнъ, чѣмъ самая свобода.

XIII.

ПАМЯТНИКЪ.

Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный:
Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ;
Ни вихрь его, ни громъ не сломитъ быстротечный,
И времени полётъ его не сокрушитъ.

Такъ, весь я не умру; но часть меня большая,
Отъ тѣла убѣжавъ, по смерти станетъ жить,
И слава возрастётъ моя, не увядая,
Доколь славяновъ родъ вселенна будетъ чтить.

Слухъ пройдетъ обо мнѣ отъ Бѣлыхъ водъ до Чёрныхъ,
Гдѣ Волга, Донъ, Нева, съ Рифея льётъ Уралъ;
Всякъ будетъ помнить тó въ народахъ неисчётныхъ,
Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ—

Что первый я дерзнулъ въ забавномъ русскомъ слогѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
Въ смиренной простотѣ бесѣдовать о Богѣ
И истину царямъ съ улыбкой говорить.

О, Муза! возгордись заслугой справедливой
И, презритъ кто тебя, сама тѣхъ презирай;
Непринуждённою рукой, неторопливой,
Чело твоё зарёй безсмертія вѣнчай.

XIV.

ПОСЛѢДНІЕ СТИХИ ДЕРЖАВИНА.

Рѣка времёнъ въ своёмъ стремленьи
Уноситъ всѣ дѣла людей,
И топитъ въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если чтó и остаётся
Чрезъ звуки лиры и трубы,
То вѣчности жерломъ пожрётся
И общей не уйдётъ судьбы.

Е. И. КОСТРОВЪ.

Ермилъ Ивановичъ Костровъ, сынъ крестьянина Вятской губерніи, Вобловицкой волости, родился въ самомъ началѣ 1752 года, учился сперва въ Вятской семинаріи, а потомъ въ Московской славяно-греко-латинской академіи и, наконецъ, въ Московскомъ университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1778 году, со степенью баккалавра. Въ 1782 году Костровъ былъ произведёнъ во второй офицерскій чинъ, въ провинціальные секретари, и въ этомъ чинѣ оставался до самой смерти, послѣдовавшей въ Москвѣ 9-го декабря 1796 года. Онъ былъ дѣйствительнымъ членомъ Общества любителей учености при Московскомъ университетѣ, чтó видно изъ оды его на день открытія этого Общества. Первымъ напечатаннымъ стихотвореніемъ Кострова было посланіе къ архимандриту Новоспасскаго монастыря Іоанну, написанное ещё въ бытность его ученикомъ Вятской семинаріи и напечатанное въ университетской типографіи въ Москвѣ, въ 1773 году. Затѣмъ, будучи студентомъ Славяно-греко-латинской академіи, онъ напечаталъ въ 1775 году ещё три стихотворенія: „Идиллію Аполлонъ“, „Эпистолу“ и „Стихи графу Григорію Александровичу Потёмкину“. Стихотворенія Кострова печатались или въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, университетской газетѣ, или отдѣльными брошюрами. Онъ былъ, такъ-сказать, привилегированнымъ, оффиціальнымъ поэтомъ Московскаго университета, отъ лица котораго отзывался въ своихъ торжественныхъ одахъ на всѣ замѣчательныя событія своего времени, какъ бы въ благодарность за полученное въ нёмъ высшее образованіе. Оды Кострова не имѣютъ въ себѣ ничего характеристическаго, особеннаго. „Общія похвальныя мѣста“, говоритъ г. Галаховъ: „служащія содержаніемъ одъ Кострова, страдаютъ отвлечённостью, то-есть отсутствіемъ живой, современной дѣйствительности. Мѣста, въ которыхъ высказывается отношеніе ихъ къ эпохѣ, современной автору, составляютъ самую малую ихъ долю. Да и эта малая доля обставлена такими несовременными формами, выражена до того общими мѣстами, что читатель съ трудомъ пробирается черезъ нихъ къ ясному и положительному факту, настроивавшему риторическую лиру пѣснотворца“. Впрочемъ, надо отдать справедливость Кострову, что впослѣдствіи онъ самъ распозналъ и понялъ недостатокъ искусственной оды, увидавъ, сколько теряетъ содержаніе отъ условной обстановки, и

потому, когда Державинъ сталъ прокладывать новый путь къ Парнассу и пѣть дѣянія Фелицы, не сѣдлая Пегаса и не ударяя въ струны лиры, Костровъ радушно привѣтствовалъ геніальнаго лирика посланіемъ, и это посланіе — есть лучшее его произведеніе. Появленіе въ печати „Фелицы" Державина, вызвавшее посланіе, оказало сильное и благодѣтельное вліяніе на Кострова. Его торжественныя оды приняли совершенно иной характеръ, такъ-что ихъ можно раздѣлить на два отдѣла, именно — на оды, сочинённыя до „Фелицы", и на оды, написанныя послѣ. Первыя — торжественны и холодны, вторыя — довольно просты по тону и изложенію. Къ сожалѣнію, схоластическое образованіе и сила привычки помѣшали Кострову рѣшительнѣе обратиться къ простотѣ, къ которой, быть-можетъ, онъ былъ склоненъ отъ природы. Кромѣ сочиненія одъ и другихъ мелкихъ стихотвореній, Костровъ занимался и переводами. Онъ перевёлъ стихами: „Тактику" Вольтера, „Эльвиру" Арно и восемь съ половиной пѣсенъ „Илліады". Первые два перевода сдѣланы мѣстами хорошо, мѣстами очень плохо; но оба — вѣрны. Что же касается перевода „Илліады", то его смѣло можно назвать заслуживающимъ вниманія и въ наше время; для своего же времени онъ былъ явленіемъ весьма замѣчательнымъ, и, по понятіямъ, какое тогда имѣли о переводахъ поэтическихъ произведеній, вполнѣ удовлетворялъ вкусу публики. Забытый нами какъ лирикъ, Костровъ ещё не забытъ какъ переводчикъ „Илліады". Собраніе сочиненій и переводовъ Кострова имѣло два изданія. Первое вышло въ Петербургѣ, въ 1802 году, въ двухъ частяхъ, подъ заглавіемъ: „Полное собраніе сочиненій и переводовъ въ стихахъ г. Кострова". Во второмъ изданіи, Смирдинскомъ, сочиненія Кострова напечатаны вмѣстѣ съ сочиненіями Аблесимова, тоже въ Петербургѣ, въ 1849 году. Оба изданія неудовлетворительны для любителя литературы, понимающаго дѣло — ни полнотою, ни системою, такъ-какъ въ первомъ—недостаетъ для *полнаго* изданія 12 стихотвореній, а во второмъ — не помѣщены переводы въ прозѣ.

I.

ЕКАТЕРИНѢ ВЕЛИКОЙ.

Средь гласовъ радостныхъ склоняя къ лирамъ слухъ,
Щедротой веселя усердныхъ Россовъ духъ,
Монархиня, позволь — да слава всей Эллады,
Гдѣ зрѣли мудрецы душѣ своей отрады,
Да честь ея, Гомеръ, въ стихахъ твоихъ сыновъ
Явясь, найдетъ въ тебѣ прибѣжище, покровъ.
Въ теченьи дней своихъ воспитанникъ сей Феба
Едва-ли не лишёнъ насущнаго былъ хлѣба;
Нисшедъ во гробъ онъ сталъ достоинъ алтарей,
Былъ удивленіемъ народовъ и царей.
Исполненъ духомъ музъ, таинственнымъ предчувствомъ,
Онъ въ пѣсняхъ сладостныхъ, витійственнымъ искусствомъ,
Ещё въ свой мрачною покрытый мглою вѣкъ,
О славѣ дней твоихъ, владычица, предрекъ.
Живая кисть его, Минерву описуя
И щитъ ея, и шлемъ очамъ изобразуя,
Явила въ истинѣ Россіянъ божество
И храбра Сѣвера надъ Югомъ торжество:
Подъ сѣнію твоихъ безчисленныхъ Эгидовъ,
Ахилловъ зрѣли мы, Аяксовъ, Діомидовъ,
Со именемъ небесъ, со именемъ твоимъ
Стремившихъ молнію въ Стамбулъ и буйный Крымъ;
Твои подвижники, преславны, знамениты,
На сушѣ лаврами и на волнахъ покрыты;
Престолъ твой общею любовью утверждёнъ
И правосудіемъ отвсюду ограждёнъ;
Лучи премудрости съ высотъ его простерты,
Въ подножіи враги попраны и сотёрты;
Взвивающійся твой надъ Геллеспонтомъ флагъ
Есть ужасъ варварамъ, источникъ грекамъ благъ.
Почій, Гомеръ, почій средь лавра и оливы,
Коль вымыслы твои пріятны, справедливы!
О Россахъ истинно предчувствіе твоё:
Въ Екатеринѣ зримъ его событіё.

II.

ТВОРЦУ ФЕЛИЦЫ.

Пѣвецъ, которому съ улыбкой нѣжной муза
Недавно принесла съ Парнасскихъ горъ вѣнокъ,
Желаю твоего я дружества, союза!
Москва жилище мнѣ, ты—невскій пьёшь потокъ;
Но самые пути далеки
И горы, холмы, лѣсъ и рѣки
Усердья моего къ тебѣ не возбранятъ:
Оно въ Петрополь пронесётся
И въ грудь твою, и въ слухъ вліётся—
Не трудно музамъ всё, что музы восхотятъ!

Скажи, пожалуй, какъ безъ лиры, безъ скрипицы,
И не сѣдлавъ притомъ парнасска бѣгунца,

Воспѣлъ ты сладостно дѣянія Фелицы
И животворные лучи ея вѣнца?
Ты, видно, Пинда на вершинѣ
И въ злачной чистыхъ музъ долинѣ
Дорожки всѣ насквозь и улицы прошёлъ,
И чтобъ царевну столь прославить,
Утѣшить, веселить, забвить,
Путь непротоптанный и новый ты обрѣлъ.

Обрѣлъ—и въ бѣгъ по нёмъ пускаешься удачно:
Ни пень, ни камень ногъ твоихъ не повредилъ;
Тебѣ являлось всё, какъ-будто поле злачно:
Нигдѣ кафтаномъ ты за тёрнъ не зацѣпилъ.
Царевнѣ похвалы вѣщая,
Пашей затѣи исчисляя,
Ты на гудкѣ гудѣлъ и рàвно важно пѣлъ;
Презрѣвъ завистныхъ совѣсть злую,
Пустился ты на-удалую;
Парнассъ, отвагу зря, вѣнецъ тебѣ соплелъ.

Кораллами власы украшены имѣя,
Власы по раменамъ пущённы со главы,
Бѣлорумяну грудь съ ланитами лелѣя,
Прелестныхъ лики нимфъ возникли изъ Невы;
Поверхъ зыбей колеблясь нѣжно,
Тебѣ внимали всѣ прилежно,
Хваля твоихъ стиховъ прекрасну новизну,
И, въ знакъ своей усердной дани,
Съ восторгомъ восплескавши въ длани,
Пускаются опять въ кристальну глубину.

Чрезъ почту лёгкую и до Москвы достигла
Фелицы похвала, къ восторгу всѣхъ сердецъ:'
Всѣхъ чтущихъ честь тебѣ воздать она подвигла:
Всѣ, знающіе вкусъ, сплели тебѣ вѣнецъ.
Читали всѣ её стократно,
Но слушаютъ охотно, внятно,
Коль кто ещё при нихъ начнётъ её читать,
Не могутъ усладить столь духа,
Насытить также плѣнна слуха,
Чтобъ вновь забавнымъ въ ней игрушкамъ не внимать.

Такъ садъ, кусточками и тѣнью древъ прелестенъ,
Стоящій на горѣ надъ токомъ чистыхъ водъ,
Хотя и будетъ намъ совсѣмъ уже извѣстенъ,
Хотя извѣстенъ въ немъ по вкусу каждый плодъ,
Хотя дорожки всѣ знакомы,
Но, тайнымъ чувствіемъ влекомы,
Ещё охотно мы гулять въ него спѣшимъ:
Повсюду взоры обращаемъ,
Увидѣть новости желаемъ,
Хоть взоромъ много разъ всё видѣли своимъ.

Нашъ слухъ почти оглохъ отъ громкихъ лирныхъ тоновъ,
И—полно, кажется, за облака летать.
Чтобъ, равновѣсія не соблюдя законовъ,
Летя съ высотъ, и рукъ, и ногъ не изломать:
Хоть сколь ни будемъ мы стараться
Въ своёмъ полётѣ возвышаться—
Фелицыны дѣла явятся выше насъ.
Ей простота пріятна въ слогѣ:
Такъ лучше намъ, по сей дорогѣ
Идя со скромностью, къ ней возносить свой гласъ.

Въ союзѣ съ нимфами Парнасса обитая,
По звучной арфѣ я перстами пробѣгалъ,
Киргизкайсацкую царевну прославляя,
Хвалы холодныя лишь только получалъ.
Стихи мои тамъ каждый славилъ,
Мнѣ льстилъ, себя чрезъ то забавилъ:
Теперь въ забвеніи лежать имѣютъ честь.
Признаться, видно, что изъ моды
Ужъ вывелись парящи оды.
Ты простотой умѣлъ себя средь насъ вознесть!

Какъ прежде, ты пиши ещё письмо къ сосѣду:
Ты лакомство его умѣлъ представить намъ,
Какъ приглашаетъ онъ чернь жадную къ обѣду,
Къ забавамъ, къ роскоши, разлитой по столамъ;
Или, любя красы природы,
Весной кристальныя намъ воды,
Какъ нѣкогда воспѣлъ ты Гребенёвскій ключъ.
Сей ключъ, текущій по долинѣ,
Ещё любезенъ мнѣ донынѣ:
Я жажду утолялъ... отрадъ блисталъ мнѣ лучъ.

А ты, чтó предсѣдишь премудрыхъ въ славномъ ликѣ,
Предстательница музъ, трудовъ ихъ судія,
Гремящей внемлюща сладчайшей ихъ музыкѣ,
Тебѣ достóитъ честь и похвала сія,
Что, ревностію ты пылая
И всѣ пути изобрѣтая,
Стараешься вознесть природный нашъ языкъ.
Онъ важенъ, сладокъ и обиленъ,
Гремящъ, высокъ, текучъ и силенъ—
И въ совершеніи его твой трудъ великъ.

Тобой приглашены, въ прехвальный путь вступили
Любители наукъ со ревностью въ сердцахъ
И въ „Собесѣдникѣ" успѣхи намъ явили:

Мы зримъ россійскій слогъ прекрасенъ въ ихъ трудахъ.
Скажу, скажу, не обинуясь:
Минервѣ ты сообразуясь,
Своё спокойствіе на жертву музъ несёшь:
Отечества драгого слава—
Твоя утѣха и забава:
Въ завидномъ для мужей ты подвигѣ течёшь
Фелицы именемъ любезнымъ, драгоцѣннымъ,
Фелицы похвалой и славой мудрыхъ дѣлъ
Начатокъ сихъ трудовъ явился украшённымъ,
И въ радость, и въ восторгъ читателей привелъ.
Благословенно то начало,
Ея гдѣ имя возсіяло—
И увѣнчается успѣхами конецъ.
Тому, что такъ Фелицу славилъ
И новый вкусъ стихамъ возставилъ—
И честь, и похвала отъ искреннихъ сердецъ!

В. И. МАЙКОВЪ.

Василій Ивановичъ Майковъ, авторъ „Елисея", родился въ 1728 году, а въ 1742—уже былъ записанъ въ лейбъ-гвардіи Семёновскій полкъ; но это поступленіе на службу было номинальное, такъ-какъ мальчикъ до восемнадцати лѣтъ оставался дома для „наукъ". Начавъ дѣйствительную службу съ 1747 года, Майковъ прослужилъ въ полку тринадцать лѣтъ, послѣ чего, 25-го декабря 1761 года, былъ выпущенъ въ отставку гвардіи капитаномъ. Оставивъ службу, Майковъ поселился въ Москвѣ, отлучаясь по временамъ въ Ярославль и своё ярославское имѣнье. Затѣмъ, 4-го августа 1766 года, онъ снова поступилъ на службу и занялъ должность товарища губернатора Московской губерніи, въ которой и оставался до 1768 года. Въ 1775 году онъ былъ произведенъ въ бригадиры и назначенъ старшимъ членомъ Московской Оружейной Палаты, въ вѣдѣніи которой состояли всѣ древнія драгоцѣнности, принадлежавшія императорскому двору. Въ началѣ 1778 года Майковъ былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ ему было предложено мѣсто герольдмейстера. Но прежде, чѣмъ состоялось это повышеніе, онъ вернулся въ Москву и здѣсь скоропостижно скончался 17-го іюня 1778 года. Тѣло его погребено въ Донскомъ монастырѣ. Получивъ самое скудное образованіе, скудное даже для того времени, „ограниченное", по свидѣтельству графа Хвостова, „чтеніемъ священныхъ книгъ и нравственными наставленіями", Майковъ, въ первые же годы своего пребыванія въ Петербургѣ, сумѣлъ расширить свои познанія усиленнымъ чтеніемъ и бесѣдою съ людьми образованными, съ которыми онъ, по счастью, сошелся въ самомъ началѣ своей служебной дѣятельности. Къ сожалѣнію, полное незнаніе иностранныхъ языковъ, считавшееся въ то время необходимымъ условіемъ образованія дворянина, ставило ему безпрестанныя преграды и на этомъ пути самообразованія. Любовь къ поэзіи проявилась у него довольно рано, но писать стихи началъ онъ уже по пріѣздѣ въ Петербургъ, и только въ началѣ 1762 года появились въ печати (въ „Полезномъ Увеселеніи") первыя его литературныя произведенія: „Цитемель", „Эпиграмма" и „Ода императрицѣ Екатеринѣ II". Затѣмъ, въ „Свободныхъ Часахъ" на 1763 годъ были напечатаны три стихотворенія Майкова: „На страшный судъ", „Собака на сѣнѣ" и нѣсколько отрывковъ изъ Овидіевыхъ „Превращеній", которыя онъ, не зная по-латыни, переложилъ въ стихи съ прозаическаго русскаго перевода. Кромѣ названныхъ пьесъ, Майковъ, въ продолженіе своего пребыванія въ Москвѣ, написалъ нѣсколько торжественныхъ одъ, цѣлый рядъ басенъ и юмористическую поэму „Игрокъ Ломбера", изданныя имъ отдѣльно. Успѣхъ поэмы былъ необычайный, чтó можетъ засвидѣтельствовать скорое появленіе въ свѣтъ второго и третьяго ея изданій и похвальный отзывъ о ней въ „Словарѣ" Новикова. Въ 1769 году, на придворномъ театрѣ въ Петербургѣ была дана трагедія Майкова „Агріопа", имѣвшая успѣхъ, благодаря игрѣ Дмитревскаго. Остальныя же двѣ трагедіи: „Өемистъ и Іеронима" и "Меропа", *трагедія господина Вольтера, переложенная въ стихи изъ русской прозы*, изданныя имъ въ 1773 и 1775 годахъ, не были представлены на сценѣ. Впрочемъ, извѣстность Майкова зиждется не на трагедіяхъ его, которыя, вообще очень плохи, а также и не на одахъ, басняхъ и мадригалахъ, не представляющихъ ничего сколько-нибудь замѣчательнаго, а на двухъ шуточныхъ его поэмахъ: „Игрокъ Ломбера" и „Елисей, или раздраженный Вакхъ". Онѣ нравились современникамъ автора своимъ шутливымъ тономъ, игривымъ остроуміемъ и, главное, эпическимъ представленіемъ предметовъ вовсе не эпическихъ. Но особенной славой всегда пользовался „Елисей", вышедшій въ свѣтъ въ 1771 году первымъ изданіемъ, а въ 1778—вторымъ. Въ третій разъ поэма была перепечатана въ „Собраніи сочиненій Василія Майкова" (Спб. 1809) — собраніи весьма неполномъ. Совершенно полное собраніе сочиненій

Майкова издано было только въ 1867 году, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Сочиненія и переводы В. И. Майкова. Редакція изданія П. А. Ефремова. Спб. 1867“.

I.

ИЗЪ ОДЫ „О СУЕТѢ МІРА“.

Всё на свѣтѣ сёмъ превратно,
Всё на свѣтѣ суета!
Исчезаетъ невозвратно
Всякой вещи красота:
Младость и лица пріятство,
Сила, здравіе, богатство
И порфира, и виссонъ;
Чтò въ очахъ намъ ни блистаетъ,
Всё то, яко воскъ, растаетъ
И минётся, яко сонъ.

Всякой вещи въ свѣтѣ время,
Всякой мысли есть конецъ!
Старость — наше тяжко бремя
И мученіе сердецъ.
Только старость овладѣетъ —
Кровь, изсякнувъ, охладѣетъ,
Чувства нѣжныя замрутъ;
Чтò насъ прежде услаждало,
Чтò веселіе рождало,
То родитъ болѣзнь и трудъ.

Помѣстятся мысли скучны,
Вмѣсто всѣхъ веселыхъ думъ,
И печали неотлучно
Будутъ отягчати умъ;
Умъ во скукѣ злой потонетъ,
Сердце томное застонетъ
И утѣхъ не ощутитъ;
Всё затмится предъ очами,
Дни покажутся ночами:
Чтò увижу—всё смутитъ.

Ахъ, о время дней кратчайшихъ!
Время, лютый нашъ тиранъ:
Воды струй твоихъ сладчайшихъ
Льются въ вѣчный океанъ.
Мы тобой себя прельщаемъ,
Только рѣдко ощущаемъ,
Сколь ты скоро протечёшь,
И что въ жизни намъ пріятно,
Ты съ собою невозвратно
Всё во вѣчность увлечёшь...

II.

ИЗЪ ПОЭМЫ:

„ЕЛИСЕЙ, ИЛИ РАЗДРАЖЕННЫЙ ВАКХЪ“.

Уже мы подъ ячмень всю пашню запахали;
По сихъ трудахъ весь скотъ и мы всѣ отдыхали;
Ужъ хлѣбъ на полвершка посѣянный возросъ:
Настало время намъ итти на сѣнокосъ.
А наши пажити, какъ всѣмъ сіё извѣстно,
Сошлись съ валдайскими задами очень тѣсно;
Ихъ некому развесть опричь межевщика:
Снимала съ нихъ траву сильнѣйшая рука.
Итакъ, они у насъ всегда бывали въ спорѣ:
Вотъ вся вина была къ ужасной нашей ссорѣ!
Уже насталъ тотъ день: пошли мы на луга
И взяли молока, яицъ и творога,
Обременилися со квасомъ бураками,
Блинами, ситными, виномъ, круплениками.
Съ снарядомъ таковымъ лишь мы явились въ лугъ,
Узрѣли предъ собой напасть свою мы вдругъ:
Стоятъ съ оружіемъ тамъ гордые валдайцы.
Мы дрогнули—и всѣ побѣгли, яко зайцы,
Бѣжимъ и ищемъ имъ подобнаго ружья:
Жердей, тычинъ, шестовъ, ослоповъ и дубья;
Другъ друга тутъ мы взять шесты предускоряемъ;
Другъ друга тутъ мы всѣ ко брани предваряемъ.
Начальникъ нашея ямскія слободы,
Предвидя изъ сего ужасныя бѣды,
Садится на коня и насъ всѣхъ собираетъ;
Лишь сòбралъ, взялъ перо—бумагу имъ мараетъ.
Хоть не былъ онъ французъ и не былъ также грекъ—
Онъ русскій былъ, но былъ приказный человѣкъ,
И былъ коричневымъ одѣянъ онъ мундиромъ.
Не дай Богъ быть писцу военнымъ командиромъ!
Онъ, вынувши перо, и пишетъ имена,
Тогда-какъ нашу боль ужъ чувствуетъ спина
Отъ ниспаденія къ намъ каменнаго града.
И можно ль, чтобъ была при писарѣ Паллада?
Онъ пишетъ имена, а насъ валдайцы бьютъ;
Старухи по избамъ на небо вопіютъ;
Ребята малые, всѣ дѣвки, бабы, куры
Забились подъ печи́ и спрятались въ конуры.
Мы видимъ, что не быть письму его конца —
Не стали слушаться мы болѣе писца:
Какъ вихри, ото всѣхъ сторонъ мы закрутились
И, сжавшись кучею, ко брани устремились.
Плетни ни отъ воды не могутъ насъ сдержать;
Валдайцамъ лишь одно спасеніе — бѣжать.
Однако противъ насъ стоятъ они упорно
И дѣйствуютъ своимъ дрекольемъ проворно;

Не можемъ разорвать мы ихъ порядка связь;
Летятъ со обѣихъ сторонъ—каменья, грязь,
Неистовыхъ людей военные снаряды;
Мараемъ и разимъ другъ друга безъ пощады,
Но наши такъ стоятъ, какъ твёрдая стѣна.
Прости, что я теперь напомню имена,
Которыя сюда вносить хотя-бъ не кстати,
Однакъ безъ нихъ нельзя-бъ побѣды одержати;
Хотя-бы нашъ писецъ ещё мудрѣе былъ,
Но онъ бы лбомъ своимъ стѣны той не разбилъ,
Которую едва мы кольемъ раздробили.
Ужъ мы каменьями другъ друга больно били,
Какъ первый Стёпка нашъ, ужасный оворникъ—
Хотя невврачёнъ онъ, но сильный былъ мужикъ—
Сей съ яростію въ бой ближайшій устремился,
И въ кучу толстую къ валдайцамъ проломился,
Біётъ уразиной; возсталъ межъ ними крикъ,
А Стёпка дѣйствуетъ надъ ними, какъ мясникъ.
Потомъ тотчасъ его племянникъ, взявъ дубину,
Помчался, оробѣлъ и далъ имъ видѣть спину,
Гдѣ рѣзвый на него валдаецъ наскочилъ
И верхъ надъ нашимъ сей героемъ получилъ:
Въ срединѣ самыя кровопролитной сѣчи
Вскочилъ ко нашему герою тотъ на плечи,
И превознёсся тѣмъ надъ всею онъ ордой —
Онъ началъ битвою, а кончилъ чехардой.
Но шутка такова окончилась бѣдою:
Валдаецъ не успѣлъ поздравить насъ съ ѣздою,
Племянникъ Стёпкинъ взялъ валдайца за кушакъ
И тропнулъ ó землю сего героя такъ,
Что носъ его разбилъ и сдѣлалъ, какъ плющатку:
Съ тѣхъ поръ онъ нà носъ свой кладётъ всегда заплатку.
И се увидѣли мы всѣ тогда въ дали:
Несётся человѣкъ, замаранъ весь въ пыли.
То былъ прегордый самъ валдайцевъ предводитель!
Сей скотъ былъ нашему подобный управитель.
Свирѣпствуя на насъ во внутреннемъ огнѣ,
Онъ скачетъ къ нашему герою на конѣ.
Всѣ мнили, что они ужасною борьбою
Окончатъ общій бой одни между собою.
Всѣ смотримъ, всѣ стоимъ, и всѣхъ насъ обнялъ страхъ.
Уже съѣзжаются герои на коняхъ;
Но вдругъ тутъ мысли въ нихъ совсѣмъ перемѣнились:
Они не билися, но только побранились,
Оставя кончить бой единымъ только намъ;
Ихъ кони развезли обоихъ по домамъ.
Межъ-тѣмъ ужъ солнышко, коль хочешь это вѣдать,
Сіяло такъ, что намъ пора бы и обѣдать;
И если бы не бой проклятый захватилъ,
Я, можетъ-быть, куска бъ ужъ два-три проглотилъ;
Но въ обстоятельствѣ, въ какомъ была жизнь наша,
Не шли на умъ мнѣ щи, нижѐ крутая каша.
Когда начальниковъ лошадки развезли,
Тогда прямую мы войну произвели.
Не стало между всѣхъ порядка никакого,
И съ тѣмъ не стало вдругъ большого, ни меньшого:
Смѣсилися мы всѣ, и стали всѣ равны.
Трещатъ на многихъ тамъ и піръты и штаны,
Восходитъ пыль столбомъ, какъ облако віётся;
Визгъ, топотъ, шумъ и крикъ повсюду раздаётся...
Вдругъ братъ мой въ помощь къ намъ, какъ ястребъ, налетѣлъ:
Смутилъ побоище, какъ брагу онъ въ ушатѣ.
Но не поставь мнѣ въ ложь, чтó я скажу о братѣ:
Имѣя толстую уразину въ рукахъ,
Наноситъ нашимъ всѣмъ врагамъ онъ ею страхъ;
Гдѣ съ нею онъ пройдётъ, такъ улица явится,
А гдѣ повѐрнется, тамъ площадь становится.
Уже онъ близъ часà валдайцевъ поражалъ —
И словомъ, отъ него тамъ каждый прочь бѣжалъ,
Какъ вдругъ противъ его соперникъ появился.
Вдругъ подвигъ братнинъ тутъ совсѣмъ остановился:
Валдаецъ сей къ нему на шею вдругъ повисъ
И ухо правое у брата прочь отгрызъ.
И тако братецъ мой, возлюбленный Ильюха,
Пришелъ на брань съ ушьми, а прочь пошелъ безъ уха!
Тащится, какъ свинья, совсѣмъ окровавлёнъ,
Изъѣденъ, оборвàнъ, а пуще осрамлёнъ.
Какая же, суди, мнѣ сдѣлалась утрата:
Лишился уха онъ, а я лишился брата!
Съ тѣхъ поръ за брата я его не признаю.
Не мни, что я сказалъ напрасно рѣчь сію.
Когда онъ былъ ещё съ обоими ушами,
Тогда онъ трогался несчáстливыхъ словами;
А нынѣ эта дверь совсѣмъ затворена,
И слышитъ только онъ одно, кто молвитъ: „на!"
А „дай" — сего словца онъ нынѣ ужъ не внемлетъ,
И лѣвымъ ухомъ просьбъ ни чьихъ онъ не пріемлетъ.
Въ пустомъ колодезѣ не скоро нáйдешь кладъ,
А мнѣ безъ этого не надобенъ и братъ.
По потеряніи подвижника такого,
Не стало средства намъ къ побѣдѣ никакого;
Валдайцы истинный надъ нами взяли верхъ —
Разятъ насъ, бьютъ, тѣснятъ и гонятъ съ поля всѣхъ.
Пришло было ужъ намъ совсѣмъ въ тотъ день пропасти,
Но Стёпка насъ тогда избавилъ отъ напасти:
Какъ молнія, онъ вдругъ къ намъ сзади забѣжалъ

И насъ, уже совсѣмъ бѣгущихъ, удержалъ...
Уже явилася завѣса тёмной ночи —
И драться болѣе ни въ комъ не стало мочи.
Пошли мы съ поля всѣ, валдайцевъ побѣдивъ,
А я пришелъ домой хоть голоденъ, но живъ.

В. В. КАПНИСТЪ.

Василій Васильевичъ Капнистъ, сынъ бригадира Василія Петровича, павшаго геройской смертью подъ Егерсдорфомъ, родился въ 1757 году, Полтавской губерніи, Миргородскаго уѣзда, въ наслѣдственной деревнѣ Обуховкѣ, которую онъ изобразилъ впослѣдствіи въ стихотвореніи того же имени, подражая Горацію и Державину, воспѣвшему свою Званку. Рано потерявъ отца, онъ, можно сказать положительно, своимъ образованіемъ обязанъ только себѣ самому, своему уму и своей настойчивости. Брошенный на произволъ судьбы среди шумной столицы, Капнистъ, на пятнадцатомъ году, началъ свою службу капраломъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскомъ полку. Прослуживъ четыре года, онъ былъ произведёнъ въ 1775 году въ офицеры, имѣя отъ роду 18 лѣтъ. Во всё это время онъ посвящалъ свободные отъ службы часы наукамъ, знакомился съ языками французскимъ и нѣмецкимъ, изучалъ древнихъ и новыхъ классиковъ, вчитывался въ произведенія отечественныхъ поэтовъ. Знакомство и дружба съ Державинымъ, Хемницеромъ и Богдановичемъ поддерживали и ободряли его къ новымъ трудамъ. Первымъ сочиненіемъ Капниста была ода на французскомъ языкѣ, напечатанная особой брошюрой въ 1775 году. За ней послѣдовала „Сатира первая и послѣдняя", помѣщённая въ „Санктпетербургскомъ Вѣстникѣ" на 1780 годъ. Въ 1777 году Капнистъ оставилъ военную службу и возвратился въ Малороссію. Здѣсь, въ 1782 году, онъ былъ избранъ въ предводители дворянства Миргородскаго уѣзда, Кіевскаго намѣстничества, а въ 1785 году — облечёнъ, по общему желанію кіевскаго дворянства, въ почётное званіе губернскаго предводителя, на 28-мъ году отъ рожденія. Затѣмъ, въ томъ же году, былъ удостоенъ званія дѣйствительнаго члена Императорской Россійской Академіи, въ 1787 — произведёнъ въ коллежскіе, а въ 1799 — въ статскіе совѣтники, съ причисленіемъ къ императорской театральной дирекціи. Въ 1783 году явилась первая торжественная ода Капниста „На рабство", не вошедшая потомъ въ оба собранія его сочиненій, изданныя въ 1796 и 1849 годахъ. За этимъ первымъ опытомъ послѣдовалъ цѣлый рядъ такихъ же одъ, въ которыхъ встрѣчаются прекрасныя мѣста, но общій характеръ которыхъ носитъ тотъ же отпечатокъ искусственности, какъ и оды всѣхъ остальныхъ поэтовъ XVIII вѣка, за исключеніемъ одного Державина. Оды нравоучительныя и элегическія, проникнутыя весьма часто истиннымъ чувствомъ и какою-то задушевною грустью, удавались Капнисту несравненно болѣе, чѣмъ оды торжественныя. Что же касается его одъ гораціанскихъ и анакреонтическихъ, то онѣ до сихъ поръ читаются съ удовольствіемъ, несмотря на нѣкоторую устарѣлость языка. Въ нихъ особенно замѣтна тщательная обработка стиха, чѣмъ Капнистъ всегда отличался отъ большинства современныхъ ему поэтовъ, весьма мало думавшихъ объ отдѣлкѣ своихъ стихотвореній. Большая часть одъ этого отдѣла есть — болѣе или менѣе близкое подражаніе латинскому поэту; но встрѣчаются между ними и оригинальныя произведенія Капниста, напримѣръ: „Камелёкъ", „Силуэтъ", „Вздохъ", „Неосторожный мотылёкъ", „Обуховка" и другіе. Лучшее въ этомъ отдѣлѣ — *переводъ* „Памятника" Горація, который такъ смѣло *воспроизведенъ* Державинымъ и Пушкинымъ. Но слава Капниста зиждется не на торжественныхъ и анакреонтическихъ одахъ, а на пяти-актной комедіи его „Ябеда", которая сдѣлала имя его извѣстнымъ во всей Россіи. „Ябеда", посвящённая императору Павлу, была напечатана въ 1798 году и тогда же поставлена на сцену. Успѣхъ комедіи былъ необычайный. Она долго держалась на сценѣ и была вытѣснена только комедіями Грибоѣдова и Гоголя. Поощрённый успѣхомъ „Ябеды", Капнистъ перевёлъ комедію Мольера „Сганарель", которая была дана въ 1806 году на петербургскомъ театрѣ, но не имѣла большого успѣха. Что же касается его оригинальной трагедіи „Антигона", представленной въ 1814 году, то судьба ея была ещё плачевнѣе: она провалилась на первомъ представленіи. Капнистъ встрѣтилъ оба эти удара съ стоическимъ равнодушіемъ, и самъ осмѣялъ свои пьесы въ слѣдующихъ эпиграммахъ:

1.

Никто не могъ узнать изъ цѣлаго партера,
Кто въ „Сганарелѣ" смѣлъ такъ осрамить Мольера;
Но общій и согласный свистъ
Всѣмъ показалъ, что то Капнистъ.

2.

Любезну Антигону,
Которой прелестью насъ Озеровъ плѣнилъ,

Капнистъ, чтобъ угодить Креону,
Въ трагедіи своей убилъ.

Послѣдніе годы жизни Капнистъ провёлъ въ своей Обуховкѣ, занимаясь переводомъ одъ Горація. Въ 1806 году онъ издалъ собраніе своихъ стихотвореній, которыя посвятилъ императору Александру, за что получилъ брильянтовый перстень. Въ 1815 году онъ помѣстилъ въ 17-мъ № „Чтеній въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова" своё письмо къ графу С. С. Уварову, по поводу возникшаго тогда спора о размѣрѣ, какимъ слѣдуетъ переводить „Илліаду"—александрійскимъ стихомъ или гекзаметромъ. Въ 1818 году напечаталъ онъ въ „Сынѣ Отечества" своё образцовое произведеніе „Обуховка". Послѣднимъ произведеніемъ Капниста было — стихотвореніе „Въ память бересту", росшему въ его саду. Капнистъ скончался 28-го октября 1824 года въ Обуховкѣ, гдѣ и погребёнъ. Первое собраніе сочиненій Капниста вышло въ Петербургѣ въ 1796 году, второе, подъ заглавіемъ: „Лирическія Сочиненія" — въ Петербургѣ же въ 1806 году, а третье, смирдинское, тамъ же, въ 1849 году, подъ названіемъ: „Полное собраніе сочиненій В. Капниста".

I.

НА РАБСТВО.

Пріемлю лиру мной забвенну,
Отру лежащу пыль на ней,
Простерши руку отягченну
Желѣзныхъ бременемъ цѣпей,
Для пѣсней жалобныхъ настрою,
И, соглася съ моей тоскою,
Унылый, томный звукъ пролью
Отъ струнъ, рѣкой омытыхъ слезной:
Отчизны моея любезной
Порабощенье воспою.

А ты, который обладаешь
Единъ подсолнечною всей,
На милость души преклоняешь
Возлюбленныхъ Тобой царей,
Хранишь отъ злого ихъ навѣта,
Содѣлай — да владыки свѣта
Внушатъ мою нелестну рѣчь,
Да гласу правды кротко внемлютъ,
И на злодѣевъ лишь подъемлютъ
Тобою имъ вручённый мечъ!

Въ печальны мысли погруженный,
Пойду, отъ людства удалюсь
На холмъ, древами осѣнённый;
Въ густую рощу уклонюсь;
Подъ мрачнымъ, мшистымъ дубомъ сяду.
Тамъ моему прискорбну взгляду
Прискорбный всё являетъ видъ:
Ручей тамъ съ ревомъ гору роетъ,
Уныло вѣтръ межъ сосенъ воетъ,
Летя съ древъ, томно листъ шумитъ.

Куда ни обращу зѣницу,
Омытую потокомъ слезъ,
Вездѣ, какъ скорбную вдовицу,
Я зрю мою отчизну днесь:
Исчезли сельскія утѣхи,
Игрива рѣзвость, пляски, смѣхи;
Весёлыхъ пѣсней гласъ утихъ;
Златыя нивы сиротѣютъ;
Поля, лѣса, луга пустѣютъ:
Какъ туча, скорбь легла на нихъ.

Вездѣ, гдѣ кущи, сёла, грады
Хранилъ отъ бѣдъ свободы щитъ,
Тамъ твёрды зиждитъ власть ограды
И вольность узами тѣснитъ.
Гдѣ благо, счастіе народно
Со всѣхъ сторонъ текли свободно,
Тамъ рабство ихъ отгонитъ прочь.
Увы, судьбѣ угодно было,
Одно чтобъ слово превратило
Намъ ясный день во мрачну ночь!

Такъ древле міра Вседержитель
Изъ мрака словомъ свѣтъ создалъ;
А вы, цари?... На то ль Зиждитель
Своей подобну власть вамъ далъ,
Чтобы во областяхъ подвластныхъ
Изъ счастливыхъ людей — несчастныхъ
И зло изъ общихъ благъ творить?
На то ль даны вамъ скиптръ, порфира,
Чтобъ были вы бичами міра
И вашихъ чадъ могли губить?

Воззрите вы на тѣ народы,
Гдѣ рабство тяготитъ людей,
Гдѣ нѣтъ любезныя свободы
И раздаётся звукъ цѣпей:
Тамъ къ бѣдству смертные рожденны,
Къ уничтоженью присуждённы,
Несчастій полну чашу пьютъ;
Подъ игомъ тяжкія державы

Потоками льютъ потъ кровавый,
И злѣе смерти жизнь ведутъ.

Насилія властей страшатся:
Потупя взоръ, должны стенать;
Поднявъ главу, воззрѣть боятся
На жезлъ, готовый ихъ карать.
Въ веригахъ рабства унываютъ:
Низвергнуть ига не дерзаютъ,
Обременяющаго ихъ;
Отъ страха казни цѣпенѣютъ,
И мысленно насилу смѣютъ
Роптать противъ оковъ своихъ.

Я вижу ихъ: они исходятъ
Поспѣшно изъ жилищъ своихъ;
Но для чего съ собой выводятъ
Несущихъ розы дѣвъ младыхъ?
По-что, въ знакъ радости народной,
Въ забавѣ искренней, свободной
Сей празднуютъ прискорбный часъ?
Чей образъ лаврами вѣнчаютъ,
И за кого днесь возсылаютъ
Къ Творцу своихъ моленій гласъ?

Ты зришь, царица? — се ликуетъ
Стенящій въ узахъ твой народъ:
Съ восторгомъ днесь онъ торжествуетъ
Твой громкій на престолъ восходъ;
Яремъ свой носитъ терпѣливо
И молитъ небо — да счастливо
Ты царствуешь, народъ любя —
И ты ль его умножишь муки,
Обременишь цѣпями руки,
Благословляющи тебя?

Но нѣтъ, души твоей доброты
Подвластные боготворятъ!
Твой кроткій судъ, твои щедроты
Врага, преступника щадятъ!
Возможно ль, чтобъ сама ты нынѣ
Повергла въ жертву злой судьбинѣ
Тебя любящихъ чадъ твоихъ?
И мыслей чужда ты суровыхъ.
Такъ что же? Благъ не скрыла ль новыхъ
Подъ мнимымъ гнётомъ бѣдствій сихъ?

Пары́ изъ моря подымая,
Когда свой солнце кроетъ видъ,
Громъ мрачны тучи разрывая,
Небесный сводъ зажечь грозитъ;
Отъ громкаго перуновъ треска
И молніи горящей блеска
Мятётся трепетна земля;
Но солнце страхъ сей отгоняетъ
И градъ сгущённый растопляетъ,
Дождёмъ проливши на поля.

Такъ ты, возлюбленна судьбою,
Царица преданныхъ сердецъ,
Возложённый Вышнею рукою
Носяща съ славою вѣнецъ,
Сгущённу тучу бѣдъ надъ нами
Любви къ намъ твоея лучами,
Какъ бурнымъ вихремъ, разобьёшь,
И, къ благу бѣдствія устроя,
Унылыхъ чадъ твоихъ покоя,
На жизнь ихъ радости прольёшь.

Дашь зрѣть намъ тò златое время,
Когда спасительной рукой
Веригъ постыдныхъ сложишь бремя
Съ моей отчизны дорогой.
Тогда — о лестно упованье! —
Прервётся въ тѣхъ краяхъ стенанье,
Гдѣ въ первый разъ узрѣлъ я свѣтъ:
Тамъ, вмѣсто воплей и стенаній,
Раздастся шумъ рукоплесканій,
И съ счастьемъ вольность процвѣтетъ.

Тогда, прогнавши мракъ печали
Изъ мысли горестной моей,
И зря, что небеса скончали
Тобой несчастья нашихъ дней,
Отъ узъ свободными руками
Зелёнымъ лавромъ и цвѣтами
Украшу лиру я мою:
Тогда, вослѣдъ правдивой славы,
Съ блаженствомъ твоея державы
Твоё я имя воспою.

II.

ОБУХОВКА.

Въ миру съ сосѣдями, съ родными,
Въ согласьи съ совѣстью моей,
Въ любви съ любезною семьей,
Я здѣсь отрадами одними
Теченье мѣрю тихихъ дней.

Пріютный домъ мой подъ соломой
По мнѣ — ни низокъ, ни высокъ;
Для дружбы есть въ нёмъ уголокъ;

А къ двери, знатнымъ не знакомой,
Забыла лѣнь прибить замокъ.

Горой отъ сѣвера закрытый,
На злачномъ хо̀лмѣ онъ стоитъ
И въ рощи, въ дальній лугъ глядитъ;
А Псёлъ, предъ нимъ змѣёй извитый,
Стремяся къ мельницамъ, шумитъ.

Вблизи — любимый сынъ природы,
Обширный многосѣнный лѣсъ
Густыми купами древесъ,
Пріятной не тѣсня свободы,
Со всѣхъ сторонъ его обнесъ.

Предъ нимъ, въ прогалинѣ укромной,
Искусство, чтобъ польстить очамъ,
Пологость давъ крутымъ буграмъ,
Воздвигнуло на горкѣ скромной
Умѣренности скромный храмъ.

Умѣренность, о другъ небесный,
Будь вѣчно спутницей моей!
Ты къ счастію ведёшь людей;
Но твой алтарь, не всѣмъ извѣстный,
Сокрытъ отъ чванныхъ богачей.

Ты съ юныхъ дней меня учила
Честей и злата не искать,
Безъ крыльевъ кверху не летать
И въ свѣтломъ червякѣ — свѣтила
На диво міру не казать.

Съ тобой, милѣйшимъ мнѣ на свѣтѣ,
Моимъ удѣломъ дорожу;
Съ тобой, куда ни погляжу,
Вездѣ и въ каждомъ здѣсь предметѣ
Я нову прелесть нахожу.

Сойду ль съ горы — древесъ густою
Покрытый тѣнью теремокъ,
Сквозь наклонёный въ сводъ лѣсокъ,
Усталаго зовётъ къ покою
И смотрится въ кристальный токъ.

Тутъ вѣчно царствуетъ прохлада
И освѣжаетъ чувства, умъ;
А тихій, безумолкный шумъ
Стремительнаго водопада
Наводитъ сонъ средь сладкихъ думъ.

Тамъ двадцать вдругъ колёсъ вертятся:
За кругомъ поспѣшаетъ кругъ;
Алмазы отъ блестящихъ дугъ,
Опалы, яхонты дождятся;
Подъ ними клубомъ бьётъ жемчугъ.

Такъ призракъ счастья движетъ страсти,
Кружится ими цѣлый свѣтъ.
Догадливъ, кто отъ нихъ уйдетъ:
Они всё давятъ, рвутъ на части,
Что имъ подъ жерновъ попадетъ.

Пойдёмъ, пока не вечерѣетъ,
На ближній островъ отдохнуть;
Къ нему ведётъ покрытый путь,
Куда и солнца лучъ не смѣетъ
Сквозь тёмны листья проскользнуть.

Тамъ сяду я подъ берестъ мшистый,
Опёршись на дебелый пень.
Увы, не долго, въ жаркій день,
Здѣсь будетъ верхъ его вѣтвистый
Мнѣ стлать гостепріимну тѣнь!

Ужъ онъ склонилъ чело на воду,
Подмывшу брега крутизну;
Ужъ смотритъ въ мрачну глубину —
И скоро, въ бурну непогоду,
Вверхъ корнемъ ринется ко дну.

Такъ въ мірѣ времени струями
Всё рушится средь вѣчной при:
Такъ пали древни алтари;
Такъ, съ ихъ престольными столпами,
И царства пали, и цари.

Но скорбну чтобъ разсѣять думу,
Отлогою стезёй пойдёмъ
На окруженный лѣсомъ холмъ,
Гдѣ отражаетъ тѣнь угрюму
Съ зенита яркимъ Фебъ лучомъ.

Я вижу скромную равнину
Съ оградой пурпурныхъ кустовъ:
Тамъ Флора, нѣжна мать садовъ,
Свою разсыпала корзину,
Душистыхъ полную цвѣтовъ.

Тамъ далѣ, въ области Помоны,
Плоды деревья тяготятъ;
За ними — вакховъ вертоградъ,
Гдѣ, сока̀ нектарнаго полны,
Янтарны гроздія блестятъ.

Но можно ль всѣ красы картины,
Всю прелесть ихъ изобразить?

Тамъ дальность съ небосклономъ слить,
Стадами тутъ устлать долины,
Златою жатвой опушить?

Нѣтъ, нѣтъ! оставимъ трудъ напрасный!
Ужъ солнце скрылось за горой;
Ужъ надъ эѳирной синевой
Межъ тучъ сверкаютъ звѣзды ясны
И зыблются въ рѣкѣ волной.

Всхожу на холмъ! Луна златая
На лёгкомъ облакѣ всплыла
И верхъ текущаго стекла,
По голубымъ зыбямъ мелькая,
Блестящій столбъ свой провела.

О, какъ сіё мнѣ мѣсто мило,
Когда, во всей красѣ своей,
Приходитъ спутница ночей
Сливать съ мечтой души унылой
Воспоминанье свѣтлыхъ дней!

III.

МОТЫЛЕКЪ.

Кверху жаворонокъ вьётся;
Надъ горой летитъ соко́лъ;
Выше о́блаковъ несётся
Къ солнцу дерзостный орёлъ;
Но летаетъ надъ землёю
Съ мягкой травки на цвѣтокъ,
Нѣжной пылью золотою
Отягчённый, мотылёкъ.

Такъ и мнѣ судьбою вѣчно
Низкій положенъ предѣлъ:
Въ урнѣ роковой, конечно,
Жребій мой отяжелѣлъ.
Случай какъ ни потрясаетъ
Урну — всё успѣха нѣтъ;
Какъ жезломъ въ ней ни мѣшаетъ,
Жребій мой на дно падетъ.

Такъ и быть! Пусть на вершинѣ
Дубы гордые стоятъ:
Вѣтры буйные въ долинѣ
Низкимъ лозамъ не вредятъ.
Если жъ рокъ и тутъ озлится —
Что осталося? — Терпѣть!
Болѣ счастливый боится,
Чѣмъ несчастный, умереть.

Ю. А. НЕЛЕДИНСКІЙ-МЕЛЕЦКІЙ.

Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій родился 6-го сентября 1752 года, учился сперва дома, потомъ въ Страсбургскомъ университетѣ, въ которомъ окончилъ полный курсъ наукъ. Возвратившись въ Россію, онъ вступилъ въ военную службу и, начиная съ 1770 года до самаго заключенія Кайнарджійскаго мира въ 1774 году, прослужилъ въ дѣйствующей арміи, при чёмъ, во всё продолженіе осады Бендеръ, находился подъ стѣнами крѣпости, а при овладѣніи ею участвовалъ въ приступѣ. По заключеніи мира, Нелединскій былъ награждёнъ чиномъ премьеръ-майора и назначенъ состоять кавалеромъ посольства нашего въ Константинополѣ, при князѣ Репнинѣ. Затѣмъ поступилъ въ составъ корпуса войскъ, расположенныхъ въ Финляндіи, а въ 1786 году вышелъ въ отставку съ чиномъ полковника. Въ 1796 году, по восшествіи на престолъ Императора Павла, Нелединскій снова принятъ былъ на службу статсъ-секретарёмъ при принятіи прошеній, подаваемыхъ на Высочайшее имя, при чёмъ ему былъ пожалованъ чинъ статскаго совѣтника. Затѣмъ въ 1797 году онъ получилъ 800 душъ крестьянъ; въ 1798 — сопровождалъ государя въ его поѣздкѣ въ Москву, Казань и Бѣлоруссію; въ 1799 — награждёнъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и орденомъ Св. Анны 1-й степени; въ 1800 — пожалованъ въ сенаторы и, вслѣдъ затѣмъ, произведёнъ въ тайные совѣтники, а въ слѣдующемъ году былъ командированъ, вмѣстѣ съ Лопухинымъ, обревизовать Слободско-Украинскую (нынѣ Харьковскую) губернію. Послѣ того онъ занималъ мѣсто почётнаго опекуна Санктпетербургскаго Опекунскаго Совѣта, былъ членомъ совѣта Общества Благородныхъ Дѣвицъ и Института Ордена Св. Екатерины, при чёмъ всё время пользовался полной довѣренностью и расположеніемъ императрицы Маріи Ѳеодоровны. Труды этого времени, понесённые Нелединскимъ, были награждены александровскою лентой (1808). Тѣмъ временемъ лѣта и сопряженныя съ ними болѣзни, всё болѣе и болѣе подтачивая и безъ того слабое здоровье Нелединскаго-Мелецкаго, заставили его, наконецъ, просить объ увольненіи отъ службы, которое онъ и получилъ въ 1826 году. Оставивъ Петербургъ, онъ переѣхалъ на жительство въ Калугу, къ своей дочери, бывшей замужемъ за тамошнимъ губернаторомъ, княземъ Оболенскимъ, гдѣ и умеръ 13-го февраля 1829 года. Юрій Александровичъ былъ человѣкъ очень умный,

образованный и благородный въ полномъ значеніи этого слова. Въ литературѣ онъ особенно извѣстенъ своими пѣснями, исполненными чувства и простоты, изъ которыхъ одна: „Выйду я на рѣченьку", облетѣла всю Россію, на ряду съ пѣснями: „Пятнадцать мнѣ минуло лѣтъ" (Богдановича), „Стонетъ сизый голубочекъ" (И. И. Дмитріева), „Гусаръ на саблю опираясь" (Батюшкова) и „Кто могъ любить такъ страстно" (Карамзина). Другіе пѣсни и романсы Нелединскаго: „У кого душевны силы", „Ты велишь мнѣ равнодушнымъ" — имѣли, для своего времени, такое же значеніе, какое впослѣдствіи пріобрѣли пѣсни: „Среди долины ровныя" (Мерзлякова), „Ахъ, ты, ночь ли", „Пѣла, пѣла пташечка" и „Соловей мой, соловей" (Барона Дельвига), „Вотъ мчится тройка удалая" (Ѳ. Н. Глинки) и „Что отуманилась, зоренька ясная" (Вельтмана). Нелединскій писалъ также и въ другихъ родахъ, но всѣ эти стихотворенія не могутъ итти въ сравненіе съ его пѣснями. Онъ также оставилъ нѣсколько переводовъ изъ болѣе извѣстныхъ французскихъ поэтовъ: Томаса, Флоріана, Лафонтена и Вольтера, также не представляющихъ ничего сколько-нибудь замѣчательнаго. Изъ Вольтера онъ перевёлъ цѣлую трагедію „Заиру". Всѣ эти произведенія, разбросанныя по разнымъ журналамъ и сборникамъ, были только въ 1850 году собраны и изданы Смирдинымъ, въ одномъ томѣ съ сочиненіями Барона Дельвига. Наконецъ, имъ было написано прошеніе Государственнаго Совѣта, Правительствующаго Сената и Святѣйшаго Синода императору Александру I — о принятіи имъ титула „Благословенный" и о позволеніи воздвигнуть ему памятникъ.

I.

ПѢСНЯ.

Выйду я на рѣченьку,
Погляжу на быструю:
Унеси ты моё горе,
Быстра рѣченька, съ собой!

Нѣтъ, унесть съ собой не можешь
Лютой горести моей;
Развѣ грусть мою умножишь,
Развѣ пищу дашь ты ей.

За струёй струя катится
По склоненью твоему:
Мысль за мыслью такъ стремится
Всё къ предмету одному.

Ноетъ сердце, изнываетъ,
Страсть мучительну тая.
Кѣмъ страдаю, тотъ не знаетъ,
Терпитъ что̀ душа моя.

Чѣмъ же злую грусть разсѣю,
Сердце успокою чѣмъ?
Не хочу и — не умѣю
Съ сердцѣ быть властна моемъ.

Милый мой имъ обладаетъ,
Взглядъ его — мой весь законъ.
Томный духъ пусть вѣкъ страдаетъ,
Лишь бы милъ всегда былъ онъ.

Лучше вѣкъ въ тоскѣ пребуду,
Чѣмъ его мнѣ позабыть.
Ахъ! коль милаго забуду,
Кѣмъ же стану, кѣмъ же жить?

Каждое души движенье —
Жертва другу моему;
Сердца каждое біенье
Посвящаю я ему.

Ты, кого не называю,
А въ душѣ всегда ношу!
Ты, кѣмъ вижу, кѣмъ внимаю,
Кѣмъ я мыслю, кѣмъ дышу!

Не почувствуй ты досады,
Какъ дойдётъ мой стонъ къ тебѣ;
Я за страсть не жду награды,
Злой покорствуя судьбѣ.

Если жъ то̀ найдешь возможнымъ,
Силу чувствъ моихъ измѣрь —
Словомъ ласковымъ, хоть ложнымъ,
Адъ души моей умѣрь.

II.

ПѢСНЯ.

Ты велишь мнѣ равнодушнымъ
Быть, прекрасная, къ себѣ;
Если хочешь зрѣть послушнымъ,
Дай другое сердце мнѣ.
Дай мнѣ сердце, чтобъ умѣло,
Знавъ тебя, свободнымъ быть;

Дай такое, чтобъ хотѣло
Не одной тобою жить.

То́, въ которомъ обитаетъ
Несравненный образъ твой —
Сердце, что́ тобой страдаетъ,
То и движется тобой.
Въ нёмъ ужъ чувства нѣтъ иного,
Ни другой въ нёмъ жизни нѣтъ.
Ты во тьмѣ мученья злого —
Жизнь, отрада мнѣ и свѣтъ.

Вѣрность ли къ тебѣ нарушу?
Вздохъ мой первый ты взяла,
И, что я имѣю душу,
Ты мнѣ чувствовать дала.
Ты мнѣ душу, ты вложила;
Твой же даръ несу тебѣ;
Но ты жертвы запретила:
Не дозволю ихъ себѣ.

Лишь не мучь, повелѣвая,
Чтобъ твоимъ престалъ я быть:
Чѣмъ, въ безмолвіи страдая,
Чѣмъ тебя мнѣ оскорбить?
Развѣ чтишь за преступленье
Взоръ небесный твой узрѣть,
Имъ повергнуться въ смущенье
И безъ помощи терпѣть!

III.

ПѢСНЯ.

У кого душевны силы
Истощилися тоской,
Въ грусти дни влача постылы,
Кто лишь въ гробѣ зритъ покой —
На лицѣ того проглянетъ
Лучъ веселья въ тотъ лишь часъ,
Какъ терять онъ чувства станетъ,
Какъ вздохнётъ въ послѣдній разъ.

Ты, кѣмъ жизнь во мнѣ хранится,
Казнь и благо дней моихъ,
Духъ хоть съ тѣломъ разлучится,
Буду живъ безъ связи ихъ!
Душу что̀ во мнѣ питало,
Смерть не въ силахъ то сразить;
Сердцу, что́ тебя вмѣщало,
Льзя-ли не безсмертну быть?

Нѣтъ, нельзя тому быть мертву,
Что̀ дышало божествомъ!
Отъ меня ты примешь жертву
И въ сёмъ мірѣ, и въ другомъ.
Тѣнь моя всегда съ тобою
Неотступно будетъ жить,
Окружать тебя собою,
Вздохъ твой, взоры, мысль ловить.

Насладится, вникнувъ тайно
Въ прелести души твоей...
Если жъ будешь, хоть случайно,
Близъ гробницы ты моей —
Самый прахъ мой содрогнётся:
Твой приходъ въ нёмъ жизнь родитъ —
И тотъ камень потрясётся,
Подъ которымъ буду скрытъ.

IV.

КЪ ЛУНѢ.

Въ вечерній мирный часъ, когда природа дремлетъ,
Какъ царствуетъ вездѣ любезна тишина,
Безмолвный твой глаголъ душа и сердце внемлетъ,
Другъ меланхоліи, сребристая луна!

Лучомъ волшебнымъ ты смиряешь чувствъ волненье,
Надежды сладкое питаешь упоенье,
Стенящему несёшь отраду въ злой судьбѣ
И образъ кротости являешь намъ въ себѣ.

Краса величія и благости подруга,
О кротость, первое сокровище царей!
Бесѣды избранной средь счастливаго круга,
Ты всё животворишь въ странѣ прелестной сей.

Въ ней геній благости, тобою намъ сіяя,
Благоговѣнье въ насъ воззрѣньемъ осмѣляя,
Къ пристойной вольности здѣсь каждаго зовётъ
И чистыхъ намъ утѣхъ примѣръ въ себѣ даётъ.

Свѣтило милое, Цинтія дорогая!
Свой дѣвственный къ намъ взоръ умильно обращая,
Когда среди небесъ являешься безъ тучъ —
Утѣхамъ здѣшнимъ твой тогда подобенъ лучъ.

КНЯЗЬ И. М. ДОЛГОРУКОЙ.

Князь Иванъ Михайловичъ Долгорукой, потомокъ родного брата князя Якова Ѳедоровича, знаменитаго и правдиваго сподвижника Петра Великаго,

и внукъ князя Ивана Алексѣевича, любимца Петра II, родился 7-го апрѣля 1764 года въ Москвѣ, въ домѣ отца, на Тверской; учился сначала дома, а потомъ, съ 1777 по 1780 годъ, въ Московскомъ университетѣ. Первымъ литературнымъ опытомъ Долгорукова—былъ переводъ книги Мерсье: „Les Songes philosophiques", сдѣланный имъ ещё во время своего студенчества и напечатанный въ 1780 году. По выходѣ изъ университета, онъ поступилъ въ Московскій пѣхотный полкъ офицеромъ, какъ кончившій курсъ студентъ; затѣмъ, спустя два года, былъ переведёнъ въ лейбъ-гвардіи Семёновскій полкъ, гдѣ въ 1785 году былъ произведёнъ въ поручики, въ 1788 — въ капитанъ-поручики, въ 1790 — въ капитаны, а въ началѣ 1791 года уволенъ въ отставку съ чиномъ бригадира, для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ.

Первымъ напечатаннымъ произведеніемъ Долгорукова было стихотвореніе „На смерть Горича", убитаго при штурмѣ Очакова въ 1787 году. Стихи были написаны тогда же; но напечатаны только въ 1788 году; въ видѣ приложенія къ „Московскимъ Вѣдомостямъ". Въ 1787 году Долгорукой женился на Евгеніи Сергѣевнѣ Смирновой, отецъ которой былъ казнёнъ Пугачёвымъ; въ 1791 былъ онъ назначенъ вице-губернаторомъ въ Пензу. Жизнь въ Пензѣ, послѣ блестящей петербургской жизни, конечно, не могла вполнѣ удовлетворить его наклонности къ свѣтскимъ развлеченіямъ. За-то это обстоятельство заставило его тѣмъ съ бо́льшею горячностью приняться за исполненіе своихъ новыхъ обязанностей, всю важность которыхъ онъ хорошо понималъ. Между немногими, съ кѣмъ онъ сблизился въ городѣ, особенно пришлось ему по сердцу семейство Загоскиныхъ, отца и матери извѣстнаго впослѣдствіи романиста М. Н. Загоскина, автора „Юрія Милославскаго" и „Рославлева". Съ жизнью его въ Пензѣ совпадаетъ наибольшая его извѣстность, какъ поэта. Въ одной поэзіи, этой успокоительницѣ сердца, находилъ онъ прибѣжище и въ счастьи, и въ несчастьи; ей одной ввѣрялъ онъ тѣ сильныя черты негодованія, которыя такъ часто встрѣчаются въ его стихахъ. Однимъ изъ первыхъ стихотвореній, написанныхъ въ Пензѣ, было посланіе „Къ швейцару", обратившее на себя общее вниманіе оригинальностью своего содержанія. Здѣсь же, въ 1795 году, написалъ онъ философическую оду „Каминъ въ Пензѣ", пріобрѣвшую громкую извѣстность. Въ первый разъ это стихотвореніе было напечатано въ небольшомъ числѣ экземпляровъ только для знакомыхъ автора; но распространившаяся извѣстность оды побудила автора напечатать её вторично. Къ этому же году относится его посланіе „Къ судьбѣ", въ которомъ, перебравъ разныя шутки судьбы съ людьми и народами, упрекаетъ её въ перемѣнахъ своей жизни. Подъ конецъ своей службы въ Пензѣ, онъ испыталъ большія неудачи и много непріятнаго, но продержался на мѣстѣ до самой кончины Екатерины II, которая не любила разрѣшать узлы правосудія, по примѣру Александра Македонскаго. Съ восшествіемъ на престолъ императора Павла I, Долгорукой былъ немедленно *отставленъ отъ дѣлъ*, вслѣдствіе чего переѣхалъ снова на житьё въ Москву. Въ 1797 году онъ былъ опять принятъ въ службу, съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и опредѣленіемъ въ Главную Соляную Контору, находившуюся въ Москвѣ. Здѣсь, въ 1798 году, онъ написалъ комедію: „Отчаяніе безъ печали" и оперу: „Любовное волшебство", а въ самомъ концѣ года — стихотвореніе „1799 годъ", замѣчательное по своимъ воспоминаніямъ объ Екатеринѣ Великой. Въ 1799 году написано имъ два стихотворенія: „Завѣщаніе" и „Спасибо 1799-му году". Въ первомъ изъ названныхъ стихотвореній Долгорукой впервые обнаружилъ ту глубину души, которая съ того времени всё чаще и чаще стала проявляться въ послѣдующихъ его произведеніяхъ. Въ 1802 году онъ былъ назначенъ губернаторомъ во Владиміръ, а въ 1804—произведёнъ въ тайные совѣтники. Въ исходѣ того же года онъ имѣлъ несчастье потерять любимую супругу, примирявшую его такъ часто въ бурные дни и съ жизнью, и съ самимъ собою. Долгорукой со всею искренностью своего добраго сердца оплакалъ ея кончину, что́ могутъ засвидѣтельствовать всѣ стихотворенія поэта, написанныя имъ во время вдовства и изданныя въ 1808 году отдѣльной книжкой, подъ заглавіемъ: „Сумерки моей жизни". Но что́ вѣчно подъ луною?

Мёртвый въ гробѣ мирно спи!
Жизнью пользуйся живущій!

сказалъ Жуковскій. 13-го января 1808 года, то-есть черезъ три года по смерти первой жены и въ самый годъ изданія „Сумерокъ", посвящённыхъ ея памяти, князь Долгорукой вступилъ во второй бракъ съ Аграфеною Алексѣевною, урождённою Безобразовой, а по первому мужу Пожарскою. 25-го августа того же года ему пожалована была Анненская лента, первый и послѣдній орденъ, имъ получённый; другихъ у него не было. Вмѣстѣ съ

тѣмъ — это была и послѣдняя награда, заслуженная имъ въ теченіе слишкомъ тридцатилѣтней его службы. Возвратившись въ Москву, онъ прожилъ въ ней не долго, такъ-какъ французы быстро приближались къ первопрестольной нашей столицѣ. 31-го августа 1812 года семейство князя Долгорукова выбралось, наконецъ, изъ Москвы, а 2-го сентября вечеромъ французы заняли городъ. Проживъ до конца сентября въ подмосковномъ селѣ Никольскомъ, Долгоруковы отправились обратно во Владимірскую губернію и основали временное своё пребываніе въ Шуѣ. Здѣсь, подъ впечатлѣніемъ Московскаго пожара, князь Иванъ Михайловичъ написалъ стихотвореніе: „Плачъ надъ Москвою", въ которомъ изобразилъ тогдашнее своё положеніе. По освобожденіи Москвы, Долгоруковы возвратились въ Никольское, а 1-го ноября пріѣхали взглянуть на Москву, при чёмъ съ радостью увидали, что пожаръ пощадилъ ихъ старый домъ, купленный ещё отцомъ князя въ 1784 году. Послѣдніе годы своей жизни князь Долгорукой провёлъ въ Москвѣ, не оставляя своихъ литературныхъ занятій. Однимъ изъ послѣднихъ его стихотвореній было: „Взглядъ старца на заходящее солнце"—проникнутое грустнымъ предчувствіемъ близкой смерти. Князь Долгорукой скончался скоропостижно 4-го декабря 1823 года и погребёнъ на кладбищѣ Донского монастыря.

„Князь Долгорукой никакъ не можетъ назваться образцовымъ писателемъ", говоритъ его біографъ: „но онъ одинъ изъ тѣхъ поэтовъ, которые никому не подражаютъ и которые сами никогда не могутъ имѣть подражателей, потому-что подражательность можетъ занять только форму, а не можетъ усвоить духа. Форма его не оригинальна и не блестяща; а духъ — есть врождённый даръ природы, не передающійся другому".

Сочиненія князя Долгорукова были изданы четыре раза: три первыя — самимъ авторомъ, подъ заглавіемъ: „Бытіё сердца моего" (1-е изд. — М. 1802; 2-е — М. 1808 и 3-е — М. 1818), а четвёртое — книгопродавцемъ Смирдинымъ, подъ заглавіемъ: „Полное собраніе сочиненій Долгорукова (Князя Ивана Михайловича). Спб. 1849".

I.

КАМИНЪ ВЪ МОСКВѢ.

Ещё мы лѣта не видали,
А ужъ опять зима — какъ тутъ!
Морозы въ комнату вогнали
И долго выйти не дадутъ.
Краса природы измѣнилась:
Завѣсой ночи обложилась.
Ахти! что̀ дѣлать? что̀ начать?
Придвинусь къ милому камину
И съ нимъ мою тоску кручину,
Какъ прежде, стану раздѣлять.

Въ какихъ краяхъ я ни шатался,
Великъ ли, малъ ли былъ мой домъ,
Въ высокихъ за̀мкахъ величался,
Иль крылся внутрь своихъ хоромъ —
Каминъ, мой зимній благодѣтель,
Вездѣ былъ дѣлъ моихъ свидѣтель:
По суткамъ съ нимъ живалъ одинъ;
Тоску, печали и досады,
Утѣхи, радости, отрады —
Всё мой извѣдывалъ каминъ.

На всѣ судьбы людскія въ свѣтѣ
Когда я мысленно гляжу
И у камина въ кабинетѣ
О человѣчествѣ сужу,
Съ трудомъ въ моёмъ воображеньи
О счастьи общія всѣмъ мнѣньи
Могу я съ правдой согласить.
Весь міръ шумитъ и колобродитъ;
Но вмѣсто счастья что̀ находитъ?
Причины новыя тужить.

Цари, по самой доброй волѣ,
Оставя тронъ, бѣгутъ къ ружью;
Въ своей толь знаменитой долѣ
Клянутъ нерѣдко жизнь свою.
Бояра, сколько ни тучнѣютъ,
А также въ счастіи блѣднѣютъ,
Какъ самый ихъ послѣдній рабъ.
И тотъ въ своей огромной сферѣ,
И сей въ землянкѣ иль пещерѣ —
Равно противъ напасти слабъ.

Вездѣ о счастіи писали
И будутъ вѣчно толковать —
Нигдѣ его не отыскали:
Ахъ, трудно счастіе стяжать!
И я — мужикъ хоть не мудрёный —
Сказать то такъ же, какъ учёный,
Могу: оно въ самомъ во мнѣ;
Да гдѣ, и какъ найти? — не знаю!
Въ печали — на яву страдаю,
А веселъ — всё будто во снѣ.

Противъ страстей возставши лихо,
Чело нахмуря, какъ Катонъ,
Когда въ душѣ его всё тихо,
Философъ свой даётъ законъ:
„На что страстямъ порабощаться?
Разсудку должно покоряться.
Всѣ наши прихоти — мечта;
Всё здѣсь, о люди, скоротечно:
Ищите въ небѣ счастья вѣчна,
А міръ — суетъ есть суета.

„Коль сыть однимъ — на что три блюда?
Коль есть кафтанъ — на что ихъ пять?
Къ чему потребна денегъ груда?
Умрёшь — съ собой, вѣдь, ихъ не взять.
Стѣсни ты нуждъ своихъ границы,
Бѣги въ деревню изъ столицы,
Живи спокойно малый вѣкъ,
Терпи обиду равнодушно,
Сноси печаль великодушно,
Будь выше, нежли человѣкъ!“

Да самъ ты что́, мой поучитель?
Ты Богъ, иль ангелъ во плоти?
Глубокой мудрости рачитель,
Позволь во внутрь себя войти!
Открой не умъ одинъ, но чувства,
Вѣщай безъ всякаго искусства —
Ужель таковъ ты вправду сталъ?
Я вижу — тщетно лицемѣришь;
Сей проповѣди самъ не вѣришь,
И вышелъ ты — пустой кимвалъ.

О, если бъ люди всѣ такъ жили,
Какъ имъ разсудокъ повелѣлъ!
Когда бы чувства тише были,
Источникъ крови бъ не кипѣлъ —
Куда бы было жить прекрасно!
Всё было бъ мирно, безопасно,
Любовь была бъ союзъ всѣхъ странъ;
Другъ друга люди бы не ѣли;
Ужиться межъ собой умѣли
Французъ, арабъ и мусульманъ.

О, если бъ — это только слово
Когда въ заглавьѣ положу,
Одну ли землю — небо ново
Тотчасъ перомъ моимъ рожу.
Всѣ царства будутъ изобильны,
Всѣ люди будутъ равно сильны,
Нигдѣ ни снѣга, ни зимы,
Цвѣты рости вседневно станутъ,
Къ каминамъ бѣгать перестанутъ —
Совсѣмъ переродимся мы.

Ахъ, нѣтъ! мнѣ жаль камина стало!
Оставимъ лучше всё, какъ есть:
Того, что́ мнѣ на разумъ вспало,
Никакъ не можно произвесть.
Пускай себѣ кружится сфера,
И пусть различная химера
Играетъ каждаго умомъ!
Творецъ всё къ лучшему устроитъ:
Насъ нынѣ стужа безпокоитъ,
За то не страшенъ лѣтній громъ.

Молву я слышу повсечасну
О свойствахъ добрыхъ поселянъ.
Какую жизнь ведутъ прекрасну:
Законъ природы не попра̀нъ.
„У нихъ грубѣй“, твердятъ мнѣ: „нравы,
Но несравненно ихъ забавы
Простѣе, нежели у насъ:
Другъ съ другомъ водятся въ свободѣ,
Не пьютъ и не ѣдятъ по модѣ“.
Неправда! — также, каковъ часъ.

Когда даются серенады
У насъ въ прекрасный лѣтній день,
Шумятъ прозрачны водопады,
Отъ зноя кроетъ кедровъ тѣнь:
Тогда мужикъ коня впрягаетъ
И плугомъ землю раздираетъ,
Или бремя дровъ тащитъ,
Или сквозь тусклыя окошки,
Въ которы не видать ни крошки,
Зимою на мятель глядитъ.

Каминъ, тобой не промѣняюсь
На всѣ сокровища вельможъ!
Тобою часто утѣшаюсь:
Всегда мнѣ милъ, вездѣ пригожъ.
Пускай печали неизбѣжны:
Печаль и радость съ ними смежны.
Ты будь престолъ моихъ забавъ;
А книгъ моихъ съ меня довольно;
Отъ нихъ ни тѣсно мнѣ, ни больно:
Читаю тѣ, что мнѣ на нравъ.

Когда же книгу я оставлю
И углублю въ каминъ мой взоръ,
Съ какимъ веселіемъ представлю
Различныхъ случаевъ соборъ!
Моей всей юности картину,

Суетъ успѣхи и причину
Тотчасъ въ умѣ вообразу;
На сѣверъ, югъ и на столицу,
И на финляндскую границу
Какъ-будто я теперь гляжу.

Винюсь, мой Боже, предъ Тобою!
Я праздно молодость убилъ;
Влекомъ обычая волною,
И день, и ночь мечтамъ дарилъ.
То тамъ, то сямъ я суетился,
Искать знакомства торопился
И мыслилъ: „это всё заёмъ,
Которымъ я кого ссужаю;
Современемъ сей долгъ, я знаю,
Красёнъ мнѣ будетъ платежомъ“.

Пора ко нравамъ примѣниться!
Мнѣ скоро будетъ сорокъ лѣтъ:
Пора изъ опытовъ учиться
Цѣнить людей, узнать сей свѣтъ.
Искать друзей — есть обольщенье
И сердца суетно стремленье.
Исполнилася въ наши дни
Людского равнодушья мѣра;
Не требуйте на то примѣра:
Увы! — во множествѣ они!

Въ глаза другъ друга всѣ расхвалятъ,
Но случай лишь придётъ помочь,
Тотчасъ цѣны твоей умалятъ —
Пойдутъ, не молвя слова, прочь.
Умёнъ ли кто — тотъ такъ придавитъ,
Что цѣлый вѣкъ тебя заставитъ
О нёмъ съ слезами вспомянуть;
Дуракъ — тотъ, гдѣ ни повстрѣчаетъ,
Каменьевъ пропасть накидаетъ
И ими заградитъ твой путь.

Отъ золъ такихъ моя отрада —
Единый Богъ, Богъ твари всей!
Мнѣ ничего уже не надо:
Не жду блаженства отъ людей.
Стократъ пріятнѣй, дома сидя,
Соблазновъ свѣта въ нёмъ не видя,
Съ своей семьёю просто жить,
И, скромно время провождая,
Разсудку здраво угождая,
Дрова въ каминѣ шевелить.

II.

ПРИКАЗЪ ШВЕЙЦАРУ.

Андрюшка, кинь топоръ: я въ знать тебя пустилъ:
Изъ русскихъ мужиковъ швейцаромъ окрестилъ.
Живи теперь въ сѣняхъ, опрятно одѣвайся,
Носи большую трость и шпагой величайся,
Будь ловокъ, будь учтивъ, умѣй сказать отвѣтъ.
И здѣсь, вѣдь, ужъ большой открылся нынѣ свѣтъ:
Всѣ пó уши въ долгахъ, всѣ знаютъ толкъ въ уборахъ,
И купчикъ завелся каретой на рессорахъ.
Лишь только кто ко мнѣ пожалуетъ на дворъ,
Ты встрѣть его тотчасъ, вступи съ нимъ въ разговоръ.
А чтó кому сказать на разный спросъ придётся,
Однажды навсегда инструкція даётся:
„Для знатныхъ баръ меня во весь день дома нѣтъ;
Пріятелей зови на дружескій обѣдъ;
Купцамъ скажи, что я въ нихъ нужды не имѣю,
Попамъ — что и безъ нихъ спастись одинъ сумѣю;
Приказныхъ и судей къ мѣстамъ ихъ посылай,
А нищихъ и сиротъ всегда ко мнѣ пущай“.
Я требую, чтобъ ты былъ низокъ передъ ними;
Жалѣй о ихъ судьбѣ и не ругайся ими:
Пускай, увидя твой привѣтливый пріёмъ,
Пойдутъ они ко мнѣ, увѣрены въ моёмъ.
Кто дряхлъ, кто притѣснёнъ, кто пищи не имѣетъ,
Того согнать съ двора никто да не посмѣетъ!
Намъ знатность, власть, чины цари даютъ на тó,
Чтобы въ подданствѣ ихъ не бѣдствовалъ никто,
Чтобъ люди, не страшась пить скорби чашу люту,
Блажили свой удѣлъ на каждую минуту,
И нищему велятъ съ тѣмъ руку протянуть,
Чтобъ шагъ ихъ поддержать, а не въ оврагъ столкнуть.
Я князь не для того, чтобъ чваниться породой;
Другой богатъ не съ тѣмъ, чтобъ жить согласно съ модой;
На то ль иной въ звѣздахъ, чтобъ камней нанизать
И, къ солнцу ими ставъ, какъ пряникомъ играть?
Породою своей кто выситься желаетъ,
Благотворенью тотъ весь вѣкъ свой посвящаетъ,
А кто лишь знатенъ тѣмъ, что знатный носитъ санъ,
Тотъ прахъ предъ Божествомъ, предъ трономъ истуканъ.
Андрюшка, бойся ты сказать: „теперь не время“
Тому, кто терпитъ золъ различныхъ тяжко бремя!
Пріятно ль мужику, вздыхая тяжело,
Дождаться у судьи, чтобъ въ спальнѣ разсвѣло,
Стоять въ его сѣняхъ, покамѣстъ онъ проснётся,
Причешетъ парichёкъ и кофею напьётся?

Зимой мужикъ ослабъ, а лѣтомъ недосугъ:
Собрать онъ долженъ хлѣбъ, скосить онъ долженъ лугъ.
Какъ нѣжный сынъ къ отцу въ объятія стремится,
Лобзаніемъ его въ нёмъ сердце обновится.
Такъ точно и къ судьѣ поселянинъ бѣжитъ.
Прямой судья примѣръ въ Екатеринѣ зритъ:
Ей всѣ часы равны, какъ днёмъ, такъ и средь ночи,
На пользы странъ ея всегда отверсты очи;
Несчастливыхъ судьбинъ въ ея державѣ нѣтъ:
Ей Россы тѣмъ должны, чѣмъ долженъ Богу свѣтъ.
У многихъ здѣсь господъ, я знаю, что швейцару
Приказъ данъ различать четвёрку, цугъ и пару,
Провесть иного вверхъ, иному отказать,
Иного за порогъ передней не пускать.
Однако, чтобъ швейцаръ отъ этого разбору
Не сдѣлалъ иногда какого-нибудь вздору,
Купца не распознавъ затѣмъ, что онъ обритъ,
Не молвилъ бы врасплохъ, что баринъ ещё спитъ,
То велѣно уже торговому народу
Во всяку дверь входить дать полную свободу.
Хозяина любя отъ искренней души,
Несутъ къ нему на верхъ чай, сахаръ и гроши;
А сей, пріемля даръ тихонько въ кабинетѣ,
Благодаритъ боговъ: — не худо жить на свѣтѣ!
И вправду, вѣдь, нельзя того грѣхомъ назвать,
Что Богу и царю — обоимъ вдругъ солгать.
Присяга въ старину считалась важнымъ дѣломъ,
А нынѣ всё пустякъ — всѣ люди пишутъ мѣломъ:
Сегодня присягнулъ и крестъ расцѣловалъ,
Назавтра обманулъ, обидѣлъ и укралъ.
Блаженъ, стократъ блаженъ, кто въ бѣдности почтенной
Судъ праведный творитъ, на мздѣ не положенный,
Кто чести смыслитъ вѣсъ и милости предѣлъ,
Кто истину судьёй своихъ поставилъ дѣлъ,
Чьё имя съ похвалой по стогнамъ раздаётся,
Отъ коего нигдѣ прискорбныхъ слёзъ не льётся!
Вотъ истинный мой другъ! вотъ я кого люблю!
Съ коварствомъ никогда водиться не терплю.
И что за прибыль мнѣ, что страхъ-какой вельможа,
Отъ коего подъ часъ трещитъ на многихъ кожа,
Пріѣдетъ не ко мнѣ, а къ чину моему,
Вводитъ въ соблазны духъ и ставитъ сѣть уму?
Въ добрѣ ли отъ меня онъ ищетъ вспоможенья?
Ахъ, нѣтъ! ему моё лишь нужно преступленье.
Я совѣстью своей не жертвую страстямъ
И должность покорить не смѣю прихотямъ;
Ходатаевъ снискать злодѣйствами не жажду:
Предъ всей вселенной чистъ, хоть въ тѣсной нуждѣ стражду.

Случилось мнѣ видать — и право я не лгу,
Какъ знатный господинъ, согнувшись весь въ дугу,
Сзывалъ къ себѣ въ село судей уѣздныхъ кушать;
По нуждѣ, хоть не разъ, готовъ ихъ вздоры слушать,
Вина имъ рѣки льётъ, подноситъ тьму плодовъ;
Измучилъ цѣлый полкъ французскихъ поваровъ;
Про дѣло имъ своё съ доводами толкуетъ
И каждому въ карманъ подарки разны суетъ.
Вся челядь вдругъ ему въ одинъ вѣщаетъ гласъ:
„Хоть дѣло и съ душкомъ, но мы оправимъ васъ!“
Металлъ! ты мудрецовъ коверкаешь душами,
Коробишь совѣсть въ нихъ и движешь всѣхъ умами!
Такъ можно ли хотѣть, чтобъ на чужой алтынъ
Чиновникъ безъ души не городилъ свой тынъ?
Судьи, обворожась сіяньемъ знатной славы,
Рѣшились портить вдаль свои худые нравы,
И, правиломъ пріявъ боярскія слова,
Смѣшали въ честь ему законъ и всѣ права.
А тотъ же господинъ, я самъ слыхалъ нерѣдко,
За тридевять земель такъ подчиваетъ ѣдко
Тѣхъ самыхъ, передъ кѣмъ, за-то, чѣмъ ихъ язвитъ,
Съ поклоновъ и теперь ещё спина болитъ.
На что же мнѣ съ такой почётной чернью знаться
И ядомъ льстивыхъ словъ на что мнѣ упиваться?
Чѣмъ выше на ступень входящихъ я видалъ,
Тѣмъ больше къ нимъ моё почтеніе терялъ:
Злодѣйство назовутъ они предразсужденьемъ;
На скорбь и тѣсноту глядятъ съ пренебреженьемъ.
Какъ рѣдко сердце въ нихъ займётъ благой предметъ
Иль сроднику помочь, иль другу дать совѣтъ!
Онъ самъ всё для себя. Разруша связь природы,
Запутался въ цѣпяхъ мечтательной свободы.
Всѣ средства хороши, невинны для него,
Лишь только бъ удалось, желаетъ онъ чего.
Отъ гнусныхъ дѣлъ стыда въ лицѣ его нѣтъ краски,
Съ женою и съ дѣтьми, съ глухими даже въ маскѣ.

Андрюшка, въ толкъ возьми, что̀ я тебѣ сказалъ,
И рабски исполняй, что̀-бъ я ни приказалъ.
На водку за докладъ просить не покушайся,
Не трися вкругъ мѣщанъ, съ купцами не якшайся;
Будь по-просту холопъ. Не мысли никогда,
Кого бы въ кабинетъ пустить ко мнѣ когда:
Проситель ни въ какой мнѣ часъ не помѣшаетъ:
Онъ, нужду объяснивъ, не медля отъѣзжаетъ.
А въ гости никого къ себѣ я не зову;
Не чванства ради здѣсь—по должности живу.
Зачѣмъ ко мнѣ придётъ охотникъ до попойки?
Что̀ дѣлать и тому, кто вѣкъ сидитъ на двойкѣ?
Зачѣмъ кого ко мнѣ нелёгкій понесётъ,
Кто всякій дрязгъ и вздоръ изъ дому въ домъ несётъ?

Кто, скромности презря любезнѣйши уставы,
Какъ аспидъ злой, мутитъ сердца и портитъ нравы?
Сихъ качествъ человѣкъ соскучится со мной.
Бесѣду всякъ на вкусъ пріискиваетъ свой.
Довольно міра я плѣнялся суетою,
Довольно міру я давалъ играть собою;
Хочу отнынѣ впредь я жить уединенъ.
На балы торопясь, я меньше былъ блаженъ,
Чѣмъ нынѣ, въ тѣ часы, въ тѣ сладкія минуты,
Когда, скорбящихъ душъ унявши вздохи люты,
Окончивъ тяжкій срокъ рекрутскихъ злыхъ часовъ,
Домой я прихожу свободенъ отъ трудовъ,
И, бросившись къ женѣ, стократъ её лобзаю,
А дѣтокъ вкругъ нея и тѣшу, и ласкаю.
О, сладкая стократъ замѣна тѣмъ пирамъ,
На коихъ я бывалъ не радъ и жизни самъ,
Съ почтеніемъ внималъ несвязную бесѣду,
Желая поскорѣй узрѣть конецъ обѣду;
Чтó въ мысли мнѣ вошло, сказать не могъ никакъ,
Коль не былъ я готовъ кричать со всѣми: „такъ!"
Чтó счастіемъ зовёмъ, то разно всѣ толкуютъ,
И часто на судьбу напрасно негодуютъ.
Я въ добродѣтели блаженство полагалъ:
Я въ ней его ищу и въ ней всегда искалъ.

Довольно! Но уже какая-то карета
Пріѣхала на дворъ—и ждётъ слуга отвѣта.
Поди и поступай, какъ я тебѣ велѣлъ.
Мой жребій—кабинетъ, а сѣни—твой удѣлъ!

III.

ИЗЪ „НЕСЧАСТНОЙ КРАСАВИЦЫ".

Тебя ли видѣлъ я, владычица Москвы,
Плѣнявшая въ свой вѣкъ брега самой Невы?
Тебя ли видѣлъ я отшельницею нынѣ,
Безъ друга, безъ родни, отчаянну въ пустынѣ,
Куда, чтобъ испытать послѣднюю напасть,
Не вѣра привлекла—обманутая страсть?
Гдѣ дѣлась красота, гдѣ дѣлся видъ прелестный,
Въ Россіи до тебя едва ль кому извѣстный.
Которымъ Божество, создавъ твои черты,
Хотѣло, чтобъ Ему подобилася ты?
Что сталося съ твоей осанкой горделивой,
Сей вывѣской души невинной и счастливой?
Кто жаломъ острымъ стёръ, подобно злой пчелѣ,
Рисунокъ совершенствъ на радостномъ челѣ?
Потухъ всежгучій взоръ и пламенныя очи
Померкли, какъ звѣзда въ туманахъ тёмной ночи;
Прелестны тѣ уста, гдѣ вся любви краса
Въ отверстьи ихъ вмѣщала небеса
И каждымъ словомъ духъ въ восторгѣ изумляла,
Безмолвная печаль навѣкъ ихъ нынѣ сжала.
Куда ушли толпы вельможескихъ сыновъ,
Бѣжавшихъ за тобой искать златыхъ оковъ,
Которыми ты ихъ опутывать любила,
Когда не сердцемъ ихъ—улыбкой лишь дарила?
О, время! ты летишь—и нѣтъ тебѣ преградъ:
То рай намъ на пути, то страшный кажешь адъ.
Блаженство и бѣда, печаль и восхищенье—
Всё случаевъ однихъ различное стеченье.
И ты лукавыхъ дней игралищемъ была,
Платила дань страстямъ и чувственно жила.

IV.

ЗАВѢЩАНІЕ.

Вотъ здѣсь, когда меня не будетъ,
Вотъ здѣсь уляжется мой прахъ!
На мѣстѣ сёмъ меня разбудитъ
Одинъ гласъ трубный въ небесахъ.
Тогда со всѣхъ сторонъ вселенной
На страшный судъ нелицемѣрной
Стекутся люди всякихъ вѣръ:
Цари смѣшаются съ рабами,
Безумцы станутъ съ мудрецами,
Съ ханжой столкнётся изувѣръ.

Въ пространномъ царствѣ всей природы
Ударитъ вѣчной жизни часъ;
Увидимъ разные народы,
Колико ни было до насъ,—
И тѣхъ, въ которыхъ мы живали,
И коихъ вовсе не знавали,
Потомковъ тьмы явятся тутъ;
Сердецъ познаются движенья,
Умовъ сокрыты помышленья
Тогда въ явленіе придутъ.

Всѣхъ вѣръ изыщется начало;
Какъ пчёлы, секты зашумятъ;
Соблазновъ ядовито жало
Стрѣлами правды притупятъ.
Не спросятъ тамъ, въ какомъ кто гробѣ
Лежалъ дотоль въ земной утробѣ
И былъ ли онъ парчёй одѣтъ?
Съ пальбой ли въ землю опустили,
Иль просто въ саванѣ свалили?
Вопросъ: какъ жилъ?—давай отвѣтъ!

И я, проснувшись на кладбищѣ,
Что подъ Филями за Москвой,
Предстану также на судище,
Гдѣ станетъ земнородныхъ строй;
Съ друзьями тамъ соединюся,
Съ отцомъ, съ сестрой, съ дѣтьми сойдуся,
И вѣрю, Богомъ духъ плѣня,
Что радости сея священной,
Ни съ чѣмъ на свѣтѣ несравненной,
Никто не возьметъ отъ меня.

О вы, друзья мои любезны,
Не ставьте камня надо мной!
Всѣ ваши бронзы безполезны:
Онѣ души не скрасятъ злой.
Среди могилъ, на взглядъ негодныхъ,
И въ кучѣ тѣлъ простонародныхъ
Пускай истлѣетъ мой составъ!
Повѣрьте, съ чѣмъ ни схоронится,
Земля всё въ землю обратится:
Се равенсто природныхъ правъ!

Добро, какое я имѣю,
Даю женѣ и дѣтямъ всё:
Давать могу, доколь владѣю;
Умру—ничто ужъ не моё.
Печальныхъ картъ не посылайте
И черныхъ платьевъ не вздѣвайте:
Пустой убытокъ, пышный вздоръ!
Ни въ дождь, ниже́ во время ясно
Не мучьте вкругъ меня напрасно
Богатыхъ пастырей соборъ.

Молитесь лучше Богу вѣчну,
Созвавъ убогихъ и сиротъ,
Чтобъ Онъ, пучину безконечну
Явилъ бы мнѣ Своихъ щедротъ;
Чтобъ Онъ врагамъ моимъ прощая,
И клятвы ихъ съ меня слагая,
Въ эдемскій рай мой духъ вселилъ.
Предъ Богомъ словъ не надо много:
Душевный вздохъ — къ Нему дорога:
Онъ Самъ её намъ проложилъ.

Не славьте вы меня стихами:
Они не нужны мертвецамъ;
Пожертвуйте вы мнѣ сердцами,
Какъ онымъ жертвовалъ я вамъ.
Стихи отъ ада не избавятъ,
Въ раю блаженства не прибавятъ.
Въ нихъ только гордость и тщета.
Протокъ воды, двѣ-три берёзы
Да ближнихъ искреннія слёзы—
Вотъ монументовъ красота!

Таковъ его здѣсь воздвигаю
Тебѣ, любезная сестра!
Твой гробъ сердечно лобызаю.
Придётъ и наша всѣхъ пора.
Ты дань природы заплатила,
Конецъ съ началомъ съединила,
Достигла цѣли естества.
Твой трупъ въ покоѣ безмятежномъ
И въ ложѣ смерти неизбѣжномъ
Позналъ измѣну вещества.

А я ещё живу и маюсь
И міру всячески служу;
Не рѣдко вздоромъ утѣшаюсь,
Не рѣдко о пустомъ тужу;
Подъ часъ вселенну ненавижу;
И хоть изъ опытовъ я вижу,
Что въ ней нельзя спокойну быть,
Но — ахъ, какъ смертный слабъ бываетъ —
Лишь чуть Ранда приласкаетъ,
Готовъ ещё сто лѣтъ прожить.

V.

ВЗГЛЯДЪ СТАРЦА НА ЗАХОДЯЩЕЕ СОЛНЦЕ.

Красно солнышко садится,
Слышу колоколъ Донской:
Изъ очей слеза струится,
Духъ объемлется тоской.
Скоро, скоро, солнце красно,
Я послѣдую тебѣ:
Окончавши вѣкъ ненастно,
Заплачу свой долгъ судьбѣ.

Скоро духъ угомонится:
Злые вѣстники пришли,
Подзываютъ спать ложиться
На сыру постель земли.
Жизнь, какъ молнія, сверкнула...
Гдѣ ты, призракъ дорогой?
Буря смертная подула,
Громъ гремитъ: онъ—роковой!

Новый мѣсяцъ народился,
Робко смотритъ изъ-за тучъ,
Частымъ дождикомъ обмылся.
Вижу тотъ же томный лучъ,
Коимъ прежде вдохновлённый,

Счастье юныхъ дней пѣвалъ,
И, восторгомъ увлечённый,
Имъ конца не ожидалъ.

Тотъ же мѣсяцъ озаряетъ
Садъ и хижину мою;
Тщетно чувства возбуждаетъ:
Геній скрылся — не пою;
Слабымъ перстомъ движу лиру:
Звукъ исчезъ!—кому внимать?
Тщетно кличу я Глафиру:
Отголоска не слыхать.

Жизнь есть рай, когда любовью
Сердце сердцу вѣсть даётъ,
Пылкій умъ съ горячей кровью
Радость неба въ душу льётъ.
Жизнь есть адъ, когда взаимной
Связи нѣтъ у двухъ сердецъ:
Тутъ природы всей противной
Міръ становится конецъ.

Чтó въ картинѣ мнѣ прекрасной
Мірозданія всего?
Безъ любви, въ восторгахъ страстной,
Вся вселенна—ничего!
Если должно — но боюся —
Нитку дней моихъ продлить,
Провидѣніе, молюся:
Силу дай всегда любить!

Нѣтъ, сей даръ не возвращаетъ
Царь природы никому:
Въ юну грудь огонь кидаетъ,
Въ сердце старца вноситъ тьму.
Такъ и я, въ послѣдни годы
Суетамъ сказавъ „прости“,
Жду отъ узъ земныхъ свободы,
Стоя смерти на пути.

Не минётъ меня лихая:
Гнётся выя — серпъ готовъ!
Лютымъ недугомъ страдая,
Вижу гроба близкій кровъ.
Какъ щепа въ рѣкѣ съ волною
Приплываетъ къ берегамъ,
Такъ и я, влекомъ судьбою,
Прóплылъ жизнь — и скоро тамъ!

Тамъ, гдѣ всѣ, сливаясь, вѣки
Временамъ кладутъ предѣлъ,
Гдѣ пріемлютъ человѣки
Казнь иль славу здѣшнихъ дѣлъ.
Всё по мнѣ пребудетъ то же:
Паки солнышко взойдетъ...
Другъ придётъ — заглянетъ въ ложе,
Но души ужъ не найдетъ.

Онъ почтитъ меня слезами,
Тяжкій вздохъ мнѣ подаритъ
И нельстивыми устами
Тризну мирну сотворитъ,
Скажетъ: былъ и онъ на свѣтѣ,
Мыслилъ, чувствовалъ, вѣщалъ,
Вѣренъ былъ друзьямъ въ обѣтѣ
И любилъ—пока дышалъ!

ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ.

ОТЪ КАРАМЗИНА ДО ПУШКИНА.

Н. М. КАРАМЗИНЪ.

Николай Михайловичъ Карамзинъ, русскій исторіографъ, родился 1-го декабря 1766 года въ родовомъ помѣстьѣ, селѣ Богородицкомъ, Симбирской губерніи. Генеалогическія извѣстія о родѣ Карамзиныхъ восходятъ до XVI вѣка, въ которомъ жилъ и дѣйствовалъ ихъ родоначальникъ, татарскій мурза, по имени Кара-мурза. Отецъ Карамзина былъ человѣкъ мало-образованный, а по средствамъ къ жизни принадлежалъ къ среднему дворянству. Мать Карамзина умерла вскорѣ по его рожденіи.. Первоначальное воспитаніе Карамзина, получённое въ домѣ отца, по обыкновенію того времени, не пошло дальше чтенія „Часослова“, подъ руководствомъ мѣстнаго дьячка. Вѣроятно, и дальнѣйшее его образованіе было бы въ томъ же родѣ, если бы счастливый случай не привёлъ въ Симбирскъ И. П. Тургенева, начальника Московской Грановитой Палаты, человѣка весьма образованнаго. Поговоривъ съ молодымъ Карамзинымъ, Тургеневъ посовѣтовалъ отцу Николая Михайловича отвезти сына въ Москву, предсказывая, что изъ мальчика выйдетъ прокъ. Согласно совѣту пріятеля, съ приближеніемъ юношескаго возраста, Карамзинъ отправленъ былъ въ Москву и отданъ въ учебное заведеніе Шадена, одного изъ лучшихъ профессоровъ Московскаго университета; въ этомъ пансіонѣ и пробылъ онъ до вступленія своего въ дѣйствительную службу въ гвардію, такъ-какъ, по тогдашнему обыкновенію, онъ уже давно былъ записанъ въ Преображенскій полкъ подпрапорщикомъ. Шаденъ былъ человѣкъ добросовѣстный и дальновидный, а потому тотчасъ открылъ въ Карамзинѣ, кромѣ благонравія, замѣчательныя способности и любознательность. Тогда онъ сталъ заниматься съ нимъ, кромѣ языковъ французскаго и нѣмецкаго, языками греческимъ, латинскимъ, англійскимъ и италіанскимъ, водилъ его съ собою къ иностранцамъ, жившимъ въ Москвѣ, для практики во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, и давалъ ему читать лучшія иностранныя сочиненія, писанныя для юношества. Окончивъ курсъ ученія въ пансіонѣ, Карамзинъ сталъ посѣщать университетскія лекціи. Затѣмъ, онъ отправился въ Петербургъ на службу и пробылъ тамъ до смерти отца, послѣ чего вышелъ въ оставку поручикомъ и поселился въ Симбирскѣ. Въ бытность свою въ Петербургѣ, онъ познакомился и подружился съ И. И. Дмитріевымъ, который былъ въ то время сержантомъ въ Семёновскомъ полку. Здѣсь, по примѣру своего новаго друга, онъ сдѣлалъ нѣсколько переводовъ съ нѣмецкаго, при чёмъ первымъ его переводомъ, по свидѣтельству Дмитріева, былъ „Разговоръ австрійской Маріи Терезіи съ русской императрицей Елисаветой въ Елисейскихъ поляхъ“. Но изъ всѣхъ переводовъ, сдѣланныхъ Карамзинымъ въ это время, былъ напечатанъ только одинъ: „Деревянная нога, швейцарская идиллія господина Геснера. Переведено съ нѣмецкаго Никол... Карамз... Спб. 1783“. Это — первый печатный трудъ Карамзина. Въ Москвѣ Карамзинъ вскорѣ сблизился съ извѣстнымъ писателемъ того времени Н. И. Новиковымъ, который убѣдилъ его посвятить себя исключительно литературѣ и предложилъ ему заняться переводами сочиненій педагогическаго содержанія для „Дѣтскаго Чтенія“, которое прилагалось при „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ отдѣльными листками безплатно, а потомъ выходило отдѣльными книжками. Карамзинъ принялъ

предложеніе и приступилъ къ изданію „Дѣтскаго Чтенія“, имѣя не болѣе 19-ти лѣтъ отъ роду. Товарищемъ его по изданію былъ нѣкто Петровъ, пріятель, къ которому относится его статья: „Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона“. Въ пять лѣтъ (1785—1789) Карамзинъ издалъ 20 частей книгъ, которая имѣла большой успѣхъ и выдержала четыре изданія. „Дѣтское Чтеніе“ читали не только дѣти, но и взрослые, на которыхъ журналъ оказывалъ значительное вліяніе. Пятилѣтняя работа надъ переводами изъ лучшихъ иностранныхъ писателей незамѣтно развила въ нёмъ вкусъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, заставила его поневолѣ слѣдовать тому же направленію, какого придерживалась вся западная литература. Рядомъ съ журнальными работами, поглощавшими чуть не всё время редакторства, Карамзинъ находилъ свободные часы на переводъ большихъ сочиненій и изданіе ихъ отдѣльными книжками. Такъ въ 1786 году онъ перевёлъ и издалъ въ Москвѣ поэму Галлера: „О происхожденіи зла“, въ 1787—трагедію Шекспира „Юлій Цезарь“ а въ 1788 — трагедію Лессинга „Эмилія Галотти“. Въ 1789 году, вслѣдъ за прекращеніемъ „Дѣтскаго Чтенія“, Карамзинъ уѣхалъ за границу, гдѣ пробылъ болѣе году. Плодомъ этой поѣздки были — „Письма Русскаго Путешественника“, прославившія имя автора, до того, мало извѣстное. Авторъ проѣхалъ Германію, гдѣ посѣтилъ многихъ знаменитыхъ ученыхъ и литераторовъ; побывалъ въ Парижѣ и Лондонѣ. Осенью 1790 года Карамзинъ возвратился въ Россію и снова поселился въ Москвѣ, гдѣ, благодаря своему обширному, энциклопедическому образованію, знанію языковъ и дару слова и увлекательнаго обращенія, онъ скоро выдѣлился изъ группы современныхъ ему литераторовъ, уровень образованія которыхъ былъ далёко не высокъ. Впрочемъ, Карамзинъ самъ чувствовалъ своё достоинство и былъ чрезвычайно разборчивъ въ выборѣ знакомствъ. Онъ твёрдо рѣшился посвятить всё свои силы литературѣ—и исполнилъ своё намѣреніе, проработавъ ровно тридцать-пять лѣтъ безъ перерыва и безъ отдыха на избранномъ имъ поприщѣ, начиная съ 1791 и кончая 1826 годомъ. Первымъ дѣломъ Карамзина было—основаніе новаго, чисто-литературнаго періодическаго изданія, подъ названіемъ: „Московскій Журналъ“. Такъ-какъ талантливыхъ сотрудниковъ было немного, то онъ, волей-неволей, долженъ былъ наполнять страницы своего журнала, переводами съ французскаго и нѣмецкаго языковъ, надъ которыми трудился почти исключительно самъ. Журналъ раздѣлялся на четыре отдѣла: первый отдѣлъ посвящался исключительно произведеніямъ поэзіи; во второмъ помѣщались разсказы и повѣсти, анекдоты, „Письма русскаго путешественника“, біографіи знаменитыхъ современниковъ; третій отдѣлъ отведенъ былъ театру, а четвёртый наполнялся статьями библіографическими и критическими. Изъ писателей извѣстныхъ, въ журналѣ сотрудничали: Херасковъ, Державинъ, К. Дмитріевъ, Подшиваловъ, Хемницеръ, Нелединскій-Мелецкій, Богдановичъ и другіе. Но главною притягательною силою журнала были — „Письма русскаго путешественника“, самого редактора, являвшіяся непремѣнно въ каждомъ нумерѣ. Ни одно литературное произведеніе прошлаго вѣка не встрѣчало такого радушнаго пріёма со стороны читающей публики и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не принесло ей такой пользы, какъ эти „Письма“. Они познакомили русскихъ съ Европой, сообщили множество свѣдѣній о разныхъ диковинкахъ, неизвѣстныхъ у насъ, о знаменитостяхъ всѣхъ странъ, о нравахъ и обычаяхъ европейскихъ народовъ, а, главное, показали образецъ дотолѣ неслыханнаго по своему изяществу языка. Всё молодое поколѣніе стало на сторону Карамзина; но за то явилась и реакція, не признававшая этихъ радикальныхъ нововведеній. Не исчисляя всѣхъ статей Карамзина, помѣщённыхъ въ его журналѣ, достаточно будетъ сказать, что ни одна книжка не обходилась безъ того, чтобы въ каждомъ изъ четырёхъ ея отдѣловъ не было статьи редактора. По прекращеніи журнала, Карамзинъ извлёкъ изъ него всё свои оригинальныя произведенія въ стихахъ и прозѣ и напечаталъ ихъ въ 1794 году, въ двухъ частяхъ, подъ заглавіемъ: „Мои бездѣлки“. То же было сдѣлано и съ „Письмами русскаго путешественника“, вышедшими отдѣльнымъ изданіемъ въ 1794—98 годахъ. Въ 1794 году онъ выпустилъ въ свѣтъ повѣсть „Юлія“, а съ 1796 по 1800—издалъ три тома сборника „Аониды“, наполненные почти исключительно его собственными стихами. Хотя Карамзина нельзя назвать поэтомъ, въ строгомъ смыслѣ этого слова, тѣмъ не менѣе, по достоинству языка, стихи его до сихъ поръ могутъ считаться заслуживающими вниманія.

Послѣ пятнадцатилѣтнихъ литературныхъ занятій, Карамзинъ пришелъ къ убѣжденію, что слѣдуетъ отказаться отъ разносторонности занятій и обратиться къ одному какому-нибудь роду словесности—и что тогда можно произвести нѣчто капитальное. Послѣ долгихъ размышленій, онъ обра-

тился-было къ русской исторической повѣсти, но, не удовлетворившись ею, обратился къ самой исторіи—и началъ свои историческіе опыты. Первое историческое сочиненіе, написанное имъ, было: „Похвальное слово Екатеринѣ Великой", обратившее на себя вниманіе императора Александра. Затѣмъ, въ томъ же 1801 году, мы видимъ Карамзина редакторомъ журнала „Вѣстникъ Европы". Въ первый же годъ журналъ имѣлъ 1200 подписчиковъ, что для того времени было дѣломъ неслыханнымъ. Журналъ дѣлился на два отдѣла: 1) литературу и смѣсь и 2) политику. Изъ болѣе важныхъ статей по части политики, написанныхъ Карамзинымъ, можно указать на „Письма сельскаго жителя" и „Пріятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени". Что же касается отдѣла словесности, то существенную часть его составляли извлеченія изъ лучшихъ сочиненій, появлявшихся въ Европѣ, а также статьи исторический и литературныя. Работая почти одинъ, Карамзинъ находилъ ещё время для сочиненія оригинальныхъ статей. Укажемъ на важнѣйшія изъ нихъ: „О московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича", „Историческія воспоминанія и замѣчанія на пути къ Троицкой Лаврѣ", „Русская старина", „О тайной канцеляріи", „Отчего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ" и другіе. Послѣ двухъ лѣтъ редакторства, Карамзинъ оставилъ журналъ, съ твёрдою рѣшимостью посвятить всѣ свои силы русской исторіи. Императоръ Александръ, когда извѣстіе о намѣреніи Карамзина было доведено до его свѣдѣнія, назначилъ ему въ 1803 году пенсію въ 2000 рублей ассигнаціями въ годъ и приказалъ открыть всѣ архивы ему, по званію „Исторіографа". Такъ окончилась восьмнадцатилѣтняя литературная дѣятельность Карамзина, и началась ещё болѣе важная его историческая дѣятельность. Въ 1811 году, послѣ восьмилѣтняго упорнаго труда, первые томы „Исторія Государства Россійскаго" были готовы, и Карамзинъ имѣлъ счастье прочесть изъ нихъ нѣсколько главъ императору Александру, а въ 1716 году поднёсъ своему вѣнценосному покровителю первые восемь томовъ своего гигантскаго труда, за что былъ награждёнъ чиномъ статскаго совѣтника, орденомъ Св. Анны 1-й степени и получилъ на изданіе своего труда 60,000 рублей ассигнаціями. По переѣздѣ въ Петербургъ, Карамзинъ приступилъ къ печатанію Исторіи, продолженіе которой шло своимъ чередомъ. Зиму проводилъ онъ въ городѣ, а лѣто въ Царскомъ Селѣ, гдѣ государь, предложивъ ему одинъ изъ китайскихъ домиковъ въ дворцовомъ саду, часто видался съ Карамзинымъ запросто. Между-тѣмъ, постоянные и утомительные труды, неразлучные съ собираніемъ и изслѣдованіемъ историческихъ матеріаловъ, разстроили и безъ того слабое здоровье Николая Михайловича и, мало-по-малу, расположили его къ изнурительной чахоткѣ, которая обнаружилась у него въ январѣ 1826 года. Онъ видимо сталъ слабѣть. Тогда у него явилось желаніе съѣздить въ Италію, гдѣ, по его мнѣнію, онъ долженъ былъ поправиться. Императоръ Николай, узнавъ о томъ, прислалъ ему на дорогу 50,000 рублей ассигнаціями и, вмѣстѣ съ тѣмъ, приказалъ снарядить фрегатъ для переѣзда его въ Италію; но, увы!—смерть уже стояла у его изголовья. Послѣдніе дни Карамзина были осчастливлены полученіемъ письма отъ императора Николая; оно было исполнено трогательнаго участія къ страданіямъ больного писателя и глубокаго уваженія къ его трудамъ. „Николай Михайловичъ!" писалъ Государь: „Почитаю за удовольствіе изъявить моё искреннее желаніе, чтобы вы скоро къ намъ возвратились съ обновлёнными силами и могли снова дѣйствовать для пользы и славы отечества, какъ дѣйствовали донынѣ. Въ то же время и за покойнаго государя, знавшаго на опытѣ вашу благодарную, безкорыстную къ нему привязанность, и за себя самого, и за Россію изъявляю вамъ признательность, которую вы заслуживаете и своею жизнью, какъ гражданинъ, и своими трудами, какъ писатель. Императоръ Александръ сказалъ вамъ: „Русскій народъ достоинъ знать свою исторію". Исторія, вами написанная, достойна русскаго народа". Въ приложенномъ къ письму указѣ значилось, что государь жалуетъ Карамзину, а по смерти — его семейству, пенсію въ 50,000 рублей ассигнаціями. Карамзинъ не вѣрилъ глазамъ своимъ—и радостныя слёзы струились на бумагу. На письмѣ Государя стояло 13-е мая 1826 года: 22-го того же мѣсяца, во второмъ часу пополудни, Карамзинъ умеръ на рукахъ своихъ родныхъ и друзей въ Таврическомъ дворцѣ, куда его переселили ещё осёнью, по повелѣнію императора Александра, въ надеждѣ, что чистый воздухъ поможетъ больному. Тѣло Карамзина похоронено въ новой оградѣ кладбища Александро-Невскаго монастыря.

Сочиненія Карамзина имѣли огромное вліяніе на современное ему общество и литературу, исправляя вкусъ и освобождая языкъ отъ путъ,

наложенныхъ на него тяжелою выработкою перваго періода нашей литературы. Но главная заслуга Карамзина есть — „Исторія Государства Россійскаго“, стоившая ему двадцати трёхъ лѣтъ трудовъ и увѣнчавшая его имя незыблемой славой.

Всѣхъ изданій „Сочиненій Карамзина“ было пять. Первое изъ нихъ вышло въ Москвѣ въ 1801—1804 годахъ въ 8 частяхъ; второе—въ Москвѣ же, въ 1815—1818 годахъ; третье—въ 1820, въ 9-ти томахъ; четвёртое—въ 1834—1835, и пятое (Смирдинское) въ Петербургѣ, въ 1848 году, въ трёхъ томахъ. Переводы изданы отдѣльно въ 9-ти томахъ; „Исторія Государства Россійскаго“ выдержала шесть изданій: 1-е—въ 1816—1824, 2-е—въ 1818—1824, 3-е—въ 1830—1831, 4-е—въ 1833—1835, 5-е въ 1842—1843 и 6-е (Смирдинское)—въ 1851—1853 (Эйнерлинговское).

I.

ГИМНЪ ГЛУПЦАМЪ.

Блаженъ не тотъ, кто всѣхъ умнѣе —
Ахъ, нѣтъ, онъ часто всѣхъ грустнѣе —
Но тотъ, кто, будучи глупцомъ,
Себя считаетъ мудрецомъ!
Хвалю его: блаженъ стократно,
Блаженъ въ безуміи своёмъ!
Къ другимъ здѣсь счастіе превратно,
Къ нему всегда стоитъ лицомъ.

Ему ли ссориться съ судьбою,
Когда доволенъ онъ собою?
Ему ль чернить сей бѣлый свѣтъ?
По маслу жизнь его течетъ;
Онъ ѣстъ пріятно, дремлетъ сладко;
Ничѣмъ въ душѣ не оскорбленъ.
Какъ ночью кажется всё гладко,
Такъ міръ для глупыхъ—совершенъ.

Когда другой, съ умомъ обширнымъ,
Прослывъ философомъ всемірнымъ,
Вздыхаетъ, чувствуя, сколь онъ
Ещё отъ цѣли удалёнъ;
Какими узкими стезями
Намъ должно мудрости искать;
Какъ трудно слабыми очами
Неправду съ правдой различать;

Когда Сократъ, мудрецъ славнѣйшій,
Но въ славѣ всѣхъ другихъ скромнѣйшій,
Всю жизнь наукамъ посвятивъ,
Для нихъ и жизни не щадивъ,
За тайну людямъ объявляетъ,
Что всё загадки для него,
И мудрый развѣ то лишь знаетъ,
Что онъ—не знаетъ ничего:

Тогда глупецъ въ мечтѣ пріятной
Намъ хвалитъ умъ свой необъятный:
„Ему подобныхъ въ мірѣ нѣтъ!“
Хотите ль? звѣзды онъ сочтетъ
Вѣрнѣе нашихъ астрономовъ;
Хотите ль? онъ разскажетъ, какъ
Сіяетъ солнце въ царствѣ гномовъ—
И радъ божиться вамъ, что *такъ*!

Съ умомъ въ покоѣ нѣтъ покоя:
Одинъ для имени героя
Радъ міръ въ могилу обратить,
Для крестика безъ носа быть;
Другой, желая громкой славы,
Весь вѣкъ надъ риѳмами корпитъ;
Глупецъ смѣется: „вотъ забавы!“
И самъ—за бабочкой бѣжитъ.

Ему нѣтъ дѣла до правленій,
До тонкихъ, трудныхъ умозрѣній:
Какъ страсти къ благу обращать,
Людей учить и просвѣщать.
Царь кроткій или царь ужасный
Любезенъ, страшенъ для другихъ;
Глупцы Нерону не опасны:
Неронъ не страшенъ и для нихъ.

Другимъ чувствительность—страданье,
Любовь—не даръ, а наказанье;
Кто жъ вѣкъ свой прожилъ, не любя?
Глупецъ!—онъ любитъ лишь себя
И, слѣдственно, любимъ не ложно,
Не вѣдаетъ измѣны злой;
Другимъ грустить въ разлукѣ должно:
Онъ веселъ—онъ всегда съ собой.

Когда, узнавъ людей коварныхъ,
Холодныхъ и неблагодарныхъ,
Душою нѣжный человѣкъ
Клянётся ихъ забыть навѣкъ
И хочетъ лучше жить съ звѣрями,
Чѣмъ жертвой лицемѣровъ быть:
Глупецъ считаетъ всѣхъ друзьями,
И мнитъ: „меня ли не любить?“

Есть томная на свѣтѣ мука,
Змѣя сердецъ: ей имя—скука.
Она летаетъ по землѣ
И плаваетъ на кораблѣ;
Она и съ дѣломъ, и съ бездѣльемъ
Приходитъ къ мудрымъ въ кабинетъ;
Ни шумомъ свѣтскимъ, ни весельемъ
Отъ скуки умный не уйдетъ.

Но счастливый глупецъ не знаетъ,
Что скука въ свѣтѣ обитаетъ!
Гремушку въ руку—онъ блаженъ
Одинъ среди безмолвныхъ стѣнъ.
Съ умомъ всѣ люди Гераклиты
И не жалѣютъ слёзъ своихъ;
Глупцы же—сердцемъ Демокриты:
Родъ смертныхъ—арлекинъ для нихъ.

Они судьбу благословляютъ
И быть умнѣе не желаютъ.
Раскроемъ лѣтопись временъ:
Когда былъ человѣкъ блаженъ?
Тогда, какъ, думать не умѣя,
Безъ смысла онъ желудкомъ жилъ.
Для глупыхъ здѣсь всегда Астрея
И вѣкъ златой не проходилъ.

II.

КЪ ДОБРОДѢТЕЛИ.

О ты, которая была
Въ глазахъ моихъ всегда прелестна,
Душѣ моей всегда мила
И сердцу съ юности извѣстна!
Вхожу въ святилище твоё—
Объемлю, чувствомъ вдохновенный,
Твой жертвенникъ уединенный!
Одно усердіе моё
Даётъ мнѣ право не чуждаться
Твоихъ священныхъ алтарей
И въ пламенной душѣ моей
Твоимъ блаженствомъ наслаждаться.

Нѣтъ дѣлъ моихъ передъ тобой;
Не сыпалъ злата я на бѣдныхъ:
Мнѣ злата не дано судьбой;
Но глазъ заплаканныхъ, лицъ блѣдныхъ
Не могъ безъ грусти замѣчать;
Дружился въ сердцѣ съ угнетеннымъ,
И жалобамъ его священнымъ
Любилъ съ прискорбіемъ внимать;
Любилъ суды правдивы рока,
Невинныхъ, добрыхъ торжество.
„Есть гробъ, безсмертье, Божество!"
Я мыслилъ, видя тронъ порока.

Нѣтъ, нѣтъ, я не былъ ослѣплёнъ
Симъ блескомъ, сколь онъ ни прекрасенъ!
Драконъ на время усыплёнъ,
Но самый сонъ его ужасенъ.
Злодѣй на Этнѣ строитъ домъ—
И пепелъ подъ его ногами:
Тамъ лава устлана цвѣтами,
И въ тишинѣ таится громъ.
Пусть онъ не знаетъ угрызенья:
Онъ не достоинъ знать его.
Безчувственность есть адъ того,
Кто зло творитъ безъ сожалѣнья.

Нѣтъ, въ мысляхъ я не унижалъ
Твоихъ страдальцевъ, добродѣтель;
Жалѣть о нихъ я не дерзалъ.
Въ оковахъ рабъ, въ вѣнцѣ владѣтель
Равно здѣсь счастливы тобой.
Твоею силой укрѣплённый,
На мѣсто казни возведённый,
Достоинъ зависти герой:
У ногъ его лежитъ вселенна!
Онъ вамъ оставитъ тлѣнный прахъ,
Но духъ его на небесахъ:
Душа сама собой блаженна.

Когда міръ цѣлый трепеталъ,
Волнуемый страстями злыми,
Мой взоръ знамёнъ твоихъ искалъ;
Я сердцемъ слѣдовалъ за ними,
Творилъ обѣты, слёзы лилъ
Отъ радости и скорби тайной...
Кто въ вѣкъ чудесный, чрезвычайный
Призракомъ не обманутъ былъ?
Когда жъ людей невинныхъ кровью
Земля дымиться начала,
Мнѣ свѣтъ казался адомъ зла;
Свободу я считалъ любовью!

Я былъ игралищемъ страстей,
Родясь съ чувствительной душою;
Ихъ огнь пылалъ въ груди моей;
Но сердце съ милою мечтою
Всегда сливало образъ твой.
Прости! Ахъ, лѣта заблужденій
Текутъ стезёю огорченій!

Намъ страшенъ въ младости покой,
И терніемъ любезны розы.
Я жертвой — не тираномъ былъ,
И въ нѣжныхъ горестяхъ любилъ
Свои, а не чужія слёзы!

Не совѣстью — одной тоской
Я въ жизни болѣе терзался;
Виновный только предъ собой,
Сквозь слёзы часто улыбался.
Когда же, сердцемъ увлечёнъ,
Не помнилъ я, въ восторгахъ страсти,
Твоей, о добродѣтель, власти,
И, блескомъ счастья ослѣплёнъ,
Спѣшилъ за нимъ на путь неправый.
Я былъ загадкой для себя:
Какъ можно столь любить тебя
И нарушать твои уставы?

Преплывъ обширный океанъ,
Чрезъ многія пучины, мели,
Собравъ богатства дальнихъ странъ,
Пловецъ стремится къ вѣрной цѣли —
Къ своимъ отеческимъ брегамъ;
И взоръ его нетерпѣливый
Уже открылъ сей край счастливый;
Онъ мыслитъ радостно: „я тамъ!"
Вдругъ буря въ ужасъ всё приводитъ —
Корабль скрывается въ волнахъ;
Пловецъ не гибнетъ — но въ слезахъ
Онъ нищимъ на̀ берегъ выходитъ.

Вотъ жребій мой! Ахъ, я мечталъ
О тихой пристани, покоѣ;
Но буря и свирѣпый валъ
Сокрыли счастіе златое!
Пристанища въ сёмъ мірѣ нѣтъ,
И насъ, съ послѣднею волною,
Въ землѣ, подъ гробовой доскою.
Къ себѣ червь кровожадный ждетъ.
Блаженъ, кто не былъ здѣсь свидѣтель
Погибели своихъ друзей,
Или въ несчастьяхъ жизни сей
Тобой утѣшенъ, добродѣтель!

Смотрю на небо: тамъ цвѣты
Въ прелестныхъ радугахъ играютъ;
Златыя, яркія черты
Одна другую пресѣкаютъ —
И вдругъ, въ пространствахъ высоты,
Сливаются съ ночнымъ мерцаньемъ.
Не можно ль съ сѣвернымъ сіяньемъ
Сравнять сей жизни красоты?
Оно угасло, но блистаетъ
Ещё полярная звѣзда:
Такъ, добродѣтель никогда
Во мракѣ насъ не оставляетъ!

Остатокъ радостей земныхъ,
Дочь милую, кропя слезами,
Въ восторгѣ нѣжныхъ чувствъ моихъ,
Къ тебѣ дрожащими руками
Подъемлю и молю: будь ей
И горемъ здѣсь, и утѣшеньемъ,
Безъ счастья вѣрнымъ наслажденьемъ!
Въ послѣдній часъ судьбы моей,
Её ко груди прижимая,
Да обниму я въ ней тебя!
Да гасну, васъ равно любя
И милой милую вручая!

III.

ИЗЪ ПОЭМЫ „ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ".

Не хочу съ поэтомъ Греціи
Звучнымъ гласомъ Калліопинымъ
Пѣть вражды Агамемноновой
Съ храбрымъ правнукомъ Юпитера,
Или, слѣдуя Виргилію,
Плыть отъ Трои разорённыя
Съ хитрымъ сыномъ Афродитинымъ
Къ злачнымъ берегамъ Италіи!
Не желаю въ миѳологіи
Черпать дивныхъ, странныхъ вымысловъ!
Мы не греки и не римляне —
Мы не вѣримъ ихъ преданіямъ:
Мы не вѣримъ, чтобы богъ Сатурнъ
Могъ любезнаго родителя
Превратить въ урода жалкаго,
Чтобы Леды были — курицы
И несли весною яица;
Чтобы Пóллуксы съ Еленами
Родились отъ бѣлыхъ лебедей.
Намъ другія сказки надобны;
Мы другія сказки слышали
Отъ своихъ покойныхъ мамушекъ.
Я намѣренъ слогомъ древности
Разсказать теперь одну изъ нихъ
Вамъ, любезные читатели,
Если вы въ часы свободные
Удовольствіе находите
Въ русскихъ басняхъ, въ русскихъ повѣстяхъ,

Въ смѣси былей съ небылицами,
Въ сихъ игрушкахъ мирной праздности,
Въ сихъ мечтахъ воображенія.
Ахъ, не всё намъ горькой истиной
Мучить томныя сердца свои!
Ахъ, не всё намъ рѣки слёзныя
Лить о бѣдствіяхъ существенныхъ!
На минуту позабудемся
Въ чародѣйствѣ красныхъ вымысловъ!
Не хочу я на Парнасъ итти!
Нѣтъ—Парнасъ гора высокая,
И дорога къ ней не гладкая.
Я видалъ, какъ наши витязи,
Наши стихо-риемо-дѣтели,
Упиваясь одо-пѣніемъ,
Лѣзутъ на вершину Пиндову,
Отступаются и внизъ летятъ,
Не съ вѣнцами и не съ лаврами,
Но съ ушами—ахъ! ослиными,
Для позорища насмѣшника.
Нѣтъ, любезные читатели,
Я прошу васъ не туда съ собой.
Близъ моей смиренной хижины,
На брегу рѣки прозрачныя,
Роща древняя, дубовая
Насъ укроетъ отъ лучей дневныхъ.
Тамъ мой дѣдушка на старости
Въ жаркій полдень отдыхалъ всегда.
На колѣняхъ милой бабушки;
Тамъ виситъ его пернатый шлемъ,
Тамъ виситъ его булатный мечъ,
Коимъ онъ враговъ отечества
За гордыню ихъ наказывалъ:
Кровь турецкая и шведская
И теперь ещё видна на нёмъ.
Тамъ я сяду на брегу рѣки
И, подъ тѣнью древъ развѣсистыхъ,
Буду повѣсть вамъ разсказывать.
Тамъ вы можете тихохонько,
Если скучно вамъ покажется,
Раза два зѣвнуть, сомкнувъ глаза...
Ты, которая въ подсолнечной
Всюду видима и слышима;
Ты, которая какъ богъ Протей,
Всякій образъ на себя берёшь,
Всякимъ голосомъ умѣешь пѣть,
Удивляешь, забавляешь насъ —
Всё вѣщаешь, кромѣ... истины;
Объявляешь съ газетирами
Сокровенности политики,
Сочиняешь съ стихотворцами
Знатнымъ похвалы прекрасныя;
Величаешь Пантомброса
Славнымъ, беспримѣрнымъ авторомъ;
Съ алхимистомъ открываешь намъ
Тайну камня философскаго;
Изъясняешь съ систематикомъ
Связь души съ тѣлесной сущностью
И свободы человѣческой
Съ непремѣнными законами;
Ты, которая съ Людмилою
Нѣжнымъ и дрожащимъ голосомъ
Мнѣ сказала: „я люблю тебя!"
О, богиня свѣта бѣлаго —
Ложь, неправда, призракъ истины!
Будь теперь моей богинею,
И цвѣтами луга русскаго
Убери героя древности,
Величайшаго изъ витязей,
Чудодѣя Илью Муромца!
Я объ нёмъ хочу бесѣдовать —
Объ его безсмертныхъ подвигахъ.
Ложь, съ тобою не учиться мнѣ
Небылицы выдавать за быль!

И. И. ДМИТРІЕВЪ.

Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ родился 10-го октября 1760 года въ селѣ Богородскомъ, Симбирской губерніи, въ небогатомъ дворянскомъ семействѣ. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ частныхъ пансіонахъ въ Симбирскѣ и Казани; но при появленіи шаекъ Пугачёва въ окрестностяхъ этого послѣдняго города, былъ отвезёнъ отцомъ въ Москву, гдѣ и прожилъ, вмѣстѣ съ семьёй, до весны 1775 года, при чёмъ былъ свидѣтелемъ казни самозванца, совершившейся 10-го января того же года. По отъѣздѣ семейства въ деревню, молодой Дмитріевъ, которому ещё не исполнилось пятнадцати лѣтъ, былъ отправленъ въ Петербургъ, на службу въ лейбъ-гвардіи Семёновскій полкъ, въ которомъ числился рядовымъ съ 1772 года. Здѣсь, въ концѣ того же года, онъ былъ произведенъ въ капралы; но первый офицерскій чинъ получилъ только въ 1787 году, т.-есть прослуживъ двѣнадцать лѣтъ въ нижнихъ чинахъ. Подружившись съ своимъ полковымъ товарищемъ, Ѳ. И. Козлятевымъ, такимъ же юношей, какъ и онъ, Дмитріевъ скоро пристрастился къ чтенію книгъ изъ небольшой библіотеки сослуживца; затѣмъ при-

нялся за изученіе иностранныхъ языковъ и сталъ, тайкомъ отъ пріятеля, сочинять стихи, которые вскорѣ доставили ему знакомство съ Державинымъ и связали тѣсной дружбой съ Карамзинымъ. Въ 1794 году Дмитріевъ ѣздилъ въ свою симбирскую деревню, гдѣ провёлъ четыре лѣтнихъ мѣсяца и написалъ оду: „Гласъ патріота на взятіе Варшавы". По возвращеніи въ Петербургъ онъ приступилъ къ изданію своихъ стихотвореній, которыя вышли въ слѣдующемъ году, подъ названіемъ: „И мои бездѣлки". Сюда вошли: всѣмъ извѣстный разсказъ „Ермакъ", „Гимнъ Богу", „Къ Волгѣ", сатира „Чужой толкъ" (направленная противъ торжественныхъ одъ, которыя расплодились въ нашей литературѣ со времени Ломоносова и Петрова и давно уже подвергались насмѣшкамъ) „Воздушныя башни", сказка „Причудница", заимствованая изъ вольтеровской сказки „La Bégueule", „Модная жена", нѣсколько пѣсенъ („Голубочекъ", „Разлука", „Ласточка"), „Стансы къ Карамзину", восемь басенъ (въ томъ числѣ: „Чижъ", „Два голубя", „Дубъ и трость" и „Старикъ и трое молодыхъ") и нѣсколько эпиграммъ и надписей—словомъ, всё лучшее, всё то́, что составило славу Дмитріева, и было потомъ заучено наизусть каждымъ образованнымъ русскимъ, а много перешло въ народъ. По смерти императрицы Екатерины, Дмитріевъ вышелъ въ отставку съ чиномъ полковника. Проживая въ Петербургѣ, онъ имѣлъ несчастье совершенно неосновательно подвергнуться обвиненію по одному дѣлу; но былъ, наконецъ, оправданъ и удостоился личнаго вниманія императора, который, послѣ милостиваго съ нимъ разговора, назначилъ его въ 1797 году товарищемъ министра удѣловъ, а 25-го іюля произвёлъ въ статскіе совѣтники, съ назначеніемъ оберъ-прокуроромъ Сената. Усердіе, съ которымъ Дмитріевъ принялся за исполненіе новыхъ своихъ обязанностей, было замѣчено и доставило ему чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Но и эта новая награда не въ силахъ была удержать поэта на службѣ, которая его тяготила, лишая всякой возможности заниматься литературою,—цѣлью всѣхъ его желаній и помышленій. Наконецъ, прошеніе его было принято, и онъ былъ уволенъ въ 1799 году въ отставку съ чиномъ тайнаго совѣтника, послѣ чего отправился въ Москву, и тамъ поселился. Здѣсь около него составился кружокъ изъ его друзей-писателей: Карамзина, Хераскова, Василія Пушкина, Владиміра Измайлова и Жуковскаго, который одушевлялъ своею умною бесѣдою и чтеніемъ новыхъ своихъ произведеній, выливавшихся у него прямо изъ сердца. Въ теченіе 1803 и 1804 годовъ Дмитріевъ написалъ всѣ свои басни, которыя такъ высоко цѣнились современниками и которыя до сихъ поръ, не смотря на то́, что мы имѣемъ Крылова, геніальнѣйшаго изъ баснописцевъ всего міра, читаются не безъ удовольствія. Чуждый всякой зависти, онъ, въ то же время, поощрялъ своего могучаго соперника, ещё юнаго Крылова, и оказывалъ ему всевозможное вниманіе и поддержку. Но въ 1806 году Дмитріевъ волей-неволей долженъ былъ прекратить свои вечера и литературныя занятія, такъ-какъ императору Александру угодно было назначить его присутствующимъ въ 7-мъ департаментѣ Сената. Года черезъ полтора по переѣздѣ его въ Петербургъ, онъ былъ командированъ, по высочайшему повелѣнію, въ Рязань и Кострому, для раскрытія и искорененія разныхъ злоупотребленій. По успѣшномъ исполненіи возложенныхъ на него обязанностей, онъ былъ награждёнъ, въ 1809 году, орденомъ Св. Анны 1-й степени, а въ 1810 году назначенъ министромъ юстиціи, и продолжалъ до конца своей службы пользоваться особеннымъ вниманіемъ и расположеніемъ государя. Наконецъ, государь, снизойдя на просьбу своего министра, уволилъ его въ 1814 году отъ службы, съ назначеніемъ ему 10,000 рублей ежегодной пенсіи. Поэтъ удалился въ Москву, гдѣ, покончивъ на всегда съ государственною службою, отдался снова и нераздѣльно своему любимому занятію—литературѣ и снова открылъ домъ для всей пишущей братіи. Черезъ два года по возвращеніи его въ Москву, онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ коммисіи для вспомоществованія жителямъ столицы—и за труды, понесённые имъ при отправленіи должности, награждёнъ, въ 1818 году, чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, а въ 1819—орденомъ Св. Владиміра 1-го класса. И долго наслаждался тамъ поэтъ тѣмъ мирнымъ спокойствіемъ, которое онъ нашелъ только на закатѣ своей жизни, тѣми тихими радостями, которыя понимаетъ только мудрый и къ которымъ нашъ маститый поэтъ стремился всю жизнь: онъ умеръ 3-го октября 1837 года, на 77-мъ году отъ рожденія. Тѣло его погребено въ Донскомъ монастырѣ и покоится подъ скромнымъ памятникомъ. Въ исторіи русской литературы онъ вѣчно будетъ памятенъ тѣмъ, что содѣйствовалъ Карамзину въ очищеніи и преобразованіи русскаго языка, а ещё болѣе—введеніемъ въ литературу романтическаго направленія. Онъ

былъ членомъ Россійской Академіи, Московскаго и Харьковскаго университетовъ и многихъ другихъ ученыхъ обществъ, и попечителемъ Санктпетербургскаго Военнаго Общества Любителей Россійской Словесности. Кромѣ исчисленныхъ поэтическихъ произведеній, напечатанныхъ въ „Сочиненіяхъ и Переводахъ И. И. Дмитріева", онъ оставилъ любопытныя „Записки", къ сожалѣнію, изданныя только частями. Сочиненія Дмитріева имѣли шесть изданій. Первое, подъ названіемъ: „И мои бездѣлки", напечатано въ 1795 году; второе: „Сочиненія и Переводы Ивана Ивановича Дмитріева", три части, вышло въ 1803—1805 годахъ; третье, въ трёхъ частяхъ—въ 1810 году; четвёртое, въ трёхъ частяхъ—въ 1814 году; пятое, исправленное и *умноженное*, въ трёхъ частяхъ—въ 1818 году, и шестое, исправленное и *уменьшенное*, въ двухъ частяхъ—въ 1823 году, съ присоединеніемъ нѣсколькихъ словъ „Отъ автора" и „Извѣстія о жизни и стихотвореніяхъ Дмитріева", соч. князя П. А. Вяземскаго.

I.

РАЗМЫШЛЕНІЕ ПО СЛУЧАЮ ГРОМА.

Гремитъ! Благоговѣй, сынъ персти!
Се *ветхій деньми* съ небеси
Изъ кроткой, благотворной длани
Перуны сѣетъ по земли.
Всесильный! съ трепетомъ младенца
Цѣлую я священный край
Твоей молніецвѣтной ризы
И—исчезаю предъ Тобой.

Что человѣкъ? паритъ ли къ солнцу,
Смиренно ль идетъ по землѣ:
Увы! тамъ умъ его блуждаетъ,
А здѣсь стопы его скользятъ.
Подъ мракомъ, въ океанѣ жизни,
Пловецъ на утлой ладіѣ:
Отдавши руль слѣпому року,
Онъ спитъ—и мчится на скалу.

Ты дхнёшь—и двинешь океаны,
Речёшь—и вспять они текутъ;
А мы?—Одной волной подъяты,
Одной волной поглощены.
Вся наша жизнь, о Безначальный,
Предъ тайной вѣчностью Твоей
Едва минутное мечтанье,
Лучъ блѣдный утренней зари!

II.

ПѢСНЯ.

Стонетъ сизый голубочекъ,
Стонетъ онъ и день, и ночь:
Миленькій его дружочекъ
Отлетѣлъ надолго прочь.

Онъ ужъ болѣ не воркуетъ
И пшенички не клюётъ;
Всё тоскуетъ, всё тоскуетъ
И тихонько слёзы льётъ.

Съ нѣжной вѣтки на другую
Перепархиваетъ онъ,
И подружку дорогую
Ждетъ къ себѣ со всѣхъ сторонъ.

Ждётъ её—увы! но тщетно:
Знать, судилъ ему такъ рокъ!
Сохнетъ, сохнетъ непримѣтно
Страстный, вѣрный голубокъ.

Онъ ко травкѣ прилегаетъ,
Носикъ въ перья завернулъ;
Ужъ не стонетъ, не вздыхаетъ:
Голубокъ навѣкъ уснулъ.

Вдругъ голубка прилетѣла,
Пріунывъ, издалека,
Надъ своимъ любезнымъ сѣла—
Будитъ, будитъ голубка;

Плачетъ, стонетъ, сердцемъ ноя,
Ходитъ милаго вокругъ,
Но—увы! прелестна Хлоя,
Не проснётся милый другъ!

III.

КЪ ХЛОѢ.

Всѣхъ цвѣточковъ болѣ
    Розу я любилъ;
Ею только въ полѣ
    Взоръ свой веселилъ.

Съ каждымъ днёмъ милѣе
    Мнѣ она была;
Съ каждымъ днёмъ алѣе
    Всё, какъ вновь, цвѣла.

Но на счастье прочно
Всякъ надежду кинь:
Къ розѣ, какъ нарочно,
Привилась полынь.

Роза не увяла —
Тотъ же самый цвѣтъ;
Но не та ужъ стала:
Аромату нѣтъ.

Хлоя, какъ ужасенъ
Этотъ намъ урокъ!
Сколь, увы, опасенъ
Для красы порокъ!

IV.

КЪ ДРУЗЬЯМЪ МОИМЪ.

Въ Москвѣ ль я наконецъ? со мною ли друзья?
О, радость и печаль! различныхъ чувствъ смѣшенье!
Итакъ — ещё имѣлъ я въ жизни утѣшенье
Внимать журчанію домашняго ручья,
Вкусить покойный сонъ подъ кровомъ, гдѣ родился,
И быть въ объятіяхъ родителей моихъ.
Не сонъ ли былъ и то? Увидѣлъ — и простился
И, можетъ-быть, уже въ послѣдній видѣлъ ихъ.
Но полно: этотъ день не помрачимъ тоскою!
Гдѣ вы, мои друзья? Сберитесь предо мною!
Дай каждый мнѣ себя сто разъ поцѣловать!
Прочь посохъ: не хочу васъ болѣ покидать —
И вотъ моя рука, что буду вашъ отнынѣ.

Сколь часто я въ шуму веселій воздыхалъ —
И вздохи бѣднаго терялись, какъ въ пустынѣ,
И тайной грусти въ нёмъ никто не замѣчалъ.
Но ежели вашъ другъ, во дни разлуки слезной,
Хотя однажды могъ подать совѣтъ полезной,
Спокойствіе души вдовицѣ возвратить,
Наслѣдье сироты отъ хищныхъ защитить,
Спасти невиннаго, то всё позабываетъ.
Довольно, другъ вашъ здѣсь, и васъ онъ обнимаетъ.
Но буду-ли, друзья, попрежнему вамъ милъ?
Увы! уже во мнѣ жаръ къ пѣнію простылъ;
Ужъ въ мысляхъ нѣтъ игры, исчезла прежня живость...
Простите-ль иногда мою вы молчаливость,
Моё уныніе? Терпите, о друзья!
Терпите хоть за то, что къ вамъ привязанъ я,
Что сердце приношу чувствительно, незлобно
И болѣе ещё ко дружеству способно.
Теперь его ничто не отвратитъ отъ васъ:
Ни честолюбіе, ни блескъ прелестныхъ глазъ —
И самая любовь навѣки отлетѣла.
Итакъ, владѣйте впредь вы мною безъ раздѣла!
Питайте страсть во мнѣ къ изящному всему
И дайте вновь полётъ таланту моему!
Означимъ остальной нашъ путь ещё цвѣтами!
Гдѣ нѣтъ коварныхъ ласкъ съ притворными словами,
Гдѣ сердце на рукѣ, гдѣ разумъ не язвитъ,
Тамъ другъ вашъ и теперь веселья не бѣжитъ.
Такъ, братья, данные природой мнѣ и Фебомъ,
Я съ вами радъ ещё въ саду, подъ яснымъ небомъ,
На зелени въ кустахъ душистыхъ пировать!
Вы станете своихъ любезныхъ воспѣвать,
А я... хоть вашими дарами восхищаться.
О, други, я впередъ ужъ вёселъ. Можетъ-статься,
Примѣръ вашъ воскреситъ и мой погибшій даръ.
О, если бъ вспыхналъ во мнѣ пермесскій жаръ,
Съ какой бы радостью схватилъ мою я лиру
И благъ моихъ Творца всему повѣдалъ міру!
Да будетъ счастіе и слава вѣчно съ нимъ!
Ему я одолженъ пристанищемъ моимъ,
Гдѣ солнце дней моихъ въ безмолвьи закатится
И мой послѣдній взоръ на друга устремится.

V.

ЧУЖОЙ ТОЛКЪ.

„Что за диковинка? лѣтъ двадцать ужъ прошло,
Какъ мы, напрягши умъ, наморщивши чело,
Со всеусердіемъ всё оды пишемъ, пишемъ,
А ни себѣ, ни имъ похвалъ нигдѣ не слышимъ!
Ужели выдалъ Фебъ свой именной указъ,
Чтобъ не дерзалъ никто надѣяться изъ насъ
Быть Флакку, Рамлеру и ихъ собратьи равнымъ,
И столько жъ, какъ они, во пѣснопѣньѣ славнымъ?
Какъ думаешь? Вчера случилось мнѣ сличать
И ихъ, и нашу пѣснь: въ ихъ — нечего читать!
Листочекъ, много три, а любо, какъ читаешь —
Не знаю, какъ-то самъ какъ-будто бы летаешь!
Судя по краткости, увѣренъ, что они
Писали ихъ, рѣзвясь, а не четыре дни;
То какъ бы намъ не быть ещё и ихъ счастливѣй,
Когда мы во сто разъ прилежнѣй, терпѣливѣй?
Вѣдь, *нашъ* начнётъ писать, то всѣ забавы прочь
Надъ парою стиховъ просиживаетъ ночь,
Потѣетъ, думаетъ, чертитъ и жжетъ бумагу;
А иногда берётъ такую онъ отвагу,
Что цѣлый годъ сидитъ надъ одою одной.
И, подлинно, ужъ весь приложитъ разумъ свой!

Ужъ прямо — самая торжественная ода!
Я не могу сказать, какого это рода,
Но очень полная, иная въ двѣсти строфъ.
Судите жъ, сколько тутъ хорошихъ есть стиховъ!
Къ тому жъ и въ правилахъ: сперва прочтёшь вступленье,
Тутъ предложеніе, а тамъ и заключенье —
Точь-въ-точь, какъ говорятъ учёны по церквамъ.
Со всѣмъ тѣмъ нѣтъ читать охоты, вижу самъ.
Возьму-ли, напримѣръ, я оды на побѣды,
Какъ покорили Крымъ, какъ въ морѣ гибли шведы:
Всѣ тутъ подробности сраженья нахожу —
Гдѣ было, какъ, когда; короче я скажу:
Въ стихахъ реляція. Прекрасно — а зѣваю.
Я, бросивши её, другую раскрываю —
На праздникъ иль на что подобное тому:
Тутъ сыщешь тò, чего бъ нехитрому уму
Не выдумать и ввѣкъ: „зари багряны персты“,
И „райскій кринъ“, и „Фебъ“, и „небеса отверсты“.
Такъ громко, высоко — а нѣтъ, не веселитъ
И сердца, такъ сказать, ничуть не шевелитъ!“

Такъ, дѣдовскихъ времёнъ съ любезной простотою,
Вчера одинъ старикъ бесѣдовалъ со мною.
Я, будучи и самъ товарищъ тѣхъ пѣвцовъ,
Которыхъ дѣйствію дивился онъ стиховъ,
Смутился, и не зналъ, какъ отвѣчать мнѣ должно.
Но, къ счастью (ежели назвать то счастьемъ можно),
Чтобъ слышать и себѣ ужасный приговоръ,
Какой-то Аристархъ съ нимъ началъ разговоръ.

„На это“, онъ сказалъ: „есть многія причины;
Не обѣщаюсь ихъ открыть и половины,
А нѣкоторы вамъ охотно объявлю.
Я самъ языкъ боговъ — поэзію — люблю.
И нашей, какъ и вы, утѣшенъ такъ же мало;
Однако, здѣсь въ Москвѣ толкался я, бывало,
Межъ нашихъ Пиндаровъ и всѣхъ ихъ замѣчалъ:
Большая часть изъ нихъ — лейбъ-гвардіи капралъ,
Асессоръ, офицеръ, какой-нибудь подьячій,
Иль изъ Кунсткамеры антикъ, въ пыли ходячій,
Уродовъ стражъ: народъ всё нужный, должностной;
Такъ, часто я видалъ, что истинно иной
Въ два, въ три дни риѳму лишь прибрать едва успѣетъ,
Затѣмъ-что въ хлопотахъ досуга не имѣетъ:
Лишь только мысль къ нему счастливая придётъ,
Вдругъ — било шесть часовъ! уже карета ждётъ:
Пора въ театръ, а тамъ на балъ, а тамъ къ Ліону *),
А тутъ и ночь. Когда жъ заѣхать къ Аполлону?
На-завтра, лишь глаза откроетъ — ужъ билетъ:
На пробу въ пять часовъ. Куда же? — Въ модный свѣтъ,
Гдѣ лирикъ нашъ и самъ взялъ арлекина ролю.
До оды ль тутъ? Тверди, скачи два раза къ Кролю *);
Потомъ опять домой: здѣсь холься, да рядись;
А тамъ въ спектакль — и такъ со днёмъ опять простись!

„Къ тому жъ, у древнихъ цѣль была, у насъ другая:
Гораций, напримѣръ, восторгомъ грудь питая,
Чего желалъ? О, онъ — онъ бралъ не свысока:
Въ вѣкахъ — безсмертія, а въ Римѣ лишь — вѣнка
Изъ лавровъ иль изъ миртъ, чтобъ Делія сказала:
„Онъ славенъ, чрезъ него и я безсмертна стала!“
А нашихъ многихъ цѣль — награда перстенькомъ,
Нерѣдко сто рублей, иль дружество съ князькомъ,
Который отъ роду не читывалъ другова,
Кромѣ придворнаго подчасъ мѣсяцеслова,
Иль похвала своихъ пріятелей; а имъ
Печатный каждый листъ быть кажется святымъ.
Судя жъ, сколь разные и тѣхъ, и нашихъ виды,
Навѣрно льзя сказать, не дѣлая обиды
Ретивымъ господамъ, питомцамъ русскихъ музъ,
Что долженъ быть у нихъ и особливый вкусъ,
И въ сочиненіи лирической поэмы
Другіе способы, особые пріемы;
Какіе же они? — сказать вамъ не могу;
А только объявлю — и, право, не солгу —
Какъ думалъ о стихахъ одинъ стихотворитель,
Котораго трудовъ „Меркурій“ нашъ и „Зритель“,
И книжный магазинъ, и лавочки полны.
„Мы съ риѳмами на свѣтъ“, онъ мыслитъ: „рождены;
Такъ не смѣшно-ли намъ, поэтамъ, согласиться
На взморьѣ въ хижину, какъ Демосѳенъ, забиться,
Читать да думать всё, и тò, чтò вздумалъ самъ,
Разсказывать однѣмъ шумящимъ лишь волнамъ?
Природа дѣлаетъ пѣвца, а не ученье;
Онъ, не учась, ученъ, какъ придетъ въ восхищенье;
Науки будутъ всё науки, а не даръ;
„Потребный же запасъ: отвага, риѳмы, жаръ“
И вотъ какъ писывалъ поэтъ природный оду:
Лишь пушекъ громъ подастъ пріятну вѣсть народу,
Что рымникскій Алкидъ поляковъ разгромилъ,
Иль Ферзенъ ихъ вождя Костюшку полонилъ,
Онъ тотчасъ за перо — и разомъ вывелъ: „Ода!“
Потомъ въ одинъ присѣстъ: „такого дня и года“.

*) Содержатель вольныхъ маскарадовъ въ Петербургѣ.

*) Извѣстный петербургскій портной того времени.

Тутъ какъ?—„Пою!“ иль нѣтъ: ужъ это старина!
Не лучше ль: „Даждь мнѣ, Фебъ!“ иль такъ: „Не ты одна
Подпала подъ пяту, о чалмоносна Порта!“
Но что же мнѣ прибрать къ ней въ риѳму, кромѣ *чорта?*
Нѣтъ, нѣтъ, не хорошо! Я лучше поброжу
И воздухомъ себя открытымъ освѣжу!“
Пошелъ и на пути такъ въ мысляхъ разсуждаетъ:
„Начало никогда пѣвцовъ не устрашаетъ:
Чтб хочешь, то мели. Вотъ штука, какъ хвалить
Героя-то придётъ! Не знаю, съ кѣмъ сравнить?
Съ Румянцовымъ его, иль съ Грейгомъ, иль съ Орловымъ?
Какъ жаль, что древнихъ я не читывалъ, а съ новымъ—
Неловко что-то всё. Да просто напишу:
„Ликуй, герой! ликуй, герой, ты!“ возглашу.
Изрядно! Тутъ же что? Тутъ надобенъ восторгъ!
Скажу: „кто за̀вѣсу мнѣ вѣчности расторгъ?
Я вижу молній блескъ! я слышу съ горня свѣта
И то, и то...“ А тамъ—извѣстно: „многи лѣта!“
Брависсимо! И планъ, и мысли—всё ужъ есть!
Да здравствуетъ поэтъ! Осталося присѣсть
Да только написать, да и печатать смѣло!.
Бѣжитъ на свой чердакъ, чертитъ — и въ шляпѣ дѣло.
И оду ужъ его тисненью предаютъ,
И въ одѣ ужъ его намъ ваксу продаютъ.
Вотъ какъ пиндарилъ онъ и всѣ ему подобны,
Едва ли вывѣски надписысать способны!
Желалъ бы я, чтобъ Фебъ хотя во снѣ имъ рекъ:
„Кто въ громкій славою Екатерининъ вѣкъ
Хвалой ему сердецъ другихъ не восхищаетъ
И лиры сладкою слезой не орошаетъ,
Тотъ брось её, разбей—и знай: онъ не поэтъ!“

Да вѣдаетъ же всякъ по одамъ мой клевретъ,
Какъ дерзостный языкъ безславилъ насъ, ничтожилъ,
Какъ лириковъ цѣнилъ. Воспрянемъ! Марсій ожилъ!
Товарищи, къ столу, за перья—отомстимъ,
Надуемся, напрёмъ, ударимъ, поразимъ!
Напишемъ на него предлинную сатиру
И оправдаемъ тѣмъ россійску громку лиру.

VI.

ЧИЖИКЪ И ЗЯБЛИЦА.

Чижъ свилъ себѣ гнѣздо и, сидя въ нёмъ, поетъ:
„Ахъ, скоро ль солнышко взойдётъ
И съ домикомъ меня застанетъ?
Ахъ, скоро ли оно проглянетъ?
Но вотъ ужъ и взошло! Какъ тихо и красно!
Какая въ воздухѣ, въ дыханьѣ, въ жизни сладость!“
Но безъ товарища и радость намъ не въ радость:
Желаешь для себя, а ищешь раздѣлить!
„Любезна Зяблица!“ кричитъ мой чижъ сосѣдкѣ,
Смиренно прикорнувшей къ вѣткѣ:
„Что ты задумалась? Давай-ка день хвалить!
Смотри, какъ солнышко...“ Но солнце вдругъ сокрылось,
И небо тучами отвсюду обложилось.
Всѣ птицы спрятались: кто въ гнѣзда, кто въ рѣку;
Лишь галки стаями гуляютъ по песку
И крикомъ бурю вызываютъ,
Да ласточки ещё надъ озеромъ летаютъ;
Быкъ, шею вытянувъ, подъ плугомъ заревѣлъ;
А конь, поднявши хвостъ и разметавши гриву,
Ржетъ, пышетъ и летитъ чрезъ ниву.
И вдругъ ужасный вихрь со свистомъ восшумѣлъ,
Со трескомъ грянулъ громъ, ударилъ дождь со градомъ —
И пали пастухи со стадомъ.
Потомъ прошла гроза, и солнце расцвѣло:
Всё стало ярче и свѣтлѣе,
Цвѣты душистѣе, деревья зеленѣе —
Лишь домикъ у Чижа куда-то занесло.
О, бѣдненькій мой Чижъ! Онъ, мокрыми крылами
Насилу шевеля, къ сосѣдушкѣ летитъ,
И ей со вздохомъ и слезами,
Носокъ повѣся, говоритъ:
„Ахъ! всякъ своей бѣдой ума себѣ прикупитъ:
Впредь утро похвалю, какъ вечеръ ужъ наступитъ“.

VII.

ЧАСОВАЯ СТРѢЛКА.

„Кто равенъ мнѣ? Солдатъ, любовникъ, сочинитель
И сторожъ, и министръ, и алтарей служитель,
И докторъ, и больной, и даже государь —
Всѣ чувствуютъ, что я важнѣй, чѣмъ календарь.
Я каждому изъ нихъ минуты означаю;
Дѣля и день, и ночь, я время измѣряю!“
Такъ, видя на нее зѣвающій народъ,
Хвалилась стрѣлка часовая,
Межъ-тѣмъ какъ бѣдная пружина, продолжая
Невидимый свой путь, давала стрѣлкѣ ходъ.

Пружина—секретарь, а стрѣлка, между нами...
Но вы умны: смекайте сами.

VIII.

ЕРМАКЪ.

Какое зрѣлище предъ очи
Представила ты, древность, мнѣ?
Подъ ризою угрюмой ночи,
При блѣдной въ облакахъ лунѣ,
Я зрю Иртышъ: крутитъ, сверкаетъ,
Шумитъ и пѣной подымаетъ
Высокій берегъ и крутой.
На нёмъ два мужа изнурённы,
Какъ тѣни, въ адѣ заключённы,
Сидятъ, склонясь на длань главой.
Единый младъ, другой съ брадой
Сѣдою и до чреслъ висящей.
На каждомъ вижу я нарядъ,
Во ужасъ сердце приводящій:
Съ булатныхъ шлемовъ ихъ висятъ
Со всѣхъ сторонъ хвосты змѣины,
И вѣютъ крылія совины;
Одежда изъ звѣриныхъ кожъ;
Вся грудь обвѣшана ремнями,
Желѣзомъ ржавымъ и кремнями;
На поясѣ широкій ножъ;
А при стопахъ ихъ два тимпана,
И два повержены копья.
То два сибирскіе шамана—
И ихъ словамъ внимаю я.

СТАРЕЦЪ.

Шуми, Иртышъ, реви ты съ нами
И вторь плачевнымъ голосамъ!
Навѣкъ отвержены богами...
О, горе намъ!

МЛАДОЙ.

О, горе намъ!
О, страшная для насъ невзгода!

СТАРЕЦЪ.

О, ты, которыя вѣнецъ
Поддерживали три народа,
Гремѣвши міра по конецъ!
О, сильна, древняя держава!
О, матерь нѣсколькихъ племенъ!
Прошла твоя, исчезла слава!
Сибирь—и ты познала плѣнъ!

МЛАДОЙ.

Твои народы расточенны,
Какъ вихремъ возмятённый прахъ,
И самъ Кучумъ, гроза вселенны,
Твой царь, погибъ въ чужихъ пескахъ!

СТАРЕЦЪ.

Священные твои шаманы
Скитаются въ глуши лѣсовъ.
На то ль судили вы, шайтаны,
Достинуть бѣлыхъ мнѣ власовъ,
Чтобъ я, столѣтній вашъ служитель,
Стеналъ во прахѣ, бывшій зритель
Паденья тысячъ вашихъ чадъ?

МЛАДОЙ.

И отъ кого жъ, о боги, пали?

СТАРЕЦЪ.

Отъ горсти русскихъ! Моръ и гладъ!
Почто Сибирь вы не пожрали?
Ахъ, лучше бъ трусъ, потопъ иль громъ
Всемощны на неё послали,
Чѣмъ быть попранной Ермакомъ!

МЛАДОЙ.

Бичёмъ и ужасомъ природы!
Кляните вы его всякъ часъ,
Сибирски горы, холмы, воды:
Онъ вѣчный мракъ простёръ на васъ!

СТАРЕЦЪ.

Онъ шелъ, какъ столпъ, огнёмъ палящій,
Какъ лютый мразъ, всё вкругъ мертвящій:
Куда стрѣлу ни посылалъ—
Повсюду жизнь предъ нею блѣднѣла,
И страшна смерть во слѣдъ летѣла.

МЛАДОЙ.

И царскій братъ предъ нимъ упалъ.

СТАРЕЦЪ.

Я зрѣлъ съ нимъ бой Мегмета-Кула,
Сибирскихъ странъ богатыря:
Разсыпавъ стрѣлы всѣ изъ тула
И вящимъ жаромъ возгоря,
Извлёкъ онъ саблю смертоносну.
„Дай лучше смерть, чѣмъ жизнь поносну
Влачить мнѣ въ плѣнѣ!" онъ сказалъ—
И вмигъ на Ермака напалъ.
Ужасный видъ! они сразились:
Ихъ сабли молніей блестятъ,
Удары тяжкіе творятъ—
И обѣ разомъ сокрушились.
Они въ ручной вступили бой:
Грудь съ грудью и рука съ рукой;
Отъ вопля ихъ дубровы воютъ;
Они стопами землю роютъ.
Уже съ нихъ сыплетъ потъ, какъ градъ,
Уже въ нихъ сердце страшно бьётся
И рёбра обоихъ трещатъ;
То сей, то оный на бокъ гнётся,
Крутятся—и Ермакъ сломилъ.

„Ты мой теперь!“ онъ возопилъ —
„И всё отнынѣ мнѣ подвластно!“

МЛАДОЙ.

Сбылось пророчество ужасно:
Плѣнилъ, попралъ Сибирь Ермакъ!
Но что! ужели стонъ сердечный
Гонимыхъ будетъ...

СТАРЕЦЪ.

Вѣчный, вѣчный!
Внемли, мой сынъ: вчера во мракъ
Глухихъ лѣсовъ я углубился
И тамо съ пламенной душой
Надъ жертвою богамъ молился.
Вдругъ вѣтръ возсталъ и поднялъ вой:
Съ деревьевъ листья полетѣли,
Столѣтни кедры заскрипѣли,
И вихрь закланныхъ сернъ унесъ.
Я палъ и слышу гласъ съ небесъ:
„Неукратимъ, ужасенъ Рача,
Когда казнитъ вселенну онъ!
Сибирь отвергла мой законъ:
Пребудь вовѣкъ, стоная, плача,
Рабыней бѣлаго царя!
Да свѣтлая тебя заря
И черна ночь въ цѣпяхъ застанетъ,
А слава грозна Ермака
И чадъ его вовѣкъ не вянетъ
И будетъ подъ луной громка!“
Умолкнулъ гласъ — и громъ трикратно
Протёкъ по бурнымъ небесамъ.
Увы, погибли невозвратно!
О, горе намъ!

МЛАДОЙ.

О, горе намъ!

Потомъ, съ глубокимъ сердца вздохомъ,
Возставъ съ камнéй, обросшихъ мохомъ,
И взявъ оружіе съ земли,
Они вдоль брега потекли —
И вскорѣ скрылися въ туманѣ.
Миръ праху твоему, Ермакъ!
Да увѣнчаютъ Россіяне
Изъ злата вылитый твой зракъ,
Изъ рёбръ Сибири источенна
Твоимъ булатнымъ копіёмъ!
Но что я рёкъ, о тѣнь забвенна!
Что рёкъ въ усердіи моёмъ?
Гдѣ обелискъ твой? Мы не знаемъ,
Гдѣ даже прахъ твой былъ зарытъ.
Увы! онъ вопремъ попираемъ,
Или остякъ по нёмъ бѣжитъ
За ланью быстрой и рогатой,
Прицѣлясь къ ней стрѣлой пернатой.
Но будь утѣшенъ ты, герой!
Парящій стихотворства геній
Всякъ день, съ Авророю златой,
Въ часы божественныхъ явленій,
Надъ прахомъ плаваетъ твоимъ
И сладку пѣснь гласитъ надъ нимъ:

„Великій! гдѣ бъ ты ни родился,
Хотя бы въ варварскихъ вѣкахъ,
Твой подвигъ жизни совершился!
Хотя бъ исчезъ твой самый прахъ,
Хотя бъ сыны твои, потомки,
Забывъ дѣянья предка громки,
Скиталисъ въ дебряхъ и лѣсахъ
И жили съ алчными волками;
Но ты, великій человѣкъ,
Пойдёшь въ ряду съ полубогами
Изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ!
И славы лучъ твоей затмится,
Когда померкнетъ солнца свѣтъ,
Со трескомъ небо развалится
И время нà косу падетъ!

П. П. СУМАРОКОВЪ.

Панкратій Платоновичъ Сумароковъ, внукъ родного брата извѣстнаго писателя А. П. Сумарокова, родился 14-го октября 1765 года во Владимірѣ. Одинъ изъ предковъ ёго, служа при молодомъ царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ, доказалъ ему свою преданность и умеръ за него, какъ мученикъ. Судьба Панкратія Сумарокова была самая печальная: казалось, съ самой колыбели уже носились надъ нимъ всякаго рода несчастья, которыя впослѣдствіи разразились надъ нимъ такъ ужасно. Дѣтство своё, до двѣнадцати лѣтъ, провёлъ онъ въ деревнѣ, гдѣ не видалъ другихъ книгъ, кромѣ „Часослова“ и „Псалтири“. Затѣмъ, дальній родственникъ его, Юшковъ, проживавшій постоянно въ Москвѣ, взялъ его къ себѣ въ домъ на воспитаніе и поручилъ надзору француза Перло, человѣка умнаго, образованнаго и честнаго. Не ограничиваясь уроками французскаго языка, честный Перло старался дать своему ученику строго классическое образованіе, насколько это было въ его силахъ. Кромѣ того, къ мальчику ѣздили учители и по другимъ предметамъ, такъ что молодой Сумароковъ, пробывъ у Юшкова шесть лѣтъ, полу-

чилъ отличное свѣтское воспитаніе: онъ зналъ въ совершенствѣ французскій языкъ и говорилъ на нёмъ, какъ природный французъ; хорошо зналъ нѣмецкій, прекрасно рисовалъ и мастерски игралъ на фортепіано. Когда Сумарокову исполнилось 18 лѣтъ, его отвезли въ Петербургъ и опредѣлили лейбъ-гвардіи въ Конный полкъ, въ которомъ, прослуживши годъ, онъ былъ произведёнъ въ 1785 году въ корнеты. Предоставленный на 18-мъ году своей волѣ, Сумароковъ, однако, не поддался ни одному изъ увлеченій, свойственныхъ кипучей молодости; но, къ несчастью, сошелся коротко съ однимъ изъ товарищей, юнкеромъ Куницкимъ, человѣкомъ крайне невѣжественнымъ, легкомысленнымъ и весьма неразборчивымъ во взглядѣ на средства къ жизни. Однажды, когда Сумароковъ, сидя у себя дома, копировалъ какую-то гравюру перомъ, вошелъ къ нему Куницкій—и долго любовался тонкостью и нѣжностью штриховъ, не уступавшимъ штрихамъ гравюры. Въ то же время вошелъ слуга — спросить денегъ на какую-то покупку. Въ раскрытомъ бумажникѣ гость замѣтилъ сто-рублёвую ассигнацію, взялъ её въ руки, пристально поглядѣлъ на неё, потомъ положилъ передъ Сумароковымъ и сказалъ: „Вотъ срисуй. Отличная практика пера". Сумароковъ улыбнулся, удивляясь невѣжеству своего товарища, такъ-какъ на ассигнаціяхъ того времени рисунокъ былъ крайне незатѣйливъ и не представлялъ ни малѣйшей трудности для копированія. Затѣмъ Куницкій ушелъ. Оставшись одинъ, Сумароковъ принялся снова за работу, но пагубная мысль, внушенная товарищемъ, не давала ему покою. Подумавъ, онъ взялъ листъ почтовой бумаги, наложилъ его на ассигнацію и началъ работу. Уже смеркалось, когда роковая ассигнація была готова. Куницкій вернулся. Сумароковъ показалъ ему рисунокъ. Куницкій подошелъ къ окошку, похвалилъ работу и прибавилъ, что при такомъ полусвѣтѣ бумажку, пожалуй, можно спустить за настоящую. Сумароковъ замѣтилъ ему, что онъ говоритъ вздоръ, взялъ у него листокъ, даже не обрѣзанный по формату бумажки, и положилъ его вмѣстѣ съ другими рисунками въ папку. Стали пить чай. Затѣмъ, проболтавъ цѣлый вечеръ, товарищъ ушелъ. На другой день, когда Сумароковъ сталъ разбирать рисунки въ папкѣ, онъ увидѣлъ, что между ними рисунка ассигнаціи нѣтъ. Тутъ только пришло ему въ голову, что онъ поступилъ опрометчиво. Ясно было, что листокъ унесёнъ Куницкимъ. Сумароковъ бросился къ нему на квартиру, но его не было дома. Тогда онъ сообщилъ о случившемся искреннему своему пріятелю и товарищу, Ромбергу. Узнавъ, въ чёмъ дѣло, тотъ самъ побѣжалъ къ Куницкому, но тоже не засталъ его. Куницкій же вынувъ листокъ изъ папки въ то время, когда Сумароковъ выходилъ отыскивать лакея, чтобы велѣть подать закуску, спряталъ бумажку въ карманъ, съ цѣлью употребить её въ дѣло. Обрѣзавъ листокъ въ форматъ настоящей ассигнаціи, онъ, воспользовавшись мрачнымъ петербургскимъ днёмъ, сбылъ его въ мѣховой лавкѣ гостинаго двора, въ обмѣнъ на лисій мѣхъ. Покупатель былъ въ партикулярномъ платьѣ и потому надѣялся, что продѣлка его никогда не обнаружится. Но вышло иначе. Дня три спустя, продавецъ и покупатель, который былъ въ томъ же платьѣ, встрѣтились на улицѣ. Купецъ сталъ въ него всматриваться: тотъ струсилъ и бросился бѣжать. На крикъ купца сбѣжался народъ — и Куницкій былъ схваченъ и отведёнъ въ полицію, гдѣ волей-неволей долженъ былъ объявить своё званіе. Началось слѣдствіе—и всѣ трое были отданы подъ судъ. Разумѣется, слѣдственная коммиссія не могла принять въ оправданіе увѣреній виновнаго, что его поступокъ есть не что иное, какъ шутка надъ старымъ мѣхоторговцемъ. Она не только не оправдала главнаго виновника преступленія, но обвинила и двухъ его товарищей, какъ соучастниковъ, хотя они и показывали, что имъ вовсе не было извѣстно, какое употребленіе сдѣлалъ виновный изъ бумажки. Судъ приговорилъ всѣхъ троихъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на жительство въ сибирскіе города: Куницкаго—какъ сбытчика фальшивой ассигнаціи, Сумарокова — какъ ея рисовальщика, и Ромберга—какъ укрывателя преступленія. Исторія эта надѣлала много шума въ Петербургѣ. Противъ главнаго виновника было и общественное мнѣніе; но о Сумароковѣ и Ромбергѣ всѣ искренно сожалѣли: всѣ были убѣждены, что хотя юридически они и не оправданы, но въ сущности нисколько не виноваты, или, по крайней мѣрѣ, не настолько, чтобы поплатиться такъ дорого. Мѣстомъ ссылки Сумарокова былъ назначенъ Тобольскъ. Губернаторъ Алябьевъ принялъ Сумарокова не какъ ссыльнаго, а какъ странника, заброшеннаго судьбой на чужбину. Онъ предоставилъ ему полную свободу и возможность заниматься науками и литературой, которой онъ предавался ещё въ Петербургѣ, написавъ сатирическіе стихи на одно изъ начальствовавшихъ лицъ конно-гвардейскаго полка. Здѣсь провёлъ

Сумароковъ пятнадцать долгихъ лѣтъ (1786—1802), дѣля своё время между литературой и педагогическими занятіями. Въ теченіе 1791 года онъ издавалъ въ Тобольскѣ журналъ, подъ названіемъ: „Иртышъ, превращающійся въ Иппокрену“, а въ 1793—1794 годахъ: „Библіотеку ученую, экономическую, нравоучительную, историческую и увеселительную“, образовавшую, по своёмъ окончаніи, весьма полезный сборникъ всякаго рода свѣдѣній, въ 12 объёмистыхъ томахъ. Затѣмъ, въ 1799 году, издалъ первую часть своихъ стихотвореній, въ которую вошла его сказка „Альнаскаръ“, гдѣ весьма живо изображена картина сибирской зимы. Сказка эта имѣетъ одинъ сюжетъ съ „Воздушными замками“ Дмитріева. Въ сказкѣ Дмитріева и стихъ глаже, и разсказъ интереснѣе, и выраженія изящнѣе, но въ сказкѣ Сумарокова болѣе оригинальности и юмористическій элементъ опредѣленнѣе. Въ 1789 году Сумароковъ женился на одной иностранкѣ, пріѣхавшей въ Тобольскъ въ качествѣ гувернантки, съ семействомъ одного ссыльнаго. Но вотъ воцарился императоръ Александръ—и надежды Сумарокова на возвращеніе въ Россію оживились. Онъ написалъ просительное письмо на Высочайшее имя — и въ концѣ іюня 1801 года изгнанникъ былъ прощёнъ, а въ началѣ марта слѣдующаго года ему было возвращено дворянство. Вернувшись въ Россію, онъ поселился съ семействомъ въ своей родовой деревнѣ, Тульской губерніи, и предался весь занятіямъ литературою. Въ 1803 году онъ сталъ издавать „Журналъ пріятнаго, любопытнаго и забавнаго чтенія“; затѣмъ, въ 1804—принялся-было за изданіе „Вѣстника Европы“, но скоро отказался отъ этой мысли; въ 1807—напечаталъ 2-ю часть своихъ стихотвореній, въ которой помѣстилъ лучшее своё произведеніе: „Амуръ, лишенный зрѣнія“; въ 1808—выпустилъ въ свѣтъ книгу, подъ заглавіемъ: „Источникъ здравія“, а въ слѣдующемъ году — другую книгу: „Способъ быть здоровымъ“. Скончался 1-го марта 1814 года, на 49-мъ году отъ рожденія. Сочиненія его были изданы въ 1832 году въ Петербургѣ.

АМУРЪ, ЛИШЕННЫЙ ЗРѢНІЯ.

Пою несчастіе, отъ коего Эротъ
Сталъ слѣпъ, какъ кротъ.
О, вы, чувствительныя души!
Развѣсьте уши,
Разиньте ротъ.
Дыханіе своё, сколь можно, притаите
И пѣсни жалкой сей внемлите!
Но, нѣтъ, немного погодите:
Мнѣ должно сдѣлать здѣсь возгласъ:
(Отдѣлаюсь тотчасъ!)
О, ты, что на Сибирь взираешь изъ подлобья,
Скажи мнѣ, свѣтлый Фебъ, за что́ до насъ ты лихъ?
За то-ль, что своего блестящаго подобья
Не видишь здѣсь ни въ чёмъ, какъ лишь почти въ однихъ
Прозрачныхъ ледяныхъ сосулькахъ
Да въ таковыхъ же пулькахъ,
Которы бѣдная Аврора вмѣсто слезъ,
Отъ стужи плачуща, бросаетъ къ намъ съ небесъ?
Но кто жъ виновенъ въ томъ, коль самъ ты насъ не грѣешь?
Ты права не имѣешь
Коситься такъ на насъ.
Услышь же мой къ тебѣ охриплый съ стужи гласъ!
Пожалуй, сдѣлай одолженье —
Просунь сквозь снѣжныхъ тучъ
Хотя одинъ свой лучъ,
И мёрзлое моё распарь воображенье!
Теперь, читатели, прошу мнѣ сдѣлать честь—
Прочесть,
Что́ объ Эротѣ я желаю вамъ донесть.

Оставя нѣкогда небесные чертоги,
Задумали сойти на землю древни боги:
Омиръ покойникъ былъ тогда ещё въ живыхъ—
И онъ-то по́звалъ ихъ.
Зачѣмъ? вы спросите. Не знаю!
Откушать, можетъ-быть, или на чашку чаю.
Извѣстно, что онъ былъ имъ закадычный другъ:
Ѣдалъ амврозію, тянулъ и нектаръ съ ними;
Со спящихъ же богинь обмахивалъ онъ мухъ
И часто забавлялъ ихъ сказками своими.
Но полно вамъ скучать подробностями сими!
Теперь поѣдемъ мы на часъ въ небесный домъ:
Мнѣ хочется, чтобъ вы со мною прокатились
И посмотрѣли бъ тамъ, какъ боги въ путь пустились.
Они отправились въ порядкѣ вотъ какомъ:
Зевесъ сѣлъ на орла съ Юноною верхомъ,
На всякой случай взявъ съ собой въ дорогу громъ;
Потомъ, за прочими начальными богами,
Вулканъ шелъ съ молотомъ...
Зефиры собрались на пиръ туда же съ ними;
Такъ и начнёмъ мы ими.
Надмѣру нѣжные и малые божки,
Дабы не простудились ножки,
Обулись въ тёплые сапожки,

И, чтобъ отъ вѣтру имъ сберечь свои ушки,
Надѣли лисьи треушки,
И сѣли въ дрожки,
Въ которыхъ бабочекъ впряженъ былъ цугъ;
А на запяткахъ, вмѣсто слугъ,
Стояла пара шпанскихъ мухъ;
Да сверхъ того божковъ ещё конвоевали
Шестнадцать бойкихъ комаровъ:
Носами острыми и пискомъ погоняли
Крылатыхъ, лёгкихъ скакуновъ.
Но чья везётся колесница
Четвёркой сизыхъ голубей?
Конечно, то любви царица
Желаетъ прокатиться въ ней?
Такъ точно! Вотъ она садится:
За нею вслѣдъ, рѣзвясь, толпится
Рой цѣлыхъ Смѣховъ, Игръ, Амуровъ и Утѣхъ.
Но какъ ихъ усадить съ собой богинѣ всѣхъ?
Нельзя! Однакожъ съ ней иные заломались,
Другіе въ ноги побросались,
Иные, не успѣвши сѣсть,
Цѣпочкой свившися, за нею полетѣли,
Бросали ей цвѣты и пѣсни пѣли
Богинѣ въ честь;
Иные втёрлись къ ней за спинку,
Иные скрылись въ волосахъ,
Иные въ ямкахъ на щекахъ,
Иные впутались въ косынку,
Иные... но оставимъ ихъ!
Давно пора мнѣ догадаться,
Что я болтать ужъ больно лихъ;
Но впредь не буду я такъ много завираться. —
И въ двухъ скажу стихахъ
О прочихъ всѣхъ богахъ.
Они туда-жъ помчались:
Иной на радугѣ верхомъ,
Иной на облакѣ, иной пошелъ пѣшкомъ.
А дома лишь Эротъ съ Дурачествомъ остались:
Одинъ затѣмъ, что малъ, другой затѣмъ, что глупъ.
Но что же дѣлать имъ, оставшись на просторѣ?
Молчать? — Эроту горе;
Калякать о любви? — Его товарищъ тупъ:
Не знаетъ и началъ прекрасной сей науки.
Наскучивъ, наконецъ, сидѣть поджавши руки,
Эротъ сказалъ ему вотъ такъ:
„Дуракъ!
Теперь одни съ тобой мы дома —
Такъ станемъ какъ-нибудь играть,
Хоть въ жмурки: вѣдь, игра тебѣ сія знакома;
Всё лучше, нежели отъ скуки намъ зѣвать".
—„Охъ, нѣтъ!" въ отвѣтъ сказалъ глупецъ Эроту:
„Давно я потерялъ къ играмъ такимъ охоту;
А дай мнѣ свой колчанъ на часъ:
Хочу я испытать, одинъ хоть въ жизни разъ,
Умѣю ль дѣйствовать и я, какъ ты, стрѣлами?
Я самъ тебѣ за то, голубчикъ, отплачу:
Пузырики пускать тебя я научу,
Клянуся въ томъ тебѣ и Стиксомъ, и богами!"
Эротъ, было, сперва и слушать не хотѣлъ;
Но сладить съ дуракомъ, скажите, кто умѣлъ?
Итакъ, онъ наконецъ былъ долженъ согласиться
Дурачество жъ къ нему умѣло подольститься,
Давъ опытъ, пузыри изъ мыла какъ пускать.
Эроту новость та чрезмѣрно полюбилась.
Товарищъ же его взялъ лукъ и сталъ стрѣлять;
Но вотъ бѣда какая вдругъ случилась:
Дурачество, разинувъ ротъ,
Въ безмѣрной радости, не видя, гдѣ Эротъ,
Стрѣльнуло изо всей своей дурацкой мочи—
И вышибло ребёнку очи.
Какой нелѣпый поднялъ вой
Лишенный зрѣнія крылатый мой герой!
Искусный же стрѣлокъ, отъ страха и печали,
Разинувши свой зѣвъ,
Такой пустилъ ужасный ревъ,
Какъ будто бы съ него живого кожу драли.
Вытьё его отголь повсюду разнеслось;
Всё зданье отъ того небесное тряслось.
Но бросимъ мы на часъ сихъ двухъ глупцовъ несчастныхъ,
И съѣздимъ въ тлѣнный міръ.
Я, чаю, кончился уже давно тотъ пиръ,
Который жителямъ небесъ давалъ Омиръ.
На лицахъ ихъ, отъ спирта красныхъ,
Сверкаютъ радости слѣды.
Не вѣдая совсѣмъ ужасной той бѣды,
Которая безъ нихъ на небесахъ стряслася,
Толпа божественна въ свояси поднялася,
Съ хозяиномъ простясь
И точно такъ же, какъ и прежде, помѣстясь.
Какая сдѣлалась тревога,
Какъ мать слѣпого бога
Домой пришла!
Ахъ! что она нашла?
Богиня видитъ токи крови,
Зритъ сына своего;
Прелестные жъ глаза гдѣ были у него,
Тамъ только ямочки осталися да брови.
Тогда-то скорбь ея всѣ мѣры превзошла:
Какое зрѣлище для матери столь нѣжной!
На мѣсто розъ вступилъ въ лицо ея цвѣтъ снѣжной;
Затмилися ея небесныя красы;

Терзаетъ въ горести она свои власы;
Колѣни слабыя едва её держали,
И если бы когда богини умирали,
То этой вѣрно-бъ умереть.
Но боги, вѣдь, не мы: такъ какъ же быть? Терпѣть!
Но можно ль перенесть столь бѣдствіе несносно?
Богинѣ же не мстить—и горько, и поносно.
Горя отмщеніемъ, вдругъ силу ощутивъ
И взоръ съ плачевнаго предмета отвративъ,
На крыльяхъ бѣшенства летитъ она въ чертоги,
Гдѣ былъ Зевесъ и прочи боги.
Киприда, въ ярости, въ отчаяньи, въ слезахъ,
Вбѣжавъ растерзана, во всѣхъ вселяетъ страхъ;
Бросается Зевесу въ ноги
И, вздохи тяжкіе пуская безъ числа,
О бѣдствіи своёмъ, рыдая, донесла.
Зевесъ, услыша тó, столь сильно огорчился,
Что чуть съ престола не свалился.
О, лютая напасть!
Отецъ боговъ, разинувъ пасть,
Ревётъ быкомъ и стонетъ,
Боговъ съ Олимпа гонитъ;
Потомъ съ отчаянья онъ на стѣну полѣзъ.
Не столько въ бурный вѣтръ шумитъ дремучій лѣсъ,
Какъ злился нашъ Зевесъ, кричалъ, стучалъ ногами,
Сбираясь пересѣчь боговъ всѣхъ батогами.
Онъ рвётъ
И мечетъ;
Попавшихся ему дерётъ,
Какъ перепёлокъ кречетъ;
Шумитъ,
Гремитъ,
Своей заморской ищетъ трости
И хочетъ изломать Дурачеству всё кости.
Уставши, наконецъ, Зевесъ потише сталъ
И драться пересталъ;
Но вотъ чтó бѣдному Дурачеству сказалъ:
„Скотина!
За то, что ослѣпилъ Кипридина ты сына,
Который мой любимый внукъ,
Достоинъ ты ребромъ повѣшенъ быть на крюкъ;
Но я свой гнѣвъ смягчаю
И вотъ какую казнь тебѣ опредѣляю:
Съ сего часа всегда съ Эротомъ ты ходи;
Куда бъ онъ ни пошелъ, вездѣ его води:
Вотъ чтó навѣки я тебѣ повелѣваю!"
Потомъ пощочины двѣ-три ему влѣпилъ,
Да тѣмъ и заключилъ.
Съ тѣхъ поръ Дурачество всегда съ Амуромъ ходитъ.
Но это бы́ла бы ещё не важная бѣда,
А вотъ лишь плохо что: Дурачество всегда,
Когда стрѣляетъ онъ, его руками водитъ.
Какой же можетъ быть тутъ ладъ?
Безмозгло божество стрѣляетъ не впопадъ:
Ударъ любви съ тѣхъ поръ намъ въ голову приходитъ
Почти всегда
И очень мѣтко,
А въ сердце никогда,
Иль очень рѣдко.

Г. П. КАМЕНЕВЪ.

Гаврило Петровичъ Каменевъ родился въ 1772 году въ Казани. Отецъ его, Пётръ Гавриловичъ, былъ купецъ и пользовался всеобщимъ уваженіемъ городскихъ жителей за умъ и честность. Какъ дѣтство, такъ почти и всю остальную жизнь, молодой Каменевъ провёлъ въ Казани. Воспитывался онъ въ частномъ пансіонѣ Вюльфинга, въ которомъ пріобрѣлъ основательныя познанія въ нѣмецкомъ языкѣ; языкъ же французскій, которому онъ выучился уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, былъ ему, сравнительно, менѣе знакомъ, чѣмъ нѣмецкій, изучённый имъ въ дѣтствѣ. Будучи купцомъ, онъ не любилъ торговли; получивъ хорошеё состояніе отъ отца, онъ не заботился объ увеличеніи его, и болѣе всего посвящалъ себя любимому занятію—литературѣ. Молодость свою провёлъ онъ довольно бурно, чтó оказало свою долю вліянія на его, и безъ того слабое, здоровье. Главной причиной быстраго развитія его болѣзни были, кажется, сердечныя огорченія: онъ влюбился въ дочь нѣмца-доктора, проживавшаго въ Казани; но родные его вооружились противъ этого брака, и вынудили его жениться по разсчету. Въ послѣдніе годы своей жизни, желая нѣсколько разсѣяться, онъ побывалъ въ Петербургѣ и Москвѣ, въ первомъ—одинъ разъ и на короткое время, а въ послѣдней—раза три, при чёмъ каждый разъ проживалъ въ ней по нѣскольку мѣсяцевъ. И дѣйствительно, Москва должна была привлекать его къ себѣ гораздо болѣе, чѣмъ Петербургъ: онъ былъ писатель, а въ Москвѣ въ то время сосредоточивались всё интересы литературы, въ лицѣ Карамзина, Дмитріева и другихъ знаменитостей. Въ 1803 году, когда ему исполнилось всего тридцать лѣтъ, онъ уже былъ почти совершенно разрушенъ страшною болѣзнью. Мрачное предчувствіе близкой смерти запало въ его душу и не оставляло его ни на ми-

нуту, ни въ тишинѣ семейной жизни и литературныхъ занятій, ни среди шума развлеченій столицы, куда онъ пріѣзжалъ не задолго до смерти, въ надеждѣ найти исцѣленіе отъ грознаго недуга. Возвратившись въ Казань, Каменевъ сталъ чувствовать себя всё хуже и хуже, и въ іюлѣ мѣсяцѣ 1803 года тихо скончался. Тѣло его погребено, согласно желанію покойнаго, въ сосновой рощѣ Кизическаго монастыря, лежащаго въ трёхъ верстахъ отъ Казани.

Литературные труды Каменева ограничиваются нѣсколькими стихотвореніями и мелкими прозаическими статьями, и тремя переводными повѣстями. Свои стихотворенія и статьи Каменевъ преимущественно печаталъ въ „Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени“ (1794—1799), „Музѣ“ (1796), „Иппокренѣ“ (1799—1801), „Новостяхъ русской литературы“ (1802—1805) и, въ особенности, въ „Періодическомъ изданіи вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ“ (1804), котораго онъ былъ членомъ и гдѣ, между-прочимъ, было напечатано лучшее его произведеніе, баллада „Громвалъ“, доставившая ему имя въ русской литературѣ. Изъ переводовъ его напечатаны: 1) „Софья, или сумасшедшая отъ любви“, повѣсть Шписа (М. 1801); 2) „Гробница на холмѣ“, повѣсть Коцебу (М. 1802) и 3) „Счастье одного бываетъ несчастьемъ другаго“, повѣсть Коцебу (М. 1805), Этотъ послѣдній переводъ былъ напечатанъ уже по смерти переводчика.

Вся извѣстность Каменева основывается на балладѣ „Громвалъ“, произведеніи дѣйствительно замѣчательномъ, особенно для своего времени. Стихотвореніе это, независимо отъ своего оригинальнаго размѣра (въ каждомъ куплетѣ, состоящемъ изъ четырёхъ стиховъ, первые два—дактили, послѣдніе два—анапесты), обратившаго на себя общее вниманіе особенно тѣмъ, что, будучи опозоренъ Тредьяковскимъ въ его „Телемахидѣ“, онъ ещё не пользовался тѣмъ правомъ гражданства въ русской литературѣ, какимъ пользуется теперь, благодаря трудамъ Гнѣдича и Жуковскаго. Но прекрасный размѣръ стиха и замѣчательная плавность слога есть только внѣшнее отличіе баллады Каменева. Главное значеніе „Громвала“ заключается въ его романтическомъ строѣ, по справедливому указанію А. С. Пушкина. „Каменевъ“, говоритъ онъ: „первый въ Россіи осмѣлился отступить отъ классицизма. Мы, русскіе романтики, должны принести должную дань его памяти“.

—

ГРОМВАЛЪ.

Мысленнымъ взоромъ я быстро лечу,
Быстро проникнувъ сквозь мрачность времёнъ;
Поднимаю завѣсу сѣдой старины—
И Громвала я вижу на добромъ конѣ.

Зыблются перья на шлемѣ его,
Стрѣлы калёны въ колчанѣ звучатъ;
Онъ по чистому полю несётся, какъ вихрь,
Въ воронёныхъ доспѣхахъ, съ булатнымъ копьёмъ.

Солнце склонялось къ кремнистымъ горамъ
Вечеръ спускался съ воздушныхъ высотъ.
Богатырь пріѣзжаетъ въ глухіе лѣса,
Сквозь вершины ихъ видитъ лишь небо одно.

Буря, облёкшись въ угрюмую ночь,
Мчится къ закату на черныхъ крылахъ;
Заревѣла пучина, дуброва шумитъ
И столѣтніе дубы скрипятъ и трещатъ.

Негдѣ укрыться отъ бури, дождя;
Нѣтъ ни пещеры, не видно жилья;
Лишь во мракѣ сгущённомъ, сквозь вѣтви деревъ,
То блеснётъ, то померкнетъ вдали огонёкъ.

Въ сердцѣ съ надеждой, съ отвагой въ душѣ,
Ѣхавши тихо сквозь лѣсъ на огонь,
Богатырь пріѣзжаетъ на берегъ ручья,
И вдругъ—видитъ онъ зàмокъ вблизи предъ собой.

Синее пламя изъ зàмка блеститъ,
Свѣтъ отражая въ струистомъ ручьѣ;
Тѣни въ окнахъ мелькаютъ и взадъ, и впередъ;
Завыванія, стоны въ нёмъ глухо ревутъ.

Витязь, сошедши поспѣшно съ коня,
Идетъ къ воротамъ, заросшимъ травой,
Ударяетъ въ нихъ сильно булатнымъ копьёмъ;
Но на стукъ отвѣчаютъ лишь гулы въ лѣсу;

Вмигъ потухаетъ внутрь зàмка огонь,
Свѣтъ умираетъ въ объятіяхъ тьмы;
Завыванія, стоны утихли, молчатъ;
Усугубилась буря, удвоился дождь.

Сильнымъ ударомъ могучей руки
Рушится твёрдость желѣзныхъ воротъ:
Отлетѣли запоры, скрипятъ верей —
И во внутренность входитъ безстрашный Громвалъ

Мечъ обнаживши, готовый разить,
Ощупью тихо онъ въ зàмокъ идётъ.

Рыцарь въ восторгѣ къ темницѣ летитъ
Съ пламеннымъ сердцемъ Рогнѣду обнять;
Но огромная дверь растворяется вдругъ —
И навстрѣчу выходитъ въ бронѣ исполинъ.

Грозные взгляды — кометы во тьмѣ:
Мѣдь на нёмъ — панцырь, свинецъ — булава,
Сѣрый мохъ по болоту — брада у него,
Черный лѣсъ послѣ бури — власы на челѣ.

Съ силой ужасной взмахнувъ булаву,
Прямо въ Громвала пустилъ исполинъ,
Поражаетъ его по буйнóй головѣ:
Содрагается эхо, по зáмку звуча.

Шлемъ, зазвенѣвши, дробится въ куски,
Сыплются искры изъ тёмныхъ очей,
Булава отъ удара согнулась дугой;
Но не двинулся съ мѣста Громвалъ, какъ скала.

Мечъ въ богатырской рукѣ заблисталъ,
Бурнымъ перуномъ злодѣя разитъ:
Разлетѣлась бы крѣпкая въ дребезги мѣдь,
Но скользитъ лезвеё по волшебной бронѣ.

Въ бѣшенствѣ лютомъ ревётъ великанъ,
Пламенемъ пышетъ, отъ злости дрожитъ;
Напрягаетъ онъ мышцы укладистыхъ плечъ,
Угрожаетъ Громвала въ когтяхъ задушить.

Смерть неизбѣжна, погибель близка —
Страшныя длани касаются латъ;
Но Громвалъ, ухватя его ногу, какъ дубъ,
Потряхнувши, повергъ, опрокинулъ его.

Башнѣ подобно громыхнулъ гигантъ,
Звукомъ ужаснымъ весь зáмокъ потрясъ;
Разсѣдаются стѣны, валятся зубцы;
Онъ упалъ — и въ сырой землѣ яму вдавилъ.

Взявши за горло могучей рукой,
Мечъ ему въ челюсть вонзаетъ Громвалъ;
По булату зубами скрипитъ великанъ,
Возревѣлъ, застоналъ и въ изгибы свился.

Черная пѣна, багровая кровь
Хлещетъ, клубится изъ пасти его;
Разъярённый мученьемъ, со смертью борясь,
Роетъ землю ногами, трепещетъ, хрипитъ.

Вмѣстѣ сливаясь кипящей струёй,
Пучится, бродитъ гигантова кровь;
Поднявшись облачкóмъ, лёгкій паръ отъ нея
Образуетъ Рогнѣды прекрасной черты:

Розы въ ланитахъ и прелесть въ очахъ,
Алыя губы манятъ поцѣлуй;
По плечамъ разстилаясь, какъ бархатъ, власы
Осѣняютъ ея лебединую грудь.

Чуду такому дивится Громвалъ:
Призракъ-ли видитъ, или существо?
Приближаясь съ надеждой и съ робостью къ ней,
Не мечту, но Рогнѣду онъ къ персямъ прижалъ.

Страстнымъ восторгомъ исполнясь, Громвалъ
Голосомъ нѣжнымъ любезной вѣщалъ:
„Долго, долго искалъ я, Рогнѣда, тебя,
И по бѣлому свѣту скитался какъ тѣнь!"

Тяжко вздохнувши, сказала она:
„Лютый волшебникъ, коварный Зломаръ,
Раздраженный презрѣнною страстью своей,
Въ чародѣйскій сей зáмокъ меня перенёсъ.

„Здѣсь, поразивши волшебнымъ жезломъ,
Памяти, чувства меня онъ лишилъ:
Погрузившись мгновенно въ таинственный сонъ.
Я съ тѣхъ поръ въ безднѣ мрака сокрыта была".

За руку взявши Рогнѣду, Громвалъ
Тихо спустился къ подошвѣ горы;
Посадивши её на коня за собой,
По дорогѣ обратно стрѣлой полетѣлъ.

Зáмокъ объемлетъ глубокая тьма;
Громы во мракѣ свирѣпо ревутъ;
Бурны вихри завыли, сорвавшись съ цѣпей;
Затрещали кремнистыя рёбра горы.

Съ ревомъ ужаснымъ разверзлась земля,
Рухнули башни въ бездонную пасть;
Ниспроверглись Зиланты, темница, гигантъ:
Чародѣйство Зломара разрушилъ Громвалъ.

В. Л. ПУШКИНЪ.

Василій Львовичъ Пушкинъ, родной дядя А. С. Пушкина, родился 27-го апрѣля 1770 года въ Москвѣ, воспитывался дома и, потомъ, прослуживъ нѣсколько лѣтъ лейбъ-гвардіи въ Измайловскомъ полку, вышелъ въ 1797 году, въ отставку. Затѣмъ, поселился въ Москвѣ и предался своему любимому занятію — сочиненію всевозможныхъ посланій, элегій, басенъ, эпиграммъ и мадригаловъ. Воспитаніе Василія Львовича было чисто-свѣтское: главнымъ основаніемъ его познаній былъ—

французскій языкъ, который онъ зналъ въ совершенствѣ; за нимъ слѣдовалъ языкъ нѣмецкій, красоты котораго были для него не вполнѣ понятны, и англійскій, съ которымъ онъ познакомился во время путешествія своего по Англіи. Первое его стихотвореніе „Къ камину", было напечатано въ „Санктпетербургскомъ Меркуріѣ" на 1793 годъ, при чёмъ издатель журнала, Клушинъ, въ примѣчаніи къ пьесѣ, отозвался объ авторѣ, какъ о скромномъ молодомъ человѣкѣ, пишущемъ не изъ тщеславія, а изъ любви къ литературѣ. Затѣмъ, нѣсколько стихотвореній его, между-прочимъ „Къ Хлоѣ", было помѣщено въ „Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени", а стихотворенія „Суйда", „Къ брату и другу", „Вечеръ", „Элегія изъ Проперція" и многія другія — въ „Аонидахъ" на 1796—99 года. Съ 1802 года Пушкинъ сталъ помѣщать свои произведенія въ „Вѣстникѣ Европы", гдѣ, между прочимъ, помѣщены басни: „Мудрецъ и филинъ", „Старый левъ и звѣри", „Левъ и его любимецъ", „Завѣщаніе" и другія. Въ 1803 году онъ отправился за границу и описалъ своё путешествіе въ двухъ письмахъ къ друзьямъ, изъ Берлина и Парижа, напечатанныхъ въ 14-мъ и 20-мъ №№ „Вѣстника Европы" 1803 года. Долгіе сборы Василія Львовича за границу внушили И. И. Дмитріеву мысль — написать шуточное стихотвореніе, подъ названіемъ: „Путешествіе О. О. въ Парижъ и Лондонъ, писанное за три дня до путешествія, въ трёхъ частяхъ". Это сочиненіе, несмотря на свои три части, заключавшее въ себѣ всего 104 стиха, было написано въ 1803 году, но въ печати явилось, только пять лѣтъ спустя, въ числѣ 50 экземпляровъ, для дружескаго кружка. Вотъ начало:

Друзья, сестрицы, я въ Парижѣ!
Я началъ жить, а не дышать!
Садитесь вы другъ къ другу ближе—
Мой маленькій журналъ читать:
Я былъ въ Лицеѣ, въ Пантеонѣ,
У Бонапарта на поклонѣ:
Стоялъ близёхонько къ нему,
Не вѣря счастью своему.
Вчера меня князь Долгоруковъ
Представилъ милой Рекамье;
Я видѣлъ корпусъ мамелюковъ,
Сіеса, Вестриса, Мерсье,
Мадамъ Жанлисъ, Виже, Пикара,
Фонтана, Герля, Легуве,
Актрису Жоржъ и Фіеве;
Всѣ тропки знаю булевара...

А вотъ и другой отрывокъ, рисующій добродушный характеръ Пушкина и нѣкоторыя его слабыя стороны, въ которыхъ онъ самъ здѣсь совнаётся:

Я, напримѣръ, люблю, конечно,
Читать мои куплеты вѣчно,
Хоть слушай, хоть не слушай ихъ;
Люблю и страннымъ я нарядомъ,
Лишь былъ бы въ модѣ, щеголять;
Но словомъ, мыслью, даже взглядомъ
Хочу-ль кого я оскорблять?

По возвращеніи въ Москву, Пушкинъ сталъ помѣщать свои стихотворенія въ журналахъ своихъ пріятелей: В. Измайлова, Князя Шаликова и Жуковскаго—„Патріотѣ", „Московскомъ Зрителѣ" и „Вѣстникѣ Европы". Онъ также принималъ самое живое участіе въ спорѣ защитниковъ стараго слога съ Карамзинистами, чтó видно изъ его посланій къ Жуковскому и Дашкову. Война 1812 года заставила его удалиться въ Нижній-Новгородъ; но въ 1815 году онъ снова переѣхалъ на жительство въ Москву, гдѣ и провёлъ остальные свои годы. Къ этому періоду его жизни относятся пьесы, напечатанныя въ „Вѣстникѣ Европы" на 1814 годъ (второе „Посланіе къ Дашкову"), въ „Россійскомъ Музеумѣ" на 1815 годъ („Посланіе къ Вяземскому", „Не пеняй мнѣ, что съ тобою" и другія), въ „Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности", 1812—21 (нѣсколько басенъ, „Летятъ какъ вихрь веселій годы", два подражанія Горацію: „Къ Аполлону" и „Разговоръ Горація съ Лидіей" и другія) и въ „Литературномъ Музеумѣ" на 1827 годъ (подражаніе Байрону, „Счастливый младенецъ" и другія). Наконецъ, Пушкинъ написалъ три главы стихотворной повѣсти: „Капитанъ Храбровъ", изъ которыхъ двѣ напечатаны. „В. Л. Пушкинъ", говоритъ г. Галаховъ: „принадлежалъ къ стихотворной школѣ, основанной Карамзинымъ и Дмитріевымъ. При несомнѣнномъ, хотя и небольшомъ, дарованіи, онъ отличался вкусомъ и любилъ признавать его главнымъ достоинствомъ своихъ сочиненій. Слогъ Пушкина пріятенъ, свободенъ и близокъ къ простотѣ разговорной рѣчи. Въ пьесахъ Пушкина больше остроумія, нежели сентиментализма. Не чувствуя никакой наклонности къ торжественной лирикѣ, онъ избѣгнулъ упрёковъ въ риторикѣ, которая такъ часто заступала мѣсто поэтическаго выраженія чувствъ. Такъ называемая лёгкая поэзія: стихи на заданныя риѳмы, мадригалы, рондо, загадки и шарады—вотъ чтó было главнымъ предметомъ стихотворства Пушкина". Но извѣстность

В. Л. Пушкина пріобрѣтена имъ вовсе не этими стихотворными опытами, а непечатной поэмой: „Опасный Сосѣдъ“, отличающейся весёлымъ, добродушно-шутливымъ тономъ, лёгкимъ и живымъ стихомъ и забавнымъ содержаніемъ.

Когда была написана эта остроумная шутка — положительно неизвѣстно. Нашъ уважаемый библіофилъ, С. Д. Полторацкій, основываясь на нѣкоторыхъ данныхъ, говоритъ, что время появленія поэмы можно опредѣлить только приблизительно, между 1807 и 1815 годами. „Опасный Сосѣдъ“ выдержалъ три изданія: первое, литографированное, въ Мюнхенѣ (1815), второе въ Лейпцигѣ (1855) и третье въ Берлинѣ (1859).

Василій Львовичъ скончался 20-го августа 1830 года въ Москвѣ, въ своёмъ домѣ на Басманной.

Стихотворенія Василія Пушкина извѣстны въ двухъ изданіяхъ: первое („Стихотворенія В. Пушкина“), выпущенное самимъ авторомъ въ 1822 году, въ Петербургѣ, и второе, Смирдинское, въ одномъ томѣ съ сочиненіями Веневитинова („Сочиненія Пушкина, Василія Львовича“), отпечатанное такъ же въ Петербургѣ въ 1855 году. Въ томъ и другомъ недостаетъ многихъ пьесъ.

I.

КЪ АРЗАМАСЦАМЪ *).

Я грѣшенъ. Видно, мнѣ кибитка не Парнасъ;
Но строгъ, несправедливъ карающій вашъ гласъ;
И бѣдные стихи, плодъ шутки и дороги,
По мнѣнью моему, не стоили тревоги.
Просодіи въ нихъ нѣтъ, нѣтъ вкуса—виноватъ!
Но вы передо мной виновнѣе стократъ.
Разборъ, повѣрьте мнѣ, столь ѣдкій—не услуга:
Я слухъ вашъ оскорбилъ, вы оскорбили друга.
Вы вспомните о томъ, что первый, можетъ-быть,
Осмѣлился глупцамъ я правду говорить;
Осмѣлился сказать хорошими стихами,
Что авторъ безъ идей, трудяся надъ словами,
Останется всегда невѣждой и глупцомъ;
Я злого Гашпара *) убилъ однимъ стихомъ
И, гнѣва не боясь варяговъ безпокойныхъ,
Въ восторгѣ я хвалилъ писателей достойныхъ.
Неблагодарные, о томъ забыли вы!
И нынѣ, не щадя сѣдой моей главы,
Вы издѣваетесь безчинно надо мною.
Довольно и безъ васъ я былъ гонимъ судьбою!
Въ дурныхъ стихахъ большой не вижу я вины;
Пріятели—беречь пріятеля должны.
Я не обидѣлъ васъ. Въ душѣ моей незлобной,
Лишь къ пламенной любви и дружеству способной,
Не приходила мысль надъ другомъ мнѣ шутить.
Съ прискорбіемъ скажу: что̀ прибыли любить?
Здѣсь острое словцо пріязни всей дороже,
И дружество почти на ненависть похоже.
Но Боже сохрани, чтобъ точно думалъ я,
Что въ наши времена не водятся друзья!
Нѣтъ, бурныхъ дней моихъ на пасмурномъ закатѣ,
Я истинно счастливъ, имѣя друга въ братѣ. **)
Сердцами сходствуемъ: онъ—точно я другой;
Я горе съ нимъ дѣлю: онъ—радости со мной.
Благодарю судьбу—чего желать мнѣ болѣ?
Проказничать, шутить, смѣяться—въ вашей волѣ!
Вы всѣ любезны мнѣ, хоть я на васъ сердитъ;
Намъ быть въ согласіи самъ Аполлонъ велитъ;
Прямая ваша цѣль есть польза, просвѣщенье,
Богатство языка и вкуса очищенье;
Но должно ли шутя о пользѣ разсуждать?
Глупцы не престаютъ возиться и писать,
Дурачитъ Талію, ругаться Мельпоменѣ:
Смѣёмся мы тайкомъ—они кричатъ на сценѣ.
Нѣтъ, явною войной искоренимъ враговъ!
Я вѣрный вашъ собратъ и дѣйствовать готовъ;
Ихъ оды жалкія, забавныя ихъ драмы,
Похвальныя слова, поэмы, эпиграммы,
Конечно, не уйдутъ отъ критики моей:
Невѣждъ учить люблю и уважать друзей!

*) В. Л. Пушкинъ проѣздомъ изъ Москвы, на одной изъ станцій написалъ эпиграмму на смотрителя и мадригалъ его женѣ, и оба стихотворенія послалъ въ Арзамасское Общество, котораго былъ членомъ, подъ именемъ *Вотъ*. Общество, найдя стихи плохими, лишило его даннаго ему имени, и дало другое: *Вотрушка*. Огорчённый Василій Львовичъ отвѣчалъ посланіемъ, которое было найдено хорошимъ, а нѣкоторые стихи сильными и прекрасными— и Пушкину возвращене было прежнее имя, съ прибавленіемъ—*я васъ*, то-есть: *Вотъ я васъ!*

*) Переплётчикъ Гашпаръ — герой комической поэмы князя Шаховского: „Расхищенныя шубы“. Это же имя носилъ и самъ авторъ поэмы, какъ членъ Арзамасскаго Общества. Намёкъ на ѣдкій стихъ въ «Опасномъ сосѣдѣ» о „Новомъ Стернѣ“ Шаховского.

**) Сергѣй Львовичъ, отецъ А. С. Пушкина.

II.

ИЗЪ „ПОСЛАНІЯ КЪ ДАШКОВУ“.

Что слышу я, Дашковъ? какое ослѣпленье!
Какое лютое безумцевъ ополченье!

Кто тщится жизнь свою наукамъ посвящать,
Раскольниковъ-славянъ дерзаетъ уличать,
Кто пишетъ правильно и не варяжскимъ слогомъ—
Не любитъ русскихъ тотъ и виноватъ предъ Богомъ!
Повѣрь, слова невѣждъ пустой кимвала звукъ.
Они безумствуютъ—сіяетъ свѣтъ наукъ!
Ужели отъ того моя постраждетъ вѣра,
Что я подчасъ прочту двѣ сцены изъ Вольтера?
Я христіаниномъ, конечно, быть могу,
Хотя французскихъ книгъ въ каминѣ и не жгу.
Въ предубѣжденіяхъ нѣтъ святости нимало:
Они мертвятъ нашъ умъ и—варварства начало.
Ученымъ быть не грѣхъ; но грѣхъ во тьмѣ ходить.
Невѣжда можетъ-ли отечество любить?
Не тотъ къ странѣ родной усердіе питаетъ,
Кто хвалитъ всё своё, чужое презираетъ,
Кто слёзы льётъ о томъ, что мы не въ бородахъ,
И, бѣдный мыслями, печётся о словахъ;
Но тотъ, кто, слѣдуя похвальному внушенью,
Чтитъ дарованія, стремится къ просвѣщенью;
Кто, сограждàнъ любя, желаетъ славы ихъ;
Кто чуждъ и зависти, и предразсудковъ злыхъ!..

В. А. ОЗЕРОВЪ.

Владиславъ Александровичъ Озеровъ, авторъ „Эдипа въ Аѳинахъ" и „Димитрія Донского", родился 29-го сентября 1770 года, въ Тверской губерніи. Стѣснённыя обстоятельства родителей Озерова заставили ихъ рано разстаться съ сыномъ: шести лѣтъ онъ уже былъ опредѣлёнъ въ 1-й кадетскій корпусъ, вслѣдствіе чего пробылъ въ этомъ заведеніи цѣлыя двѣнадцать лѣтъ. Впрочемъ, это обстоятельство не помѣшало ему окончить курсъ самымъ блистательнымъ образомъ: онъ былъ выпущенъ, въ 1788 году, поручикомъ въ одинъ изъ армейскихъ полковъ и награждёнъ первою золотою медалью, послѣ чего, по приглашенію графа Ангальта, опредѣлился къ нему въ адъютанты. Прослуживъ при нёмъ до его смерти, послѣдовавшей въ 1794 году, Озеровъ почтилъ его память французскимъ стихотвореніемъ, и это былъ едва-ли не первый его литературный опытъ, свидѣтельствующій о томъ, что онъ обладалъ блестящимъ, для того времени, свѣтскимъ образованіемъ. О дальнѣйшей его служебной дѣятельности намъ извѣстно только тò, что онъ служилъ очень счастливо, но, вскорѣ по производствѣ его въ генералъ-майоры, оставилъ военную службу и перешелъ въ гражданскую, въ лѣсной департаментъ, гдѣ до конца 1808 года занималъ мѣсто члена совѣта.

Первымъ литературнымъ произведеніемъ Озерова, появившимся въ печати, считается героида „Элоиза къ Абеляру", переведённая имъ изъ Колярдо и вышедшая въ свѣтъ особою книжкой въ 1794 году. Къ этому же времени, то-есть къ концу девяностыхъ годовъ, относятся и многія изъ мелкихъ его стихотвореній, какъ-то: оды, пѣсни и басни, не представляющія, впрочемъ, какъ и переводная *героида*, ничего сколько-нибудь выдающагося и заслуживающаго вниманія, за исключеніемъ „Гимна богу любви", исполненнаго силы и страсти и написаннаго звучными стихами. Затѣмъ, 16-го мая 1798 года, на петербургскомъ придворномъ театрѣ была представлена въ первый разъ первая трагедія Озерова: „Ярополкъ и Олегъ". Несмотря на тò, что она была написана съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ, изложенныхъ въ кодексѣ Буало и хранила на себѣ явные слѣды подражанія тогдашнимъ корифеямъ русской сцены, — Сумарокову и Княжнину—пьеса не имѣла успѣха. Спустя шесть лѣтъ, прошедшія не безъ пользы для Озерова, онъ явился передъ публикою 23-го ноября 1804 года, на сценѣ того же придворнаго театра, съ новою своей трагедіей: „Эдипъ въ Аѳинахъ", написанной въ новомъ родѣ, вовсе не схожемъ съ тѣмъ, которымъ отличалась предыдущая его пьеса. Проникнутая неподдѣльнымъ чувствомъ и выраженная прекрасными стихами, трагедія произвела потрясающее дѣйствіе на публику. Что же касается восторга, охватившаго всѣ литературные кружки безъ различія, то онъ былъ такъ великъ, что вскружилъ голову молодому поэту. Этотъ невѣроятный успѣхъ „Эдипа" и чувства, возбуждённыя его представленіемъ на зрителей, прекрасно выражены въ посланіи Капниста къ Озерову, напечатанномъ въ 5 нумерѣ „Сѣвернаго Вѣстника" на 1805 годъ:

Эдипа видѣлъ я—и чувство состраданья
Поднесь въ растроганной душѣ моей хранитъ
Гонимаго слѣпца прискорбный, томный видъ;
Ещё мнѣ слышатся несчастнаго стенанья
И жалобы его, и грозный клятвы гласъ,
Что ужасомъ мой духъ встревоженный потрясъ;
Ещё въ ушахъ моихъ печальной Антигоны
Унылый длится вопль и раздаются стоны.
Трикраты солнца лучъ скрывала мрачна ночь;
А я всё зрю ещё, какъ нѣжну, скорбну дочь
Дрожащею рукой отецъ благословляетъ
И небо, кажется, надъ нею преклоняетъ.

Успѣхъ „Эдипа" придалъ новыя силы Озерову— и 8-го декабря 1805 года новая трагедія „Фингалъ" явилась на петербургской сценѣ и была встрѣчена публикою съ такимъ же восторгомъ, какъ и „Эдипъ". Содержаніе трагедіи заимствовано изъ сборника Оссіановыхъ пѣсенъ, въ передѣлкѣ Макферсона, надѣлавшаго столько шума въ литературномъ мірѣ всей Европы. Уже одна новизна сюжета представляла много интереса для публики, знавшей до сихъ поръ только греческихъ и римскихъ героевъ. „Трагедія „Фингалъ",—говоритъ князь Вяземскій:—торжество сѣверной поэзіи и торжество русскаго языка, богатаго живописью, смѣлостью и звучностью. Рѣчи Моины—утренній голосъ весны, пробуждающій сладостнымъ очарованіемъ тишину безмолвныхъ рощей; сѣтованіе мрачнаго Старна—унылый голосъ осени, бесѣдующій съ ночною бурею. Въ „Фингалѣ" ничто не забыто ни трагикомъ, ни поэтомъ: тотъ и другой взялъ съ Оссіана полную дань".

Какъ ни великъ былъ успѣхъ „Эдипа" и „Фингала", озарившихъ лучами славы имя Озерова, но успѣхъ, выпавшій на долю „Димитрія Донского", представленнаго въ первый разъ 14-го января 1807 года, то-есть за нѣсколько дней до Прейсишъ-Эйлаусскаго сраженія, превзошелъ всё, до того виданное и слышанное. Восторгъ публики не зналъ границъ! Впрочемъ, причина успѣха новой трагедіи заключалась не въ превосходствѣ ея, сравнительно съ предыдущими пьесами, но въ томъ глубокомъ чувствѣ патріотизма, которымъ проникнута вся пьеса, и въ примѣненіи ея къ обстоятельствамъ того времени: въ Димитріи всѣ видѣли Александра, въ Мамаѣ—Наполеона, а „дерзостнымъ посломъ надменнѣйшаго хана" — представлялъ высокомѣрный французскій посолъ. Блистательный успѣхъ „Димитрія Донского" былъ послѣднимъ успѣхомъ Озерова.

Говорятъ, что цѣлая ватага мелкихъ писакъ, завидуя быстро возникшей славѣ Озерова, принимала всѣ мѣры, чтобы повредить успѣхамъ его на сценѣ и подорвать его репутацію, какъ автора и какъ частнаго человѣка. Нравственныя муки, испытанныя впечатлительнымъ поэтомъ, по ихъ милости, имѣли самыя печальныя послѣдствія, какъ это видно изъ слѣдующихъ стиховъ Жуковскаго:

Увы! „Димитрія" творецъ
Не отличилъ простыхъ сердецъ
Отъ хитрыхъ, полныхъ вѣроломства!
Зачѣмъ онъ свой сплетать вѣнецъ
Давалъ завистникамъ съ друзьями!
Пусть дружба нѣжными перстами
Изъ лавровъ сей вѣнецъ свила:
Въ нихъ зависть тернія вплела —
И торжествуетъ. Растерзали
Ихъ иглы славное чело.
Простому сердцу страшно зло:
Пѣвецъ угаснулъ отъ печали.

Разныя неудовольствія, не слишкомъ тяжкія для всякаго другого, но невыносимыя для нѣжной и честной натуры, заставили Озерова лѣтомъ 1808 года уѣхать въ деревню. Тамъ окончилъ онъ свою послѣднюю трагедію „Поликсену",представленную на петербургской сценѣ 14-го мая 1809 года и принятую публикою съ большимъ удовольствіемъ. Послѣднимъ трудомъ Озерова было первое дѣйствія трагедіи „Медея", сожженное самимъ авторомъ въ одинъ изъ припадковъ меланхоліи, которая, къ концу 1809 года, овладѣла имъ совершенно. Люди, хорошо знавшіе Озерова, говорятъ, что самолюбіе, страстность и какія-то неразъяснённыя клеветы и преслѣдованія были главными причинами всѣхъ несчастій злополучнаго поэта и постигнувшей его тяжкой душевной болѣзни. Прострадавъ цѣлыя семь лѣтъ, Озеровъ скончался въ концѣ ноября 1816 года. Главная заслуга Озерова, какъ драматическаго писателя, заключается въ томъ, что онъ первый изъ русскихъ драматурговъ рѣшился ввести въ русскую трагедію новый элементъ — *чувствительность*, или, по тогдашнему—*сентиментальность*, послужившій въ свою очередь переходнымъ путёмъ къ новому и болѣе живому направленію въ литературѣ — къ романтизму. Кромѣ того, онъ первый изъ русскихъ писателей рѣшился заимствовать трагическіе сюжеты не изъ классическихъ преданій древней Греціи и Рима, не изъ легендарныхъ сказаній тёмной отечественной старины, а изъ нетронутой ещё сокровищницы средневѣковыхъ преданій, сохранившихся въ поэтическихъ сказаніяхъ бардовъ и народныхъ пѣсняхъ. Сочиненія Озерова были изданы восемь разъ: 1) Глазуновымъ — въ 1816 году; 2) Пахорскимъ—въ 1817; 3 и 4) Заикинымъ — въ 1824 и 1827; 5) Глазуновымъ—въ 1828; 6 и 7) Смирдинымъ—въ 1846 и 1847 и 8) Вольфомъ—въ 1856 году. Четыре послѣднія трагедіи Озерова: „Эдипъ", „Фингалъ", „Димитрій" и „Поликсена" такъ же были издаваемы по нѣскольку разъ. „Эдипъ въ Аѳинахъ" имѣетъ пять изданій: первое—1804, второе—1805, третье—1816, четвёртое — 1823, пятое (Заикинское) — въ томъ же 1823 году. „Фингалъ" выдержалъ тоже пять изданій: первое—въ 1807, вто-

рое — въ 1816, третье (Глазуновское) — въ 1823, четвёртое (Заикинское) — въ томъ же 1823 году и пятое—въ 1827. „Димитрій Донской“ имѣлъ четыре изданія; первое—въ 1807, второе — въ 1816, третье—въ 1824 и четвёртое—въ 1827 году. „Поликсена“ выдержала также четыре изданія; первое—въ 1809, второе—въ 1819, третье—въ 1824 и четвёртое—въ 1827 году. Изъ нихъ трагедія „Фингалъ“ была переведена на французскій языкъ, Дальмасомъ и издана имъ въ 1808 году.

I.

ГИМНЪ БОГУ ЛЮБВИ.

О, богъ любви, душа вселенной!
Ты огнь во льдахъ, ты въ мракѣ свѣтъ;
Тобою смертный оживленный
Течётъ въ свой путь чрезъ волны бѣдъ.

Вотще, какъ брегу яры воды,
Такъ разрушенье намъ грозитъ;
Отъ истощенія природы
Благой законъ твой міръ хранитъ.

Вотще духъ алчности и злобы
Стремится въ наши времена
Преобратить всѣ царства въ гробы
И поглотить всѣ племена:

По бороздамъ опустошенья,
Гдѣ духъ вражды лилъ страхъ и кровь,
Ты разливаешь наслажденья
И населяешь земли вновь.

Вотще воитель ставитъ твердый
И пышный столбъ своихъ побѣдъ:
Рукою Кронъ немилосердый
Сотрётъ столба послѣдній слѣдъ.

Вотще и ты свои злодѣйства
Мечтаешь въ тайнѣ скрыть, тиранъ!
Кронъ мракъ сорвётъ и съ тайнъ семейства,
Какъ вѣтры рвутъ съ морей туманъ.

Безъ дѣлъ премудрыхъ, благородныхъ
Честь наша насъ не переживётъ,
И лишь въ проклятіяхъ народныхъ
Тирановъ имя перейдётъ.

Не скроетъ имя и гробница;
Нероновъ прахъ клянётъ весь свѣтъ:
„Ты матери своей убійца!
Тебѣ и днесь покоя нѣтъ!“

Блаженъ владыка, кто не страхомъ —
Любовью правитъ свой народъ;
Благословеніе надъ прахомъ
Ему восшлётъ позднѣйшій родъ.

О, богъ любви, душа вселенной!
Ты огнь во льдахъ, ты въ мракѣ свѣтъ;
Тобою смертный оживленный
Течётъ въ свой путь чрезъ волны бѣдъ.

II.

ИЗЪ ТРАГЕДІИ „ЭДИПЪ ВЪ АѲИНАХЪ“.

ДѢЙСТВІЕ II, ЯВЛЕНІЕ I.

Эдипъ *и* Антигона.

Эдипъ.

Постой, дочь нѣжная преступнаго отца,
Опора слабая несчастнаго слѣпца!
Печаль и бѣдствія всѣхъ силъ меня лишили.

Антигона.

Здѣсь камень вижу я; надъ нимъ древа склонили
Густую тѣнь свою: ты отдохни на нёмъ!

Эдипъ (*сѣвши на камень*).

Спокойно я мой вѣкъ на камнѣ кончу сёмъ.

Антигона.

Ужасною тоской твои всѣ мысли полны.

Эдипъ.

Увы, какъ въ бурный день свирѣпы гонятъ волны
И отвергаетъ брегъ обломки корабля,
Такъ небомъ и землёй гонима жизнь моя!

Антигона.

Какимъ мечтаніемъ смущаешь духъ унылый!

Эдипъ.

Ахъ, я Эдипъ!

Антигона.

Увы, ты съ бо̀льшей прежде силой
Несправедливый гнѣвъ судьбы своей сносилъ!

Эдипъ.

Печальну жизнь влачить недостаётъ мнѣ силъ.
Слѣпецъ, чтобъ слёзы лить, остались мнѣ очи;
Дни ясны для меня подобны мрачной ночи.
Нѣтъ, никогда уже мой не увидитъ взоръ
Ни красоты долинъ, ни возвышо̀нныхъ горъ,
Ни въ вешній день лѣсовъ зелёныя одежды,
Ни съ жатвою полей, оратаевъ надежды,
Ни мужа кроткаго пріятнаго чела,
Котораго боговъ рука произвела:
Сокрылись отъ меня всѣ прелести природы.
При имени моёмъ всѣ возстаютъ народы:
Какъ язва лютая, отсюду я гонимъ!

Антигона.
Мы здѣсь убѣжище найдёмъ бѣдамъ своимъ.
Эдипъ.
Съ какой жестокостью сыны меня изгнали!
Антигона.
Почто́ возобновлять прошедшія печали?
Эдипъ.
Я ихъ любилъ...
Антигона.
Увы, забудь, забудь о нихъ
И вспоминаньемъ ранъ не растравляй своихъ!
Эдипъ.
Предвижу ихъ бѣды: тщеславія развратомъ
Влекомый, Полиникъ не будетъ въ мирѣ съ братомъ.
На злость, на пагубу дѣтей извёлъ я въ свѣтъ!
Антигона.
Ужели предъ тобой и я виновна?
Эдипъ.
Нѣтъ;
Ты утѣшенье мнѣ, любезна Антигона,
Противъ гоненія одна мнѣ оборона,
Одна сопутница моей ты нищеты.
Для странника-отца забыла счастье ты,
Санъ свѣтлый, царскій дворъ и юности забавы:
Одно намъ рубище отъ всей осталось славы.
Антигона.
Ахъ, не жалѣю я о пышной славѣ той!
Горжусь симъ рубищемъ, моею нищетой;
Предпочитаю ихъ сіянію короны!
Опорой быть твоей—вотъ счастье Антигоны,
Вотъ титло славное, превыше титловъ всѣхъ!
Спокойствіе твоё дороже мнѣ утѣхъ.
Увы, родитель мой, гонимъ людьми, судьбою,
Безъ помощи моей, чтобъ сдѣлалось съ тобою!
Ты древнюю главу къ кому бы приклонилъ?
На чью, на чью бы грудь ты слёзы уронилъ?
Прохлады въ жаркій день въ моей ты ищешь тѣни;
Я сяду — ты главу мнѣ склонишь на колѣни;
Среди густыхъ лѣсовъ, въ жестокость бурныхъ зимъ,
Ты согрѣваемъ мной, дыханіемъ моимъ.
Ахъ, свѣтъ, забывшій насъ, взаимно мы забудемъ,
И утѣшеніемъ одинъ другому будемъ!
Ко мнѣ ты проливай свою сердечну боль,
Но мнѣ защитою твоею быть довволь!
Не позавидую въ моей тогда я долѣ
И братьевъ участи, сидящихъ на престолѣ.
Эдипъ.
Награда сладостна толикихъ скорбныхъ лѣтъ —
О, радость полная, моихъ превыше бѣдъ!
Приди, о дочь моя, приди, моё рожденье:
Да будетъ надъ тобой боговъ благословенье!
Живой отрадою наполнила мнѣ грудь:
Любви къ родителю въ примѣръ потомству будь!
О имени твоёмъ повѣдаютъ народы —
И похвала твоя прейдётъ изъ рода въ роды.
Но, ахъ, печальна мысль! Приближился тотъ срокъ,
Когда разстаться намъ судилъ жестокій рокъ!
Антигона.
Ещё ты жизнь вести возможешь многи годы.
Эдипъ.
Нѣтъ, нѣтъ, не льстись: пора исполнить кругъ природы!
Родится человѣкъ лѣтъ нѣсколько поцвѣсть,
Потомъ скорбѣть, дряхлѣть и смерти дань отнесть.
Одинъ, шедъ малый путь, другой, прошедъ пололѣ,
Въ гробу покоятся сномъ крѣпкимъ въ равной долѣ.
Но ты, о дочь моя, печаль свою умѣрь:
Смерть къ свѣтлой вѣчности намъ отверзаетъ дверь!
Гдѣ мы?
Антигона.
Въ долинѣ мы: окрестъ пустынны виды
И близко межъ древесъ храмъ виденъ Эвмениды.
Эдипъ.
Храмъ Эвменидъ? Увы, я вижу ихъ: онѣ
Стремятся въ ярости съ отмщеніемъ ко мнѣ;
Въ рукахъ змѣй шипятъ, ихъ очи раскаленны
И за собой ведутъ всѣ ужасы геенны.
Антигона.
Въ забвенье страшное ума впадаетъ онъ!
Эдипъ.
Гора несчастная, ужасный Киѳеронъ!
Ты, первыхъ дней моихъ пустынная обитель,
Куда на страшну смерть извергъ меня родитель,
Скажи, пещеръ своихъ во мрачной глубинѣ,
Скрывала ль ты когда чудовищъ, равныхъ мнѣ?

III.

ИЗЪ ТРАГЕДІИ „ФИНГАЛЪ".

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ IV.

Фингалъ.
О, мужественный Старнъ! ты снова зришь Фингала,
Котораго предъ симъ лишь слава занимала,
Котораго на брань кипѣла въ сердцѣ кровь,
Котораго сюда ведётъ теперь любовь,
Любовь, души моей единственное чувство!
Краснорѣчивымъ быть — мнѣ чуждое искусство.
Во станѣ возращёнъ, воспитанъ на щитахъ,
Моё искусство всё — безстрашнымъ быть въ бояхъ.
Итакъ, не жди, о Старнъ, чтобъ изъяснилъ я нынѣ
Привязанность къ тебѣ, любовь мою къ Моинѣ.
. . . .

Старнъ.

Въ Морвенѣ божество Фингаловыхъ отцовъ
Оставлено доднесь безъ храмовъ, безъ жрецовъ;
Друидовъ истребивъ, ихъ властью недовольны,
Низвергли храмы вы на ихъ главы крамольны.
Но здѣсь покоится во храмахъ божество —
И клятвы мы предъ нимъ свершаемъ торжество.
Итакъ, я буду ждать отъ храбраго Фингала,
Чтобъ въ храмѣ дочь мою его рука пріяла.

Фингалъ.

Не разсуждаю я — приличенъ-ли кумиръ
И храмъ, и жертвенникъ Тому, Кто создалъ міръ;
Кому, какъ вѣчный храмъ, вселенная чудесна;
Кому возстать тѣсна и высота небесна.
Чтобъ мыслью вознестись къ сему міровъ Творцу,
Не прибѣгаемъ мы къ друиду иль жрецу:
Безъ нихъ несёмъ Ему съ зарёй, на холмѣ красномъ,
Сердца толь чистыя, какъ день при небѣ ясномъ.
Но храма твоего хочу я святость чтить,
Коль должно въ оный мнѣ съ Моиною вступить.
Такъ, къ дочери твоей въ любви неизъясненной,
Готовъ въ свидѣтели призвать боговъ вселенной...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же *и* Моина.

Фингалъ.

О, небо, доверши блаженство дней моихъ!
Моина, повтори всю прелесть словъ твоихъ!
Скажи, что, моему ты не противясь счастью,
Не оскорбляешься моею нѣжной страстью,
Что ты довольна ей, что милъ тебѣ Фингалъ!
Когда бы знала ты, какъ много я страдалъ
Со дня, какъ въ первый разъ твои красы увидѣлъ!
Дотолѣ, мыслью дикъ, любовь я ненавидѣлъ —
Считалъ её мечтой и слабостью умовъ;
Какъ стужа нашихъ зимъ, былъ духъ во мнѣ суровъ.
Твой взоръ перемѣнилъ нравъ дикій и суровый:
Онъ далъ мнѣ нову жизнь, далъ сердцу чувства новы,
И, огнь, палящій огнь проливъ въ моей крови,
Мнѣ далъ почувствовать страданія любви,
Уныніе, тоску, отчаянье разлуки,
И страхъ немилымъ быть, и ревности всѣ муки.
Не утоляяся огнь въ прохладности ночей,
И сонъ не могъ тебя скрыть отъ моихъ очей.

Моина.

Въ пустынной тишинѣ, въ лѣсахъ, среди свободы,
Мы выростаемъ здѣсь, какъ дочери природы,
И столько жъ искренны, сколь искренна она.
Итакъ, о государь, открыть тебѣ должна,
Что съ перваго тебя я полюбила взгляда.
Къ герою страсть — души высокая отрада!
Гордяся чувствомъ симъ, я, радуясь ему,
Призналась въ томъ отцу, народу и всему,
Что въ отческой странѣ чувствительность имѣетъ,
И праху матери, который въ гробѣ тлѣетъ:
Природѣ, словомъ, всей извѣстна страсть моя,
О коей небесамъ сказать готова я.
Повѣрь, Моина здѣсь не менѣе Фингала,
Терзаясь мыслію, разлукою страдала.
Какъ часто съ береговъ или съ высокихъ горъ,
Я въ море синее мой простирала взоръ!
Тамъ каждый валъ вдали мнѣ пѣною своею
Казался парусомъ, надеждою моею;
Но, тяжко опустясь къ глубокому песку,
По сердцу разливалъ мнѣ мрачную тоску.
Какъ часто въ тёмну ночь, печальна и уныла,
Обманывать себя я къ морю приходила!
Внимая шуму волнъ, біющихся о брегъ,
Мечтала слышать въ нёмъ твой быстрый въ морѣ бѣгъ.

IV.

ИЗЪ ТРАГЕДІИ „ДИМИТРІЙ ДОНСКОЙ".

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ I.

Димитрій *и прочіе князья, Бояре и военачальники.*

Димитрій.

Россійскіе князья, бояре, воеводы,
Прешедшіе чрезъ Донъ отыскивать свободы
И свергнуть, наконецъ, насилія ярёмъ!
Доколѣ было намъ въ отечествѣ своёмъ
Терпѣть татаровъ власть и, въ униженной долѣ,
Рабами ихъ сидѣть на княжескомъ престолѣ?
Уже близъ двухъ вѣковъ, какъ въ ярости своей
Послали небеса жестокихъ сихъ бичей;
Близъ двухъ вѣковъ враги, то явные, то скрытны,
Какъ враны алчные, какъ волки ненасытны,
Татары губятъ, жгутъ и расхищаютъ насъ.
Къ отмщенью нашему я созвалъ нынѣ васъ:
Бѣды платить врагамъ настало нынѣ время.
Кипчатская орда, какъ исполинско бремя,
Лежало въ цѣлости на русскихъ раменахъ
И разсѣвала вкругъ уныніе и страхъ:
Теперь отъ тягости распалася на части.
Междоусобна брань, раздоръ и всѣ напасти,
Которыми предъ симъ Россійская страна
До разслабленія была доведена,
Проникли и въ орду. Возникшіе вновь ханы

Отторглись отъ нея; но алчные тираны,
Едва возникшіе, нашъ угрожаютъ край.
Изъ нихъ алчнѣе всѣхъ, хитрѣе всѣхъ — Мамай,
Задонскія орды властитель злочестивый,
Возсталъ противу насъ войной несправедливой.
Онъ къ намъ уже спѣшитъ и, можетъ-быть, сей ханъ
Съ зарёю завтрашней предъ нашъ явится станъ.
Но, видя русскихъ силъ внезапно съединенье,
Смутился сердцемъ онъ и мыслью впалъ въ сомнѣнье:
Посольство предъ собой рѣшился къ намъ прислать.
Друзья Димитрія, разсудите ль принять?
Иль, твёрдыми пребывъ въ намѣреньѣ геройскомъ,
Мамаю отвѣчать мы будемъ передъ войскомъ,
Чтобъ первый россіянъ и смѣлый ихъ ударъ
Раздался по землѣ и ужаснулъ татаръ?

Тверской.

Такъ будемъ отвѣчать предъ войскомъ въ ратномъ полѣ!
Никто изъ насъ, князья, меня не можетъ болѣ
Желать отмщенія врагамъ свирѣпымъ симъ.
Чей родъ въ несчастіяхъ сравняется съ тверскимъ?
Мой дѣдъ и прадѣдъ мой, въ мученіяхъ безмѣрныхъ,
Главы сложили въ гробъ измѣною невѣрныхъ—
И прахъ стенаетъ ихъ подъ властію Орды.
Великій русскій князь, ты сóзвалъ насъ сюды
Не съ тѣмъ, чтобы вступать съ Мамаемъ въ договоры,
Но битвою рѣшить и кончить съ нимъ раздоры...

Бѣлозерскій.

О, сколько счастливъ я, до сихъ дожившли дней,
Согласье видя здѣсь, любовь между князей
И на враговъ въ сердцахъ единодушну ревность!
Итакъ, въ отверстый гробъ мою склоняя древность,
Почіющимъ отцамъ могу надежду несть,
Что возстановится страны Россійской честь,
Что возвратится ей могущество и слава.
О, тѣнь Владиміра, и ты, тѣнь Ярослава,
Родоначальныя домовъ княжихъ главы!
На лонѣ ангеловъ возвеселитесь вы,
Когда предвидите благополучно время,
Какъ раздѣлённое народовъ русскихъ племя,
Соединясь душой одной въ составъ одинъ,
Явится въ торжествѣ, какъ грозный исполинъ,
И міру дастъ законъ Россія съединенна!
Димитрій, для тебя побѣда несомнѣнна!
Нѣтъ, никогда ещё въ такой обширный станъ
Не собирали войскъ ни дѣдъ твой Іоаннъ,
Ни грозный Симеонъ, ни кроткій твой родитель!
И бѣлозерскихъ силъ я давній предводитель
Не видѣлъ, чтобъ когда Россія извела
Отважныхъ ратниковъ толикаго числа.
Изъ русскихъ всѣхъ князей одинъ Олегъ въ Рязани
Остался въ праздности и безъ участья въ брани:
Одинъ на общій стонъ его безчувственъ слухъ.
Погибни память тѣхъ, которыхъ можетъ духъ
Бѣды отечества спокойнымъ видѣть взоромъ,
Иль, лучше, имя ихъ пускай прейдётъ съ позоромъ
Въ потомство позднее и въ безконечный стыдъ!

ДѢЙСТВІЕ V ЯВЛЕНІЕ II.

Ксенія, Изврана и бояринъ московскій.

Бояринъ.

Рука Всевышняго отечество спасла!
Кто сильный устоитъ противу сей десницы?
Она съ торжественной срываетъ колесницы
Кичливаго душой среди самихъ побѣдъ—
И гордый, какъ скала кремнистая, падетъ!
Подобны замыслы обрушились Мамая.
Полки россійскіе, отмщеніемъ сгорая,
Спѣшили къ тѣмъ мѣстамъ, стояли гдѣ враги;
Едва завидя ихъ, удвоили шаги;
Но вскорѣ туча стрѣлъ, какъ градъ средь лѣтня зноя.
Спустилась съ свистомъ къ намъ предшественницей боя.
Безмолвно воины межъ-тѣмъ идутъ впередъ:
Шаговъ лишь только шумъ гулъ въ полѣ отдаётъ;
Ряды сомкнувъ и щитъ-о-щитъ сомкнувши ближной,
Являли ратники видъ крѣпости подвижной.
Идёмъ—и съ нами вдругъ ордынцевъ рать сошлась.
Раздался воевъ крикъ—и сѣча началась.
Внезапно сонмъ бойцовъ татарскихъ показался;
Предъ исполинами войскъ нашихъ духъ смѣшался.
Какъ вихри бурные, рождённые средь горъ,
Чрезъ степь пространную летятъ въ дремучій боръ
И слабыя древа порывами ломаютъ,
И сосны твёрдыя вверхъ корнемъ исторгаютъ:
Такъ два богатыря, Темиръ и Челубей,
Стремятся на полки чрезъ тысячи мечей;
Предъ ними страхъ бѣжитъ и съ ними смерть летаетъ—
И мёртвая гряда ихъ бѣга слѣдъ являетъ.
Ужъ множество бояръ и сильныхъ воеводъ,
И доблестныхъ князей, какъ рушенный оплотъ,
Въ крови на грудахъ тѣлъ разсѣянныхъ лежало.
Отъ сихъ богатырей всё съ трепетомъ бѣжало,
И Бѣлозерскій князь, чтобъ войско удержать,
Вотще отважности примѣръ хотѣлъ подать:
Всѣ шесть его сыновъ въ глазахъ его сражены.
Всѣ шесть смертей душѣ отцовской нанесенны;

Но твёрдъ: изъ глазъ нѣтъ слёзъ, изъ устъ не слышенъ стонъ;
Онъ хочетъ вмѣстѣ пасть—и палъ навѣрно́ бъ онъ,
Когда бъ не притекли два воина россійскихъ,
Чтобъ грозну смерть изъ рукъ исхитить богатырскихъ.
Одинъ изъ нихъ чернецъ, извѣстный Пересвѣтъ,
Который, въ мира дни, оставивъ шумный свѣтъ,
Въ обители скрывалъ боярства санъ высокой;
Но гласъ отечества изъ тишины глубокой
Его призвалъ на брань со славой прежнихъ лѣтъ.
Широкъ, могучъ плечьми, душою бодръ и смѣлъ,
Темира вызвалъ онъ, съ Темиромъ онъ сразился—
И такъ, какъ глыба горъ, съ нимъ вмѣстѣ мёртвъ свалился.
Но между-тѣмъ вблизи идётъ ужасный бой:
Огромный Челубей и воинъ тотъ другой,
Который прибылъ къ намъ, какъ помощью небесной,
Влекутъ вниманье всѣхъ ихъ битвою чудесной.

Ковнія.

Но кто сей воинъ былъ? и какъ до дня сего
Молчалъ народный гласъ о доблести его?

Бояринъ.

Не знаемъ онъ никѣмъ. Опущенно забрало
Черты его лица отъ взоровъ сокрывало;
Безъ украшеній шлемъ, обыкновенный щитъ
Простого воина на нёмъ являли видъ.
Повязка на рукѣ лишь только отличала;
Но поступь родъ его высокій обличала.
Искусству воина дивился Челубей—
И въ первый разъ призналъ онъ страхъ въ душѣ своей.
Россійскаго меча удары сильны, быстры:
Гдѣ язвы не несутъ, тамъ сыплютъ съ брони искры;
Ордынца же рука, поднявшись шлемъ разсѣчь,
Встрѣчаетъ твёрдый щитъ или проворный мечъ.
Въ безмѣрной ярости, какъ звѣрь остервенѣлый,
Татаринъ, наконецъ, бросаетъ щитъ тяжелый
И, отступивъ назадъ и въ двѣ руки принявъ
Булатный длинный мечъ, мечтаетъ, что, напавъ
Съ разбѣга скораго, безъ хитрости воинской,
Онъ раздвоитъ врага подъ силой исполинской;
Стремится къ воину; сей зритъ грозу и ждётъ;
Ударъ уже надъ нимъ—ужъ на главу падётъ;
Но воинъ отступилъ; мечь въ воздухъ ударяетъ,
И тягостью своей ордынецъ упадаетъ:
Тутъ смертію къ землѣ навѣки онъ приникъ.
Съ его паденіемъ поднялся въ полѣ крикъ.
Мамай издалека́ смерть видѣлъ Челубея.
И, изумившись ей и страхомъ цѣпенѣя,
Не вѣдалъ, что́ начать: въ боязни умъ исчезъ.
Тѣмъ временемъ съ полкомъ, покинувъ ближній лѣсъ,
Вдругъ братъ Димитрія въ татаръ ударилъ съ тыла.
Тогда ордынцевъ рать побѣгомъ степь покрыла;
Мамай и витязи, оружье побросавъ,
Отъ нашея руки бѣгутъ, спѣшатъ стремглавъ:
Имъ степь широкая, какъ тѣсная дорога—
И русскій въ полѣ сталъ, хваля и славя Бога.

И. А. КРЫЛОВЪ.

Иванъ Андреевичъ Крыловъ, величайшій изъ русскихъ баснописцевъ, родился 2-го февраля 1768 года въ Москвѣ. Отецъ его, Андрей Прохоровичъ, былъ бѣдный армейскій офицеръ, прокочевавшій свой вѣкъ по разнымъ городамъ обширнаго русскаго царства. Рожденіе сына застало его въ Москвѣ, а безпокойства, возникшія, по милости Пугачёва, въ Оренбургской степи, заставили его въ 1773 году перекочевать въ Яицкую крѣпость, которая вскорѣ послѣ его пріѣзда была осаждена Пугачёвымъ. Вотъ что́ говоритъ о нёмъ Пушкинъ въ своей „Исторіи Пугачёвскаго бунта“: „Къ счастію, въ крѣпости находился капитанъ Крыловъ, человѣкъ рѣшительный и благоразумный. Онъ въ первую минуту безпорядка принялъ начальство надъ гарнизономъ и сдѣлалъ нужныя распоряженія“. Затѣмъ, описавъ неудачную попытку Пугачёва взять крѣпость приступомъ, Пушкинъ прибавляетъ: „Пугачёвъ скрежеталъ. Онъ поклялся повѣсить не только Симонова (коменданта) и Крылова, но и всё семейство послѣдняго, находившееся въ то время въ Оренбургѣ. Такимъ образомъ, обречёнъ былъ смерти и четырёхлѣтній ребёнокъ, впослѣдствіи славный Крыловъ“. По усмиреніи мятежа, отецъ Крылова перешелъ въ гражданскую службу, съ чиномъ коллежскаго асессора и, вслѣдъ за тѣмъ, получилъ мѣсто предсѣдателя губернскаго магистрата въ Твери, которое занималъ до самой смерти, послѣдовавшей въ 1780 году. Въ годъ смерти отца, молодому Крылову ещё не было двѣнадцати лѣтъ. Образованіе, полученное имъ въ домѣ родительскомъ, было самое скудное, а средствъ къ его продолженію—не было. За то умственныя способности развивались въ нёмъ замѣтно. Сундукъ съ книгами, оставшійся послѣ смерти отца, привлёкъ къ себѣ всё его вниманіе. Онъ прочёлъ безъ разбора всё въ нёмъ находившееся—и воображеніе его разыгралось. Въ головѣ его, наполненной героями древняго міра, стали составляться разные

планы театральныхъ пьесъ — и на пятнадцатомъ году Крыловъ написалъ свою первую оперу „Кофейница“. Но горькая нужда вынудила его къ поступленію въ подканцеляристы въ калязинскій уѣздный судъ, и это прервало на время его литературныя занятія. Наконецъ, въ началѣ 1782 года, неисходная бѣдность и надежда выхлопотать себѣ пенсію побудили мать Ивана Андреевича отправиться вмѣстѣ съ сыномъ въ Петербургъ. Такимъ образомъ, нужда спасла Крылова отъ ожидавшей его доли и вывела его изъ неизвѣстности! Кто знаетъ, что́ было бы съ нимъ безъ этого переѣзда! Поселившись въ Петербургѣ, онъ снова опредѣлился на службу въ казённую палату, откуда, въ 1788 году, былъ переведёнъ въ кабинетъ Его Императорскаго Величества, гдѣ служба его продолжалась всего два года, послѣ чего онъ, въ 1790 году, вышелъ въ отставку. Оставшись послѣ смерти матери круглымъ сиротою, Крыловъ весь отдался литературѣ, къ которой всегда чувствовалъ особенное влеченіе, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (1789—1794), печаталъ свои журналы: „Почту Духовъ“, „Зритель“ и „Санктпетербургскій Меркурій“, не имѣвшіе большого успѣха. Затѣмъ, до начала нынѣшняго столѣтія, Крыловъ какъ-бы исчезаетъ съ литературнаго поприща. Всё это время провёлъ онъ въ совершенномъ бездѣйствіи, проживая въ кіевскомъ имѣніи князя С. Ѳ. Голицына, селѣ Казацкомъ. Когда, по восшествіи на престолъ Александра I, Голицынъ назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ въ Остзейскій край, Крыловъ поступилъ къ нему на службу и прожилъ въ Ригѣ, въ домѣ князя, болѣе двухъ лѣтъ. Здѣсь, между прочимъ, была написана имъ шуточная трагедія „Трумфъ“, любопытная, какъ насмѣшка надъ трагедіями классическими.

Наконецъ, въ исходѣ 1805 года, полузабытый всѣми Крыловъ является, никѣмъ не жданный, въ Москвѣ и отдаётъ въ печать три первыя свои басни, переведённыя изъ Лафонтена („Дубъ и Тростъ“, „Разборчивая Невѣста“ и „Старикъ и трое молодыхъ“). Эффектъ былъ полный. И. И. Дмитріевъ, басни котораго считались въ то время чудомъ совершенства и мнѣніемъ котораго весьма дорожили современники, отозвался о басняхъ съ величайшею похвалою, совѣтуя Крылову продолжать въ томъ же родѣ. Такимъ образомъ, только по достиженіи почти сорокалѣтняго возраста, Крыловъ былъ поставленъ судьбою на ту дорогу, которая должна была его прославить. До сихъ поръ Крыловъ былъ мало извѣстенъ публикѣ, не смотря на талантъ, выказанный имъ въ „Почтѣ Духовъ“, гдѣ онъ впервые вступилъ въ область сатиры, оказавшейся впослѣдствіи настоящимъ его призваніемъ. Итакъ, литературное призваніе Крылова было, наконецъ, найдено и опредѣлено разъ навсегда: онъ долженъ былъ быть баснописцемъ! И дѣйствительно, въ остальныя сорокъ лѣтъ своей жизни онъ уже не уклонялся въ сторону отъ избраннаго имъ пути, за исключеніемъ 1807 года, когда, вызванный тогдашнимъ патріотическимъ настроеніемъ общества, онъ написалъ двѣ свои послѣднія комедіи: „Модная лавка“ и „Урокъ дочкамъ“, имѣвшія огромный успѣхъ на петербургской сценѣ. Крыловъ понялъ, наконецъ, что не драма — его призваніе, и уже не возвращался болѣе къ этому роду литературы, въ которомъ не произвёлъ ничего замѣчательнаго. „По соображеніи всего“, говоритъ Плетнёвъ: „что́ въ жизни Крылова предшествовало 1808 году, можно сказать, что для насъ Крыловъ родился только въ сорокъ лѣтъ. Въ это время онъ созналъ своё назначеніе, устремивши всю поэтическую дѣятельность свою на одинъ родъ. Наканунѣ старости полюбила его грація вмѣстѣ съ мудростью. Съ этихъ поръ онъ ничего не писалъ безъ ихъ воли“. Первое небольшое собраніе его басенъ (23 пьесы) вышло въ 1809 году; второе—въ 1811 (тѣ же басни, но исправленныя); въ томъ же году появились „Новыя басни“ (числомъ 21); въ 1815—16 годахъ вышло новое изданіе въ 5 частяхъ, изъ которыхъ двѣ послѣднія—новыя: въ 1819—въ 6 частяхъ; въ 1825—въ 7 книгахъ, новое, исправленное и пополненное изданіе, съ гравюрами; въ 1834—въ 8 книгахъ, съ рисунками Сапожникова; въ 1843—въ 9 книгахъ. Это изданіе было послѣднимъ, вышедшимъ при жизни Крылова, и вмѣщало въ себѣ около 200 басенъ. Начиная съ 1819 года, изданія стали расходиться во многихъ тысячахъ экземпляровъ (всего по счётамъ книгопродавцевъ разошлось ещё при жизни автора до 77 тысячъ). По смерти Крылова, изданія его басенъ быстро слѣдовали одно за другимъ. Однихъ полныхъ изданій вышло девять, начиная съ третьяго, вышедшаго въ 1848 году, и кончая—одиннадцатымъ, напечатаннымъ въ 1871 году, съ 21-мъ рисункомъ, въ числѣ 21,800 экземпляровъ. Четвёртое изданіе вышло въ 1850 году, пятое—въ 1852, шестое—въ 1854, седьмое—въ 1860, восьмое—въ 61, девятое — въ 1866, десятое—въ 1870 и одиннадцатое — въ 1871 году. Независимо отъ исчисленныхъ здѣсь изданій, въ 1864 году было выпущено въ свѣтъ ещё два изда-

нія съ рисунками художника Трутовскаго, а въ 1872 — одно, въ маломъ форматѣ и также съ рисунками. Съ тѣхъ поръ издано еще нѣсколько изданій, съ картинками и безъ картинокъ.

Въ началѣ двадцатыхъ годовъ слава Крылова проникла за границу—и вскорѣ явился въ свѣтъ цѣлый рядъ изданій его басенъ, въ переводахъ на языки французскій, нѣмецкій, итальянскій, англійскій, польскій, чешскій, шведскій, армянскій, еврейскій и арабскій. Иностранцы почти такъ же, какъ и русскіе, чувствовали достоинство таланта Крылова; но никогда поклоненіе генію нашего баснописца не доходило до такой торжественности, какъ въ началѣ двадцатыхъ годовъ во Франціи. Въ это время жилъ въ Парижѣ графъ Орловъ, въ домѣ котораго собирались первыя свѣтила французской науки и литературы. Однажды, когда разговоръ коснулся русской литературы и выражено было сожалѣніе о томъ, что во Франціи такъ мало знакомы съ произведеніями русской поэзіи и прозы, графиня Орлова обратила вниманіе гостей на басни Крылова и подала мысль о переводѣ ихъ на французскій языкъ. Предложеніе было принято, и всѣ извѣстнѣйшіе писатели того времени были приглашены принять участіе въ этомъ дѣлѣ. „Совокупилось пятьдесятъ семь талантовъ, чтобы одолѣть одинъ“, говоритъ Плетнёвъ. „Въ домѣ Орлова открылся какъ-бы турниръ поэзіи. Участникамъ хотѣлось не только понять смыслъ басни, но, такъ сказать, къ сердцу приложить каждый ея стихъ, каждое слово. Гостепріимные хозяева работали для нихъ неусыпно. Наконецъ, насколько можно русской природы внести во французскую рѣчь, они сдѣлали всё—и тогда-то облеклись лучшія басни Крылова въ стихи игривые и блестящіе, можетъ-быть едва узнавая себя въ этой щегольской одеждѣ, съ такою торжественностью для нихъ приготовленной въ столицѣ вкуса. Изданіе было самое роскошное и украшено прекрасными гравюрами. Всѣхъ басенъ переведено было 89. Надобно признаться, что это не только не переводъ, но часто и не подражаніе, а новыя басни, для которыхъ Крыловъ приготовилъ тэмы: по крайней мѣрѣ, большая часть ихъ заставляетъ такъ думать. Русская простота имъ, повидимому, непонятна. Тѣмъ не менѣе торжество таланта Крылова было полное“.

Крыловъ въ своихъ басняхъ является вполнѣ оригинальнымъ и неподражаемымъ писателемъ не только по мысли, но и по формѣ, по языку, оттѣнки котораго неуловимы для передачи на какой-нибудь другой языкъ. Онъ несравненно болѣе оригинальный баснописецъ, чѣмъ Лафонтенъ, который не выдумалъ ни одной своей собственной басни, и, не смотря на то̀, совершенно справедливо считается поэтомъ оригинальнымъ, такъ-какъ, заимствуя у другихъ вымыслы, онъ ни у кого не заимствовалъ прелести и простоты своего разсказа. Огромное большинство басенъ Крылова —басни оригинальныя. Изъ 198 басенъ только 56 заимствованы у иностранцевъ.

Между-тѣмъ, слава Крылова, какъ баснописца, росла съ каждою вновь написанною имъ баснею. Многія изъ нихъ, ещё до напечатанія, читались имъ самимъ въ частныхъ собраніяхъ, при Дворѣ или въ литературныхъ обществахъ, послѣ чего тотчасъ расходились по рукамъ въ тысячахъ списковъ. Журналисты наперерывъ старались украшать его баснями страницы своихъ журналовъ, при чёмъ почти каждая изъ нихъ, при появленіи своёмъ, возбуждала вниманіе публики и дѣлалась предметомъ общихъ толковъ.

Въ 1811 году Крыловъ былъ избранъ въ члены Россійской Академіи, по преобразованіи которой въ Академію Наукъ — сдѣлался ея членомъ; въ 1813—вступилъ въ учреждённую не задолго предъ тѣмъ въ домѣ Державина „Бесѣду любителей русскаго слова“ — и тамъ не разъ читалъ вновь написанныя имъ произведенія. Въ 1812 году вступилъ въ службу при Императорской Публичной Библіотекѣ, и служилъ тамъ по 1841 годъ, пользуясь особенною дружбой ея директора, Оленина, въ домѣ котораго онъ, вмѣстѣ со многими другими литераторами и особенно со своимъ сослуживцемъ, Гнѣдичемъ, находилъ всегда радушный пріемъ, ласку и одобреніе. Чуждый всякаго мелкаго честолюбія, Крыловъ чувствовалъ себя какъ нельзя лучше, занимая, въ теченіе тридцати лѣтъ, одно и то же мѣсто — библіотекаря. Но онъ и тутъ не былъ позабытъ ни въ какомъ отношеніи. Начиная съ чина коллежскаго ассесора, пожалованнаго ему императоромъ Александромъ I въ 1814 году, Крыловъ, постепенно подымаясь, получилъ въ 1830 году чинъ статскаго совѣтника, независимо отъ орденовъ Св. Владиміра 3-й и 4-й степени и Св. Анны 2-го класса, получённыхъ имъ ещё прежде. Послѣдней наградой, получённой Крыловымъ, былъ орденъ Св. Станислава 2-й степени, со звѣздой, пожалованный ему 2-го февраля 1838 года, въ день празднованія семидесятой годовщины дня его рожденія, собравшей вокругъ знаменитаго юбиляра всё, что только было самаго

талантливаго и знаменитаго въ Петербургѣ. Въ 1841 году Крыловъ навсегда оставилъ службу, при чёмъ ему было оставлено въ пенсію полное содержаніе его въ библіотекѣ, которое составляло 11,700 руб. ассигн. Послѣдніе годы жизни Крыловъ провёлъ въ совершенномъ уединеніи, проживая въ 1-й линіи Васильевскаго острова, въ домѣ Блинова, гдѣ и скончался 9-го ноября 1844 года, на 75 году отъ роду. Погребеніе Крылова, на которое было выдано, по Высочайшему повелѣнію, 9 тысячъ руб. ассигн., совершено было съ большою пышностью. Первые сановники государства вынесли гробъ изъ церкви. На траурной колесницѣ мѣсто гербовъ занимало изображеніе медали, выбитой въ память пятидесятилѣтняго юбилея знаменитаго баснописца. Крыловъ погребёнъ на новомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры, возлѣ Гнѣдича.

Для заключенія помѣщаемъ весьма вѣрную характеристику Крылова, сдѣланную Плетнёвымъ: „Въ басняхъ Крылова, не говоря о поэтическихъ красотахъ ихъ и народности, выразилось много истинъ, которыя навсегда останутся пищею мыслящаго и любознательнаго ума, какому не принадлежалъ бы онъ вѣку и народу. Убѣжденія нашего поэта, высказавшіяся въ его созданіяхъ, самостоятельны и рѣзки. Крыловъ представилъ собой писателя, не увлекшагося ни современными соблазнами, ни одностороннимъ направленіемъ. Для общества — онъ проповѣдникъ строгаго порядка, правосудія и законной власти. Злоупотребленія, пороки, происки, глупость нашли въ нёмъ неумолимаго обвинителя. Его нравоученіе проникнуто свѣтомъ опыта и мудрости. Ни матеріализмъ, мистицизмъ, ни либерализмъ не свели его съ той дороги религіи, философіи и политики, на которой утвердился онъ собственнымъ размышленіемъ. Онъ воевалъ противъ крайностей во всёмъ, зная, какъ близко отъ нихъ до бѣды. Крыловъ умѣлъ выражать собственное мнѣніе въ самыхъ щекотливыхъ случаяхъ противъ людей сильныхъ и даже опасныхъ. Не было бича язвительнѣе басни его на спѣсь, самохвальство, невѣжество и тщеславіе... Словомъ, книга его басенъ составляетъ основу истинъ общечеловѣческихъ, гражданскихъ, семейныхъ и всякаго человѣка, по какой бы онъ не проходилъ стезѣ въ жизни. Въ отношеніи къ Россіи, это лучшая галлерея, въ которой первоклассный живописецъ собралъ характерные наши портреты, сохранивши со всею вѣрностію не только ихъ выраженіе, но и костюмы до послѣдней мелочи".

„Полное собраніе сочиненій И. Крылова" было издано два раза: въ 1847 и 1859 годахъ, въ Петербургѣ, въ трёхъ томахъ, съ портретомъ и біографіей автора, написанной покойнымъ Плетнёвымъ.

Россія почтила своего народнаго писателя истинно-народнымъ памятникомъ, воздвигнутымъ въ Лѣтнемъ саду, на деньги, собранныя со всѣхъ концовъ Русскаго государства. Поэтъ изображенъ такимъ, каковъ онъ былъ въ старости, въ періодъ своей славы. На пьедесталѣ видимъ важнѣйшихъ героевъ его басенъ—звѣрей, сопоставленныхъ художникомъ въ изящныя группы.

I.

ДЕМЬЯНОВА УХА.

„Сосѣдушка, мой свѣтъ,
Пожалуйста покушай!"
- „Сосѣдушка, я сытъ по горло".—„Нужды нѣтъ,
Ещё тарелочку: послушай,
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!"
—„Я три тарелки съѣлъ".— „И полно, что за счёты!
Лишь стало бы охоты,
А то во здравье: ѣшь до дна!
Что за уха! да какъ жирна:
Какъ-будто янтарёмъ подёрнулась она.
Потѣшь же, миленькій дружочекъ!
Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ!
Ещё хоть ложечку! Да кланяйся, жена!"
Такъ подчивалъ сосѣдъ Демьянъ сосѣда Фоку —
И не давалъ ему ни отдыху, ни сроку;
А съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ,
Однако же ещё тарелку онъ берётъ,
Сбирается съ послѣдней силой —
И очищаетъ всю. „Вотъ друга я люблю!"
Вскричалъ Демьянъ: „за то ужъ чванныхъ не терплю.
Ну, скушай же ещё тарелочку, мой милой!"
Тутъ бѣдный Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,
Схватя въ охапку
Кушакъ и шапку,
Скорѣй безъ памяти домой —
И съ той поры къ Демьяну ни ногой.

Писатель, счастливъ ты, коль даръ прямой имѣешь;
Но если помолчать во время не умѣешь
И ближняго ушей ты не жалѣешь,
То вѣдай, что твои и проза, и стихи
Тошнѣе будутъ всѣмъ демьяновой ухи.

II.

СЛОНЪ И МОСЬКА.

По улицамъ Слона водили,
Какъ видно на показъ.
Извѣстно, что Слоны въ диковинку у насъ —
Такъ за Слономъ толпы зѣвакъ ходили.
Отколѣ ни возьмись, на встрѣчу Моська имъ.
Увидѣвши Слона, ну — на него метаться
И лаять, и визжать, и рваться:
Ну, такъ и лѣзетъ въ драку съ нимъ.
— „Сосѣдка, перестань срамиться!"
Ей шафка говоритъ: „тебѣ-ль съ Слономъ возиться?
Смотри, ужъ ты хрипишь, а онъ себѣ идетъ
Впередъ
И лая твоего совсѣмъ не примѣчаетъ".
— „Эхъ-эхъ!" ей Моська отвѣчаетъ:
„Вотъ то-то мнѣ и духу придаётъ,
Что я, совсѣмъ безъ драки,
Могу попасть въ большіе забіяки.
Пускай же говорятъ собаки:
Ай, Моська! знать, она сильна,
Что лаетъ на Слона!"

III.

ОСЕЛЪ И СОЛОВЕЙ.

Осёлъ увидѣлъ Соловья —
И говоритъ ему: „Послушай-ка, дружище!
Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище:
Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, твоё услышавъ пѣнье,
Велико-ль подлинно твое умѣнье?"
Тутъ Соловей являть своё искусство сталъ:
Защёлкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ
И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.
Внимало всё тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры;
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры,
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался —
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушкѣ улыбался.
Скончалъ пѣвецъ. Осёлъ, уставясь въ землю лбомъ:
„Изрядно", говоритъ: „сказать неложно,
Тебя безъ скуки слушать можно;
А жаль, что незнакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ:
Ещё-бъ ты болѣе навострился,
Когда бы у него немножко поучился".
Услыша судъ такой, мой бѣдный Соловей
Вспорхнулъ и полетѣлъ за тридевять полей.

Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей!

IV.

ВОЛКЪ НА ПСАРНѢ.

Волкъ, ночью, думая залѣзть въ овчарню,
Попалъ на псарню.
Поднялся вдругъ весь псарный дворъ.
Почуя сѣраго такъ близко забіяку,
Псы залились въ хлѣвахъ и рвутся вонъ на драку;
Псари кричатъ: „ахти, ребята, воръ!" —
И вмигъ ворота на запоръ.
Въ минуту псарня стала адомъ.
Бѣгутъ: иной съ дубьёмъ,
Иной съ ружьёмъ.
— „Огня!" кричатъ: „огня!" Пришли съ огнёмъ.
Мой Волкъ сидитъ, прижавшись въ уголъ задомъ;
Зубами щёлкая и ощетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть;
Но видя то, что тутъ не передъ стадомъ
И что приходитъ, наконецъ,
Ему разсчесться за овецъ,
Пустился мой хитрецъ
Въ переговоры —
И началъ такъ: „Друзья! къ чему весь этотъ шумъ?
Я, вашъ старинный сватъ и кумъ,
Пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры.
Забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ!
А я, не только впредь не трону здѣшнихъ стадъ
Но самъ за нихъ съ другими грызться радъ;
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я..." — „Послушай-ка, сосѣдъ",
Тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ:
„Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ,
И волчью вашу я давно натуру знаю,
А потому обычай мой:
Съ волками иначе не дѣлать мировой,
Какъ снявши шкуру съ нихъ долой..."
И тутъ же выпустилъ на Волка гончихъ стаю.

V.

КВАРТЕТЪ.

Проказница Мартышка,
Осёлъ,
Козёлъ
Да косолапый Мишка

Затѣяли сыграть квартетъ.
Достали нотъ, баса, альта, двѣ скрыпки,
И сѣли на лужокъ подъ липки
Плѣнять своимъ искусствомъ Свѣтъ:
Ударили въ смычки — дерутъ, а толку нѣтъ.
„Стой, братцы, стой!“ кричитъ Мартышка: „погодите!
Какъ музыкѣ итти? вѣдь, вы не такъ сидите.
Ты съ басомъ, Мишенька, садись противъ альта,
Я, при́ма, сяду противъ вто̀ры.
Тогда пойдётъ ужъ музыка не та:
У насъ запляшутъ лѣсъ и горы!“
Расcѣлись, начали квартетъ;
Онъ всё-таки на ладъ нейдетъ.
— „Постойте жъ, я сыскалъ секретъ!“
Кричитъ Осёлъ: „мы вѣрно ужъ поладимъ,
Коль рядомъ сядемъ.“
Послушались Осла: усѣлись чинно въ рядъ,
А все-таки квартетъ нейдётъ на ладъ.
Вотъ, пуще прежняго, пошли у нихъ разборы
И споры —
Кому и какъ сидѣть.
Случилось Соловью на шумъ ихъ прилетѣть.
Тутъ съ просьбой всѣ къ нему, чтобъ ихъ рѣшить сомнѣнье —
„Пожалуй“, говорятъ: „возьми на часъ терпѣнье,
Чтобы квартетъ въ порядокъ нашъ привесть;
И ноты есть у насъ, и инструменты есть;
Скажи лишь, какъ намъ сѣсть!“
— „Чтобъ музыкантомъ быть, такъ надобно умѣнье
И уши вашихъ понѣжнѣй“,
Имъ отвѣчаетъ Соловей:
„А вы, друзья, какъ ни садитесь,
Всё въ музыканты не годитесь.“

VI.

КОТЪ И ПОВАРЪ.

Какой-то Поваръ, грамотей,
Съ поварни побѣжалъ своей
Въ кабакъ (онъ набожныхъ былъ правилъ—
И въ этотъ день по ку́мѣ тризну правилъ),
А дома стеречи съѣстное отъ мышей
Кота оставилъ.
Но что̀ же, возвратясь, онъ видитъ? На полу
Объѣдки пирога; а Васька-Котъ въ углу,
Припавъ за уксуснымъ бочёнкомъ,
Мурлыча и ворча, трудится надъ курчёнкомъ.
— „Ахъ, ты, обжора! ахъ, злодѣй!“
Тутъ Ваську Поваръ укоряетъ:
„Не стыдно-ль стѣнъ тебѣ, не только что людей?“
(А Васька всё-таки курчёнка убираетъ).
„Какъ! бывъ честны́мъ Котомъ до этихъ поръ,
Бывало, за примѣръ тебя смиренства кажутъ —
А ты — ахти, какой позоръ!
Теперя всѣ сосѣди скажутъ:
„Котъ-Васька—плутъ! Котъ-Васька—воръ!
И Ваську-де не только-что въ поварню,
Пускать не надо и на дворъ,
Какъ волка жаднаго въ овчарню:
Онъ порча, онъ чума, онъ язва здѣшнихъ мѣстъ!“
(А Васька слушаетъ да ѣстъ).
Тутъ риторъ мой, давъ волю словъ теченью,
Не находилъ конца нравоученью.
Но что жъ? Пока его онъ пѣлъ,
Котъ-Васька всё жаркое съѣлъ.

А я бы повару иному
Велѣлъ на стѣнкѣ зарубить,
Чтобъ тамъ рѣчей не тратить попустому,
Гдѣ нужно власть употребить.

VII.

МУЗЫКАНТЫ.

Сосѣдъ сосѣда звалъ откушать;
Но умыселъ другой тутъ былъ:
Хозяинъ музыку любилъ —
И заманилъ къ себѣ сосѣда пѣвчихъ слушать.
Запѣли молодцы: кто въ лѣсъ, кто по дрова
И у кого, что силы стало.
Въ ушахъ у гостя затрещало,
И закружилась голова.
— „Помилуй ты меня, сказалъ онъ съ удивленьемъ:
„Чѣмъ любоваться тутъ? Твой хоръ
Горланитъ вздоръ!“
— „То правда“, отвѣчалъ хозяинъ съ умиленьемъ:
„Они немножечко дерутъ,
За то ужъ въ ротъ хмѣльнаго не берутъ,
И всѣ съ прекраснымъ поведеньемъ“.

А я скажу: по мнѣ ужъ лучше пей,
Да дѣло разумѣй.

VIII.

ЛАРЧИКЪ.

Случается нерѣдко намъ
И трудъ, и мудрость видѣть тамъ,
Гдѣ сто̀итъ только догадаться —
За дѣло просто взяться.

Къ кому-то принесли отъ мастера Ларецъ.
Отдѣлкой, чистотой Ларецъ въ глаза кидался;

Ну, всякій Ларчикомъ прекраснымъ любовался.
Вотъ входитъ въ комнату механики мудрецъ.
Взглянувъ на Ларчикъ, онъ сказалъ: „Ларецъ съ секретомъ;
Такъ — онъ и безъ замка̀,
А я берусь открыть. Да-да! увѣренъ въ этомъ!
Не смѣйтесь такъ исподтишка:
Я отыщу секретъ и Ларчикъ вамъ открою:
Въ механикѣ и я чего-нибудь да̀ стою".
Вотъ за Ларецъ принялся онъ:
Вертитъ его со всѣхъ сторонъ
И голову свою ломаетъ;
То гвоздикъ, то другой, то скобку пожимаетъ.
Тутъ, глядя на него, иной
Качаетъ головой;
Тѣ шепчутся, а тѣ смѣются межъ собой.
Въ ушахъ лишь только отдаётся:
„Не тутъ, не такъ, не тамъ!" Механикъ пуще рвётся —
Потѣлъ, потѣлъ, но, наконецъ, усталъ,
Отъ Ларчика отсталъ
И, какъ открыть его — никакъ не догадался;
А ларчикъ просто открывался.

IX.

РОЩА И ОГОНЬ.

Съ разборомъ выбирай друзей.
Когда корысть себя личиной дружбы кроетъ —
Она тебѣ лишь яму роетъ.
Чтобъ эту истину понять ещё яснѣй,
Послушай басенки моей.

Зимою Огонёкъ подъ Рощей тлился;
Какъ видно, тутъ онъ былъ дорожными забытъ.
Часъ отъ часу Огонь слабѣе становился;
Дровъ новыхъ нѣтъ; Огонь мой чуть горитъ
И, видя свой конецъ, такъ Рощѣ говоритъ:
— „Скажи мнѣ, Роща дорогая,
За что твоя такъ участь жестока̀,
Что на тебѣ не видно ни листка,
И мёрзнешь ты совсѣмъ нагая?"
— „Затѣмъ, что вся въ снѣгу,
Зимой ни зеленѣть, ни цвѣсть я не могу",
Огню такъ Роща отвѣчаетъ.
— „Бездѣлица!" Огонь ей продолжаетъ:
„Лишь подружись со мной — тебѣ я помогу.
Я — солнцевъ братъ и зимнею порою
Чудесъ не меньше солнца строю.
Спроси въ теплицахъ объ Огнѣ:
Зимой, когда кругомъ и снѣгъ, и вьюга вѣетъ,
Тамъ всё или цвѣтётъ, иль зрѣетъ;
А всё за все спасибо мнѣ.
Хвалить себя хоть не пристало
И хвастовства я не люблю,
Но солнцу въ силѣ я никакъ не уступлю:
Какъ здѣсь оно спѣсиво ни блистало,
Но безъ вреда снѣгамъ спустилось на ночлегъ;
А около меня, смотри, какъ таетъ снѣгъ.
Такъ если зеленѣть желаешь ты зимою,
Какъ лѣтомъ и весною,
Дай у себя мнѣ уголокъ!"
Вотъ, дѣло слажено: ужъ въ Рощѣ Огонёкъ
Становится Огнёмъ; Огонь не дремлетъ:
Бѣжитъ по вѣтвямъ, по сучка̀мъ,
Клубами черный дымъ несётся къ облакамъ,
И пламя лютое всю Рощу вдругъ объемлетъ.
Погибло всё въ конецъ — и тамъ, гдѣ въ знойны дни
Прохожій находилъ убѣжище въ тѣни,
Лишь обгорѣлые пеньки стоятъ одни.
И нечему дивиться:
Какъ дереву съ огнёмъ дружиться?

X.

БРИТВЫ.

Съ знакомцемъ съѣхавшись однажды я въ дорогѣ,
Съ нимъ вмѣстѣ на одномъ ночлегѣ ночевалъ.
Поутру, чуть лишь я глаза продралъ,
И что̀ же узнаю? — пріятель мой въ тревогѣ:
Вчера заснули мы межъ шутокъ, безъ заботъ;
Теперь я слушаю — пріятель сталъ не тотъ:
То вскрикнетъ онъ, то охнетъ, то вздохнётъ.
„Что сдѣлалось съ тобой, мой милый? Я надѣюсь,
Не боленъ ты". — „Охъ, ничего: я брѣюсь".
— „Какъ! только?" Тутъ я всталъ — гляжу: проказникъ мой
У зеркала сквозь слёзъ такъ кисло морщитъ рожу,
Какъ-будто бы съ него содрать сбирались кожу.
Узнавши, наконецъ, вину бѣды такой,
„Что дива?" я сказалъ: „ты самъ себя тиранишь.
Пожалуй, посмотри:
Вѣдь, у тебя не Бритвы — косари;
Не бриться — мучиться ты только съ ними станешь".
— „Охъ, братецъ, признаюсь,
Что Бритвы очень тупы!
Какъ этого не знать? Вѣдь, мы не такъ ужъ глупы;
Да острыми-то я порѣзаться боюсь".

— „А я, мой другъ, тебя увѣрить смѣю,
Что Бритвою тупой изрѣжешься скорѣй,
А острою обрѣешься вѣрнѣй:
Умѣй владѣть лишь ею“.

Вамъ пояснить разсказъ мой я готовъ:
Не такъ ли многіе, хоть стыдно имъ признаться,
Съ умомъ людей — боятся,
И терпятъ при себѣ охотнѣй дураковъ?

XI.

ЩУКА И КОТЪ.

Бѣда, коль пироги начнётъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ —
И дѣло не пойдётъ на ладъ,
Да и примѣчено стократъ,
Что кто за ремесло чужое браться любитъ,
Тотъ завсегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй:
Онъ лучше дѣло всё погубитъ
И радъ скорѣй
Посмѣшищемъ стать свѣта,
Чѣмъ у честны́хъ и знающихъ людей
Спросить иль выслушать разумнаго совѣта.

Зубастой щукѣ въ мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю: завистью-ль её лукавый мучилъ,
Иль, можетъ-быть, ей рыбный столъ наскучилъ?
Но только вздумала Кота она просить,
Чтобъ взялъ её съ собой онъ на охоту —
Мышей въ амбарѣ половить.
— „Да полно, знаешь ли ты эту, свѣтъ, работу?“
Сталъ Щукѣ Васька говорить:
„Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
Не даромъ говорится,
Что дѣло мастера боится“.
— „И, полно, куманёкъ! Вотъ невидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей“.
— „Такъ въ добрый часъ, пойдёмъ!“ Пошли, засѣли.
Натѣшился, наѣлся Котъ —
И кумушку провѣдать онъ идётъ;
А Щука, чуть жива, лежитъ, разинувъ ротъ,
И крысы хвостъ у ней отъѣли.
Тутъ видя, что кумѣ совсѣмъ не въ силу трудъ,
Кумъ за̀-мертво стащилъ её обратно въ прудъ.
И дѣльно! Это, Щука,
Тебѣ наука —
Впередъ умнѣе быть —
И за мышами не ходить.

XII.

ВЕЛЬМОЖА.

Какой-то, въ древности, вельможа
Съ богато убраннаго ложа
Отправился въ страну, гдѣ царствуетъ Плутонъ.
Сказать простѣе — умеръ онъ.
И, такъ какъ встарь велось, въ аду на судъ явился.
Тотчасъ допросъ ему: „чѣмъ былъ ты? гдѣ родился?“
„Родился въ Персіи, а чиномъ былъ сатрапъ;
Но, такъ-какъ, живучи́, я былъ здоровьемъ слабъ,
То самъ я областью не правилъ,
А всѣ дѣла секретарю оставилъ“.
— „Что̀ жъ дѣлалъ ты?“ — „Пилъ, ѣлъ и спалъ,
Да всё подписывалъ, что̀ онъ ни подавалъ“.
— „Скорѣй же въ рай его!“ — „Какъ! гдѣ же справедливость?“
Меркурій тутъ вскричалъ, забывши всю учтивость.
— „Эхъ, братецъ!“ отвѣчалъ Эакъ:
„Не знаешь дѣла ты никакъ:
Не видишь развѣ ты — покойникъ былъ дуракъ?
Что, если бы съ такою властью
Взялся онъ за дѣла, къ несчастью?
Вѣдь, погубилъ бы цѣлый край,
И ты-бъ тамъ слёзъ не обобрался!
Затѣмъ-то и попалъ онъ въ рай,
Что за дѣла не принимался“.
Вчера я былъ въ судѣ и видѣлъ тамъ судью:
Ну, такъ и кажется, что быть ему въ раю!

XIII.

ТРИШКИНЪ КАФТАНЪ.

У Тришки на локтяхъ кафтанъ продрался.
Что долго думать тутъ? Онъ за иглу принялся:
По четверти обрѣзалъ рукавовъ —
И локти заплатилъ. Кафтанъ опять готовъ:
Лишь на̀ четверть голѣе руки стали.
Да что до этого печали?
Однако же, смѣётся Тришкѣ всякъ,
А Тришка говоритъ: „такъ я же не дуракъ,
И ту бѣду поправлю:
Длиннѣе прежняго я рукава наставлю“.
О, Тришка малый не простой!
Обрѣзалъ фалды онъ и полы,
Надставилъ рукава — и веселъ Тришка мой,
Хоть носитъ онъ кафтанъ такой,
Котораго длиннѣе и камзолы.

Такимъ же образомъ, видалъ я, иногда
Иные господа,
Запутавши дѣла, ихъ поправляютъ —
Посмотришь: въ тришкиномъ кафтанѣ щеголяютъ.

XIV.

ГУСИ.

Предлинной хворостиной
Мужикъ Гусей гналъ въ городъ продавать,
И — правду истинну сказать—
Не очень вѣжливо честилъ свой гуртъ гусиной:
На барыши спѣшилъ къ базарному онъ дню;
(А гдѣ до прибыли коснётся,
Не только тамъ гусямъ — и людямъ достаётся).
Я мужика и не виню;
Но Гуси иначе объ этомъ толковали,
И, встрѣтяся съ прохожимъ на пути,
Вотъ какъ на мужика пеняли:
— „Гдѣ можно насъ, Гусей, несчастнѣе найти?
Мужикъ такъ нами помыкаетъ,
И насъ, какъ-будто бы простыхъ Гусей, гоняетъ;
А этого не смыслитъ неучъ сей,
Что онъ обязанъ намъ почтеньемъ,
Что мы свой знатный родъ ведёмъ отъ тѣхъ Гусей,
Которымъ нѣкогда былъ долженъ Римъ спасеньемъ:
Тамъ даже праздники имъ въ честь учреждены“.
— „А вы хотите быть за что отличены?“
Спросилъ прохожій ихъ. — „Да наши предки...“
— „Знаю,
И всё читалъ; но вѣдать я желаю,
Вы сколько пользы принесли?“
— „Да наши предки Римъ спасли!“
— „Всё такъ, да вы что̀ сдѣлали такое?“
- „Мы? Ничего!“ — „Такъ что̀ жъ и добраго въ васъ есть?
Оставьте предковъ вы въ покоѣ:
Имъ по-дѣломъ была и честь;
А вы, друзья, лишь годны на жаркое“.

Баснь эту можно бы и болѣ пояснить —
Да чтобъ гусей не раздразнить.

XV.

ЛЮБОПЫТНЫЙ.

„Пріятель дорогой, здорово! Гдѣ ты былъ?“
— „Въ Кунсткамерѣ, мой другъ! Часа тамъ три ходилъ;
Всё видѣлъ, высмотрѣлъ; отъ удивленья,
Повѣришь ли, не станетъ ни умѣнья
Пересказать тебѣ, ни силъ.
Ужъ подлинно, что тамъ чудесъ палата!
Куда на выдумки природа торовата!
Какихъ звѣрей, какихъ тамъ птицъ я не видалъ
Какія бабочки, букашки,
Козявки, мушки, таракашки!
Однѣ какъ изумрудъ, другія какъ кораллъ.
Какія крохотны коровки!
Есть, право, менѣе булавочной головки!“
— „А видѣлъ ли слона? Каковъ собой на взглядъ?
Я чай, подумалъ ты, что гору встрѣтилъ?“
— „Да развѣ тамъ онъ?“ — „Тамъ“. — „Ну, братецъ, виноватъ:
Слона-то я и не примѣтилъ“.

XVI.

ВОРОНА И КУРИЦА.

Когда Смоленскій князь,
Противу дерзости искусствомъ воружась,
Вандаламъ новымъ сѣть поставилъ
И на погибель имъ Москву оставилъ:
Тогда всѣ жители, и малый, и большой,
Часа не тратя, собралися,
И вонъ изъ стѣнъ Московскихъ поднялися,
Какъ изъ улья пчелиный рой.
Ворона съ кровли тутъ на эту всю тревогу
Спокойно, чистя носъ, глядитъ.
— „А ты что жъ, кумушка? въ дорогу?“
Ей съ возу курица кричитъ:
„Вѣдь, говорятъ, что у порогу
Нашъ супостатъ“.
— „Мнѣ что до этого за дѣло?“
Вѣщунья ей въ отвѣтъ: „я здѣсь останусь смѣло!
Вотъ ваши сёстры, какъ хотятъ;
А, вѣдь, воронъ ни жарятъ, ни варятъ —
Такъ мнѣ съ гостьми не мудрено ужиться,
А, можетъ быть, ещё удастся поживиться
Сыркомъ иль косточкой, иль чѣмъ-нибудь.
Прощай, хохлаточка, счастливый путь!“
Ворона подлинно осталась;
Но, вмѣсто всѣхъ поживокъ ей,
Какъ голодомъ морить Смоленскій сталъ гостей —
Она сама къ нимъ въ супъ попалась.

Такъ часто человѣкъ въ разсчётахъ слѣпъ и глупъ.
За счастьемъ, кажется, ты по пятамъ несёшься,
А какъ на дѣлѣ съ нимъ сочтешься —
Попался, какъ ворона, въ супъ!

А. Е. ИЗМАЙЛОВЪ.

Александръ Ефимовичъ Измайловъ, сынъ помѣщика Владимірской губерніи, родился 14-го апрѣля 1779 года. Согласно обычаю того времени, онъ былъ, по достиженіи семилѣтняго возраста, записанъ лейбъ-гвардіи въ Преображенскій полкъ рядовымъ; но, благодаря содѣйствію добрыхъ людей, получилъ вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшеніе продолжать своё образованіе въ Горномъ Училищѣ, куда онъ былъ отданъ незадолго передъ тѣмъ. По окончаніи курса наукъ и по наступленіи срока дѣйствительной службы, Измайловъ, не чувствуя въ себѣ ни малѣйшей наклонности къ воинскимъ занятіямъ, просилъ объ увольненіи, вслѣдствіе чего 3-го января 1799 года и былъ выписанъ изъ полка, для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ, съ чиномъ губернскаго секретаря, и въ мартѣ мѣсяцѣ того же года началъ свою службу по министерству Финансовъ. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе 33-хъ лѣтъ, Измайловъ не перемѣнялъ рода своей службы и во всё это время всего только два раза оставлялъ Петербургъ, и то на короткое время: произведённый въ 1824 году въ статскіе совѣтники, онъ былъ назначенъ въ 1826 году вице-губернаторомъ въ Тверь, гдѣ оставался около двухъ лѣтъ, послѣ чего, въ 1828 году, былъ переведёнъ на то же мѣсто въ Архангельскъ, гдѣ пробылъ около году, и, по возвращеніи въ Петербургъ, былъ сдѣланъ чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ финансовъ. Затѣмъ, 3-го октября 1830 года, Измайловъ, согласно прошенію, уволенъ былъ отъ службы по болѣзни и черезъ два мѣсяца послѣ отставки, 16-го января 1831 года, скончался въ Петербургѣ.

Немногосложная служебная дѣятельность Александра Ефимовича нисколько не мѣшала его занятіямъ литературою, которую онъ любилъ искренно и горячо. Первое его стихотвореніе „Смерть“, переводъ изъ Малерба, напечатанъ въ мартовской книжкѣ „Санктпетербургскаго Журнала“ на 1798 годъ, а первое прозаическое сочиненіе: „Евгеній или пагубныя слѣдствія дурного воспитанія и сообщества“ вышло отдѣльною книжкой въ 1799 году, а написано и того ранѣе, какъ это видно изъ собственныхъ словъ автора:

Осьмнадцати небольше лѣтъ
Урода этого я произвёлъ на свѣтъ.

Въ 1801 году, подъ его руководствомъ и при его горячемъ содѣйствіи, образовалось „Общество Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ“, труды членовъ котораго, подъ названіемъ: „Свитокъ Музъ“, печатались въ теченіе двухъ лѣтъ (1802—3); кромѣ того, оно выпустило въ 1804 году 1-ю часть „Періодическаго Изданія“, а въ 1812—издавало „Санктпетербургскій Вѣстникъ“; наконецъ, желая дать своему обществу самостоятельный органъ, Измайловъ, какъ его президентъ, основалъ журналъ „Благонамѣренный“, просуществовавшій съ 1818 по 1827 годъ. Первое изданіе его басенъ и сказокъ (26 пьесъ) явилось въ 1814 году и возбудило общее любопытство, которое стало увеличиваться съ каждымъ новымъ изданіемъ его стихотвореній, въ которыхъ басни играли видную роль. Изданія быстро слѣдовали одно за другимъ: въ 1819 — второе (по счёту автора — третье), въ 1821 — четвёртое, въ 1826—пятое, въ 1839—шестое, въ 1862—седьмое. Уже одно это количество изданій можетъ служить нагляднымъ доказательствомъ успѣха басенъ Измайлова. И дѣйствительно, его можно смѣло назвать остроумнымъ и оригинальнымъ баснописцемъ, совершенно справедливо заслужившимъ названіе *русскаго Тенъера* и *дружки Крылова*, хотя, конечно, въ его басняхъ нѣтъ ни глубины, ни мудрой простоты послѣдняго. Штрихи его рисунковъ почти всегда вѣрны и широки, лица естественны и живы. Онъ умѣлъ очень ловко схватывать оригинальные оттѣнки народнаго характера и представлять ихъ образно въ своихъ басняхъ. Кто не знаетъ его *отставного квартальнаго Пышюшкина*, *Павлушку мѣдный лобъ*, *Яшку-повара* и другихъ дѣйствующихъ лицъ его басенъ? Изъ 126 басенъ, помѣщённыхъ въ послѣднемъ, самомъ полномъ, изданіи его сочиненій, только 39—переводныхъ и подражательныхъ.

Во всѣхъ біографическихъ очеркахъ, замѣткахъ и воспоминаніяхъ о покойномъ баснописцѣ, разсѣянныхъ по разнымъ журналамъ, а также и въ его собственныхъ письмахъ — вездѣ ярко проглядываетъ личность нашего поэта — личность по преимуществу добрая, откровенная, простодушная и правдивая. Измайловъ былъ честный человѣкъ и благонамѣренный литераторъ. Онъ ни къ кому не относился враждебно, и каждый, кто узнавалъ его короче, невольно привязывался къ нему. Простодушіе его не имѣло границъ. Съ подписчиками на свой журналъ онъ обходился самымъ безцеремоннымъ образомъ, и никто не сердился на него, потому что онъ умѣлъ говорить съ ними просто, по дружески. „Благонамѣренный“ началъ съ того, что выходилъ ежемѣсячно, потомъ сталъ появляться въ свѣтъ по два раза въ мѣсяцъ, и кончилъ тѣмъ,

что превратился въ еженедѣльный журналъ, при чёмъ самъ Измайловъ въ шутку называлъ его *не дѣльнымъ*. Кромѣ того, книжки выходили неаккуратно и тѣмъ побуждали издателя къ комическимъ оправданіямъ, которыя очень нравились подписчикамъ и заставляли ихъ забывать всѣ прегрѣшенія почтеннаго баснописца. Особенно наивно его оправданіе (по случаю несвоевременнаго выхода книжки, во время масляницы 1820 года) въ которомъ прямо говоритъ, что онъ —

Какъ русскій человѣкъ, на праздникахъ гулялъ,
Забылъ жену, дѣтей, не только что журналъ.

Полное собраніе сочиненій Измайлова было издано Смирдинымъ въ 1849 году, въ двухъ частяхъ. Это самое полное изъ всѣхъ вышедшихъ до сихъ поръ изданій.

I.

ПЬЯНИЦА.

Пьянюшкинъ, отставной квартальный,
Совѣтникъ титулярный,
Исправно насандаливъ носъ,
Въ худой шинелишкѣ, зимой, въ большой морозъ,
По улицѣ шелъ утромъ и шатался.
На встрѣчу кумъ ему, маіоръ Петровъ, попался.
— „Моё почтеніе!“ — „А! здравствуй, Емельянъ
Архиповичъ! да ты, братъ, видно,
Уже позавтракалъ! Ну, какъ тебѣ не стыдно?
Ещё обѣденъ нѣтъ, а ты какъ стелька пьянъ!“
— „Ахъ! виноватъ, мой благодѣтель!
Вѣдь, съ горя, мой отецъ!“ — „Такъ съ горя-то и пить?“
— „Да какъ же быть!
Вотъ Богъ вамъ, Алексѣй Ивановичъ, свидѣтель:
Ѣсть нечего; всѣ дѣти босикомъ;
Жену оставилъ я съ однимъ лишь пятакомъ.
Гдѣ взять? Давно уже безъ мѣста я, несчастный!
Сгубилъ меня разбойникъ, приставъ частный!
Я до отставки не пивалъ:
Спросите, скажетъ весь кварталъ.
Теперь же, съ горя какъ напьюся,
То будто бы развеселюся“.
— „Не пей, такъ я тебѣ охотно помогу“.
— „Въ ротъ не возьму, ей-Богу, не солгу;
Господь порукою!“ — Ну, полно, не божися!
Вотъ крестникамъ снеси полсотенки рублей“.
— „Отецъ! дай ручку!“ — Ну, поди домой, проспися;
Да чуръ, смотри, впередъ не пей“.
Летитъ Пьянюшкинъ нашъ, отколь взялися ноги,
И чуть-чуть не упалъ разъ пять среди дороги.
Летитъ... домой? О, нѣтъ! Неужели въ кабакъ?
Да, какъ бы вамъ не такъ!
Въ трактиръ, а не въ кабакъ, зашелъ; чтобы промѣна
Съ бумажки бѣленькой напрасно не платить,
Спросилъ вѣтчинки тамъ и хрѣна —
Немножко такъ перехватить,
Да рюмку водочки, потомъ бутылку пива,
А послѣ пуншику стаканъ,
Другой... и, наконецъ, о диво!
Пьянюшкинъ напился уже мертвецки пьянъ;
Къ несчастію, ещё въ трактирѣ онъ подрался,
А съ кѣмъ, за что — и самъ того не зналъ,
На лѣстницѣ споткнулся и упалъ —
И весь, какъ чортъ, въ грязи, въ крови перемарался.
Вотъ вечеромъ его по улицѣ ведутъ
Два воина осанки важной,
Съ сѣкирами, въ бронѣ сермяжной.
Толпа кругомъ. И кумъ, гдѣ ни возьмися, тутъ.
Увидѣлъ, изумился,
Пожалъ плечами и спросилъ:
— „Что? вѣрно съ горя ты, бѣднякъ, опять напился?“
— „За здравіе твоё отъ радости я пилъ!“
У пьяницы всегда есть радость или горе,
Всегда есть случай пьянымъ быть;
Закается лишь только пить —
Да и напьётся вскорѣ.
Однако, надобно, чтобъ больше пилъ народъ:
Хоть людямъ вредъ, за то откупщикамъ доходъ.

II.

ЛГУНЪ.

Павлуша-*мѣдный лобъ* (приличное прозванье)
Имѣлъ ко лжи большое дарованье.
Мнѣ кажется, ещё онъ въ колыбели лгалъ;
Когда же съ бариномъ въ Парижѣ побывалъ
И черезъ Лондонъ съ нимъ въ Россію возвратился,
Вотъ тутъ-то лгать пустился!
Однажды—ахъ, его лукавый побери!—
Однажды этотъ лгунъ бездушный
Разсказывалъ, что въ Тюльери
Спускали шаръ воздушный.
„Представьте, говорилъ, какъ этотъ шаръ великъ:
Клянуся честію, такого не бывало!
Съ Адмиралтейство!... что? Нѣтъ, мало:
А дѣлалъ кто его? — Мужикъ,

Нашъ русскій маркитантъ, коломенскій мясникъ,
Софронъ Егоровичъ Куликъ,
Жена его Матрёна
И Таня, маленькая дочь.
Случилось это лѣтомъ въ ночь—
Въ день имянинъ Наполеона.
На шарѣ вышиты гербъ, вензель и корона.
Я срисовалъ — хотите? — покажу...
Но послѣ. Слушайте, чтò я теперь скажу:
На лодочку при шарѣ посадили
Пять тысячъ человѣкъ стрѣлковъ
И музыку со всѣхъ полковъ.
Всѣ лучшіе тутъ виртуозы были.
Пріѣхалъ Бонапартъ — и заиграли маршъ.
Наполеонъ махнулъ рукою —
И вотъ Софронъ Егорычъ нашъ,
Въ кафтанѣ бархатномъ, съ предлинной бородою,
Какъ хватитъ топоромъ —
Канатъ вмигъ пополамъ; раздался ружей громъ —
Шаръ въ небѣ очутился
И вдругъ весь газомъ освѣтился.
Народъ кричитъ: „diable! vive Napoleon!
Bravo, monsieur Sophron!"
Шаръ выше, выше всё — и за звѣздами скрылся.
А знаете ли, гдѣ спустился?
На берегу морскомъ, въ Кале!
Да, опускаяся къ землѣ,
За сосну какъ-то зацѣпился
И на суку повисъ;
Но по верёвкамъ всѣ спустились тотчасъ внизъ.
Шаръ только прорвался и больше не годился.
Каковъ же мужичокъ Куликъ?"
— „Повѣсилъ бы тебя на сосну за языкъ",
Сказалъ одинъ старикъ:
„Ну, Павелъ, исполать! Какъ ты людей морочишь!
Обманывалъ бы ты въ Парижѣ дураковъ, —
Не земляковъ.
Смотри, братъ, на кого наскочишь!...
Какъ шаръ-то былъ великъ?"
— „Свидѣтелей тебѣ представлю, если хочешь:
Въ объёмѣ будетъ съ полверсты".
— „Ну какъ же прицѣпилъ его на сосну ты?
За олуховъ что ль насъ считаешь?
Прямой ты *мѣдный лобъ!* Ни крошки нѣтъ стыда!"
- „Э! полно, миленькій, неужели не знаешь,
Что надобно прикрасить иногда".

III.

ЛѢСТНИЦА,

Стояла лѣстница однажды у стѣны.
Хотя ступени всѣ между собой ровны,
Но верхняя ступень предъ нижними гордилась.
Шелъ мимо человѣкъ, на лѣстницу взглянулъ,
Схватилъ её, перевернулъ —
И верхняя ступень внизу ужъ очутилась.

Такъ человѣкъ иной на вышинѣ стоитъ,
Гордится — и глядишь: какъ разъ на низъ слетитъ!
Возьмёмъ въ примѣръ Наполеона:
Какъ сатана съ небесъ, такъ онъ слетѣлъ со трона.

IV.

КУКУШКА.

„Послушайте меня, я не совру",
Кукушка говорила птицамъ:
Чижамъ, щеглятамъ и синицамъ:
„Была я далеко, въ большомъ, густомъ бору;
Тамъ слышала, чего до селѣ не слыхала,
Какъ соловей поётъ.
Ужъ не по нашему! Я хорошо пѣвала,
Да всё не тò: такъ сердце и замрётъ
Отъ радости, когда во весь онъ голосъ свиснетъ,
А тамъ защёлкаетъ иль тихо пуститъ трель;
Забудешься совсѣмъ, и голова повиснетъ.
Ну чтó противъ него свирѣль?
Дивилась, право, я дивилась;
Однако же, не потаю:
По соловьиному и я пѣть научилась.
Для васъ, извольте, пропою
Точнёхонько, какъ онъ — хотите?"
— „Пропой — послушаемъ". — „Чуръ не шумѣть,
молчите!
Вотъ выше сяду на суку.
Ну, слушайте жъ теперь: ку-ку, ку-ку, ку-ку!"

Кукушка хвастуна на память мнѣ приводитъ,
Который классиковъ-поэтовъ переводитъ.

V.

ОСЁЛЪ И КОНЬ.

Одинъ шалунъ Осла имѣлъ,
Который годенъ былъ лишь ѣздить за водою.
Онъ на него чепракъ надѣлъ,
Весь шитый золотомъ, съ богатой бахрамою.
Осёлъ нашъ важничать въ такомъ нарядѣ сталъ
И, уши вверхъ поднявъ, прегордо выступалъ.
На встрѣчу конь ему попался,
А на Конѣ чепракъ обыкновенный былъ.
Тутъ длинноухій разсмѣялся
И рыло отъ него своё отворотилъ.

ТакихъОсловъ довольно и межъ нами,
Безъ чепраковъ, а съ чѣмъ? Ну, догадайтесь сами!

VI.

СТРАСТЬ КЪ СТИХОТВОРСТВУ.

Какъ пьянство, такъ и страсть кропать стихи — бѣда!
Риѳмачъ и пьяница равно несчастны оба:
Ни страха нѣтъ въ нихъ, ни стыда;
Одинъ всё будетъ пить, другой писать до гроба.
Былъ на Руси одинъ поэтъ,
Котораго весь знаетъ свѣтъ;
Но имени ему здѣсь нѣтъ.
Онъ вѣрно за грѣхи на муку намъ родился:
Лишь буквы выучилъ, писать стихи пустился.
Да какъ же — со всего плеча:
Что день, то новые стихи у риѳмача.
Объявлена ль война — вотъ радость для урода!
Прочёлъ реляцію — и ужъ готова ода!
Изъ сродниковъ его, изъ ближнихъ кто умрётъ,
Онъ радъ и этому: тотчасъ перо берётъ,
И мёртвыхъ, и живыхъ терзаетъ безъ пощады.
Въ сатирѣ ли его, какъ шута, осмѣютъ —
Онъ плачетъ отъ досады, —
Не пьётъ, не ѣстъ, не спитъ; однако же, и тутъ
Въ кропаніи стиховъ находитъ утѣшенье.
Простилъ бы я ему ужъ это согрѣшенье —
Пускай бы только онъ писалъ,
А то стихами онъ всѣмъ уши прожужжалъ:
Одну жену до смерти зачиталъ;
Другая, не проживъ съ нимъ года,
За умъ взялась —
И развелась:
Была бъ, какъ первая, въ могилѣ безъ развода!
Послѣдняя жена съ нимъ потому жила,
Что на ухо крѣпка была.
И люди у него никакъ не уживались,
Хотя для слушанья стиховъ чередовались.
Вотъ наказалъ злодѣя Богъ:
Риѳмачъ опасно занемогъ —
Лежитъ и бредитъ всё стихами.
Призвали доктора. — „Чтò сдѣлалося съ вами?"
Спросилъ тотъ у него: „у васъ, конечно, жаръ!"
— „Какъ жару и не быть: я правда хоть и старъ,
Но я поэтъ, притомъ же лирикъ
И лирикъ первый — вамъ не лгу".
„Пожалуйте-ка пульсъ". — „Ещё сказать могу,
Что я и фабулистъ, и трагикъ, и сатирикъ".
— „Вамъ вредно много говорить".
— „Ну, а стихи читать мнѣ можно?"
— „Нельзя". — „Такъ умереть мнѣ должно?
Что-жъ это вы меня хотите уморить?
Я напишу на васъ за это эпиграмму.
Постойте! à propos! я сочиняю драму —
И выведу на сцену васъ".
— „А я вотъ сей же часъ
По власти докторской употреблю и силу:
Покрѣпче ротъ вамъ завяжу
И муху шпанскую къ затылку приложу.
Вамъ, вѣрно, хочется въ могилу?"
Со страха прикусилъ языкъ себѣ больной.
Минуты не прошло одной,
Какъ докторъ, прописавъ лѣкарство, удалился,
Риѳмачъ опять читать стихи свои пустился —
Читалъ, читалъ, читалъ, и такъ онъ ослабѣлъ,
Что докторъ, потерявъ надежду, отказался,
Да и никто лѣчить его не соглашался.
Вотъ онъ духовнаго отца позвать велѣлъ.
Съ сердечнымъ сокрушеньемъ
Покаялся ему въ грѣхахъ
(Не прозою, а на стихахъ)
И подарилъ его своимъ стихотвореньемъ —
Посланьемъ (онъ ко всѣмъ посланія писалъ
И каждое въ печать особо отдавалъ)
Самъ эпитафію себѣ продиктовалъ.
Ужъ, наконецъ, языкъ у бѣднаго отнялся —
И даже тутъ ещё, пока онъ не скончался,
Всё стòпы пальцами считалъ.

А. Н. НАХИМОВЪ.

Акимъ Николаевичъ Нахимовъ, сынъ небогатаго помѣщика Харьковской губерніи, родился въ 1782 году, въ селѣ своего отца, верстахъ въ пятидесяти отъ Харькова. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ. По выходѣ изъ него, Нахимовъ поступилъ-было въ военную службу, но вскорѣ вышелъ въ отставку и опредѣлился къ статскимъ дѣламъ въ Петербургѣ. Здѣсь онъ, съ перваго шага, окунулся въ водоворотъ столичной жизни, съ ея шумными развлеченіями, за которыя невоздержанныя натуры расплачиваются потомъ въ теченіе всей своей послѣдующей жизни. Память объ этомъ времени сохранилась въ его баснѣ „Молодой Орелъ", оканчивающейся слѣдующимъ нравоученіемъ:

О пылкій юноша! не торопися въ свѣтъ:
Чѣмъ пламеннѣе ты, тѣмъ больше сыщешь бѣдъ.

По возвращеніи Нахимова въ Харьковъ, какъ-разъ къ открытію Харьковскаго университета, онъ, несмотря на свои 24 года, вступилъ въ число его студентовъ, имѣя въ виду одно — восполнить недостатокъ начальнаго воспитанія. По окончаніи курса въ 1808 году, по словесному факультету, онъ былъ удостоенъ степени кандидата. Радость, испытанная имъ по этому случаю, очень хорошо выражена въ стихотвореніи: „На полученіе кандидатскаго достоинства", въ которомъ онъ, между-прочимъ, говоритъ, обращаясь къ мѣстному столяру:

Невѣжды, прочь! А ты, Дедаловъ правнукъ, Блюмъ,
Въ столярномъ мастерствѣ яви свой дивный умъ:
Сооруди ковчегъ красивый и огромный,
И, что всего важнѣй, толь крѣпкій и укромный,
Чтобъ время и потопъ, огнь, буря, градъ и громъ
И крысы не могли мой повредить дипломъ.

Когда явился знаменитый указъ объ экзаменахъ на гражданскіе чины, Нахимовъ написалъ въ 1809 году свою „Элегію-сатиру", напечатанную въ нашемъ изданіи, которая пріобрѣла ему полезную извѣстность. Въ это время поэтъ, обзаведясь семьей, жилъ въ своёмъ родовомъ имѣніи, посвящая всё свободное время литературѣ и пріѣзжая всего разъ въ недѣлю въ Харьковъ, для преподаванія грамматики гражданскимъ чиновникамъ, для которыхъ, въ силу вышеозначеннаго указа, учреждёнъ былъ при университетѣ двухгодичный курсъ. Болѣзненно-раздраженный сатирикъ открылъ свои уроки прочтеніемъ своего стихотворенія: „Предисловіе къ россійской грамматикѣ". Оно начинается слѣдующими стихами:

Блаженъ, кто въ жизни сей, съ указкой межъ перстовъ,
Прошедъ сквозь *юсъ* и *кси*, достигнулъ до складовъ,
И тамо въ *бра* и *дра* прилежно углублялся;
Чей умъ во чтеніи довольно подвизался,
И, наконецъ, явя въ писаніи успѣхъ,
Россійской грамоты взошелъ на самый верхъ.

Преподаваніе Нахимова заключалось въ томъ, что онъ занималъ своихъ чиновныхъ учениковъ писаніемъ на доскѣ стихотворенія. „Похвала гусиному перу", передъ которымъ подьячіе, въ знакъ благодарности, должны преклонить свою главу, или басни „Дьякъ и Нищій" нижеслѣдующаго содержанія:

Придрался къ Нищему старинный, пьяный дьякъ;
«Ноздря твоя гласитъ, что нюхалъ ты табакъ;
И если на тебя пойду въ приказъ съ доносомъ,
По «Уложенью» ты проститься долженъ съ носомъ;
Такъ если нуженъ носъ тебѣ для табаку,
Отдай котомку мнѣ, лохмотья и клюку.

Другихъ заставлялъ исправлять орѳографическія ошибки своихъ товарищей; третьихъ — склонять имена существительныя „сучокъ" и „крючокъ", или спрягать глаголы „брать" и „драть". Иногда сатирическіе намёки преподавателя заходили и того дальше. Однимъ словомъ, Нахимовъ не чинился со своими слушателями, которыя относились довольно равнодушно къ его выходкамъ, находя, что чтенія его были полезны и удобны для лёгкаго уразумѣнія. Нахимовъ прекратилъ свои лекціи въ половинѣ 1811 года, не докончивъ курса. Затѣмъ, Нахимовъ рѣдко покидалъ деревню, гдѣ вёлъ тихую и беззаботную жизнь, занимаясь сочиненіемъ басенъ и другихъ стихотвореній въ сатирическомъ родѣ. Но вскорѣ семейныя огорченія, быстро послѣдовавшія одно за другимъ (смерть отца, любимой сестры и сына), сильно подѣйствовали на его здоровье и были причиной его ранней кончины. Онъ умеръ въ 1815 году. Сочиненія Нахимова были изданы семь разъ: въ 1815, 1816, 1822, 1841, 1842, 1849 и 1852 годахъ. Послѣднія два изданія сдѣланы Смирдинымъ, помѣстившимъ ихъ въ „Полномъ собраніи сочиненій русскихъ авторовъ", въ одномъ томѣ съ сочиненіями Милонова и Судовщикова.

I.

ЭЛЕГІЯ-САТИРА.

Восплачь, канцеляристъ, повытчикъ, секретарь!
Надсмотрщикъ возрыдай и вся приказна тварь!
Ланиты въ горести чернилами натрите
И въ перси перьями другъ друга поразите!
О, сколь вы за грѣхи наказаны судьбой!
Зрятъ тучу страшную палаты надъ собой,
Которой молнія грозитъ вамъ просвѣщеньемъ
И акциденцій всѣхъ, и ябедъ истребленьемъ.
Какъ древо, сокрушенъ падётъ подьячихъ родъ.
Увы, насталъ для васъ теперь плачевный годъ!
Какія времена! Должны вы слушать курсы!
Судебныя мѣста всѣ превратятся въ бурсы.
Ахъ! если бы воскресъ одинъ хоть думный дьякъ
И, съ челобитною явясь предъ царскій зракъ:
„Чѣмъ заслужили гнѣвъ мои" (воскликнулъ) „внуки,
Что посылаются къ нимъ палачи науки?
Ты хочешь, чтобъ отъ ихъ немилосердыхъ рукъ

Расправился или переломился крюкъ.
О, солнце, не лишай ты филиновъ затменья!
Да крюкъ пребудетъ крюкъ по силѣ Уложенья!"
Но что—гдѣ дьякъ и гдѣ прошеніе къ царю?
Бѣда коллежскому теперь секретарю!
О, чинъ асессорскій, толико вожделѣнный!
Ты убѣгаешь днесь, когда я, восхищенный,
Мнилъ обнимать тебя, какъ друга, какъ алтынъ:
Быть-можетъ, навсегда прости, любезный чинъ!
Сколь тяжко для меня, степенна человѣка,
Учиться начинать, проживши ужъ полвѣка!
Какія каверзы, какое зло для насъ
О просвѣщеніи гласящій намъ указъ!
Друзья! пока ещё не свѣтло въ нашемъ мірѣ,
На счётъ просителей пойдёмъ гулять въ трактирѣ;
Съ отчаянья начнёмъ, какъ можно больше, драть;
Свѣтъ близокъ—должно ли ворамъ теперь дремать?

II.

ИЗЪ ПОЭМЫ „ПУРСОНІАДА".

1.

Помилуй ты меня, о Фебъ, парнасскій Богъ!
Кого велишь ты пѣть, внушая мнѣ восторгъ?
Ахъ, сжалься надо мной, чувствительная Муза!
Могу-ли я хвалить толь дивнаго француза,
Каковъ былъ нѣкогда преславный Пурсоньякъ?
Въ Парижѣ продавалъ на рынкѣ онъ табакъ,
Герой былъ въ кабакахъ и первый жрецъ въ харчевняхъ;
Шумѣлъ на площадяхъ, смиряясь онъ въ деревняхъ.
Гдѣ часто странствовалъ для черстваго куска,
Гдѣ бѣдная его, голодная рука,
Тряся котомкою, прохожихъ умоляла
И съ жадностію хлѣбъ насущный принимала.
Изъ нищихъ вдругъ потомъ попался Пурсоньякъ
Въ число мошенникомъ, воровъ и забіякъ;
Потомъ онъ заклеймёнъ и сосланъ на галеру,
Но, земляковъ своихъ послѣдуя примѣру,
Чудеснымъ образомъ въ Россію убѣжалъ —
И ссылочный французъ, какъ солнце возблисталъ.

2.

Возсталъ французъ, но, ахъ, отъ слабости шатался:
Вотще онъ воздухомъ, какъ манною, питался:
Лишь первый шагъ ногой дрожащею ступилъ,
Зефиръ съ насмѣшкою француза повалилъ...
Внезапно выглянулъ изъ ада Вельзевулъ,
Во всю бѣсовску мочь онъ крикнулъ: „караулъ!"
И къ Гладу такъ вѣщалъ: „о, подлый забіяка!
Вотъ до чего довёлъ ты славна Пурсоньяка!
Познай, что сей французъ мой искреннѣйшій другъ!
Ступай къ нему, ступай скорѣе для услугъ!"
Уродливый скелетъ, вооружась клюкою,
Пустился въ дальній путь съ походною сумою.
По рёбрамъ повязалъ широкій онъ кушакъ
И пламенный надѣлъ на голову колпакъ.
Гремитъ онъ на бѣгу изсохшими костями,
И, челюсть искрививъ, гигантъ стучитъ зубами,
Траву и дерево, и корни, и цвѣты
Теребитъ, гложетъ, жрётъ - глотаетъ всё въ пути.
„Возможно-ль!" онъ кричитъ: „я долженъ быть слугою!
Вотъ какъ ругается царь адскій надо мною!
Нѣтъ, Вельзевулъ, хотя ты знатный господинъ,
Но Голодъ въ пеклѣ тожъ имѣетъ знатный чинъ,
И родъ мой твоему ничѣмъ не уступаетъ:
Почтенна Смерть меня отмѣнно уважаетъ,
Война — сестра моя, а Нищета — кума,
Родная тётка мнѣ сіятельна Чума,
Въ великой дружбѣ я съ ученостью бываю
И часто чудеса творить ей помогаю.
О, сколько поругана высока честь моя:
Холопомъ долженъ быть у санкюлота я!
Хоть долженъ выполнять бѣсовско повелѣнье.
Но Стиксомъ я клянусь питать къ французамъ мщенье,
И, въ помощь пригласивъ Развратъ, Болѣзнь, Войну,
Обрушу гибель всю на горду ихъ главу!"

3.

На деньги ужасть какъ нечисты духи падки!
Извѣстно, что они всегда любили взятки.
Бѣсовской алчности уже я зрю примѣръ:
Содралъ съ меня алтынъ на привязи Церберъ.
Когда съ бумагой въ судъ приходитъ челобитчикъ,
Кряхтитъ и кашляетъ отъ радости повытчикъ,
Облизывается въ восторгѣ секретарь,
И нюхаетъ табакъ приказна мелка тварь.
Проситель корчится, подьячіе гордятся:
Змѣёю долженъ онъ предъ гадомъ извиваться,
Просить и кланяться, давать и обѣщать,
Въ трактирахъ потчивать и дома угощать.
Случилось такъ и мнѣ межъ адскими крюками.
Чёго не дѣлалъ я предъ подлыми чертями!
Нижайше кланялся, покорнѣйше просилъ;
Давая деньги имъ, кису опорожнилъ;
Но не довольны тѣмъ кургузы оплеталы:
„Зачѣмъ", кричатъ: „зачѣмъ твои карманы малы?"
Насилу я смягчилъ бѣсовскія сердца.
Отверзлися врата геенскаго дворца:

Въ огнѣ и въ пламени монархъ мнѣ адскій зрится;
Престолъ его въ дыму, какъ вядина, коптится:
Покрыты сажею порфира и вѣнецъ:
Величество его такъ черно, какъ кузнецъ.
Отъ роду я не зрѣлъ толь пакостныя рожи!
Прекрасны всѣ его министры и вельможи,
Нарядна гвардія, хорошъ придворный штатъ:
Съ рогами всякій здѣсь...

4.

Вдругъ жрица земляка преславна обняла
И къ русскимъ модникамъ и модницамъ рекла:
„Месьё, кто радости изъ васъ не ощущаетъ?
Ещё кладъ мудрости намъ Небо посылаетъ:
Въ французѣ дивномъ семъ приходитъ къ вамъ Сократъ.
Какое счастіе для васъ и вашихъ чадъ!
Къ тому же и его несчастно положенье
Возбудитъ въ васъ къ нему сердечно сожалѣнье.
Французамъ помогать обязанъ русскій всякъ:
Кто мыслитъ иначе, тотъ варваръ и дуракъ!
Толико нищіе французскіе почтенны,
Колико бѣдняки россійскіе презрѣнны.
Невѣждамъ пособлять вамъ Мода не велитъ:
Хоть русскій ранами въ сраженіяхъ покрытъ
И, славно прослужа отечеству полвѣка,
Въ награду нищій сталъ и жалостный калѣка;
Хоть жизнь боярскую, имѣнье защитилъ,
Но если бъ у бояръ онъ хлѣба попросилъ,
Бояре, вамъ велитъ французско воспитанье
Плевать на русское израненно созданье.
Похвальнѣе для васъ французовъ богатить,
Чѣмъ грошемъ русскаго калѣку одолжить.
Явите щедрость нынь преславну Пурсоньяку!"
Ужасну межъ собой людъ модный сдѣлалъ драку:
Всякъ хочетъ щедростью другого превзойти,
Француза хочетъ всякъ къ себѣ въ домъ отвести.
Тотъ говоритъ: „жалѣть не буду милліона,
Такого чтобъ достать себѣ компаніона!"
Иной кричитъ: „дѣтей моихъ наставникъ будь!
Въ годъ тысяча рублей и хлѣба триста пудъ".
А третій такъ брюзжитъ: „онъ будетъ править мною
И всѣмъ распоряжать, — и домомъ, и женою".
Не зналъ, что отвѣчать, въ восторгѣ Пурсоньякъ!
Доселѣ мнилъ французъ, что первый онъ дуракъ,
Но нынѣ, окруженъ такими чудаками,
Узрѣлъ, что рангомъ онъ не первый межъ глупцами,
И, наконецъ, сказалъ, что, мудрость полюбя,
Намѣренъ посвятить въ учители себя.
Простившись съ дьяволомъ, далъ руку Верхолету
И въ грязномъ рубищѣ сѣлъ съ гордостью въ карету.
Благодаря Гибу, почтенную мадамъ,
Въ пути готовился къ учительскимъ трудамъ
И мыслилъ такъ въ душѣ, отъ смѣха помирая:
„Россія подлинно земля предорогая!
Я чувствую, что здѣсь озолотятъ меня:
Въ Россіи полубогъ — парижская свинья".

М. В. МИЛОНОВЪ.

Михаилъ Васильевичъ Милоновъ родился въ 1792 году, въ родовой деревнѣ Воронежской губерніи Задонскаго уѣзда. Воспоминаніе о родномъ краѣ сохранилось въ двухъ его стихотвореніяхъ: „Придонскій ключъ" и „Къ сестрѣ моей", особенно въ послѣднемъ, въ которомъ, между прочимъ, говорится:

Когда наступитъ часъ желанный
И я — въ отеческомъ дому,
Въ пріютѣ дружбы, гость нежданный —
Прижмуся къ сердцу твоему.
Протекшихъ дней воспоминанье
Мы оживимъ въ душѣ своей,
И я начну повѣствованье
Моихъ въ разлукѣ текшихъ дней,
Какъ я съ бѣдами и судьбою
Боролся, силъ лишенъ своихъ —
И, услаждёнъ твоей слезою,
Навѣкъ изглажу память ихъ.
О другъ мой, счастливъ я заранѣ
Сей усладительной мечтой;
Уже въ пріятномъ чувствъ обманѣ
Тебя я вижу предъ собой:
То мнится мнѣ — обвороженный
Съ тобой по рощамъ я брожу,
Вѣщаю — и въ душѣ блаженной
Восторга словъ не нахожу;
То въ блѣдномъ вечера молчаньи,
Ведомый дружбой и тобой,
Иду въ задумчивомъ мерцаньи,
На брегъ высокій и крутой,
Гдѣ Донъ, вспоившій насъ, свѣтлѣетъ,
Разстлавъ далёко зыби водъ;
Гдѣ жатвой нива богатѣетъ —
Родныхъ полей обильный плодъ.

Милоновъ воспитывался въ благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ; по окончаніи курса, со степенью кандидата, отправился въ 1809 году въ Петербургъ, гдѣ и опредѣлился на службу въ главное правленіе мануфактуръ,

состоявшее въ то время при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Прослуживъ здѣсь два года, онъ перешелъ въ департаментъ министерства юстиціи, подъ начальство И. И. Дмитріева, управлявшаго тогда этимъ министерствомъ. Узнавъ о наклонности Милонова къ литературнымъ занятіямъ, Дмитріевъ приласкалъ молодого поэта. Вскорѣ онъ такъ привязался къ нему, что предложилъ взять его съ собою въ Москву, для занятія должности директора его канцеляріи, когда самъ былъ назначенъ въ 1814 году предсѣдателемъ временной коммиссіи для пособія жителямъ Москвы, пострадавшимъ отъ нашествія непріятеля. Въ 1815 году, вскорѣ по выходѣ Дмитріева въ отставку, и Милоновъ оставилъ службу; но, спустя четыре года, суровая нужда снова заставила его искать службы—и онъ поступилъ въ провіантскій департаментъ чиновникомъ для особыхъ порученій къ генералъ-провіантмейстеру Абакумову, человѣку простому и доброму, благодаря вниманію котораго послѣдніе годы жизни Милонова были обезпечены—и онъ могъ умереть спокойно. Милоновъ скончался въ концѣ 1821 года, на 29-мъ году. Сомовъ, при разборѣ стихотворенія Милонова: „Бѣдный поэтъ" (подражаніе французскому поэту-самоубійцѣ Жильберу) говоритъ, что разныя житейскія невзгоды въ жизни Милонова озлобили его противъ людей и свѣта и наложили печать меланхоліи на его поэтическія произведенія. Измайловъ, находя сходство между нимъ и Жильберомъ, написалъ слѣдующую эпитафію на смерть Милонова, въ которой назвалъ его „бѣднымъ поэтомъ":

Любимъ былъ музами отъ самыхъ юныхъ лѣтъ,
И жизнь его судьба исполнила отравы.
Для счастья мало жилъ—довольно жилъ для славы.
Миръ праху твоему, о *бѣдный* нашъ *поэтъ*!

Въ 5-й книжкѣ „Утренней Зари" на 1807 годъ были напечатаны первыя стихотворенія Милонова: „Стихи, читанные въ день основанія университетскаго пансіона" и „Гимнъ поэзіи". Затѣмъ, стихотворенія Милонова какъ оригинальныя, такъ и переводныя, стали появляться на страницахъ „Санктпетербургскаго Вѣстника", „Цвѣтника", Вѣстника Европы", „Благонамѣреннаго" и другихъ журналовъ. Лучшіе его переводы—„Къ Рубеллію" и „Обрывокъ изъ Луциліевой сатиры противъ вѣка"—были сдѣланы въ 1810 году и напечатаны въ сентябрьской и октябрьской книжкахъ журнала „Цвѣтникъ" за тотъ же годъ. Первое изданіе сочиненій Милонова, подъ заглавіемъ: „Сатиры, посланія и другія мелкія стихотворенія Михаила Милонова", вышли въ 1819 году въ Петербургѣ; второе — Смирдинское — въ „Полномъ Собраніи Сочиненій Русскихъ Авторовъ", въ одной книжкѣ съ сочиненіями Нахимова и Судовщикова, въ 1849 году. Оба изданія не полны.

I.

КЪ СИЛЬВІИ.

Ты-ль, Сильвія, мой духъ-хранитель,
Луны трепещущимъ лучомъ
Проникнувъ въ спящую обитель,
Меня тревожишь въ снѣ моёмъ?

Ты-ль, образъ красоты безплотной,
Мечтанье ли души моей,
Или, вовставъ изъ сѣни гробной,
Ты вѣстникъ радости для ней?

Ты-ль съ утренней звѣздой востока
По небу тихому плывёшь,
И отлучённаго далёко
Къ себѣ сопутника зовёшь?

Носись невидимою тѣнью,
Являйся въ темнотѣ ночей!
Не къ страху друга — къ утѣшенью
Бесѣдуй съ скорбію моей!

Умѣрь тоски его терзанье,
Томленья сирыя любви,
Пролей надежду на свиданье
И вѣры пламень оживи!

Твой видъ, съ его сліянный духомъ,
Пусть всюду онъ несётъ съ собой!
Вездѣ пусть ловитъ жаднымъ слухомъ
Ему знакомый голосъ твой!

Носись надъ спящими водами,
Блуждай по синевѣ небесъ,
Вставай съ луною за холмами,
Смотри съ зарёй сквозь частый лѣсъ!

Живи въ моей мечтѣ отрадной,
Летай надъ мною въ тихомъ снѣ!
Не дай тоскѣ гнѣздиться гладной
И скорби ропота во мнѣ!

III.

УНЫНІЕ.

Люблю въ душѣ моей уныніе питать!
Природа всякій часъ готова намъ внимать,

Наставникъ истинный, товарищъ драгоцѣнный!
Но болѣе всего люблю тотъ часъ священный,
Какъ гаснетъ въ облакахъ, прощаясь съ міромъ, день;
Какъ длинная съ холмовъ въ долины ляжетъ тѣнь,
Полдневныхъ шумъ работъ умолкнетъ постепенно
И пѣніе пѣвцовъ слабѣетъ отдаленно,
Скрываются цвѣты, чернѣютъ зыби водъ;
Какъ свѣта царь, скончавъ торжественный свой ходъ,
Померкшее чело скрываетъ за туманомъ
И теплится заря на западѣ багряномъ.
Тогда мечтается: съ прохладнымъ вѣтеркомъ,
Молчаніе летитъ надъ маковымъ вѣнкомъ,
Другъ ночи и о ней желанный возвѣститель.
Ты миръ и сонъ ведёшь въ оратая обитель.
Часъ вечера въ поляхъ—печальный жизни видъ!
Струя сокрытыхъ водъ вокругъ меня журчитъ,
И ароматъ съ цвѣтовъ невидимыхъ восходитъ...
Тогда во глубину свою мой духъ нисходитъ:
Спятъ чувства — и мечта его оживлена!
Пареніямъ ея вселенная тѣсна!
Сюда — питать её — подъ наклонённой ивой
Сажусь — и углубленъ въ бесѣдѣ молчаливой...
Сюда, унынія и мудрости друзья!
Ликъ мѣсяца блеснулъ на зеркалѣ ручья.
Предъ мною храмъ села, въ очахъ моихъ кладбище,
Отшедшихъ отъ земли пустынное жилище;
Не бронза, не гранитъ — вѣщатели похвалъ:
Полуобрушенный, покрытый дёрномъ валъ,
Заросшихъ рядъ могилъ, гдѣ мохъ лишь посѣдѣвшій
На камняхъ гробовыхъ, иль вновь зазеленѣвшій
Почившихъ время сна являетъ для очей;
Здѣсь пепелъ ихъ свѣжитъ извилистый ручей;
Какъ братья, какъ друзья, гробъ вмѣстѣ—старца, млáда:
Ихъ персти не дѣлитъ желѣзная ограда;
При нихъ взоръ странника стремится отдохнуть,
О, братья, вмѣстѣ течь и вмѣстѣ кончить путь!
О тлѣнности мечта здѣсь духъ мой посѣщаетъ:
Шагъ каждый мой себѣ подобныхъ попираетъ;
Изъ праха нашего составилась земля...
А тамъ, гдѣ день и ночь гремитъ Творцу хвала,
Въ природной простотѣ ума не озарённа,
Не хитростью его, а чувствомъ соплетённа,
Гдѣ, мнится, самъ Отецъ внимаетъ чадъ своихъ,
Вселяетъ въ злобныхъ страхъ и милуетъ благихъ;
Гдѣ древность на стѣнахъ, сѣкирой твердой стали,
Неизгладимыя означила скрижали—
Въ сёмъ храмѣ мысль моя со трепетомъ царитъ,
Проникши къ алтарямъ, святые лики зритъ,
Духъ вѣрою—мольбой ланиты воспалённы,
Уста несущи пѣснь и очи умилённы:
Тамъ молится, предстать готовясь предъ судомъ,
Раскаянье, къ землѣ приникшее челомъ,
Въ потокѣ слёзъ своё срѣтаетъ искупленье;
Благословляя тамъ отъ міра удаленье,
Согбенный лѣтами, подъ бременемъ скорбей,
Желая ускорить кончиною своей,
Домъ тѣсный труженикъ себѣ уготовляетъ:
Не конченъ зрится трудъ—а старецъ истлѣваетъ.
Сюда, въ часъ осени, стекайтеся друзья!
Какъ съ шорохомъ листовъ сольётся шумъ ручья
И токъ, разсвирѣпѣвъ въ расширенномъ стремленьѣ,
Къ окрестнымъ понесётъ жилищамъ потопленье,
Какъ вѣтеръ зашумитъ, внезапный гость лѣсовъ,
И обнажитъ верхи дряхлѣющихъ дубовъ,
Когда отцвѣтшія дубравы и долины
Представятъ взорамъ видъ печальныя картины
И вы не встрѣтите въ зерцалѣ мутныхъ водъ
Ни утра зарево, ни неба ясный сводъ,
Фебъ скроется, узрѣвъ природы разрушенье,
И, въ скорби, сократитъ для ней своё теченье,
Когда она, сорвавъ красотъ своихъ вѣнецъ,
Сама, какъ старица срѣтающа конецъ—
Тогда, мои друзья, въ сей мрачный лѣсъ вступайте
И собственный закатъ всеобщимъ услаждайте:
Смерть менѣе страшна, коль думаемъ о ней!
Сидящимъ вамъ въ мечтахъ, быть-можетъ, вѣстникъ сей,
На мшистой высотѣ поврѐменно звучащій,
Которымъ говоритъ намъ мигъ, отъ насъ летящій,
Моленья скажетъ часъ—во храмѣ огнь блеснётъ.
Всякъ къ мѣсту, въ нёмъ себѣ избрàнному, придётъ:
Торжественъ часъ хвалы, Предвѣчному несомый!
Быть-можетъ, окруживъ почившихъ тѣсны домы,
Благословенія на прахъ ихъ притекутъ,
Моленіе и скорбь свой тихій гимнъ сольютъ—
И взыдетъ ѳиміамъ надъ дремлющимъ въ покоѣ.
Тамъ вѣры чувствуйте величіе простое,
Илѝ всю скорбь въ себѣ стремитеся вмѣстить.
Всю силу ближняго несчастіе дѣлить,
Когда сквозь частый кровъ, составленный вѣтвями,
Съ поблёкнувшимъ челомъ, съ померкшими очами,
Съ власами, падшими въ небрежности на грудь,
Вы узрите красу, таящу робкій путь
Къ могилѣ, гдѣ ея отрада заключённа:
Духъ скорбью услаждёнъ, грудь плачемъ облегчённа!
Склонясь на мшистый крестъ задумчивымъ челомъ,
Унынія она вамъ будетъ божествомъ.

В. И. ПАНАЕВЪ.

Владимиръ Ивановичъ Панáевъ, сынъ Ивана Ивановича, одного изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, состоявшаго въ дружескихъ отношеніяхъ съ многими изъ тогдашнихъ литераторовъ (Державинъ приходился ему родственникомъ) родился 1792 года, въ Перми. Панаевы ведутъ свой родъ отъ тѣхъ новгородцевъ, которые, волею грознаго Іоанна, исторгнуты были изъ родного края и поселены на восточныхъ предѣлахъ Россіи. Воспитывался молодой Панаевъ сперва въ Казанской гимназіи, а потомъ въ Казанскомъ университетѣ, откуда вышелъ въ 1814 году, со степенью кандидата словесныхъ наукъ. Первоначальное воспитаніе, подъ надзоромъ матери и руководствомъ женщинъ, тихая жизнь въ семейномъ кругу, постоянное пребываніе съ дѣтства въ деревнѣ и частое посѣщеніе ея въ періодъ юности — всё это, взятое вмѣстѣ, дало идиллическое направленіе его характеру. Читать и мечтать — было любимымъ его занятіемъ; стихи нравились ему больше прозы, а такъ-называемая пастушеская поэзія — болѣе всего остального. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что первое стихотвореніе, написанное имъ въ юности, была — идиллія. Державинъ, въ качествѣ поэта и родственика, первый обратилъ вниманіе на молодого идиллика. Прочитавъ въ рукописи его первыя пять идиллій, онъ онъ отнёсся къ нимъ съ похвалою, но совѣтовалъ начинающему поэту заняться изученіемъ греческихъ и латинскихъ авторовъ, писавшихъ въ томъ же родѣ, и взять за образецъ швейцарскаго поэта Геснера, идилліи котораго, по его мнѣнію, могли служить хорошимъ примѣромъ при описаніи природы и невинныхъ нравовъ. Панаевъ послѣдовалъ совѣту пѣвца „Фелицы" — и Геснеръ дѣйствительно сдѣлался образцомъ, которому онъ неустанно стремился подражать въ теченіе всей своей литературной карьеры, что́ подтверждаетъ въ предисловіи къ своимъ идилліямъ.

Въ 1816 году Панаевъ, повинуясь волѣ своего дяди, заступившаго ему мѣсто отца, простился съ родиной, представлявшей для него много привлекательнаго, и отправился въ Петербургъ, гдѣ 9-го октября того же года поступилъ на службу въ департаментъ министерства юстиціи. Начиная съ 1817 года, въ журналахъ „Сынъ Отечества" и „Благонамѣренный" стали появляться идилліи Панаева, обратившія на себя вниманіе знатоковъ замѣчательною гладкостью и звучностью стиха. Въ 1820 году онъ издалъ свои „Идилліи" отдѣльною книжкой, встрѣченною похвалами критики и публики и въ томъ же году былъ награждёнъ отъ Россійской Академіи золотою медалью. Въ книжкѣ помѣщено 25 пьесъ и статья автора: „Разсужденіе о пастушеской поэзіи", служащее предисловіемъ къ „Идилліямъ". Кромѣ идиллій, Панаевъ написалъ три похвальныхъ слова: 1) „Похвальное слово императору Александру Первому". Спб. 1816. 2) „Похвальное слово Державину". („Сынъ Отечества", 1817, № 5). 3) „Историческое похвальное слово Кутузову". Спб. 1823. Изъ мелкихъ прозаическихъ разсказовъ его, помѣщённыхъ въ „Сынѣ Отечества" и „Благонамѣренномъ", за 1817 — 1822 года, можно указать на „Романическое письмо изъ Петербурга", „Стихи и собака", „Приключеніе въ маскарадѣ", „Жестокая игра судьбы" и „Не родись ни пригожъ, ни красивъ, а родись счастливъ". Изъ повѣстей, которыхъ написано было Панаевымъ болѣе десяти и которыя онъ заимствовалъ изъ дѣйствительности (держась правила, что „бывальщина лучше небывальщины" и что „правда усиливаетъ интересъ разсказа"), болѣе другихъ извѣстна — „Иванъ Костинъ". Наконецъ, въ 1-й части альманаха „Братчина", вышедшей въ 1859 году, былъ помѣщёнъ отрывокъ изъ его воспоминаній о Державинѣ. Начиная съ 1822 года, произведенія Панаева стали всё рѣже и рѣже появляться на страницахъ журналовъ, а потомъ и совсѣмъ прекратились, такъ-какъ служебная дѣятельность поглощала всё его время. Въ 1832 году онъ былъ назначенъ, по высочайшему повелѣнію, директоромъ канцеляріи императорскаго Двора и занималъ это мѣсто въ теченіе 27 лѣтъ. 15-го мая 1833 года, избранъ въ дѣйствительные члены Императорской Россійской Академіи; въ 1834 — избранъ въ члены Общества Любителей Россійской Словесности при Московскомъ университетѣ; въ 1837 — произведёнъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники; 21-го декабря 1840—избранъ въ члены Вольнаго Экономическаго Общества; 19-го октября 1841 — назначенъ ординарнымъ академикомъ Императорской Академіи Наукъ; въ 1842—пожалованъ кавалеромъ орденовъ Св. Анны 1-й степени и прусскаго Краснаго Орла 2-го класса, со звѣздой; въ 1844 — произведёнъ въ чинъ тайнаго совѣтника; 23-го августа 1847 — избранъ въ почётные члены Общества Любителей Отечественной Словесности, состоящаго при Казанскомъ университетѣ, 4-го февраля 1848 — въ дѣйствительные члены Русскаго Географическаго

Общества, 7-го октября—въ почётные члены Императорской Академіи Художествъ; въ 1849—пожалованъ кавалеромъ ордена Бѣлаго Орла; 5-го февраля того же года—избранъ въ почётные члены Казанскаго университета, а 1-го апрѣля 1851 — въ почётные же члены Московскаго Художественнаго Общества и, наконецъ, въ 1853 - награждёнъ арендою, на 12 лѣтъ, по 2000 руб. въ годъ. Скончался 20-го ноября 1859 года.

СНОВИДѢНІЕ.

Меналкъ.

Ты кажешься грустнымъ, любезный Миконъ?
Скажи, чтó случилóсь съ тобою?

Миконъ.

Меня потревожилъ сегодняшній сонъ:
Посмѣйся, Меналкъ, надо мною.

Меналкъ.

О, вѣрно, ты видѣлъ подземныхъ боговъ?

Миконъ.

Напротивъ. Послушай: мнѣ снилось,
Что будто десятокъ иль больше годовъ
Съ меня непримѣтно свалилось...

Меналкъ.

Увы, это только во снѣ, на бѣду!..

Миконъ.

Что будто, ставъ юношей снова,
Въ какомъ-то обширномъ прекрасномъ саду,
Подъ тѣнію мирта густова,
Лежалъ я на мягкой душистой травѣ;
Въ кустахъ соловьи распѣвали;
Зефиры-жъ, скрываясь въ цвѣтахъ, муравѣ,
Прохладой въ лицо мнѣ дышали;
А шумъ водопада въ сосѣднемъ лѣсу,
Сквозь чащу деревъ проникая,
Всё больше и больше склонялъ отъ-часý
Къ дремотѣ...

Меналкъ.

И ты, засыпая...

Миконъ.

Я нé спалъ. Вдругъ, вижу, подходитъ ко мнѣ
Пастушка, осанкой — богинѣ,
Цвѣтущей красою подобясь веснѣ.
Взоръ дѣвы, склонённой къ корзинѣ,
Глубокую сердца печаль выражалъ.
Приблизилась, стала, взглянула —
И что же? кого я въ пастушкѣ узналъ?
Дориду!

Меналкъ.

Дочь старца Эввула?

Миконъ.

Дориду, подругу младенческихъ лѣтъ,
Которой любовь озарила
Блаженствомъ миконовой жизни разсвѣтъ,
Завидную участь сулила;
Которую воля вселенныхъ боговъ
Діаниной жрицей назвала
Въ то время, какъ нѣжность счастливыхъ отцовъ
Намъ брачный вѣнокъ сплетала.
Прельщёнъ, очарованъ видѣньемъ такимъ,
Я бросился къ милой, но прежде
Чѣмъ обнялъ — видѣнье исчезло, какъ дымъ;
Лишь руки коснулись къ одеждѣ —
И я — пожалѣй — пробудился отъ сна.

Меналкъ.

Такъ это тебя возмущаетъ?
Не дважды въ теченіе года весна
Цвѣтами поля убираетъ;
Не дважды, товарищъ, намъ быть молодымъ.
Ты зà тридцать зà пять считаешь,
Слывёшь въ околоткѣ разумнымъ такимъ;
Самъ твёрдо увѣренъ и знаешь,
Что прошлаго снова нельзя воротить,
А хочешь (какъ другъ, попеняю),
Ребёнокъ, бѣгущую тѣнь изловить!

Миконъ.

О, слишкомъ увѣренъ, и знаю!
И завтра охотно готовъ надъ собой
Съ тобою же вмѣстѣ смѣяться;
Но нынѣ съ прелестной о прошломъ мечтой,
Повѣрь мнѣ, не въ силахъ разстаться.
Какъ осенью солнце внезапно блеснётъ,
Прощаясь съ унылой природой,
И птичка весеннюю пѣсню поётъ,
Обманута ясной погодой:
Такъ я, обольщённый сегодняшнимъ сномъ,
Хотѣлъ бы на время забыться;
Иль лучше, хотѣлъ бы увѣриться въ томъ,
Что онъ на яву продолжится.

А. Ѳ. МЕРЗЛЯКОВЪ.

Алексѣй Ѳедоровичъ Мерзляковъ, сынъ небогатаго Пермскаго купца, родился въ 1778 году въ селѣ Долматовѣ, Пермской губерніи. Воспитываясь въ Пермскомъ Главномъ Народномъ Училищѣ, тринадцатилѣтній Мерзляковъ написалъ „Оду на заключеніе мира со шведами“, которая была представлена, черезъ директора народныхъ училищъ Завадовскаго, императрицѣ Екатеринѣ II. Госуда-

рыня приняла поднесённую ей оду благосклонно и приказала напечатать её въ академическомъ журналѣ. Затѣмъ, по окончаніи курса наукъ въ училищѣ, Мерзляковъ былъ отправленъ въ 1793 году въ Москву и поручёнъ куратору университета, извѣстному поэту Хераскову, который помѣстилъ его въ гимназію. Отсюда, въ 1798 году, онъ поступилъ въ число студентовъ университета. Къ этому времени относятся юношескіе опыты его въ поэзіи, помѣщённые въ журналѣ: „Пріятное и Полезное Препровожденіе Времени“ 1794 — 98 годовъ. Тогда же сблизился онъ съ Жуковскимъ и его другомъ Андреемъ Тургеневымъ, сыномъ тогдашняго директора университета, извѣстнаго по своимъ связямъ съ Новиковымъ и Лопухинымъ. Въ 1801 году явилось его стихотвореніе „Слава“. Затѣмъ, въ „Утренней Зарѣ“, издававшейся съ 1800 по 1808 годъ и наполняемой трудами воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона, былъ помѣщёнъ цѣлый рядъ стихотвореній Мерзлякова, изъ которыхъ многія весьма замѣчательны, какъ по мысли, такъ и по стиху. Вотъ они: „Пѣснь Моисеева по прехожденіи Чермнаго моря“, „Утро“ и „Наука стихотворная“, изъ Горація. Всѣ они были перепечатаны въ „Избранныхъ сочиненіяхъ“ изъ „Утренней Зари“ (1809) и доставили автору литературную извѣстность. Въ 1804 году Мерзляковъ получилъ степень магистра, а по преобразованіи Московскаго университета, въ томъ же году, занялъ въ нёмъ каѳедру россійскаго краснорѣчія и поэзіи; въ слѣдующемъ году получилъ степень доктора и званіе адъюнкта; въ 1807 — избранъ въ экстраординарные профессоры, а въ 1810 году утверждёнъ профессоромъ ординарнымъ. Онъ былъ хорошо знакомъ съ древними и нѣсколькими новыми языками: французскимъ, нѣмецкимъ и италіанскимъ. Всего болѣе переводилъ онъ съ италіанскаго. Любимыми его писателями были: Альфіери, Метастазіо и, въ особенности, Тассъ, знаменитую поэму котораго „Освобождённый Іерусалимъ“, онъ перевёлъ всю вполнѣ и издалъ её въ 1828 году въ двухъ частяхъ. Изъ древнихъ поэтовъ, Мерзляковъ переводилъ и подражалъ произведеніямъ Пиндара, Ѳеокрита, Софокла, Эсхила, Эврипида, Гомера, Горація, Виргилія и другихъ. Впослѣдствіи всѣ эти переводы и подражанія были собраны имъ въ одну книгу и изданы въ 1825 году, съ приложеніемъ разсужденія: „О началѣ и духѣ древней трагедіи“. Кромѣ обязательныхъ лекцій въ Московскомъ университетѣ, гдѣ Мерзляковъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, занималъ должность декана своего факультета, члена училищнаго и испытательнаго комитетовъ и директора педагогическаго института, онъ читалъ еще лекціи русской словесности въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ и, по званію члена училищнаго комитета, объѣзжалъ ежегодно училища московскаго учебнаго округа. Въ 1815 году Мерзляковъ сталъ издавать журналъ „Амфіонъ“, и выдалъ 12 книжекъ. Здѣсь появились въ первый разъ многія изъ лучшихъ его стихотвореній и переводы изъ древнихъ писателей, также изъ Тасса, и цѣлый годъ тянулся разборъ „Россіады“ Хераскова. Издателю помогали своими трудами: Жуковскій, Батюшковъ, князь Вяземскій, Д. В. Давыдовъ и другіе. Послѣднимъ произведеніемъ Мерзлякова было стихотвореніе „Юбилей“, произнесённое имъ на празднествѣ 70-ти лѣтняго юбилея Московскаго университета, 26-го іюня 1830 года. Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ того, онъ скончался въ Сокольникахъ и погребёнъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ. Кромѣ упомянутыхъ выше сочиненій, Мерзляковымъ были ещё изданы слѣдующія: 1) „Рѣчь о духѣ древней поэзіи и о вліяніи ея на образованіе народовъ“ (М. 1810); 2) „Похвальное слово императору Александру I“ (М. 1814); 3) „Разсужденіе о разныхъ предметахъ словесности“ и рѣчи, произнесённыя и напечатанныя въ „Трудахъ“ общества. Изъ переводныхъ напечатаны особо: 1) „Эклоги Виргилія“ (М. 1807); 2) „Эклоги г-жи Дезульеръ“ (М. 1807); 3) „Письмо Горація къ Пизонамъ о стихотворствѣ“; 4) „Начертанія теоріи всеобщей словесности“, соч. Эшенбурга (М. 1820). Полное собраніе стихотвореній Мерзлякова было издано „Обществомъ Любителей Россійской Словесности“, подъ редакціей Полуденскаго (М. 1867 2 тома).

I.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Малютка, шлемъ нося, просилъ,
Для Бога, пищи лишь дневныя
Слѣпцу, котораго водилъ —
Кѣмъ славны Римъ и Византія.
„Тронитесь жертвою судебъ!“
Онъ такъ прохожихъ умоляетъ:
„Подайте мальчику на хлѣбъ:
Онъ Велизарія питаетъ.

„Вотъ шлемъ того, который былъ
Для готѳовъ, вандаловъ грозою;

Враговъ отечества сразилъ,
Но самъ сраженъ былъ клеветою.
Тиранъ лишилъ его очей—
И міръ хранителя лишился.
Увы! свѣтъ солнечныхъ лучей
Для Велизарія закрылся!

„Несчастный—за кого въ слезахъ
Одинъ вознёсъ я гласъ смиренной—
Водилъ царей земныхъ въ цѣпяхъ,
Законы подавалъ вселенной;
Но въ счастіи своёмъ равно
Онъ не былъ гордымъ, лютымъ, дикимъ,
И нынѣ мнѣ твердитъ одно:
„Не называй меня великимъ!“

Не видя свѣта и людей,
Царитъ онъ мыслью въ царствѣ славы,
И видитъ въ памяти своей
Народы, вѣки и державы.
Вотъ постоянство здѣшнихъ благъ!
Сколь чуденъ Промыслъ Твой, Содѣтель!
И я, сиротка, въ юныхъ дняхъ
Сталъ Велизарью благодѣтель!“

II.

ИЗЪ „ПОСЛАНІЯ О СТИХОТВОРСТВѢ“.

Когда маляръ, въ жару, потѣя надъ картиной,
Напишетъ женскій ликъ на шеѣ лошадиной,
Всё тѣло перьями и шерстью распестритъ
И части всѣхъ родовъ въ урода помѣститъ;
Начавъ красавицей чудесное творенье,
Окончитъ рыбою, себѣ на посрамленье—
Пизоны! можете ль, скрѣпя свои сердца,
Не осмѣять сего безумнаго творца?
Повѣрьте мнѣ, друзья, съ такимъ малярствомъ сходны
И проза, и стихи, гдѣ мысли разнородны,
Какъ грёзы соннаго или больного бредъ,
Безъ толку смѣшаны на собственный свой вредъ:
Съ ногами голова въ мучительномъ расколѣ.
Вы скажете: „поэтъ и живописецъ въ волѣ,
Что могутъ, выдумать, что въ умъ придетъ, писать!“
Кто споритъ? кто дерзнётъ права сіи отнять?
Съ охотой имъ даёмъ и смѣло просимъ сами;
Но только съ тѣмъ, чтобъ лугъ украшенъ былъ цвѣтами
Весной, а не зимой; чтобъ въ вымыслахъ пѣвца
Съ мышами нѐ жилъ котъ, а съ тиграми овца.
Такъ часто мы, пѣвцы, не истиной единой,
Плѣняемся красотъ обманчивой личиной:
Я краткость сохранилъ — нельзя понять меня;
Пріятность, лёгкость есть — нѣтъ силы и огня;
Желая воспарить — въ безсмыслицѣ теряюсь;
Хочу исправнымъ быть—и въ прахѣ пресмыкаюсь;
Я въ вымыслахъ богатъ: но что жъ въ моихъ стихахъ?
Гуляетъ китъ въ лѣсу, играетъ вепрь въ волнахъ!

Искусство намъ блеститъ, но хладными лучами
Лишь чувство ихъ живитъ, лишь чувство правитъ нами,
По взгляду въ ближнемъ мы участіе берёмъ:
Съ весёлымъ—веселы, съ печальнымъ слёзы льёмъ.
Умѣй свои бѣды бѣдами намъ представить;
Умѣй заплакать самъ, чтобъ плакать насъ заставить!
Ты скученъ, слабъ: я сплю или кляну тебя!
Ты въ горѣ—въ мракъ одѣнь и стихъ свой, и себя;
Ты въ гнѣвѣ—поражай грозящими устами;
Ты гордъ—повелѣвай; шутливъ—рѣзвися съ нами.
Природа хитрая сердца своихъ дѣтей
Устроила для всѣхъ способными страстей.
Теперь мы радостны но мигъ — трепещемъ въ страхѣ,
Съ надеждой въ небесахъ, съ отчаяньемъ во прахѣ.
Языкъ—оргáнъ души, толковникъ думъ нѣмыхъ,
Языкъ равнó течётъ съ движеньемъ чувствъ моихъ.
Слова, съ твоей судьбой и знаніемъ несходны,
Наскучатъ знатокамъ, возбудятъ смѣхъ народный.
Мнѣ скажетъ разговоръ, кто рабъ, кто дворянинъ;
Гдѣ сѣтуетъ отецъ, гдѣ споритъ пылкій сынъ,
Гдѣ мать въ кругу дѣтей, и гдѣ она съ гостями.
Поселянинъ, купецъ, бывалый за морями,
Аргивянинъ, халдей, колхидецъ, скиѳъ простой—
Всѣ въ добромъ и худомъ отмѣнны межъ собой.
Послѣдуй мнѣнію, или молвѣ народа,
Будь самъ зиждителемъ и дѣйствуй, какъ природа.

III.

ПѢСНЯ.

Среди долины ровныя, на гладкой высотѣ,
Цвѣтётъ, растётъ высокій дубъ въ могучей красотѣ.
Высокій дубъ развѣсистый, одинъ у всѣхъ въ глазахъ,
Одинъ, одинъ, бѣдняжечка, какъ рекрутъ на часахъ.
Взойдётъ ли красно солнышко: кого подъ тѣнь принять?
Ударитъ ли погодушка: кто будетъ защищать?
Ни сосенки кудрявыя, ни ивки близъ него,
Ни кустики зелёные не вьются вкругъ него.

Ахъ, скучно одинокому и дереву рости!
Ахъ, горько, горько мо̀лодцу безъ друга жизнь вести!
Есть много срѐбра, золота: кого имъ подарить?
Есть много славы, почестей, но съ кѣмъ̀ ихъ раздѣлить?
Встрѣчаюсь ли съ знакомыми — поклонъ, да былъ таковъ;
Встрѣчаюсь ли съ пригожими — поклонъ, да пару словъ.
Однихъ я самъ пугаюся, другой бѣжитъ меня:
Всѣ вѣрны, всѣ пріятели до чернаго лишь дня.
Гдѣ съ сердцемъ отдохнуть могу, когда гроза взойдётъ?
Другъ нѣжный спитъ въ сырой землѣ, на помощь не придётъ;
Ни роду нѣтъ, ни племени въ чужой мнѣ сторонѣ,
Не ластится любезная подруженька ко мнѣ,
Не плачется отъ радости старикъ, смотря на насъ,
Не вьются вкругъ малюточки, тихохонько рѣзвясь.
Возьмите же всё золото, всѣ почести назадъ:
Мнѣ родину, мнѣ милую, мнѣ милой дайте взглядъ!

И. А. ТУРГЕНЕВЪ.

Андрей Ивановичъ Тургеневъ, сынъ тайнаго совѣтника Ивана Петровича Тургенева, одного изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени, и Екатерины Семёновны, урождённой Качаловой, старшій братъ Александра и Николая Ивановичей Тургеневыхъ, родился 1-го сентября 1781 года въ Симбирскѣ. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ дома, а продолжалъ и окончилъ его въ Благородномъ Пансіонѣ при Московскомъ университетѣ, въ одно время съ Жуковскимъ, съ которымъ сошелся и подружился со дня поступленія въ заведеніе. По окончаніи курса, Тургеневъ поступилъ въ Московскій Архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ; но вскорѣ оставилъ это мѣсто и перешелъ на службу въ Петербургъ, къ Н. Н. Новосильцеву, въ Коммиссію составленія законовъ. Въ 1802 г. онъ былъ временно посланъ курьеромъ въ Вѣну, и, по возвращеніи оттуда, скончался 8-го іюня 1803 года въ Петербургѣ. Тургеневъ былъ связанъ съ Жуковскимъ самою искреннею и тѣсною дружбою, которой не въ силахъ была расторгнуть и самая смерть; Жуковскій почтилъ память Андрея Ивановича Тургенева прекрасными стихами, въ посланіи къ брату его Александру Ивановичу, одному изъ самыхъ честныхъ и способныхъ дѣятелей конца царствованія императора Александра I-го. Вотъ эти стихи:

Гдѣ время то̀, когда нашъ милый братъ
Былъ съ нами, былъ всѣхъ радостей душою?
Не онъ-ли насъ пріятной остротою
И нѣжностью сердечной привлекалъ?
Не онъ-ли насъ тѣснѣй соединялъ?
Сколь былъ онъ простъ, не скрытенъ въ разговорѣ!
Какъ для друзей всю душу обнажалъ!
Какъ взоръ его во глубь сердецъ вникалъ!
Высокій духъ пылалъ въ сёмъ быстромъ взорѣ.
Бывало, онъ, съ отцомъ рука съ рукой,
Входилъ въ нашъ кругъ — и радость съ нимъ являлась;
Старикъ при нёмъ былъ юноша живой;
Его сѣдинъ свобода не чуждалась —
О нѣтъ! онъ былъ милѣйшій намъ собратъ:
Онъ отдыхалъ отъ жизни между нами,
Отъ сердца даръ его былъ каждый взглядъ,
И онъ друзей не рознилъ съ сыновьями.

Кромѣ-того, въ балладѣ „Ахиллъ“, изображая печаль перваго изъ героевъ „Илліады“ о потерѣ его лучшаго друга, взятаго преждевременной могилой, Жуковскій собственно изображаетъ не печаль Ахилла надъ тѣломъ Патрокла, а своё личное горе о потерѣ друга, при чёмъ говоритъ, обращаясь къ прошедшему:

И Патроклъ съ бреговъ забвенья
Въ полуночной тишинѣ
Лёгкой тѣнью сновидѣнья
Прилеталъ уже ко мнѣ.
Какъ зефирово дыханье
Онъ провѣялъ надо мной:
Мнѣ послышалось признанье,
Сладкій гласъ души родной,
Въ нѣжномъ взорѣ скорбь разлуки
И слѣды минувшихъ слезъ...
Я простёръ ко брату руки —
Онъ во мглѣ густой исчезъ.

Дружескія отношенія между Тургеневымъ и Мерзляковымъ, также начавшіяся со школьной скамьи въ Благородномъ пансіонѣ, были не менѣе горячи и прочны, какъ это видно изъ слѣдующихъ строкъ письма его къ Жуковскому, въ которомъ онъ проситъ поэта, ради печали, постигшей ихъ обоихъ, повременить со стихами въ память умершаго: „не пиши ничего теперь самъ — теперь, когда горесть твоя больше поэзіи“. Благодаря своему уму, образованію и доброму сердцу,

Тургеневъ пользовался общею любовью. Даже Вигель, рѣдко отзывавшійся о людяхъ съ хорошей стороны, оставилъ въ своихъ „Запискахъ" слѣдующую характеристику: „Андрей Тургеневъ, со всею скромностью великихъ достоинствъ, стоялъ на распутьи всѣхъ дорогъ, ведущихъ къ славѣ: какую ни избралъ бы онъ, можно утвердительно сказать, что онъ далеко бы по ней ушелъ. Но изъ отличныхъ людей Провидѣніе сохраняетъ только нужное число для его благотворныхъ видовъ: остальные гибнутъ ранo — и старшій Тургеневъ не долго оставался въ свѣтѣ".

Скончавшись всего двадцати лѣтъ, Тургеневъ написалъ немного. Лучшее его стихотвоеніе „Элегія", помѣщённое въ нашемъ изданіи, было напечатано въ „Пантеонѣ Русской Поэзіи" (1815 года, ч. 4-я).

ЭЛЕГІЯ.

Угрюмой осени мертвящая рука
Уныніе и мракъ повсюду разливаетъ;
Холодный, бурный вѣтръ поля опустошаетъ,
И грозно пѣнится ревущая рѣка.
Гдѣ тѣни мирныя доселѣ простирались,
Безпечной радости гдѣ пѣсни раздавались —
Поблёкшіе лѣса въ безмолвіи стоятъ,
Туманы стелются надъ доломъ, надъ холмами,
Усопшихъ поселянъ надъ мирными гробами,
Гдѣ всё вокругъ меня глубокій сонъ тягчитъ,
Лишь колоколъ ночной одинъ вдали звучитъ,
И медленныхъ часовъ, при томномъ удареньи,
Въ пустыхъ развалинахъ я слышу стонъ глухой —
На камнѣ гробовомъ печальный, тихій геній
Сидитъ въ молчаніи, съ поникшею главой.
Его прискорбная улыбка мнѣ вѣщаетъ:
„Смотри, какъ грозная безжалостная смерть
Всѣ наши радости навѣки поглощаетъ!
Всё жило, всё цвѣло, чтобъ послѣ умереть!"
О ты, кого ещё надежда обольщаетъ —
Бѣги, бѣги сихъ мѣстъ, счастливый человѣкъ!
Но вы, несчастные, гонимые судьбою —
Вы, кои въ мірѣ сёмъ простилися навѣкъ
Блаженства съ милою, прелестною мечтою,
Въ чьихъ горестныхъ сердцахъ умолкъ веселья гласъ,
Придите: здѣсь ещё блаженство есть для васъ!
Съ любезною навѣкъ иль съ другомъ разлученный,
Приди сюда о нихъ въ свободѣ размышлять!
И въ самыхъ горестяхъ насъ можетъ утѣшать
Воспоминаніе минувшихъ дней блаженныхъ.
Ахъ, только имъ однимъ страдалецъ и живётъ!
Пускай счастливца міръ къ веселію зовётъ;
Но ты, во цвѣтѣ лѣтъ сраженная судьбою,
Приди, приди сюда бесѣдовать съ тоскою!
Ни юность, для другихъ заря прекрасныхъ дней,
Ни прелести ума, ни рай души твоей,
Которой всё вокругъ тебя счастливо было,
Ничто, ничто судьбы жестокой не смягчило.
Какъ-будто въ сладкомъ снѣ узнала счастье ты:
Проснулась — и ужъ нѣтъ плѣнительной мечты.
Напрасно вслѣдъ за ней душа твоя стремится;
Напрасно хочешь ты опять заснуть, мечтать:
Ахъ, тотъ, кого бъ ещё хотѣла ты прижать
Къ иссохшей груди—плачь-же! онъ не возвратится
Вовѣкъ! Здѣсь будешь ты оплакивать его,
Всѣхъ въ жизни радостей навѣки съ нимъ лишенна;
Здѣсь бурной осенью природа обнаженна
Раздѣлитъ съ нѣжностью грусть сердца твоего.
Печальный мракъ ея съ душой твоей сходнѣе:
Тебѣ-ли радости въ мірскомъ шуму найти?
Одинъ увядшій листъ несчастному милѣе,
Чѣмъ всѣ блестящіе весенніе цвѣты.
И горесть сноснѣе въ объятіяхъ свободы!
Здѣсь съ нимъ тебя ничто, ничто не раздѣлитъ:
Здѣсь всё тебѣ о нёмъ лишь будетъ говорить.
Съ улыбкой томною отцвѣтшія природы
Его послѣднюю улыбку вспомнишь ты:
А тамъ, узрѣвъ цвѣтовъ печальные слѣды,
Ты скажешь: „гдѣ они? Здѣсь только прахъ ихъ тлѣетъ,
И скоро бурный вихрь и самый прахъ развѣетъ!"
И время быстрое блаженства твоего,
И тѣнь священная, и образъ вѣчно-милой
Воскреснутъ, оживутъ въ душѣ твоей унылой.
Ты вспомнишь, какъ сама цвѣла въ глазахъ его;
Какъ нѣжная рука тебя образовала
И прелестью добра тебя къ добру влекла;
Какъ ты всѣ радости въ его любви вмѣщала
И радостей иныхъ постигнуть не могла;
Какъ раемъ для тебя казалась вся вселенна.
Но жизнь обманъ; а ты, минутой обольщенна,
Хотѣла вѣчно жить для счастья, для него;
Хотѣла — громъ гремитъ: ты видишь гробъ его!
Что счастье? — Быстрый лучъ сквозь мрачныхъ тучъ осеннихъ:
Блеснётъ — и только лишь несчастный въ восхищеньи
Къ нему объятія и взоры устремитъ —
Уже сокрылось всё, чѣмъ бѣдный веселился:
Отрадный лучъ исчезъ, и мракъ надъ нимъ сгустился,
И онъ — обманутый, растерзанный — стоитъ

И Небо горестной слезою укоряетъ.
Такъ, счастья въ мірѣ нѣтъ, и кто живётъ — страдаетъ.
Напрасно хочешь ты, о добрый другъ людей,
Найти спокойствіе внутри души твоей;
Напрасно будешь ты сей мыслью веселиться,
Что съ мирной совѣстью твой духъ не возмутится.
Пусть съ доброю душой для счастья ты рожденъ,
Но былъ несчастными отвсюду окруженъ,
Но бѣдствій ближняго со всѣхъ сторонъ свидѣтель —
Не будетъ для тебя блаженствомъ добродѣтель.
Какъ часто доброму отрада лишь въ слезахъ,
Спокойствіе въ землѣ, а счастье въ небесахъ!
Не вѣчно — и тебѣ не вѣчно здѣсь томиться!
Утѣшься и туда твой взоръ да устремится,
Гдѣ твой смущённый духъ найдётъ себѣ покой —
И позабудешь всё, чѣмъ онъ терзался прежде,
Гдѣ вѣра не нужна, гдѣ мѣста нѣтъ надеждѣ,
Гдѣ царство вѣчное одной любви святой.

В. А. ЖУКОВСКІЙ.

Василій Андреевичъ Жуковскій, побочный сынъ богатаго тульскаго помѣщика Аѳанасія Ивановича Бунина и плѣнной турчанки Сальхи, названной при крещеніи Елизаветой Дементьевной, родился 29-го января 1783 года, Тульской губерніи, Бѣлёвскаго уѣзда — въ селѣ Мишенскомъ, принадлежавшемъ его отцу. Проживавшій у Бунина мелкопомѣстный бѣлорусскій дворянинъ, Андрей Григорьевичъ Жуковскій, былъ воспріемникомъ, поэта получившаго при крещеніи имя Василія Андреевича Жуковскаго. Марья Григорьевна Бунина, жена Аѳанасія Ивановича, женщина весьма набожная и добрая, приняла маленькаго Жуковскаго въ свою семью, и впослѣдствіи, когда мужъ былъ уже въ могилѣ, смотрѣла на него, какъ на собственнаго сына. Первымъ наставникомъ Жуковскаго былъ какой-то Акимъ Ивановичъ, большой охотникъ до кузнечиковъ, но плохой педагогъ. Затѣмъ, семейство Буниныхъ переѣхало въ Тулу, къ В. А. Юшковой, дочери покойнаго А. И. Бунина и крестной матери Жуковскаго, который, вскорѣ по прибытіи въ городъ, былъ отданъ въ частный пансіонъ Роде, а по закрытіи заведенія, сталъ пользоваться уроками жившихъ въ домѣ Юшковыхъ гувернантки и учителя, которымъ обязанъ первыми свѣдѣніями въ языкахъ русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ. Когда Жуковскому исполнилось девять лѣтъ, его, отдали въ Тульское народное училище, по совѣту Ѳеофилакта Гавриловича Покровскаго, совмѣщавшаго въ себѣ громкій титулъ доктора философіи и русскаго писателя съ скромнымъ званіемъ уѣзднаго учителя. Но изнѣженный домашнимъ воспитаніемъ и постояннымъ обществомъ дѣвочекъ, своихъ соучениць, Жуковскій далеко не оправдалъ надеждъ педагога. Суровый менторъ скоро замѣтилъ невниманіе ребёнка къ математическимъ урокамъ—и отнёсся къ этому невниманію очень круто; но когда всѣ репрессивныя мѣры и жалобы не произвели желаемаго дѣйствія на будущаго поэта, Покровскій объявилъ Юшковой, что если мальчика не возьмутъ немедленно изъ училища, то онъ будетъ исключёнъ *за неспособность*.

Дѣлать было нечего! Жуковскаго взяли изъ училища, и онъ продолжалъ расти и учиться въ домѣ Юшковой, окруженный цѣлымъ роемъ дѣвицъ и дѣвочекъ, на потѣху которыхъ сталъ сочинять драматическія сцены и уже на двѣнадцатомъ году написалъ двѣ драмы: „Камиллъ или освобождённый Римъ“ и „Павелъ и Виргинія“. Въ первой изъ этихъ драмъ Жуковскій занималъ главную роль, и, по свидѣтельству очевидцевъ, былъ очень величественъ въ финалѣ пьесы. Наконецъ, въ январѣ 1796 года, М. Г. Бунина отвезла Жуковскаго въ Москву и опредѣлила его въ Благородный Пансіонъ при Московскомъ университетѣ, состоявшій подъ ближайшимъ завѣдываніемъ извѣстнаго Прокоповича-Антонскаго. Облечённый въ университетскую форму — четырнадцатилѣтній поэтъ очутился въ кругу новыхъ товарищей, замѣнившихъ прежнихъ дѣвочекъ, среди которыхъ онъ до того времени росъ, и съ того же дня сталъ слушать лекціи слишкомъ двадцати наукъ и пяти языковъ, заниматься музыкой, рисованьемъ, танцами, фехтованьемъ, верховой ѣздой, ружейными пріёмами и маршировкой. Счастливый случай далъ Жуковскому въ товарищи братьевъ Тургеневыхъ, Дашкова и нѣкоторыхъ другихъ, чьи имена пріобрѣли впослѣдствіи литературную извѣстность. Благодаря этой новой средѣ, способности Жуковскаго стали быстро развиваться и принимать опредѣлённое направленіе, уже давно таившееся въ его нѣжномъ сердцѣ, но не находившее до сихъ поръ исхода. Доказательствомъ сказаннаго можетъ служить цѣлый рядъ мелкихъ стихотвореній и прозаическихъ статей, напечатанныхъ Жуковскимъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ того времени. Первыми, явившимися въ свѣтъ, произведе-

ніями Жуковскаго были прозаическая статья: „Мысли при гробѣ“ и стихотвореніе „Майское утро“, напечатанныя въ 14-й части „Пріятнаго и Полезнаго Препровожденія Времени“ на 1797 годъ. Замѣчательно, что въ обѣихъ пьесахъ кладбище, могилы и другія принадлежности смерти и тлѣнья играютъ такую-же видную роль, какъ и въ большой части его произведеній зрѣлой эпохи. Въ 1799 году Жуковскій основалъ въ пансіонѣ литературное общество, подъ названіемъ: „Собраніе воспитанниковъ университетскаго Благороднаго пансіона“, произнёсъ при открытіи его рѣчь, и былъ выбранъ единогласно его предсѣдателемъ. Вообще, во время своего пребыванія въ университетскомъ пансіонѣ, Жуковскій постоянно считался лучшимъ воспитанникомъ: на публичныхъ актахъ всегда первыя награды доставались ему, а по окончаніи курса имя его было начертано на золотой доскѣ.

Окончивъ курсъ ученія въ 1800 году, Жуковскій поступилъ-было на службу въ Главную Соляную Контору, но, прослуживъ всего годъ, вышелъ въ отставку, а въ апрѣлѣ 1802 года переселился на житьё въ Мишенское. Здѣсь получилъ онъ извѣстіе о смерти лучшаго изъ своихъ друзей, Андрея Ивановича Тургенева, юноши, подававшаго блестящія надежды, и, подъ вліяніемъ тяжелой утраты, перевёлъ элегію Грея: „Сельское кладбище“ — первое произведеніе, которое онъ самъ призналъ заслуживающимъ вниманія. Независимо отъ внутренняго своего достоинства, стихотвореніе это замѣчательно ещё и въ томъ отношеніи, что имъ открылось, въ нашей поэзіи, господство элегическаго рода, смѣнившаго торжественную оду, и начался новый періодъ въ образованіи русскаго стиха—періодъ стиха мелодическаго. Стихотвореніе это, посвящённое памяти покойнаго Тургенева, было напечатано въ „Вѣстникѣ Европы“, издававшемся въ то время Карамзинымъ, который, печатая стихи, не преминулъ отозваться о нихъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Надо замѣтить, что Жуковскому въ это время было всего девятнадцать лѣтъ, и потому легко себѣ представить, какое сильное впечатлѣніе произвёлъ на него этотъ отзывъ. Прямымъ слѣдствіемъ было знакомство и, вслѣдъ за тѣмъ, самое полное сближеніе двухъ писателей. Вліяніе Карамзина на Жуковскаго, въ первую половину литературной дѣятельности послѣдняго, замѣтно на каждомъ его произведеніи, до самаго начала двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Въ 1805 году Жуковскій перевёлъ „Донъ-Кихота“—и перевёлъ его прекрасно, хотя и своеобразно. Главное достоинство перевода заключается въ неподдѣльной весёлости разсказа о похожденіяхъ героя и въ превосходномъ слогѣ, чуждомъ всякаго педантства, всякой реторической искусственности. Не смотря на то, что надъ нимъ тяготѣетъ слишкомъ семидесятилѣтняя давность, онъ до сихъ поръ читается съ большимъ удовольствіемъ. Къ этому же времени относится крутой поворотъ литературнаго вкуса Жуковскаго къ произведеніямъ нѣмецкихъ писателей, съ которыми до этого онъ былъ мало знакомъ. Углубившись въ нѣмецкую литературу, онъ посвятилъ ей весь 1806 годъ, въ теченіе котораго написалъ всего одно оригинальное стихотвореніе: „Пѣснь барда надъ гробомъ славянъ-побѣдителей“, навѣянное тогдашними событіями и напечатанное тогда же въ 24 № „Вѣстника Европы“. Въ 1807 году, вслѣдствіе отказа Е. А. Протасовой выдать за него свою дочь (а его племянницу), Жуковскій распростился съ с. Мишенскимъ и съ г. Бѣлёвымъ, гдѣ онъ выстроилъ домъ для матери и куда наѣзжалъ по временамъ, проѣздомъ изъ деревни, и переселился въ Москву, гдѣ пріютился въ домѣ Прокоповича-Антонскаго, своего стараго пансіонскаго начальника, а въ началѣ слѣдующаго года принялъ на себя завѣдыванье „Вѣстникомъ Европы“, который затѣмъ онъ издавалъ въ теченіе трёхъ лѣтъ, сначала одинъ (1808—1809), а потомъ при помощи профессора Каченовскаго (1809 — 1810). Здѣсь, между-прочимъ, были помѣщены слѣдующія оригинальныя его стихотворенія: „Посланіе къ Филалету“, „Мой другъ, хранитель-ангелъ мой“, „Мысли надъ гробомъ Каменскаго“ и „Людмила“, первая по времени русская баллада, подражаніе Бюргеровой „Ленорѣ“, встрѣченная общими похвалами критики и публики, и доставившая автору названіе „Пѣвца Людмилы“. Тогда же явилась оригинальная повѣсть въ прозѣ: „Марьина Роща“, имѣвшая въ своё время большой успѣхъ, но теперь не представляющая интереса, благодаря крайней сентиментальности и неестественности. Изъ переводныхъ же стихотвореній, можно указать на переложенія изъ Шиллера: „Тоска по миломъ“, „Счастье“ и „Кассандра“. Съ наступленіемъ 1811 года, Жуковскій сложилъ съ себя редакціонныя обязанности по „Вѣстнику Европы“ и отправился обратно въ Бѣлёвъ и Мишенское, откуда, въ началѣ лѣта, возвратился въ Москву, а потомъ переѣхалъ на житье въ орловское имѣнье

Протасовой, деревню Муратово. Здѣсь-то, въ тѣсномъ кружкѣ родныхъ, написалъ онъ свою знаменитую „Свѣтлану“, упрочившую его извѣстность, какъ поэта. Къ этому же времени относятся нѣкоторыя переводы его изъ Шиллера, Парни и Драйдена, „Посланіе къ Батюшкову и Тургеневу“ и баллада „Громобой“, составляющая 1-ю половину старинной повѣсти: „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“. Трудно сказать, сколько времени длилось бы деревенское уединеніе Жуковскаго и какія были бы его послѣдствія, еслибъ событія 1812 года, возбудившія патріотизмъ поэта, не вызвали его къ иной дѣятельности. Прочитавъ манифестъ отъ 18-го іюля 1812 года, Жуковскій на другой же день записался въ Московское ополченіе, а 19-го августа уже выступилъ изъ Москвы. Во всё продолженіе отечественной войны, онъ состоялъ при главнокомандующемъ арміею, князѣ Кутузовѣ, и, по свидѣтельству Ермолова, помогалъ Скобелеву писать бюллетени, ни сколько не претендуя на него за то, что тотъ выдавалъ ихъ за свои собственные. Затѣмъ, увлечённый общимъ энтузіазмомъ и увѣренностью въ близкой побѣдѣ надъ дерзкимъ врагомъ, написалъ, наканунѣ Тарутинской битвы, при заревѣ бивачныхъ огней, своего знаменитаго „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ“.

„Впечатлѣніе, произведённое „Пѣвцомъ“, говоритъ Плетнёвъ „не только на войско, но и на всю Россію, невообразимо. Это былъ воинственный восторгъ, обнявшій сердца всѣхъ. Каждый стихъ повторяемъ былъ, какъ завѣтное слово. Подвиги, изображенные въ стихотвореніи, имена, внесённыя въ эту лѣтопись безсмертныхъ, сіяли чуднымъ свѣтомъ. Поэтъ умѣлъ избрать лучшій моментъ изъ славныхъ дѣлъ всякаго героя и выразилъ его лучшимъ словомъ: нельзя забыть ни того, ни другого. Эпоха была безпримѣрная — и пѣвецъ явился достойный ея.“

Обласканный княземъ Кутузовымъ, умѣвшимъ оцѣнить талантъ поэта, и награждённый въ ноябрѣ 1812 года чиномъ штабсъ-капитана и орденомъ Св. Анны 2-й степени, Жуковскій продолжалъ слѣдовать при главной квартирѣ, по дорогѣ къ Вильно, но, въ нѣсколькихъ переходахъ отъ этого города, внезапно заболѣлъ горячкой, которая чуть не свела его въ могилу. По распущеніи ополченія въ началѣ января 1813 года, онъ, полубольной, возвратился въ Муратово, гдѣ вскорѣ окончательно возстановилъ утраченныя силы, благодаря нѣжной заботливости своихъ родныхъ. Здѣсь-то и написалъ онъ своё посланіе: „Князю Смоленскому“, напечатанное въ 5 № „Сына Отечества“ на 1813 годъ, а также стихотворенія: „Пловецъ“, „Желаніе“, „Къ Филону“ и другія. Встрѣтивъ 1814 годъ въ Муратовѣ, Жуковскій, 29-го января, въ тридцать первую годовщину дня своего рожденья, написалъ „Посланіе къ Войекову“, а спустя мѣсяцъ, потрясённый до глубины души тѣми восторженными похвалами, исполненными любви и обожанія, которыя сопровождали побѣдоносное шествіе Александра къ Парижу, взялся снова за перо — и вскорѣ громадное его посланіе „Императору Александру“ было окончено и отправлено въ Петербургъ, на предварительный просмотръ Батюшкова и князя Вяземскаго. Послѣ длинной переписки между Жуковскимъ и его друзьями, и по исправленіи многихъ мѣстъ и стиховъ, „Посланіе“ получило ту окончательную форму, въ какой оно извѣстно намъ изъ печатныхъ экземпляровъ. Придавъ „Посланію“ окончательную форму, Жуковскій отослалъ рукопись къ А. И. Тургеневу, для представленія ея вдовствующей императрицѣ Маріи Ѳёдоровнѣ — и вотъ его отвѣтъ: „1-го января 1815 года. Пишу тебѣ, безцѣнный и милый другъ Василій Андреевичъ, въ самый новый годъ, чтобы отъ всей души, произведеніями твоего генія возвышенной, поздравить тебя съ новымъ годомъ и съ новою славою. Я долженъ описать тебѣ подробно чтеніе, которое происходило въ комнатахъ ея величества, въ присутствіи ея, великихъ князей, великой княжны Анны Павловны, графини Ливенъ, Нелидовой, Нелединскаго-Мелецкаго, Виламова и Уварова. Я писалъ уже тебѣ, что государынѣ угодно было назначить мнѣ пріѣхать въ 7 часовъ вечера 30-го декабря. Въ самый часъ явился я къ Уварову — и немедленно ввели насъ въ кабинетъ ея, гдѣ уже дожидался Нелединскій. Черезъ пять минутъ вошла и государыня съ тѣми особами, которыя я наименовалъ выше. Началось чтеніе. Приготовленный совѣтами моихъ пріятелей, я читалъ внятно и съ тѣмъ чувствомъ, которое внушила мнѣ и высокость предмета, и пламенный геній твой, и моя не менѣе пламенная дружба къ тебѣ. Въ продолженіе чтенія великіе князья изъявили желаніе, чтобы эти стихи переведены были, если можно, на нѣмецкій и англійскій языки. Но для того надобно другого Жуковскаго, а онъ принадлежитъ одной Россіи, и только одна Россія имѣетъ Александра и Жуковскаго. Въ концѣ пьесы не разъ навёртывались слёзы, и государыня, и я принуждены были останавливаться. Она обращалась къ великой княжнѣ и встрѣчала взоры ея, также исполнен-

ные любви къ предмету твоего пѣснопѣнія и удивленія къ твоему таланту. Сколько сладкихъ чувствъ въ одно время для матери, братьевъ и сестёръ твоего героя, и для твоего друга, свидѣтеля такого безпритворнаго восхищенія, смѣшаннаго съ благодарностью къ генію, умѣвшему выразить всё величіе предмета единственнаго."

По желанію императрицы, „Посланіе" издано было, въ пользу автора, весьма роскошно, а сочинителю былъ пожалованъ брилліантовый перстень. Что же касается провинціи, то, по свидѣтельству очевидца, это стихотвореніе Жуковскаго пріобрѣло тамъ положительно значеніе оффиціальнаго гимна Александру. Весною того же 1815 года, Жуковскій, въ проѣздъ свой черезъ Петербургъ въ Дерптъ, гдѣ жила тогда Е. А. Протасова, съ обѣими дочерьми, у мужа младшей изъ нихъ, профессора тамошняго университета Воейкова, былъ представленъ въ Павловскѣ императрицѣ Маріи Ѳёдоровнѣ, принявшей его весьма благосклонно. Слѣдствіемъ этого перваго свиданія было тó, что Жуковскій получилъ званіе лектора при императрицѣ, которая любила видѣть около себя избранный кружокъ ученыхъ и писателей. Но Жуковскій, на этотъ разъ, оставался не долго въ Петербургѣ — его тянуло въ Дерптъ. Здѣсь, живя среди нѣмцевъ, вращаясь въ кругу нѣмцевъ-профессоровъ и пробавляясь исключительно произведеніями нѣмецкой литературы, Жуковскій, мало-по-малу, сталъ входить во вкусъ всего нѣмецкаго и кончилъ тѣмъ, что началъ находить всевозможныя прелести въ замкнутой и узкой жизни нѣмецкаго университетскаго городка. Друзья Жуковскаго призадумались — и стали звать его въ Петербургъ; но поэтъ и слышать не хотѣлъ о переѣздѣ, и продолжалъ жить въ Дерптѣ, дописывая вторую половину своей повѣсти: „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ" (балладу „Вадимъ") и приготовляя къ изданію полное собраніе своихъ сочиненій. Такъ наступилъ конецъ 1816 года, ознаменованный для нашего поэта двумя важными событіями: бракомъ М. А. Протасовой, вышедшей замужъ, съ его разрѣшенія и по желанію матери, за профессора Мойера, и назначеніемъ поэту государемъ императоромъ пожизненной пенсіи въ 4,000 рублей. Дѣлать нечего, надо было разстаться съ Дерптомъ! „Пенсіонъ, который далъ мнѣ государь", писалъ онъ къ одному изъ своихъ друзей, приглашавшему его на житьё въ Москву: „который я считаю наградою за *добрую надежду*, налагаетъ на меня обязанность трудиться, дорожить временемъ и успокоить совѣсть свою, написавъ что-нибудь важное. Слава достойная есть для меня теперь то же, что благодарность. Чтобы работать порядкомъ, надобно сидѣть на мѣстѣ; а чтобы написать что-нибудь важное, надобно собрать для этого матеріалы. У меня сдѣланъ планъ: онъ требуетъ множества матеріаловъ историческихъ. Того, откуда я ихъ почерпнуть долженъ, съ собою взять не могу, а время, между тѣмъ, летитъ. Что, если оно улетитъ и умчитъ съ собою возможность что-нибудь сдѣлать? Я столько потерялъ времени, что теперь каждая минута кажется важною. Вся моя протекшая жизнь есть не иное что, какъ жертва мечтамъ — жалкая жертва! и боюсь, не потерялъ ли я уже возможности пользоваться настоящимъ". Уѣзжая, въ началѣ 1817 года, изъ Дерпта въ Петербургъ, Жуковскій, прощаясь съ провожавшими его родственниками и знакомыми, сказалъ: „романъ моей жизни оконченъ — теперь начинается исторія". И дѣйствительно, слѣдующее двадцатипятилѣтіе жизни Жуковскаго скорѣе принадлежитъ исторіи, чѣмъ литературѣ, такъ какъ во всё продолженіе этого времени онъ писалъ очень мало, да и все написанное имъ съ 1817 по 1841 годъ состоитъ почти исключительно изъ однихъ переводовъ и подражаній. Къ этому періоду литературной дѣятельности Жуковскаго относится письмо И. И. Дмитріева къ А. И. Тургеневу, въ которомъ, между прочимъ, находится слѣдующій любопытный и вполнѣ справедливый отзывъ о нашемъ поэтѣ: „Ревность друзей (Жуковскаго) почти достигла своей цѣли: кажется, поэтъ, мало-по-малу, превращается въ придворнаго; кажется, новость въ знакомствахъ, въ образѣ жизни начинаетъ прельщать его. Увидимъ, въ чёмъ найдётъ болѣе выгоды, а между тѣмъ, будемъ пока питаться „Овсянымъ Киселёмъ"; для меня и онъ по вкусу; но, я лакомъ и люблю разнообразіе". Весною 1817 года прибыла въ Петербургъ невѣста великаго князя Николая Павловича, дочь прусскаго короля Вильгельма III — и Жуковскій получилъ приглашеніе преподавать ея высочеству русскій языкъ. Тогда Жуковскій окончательно поселился въ Петербургѣ, котораго съ тѣхъ поръ за исключеніемъ кратких отлучекъ за границу, онъ уже не покидалъ въ теченіе цѣлыхъ 25 лѣтъ, и только, слѣдуя всюду за Дворомъ, въ качествѣ педагога великой княгини Александры Ѳеодоровны, переѣзжалъ то въ Москву, то въ Павловскъ, то въ Царское Село, то въ Петергофъ. Въ 1826 году, тотчасъ по вступленіи Николая Павловича на

престолъ, Жуковскій былъ назначенъ наставникомъ наслѣдника-цесаревича, Александра Николаевича, будущаго Царя-Освободителя. Осчастливленый лестнымъ для него довѣріемъ, Жуковскій принялся за выполненіе этой новой обязанности немедленно и съ свойственной ему горячностью. — „Моя настоящая должность", писалъ Жуковскій къ одному изъ друзей: „берётъ всё моё время. Въ головѣ одна мысль, въ душѣ одно желанье. Не думавши, не гадавши, я сдѣлался наставникомъ наслѣдника престола. Какая забота и отвѣтственность!.. Цѣль для цѣлой остальной жизни! Чувствую ея великость, и всѣми мыслями стремлюсь къ ней!.. Занятій множество: надобно учить и учиться — и время всё захвачено. Прощай навсегда, поэзія съ риѳмами! Поэзія другого рода со мною, мнѣ одному знакомая, понятная для одного меня, но для свѣта безмолвная. Ей должна быть посвящена вся остальная жизнь".

Уже изъ этого письма можно видѣть, что всё время Жуковскаго было поглощено дѣломъ воспитанія, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ теченіе 25 лѣтъ, проведенныхъ имъ при Дворѣ и посвящённыхъ педагогическимъ занятіямъ, у него оставалось очень мало времени для литературныхъ занятій, и даже выпадали такіе года, а иногда и цѣлые ряды годовъ, какъ, напримѣръ: 1819—1820 и 1823—1828, въ которые поэтъ не сочинилъ ни одного стиха. Съ 1817 по 1841 годъ, Жуковскій издалъ шесть книжекъ переводовъ изъ нѣмецкихъ поэтовъ, подъ названіемъ: „Für Wenige" („Для немногихъ"), куда, между прочимъ, вошли слѣдующіе его переводы: изъ Шиллера—„Рыцарь Тогенбургъ", „Горная пѣсня", Графъ Габсбургскій" и „Жалоба"; изъ Гёте—„Утѣшеніе въ слезахъ", „Рыбакъ", „Къ мѣсяцу„ и „Лѣсной царь"; изъ Гебеля — „Овсяный кисель", „Тлѣнность", „Утренняя звѣзда", „Деревенскій сторожъ" и „Лѣтній вечеръ", изъ Кёрнера — „Вѣрность до гроба"; перевёлъ „Орлеанскую дѣву", трагедію Шиллера, поэму Байрона: „Шильонскій узникъ", повѣсть Мура: „Пери и Ангелъ", балладу В. Скотта: „Смальгольмскій баронъ", „Разрушеніе Трои" изъ „Энеиды" Виргилія, „Отрывокъ изъ Иліады", передѣлалъ прелестную повѣсть Ла-Моттъ-Фуке „Ундину", переложилъ съ нѣмецкаго перевода Рюкерта индійскую поэму: „Наль и Дамаянти" и перевёлъ изъ англійскихъ (Соути) и нѣмецкихъ поэтовъ (Шиллера Гёте, Уланда, Бюргера, Гебеля, Зейдлица и Кёрнера) до тридцати балладъ. Что же касается оригинальныхъ его произведеній, то въ эти 25 лѣтъ Жуковскій написалъ всего какой-нибудь десятокъ мелкихъ стихотвореній. Изъ нихъ можно указать только на три: „Подробный отчётъ о лунѣ", „У гроба императрицы Маріи Ѳёдоровны" и „Бородинская годовщина", изъ которыхъ послѣднее не уступаетъ въ достоинствѣ лучшимъ произведеніямъ лучшей эпохи его творчества.

1-го мая 1841 года, по сложеніи съ себя званія наставника, Жуковскій, осыпанный монаршими милостями *) и обезпеченный на всю жизнь, отправился за границу — и уже болѣе не возвращался въ Россію. Затѣмъ, онъ женился на 19-тилѣтней дѣвушкѣ, (она была почти на сорокъ лѣтъ моложе своего жениха), дочери художника Рейтерна, и, тотчасъ послѣ свадьбы, отправился въ Дюсельдорфъ, гдѣ и поселился. Здѣсь, въ началѣ 1843 года, Жуковскій, уже отецъ перваго ребёнка, приступилъ къ переложенію нѣмецкаго прозаическаго перевода Гомеровой „Одиссеи" въ русскіе стихи, и, несмотря на всю громадность труда, разстроенное здоровье и болѣзнь жены, успѣшно окончилъ свой превосходный трудъ за два года до смерти, проработавъ надъ нимъ около семи лѣтъ. Послѣднимъ капитальнымъ произведеніемъ Жуковскаго былъ переводъ персидской поэмы „Рустемъ и Зорабъ", оконченный имъ въ 1848 году. Между-тѣмъ здоровье жены Жуковскаго видимо разрушалось, и это заставило его, въ 1844 году, переселиться въ окрестности Франкфурта-на-Майнѣ, а потомъ — въ Эмсъ, гдѣ семейство Жуковскаго провело всё лѣто 1847 года. Весной 1848 года Жуковскіе покинули окрестности Франкфурта-на-Майнѣ и поселились въ Баденъ-Баденѣ. 30-го августа 1849 года Жуковскій былъ порадованъ послѣднею монаршею наградою — орденомъ Бѣлаго Орла, даннаго ему, какъ сказано въ рескриптѣ, „въ ознаменованіе особеннаго Нашего уваженія къ трудамъ вашимъ на поприщѣ отечественной литературы, съ такою славою въ теченіе пятидесяти лѣтъ подъемлемымъ, и въ изъявленіе душевной Нашей признательности за заслуги, Нашему семейству вами оказанныя". Въ іюлѣ 1850 года Жуковскій выслалъ въ Петербургъ приготовленныя къ печати новыя свои прозаическія сочиненія, вслѣдъ за которыми намѣревался самъ отправиться въ Россію, но внезапно усилившаяся болѣзнь

---

*) Жуковскій былъ одновременно произведёнъ въ тайные совѣтники и пожалованъ кавалеромъ орденовъ: Св. Анны и Св. Станислава 1-хъ степеней и Св. Владиміра 2-го класса.

жены и собственные недуги заставили его отказаться отъ принятаго намѣренія. Онъ заболѣлъ и почти ослѣпъ, но все еще продолжалъ заниматься поэзіей, какъ это видно изъ слѣдующаго письма его къ Плетнёву, отъ 13-го сентября 1851 года: „Странное дѣло! Почти черезъ два дня послѣ начала моей болѣзни, загомозилась во мнѣ поэзія — и я принялся за поэму, которой первые стихи мною были написаны назадъ тому девять лѣтъ, которой идея лежала съ тѣхъ поръ въ душѣ не развитая и которой созданія я отлагалъ до возвращенія на родину, до спокойнаго времени осѣдлой семейной жизни. Я полагалъ, что не могу приступить къ дѣлу, не приготовивъ многаго чтеніемъ. Вдругъ дѣло само собой началось: всё льётся изнутри". Поэма, о которой здѣсь говорится, есть — „Странствующій жидъ", сочинённая имъ, съ закрытыми глазами, изъ источниковъ, читанныхъ ему окружающими, и записанная, съ его словъ, камердинеромъ. Она осталась неоконченною: смерть прекратила работу головы. Послѣднимъ произведеніемъ Жуковскаго считается стихотвореніе: „Царскосельскій лебедь". 1-го апрѣля Жуковскій почувствовалъ себя дурно, слёгъ въ постель и уже болѣе не вставалъ. Онъ скончался 12-го апрѣля 1852 года, на 70 году жизни, въ Баденъ-Баденѣ. Тѣло его перевезено было въ Петербургъ, гдѣ, 29-го іюня, послѣ панихиды, было вынесено друзьями покойнаго, въ томъ числѣ наслѣдникомъ-цесаревичемъ (впослѣдствіи императоромъ Александромъ II), изъ главнаго храма Александроневской Лавры на кладбище Лавры и тамъ опущено въ землю, рядомъ съ могилою Карамзина.

Собраніе сочиненій Жуковскаго выдержа до 1870 года шесть изданій. *Первое*—въ 1815—1816 годахъ (Спб., 2 ч.), *второе*—въ 1818 году (М. 3 ч.), *третье*—въ 1824 году (Спб., 3 ч.), *четвёртое* — въ 1835—1844 годахъ (Спб., 9 ч.), *пятое* — въ 1849—1857 (Карлсруэ и Спб., 13 частей) и *шестое* — въ 1869 году (Спб., 6 ч.). Кромѣ того, „Баллады и повѣсти" имѣли отдѣльное изданіе (2 ч. 1831 года), прозаическія сочиненія, подъ названіемъ: „Опыты въ прозѣ", два изданія: въ 1818 и 1820 годахъ, а „Переводы въ прозѣ" — тоже два изданія: въ 1816—1817 и въ 1827 годахъ. Изъ отдѣльныхъ изданій можно указать на слѣдующія: 1) „Мальчикъ у ручья. Повѣсть Коцебу. Переводъ съ нѣмецкаго". 4 части. 1-е изд. 1801; 2-е изд. 1819. 2) „Донъ Кихотъ ла-Манхскій. Соч. Сервантеса. Переводъ съ французскаго Флоріанова перевода". 6 частей. 1-е изд. 1805; 2-е изд. 1815. 3) „Ундина, старинная повѣсть, разсказанная на нѣмецкомъ языкѣ въ прозѣ барономъ Ламотъ-Фуке, на русскомъ въ стихахъ В. Жуковскимъ". Спб. 1837. 4) „Наль и Дамаянти, индійская повѣсть. В. А. Жуковскаго". Спб. 1844.

I.

ПѢСНЯ.

Минувшихъ дней очарованье,
Зачѣмъ опять воскресло ты?
Кто разбудилъ воспоминанье
И замолчавшія мечты?
Шепнулъ душѣ привѣтъ бывалой,
Душѣ блеснулъ знакомый взоръ —
И зримо ей минуту стало
Незримое съ давнишнихъ поръ.

О, милый гость, святое *прежде*!
Зачѣмъ въ мою тѣснишься грудь?
Могу-ль сказать „живи" надеждѣ?
Скажу-ль тому, что̀ было — „будь"?
Могу-ль узрѣть во блескѣ новомъ
Мечты увядшей красоту?
Могу-ль опять одѣть покровомъ
Знакомой жизни наготу?

Зачѣмъ душа въ тотъ край стремится,
Гдѣ были дни, какихъ ужъ нѣтъ?
Пустынный край не населится:
Не узритъ онъ минувшихъ лѣтъ.
Тамъ есть *одинъ* жилецъ безгласный,
Свидѣтель милой старины;
Тамъ вмѣстѣ съ нимъ всѣ дни прекрасны
Въ единый гробъ положены.

II.

БЛИЗОСТЬ ВЕСНЫ.

На небѣ тишина:
Таинственно луна
Сквозь тонкій паръ сіяетъ;
Звѣзда любви играетъ
Надъ тёмною горой;
И въ безднѣ голубой
Безплотные, летая,
Чаруя, оживляя
Ночную тишину,
Привѣтствуютъ весну.

III.

МИМОПРОЛЕТѢВШЕМУ ЗНАКОМОМУ ГЕНІЮ.

Скажи, кто ты, плѣнитель безымянный?
Съ какихъ небесъ примчался ты ко мнѣ?
Зачѣмъ опять влечёшь къ обѣтованной
Давно, давно покинутой странѣ?

Не ты-ли тотъ, который жизнь младую
Такъ сладостно мечтами усыплялъ
И въ старину про гостью неземную,
Про милую надежду ей шепталъ?

Не ты-ли тотъ, кѣмъ всё во дни прекрасны
Такъ жило тамъ въ счастливыхъ тѣхъ краяхъ,
Гдѣ лугъ душистъ, гдѣ воды свѣтло-ясны,
Гдѣ веселъ день на чистыхъ небесахъ?

Не ты-ль во грудь съ живымъ весны дыханьемъ
Таинственной усталостью влеталъ,
Её тѣснилъ томительнымъ желаньемъ
И трепетнымъ весельемъ волновалъ?

Поэзіи священнымъ вдохновеньемъ
Не ты ль съ душой носился въ высоту,
Предъ ней горѣлъ божественнымъ видѣньемъ,
Разоблачалъ ей жизни красоту?

Въ часы утратъ, въ часы печали тайной,
Не ты ль всегда бесѣдой сердца былъ,
Его смирялъ утѣхою случайной
И тихою надеждою цѣлилъ?

И не тебѣ-ль всегда она внимала
Въ чистѣйшія минуты бытія,
Когда судьбы святыню постигала,
Когда лишь Богъ свидѣтель былъ ея?

Какую жъ вѣсть принёсъ ты, мой плѣнитель?
Или опять мечтой лишь поманишь,
И — прежнихъ думъ напрасный пробудитель —
О счастіи шепнёшь и замолчишь?

О, геній мой, побудь ещё со мною!
Бывалый другъ, отлётомъ не спѣши:
Останься, будь мнѣ жизнію земною,
Будь ангеломъ-хранителемъ души!

IV.

МОРЕ.

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарованъ надъ бездной твоей.
Ты живо: ты дышишь; смятённой любовью,
Тревожною думой наполнено ты.
Безмолвное море, лазурное море,
Открой мнѣ глубокую тайну твою:
Чтó движетъ твоё необъятное лоно?
Чѣмъ дышитъ твоя напряженная грудь?
Иль тянетъ тебя изъ земныя неволи
Далёкое, свѣтлое небо къ себѣ?
Таинственной, сладостной полное жизни,
Ты чисто въ присутствіи чистомъ его;
Ты льёшься его свѣтозарной лазурью,
Вечернимъ и утреннимъ свѣтомъ горишь,
Ласкаешь его облака золотыя
И радостно блещешь звѣздами его.
Когда же сбираются тёмныя тучи,
Чтобъ ясное небо отнять у тебя,
Ты бьёшься, ты воешь, ты волны подъемлешь,
Ты рвёшь и терзаешь враждебную мглу —
И мгла исчезаетъ, и тучи уходятъ;
Но, полное прошлой тревоги своей,
Ты долго вздымаешь испуганны волны,
И сладостный блескъ возвращённыхъ небесъ
Не вовсе тебѣ тишину возвращаетъ;
Обманчивъ твоей неподвижности видъ:
Ты въ безднѣ покойной скрываешь смятенье:
Ты, небомъ любуясь, дрожишь за него.

V.

НОЧЬ.

Уже утомившійся день
Склонился въ багряныя воды;
Темнѣютъ лазурные своды,
Прохладная стелется тѣнь —
И ночь молчаливая мирно
Пошла по дорогѣ эѳирной,
И Гесперъ летитъ передъ ней
Съ прекрасной звѣздою своей.

Сойди, о небесная, къ намъ
Съ волшебнымъ твоимъ покрываломъ.
Съ цѣлебнымъ забвенья фіаломъ,
Дай мира усталымъ сердцамъ!
Своимъ миротворнымъ явленьемъ,
Своимъ усыпительнымъ пѣньемъ
Томимую душу тоской,
Какъ матерь дитя, успокой!

VI.

ТЕОНЪ И ЭСХИНЪ.

Эсхинъ возвращался къ пенатамъ своимъ,
Къ брегамъ благовоннымъ Алфея.

Онъ долго по свѣту за счастьемъ бродилъ —
Но счастье, какъ тѣнь, убѣгало.

И роскошь, и слава, и Вакхъ, и Эротъ —
Лишь сердце они изнурили;
Цвѣтъ жизни былъ сорванъ — увяла душа:
Въ ней скука смѣнила надежду.

Ужъ взорамъ его тихоструйный Алфей
Въ цвѣтущихъ брегахъ открывался;
Предъ нимъ оживились минувшіе дни,
Давно улетѣвшая младость.

Всё тѣ-жъ берега и поля, и холмы,
И то-же прекрасное небо;
Но гдѣ-жъ озарявшая нѣкогда ихъ
Волшебнымъ сіяньемъ надежда?

Жилище Теоново ищетъ Эсхинъ.
Теонъ при домашнихъ пенатахъ,
Въ желаніяхъ скромный, безъ пышныхъ надеждъ,
Остался на брегѣ Алфея.

Близъ мѣста, гдѣ въ море втекаетъ Алфей,
Подъ сѣнью оливъ и платановъ,
Смиренную хижину видитъ Эсхинъ:
То было жилище Теона.

Съ безоблачныхъ солнце сходило небесъ,
И тихое море горѣло;
На хижину сыпался розовый блескъ,
И миртны окрестны алѣли.

Изъ бѣлаго мрамора гробъ невдали,
Обсаженный миртами, зрѣлся;
Душистыя розы и гибкій ясминъ
Вѣтвями надъ нимъ сплетались.

На прагѣ сидѣлъ въ размышленьи Теонъ,
Смотря на багряное море —
Вдругъ видитъ Эсхина, и вмигъ узнаётъ
Сопутника юныя жизни.

„Да благостно взглянетъ хранитель-Зевесъ
На мирный возвратъ твой къ пенатамъ!“
Съ блистающимъ радостью взоромъ Теонъ
Сказалъ, обнимая Эсхина —

И взглядъ на него любопытный вперилъ:
Лицо его скорбно и мрачно.
На друга внимательно смотритъ Эсхинъ:
Взоръ друга прискорбенъ, но ясенъ.

„Когда я съ тобой разлучался, Теонъ,
Надежда сулила мнѣ счастье;
Но опытъ иное мнѣ въ жизни явилъ:
Надежда — лукавый предатель!

„Скажи, о Теонъ, твой задумчивый взглядъ
Не ту же-ль судьбу возвѣщаетъ?
Ужель и тебя посѣтила печаль
При мирныхъ домашнихъ пенатахъ?“

Теонъ указалъ, воздыхая, на гробъ.
„Эсхинъ! вотъ безмолвный свидѣтель,
Что боги для счастья послали намъ жизнь —
Но съ нею печаль неразлучна!

„О нѣтъ, не ропщу на Зевесовъ законъ:
И жизнь, и вселенна — прекрасны!
Не въ радостяхъ быстрыхъ, не въ ложныхъ мечтахъ
Я видѣлъ земное блаженство.

„Что можетъ разрушить въ минуту судьба,
Эсхинъ, то на свѣтѣ не наше;
Но сердца нетлѣнныя блага: любовь
И сладость возвышенныхъ мыслей.

„Вотъ счастье, о другъ мой! Оно не мечта.
Эсхинъ, я любилъ — и былъ счастливъ;
Любовью моя освятилась душа —
И жизнь въ красотѣ мнѣ предстала.

„При блескѣ возвышенныхъ мыслей, я зрѣлъ
Яснѣе великость творенья;
Я вѣрилъ, что путь мой лежитъ по землѣ
Къ прекрасной, возвышенной цѣли.

„Увы! я любилъ — и ея уже нѣтъ!
Но счастье, вдвоёмъ столь живое,
Навѣки ль исчезло? И прежніе дни
Вотще-ли столь были прелестны?

„О нѣтъ! никогда не погибнетъ ихъ слѣдъ:
Для сердца прешедшее вѣчно.
Страданье въ разлукѣ есть та же любовь;
Надъ сердцемъ утраты безсильны.

„И скорбь о погибшемъ не есть-ли, Эсхинъ,
Обѣтъ неизмѣнной надежды,
Что гдѣ-то въ знакомой, но тайной странѣ
Погибшее намъ возвратится?

„Кто разъ полюбилъ, тотъ на свѣтѣ, мой другъ,
Уже одинокимъ не будетъ!
Ахъ! свѣтъ, гдѣ она предо мною цвѣла —
Онъ тотъ же: всё ею онъ полонъ.

„По той же дорогѣ стремлюся одинъ
И къ той же возвышенной цѣли,

Къ которой такъ бодро стремился вдвоёмъ:
Сихъ узъ не разрушитъ могила.

„Сей мыслью высокой украшена жизнь.
Я взоромъ смотрю благодарнымъ,
На землю, гдѣ столько разсыпано благъ,
На полное славы творенье.

„Спокойно смотрю я съ земли рубежа
На сторону лучшія жизни;
Сей сладкой надеждою міръ озаренъ,
Какъ небо сіяньемъ Авроры.

„Съ сей сладкой надеждой я выше судьбы,
И жизнь мнѣ земная священна;
При мысли великой, что я человѣкъ,
Всегда возвышаюсь душою.

„А этотъ безмолвный, таинственный гробъ...
О, другъ мой, онъ вѣрный свидѣтель,
Что лучше сей жизни ещё впереди,
Что вѣрно желанное будетъ.

„Сей гробъ — затворённая къ счастію дверь —
Отворится: жду и надѣюсь!
За нимъ ожидаетъ сопутникъ меня,
На мигъ мнѣ явившійся въ жизни.

„О другъ мой! искавъ измѣняющихъ благъ,
Искавъ наслажденій минутныхъ,
Ты вѣрныя блага утратилъ свои —
Ты жизнь презирать научился.

„Съ симъ гибельнымъ чувствомъ ужасенъ и свѣтъ.
Дай руку — близъ вѣрнаго друга
Съ природой и жизнью опять примирись:
О, вѣрь мнѣ, прекрасна вселенна!

„Всё Небо намъ дало, мой другъ, съ бытіёмъ;
Всё въ жизни — къ великому средство, —
И горесть, и радость — всё къ цѣли одной..
Хвала жизнедавцу Зевесу!"

VII.

„ПѢВЕЦЪ ВО СТАНѢ РУССКИХЪ ВОИНОВЪ".

(отрывокъ.)

На полѣ бранномъ тишина;
Огни между шатрами.
Друзья, здѣсь свѣтитъ намъ луна,
Здѣсь кровъ небесъ надъ нами!
Наполнимъ кубокъ круговой!
Дружнѣе! руку въ руку!
Запьёмъ виномъ кровавый бой
И съ падшими разлуку!
Кто любитъ видѣть въ чашахъ дно,
Тотъ бодро ищетъ боя...
О, всемогущее вино,
Веселіе героя!

Сей кубокъ чадамъ древнихъ лѣтъ!
Вамъ слава, наши дѣды!
Друзья! уже могучихъ нѣтъ,
Ужъ нѣтъ вождей побѣды.
Ихъ домы вихорь разметалъ,
Ихъ гробы срыли плуги,
И пламень ржавчины сожралъ
Ихъ шлемы и кольчуги;
Но духъ отцовъ воскресъ въ сынахъ:
Ихъ поприще предъ нами...
Мы тамъ найдёмъ ихъ славный прахъ
Съ ихъ славными дѣлами!

Смотрите: въ грозной красотѣ,
Воздушными полками
Ихъ тѣни мчатся въ высотѣ
Надъ нашими шатрами!
О, Святославъ, бичъ древнихъ лѣтъ,
Се — твой полётъ орлиной!
„Погибнемъ! мёртвымъ срама нѣтъ!"
Гремитъ передъ дружиной.
И ты, невѣрнымъ страхъ, Донской,
Съ четой двухъ соименныхъ,
Летишь погибельной грозой
На рать иноплеменныхъ.

И ты, нашъ Пётръ, въ толпѣ вождей.
Внимайте кличъ: Полтава!
Орды пришельца — снѣдь мечей,
И міръ взываетъ: „слава!"
Давно ль, о хищникъ, пожиралъ
Ты взоромъ наши грады?
Бѣги — твой конь и всадникъ палъ;
Твой слѣдъ — костей громады.
Бѣги — и стыдъ, и страхъ сокрой
Въ лѣсу съ твоимъ сарматомъ!
Отчизны врагъ — сопутникъ твой!
Злодѣй — владыкѣ братомъ!

Но кто сей рьяный великанъ,
Сей витязь полуночи?
Друзья, на спящій вражій станъ
Вперилъ онъ страшны очи.

Его завидя въ облакахъ,
Шумящимъ смутнымъ роемъ
На снѣжныхъ Альповъ высотахъ
Возникли тѣни съ воемъ.
Блѣднѣетъ галлъ, дрожитъ сарматъ
Въ шатрахъ отъ гнѣвныхъ взоровъ.
О, горе, горе, супостатъ!
То грозный нашъ Суворовъ!

Хвала вамъ, чада прежнихъ лѣтъ!
Хвала вамъ, чада славы!
Дружиной смѣлой вамъ вослѣдъ
Бѣжимъ на пиръ кровавый.
Да мчится вашъ побѣдный строй
Предъ нашими орлами!
Да сѣетъ, намъ предтеча въ бой,
Погибель надъ врагами!
Наполнимъ кубокъ! мечъ во длань!
Внимай намъ, вѣчный Мститель:
„За гибель — гибель! брань — за брань!
И казнь тебѣ, губитель!“

Отчизнѣ кубокъ сей, друзья!
Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія —
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнитъ?
О, родина святая,
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя!

Тамъ всё — тамъ родшихъ милый домъ,
Тамъ наши жены, чады;
О насъ ихъ слёзы предъ Творцомъ;
Мы жизни ихъ ограда;
Тамъ дѣвы, прелесть нашихъ дней,
И сонмъ друзей безцѣнный,
И царскій тронъ, и прахъ царей,
И предковъ прахъ священный.
За нихъ, друзья, всю нашу кровь!
На вражьи грянемъ силы —
Да въ чадахъ къ родинѣ любовь
Зажгутъ отцовъ могилы!

Тебѣ сей кубокъ, русскій царь!
Цвѣти твоя держава!
Священный тронъ твой — намъ олтарь;
Предъ нимъ обѣтъ нашъ — слава.
Не измѣнимъ: мы отъ отцовъ
Пріяли вѣрность съ кровью.
О царь! здѣсь сонмъ твоихъ сыновъ!
Къ тебѣ горимъ любовью!
Нашъ каждый ратникъ — славянинъ:
Всѣ долгу здѣсь послушны.
Бѣжитъ предатель сихъ дружинъ,
И чуждъ имъ малодушный.

Сей кубокъ ратнымъ и вождямъ!
Въ шатрахъ, на полѣ чести
И жизнь, и смерть — всё пополамъ;
Тамъ дружество безъ лести,
Рѣшимость, правда, простота
И нравовъ непритворство,
И смѣлость — бранныхъ красота —
И твёрдость, и покорство!
Друзья, мы чужды низкихъ узъ!
Къ вѣнцамъ, — стезёю правой!
Опасность — твёрдый нашъ союзъ!
Одной пылаемъ славой!

Тотъ нашъ, кто первый въ бой летитъ
На гибель супостата,
Кто слабость падшаго щадитъ
И грозно мститъ за брата.
Онъ взоромъ жизнь даётъ полкамъ;
Онъ махомъ мощной длани
Ихъ мчитъ во срѣтенье врагамъ,
Въ средину шумной брани;
Ему веселье битвы гласъ,
Спокоенъ подъ громами:
Онъ свой послѣдній видитъ часъ
Безстрашными очами.

Хвала тебѣ, нашъ бодрый вождь,
Герой подъ сѣдинами;
Какъ юный ратникъ, вихрь и дождь,
И трудъ онъ дѣлитъ съ нами.
О, сколь съ израненнымъ челомъ
Предъ строемъ онъ прекрасенъ!
И сколь онъ хладенъ предъ врагомъ,
И сколь врагу ужасенъ!
О диво! се — орёлъ пронзилъ
Надъ нимъ небесъ равнины...
Могучій вождь главу склонилъ;
Ура! кричатъ дружины.

Лети ко прадѣдамъ, орёлъ,
Пророкомъ славной мести!
Мы твёрды: вождь нашъ перешелъ
Путь гибели и чести.

Съ нимъ опытъ, сынъ труда и лѣтъ;
Онъ бодръ и съ сѣдиною;
Ему знакомъ побѣды слѣдъ:
Довѣренность герою!
Нѣтъ, други, нѣтъ — не предана
Москва на расхищенье!
Тамъ стѣны... въ Россахъ вся она!
Мы здѣсь, и Богъ нашъ — мщенье!

Хвала сподвижникамъ-вождямъ!
Ермоловъ, витязь юный!
Ты ратнымъ братъ, ты жизнь полкамъ,
И страхъ — твои перуны!
Раевскій, слава нашихъ дней,
Хвала — передъ рядами
Онъ первый грудь противъ мечей
Съ младенцами-сынами!
Нашъ Милорадовичъ — хвала!
Гдѣ онъ промчался съ бранью,
Тамъ, мнится, смерть сама прошла
Съ губительною дланью.

Нашъ Витгенштеинъ, вождь-герой,
Петрополя спаситель,
Хвала: онъ щитъ странѣ родной!
Онъ хищныхъ истребитель!
О, сколь величественный видъ,
Когда передъ рядами
Одинъ, склонясь на твёрдый щитъ,
Онъ грозными очами
Блюдётъ противниковъ полки,
Имъ гибель устрояетъ —
И вдругъ движеніемъ руки
Ихъ сонмы разсыпаетъ.

Хвала тебѣ, славянъ любовь,
Нашъ Коновницынъ смѣлый!
Ничто ему толпы враговъ,
Ничто мечи и стрѣлы.
Предъ нимъ, за нимъ перунъ гремитъ
И пышетъ пламень боя —
Онъ веселъ, онъ на гибель зритъ
Съ спокойствіемъ героя.
Себя забылъ — однимъ врагамъ
Готовитъ истребленье!
Примѣръ и ратнымъ, и вождямъ,
И храбрымъ удивленье!

Хвала нашъ вихорь-атаманъ,
Вождь невредимыхъ, Платовъ!
Твой очарованный арканъ
Гроза для супостатовъ.

Орломъ шумишь по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ,
Бѣдой имъ въ уши свищешь.
Они лишь къ лѣсу — ожилъ лѣсъ,
Деревья сыплютъ стрѣлы;
Они лишь къ мосту — мостъ исчезъ,
Лишь къ селамъ — пышутъ селы!

Хвала, нашъ Несторъ-Беннигсенъ,
И вождь, и мужъ совѣта!
Враговъ блюдётъ, не дремля, онъ,
Какъ змѣй орёлъ съ полета.
Хвала, отважный Воронцовъ,
Младой, но духомъ зрѣлый!
И Тормасовъ, гроза враговъ,
Во брани посѣдѣлый!
И Багговутъ, среди мечей,
Средь громовъ безмятежный!
Хвала вамъ, бранный сонмъ вождей,
Отчизны щитъ надежный!

Друзья! кипящій кубокъ сей
Вождямъ, сраженнымъ въ боѣ!
Уже не прйдутъ въ сонмъ друзей,
Не станутъ въ ратномъ строѣ;
Ужъ для врага ихъ грозный ликъ
Не будетъ вѣстникъ мщенья,
И не помчитъ ихъ мощный кликъ
Дружину въ пылъ сраженья.
Ихъ празденъ мечъ, безмолвенъ щитъ,
Ихъ ратники унылы,
И сиръ могучихъ конь стоитъ
Близъ тихой ихъ могилы.

Гдѣ Кульневъ нашъ, рушитель силъ,
Свирѣпый пламень брани?
Онъ палъ, главу на щитъ склонилъ
И стиснулъ мечъ во длани.
Гдѣ жизнь судьба ему дала,
Тамъ брань его сразила;
Гдѣ колыбель его была,
Тамъ днесь его могила.
И тихъ его послѣдній часъ:
Съ молитвою священной
О милой матери, угасъ
Герой нашъ незабвенной.

А ты, Кутайсовъ, вождь младой!
Гдѣ прелести? гдѣ младость?
Увы! онъ видомъ и душой
Прекрасенъ былъ, какъ радость!

Въ бронѣ ли грозный выступалъ —
Бросали смерть перуны;
Во струны ль арфы ударялъ —
Одушевлялись струны.
О, горе! вѣрный конь бѣжитъ
Окровавлёнъ изъ боя;
На нёмъ его разбитый щитъ —
И нѣтъ на нёмъ героя.

И ты, и ты, Багратіонъ!
Вотще друзей молитвы,
Вотще ихъ плачъ: во гробѣ онъ,
Добыча лютой битвы.
Ещё дружинъ надежда въ нёмъ;
Всё мнитъ: съ одра возстанетъ!
И робко шепчетъ врагъ съ врагомъ:
„Увы намъ! скоро грянетъ!“
А онъ? — На вѣки взоръ смежилъ,
Рѣшитель бранныхъ споровъ:
Онъ въ область славныхъ воспарилъ,
Къ тебѣ, отецъ Суворовъ!

VIII.

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА.

Русскій царь созвалъ дружины
Для великой годовщины
На поляхъ Бородина.
Тамъ земля окрещена:
Кровь на ней лилась святая;
Тамъ, престолъ и Русь спасая,
Войско цѣлое легко —
И престолъ, и Русь спасло.

Какъ ярилась, какъ кипѣла,
Какъ пылала, какъ гремѣла
Здѣсь народная война
Въ страшный день Бородина!
На полки полки бросались,
Холмы въ громахъ загорались,
Бомбы падали дождёмъ,
И земля тряслась кругомъ.

А теперь пора иная:
Благовонно-золотая
Жатва блещетъ по холмамъ:
Гдѣ упорнѣй бились — тамъ
Мирныхъ инокинь обитель;
И одинъ остался зритель
Сихъ кипѣвшихъ бранью мѣстъ,
Всѣхъ рѣшитель браней — крестъ.

И на пиръ поминовенья
Рать другого поколѣнья,
Новымъ, славнымъ ужъ царёмъ
Собранà на мѣстѣ томъ,
Гдѣ предмѣстники ихъ бились,
Гдѣ столь многія свершились
Чудной храбрости дѣла,
Гдѣ земля ихъ прахъ взяла.

Такъ же рать числомъ обильна,
Такъ же мужество въ ней сильно,
Тѣ-жъ полки, тѣ-жъ знаменà
И полковъ тѣ-жъ имена —
А въ рядахъ другіе стали,
И серебряной медали,
Прежнимъ данной ей царёмъ,
Не видать ужъ ни на комъ.

И вождей ужъ прежнихъ мало:
Много въ день великій пало
На землѣ Бородина;
Позже тѣхъ взяла война;
Тѣ, свершивъ въ Парижѣ тризну
По Москвѣ и рать въ отчизну
Проводивши, отъ земли
Къ храбрымъ братьямъ отошли.

Гдѣ Смоленскій, вождь спасенья?
Гдѣ герой, примѣръ смиренья,
Введшій рать въ Парижъ, Барклай?
Гдѣ и свой, и чуждый край
Дерзкой бодростью дивившій
И подъ старость сохранившій
Всё, чтò въ молодости есть,
Коновницынъ, ратныхъ честь?

Неподкупный, неизмѣнный,
Хладный вождь въ грозѣ военной,
Жаркій самъ подчасъ боецъ,
Въ дни спокойные мудрецъ,
Гдѣ Раевскій? Витязь Дона,
Русской рати оборона,
Непріятелю арканъ,
Гдѣ нашъ вихорь-атаманъ?

Гдѣ наѣздникъ, вождь летучій,
Съ кѣмъ врагу былъ страшной тучей
Русскихъ тылъ и авангардъ,
Нашъ Роландъ и нашъ Баярдъ,
Милорадовичъ? Гдѣ славный
Дохтурòвъ, отвагой равный

И въ Смоленскѣ на стѣнѣ,
И въ святомъ Бородинѣ?

И другихъ взяла судьбина:
Въ боѣ зрѣвъ погибель сына,
Рано Строгоновъ увялъ;
Нѣтъ Сенъ-При; Ланской нашъ палъ;
Кончилъ Тòрмасовъ; могила
Невѣровскаго сокрыла;
Въ гробѣ старецъ Ланжеронъ;
Въ гробѣ старецъ Беннигсонъ.

И боецъ, сынъ Аполлона...
Мнилъ онъ гробъ Багратіона
Проводить въ Бородино —
Той награды не дано:
Вмигъ Давыдова не стало!
Сколько славныхъ съ нимъ пропало
Боевыхъ преданій намъ!
Какъ въ нёмъ друга жаль друзьямъ!

И тебя мы пережили,
И тебя мы схоронили,
Ты, который тронъ и насъ
Твёрдымъ царскимъ словомъ спасъ,
Вождь вождей, царей диктаторъ,
Нашъ великій императоръ,
Мира свѣтлая звѣзда —
И твоя пришла чреда!

О, година русской славы!
Какъ тѣснились къ намъ державы!
Царь нашъ съ ними къ чести шелъ.
Какъ спасительно онъ вёлъ
Рать Москвы къ врагамъ въ столицу!
Какъ незлобно онъ десницу
Протянулъ врагамъ своимъ!
Какъ гордился русскій имъ!

Вдругъ — отъ всѣхъ честей далёко,
Въ бѣдномъ краѣ, одиноко
Передъ плачущей женой,
Нашъ владыка, нашъ герой,
Гаснетъ царь благословенный —
И за гробомъ сокрушенно,
Въ погребальный слившись ходъ,
Вся имперія идётъ.

И его какъ не бывало,
Передъ кѣмъ всё трепетало...
Есть далёкая скала;
Вкругъ скалы морская мгла;
Съ моремъ степь слилась другая,
Бездна неба голубая;
Къ той скалѣ путь заграждёнъ:
Тамъ зарытъ Наполеонъ.

Много съ тѣхъ времёнъ, столь чудныхъ,
Дней блистательныхъ и трудныхъ
Съ новымъ зрѣли мы царёмъ;
До Стамбула русскій громъ
Былъ доброшенъ по Балкану;
Миромъ мстили мы султану;
И вскатилъ на Араратъ
Пушки храбрый нашъ солдатъ!

И всё царство Миѳридата
До подошвы Арарата
Взялъ нашъ сѣверный Аяксъ;
Русской гранью сталъ Араксъ;
Арзерумъ сдался намъ дикій;
Закипѣлъ мятежъ великій:
Предъ Варшавой сталъ нашъ фрунтъ -
И съ Варшавой рухнулъ бунтъ.

И — нежданная ограда —
Флотъ нашъ былъ у стѣнъ Царьграда;
И съ турецкихъ береговъ,
Въ память сѣверныхъ орловъ,
Русскій сторожъ на Босфорѣ,
Отразясь въ завѣтномъ морѣ,
Мавзолей нашъ говоритъ:
„Здѣсь былъ русскій станъ разбитъ!"

Всходитъ дневное свѣтило
Такъ же ясно, какъ всходило
Въ чудный день Бородина.
Рать въ колонны собрана,
И сіяетъ передъ ратью
Крестъ небесной благодатью,
И подъ нимъ, въ виду колоннъ,
Въ гробѣ спитъ Багратіонъ.

Здѣсь онъ палъ, Москву спасая,
И — далёко умирая —
Слышалъ вѣсть: „Москвы ужъ нѣтъ!"
И опять онъ здѣсь, одѣтъ
Въ гробѣ дивною бронёю
Бородинскою землёю —
И великій въ гробѣ сонъ
Видитъ вождь Багратіонъ.

Въ этотъ часъ тогда здѣсь бились,
И враги, ярясь, ломились

На холмы Бородина;
А теперь ихъ тишина,
Небомъ полная, объемлетъ,
И какъ-будто бы подъемлетъ
Изъ-за гроба голосъ свой
Рать усопшая къ живой.

Несказа̀нное мгновенье!
Лишь изрёкъ, свершивъ моленье,
Предстоявшій алтарю:
„Память вѣчная царю!“
Вдругъ обгрянулъ залпъ единый
Бородинскія вершины,
И въ одинъ великій гласъ
Вся съ нимъ армія слилась.

Память вѣчная, нашъ славный,
Нашъ смиренный, нашъ державный,
Нашъ спасительный герой!
Ты обѣтъ изрёкъ святой;
Слово съ трона роковое
Повторилось въ дивномъ боѣ
На поляхъ Бородина:
Имъ Россія спасена!

Память вѣчная вамъ, братья!
Рать младая къ вамъ объятья
Простираетъ въ глубь земли:
Нашу Русь вы намъ спасли;
Въ свой черёдъ мы грудью станемъ;
Въ свой черёдъ мы васъ помянемъ,
Если царь велитъ отдать
Жизнь за общую намъ мать.

IX.

СВѢТЛАНА.

Разъ въ крещенскій вечерокъ
        Дѣвушки гадали:
За ворота башмачёкъ,
        Снявъ съ ноги, бросали;
Снѣгъ пололи; подъ окномъ
        Слушали; кормили
Счётнымъ курицу зерномъ;
        Ярый воскъ топили;
Въ чашу, съ чистою водой,
Клали перстень золотой,
        Серьги изумрудны;
Разстилали бѣлый платъ
И надъ чашей пѣли въ ладъ
        Пѣсенки подблюдны.

Тускло свѣтится луна
        Въ сумракѣ тумана —
Молчалива и грустна
        Милая Свѣтлана.
— Что̀, подруженька, съ тобой?
        Вымолви словечко;
Слушай пѣсни круговой;
        Вынь себѣ колечко.
Пой, красавица: „Кузнецъ,
„Скуй мнѣ златъ и новъ вѣнецъ,
        „Скуй кольцо златое;
„Мнѣ вѣнчаться тѣмъ вѣнцомъ,
„Обручаться тѣмъ кольцомъ
        „При святомъ налоѣ“.

— „Какъ могу, подружки, пѣть?
        Милый другъ далёко;
Мнѣ судьбина — умереть
        Въ грусти одинокой.
Годъ промчался — вѣсти нѣтъ:
        Онъ ко мнѣ не пишетъ...
Ахъ! а имъ лишь красенъ свѣтъ,
        Имъ лишь сердце дышетъ!
Иль не вспомнишь обо мнѣ?
Гдѣ, въ какой ты сторонѣ?
        Гдѣ твоя обитель?
Я молюсь и слёзы лью!
Утоли печаль мою,
        Ангелъ-утѣшитель!“

Вотъ, въ свѣтлицѣ столъ накрытъ
        Бѣлой пеленою,
И на томъ столѣ стоитъ
        Зеркало съ свѣчёю;
Два прибора на столѣ.
        — Загадай, Свѣтлана!
Въ чистомъ зеркала стеклѣ,
        Въ полночь, безъ обмана
Ты узнаешь жребій свой;
Стукнетъ въ двери милый твой
        Лёгкою рукою —
Упадётъ съ дверей запоръ:
Сядетъ онъ за свой приборъ
        Ужинать съ тобою.

Вотъ красавица одна —
        Къ зеркалу садится;
Съ тайной робостью она
        Въ зеркало глядится;
Тёмно въ зеркалѣ; кругомъ
        Мёртвое молчанье;

Свѣчка трепетнымъ огнёмъ
Чуть ліётъ сіянье.
Робость въ ней волнуетъ грудь:
Страшно ей назадъ взглянуть,
Страхъ туманитъ очи.
Съ трескомъ вспыхнулъ огонёкъ,
Крикнулъ жалобно сверчокъ,
Вѣстникъ полуночи.

Подпершися локоткомъ,
Чуть Свѣтлана дышитъ.
Вотъ, легохонько замкомъ
Кто-то стукнулъ, слышитъ;
Робко въ зеркало глядитъ:
За ея плечами
Кто-то — чудилось — блеститъ
Яркими глазами.
Занялся отъ страха духъ:
Вдругъ, въ ея влетаетъ слухъ
Тихій, лёгкій шопотъ:
„Я съ тобой, моя краса!
Укротились небеса:
Твой услышанъ ропотъ!"

Оглянулась — милый къ ней
Простираетъ руки.
„Радость, свѣтъ моихъ очей!
Нѣтъ для насъ разлуки!
Ѣдемъ: попъ ужъ въ церкви ждётъ,
Съ дьякономъ, дьячками;
Хоръ вѣнчальну пѣснь поётъ;
Храмъ блеститъ свѣчами".
Былъ въ отвѣтъ умильный взоръ.
Идутъ на широкій дворъ,
Въ ворота тесовы;
У воротъ ихъ санки ждутъ;
Съ нетерпѣнья кони рвутъ
Повода шелковы.

Сѣли. Кони съ мѣста въ разъ;
Пышутъ дымъ ноздрями;
Отъ копытъ ихъ поднялась
Вьюга надъ санями.
Скачутъ. Пусто всё вокругъ:
Степь въ очахъ Свѣтланы;
На лунѣ туманный кругъ;
Чуть блестятъ поляны.
Сердце вѣщее дрожитъ;
Робко дѣва говоритъ:
„Что ты смолкнулъ, милый!"
Ни полслова ей въ отвѣтъ:
Онъ глядитъ на лунный свѣтъ,
Блѣденъ и унылый.

Кони мчатся по буграмъ,
Топчутъ снѣгъ глубокій.
Вотъ, въ сторонкѣ Божій храмъ
Виденъ одинокій.
Двери вихорь отворилъ:
Тьма людей во храмѣ;
Яркій свѣтъ паникадилъ
Тускнетъ въ ѳиміамѣ;
На срединѣ — черный гробъ,
И гласитъ протяжно попъ:
„Буди взятъ могилой!"
Пуще дѣвица дрожитъ...
Кони — мимо; другъ молчитъ,
Блѣденъ и унылый.

Вдругъ мятелица кругомъ;
Снѣгъ валитъ клоками;
Черный вранъ, свистя крыломъ,
Вьётся надъ санями;
Воронъ каркаетъ: „печаль!"
Кони торопливы
Чутко смотрятъ въ тёмну даль,
Подымая гривы.
Брезжетъ въ полѣ огонёкъ:
Виденъ мирный уголокъ,
Хижина подъ снѣгомъ.
Кони борзые быстрѣй —
Снѣгъ взрывая, прямо къ ней
Мчатся дружнымъ бѣгомъ.

Вотъ примчалися — и вмигъ
Изъ очей пропали:
Кони, сани и женихъ
Будто не бывали.
Одинокая въ потьмахъ
Брошена отъ друга
Въ страшныхъ дѣвица мѣстахъ —
Вкругъ мятель и вьюга.
Возвратиться — слѣду нѣтъ...
Виденъ ей въ избушкѣ свѣтъ.
Вотъ перекрестилась,
Въ дверь съ молитвою стучитъ:
Дверь шатнулася, скрипитъ —
Тихо растворилась.

Что жъ? — Въ избушкѣ гробъ, накрытъ
Бѣлою запо̀ной;
Спасовъ ликъ въ ногахъ стоитъ;

Свѣчка предъ иконой.
Ахъ, Свѣтлана! что́ съ тобой?
Въ чью зашла обитель?
Страшенъ хижины пустой
Безотвѣтный житель.
Входитъ съ трепетомъ, въ слезахъ;
Предъ иконой пала въ прахъ,
Спасу помолилась,
Со крестомъ своимъ въ рукѣ,
Подъ Святыми въ уголкѣ
Робко притаилась.

Всё утихло: вьюги нѣтъ
Слабо свѣчка тлится:
То прольётъ дрожащій свѣтъ,
То опять затмится.
Всё въ глубокомъ, мёртвомъ снѣ—
Страшное молчанье...
Чу, Свѣтлана!—въ тишинѣ
Лёгкое журчанье!
Вотъ, глядитъ: къ ней въ уголокъ
Бѣлоснѣжный голубокъ
Съ свѣтлыми глазами,
Тихо вѣя, прилетѣлъ,
Къ ней на перси тихо сѣлъ,
Обнялъ ихъ крылами.

Смолкло всё опять кругомъ...
Вотъ Свѣтланѣ мнится,
Что подъ бѣлымъ полотномъ
Мёртвый шевелится.
Сорвался покровъ: мертвецъ
(Ликъ мрачнѣе ночи)
Виденъ весь—на лбу вѣнецъ,
Затворёны очи.
Вдругъ—въ устахъ сомкнутыхъ стонъ;
Силится раздвинуть онъ
Руки охладѣлы...
Что же дѣвица?—Дрожитъ:
Гибель близко... Но не спитъ
Голубочекъ бѣлый.

Встрепенулся, развернулъ
Лёгкія онъ крылы;
Къ мертвецу на грудь вспорхнулъ:
Всей лишенный силы,
Вовстенавъ, заскрежеталъ —
Страшно онъ зубами —
И на дѣву засверкалъ
Грозными очами.
Снова блѣдность на устахъ;
Въ закатившихся глазахъ
Смерть изобразилась...
Глядь Свѣтлана—о Творецъ!
Милый другъ ея—мертвецъ!
Ахъ!—и пробудилась.

Гдѣ жъ?—У зеркала одна
Посреди свѣтлицы;
Въ тонкій занавѣсъ окна
Свѣтитъ лучъ денницы;
Шумнымъ бьётъ крыломъ пѣтухъ,
День встрѣчая пѣньемъ;
Всё блеститъ... Свѣтланинъ духъ
Смутенъ сновидѣньемъ.
„Ахъ! ужасный, грозный сонъ!
Не добро вѣщаетъ онъ—
Горькую судьбину.
Тайный мракъ грядущихъ дней,
Что сулишь душѣ моей—
Радость иль кручину?“

Сѣла—тяжко ноетъ грудь—
Подъ окномъ Свѣтлана:
Изъ окна широкій путь
Виденъ сквозь тумана;
Снѣгъ на солнышкѣ блеститъ,
Паръ алѣетъ тонкій...
Чу! въ дали пустой гремитъ
Колокольчикъ звонкій;
На дорогѣ снѣжный прахъ;
Мчатъ, какъ-будто на крылахъ,
Санки кони рьяны;
Ближе—вотъ ужъ у воротъ;
Статный гость къ крыльцу идётъ:
Кто?—Женихъ Свѣтланы.

Что же твой, Свѣтлана, сонъ,
Прорицатель муки?
Другъ съ тобой; всё тотъ же онъ
Въ опытѣ разлуки;
Та жъ любовь въ его очахъ,
Тѣ жъ пріятны взоры,
Тѣ жъ на сладостныхъ устахъ
Милы разговоры.
Отворяйся жъ, Божій храмъ!
Вы летите къ небесамъ,
Вѣрные обѣты!
Соберитесь старъ и младъ;
Сдвинувъ звонки чаши въ ладъ,
Пойте: „многи лѣты!“

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу!
Въ ней большія чудеса —
Очень мало складу.
Взоромъ счастливый твоимъ,
Не хочу и славы:
Слава — насъ учили — дымъ;
Свѣтъ — судья лукавый.
Вотъ баллады толкъ моей:
Лучшій другъ намъ въ жизни сей
Вѣра въ Провидѣнье.
Благъ Зиждителя законъ:
Здѣсь несчастье — лживый сонъ
Счастье — пробужденье.

О, не знай сихъ страшныхъ сновъ
Ты, моя Свѣтлана!
Будь, Создатель, ей покровъ!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тѣнь
Къ ней да не коснётся!
Въ ней душа, какъ ясный день...
Ахъ! да пронесётся
Мимо бѣдствія рука!
Какъ пріятный ручейка
Блескъ на лонѣ луга,
Будь вся жизнь ея свѣтла!
Будь весёлость, какъ была,
Дней ея подруга!

XI.

ИЗЪ ПОЭМЫ „ГРОМОБОЙ“.

1.

Надъ пѣнистымъ Днѣпромъ-рѣкой,
Надъ страшною стремниной,
Въ глухую полночь Громобой
Сидѣлъ одинъ съ кручиной.
Окрестъ него дремучій боръ;
Утёсы подъ ногами;
Туманенъ видъ полей и горъ;
Туманы надъ водами;
Подёрнутъ мглою сводъ небесъ;
Въ ущельяхъ вѣтеръ свищетъ;
Ужасно шепчетъ тёмный лѣсъ,
И волкъ во мракѣ рыщетъ.

Сидитъ съ поникшей головой,
И думаетъ онъ думу:
„Печальный, горькій жребій мой!
Кляну судьбу угрюму!
Дала мнѣ крестъ тяжелый несть...
Всѣмъ людямъ жизнь отрада:
Тѣмъ злато, тѣмъ покой и честь,
А мнѣ — сумà награда;
Нѣтъ крова защитить главу
Отъ бури, непогоды...
Усталъ я: въ помощь васъ зову,
Днѣпровски быстры воды.“

Готовъ онъ прянуть съ крутизны —
И вдругъ передъ нимъ явленье:
Изъ тёмной бора глубины
Выходитъ привидѣнье —
Старикъ съ шаршавой бородой,
Съ блестящими глазами,
Въ дугу согнутый надъ клюкой,
Съ хвостомъ, когтьми, рогами.
Идётъ, приблизился, грозитъ
Клюкою Громобою —
И тотъ, какъ вкопанный, стоитъ,
Зря диво предъ собою.

— „Куда?“ невѣдомый спросилъ.
— „Въ волнахъ скончать мученья“.
— „Почто жъ, безсмысленный, забылъ
Во мнѣ искать спасенья?“
— „Кто ты?“ воскликнулъ Громобой,
Отъ страха цѣпенѣя.
— „Заступникъ, другъ, спаситель твой:
Ты видишь Асмодея.“
— „Творецъ небесный!“ — „Удержись:
Въ молитвѣ нѣтъ отрады!
Забудь о Богѣ — мнѣ молись:
Мои вѣрнѣй награды.

„Прими отъ дружбы, Громобой,
Полезное ученье:
Постигнутъ ты судьбы рукой,
И жизнь тебѣ мученье;
Но всѣмъ бѣдамъ найти конецъ
Я способы имѣю.
Къ тебѣ не жалостливъ Творецъ —
Прибѣгни къ Асмодею.
Могу тебѣ я силу дать
И честь, и много злата,
И грудью буду я стоять
За друга и за брата.

„Клянусь! — свидѣтель ада богъ,
Что клятвы не нарушу.
А ты, мой другъ, за то въ залогъ
Свою отдай мнѣ душу.“

Невольно вздрогнулъ Громобой;
По членамъ хладъ стремится;
Земли не взвидѣлъ подъ собой;
Нѣтъ силъ перекреститься.
„О чёмъ задумался, глупецъ?“
— „Страшусь мученій ада.“
- „Но рано ль, поздно-ль — наконецъ,
Всё адъ твоя награда.

„Тебѣ на свѣтѣ жить — бѣда;
Покинуть свѣтъ — другая:
Останься здѣсь, поди туда —
Вездѣ погибель злая.
Ханжи-причудники твердятъ:
Лукавый бѣсъ опасенъ.
Не вѣрь имъ — бредни: веселъ адъ;
Лишь въ сказкахъ онъ ужасенъ.
Мы жизнь пріятную ведёмъ;
Нашъ адъ не хуже рая;
Ты скажешь самъ, ликуя въ нёмъ:
Лишь въ адѣ жизнь прямая.

„Тебѣ я теремъ пышный дамъ
И тьму людей на службу;
Къ боярамъ, витязямъ, князьямъ
Тебя введу я въ дружбу;
Досель красавицъ ты пугалъ —
Придутъ къ тебѣ толпою;
И — словомъ — вздумалъ, загадалъ —
И всё передъ тобою.
И вотъ въ задатокъ кошелёкъ:
Въ нёмъ вѣчно будетъ злато!
Но десять лѣтъ — не болѣ — срокъ
Тебѣ такъ жить богато.

„Когда жъ послѣдній день отъ глазъ
Исчезнетъ за горою —
Въ послѣдній полуночный часъ
Приду я за тобою.“
Сталъ думу думать Громобой,
Подумалъ, согласился —
И обольстителю душой
За злато поклонился.
Разрѣзавъ руку, написалъ
Онъ кровью обѣщанье;
Лукавый принялъ — и пропалъ,
Сказавши: „до свиданья!“

2.

Увы! ужъ и послѣдній день
Край неба озлащаетъ;
Сквозь тёмную дубравы сѣнь
Блистанье проникаетъ.
Всё тихо, весело, свѣтло;
Всё нѣгой сладкой дышетъ;
Рѣка прозрачна, какъ стекло;
Едва, едва колышетъ
Листами лёгкій вѣтерокъ;
Въ поляхъ благоуханье;
Къ цвѣтку прилипнулъ мотылёкъ
И пьётъ его дыханье.

Но грѣшникъ сей встрѣчаетъ день
Со стономъ и слезами:
„О рано ты, ночная тѣнь,
Разсталась съ небесами!
Сойдитесь, дѣти, одръ отца
Съ молитвой окружите
И предъ Судилище Творца
Стенанія пошлите.
Ужасенъ намъ сей ночи мракъ;
Взывайте: Искупитель,
Смягчи грозящій гнѣва зракъ!
Не будь намъ строгій мститель!“

И страшнаго одра кругомъ —
Гдѣ блѣденъ, изможденный,
Съ обезображеннымъ челомъ,
Всѣ кости обнаженны,
Брада до чреслъ, власы горой,
Взоръ дикій, впалы очи,
Вопилъ отъ муки Громобой
Съ утра до поздней ночи —
Стеклися дѣвы, ясный взоръ
На небо устремили
И въ тихій къ Провидѣнью хоръ
Сердца совокупили.

О видъ, угодный небесамъ!
Такъ ангелы спасенья,
Вонмя раскаянья слезамъ,
Съ улыбкой примиренья,
Въ очахъ отрада и покой,
Отъ горняго чертога
Нисходятъ съ милостью святой,
Предшественники Бога,
Къ одру болѣзни въ смертный часъ —
И, утомлёнъ страданьемъ,
Сынъ гроба слышитъ тихій гласъ:
„Отыди съ упованьемъ!“

И дѣвы чистыя душой,
Подъемля къ небу руки,

Смиренной мыслили мольбой
Отца спокоить муки;
Но ужасъ близкаго конца
Надъ нимъ уже носился;
Языкъ коснѣющій Творца
Ещё молить стремился;
Тоскуя, взоромъ онъ искалъ
Сіянія денницы —
Но взоръ недвижный угасалъ,
Смыкалися вѣницы.

— „О дѣти, дѣти, гаснетъ день!"
— „Нѣтъ — утро, лишь проснулась
Заря на хо́лмѣ; черна тѣнь
По долу протянулась,
И нивы пусты — въ высотѣ
Лишь жаворонокъ вьётся."
— „Увы! заутро въ красотѣ
Опять сей день проснётся;
Но мы — ужъ скрылись отъ земли,
Уже́ насъ гробъ снѣдаетъ,
И мѣсто, гдѣ поднесь цвѣли,
Насъ болѣ не признаетъ.

„Несчастныя, дерзну-ль на васъ
Изречь благословенье?
И въ самой вѣчности для насъ
Погибло примиренье.
Но не сопутствуйте отцу
Съ проклятіемъ въ могилу.
Молитесь — воззовёмъ къ Творцу:
„Разгнѣванный, помилуй!"
И дѣти, страшныхъ сихъ рѣчей
Не всю объемля силу,
Съ невинной ясностью очей
Воскликнули: „помилуй!"

— „О дѣти, дѣти, ночь близка!"
— „Лишь полдень наступаетъ;
Пастухъ у водъ для холодка
Со стадомъ отдыхаетъ;
Молчатъ поля; въ долинѣ сонъ;
Пылаетъ небо знойно".
— „Мнѣ чудится надгробный стонъ".
— „Всё тихо и спокойно;
Лишь свѣжій вѣтерокъ, порой
Подъемлясь съ поля, дуетъ;
Лишь иволга въ глуши лѣсной
Повременно воркуетъ".

— „О дѣти, свѣтлый день угасъ!"
— „Ужъ солнце за горою;
Ужъ по закату разлилась
Багряною струёю
Заря, и съ пламенныхъ небесъ
Спокойно вечеръ сходитъ;
На заревѣ чернѣетъ лѣсъ;
Въ долинѣ сумракъ бродитъ".
— „О, вечеръ сумрачный, постой!
Помедли, день прелестной!
Помедли: взоръ не узритъ мой
Тебя ужъ въ поднебесной!

„О дѣти, дѣти, ночь близка!"
— „Заря ужъ догорѣла;
Въ туманъ одѣлася рѣка;
Окрестность поблѣднѣла,
И на распутіи пылятъ
Стада, спѣша къ селенью".
— „Спасите! полночь бьётъ!" — „Звонятъ
Въ обители къ моленью;
Отцы поютъ хвалебный гласъ;
Огнями храмъ блистаетъ".
— „При нихъ и грѣшникъ въ страшный часъ
Къ Тебѣ, Творецъ, взываетъ!

„Не тмится-ль, дѣти, неба сводъ?
Не мчатся-ль черны тучи?
Не вздулъ-ли вихорь бурныхъ водъ?
Не вьётся-ль прахъ летучій?"
— „Всё тихо; служба отошла —
Обитель засыпаетъ;
Луна полъ-неба протекла,
И Божій храмъ сіяетъ
Одинъ съ холма въ окрестной мглѣ;
Луга, поля безмолвны;
Огни потухнули въ селѣ
И рощи спятъ, и волны".

И всюду тишина была —
И вся природа, мнилось,
Предустрашенная ждала,
Чтобъ чудо совершилось.
И вдругъ — какъ будто вѣтерокъ
Повѣялъ отъ востока,
Чуть тронулъ дремлющій листокъ,
Чуть тронулъ зыбь потока —
И нѣкій гласъ промчался съ нимъ:
Какъ будто надъ звѣздами
Коснулся арфы Серафимъ
Эфирными перстами.

X.

ИЗЪ ПОЭМЫ „ВѢЧНЫЙ ЖИДЪ“.

Погибъ Ерусалимъ — и отъ созданья
Міръ не видалъ погибели подобной.
О, страшно онъ боролся съ смертнымъ часомъ!
Когда въ него, всѣ стѣны проломивъ,
Ворвался врагъ и бросился на храмъ —
Народъ въ его толпу, изъ-за ограды
Исторгшись, врѣзался и, съ ней сцѣпившись,
Вслѣдъ за собой её вовлёкъ въ средину
Ограды. Бой ужасный, грудь на грудь,
Тутъ начался — и, наконецъ, спасаясь,
Вкругъ Скиніи, во внутренней оградѣ,
Столпились мы — отчаянный, послѣдній
Израиля остатокъ. Тутъ увидѣлъ
Я несказа̀нное: подъ святотатной
Рукою Скинія открылась, стало
Намъ видимо невиданное оку
Дотоль — ковчегъ завѣта. Въ этотъ мигъ
Храмъ запылалъ, и въ Скинію пожаръ
Ворвался. Мы, весь гибнущій Израиль,
И съ нами насъ губящій врагъ въ единый
Слилися крикъ, одни — завывъ отъ горя,
А тѣ — заликовавъ отъ торжества
Побѣды. Вся гора слилася въ пламя,
И посреди его, какъ длинный, гору
Обвившій, змій, чернѣло войско Рима —
И въ этотъ мигъ всё для меня исчезло:
Раздавленный обрушившимся храмомъ,
Я палъ, почувствовавъ, какъ черепъ мой
И кости всѣ мои вдругъ сокрушились.
Безпамятство мной овладѣло. Долго ль
Продлилося оно — не знаю. Я
Пришелъ въ себя, пробившись сквозь какой-то
Невыразимый сонъ, въ которомъ всё
Въ одно смѣшалося страданье. Боль
Отъ раздробленья всѣхъ костей и бремя
Меня давившихъ камней, и дыханья
Запёртаго тоска, и жаръ болѣзни,
И нестерпимая работа жизни,
Развалины разрушеннаго тѣла
Возстановляющей, при страшной мукѣ
И голода, и жажды — это всё
Я совокупно вытерпѣлъ въ какомъ-то
Смятённомъ, судорожномъ снѣ, безъ мысли,
Безъ памяти и безъ забвенья, съ чувствомъ
Неконченнаго бытія, которымъ,
Какъ тяжкой грёзой, вся душа
Была задавлена и трепетала
Тѣмъ трепетомъ отчаяннымъ, какой
Насквозь пронзаетъ заживо зарытыхъ
Въ могилу. Но меня моя могила
Не удержала; я изъ подъ обломковъ,
Меня погребшихъ, вышелъ снова живъ
И невредимъ: разбивъ меня на смерть,
Меня, ожившаго, они извергли,
Какъ скверну, изъ своей громады.

Очнувшись, въ первый мигъ я не постигнулъ,
Гдѣ я. Передо мною подымались
Вершины горныя. Межъ нихъ лежали
Долины; всѣ они покрыты были
Обломками, какъ будто бы то мѣсто
Градъ каменный, обрушившійся съ неба,
Незапно завалилъ; и тамъ нигдѣ
Не зрѣлося живого человѣка —
То былъ Ерусалимъ! Спокойно солнце
Садилось, и его прощальный блескъ,
На высотѣ Голгоѳы угасая,
Оттуда мнѣ блеснулъ въ глаза — а я,
Её увидя, весь затрепеталъ.
Изъ этой повсемѣстной тишины,
Изъ этой бездны разрушенья, снова
Послышалося мнѣ: „ты будешь жить,
Пока Я не приду“. Тутъ въ первый разъ
Постигнулъ я вполнѣ свою судьбину.
Я буду жить! Я буду жить, пока
Онъ не придётъ! Какъ жить? Кто Онъ? Когда
Придётъ?... И всё грядущее моё
Мнѣ выразилось вдругъ въ осто̀вѣ этомъ
Погибшаго Ерусалима: тамъ
На камнѣ камня не осталось; тамъ
Моё минувшее исчезло всё:
Всё жившее со мной убито; тамъ
Ничто ужъ для меня не оживётъ
И не родится; жизнь моя вся будетъ,
Какъ этотъ мёртвый трупъ Ерусалима:
Безъ смерти жизнь. Я въ бѣшенствѣ завылъ —
И бѣшенное произнёсъ на всё
Проклятіе. Безъ отзыва мой голосъ
Раздался глухо надъ громадой камней —
И всё утихло. Въ этотъ мигъ звѣзда
Вечерняя надъ высотой Голгоѳы
Взошла на небо — и невольно,
Сколь мой ни бѣшенствовалъ духъ, въ ея
Сіяньѣ тайную отрады каплю
Я, съ смертоноснымъ питіёмъ хулы
И страшныхъ клятвъ, испилъ; но то была
Лишь тѣнь промчавшагося быстро мига.
Что съ онаго я испыталъ мгновенья?

О, какъ я плакалъ, какъ вопилъ, какъ дико
Роптал, какъ злобствовалъ, какъ проклиналъ,
Какъ ненавидѣлъ жизнь, какъ страстно
Невнемлющую смерть любилъ! Съ двойнымъ
Отчаяньемъ и бѣшенствомъ слова
Страдальца Іова я повторялъ:
„Да будетъ проклятъ день, когда сказали:
Родился человѣкъ, и проклята
Да будетъ ночь, когда мой первый крикъ
Послышался! Да звѣзды ей не свѣтятъ,
Да не взойдётъ ей день, ей не запершей
Меня родившую утробу!“ А когда я
Воспоминалъ слова его печали
О томъ, сколь малодневенъ человѣкъ:
„Какъ облако, уходитъ онъ; какъ цвѣтъ
Долинный, вянетъ онъ, и мѣсто, гдѣ
Онъ прежде цвѣлъ, не узнаётъ его“ —
О! этой жалобѣ я съ горькимъ плачемъ
Завидовалъ. Передо мною всё
Рождалося и въ часъ свой умирало;
День умиралъ въ зарѣ вечерней; ночь
Въ сіяньи дня. Сколь мнѣ завидно было,
Когда на небѣ облако свободно
Летѣло, таяло и исчезало;
Когда свистящій вѣтеръ вдругъ смолкалъ,
Когда съ деревьевъ падалъ листъ. Всё, въ чёмъ
Я видѣлъ знаменіе смерти, было
Мнѣ горькой сладостью; одна лишь смерть,
Смерть, упованіе не быть, исчезнуть —
Всему, что̀ жило вкругъ меня, давала
Томительную прелесть. Но жизнь, жизнь
Всего живущаго я ненавидѣлъ
И клялъ, какъ жизнь проклятую мою...
И съ этой злобой на творенье, съ дикимъ
Возстаньемъ всей души противъ Творца,
И съ несказа̀нной ненавистью противъ
Распятаго, отчаянно пошелъ я,
Неумирающій, всему живому
Врагъ, отъ того погибельнаго мѣста,
Гдѣ мнѣ моей судьбы открылась тайна.

Томимый всѣми нуждами земными,
Меня терзавшими, не убивая, —
И голодомъ, и жаждою, и зноемъ,
И хладомъ, грозною нуждой влекомый,
Я шелъ впередъ, безъ воли, безъ предмета
И безъ надежды гдѣ остановиться
Или куда дойти. Я не имѣлъ
Товарищей; со мною братства люди
Чуждались; я отъ нихъ гостепріимства
И не встрѣчалъ, и не просилъ. Какъ нищій,
Я побирался. Милостыню мнѣ
Давали безъ вниманья и участья,
Какъ лептъ, который мимоходомъ
Бросаютъ въ кружку для убогихъ, вовсе
Незнаемыхъ. И съ злобой я хваталъ,
Что было мнѣ бросаемо съ презрѣньемъ.
Такъ я сыпучими песками жизни
Тащился съ ношею моею, зная,
Что никуда ее не донесу.
И, вмѣстѣ съ смертію, былъ у меня
И сонъ, успокоитель жизни, отнятъ.
Что днёмъ въ моей душѣ кипѣло: ярость
На жизнь, богопроклятіе, вражда
Съ людьми, раздоръ съ собою, и вины
Непризнаваемой, но безпрестанно
Грызущей сердце, боль—то̀ въ темнотѣ
Ночной, вкругъ изголовья моего,
Толпою привидѣній стоя, сонъ
Отъ головы измученной моей
Неумолимо отгоняло. Буря
Ночная мнѣ была отраднѣй тихой,
Украшенной звѣздами, ночи: тамъ—
Съ мутящимъ землю бѣшенствомъ стихій
Я бѣшенствомъ души моей сливался;
Здѣсь каждая звѣзда, изъ мрака бездны
Встающая одна, межъ одинокихъ,
Подобно ей потерянныхъ въ пространствѣ,
Какъ бы ругаясь надо мною, мнѣ
Мой жребій повторяла, на меня
Съ небесъ вперяя пламенное око.
Такъ, въ изступленіи страданья, злобы
И безнадежности, скитался я
Изъ мѣста въ мѣсто; всё во мнѣ скопилось
Въ одну мучительную жажду смерти.
„Дай смерть мнѣ! дай мнѣ смерть! то было крикомъ
Моимъ и плачемъ, и моленьемъ
Предъ каждымъ бѣдствіемъ земнымъ, которымъ,
На горькую мнѣ зависть, гибли люди.
Кидался въ бездну я стремнины горной:
На днѣ ея, о камни сокрушенный,
Я оживалъ по долгой мукѣ. Море въ лоно
Своё меня не принимало; пламень
Меня пронзалъ мучительно насквозь,
Но не сжигалъ моей проклятой жизни.
Когда къ вершинамъ горъ скоплялись тучи
И тамъ кипѣли молніи, туда
Взбирался я въ надеждѣ тамъ погибнуть;
Но молніи кругомъ меня вилися,
Дробя деревья и утёсы; я же
Былъ пощаженъ. Въ моей душѣ блеснула
Надежда, бѣдная, что, можетъ-быть,

Въ бѣдѣ всеобщей смерть меня съ другими
Скорѣй, чѣмъ одинокаго, ошибкой
Возьмётъ — и съ чумными въ больницѣ душной
Я ложе ихъ дѣлилъ, ихъ трупы бралъ
На плечи и, зубами скрежеща
Отъ зависти, въ могилу относилъ:
Напрасно! мной чума пренебрегала.
Я съ караваномъ многолюднымъ степью
Песчаной Аравійской шелъ;
Вдругъ раскалённое затмилось небо,
И солнце въ нёмъ исчезло: вихрь
Песчаный набѣжалъ отъ горизонта
На насъ. Храпя, въ песокъ уткнули морды
Верблюды, люди пали ницъ. Я грудь
Подставилъ пламенному вихрю:
Онъ задушилъ меня, но не убилъ.

К. Н. БАТЮШКОВЪ.

Константинъ Николаевичъ Батюшковъ родился 18-го мая 1788 года, въ Вологдѣ, оттуда ещё ребёнкомъ былъ привезёнъ въ Петербургъ и отданъ въ частный пансіонъ Жакино, въ которомъ онъ довольно хорошо ознакомился съ языками французскимъ и италіанскимъ. Пробывъ четыре года въ названномъ пансіонѣ, Батюшковъ поручёнъ былъ, для окончанія воспитанія, учителю Морскаго училища, Триполи: здѣсь къ первымъ двумъ языкамъ прибавились ещё латинскій и нѣмецкій, такъ-что Батюшковъ, въ девятнадцать лѣтъ, уже обладалъ достаточнымъ запасомъ знаній, особенно по части литературы. Службу свою Батюшковъ началъ въ канцеляріи графа Завадовскаго, перваго министра народнаго просвѣщенія; но вскорѣ дядя его. М. Н. Муравьевъ, бывшій въ это время кураторомъ Московскаго университета, перевёлъ его къ себѣ письмоводителемъ. Первые литературные опыты молодого Батюшкова относятся къ 1805 году. Въ 1806 году онъ опредѣлился въ Петербургскую милицію, и здѣсь познакомился съ Петинымъ, съ которымъ былъ друженъ до самой смерти Петина, убитаго въ 1813 году, подъ Лейпцигомъ. Въ 1807 году Батюшковъ выступилъ въ Прусскій походъ, въ продолженіе котораго участвовалъ въ двухдневномъ сраженіи на берегахъ Пасарги (24-го и 25-го мая), и въ кровопролитной битвѣ при Гейльсбергѣ (29-го мая) былъ опасно раненъ, что̀ и принудило его воротиться въ Петербургъ. Оправившись отъ болѣзни; онъ перешелъ на службу въ лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ, и въ началѣ 1808 г. былъ уже въ Финляндіи, дикія красы которой произвели весьма сильное впечатлѣніе на поэта, какъ это видно изъ его „Отрывка изъ писемъ о Финляндіи“ и перевода элегіи Матиссона: „На развалинахъ за̀мка Швеціи“. По заключеніи мира, Батюшковъ оставилъ военную службу, а въ 1811 году получилъ мѣсто библіотекаря въ Императорской Публичной Библіотекѣ, что̀ позволило ему снова обратиться къ литературнымъ занятіямъ. Въ началѣ 1813 года онъ снова вступилъ въ военную службу и, состоя адъютантомъ при извѣстномъ генералѣ Раевскомъ, принималъ участіе въ бо̀льшей части сраженій въ кампаніяхъ въ 1813 и 1814 годовъ. Но и среди военныхъ трудовъ онъ находилъ время заниматься поэзіею. Къ этому времени относятся его стихотворенія: „Плѣнный“ и „Переходъ черезъ Рейнъ“. По взятіи Парижа, Батюшковъ возвратился въ Петербургъ черезъ Англію и Швецію, описавъ отплытіе своё изъ Лондона въ прелестной элегіи: „Тѣнь друга“. Въ 1816 году онъ окончательно оставилъ военную службу, и весь періодъ времени по 1818 годъ прошелъ для него въ занятіяхъ поэзіей. Къ этому времени относится, между прочимъ, лучшее его стихотвореніе: „Умирающій Тассъ“ и обѣ сатирическія пьесы: „Видѣніе на берегахъ Леты“ и „Пѣвецъ въ бесѣдѣ Славянороссовъ“. Время съ 1818 по 1822 годъ провёлъ онъ въ Неаполѣ и Римѣ, находясь при русскомъ посольствѣ, къ которому онъ былъ причисленъ въ чинѣ надворнаго совѣтника. Принимая эту новую должность, Батюшковъ думалъ поправить перемѣною климата своё разстроенное здоровье; но, увы! здоровье его не поправлялось, а, напротивъ, съ каждымъ годомъ всё становилось хуже. Въ 1823 году, во время пребыванія его въ Симферополѣ, замѣчены были въ нёмъ первые признаки умственнаго разстройства. Отсюда родные перевезли его въ Вологду, гдѣ онъ и провёлъ всё остальное время жизни, то-есть—цѣлые тридцать два года. Первое время болѣзненное состояніе его было весьма тревожно, но потомъ оно перешло въ болѣе спокойное и ни для кого не опасное состояніе, которое не покидало его до самой смерти, послѣдовавшей 7-го іюля 1855 года въ Вологдѣ. 1820 годъ былъ послѣднимъ годомъ литературной дѣятельности Батюшкова. Сочиненія его были изданы три раза: 1) „Опыты въ стихахъ и прозѣ“, 2 ч.. 1817; 2) „Сочиненія въ прозѣ и стихахъ“, 2 ч. Спб. 1834; 3) „Полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ: Сочиненія

К. Батюшкова", 2 ч. Спб. 1850. Пьесы, не вошедшія въ эти изданія, указаны М. Н. Лонгиновымъ въ „Матеріалахъ для полнаго изданія сочиненій Батюшкова" („Русскій Архивъ", 1863, вып. 12). Въ настоящее время, братъ покойнаго поэта, П. Н. Батюшковъ, издаетъ полное собраніе его писемъ и сочиненій.

I.

ПРОБУЖДЕНІЕ.

Зефиръ послѣдній свѣялъ сонъ
Съ рѣсницъ, окованныхъ мечтами:
Но я — не къ счастью пробуждёнъ
Зефира тихими крылами.
Ни сладость розовыхъ лучей,
Предтечи утренняго Феба,
Ни кроткій блескъ лазури неба,
Ни запахъ, вѣющій съ полей,
Ни быстрый лётъ коня ретива
По скату бархатныхъ луговъ,
И гончихъ лай, и звонъ роговъ
Вокругъ пустыннаго залива —
Ничто души не шевелитъ,
Души, встревоженной мечтами,
И гордый умъ не побѣдитъ
Любви — холодными словами.

II.

РАЗЛУКА.

Напрасно покидалъ страну моихъ отцовъ,
Друзей души, блестящія искусства
И въ шумѣ грозныхъ битвъ, подъ тѣнію шатровъ,
Старался усыпить встревоженныя чувства.
Ахъ! небо чуждое не лѣчитъ сердца ранъ!
Напрасно я скитался
Изъ края въ край, и грозный океанъ
Кругомъ меня роптаъ и волновался;
Напрасно, отъ бреговъ плѣнительныхъ Невы
Отторженный судьбою,
Я снова посѣщалъ развалины Москвы,
Москвы, гдѣ я дышалъ свободою прямою;
Напрасно я спѣшилъ отъ сѣверныхъ степей,
Холоднымъ солнцемъ освѣщённыхъ,
Въ страну, гдѣ Тирасъ бьётъ излучистой струей,
Сверкая между горъ, Церерой позлащённыхъ,
И древнія поитъ народовъ племена.
Напрасно: всюду мысль преслѣдуетъ одна
О милой, сердцу незабвенной,
Которой имя мнѣ священно,
Которой взоръ одинъ лазоревыхъ очей
Всѣ неба на землѣ блаженства отверзаетъ
И слово, звукъ одинъ, прелестныхъ звукъ рѣчей,
Меня мертвитъ и оживляетъ.

III.

НАДЕЖДА.

Мой духъ! довѣренность къ Творцу!
Мужайся—будь въ терпѣньи каменъ!
Не Онъ-ли къ лучшему концу
Меня провёлъ сквозь браннный пламень?
На полѣ смерти чья рука
Меня таинственно спасала
И жадный крови мечъ врага,
И градъ свинцовый отражала?
Кто, Кто мнѣ силу далъ сносить
Труды и гладъ, и непогоду,
И силу—въ бѣдствѣ сохранить
Души возвышенной свободу?
Кто вёлъ меня отъ юныхъ дней
Къ добру стезёю потаенной
И, въ бурѣ пламенныхъ страстей,
Былъ мой вожатый неизмѣнный?
Онъ! Онъ! Его всё даръ благой!
Онъ есть источникъ чувствъ высокихъ,
Любви къ изящному прямой,
И мыслей чистыхъ и глубокихъ!
Всё—даръ Его! и краше всѣхъ
Даровъ—надежда лучшей жизни!
Когда-жъ узрю спокойный брегъ,
Страну желанную отчизны?
Когда струёй небесныхъ благъ
Я утолю любви желанье,
Земную ризу брошу въ прахъ
И обновлю существованье?

IV.

КАРАМЗИНУ.

Когда на играхъ Олимпійскихъ,
Въ надеждѣ радостныхъ похвалъ,
Отецъ исторіи читалъ,
Какъ грекъ разилъ вождей азійскихъ
И силы гордыхъ сокрушилъ—
Народъ, любитель громкой славы,
Забывъ ристанья и забавы,
Стоялъ—и весь вниманье былъ.

Но въ сей толпѣ многонародной,
Какъ старца слушалъ Өукидидъ,

Любимый отрокъ аонидъ,
Надежда крови благородной!
Съ какою жаждой онъ внималъ
Отцовъ дѣянья знамениты —
И на горящія ланиты
Какія слёзы проливалъ!

И я такъ плакалъ въ восхищеньи,
Когда скрижаль твою читалъ,
И геній твой благословлялъ
Въ глубокомъ, сладкомъ умиленьи.
Пускай талантъ не мой удѣлъ,
Но я для музъ дышалъ не даромъ,
Любилъ прекрасное, и съ жаромъ
Твой геній чувствовать умѣлъ.

V.

ТѢНЬ ДРУГА.

Я берегъ покидалъ туманный Альбіона:
Казалось, онъ въ волнахъ свинцовыхъ утопалъ.
За кораблёмъ вилася гальціона, *)
И тихій гласъ ея пловцовъ увеселялъ.
Вечерній вѣтръ, валовъ плесканье,
Однообразный шумъ и трепетъ парусовъ,
И кормчаго на палубѣ взыванье
Ко стражѣ, дремлющей подъ говоромъ валовъ —
Всё сладкую задумчивость питало.
Какъ очарованный, у мачты я стоялъ
И сквозь туманъ и ночи покрывало
Свѣтила сѣвера любезнаго искалъ.
Вся мысль моя была въ воспоминаньѣ
Подъ небомъ сладостнымъ отеческой земли,
Но вѣтровъ шумъ и моря колыханье
На вѣжды томное забвенье навели.
Мечты смѣнялися мечтами,
И вдругъ—то былъ ли сонъ?—предсталъ товарищъ мнѣ,
Погибшій въ роковомъ огнѣ
Завидной смертію, надъ Плейскими струями.
Но видъ не страшенъ былъ: чело
Глубокихъ ранъ не сохраняло,
Какъ утро майское веселіемъ цвѣло
И всё небесное душѣ напоминало.
„Ты ль это, милый другъ, товарищъ лучшихъ дней!
Ты ль это“, я вскричалъ: „о воинъ вѣчно милой!
Не я ли надъ твоей безвременной могилой,
При страшномъ заревѣ беллониныхъ огней,
Не я ли съ вѣрными друзьями
Мечомъ на деревѣ твой подвигъ начерталъ
И тѣнь въ небесную отчизну провождалъ
Съ мольбой, рыданьемъ и слезами?
Тѣнь незабвеннаго! отвѣтствуй, милый братъ!
Или протекшее всё было сонъ, мечтанье?
Всё, всё—и блѣдный трупъ, могила и обрядъ,
Свершенный дружбою въ твоё воспоминанье?
О, молви слово мнѣ! пускай знакомый звукъ
Ещё мой жадный слухъ ласкаетъ;
Пускай рука моя, о незабвенный другъ,
Твою съ любовію сжимаетъ!“
И я летѣлъ къ нему—но горній духъ исчезъ
Въ бездонной синевѣ безоблачныхъ небесъ,
Какъ дымъ, какъ метеоръ, какъ призракъ полуночи,
Исчезъ—и сонъ покинулъ очи.
Всё спало вкругъ меня подъ кровомъ тишины,
Стихіи грозныя казалися безмолвны;
При свѣтѣ облакомъ подёрнутой луны
Чуть вѣялъ вѣтерокъ, едва сверкали волны;
Но сладостный покой бѣжалъ моихъ очей,
И всё душа за призракомъ летѣла,
Всё гостя горняго остановить хотѣла:
Тебя, о милый братъ! о лучшій изъ друзей!

*) Богиня пѣнистой струи, оставленной кораблемъ позади кормы.

VI.

УМИРАЮЩІЙ ТАССЪ.

Какое торжество готовитъ древній Римъ?
Куда текутъ народа шумны волны?
Къ чему сихъ ароматъ и мирры сладкій дымъ,
Душистыхъ травъ кругомъ кошницы полны?
До Капитолія отъ Тибровыхъ валовъ,
Надъ стогнами всемірныя столицы,
Къ чему раскинуты средь лавровъ и цвѣтовъ
Безцѣнные ковры и багряницы?
Къ чему сей шумъ? къ чему тимпановъ звукъ и громъ?
Веселья онъ, или побѣды вѣстникъ?
Почто съ хоругвіей течётъ въ молитвы домъ
Подъ митрою апостоловъ намѣстникъ?
Кому въ рукѣ его сей зыблется вѣнецъ,
Безцѣнный даръ признательнаго Рима?
Кому тріумфъ? Тебѣ, божественный пѣвецъ!
Тебѣ сей даръ—пѣвецъ „Ерусалима“.
И шумъ веселія достигъ до кельи той,
Гдѣ борется съ кончиною Торквато;
Гдѣ надъ божественной страдальца головой
Духъ смерти носится крылатой.
Ни слёзы дружества, ни иноковъ мольбы,

Ни почестей столь поздпія награды—
Ничто не укротитъ желѣзныя судьбы,
Не знающей къ великому пощады.
Полуразрушенный, онъ видитъ грозный часъ,
Съ веселіемъ его благословляетъ,
И, лебедь сладостный, ещё въ послѣдній разъ
Онъ, съ жизнію прощаясь, восклицаетъ:
„Друзья, о дайте мнѣ взглянуть на пышный Римъ,
Гдѣ ждётъ пѣвца безвременно кладбище—
Да встрѣчу взорами холмы твои и дымъ,
О древнее Квиритовъ пепелище!
Земля священная героевъ и чудесъ!
Развалины и прахъ краснорѣчивый!
Лазурь и пурпуры безоблачныхъ небесъ,
Вы тополи, вы древнія оливы,
И ты, о вѣчный Тибръ, поитель всѣхъ племенъ,
Засѣянный костьми гражданъ вселенной—
Васъ, васъ привѣтствуетъ изъ сихъ унылыхъ стѣнъ
Безвременной кончинѣ обреченный!
Свершилось! Я стою надъ бездной роковой
И не вступлю при плескахъ въ Капитолій,
И лавры славные надъ дряхлой головой
Не усладятъ пѣвца свирѣпой доли.
Отъ самой юности игралище людей,
Младенцемъ былъ уже изгнанникъ;
Подъ небомъ сладостнымъ Италіи моей
Скитаяся, какъ бѣдный странникъ,
Какихъ не испыталъ превратностей судебъ?
Гдѣ мой челнокъ волнами не носился?
Гдѣ успокоился? гдѣ мой насущный хлѣбъ
Слезами скорби не кропился?
Сорренто! колыбель моихъ несчастныхъ дней,
Гдѣ я въ ночи, какъ трепетный Асканій,
Отторженъ былъ судьбой отъ матери моей,
Отъ сладостныхъ объятій и лобзаній—
Ты помнишь, сколько слёзъ младенцемъ пролилъ я!
Увы! съ тѣхъ поръ, добыча злой судьбины,
Всѣ горести узналъ, всю бѣдность бытія.
Фортуною изрытыя пучины
Разверзались подо мной, и громъ не умолкалъ.
Изъ веси въ весь, изъ странъ въ страну гонимый,
Я тщетно на землѣ пристанища искалъ:
Повсюду перстъ ея неотразимый!
Повсюду молніи, караюшій пѣвца!
Ни въ хижинѣ оратая простого,
Ни подъ защитою Альфонсова дворца,
Ни въ тишинѣ безвѣстнѣйшаго крова,
Ни въ дебряхъ, ни въ горахъ не спасъ главы моей,
Безславіемъ и славой удручённой,
Главы изгнанника, отъ колыбельныхъ дней
Карающей богинѣ обречённой.
„Друзья, но что мою стѣсняетъ страшно грудь?
Что сердце такъ и ноетъ, и трепещетъ?
Откуда я? какой прошелъ ужасный путь,
И что за мной ещё во мракѣ блещетъ?
Феррара... фуріи... и зависти змѣя!
Куда? куда, убійцы дарованья!
Я въ пристани. Здѣсь Римъ. Здѣсь братья и семья!
Вотъ слёзы ихъ и сладкія лобзанья—
И въ Капитоліи Виргиліевъ вѣнецъ!
Такъ, я свершилъ назначенное Фебомъ:
Отъ первой юности его усердный жрецъ,
Подъ молніей, подъ разъяреннымъ небомъ,
Я пѣлъ величіе и славу прежнихъ дней;
И въ узахъ я душой не измѣнился;
Музъ сладостныхъ восторгъ не гасъ въ душѣ моей,
И геній мой въ страданьяхъ укрѣпился.
Онъ жилъ въ странѣ чудесъ, у стѣнъ твоихъ, Сіонъ,
На берегахъ цвѣтущихъ Іордана;
Онъ вопрошалъ тебя, мутящійся Кедронъ,
Васъ, мирныя убѣжища Ливана!
Предъ нимъ воскресли вы, герои древнихъ дней,
Въ величіи и въ блескѣ грозной славы.
Онъ зрѣлъ тебя, Готфридъ, владыко, вождь царей,
Подъ свистомъ стрѣлъ спокойный величавый;
Тебя, младой Ринальдъ, кипящій, какъ Ахиллъ,
Въ любви, въ войнѣ счастливый побѣдитель;
Онъ зрѣлъ, какъ ты леталъ по трупамъ вражьихъ силъ,
Какъ огнь, какъ смерть, какъ ангелъ-истребитель—
И Тартаръ низложенъ сіяющимъ крестомъ!
О, доблести неслыханной примѣры!
О, нашихъ праотцовъ, давно почившихъ сномъ,
Тріумфъ святой, побѣда чистой вѣры!
Торквато васъ исторгъ изъ пропасти времёнъ:
Онъ пѣлъ — и вы не будете забвенны;
Онъ пѣлъ: ему вѣнецъ безсмертья обречёнъ,
Рукою музъ и славы соплетенный.
Но поздно: я стою надъ бездной роковой
И не вступлю при плескахъ въ Капитолій.
И лавры славные надъ дряхлой головой
Не усладятъ пѣвца свирѣпой доли!"

Умолкъ. Унылый огнь въ очахъ его горѣлъ,
Послѣдній лучъ таланта предъ кончиной;
И умирающій, казалося, хотѣлъ
У Парки взять тріуфма день единой.
Онъ взоромъ всё искалъ Капитолійскихъ стѣнъ,
Съ усиліемъ ещё приподнимался;
Но, мукой страшною кончины понуренъ,

Недвижимый на ложѣ оставался.
Свѣтило дневное ужъ къ западу текло
И въ заревѣ багряномъ утопало:
Часъ смерти близился — и мрачное чело
Въ послѣдній разъ страдальца просіяло.
Съ улыбкой тихою на западъ онъ глядѣлъ
И, оживлёнъ вечернею прохладой,
Денницу къ небесамъ внимающимъ воздѣлъ,
Какъ праведникъ, съ надеждой и отрадой.
„Смотрите", онъ сказалъ рыдающимъ друзьямъ:
„Какъ царь свѣтилъ на западѣ пылаетъ!
Онъ, онъ зовётъ меня къ безоблачнымъ странамъ,
Гдѣ вѣчное свѣтило засіяетъ.
Ужъ ангелъ предо мной, вожатай оныхъ мѣстъ:
Онъ осѣнилъ меня лазурными крылами.
Приближьте знакъ любви, сей таинственный крестъ,
Молитеся съ надеждой и слезами!
Земное гибнетъ всё—и слава, и вѣнецъ...
Искусствъ и музъ творенья величавы...
Но тамъ всё вѣчное, какъ вѣченъ самъ Творецъ,
Податель намъ вѣнца небренной славы!
Тамъ всё великое, чѣмъ духъ питался мой,
Чѣмъ я дышалъ отъ самой колыбели.
О братья! о друзья! не плачьте надо мной:
Вашъ другъ достигъ давно желанной цѣли.
Отыдетъ съ миромъ онъ и, вѣрой укрѣплёнъ,
Мучительной кончины не примѣтитъ:
Тамъ, тамъ—о счастіе!—средь непорочныхъ женъ,
Средь ангеловъ, Элеонора встрѣтитъ!"

И съ именемъ любви божественный погасъ;
Друзья надъ нимъ въ безмолвіи рыдали;
День тихо догоралъ — и колокола гласъ
Разнёсъ кругомъ по стогнамъ вѣсть печали:
„Погибъ Торквато нашъ!" воскликнулъ съ плачемъ Римъ:
„Погибъ пѣвецъ, достойный лучшей доли!"
На утро факеловъ узрѣли мрачный дымъ —
И трауромъ покрылся Капитолій.

Н. И. ГНѢДИЧЪ.

Николай Ивановичъ Гнѣдичъ, извѣстный переводчикъ „Илліады", родился 2-го февраля 1784 года въ Полтавѣ, началъ свое воспитаніе въ тамошней семинаріи, продолжалъ его въ Харьковскомъ коллегіумѣ и окончилъ въ Московскомъ университетѣ. Здѣсь-то, сидя на одной скамейкѣ съ будущими дѣятелями русской литературы: Милоновымъ, Кошанскимъ и Буринскимъ, ознакомился онъ, подъ руководствомъ Мерзлякова, съ древней и новой русской словесностью; здѣсь-то изучилъ онъ языки латинскій и, въ особенности, греческій, основательное знаніе котораго впослѣдствіи увѣнчало его славой переводчика „Илліады". Здѣсь же обнаружилась его любовь къ драматическому искусству, выраженная прекрасной декламаціей и мастерскимъ исполненіемъ нѣкоторыхъ трагическихъ ролей на сценѣ университетскаго театра. Эта любовь къ сценическому искусству выразилась и въ первыхъ литературныхъ попыткахъ Гнѣдича, заключавшихся въ переводѣ двухъ трагедій: „Абюфара"—Дюсиса (М. 1802) и „Заговора Фіеско въ Генуѣ"— Шиллера (М. 1803). Къ тому же времени относится оригинальный его романъ: „Донъ Коррадо де Геррера" (2 ч. 1703). По окончаніи курса въ 1803 году, Гнѣдичъ отправился въ Петербургъ, гдѣ и опредѣлился на службу въ департаментъ министерства народнаго просвѣщенія. Не смотря на служебныя занятія, отнимавшія у него довольно много времени, литературныя занятія Гнѣдича шли своимъ чередомъ, съ тою только разницею, что сочиненія его стали появляться, вмѣсто московскихъ, въ петербургскихъ журналахъ: „Сѣверномъ Вѣстникѣ" (1804—1805), „Журналѣ Россійской Словесности" (1805) и „Лицеѣ" (1805). Какъ на болѣе замѣчательныя изъ нихъ, можно указать на „Послѣднюю пѣснь Оссіана", переведённую размѣромъ русскихъ пѣсенъ, и „Красоты Оссіана", помѣщённыя въ первомъ изъ этихъ журналовъ (1804, №№ 1 и 4 и 1805, № 4). Въ 1805 году онъ ѣздилъ на родину, въ Полтаву, гдѣ написалъ „Пѣснь при гробѣ матери", напечатанную въ 12 № „Цвѣтника" на 1809 годъ. Стихотвореніе это очень трогательно передаётъ нѣжныя чувства сына, оставшагося съ колыбели „въ печальномъ мірѣ сиротою" и усыновлённаго „суровой мачихой-судьбою". Вскорѣ, по возвращеніи изъ Малороссіи, Гнѣдичъ сошелся съ извѣстной драматической актрисой, Е. С. Семёновой (впослѣдствіи княгиня Гагарина). Дружба эта длилась 18 лѣтъ, и его-то просвѣщеннымъ совѣтамъ и постоянному участію въ изученіи драматическихъ характеровъ, эта артистка одолжена значительной долей той славы, которую она пріобрѣла при исполненіи ролей Клитемнестры, Медеи, Моины, Ксеніи и другихъ. Для нея Гнѣдичъ возвратился къ занятіямъ первой своей молодости: въ 1808 году онъ напечаталъ свою передѣлку трагедіи Шекспира „Король Лиръ", подъ названіемъ „Леаръ", а въ 1816—переводъ трагедіи Вольтера

„Танкредъ". Обѣ пьесы пользовались успѣхомъ на сценѣ, благодаря двумъ сильнымъ дарованіямъ, исполнявшимъ главныя роли — актеру Яковлеву и Семёновой.

Но важнѣйшимъ трудомъ Гнѣдича, прославившимъ его имя, былъ переводъ „Илліады". Очарованный красотами поэмы Гомера, Гнѣдичъ задумалъ познакомить съ ними и русскую публику. Сначала онъ хотѣлъ продолжать и окончить переводъ Кострова, который въ то время находили очень хорошимъ. Такъ какъ до 1811 года, когда были найдены и напечатаны 7, 8 и 9 пѣсни, существовало всего шесть пѣсенъ „Илліады" въ переводѣ Кострова, то Гнѣдичъ и началъ свой переводъ съ седьмой пѣсни, которая была окончена въ 1809 году и тогда же отпечатана отдѣльной книжкой. Какъ эту пѣсню, такъ и слѣдующія до одиннадцатой, и начало одиннадцатой перевёлъ онъ, по примѣру Кострова, александрійскими стихами. Переводъ Гнѣдича былъ встрѣченъ единодушными похвалами, при чёмъ тотчасъ было замѣчено всѣми его явное превосходство надъ переводомъ Кострова, который считался классическимъ. Но, тѣмъ не менѣе, Гнѣдичъ уже явно сознавалъ всю бѣдность избраннаго имъ стихотворнаго размѣра, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и невозможность передать имъ въ точности красоты подлинника. Сомнѣнія мучили поэта. Мысль о гекзаметрѣ хотя и приходила ему въ голову, но несчастный опытъ Тредьяковскаго наводилъ его на другія мысли. Наконецъ, письмо С. С. Уварова, напечатанное въ 13 № „Чтеній" на 1813 годъ, разсѣяло окончательно всѣ сомнѣнія нашего переводчика и убѣдило его въ необходимости замѣнить однообразный шестистопный ямбъ эпическимъ стихомъ древнихъ грековъ. И вотъ, Гнѣдичъ совершаетъ подвигъ, по-истинѣ изумительный: онъ уничтожаетъ свой многолѣтній трудъ — старый, риѳмованый переводъ четырёхъ съ половиною пѣсенъ „Илліады" и принимается за новый переводъ той же поэмы размѣромъ подлинника, начиная съ первой пѣсни. Онъ съ настойчивостью предаётся выполненію принятой имъ на себя задачи и, употребивъ на переводъ болѣе 20 лѣтъ, оканчиваетъ его въ 1828 году, а спустя годъ выпускаетъ его въ свѣтъ въ двухъ большихъ томахъ. Но и во время этой работы, онъ успѣвалъ ещё писать и печатать другія сочиненія. Такъ, напримѣръ, въ 1817 году, онъ издалъ отдѣльной книжкой поэму „Рожденіе Гомера"; въ 1822 — напечаталъ въ восьмой книжкѣ „Сына Отечества" свою извѣстную идиллію „Рыбаки", обратившую на себя общее вниманіе, а въ 1825 году издалъ свой переводъ „Простонародныхъ пѣсенъ нынѣшнихъ грековъ".

Между тѣмъ, въ 1817 году Гнѣдичъ оставилъ службу въ департаментѣ, такъ какъ и на службу въ Императорской Публичной Библіотекѣ у него едва хватало времени. Впрочемъ, директоры ея, графъ А. С. Строгановъ и А. Н. Оленинъ, по свидѣтельству Лобанова, біографа Гнѣдича, требовали отъ него не столько службы, сколько „Илліады", зная, что обогащеніе отечественной литературы такимъ произведеніемъ есть служба тому же отечеству. Гнѣдичъ никогда не пользовался хорошимъ здоровьемъ; но въ послѣдніе годы онъ ещё болѣе разстроилъ его постояннымъ умственнымъ напряженіемъ и сидячею жизнью. Къ физическимъ страданіямъ присоединились ещё и душевныя—тоска одиночества. Въ 1825 году, Гнѣдичъ, по совѣту врачей, ѣздилъ на Кавказъ и пользовался, въ теченіе лѣта, тамошними минеральными водами, но безъ всякой пользы. Въ 1826 году онъ переѣхалъ въ Одессу, прожилъ тамъ почти два года и возвратился въ Петербургъ, значительно поправивъ своё здоровье. Въ 1831 году здоровье его снова разстроилось—и поэтъ уже чувствовалъ приближеніе смерти, какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго двустишія, сказаннаго имъ при погребеніи Дельвига:

Другъ, до свиданія! Скоро и я наслажусь моей частью.
Жилъ я, чтобы умереть; скоро умру, чтобы жить.

Въ 1832 году Гнѣдичъ издалъ первое собраніе своихъ стихотвореній, разсѣянныхъ по разнымъ журналамъ и альманахамъ, при чёмъ многое въ стихахъ исправилъ. Съ наступленіемъ 1833 года, въ альманахѣ „Альціона", появилось послѣднее его стихотвореніе, его лебединая пѣснь—„Ласточка", а 3-го февраля того же года—Гнѣдича не стало. Тѣло его погребено на новомъ кладбищѣ Александро-невской Лавры. „Сочиненія Гнѣдича" были изданы въ 1854 году Смирдинымъ въ „Полномъ Собраніи Сочиненій Русскихъ Авторовъ", въ одномъ томѣ съ сочиненіями Хемницера. Изданіе не полное и сдѣлано весьма небрежно. Пьесы, пропущенныя въ этомъ изданіи, указаны М. Н. Лонгиновымъ въ его статьѣ: „Матеріалы для полнаго изданія сочиненій Гнѣдича" („Русскій Архивъ", 1863, вып. 11 и 12). „Илліада" въ переводѣ Гнѣдича была издана три раза: въ 1829, 1839 и 1862 годахъ.

РЫБАКИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Таланты отъ Бога, богатство отъ рукъ человѣка.
На островѣ Невскомъ, омытомъ рѣкою и моремъ,
Подъ кущей одною два рыбаря жили пришельцы:
Одинъ престарѣлый, другой лишь брадой опушался.
Гонимые нуждой изъ милаго края родного,
На промыслъ товарищи вмѣстѣ пришли на чужбину.
Лишь честную бѣдность они принесли за спиною,
И вмѣстѣ и нужду, и трудъ земляки раздѣляли.
Въ печальныхъ трудахъ для убогаго пѣсни услада—
И младшій прекрасно игралъ ихъ на звонкой свирѣли.
Въ тѣ тайныя чувства минуты, когда вдохновенье
Отъ неба нисходитъ и душу любимца тревожитъ;
Въ часъ утра златого, какъ день загорался на небѣ
И всё на землѣ воскресало для счастія жизни;
Иль въ вечеръ, какъ солнце въ багряныя волны тонуло,
Иль въ ясныя ночи, смотря и безмолвно дивуясь
На мѣсяцъ, на звѣзды, на высь безпредѣльную неба,—
То тайную радость, то тайныя грустныя чувства
Любилъ изливать онъ въ простыхъ, безъискуственныхъ звукахъ,
Но чистыхъ, но свѣжихъ, какъ юные листья на вѣтвяхъ.
Давно онъ окрестность плѣнялъ вдохновенной свирѣлью;
Онъ, звуками сердца по свѣтлой Невѣ разливаясь,
Не разъ у гребцовъ останавливалъ шумныя вёсла;
Но, сердцемъ невинный, чудесъ имъ творимыхъ не вѣдалъ.
Однажды, уставши отъ ловли несчастливой, оба
Сидѣли у кущи, изъ вѣтвей древесныхъ сложенной.
Старѣйшій работалъ изъ гибкія вербы кошницу,
А младшій у брега, главою на руку поникшій,
Уныло смотрѣлъ на бѣгущія тёмныя волны.
Шумѣли, бѣжали въ пучину незримую волны:
Такъ юноши думы въ синѣвшую даль уносились!
По долгомъ молчаньи къ устамъ поднёсъ онъ цѣвницу —
И въ пѣсни унылой излилъ вдохновенное сердце.
Но рыбарь старѣйшій, работая, началъ бесѣду:

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Любезный товарищъ, вѣдь, пѣснями рыбы не ловятъ!
Ты сладко играешь, и мнѣ твои пѣсни отрадны;
Но вижу, ты часто работу мѣняешь на пѣсни;
Поёшь ты до птицъ—для свирѣли и сонъ забываешь.
Охота—другая неволя; но молвлю я слово:
Нашъ неводъ изорванъ, и вёрша твоя не въ исправѣ.
Не пѣснями-ль, милый, ты здѣсь затѣваешь кормиться?
Ты съ голоду сгибнешь, иль съ сумкой воротишься къ дому.

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Не сгибну, товарищъ: насъ пѣсни до бѣдъ не доводятъ;
Любилъ ихъ, ты помнишь, и дѣдъ мой.

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Пастухъ горемычный!
Чтó дѣтямъ оставилъ онъ?

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Доброе имя!

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

И бѣдность.
Отецъ твой рыбакъ и дѣтей бы не въ скудѣ оставилъ,
Когда бъ не пришли на семью его черные годы:
Пожаръ за пожаромъ его разорилъ до основы.

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

А кто же помогъ намъ? и кто на дорогу снабдилъ насъ,
Отдавши послѣднее? Дѣдъ мой, пастухъ горемычный.
Онъ, онъ подарилъ мнѣ и эту пастушью цѣвницу,
Онъ къ пѣснямъ меня заохотилъ.

РЫБАКЪ СТАРШІЙ

Такъ что же, товарищъ!
Знать, хочешь ты кинуть наслѣдственный промыслъ отцовскій?
Но промыслъ рыбачій есть промыслъ и чистый, и честный:
Рыбакъ не губитель, своей онъ руки не кровавитъ;
Рыбакъ не обманщикъ, товаръ продаетъ неподдѣльный.
Симъ промысломъ честнымъ отцы наши хлѣбъ добывали.
Знать, другъ мой любезный, тяжелъ тебѣ трудъ рыболова?
Такъ лучше бъ съ свирѣлью остался ты дома при стадѣ.
Тамъ ясное небо, тамъ ясныя души, и пѣсни
Тамъ милы людямъ; а здѣсь, братъ, и люди, какъ небо,
Суровы: здѣсь хлѣба не выпоешь — выплачешь легче.
Опомнись, землякъ! что скажетъ и мать, какъ услышитъ?

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Услышитъ, любезный, о мнѣ она добрыя вѣсти;
А ты понапрасну меня не кори—обижаешь.
Рыбачій я промыслъ люблю, и его не чуждаюсь:

Быть можетъ, лѣнивъ я, а больше того безталанливъ;
Но справлюсь, товарищъ. Сулитъ рыболовъ мнѣ приморскій
Клубъ нитокъ и вёршу за выучку пѣсней свирѣльныхъ.
Вотъ, видишь ты, пѣсни любятъ и здѣшніе люди.
Ихъ слушаютъ часто, на шлюпкахъ по взморью гуляя,
Бояре градскіе; ихъ любятъ всѣ добрые люди:
Я помню изъ дѣтства, какъ въ нашемъ селеніи старецъ,
Захожій слѣпецъ, наигрывалъ пѣсни на струнахъ
Про старыя войны, про воиновъ русскихъ могучихъ.
Какъ вижу его: и сума за плечами, и кобза,
Сѣдая брада и волосы дó плечъ сѣдые;
Съ клюкою въ рукахъ проходилъ онъ по нашей деревнѣ
И, зазванный дѣдомъ, подъ нашею хатой усѣлся.
Онъ долго сперва по струнáмъ рокоталъ, молчаливый,
То важною думой сѣдое чело осѣняя,
То къ небу подъемля незрячія, бѣлыя очи.
Какъ вдругъ просвѣтлѣло сѣдое чело пѣснопѣвца,
И вдругъ по струнамъ залетали костистые пальцы,
Въ рукахъ задрожала струнчатая кобза—и пѣсни,
Волшебныя пѣсни изъ старцевыхъ устъ полетѣли.
Мы всѣ, ребятишки, какъ вкопаны въ землю стояли;
А дѣдъ мой старикъ, на ладонь опираяся, думный
На лавкѣ сидѣлъ, и изъ глазъ его капали слёзы.
О, кто бы меня научилъ сладкогласнымъ тѣмъ пѣснямъ,
Тому-бъ я отдалъ изъ счастливѣйшихъ всю мою тоню!
Вонъ тамъ, на Невѣ, подъ высокимъ теремомъ свѣтлымъ,
Изъ камня, гдѣ львы у порога стоятъ, какъ живые—
Подъ теремомъ тѣмъ, гдѣ бояринъ живетъ именитый,
Уже престарѣлый, но, знать, въ немъ душа молодая:
Подъ теремомъ тѣмъ, ты слыхалъ-ли, какъ въ лѣтнія ночи
И струны рокочутъ, и вѣщіе носятся гласы?
Знать, старцы слѣпые боярина пѣснями тѣшатъ.
Землякъ, и свирѣль тамъ слышна: соловьёмъ распѣваетъ!
Всю душу проходитъ, какъ трель поведётъ и зальётся!
Ты видишь, землякъ, и бояре разумные любятъ
Свирѣль. Не хули-же моей ты сердечной забавы.
Люблю своё ремесло, но и пѣсни люблю я;
А дѣдъ мой говаривалъ: что въ кого Богъ поселяетъ,
То вѣрно не къ худу. И чтó же въ пѣсняхъ худого?
Мнѣ сладко, мнѣ весело, радостно, словно я въ небѣ,
Когда на свирѣли играю! Да самъ ты, товарищъ,
Ты самъ, какъ пою я про сторону нашу родную,
Про рѣки знакомыя, гдѣ мы училися ловлѣ,
Про долы зеленые, гдѣ мы играли младые,
Зачѣмъ ты, любезный, глаза закрываешь рукою?
Да ты-же меня и коришь, и сумою стращаешь!
Мнѣ бѣдность знакома изъ дѣтства: её не боюся.
Поколѣ-жъ есть руки, я ихъ не простру за подачей.

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Задѣлъ я тебя, да и самъ уже каюсь: рѣчистъ ты!
Но если бы столько въ сей день наловилъ ты и рыбы,
Какъ словъ насказалъ, повѣрнѣе была-бъ наша прибыль.

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Что правда, то правда; но день, вѣдь, ещё не оконченъ;
А видишь-ли, другъ, надо мною какъ ласточка вьётся?
Вѣдь, это не къ худу; о, ласточка вѣстница счастья!
Сегодня, сказалъ ты, не станемъ закидывать неводъ:
У берега рыба гуляетъ. Одинъ попытаюсь;
Сажуся на лёгкую лодку, беру я и сѣти, и уды.

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Берёшь и свирѣль ты, землякъ?

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Разстаюсь-ли я съ нею?

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Худое предвѣстье!

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Да ласточка вѣстница счастья!
Смотри, вѣдь, опять надо мной и щебечетъ, и вьётся.
О, ловля, счастливая ловля! лишь день вечерѣетъ,
Лишь солнце садится—и рыба стадами играетъ.
„Ловися мнѣ рыба, ловися и окунь, и щука!“
И пѣснь рыболова исчезла у дальняго берега.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Уже надъ Невою сіяетъ беззнойное солнце,
Уже вечерѣетъ; а рыбаря нѣтъ молодого.
Вотъ солнце зашло, загорѣлся безоблачный западъ;
Съ пылающимъ небомъ сліясь, загорѣлося море,
И пурпуръ, и золото залило рощи и долы.
Шпицъ тверди Петровой возвышенный вспыхнулъ надъ градомъ,
Какъ огненный столпъ, на лазури небесной играя.
Угасъ онъ; но пурпуръ на западномъ небѣ не гаснетъ.

Вотъ вечеръ, но сумракъ за нимъ не слетаетъ на землю;
Вотъ ночь, а свѣтла синевою одѣтая дальность:
Безъ звѣздъ и безъ мѣсяца небо ночное сіяетъ,
И пурпуръ заката сливается съ златомъ востока,
Какъ-будто денница за вечеромъ слѣдомъ выводитъ
Румяное утро. Была то година златая,
Какъ лѣтніе дни похищаютъ владычество ночи;
Какъ взоръ иноземца на сѣверномъ небѣ плѣняетъ
Сліянье волшебное тѣни и сладкаго свѣта,
Какимъ никогда не украшено небо полудня;
Та ясность, подобная прелестямъ сѣверной дѣвы,
Которой глаза голубые и алыя щёки
Едва оттѣняются русыми локонъ волнами.
Тогда надъ Невой и надъ пышнымъ Петрополемъ видятъ
Безъ сумрака вечеръ и быстрыя ночи безъ тѣни;
Тогда филомела полночныя пѣсни лишь кончитъ,
И пѣсни заводитъ, привѣтствуя день восходящій.
Но поздно: повѣяла свѣжесть; на невскія тундры
Роса опустилась,—а рыбаря нѣтъ молодого.
Вотъ полночь; шумѣвшая вечеромъ тысячью вёселъ
Нева не колыхнетъ; разъѣхались гости градскіе;
Ни гласа на брегѣ, ни зыби на влагѣ—всё тихо;
Лишь изрѣдка гулъ отъ мостовъ надъ водой раздаётся.
Да изрѣдка крикъ изъ деревни протяжный промчится,
Гдѣ въ ночь окликается ратная стража со стражей.
Всё спитъ; надъ деревнею дымъ ни единый не вьётся;
Огонь лишь дымится предъ кущею рыбаря-старца.
Котёлъ у огнища стоитъ уже снятый съ треногa:
Старикъ заварилъ въ нёмъ уху, въ ожиданіи друга;
Уха, ужъ остывши, подёрнулась пѣной янтарной.
Не ужиналъ онъ и скучалъ, земляка ожидая;
Лежалъ у огня, раскинувъ свой кожаный запонъ,
И часто посматривалъ вдоль по Невѣ среброводной.
Соскучилъ старикъ, безпокоимый грустью и гладомъ,
И въ первый онъ разъ безъ товарища ужинать думалъ;
Взялъ чашу изъ древа, блестящую лакомъ златистымъ:
Лить началъ уху—черезъ край, призадумавшись, пролилъ
И, въ сердцѣ на друга, промолвилъ суровое слово.
Присѣлъ, и лишь руку для крестнаго знаменья поднялъ —
Шумъ вёселъ раздался—и крестъ сотворилъ онъ не къ яствѣ,
Но къ радости сердца: ладья на рѣкѣ показалась,
И голосъ знакомый ударился въ берегъ отзывный.

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Ты спишь ли, товарищъ? Вставай, помогай выгружаться!

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Люби тебя Богъ, наваждённый свирѣльникъ несчастный!
Не сонъ на глаза, а кручину на сердце навёлъ ты.
Пропа́сть до полночи? Я, Богъ знаетъ, что̀ передумалъ.

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

А чтó же ты думалъ?

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Чтó думалъ? Свѣтаетъ, повѣса!
По Новой-Деревнѣ, ты слышишь, стучатъ ужъ телѣги.
И гдѣ разъѣзжалъ ты? Свѣтло, всѣ окольности видно,
А лодки твоей, просмотрѣлъ я глаза, не завидѣлъ.
Хожу, окликаю: съ Невы ни отвѣта, ни гласа.
Палъ нà сердце страхъ: до бѣды далеко-ль человѣку!
Такихъ, братъ, какъ ты, подцѣпляли не разъ водяные!
А мать за тебя у кого бы отвѣта спросила,
Негодный повѣса? Здорово! дай руку, товарищъ!

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Другъ милый, другъ милый! вѣдь, ласточка намъ не солгала.
Иль сердцемъ не чуялъ, что я привезу тебѣ радость?

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Что—щуку съ перомъ голубымъ, иль лòсося жирнаго пѣснью
Сманилъ ты на уду? О, рыба, вѣдь, лакома къ пѣснямъ!
Не рыбу, мой другъ, а сердца подгородныхъ красавицъ
Ловилъ ты свирѣлью. Удаченъ-ли ловъ, признавайся,
Разсказывай всё. Но на челнѣ, какъ видится, нéводъ?
Ты нéвода нé бралъ?

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

О неводѣ послѣ, товарищъ!
А эта свирѣль какова? посмотри, полюбуйся!

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Свирѣль дорогая, сдаётся; ужели купилъ ты?
Нѣтъ, поднялъ у мызъ понадрѣчныхъ: навѣрно бояринъ
Её обронилъ? Дорогая, заморской работы,
Изъ пальмова древа, съ слоновою костью и златомъ;

А скважины въ ней, какъ пчела на сотахъ вы-
лѣпляетъ.
На ней-то, землякъ, соловьиныя трели ты бъ вывелъ!
Сознай ты её, объяви, чтобъ тебя не клепали:
Чужое добро не въ корысть.

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Не присвою чужого:
И эта свирѣль, мой любезный, и неводъ на челнѣ—
Мои.

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Перестань, молодой! старика ты морочишь.

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Такъ счастью, землякъ, моему и не вѣришь ты?

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Счастью?
Ума приложить не могу, и не знаю — какому?

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Вотъ этой простою, пастушеской дѣда свирѣлью
И неводъ. что въ лодкѣ, и эту свирѣль дорогую
Я выигралъ.

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Что?

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

И за что́ бы купилъ я?
За эту свирѣль рыболовнаго мало снаряда.
Нѣтъ, Богъ — о товарищъ! — мнѣ Богъ даровалъ
ихъ за пѣсни!

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Да молви же, кто? Не томи, разскажи мнѣ скорѣе!
Отъ радости сердце играетъ; пропалъ мой и голодъ;
На умъ не идётъ мнѣ и ужинъ. Товарищъ, ты веселъ?
Скорѣй подѣлися весельемъ, порадуй и друга!

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

О, радостно будетъ объ этомъ всю жизнь говорить
мнѣ!
Но сядемъ мы тамъ, на холмѣ, подъ душистою липой
Гдѣ въ ясныя ночи съ тобою рыбу мы удимъ.
Оттолѣ намъ видны далёкія рощи и мызы
По брегу Невы сребророводной; оттолѣ увидимъ
И домъ, о которомъ тебѣ поведу моё слово,
Тотъ теремъ, котораго мнѣ не забыть до могилы.
Какъ солнце садилось, подъѣхалъ я съ удами въ
челнѣ
Къ противному берегу. Рыба, какъ день вечерѣетъ,
Тамъ ру́нами ходитъ и, въ правду, стадами металась.
Рука уставала закидывать гибкія уды;
Двухъ щукъ изловилъ, окунямъ и счётъ ужъ терялъ я;
Запасная верша кипѣла серебряной рыбой.
Но скоро, не вѣдаю какъ, противъ мызы боярской
Съ ладьей очутился я. Ночь между-тѣмъ наступала,
Чудесная ночь: ни единой звѣзды на лазури,
А сребряный свѣтъ разливался по небу ночному.
Всё было такъ тихо: не дрогнулъ ни листъ на осинѣ,
Всё было безмолвно. И вотъ, надъ Невою недвижной
Понёсся изъ терема сладостный гулъ тихострунный.
Мнѣ радостно стало—и началъ я робкой свирѣлью
Подыгрывать тихо подъ струны; какъ вдругъ межъ
древами
Почулся мнѣ шорохъ—и слуги боярскіе вышли,
И съ берега стали меня зазывать въ его теремъ.
Я сѣть отвязалъ, чтобъ боярину рыбу живую—
Огромную щуку и окуней несть краснопёрыхъ.
„Не съ рыбой, съ свирѣлью!" вёсёлые вскрикнули
слуги:
„Въ свой теремъ высокій тебя призываетъ бояринъ."

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Царю мой небесный! итти ты, землякъ, не боялся?

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Боялся, товарищъ! въ груди моей дрогнуло сердце;
Какъ вотъ и бояринъ изъ те́ремныхъ оконъ хру-
стальныхъ
Свой ласковый голосъ мнѣ подалъ—и пролилъ онъ
въ душу
Весёлость и смѣлость. Вступилъ я въ хоромы; но
страшно
Мнѣ стало опять, какъ я началъ итти по хоромамъ.
Со стѣнъ ихъ лики глядятъ на тебя, какъ живые!
Изъ мрамора дѣвы прелестны—только не дышатъ!
Но диву я дался, увидѣвши теремъ высокій—
Чудесный, прозрачный, какъ въ сказкѣ, землякъ
говорится:
Что на́ небѣ звѣзды—и въ теремѣ звѣзды, и мѣсяцъ
И вся въ терему красота поднебесная ви́дна!
Въ нёмъ старецъ-бояринъ *) сидѣлъ сребровласый,
въ семействѣ
Цвѣтущихъ дѣтей, средь бояръ и вельможъ имени-
тыхъ.
Смутился я, другъ; у порога стоялъ полумёртвый;
Но ожило сердце, забилось весельемъ, и слёзы
Изъ глазъ у меня проступили, какъ добрый бояринъ
Привѣтно взглянулъ на меня и ласково молвилъ:
„Люблю я невинныхъ сердецъ вдохновенья простыя,
Люблю я свирѣльныя пѣсни, а ты ихъ пріятно
играешь;
Не разъ и ко мнѣ доходили ихъ сладкіе звуки.
Давно я желалъ насладиться твоею свирѣлью;
Давно приготовилъ награду, достойную пѣсней:
Тебя подарю я прекрасной свирѣлью изъ пальмы.
Сыграй намъ, о рыбарь, пріятную сельскую пѣсню!"

*) Графъ А. С. Строгоновъ

Зачѣмъ ты, товарищъ, подъ теремомъ не былъ
со мною?
Напомнилъ-бы ты мнѣ, какія я пѣсни играю.
Отъ радости всё позабылъ я, стоялъ безотвѣтный;
Но очи лишь поднялъ и взоры боярина встрѣтилъ,
Безвѣстная, другъ, обняла меня дивная сила.
Взыгралъ я — и пѣснь разлилась по зелёному саду.
И вотъ мнѣ награда.

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Постой, товарищъ: ты видишь,
Досадныя слёзы мѣшаютъ мнѣ слушать. Ну, далѣ?

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Но лучшей наградой мнѣ было боярское слово:
„Кто былъ твой учитель?“ промолвилъ онъ. „Богъ!“
отвѣчалъ я.
Бояринъ, изъ рукъ подавая свирѣль дорогую:
„Играй“, мнѣ промолвилъ: „безъ Бога, какъ ты, не
играютъ.
Но въ промыслѣ ты не лѣнишься-ли, рыбарь, для
пѣсней?
Таланты отъ Бога, богатство отъ рукъ человѣка.“
„Нашъ промыслъ, я молвилъ, есть промыслъ и
чистый, и честный:
Твои предъ бояриномъ смѣло я высказалъ рѣчи.
„Разумныя рѣчи“, бояринъ мнѣ весело молвилъ:
„За нихъ я тебя дарю ещё неводомъ новымъ;
Ты-жъ лучшій твой ловъ продавай для меня на
трапезу.“

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Какъ сказку я слышу! Правдиво предвѣстіе птицы!

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Не птицы, а дѣда правдиво мнѣ вѣщее слово.
Онъ, дѣдъ мой, говаривалъ: чтó въ кого Богъ
поселяетъ,
То вѣрно не къ худу. Молчишь ты, любезный?

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Усталъ я
Отъ радости сердца. Скажу я короткое слово:
Отъ дѣда въ наслѣдство ты принялъ цѣвницу изъ
липы,
А внукамъ своимъ передай цѣвницу изъ пальмы.

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

И имя того, кто почтилъ дарованіе Бога,
Я внукамъ моимъ передамъ съ любовію къ пѣснямъ!

А. Ѳ. ВОЕЙКОВЪ.

Александръ Ѳёдоровичъ Воейковъ, авторъ сатиры: „Домъ Сумасшедшихъ“, родился 15-го ноября 1779 года, воспитывался въ Москвѣ, въ Университетскомъ Благородномъ пансіонѣ, вмѣстѣ съ Жуковскимъ, и считался однимъ изъ лучшихъ воспитанниковъ заведенія. Здѣсь же возникла и развилась въ нёмъ любовь къ литературѣ. Дружбою съ Жуковскимъ, а также и тѣмъ, что онъ былъ женатъ на племянницѣ Жуковскаго, А. А. Протасовой, объясняются его постоянныя связи съ лучшими людьми того времени: Карамзинымъ, Жуковскимъ, Дашковымъ, Батюшковымъ, Крыловымъ, Гнѣдичемъ и другими. Хотя первое напечатанное стихотвореніе Воейкова относится къ 1797 году, но извѣстность его, какъ литератора, начинается только съ 1806 года, когда онъ напечаталъ въ 19-мъ нумерѣ „Вѣстника Европы“ своё „Посланіе къ Сперанскому объ истинномъ благородствѣ“. Затѣмъ, въ 1809 году, онъ перевёлъ „Исторію царствованія Людовика XIV и Людовика XV“ Вольтера, а въ 1811 — издалъ „Образцовыя Сочиненія въ прозѣ знаменитыхъ древнихъ и новыхъ писателей“. До войны 1812 года Воейковъ постоянно жилъ въ Москвѣ, занимаясь переводомъ „Садовъ“, дидактической поэмы Делиля, полный переводъ которой явился въ свѣтъ въ 1816 году въ Петербургѣ, подъ заглавіемъ: „Сады. Поэма въ 4-хъ пѣсняхъ Делиля“. Въ началѣ отечественной войны онъ вступилъ въ военную службу, которую оставилъ по изгнаніи французовъ изъ Россіи и снова поселился въ Москвѣ. Къ этому времени (1814) относится первая редакція извѣстнаго его стихотворенія: „Домъ Сумасшедшихъ“. Въ 1815 году Воейковъ получилъ, по ходатайству Жуковскаго, мѣсто профессора русской словесности въ Дерптскомъ университетѣ, которое занималъ до 1820 года, послѣ чего переѣхалъ на жительство въ Петербургъ, котораго уже не покидалъ до самой смерти. Въ періодъ времени, съ 1815 по 1826 годъ, онъ перевёлъ и помѣстилъ въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1816 и 1817 годы свой переводъ „Георгикъ“ Виргилія и издалъ три „Собранія Образцовыхъ Русскихъ Сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ“, а съ 1821 года — сдѣлался журналистомъ, принявъ участіе въ изданіи журнала: „Сынъ Отечества“, который редактировалъ въ теченіи двухъ лѣтъ. Затѣмъ, въ 1822 году, ему была поручена редакція „Русскаго Инвалида“, остававшаяся за нимъ по день смерти. Кромѣ того, онъ издавалъ: „Новости Русской Литературы“ (съ 1822 по 1826), „Славянина“ (1827 по 1830) и „Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду“ (съ 1831 по 1836). Послѣдніе годы своей жизни Воейковъ проводилъ въ постоянныхъ сѣтованіяхъ на судьбу и вла-

ванія желчи на своихъ враговъ, которыхъ у него было очень много, благодаря его „Дому Сумасшедшихъ“ и его злобному, завистливому нраву, который, въ глазахъ его, оправдывалъ всякое средство — лишь бы оно вело къ цѣли. Воейковъ умеръ 16-го іюня 1839 года.

I.

ПОСЛАНІЕ КЪ СПЕРАНСКОМУ.

Сперанскій, другъ людей, полезный гражданинъ,
Великій человѣкъ, хотя не дворянинъ!
Ты славно побѣдилъ людей несправедливость —
Собою посрамилъ и барство, и кичливость.
Ты свой возвысилъ родъ: твой гербъ, твои чины
И слава — собственно тобой сотворены;
Твои послѣ тебя наслѣдуютъ потомки
Любовь къ отечеству, не титлы только громки.
Однако же, нельзя дворянство вздоромъ счесть,
Когда, съ заслугами соединяя честь,
Почтенный дворянинъ, блистая орденами,
Быть хочетъ такъ, какъ ты, полезенъ намъ дѣлами;
Дворянство помнитъ онъ лишь только для того,
Чтобы достойнымъ быть отличія сего;
Заслуги праотцовъ своими умножаетъ —
И честь ихъ имени ещё свѣтлѣй сіяетъ.
Напротивъ, не могу я вытерпѣть никакъ,
Чтобы воспитанный французами дуракъ
Чужимъ достоинствомъ безстыдно украшался
И предковъ титлами предъ свѣтомъ величался.
Пусть праотцовъ его сіяетъ похвала;
Пускай въ исторіи безсмертны ихъ дѣла;
Пускай монархи имъ за вѣрное служенье
Пожаловали гербъ, дипломы въ награжденье:
Гербы и граматы въ глазахъ честныхъ людей —
Гнилой пергаментъ, пыль, объѣдки отъ червей,
Коль, предковъ славныя являя намъ дѣянья,
Въ ихъ внукѣ не возжгутъ къ честямъ соревнованья;
Когда, безъ славныхъ дѣлъ, тщеславіемъ набитъ,
Потомокъ глупый ихъ въ презрѣнной нѣгѣ спитъ.
А между-тѣмъ, сей князь, бояринъ этотъ гордой,
Надутый древнею высокою породой,
Глядитъ, какъ-будто онъ насъ царствомъ подарилъ.
И Богъ не изъ одной насъ глины сотворилъ;
Какъ-будто съ Минихомъ дѣлилъ труды и славу,
Или съ Суворовымъ взялъ гордую Варшаву,
Неужли вѣчно мнѣ глупца сего щадить?
Однажды навсегда хочу его спросить:
Скажи, о дивный мужъ, отличное творенье,
Какія у людей животныя въ почтеньѣ?
Мы дорого цѣнимъ ретиваго коня
За то, что статенъ онъ, горячъ, какъ пылъ огня,
За то, что никогда въ бѣгу не утомлялся
И на ристалищѣ стократно отличался;
Но будь Алфановъ онъ или Баярдовъ внукъ,
Да кляча по себѣ — тотчасъ сбываютъ съ рукъ:
Прощай почтеніе и къ племени, и къ роду!
На нёмъ тащатъ дрова, или привозятъ воду.
Зачѣмъ-же хочешь ты слѣпить насъ мишурой?
Родня великимъ ты — примѣры предъ тобой:
Румянцевъ и Орловъ среди громовыхъ звуковъ;
Въ посольствѣ князь Репнинъ, въ сенатѣ Долгоруковъ;
Спаситель Еропкинъ отъ язвы, отъ враговъ;
Любители наукъ — Шуваловъ, Муравьёвъ;
Херасковъ — нашъ Гомеръ, воспѣвшій древни брани,
Россіи торжество, паденіе Казани;
Поэтовъ красота, вельможей образецъ,
Державинъ, сильныхъ битвъ, любви, боговъ пѣвецъ.
Онъ движетъ въ насъ сердца, златыя движа струны:
Онъ нѣженъ, какъ любовь, и звученъ, какъ перуны.
Къ заслугамъ и къ честямъ премножество дорогъ.
Наслѣдникъ бабушкинъ и маменькинъ сынокъ,
Не на однихъ словахъ, будь баринъ самымъ дѣломъ,
Великихъ сихъ мужей поставь себѣ примѣромъ:
Будь честенъ, какъ они — и княжествомъ хвались,
Полезенъ обществу — и предками гордись.
Пусть бабушка твоя отъ крови будетъ царской,
А дѣдушкой роднымъ князь Курбскій иль Пожарскій:
Хоть ты не внучекъ ихъ, но можешь внучкомъ слыть.
Кто смѣетъ Минина породой укорить?
Но знай, что кто въ дѣдахъ считаетъ Геркулеса,
Не долженъ быть ни трусъ, ни глупая повѣса.
Но ты не внемлешь мнѣ — ты, вѣчное пятно,
Безчестье праотцовъ. Я вижу то одно,
Что ты дуракъ, подлецъ, бездѣльникъ благородный,
Отъ корня добраго гнилой сучокъ, негодный.
Остановись, мой духъ, въ досадѣ на бояръ!
Ты слишкомъ далеко простёръ сердечный жаръ!
Со знатнымъ будь всегда учтивѣе, скромнѣе,
Смягчи-же грубый гласъ, спроси его нѣжнѣе:
Какъ древность рода вы изволите считать?
„О, я за триста лѣтъ могу вамъ доказать—
И доказательство такъ явно и безспорно:
Дипломы, грамоты!..“ Помилуйте, довольно!
Подъ скиптромъ благости для всѣхъ права даны:
Полезные сыны отечеству равны,
И самый древній родъ, богатое наслѣдство
Не есть отличное для службы царской средство.
Но если какъ нибудь, ошибкой, или такъ,

И выйдетъ въ знатный чинъ лѣнивецъ иль дуракъ,
Почтенія къ нему нимало не прибудетъ;
Онъ изъ простыхъ глупцовъ глупцомъ чиновнымъ
будетъ.
Отечество моё, ты будешь ввѣкъ цвѣсти!
Для всѣхъ сыновъ твоихъ отверстые пути
Ко смерти на бою, къ трофеямъ боя!
Изъ бѣднаго слуги содѣлалъ Пётръ героя,
Который не родствомъ, а самъ собой блисталъ —
И выборъ мудраго заслугой оправдалъ.
Пускай же мальчики болтаютъ и танцуютъ,
Потомки воиновъ всю жизнь провальсируютъ;
Пусть эти гордецы, безъ чести, безъ заслугъ,
Стараются набрать толпу большую слугъ,
Лакеевъ отличить ливрейными цвѣтами
И съ ногъ до головы обшить ихъ галунами:
Невѣждѣ нужно быть отличну отъ людей
Кафтановъ пестротой и статью лошадей;
Но горькіе плоды ихъ старость ожидаютъ,
Презрѣніе и смѣхъ на балъ сопровождаютъ.
Межъ-тѣмъ, Сперанскій, ты, трудясь какъ муравей,
Чинъ знатный заслужилъ прилежностью своей;
Твоею доблестью отечество гордится:
Осмѣлится-ль съ тобою дворянскій сынъ сравниться,
Который газы лишь да фейервéрки жжётъ,
Или на псарнѣ жизнь прекрасную ведётъ?
Сперанскій — ты наукъ, словесности любитель,
Отъ сильныхъ слабому покровъ и защититель.
Ты — духомъ дворянинъ! Трудися, продолжай,
Вослѣдъ за Сюлліемъ, за Кольбертомъ ступай!
Не орденской звѣздой — сіяй ты намъ дѣлами:
Превосходи другихъ душою — не чинами!
Монарху славному со славою служи!
Добромъ и пользою вселенной докажи,
Что Александръ къ дѣламъ людей избрать умѣетъ
И ревностныхъ сыновъ отечество имѣетъ!

II.

ИЗЪ ПОЭМЫ „ИСКУССТВА И НАУКИ“.

Цвѣтами новыми одѣвшіе Парнассъ,
Поэты русскіе, благословляю васъ!
Хвала, о богатырь, намъ проложившій первый
Дорогу къ музамъ въ храмъ, дорогу въ храмъ Ми-
нервы!
У неба громъ отнявъ, постигнувъ бѣгъ кометъ,
Хотѣлъ ты, какъ Атлантъ, поднять на плеча свѣтъ.
Хвала: ты былъ для насъ Франклиномъ и Невто-
номъ,
И совмѣстилъ въ себѣ Пиндара съ Цицерономъ!
Хвала, Державинъ, битвъ, царей, любви пѣвецъ!
Анакреонъ — твой вождь, Горацій — образецъ.
Но нѣтъ — въ твоихъ стихахъ морозы и метели,
Цвѣты въ проталинахъ, берёзы, сосны, ели
Пріятнѣе для насъ лилей и миртъ чужихъ!
Мы видимъ Фабіевъ и Колбертовъ родныхъ
Въ твоёмъ Румянцовѣ, Шуваловѣ, Орловѣ,
Катона — въ Репнинѣ, Кромвеля въ Годуновѣ.
Свой родъ поэзіи особый создалъ ты,
Въ которомъ всё твоё: ошибки, красоты.
Ты сбросилъ правила, какъ твой Суворовъ славный,
И, какъ Суворова, твой геній своенравный
Природа отлила въ особенный сосудъ,
Обоимъ подражать напрасный будетъ трудъ!

Хвала нашъ Дмитріевъ! Ты въ одѣ, пѣснѣ, сказкѣ,
По плану, ходу пьесъ, завязкѣ и развязкѣ,
Игривости ума, огню и остротѣ —
Классическій поэтъ! Ты смѣлъ, безъ напряженій,
Блистателенъ, но простъ: изящный вкусъ — твой
геній.

А ты, о Душенькѣ воспѣвшій намъ шутя,
Простосердечное Харитъ и музъ дитя!
Ты самъ не ожидалъ, чтобы твоя бездѣлка,
Въ которой не блеститъ искусство и обдѣлка,
Которая тебѣ не стоила трудовъ,
Гдѣ всё достоинство — плѣнительность стиховъ,
Живой разсказъ, жаръ чувствъ, шутливость и не-
брежность,
На зло трудамъ, твою составила извѣстность.
Бездѣлка славная! Съ тобою Лафонтенъ,
Сразившись за неё, остался побѣжденъ.
И ты, не менѣе пріятный, больше страстный,
Нелéдинскій, пѣвецъ любови сладкогласный,
Анатомистъ души! Не блескъ, не остроты
Въ тебѣ плѣняютъ: грусть, таинственность мечты.
Живописуя страсть—весь пламень, весь ты чувство;
Скорбь сердца — твой талантъ, любовь — твоё ис-
кусство.
Пѣвецъ, ты награждёнъ не лавромъ, не хвалой —
Красавицъ чистою, сердечною слезой.

О, будь благословенъ, гонитель, бичъ пороковъ,
Отецъ россійскаго театра, Сумароковъ!
Не жди — слѣпымъ судьямъ не стану подражать:
Не стану я тебя Расиномъ называть;
Не стану опытовъ твоихъ равнять съ Вольтеромъ,
Или съ единственнымъ въ комедіяхъ Мольеромъ.
Желаю быть къ тебѣ не строгъ, а справедливъ:
Ты вѣчно незабвенъ; ты уже тѣмъ счастливъ,

Что первый Талію къ намъ призвалъ съ Мельпоменой
И первый овладѣлъ отечественной сценой;
Но грубъ и вялъ твой слогъ, невѣренъ часто вкусъ,
И много ты писалъ, не спрашиваясь Музъ;
Твои трагедіи — младенца лепетанье!

Фонвизинъ, острое твоё „Къ слугамъ посланье“
За славу бы почёлъ своимъ назвать Вольтеръ;
А въ „Недорослѣ“—ты нашъ истинный Мольеръ.
Скажи, зачѣмъ писалъ стихами ты такъ мало?
Зачѣмъ терпѣнія въ тебѣ не доставало?
Въ отечествѣ у насъ одинъ-ли Простаковъ?
Для ста комедій мы нашли бы чудаковъ.

Но что, какая вдругъ счастливая премѣна?
Льётъ въ душу жалость намъ и ужасъ Мельпомена!
Характеры и планъ, и ходъ, и слогъ, и жаръ
Порукой за твоё искусство, вкусъ и даръ,
Безсмертный Озеровъ! Ты сердца зналъ пучину,
Ты Старна сотворилъ, Эдипа и Моину.
Душа моя болитъ за Ксенію твою;
Надъ Поликсеною изъ сердца слёзы лью;
Люблю Димитрія съ отважною душою;
Но смѣло признаюсь, мужъ славный, предъ тобою,
Моя любимая трагедія — „Вадимъ“.
Съ какою силою начертанъ Княжнинымъ
Новогородскій Брутъ и Цесарь величавой!
Одинъ—блистающій въ коронѣ чистой славой,
Свободу благостью заставившій забыть
И отъ безвластія власть спасшую любить;
Другой—свирѣпъ и яръ, какъ тигръ неукротимый,
По добродѣтелямъ за полубога чтимый:
Обоимъ славная, ужасная судьба!
И нерѣшенною осталася борьба
Величья царскаго съ величьемъ гражданина:
Корнелева пера достойная картина!

А вы, товарищи невинныхъ дней моихъ,
Участники пировъ весёлыхъ, молодыхъ,
Которые меня столь быстро обогнали
И лавромъ свѣтлое чело своё вѣнчали!
Далёкій на пути ко славѣ и честямъ,
Товарищъ прежній вашъ по сердцу близокъ вамъ:
Читая васъ, въ слезахъ, въ восторгѣ онъ трепещетъ
И вмѣстѣ съ цѣлою Россіей рукоплещетъ.
Ты, по степенности, по лѣтамъ старшій насъ,
Руководитель нашъ въ дорогѣ на Парнассъ!
Ты въ образованномъ кругу не мелочами,
Но здравымъ розыскомъ, учеными трудами
И преложеніемъ намъ древнихъ авторо́въ
Стяжавшій честь — Лагарпъ россійскій, Мерзляковъ!
Когда бъ была въ тебѣ къ совѣтамъ друга вѣра,
То перевёлъ бы ты не Тасса, а Гомера.
О, сколько бы вѣнцовъ: Софоклъ и Эврипидъ,
Виргилій и Гомеръ, Біонъ и Ѳеокритъ!
Тогда-бъ незрѣлыхъ ты не издалъ въ свѣтъ твореній:
Бюффонъ давно сказалъ: терпѣніе — есть геній.
Жуковскій! съ якоремъ, лилéей и крестомъ,
Ты объ возвышенномъ, прекрасномъ и святомъ
Намъ проповѣдуешь, несчастныхъ утѣшитель!
О небѣ говоришь, какъ будто неба житель;
Указываешь путь изъ сей юдоли бѣдъ
Въ міръ истины, добра, любви, въ тотъ міръ, гдѣ нѣтъ
Разврата, низости, корысти, вѣроломства,
Ты рѣжешь на мѣди для поздняго потомства;
Ты любишь трудное, играя, сыплешь ты
Изъ полной горсти намъ алмазы и цвѣты.
Брегъ дикій, монастырь, развалины, кладбище
И мрачный лѣсъ — твоё любимое гульбище,
И сладокъ для тебѣ шумъ вѣтровъ и морей,
Но ты весёлый гость на пиршествѣ друзей.
О другъ, не позабудь, успѣхомъ обольщаемъ,
Что новыхъ отъ тебя чудесъ мы ожидаемъ!
Твой пламень не погасъ средь бѣдствій: пусть же вновь
Ярчѣй зажжётъ его счастливая любовь!
А ты, въ вѣнкѣ изъ розъ и съ прадѣдовской чашей,
Пѣвецъ веселія у пиршествъ жизни нашей,
Роскошный Батюшковъ, плѣнительный твой даръ—
Любви, поэзіи, вина и славы жаръ!
Овидій сладостный, любимецъ музъ, Горацій,
Анакреонъ и ты — вы вѣруете въ Грацій!
И дѣвы чистыя бесѣдуютъ съ тобой
На берегахъ Невы подъ тѣнью липъ густой.
И роза пышная на льду при нихъ алѣетъ,
И обрывать её косматый мразъ не смѣетъ,
И солнце яркое съ безоблачныхъ нёбесъ
Зимою нѣжится, зовётъ въ прохладный лѣсъ.
У Тасса взялъ ты жезлъ Армиды чудотворный,
И гордый нашъ языкъ, всегда тебѣ покорный,—
Волшебникъ!—подъ твоимъ перомъ игривымъ живъ,
Затѣйливъ, сладостенъ и лёгокъ, и шутливъ.
Рисуя намъ любви и муку, и блаженство,
Прелестный, пламенный твой слогъ есть совершенство!

И. И. КОЗЛОВЪ.

Иванъ Ивановичъ Козловъ, авторъ „Чернеца" и „Натальи Долгорукой", родился 11-го апрѣля 1779 года въ Москвѣ. О дѣтствѣ Козлова извѣстно тó, что воспитаніе получилъ онъ дома, на пятомъ году отъ рожденія былъ записанъ лейбъ-гвардіи въ Измайловскій полкъ, а 19-го февраля 1795 года произведёнъ въ прапорщики. Затѣмъ, въ 1798 году былъ отчисленъ къ статскимъ дѣламъ, съ переименованіемъ въ губернскіе секретари, и въ томъ же году произведёнъ прямо въ коллежскіе ассессоры, будучи въ то время всего двадцати лѣтъ отъ роду. Это раннее повышеніе поощрило молодого человѣка къ дальнѣйшей служебной дѣятельности—и вотъ мы видимъ Козлова въ 1799 году служащимъ въ Герольдіи, а въ 1807—въ канцеляріи московскаго главнокомандующаго, гдѣ онъ получаетъ, 13-го ноября того же года, чинъ надворнаго совѣтника. Около этого времени Козловъ познакомился съ славнымъ впослѣдствіи Жуковскимъ, только-что начавшимъ изданіе „Вѣстника Европы". Козловъ, умный, хорошо-образованный, любезный и весьма красивый молодой человѣкъ, бывшій душою свѣтскаго общества тогдашней Москвы, не могъ не обратить на себя вниманія Жуковскаго, тѣмъ болѣе, что этотъ молодой человѣкъ сочувственно относился къ произведеніямъ тогдашнихъ свѣтилъ европейской литературы. Молодые люди сблизились — и вскорѣ искренняя дружба связала ихъ на всю жизнь. Само собою разумѣется, что дружба такого человѣка, какъ Жуковскій, не осталась безъ вліянія на впечатлительную натуру Козлова, будущаго автора „Чернеца" и „Натальи Долгорукой". Въ 1809 году Козловъ женился на дочери бригадира С. А. Давыдовой, въ 1810—сдѣлался отцомъ, а въ 1812 году, за три дня до вступленія непріятеля въ Москву, былъ уволенъ отъ службы, вмѣстѣ съ остальными чиновниками. Это побудило его удалиться съ семействомъ въ Рыбинскъ, подъ родственный кровъ родныхъ его матери, Хомутовыхъ. По изгнаніи полчищъ Наполеона изъ Россіи, Козловъ переѣхалъ на службу въ Петербургъ, гдѣ 24-го іюля 1813 года поступилъ помощникомъ столоначальника въ департаментъ Государственныхъ Имуществъ, а 7-го октября слѣдующаго года — произведёнъ въ коллежскіе совѣтники. Будучи всего 33 лѣтъ отъ роду, Козловъ, въ виду настоящихъ служебныхъ своихъ успѣховъ, уже мечталъ о блестящей будущности, когда вдругъ ударъ паралича лишилъ его ногъ и приковалъ его къ одру страданій, съ котораго онъ уже не вставалъ болѣе. Но этимъ не ограничились бѣдствія Козлова. Спустя нѣкоторое время, онъ сталъ страдать глазами; болѣзнь усиливалась всё болѣе и болѣе, въ теченіе двухъ лѣтъ, и, наконецъ, въ началѣ 1821 года Козловъ ослѣпъ совершенно. Тогда-то, отдѣлённый навсегда отъ внѣшняго міра непроницаемой завѣсой вѣчнаго мрака, Козловъ погрузился въ свой внутренній міръ, міръ поэтическихъ образовъ — и скоро, поддержанный вѣрой и очищенный страданіями, обрѣлъ въ себѣ поэтическое настроеніе. Такимъ образомъ, горе сдѣлало его поэтомъ, и никогда умъ его не былъ такъ дѣятеленъ, какъ въ долгіе годы его страданій. Зная хорошо французскій и италіанскій языки, онъ, уже будучи слѣпымъ, выучился по-англійски и по-нѣмецки, и всё, прочитанное ему, оставалось въ его памяти надолго, если не навсегда. Первымъ поэтическимъ опытомъ Козлова обыкновенно считается стихотвореніе „Къ Свѣтланѣ", напечатанное въ 44 № „Сына Отечества", на 1821 годъ. За нимъ послѣдовали: посланіе „Поэту Жуковскому", „Байронъ" и другіе, и, наконецъ въ 1824 году — поэма „Чернецъ", съ-разу поставившая имя Козлова на ряду съ лучшими поэтами того времени. Вотъ мнѣніе Бѣлинскаго о первой поэмѣ Козлова: „Слава Козлова была создана его „Чернецомъ". Нѣсколько лѣтъ эта поэма ходила въ рукописи по всей Россіи прежде, чѣмъ была напечатана. Она взяла обильную и полную дань слёзъ съ прекрасныхъ глазъ; её знали наизусть и мужчины. „Чернецъ" возбуждалъ въ публикѣ не меньшій интересъ, какъ и первыя поэмы Пушкина, съ тою разницею, что его совершенно понимали: онъ былъ въ уровень со всѣми натурами, всѣми чувствами и понятіями, былъ по плечу всякому образованію. Это второй примѣръ въ нашей литературѣ, послѣ „Бѣдной Лизы" Карамзина. „Чернецъ" былъ для двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія тѣмъ же самымъ, чѣмъ была „Бѣдная Лиза" для послѣднихъ годовъ прошедшаго и первыхъ нынѣшняго вѣка. Каждое изъ этихъ произведеній прибавило много единицъ къ суммѣ читающей публики и пробудило не одну душу, дремавшую въ прозѣ положительной жизни. Блестящій успѣхъ при самомъ появленіи ихъ и скорый конецъ—совершенно одинаковы; ибо, повторяемъ, оба эти произведенія совершенно одного рода и одинаковаго достоинства: вся разница во времени

ихъ появленія, и въ этомъ отношеніи, „Чернецъ", разумѣется, гораздо выше.

„Чернецъ", достигнувшій въ 1827 году третьяго изданія, былъ нѣсколько разъ переведёнъ на языки французскій и италіанскій. За „Чернецомъ" послѣдовали: „Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая", поэма въ двухъ частяхъ (1828), „Безумная", повѣсть въ стихахъ (1830) и цѣлый рядъ стихотвореній, частью оригинальныхъ, частью переводныхъ. Но обѣ новыя поэмы уже не встрѣтили такого радушнаго пріёма со стороны публики, какимъ было почтено появленіе въ свѣтъ первой поэмы Козлова. Главная причина сравнительно малаго успѣха обѣихъ поэмъ, надо думать, заключалась въ томъ, что онѣ обѣ, несмотря на видимую разность ихъ содержанія, въ сущности были только повтореніемъ „Чернеца"—слова другія, но мотивъ тотъ же. Тѣмъ не менѣе, обѣ поэмы, особенно первая, представляютъ нѣсколько весьма поэтическихъ мѣстъ, глубоко прочувствованныхъ и написанныхъ прелестными стихами. Изъ оригинальныхъ стихотвореній Козлова, какъ на лучшія, можно указать на слѣдующія: „Моя молитва", „Венеціанская ночь", „Къ Италіи", „Вечерній Звонъ", „Радость", „Бренда", „Плѣнный грекъ въ темницѣ" и „Молитва". Изъ переводныхъ лучшія: изъ Байрона—„Къ морю", „Добрая ночь" (оба изъ Чайльдъ Гарольда") и „Прости"; изъ В. Скотта—„Разбойники" и „Беверлей"; изъ Вордсворта—„Насъ семеро": изъ Борнса—„Сельскій субботній вечеръ" и „Къ полевой маргариткѣ"; изъ Вольфа—„На погребеніе англійскаго генерала сэра Джона Мура"; изъ А. Шенье—„Молодая узница", изъ „Слова о Полку Игоря"—„Плачъ Ярославны" и изъ Мицкевича—„Крымскіе сонеты". Послѣдній переводъ былъ изданъ въ 1829 году въ Петербургѣ, подъ заглавіемъ: „Крымскіе сонеты А. Мицкевича, въ переводѣ И. Козлова". Въ 1826 году Козловъ окончилъ и напечаталъ свой стихотворный переводъ большой поэмы Байрона: „Абидосская невѣста". Переводъ, благодаря звучнымъ стихамъ, имѣлъ значительный успѣхъ, такъ-что въ 1831 году понадобилось сдѣлать новое изданіе, вышедшее также въ Петербургѣ. Въ 1828 году вышло первое изданіе „Стихотвореній Ивана Козлова", заключающее въ себѣ 48 оригинальныхъ и переводныхъ его пьесъ; второе же изданіе его стихотвореній и, вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣднее, сдѣланное при жизни автора, вышло въ свѣтъ въ 1834 году.

Пространдавъ слишкомъ двадцать лѣтъ, Козловъ скончался 30-го января 1840 года въ Петербургѣ, гдѣ онъ прожилъ безвыѣздно всё время своей страшной болѣзни. Тѣло поэта погребено на кладбищѣ Александро-Невской Лавры, не далеко отъ могилъ Карамзина и Жуковскаго.

Вотъ замѣчательная характеристика Козлова, какъ поэта, сдѣланная Бѣлинскимъ: „Конечно, не всѣ лирическія стихотворенія Козлова равно хороши: на половину наберётся посредственныхъ, есть и совершенно неудачныя; даже большая часть лучшихъ—переводы, а не оригинальныя произведенія; наконецъ, и изъ самыхъ лучшихъ многія не выдержаны въ цѣломъ и отличаются только поэтическими частностями; но, тѣмъ не менѣе, самобытность замѣчательнаго таланта Козлова не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Его нельзя отнести къ числу художниковъ: онъ поэтъ въ душѣ, и его талантъ былъ выраженіемъ его души. Поэтому талантъ его тѣсно былъ связанъ съ его жизнью. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ тó, что безъ потери зрѣнія Козловъ прожилъ бы весь вѣкъ, не подозрѣвая въ себѣ поэта. Ужасное несчастье заставило его познакомиться съ самимъ собою, заглянуть въ таинственное святилище души своей и открыть тамъ самородный ключъ поэтическаго вдохновенія. Несчастіе дало ему и содержаніе, и форму, и колоритъ для пѣсенъ, почему всѣ его произведенія однообразны, всѣ на одинъ тонъ. Таинство страданія, покорность волѣ Провидѣнія, надежда на лучшую жизнь за гробомъ, вѣра въ любовь, тихое уныніе, кроткая грусть—вотъ обычное содержаніе и колоритъ его вдохновеній. Присовокупите къ этому прекрасный, мелодическій стихъ—и муза Козлова охарактеризована вполнѣ, такъ что больше о немъ нечего сказать".

Послѣ смерти Козлова, стихотворенія его вышли третьимъ и четвертымъ изданіями, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: 1) „Собраніе стихотвореній Ивана Козлова. Двѣ части. Изданіе третье. Спб. 1840". 2) „Полное собраніе сочиненій И. Козлова. Двѣ части. Изданіе четвёртое. Спб. 1855". Первое изъ нихъ составлено и издано по указанію и при содѣйствіи В. А. Жуковскаго, а второе книгопродавцемъ А. Ф. Смирдинымъ. „Матеріалы для Полнаго Собранія Сочиненій И. И. Козлова" напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ" (1864, стр. 1111).

МОЯ МОЛИТВА.

О Ты, Кого хвалить не смѣю,
Творецъ всего, Создатель мой!

Но Ты, къ Кому я пламенѣю
Моимъ всѣмъ сердцемъ, всей душой;
Кто по Своей небесной волѣ
Грѣхи любовью превозмогъ,
Проникъ страдальцевъ къ бѣдной долѣ,
Какъ другъ и братъ, Отецъ и Богъ!

Кто солнца яркими лучами
Сіяетъ мнѣ въ красѣ денной
И огнезвѣздными зарями
Всегда горитъ въ тиши ночной;
Крушитель зла, Судья верховный,
Кто насъ спасаетъ отъ сѣтей
И ставитъ противъ тьмы грѣховной
Всю бездну благости Своей!

Услышь, Христосъ, моё моленье,
Мой духъ Собою озари
И сердца бурнаго волненье,
Какъ зыбь морскую, усмиря!
Прими меня въ Свою обитель:
Я блудный сынъ—Отецъ Ты мой;
И, какъ надъ Лазаремъ Спаситель,
О, прослезися надо мной!

Меня не крестъ мой ужасаетъ:
Страданье вѣрою цвѣтётъ;
Самъ Богъ кресты намъ посылаетъ,
А крестъ нашъ Бога намъ даетъ.
Тебѣ вослѣдъ итти готовый,
Молю, чтобъ духъ мой подкрѣпилъ!
Хочу носить вѣнецъ терновый:
Ты Самъ, Христосъ, его носилъ.

Но въ мрачномъ, горестномъ удѣлѣ —
Хоть я безъ ногъ и безъ очей —
Ещё горитъ въ убитомъ тѣлѣ
Пожаръ бунтующихъ страстей.
Въ Тебѣ одномъ моя надежда —
Ты радость, свѣтъ и тишина!
Да будетъ брачная одежда
Рабу строптивому дана.

Тревожной совѣсти угрозы,
О милосердый, успокой!
Ты видишь покаянья слёзы:
Молю, не вниди въ судъ со мной!
Ты всемогущъ, а я безсильный;
Ты Царь міровъ, а я убогъ;
Безсмертенъ Ты—я прахъ могильный;
Я здѣсь на мигъ—Ты вѣчный Богъ!

О дай, чтобъ вѣрою святою
Разсѣялъ я туманъ страстей
И чтобъ безоблачной душою
Прощалъ врагамъ, любилъ друзей;
Чтобъ лучъ отрадный упованья
Всегда мнѣ въ сердце проникалъ;
Чтобъ помнилъ я благодѣянья,
Чтобы обиды забывалъ.

И на Тебя я уповаю:
Какъ сладко мнѣ любить Тебя!
Твоей я благости ввѣряю
Жену, дѣтей, всего себя!
О, искупя невинной кровью
Виновный, грѣшный міръ земной,
Пребудь божественной любовью
Вездѣ, всегда—во мнѣ, со мной!

II.

ВЕНЕЦІАНСКАЯ НОЧЬ.

Ночь весенняя дышала
Свѣтло-южной красотой;
Тихо Брента протекала,
Серебримая луной.
Отраженъ волной огнистой
Блескъ прозрачныхъ облаковъ,
И восходитъ паръ душистый
Отъ зеленыхъ береговъ.

Сводъ лазурный; томный ропотъ
Чуть колеблемой волны;
Померанцевъ, миртовъ шепотъ,
И любовный свѣтъ луны;
Упоенья аромата
И цвѣтовъ, и свѣжихъ травъ,
И вдали напѣвъ Торквата
Гармоническихъ октавъ.

Всё вливаетъ тайно радость,
Чувствамъ снится дивный міръ;
Сердце бьётся; мчится младость
На любви весенній пиръ.
По водамъ скользятъ гондолы;
Искры брызжутъ подъ весломъ;
Звуки нѣжной баркаролы
Вѣютъ легкимъ вѣтеркомъ.

Что же, что не видно болѣ
Надъ игривою рѣкой.

Въ свѣтло-убранной гондолѣ,
Той красавицы младой,
Чья улыбка, образъ милый
Волновали всѣ сердца
И плѣняли духъ унылый
Иступлённаго пѣвца?

Нѣтъ ея: она тоскою
Въ зáмокъ свой удалена:
Тамъ живётъ она съ мечтою,
Торопллива и мрачна.
Не мила ей прелесть ночи,
Не манитъ сребристый токъ —
И задумчивыя очи
Смотрятъ томно на востокъ.

Но густѣе тѣнь ночная —
И красотъ цвѣтущій рой,
Въ нѣгѣ страстной утопая,
Покидаетъ пиръ ночной.
Стихли пышныя забавы:
Всё спокойно на рѣкѣ;
Лишь Торкватовы октавы
Раздаются вдалекѣ.

Вотъ прекрасная выходитъ
На чугунное крыльцо;
Мѣсяцъ блѣдный лучъ наводитъ
На печальное лицо
Въ русыхъ локонахъ; небрежно
Рисовался лёгкій станъ,
И на персяхъ бѣлоснѣжныхъ
Изумрудный талисманъ.

Ужъ въ гондолѣ одинокой
Къ той скалѣ она плывётъ,
Гдѣ подъ башнею высокой
Море бурное ревётъ.
Тамъ пѣвца воспоминанье
Въ сердцѣ пламенномъ живѣй;
Тамъ любви очарованьё
Съ отголоскомъ прежнихъ дней.

И въ мечтахъ она внимала,
Какъ полночный вѣщій бой
Мѣдь гудящая сливала
Съ вѣчно-шумною волной.
Не мила ей прелесть ночи,
Душенъ свѣжій вѣтерокъ —
И задумчивыя очи
Смотрятъ томно на востокъ.
Тучи тянутся грядою;
Затмевается луна;
Ясный сводъ одѣлся мглою:
Тьма внезапная страшна.
Вдругъ гондола освѣтилась —
И звѣзда на высотѣ
По востоку покатилась
И пропала въ темнотѣ.

И во тьмѣ съ востока вѣетъ
Тихо-гласный вѣтерокъ;
Факелъ дальній пламенѣетъ;
Мчится пò морю челнокъ.
Въ нёмъ уныло молодая,
Тѣнь знакомая сидитъ;
Подлѣ — арфа золотая;
Мечъ подъ факеломъ блеститъ.

Не играйте, не звучите,
Струны дерзкія мои:
Чудной тѣни не гнѣвите!
О, свободы и любви
Гдѣ-же, гдѣ пѣвецъ чудесный?
Иль его не сыщетъ взоръ?
Иль угасъ огонь небесный,
Какъ блестящій метеоръ?

III.

МОЛИТВА.

Прости мнѣ, Боже, прегрѣшенья
И духъ мой томный обнови!
Дай мнѣ терпѣть мои мученья
Въ надеждѣ, вѣрѣ и любви!

Не страшны мнѣ мои страданья:
Они — залогъ любви святой;
Но дай, чтобъ пламенной душой
Я могъ лить слёзы покаянья!

Взгляни на сердца нищету!
Дай Магдалины жаръ священный,
Дай Іоанна чистоту!

Дай мнѣ донесть вѣнецъ мой тлѣнный,
Подъ игомъ тяжкаго креста,
Къ ногамъ Спасителя Христа!

IV.

РАДОСТЬ.

О радость, радость! что же ты
    Намъ скоро измѣняешь
И сердцу милыя мечты
    Такъ рано отнимаешь?

Зачѣмъ, небесная, летишь
Пернатою стрѣлою
И въ мракѣ бѣдствія горишь
Далёкою звѣздою?

Зачѣмъ же прелестью своей
Ты льёшь очарованье,
И оставляешь свѣтлыхъ дней
Одно воспоминанье?

Минувшее съ твоей мечтой
Какъ въ душу ни тѣснится —
Его бывалой красотой
Душа не оживится.

Духъ пылкій ею увлечёнъ,
Дни счастья вспоминая;
Тревожитъ сердце тяжкій сонъ,
Тоски не услаждая.

Такъ мѣсяцъ свѣтитъ надъ рѣкой,
Въ струяхъ ея играетъ
И блескъ сребристо-золотой
Надъ ними разсыпаетъ:

Рѣка въ сіяньи пламя льетъ,
Горитъ его лучами —
И въ море тёмное течётъ
Холодными волнами.

V.

ИЗЪ ПОВѢСТИ „ЧЕРНЕЦЪ".

1.

МОНАСТЫРЬ.

За Кіевомъ, гдѣ Днѣпръ широкой
Въ крутыхъ брегахъ кипитъ, шумитъ.
У рощи, на горѣ высокой
Обитель иноковъ стоитъ.
Вокругъ нея стѣна съ зубцами,
Четыре башни по угламъ,
И по срединѣ Божій храмъ
Съ позолочёнными главами;
Рядъ келій, тёмный переходъ,
Часовня у святыхъ воротъ
Съ чудотворящею иконой,
И подлѣ ключъ воды студёной
Журчитъ цѣлительной струёй
Подъ тѣнью липы вѣковой.

Вечерній мракъ въ туманномъ полѣ;
Заря ужъ гаснетъ въ небесахъ;
Не слышно пѣсенъ на лугахъ;
Въ долинахъ стадъ не видно болѣ;
Ни рогъ въ лѣсу не затрубитъ,
Никто не пройдетъ — лишь порою
Чуть колокольчикъ прозвенитъ
Вдали дорогой столбовою,
И на Днѣпрѣ у рыбаковъ
Ужъ нѣтъ на лодкахъ огоньковъ.
Взошелъ и мѣсяцъ полуночный,
И звѣзды яркія горятъ;
Поляны, рощи, воды — спятъ.
Пробилъ на башнѣ часъ урочный:
Обитель въ сонъ погружена —
Повсюду миръ и тишина.

2.

ИСПОВѢДЬ ЧЕРНЕЦА.

„Я бросилъ край нашъ опустѣлой;
Одинъ, въ отчаяньи, въ слезахъ
Блуждалъ съ душой осиротѣлой
Въ далёкихъ дебряхъ и лѣсахъ.
Мой стонъ, мой вопль, мои укоры
Ущелья мрачныя и горы
Внимали съ ужасомъ семь лѣтъ.
Угрюмый, скорбный, одичалой,
Терзался я мечтой бывалой,
Рыдалъ о томъ, чего ужъ нѣтъ.
Ночная тѣнь, потокъ нагорной,
И бури свистъ, и вѣтровъ вой
Сливались втайнѣ съ думой черной,
Съ неутолимою тоской.
И горе было наслажденьемъ,
Святымъ остаткомъ прежнихъ дней:
Казалось мнѣ, моимъ мученьемъ
Я не совсѣмъ разстался съ ней.

„Гдѣ сердце любитъ, гдѣ страдаетъ —
И милосердый Богъ нашъ тамъ:
Онъ крестъ даётъ — и Онъ же намъ
Въ крестѣ надежду посылаетъ.
Чрезъ семь тяжелыхъ, грозныхъ лѣтъ
Блеснулъ и мнѣ отрадный свѣтъ.
Однажды я, ночной порою,
Сидѣлъ уныло надъ рѣкою;
И неба огнезвѣздный сводъ,
И тихое луны мерцанье,
И говоръ листьевъ, и плесканье
Луной осеребрённыхъ водъ —
Невольно душу всё плѣняло.

Всё въ міръ блаженства увлекало
Своей таинственной красой.
Проснулся духъ мой сокрушенной:
„Творецъ всего, младенецъ мой
Съ моей подругой незабвенной
Живутъ въ странѣ Твоей святой—
И, можетъ быть, я буду съ ними,
И тамъ они—навѣкъ моими!“
Любви понятны чудеса:
Съ какимъ-то тайнымъ ожиданьемъ
Дрожало сердце упованьемъ.
Я поднялъ взоръ на небеса,
Дерзалъ ихъ вопрошать слезами—
И, мнилось, мнѣ въ отвѣтъ былъ данъ
Сей безмятежный океанъ
Съ его нетлѣнными звѣздами.
Съ тѣхъ поръ я въ бѣдствіи самомъ
Нашелъ, отецъ мой, утѣшенье,
И тяжкимъ уповалъ крестомъ
Съ ней выстрадать соединенье;
Ещё, бывало, слёзы лью,
Но ихъ надежда услаждала—
И горесть тихая смѣняла
Печаль суровую мою.
Забылъ я, вѣрой пламенѣя,
Моё несчастье и злодѣя;
Она съ младенцемъ въ небесахъ
Мечталась сердцу въ райскихъ снахъ.
Я къ ней душою возносился,
И мысль однимъ была полна:
Желалъ быть чистымъ, какъ она—
И съ жизнью радостно простился.
Но умереть хотѣлось мнѣ
Въ моей родимой сторонѣ.
Я сталъ скучать въ горахъ чужбины:
На рощи наши, на долины
Хотѣлъ послѣдній бросить взглядъ,
Увидѣть край, весь ею полный,
И сельскій домикъ нашъ, и садъ,
И синія Днѣпровски волны,
И церковь на холмѣ, гдѣ спитъ
Въ тѣни берёзъ ихъ пепелъ милой,
И какъ надъ тихою могилой
Заря вечерняя горитъ.

„Ахъ, чтò сбылось съ моей душою,
Когда въ святой красѣ своей
Вдругъ видъ открылся предо мною
Родимыхъ кіевскихъ полей!
Они, какъ прежде, зеленѣли,
Волнами также Днѣпръ шумѣлъ,
Всё тотъ же лѣсъ вдали темнѣлъ,
На жнивахъ тѣ же пѣсни пѣли,
И такъ же всё въ странѣ родной,
А нѣтъ лишь тамъ ея одной!
Вездѣ знакомыя долины,
Ручьи, пригорки и равнины,
Въ прелестной милой тишинѣ,
Со всѣхъ сторонъ являлись мнѣ
Съ моими свѣтлыми годами;
Но съ отравлённою душой,
На родинѣ пришлецъ чужой,
Я ихъ привѣтствовалъ слезами
И безотрадною тоской.
Я шелъ: день къ вечеру склонялся—
И скоро сельскій Божій храмъ
Предсталъ испуганнымъ очамъ.
И, внѣ себя, я приближался
Къ могилѣ той, гдѣ сынъ, жена—
Вся жизнь моя погребена.
Я чуть ступалъ: какъ бы страшился
Прервать ихъ непробудный сонъ;
Въ груди стѣснялъ мой тяжкій стонъ,
Чтобъ ихъ покой не возмутился;
Страстямъ встревоженнымъ своимъ
Не смѣлъ вдаваться духъ унылой;
Казалось мнѣ, надъ ихъ могилой
Дышалъ я воздухомъ святымъ.
Творилось дивное со мною—
И я съ надеждой неземною
Колѣна тихо преклонилъ,
Молился, плакалъ и любилъ“.

VI.

ИЗЪ ПОВѢСТИ „КНЯГИНЯ ДОЛГОРУКАЯ“.

Большой владимірской дорогой,
Въ одеждѣ сельской и убогой.
Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ,
Шла тихо путница младая;
Въ усталомъ взорѣ—тайный страхъ.
„Какъ быть? Москва въ семи верстахъ;
Дорога межъ холмовъ лѣсная;
А въ полѣ дымномъ тѣнь ночная
Ужъ скоро ляжетъ, и луна
Лишь въ полночь нà небѣ видна“.

Она идётъ—и сердце бьется.
Поляна съ рощей передъ ней—
И вотъ въ село тропинка вьётся:
Она туда дойдётъ скорѣй;
Ночлегъ радушный тамъ найдётся.

Уже, пылая между тучъ,
Зари багровой гаснетъ лучъ;
Уже предъ ночью, къ бурѣ склонной,
Поднялся вѣтеръ, боръ шумитъ.
Ея младенецъ полусонный
Озябъ — и плачетъ, и дрожитъ.
Она спѣшитъ въ пріютъ укромной,
Подходитъ скоро къ рощѣ тёмной,
Но чѣмъ-то вдругъ поражена,
Стоитъ уныла и блѣдна.
Въ ея очахъ недоумѣнье:
Ей будто страшно то селенье;
Нейдётъ въ него, нейдётъ назадъ,
Кругомъ обводитъ робкій взглядъ.
„О если тамъ!.. а мнѣ таиться
Велитъ судьба... Быть-можетъ... Нѣтъ!
Кому узнать!.. и сколько лѣтъ!
Забыто всё. Но вечеръ тмится,
Пора!“ И къ рощѣ съ быстротой
Приблизилась, остановилась,
Подумала, перекрестилась,
Потомъ пошла, махнувъ рукой—
И скрылася въ тѣни густой.

За рощей тёмною въ долинѣ,
При зеркальной пруда равнинѣ,
Вельможи знатнаго село
Красой привѣтною цвѣло.
Высокихъ липъ въ тѣни зелёной
Хоромы барскія стоятъ;
Онѣ видъ древности хранятъ.
Въ гербѣ, подъ графскою короной,
Щитъ красный въ полѣ золотомъ
Лавровымъ окруженъ вѣнкомъ
Съ двумя блестящими крестами,
А въ поле свѣтломъ мечъ съ копьёмъ,
И полумѣсяцъ вверхъ рогами.
Но садъ и воды, и мосты,
И розъ душистые кусты
Въ забвеньи долгомъ сиротѣли.
Хозяинъ, честь страны родной,
Давно лежитъ въ землѣ сырой;
Его хоромы опустѣли,
Широкій дворъ заросъ травой.
Простясь съ родимою Москвою,
Въ столицѣ пышной надъ Невою
Живётъ наслѣдникъ молодой.
А здѣсь — одни воспоминанья
Во мракѣ сельской тишины
И рода знатнаго преданья —
Священный отзывъ старины.

У церкви сельской, за оградой,
Въ ютномъ домикѣ своёмъ,
Въ кругу семьи, предъ тихимъ сномъ,
Дыша вечернею прохладой,
Священникъ у окна сидѣлъ.
Онъ въ думѣ набожной смотрѣлъ,
Какъ на закатѣ, догорая,
Багряный блескъ смѣнялся тьмой:
Такъ ясно жизнь его святая
Клонилась къ сѣни гробовой.
Давно украшенъ сѣдинами,
Небесный житель на землѣ,
У Шереметьева въ селѣ
Онъ сердцемъ, словомъ и дѣлами
Творцу и ближнему служилъ;
Умъ здравый съ дѣтской простотою
Былъ свѣтелъ праведной душою.
Покойный графъ его любилъ —
И прахъ владѣльца незабвенной
Былъ святъ душѣ его смиренной:
Для старца графъ не умиралъ.
Онъ часто, часто поминалъ
Его богатство, знатность рода,
Какъ онъ со шведомъ воевалъ
И, послѣ шумнаго похода,
Въ тиши села у нихъ живалъ.

Но, полонъ важности старинной,
Святого старца кротокъ видъ,
На нёмъ подрясникъ объяринной,
И катауръ широкій шитъ
Узорно яркими шелками,
И на груди его виситъ
Изъ кипариса крестъ съ мощами —
Хранитель вѣрный съ давнихъ поръ:
Одинъ монахъ съ Аѳонскихъ горъ
Тотъ крестъ принёсъ. Его обитель
Была убога и скромна
И, какъ ея радушный житель,
Какой-то святости полна:
Въ углу, въ серебряномъ окладѣ,
Икона Спасова блеститъ,
И передъ ней огонь горитъ
Въ хрустальной на цѣпяхъ лампадѣ;
На полкѣ — рядъ церковныхъ книгъ,
Бумага, перья подлѣ нихъ;
У зеркала часы стѣнные,
Портретъ, задёрнутый тафтой,
Двѣ канарейки выписныя,
И полотенце съ бахрамой
Виситъ на вербѣ восковой.

Уже готовъ итти молиться—
Да снидетъ тихъ грядущій сонъ—
Бесѣды Златоуста онъ
Хотѣлъ закрыть; но вдругъ стучится
Легонько кто-то у воротъ,
И кто-то на крыльцо идётъ,
И дверь шатнулась: у порога
Съ младенцемъ путница стоитъ,
И голосъ жалобный дрожитъ,
Прося ночлега ради Бога.

„Войди подъ мой убогій кровъ“,
Сказалъ онъ ей: „пора ночная,
Кругомъ всё лѣсъ; ночлегъ готовъ,
И есть у насъ хлѣбъ-соль простая.
Переночуй: ты съ новымъ днёмъ
Пойдёшь опять своимъ путёмъ.“
И старецъ мать благословляетъ,
Младенца соннаго креститъ,
И къ огоньку её сажаетъ,
И съ ней привѣтно говоритъ.
Но—и блѣдна, и боязлива—
Она сидѣла молчалива:
На рѣчь привѣтную его
Полу-словами отвѣчала
И лишь младенца своего
Со вздохомъ къ сердцу прижимала.
Украдкою бросая взглядъ
На барскій домъ, на тёмный садъ,
Какъ-будто узнавала что-то,
Какъ бы искала тамъ кого-то—
И вдругъ то пламень на щекахъ,
То слёзы крупныя въ очахъ.

Души встревоженной волненье,
Порывы томные страстей,
Ея печаль, ея смятенье
Замѣтилъ онъ—и старца въ ней
Дивило всё. „Не та осанка,
Не тѣ ухватки въ деревняхъ:
Видна не грубая крестьянка
Въ ея застѣнчивыхъ рѣчахъ.
Въ ней горесть тихая пріятна,
И хоть бѣдна, но какъ опрятна
Одежда путницы-простой!
На пальцѣ перстень золотой...
Куда жъ теперь не въ часъ урочный
Одна—дорогою большой?...
Ахъ, нѣтъ! какъ ангелъ непорочный,
Она глядитъ—и за нёе
Порукой сердце мнѣ моё!“

И чувствамъ тяжкимъ и мятежнымъ
Онъ мнилъ преграду положить
И съ горемъ, въ жизни неизбѣжнымъ,
Её невольно помирить:
Онъ, какъ родной, её ласкаетъ
И веселитъ, и начинаетъ
Разсказъ любимой старины;
Но сердце, полное волненій,
Чуждалось новыхъ впечатлѣній,
И думы, грустью стѣснены,
Далеко мрачныя летали
И межъ сомнѣній замирали.
Священникъ рѣчь свою прервалъ
И вдругъ, съ душой отца во взорѣ,
Вздохнувши самъ, онъ ей сказалъ:
„Что такъ задумалась? Ты въ горѣ?“

ПУТНИЦА.

Я, мой отецъ?...

СВЯЩЕННИКЪ.

Твоя тоска,
Повѣрь, душѣ моей близка.
Въ томъ нужды нѣтъ, что я не знаю,
Кто ты? Мой долгъ—того любить,
Кто въ горѣ.

ПУТНИЦА.

Ахъ, мнѣ тяжко жить!
Я день безъ радости встрѣчаю,
Я плачу ночь.

СВЯЩЕННИКЪ.

Лукавый свѣтъ
Обманчивъ, другъ!

ПУТНИЦА.

И сколько бѣдъ
Уже сбылось, и сколькихъ снова
Должна я ждать, и какъ сурова...

СВЯЩЕННИКЪ.

Такъ Богъ велѣлъ! Предъ Нимъ смирись,
Прими съ любовью крестъ тяжелый,
Терпи, надѣйся и молись:
Онъ Самъ носилъ вѣнецъ терновый
Не унывай, не смѣй роптать,
Терпи—въ страданьѣ благодать!

ПУТНИЦА.

Отецъ ты мой, въ ужасной долѣ
Ктб ропотъ слышалъ отъ меня?
Теперь дрожу не за себя
И слёзы льются поневолѣ

СВЯЩЕННИКЪ.

Не бойся волю дать слезамъ;
Но только, слёзы проливая,
Стреми взоръ грустный къ небесамъ.

„Кто плачетъ здѣсь — утѣшенъ тамъ!"
Сказалъ Господь.

ПУТНИЦА.

О, рѣчь святая!
Отрадна ты.

СВЯЩЕННИКЪ.

И гдѣ же тотъ,
Кто жизнь безъ горя проживётъ?
Твои, мой другъ, младые годы
Не расцвѣли отъ непогоды;
Но ты, какъ видно, рождена
Въ семьѣ безвѣстной; ты бѣдна:
Тебя судьба не баловала;
Къ весёлой участи она
Ничѣмъ тебя не пріучала.
А часто гибельный ударъ
Надежды знатныхъ разрушаетъ!
О нашемъ графѣ кто не знаетъ?
Онъ былъ — бояринъ межъ бояръ,
Петровой правою рукою,
И прямо — русскою душою
Отчизну и царя любилъ;
Былъ славенъ, въ золотѣ ходилъ —
И что же? Дочь его родная
Не знаетъ радости земной
И гибнетъ въ бурѣ роковой,
Какъ гибнетъ травка полевая.
Суди-жъ, дивна-ль судьба твоя?
Она была не ты.

ПУТНИЦА.

Не я!?

СВЯЩЕННИКЪ.

Давно отъ насъ она ужъ скрылась;
Но всё живётъ въ душѣ моей.
Я разскажу тебѣ о ней:
Почти при мнѣ она родилась;
Я на рукахъ её носилъ,
Ребёнкомъ грамотѣ училъ —
И здѣсь, куда, мой другъ, ни взглянешь,
Вездѣ о ней, вездѣ помянешь.
Вотъ тамъ, въ тѣни густыхъ берёзъ,
Ты видишь кустъ махровыхъ розъ?
Она сама его садила;
Онѣ цвѣтутъ — её одну
Печаль такъ рано сокрушила:
Она одна свою весну
Отъ нихъ далёко погубила:
Теперь я вижу — есть у насъ
Какой-то въ сердцѣ вѣщій гласъ:
Она, забавы убѣгая,
Въ шуму роскошнаго села,
Тиха, задумчива росла,
Какъ-будто горя ожидая,
Покорна будущей судьбѣ.
Могу-ль я выразить тебѣ
Весь жаръ усердія святого
Сыскать, утѣшить нищету?
Въ слезахъ ли видитъ сироту:
Родная бѣдствія чужого,
Она отдать готова ей
Свои серёжки изъ ушей
И, сверхъ подарка дорогого,
Бывало, плачетъ вмѣстѣ съ ней.
Съ невинной, нѣжною тоскою
Въ ея плѣнительныхъ чертахъ
Сливался непонятный страхъ,
И что-то схожее съ тобою
Въ ней было: такъ, лицо твоё
Напоминаетъ мнѣ её;
Рѣсницы, какъ у ней, густыя,
И очи тёмно-голубыя,
И цвѣтъ каштановыхъ волосъ;
Она была тебя стройнѣе
И воска яраго бѣлѣе.
Не диво: солнце и морозъ
Её въ поляхъ не заставали,
Полоть и жать не посылали,
И одѣвалъ красивый станъ
Не твой кумачный сарафанъ.

Д. В. ДАВЫДОВЪ.

Денисъ Васильевичъ Давыдовъ, поэтъ и знаменитый партизанъ, родился 16-го іюля 1784 года въ Москвѣ, гдѣ провёлъ начало своего дѣтства. Затѣмъ, когда отецъ его былъ назначенъ командиромъ Полтавскаго легко-коннаго полка, онъ жилъ, вмѣстѣ съ остальнымъ семействомъ, въ Полтавской губерніи. Здѣсь-то Давыдовъ имѣлъ случай не только увидѣть великаго Суворова, но и получить отъ него благословеніе и услышать слѣдующее прорицаніе: „я не умру, а онъ уже три сраженія выиграетъ!" Чтó хотѣлъ сказать геніальный полководецъ — разъяснить трудно. Но онъ пророчествовалъ неудачно, такъ-какъ Давыдовъ никогда не командовалъ не только арміями, но даже отдѣльными корпусами. Тѣмъ не менѣе, слова великаго человѣка рѣшили жребій Давыдова: въ душѣ его вспыхнула любовь къ военнымъ

подвигамъ, угасшая только съ его жизнью. Образованіе, полученное имъ въ домѣ родительскомъ, было, по преимуществу, свѣтское, но, по понятіямъ того времени, довольно блестящее. Въ 1801 году онъ отправился въ Петербургъ и вступилъ эстандартъ-юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ, гдѣ, черезъ годъ, произведёнъ былъ въ корнеты, въ 1803 году—въ поручики, а въ 1804, за два сатирическія стихотворенія: „Голова и ноги“ и „Рѣка и зеркало“—переведенъ ротмистромъ въ Бѣлорусскій гусарскій полкъ, стоявшій тогда въ мѣстечкѣ Звенигородкѣ, Кіевской губерніи. Къ этому времени относятся его извѣстныя стихотворенія: „Бурцову“, „Призывъ на пуншъ“, „Гусарскій пиръ“ и другія. Въ 1806 году Давыдовъ былъ переведёнъ лейбъ-гвардіи въ гусарскій полкъ, 3-го января 1807—назначенъ адъютантомъ князя Багратіона, начальника авангарда дѣйствующей арміи, сражавшейся противъ Наполеона въ Пруссіи, а 11-го того же мѣсяца — произведенъ въ штабсъ-ротмистры. Нагнавъ своего генерала въ Морунгенѣ, онъ пробылъ при нёмъ всю кампанію 1807 года, участвуя почти во всѣхъ большихъ сраженіяхъ съ французами, и возвратился въ отечество, украшенный знаками отличія Св. Владиміра 4-го класса, Св. Анны 2-й степени, прусскаго „За заслуги“, золотою саблею и золотымъ крестомъ, установленнымъ за Прейсишъ-Эйлауское сраженіе. По заключеніи Тильзитскаго мира и возвращеніи арміи въ Россію, Давыдовъ проживалъ то на службѣ въ Петербургѣ, то въ отпуску въ Москвѣ, предаваясь столичнымъ удовольствіямъ и удѣляя самую незначительную часть свободнаго времени литературѣ. Къ этому періоду его жизни относятся стихотворенія: „Договоры“, „Мудрость“ и нѣкоторыя другія.

Въ началѣ 1808 года, при первомъ извѣстіи о войнѣ со шведами, Давыдовъ распростился съ Москвою и ея эпикурейскими радостями и полетѣлъ въ Финляндію, гдѣ, съ дозволенія князя Багратіона, присоединился къ авангарду Кульнева, и, вмѣстѣ съ нимъ, участвовалъ во всѣхъ сраженіяхъ этого похода. По заключеніи Олькіокской конвенціи, Давыдовъ возвратился къ Багратіону и, принявъ участіе въ движеніи его корпуса къ Аландскимъ островамъ, отличился при вытѣсненіи шведскаго отряда изъ острова Бене. Въ концѣ 1809 года князь Багратіонъ назначенъ былъ главнокомандующимъ молдавскою арміею — и Давыдовъ, какъ его адъютантъ, отправился вслѣдъ за нимъ на берега Дуная. Здѣсь Давыдовъ принималъ участіе въ блокадѣ и взятіи многихъ крѣпостей, въ томъ числѣ и Силистріи, за чтó былъ награждёнъ алмазными знаками къ ордену Св. Анны 2-го класса. Съ наступленіемъ 1812 года Давыдовъ былъ переведёнъ, по его просьбѣ, въ Ахтырскій гусарскій полкъ подполковникомъ, и, командуя 1-мъ батальономъ этого полка, находился, при открытіи военныхъ дѣйствій, въ авангардѣ князя Васильчикова и принималъ участіе во многихъ авангардныхъ дѣлахъ. Недовольный ограниченнымъ кругомъ своихъ дѣйствій, онъ обратился къ князю Багратіону съ просьбой ввѣрить ему отдѣльный отрядъ для начатія партизанскихъ дѣйствій противъ непріятельскихъ фуражировъ и другихъ отдѣльныхъ отрядовъ, слѣдующихъ за французской арміей. Вслѣдствіе ходатайства князя, Давыдову ввѣренъ былъ отрядъ изъ 50 гусаръ и 80 казаковъ, при пяти пушкахъ, съ которыми онъ и началъ свои операціи въ тылу великой арміи. Съ появленіемъ Давыдова у Медыни, народная война вспыхнула во всѣхъ окрестныхъ уѣздахъ, и каждый день былъ ознаменованъ новымъ успѣхомъ, такъ что, несмотря на всю недостаточность средствъ, какими располагалъ нашъ партизанъ, имъ было взято въ плѣнъ, съ 2-го сентября по 23-е октября, 43 штабъ и оберъ-офицера и 3,650 рядовыхъ. Непріятель былъ въ ужасѣ, и французскій комендантъ Смоленска, генералъ Бараге-д'Илье, принуждёнъ былъ составить отрядъ въ 2,000 человѣкъ для очищенія пространства между Гжатью и Вязьмой отъ нашихъ партизановъ; самого же Давыдова предписывалось схватить, во что бы то ни стало, и разстрѣлять на мѣстѣ. Фельдмаршалъ, убѣдясь въ пользѣ партизанской войны, направилъ еще нѣсколько отрядовъ во флангъ и тылъ непріятеля. Провѣдавъ 27-го октября о томъ, что село Ляхово занято сильнымъ отрядомъ генерала Ожеро, Давыдовъ пригласилъ графа Орлова-Денисова, Фигнера и Сеславина для общаго нападенія на него. Стремительная атака нашихъ партизановъ увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: Ожеро былъ разбитъ на голову, окруженъ со всѣхъ сторонъ и взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ 60 офицерами и 2,000 рядовыхъ. 9-го ноября, Давыдовъ, усиленный двумя казачьими полками, настигъ близъ Копыса трёхтысячное кавалерійское депо, разбилъ его и захватилъ весь обозъ и 285 человѣкъ плѣнныхъ. Затѣмъ, спустя шесть дней, онъ, подъ Бѣлыничами, послѣ долгаго преслѣдованія, разсѣялъ другой непріятельскій отрядъ, при чёмъ имъ взято въ плѣнъ 4 капитана, около 200 рядовыхъ и значи-

тельный обозъ съ провіантомъ. Послѣднимъ подвигомъ Давыдова въ 1812 году было занятіе Гродно, сданнаго ему австрійскимъ генераломъ Фрейлихомъ, защищавшимъ его съ 4,000 венгерцевъ, при 30 орудіяхъ, при чёмъ было захвачено огромное количество провіанту, превышавшее цѣнностью милліонъ рублей. Чинъ полковника и знаки орденовъ Св. Георгія 4-го класса и Св. Владиміра 3-й степени были наградами партизанскихъ подвиговъ Давыдова, имя котораго съ того времени стало неразлучнымъ съ славными воспоминаніями о незабвенномъ 1812 годѣ. По переходѣ за границу, Давыдовъ поступилъ въ составъ корпуса Винценгероде и участвовалъ въ разбитіи саксонскаго корпуса подъ Калишемъ, а 10-го марта 1813 года сдѣлалъ самовольный налётъ на Дрезденъ, при чёмъ занялъ казачьимъ отрядомъ предмѣстье Нейштатъ, за что былъ отрѣшенъ отъ командованія отрядомъ. Въ кампанію 1814 года онъ сначала командовалъ Ахтырскимъ гусарскимъ полкомъ, а потомъ, произведённый за сраженіе при Ларотьерѣ въ генералъ-маіоры, начальствовалъ гусарской бригадой, съ которою и вступилъ въ Парижъ. По возвращеніи въ Россію, Давыдовъ, получивъ продолжительный отпускъ, прожилъ болѣе года въ Москвѣ, дѣля свободное время между Вакхомъ и Музами. Плодомъ сближенія съ послѣдними было нѣсколько элегій и нѣсколько гусарскихъ пѣсенъ, въ томъ числѣ: „Я люблю кровавый бой“ и знаменитая „Пѣснь стараго гусара“, облетѣвшая всю Россію въ тысячахъ списковъ. Въ это время авторская слава Давыдова была упрочена, благодаря благосклоннымъ отзывамъ критики объ его поэтическихъ произведеніяхъ и обширной извѣстности его гусарскихъ стихотвореній; даже въ „Парнасскомъ Адресъ-календарѣ“ Воейкова значилось: „Д. В. Давыдовъ—дѣйствительный поэтъ, генералъ-адъютантъ Аполлона, при перепискѣ Вакха съ Венерою“. Служебная карьера Давыдова также подвигалась впередъ весьма удовлетворительно: въ началѣ 1818 года онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба 7-го пѣхотнаго корпуса, а въ 1819—3-го. Но въ 1820 году онъ взялъ отпускъ, вслѣдствіе чего былъ зачисленъ по кавалеріи, а въ 1823—вышелъ въ отставку, и, поселившись въ Москвѣ, посвятилъ себя исключительно литературнымъ занятіямъ, плодомъ которыхъ были два самыхъ капитальныхъ его сочиненія: „Опытъ теоріи партизанскихъ дѣйствій для русскихъ войскъ“, „Дневникъ партизанскихъ дѣйствій“ и „Морозъ ли истребилъ французскую армію?“. Въ это же время онъ вёлъ переписку съ знаменитымъ англійскимъ романистомъ Вальтеръ-Скотомъ, которая продолжалась до самой смерти автора „Уеверлея“.

Въ 1826 году Давыдовъ былъ снова принятъ на службу, и назначенъ начальникомъ войскъ, расположенныхъ на границахъ Персіи; затѣмъ участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ съ персіянами и заключилъ военныя свои подвиги пораженіемъ четырёхтысячнаго отряда Гасанъ-Хана при урочищѣ Мирагъ. Разстроенное здоровье заставило его отправиться въ кавказскимъ минеральнымъ водамъ. Здѣсь, между прочимъ, написалъ онъ своё извѣстное стихотвореніе: „Полусолдатъ“. Возвратившись въ 1827 году въ Россію, онъ до польской войны числился по кавалеріи, проживая въ Москвѣ. Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій въ 1831 году Давыдовъ, командуя отрядомъ, состоявшимъ изъ Финляндскаго драгунскаго и трёхъ казачьихъ полковъ, взялъ приступомъ городъ Владиміръ-Волынскій, а по присоединеніи его отряда къ корпусу генерала Ридигера, участвовалъ въ разныхъ дѣлахъ съ поляками. Чинъ генералъ-лейтенанта и ордена Св. Анны 1-й степени и Св. Владиміра 2-го класса—были наградой его храбрости и распорядительности, выказанныхъ имъ въ теченіе всей войны. Этимъ заключилъ Давыдовъ своё боевое поприще и затѣмъ посвятилъ себя снова и окончательно занятіямъ словесностью. Къ этому времени принадлежатъ лучшія его статьи въ прозѣ и нѣсколько прекрасныхъ стихотвореній. Изъ числа первыхъ, укажемъ на слѣдующія: „Воспоминаніе о сраженіи при Прейсишъ-Эйлау“, „Замѣчанія на некрологіюРаевскаго“, „ВоспоминаніеоКульневѣ“, „Встрѣча съ великимъ Суворовымъ“, „Урокъ сорванцу“, „Занятіе Дрездена“, Разборъ трехъ статей, помѣщённыхъ въ „Запискахъ Наполеона“, „Встрѣча съ фельдмаршаломъ графомъ Каменскимъ“ и „Тильзитъ въ 1807 году“. Изъ стихотвореній, написанныхъ имъ въ это время, лучшіе: „Челобитная“ и „Современная пѣсня“, особенно послѣдняя, надѣлавшая много шума. Вообще, послѣднія произведенія Давыдова обнаружили въ авторѣ много таланта, даже болѣе, чѣмъ въ самые цвѣтущіе годы его литературной дѣятельности, и поклонники его дарованія уже надѣялись, что онъ скоро обогатитъ русскую литературу образцовыми въ своёмъ родѣ сочиненіями, когда неумолимая смерть похитила его слишкомъ рано для его славы и пользы отечества. Онъ скончался въ своёмъ помѣстьѣ, Верхней Мазѣ, Симбирской губерніи, 22-го апрѣля 1839

года, на пятьдесятъ пятомъ году отъ роду. Собраніе сочиненій Д. В. Давыдова имѣетъ четыре изданія: первое изъ нихъ вышло въ 1832 году, второе — въ 1840, третье (Смирдинское)—въ 1848, а четвёртое—въ 1860 году.

I.

ПѢСНЯ СТАРАГО ГУСАРА.

Гдѣ друзья минувшихъ лѣтъ,
Гдѣ гусары коренные,
Предсѣдатели бесѣдъ,
Собутыльники сѣдые?

Дѣды, помню васъ и я,
Испивающихъ ковшами
И сидящихъ вкругъ огня
Съ красносизыми носами!

На затылкѣ кивера,
Доломаны до колѣна,
Сабли, ташки у бедра
И диваномъ — кипа сѣна.

Трубки черныя въ зубахъ;
Всѣ безмолвны — дымъ гуляетъ
На закрученныхъ вискахъ
И усы перебѣгаетъ.

Ни полслова! Дымъ столбомъ...
Ни полслова! Всѣ мертвецки
Пьютъ и, преклонясь челомъ,
Засыпаютъ молодецки.

Но едва проглянетъ день,
Каждый пó полю порхаетъ:
Киверъ звѣрски на бекрень,
Ментикъ съ вихрами играетъ.

Конь кипитъ подъ сѣдокомъ,
Сабля свищетъ, врагъ валится...
Бой умолкъ — и вечеркомъ
Снова ковшикъ шевелится.

А теперь что вижу? — Страхъ!
И гусары въ модномъ свѣтѣ:
Въ вицъ-мундирѣ, въ башмакахъ
Вальсируютъ на паркетѣ!

Говорятъ: умнѣй они!
Но чтò слышишь отъ любова:
„Жомини, да Жомини!“
А объ водкѣ ни полслова.

II.

ПОСЛАНІЕ БУРЦОВУ.

Бурцовъ, ёра, забіяка,
Собутыльникъ дорогой!
Ради рома и арака
Посѣти домишко мой!
Въ нёмъ нѣтъ нищихъ у порогу,
Нѣтъ въ нёмъ зёркалъ, вазъ, картинъ
И хозяинъ, слава Богу,
Не великій господинъ.
Онъ гусаръ — и не пускаетъ
Мишурою пыль въ глаза:
У него, братъ, замѣняетъ
Всѣ диваны — куль овса;
Нѣтъ курильницъ, можетъ статься,
За то трубка съ табакомъ;
Нѣтъ картинъ — да замѣнятся
Ташкой съ царскимъ вензелёмъ.
Вмѣсто зеркала, сіяетъ
Ясной сабли полоса:
Онъ по ней лишь поправляетъ
Два любезные усá.
А на мѣсто вазъ прекрасныхъ,
Бѣломраморныхъ большихъ,
На столѣ стоятъ ужасныхъ
Пять стакановъ пуншевыхъ.
Они пóлны, увѣряю!
Въ нихъ сокрытъ небесный жаръ.
Пріѣзжай — я ожидаю —
Докажи, что ты гусаръ!

III.

ЧЕЛОБИТНАЯ.

Въ дни былые сорванецъ,
Весельчакъ и веселитель,
А теперь Москвы строитель,
Озабоченный дѣлецъ,
О, мой дивный покровитель!
Сохрани меня, отецъ,
Отъ сосѣдства шумной тучи
Благочиній саранчи,
И торчащей каланчи
И пожарныхъ трубъ, и крючій!
То-есть, по-просту сказать:
Помоги въ казну продать
За сто тысячъ домъ богатый,
Величавыя палаты —
Мой пречистенскій дворецъ.

Тѣсенъ онъ для партизана!
Сотоварищъ урагана,
Я люблю, казакъ-боецъ,
Домъ безъ оконъ, безъ крылёцъ,
Безъ дверей и стѣнъ кирпичныхъ —
Домъ разгуловъ безграничныхъ
И налётовъ удалыхъ,
Гдѣ могу гостей моихъ
Принимать картечью въ ухо,
Пулей въ лобъ, иль пикой въ брюхо
Другъ, вотъ истинный мой домъ!
Онъ вездѣ, но скучно въ нёмъ:
Нѣтъ, гостей для угощенья!
Подожду — а ты пока
Вникни въ просьбу казака —
И уважь его моленье.

IV.

СОВРЕМЕННАЯ ПѢСНЯ.

Былъ вѣкъ бурный, дивный вѣкъ,
Громкій, величавый;
Былъ огромный человѣкъ,
Расточитель славы.

То былъ вѣкъ богатырей;
Но смѣшались шашки —
И полѣзли изъ щелей
Мошки да букашки.

Всякій маменькинъ сынокъ,
Всякій обирала,
Модныхъ бредней дурачёкъ,
Корчитъ либерала.

Деспотизма супостатъ,
Равенства ораторъ,
Вздулся — слѣпъ и бородатъ —
Гордый регистраторъ.

Томы Тьера и Рабо
Онъ на память знаетъ —
И, какъ ярый Мирабо,
Вольность прославляетъ.

А глядишь — нашъ Мирабо
Стараго Гаврила,
За измятое жабо,
Хлещетъ въ усъ и въ рыло;

А глядишь — нашъ Лафаэтъ,
Брутъ или Фабрицій,
Мужичковъ подъ прессъ кладетъ
Вмѣстѣ съ свекловицей.

Фразъ журнальныхъ лексиконъ,
Прапорщикъ въ отставкѣ:
Для него Наполеонъ —
Въ родѣ бородавки.

Для него славнѣе бой
Карбонаровъ блѣдныхъ,
Чѣмъ когда нашъ шаръ земной
Отъ громовъ побѣдныхъ

Колыхался и дрожалъ —
И народъ въ смятеньи,
Ницъ упавши, ожидалъ
Міра разрушенья.

Что-жъ — быть можетъ, нашъ герой
Утомилъ свой геній
И заботой боевой,
И огнёмъ сраженій?

Нѣтъ, онъ въ битвахъ не бывалъ:
Шаркалъ по гостинымъ
И по плацу выступалъ
Шагомъ журавлинымъ.

Что-жъ — быть можетъ, онъ богатъ
Счастьемъ семьянина,
Замѣня блистанье латъ
Тóгой гражданина?

Нѣтъ, нахально подбочась,
Онъ по дачамъ рыщетъ
И въ театрѣ, развалясь,
Всё шипитъ, да свищетъ.

Что-жъ — быть можетъ, старины
Онъ бѣжалъ приманокъ:
Звѣзды, ленты и чины
Презрѣлъ спозаранокъ?

Нѣтъ, мудрецъ не разрывалъ
Съ честолюбьемъ дружбы:
И теперь бы крестикъ взялъ —
Только бы безъ службы.

Вотъ — гостиная въ лучахъ,
Свѣчи да кенкеты,
На столѣ и на софахъ —
Кипами газеты;

И превыспренній конгрессъ
Двухъ графинь оглохшихъ

И двухъ жалкихъ баронессъ,
Чопорныхъ и тощихъ.

Всё исчадіе грѣха,
Страстное новинкой:
Заговорщица блоха
Съ мухой якобинкой;

И козявка егоза,
Дѣва пожилая;
И рябая стрекоза
Сплётня записная;

И комаръ, студентъ хромой,
Въ кучерской причёскѣ;
И сверчёкъ, крикунъ ночной,
Другъ Крылова „Моськи";

И мурашка-филантропъ,
И червякъ голодный,
И Иванъ Иванычъ клопъ,
Мужъ женоподобный —

Всё вокругъ стола — и скокъ
Въ кипетъ совѣщанья.
Утопистъ, идеалогъ —
Президентъ собранья,

Старыхъ барынь духовникъ,
Маленькій аббатикъ,
Что въ гостиныхъ бить привыкъ
Въ маленькій набатикъ.

Всё кричатъ ему привѣтъ
Съ аханьемъ и пискомъ,
А онъ важно имъ въ отвѣтъ:
„Dominus vobiscum!"

И раздолье языкамъ —
И ужъ тутъ не шутка;
И народамъ, и царямъ —
Всѣмъ приходитъ жутко.

Всё, чтó есть — всё въ пыль и прахъ!
Всё, что процвѣтаетъ —
Съ корнемъ вонъ! Ареопагъ
Такъ опредѣляетъ.

И жужжитъ онъ, полнъ ґрозой,
Царства низвергая;
А Россія — Боже мой —
Тàска, да какая!

И весь размежеванъ свѣтъ,
Безъ войны и драки;
И Россіи уже нѣтъ;
И въ Москвѣ — поляки.

Но, на зло врагамъ, она
Всё живётъ и дышетъ,
И могуча, и грозна,
И здоровьемъ пышетъ.

Насѣкомыхъ болтовни
Внятіемъ не тѣшитъ,
Да и мѣсто, гдѣ они,
Даже не почешетъ.

А когда, во время сна,
Моль иль таракашка
Заползётъ ей въ носъ: она
Чхнётъ — и вонъ букашка.

КНЯЗЬ П. А. ВЯЗЕМСКІЙ.

Князь Пётръ Андреевичъ Вяземскій родился 12-го іюля 1792 года въ Москвѣ; первоначальное воспитаніе получилъ въ пансіонѣ патера Чижа въ Петербургѣ, продолжалъ его въ Москвѣ, въ домѣ профессора Рейса, и окончилъ подъ руководствомъ другихъ профессоровъ Московскаго университета, дававшихъ ему лекціи на дому. Онъ началъ писать стихи съ самаго дѣтства, а тѣсная дружеская связь въ юности съ Жуковскимъ и Батюшковымъ закрѣпила въ душѣ его наклонность къ поэзіи. Въ 1812 году князь Вяземскій поступилъ въ гусарскій графа Мамонова полкъ и находился при Милорадовичѣ во всё продолженіе сраженія при Бородинѣ, гдѣ подъ нимъ были убиты двѣ лошади. Воспоминаніе объ этомъ великомъ днѣ въ исторіи отечественной войны находится въ стихотвореніи, написанномъ въ 1842 году: „Русскіе просёлки". Въ 1817 году онъ былъ опредѣлёнъ къ Новосильцеву, въ Варшаву, и состоялъ при нёмъ до 1821 года. Въ 1824 году, живя въ Москвѣ, кн. Вяземскій сблизился съ Н. А. Полевымъ и его братомъ К. А. Полевымъ, и вмѣстѣ съ ними принялся за изданіе журнала „Московскій Телеграфъ" — лучшаго изъ русскихъ журналовъ первой половины нынѣшняго вѣка. Значительною долею своего успѣха и значенія „Телеграфъ" былъ обязанъ Вяземскому, который не только самъ работалъ для журнала неутомимо, но еще и привлекъ къ сотрудничеству въ немъ кружокъ Пушкина. Но въ 1829 году Вяземскій разссорился съ Полевымъ и перешелъ на сторону его литера-

турныхъ враговъ. Черезъ десять лѣтъ послѣ того началась его служба по министерству финансовъ, въ которомъ черезъ два года онъ занялъ должность вице-директора департамента внѣшней торговли, а въ 1846 — управляющаго заёмнымъ банкомъ, откуда вышелъ въ 1853 году, получивъ мѣсто члена въ совѣтѣ министерства финансовъ. Въ 1855 году произведёнъ въ тайные совѣтники, съ назначеніемъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія и сенаторомъ, въ 1861 году пожалованъ въ гофмейстеры.

Сочиненія князя Вяземскаго, разсѣянныя по разнымъ періодическимъ изданіямъ, только теперь дождались полнаго и превосходнаго изданія. Только часть его стихотвореній была при жизни его собрана въ книгѣ, изданной въ 1862 году въ Москвѣ, подъ заглавіемъ: „Въ дорогѣ и дóма". Всѣ стихотворенія, прозаическія статьи, критическіе этюды и замѣтки кн. Вяземскаго собраны были его сыномъ, П. П. Вяземскимъ, въ семь большихъ томовъ и весьма изящно изданы на иждивеніе графа Шереметьева. Чрезвычайно любопытны и вѣрны тѣ записки кн. Вяземскаго, которыя много лѣтъ сряду появлялись въ „Русскомъ Архивѣ", подъ заглавіемъ: „Изъ Старой Записной книжки". Имя князя Вяземскаго", говоритъ г. Галаховъ: „какъ замѣчательнаго сатирика и критика, навсегда останется въ исторіи нашей словесности... Вмѣстѣ съ *лучшими* людьми, онъ, во всѣ періоды своей жизни и на всѣхъ путяхъ ея, неизмѣнно сохранялъ горячую преданность просвѣщенью и литературѣ, видя въ нихъ главныя орудія успѣховъ гражданскаго благоденствія и человѣческаго совершенства".

I.

ТРОЙКА.

Тройка мчится, тройка скачетъ,
Вьётся пыль изъ-подъ копытъ;
Колокольчикъ звонко плачетъ
И хохочетъ, и визжитъ.

По дорогѣ голосисто
Раздаётся яркій звонъ:
То вдали отбрякнетъ чисто,
То застонетъ глухо онъ.

Словно лѣшій вѣдьмѣ вторитъ
И аукается съ ней,
Иль русалка тараторитъ
Въ рощѣ звучныхъ камышей.

Русской степи, ночи тёмной
Поэтическая вѣсть!
Много въ ней и думы томной,
И раздолья много есть.

Прянулъ мѣсяцъ изъ-за тучи,
Обогнулъ свое кольцо
И посыпалъ блескъ зыбучій
Прямо путнику въ лицо.

Кто сей путникъ, и отколѣ?
И далёкъ-ли путь ему?
По неволѣ, иль по волѣ
Мчится онъ въ ночную тьму?

На веселье иль кручину,
Къ ближнимъ-ли подъ кровъ родной,
Или въ грустную чужбину
Онъ спѣшитъ, голубчикъ мой?

Сердце въ нёмъ ретиво рвётся
Въ путь обратный, или въ даль?
Встрѣчи-ль ждётъ онъ—не дождётся,
Иль покинутаго жаль?

Ждётъ-ли перстень обручальный,
Ждутъ-ли путника пиры,
Или факелъ погребальный
Надъ могилою сестры?

Какъ узнать? Ужъ онъ далёко!
Мѣсяцъ въ облако нырнулъ,
И въ пустой дали глубоко
Колокольчикъ ужъ заснулъ.

II.

НА ЦЕРКОВНОЕ СТРОЕНІЕ.

Одною встрѣчей я всегда въ прогулкѣ счастливъ:
Будь лѣтомъ жарокъ день иль осенью ненастливъ
Подъ проливнымъ дождёмъ, въ морозъ, въ палящій зной —
На перекресткѣ *онъ*, съ открытой головой
И книгою въ рукѣ, протянутой къ прохожимъ.
Глядитъ онъ странникомъ и человѣкомъ Божьимъ:
Смиренья съ простотой лежитъ на нёмъ печать.
Свой страннический крестъ пріявъ, какъ благодать,
Изъ дальняго села пришелъ онъ въ городъ чуждый,

Но привели его не собственныя нужды:
Нѣтъ, къ дому Господа усердьемъ возгоря
И возлюбивъ и блескъ, и святость алтаря,
Онъ благолѣпью ихъ посильный трудъ приноситъ
И именемъ Христа на церковь братій проситъ.
Въ волненьяхъ суеты, среди столичныхъ стѣнъ,
Преданье и урокъ апостольскихъ временъ,
Онъ ходитъ между насъ евангельскою вѣстью
И праздныя сердца въ насъ будитъ къ благочестью.
И рѣдко кто пройдётъ — и больно за того,
Кто мимо могъ пройти, не одѣливъ его
Хоть малымъ чѣмъ-нибудь, хоть ласковымъ вниманьемъ,
Сочувствіемъ любви, поклономъ, пожеланьемъ,
Чтобъ труженика путь Господь благословилъ
И жатвой доброю жнеца обогатилъ.
Но болѣе всего любуюсь доброхотомъ,
Который дастъ свой грошъ, трудомъ и крупнымъ пòтомъ
Добытый — и себя-жъ тутъ осѣнитъ крестомъ,
Какъ будто-бъ онъ ещё остался съ барышомъ.
Храня въ душѣ моей отцовъ простую вѣру,
Я слѣдовать люблю народному примѣру —
И лепту я мою спѣшу въ тотъ сборъ принесть.
Скажу: и моего тутъ мёду капля есть;
Скажу: и моего тутъ будетъ капля масла,
Чтобъ предъ иконою лампада ввѣкъ не гасла,
Чтобъ тихій свѣтъ ея ликъ Спаса озарялъ
И въ душу скорбную отрадой проникалъ.
И въ этой мысли мнѣ есть сладость упованья,
Что тутъ и мой кирпичъ пойдетъ въ основу зданья,
Гдѣ мирная семья смиренныхъ поселянъ
На благовѣстъ любви, сзывающій мірянъ,
Усердною толпой сберётся въ день воскресный.
И молятся они, чтобы Отецъ Небесный
Послалъ имъ свыше миръ, чтобы за ихъ труды
Имъ принесла земля обильные плоды;
Чтобъ день былъ совершенъ, святъ, миренъ и безгрѣшенъ,
Чтобъ исцѣлѣлъ больной, чтобъ скорбный былъ утѣшенъ,
Живущимъ вѣрою, въ молитвѣ и слезахъ,
Всѣмъ странствующимъ, всѣмъ, далече въ морѣ сущимъ,
Всѣмъ долю тяжкую и тяжкій плѣнъ несущимъ
Господь послалъ свой миръ, любовь и благодать;
Чтобъ въ покаяньи имъ дни прочіе скончать,
Чтобъ ангелъ мирный, душъ ихъ и тѣлесъ хранитель,
Берёгъ и стадо ихъ, и поле, и обитель;
Чтобъ помянулъ Господь во царствіи своёмъ
Отцовъ и братію, почившихъ смертнымъ сномъ,
Святителей церквей, родныхъ, владыкъ державныхъ
И всѣхъ, лежащихъ здѣсь и всюду. православныхъ.
И, отрѣшая ихъ отъ всѣхъ земныхъ заботъ,
Ко Господу любви душа ихъ вопіётъ,
Чтобъ непостыдная и тихая кончина,
Предстательствомъ Его возлюбленнаго Сына,
Сошла, какъ благодать, даруя имъ покой;
Чтобъ имъ омыть грѣхи раскаянья слезой
И въ оный страшный день, съ отвѣтнымъ добрымъ словомъ,
Младенцами предстать имъ на судѣ Христовомъ.
И безыменною молитвой обо мнѣ
Помянутъ вѣрные въ далекой сторонѣ,
Когда за Божій домъ собравшіеся въ ономъ
И за создателей той церкви крестъ съ поклономъ
Предъ Господомъ живыхъ и мертвыхъ сотворятъ.
Года пройдутъ. Давно онъ, ихъ усопшій братъ,
Лежитъ въ землѣ сырой; но въ поколѣньи новомъ
Всё тѣмъ же любящимъ и благодарнымъ словомъ
О братѣ, чуждомъ имъ, помолится народъ;
Тутъ память и моя пройдётъ изъ рода въ родъ;
И, можетъ-быть, Богъ дастъ, сей лептой богомольной
Искупится мой грѣхъ, иль вольный, иль невольный,
И *тамъ* зачтётся мнѣ въ замѣну добрыхъ дѣлъ,
Что къ церкви Божіей душой я не хладѣлъ.

III.

МАСЛЯНИЦА НА ЧУЖОЙ СТОРОНѢ.

Здравствуй, въ бѣломъ сарафанѣ
Изъ серебряной парчи!
На тебѣ горятъ алмазы,
Словно яркіе лучи.
Ты живительной улыбкой,
Свѣжей прелестью лица
Пробуждаешь къ чувствамъ новымъ
Усыплённыя сердца.
Здравствуй, русская молодка,
Раскрасавица душа,
Бѣлоснѣжная лебёдка,
Здравствуй, матушка зима!
Изъ-за льдистаго Урала
Какъ сюда ты невзначай,
Какъ, родная, ты попала
Въ бусурманскій этотъ край?
Здѣсь ты, сирая, не дома,
Здѣсь тебѣ не понутру;
Нѣтъ приличнаго пріёма,
И народъ не на юру.

Чѣмъ твою мы милость встрѣтимъ?
Какъ задать здѣсь пиръ горой?
Не сумѣть имъ, нѣмцамъ этимъ,
Поздороваться съ тобой!
Не напрасно дѣдовъ слово
Затвердилъ народный умъ:
„Что для русскаго здорово,
То для нѣмца карачунъ!“
Намъ не страшенъ снѣгъ суровый,
Съ снѣгомъ — батюшка-морозъ,
Нашъ природный, нашъ дешевый
Пароходъ и паровозъ.
Ты у насъ краса и слава,
Наша сила и казна,
Наша бодрая забава,
Молодецкая зима!
Скоро масляницы бойкой
Закипитъ широкій пиръ,
И блинами, и настойкой
Закутитъ крещёный миръ.
Въ честь тебѣ и ей Россія,
Православныхъ предковъ дочь,
Строитъ горы ледяныя
И гуляетъ день и ночь.
Игры, братскія попойки,
Настежь двери и сердца;
Пышутъ бѣшеныя тройки,
Снѣгъ топоча у крыльца.
Вотъ взвились и полетѣли,
Что твой соколъ въ облакахъ!
Красота ямской артели
Вожжи ловко сжалъ въ рукахъ.
Въ шапкѣ, въ синемъ полушубкѣ
Такъ и смотритъ молодцомъ,
Погоняетъ закадычныхъ
Свистомъ, ласковымъ словцомъ.
Мать дородная въ шубейкѣ
Важно въ рóзвальняхъ сидитъ,
Дочка рядомъ въ душегрѣйкѣ,
Словно маковъ цвѣтъ, горитъ.
Яркой пылью иней сыплетъ
И одежду серебритъ,
А морозъ, лаская, щиплетъ
Нѣжный бархатецъ ланитъ;
И бѣлѣе, и румянѣй
Дѣва блещетъ красотой,
Какъ алѣетъ на полянѣ
Снѣгъ подъ утренней зарёй.
Мчатся вихремъ безъ помѣхи
По полямъ и по рѣкамъ,
Звонко щелкаютъ орѣхи
На веселіе зубкамъ.
Пряникъ, мой однофамилецъ,
Также тутъ не позабыть;
А нашъ пѣнникъ, нашъ кормилецъ,
Сердце любо веселитъ.
Разгулялись городъ, сёла,
Загуляли старъ и младъ:
Всѣмъ зима родная гостья,
Каждый масляницѣ радъ.
Нѣтъ конца весёлымъ крикамъ,
Пѣснямъ, удали, пирамъ.
Гдѣ тутъ нѣмцамъ-горемыкамъ
Вторить намъ, богатырямъ?
Сани здѣсь — подобной драни
Не видалъ я на вѣку:
Стыдно сѣсть въ чужія сани
Коренному русаку.
Нѣтъ, красавица, не мѣсто
Здѣсь тебѣ — не обиходъ;
Снѣгъ здѣсь — рыхленькое тѣсто,
Вялъ морозъ и вялъ народъ.
Чѣмъ почтутъ тебя, сударку?
Развѣ кружкою пивной;
Да копеечной сигаркой,
Да копченой колбасой?
Съ пива только кровь густѣетъ,
Умъ раскиснетъ и лицо —
То-ли дѣло, какъ прогрѣетъ
Наше рьяное винцо?
Какъ шепнётъ оно въ догадку
Ретивóму на ушко —
Не споётъ, ей-ей, такъ сладко
Хоть-бы вдовушка Клико!
Выпьетъ чарку-чародѣйку
Забубённый нашъ землякъ:
Жизнь копейка! смерть-злодѣйку
Онъ считаетъ за пустякъ.
Нѣмецъ къ мудрецамъ причисленъ,
Нѣмецъ дока для всего,
Нѣмецъ такъ глубокомысленъ,
Что провалишься въ него;
Но, по нашему покрою,
Если нѣмца взять врасплохъ,
А особенно зимою —
Нѣмецъ, воля ваша, плохъ.

IV.

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЯ „САМОВАРЪ“.

Пріятно находить, попавшись на чужбину,
Родныхъ обычаевъ знакомую картину,

Домашнюю хлѣбъ-соль, гостепріимный кровъ
И сѣнь, святую сѣнь отеческихъ боговъ,
Душѣ, затёртой льдомъ въ холодномъ морѣ свѣта,
Гдѣ на родной вопросъ роднаго нѣтъ отвѣта,
Гдѣ жизнь обрядныхъ словъ одинъ пустой обмѣнъ,
Гдѣ ты вездѣ чужой, у всѣхъ monsieur NN.
У тихой пристани пріятно отогрѣться
И въ лица ближнія довѣрчиво всмотрѣться,
И въ рѣчи вслушаться, въ которыхъ чтó-то есть
Знакомое душѣ — и дней прошедшихъ вѣсть.

Дни странника листамъ разрозненнымъ подобны:
Ихъ разрываетъ духъ насмѣшливый и злобный;
Нѣтъ связи: съ каждымъ днёмъ всё сызнова живи,
А жизнь и хороша преданьями любви,
Сродствомъ повѣрій, чувствъ, созвучьемъ впечатлѣній
И милой давностью привычныхъ отношеній.
Въ насъ умъ — космополитъ, но сердце — домосѣдъ:
Прокладывать всегда онъ любитъ новый слѣдъ
И радости свои всё въ будущемъ имѣетъ;
Но сердце старыми мечтами молодѣетъ,
Но сердце старыми привычками живётъ
И радостнѣй въ тѣни прошедшаго цвѣтётъ.
О, будь благословенъ кровъ свѣтлый и пріютный,
Подъ коимъ, какъ родной, былъ принятъ гость минутный,
Гдѣ беззаботно могъ онъ сердце развернуть
И сиротство своё на время обмануть!
Гдѣ любовался онъ съ сознаньемъ и участьемъ
Семейства милаго согласіемъ и счастьемъ
И видѣлъ, какъ цвѣтутъ въ безоблачной тиши
Младыя радости родительской души...

Но насъ ещё влечётъ какой-то силой тайной
Въ знакомый тотъ пріютъ, гдѣ съ лаской обычайной
Вокругъ стола насъ ждётъ любезная семья.
Я этотъ часъ люблю — едва ль не лучшій дня —
Часъ поэтическій средь прозы чёрствыхъ сутокъ,
Сердечный жизни часъ, весёлый промежутокъ
Между трудомъ дневнымъ и ночи мёртвымъ сномъ.
Всѣ счеты сведены — въ придачу мы живемъ:
Заботъ житейскихъ нѣтъ, какъ-будто не бывало;
Сегодня съ плечъ слегло, а *завтра* не настало.
Часъ дружескихъ бесѣдъ у чайнаго стола!
Хозяйкѣ молодой и честь, и похвала!
По православному, не на манеръ нѣмецкій,
Не жидкій, какъ вода или напитокъ дѣтскій,
Но Русью вѣющій, но сочный, но густой,
Душистый льётся чай янтарною струёй.
Прекрасно! Но одинъ встрѣчаю недостатокъ:
Нѣтъ, быта русскаго не полонъ отпечатокъ!
Гдѣ-жъ самоваръ родной, семейный нашъ очагъ,
Семейный нашъ алтарь, ковчегъ домашнихъ благъ?
Въ нёмъ льются и кипятъ всѣхъ нашихъ дней преданья,
Въ нёмъ русской старины живутъ воспоминанья;
Онъ уцѣлѣлъ одинъ въ обломкахъ прежнихъ лѣтъ —
И къ внукамъ перешелъ неугасимый дѣдъ.
Онъ русскій *рококо*, нестройный, неуклюжій,
Но внутренно хорошъ, хоть некрасивъ снаружи;
Онъ лучше держитъ жаръ и подъ его шумокъ
Кипитъ и разговоръ, какъ прыткій кипятокъ.
Какъ много тайныхъ главъ романовъ ежедневныхъ,
Животрепещущихъ романовъ, задушевныхъ,
Которыхъ въ книгахъ нѣтъ — какъ сладко ни пиши —
Какъ много чистыхъ сновъ дѣвической души
И нѣжныхъ ссоръ любви, и примиреній нѣжныхъ,
И тихихъ радостей, и сладостно-мятежныхъ
При пламени его украдкою зажглось
И съ облакомъ паровъ незримо разнеслось.
Гдѣ только водятся домашніе пенаты,
Отъ золотыхъ палатъ и до смиренной хаты,
Гдѣ мѣдный самоваръ, наслѣдство сироты,
Вдовы послѣдній грошъ и роскошь нищеты —
Повсюду на Руси святой и православной
Семейныхъ сборовъ онъ всегда участникъ главной,
Нельзя родиться въ свѣтъ, ни въ бракъ вступить нельзя,
Ни „здравствуй“, ни „прощай“ не вымолвятъ друзья,
Чтобъ, всѣхъ житейскихъ дѣлъ конецъ или начало,
Кипучій самоваръ, домашній запѣвало,
Не подалъ голоса и не созвалъ семьи...
Поэтъ сказалъ — и стихъ его для насъ понятенъ:
„Отечества и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ!“
Не самоваромъ ли — сомнѣнья въ этомъ нѣтъ —
Былъ вдохновлёнъ тогда великій нашъ поэтъ?
И тѣнь Державина, здѣсь слѣдуя со мною,
Къ вамъ обращается съ упрёкомъ и мольбою
И проситъ, въ честь ему и православью въ честь:
Конфорку бросить прочь и — самоваръ завесть.

V.

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЯ „СТАНЦІЯ“.

Досадно слышать; „Sta, viator!“
Иль изъясняяся простѣй:
„Извольте ждать! нѣтъ лошадей!“
Когда губернскій регистраторъ,
Почтовой станціи диктаторъ —
Ему типунъ бы на языкъ —
Сей рѣчью ставитъ васъ втупикъ,

От этого-то русским трактом
Ѣзда не слишком веселит:
Как ѣдешь — дѣйствіе кипит,
Пріѣдешь — стынет за антрактом.
Да и сказать — дождись пути;
Замѣтить должно мнѣ в прибавку,
Чтобы точнѣй в журнал внести
Топографическую справку:
Дороги наши — сад для глаз,
Деревья, с дёрном вал, канавы;
Работы много, много славы,
Да жаль — проѣзда нѣт подчас.
С деревьев, на часах стоящих,
Проѣзжим мало барыша:
Дорога, скажешь, хороша —
И вспомнишь стих: *для проходящих!*
Свободна русская ѣзда
В двух только случаях: когда
Наш Мак-Адам или Мак-Ева —
Зима свершит, треща от гнѣва,
Опустошительный набѣг,
Путь окуёт чугу́ном льдистым,
И запоро́шит ранній снѣг
Слѣды ея песком пушистым;
Или когда поля проймёт
Такая знойная засуха,
Что через лужу может в брод
Пройти, глаза зажмуря, муха.
Что ж дѣлать, время есть всему!
Гражданству, роскоши, уму
Рукой степенной ход размѣрен;
Итог в успѣхах наших вѣрен,
Пождём — и возрастёт итог.
Давно-ль могучій Пётр природу,
Судьбу и смертных перемог,
Прошел сквозь мрак, сквозь огнь и воду,
И слѣдом богатырских ног
Давно-ли вдоль и поперёг
Протоптана его Россія?
Исполнятся судьбы земныя —
И мы не будем без дорог.

Ѳ. Н. ГЛИНКА.

Ѳедор Николаевич Глинка родился в Смоленской губерніи в 1788 году; воспитывался в 1-м кадетском корпусѣ, откуда, в 1803 году, выпущен прапорщиком в Апшеронскій пѣхотный полк. В 1805 и 1806 годах он участвовал в кампаніи русской арміи против Наполеона в Австрійских владѣніях, состоя адъютантом при извѣстном генералѣ Милорадовичѣ, который командовал в то время отдѣльной бригадой. Плодом этого похода были „Письма русскаго офицера о Польшѣ, Австрійских владѣніях и Венгріи, с описаніем похода 1805 — 1806 годов", напечатанныя в Москвѣ в 1808 году отдѣльной книжкой. Книга эта заслуживает полнаго вниманія уже по одному тому, что автор ея — девятнадцатилѣтній армейскій офицер. „Шесть мѣсяцев скитался я по свѣту", говорит он в одном мѣстѣ своей книги: „и девятнадцати лѣт от роду имѣл уже много случаев познать свѣт и людей". Письма эти были перепечатаны в полном изданіи „Писем русскаго офицера" (1815—1816), в котором составили 1-й том. По возвращеніи арміи в Россію, Глинка, оставив службу, уѣхал в свою смоленскую деревню и прожил в ней около шести лѣт, посвящая почти всё время наукам и литературѣ. Стихотворенія, написанныя им в это время, помѣщены бо́льшею частью в „Русском Вѣстникѣ". В 1810 и 1811 годах Глинка сдѣлал небольшое путешествіе по Россіи, при чём объѣхал часть губерній Смоленской и Тверской и побывал в Кіевѣ. Свои наблюденія, мысли и впечатлѣнія изложил он в послѣднем томѣ „Писем русскаго офицера", изданных в 1815—1816 годах в 8 ми томах; что же касается плаванія по Волгѣ то эта часть путешествія описана стихами в „Мечтаніях на берегах Волги" (Спб. 1821). В 1812 году, с приближеніем непріятеля к его смоленской деревни, он покинул своё родное пепелищѣ и, слѣдуя за арміей от Смоленска, дошел, вмѣстѣ с нею, до Тарутина, гдѣ снова вступил в ряды русской арміи и снова был взят в адъютанты Милорадовичем, при котором и оставался до конца кампаніи 1814 года. Письма его о событіях отечественной и заграничной войны составляют шесть томов изданія его „Писем русскаго офицера" (томы 2-й и 7-й), вышедшаго в свѣт в 1815—1816 годах. Впослѣдствіи бо́льшая часть этих писем (томы 2-й и 7-й) под заглавіем: „Письма русскаго офицера о военных происшествіях 1812 года" были изданы отдѣльно и переведены на французскій язык братом автора, С. Н. Глинкою (М. 1818). В 1870 году перепечатаны вновь, вмѣстѣ с 1-м томом, в пяти частях. В 1815 году Глинка был переведён в гвардію и состоял при начальникѣ гвардейскаго штаба, генерал-адъютантѣ Сипягинѣ.

Въ 1817—1819 годахъ принималъ дѣятельное участіе въ изданіи „Военнаго Журнала“, самая программа котораго была составлена имъ. Въ 1818 году вышла въ свѣтъ его народная повѣсть „Лука да Марья“, имѣвшая свой кругъ читателей и дожившая до второго изданія, въ 1845 году; а въ 1819 - „Зиновій Богданъ Хмѣльницкій, или освобождённая Малороссія“. Затѣмъ, въ томъ же году, онъ перешелъ на службу къ санктпетербургскому генералъ-губернатору Милорадовичу, своему прежнему начальнику — и вскорѣ занялъ должность правителя его канцеляріи. При учрежденіи въ 1816 году „Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности“, Глинка былъ избранъ его вице-предсѣдателемъ, а потомъ и предсѣдателемъ. Въ 1826 году онъ собралъ свои духовныя стихотворенія, разбросанныя по журналамъ, и издалъ ихъ особой книжкой, подъ заглавіемъ: „Опыты священной поэзіи“. Въ 1826 году онъ былъ сосланъ на жительство въ Олонецкую губернію, по подозрѣнію въ принадлежности его къ Сѣверному Обществу; но, спустя нѣкоторое время, невинность его была доказана и онъ получилъ позволеніе вернуться въ свою деревню. Здѣсь написалъ онъ свою описательную поэму въ 4-хъ частяхъ: „Карелія, или заключеніе Марѳы Іоанновны Романовой“, въ которой встрѣчаются прекрасныя описанія сѣверной природы. Поэма была напечатана въ 1830 году въ Петербургѣ. Съ этого времени альманахи и журналы (особенно „Сынъ Отечества“ и „Соревнователь“) стали наполняться его стихотвореніями, изъ которыхъ многія обращали на себя общее вниманіе, благодаря глубинѣ содержанія и гармоніи стиха. Начиная съ 1834 года, стихи его стали появляться въ „Библіотекѣ для Чтенія“ Сенковскаго, а съ 1836—въ „Современникѣ“ Пушкина и потомъ Плетнёва. Въ послѣднемъ журналѣ они появлялись изрѣдка до самаго перехода журнала въ руки Панаева и Некрасова въ 1847 году. Здѣсь, между прочимъ, было помѣщено стихотвореніе „Ангелъ“ (т. VII стр. 146), расхваленное Бѣлинскимъ. Въ 1837 году вышли въ Москвѣ его „Воспоминанія о пінтической жизни Пушкина“, а въ 1839 —„Очерки Бородинскаго сраженія“. Затѣмъ, въ продолженіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ, Глинка не издавалъ ничего, ограничивая свою литературную дѣятельность помѣщеніемъ мелкихъ стихотвореній въ разныхъ московскихъ альманахахъ и очень рѣдко въ журналахъ. Съ 1859 года издательская дѣятельность Глинки возобновляется. Въ этомъ году былъ изданъ имъ въ Петербургѣ: „Іовъ, свободное подражаніе св. книгѣ Іова“, въ 1861 году въ Берлинѣ— „Таинственная Капля“, народное преданіе, въ двухъ частяхъ, вышедшая вторымъ изданіемъ въ Москвѣ въ 1871 году, а въ 1869 были напечатаны въ Москвѣ его „Духовныя стихотворенія“.

Ѳёдоръ Николаевичъ былъ женатъ на Авдотьѣ Павловнѣ, урождённой Голенищевой-Кутузовой, пріобрѣвшей извѣстность переводами многихъ стихотвореній Шиллера, въ томъ числѣ „Пѣсни о колоколѣ“ и скончавшейся нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Послѣдніе годы жизни Глинка провелъ въ своемъ Тверскомъ помѣстьѣ, гдѣ и скончался отъ старческаго разслабленія, года два тому назадъ.

1.

ИСКАНІЕ БОГА.

Я видѣлъ: смерклись небеса;
Земля дала глухіе стоны;
Возсталъ духъ бурь, сломилъ препоны,
Стопой, какъ жатву, смялъ лѣса;
И — горы съ мѣстъ, и горъ обломки
Онъ, мощный, въ дебряхъ разметалъ.
Воззвалъ я Бога гласомъ громкимъ —
Но Бога въ буряхъ не видалъ!

Я видѣлъ: ровныя поля
То гнулись въ долы, то холмились,
И волновалася земля,
И камни градомъ съ горъ катились,
И грозно небеса дымились...
И, трепетный, звалъ Бога я —
Но въ бурныхъ мятежахъ земныхъ
Не зрѣлъ слѣдовъ Его святыхъ!

Свидѣтель новыхъ я чудесъ:
Отъ молній рдѣетъ сводъ небесъ,
И пышутъ огненные токи,
И на лицѣ полей широкихъ
Всё стало пыломъ, всё огнёмъ —
Но Бога я не видѣлъ въ нёмъ!

И вслѣдъ за бурей — тишина;
Душа предчувствіемъ полна;
Какъ молодой зари мерцанье,
Въ дыму серебряномъ горитъ
Святое алое сіянье.
На тайный зовъ душа летитъ
И дышетъ жизнью неземною...

Всё стало сладкой тишиною,
И я вдали, какъ въ дивномъ снѣ,
Услышалъ Бога — въ тишинѣ!

II.

АНГЕЛЪ.

Судъ мірамъ уготовляется,
Ходитъ Богъ по небесамъ;
Звѣздъ громада разступается
На просторъ Его вѣсамъ.

И, послышавъ Бога, дальнія
Тучи ангеловъ взвились;
Протѣснясь въ врата кристальныя,
Хоры съ пѣньемъ понеслись.

И мой ангелъ охранительный,
Ужъ терявшій на землѣ
Блескъ небесный, блескъ плѣнительный,
Распустилъ свои крилѣ.

У судьбы земной подъ молотомъ,
Въ сторонѣ страстей и бурь,
Яркихъ крылъ потухло золото,
Полиняла въ нихъ лазурь.

Но какъ всё перемѣнилося!
Онъ на Бога посмотрѣлъ —
И лицо его свѣтилося,
И хитонъ его свѣтлѣлъ.

Ахъ! когда жъ жильцамъ-юдольникамъ
Возвратятъ полетъ и намъ,
И дадутъ земнымъ невольникамъ
Вольный доступъ къ небесамъ?

III.

ПЕРЕЛЁТНАЯ ПТИЧКА.

Скрывалось за горы
Роскошное солнце,
И долгій день лѣтній
Угаснулъ — и вечеръ
Насталъ съ тишиною;
И въ воздухѣ душно.
Зарница играла
По нивамъ волнистымъ,
И сизая туча
Вдали загоралась;
Далёкое эхо
Въ горахъ рокотало.
Я въ рощѣ тѣнистой
Дышалъ ароматомъ
Цвѣтущаго луга.
Вдругъ птичка слетѣла
Не знаю, откуда —
И, выблясь на вѣткѣ,
Запѣла уныло,
Уныло и сладко.
Я весь сталъ вниманье
И весь упоенье:
Душа разрывалась
Отъ пѣсни унылой;
Душа восхищалась
Унылою пѣснью.
И отзывъ далекій
Друзей отлучённыхъ,
И память о прошломъ,
О дняхъ невозвратныхъ
Бывалаго счастья,
И стоны разлуки,
И шепотъ предчувствій,
Грядущаго тайны —
Всё, всё выражала
Волшебная пѣсня
Чудесной пѣвицы.
Мнѣ видѣлось: мѣсяцъ
Стоялъ недвижимо,
И звѣзды, внимая,
Горѣли яснѣе,
И грохотъ нагорный
Затихъ — и въ забвеньи
Сидѣлъ я до утра,
Мечтая о небѣ.
Пѣвица всё пѣла,
Но, вмѣстѣ съ росою,
Подъемлясь всё выше,
Какъ искра угасла,
Въ лучахъ утонула.
Откуда ты, птичка,
Небесная радость?
Гдѣ край твой далёкій,
Въ которомъ ты, прелесть,
Гостишь неотлётно?
И странникъ печальный
Въ сёмъ мірѣ мятежномъ,
По сердцу мнѣ чуждомъ,
Услышу-ль опять я
Въ безмолвіи ночи,
Залётная гостья,
Твой голосъ чудесный?
Иль разъ только въ жизни
Онъ смертному слышенъ?

IV.

ЯВЛЕНІЕ НЕВѢДОМАГО.

И было — то было въ Виѳарѣ —
Креститель подъ пальмой стоялъ,
А желтый потокъ Іордана
Кипѣлъ и шумѣлъ, и сіялъ.

Собралося много народу, —
И отрокъ, и старецъ сѣдой
Стремились, изъ жажды спасенья,
Живой окатиться водой.

Изъ дальнихъ пустынь на верблюдѣ,
Изъ ближнихъ на статномъ конѣ —
И рабъ, и свободные люди
Спѣшили къ іорданской волнѣ.

Радушно снимая одежды,
Всякъ сердце хотѣлъ обнажать;
А голосъ пустыни — пустыннымъ
Душа̀мъ возвѣщалъ благодать.

Какъ многое тутъ пробудилось!
Всѣ тайны раскрылись сердецъ:
То мытарь блѣднѣлъ и молился,
То въ латахъ смирялся боецъ.

И слёзы текли по ланитамъ,
И вздохи кипѣли въ устахъ;
И всѣ торопились омыться
Въ купельныхъ іорданскихъ волнахъ.

Но вдругъ вдохновенный Креститель
Воскликнулъ во ушію всѣхъ:
„Глядите! се Агнецъ есть Божій,
Отъ міра взимающій грѣхъ!“

И взоры всѣхъ ищутъ кого-то,
Какъ-будто видѣнія сновъ;
Глядятъ, вопрошаютъ съ заботой:
„Гдѣ жъ дивный Взиматель грѣховъ?“

И путникъ вдали показался
Величественъ, тихъ, сановитъ;
И шелъ онъ, какъ Божія дума,
Высокою тайной покрытъ.

Такъ ходятъ алмазныя звѣзды
По синимъ своимъ высотамъ,
Сіяньемъ земнымъ обливая,
Не данствуя ихъ суетамъ.

И вспыхнули разныя чувства
На лицахъ людей и въ очахъ:
То вѣра боролась съ невѣрьемъ,
То съ сладкой надеждою — страхъ.

Пытливость лукаво глядѣла,
И кротость смиренно ждала,
Чтó скажетъ невѣдомый путникъ,
Какія проявитъ дѣла?

Отъ путника-жъ вѣяло жизнью,
Зане — онъ и жизнь, и любовь;
И будетъ такъ вѣять, доколѣ
Погаснетъ лампада вѣковъ.

V.

ТРОЙКА.

Вотъ мчится тройка удалая
Вдоль по дорогѣ столбовой,
И колокольчикъ, даръ Валдая,
Гудитъ уныло подъ дугой

Ямщикъ лихой — онъ всталъ съ полночи,
Ему взгрустнулося въ тиши, —
И онъ запѣлъ про ясны очи,
Про очи дѣвицы-души:

„Ахъ, очи, очи голубыя,
Вы сокрушили молодца!
Зачѣмъ, о люди, люди злые,
Вы ихъ разрознили сердца?

„Теперь я бѣдный сиротина!..“
И вдругъ ямщикъ — по всѣмъ по трёмъ, —
И тройкой тѣшился дѣтина
И заливался соловьёмъ.

IV.

ИЗЪ ПОЭМЫ „КАРЕЛІЯ“.

Пуста въ Карелѣ сторона,
Безмолвны сѣвера поляны:
Въ тиши ночной, какъ великаны,
Возставъ озёръ своихъ со дна,
Въ выси рисуются обломки,
Чуть уцѣлѣвшіе потомки
Былыхъ первоначальныхъ горъ.
Но рѣдко человѣка взоръ
Скользитъ, заходитъ въ ихъ изгибы;
Однѣ, встревожась, плещутъ рыбы,

Иль крики чаекъ на водахъ
Пустынный отзывъ оживляютъ.
Порою, на пустыхъ брегахъ
Сквозь млечновидные туманы
Мелькаетъ тѣнь передъ огнёмъ,
Иль въ челнокѣ златымъ столпомъ
Огонь. И въ сумеркахъ, румяный,
Онъ стелетъ ленты подъ водой:
То сынъ Карелы молчаливый,
Безпечныхъ лоховъ станъ сонливый
Тревожитъ мѣткой острогой.
Ночное небо — тутъ бываетъ —
Вдругъ разгорится, всё въ лучахъ —
Зажжется сѣверъ и пылаетъ.
Огни то въ пламенныхъ столпахъ,
То колосистыми снопами,
Или кудрявыми дугами,
Яснѣе въ хладной высотѣ,
Выходятъ, строятся рядами,
Какъ рати въ грозной красотѣ.

Здѣсь поздно настаётъ весна;
Глубокихъ доловъ, межъ горами,
Карела дикая полна:
Тамъ долго снѣгъ лежитъ буграми,
И долго лёдъ надъ озерами
Упрямо жмётся къ берегамъ.
Ужъ часто видятъ: по лугамъ
Цвѣтокъ синѣется подснѣжный,
И мохъ цвѣтистый оживётъ
Надъ трещиной скалы прибрежной;
А сѣрый безобразный лёдъ —
Когда глядимъ на даль съ высотъ —
Большими пятнами темнѣетъ
И отъ озёръ студёныхъ вѣетъ;
И жизнь молчитъ, и по горамъ
Бѣдна карельская берёза;
И въ самомъ маѣ, по утрамъ,
Блистаетъ серебро мороза.
Мертвѣетъ долго всё. Но вдругъ
Проснулось здѣсь и тамъ движенье:
Дохнулъ какой-то тёплый духъ, —
И вмигъ свершилось возрожденье:
Помчались лебедей полки,
Къ пріютамъ вѣдомымъ влекомыхъ;
Снуютъ по соснамъ пауки,
И тучи, тучи насѣкомыхъ
Въ весёломъ воздухѣ жужжатъ.
Взлетаетъ жаворонокъ высоко,
И отъ черёмухъ ароматъ
Ліётся долго и далёко.
И въ тайнѣ дикихъ сихъ лѣсовъ
Живутъ малиновки семьями;
Въ тиши безтѣнныхъ вечеровъ,
Луга и боръ, и дичь бугровъ
Полны кругомъ ихъ голосами;
Поютъ — поютъ — поютъ онѣ
И только съ утромъ замолкаютъ:
Знать, въ пѣснѣ высказать желаютъ,
Чтó въ теплой видѣли странѣ,
Гдѣ часто провождали зимы;
Или предчувствіемъ томимы,
Что скоро изъ лѣсовъ густыхъ
Дохнётъ, какъ смерть, неотвратимый
Отъ Бѣломорскихъ странъ пустыхъ
Губитель роскоши и цвѣта:
Онъ вмигъ, какъ недугъ, всё сожмётъ,
И часто въ самой нѣгѣ лѣта
Природа смолкнетъ и замретъ.

С. Е. РАИЧЪ.

Семёнъ Егоровичъ Раичъ, сынъ священника села Высокаго, Кромскаго уѣзда, Орловской губерніи, Егора Амфитеатрова, и родной братъ покойнаго митрополита московскаго, Филарета, родился въ 1792 году въ селѣ Высокомъ. Воспитаніе получилъ онъ въ мѣстной семинаріи; по окончаніи полнаго курса въ ней, поселился въ Москвѣ и сдѣлался преподавателемъ русской словесности въ Университетскомъ Пансіонѣ, а затѣмъ и въ другихъ казённыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Фамилію свою принялъ онъ въ семинаріи, по обыкновенію, существовавшему въ то время между семинаристами. Такъ, занимаясь преподаваніемъ словесности и переводами съ иностранныхъ языковъ, Раичъ прожилъ безвыѣздно въ Москвѣ до самой смерти.

Первымъ литературнымъ опытомъ Раича были — „Виргиліевы Георгики“, переведённыя и изданныя имъ въ 1821 году въ Москвѣ. Затѣмъ, въ 1823 году, онъ издалъ альманахъ: „Новыя Аониды“, въ которомъ помѣстилъ нѣсколько собственныхъ стихотвореній, какъ оригинальныхъ, такъ и переведённыхъ съ иностранныхъ языковъ, а въ 1827 году, вмѣстѣ съ Д. П. Ознобишинымъ выпустилъ въ свѣтъ новый альманахъ: „Сѣверная Лира“, замѣчательный тѣмъ, что въ нёмъ было помѣщено первое поэтическое произведеніе Ѳ. И. Тютчева: „Пѣснь радости“, переводъ изъ Шиллера; тамъже Раичъ помѣстилъ слѣдующія семь своихъ сти-

хотвореній: „Соловью", „Амела", „Смерть Свенона, датскаго царевича" (изъ „Освобожденнаго Іерусалима") „Петроній — друзьямъ", „Вечеръ въ Одессѣ" и „Весна". Въ 1826 году въ альманахѣ „Уранія" было помѣщено шесть стихотвореній Раича, изъ которыхъ одно—„Друзьямъ"—облетѣло всю Россію, и ещё до сихъ поръ поётся иными подъ аккомпаниментъ гитары. Въ 1828 году, въ Москвѣ же, вышелъ въ свѣтъ его капитальный трудъ: „Освобождённый Іерусалимъ" Торквата Тасса, въ четырехъ частяхъ, переведенный четырехъ и трёхъ-стопнымъ ямбомъ—трудъ огромный! Чтобы дать понятіе о звучности и гладкости стиха перевода, выписываемъ его начало:

Священнымъ бранямъ пѣсни гласъ
И подвигамъ героя,
Который Гробъ Господенъ спасъ!
Мужъ разума и боя,
Онъ много одолѣлъ преградъ
На поприщѣ далёкомъ —
И тщетно ополчался адъ
И Ливія съ Востокомъ.
Самъ Богъ героя споборалъ
И, свыше вдохновенный,
Блуждавшихъ спутниковъ собралъ
Подъ знамена священны.

За переводомъ „Освобождённаго Іерусалима", въ началѣ 1832 года, послѣдовалъ другой переводъ, такой-же знаменитой италіанской поэмы, какъ и первая. Это была первая часть „Неистоваго Орланда", поэмы Аріоста. Вторая часть этого перевода вышла въ 1835, а третья— въ 1837 годахъ. Переводъ былъ признанъ критикою весьма хорошимъ, а нѣкоторыми—даже лучшимъ, нежели „Освобождённый Іерусалимъ".

Начиная съ 1829 года, Раичъ сталъ издавать журналъ „Галатея", прекратившійся въ концѣ 1830 года и возобновившійся въ 1839, и снова прекратившійся съ окончаніемъ 1840 года. Въ своёмъ журналѣ, удостоенномъ сотрудничества Пушкина, Раичъ помѣстилъ нѣсколько мелкихъ стихотвореній, какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ и цѣлый рядъ мелкихъ прозаическихъ статей. Въ то же время стихотворенія его появились и въ нѣкоторыхъ альманахахъ, и въ сборникахъ. Въ послѣдніе годы своей жизни Раичъ помѣщалъ свои поэтическія произведенія въ „Москвитянинѣ"; такъ напримѣръ, въ 1844 году, въ 11-ой книжкѣ, былъ напечатанъ „Отрывокъ изъ сказанія ***", въ 6-й 1846-го — „Добровольный изгнанникъ", отрывокъ изъ поэмы, и въ 8-й книжкѣ за 1848 годъ — стихотвореніе „Благотворительность".

Раичъ скончался 23 октября 1855 года, на 64-мъ году отъ рожденья, въ Москвѣ, гдѣ и погребёнъ. Онъ горячо любилъ литературу, обожалъ поэзію, какъ нѣчто священное, и былъ не только поэтомъ-стихотворцемъ, но и поэтомъ въ душѣ, въ высшемъ значеніи этого слова. Когда Сенковскій и Смирдинъ задумали издавать „Библіотеку для Чтенія" и вербовали сотрудниковъ повсюду, кто-то, по ихъ порученію, явился къ Раичу на квартиру и предложилъ ему сотрудничество въ журналѣ, намекнувъ при этомъ, что всё имъ помѣщённое въ журналѣ будетъ оплачено по столько-то съ листа. Въ отвѣтъ на это предложеніе Раичъ гордо поднялъ голову и отвѣчалъ смущённому посланцу: „Я не торгашъ — и не продаю своихъ вдохновеній. Ищите въ другомъ мѣстѣ поэтовъ, которые согласятся писать для васъ за деньги: я не принадлежу къ ихъ числу". Этотъ анекдотъ, конечно, не служитъ вовсе доказательствомъ какого-нибудь особеннаго безкорыстія и душевной чистоты Раича, какъ это хотѣли представить многіе: онъ свидѣльствуетъ только о томъ, что Раичъ занимался литературою въ то время, когда она была украшеніемъ празднаго досуга богатыхъ людей, а не такою потребностью общественной, для удовлетворенія которой одинаково могутъ работать люди всякихъ классовъ и всѣхъ состояній, получая за трудъ свой опредѣленный гонораръ. Не мѣшаетъ припомнить, что въ то самое время, когда Раичъ отвѣчалъ такъ высокопарно Смирдинскому посланному, Пушкинъ преспокойно взималъ съ Смирдина по червонцу за каждый стихъ!

Въ заключеніе нашего очерка, замѣтимъ, что Раичъ, какъ переводчикъ „Освобождённаго Іерусалима" и „Неистоваго Орланда", недостаточно оцѣнёнъ. Какъ о Раичѣ, такъ и о его переводахъ, вообще, очень мало знаютъ въ публикѣ; а между тѣмъ труды покойнаго поэта, несмотря на нѣкоторыя неловкости и странности, заслуживаютъ вниманія.

I.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА „ОСВОБОЖДЕННАГО ІЕРУСАЛИМА".

Пересадивши въ край родной
Съ Феррарскаго Парнасса
Цвѣтокъ Италіи златой,
Цвѣтокъ прелестный Тасса,

Лелѣялъ я, какъ могъ, какъ зналъ,
Рукою не наёмной,
И ни награды, ни похвалъ
Не ждалъ за трудъ мой скромный;
А выжду, можетъ-быть, упрёкъ
Отъ недруга и друга:
Въ холодномъ Сѣверѣ поблёкъ
Цвѣтокъ прелестный Юга!“

II.

ДРУЗЬЯМЪ.

Не дивитесь, друзья,
Что не разъ
Между васъ
На пиру вёселомъ я
Призадумывался.

Вы во всей ещё веснѣ;
Я почти
На пути
Къ тёмной Орковой странѣ
Съ ношей старческою.

Вамъ чрезъ горы, черезъ лѣсъ
И пышнѣй,
И милѣй
Свѣтитъ солнышко съ небесъ
Въ утро радостное.

Вамъ у жизни пировать;
Для меня
Свѣту дня
Скоро вовсе не сіять
Жизнью сладостною.

Не дивитесь же, друзья,
Что не разъ
Между васъ
На пиру весёломъ я
Призадумывался.

Я чрезъ жизненну волну
Въ челнокѣ
Налегкѣ
Одинокъ плыву въ страну
Неразгаданную.

Я къ брегамъ бросаю взоръ —
Что́ мнѣ въ нихъ,
Каждый мигъ
Отъ меня, какъ на позоръ,
Въ мглѣ скрывающихся?

Что́ мнѣ въ нихъ? Я молодъ былъ,
Но цвѣтовъ
Съ тѣхъ бреговъ
Не срывалъ, вѣнковъ не вилъ
Въ скучной молодости.

Я плыву и наплыву
Черезъ мглу
На скалу —
И сложу мою главу
Неоплаканную.

И кому надъ сиротой
Слезы лить
И грустить?
Кто на прахъ холодный мой
Взглянетъ жалостливо?

Не дивитеся, друзья,
Что не разъ
Между васъ
На пиру весёломъ я
Призадумывался!

М. А. ДМИТРІЕВЪ.

Михаилъ Александровичъ Дмитріевъ, родной племянникъ извѣстнаго поэта, Ивана Ивановича Дмитріева, родился въ Москвѣ 23-го мая 1796 года. Родъ Дмитріевыхъ ведётъ своё происхожденіе отъ князей Смоленскихъ, черезъ Ростислава, внука Владиміра Мономаха. Послѣдній изъ князей Смоленскихъ, Александръ, прозванный *Нѣтшею*, вслѣдствіе притѣсненій Литвы, принуждёнъ былъ удалиться въ нѣмецкую землю, гдѣ пробылъ долгое время, и только при Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ возвратился во вновь устроенную Москву, послѣ чего уже не именовался болѣе княземъ Смоленскимъ. Что же касается потомковъ его, то они сдѣлались родоначальниками нѣсколькихъ новыхъ родовъ, въ томъ числѣ и рода Дмитріевыхъ. Одинъ изъ Дмитріевыхъ, прапрадѣдъ Михаила Александровича, служилъ стольникомъ при царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ, и, какъ значится въ жалованной граматѣ, первый привелъ къ Троицкой лаврѣ свой полкъ на защиту юныхъ царей. Достигнувъ глубокой старости, онъ построилъ Богоявленскій монастырь на Волгѣ, гдѣ былъ вскорѣ постриженъ, скончался и погребёнъ.

Первоначальное воспитаніе молодой Дмитріевъ получилъ дома, а затѣмъ былъ опредѣлёнъ въ Бла-

родный Пансіонъ при Московскомъ университетѣ, воспитавшій едва-ли не половину извѣстнѣйшихъ нашихъ писателей начала нынѣшняго столѣтія. Окончивъ курсъ въ 1813 году, Дмитріевъ опредѣлился на службу въ Москвѣ, гдѣ и прослужилъ до самой отставки, послѣдовавшей въ 1846 г., пройдя всѣ степени служебной іерархіи, до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника и званія камергера, при чёмъ послѣдніе десять лѣтъ службы пробылъ оберъ-прокуроромъ одного изъ московскихъ департаментовъ Правительствующаго Сената.

На литературное поприще Дмитріевъ выступилъ очень рано. Стихотворенія его стали появляться въ современныхъ журналахъ тотчасъ по выходѣ его изъ университетскаго пансіона. Впрочемъ, всё писанное имъ въ первое время его литературной дѣятельности было довольно слабо—и потому не заслуживаетъ даже поименованія. Только начиная со второй половины двадцатыхъ годовъ, стихотворенія Дмитріева стали обращать на себя вниманіе любителей поэзіи, такъ какъ стихъ у него значительно выработался и сдѣлался весьма звучнымъ, чтò въ то время встрѣчалось далеко не у всѣхъ, писавшихъ стихи. Большая часть стихотвореній этого времени была помѣщена Дмитріевымъ въ журналахъ: „Атеней“ и „Галатея“ и альманахахъ: „Уранія“, „Памятникъ Отечественныхъ Музъ“ и другихъ. Особенно стали обращать на себя вниманіе его сатирическія, непечатныя стихотворенія и пародіи на извѣстныя произведенія извѣстнѣйшихъ изъ нашихъ поэтовъ. Особенно замѣчательны его пародіи на „Свѣтлану“ Жуковскаго, въ которой мѣсто Свѣтланы занимаетъ его литературный врагъ, тогдашній издатель „Московскаго Телеграфа“, Н. А. Полевой.

Въ двадцатыхъ годахъ Дмитріевъ принималъ также самое дѣятельное участіе въ литературной полемикѣ того времени, возникшей по поводу появленія въ свѣтъ первыхъ поэмъ Пушкина, при чёмъ Дмитріевъ сталъ на сторону его противниковъ, ратуя противъ романтизма. Споръ этотъ долго занималъ вниманіе читателей журналовъ и кончился тѣмъ, что вовлёкъ въ полемику самого Пушкина. Изъ полемическихъ произведеній Дмитріева можно ещё указать на статью, помѣщённую въ 1-й части „Атенея“ на 1829 годъ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „О противникахъ и защитникахъ исторіи Карамзина“.

Лучшимъ временемъ поэтической дѣятельности Дмитріева было время изданія „Москвитянина“ (1841—1856); рѣдкая книжка его обходилась безъ стихотвореній Дмитріева, изъ которыхъ многія обращали на себя общее вниманіе, благодаря всегда оригинальной мысли и хорошему стиху. Къ сожалѣнію, въ основѣ большинства его стихотвореній лежитъ какое-то недовольство настоящимъ и боязнь за будущее, что производитъ тяжелое впечатлѣніе на читателя. Въ томъ же „Москвитянинѣ“ были помѣщены слѣдующія прозаическія статьи Дмитріева: „О натуральной школѣ“ (1848), „О введеніи тоническаго стопосложенія и началѣ нашего стихотворства“ и отрывки изъ „Мелочей изъ запаса моей памяти“ (1853, №№ 1, 3, и 4). Годъ спустя, отрывки эти были собраны авторомъ въ одну книгу и изданы имъ въ 1854 году, подъ тѣмъ же заглавіемъ. Второе же изданіе „Мелочей“ сдѣлано въ 1869 году редакціей „Русскаго Архива“, уже по смерти автора. Рецензентъ „Современника“ (1855, № 1, отд. IV, стр. 11), отдавая должную справедливость занимательности и живости записокъ Дмитріева, упрекнулъ ихъ въ непріязненномъ расположеніи къ современной литературѣ. Это замѣчаніе вызвало со стороны Дмитріева слѣдующій отвѣтъ, помѣщенный во второмъ изданіи „Мелочей“ (стр. 188): „Напрасно „Современникъ“, журналъ прекрасный по составу своему и достойный уваженія, упрекаетъ меня въ томъ, что будто я обнаруживаю нелюбовь мою къ новой нашей литературѣ. Нѣтъ! всякій просвѣщенный человѣкъ знаетъ, что литература измѣняется вмѣстѣ съ ходомъ времени; что она не только не можета стоять на одномъ мѣстѣ, но и не должна. Я, съ своей стороны, не только признаю въ нынѣшней литературѣ всё, что встрѣчаю хорошаго; но, можетъ быть, никто, моихъ лѣтъ, не восхищается съ такимъ жаромъ всѣмъ хорошимъ. Не многіе, можетъ быть, читали съ такимъ увлеченіемъ и радовались такъ, какъ я, читая „Записки Охотника“ и романы „Обыкновенная исторія“ и „Львы въ провинціи“. Знаю, что ни въ карамзинское время, ни въ первыя десятилѣтія нынѣшняго столѣтія не было и не могло быть такихъ произведеній; но знаю и тò, что въ то время не было и тѣхъ уклоненій отъ изящнаго вкуса и отъ истины сужденій, какія встрѣчаются нынѣ“.

Кромѣ исчисленныхъ нами произведеній Дмитріева, онъ издалъ ещё слѣдующія сочиненія и переводы: 1) Князь Иванъ Михайловичъ Долгорукій. Сочиненіе М. Дмитріева. М. 1851. Тоже, изданіе второе, обработанное вновь, исправленное и значительно дополненное. М. 1863. 2) Наука поэзіи или посланіе къ Пизонамъ Квинта Горація

Флакка. Перевёлъ въ стихахъ М. Дмитріевъ. М. 1853. 3) Сатиры Квинта Горація Флакка. Съ латинскаго перевёлъ въ стихахъ М. Дмитріевъ. М. 1858. 4) Московскія элегіи. М. А. Дмитріева, М. 1858. М. А. Дмитріевъ былъ женатъ на дѣвицѣ Вельяминовой-Зерновой. Скончался 5-го сентября 1866 года, на 71-мъ году.

„Стихотворенія М. А. Дмитріева“ были изданы авторомъ два раза: въ первый разъ—въ 1831, а во второй—въ 1865 году, оба въ Москвѣ.

I.

ПОДВОДНЫЙ ГОРОДЪ.

Море ропщетъ, море стонетъ;
Чуть поднимется волна,
Чуть пологій берегъ тронетъ,
Съ стономъ прочь бѣжитъ она.

Море плачетъ; брегъ песчаный
Одинокъ, печаленъ, дикъ;
Небо тускло; сквозь туманы
Всходитъ блѣденъ солнца ликъ.

Молча нà воду спускаетъ
Лодку ветхую рыбакъ;
Мальчикъ сѣти разстилаетъ,
Глядя молча въ дальній мракъ.

И задумался онъ, глядя,
И взяла его тоска.
—„Чтó такъ море стонетъ, дядя?
Онъ спросилъ у рыбака.

—„Видишь шпиль? какъ насъ въ погодку
Закачало съ годъ тому —
Помнишь ты, какъ нашу лодку
Привязали мы къ нему?

„Тутъ былъ городъ всѣмъ привольный
И надъ всѣми господинъ:
Нынче шпиль отъ колокольни
Виденъ изъ моря одинъ.

„Городъ, слышно, былъ богатый
И нарядный, какъ женихъ;
Для себя копилъ онъ злато,
А съ сумой пускалъ другихъ.

„Богатырь его построилъ —
Топь костьми онъ забутилъ;
Только съ Богомъ какъ ни спорилъ,
Богъ его перемудрилъ.

„Въ наше море въ стары годы,
Говорятъ, текла рѣка —
И сперла гранитомъ воды
Богатырская рука.

„Но подула буря съ моря —
И назадъ пошла ихъ рать,
Волнъ морскихъ не переспоря,
Человѣку вымещать.

„Всё за то, что прочихъ братій
Братъ богатый позабылъ:
Ни молитвъ ихъ, ни проклятій
Онъ не слушалъ — ѣлъ и пилъ.

„Отъ того порою стонетъ
Моря тёмная волна;
Чуть пологій берегъ тронетъ,
Съ стономъ прочь бѣжитъ она“.

Мальчикъ слушалъ, робко глядя:
Страшно дѣлалось ему.
— „А какое жъ имя, дядя,
Было городу тому?“

— „Имя было — да чужое,
Позабытое давно;
Оттого что не родное —
И не памятно оно“.

II.

ДУМА.

Невѣрно ничто подъ луною!
Сегодня веселія часъ,
А завтра лежимъ подъ землёю —
И завтра не вспомнятъ о насъ.

Бывали весёлые люди
И прежде; но гдѣ же они?
А вѣчная память имъ буди:
Жилося въ тѣ старые дни!

И вдоволь они пировали,
И поздно отправились спать.
Какъ прадѣды наши гуляли —
Друзья, ужъ намъ такъ не гулять!

Безъ думъ поколѣнье ихъ жило,
И всякій былъ жизнію сытъ,
И вѣрили: будетъ, чтò было!
И внýчатъ устроили бытъ.

Улёгся ихъ прахъ подъ травою.
Такъ выпьемъ-же въ честь старикамъ!
Какъ будемъ лежать подъ землёю,
Не выпьютъ-ли въ память и намъ?

Но что̀ же мы въ память оставимъ,
Чтобъ было насъ чѣмъ помянуть?
И землю, и воду мы давимъ,
Желѣзный открыли мы путь.

А знаемъ, что завтра — не наше,
Что наше — не нашихъ дѣтей.
Съ оглядкой подходимъ мы къ чашѣ:
Раздумье на днѣ и у ней.

Безъ удали наши веселья,
Заботы въ разладѣ съ судьбой,
И въ часъ беззаботный похмелья
Всё дума стоитъ за спиной.

За днями дни идутъ на смѣну;
Ни часъ намъ не вѣренъ, ни мигъ;
И каждый ведётъ перемѣну
И рушитъ, что̀ прежній воздвигъ.

Ужель мы оставимъ обломки?
Ужели начатки одни?
И если насъ вспомнятъ потомки,
Добромъ-ли насъ вспомнятъ они?

Невѣрно ничто подъ луною!
Не вѣренъ веселія часъ!
Но сила надъ нашей душою —
О радость! — во власти у насъ!

Во власти у насъ, чтобы внуки
О насъ вспомянули добромъ.
Разлейтесь, весёлые звуки!
Ходите, бокалы, кругомъ!

К. Ѳ. РЫЛѢЕВЪ.

Кондратій Ѳёдоровичъ Рылѣевъ, извѣстный русскій поэтъ, родился 18-го сентября 1796 года. О раннемъ дѣтствѣ его мы знаемъ очень мало. Извѣстно только, что отецъ Кондратія Ѳёдоровича, отставной полковникъ, Ѳёдоръ Андреевичъ Рылѣевъ, былъ нрава крутого и обращался съ семействомъ деспотически. Его раздраженіе не рѣдко доходило до того, что онъ запиралъ жену свою, Настасью Матвѣевну, въ погребъ и держалъ её въ нёмъ по цѣлымъ днямъ. Чтобы избавить ребёнка отъ строгости отца, злополучная мать принуждена была отдать своего единственнаго сына, которому въ то время не исполнилось ещё и пяти лѣтъ, въ 1-й кадетскій корпусъ, куда онъ и былъ принятъ 23-го января 1801 года. Здѣсь Рылѣевъ пробылъ около тринадцати лѣтъ, въ продолженіе которыхъ постоянно принадлежалъ по успѣхамъ въ наукахъ къ воспитанникамъ 1-го разряда, какъ это видно изъ слѣдующаго мѣста письма его къ отцу, отъ 17-го декабря 1812 года: „Мои лѣта и нѣкоторый успѣхъ въ наукахъ даютъ мнѣ право требовать чинъ офицера артиллерія, чинъ, плѣняющій молодыхъ людей до безумія и который мнѣ также лестенъ, но ничѣмъ другимъ, какъ только тѣмъ, что буду имѣть я счастіе пріобщиться къ числу защитниковъ своего отечества, царя и алтарей земли нашей, пріобщиться и возблагодарить монарха кроткаго, любезнаго и чадолюбиваго за тѣ попеченія, которыя были восприняты обо мнѣ, во всё время долголѣтняго пребыванія моего въ корпусѣ“. Въ корпусѣ же Рылѣевъ изучилъ весьма основательно языки французскій, польскій и нѣмецкій, особенно послѣдній, съ которымъ онъ къ выпуску освоился до того, что впослѣдствіи былъ членомъ 1-й степени въ масонской ложѣ Пламенѣющей Звѣзды, гдѣ всё пренія происходили исключительно на нѣмецкомъ языкѣ.

Любовь къ поэзіи развилась въ Рылѣевѣ очень рано. Ещё будучи ребёнкомъ, онъ пописывалъ стихи, а съ переходомъ въ высшіе классы сдѣлался присяжнымъ корпуснымъ поэтомъ. Каждое написанное имъ стихотвореніе тотчасъ же заучивалось всѣми его товарищами, горячими поклонниками его таланта, а спустя нѣкоторое время появлялось и внѣ стѣнъ корпуса, гдѣ также находило себѣ читателей и хвалителей. Такимъ образомъ, ещё будучи кадетомъ, онъ уже пользовался нѣкоторою извѣстностью въ Петербургѣ, какъ поэтъ, и, въ особенности, какъ сочинитель сатирическихъ стихотвореній, предметомъ которыхъ были—корпусное начальство, экономъ и товарищи. Выпущенный 10-го февраля 1814 года прапорщикомъ въ 1-ю резервную артиллерійскую бригаду, Рылѣевъ немедленно выступилъ съ нею въ походъ, и, спустя два мѣсяца, былъ уже на берегахъ Рейна, который произвёлъ на него самое сильное впечатлѣніе, какъ это видно изъ его письма къ матери.

По возвращеніи русской арміи въ отечество, Рылѣевъ переведёнъ былъ въ 11-ю конно-артиллерійскую роту, расположенную въ Несвижѣ, Минской губерніи. Затѣмъ, въ началѣ 1817 года, батарея, въ которой служилъ онъ, была переведена на стоянку въ Воронежскую губернію, въ городъ Острогожскъ. Здѣсь, не въ дальнемъ разстояніи отъ города, въ селѣ Подгородномъ, познакомился онъ съ семействомъ владѣльца, Михаила Григорьевича Тевяшова—и вскорѣ сдѣлался своимъ человѣкомъ въ его домѣ. Но, не смотря на радушіе и хлѣбосольство хозяевъ — не они были главной причиной весьма частыхъ посѣщеній Рылѣевымъ ихъ дома: его привлекала въ Подгорное младшая дочь хозяина, Наталья Михайловна, въ которую Рылѣевъ влюбился съ перваго взгляда. Предложеніе Рылѣева было принято, какъ дочерью, такъ и ея родителями, благосклонно—и молодые люди были вскорѣ объявлены женихомъ и невѣстой, но свадьба по разнымъ обстоятельствамъ не могла состояться тогда же, вслѣдствіе чего и была отложена до другого, болѣе удобнаго времени. Затѣмъ, 26-го декабря 1818 года, Рылѣевъ, по желанью отца невѣсты, оставилъ службу, и провёлъ слишкомъ годъ безъ всякаго дѣла, въ ожиданіи свадьбы, которая состоялась только 22-го января 1820 года, вопреки желанію его матери. Послѣ женитьбы, Рылѣевъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ поступилъ на службу, по выборамъ дворянства, засѣдателемъ въ уголовную палату. Здѣсь Кондратій Ѳёдоровичъ тотчасъ обратилъ на себя общее вниманіе, благодаря безукоризненно-честному исполненію своихъ служебныхъ обязанностей. Незадолго до наступленія 1825 года, ему было предложено и принято имъ мѣсто правителя дѣлъ въ правленіи Россійско-американской Компаніи, которой, по свидѣтельству тогдашняго директора правленія И. И. Прокофьева, онъ оказалъ большія услуги своей неусыпной дѣятельностью и честнымъ отношеніемъ къ дѣламъ ея. Эта дѣятельность, между прочимъ, послужила поводомъ къ сношеніямъ его съ Н. С. Мордвиновымъ и М. М. Сперанскимъ. 1824 и 1825 годы Рылѣевъ прожилъ съ семействомъ въ домѣ компаніи, находившемся на Мойкѣ, между Синимъ и Краснымъ мостами, гдѣ и былъ арестованъ 15-го декабря 1825 года. Послѣднимъ крупнымъ событіемъ, предшествовавшимъ его аресту, было дѣятельное участіе его, какъ секунданта, въ кровавой дуэли, происходившей между родственникомъ его, гвардейскимъ офицеромъ Черновымъ и флигель-адъютантомъ Новосильцевымъ и окончившейся смертью обоихъ противниковъ.

Первое стихотвореніе, напечатанное Рылѣевымъ, была знаменитая его сатира „Къ временщику“, помѣщённая въ 4-й части „Невскаго Зрителя“ на 1820 годъ и обратившая на себя общее вниманіе. Затѣмъ, въ 1820—21 году и въ томъ же журналѣ, а также и въ журналахъ: „Благонамѣренный“ Измайлова, въ „Невскомъ Зрителѣ“ и „Отечественныхъ Запискахъ“ Свиньина былъ напечатанъ цѣлый рядъ его стихотвореній. За то въ „Сынѣ Отечества“ того же года появились двѣ первыя его думы: „Курбскій“ и „Святополкъ“ и „Посланіе къ Н. И. Гнѣдичу“, замѣченныя всѣми. Къ 1822 году, вслѣдъ за двумя первыми думами, на страницахъ „Русскаго Инвалида“, „Соревнователя Просвѣщенья“, „Новостей Литературы“ и „Сына Отечества“ появилось ещё тринадцать думъ: „Смерть Ермака“, „Артамонъ Матвѣевъ“, „Богданъ Хмѣльницкій“, „Святославъ“, „Глинскій“, „Дмитрій Самозванецъ“, „Олегъ Вѣщій“, „Ольга при могилѣ Игоря“, „Волынскій“, „Михаилъ Тверской“, „Дмитрій Донской“, „Державинъ“ и „Боянъ“, принятыхъ публикою такъ же благосклонно: какъ и двѣ первыя. Въ слѣдующемъ 1823 году шесть новыхъ думъ („Рогнѣда“, „Борисъ Годуновъ“, „Мстиславъ Удалой“, „Иванъ Сусанинъ“, „Наталья Долгорукова“ и „Петръ Великій въ Острогожскѣ“) были напечатаны Рылѣевымъ въ „Полярной Звѣздѣ“, „Новостяхъ Литературы“ и „Соревнователѣ“ и встрѣтили такой же радушный пріёмъ со стороны публики, какъ и всѣ предыдущія. Но лучшимъ стихотвореніемъ Рылѣева, напечатаннымъ въ этомъ году („Литературные Листки“, 1823, № 3) было „Видѣніе“ написанное на день тезоименитства великаго князя Александра Николаевича (впослѣдствіи Царя-Освободителя) и проникнутое самымъ горячимъ патріотизмомъ, доходящимъ до восторженности и прорицанія. Весь 1824 годъ былъ, повидимому, посвящёнъ Рылѣевымъ подготовкѣ къ изданію „Думъ“ и поэмы „Войнаровскій“, такъ-какъ въ этотъ періодъ времени онъ напечаталъ всего четыре небольшихъ отрывка изъ названной поэмы, помѣщённыхъ въ „Полярной Звѣздѣ“ и журналахъ своихъ пріятелей: „Соревнователѣ Просвѣщенья“ и „Сынѣ Отечества“. 1825 годъ былъ ознаменованъ выходомъ въ свѣтъ двухъ отдѣльныхъ изданій Рылѣева, озаглавленныхъ: „Думы, стихотворенія К. Рылѣева. Москва, 1825“ и „Войнаровскій, сочиненіе К. Рылѣева, Москва, 1825“. Оба эти произведенія

были встрѣчены публикой съ восторгомъ и раскуплены въ самое короткое время, такъ-что къ концу года надо было приступить къ новому изданію, которое, однако, по измѣнившимся обстоятельствамъ, не могло состояться. Послѣдними стихотвореніями, напечатанными Рылѣевымъ, были слѣдующія: „Смерть чигиринскаго старосты“, „Стансы“, „Кіевъ“, „Исповѣдь Наливайки“ („Полярная Звѣзда“), „Гайдамакъ“, („Соревнователь Просвѣщенья“), „Палѣй“ и „В. Н. Столыпиной“ („Сѣверная Пчела“). Всѣ эти стихотворенія, за исключеніемъ стансовъ и посланія къ Столыпиной, были отрывками изъ двухъ задуманныхъ имъ незадолго до катастрофы и неоконченныхъ поэмъ: „Наливайко“ и другой, названья которой не сохранилось, но которая, судя по нѣкоторымъ даннымъ, должна была назваться „Мазепа“. Остальныя стихотворенія Рылѣева, непопавшія въ печать при жизни поэта, были собраны г. Ефремовымъ и отпечатаны въ изданныхъ имъ въ 1872 году „Сочиненіяхъ Рылѣева“. Лучшія изъ этихъ стихотвореній: „Гражданинъ“ и „Гражданское мужество“.

Рылѣевъ не былъ первокласнымъ поэтомъ: онъ былъ только поэтомъ-гражданиномъ. Въ своё время онъ пользовался громкою славой и имѣлъ множество почитателей, которые ревностно распространяли его произведенія ещё въ рукописи. Единственною мыслью, руководившею его перомъ, постоянной его идеей — было желаніе пробудить въ сердцахъ своихъ соотечественниковъ чувство любви къ родинѣ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны „Думы“, въ которыхъ господствуетъ патріотическій романтизмъ и о которыхъ ещё недавно было сказано въ одномъ журналѣ, что и теперь многія изъ нихъ могли бы имѣть благородное воспитательное значеніе для юношества, возбуждая въ нёмъ патріотическія чувства, любовь къ отечеству и къ славнымъ дѣяніямъ предковъ, такъ какъ лучшіе люди нашей старины, прославленные исторіей, нашли въ Рылѣевѣ своего вдохновеннаго пѣвца. Хотя при настоящемъ состояніи нашей литературы, „Думы“ Рылѣева не могутъ имѣть другого значенія, кромѣ воспитательно-патріотическаго, въ смыслѣ чтенія для учащагося юношества, тѣмъ не менѣе многія изъ нихъ хранятъ на себѣ печать истиннаго таланта, и отличаются такимъ стихомъ, который сдѣлалъ бы честь современнымъ поэтамъ. Поэма Рылѣева „Войнаровскій“ также очень нравилась читающей публикѣ, благодаря своей патріотической подкладкѣ и блестящему стиху. Были и такіе, которые старались доказать печатно, что поэма Рылѣева „стоитъ выше всѣхъ поэмъ Пушкина, оригинальнаго только въ „Цыганахъ“; но этому и въ то время вѣрили только самые восторженные почитатели злополучнаго поэта. Но если Рылѣевъ не былъ талантомъ первой величины, то во всякомъ случаѣ, его мѣсто около Пушкина, среди лучшихъ членовъ его школы. Самъ Пушкинъ, повидимому, не былъ очень высокаго мнѣнія о стихахъ Рылѣева, какъ это видно изъ отрывочныхъ отзывовъ, разбросанныхъ въ его письмахъ; тѣмъ не менѣе, онъ находилъ ихъ выходящими изъ обыкновеннаго уровня. Если сравнить лучшія патріотическія стихотворенія Рылѣева съ такими же произведеніями поэтовъ пушкинской плеяды, то, конечно, перевѣсъ окажется на сторонѣ перваго.

Полное собраніе сочиненій Рылѣева издано г. Ефремовымъ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Сочиненія и переписка Кондратія Ѳёдоровича Рылѣева. Изданіе его дочери. Подъ ред. П. А. Ефремова. Спб. 1872“.

I.

ВИДѢНІЕ.

Ода въ день тезоименитства его императорскаго высочества великаго князя Александра Николаевича, 30-го августа 1823 года.

Какое дивное видѣнье
Очамъ представилось моимъ!
Я вижу въ сладкомъ упоеньи:
Подъ сводомъ неба голубымъ,
Надъ пробуждённымъ Петроградомъ
Екатерины тѣнь паритъ:
Кого-то ищетъ жаднымъ взглядомъ,
Чело величіемъ горитъ.

Но вотъ съ устенъ царицы мудрой,
Какъ лучъ, улыбка сорвалась:
Предъ нею отрокъ златокудрой,
Средь сонма воиновъ рѣзвясь,
То въ длани тяжкій мечъ пріемлетъ,
То бранный шлемъ берётъ у нихъ,
То, трепеща, въ восторгѣ внемлетъ
Разсказамъ воиновъ сѣдыхъ.

Румянцовъ, Минихъ и Суворовъ
Волнуютъ въ нёмъ и кровь, и умъ —
И искрится изъ юныхъ взоровъ

Огонь славолюбивыхъ думъ.
Проникнуть силою разсказа,
Онъ за Ермоловымъ вослѣдъ
Летитъ на снѣжный верхъ Кавказа
И жаждетъ славы и побѣдъ.

Царица тихо ниспускалась
На лёгкомъ облакѣ, какъ дымъ,
И, улыбаясь, любовалась
Прекраснымъ правнукомъ своимъ.
Но вдругъ Минервы свѣтлоокой
Чудесный видъ пріявъ, она
Слетѣла, мудрости высокой
Огнёмъ божественнымъ полна.

Къ прекрасному коснувшись дланью,
Ему Великая рекла:
„Я зрю, твой духъ пылаетъ бранью,
Ты любишь громкія дѣла;
Но для полуночной державы
Довольно лавровъ и побѣдъ,
Довольно громкозвучной славы
Протекшихъ, незабвенныхъ лѣтъ.

„Военныхъ подвиговъ година
Грозою шумной протекла:
Твой вѣкъ иная ждётъ судьбина,
Иныя ждутъ тебя дѣла!
Затмится сводъ небесъ лазурныхъ
Непроницаемою мглой;
Настанетъ вѣкъ бореній бурныхъ
Неправды съ правдою святой.

„Духъ необузданной свободы
Уже возсталъ противъ властей;
Смотри — въ волненіи народы,
Смотри — въ движеньи сонмъ царей!
Быть можетъ, отрокъ мой, корона
Тебѣ назначена Творцомъ:
Люби народъ, чти власть закона!
Учись заранѣ быть царёмъ!

„Твой долгъ благотворить народу,
Его любви въ дѣлахъ искать;
Не блескъ пустой и не породу,
А дарованья возвышать.
Дай просвѣщенные уставы
Въ обширныхъ сѣверныхъ странахъ.
Науками очисти нравы
И вѣру утверди въ сердцахъ!

„Люби гласъ истины свободной,
Для пользы собственной люби
И рабства духъ неблагородный,
Неправосудье — истреби.
Будь блага подданныхъ ревнитель:
Оно есть первый долгъ царей;
Будь просвѣщенья покровитель:
Оно надёжный другъ властей.

„Старайся духъ постигнуть вѣка,
Узнать потребность русскихъ странъ;
Будь человѣкъ для человѣка,
Будь гражданинъ для согражданъ;
Будь Антониномъ на престолѣ,
Въ чертогахъ мудрость водвори —
И ты себя прославишь болѣ,
Чѣмъ всѣ герои и цари!“

II.

ГРАЖДАНСКОЕ МУЖЕСТВО.

Кто этотъ дивный великанъ,
Одѣянъ свѣтлою бронёю —
Чело покойно, стройный станъ,
И весь сіяетъ красотою?
Кто сей, украшенный вѣнкомъ,
Съ мечомъ, вѣсами и щитомъ,
Презрѣвъ враговъ и горделивость,
Стоитъ гранитною скалой
И давитъ сильною пятой
Коварную несправедливость?

Не ты-ль, о мужество гражданъ,
Неколебимыхъ, благородныхъ,
Не ты-ли геній древнихъ странъ,
Не ты-ли сила душъ свободныхъ?
О, доблесть, даръ благихъ небесъ,
Героевъ мать, вина чудесъ,
Не ты-ль прославила Катоновъ,
Отъ Катилины Римъ спасла,
И въ наши дни всегда была
Опорой твёрдою законовъ!

Одушевлённые тобой,
Презрѣвъ враговъ, презрѣвъ обиды,
Отъ бѣдъ спасали край родной,
Сіяя славой, Аристиды;
Въ изгнаніи, въ чужихъ краяхъ,
Не погасала въ ихъ сердцахъ
Любовь къ общественному благу,
Любовь къ согражданамъ своимъ:
Они благотворили имъ
И тамъ, на стыдъ ареопагу.

О ты, которая вездѣ
Была народныхъ благъ порукой!
Тобою славны на судѣ
И Панинъ нашъ, и Долгорукой:
Одинъ, какъ твёрдый стражъ добра,
Дерзалъ оспаривать Петра;
Другой, презрѣвши гнѣвъ судьбины
И вопль, и клевету враговъ,
Совѣтъ опровергалъ льстецовъ —
И былъ столпомъ Екатерины.

Великъ, кто честь въ бояхъ снискалъ
И, страхомъ ставъ для чуждыхъ воевъ,
Къ своимъ знамёнамъ приковалъ
Побѣду, спутницу героевъ!
Отчизны щитъ, гроза враговъ,
Онъ — достояніе вѣковъ;
Пѣвцовъ возвышенные звуки
Прославятъ подвиги вождя —
И, юношамъ объ нихъ твердя,
Въ восторгѣ затрепещутъ внуки.

Какъ полная луна порой
Покрыта облаками ночи,
Пробьётъ внезапно мракъ густой —
И путникамъ заблещетъ въ очи:
Такъ будетъ вождь сквозь мракъ времёнъ
Сіять для будущихъ племёнъ;
Но подвигъ воина гигантскій
И стыдъ сраженныхъ имъ враговъ
Въ судѣ ума, въ судѣ вѣковъ
Ничто предъ доблестью гражданской.

Гдѣ славныхъ не было вождей
Къ вреду законовъ и свободы?
Отъ древнихъ лѣтъ до нашихъ дней
Гордились ими всѣ народы;
Подъ ихъ убійственнымъ мечомъ
Вездѣ лилася кровь ручьёмъ.
Увы! Аттилъ, Наполеоновъ
Зрѣлъ каждый вѣкъ своей чредой:
Они являлися толпой.
Но много-ль было Цицероновъ?

Лишь Римъ, вселенной властелинъ,
Сей край свободы и законовъ,
Возмогъ произвести одинъ
И Брутовъ двухъ, и двухъ Катоновъ.
Но намъ ли унывать душой,
Пока ещё въ странѣ родной
Одинъ изъ дивныхъ исполиновъ
Екатерининскихъ времёнъ —
На благо сѣверныхъ племёнъ —
Въ совѣтѣ бодрствуетъ Мордвиновъ?

Итакъ, сограждане, не намъ
Въ нашъ вѣкъ роптать на Провидѣнье!
Благодаренье Небесамъ
За ихъ святое снисхожденье!
Отъ нихъ, для блага русскихъ странъ,
Мужъ добродѣтельный намъ данъ.
Уже полвѣка онъ Россію
Гражданскимъ мужествомъ дивитъ:
Вотще коварство вкругъ шипитъ —
Онъ наступилъ ему на выю.

Вотще неправый гласъ страстей
И съ злобой зависть, ковни строя,
Въ безумной дерзости своей
Чернятъ дѣянія героя.
Онъ твёрдъ, покоенъ, невредимъ,
Съ презрѣніемъ внимая имъ,
Души возвышенной свободу
Хранитъ въ совѣтахъ и судѣ —
И гордымъ мужествомъ вездѣ
Подпорой власти и народу.

Такъ въ грозной красотѣ стоитъ
Сѣдой Эльбрусъ въ туманѣ мглистомъ:
Вкругъ буря, градъ и громъ гремитъ,
И вѣтръ въ ущельяхъ воетъ съ свистомъ,
Внизу несутся облака,
Шумятъ ручьи, ревётъ рѣка;
Но тщетны дерзкіе порывы:
Эльбрусъ, Кавказскихъ горъ краса,
Невозмутимъ, подъ небеса
Возноситъ верхъ свой горделивый.

III.

А. А. БЕСТУЖЕВУ.

Не сбылись, мой другъ, пророчества
Пылкой юности моей:
Горькій жребій одиночества
Мнѣ суждёнъ въ кругу людей.

Слишкомъ рано мракъ таинственный
Опытъ грозный разогналъ;
Слишкомъ рано, другъ единственный,
Я сердца людей узналъ.

Страшно дней не вѣдать радостныхъ,
Быть чужимъ среди своихъ;

Но ужаснѣй истинъ тягостныхъ
Быть сосудомъ съ дней младыхъ.

Съ тяжкой грустью, съ черной думою
Я съ тѣхъ поръ одинъ брожу —
И могилою угрюмою
Міръ печальный нахожу.

Всюду встрѣчи безотрадныя!
Ищешь, суетный, людей,
А встрѣчаешь трупы хладные,
Иль безсмысленныхъ дѣтей.

IV.

Мнѣ тошно здѣсь, какъ на чужбинѣ!
Когда я сброшу жизнь мою?
Кто дастъ крилѣ мнѣ голубинѣ —
Да полечу, и почію!
Весь міръ, какъ смрадная могила!
Душа изъ тѣла рвётся вонъ.
Творецъ! прибѣжище и сила!
Вонми мой вопль, услышь мой стонъ:
Приникни на моё моленье,
Вонми смиренію души,
Пошли друзьямъ моимъ спасенье,
А мнѣ даруй грѣховъ прощенье —
И духъ отъ тѣла разрѣши!

V.

О, милый другъ! какъ внятенъ голосъ твой,
Какъ утѣшителенъ и сладокъ:
Онъ возвратилъ душѣ моей покой —
И мысли смутныя привёлъ въ порядокъ.

Блаженъ, кто вѣруетъ, что Богъ единъ —
И миръ, и истина, и благо наше!
Блаженъ, въ комъ духъ надъ плотью властелинъ,
Кто твёрдо шествуетъ къ Христовой чашѣ!

Прямой мудрецъ — онъ жребій свой вознесъ;
Онъ предпочёлъ небесное земному —
И, какъ Петра, ведётъ его Христосъ
По треволненію мірскому.

Для цѣли мы высокой созданы:
Спасителю — сей Истинѣ верховной —
Мы подчинять отъ всей души должны
И міръ вещественный, и міръ духовный.

Для смертнаго ужасенъ подвигъ сей;
Но онъ къ безсмертію стезя прямая —
И, благовѣствуя, речётъ о ней
Сама намъ Истина святая:

„Блаженъ, кого Отецъ нашъ изберетъ —
Кто истины здѣсь будетъ проповѣдникъ:
Того вѣнецъ, того блаженство ждётъ,
Тотъ царствія небеснаго наслѣдникъ“.

Какъ радостно, о другъ любезный мой,
Внимаю я столь сладкому глаголу,
И, какъ орёлъ, на небо рвусь душой,
Но плотью увлекаюсь долу.

Душою чистъ и сердцемъ правъ,
Передъ кончиною, подвижникъ постоянный,
Какъ Моисей съ горы Нававъ,
Увидитъ край обѣтованный.

VII.

СВЯТОПОЛКЪ.

Въ глуши Богемскихъ дикихъ горъ,
Куда ни голосъ человѣка,
Ни любопытства дерзкій взоръ
Не проницалъ еще отъ вѣка,
Гдѣ только въ дебряхъ сѣрый волкъ
Съ щетинистымъ вепрёмъ встрѣчался —
Братоубійца Святополкъ,
Отъ всѣхъ оставленный, скитался.

Ему былъ страшенъ взоръ людей:
Онъ видѣлъ въ нёмъ себѣ укоры;
Страдальцу мнилось—„ты злодѣй!“
Въ глухихъ отзывахъ вторятъ горы.
„Злодѣй!“ казалось, вопіютъ
Ему лѣсовъ дремучихъ сѣни,
И всюду грозныя бѣгутъ
За нимъ убитыхъ братьевъ тѣни.

Изъ дебри въ дебрь, изъ лѣса въ лѣсъ
Въ неистовствѣ перебѣгая,
Встрѣчалъ онъ всюду гнѣвъ небесъ —
И кончилъ дни свои, страдая.
Никто слезы не уронилъ
На прахъ отверженника Неба,
И всѣхъ проклятье заслужилъ
Убійца-братъ святаго Глѣба.

И обитатель той земли
Завидѣвъ, трепетомъ объятый,
Его могилу издали,
Бѣжа, крестилъ его трикраты.

Отъ современниковъ до насъ
Дошло ужасное преданье,
И сочеталъ народа гласъ
Съ нимъ Окаяннаго прозванье.

И въ страшной повѣсти объ нёмъ
Его ужасныя злодѣйства
Пересказавъ въ кругу родномъ,
Твердилъ дѣтямъ отецъ семейства:
„Ужасно быть рабомъ страстей!
Кто разъ ихъ предался стремленью,
Тотъ съ каждымъ днёмъ летитъ быстрѣй
Отъ преступленья къ преступленью".

VIII.

ИЗЪ ПОЭМЫ „ВОЙНАРОВСКІЙ".

Въ странѣ мятелей и снѣговъ,
На берегу широкой Лены,
Чернѣетъ длинный рядъ домовъ
И юртъ бревенчатыя стѣны.
Кругомъ сосновый частоколъ
Поднялся изъ снѣговъ глубокихъ,
И съ гордостью на дикій долъ
Глядятъ верхи церквей высокихъ.
Вдали шумитъ дремучій боръ,
Бѣлѣютъ снѣжныя равнины,
И тянутся кремнистыхъ горъ
Разнообразныя вершины.
Всегда сурова и дика
Сихъ странъ угрюмая природа:
Ревётъ сердитая рѣка,
Бушуетъ часто непогода,
И часто мрачны облака.
Никто страны сей безотрадной,
Обширной узниковъ тюрьмы,
Не посѣтитъ, боясь зимы
И продолжительной, и хладной,
Однообразно дни ведётъ
Якутска житель одичалой:
Лишь разъ иль дважды въ круглый годъ,
Съ толпой преступниковъ усталой,
Дружина воиновъ придётъ;
Иль за якутскими мѣхами,
Изъ ближнихъ и далёкихъ странъ,
Приходитъ съ русскими купцами
Въ забытый городъ караванъ.
На мигъ въ то время оживится
Якутскъ унылый и глухой;
Всё зашумитъ, засуетится,
Народы разные толпой:
Якутъ и юкагиръ пустынной,
Неся богатый свой ясакъ;
Лѣсной тунгузъ и съ пикой длинной
Сибирскій строевой казакъ.
Тогда зима на мигъ единый
Отъ мѣстъ угрюмыхъ отлетитъ;
Безмолвный лѣсъ заговоритъ,
И чрезъ зелёныя долины
По камнямъ Лена зашумитъ.
Такъ посѣщаетъ въ подземельѣ
Почти убитаго тоской
Страдальца-узника порой
Души минутное веселье;
Такъ въ душу мрачную влетитъ,
Подчасъ спокойствіе ошибкой
И принуждённою улыбкой
Чело злодѣя прояснитъ.

IX.

ИСПОВѢДЬ НАЛИВАЙКИ.

„Не говори, отецъ святой,
Что это грѣхъ: слова напрасны!
Пусть грѣхъ жестокій, грѣхъ ужасный!
Чтобъ Малороссіи родной,
Чтобъ только русскому народу
Вновь возвратить его свободу —
Грѣхи татаръ, грѣхи жидовъ,
Отступничество уніатовъ,
Всѣ преступленія сарматовъ
Я нà душу принять готовъ.
Итакъ, ужъ не старайся болѣ
Меня страшить. Не убѣждай!
Мнѣ адъ — Украйну зрѣть въ неволѣ,
Её свободной видѣть — рай!
Ещё отъ самой колыбели
Къ свободѣ страсть зажглась во мнѣ:
Мнѣ мать и сёстры пѣсни пѣли
О незабвенной старинѣ.
Тогда, объятый низкимъ страхомъ,
Никто не рабствовалъ предъ ляхомъ,
Никто дней жалкихъ не влачилъ
Подъ игомъ тяжкимъ и безславнымъ:
Казакъ въ союзѣ съ ляхомъ былъ,
Какъ вольный съ вольнымъ, равный съ равнымъ.
Но всё исчезло, какъ призрàкъ!
Уже давно узналъ казакъ

Въ своихъ союзникахъ тирановъ.
Жидъ, уніатъ, литвинъ, полякъ,
Какъ стая кровожадныхъ врановъ,
Терзаютъ безпощадно насъ.
Давно законъ въ Варшавѣ дремлетъ,
Вотще народный слышенъ гласъ:
Ему никто, никто не внемлетъ.
Къ полякамъ ненависть съ тѣхъ поръ
Во мнѣ кипитъ, и кровь бушуетъ.
Угрюмъ, суровъ и дикъ мой взоръ,
Душа безъ вольности тоскуетъ.
Одна мечта и ночь, и день
Меня преслѣдуетъ, какъ тѣнь;
Она мнѣ не даётъ покоя
Ни въ тишинѣ степей родныхъ,
Ни въ таборѣ, ни въ вихрѣ боя,
Ни въ часъ мольбы въ церквахъ святыхъ.
„Пора!" мнѣ шепчетъ голосъ тайный:
„Пора губить враговъ Украйны!"
Извѣстно мнѣ: погибель ждётъ
Того, кто первый возстаётъ
На утѣснителей народа —
Судьба меня ужъ обрекла.
Но гдѣ, скажи, когда была
Безъ жертвъ искуплена свобода?
Погибну я за край родной —
Я это чувствую, я знаю.
И радостно, отецъ святой,
Свой жребій я благословляю!"

КНЯЗЬ А. И. ОДОЕВСКІЙ.

Князь Александръ Ивановичъ Одоевскій родился въ 1802 году, въ Москвѣ. Воспитывался онъ дома, послѣ чего служилъ въ гражданской службѣ, которую вскорѣ оставилъ съ чиномъ губернскаго секретаря; затѣмъ, 1-го октября 1821 года поступилъ юнкеромъ лейбъ-гвардіи въ конный полкъ, 1-го мая слѣдующаго года произведёнъ въ эстандартъ-юнкера, а 23-го февраля 1823 года — въ корнеты. Люди, знавшіе Одоевскаго въ Петербургѣ до ссылки, вспоминаютъ о нёмъ, какъ о благородномъ, умномъ, хорошо-воспитанномъ, миломъ и очень красивомъ молодомъ человѣкѣ. „Александръ Одоевскій будетъ въ Москвѣ", пишетъ Грибоѣдовъ къ Бѣгичеву, въ письмѣ своемъ отъ 9-го октября 1825 года: „поручаю его твоему дружескому расположенію, какъ самого себя. Помнишь-ли ты меня, каковъ я былъ до отъѣзда въ Персію? — таковъ онъ совершенно, плюсъ множество прекрасныхъ качествъ, которыхъ я не имѣлъ". Здѣсь говорится о послѣдней поѣздкѣ Одоевскаго въ Москву, въ ноябрѣ 1825 года, для свиданія съ отцомъ, котораго онъ горячо любилъ и съ которымъ ему не суждено было свидѣться въ этой жизни. Принятый Рылѣевымъ въ члены Сѣвернаго Тайнаго Общества, въ началѣ 1824 года, Одоевскій былъ арестованъ на другой день послѣ событій 14-го декабря 1825 года, преданъ суду, вмѣстѣ съ другими членами общества, и, по осужденіи, сосланъ въ Сибирь, гдѣ пробылъ до 1837 года, то-есть одиннадцать лѣтъ. Большая часть стихотвореній Одоевскаго принадлежитъ этому тяжелому для него времени, подточившему его и безъ того слабое здоровье, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что стихотворенія его, по большей части, отличаются меланхолическимъ характеромъ. Одоевскій началъ писать очень рано и писалъ очень много, но никогда не печаталъ своихъ стихотвореній. Всё намъ извѣстное до сихъ поръ изъ сочиненій Александра Ивановича появилось въ свѣтъ уже послѣ его смерти, за исключеніемъ пьесы „Сенъ-Бернаръ", напечатанной въ 10-мъ томѣ „Современника" на 1838 годъ, конечно, безъ соизволенія на то автора. По словамъ людей, знавшихъ близко Одоевскаго, онъ сочинялъ стихи наизусть и очень рѣдко клалъ ихъ потомъ на бумагу. Всѣ семнадцать стихотвореній, напечатанныхъ въ нашихъ журналахъ, начиная съ 1838 и кончая 1861 годомъ *), и собранныхъ потомъ въ лейпцигскомъ изданіи его стихотвореній, вышедшемъ въ 1862 году, сохранились случайно: были записаны, со словъ поэта, кѣмъ-нибудь изъ близкихъ ему людей, тотчасъ по ихъ прочтеніи. Остальныя — погибли невозвратно, вмѣстѣ съ поэтомъ. Высочайшимъ приказомъ, отъ 7-го ноября 1837 года, Одоевскій былъ переведёнъ на Кавказъ, рядовымъ, въ Нижегородскій драгунскій полкъ, стоявшій тогда въ урочищѣ Кара-Агачъ, близъ Царскихъ-Колодцевъ, верстахъ въ ста отъ Тифлиса. Александръ Ивановичъ отправился туда вмѣстѣ съ Назимовымъ, своимъ товарищемъ по несчастію, который былъ тоже переведёнъ рядовымъ на Кавказъ. Подъѣзжая къ Ставрополю, они увидѣли огромную стаю журавлей, направлявшихъ полётъ свой къ Сѣверу. „Привѣтствуй ихъ!" сказалъ На-

*) „Современникъ" 1838, т. 10, 1853, № 11, „Отечественныя Записки", 1841, № 7, 1844, № 6, „Русская Бесѣда" 1842, т. 3, 1859, т. 1, 2 и 4. „Библіографическія Записки" 1861, № 5, и „Вчера и Сегодня", 1845, ч. 1.

зимовъ поэту. Одоевскій призадумался на минуту, потомъ быстро поднялъ голову и произнёсъ свой прелестный экспромптъ, начинающійся стихомъ:

Куда несетесь вы, крылатыя станицы?

Сочувствіе всѣхъ честныхъ людей и дружба многихъ, въ томъ числѣ и Лермонтова, посвятившаго ему нѣсколько своихъ стихотвореній, встрѣтили Одоевскаго на Кавказѣ и вскорѣ заставили его позабыть своё тяжелое положеніе. Лѣтомъ 1839 года онъ былъ въ Пятигорскѣ, и тамъ познакомился и сошелся съ докторомъ Мейеромъ и Н. П. О., также пріѣхавшими туда лѣчиться. Эта интересная встрѣча описана въ разсказѣ „Кавказскія Воды", къ которому мы и обратимся теперь, какъ къ единственному источнику для уясненія характера Одоевскаго, этого по истинѣ святого человѣка, котораго вся жизнь была посвящена служенію добру и истинѣ. Вотъ этотъ разсказъ:

„Одоевскій былъ, безъ сомнѣнія, самый замѣчательный изъ декабристовъ, бывшихъ въ то время на Кавказѣ. Лермонтовъ списалъ его съ натуры. Да, этотъ

блескъ лазурныхъ глазъ
И звонкій дѣтскій смѣхъ, и рѣчь живую

не забудетъ никто изъ знавшихъ его. Въ этихъ глазахъ выражалось спокойствіе духа, скорбь не о своихъ страданіяхъ, а о страданіяхъ человѣка: въ нихъ выражалось милосердіе. Можетъ-быть, эта сторона, самая поэтическая сторона христіанства, всего болѣе увлекла Одоевскаго. Онъ весь принадлежалъ къ числу личностей христо-подобныхъ. Онъ носилъ свою солдатскую шинель съ тѣмъ же спокойствіемъ, съ какимъ выносилъ каторгу и Сибирь, съ тою же любовью къ товарищамъ, съ тою же преданностію къ истинѣ, съ тѣмъ же равнодушіемъ къ своему страданію. Можетъ-быть, онъ даже любилъ своё страданіе: это совершенно въ христіанскомъ духѣ. Отрицаніе самолюбія Одоевскій развилъ въ себѣ до крайности. Онъ никогда не только не печаталъ, но и не записывалъ своихъ многочисленныхъ стихотвореній, не полагая въ нихъ никакого общаго значенія. Онъ сочинялъ ихъ наизусть и читалъ наизусть людямъ близкимъ. Въ голосѣ его была такая искренность и звучность, что его можно было заслушаться. Изъ немногихъ, въ недавнее время напечатанныхъ, его стиховъ, въ стихотвореніи „Къ отцу" напримѣръ, я узнаю эту тёплую искренность; но это не та удивительная отдѣлка и гармонія стиха, которая осталась у меня въ памяти. Принадлежитъ ли это стихотвореніе къ очень юнымъ, или оно не точно записано? Онъ обыкновенно отклонялъ всякое записываніе своихъ стиховъ: я не знаю, насколько списки могутъ быть вѣрны. Хотѣлъ ли онъ пройти въ свѣтѣ „безъ шума, но съ твёрдостью", пренебрегая всякой славой? Что бы ни было —

.... дѣла его и мнѣнья,
И думы — всё исчезло безъ слѣдовъ,
Какъ легкій паръ вечернихъ облаковъ —

и у меня въ памяти осталась музыка его голоса — и только.

„Между нами было слишкомъ десять лѣтъ разницы; моя мысль была ещё не устоявшаяся; онъ выработалъ себѣ цѣлость убѣжденій, съ которыми я могу теперь быть не согласенъ, но въ которыхъ всё было искренно и величаво. Я смотрѣлъ на него съ религіознымъ восторгомъ. Онъ былъ мой критикъ. Изъ всѣхъ моихъ тогдашнихъ писаній, давно заброшенныхъ, я всегда помнилъ исключительно два стиха, потому-что они ему нравились, и укралъ ихъ самъ у себя впослѣдствіи. Ссылка, невольное удаленіе отъ гражданской дѣятельности, привязали его къ религіозному самоотверженію, потому-что иначе ему своей преданности некуда было дѣвать. Но, можетъ-быть, и при другихъ обстоятельствахъ онъ былъ бы только поэтомъ гражданской дѣятельности; чисто къ практическому поприщу едва ли была способна его музыкальная мысль. Что въ нёмъ отразилось направленіе славянства — это свидѣтельствуетъ пѣснь славянскихъ дѣвъ, набросанная имъ въ Сибири, случайно, вслѣдствіе разговоровъ и для музыки, и, конечно, принадлежащая къ числу его неудачныхъ, а не его настоящихъ, съ нимъ похоронённыхъ, стихотвореній. Она важна для насъ, какъ памятникъ, какъ свидѣтельство того, какъ въ этихъ людяхъ глубоко лежали всѣ зародыши народныхъ стремленій.

„Въ августѣ мы поѣхали въ Желѣзноводскъ. Н** и Одоевскій переселились туда же. Жизнь шла мирно въ кругу, такъ для меня близкомъ. Я помню въ особенности одну ночь. Н**, Одоевскій и я, мы пошли въ лѣсъ, но дорожкѣ къ источнику. Деревья по всей дорожкѣ дико сплетаются въ крытую аллею. Мѣсяцъ просвѣчиваетъ сквозь тёмную зелень. Ночь была чудная. Мы сѣли на скамью — и Одоевскій говорилъ свои стихи! Я слушалъ, склоня голову. Это былъ разсказъ о видѣніи какого-то свѣтлаго женскаго образа, кото-

рый передъ нимъ явился въ прозрачной мглѣ и медленно скрылся.

Долго слѣдилъ я звѣрную поступь...

Онъ кончилъ, а этотъ стихъ и его голосъ всё звучали у меня въ ушахъ. Стихъ остался въ памяти; самый образъ Одоевскаго, съ его звучнымъ голосомъ, въ поздней тишинѣ лѣса, мнѣ теперь кажется тоже какимъ-то видѣніемъ, возникшимъ и исчезнувшимъ въ лунномъ сіяніи кавказской ночи".

Одоевскій умеръ 10-го октября 1839 года въ урочищѣ Кара-Агачъ, штабъ-квартирѣ Нижегородскаго драгунскаго полка. Лермонтовъ почтилъ его память прелестнымъ стихотворёніемъ:

Я зналъ его: мы странствовали съ нимъ
Въ горахъ Востока и тоску изгнанья
Дѣлили дружно; но къ полямъ роднымъ
Вернулся я — и время испытанья
Промчалося законной чередой;
А онъ не дождался минуты сладкой:
Подъ бѣдною походною палаткой
Болѣзнь его сразила, и съ собой
Въ могилу онъ унёсъ летучій рой
Ещё незрѣлыхъ, тёмныхъ вдохновеній,
Обманутыхъ надеждъ и горькихъ сожалѣній.

Семнадцать стихотвореній Одоевскаго, записанныхъ съ его словъ друзьями и доставленныхъ ими, послѣ смерти поэта, въ редакціи разныхъ повременныхъ изданій, были собраны въ 1862 году и отпечатаны въ Лейпцигѣ особой книжкой, а въ 1870 году въ „Русской старинѣ" (ч. I, № 1 и 2) появилось ещё семь его нигдѣ не напечатанныхъ стихотвореній („Въ Свѣтлое Воскресенье 1826 года въ Петербургской крѣпости", „Гласъ пѣсни, мною недопѣтой", „Моя Пери", „Къ отлетѣвшей", „Мой непробудный сонъ", „Липа" и „Рѣка Усьма"), не представляющихъ ничего замѣчательнаго.

I.

КЪ ОТЦУ. *)

Какъ недвижимы волны горъ,
Обнявшихъ тѣсно мой обзоръ
Непроницаемою гранью!
За ними полный жизни міръ;
А здѣсь я — одинокъ и сиръ —
Отдалъ всю жизнь воспоминанью.

Всю жизнь, остатокъ прежнихъ силъ,
Теперь въ одно я чувство слилъ —
Въ любовь къ тебѣ, отецъ мой нѣжный,
Чьё сердце такъ ещё тепло,
Хотя печальное чело
Давно покрылось тучей снѣжной!

Проснётся-ль тёмный сводъ небесъ,
Заговоритъ-ли дальній лѣсъ,
Иль золотой зашепчетъ колосъ —
Въ лунѣ, въ туманной выси горъ,
Вездѣ мнѣ видится твой взоръ,
Вездѣ мнѣ слышится твой голосъ.

Когда-жъ объ отчій твой порогъ
Пыль чуждую съ усталыхъ ногъ
Стряхнётъ твой первенецъ-изгнанникъ,
Войдётъ, растаетъ весь въ любовь,
И небо въ душу приметъ вновь,
И на землѣ не будетъ странникъ?

Нѣтъ, не входить мнѣ въ отчій домъ
И не молиться мнѣ съ отцомъ
Передъ домашнею иконой!
Не утѣшать его сѣдинъ,
Не быть мнѣ отъ заботъ, кручинъ
Его младенцевъ обороной!

Меня въ чужбину вихрь умчалъ
И бросилъ на девятый валъ
Мой челнъ, скользившій безъ кормила:
Очнулся я въ степи глухой,
Гдѣ мнѣ — не кровною рукой,
Но вьюгой — вырыта могила.

Съ тѣхъ поръ — займётся-ли заря —
Молю я солнышко-царя —
И вотъ къ нему моё моленье:
„Меня, о солнце, воскреси,
И дай мнѣ на святой Руси
Побыть, вздохнуть одно мгновенье!

*) А. И. Одоевскаго и его отца, независимо отъ родственныхъ отношеній, связывала самая нѣжная дружба. Сынъ пережилъ отца всего нѣсколькими мѣсяцами. О смерти Одоевскаго-отца, въ письмѣ его сына къ Назимову, сохранилась слѣдующая подробность, доказывающая, какъ сильна была любовь отца къ сыну: „Мой добрый, мой нѣжный отецъ попросилъ передъ кончиной моего портрета. Ему подали. Онъ попросилъ положить ему на грудь, прижалъ его обѣими руками — и умеръ. Портретъ сошелъ съ нимъ въ могилу."

„Вэнеси опять мой бѣдный челнъ,
Игралище безумныхъ волнъ,
На океанъ твоей державы;
Съ небесъ мнѣ кроткій лучъ пролей,
И грѣшной юности моей
Не помяни ты въ царствѣ славы!"

II.

ДВА ОБРАЗА.

Мнѣ въ ранней юности два образа предстали,
И, вѣчно-ясные, надъ сумрачнымъ путёмъ
Слились въ созвѣздіи, свѣтились сквозь печали
И согрѣвали духъ живительнымъ лучёмъ.

Я возносился къ нимъ съ молитвой благодарной,
Слѣдилъ ихъ мирный свѣтъ и жаждалъ ихъ огня,
И каждая черта красы ихъ свѣтозарной
Запала въ душу мнѣ и врѣзалась въ меня.

Я міра не узналъ въ отливѣ ихъ сіянья —
Казалось, предо мной открылся міръ чудесъ;
Онъ ихъ лучами цвѣлъ и блескъ всего созданья
Былъ отсвѣтъ образовъ, свѣтившихъ мнѣ съ небесъ.

И жаждалъ я на всё пролить ихъ вдохновенье,
Блестящій ими путь сквозь бури провести...
Я въ море бросился — и бурное волненье
Пловца умчало въ даль по шумному пути.

Свѣтились двѣ звѣзды: я видѣлъ ихъ сквозь тучи,
Я ими взоръ поилъ; но всталъ девятый валъ,
На влажную главу подъялъ меня, могучій,
Меня недвижнаго понёсъ онъ, и примчалъ —

И съ пѣной выбросилъ въ могильную пустыню.
Чтó шагъ, то гробъ; на жизнь отвѣтной жизни нѣтъ,
Но я ещё хранилъ души моей святыню,
Завѣтныхъ образовъ небесный огнь и свѣтъ.

Что искрилось въ душѣ, что изъ души тѣснилось —
Всё было ихъ огнёмъ. Ихъ лучъ меня живилъ;
Но небо надо мной померкло и спустилось —
И пали двѣ звѣзды на камни двухъ могилъ.

Онѣ разсыпались, онѣ смѣшались съ прахомъ...
Гдѣ образы? Ихъ нѣтъ! Я каждую черту
Ловлю, храню въ душѣ и съ нѣжностью и страхомъ,
Но не могу ихъ слить въ живую полноту.

Кто силу воскресить потухшихъ впечатлѣній
И въ образы сведётъ несвязныя черты?
Ловлю всѣ призраки летучихъ сновидѣній,
Но въ нихъ божественной не блещетъ красоты.

И только въ памяти, какъ на плитàхъ могилы,
Два имени горятъ; когда я ихъ прочту,
Какъ струны, задрожатъ всѣ жизненныя силы —
И вспомню я сквозь сонъ всю міра красоту.

III.

СЪ СѢВЕРА НА ЮГЪ.

Куда несётесь вы, крылатыя станицы?
Въ страну-ль, гдѣ на горахъ шумитъ лавровый лѣсъ,
Гдѣ рѣютъ радостно могучія орлицы
И тонутъ въ синевѣ пылающихъ небесъ?
И мы — на югъ! туда, гдѣ яхонтъ неба рдѣетъ
И гдѣ гнѣздо изъ розъ себѣ природа вьётъ —
И насъ, и насъ далёкій путь влечётъ;
Но солнце намъ души не отогрѣетъ,
И свѣжій миртъ чела не обовьётъ.
Пора отдать себя и смерти, и забвенью!
Но тѣмъ-ли, послѣ бурь, намъ будетъ смерть красна,
Что насъ не сѣвера угрюмая сосна,
А южный кипарисъ своей накроетъ тѣнью?

IV.

Ты знаешь ихъ, кого я такъ любилъ,
Съ кѣмъ черную годину я дѣлилъ?
Ты знаешь ихъ? Какъ я, ты жалъ имъ руку
И передалъ мнѣ дружній разговоръ,
Душѣ моей знакомый съ давнихъ поръ, —
И я опять внималъ родному звуку,
Казалось, былъ на родинѣ моей
Опять въ кругу союзниковъ-друзей.

Такъ путники идутъ на богомолье,
Сквозь огненно-песчаный океанъ —
И пальмы тѣнь, студёныхъ водъ приволье
Манятъ ихъ въ даль; лишь сладостный обманъ
Чаруетъ ихъ; но ихъ бодрѣютъ силы —
И далѣе проходитъ караванъ,
Забывъ про зной пылающей могилы.

КНЯЗЬ А. А. ШАХОВСКОЙ.

Князь Александръ Александровичъ Шаховской, извѣстный русскій драматическій писатель первой четверти текущаго вѣка, родился, 24-го апрѣля 1777 года, въ своёмъ родовомъ смоленскомъ помѣстьѣ — Беззаботахъ. Происходя отъ удѣльныхъ князей Ярославскихъ, прямыхъ потомковъ Рюрика, родъ Шаховскихъ принадлежитъ къ древнѣйшимъ

княжескимъ родамъ Россіи. На осьмомъ году Шаховской былъ отданъ въ Московскій университетскій пансіонъ, гдѣ окончилъ полный курсъ въ 1793 году, послѣ чего поступилъ на службу лейбъ-гвардіи въ Преображенскій полкъ, обществу офицеровъ котораго, по его собственнымъ словамъ, онъ многимъ обязанъ какъ въ дѣлѣ воспитанія, такъ и нравственнаго своего развитія. Всё свободное время онъ посвящалъ чтенію всякаго рода французскихъ книгъ, преимущественно драматическихъ сочиненій. Плодомъ этого чтенія была комедія въ стихахъ, подъ названіемъ: „Женская шутка", написанная Шаховскимъ въ 1795 году и удостоившаяся чести быть представленною на театрѣ Эрмитажа, въ присутствіи самой императрицы. Хороша-ли, худа-ли была комедія — мы этого не знаемъ, такъ-какъ пьеса не сохранилась; тѣмъ не менѣе она сослужила службу автору, сблизивъ его съ тогдашнимъ директоромъ театровъ, А. Л. Нарышкинымъ, убѣдившимъ Шаховского оставить службу и посвятить себя театру. Произведённый въ 1797 году въ прапорщики, а черезъ два года въ подпоручики, Шаховской вышелъ, въ 1800 году, въ отставку, для опредѣленія къ гражданскимъ дѣламъ. Въ 1801 году — давнишнее желаніе Нарышкина и Шаховского исполнилось: Князь Александръ Александровичъ былъ причисленъ къ театральному вѣдомству, съ чиномъ надворнаго совѣтника, а въ 1802 году назначенъ членомъ по репертуарной части и отправленъ во Францію для пополненія петербургскаго театра первыми сюжетами французской труппы. Проѣхавъ прямо въ Парижъ, Шаховской прожилъ слишкомъ годъ въ этой столицѣ вкуса, посвящая дни исполненію возложеннаго на него порученія, а вечера—изученію игры знаменитаго Тальмы, и, проникнутый мыслью ввести методу его декламаціи на русскую сцену, возвратился, въ 1803 году, въ Петербургъ.

Конечно, русская сцена многимъ обязана князю Шаховскому и его страстной любви къ драматическому искусству. Но главная его заслуга—это радикальное преобразованіе театральной школы хотя и существовавшей издавна, но въ которой до сихъ поръ занимались образованіемъ артистовъ, и артистокъ только для оперы и балета, а на драматическую часть не обращали никакого вниманія и даже не имѣли порядочныхъ учителей декламаціи. Все приходилось устраивать вновь; но, благодаря энергіи и искренней любви Шаховскаго къ искусству, всѣ препятствія были устранены—и вскорѣ театральное училище явилось въ обновлённомъ видѣ. Затѣмъ, желая дать ходъ молодымъ талантамъ, онъ образовалъ, независимо отъ главной русской драматической труппы, другую, такъ называемую „молодую труппу", которая, отдѣльно отъ первой, давала свои представленія на другомъ театрѣ, что послужило къ развитію многихъ молодыхъ талантовъ, которые безъ того не имѣли-бы возможности выказать свои способности.

Въ 1804 году Шаховской поставилъ на сцену свою комедію „Коварный". Комедія провалилась и вызвала цѣлую тучу эпиграммъ изъ лагеря сторонниковъ новаго Карамзинскаго направленія, только-что начинавшихъ свой походъ противъ такъ-называемыхъ „славянъ", сторонниковъ стараго, шишковскаго направленія, въ принадлежности къ которому уже подозрѣвали тогда князя Шаховского. Чтобы отомстить своимъ противникамъ, молодой и пылкій драматургъ задумалъ осмѣять на сценѣ излишне-ретивыхъ послѣдователей Карамзина, въ родѣ князя Шаликова, что вскорѣ и исполнилъ въ одно-актной комедіи своей „Новый Стернъ", представленной въ первый разъ на петербургскомъ Маломъ театрѣ 31-го мая 1805 года. Въ комедіи были разсыпаны тонкія и остроумныя насмѣшки надъ сентиментальнымъ направленіемъ тогдашней литературы, выраженныя весьма забавно.

Комедія имѣла большой успѣхъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и слѣдовало ожидать, многимъ пришлась не по вкусу и нажила автору цѣлую кучу недоброжелателей. Но добродушный Шаховской мало обращалъ вниманія на козни своихъ литературныхъ враговъ и, въ отвѣтъ на ихъ клевету, поставилъ на сцену, всего черезъ три мѣсяца послѣ предыдущей пьесы, комическую оперу въ трёхъ дѣйствіяхъ: „Бѣглецъ отъ своей невѣсты", имѣвшую значительный успѣхъ. Затѣмъ послѣдовали: „Полубарскія затѣи или домашній театръ", оригинальная комедія въ пяти дѣйствіяхъ, имѣвшая большой успѣхъ, и трагедія Вольтера „Китайскій сирота", переведённая имъ съ французскаго. Послѣдовавшія затѣмъ пьесы Шаховского: трагедія „Дебора", комедія „Ссора или два сосѣда" и волшебное представленіе „Чортовъ увеселительный замокъ" не представляютъ ничего замѣчательнаго. За то, напечатанная въ 3-й книжкѣ „Чтеній въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова" на 1811 годъ, первая пѣснь его ирои-комической поэмы „Расхищенныя шубы" была встрѣчена шумными похвалами и возбудила общее любопытство во всѣхъ слояхъ петербургскаго общества. Такой

же большой успѣхъ имѣла написанная имъ около того же времени и данная на дворцовомъ театрѣ 15-го мая 1812 года опера-водевиль „Казакъ-стихотворецъ".

Настал 1812 годъ. Прочитавъ знаменитый манифестъ 6-го іюля, князь Шаховской бросилъ театръ и литературу и вступилъ въ тверское ополченіе. Какъ тверской помѣщикъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ, онъ былъ назначенъ командиромъ казачьяго полка, сформированнаго изъ тверскихъ ратниковъ. Сначала подъ начальствомъ Винцегероде, а потомъ—маркиза Паулуччи, Шаховской съ своимъ полкомъ участвовалъ въ преслѣдованіи французской арміи до Смоленска, послѣ чего былъ командированъ съ особыми порученіями въ Самогитію. По успѣшномъ выполненіи ихъ, былъ назначенъ дежурнымъ генераломъ при отдѣльномъ корпусѣ, расположенномъ въ Остзейскихъ губерніяхъ. Этимъ окончилась боевая служба князя Шаховского. По распущеніи ополченія, онъ вернулся въ Петербургъ и занялъ прежнюю свою должность при театральной дирекціи. Въ 1814 году онъ поставилъ на сцену двѣ новыя пьесы: „Крестьяне или встрѣча незванныхъ" и „Ломоносовъ"—имѣвшія успѣхъ. Въ 1815 году изумительная производительность Шаховского достигла своего зенита. Послѣдовалъ цѣлый рядъ пьесъ: „Желтый Карло", „Откупщикъ Бражкинъ или продажа села", „Урокъ кокеткамъ или Липецкія воды", оригинальная комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ (едва ли не лучшее произведеніе нашего плодовитаго драматурга) „Иванъ Сусанинъ", опера, сдѣлавшаяся одной изъ самыхъ любимыхъ у публики, и „Карачунъ" (послѣдняя пьеса успѣха не имѣла). Въ 1818 году, тотчасъ по назначеніи князя Тюфякина директоромъ театра, Шаховской вышелъ въ отставку, не прекращая, впрочемъ, своей драматической дѣятельности, какъ это можно видѣть изъ того, что всего черезъ мѣсяцъ, именно 23-го сентября 1818 года, явились на сценѣ разомъ три новыя его пьесы: „Не любо—не слушай, а лгать не мѣшай", „Лѣкарь-самоучка" и „Новый Бедламъ или прогулка въ домѣ сумасшедшихъ". Въ 1819 году онъ написалъ четыре пьесы: „Сущій бѣсъ", „Пурсоньякъ", „Два учителя" и „Пустодомы". Первыя двѣ провалились; остальныя же двѣ имѣли большой успѣхъ, особенно послѣдняя, справедливо причисляемая къ лучшимъ комедіямъ Шаховского. Въ 1820 году были даны въ первый разъ слѣдующія его пьесы: „Какаду или слѣдствіе урока кокеткамъ", имѣвшая большой успѣхъ, „Актёръ на родинѣ", „Игнаша-дурачёкъ", „Адвокатъ", „Новая суматоха" и „Ворожея". Въ 1821 году Шаховской наводнилъ сцену своими пьесами, которыхъ было дано въ теченіе года восемь: „Ивангой или возвращеніе Ричарда Львиное Сердце", „Женщина-лунатикъ", „Бакалавръ Саламанскій", „Буря", „Фениксъ", „Женщина-полковникъ", „Живыя картины" и „Тётушка". Въ томъ же году Шаховской снова получилъ въ завѣдываніе театральную школу, а съ назначеніемъ, въ 1824 году, А. А. Майкова директоромъ театра, вступилъ членомъ во вновь учреждённый Комитетъ Главной Дирекціи, въ которомъ оставался до 1826 года. Но труды по комитету не имѣли ни малѣйшаго вліянія на дѣятельность Шаховского, какъ драматурга. Пьесы появлялись одна за другой съ изумительной быстротой, только, къ сожалѣнію, хорошихъ являлось между ними съ каждымъ годомъ всё менѣе и менѣе. Недовольный Петербургомъ, онъ оставилъ его въ 1826 году и остальныя 20 лѣтъ своей жизни провёлъ въ Москвѣ, принимая живое участіе въ постановкѣ новыхъ пьесъ на сценѣ тамошняго театра, давая актёрамъ полезные совѣты, которые принимались съ благодарностью не только начинающими, но и такими талантами, какъ Мочаловъ и Щепкинъ. Что же касается директоровъ московскаго театра, то они всегда дорожили его опытностью и выказывали своё уваженіе его неизмѣнной любви къ драматическому искусству. Шаховской скончался 22-го января 1846 года въ Москвѣ, на 69-мъ году своей дѣятельной жизни Тѣло его погребено въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Князь Шаховской, какъ драматическій писатель, безъ сомнѣнія, не будетъ забытъ исторіей русской литературы, которая отведетъ ему подобающее мѣсто въ ряду нашихъ драматурговъ. Правда, изъ ста слишкомъ пьесъ, сочинённыхъ, переведённыхъ и передѣланныхъ имъ въ теченіе его пятидесятилѣтней литературной дѣятельности, огромное большинство не имѣетъ большаго достоинства, отличаясь недостатками, неразлучными со всякой спѣшной работой; но за то у Шаховскаго есть пять-шесть комедій, какъ напримѣръ—„Новый Стернъ", „Полубарскія затѣи", „Урокъ кокеткамъ или Липецкія воды", „Какаду или урокъ кокеткамъ" и „Пустодомы", на которыхъ лежитъ печать таланта. Собранія сочиненій князя Шаховскаго издаваемо не было.

I.

ИЗЪ ПОЭМЫ „РАСХИЩЕННЫЯ ШУБЫ“.

ПѢСНЬ I.

Въ собольей шапочкѣ, на рысакѣ лихомъ,
Весёлость чрезъ Неву летѣла плясокъ въ домъ.
Предъ санками ея и радости, и смѣхи,
Забавы разныя и разныя потѣхи
Порхали, бѣгали, катились на конькахъ,
Гоня съ дороги прочь заботу, скуку, страхъ.
Въ рукахъ забавъ огни потѣшные сіяли
И пасмурную ночь въ день свѣтлый превращали.
Но въ поднебесьѣ вдругъ раздался бурный вой:
На вихряхъ пламенныхъ несётся надъ Невой
Сынъ тартара, Раздоръ, убійствомъ пресыщенный,
Пронырствомъ, ябедой, алчбою окруженный.
Раздоръ кичливый взглядъ низвёлъ на пышный брегъ;
Узрѣвъ Весёлости великолѣпный бѣгъ,
Стрѣлою зависти во сердце уязвился,
Разсвирѣпѣлъ, взревѣлъ и долу ниспустился.
Весёлость между тѣмъ достигла тѣхъ дверей,
Гдѣ святки праздновать угодно было ей:
Уже вступила въ домъ—Раздоръ крыльца коснулся:
„Остановись!“ вскричалъ—и чуть не улыбнулся,
Какъ обратила взоръ Весёлость на него.
Злой духъ не могъ сокрыть смущенья своего;
Слова его въ устахъ дрожащихъ исчезали.
Межъ игръ раздался смѣхъ, утѣхи восплескали;
Весёлость съ торжествомъ въ потѣшный домъ вошла
И за собою дверь проворно заперла.

Такъ, жалкихъ драмъ творецъ, въ театрѣ посрамлённый,
Шипѣньемъ, шиканьемъ и свистомъ оглушенный,
Чтобъ вовсе не уныть подъ игомъ грустныхъ думъ,
Приводитъ похвалы людей себѣ на умъ,
Духъ творческій живитъ и, зрителямъ въ отмщенье,
Готовитъ новое преслёзное творенье:
Такъ, въ первый разъ ещё осмѣянный Раздоръ,
Чтобы скорѣй забыть его смутившій взоръ,
Всѣ подвиги свои на мысль себѣ приводитъ.
Но тщетно всё—онъ въ нихъ отрады не находитъ
И, вслѣдъ Веселости свирѣпый брося взглядъ,
Клянётся тартаромъ не возвращаться въ адъ,
Доколѣ не отмститъ соперницѣ надменной,
Не превратитъ во плачъ пиръ, ею учрежденный,
Въ ея потѣшный домъ вражду не вовлечетъ.
Въ досадѣ, въ ярости, источникѣ всѣхъ бѣдъ,
Мгновенно злобный ковъ ко мщенью вымышляетъ
И Гашпара къ сему орудьемъ назначаетъ.
Переплетатель книгъ сей Гашпаръ ремесломъ
И первый старшина въ весёломъ домѣ томъ,
Въ который заперты Раздору были двери
Проворною рукой небесъ любимой дщери.

Повѣдай, муза, мнѣ, чѣмъ Гашпаръ славенъ былъ
И чѣмъ вниманіе Раздора заслужилъ!
Распорядитель-рокъ, съ природою въ разладѣ,
Намъ дѣлитъ жребіи, нерѣдко ей къ досадѣ:
Нерѣдко тотъ, кто въ свѣтъ для пахарства рождёнъ,
Иль въ судъ, иль ко Двору, иль въ войскѣ помѣщёнъ,
А тотъ, кого на брань назначила природа,
Безвѣстный кончитъ вѣкъ на службѣ огорода.

Природы мудрыя всещедрою рукой
Былъ Гашпаръ отличёнъ и тѣломъ, и душой,
Наморщено чело скрывало умъ высокой,
И билося въ груди дебелой и широкой
То сердце, въ коемъ гнѣвъ, тщеславье и любовь
Палили кофеемъ сгущаемую кровь.
Кто-бъ, слыша рѣчь его, кто-бъ, зря его восторгъ,
Законодателемъ почесть его не могъ!
А злобный рокъ—увы!—ему повелѣваетъ
Быть переплётчикомъ—и онъ переплетаетъ!
Но, року вопреки, и въ низкой долѣ сей
Извѣстенъ Гашпаръ сталъ прилежностью своей:
Честь дѣлаютъ его искусству и работѣ
Явившіяся въ свѣтъ, въ сафьянномъ переплётѣ,
„Преслезныхъ странствій“ — семь, журналовъ — пятьдесятъ,
Романовъ множество, сто жалостныхъ балладъ.
На нашемъ языкѣ—не наши всѣ писанья,
А подражателямъ безсчётны подражанья.
Онъ ихъ украсилъ всѣхъ (въ томъ зла большаго нѣтъ:
Они, лежа въ пыли, не развращаютъ свѣтъ);
Но онъ же переплёлъ—и тѣмъ ещё гордился—
Все то, чѣмъ прошлый вѣкъ какъ язвой заразился.
Безбожны письмена Фернеи мудреца,
Разврата полный плачъ прежалкихъ драмъ творца,
Природы мудрствія, системы ложны свѣта
Ласера, Мирабо, Гельвецья, Кондорсета,
Спинозы, Дидеро и множество другихъ
Для свѣта пагубныхъ, угодныхъ аду книгъ.
Хоть Гашпаръ былъ и добръ, и набоженъ, и честенъ,
Но вреднымъ симъ трудомъ Раздору сталъ извѣстенъ,
Который, зря, что вѣкъ нашъ сдѣлался ученъ,
Что яблокомъ златымъ не будетъ онъ прельщёнъ,
Что статуи боговъ, духовно словопренье
Ужъ въ нёмъ не дѣйствуютъ, взялся за просвѣщенье:

Изъ ложныхъ мудрецовъ отборныя мѣста
Вселилися въ его крамольныя уста;
Онъ ими загремѣлъ—и пагуба востала,
Заплакалъ горній міръ, вселенна возстонала
И вѣра... Скройся, видъ ужасный, отъ очей!
Весёлой музы ты не огорчай моей!
Я съ ней перенестись спѣшу въ покой смиренной,
Гдѣ Гашпаръ скромно жилъ съ своей супругой вѣрной.

Раздоръ, съ злымъ умысломъ вступая въ сей покой,
И видъ, и станъ, и взоръ перемѣняетъ свой:
Главу, обвитую шипящими змѣями,
Вѣнчаетъ парикомъ съ подвижными кудрями;
Очками тусклыми мрачитъ тотъ волчій взглядъ,
Изъ коего въ сердца лїется злобы ядъ;
Перчатки, башмаки скрываютъ когти львины;
Чешуйчатый хребетъ и крылія змѣины
Смиренно прячутся подъ вишневый кафтанъ —
И, словомъ, ростъ, лицо, осанку, поступь, станъ
Пріемлетъ школьнаго учителя Зальцеда,
Крестьяна Гашпара скончавшагося дѣда.
Раздоръ вошелъ—и зритъ, сквозь борющуся мглу,
Съ свѣтильней гаснущей, за верстакомъ въ углу
Крестьяна Гашпара тьмой книгъ загромождена
И въ креслахъ дѣдовскихъ сномъ крѣпкимъ отягчённа.
Повисшая глава между широкихъ плечъ,
Казалось, тяжестью своей могла увлечь
Всё тѣло тучное въ паденьи за собою,
Но Гашпаръ, опершись могучею рукою
На тотъ верстакъ, гдѣ имъ была помѣщена
Причина тайная его волшебна сна,
И, крѣпко увязá свои дебелы чресла
Для всѣхъ въ просторныя (ему же тѣсны) кресла,
Былъ твёрдъ, какъ древній вязъ, склонённый надъ рѣкой.
„Проснись!“ гласитъ Раздоръ: „О, внукъ любезный мой,
Востань—познай меня: я прежній твой учитель,
И нынѣ въ небесахъ души твоей хранитель.
Проснись!“ И съ рѣчью сей Раздора громкій гласъ
И окна, и верстакъ, и весь покой потрясъ —
А Гашпаръ спитъ. Къ нему сынъ ада приступаетъ,
На книги опершись, вторично восклицаетъ.

О, чудо! злобный духъ скончать не можетъ рѣчь:
Смыкаются глаза, глава катится съ плечъ,
Его объемлетъ сонъ, онъ преклонился долу,
Согбенны голени уже коснулись полу —
И онъ бы палъ, но адъ отъ сна его воздвигъ.
Раздоръ вскочилъ и зритъ надъ кипой толстыхъ книгъ
Вину чудеснаго волшебства усыпленья:
Еженедѣльныя Глумлинскаго творенья.
Раздоръ сей талисманъ съ рабочаго стола
Схватилъ, махнулъ въ окно и выбилъ два стекла.
Тутъ Гашпаръ, стукомъ симъ внезапно пробуждённый,
Зритъ дѣда предъ собой. Симъ видомъ пораженный,
Онъ вдругъ остолбенѣлъ. Раздоръ ему речетъ:
„Внемли, мой внукъ, внемли! Сюда нисшелъ твой дѣдъ,
Дабы передъ тобой открыть судебъ велѣнье
И возбудить въ тебѣ вздремавше къ славѣ рвенье.
Престань въ ничтожествѣ кичиться тѣмъ однимъ,
Что блескъ ты придаёшь твореніямъ чужимъ,
Что славу чуждую сафьяномъ украшаешь.
Не ты-ли наизусть всё вѣдомости знаешь,
Отъ „Сѣверной Пчелы“ до виленскихъ газетъ?
Но для слѣпца вотще сіяетъ солнца свѣтъ!
Охъ, внукъ, мой, ты-ль не зришь, какъ духъ нововведенья
Людей безъ разума, безъ дара, безъ ученья
Влечётъ со всѣхъ сторонъ газетной славы въ храмъ;
Ихъ тамъ Фортуна ждётъ, а ты ещё не тамъ.
Ты, кѣмъ тщеславился покойный твой родитель,
Кого я чудомъ чтилъ—я, многихъ школъ учитель!
И ты, въ дому забавъ избранный старшиной,
Въ нёмъ отличился-ли какою новизной?
Какіе замѣнилъ, какіе ввёлъ уставы?
Узри: се предъ тобой врата отверсты славы!
Дерзай на подвиги! Какъ мощный исполинъ,
Съ восходомъ солнечнымъ гряди въ совѣтъ старшинъ!
Въ нёмъ будутъ предлагать благое учрежденье,
Какъ, при разборѣ шубъ, предупредить смятенье:
Тутъ смѣлой выдумкой сочленовъ удиви,
Своё искусство, умъ и знаніе яви!
Въ мѣстахъ, гдѣ Эльба въ Понтъ вливаетъ шумны волны,
Разсчётомъ гдѣ главы, карманы златомъ полны,
Гдѣ множество господъ, но слугъ излишнихъ нѣтъ,
Премудрый обычай введёнъ отъ давнихъ лѣтъ
И помѣщёнъ въ число законовъ неизмѣнныхъ:
Тамъ въ важныхъ обществахъ, забавамъ посвященныхъ,
Съ помѣткой ярлыки хранятся искони,
На плащъ иль на салопъ вздѣваются они:
По нимъ узнаетъ всякъ своё безъ затрудненья,
Возьмётъ безъ робости, надѣнетъ безъ смущенья
И мирно въ домъ идётъ по вальсахъ опочить.

Тебѣ велитъ судьба здѣсь то же учредить:
Поэтамъ подражай — и выдай, не робѣя,
Чужое за своё. Будь твёрдъ! вѣщай смѣлѣе!
Твой звонкій, сильный гласъ и крѣпка грудь твоя,
И подвигамъ твоимъ присуща тѣнь моя
Низложитъ всѣхъ старшинъ: умолкнутъ гордый лѣкарь,
Танцмейстеръ дерзостный, нотаріусъ, аптекарь,
Столѣтній органистъ, самъ мастеръ гробовой —
И слава дѣлъ твоихъ промчится за Невой!“

Рѣчь кончивъ, на окно перстомъ онъ указалъ,
Взревѣлъ, мелькнулъ, исчезъ. Со страха Гашпаръ палъ.

ПѢСНЬ II.

Уже глаголъ временъ, звучащій мѣди гласъ,
Гражданамъ возвѣстилъ наставшій утра часъ.
Иной спѣшитъ трудомъ снискать свой хлѣбъ насущный,
Другой въ прихожія везётъ свой видъ докучный,
Тотъ въ Божій храмъ идётъ, тотъ къ стряпчимъ на поклонъ:
Въ движеньи городъ весь; но благотворный сонъ
Крестьяна Гашпара не осѣнялъ зѣницы:
Не спящаго его засталъ восходъ денницы.
Въ полнóчь съ кровати вставъ, онъ въ ожиданьѣ дня,
У разведённаго на очагѣ огня
Варя арабскій клей, искусною рукою
Готовилъ ярлыки съ насѣчкой золотою,
И, въ заблужденьи, мнилъ всенóщнымъ симъ трудомъ
Задобрить дѣда тѣнь и тотъ прославить домъ,
Гдѣ званье старшины его тщеславью льстило.
Межъ тѣмъ заря взошла и солнце освѣтило
Журнальной тяжестью разбитое окно,
Которо не было ещё заклеенó
„Посланьемъ дружескимъ“ творца стиховъ различныхъ,
Къ употребленьямъ симъ особенно приличныхъ.
И Гашпаръ-ли въ тотъ часъ заняться могъ окномъ,
Когда, воспламенясь тщеславія огнёмъ,
Въ восторгѣ видѣлъ онъ сочленовъ восхищённыхъ,
Старшинъ униженныхъ, завистниковъ смущённыхъ,
Хулителей своихъ низверженныхъ во прахъ —
И даже о себѣ читалъ въ вѣдомостяхъ.
Но можно-ль описать ходъ мыслей горделивыхъ,
Ласкающихъ умы людей честолюбивыхъ
И тѣхъ, которыхъ дѣдъ изъ гроба не вставалъ?
А Гашпаръ? Милый видъ восторгъ его прервалъ:
Съ кофейникомъ въ рукѣ вошла къ нему супруга,
Блѣдна, задумчива: всю ночь безъ вѣрна друга
На ложѣ брачномъ съ ней одна была тоска:
Пуховая постель казалась ей жесткà
Не вмѣстѣ съ Гашпаромъ; когда-жъ во мракѣ ночи
Дремотой лёгкою ея смежались очи,
Тогда зловѣщи сны смущали томный духъ:
Сперва приснился ей предвѣстникъ слёзъ жемчугъ,
Потомъ и Гашпаръ самъ, въ кафтанѣ драгоцѣнномъ,
Ходящій по лугу, цвѣтами испещреннымъ.
Она рекла ему: „О, болѣ всѣхъ любезный!
О, Гашпаръ! о, мой другъ! прими совѣтъ полезный!
Что предпріемлешь ты — того не знаю я;
Но если можетъ жизнь подвергнуться твоя
Хоть малымъ бѣдствіямъ, отсрочь до дня другого
Свой подвигъ; а въ сей день страшись несчастья злого!
Повѣрь, не даромъ мнѣ приснился страшный сонъ!
Ахъ! если ты умрёшь—со мной тогда что будетъ?
Вовѣкъ несчастная Шарлота не забудетъ,
Что, съ самой младости оставшись сиротой,
Изъ бѣдности она извлечена тобой;
Что, матери, отца и бабушки лишенной,
Ты былъ ей въ мірѣ всё; съ тобою-жъ разлучённой,
Гутуевъ, Каменный, Крестовскій острова,
Садовъ апраксинскихъ столѣтнія древа
И самъ Катерингофъ ужъ мнѣ не будутъ милы.
Воспоминанія тамъ ждутъ меня унылы:
Какъ съ Гашпаромъ моимъ я счастлива была,
Какъ съ нимъ гуляла тамъ, какъ кофе съ нимъ пила,
Какъ трубку онъ курилъ“. Тутъ слезы рѣчь прервали.
Внезапнымъ дѣйствіемъ жестокія печали,
Иль силой женщинамъ дарованныхъ искусствъ,
Шарлота блѣдная почти лишилась чувствъ,
Въ объятья Гашпара со стономъ упадаетъ.
Безмолвствуя, супругъ на милую взираетъ;
Мятётся умъ его, кипитъ густая кровь;
Кичливость старшины, семейная любовь
И дѣда грозна тѣнь, и видъ Шарлоты милой
Смущаютъ мыслью мысль, сражаютъ силу силой.
Но сей различныхъ чувствъ, страстей противныхъ споръ,
Присущій Гашпару, невидимо Раздоръ
Прервалъ, вдохнувъ въ него гордыни адскій пламень:
Въ нёмъ сердце нѣжное преобразилось въ камень;
Мгновенно духъ его тщеславьемъ воспылалъ —
И съ важной твёрдостью Шарлотѣ онъ вѣщалъ:
„Ты плачешь? но стыдись быть возмущённой снами!
Назначенъ намъ предѣлъ не сонникомъ—судьбами,
И рано-ль, поздно-ли — скончается нашъ вѣкъ.
Неустрашимый мужъ и робкій человѣкъ,

Со славой иль стыдомъ, сойдутъ во гробъ безмолвно,
Оставя милыхъ всѣхъ, родныхъ, друзей. Но, полно,
Иди, любезная — и въ кухнѣ скорбь разсѣй
Трудами милыхъ рукъ!“ Доволенъ рѣчью сей,
Ораторъ ярлыки сбираетъ съ попеченьемъ
И, завязавъ въ платокъ, невольнымъ побужденьемъ
Ещё единый разъ на милую воззрѣлъ,
Отёръ ея слезу и — сѣрый фракъ надѣлъ.
Шарлота возражать ему не смѣла болѣ,
Смиренно покорясь супруга грозной волѣ,
Пошла къ обѣду всё приготовлять въ слезахъ;
Межъ тѣмъ дверь скрипнула—и Гашпаръ ужъ въ сѣняхъ.

Какъ Цесарь въ страшный день, начавшій бѣды Рима,
Когда патриціевъ вражда неукротима
Готовилась прервать его счастливый вѣкъ,
Смерть презря, что ему Спуринны гласъ прорекъ,
Не внявъ моленію супруги устрашенной,
Спокойно шелъ въ сенатъ — рѣшить судьбу вселенной:
Такъ Гашпаръ шествовалъ въ собраніе старшинъ.
Тамъ гордый Каратай присутствовалъ одинъ.
Сей лѣкарь-старшина ужъ пятой кружкой пива
Со тщаніемъ тушилъ огнь гнѣва справедлива
Противъ коснѣющихъ товарищей своихъ;
Но изъ дому забавъ Весёлость видитъ ихъ:
Се мастеръ гробовой, Фрейтодъ, съ умильнымъ взоромъ,
Съ улыбкой радостной, какъ будто передъ моромъ,
Изъ желтаго возка вступаетъ на крыльцо.
Шинелью завернувъ премудрое лицо,
Нотаріусъ Сондей своё высоко знанье,
Съ ученой важностью, пѣшкомъ несётъ въ собранье.
Аптекарь Готлибъ Курцъ, примчавшися въ саняхъ
И Гашпара толкнувъ нечаянно въ дверяхъ,
Знобитъ его внизу учтивостьми своими.
Танцмейстеръ Петипа, пропорхнувъ между ними
И сдѣлавъ три прыжка, является въ совѣтъ.
Цингильусъ, органистъ, подъ тяжестію лѣтъ
Согбенный, свой приходъ всѣмъ кашлемъ возвѣщаетъ
И шагомъ медленнымъ въ собраніе вступаетъ.
Имъ всѣмъ собравшимся, дабы начать совѣтъ,
Придверникъ дома, Ганцъ, по трубкѣ подаетъ;
Тогда они къ свѣчѣ зажженной устремились,
Сомкнулись въ тѣсный кругъ—и трубки закурились.
Узря до потолка всходящій клубомъ дымъ,
Весёлость чтитъ сіё предвѣстіемъ благимъ
И, въ дѣтской радости отъ предыдущей славы,
Собравъ вокругъ себя утѣхи и забавы,
По разнымъ должностямъ распредѣляетъ ихъ,
Оставя семь старшинъ бесѣдовать одних.
Возсѣли старшины. Осмѣленный Раздоромъ,
Ихъ Гашпаръ оглядя высокоумнымъ взоромъ,
Всѣ ярлыки на столъ съ улыбкой положилъ
И хриплымъ голосомъ рѣчь громку возгласилъ.
Какъ въ водополь весной потоки съ горъ бѣгущи,
Съ рѣкою слившися и вмѣстѣ съ ней ревущи,
Избыткомъ шумныхъ водъ брега песчаны рвутъ,
Свергаютъ, ломятъ всё, крутятъ, дробятъ, несутъ,
Плотины удержать не могутъ ихъ стремленье:
Такъ Гашпара изъ устъ обильное теченье
Высокопарныхъ словъ, напыщенныхъ рѣчей
Стремится и бѣжитъ, чѣмъ далѣ, тѣмъ сильнѣй.
Цингильусъ кашляетъ, аптекарь Курцъ зѣваетъ,
Спондей свиститъ, Фрейтодъ стулъ съ скрыпомъ подвигаетъ,
Съ напѣвомъ Петипа твердитъ свои скачки,
И лѣкарь Каратай чуть не отбилъ руки,
Стуча съ досады въ столъ; а Гашпаръ, безъ смущенья,
Воззваніе скончавъ, вступаетъ въ предложенье.
Но изъ стѣнныхъ часовъ кукушки вѣщій гласъ
Тогда, прокуковавъ уныло десять разъ,
Далъ знакъ—да къ завтраку начнутъ приготовленья.
Спондей, любитель яствъ и врагъ многоречeнья,
Глаголы Гашпара стремительно пресѣкъ
И, трубку преломя, въ досадѣ быстро рекъ:
„Намъ нужны не слова, намъ нужно просвѣщенье!
Словъ много затвердить — не есть ещё ученье!
Витійство безъ идей мою волнуетъ кровь:
Ношу къ изящному въ душѣ моей любовь
И празднословіе всѣмъ сердцемъ ненавижу,
Я слышу много словъ, но толку въ нихъ не вижу:
Кто хочетъ ясенъ быть, тотъ кратче говори“.
Предвѣстникъ бури, цвѣтъ багряныя зари,
Ланиты Гашпара мгновенно покрываетъ;
Изъ-подъ густыхъ бровей взоръ молніей сверкаетъ.
Спондей въ нёмъ зритъ уже на рѣчь свою отвѣтъ;
Но изъ среды старшинъ витія возстаетъ.
То мудрый органистъ, Цингильусъ долгодневный,
Первосѣдалищемъ въ собраніи почтенный.
Онъ въ пятилѣтіе десятое вступилъ,
На хорахъ шестерыхъ пасторовъ пережилъ,
И дѣдовъ, и отцовъ отправя погребенье,
Бракъ внуковъ воспѣвалъ, зрѣлъ правнучатъ крещенье.
Сей древній мужъ простеръ къ собранью тихій гласъ:
„О други, мой совѣтъ да будетъ благъ для васъ!
И прежни старшины, что домъ сей основали,
Для пользы общества, словамъ моимъ внимали.

Въ дни младости моей, Данило Куперъ самъ
Склонялъ свой нѣжный слухъ всегда къ моимъ
рѣчамъ
(Сей мужъ, котораго дотолѣ не забудутъ,
Доколѣ въ мірѣ семъ плясать кадрили будутъ)
И дружбой связанъ былъ, и кумовствомъ со мной.
Я, здѣсь въ девятый разъ избрáнный старшиной,
Безъ страха вамъ могу подать совѣтъ нельстивый.
Спондей, смири свой духъ и пылкій, и строптивый!
Хотя эсѳетикой твой разумъ озарёнъ,
Хотя въ „Меркуріи" романсъ твой помѣщёнъ,
Хоть эпиграммою ты сдѣлался извѣстенъ,
Но не забудь того, сколь Гашпаръ добръ и честенъ,
Что старше онъ тебя. Пусть рѣчь его длинна;
Но, кажется, къ добру клонилася она,
А ты его прервалъ. Всегда то помнить должно,
Что, не дослушавъ рѣчь, понять её не можно.
А ты витійства даръ, о Гашпаръ, воздержи,
Не трать безъ нужды словъ и временемъ дорожи!
Увы, не знаешь ты, сколь всякій часъ безцѣненъ
Тому, кто дряхлостью болѣзненной увѣренъ,
Что мало сихъ часовъ ему осталось жить!
Должны ли время мы враждою коротить?
Повѣрьте, миръ худой хорошей лучше брани!"
Цингильусъ кончилъ рѣчь. Се простираетъ длани
Спондей къ противнику — и миръ возстановлёнъ.
Не столько былъ въ тотъ день восторгомъ упоёнъ
Смиритель древнія Визáнтскія гордыни,
Когда, враговъ поправъ, низринувъ ихъ твердыни,
Въ Царьградъ съ хоругвію россійскою вступилъ,
Въ вратахъ повѣсилъ щитъ, миръ данью утвердилъ,
Сколь добрый органистъ, то видя, восхищался,
Какъ Гашпаръ дружески съ Спондеемъ обнимался.
Но скоро прерванъ былъ сей радостный восторгъ:
Злой духъ между старшинъ согласье вновь расторгъ.
Ужъ Гашпаръ, убѣждёнъ Цингильуса рѣчами,
Представилъ, сколько могъ, яснѣйшими словами,
Что сдѣлалъ онъ на тò съ помѣткой ярлыки,
Чтобъ ими различать плащи иль сюртуки;
И, словомъ, всё сказавъ, чтó слышалъ отъ Раздора,
Симъ Гашпаръ заключилъ: „Итакъ, ни брань, ни
ссора
Въ передней болѣе не возмутятъ нашъ слухъ —
И новымъ средствомъ симъ, намѣсто многихъ слугъ,
Одинъ придверникъ Гандъ съ истопникомъ Ѳаддеемъ
Услужатъ всѣмъ гостямъ; а мы чрезъ то успѣемъ,
Расходы уменьша, хозяйство сохранить;
И, наконецъ, никто не будетъ насъ винить,
Чтобы отъ нашего въ прихожей безпорядка,
Родилися насмóркъ, простуда, лихорадка".
Болѣзней имена услышавъ, Каратай
Содрогся и вскричалъ: „Иди, переплетай
Зѣвòтотворныя, слезогонящи драмы,
Волшебны оперы, балетныя програмы,
Поэмы шуточны и весь печатный бредъ;
Но медицинскій ты не трогай факультетъ.
Тогда лишь общества бываетъ здраво тѣло,
Когда всякъ членъ его, своё свершая дѣло,
Не трогаетъ другихъ. Тебѣ что нужды въ томъ,
Хотя бы изъ гостей, пріѣхавшихъ въ сей домъ,
Иной нечаянно въ прихожей простудился?
Не у тебя бы онъ, а у меня лѣчился —
И долго бъ не страдалъ; но эти ярлыки,
Произведеніе искусныя руки,
Расходы общества и твой приходъ умножатъ:
Вотъ отчего тебя болѣзни такъ тревожатъ.
Родъ человѣческій душою всей любя,
Какъ добрый филантропъ, ты любишь и себя!"
Сказалъ — и на своихъ клевретовъ оглянулся.
Фрейтодъ кивнулъ главой, аптекарь улыбнулся;
Но Гашпаръ гордо рёкъ: „корысть меня чужда,
А слава — моего возмездіе труда.
Отецъ стиховъ моей переплетёнъ рукою —
И для того хожу съ возвышенной главою.
Сафьянны ярлыки я обществу дарю.
Не лѣкарь я — за то судьбу благодарю:
Питаясь ремесломъ хотя не такъ доходнымъ,
Не названъ я нигдѣ убійцею народнымъ".
Тутъ, будто въ пеплѣ огнь, скрывая въ сердцѣ гнѣвъ,
Воспрянулъ Каратай, какъ разъярённый левъ —
Собранію вѣщалъ: „Ужель терпѣть намъ должно,
Чтобъ съ первой изъ наукъ онъ ремесло ничтожно
Безъ казни смѣлъ равнять? И есть-ли хоть одинъ
Изъ благомыслящихъ сидящихъ здѣсь старшинъ,
Кого-бъ сей дерзкою онъ рѣчью не обидѣлъ,
Кто бъ безъ стыда его своимъ сочленомъ видѣлъ
И признавалъ ещё собранія главой?"
Вскоча со стульевъ, Курцъ и мастеръ гробовой
Мгновенно къ лѣкарю свои простёрли руки,
Въ защиту милой имъ врачебныя науки.
Усердье жаркое сподвижниковъ узря,
Успѣхомъ ободрёнъ и яростью горя,
Воскрикнулъ Каратай: „А ты, о дерзновенный,
Презрѣнна ремесла ремесленникъ презрѣнный,
Толмачъ безсмысленный безсмысленныхъ газетъ,
Едва умѣющій на склянку этикетъ
Въ аптекѣ наклеить — кого хулить дерзаешь?
Кого убійцею народнымъ называешь?"
— „Тебя! Ты," Гашпаръ рёкъ: „одинъ убійца сей
Моихъ племянниковъ, сестры моей, дѣтей!
Тобòю Петипа съ женою разлучился,
Цингильусъ трёхъ внучатъ и трехъ сыновъ лишился.

И кто изъ сихъ старшинъ, которымъ ты вѣщалъ,
Предъ коими меня такъ нагло порицалъ,
Какъ даже авторы въ журналахъ не бранятся,
И кто изъ нихъ, скажи, не долженъ былъ остаться
Отъ первой изъ наукъ вдовцомъ или сиротой?
Но что я говорю? Убитыхъ всѣхъ тобой,
Когда бы переплесть мнѣ списокъ надлежало,
То бъ въ городѣ на то́ сафьяну не достало!"
Сей рѣчью дерзкою во сердце уязвлёнъ,
Затрясся Каратай, и, стуломъ воруженъ,
На переплётчика метнулся разъярённый —
И Гашпаръ, лѣкарской рукою пораженный,
Конечно бъ оправдалъ супруги страшный сонъ,
Коль высшей силою не охранился-бъ онъ.
Весёлость, облетѣвъ весь домъ, въ совѣтъ впорхнула
Въ тотъ самый мигъ, когда рукой за спинку стула
Схватился Каратай. Вдругъ вспомнила она,
Какъ битва нѣкогда была упреждена
Между царя царей и дивнаго Ахилла:
„Минерва, съ тылу ставъ, героя ухватила
За блещущи власы, бывъ зрима одному".
Весёлость, изъ старшинъ незрима никому,
Какъ дщерь Зевесова схватила Каратая
За косу длинную, того не примѣчая,
Что былъ на нёмъ парикъ, который вдругъ слетѣлъ.
Воскрикнулъ Каратай, совѣтъ весь обомлѣлъ.
Весёлость и сама сначала испугалась,
Взглянула на старшинъ, ихъ видя, засмѣялась,
Взвилася къ потолку, сквозь дверь порхнула въ мигъ,
И съ нею полетѣлъ похищенный парикъ.
Остались старшины, симъ чудомъ пораженны,
Имѣя страхомъ рты и очи растворённы —
И кто бъ изъ смертныхъ могъ съ неробкой зрѣть душой
Парикъ летающій, какъ птицу, надъ собой?
Всѣхъ прежде Петина спокоилъ духъ смущённой:
Увидя лѣкаря съ главою обнаженной,
Невольнымъ смѣхомъ онъ прервалъ внезапный страхъ
И бодрость возбудилъ въ дрожащихъ старшинахъ.
Очнулся весь совѣтъ, взглянувъ на Каратая;
Но лѣкарь, и стыдомъ, и бѣшенствомъ пылая,
Возводитъ мрачный взоръ; узря-жъ, что самъ Фрейтодъ,
Дабы не хохотать, свой закрываетъ ротъ,
Онъ въ лютой ярости собранье оставляетъ,
Идётъ — и Гашпару побѣду уступаетъ.

III.

ИЗЪ КОМЕДІИ „ПУСТОДОМЫ".

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ VIII.

Княжна, Графиня *и* Графъ.

Графиня (*обнимая княжну*).

Здорова ли, княжна?
Скажи, что дѣлаютъ твой братецъ и сестрица?
Сюда пріѣхавши, я къ дѣтямъ захожу —
И что жъ, сударыня? Фифаша и Жужу
Дрожатъ, бѣдняжечки, и посинѣли лица.
Я ужаснулася; а толстая мадамъ,
Свой кушая ростбифъ, сказала мнѣ сквозь зубы:
„Что дѣлать? Князь велѣлъ купать ихъ по утрамъ
Въ такой водѣ какъ лёдъ". Тотчасъ схвативши шубы,
Я замороженныхъ окутала дѣтей.
Фифаша кашляетъ — а братъ твой десять дней
Не заглянулъ къ нему.

Княжна.

Онъ занятъ былъ.

Графиня.

Конечно,
Изволилъ сочинять о должностяхъ отцовъ.
Однако надобно сказать чистосердечно,
Что если братецъ твой поддѣльный философъ,
То и питомица моя, его супруга —
Сентиментальная мотовка; и они,
Мои голубчики, въ восторгѣ другъ отъ друга,
Хотя почти весь вѣкъ проводятъ розно дни:
Она на праздникахъ, а онъ въ библіотекѣ.
Нѣтъ, помнится, не такъ любили въ нашемъ вѣкѣ!
(*Графу*). Покойный твой отецъ не восхищался мной,
А слишкомъ тридцать лѣтъ мы прожили съ нимъ дружно;
Онъ не былъ философъ, однако зналъ, что нужно;
Служилъ и выслужилъ.
(*Княжнѣ*). А такъ, какъ братецъ твой
Не думалъ: „я, дескать, лампада просвѣщенья,
Меня-де слушать всѣ, разинувъ ротъ, должны
И мнѣ-де одному таланты всѣ даны,
А всѣ-де вкругъ меня скоты безъ разсужденья."
Анъ нѣтъ — и эти всѣ, по твоему скоты —
Свой доживаютъ вѣкъ почтенно и счастливо;
Тебѣ-жъ, разумникъ мой, осьмое въ свѣтѣ диво,
Не миновать, повѣрь, стыда и нищеты,
И пустятъ въ міръ тебя проклятыя науки.
(*Графу*).
Когда своихъ дѣтей отдашь педантамъ въ руки,
То и не знай меня.

Графъ.

Сказать позвольте вамъ:
Вы сами, отсылавъ меня къ профессорамъ,
Твердили мнѣ всегда о пользѣ просвѣщенья.

Графиня.

Пусть такъ, однако-же ученье безъ умѣнья —
Не польза, а бѣда.

Графъ.

Не спорю.

Графиня.

И примѣръ
Сидитъ въ той комнатѣ: домашній нашъ Вольтеръ
Жену, себя, дѣтей лишаетъ пропитанья;
А мужики его ужъ по міру пошли.
Записку изъ суда вчера мнѣ принесли
Всѣмъ векселямъ его, вступившимъ для взысканья:
Онъ разорёнъ въ конецъ. Княгиня мнѣ жалка,
А дѣти бѣдныя ещё того жалчѣе.

Княжна.

Такъ должно всѣмъ роднымъ помочь ему скорѣе.

Графиня.

Пословицу, мой свѣтъ, ты знаешь: гдѣ рука,
Такъ тамъ и голова.

Княжна.

Я много разъ слыхала.
Дай Богъ, чтобъ на себѣ её не испытала.

Графъ.

Что значитъ, матушка?

Графиня.

А значитъ тó, сынокъ,
Что ежели княжна свою приложитъ руку
За братца своего по векселямъ въ поруку,
Тогда и ей самой ничто не будетъ въ прокъ.

Графъ.

Но если въ гибели она увидитъ брата?

Графиня.

Какъ быть, поплачетъ съ нимъ; а я не такъ богата,
Чтобъ ты, сударь, могъ взять жену безо всего.

Княжна.

Повѣрьте, что, лишась имѣнья моего,
Я откажусь сама.

Графъ.

Но матушка шутила.
(*Графинѣ*). Не такъ ли?

Графиня.

Да, шутя, я правду говорила.
Однако жъ, ангелъ мой...

Княжна.

Я понимаю васъ.

Графиня.

Тѣмъ лучше, милая. Ужъ скоро первый часъ;
Княгиня спитъ ещё, а я лишь время трачу:
Въ двѣнадцатомъ часу мнѣ надобно на дачу
Къ министру побывать по тяжебнымъ дѣламъ.
Сегодня, помнится, Хапрова именины,
У Лидиной сговоръ, У Фрындина крестины,
Обѣдъ у Блёсткиной—а мнѣ и тутъ, и тамъ
Хотѣлось бы поспѣть: какъ быть, сама не знаю.
А! вздумала: пока къ министру я слетаю,
Княгиня между-тѣмъ свой кончитъ туалетъ.
Я ворочусь—и всё, что нà сердцѣ имѣю,
Ея сіятельству пропѣть ещё успѣю.
Прощай же, ангелъ мой, и помни мой совѣтъ.
Карету!

Княжна.

Я его, конечно, не забуду,
И въ тягость никогда, графиня, вамъ не буду.

Н. И. ХМѢЛЬНИЦКІЙ.

Николай Ивановичъ Хмѣльницкій, русскій драматическій писатель и прямой потомокъ знаменитаго малороссійскаго гетмана Зиновія-Богдана и сынъ доктора философіи Кёнигсбергскаго университета Ивана Пареѳньевича Хмѣльницкаго, родился 11-го августа 1789 года въ Петербургѣ. Первоначальное воспитаніе своё онъ получилъ дома, подъ руководствомъ извѣстнаго литератора Эмина, а продолжалъ и окончилъ его въ Горномъ корпусѣ. Службу свою началъ онъ въ 1808 году въ иностранной коллегіи переводчикомъ; но въ томъ же году былъ командированъ, для иностранной переписки, къ главнокомандующему финляндской арміею, графу Буксгевдену. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ, въ 1811 году, перешелъ въ министерство юстиціи. Затѣмъ, въ 1812 году, вступилъ въ ряды петербургскаго ополченія, откуда былъ взятъ въ адъютанты сначала къ начальнику ополченія, генералу Кутузову, а потомъ—къ преемнику его, барону Меллеру-Закамельскому. Въ кампанію 1813 года онъ состоялъ при генералѣ Опперманѣ, и, въ чинѣ подполковника, принималъ участіе въ сраженіяхъ подъ Дрезденомъ и Лейпцигомъ, а также въ блокадахъ Магдебурга и Гамбурга. Награждённый орденами Св. Владиміра 4-го класса съ бантомъ и Св. Анны 2-й степени, Хмѣльницкій, въ продолженіе кампаніи 1814 года, занимался только по дипломатической перепискѣ; по окончаніи же войны съ французами, состоялъ при графѣ Милорадовичѣ, а по назначеніи его санкт-

петербургскимъ генералъ-губернаторомъ, вступилъ въ должность правителя его канцеляріи.

Литературное своё поприще Хмѣльницкій началъ блистательно въ 1817 году, заявивъ себя публикѣ комедіей въ стихахъ „Говорунъ", данной въ первый разъ на петербургской сценѣ 7-го мая того-же года. За ней, три мѣсяца спустя, послѣдовала другая комедія „Шалости влюблённыхъ", а въ 1818—комедія „Воздушные зáмки". Всѣ три пьесы имѣли громадный успѣхъ. Дальнѣйшая драматическая дѣятельность Хмѣльницкаго, уже сдѣлавшагося постояннымъ посѣтителемъ вечеровъ князя Шаховского, выразилась цѣлымъ рядомъ пьесъ, изъ которыхъ укажемъ на слѣдующія: „Бабушкины попугаи", „Нерѣшительный", „Карантинъ", „Актёры между собою", „Школа женщинъ" и „Новый Парисъ".

Въ 1824 году Хмѣльницкій перешелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, а въ исходѣ того же года передѣлалъ сочиненіе Фавара: „Греческія бредни" въ забавный водевиль, не попавшій, впрочемъ, на сцену, а въ 1826 году поставилъ на петербургской сценѣ комедію „Свѣтскій случай". Въ 1829 году Хмѣльницкій, уже имѣвшій чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, назначенъ былъ Смоленскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Найдя, по пріѣздѣ своёмъ въ Смоленскъ, что городъ ещё не оправился отъ постигшихъ его въ 1812 году бѣдствій, онъ исходатайствовалъ ему ссуду въ милліонъ рублей ассигнаціями, чтò дало средства къ сооруженію въ Смоленскѣ новой церкви Благовѣщенія, устройству публичнаго сада, снесенію гребня соборной горы, улучшенію мостовыхъ, городской полиціи и пожарной команды. Кромѣ того, Николай Ивановичъ, не упускавшій ничего изъ вида, первый изъ губернаторовъ, обратилъ вниманіе на мануфактурную и ремесленную промышленность—и первая губернская выставка мануфактурныхъ издѣлій была въ Смоленскѣ. Въ 1837 году Хмѣльницкій былъ пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Анны 1-й степени и, вслѣдъ затѣмъ, переведёнъ изъ Смоленска въ Архангельскъ, гдѣ оставался недолго, такъ-какъ разстроенное здоровье побудило его просить объ отставкѣ. Возвратившись въ Петербургъ, онъ безвыѣздно прожилъ въ нёмъ до весны 1844 года, когда совершенно-разстроенное здоровье заставило его отправиться за границу. Но эта поѣздка не принесла ему желаемой пользы, и, по возвращеніи въ Петербургъ, онъ умеръ 8-го сентября 1846 года и похоронёнъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

Первое изданіе драматическихъ сочиненій Хмѣльницкаго, собранныхъ Аладьинымъ, вышло въ 1829 году, въ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ: „Театръ Хмѣльницкаго"; второе изданіе, сдѣланное Смирдинымъ, вышло въ 1849 году, въ „Полномъ собраніи Сочиненіи Русскихъ Авторовъ", подъ заглавіемъ: „Сочиненія Хмѣльницкаго", въ трёхъ томахъ. Сюда, кромѣ упомянутыхъ нами выше пьесъ, вошли всѣ драматическія сочиненія Хмѣльницкаго, а также и нѣкоторыя изъ его разскавовъ, разбросанныхъ по различнымъ повременнымъ изданіямъ, а именно: „Тартюфъ", комедія Мольера, „Русскій Фаустъ", „Царское слово или сватовство Румянцева", „Зиновій-Богданъ Хмѣльницкій", „Оберъ-кухмейстеръ Фельтенъ", отрывки изъ комедіи „Арзамасскіе гуси" и разсказы: „Римскій карнавалъ", „Отрывки изъ поморскихъ очерковъ" и „Мундиръ".

Если Хмѣльницкій и не обладалъ талантомъ самостоятельнымъ, тѣмъ не менѣе онъ имѣетъ право на почётное мѣсто въ ряду немногихъ писателей, положившихъ основаніё русскому театру. Его драматическія произведенія, независимо отъ личнаго дарованія автора, носятъ на себѣ рѣзкій отпечатокъ современнаго ему направленія нашей литературы двадцатыхъ годовъ. Всѣ пьесы Хмѣльницкаго, за исключеніемъ весьма немногихъ, переведены или передѣланы съ французскаго, но—благодаря таланту Николая Ивановича—переводы прекрасны, вполнѣ достойны оригинала, а передѣлки—всегда удачныя, часто далеко превосходящія самый подлинникъ. Если, не будучи писателемъ оригинальнымъ, онъ не создалъ ни одного истинно-народнаго типа, то по лёгкости, благозвучію и юмористической бойкости стиха, онъ болѣе всѣхъ остальныхъ русскихъ драматическихъ писателей приближается къ Грибоѣдову.

I.

ИЗЪ КОМЕДІИ „ВОЗДУШНЫЕ ЗАМКИ".

ЯВЛЕНІЕ VII.

Альнаскаровъ *и* Викторъ.

Викторъ (*отворяя дверь*).

Пожалуйте!

Альнаскаровъ.

Итакъ, кто знаетъ, чтò случится?
Таинственность судьбы чудеснѣе всего!

Но я, однако-жъ, здѣсь не вижу никого.
Гдѣ-жъ вдовушка? Оно немножко неучтиво.

Викторъ.

Зачѣмъ же обвинять её несправедливо?
Во-первыхъ, что она не ожидала васъ:
Была, чай, попросту одѣта здѣсь безъ насъ,
Такъ понаряднѣе вамъ хочетъ показаться.

Альнаскаровъ.

Ей для меня совсѣмъ нѣтъ нужды наряжаться:
Я занятъ, тороплюсь — и мнѣ не до невѣстъ.

Викторъ.

А я не надивлюсь, какъ вамъ не надоѣстъ
Вѣкъ цѣлый пó свѣту гоняться за мечтами?
Вѣдь, чтó ни говори, а, право, между нами,
Опасно, говорятъ, высоко залетать.

Альнаскаровъ.

Ты глупъ — и не тебѣ объ этомъ разсуждать.
Кто служитъ, такъ тому простительно и должно
Всего надѣяться.

Викторъ.

Надѣяться-то можно;
Но адмираломъ быть — ей-богу мудрено.

Альнаскаровъ (*съ жаромъ*).

Мнѣ долго-ли твердить всё то же и одно,
Что тотъ, кто службѣ всѣмъ пожертвовать рѣшился,
Кто такъ, какъ я, всему классически учился,
Кто храбръ, рѣшителенъ, всё знаетъ, всё видалъ,
Тотъ рано-ль, поздно-ли, а будетъ адмиралъ:
За это отвѣчать готовъ я головою.
Есть случаи — они назначены судьбою —
Которыхъ намъ никакъ не должно упускать.
Въ отставкѣ, напримѣръ, чтò-бъ могъ я предпринять?
Одно дурачество — жениться непремѣнно.
Что жъ въ этомъ? Это всё страхъ, какъ обыкновенно.
Жениться можно всѣмъ, — и трусамъ, и глупцамъ;
Но геніямъ временъ, отечества сынамъ —
Иную слава намъ стезю предназначаетъ:
Цѣня достоинства, заслуги награждаетъ,
Вездѣ объ насъ гремитъ ея безсмертный слухъ;
Она живитъ сердца, воспламеняетъ духъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Альнаскаровъ, Аглаева *и* Саша.

Аглаева.

Ахъ, Боже мой! я, васъ заставя дожидаться,
Себя ничѣмъ почти не смѣю извинить.

Альнаскаровъ.

Помилуйте, не вы — я долженъ васъ просить
Не гнѣваться, что васъ собою безпокою.

Аглаева.

Напротивъ, видѣть васъ я рада всей душою.

Альнаскаровъ (*въ сторону*).

Вѣдь, надобно жъ, чтобъ такъ она была мила.

(*Громко.*)

Я ѣду въ Петербургъ, гдѣ ждутъ меня дѣла,
Какъ вдругъ у васъ моя ломается карета;
Но я не ожидалъ, чтобъ непріятность эта
Такимъ свиданіемъ была награждена.

Аглаева.

И я вамъ точно-жъ тѣмъ равно одолжена.

(*Тихо Сашѣ.*)

Ахъ, какъ онъ милъ!

(*Громко.*)

Подай намъ стулья поскорѣе.

(*Альнаскарову.*)

Я признаюсь — всего въ деревнѣ веселѣе,
Когда любезный гость пустынницъ посѣтитъ.

Альнаскаровъ (*въ сторону.*)

Да эта хоть кого, ей-богу, соблазнитъ!

Аглаева.

Но сядемте — и мнѣ, пожалуйста, скажите,
Чтò новаго у насъ?

Альнаскаровъ.

Ахъ, вы меня простите:
Я самъ три мѣсяца не вижу ужъ газетъ.

Аглаева.

Вы шутите и въ васъ терпѣнья, вѣрно, нѣтъ
Читать извѣстія объ островѣ Еленѣ,
О буряхъ, о дождяхъ — не то, такъ объ измѣнѣ
Алжирцевъ...

Альнаскаровъ.

Боже мой! алжирцы всё шалятъ!
Алжирцы! Это стыдъ! Ихъ надобно унять.
Но, между-тѣмъ, моё представьте положенье:
Я, напримѣръ, лечу въ ужасномъ нетерпѣньѣ
Изъ Крыма въ Петербургъ для самыхъ важныхъ дѣлъ,
Но только выѣхать оттуда я успѣлъ,
Какъ вдругъ болѣзнь моя всѣ планы разрушаетъ:
Три мѣсяца меня изъ рукъ не выпускаетъ —
И въ это время я не слышу ни о чёмъ.
Но, бывши твёрдъ, идя рѣшительнымъ путёмъ,
Опять я, наконецъ, къ моей стремлюся цѣли.
Быть-можетъ, тьму вещей надѣлать ужъ успѣли,
Но я никакъ нигдѣ не могъ объ нихъ узнать.

Аглаева (*смѣясь.*)

Такъ потрудитеся газеты прочитать:
Ихъ два раза ко мнѣ въ недѣлю присылаютъ.

Альнаскаровъ.

Ахъ, съ радостью: меня газеты восхищаютъ!

Аглаева (*тихо Сашѣ*).

Какъ всё обдумано! Что, Саша, каково?

Саша (*тихо Аглаевой*).
О, мастерски! Но мы ужъ проведёмъ его.

Аглаева.
Я примѣчаю въ васъ большое нетерпѣнье
Увидѣть Петербургъ.

Саша (*въ сторону*).
Опять за сочиненье!
Послушаемъ.

Альнаскаровъ.
Скажу чистосердечно вамъ,
Чтобъ путь себѣ открыть и къ славѣ, и къ чинамъ,
Съ ребячества служить рѣшился я во флотѣ.
Окончивъ курсъ наукъ, по собственной охотѣ
На Черномъ морѣ мнѣ хотѣлось послужить;
Но, признаюсь вамъ, съ лѣтами, можетъ-быть,
Мнѣ море Черное страхъ показалось тѣсно.
Въ два года всё кругомъ мнѣ сдѣлалось извѣстно;
А съ турками никакъ до дѣла не дойдётъ.
Куда ни поплывёшь — всё знаешь напередъ,
И весь изъ Кафы путь не дальше Дарданеловъ.
Мой геній требовалъ обширнѣйшихъ предѣловъ.
Вдругъ слышу, наконецъ, что снова ужъ хотятъ
Вкругъ свѣта, славы въ путь, отправить нашъ фрегатъ.
Хвала ревнителямъ полезныхъ предпріятій!
И я, чтобъ ускорить плоды моихъ занятій
И экспедицію собою подкрѣпить,
Рѣшаюся надъ ней начальство испросить.
Я жду скорѣйшаго на это разрѣшенья,
И въ Петербургъ лечу на крыльяхъ восхищенья.

Аглаева.
Объ этомъ, кажется, слухъ носится давно.

Альнаскаровъ.
Да, съ полгода — но чтожъ? Вѣдь, это всё равно!
Не подождать меня — ужъ это невозможно.

Аглаева.
О, я увѣрена! И согласиться должно,
Что эдакой вояжъ ужасно можетъ льстить;
Но, послужа, вѣдь, вы устанете служить,
И, наконецъ, когда вы лавры всѣ пожнёте,
Въ отставку вышедши, что́ жъ дѣлать вы начнёте?

Альнаскаровъ.
Тогда-бъ я кѣмъ-нибудь былъ также побѣждёнъ!
Ахъ, признаюсь, я разъ ужасно былъ влюблёнъ!

Аглаева.
Неужли не шутя?

Саша (*въ сторону*).
А! а! проговорился!

Аглаева.
Но чѣмъ же кончилось?

Альнаскаровъ.
Другой на ней женился;
А я утѣшился и — воротился въ Крымъ.

Аглаева.
Но хладнокровіемъ, клянуся вамъ, такимъ
Самъ ангелъ—такъ и тотъ насъ всѣхъ перепугаетъ.

Альнаскаровъ.
Что жъ дѣлать? Иначе всё служба потеряетъ.
Мы, флотскіе — всегда отъ женщинъ далеки.

Саша (*тихо Аглаевой*).
Его сіятельство васъ сердитъ мастерски.

Аглаева (*тихо Сашѣ*).
Я слушать этого не въ силахъ равнодушно!
(*Альнаскарову*).
Но если вамъ самимъ съ женою будетъ скучно,
Такъ скоро и женѣ такой наскучитъ мужъ.

Альнаскаровъ.
Сомнительно; но вамъ однако почему жъ
Такъ заключать? На всё есть въ обществѣ законы:
Безъ насъ, для насъ — вездѣ женатыхъ милліоны;
Но сами геніи не терпятъ брачныхъ узъ:
Колумбъ и Робинзонъ, и Кукъ, и Лаперузъ —
Они, я думаю, всѣ не́ были женаты.

Аглаева.
Я радуюсь, а то мы были бъ виноваты.
Но лучше этотъ намъ оставить разговоръ,
А то у васъ со мной престрашный выйдетъ споръ:
Я разсержусь и всё нарочно изурочу
И даже, можетъ-быть, на зло вамъ напророчу,
Что вамъ на этотъ разъ не ѣхать воевать.

Альнаскаровъ (*вскакивая со стула*).
Не ѣхать? Почему жъ, позвольте мнѣ узнать?

Аглаева.
Да такъ, предчувствіе мнѣ что-то говорило,
Что вы...

Альнаскаровъ.
Предчувствіе? вотъ это очень мило!

Аглаева.
И сонъ...

Альнаскаровъ.
И сонъ! а что жъ вы видѣли во снѣ

Аглаева.
Да множество вещей.

Альнаскаровъ (*въ сторону*).
Чего же больше мнѣ?
Одно свиданіе — и такъ влюбиться страстно!

Саша (*тихо Аглаевой*).
Да полноте, а то ужъ будетъ слишкомъ ясно —
И лучше погодить нашъ открывать секретъ;
Онъ догадается.

Аглаева (*тихо Сашѣ*).
Да почему-жъ? О, нѣтъ!
(*Альнаскарову*).
Но, знаете, мнѣ жаль, мы время здѣсь теряемъ.
Пойдёмте лучше въ садъ: я напою васъ чаемъ —
И это вѣрно насъ съ пріятностью займётъ.

Альнаскаровъ.
Ахъ, съ радостью! Но мнѣ позвольте напередъ
Здѣсь моему слугѣ отдать лишь приказанья.

Аглаева.
А я васъ жду, Теперь прощайте, до свиданья.
(*Въ сторону*). Я влюблена! (*Уходитъ съ Сашею*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Альнаскаровъ (*одинъ*).
Итакъ — всё случай довершилъ!
Каковъ-же я? Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ!
Вотъ, господа, кружить какъ головы имъ должно.
Но этимъ вздоромъ мнѣ прельщаться невозможно:
Судя по всѣмъ вещамъ, я твёрдо убѣждёнъ,
Что я къ чему-нибудь чудесному рождёнъ.
Не помню, гдѣ читалъ я анекдотъ прекрасной,
Что кто-то изъ морскихъ, въ часъ бури преужасной,
Присталъ къ землѣ, дотоль незнаемой никѣмъ.
Онъ поселился тамъ — и кончилося тѣмъ,
Что вскорѣ жители рѣшили межъ собою
Республики своей избрать его главою.

ЯВЛЕНІЕ X.

Входитъ Викторъ.

Альнаскаровъ (*не замѣчая его*).
Онъ мудро управлялъ и въ честь ему потомъ
Народа общій гласъ избралъ его царёмъ.
Что если-бъ? Почему-жъ! на счастье нѣтъ закона!
Да чѣмъ-же, Боже мой, я хуже Робинзона?
И я могу открыть прелестный островокъ.
Тамъ, сдѣлавшись царёмъ, построю городокъ,
Займусь прожектами, народными дѣлами,
Устрою гавани, наполню ихъ судами —
И тутъ-то я до васъ, алжирцы, доберусь!
Смиритеся — не то пойду, вооружусь —
И вы познаете воителя десницу!
Рѣшивши бой, лечу съ трофеями въ столицу:
Я встрѣченъ въ гавани народною толпой,
Иду — прохода нѣтъ: всё ницъ передо мной.
Какой восторгъ! вездѣ одни лишь слышны клики:
„Да здравствуетъ нашъ царь! да здравствуетъ великій!“

Викторъ.
Монархъ!

Альнаскаровъ (*въ жару мечтанья*).
Чтó хочешь ты? Надѣйся и вѣщай!

Викторъ.
Великій государь, васъ просятъ кушать чай!

М. Н. ЗАГОСКИНЪ.

Михаилъ Николаевичъ Загоскинъ, извѣстный авторъ „Юрія Милославскаго“ и потомокъ именитаго рода, вышедшаго изъ Золотой Орды и обрусѣвшаго въ Великомъ Новгородѣ, родился 14-го іюля 1789 года, въ Пензенской губерніи и уѣздѣ, въ селѣ Рамзаѣ, принадлежавшемъ въ то время его отцу. До четырнадцати лѣтъ онъ прожилъ дома, гдѣ и получилъ то скудное первоначальное образованіе, которое онъ постоянно старался впослѣдствіи развить чтеніемъ и изученіемъ языковъ французскаго и нѣмецкаго, особенно перваго, въ чёмъ и успѣлъ, благодаря своей любознательности и настойчивости. Здѣсь же, въ деревнѣ, и притомъ очень рано, обнаружилась въ нёмъ наклонность къ сочинительству, вскорѣ овладѣвшая имъ совершенно, такъ что на одиннадцатомъ году онъ уже является авторомъ трагедіи: „Леонъ и Зыдея“ и повѣсти „Пустынникъ“, которыя до того понравились всѣмъ его знакомымъ, что никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы авторомъ названныхъ пьесъ могъ быть маленькій Миша. Въ 1802 году тринадцатилѣтній Загоскинъ былъ отвезёнъ въ Петербургъ и опредѣлёнъ на службу въ департаментъ Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ, прослуживъ въ которомъ десять лѣтъ, былъ произведёнъ, въ 1811 году, въ губернскіе секретари и назначенъ помощникомъ столоначальника. Насталъ 1812 годъ съ его народною войною: Загоскинъ бросилъ всё — и записался въ Петербургское ополченіе, съ которымъ дошелъ до Полоцка, участвовалъ въ знаменитомъ сраженіи 7-го октября подъ этимъ городомъ, былъ раненъ въ ногу, награждёнъ орденомъ св. Анны 3-й степени и уволенъ въ отпускъ до излѣченія раны. Назначенный, по выздоровленіи, адъютантомъ къ графу Левизу, Загоскинъ занималъ эту должность въ теченіе всей продолжительной и тяжелой осады Данцига. По сдачѣ города и распущеніи ополченія, Загоскинъ возвратился въ свою пензенскую деревню, гдѣ снова принялся за книги и перо — и въ томъ же году написалъ одноактную комедію „Проказникъ“. Затѣмъ въ самомъ началѣ 1815 года, онъ опять явился въ Петербургъ и снова поступилъ въ тотъ

же департаментъ Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ, въ которомъ служилъ до войны. Познакомившись съ П. А. Корсаковымъ, извѣстнымъ переводчикомъ съ голландскаго, Загоскинъ вручилъ ему свою комедію, съ просьбою передать её на судъ князя А. А. Шаховского, бывшаго въ это время членомъ репертуарной части при петербургскомъ театрѣ. Князь Шаховской, пріятно изумлённый отличнымъ разговорнымъ языкомъ, живостью дѣйствія и неподдѣльною весёлостью новой комедіи, чего онъ уже давно не замѣчалъ въ грудѣ присылаемыхъ ему на разсмотрѣніе пьесъ, ободрилъ и обласкалъ молодого писателя, и немедленно приступилъ къ постановкѣ комедіи и распредѣленію ролей. Пьеса была дана и имѣла успѣхъ, но напечатана не была. Ободрённый похвалами Шаховского, Загоскинъ вскорѣ написалъ новую комедію, подъ названіемъ: „Комедія противъ комедіи или урокъ волокитамъ“, сыгранную въ первый разъ 4-го ноября того же года и положившую начало извѣстности ея автора. Затѣмъ, въ 1817 году были поставлены на сцену четыре пьесы Загоскина: двѣ комедіи—„Богатоновъ или провинціалъ въ столицѣ“ и „Вечеринка ученыхъ“ и двѣ интермедіи—„Макарьевская ярмарка“ и „Лебедянская ярмарка“. Изъ нихъ „Вечеринка ученыхъ“ имѣла огромный успѣхъ, возбуждая постоянную весёлость партера. Въ исходѣ того же года, Загоскинъ перешелъ на службу дирекціи театровъ, помощникомъ члена репертуарной части, и, вслѣдъ затѣмъ, былъ назначенъ почётнымъ библіотекаремъ Императорской Публичной Библіотеки. Впрочемъ, занятія по новымъ должностямъ не мѣшали ему работать для театра—и 28-го іюля 1819 года, въ бенефисъ Сосницкихъ, была дана на сценѣ петербургскаго театра его новая пьеса: „Романъ на большой дорогѣ“, имѣвшая большой успѣхъ, а 23-го іюня 1820 года представлена въ первый разъ его комедія въ трёхъ дѣйствіяхъ: „Добрый малый“. Вслѣдъ за представленіемъ этой послѣдней пьесы, авторъ переѣхалъ на жительство въ Москву. Здѣсь. въ началѣ 1821 года, Загоскинъ, не написавшій до сихъ поръ ни одного стиха, принялся за изученіе правилъ піитики — и написалъ первое своё стихотвореніе, „Посланіе къ Н. И. Гнѣдичу“, отличающееся весьма гладкимъ и звучнымъ стихомъ. Петербургскіе друзья Загоскина, знавшіе очень хорошо, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о стихосложеніи и даже не чувствовалъ паденія и мѣры стопъ, были крайне изумлены первымъ его опытомъ и долго не знали, что подумать о нёмъ; но когда Михаилъ Николаевичъ, спустя мѣсяцъ, прислалъ въ „Общество Соревнователей Просвѣщенія“ два новыя свои стихотворенія: „Авторская клятва“ и „Выборъ невѣсты“ и когда обѣ пьесы, прочитанныя въ собраніи общества, возбудили общія похвалы, то членъ его, Н. И. Гнѣдичъ, не замедлилъ обратиться къ Загоскину съ слѣдующимъ привѣтомъ: „Послѣ „Авторской клятвы“, я уже перестану и удивляться твоимъ истинно-блистательнымъ успѣхамъ, любезный другъ Михаилъ Николаевичъ. Пьеса—порука намъ, что ты подаришь театръ комедіей въ стихахъ“. Ожиданія Гнѣдича сбылись и притомъ очень скоро: въ началѣ слѣдующаго 1822 года комедія *въ стихахъ*: „Урокъ холостымъ или наслѣдники“ была окончена Загоскинымъ и 4-го мая того же года представлена на московской сценѣ. Съ наступленіемъ 1823 года (23 января) онъ поставилъ новую свою комедію-водевиль: „Деревенскій философъ“, которая окончательно утвердила за нимъ славу лучшаго современнаго драматическаго писателя. Затѣмъ, цѣлые полтора года были посвящены имъ на приготовленіе къ экзамену на чинъ 8-го класса, при чёмъ вытвержено было наизусть даже всё римское право, послѣ чего онъ бодро предсталъ предъ экзаменаторами и кончилъ тѣмъ, что выдержалъ испытаніе блистательно и тѣмъ проложилъ путь къ вожделѣнному чину коллежскаго асессора, который вскорѣ и получилъ. Обезпеченный теперь въ дальнѣйшемъ прохожденіи служебной карьеры, Загоскинъ снова обратился къ литературѣ и въ теченіе 1828 года поставилъ оперу: „Панъ Твардовскій“, съ музыкой Верстовскаго, и комедію въ 4-хъ дѣйствіяхъ: „Благородный театръ“, о которой одинъ изъ современниковъ пишетъ: „Эта пьеса имѣла самый полный, самый огромный успѣхъ: зрители задыхались отъ смѣха, хохотъ мѣшалъ хлопать, и громъ рукоплесканій вырывался только по временамъ, особенно по окончаніи каждаго акта; только въ послѣдующія представленія неумолкаемыя рукоплесканія раздавались вмѣстѣ со смѣхомъ“.

Между-тѣмъ, давно собираемые матеріалы для давно-задуманнаго историческаго романа, были приведены въ порядокъ—и осенью 1828 года Загоскинъ могъ приступить къ работѣ. Погруженный по цѣлымъ днямъ въ чтеніе историческихъ документовъ, необходимыхъ для всесторонняго изученія избранной имъ эпохи, онъ зарабатывался до того, что, по свидѣтельству очевидца, „на ули-

цахъ не узнавалъ никого, не отвѣчалъ на поклоны, не слыхалъ привѣтствій". Видя всё это, друзья и знакомые Загоскина ждали отъ него чего-нибудь необыкновеннаго—и они не обманулись въ своихъ ожиданіяхъ. Наконецъ, въ исходѣ 1829 года ожидаемое произведеніе Загоскина вышло въ свѣтъ: это былъ извѣстный историческій романъ его въ трёхъ частяхъ: „Юрій Милославскій или русскіе въ 1612 году", знакомый всякому грамотному русскому. „Появленіе этого романа", говоритъ С. Т. Аксаковъ: „составило эпоху въ жизни Загоскина, въ литературномъ и общественномъ отношеніи. Восхищеніе было общее, единодушное: не много находилось людей, которые его не вполнѣ раздѣляли. Публика обѣихъ столицъ и, вслѣдъ за нею, или почти вмѣстѣ съ нею, публика провинціальная, пришла въ совершенный восторгъ. Всѣ обрадовались „Юрію Милославскому", какъ общественному пріятному событію; всѣ обратились къ Загоскину: знакомые и незнакомые, знать, власти, дворянство и купечество, ученые и литераторы—обратились со всѣми знаками уваженія, съ восторженными похвалами; всѣ, кто жили или пріѣзжали въ Москву, ѣхали къ Загоскину; бывшіе въ отсутствіи—писали. Всякій день получалъ онъ новыя письма, лестныя для авторскаго самолюбія".—„Поздравляю васъ съ успѣхомъ полнымъ и вполнѣ заслуженнымъ", писалъ ему А. С. Пушкинъ, вслѣдъ за появленіемъ въ печати „Юрія Милославскаго", „а публику съ однимъ изъ лучшихъ романовъ нынѣшней эпохи. Всѣ читаютъ его; дамы отъ него въ восхищеніи. Дай Богъ вамъ многія лѣта! то-есть—дай Богъ намъ многіе романы!" Жуковскій, съ своей стороны, сообщалъ талантливому автору, что онъ не могъ оторваться отъ его романа всю ночь и всѣ три тома прочиталъ въ одинъ присѣстъ. И. И. Дмитріевъ, Крыловъ, Гнѣдичъ, князь Шаховской, Оленинъ и другіе—дружески привѣтствовали въ Загоскинѣ новый „могучій" талантъ. Вальтеръ-Скоттъ, Просперъ Мериме и фонъ-Ольбергъ—письменно засвидѣтельствовали автору „Юрія Милославскаго" своё удивленіе его прекрасному таланту, при чёмъ послѣдніе двое — по-русски. Наконецъ, въ доказательство громаднаго успѣха „Юрія Милославскаго" можно привести ещё и то̀, что онъ выдержалъ девять изданій и былъ по нѣскольку разъ переводимъ на языки: французскій, нѣмецкій, италіанскій, голландскій, англійскій и чешскій.

Въ 1830 году Загоскинъ былъ назначенъ управляющимъ конторою императорскихъ московскихъ театровъ, а въ слѣдующемъ году произведёнъ въ коллежскіе совѣтники, пожалованъ дѣйствительнымъ камергеромъ и назначенъ исправляющимъ должность директора московскихъ театровъ. Въ 1831 году явился въ свѣтъ второй историческій романъ Михаила Николаевича: „Рославлевъ или русскіе въ 1812 году". (Москва, четыре части), встрѣченный публикою съ такимъ же восторгомъ, какъ и первый, такъ же выдержавшій много изданій и переведённый на многіе иностранные языки. Въ 1833 году Загоскинъ издалъ свой третій историческій романъ: „Аскольдова Могила, повѣсть изъ времёнъ Владиміра 1-го" (Москва, три части). Этотъ романъ далеко не имѣлъ успѣха двухъ первыхъ. Впослѣдствіи авторъ передѣлалъ его въ либретто для оперы того же имени, которое послужило сюжетомъ для прекрасной музыки Верстовскаго, сдѣлавшейся народной и прославившей имя талантливаго композитора. Въ 1835 году была написана имъ комедія „Недовольный", а нѣсколько позднѣе—„Поѣздка за границу". Въ 1837 году Загоскинъ былъ произведёнъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, съ утвержденіемъ въ должности директора императорскихъ московскихъ театровъ, и, въ томъ же году, издалъ два тома своихъ повѣстей, куда вошли: „Вечера на Хопрѣ", „Три жениха" и „Кузьма Рощинъ". Въ 1838 году онъ напечаталъ романъ „Искуситель", а въ слѣдующемъ году — другой романъ: „Тоска по Родинѣ", передѣланный вскорѣ въ оперу, съ музыкой Верстовскаго. 3-го февраля 1742 года Загоскинъ получилъ мѣсто директора Московской Оружейной Палаты, которое и занималъ до самой смерти. Затѣмъ, въ 1845 году, пожалованъ орденомъ св. Станислава 1-й степени, а въ 1851 году — орденомъ св. Анны 1-го класса. Кромѣ исчисленныхъ выше сочиненій, Загоскинъ, въ послѣдніе годы своей жизни, издалъ ещё слѣдующія: „Кузьма Петровичъ Мирошевъ", романъ въ 2-хъ частяхъ, „Москва и Москвичи", въ 4-хъ частяхъ, „Брынскій лѣсъ", романъ въ двухъ частяхъ, „Русскіе въ началѣ восемнадцатаго столѣтія", романъ въ 2-хъ частяхъ, и „Женатый женихъ", комедію въ четырёхъ дѣйствіяхъ, которая была послѣднимъ произведеніемъ Михаила Николаевича. Онъ умеръ 23-го іюня 1852 года и погребёнъ въ московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

„Основными качествами характера Загоскина", говоритъ С. Т. Аксаковъ: „были честность, весёлость, неограниченное добродушіе и довѣрчивость. Дѣлая много добра, онъ никогда не помнилъ о

томъ. Будучи вспыльчивъ отъ природы, Загоскинъ совсѣмъ не имѣлъ того раздражительнаго авторскаго самолюбія, которымъ обыкновенно страдаютъ писатели. Не только его друзья и пріятели, но всякій могъ сдѣлать лично ему, какія угодно, жесткія замѣчанія, и онъ принималъ ихъ всегда добродушно и спокойно, и готовъ былъ сознаться въ ошибкѣ, если чувствовалъ справедливость замѣчаній. Онъ не выносилъ только одного, если, нападая на Загоскина, задѣвали Россію или русскаго человѣка: тогда немедленно слѣдовала горячая вспышка. Имѣя умъ простой, здравый и практическій, Загоскинъ не любилъ ни въ чемъ отвлечённости, и былъ всегда врагомъ всякой мечтательности и тёмныхъ метафизическихъ, трудныхъ для пониманія, мыслей и выраженій".

I.

БАЛЛАДА.

(Изъ оперы „Аскольдова Могила".)

Близко города Славянска,
На верху крутой горы,
Знаменитый жилъ бояринъ,
По прозванью Карачунъ.
Въ его теремѣ высокомъ,
Словно пташка взаперти,
Изнывала въ злой неволѣ
Красна дѣвица душа.

Поздно вечеромъ однажды
У косящата окна,
Сиротинушка Любаша
Пригорюнившись сидитъ.
Она плачетъ — слёзы льются,
Какъ потокъ, шумятъ онѣ;
А всё сердцу не отрада,
И не легче всё ему.

Она смотритъ въ ту сторонку,
Гдѣ живётъ ея Всемилъ.
Тамъ, далече — за Ильменемъ
Онъ остался безъ нея!
Вотъ ужъ лѣто всё проходитъ,
А объ нёмъ и вѣсти нѣтъ:
Знать, забылъ свою невѣсту,
Знать, женился на другой!

Скоро полночь — она плачетъ,
И на умъ нейдётъ ей сонъ;
Вотъ, вдругъ слышитъ, кто-то скачетъ;
Вотъ ужъ близко... Это онъ!
Вотъ подъѣхалъ тихимъ шагомъ...
Въ домѣ смирно: нѣтъ огня;
Только волки за оврагомъ
Воютъ, глядя на коня.

Вдругъ, откуда ни взялися
Двое витязей другихъ:
Разомъ лѣстницу къ окошку
Приставляютъ молодцы.
Что жъ бояринъ? — Почиваетъ,
Его слуги также спятъ;
Одинъ стражъ стоитъ на вышкѣ
И мурлычетъ про себя.

Вотъ залаяли собаки —
И проснулся Карачунъ,
Вотъ хватился онъ Любаши —
Нѣтъ ея. Ахти, бѣда!
Всѣ на кóней — и въ погоню,
Да ужъ поздно — нѣтъ слѣда.
Спустя лѣто, по малину
Въ лѣсъ не ходятъ никогда.

II.

КЪ ЛЮДМИЛУ.

Съ какимъ торжественнымъ и радостнымъ лицомъ,
Съ какимъ восторгомъ мнѣ, Людмилъ, ты объявляешь,
Что, рѣзвой Таліи рѣшившись быть жрецомъ,
Досуги ты свои театру посвящаешь.
Повѣрь, въ томъ жалости, мой другъ, нимало нѣтъ,
Кто вздумалъ дать тебѣ столь пагубный совѣтъ.
Скажи, какой злой духъ, конечно, въ наказанье
За тяжкіе грѣхи, внушилъ тебѣ желанье
На этомъ поприщѣ твоихъ извѣдать силъ?
Иль участь горькую не знаешь ты, Людмилъ,
Въ удѣлъ суждённую комическимъ поэтамъ?
Веселья всѣ забывъ, разставшись съ цѣлымъ свѣтомъ,
Трудамъ всю жизнь свою ты долженъ посвятить;
Съ терпѣньемъ слушать вздоръ, безъ ропота сносить
Насмѣшки остряковъ, нападки журналистовъ,
Сужденія купцовъ, лакеевъ, копіистовъ —
И, словомъ, всей Москвѣ отдавъ себя на судъ,
За милость почитать, когда изъ снисхожденья,
Порядкомъ осмѣявъ твоё произведенье,
Съ нимъ вмѣстѣ и тебя забвенью предадутъ. -
Всё это бъ доказать я могъ легко примѣромъ.
„Но участи другихъ тебѣ не можно ждать;

„Ужъ, вѣрно, будешь ты вторымъ у насъ Мольеромъ:
„Всѣ станутъ и должны тебѣ рукоплескать".

Согласенъ и на то. Не скажемъ мы ни слова,
Какъ много ты ночей провёлъ совсѣмъ безъ сна.
Положимъ, что твоя комедія готова;
Отдать её въ театръ — забота лишь одна
Осталася тебѣ; и вотъ, изъ доброй воли
Мытарства всѣ пройдя, успѣешь наконецъ:
Піеса принята; расписаны всѣ роли;
Друзья заранѣе плетутъ тебѣ вѣнецъ;
Враги до времени свою скрываютъ злобу,
И ты, довольный всѣмъ, являешься на пробу;
Спѣшишь её начать. О, бѣдный мой Людмилъ!
Крѣпись, мой другъ, терпи: часъ бѣдствій наступилъ!
Какихъ ты перенесть не долженъ испытаній,
Препятствій и досадъ, несносныхъ истязаній!
Ты, вѣрно, скажешь мнѣ: „всё это не бѣда!
Награду пріобрѣсть не можно безъ труда!"
Она передъ тобой—твоя, въ томъ нѣтъ сомнѣнья!

И вотъ насталъ ужъ день желанный представленья:
На сценѣ ты давно; въ ужасныхъ суетахъ,
Съ смущеньемъ на челѣ, съ улыбкой на устахъ,
Къ актёрамъ всѣмъ въ глаза съ поклономъ забѣгаешь,
Здѣсь руку жмёшь слугѣ, тамъ дядю обнимаешь,
И даже самъ суфлёръ, попавъ къ тебѣ въ друзья,
Бросаетъ вкругъ себя взглядъ важный и спѣсивый.
Но вотъ шумитъ партеръ, сей грозный судія,
Въ сужденіяхъ своихъ нерѣдко торопливый.

Пробило шесть часовъ—знакъ поданъ роковой;
Хлопочетъ режиссёръ, актёровъ всѣхъ сзывая,
Оркестръ гремитъ—и ты съ поникшей головой,
Смятеніе своё и страхъ едва скрывая,
Спѣшишь среди кулисъ прижаться въ уголокъ.
Хоть скромность лишняя не авторскій порокъ,
Повѣрь, Людмилъ, въ сіи минуты ожиданья
Исчезнутъ всѣ твои надменныя мечтанья,
Надежда пропадётъ; твой трудъ, въ которомъ ты
Доселѣ находилъ однѣ лишь красоты,
Представится тебѣ столь мелкимъ и ничтожнымъ,
Что, всякій ужъ успѣхъ считая невозможнымъ,
Предвидишь торжество завистниковъ твоихъ.
Погрѣшности забыть стараешься напрасно:
Ошибка каждая и каждый слабый стихъ—
Всё, всё придётъ на умъ; теперь ты видишь ясно:
Завязка сбивчива, интрига не вѣрна—
Такъ точно! Боже мой! комедія дурна!
Всѣ зрители должны дремать, заснуть отъ скуки.
Уже ты чувствуешь начало адской муки;
Ты слышишь злобный смѣхъ, шиканье, и свистъ;
Ты видишь предъ собой—о страшное явленье!—
Какъ съ сердцемъ ледянымъ холодный журналистъ,
Подробно описавъ постыдное паденье
И подписью скрѣпивъ твой смертный приговоръ,
Въ листкахъ своихъ тебя выводитъ на позоръ.
Тогда, Людмилъ, съ какимъ душевнымъ сокрушеньемъ
Ты, вспомнивъ мой совѣтъ, винишь, клянёшь себя,
Но вдругъ затихнетъ всё—и вмѣстѣ съ представленьемъ
Мученья новыя начнутся для тебя.
Ты съ трепетомъ глядишь на каждаго актёра:
Не даромъ за себя боишься и за нихъ.
Тотъ вытти опоздалъ, тотъ скушалъ цѣлый стихъ,
А здѣсь другой отстать не смѣя отъ суфлёра,
Безъ точки съ запятой не скажетъ ничего.
Терпи, Людмилъ, терпи—а болѣе всего
Показывать не смѣй ни гнѣва, ни досады.

Но вотъ ужъ наступилъ желанный часъ награды:
Могущество своё доказывать любя,
Партеръ шумитъ, кричитъ и требуетъ тебя.
Всѣ эти вызовы между собой похожи:
Съ приличной скромностью, согнувшись весь въ кольцо,
Пріятелямъ своимъ покажешь ты изъ ложи
Давно уже для нихъ знакомое лицо.

Доволенъ, счастливъ ты—не спорю я съ тобою;
Но знаешь ли, какой ужасною цѣною
За этотъ счастья мигъ ты долженъ заплатить?
Жрецъ истины святой, всегдашній бичъ порока,
Поэтъ комическій льстецомъ не можетъ быть;
И если не успѣлъ хорошаго урока
Онъ дать насмѣшникамъ, надменнымъ богачамъ,
Иль, кистью вѣрною изображая намъ
Безстыднаго ханжи смиренную личину,
Не смѣлъ сорвать съ него обманчивый нарядъ,
Не смѣлъ сказать въ глаза большому господину,
Что гордость есть порокъ, что славныхъ предковъ рядъ,
Безъ собственныхъ заслугъ, достойныхъ уваженья,
Не слава для него, а стыдъ и поношенье;
Коль хитрость и обманъ, злословье и вражда
Судью не строгаго найдутъ въ тебѣ—тогда
Напрасно ты себя поэтомъ называешь.
Но если ты свой долгъ священный исполняешь
И смѣло обличить порокъ вездѣ готовъ,

То знай, мой другъ: полки безчисленныхъ враговъ
Возстанутъ на тебя всеобщимъ ополченьемъ,
Весь умъ свой изострятъ надъ бѣднымъ сочиненьемъ,
Найдутъ погрѣшности не сыщутъ въ немъ красотъ,
И, чтобъ вѣрнѣй убить едва возникшій геній,
Твореніе твоё, прекрасный, зрѣлый плодъ
Ужаснѣйшихъ трудовъ, глубокихъ размышленій—
О стыдъ!—съ какимъ-нибудь посланіемъ сравнятъ:
Проснётся клевета, зоилы зашипятъ.
Тогда, при помощи услужливыхъ журналовъ,
Презрѣнная толпа новѣйшихъ Ювеналовъ,
Тяжелыхъ, какъ свинецъ, педантовъ и вралей,
И, словомъ, сборище парнасскихъ всѣхъ шмелей,
Какъ туча, надъ тобой разверзнется и грянетъ;
Подъ тяжкимъ желчью ихъ напитаннымъ перомъ,
Твой юный, свѣжій лавръ безвременно завянетъ—
И ты, Людмилъ, повѣрь, согласенъ будешь въ томъ,
Что лучше вѣкъ не быть комическимъ поэтомъ,
Безъ славы умереть, чѣмъ сдѣлаться предметомъ
Злословья, клеветы и злобныхъ эпиграммъ.
Ты хочешь мнѣ сказать: „я знаю это самъ!
Поэтамъ истиннымъ прилична-ль боязливость?
Что значитъ въ ихъ глазахъ враговъ пристраст-
ный судъ?
И рано-ль, поздно-ли, а вѣрно справедливость
Таланту твоему потомки отдадутъ:
Забвеніе твоимъ не можетъ быть удѣломъ.
Оставя за собой въ твоёмъ полётѣ смѣломъ
Ничтожныхъ всѣхъ пѣвцовъ, театръ украсивъ нашъ,
Творенія свои вѣкамъ ты передашь!"

Прекрасно, милый мой! большое утѣшенье,
Награда лестная, всю жизнь терпя гоненье,
По смерти быть въ чести! Не лучше-ли хотѣть,
Безвѣстный кончивъ вѣкъ, спокойно умереть,
Чѣмъ жертвой вѣчной быть интригъ и вѣроломства?
Къ чему намъ льстить себя безсмертія мечтой?
Что слава мнѣ тогда и что мнѣ до потомства,
Когда въ сырой землѣ и прахъ истлѣетъ мой?
Что нужды мнѣ, что свѣтъ и лживый, и коварный
Раскается тогда въ сужденіи своёмъ?
Нѣтъ, нѣтъ, Людмилъ! оставь сей трудъ наблаго-
дарный!
Коль славнымъ хочешь быть, ступай инымъ путемъ!
Извѣстность не всегда подруга дарованья:
Будь лирикомъ, мой другъ! примись-ка за посланья!
Писателей-друзей хвалить не уставай:
Хорошихъ—потому, что ихъ хвалить не стыдно,
Дурныхъ же для того, чтобъ не было обидно;
Описывай пиры, а чаще ихъ давай;
А такъ, какъ здравый смыслъ давно уже не въ модѣ,
Ты можешь иногда писать и въ мрачномъ родѣ:
Поймутъ тебя, иль нѣтъ—что нужды? все равно!
А лучше и того, пѣвецъ любви счастливой,
Воспой прелестный взглядъ Лаисы прихотливой,
Забавы юности, безпечность и вино.
„Да это", скажешь ты: „не новые предметы:
Въ сёмъ родѣ есть давно отличные поэты".
Отъ нихъ-то и живись! Гражданскія права
Не значатъ ничего въ республикѣ словесной!
Талантъ украсть нельзя—такъ выкради слова!
Лети вослѣдъ мечты—*крылатой* и прелестной,
Всѣ сны *волшебные* чувствительной души
И *нѣги праздной сонъ* описывай въ *тиши*;
Оплачь потерю дней, въ *чужбинѣ* проведённыхъ,
Кипящей младости отцвѣтшіе *года*.
Короче, модныхъ словъ, талантомъ освященныхъ
Будь полнымъ словарёмъ; описывай всегда
Души растерзанной всѣ бури и ненастья,
Цвѣтъ жизни молодой, *грядущаго обѣтъ*,
Бывалыя мечты, а пуще—*сладострастье*:
Безъ этого словца въ стихахъ спасенья нѣтъ.
Хоть это всё старо́—не спорю я нимало,
За то, Людмилъ, чернилъ лишь только бы достало,
А то, мой другъ, пиши! Стихи твои жестки?
Не бойся ничего: друзья найдутъ въ нихъ силу.
Разбавлены водой? такъ что жъ?—они легки!
Ошибки всѣ простятъ богатому Людмилу.
Шампанскимъ кто поитъ, того никто не тронь!
Нѣтъ смыслу, наконецъ? за то какой огонь!
И, словомъ, ты рождёнъ писателемъ чудеснымъ;
Ты долженъ славнымъ быть, ты долженъ быть
извѣстнымъ;
Стихамъ твоимъ гремитъ повсюду похвала
И вскорѣ, можетъ быть, безъ всякихъ затрудненій,
По милости друзей и сытнаго стола,
Ты будешь всё: талантъ, поэтъ и даже геній.

III.

ИЗЪ КОМЕДІИ „БЛАГОРОДНЫЙ ТЕАТРЪ".

ЯВЛЕНІЕ VII.

Бирюлькинъ *и* Чвстоновъ.

Чвстоновъ (*улыбаясь*).

Такъ вы, сударь, актёръ? Неужто въ самомъ дѣлѣ!

Бирюлькинъ.

Эхъ, батюшка, чуть-чуть душа осталась въ тѣлѣ!
Совсѣмъ замучили. Пускай бы два стиха—
Нѣтъ, сотню выучи; а память-то плоха:

Твердить примусь — бѣда: начнётъ душить зѣвота;
Къ тому же у меня и кашель, и перхота.
Ну что я за актёръ?

Чистоновъ.

Нельзя же безъ труда
Артистомъ быть. Когда старикъ въ твои года
Захочетъ въ рѣзвостяхъ тягаться съ молодыми,
Такъ должно все сносить.

Бирюлькинъ.

Конечно такъ, кто съ ними
Проказитъ заодно; а я, почтенный мой,
И знать ихъ не хочу: мнѣ нáдобенъ покой.

Чистоновъ.

Но развѣ ты не могъ отдѣлаться отъ роли?
Зачѣмъ брался?

Бирюлькинъ.

Зачѣмъ? Возьмешься поневолѣ,
Когда на старости пугнутъ тебя судомъ.

Чистоновъ.

Судомъ?

Бирюлькинъ.

Я думаю, извѣстны вы о томъ,
Что братцу вашему, ещё въ запрошломъ лѣтѣ,
Имѣя на бѣду покупочку въ предметѣ,
Рублей до тысячи я какъ-то задолжалъ.
Хоть тысяча рублей не важный капиталъ,
Но такъ какъ у меня весь хлѣбъ побило градомъ,
А что осталося, пришлось продать съ накладомъ,
Къ тому же мужички не выслали оброкъ,—
Такъ деньги я внести по векселю не могъ.
Вашъ братецъ, знаете, зовётъ меня сосѣдомъ
И жалуетъ. Ну вотъ, однажды за обѣдомъ,
Изволитъ говорить: „послушай-ка, сосѣдъ,
Заводимъ мы театръ. Въ тебѣ хоть толку нѣтъ,
Однако-жъ, такъ и быть, ступай и ты въ актёры!"
Вотъ я было и прочь—куда ты! хоть до ссоры.
Какъ крикнетъ, батюшка: „со мною не шути!
Прошу играть, не то—по векселю плати!"
— И радъ бы радостью—да мнѣ шестой десятокъ.
„Не хочешь, такъ плати!"— Дождитесь хоть святокъ,
И всё съ процентами сполна вамъ заплачу́.
„Нѣтъ, въ судъ!" „Помилуйте!" „И слышать не хочу!
А впрочемъ, не играй: вѣдь, я, братъ, не невòлю!"
Что дѣлать? Замолчалъ! Въ карманъ пихнули ролю,
Очнуться не дали

Чистоновъ.

И жалко, и смѣшно!

Бирюлькинъ.

Дурачить такъ меня, ей-ей, отецъ, грѣшно!
Во мнѣ же вовсе нѣтъ способностей природныхъ.

Чистоновъ (*улыбаясь*).

А вѣрно, ты попалъ на роли благородныхъ
Отцовъ; а можетъ быть, и знатный господинъ...

Бирюлькинъ.

И должно-бъ такъ: вѣдь, я—природный дворянинъ;
Такъ нѣтъ, сударь, меня упрятали въ холопы.
Охотнѣе бъ пошелъ въ Сибирь я въ рудокопы,
А дѣлать нечего: хоть плачь, а будь актёръ.
Вѣкъ съ честію служилъ, ужъ двадцать лѣтъ майоръ:
И мнѣ лакеемъ быть!

Чистоновъ.

По чести, это больно.

Бирюлькинъ.

Вѣстимо, батюшка, да дѣло-то невольно.
Одно изъ двухъ: плати, не то играй слугу!
Попробуй отказать—такъ онъ согнетъ въ дугу!

А. С. ГРИБОѢДОВЪ.

Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ, знаменитый авторъ лучшей русской комедіи „Горе отъ ума", родился 4-го января 1795 года въ дворянской семьѣ, владѣвшей довольно значительнымъ имѣніемъ въ Смоленской губерніи. Это послѣднее обстоятельство дало возможность родителямъ Грибоѣдова, людямъ образованнымъ, дать и сыну своему то вполнѣ правильное и хорошее образованіе, которымъ онъ впослѣдствіи такъ рѣзко выдѣлялся изъ сонма современныхъ ему литераторовъ. Благодаря усердію и настойчивости своихъ ученыхъ наставниковъ, Петрозилíуса и Богдана Ивановича Іона, Грибоѣдовъ, въ пятнадцать лѣтъ, уже зналъ основательно не только языки русскій и французскій, но также латинскій и нѣмецкій, и былъ подготовленъ настолько, что могъ поступить, въ 1810 году, въ число студентовъ-вольнослушателей Московскаго университета, въ которомъ пробылъ два года, и при выпускѣ получилъ степень кандидата правъ. Окончаніе Грибоѣдовымъ курса наукъ совпало какъ разъ съ началомъ отечественной войны — и семнадцатилѣтній кандидатъ, увлекаемый патріотизмомъ, становится въ число защитниковъ родной земли. Поступивъ корнетомъ въ формировавшійся тогда въ Москвѣ гусарскій графа Салтыкова полкъ и прослуживъ въ нёмъ около четырехъ мѣсяцевъ, онъ былъ переведёнъ въ Иркутскій гусарскій полкъ, стоявшій въ то время подъ Брестъ-Литовскомъ. Здѣсь онъ простоялъ съ полкомъ всё время отечественной войны

и заграничныхъ походовъ 1813 и 1814 годовъ, такъ-какъ полкъ, въ которомъ онъ служилъ, вошелъ въ составъ резерва, находившагося подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Кологривова и расположеннаго въ Литвѣ. Впрочемъ, скука невольнаго бездѣйствія, на которую былъ обречёнъ Грибоѣдовъ въ Брестъ-Литовскѣ, не слишкомъ томила поэта, такъ-какъ судьба свела его здѣсь съ двумя писателями: извѣстнымъ драматургомъ, княземъ А. А. Шаховскимъ и романистомъ С. Н. Бѣгичевымъ, подобно ему занесёнными случайностями войны въ литовскія трущобы. По окончаніи войны съ французами, Грибоѣдовъ вышелъ въ отставку и отправился въ Петербургъ, гдѣ представилъ въ тамошнюю дирекцію театровъ первый свой литературный опытъ: переводъ въ стихахъ небольшой французской комедіи „Молодые супруги", начатый имъ ещё во время стоянки въ Литвѣ. Комедія была одобрена къ представленію и сыграна на петербургской сценѣ 15-го сентября 1816 года, въ бенефисъ актрисы Семёновой; но не имѣла большого успѣха. Затѣмъ, въ 1817 году, въ сотрудничествѣ съ Катенинымъ и Жандромъ, онъ передѣлалъ съ французскаго трёхактную комедію „Студентъ" и перевёлъ комедію Барта „Притворная невѣрность", изъ которыхъ первая не была ни напечатана, ни играна на сценѣ, а вторая хотя и была представлена на петербургскомъ театрѣ въ февралѣ 1817 года, но, подобно первой его пьесѣ, не удержалась на сценѣ. Конечно, всѣ эти переводы и передѣлки, сдѣланные Грибоѣдовымъ въ самую раннюю пору его литературной дѣятельности, когда ему было всего 17—20 лѣтъ, не имѣютъ никакого литературнаго значенія. Всё это было не болѣе, какъ забавою и развлеченіемъ среди праздной свѣтской жизни, въ которую онъ окунулся тотчасъ по выходѣ въ отставку и вращался вплоть до назначенія его, въ 1818 году, секретарёмъ посольства въ Персіи. Это назначеніе имѣло огромное вліяніе не только на его характеръ, но и на самый его талантъ, который таился въ глубинѣ его души и до сихъ поръ не имѣлъ возможности обнаружиться во всёмъ блескѣ, подавляемый мелочностью окружавшей его обстановки.

Въ концѣ августа 1818 года молодой Грибоѣдовъ, едва перешагнувшій двадцать третій годъ своей жизни и получившій разомъ два чина на дорогу, выѣхалъ изъ Петербурга по дорогѣ на Кавказъ— въ Персію, въ Тавризъ. Здѣсь онъ вскорѣ снискалъ особенное расположеніе персидскаго наслѣднаго принца, Аббасъ-Мирзы, а въ слѣдующемъ 1819 году исполнилъ самымъ блистательнымъ образомъ возложенное на него порученіе: уговорилъ переселившихся въ Персію армянъ возвратиться въ Россію, за что былъ награждёнъ персидскимъ орденомъ Льва и Солнца 2-го класса. Но всѣ эти успѣхи по службѣ не могли вознаградить Грибоѣдова за ту скуку и тѣ лишенія, которыя онъ испытывалъ въ полудикомъ Тавризѣ, обречённый самому тяжёлому одиночеству. Не смотря на служебныя занятія и уроки персидскаго языка, которые онъ бралъ почти во всё продолженіе своего перваго пребыванія въ Тавризѣ, Грибоѣдовъ находилъ ещё много времени чтобы оплакивать себя, обречённаго, по его собственнымъ словамъ: „провести свои цвѣтущія лѣта между дикобразными азіатцами въ добровольной ссылкѣ, на долгое время отлучиться отъ друзей, отъ родныхъ, отказаться отъ литературныхъ успѣховъ, отъ всякаго общенія съ просвѣщёнными людьми и пріятными женщинами, которымъ и самъ могъ быть пріятенъ" *). Въ исходѣ 1820 года скука и тоска до того овладѣли Грибоѣдовымъ, что онъ рѣшился просить объ отставкѣ, какъ это видно изъ слѣдующихъ строкъ письма его къ одному высокопоставленному лицу, отъ 17-го октября: „... plus on a de lumières, mieux on sert son pays. C'est pour avoir le moyen de les acquérir, que je demande mon congé ou mon rappel d'un triste royaume, où, loin d'apprendre quelque chose, on perd même le souvenir de ce qu'on savait. J'ai préféré vous dire la vérité, au lieu d'alléguer une santé ou une fortune dérangée — lieux communs auxquels personne ne croit" **). Но прежде, чѣмъ письмо это дошло по назначенію, прошелъ весь 1821 годъ, въ теченіе котораго Грибоѣдовъ задумалъ свою знаменитую комедію: „Горе отъ Ума" и написалъ для нея первыя сцены въ ихъ первоначальномъ видѣ. Въ началѣ слѣдующаго года давнишнее желаніе Грибоѣдова, наконецъ, исполнилось: онъ былъ переведёнъ чиновникомъ по дипломатической части къ главнокомандующему въ Грузіи, генералу Ермолову. Нимало не медля,

*) Изъ письма Грибоѣдова къ Бѣгичеву.

**) «Чѣмъ человѣкъ просвѣщённѣе, тѣмъ онъ лучше служитъ своему отечеству. Чтобы имѣть эти средства къ просвѣщенію, я и прошу моего увольненія или отозванія изъ этого печальнаго царства, гдѣ, вмѣсто того, чтобы чему-нибудь научиться, можно забыть и тò, что зналъ когда-нибудь. Я предпочёлъ сказать вамъ правду, вмѣсто того, чтобы ссылаться на разстройство здоровья или состоянія — общія мѣста, которымъ никто не вѣритъ».

поэтъ нашъ радостно простился съ Тавризомъ и полетѣлъ въ Тифлисъ, и здѣсь, въ томъ же 1822 году, окончилъ свою безсмертную комедію въ ея первоначальномъ видѣ. Затѣмъ Грибоѣдовъ принялся за ея исправленіе, при чёмъ нѣкоторыя сцены были совершенно измѣнены авторомъ, по указаніямъ людей компетентныхъ. Передѣлки эти продолжались довольно долго, именно до поѣздки его въ Москву въ 1823 году, гдѣ онъ прожилъ около года и гдѣ комедія его получила свою окончательную форму, при чёмъ третій и четвёртый актъ были написаны вновь. Окончивъ свою комедію, Грибоѣдовъ отправился въ Петербургъ для постановки ея на сцену, но тутъ встрѣтилъ неожиданно препятствіе со стороны цензуры, которая не нашла возможнымъ пропустить её ни въ печать, ни на сцену. Напрасно Грибоѣдовъ доказывалъ полную благонамѣренность своей пьесы, напрасно дѣлалъ разныя уступки и урѣзки въ своей комедіи — цензура осталась непреклонною и „Горе отъ Ума“ явилось въ печати, только десять лѣтъ спустя, въ 1833 году, когда знаменитый авторъ знаменитой комедіи уже давно лежалъ въ могилѣ.

Невозможность ни напечатать свою комедію, ни поставить её на сцену тѣмъ сильнѣе раздражала Грибоѣдова, что ему было очень хорошо извѣстно, что его комедія расходилась быстро по Россіи въ безчисленномъ множествѣ списковъ, возбуждая всеобщій восторгъ въ самыхъ отдалённыхъ углахъ государства. Эта неудача разбудила въ немъ уснувшее на время недовольство всѣмъ его окружающимъ, которое уже не разъ начинало его мучить и упорно преслѣдовало поэта въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, а теперь овладѣло имъ съ удвоенной силой и чуть не довело дò самоубійства, какъ это видно изъ слѣдующихъ писемъ его къ Бѣгичеву: „4-го января 1825 года. Пишу къ тебѣ въ пятомъ часу утра—не спится. Нынче день моего рожденія: что же я? На полпути моей жизни; скоро буду старъ и глупъ, какъ всѣ мои благородные современники. Вчера я обѣдалъ со всею сволочью здѣшнихъ литераторовъ. Не могу пожаловаться: отовсюду колѣнопреклоненія и ѳиміамъ; но вмѣстѣ съ этимъ—сытость отъ ихъ дурачествъ, ихъ сплетень, ихъ мишурныхъ талантовъ и мелкихъ ихъ душишекъ. Не отчаявайся, другъ почтенный: я еще не совсѣмъ погрязъ въ этомъ трассинномъ государствѣ. Скоро отправлюсь и—на долго... Какой міръ! Кѣмъ населёнъ! И какая дурацкая его исторія!“

„9-го сентября 1825 года (изъ Симферополя). Ну, вотъ почти три мѣсяца я провёлъ въ Тавридѣ, а результатъ—нуль. Ничего не написалъ. Не знаю, не слишкомъ ли я отъ себя требую? умѣю ли писать? Право, для меня всё ещё загадка. Что у меня съ избыткомъ найдётся что сказать—за это ручаюсь; отчего же я нѣмъ? нѣмъ, какъ гробъ? Ещё игра судьбы нестерпимая: весь вѣкъ желаю гдѣ-нибудь найти уголокъ для уединенія—и нѣтъ его для меня нигдѣ. Пріѣзжаю сюда, никого не вижу, не знаю и знать не хочу. Это продолжалось не болѣе сутокъ. Наѣхали путешественники, которые меня знаютъ по журналамъ: сочинитель Фамусова и Скалозуба — слѣдовательно, весёлый человѣкъ. Тьфу, злодѣйство! да мнѣ не весело, скучно, отвратительно, несносно... Такимъ образомъ я нàжилъ кучу новыхъ пріятелей, а время потерялъ и, вообще, утратилъ силу характера, которую начиналъ пріобрѣтать на перекладныхъ. Пора умереть! Не знаю отчего это такъ долго тянется? Тоска неизвѣстная! Воля твоя, если это долгъ меня промучитъ, я никакъ не намѣренъ вооружаться терпѣніемъ: пускай оно останется добродѣтелью тяглаго скота. Представь себѣ, что со мною повторилась та ипохондрія, которая выгнала меня изъ Грузіи; но теперь въ такой усиленной степени, какъ ещё никогда не бывало. Сдѣлай одолженіе, подай совѣтъ, чѣмъ мнѣ избавить себя отъ сумасшествія или пистолета: а я чувствую, что то или другое у меня впереди“.

По возвращеніи своёмъ въ 1825 году въ Тифлисъ, Грибоѣдовъ принялъ участіе въ экспедиціи генерала Вельяминова противъ горцевъ и въ виду непріятельскаго стана и цѣпи Кавказскихъ горъ, написалъ стихотвореніе: „Хищники на Чегемѣ“, напечатанное въ „Сѣверной Пчелѣ“. Декабрьскія событія 1825 года въ Петербургѣ и южной Россіи отозвались и въ Тифлисѣ. Грибоѣдовъ былъ вытребованъ въ Петербургъ, но такъ-какъ никакихъ уликъ противъ него не оказалось, то онъ былъ награждёнъ чиномъ надворнаго совѣтника и отправленъ обратно въ Грузію, гдѣ продолжалъ службу при Ермоловѣ, а потомъ при своёмъ родственникѣ, графѣ Паскевичѣ-Эриванскомъ (впослѣдствіи князѣ Варшавскомъ). Къ этому времени, то-есть къ концу 1826 года, относится одно весьма важное для біографіи Грибоѣдова письмо его къ Бѣгичеву, свидѣтельствующее о той тяжелой внутренней борьбѣ, которую онъ испытывалъ около этого времени. Вотъ оно: „Я принялъ твой совѣтъ: перестаъ умничать; со всѣми видаюсь, слушаю всякій

вздоръ и нахожу, что это очень хорошо. Какъ-нибудь дотяну до смерти, а тамъ увидимъ—больше ли толку тифлисскаго, или петербургскаго. Буду-ли я когда-нибудь независимъ отъ людей? Зависимость отъ семейства, другая—отъ службы, третья—отъ цѣли въ жизни, которую себѣ назначилъ, и, можетъ-статься, наперекоръ судьбы. Поэзія! Люблю ее безъ памяти, страстно; но любовь одна достаточна-ли, чтобы себя прославить? И, наконецъ, чтó слава? По словамъ Пушкина:

Лишь яркая заплата
На ветхомъ рубищѣ пѣвца.

Кто насъ уважаетъ, пѣвцовъ истинно-вдохновенныхъ, въ томъ краю, гдѣ достоинство цѣнится въ прямомъ содержаніи къ числу орденовъ и крѣпостныхъ рабовъ? Всё-таки Шереметьевъ у насъ затмилъ бы Омира... Мученье—быть пламеннымъ мечтателемъ въ краю вѣчныхъ снѣговъ. Когда-нибудь и, можетъ-быть, скоро свидимся: ты удивишься, когда узнаешь, какъ мелки люди! Читай Плутарха и будь доволенъ тѣмъ, что было въ древности. Нынѣ эти характеры болѣе не повторятся".

Съ открытіемъ персидской кампаніи, Грибоѣдовъ, состоя безотлучно при главнокомандующемъ арміею, графѣ Паскевичѣ, участвовалъ во всѣхъ движеніяхъ этого генерала во внутрь непріятельской страны и былъ очень полезенъ ему своимъ знаніемъ края и восточныхъ языковъ. По окончаніи войны, Александръ Сергѣевичъ, въ награду особыхъ трудовъ при заключеніи славнаго для насъ туркменчайскаго договора съ Персіею, былъ назначенъ графомъ Паскевичемъ для поднесенія самаго трактата императору Николаю, который 14-го марта 1828 года принялъ благосклонно вѣстника радости и тутъ же пожаловалъ Грибоѣдову чинъ статскаго совѣтника, орденъ Св. Анны 2-го класса съ бриліантами, медаль за персидскую войну и 4000 червонцевъ. Но ни награды, ни даже послѣдовавшее вслѣдъ за тѣмъ почётное назначеніе его полномочнымъ министромъ при персидскомъ дворѣ уже не радовали Грибоѣдова, исполненнаго какого-то грустнаго предчувствія. „Тамъ моя могила!" говорилъ онъ утѣшавшимъ его друзьямъ: „чувствую, что не увижу болѣе Россіи!" Проѣздомъ черезъ Тифлисъ, на пути въ Персію, Грибоѣдовъ женился на княжнѣ Чевчевадзе и, вмѣстѣ съ молодой женою, немедленно отправился далѣе. Но и женитьба на давно-любимой дѣвушкѣ не въ силахъ была разогнать мрачныхъ мыслей, отравлявшихъ самое существованіе бѣднаго поэта. „Какъ это всё случилось! гдѣ я, чтó и съ кѣмъ!" писалъ онъ къ одному изъ своихъ друзей. „Простительно-ли мнѣ, послѣ стольких опытовъ, стольких размышленій, вновь броситься въ новую жизнь, предаться на произволъ случайностей—и всё дальше отъ успокоенія души и разсудка! А независимость, которой я также былъ страшный любитель, исчезла, можетъ-быть, навсегда, и какъ ни мило и утѣшительно дѣлить всё съ прекраснымъ и воздушнымъ созданьемъ; но это теперь такъ свѣтло и отрадно, а впереди такъ темно, неопредѣлённо. Всегда ли такъ будетъ?" Прибывъ въ Тегеранъ въ декабрѣ 1828 года, Грибоѣдовъ встрѣтилъ серіозныя затрудненія по вопросу о возвращеніи грузинскихъ и армянскихъ плѣнницъ, захваченныхъ персіанами во время персидской войны и томившихся въ гаремахъ. Когда-же дѣло уладилось и въ посольство были доставлены двѣ грузинки, отнятыя у одного знатнаго персіанина, тегеранская чернь взволновалась и съ дикими криками окружила домъ посла. Грибоѣдовъ встрѣтилъ уличную сволочь съ оружіемъ въ рукахъ, окруженный конвойными казаками—и палъ однимъ изъ послѣднихъ подъ ударами вѣроломной и невѣжественной толпы. Такъ погибъ 30-го января 1829 года одинъ изъ лучшихъ нашихъ поэтовъ, творецъ „Горя отъ ума". Тѣло Грибоѣдова, согласно желанію покойнаго, было перевезено въ Тифлисъ и погребено въ монастырѣ Св. Давида, построенномъ на крутомъ утёсѣ. На могилѣ поэта воздвигнутъ его вдовою, великолѣпный памятникъ, съ слѣдующею надписью: „Умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русской; но для чего пережила тебя любовь моя?"

Заключимъ нашъ очеркъ жизни Грибоѣдова превосходной характеристикой поэта, сдѣланной А. С. Пушкинымъ; въ ней, не смотря на всю ея краткость, представляется намъ грандіозная личность автора „Горя отъ ума" несравненно рельефнѣе, чѣмъ во всѣхъ полныхъ его біографіяхъ, взятыхъ вмѣстѣ:

„Я познакомился съ Грибоѣдовымъ въ 1817 году. Его меланхолическій характеръ, его озлобленный умъ, его добродушіе, самыя слабости и пороки, неизбѣжные спутники человѣка—всё въ нёмъ было необыкновенно привлекательно. Рождённый съ честолюбіемъ, равнымъ его дарованіямъ, долго былъ онъ опутанъ сѣтями мелочныхъ нуждъ и неизвѣстности. Способности человѣка государственнаго оставались безъ употребленія; талантъ поэта былъ не признанъ; даже его холодная и блестя-

щая храбрость оставалась нѣкоторое время въ подозрѣніи. Нѣсколько друзей знали ему цѣну и видѣли улыбку недовѣрчивости, эту глупую, несносную улыбку, когда случалось имъ говорить о человѣкѣ необыкновенномъ. Люди вѣрятъ только славѣ и не понимаютъ, что между ними можетъ находиться какой-нибудь Наполеонъ, не предводительствовавшій ни одною егерскою ротою, или другой Декартъ, не напечатавшій ни одной строки въ „Московскомъ Телеграфѣ“. Впрочемъ, уваженіе наше къ славѣ происходитъ, можетъ-быть, отъ самолюбія: въ составъ славы входитъ и нашъ голосъ. Жизнь Грибоѣдова была затемнена нѣкоторыми облаками: слѣдствіе пылкихъ страстей и могучихъ обстоятельствъ. Онъ почувствовалъ необходимость разсчесться единожды навсегда съ своею молодостью и круто поворотить свою жизнь. Онъ простился съ Петербургомъ и праздною разсѣянностью — и уѣхалъ въ Грузію, гдѣ провёлъ восемь лѣтъ въ уединённыхъ, неусыпныхъ занятіяхъ. Возвращеніе его въ Москву, въ 1824 году, было переворотомъ въ его судьбѣ и началомъ безпрерывныхъ успѣховъ. Его рукописная комедія: „Горе отъ ума“ произвела неописанное дѣйствіе и вдругъ поставила его на ряду съ первыми нашими поэтами. Черезъ нѣсколько времени, совершенное знаніе края, гдѣ начиналась война, открыло ему новое поприще: онъ назначенъ былъ посланникомъ. Пріѣхавъ въ Грузію, женился онъ на той, которую любилъ... Не знаю ничего завиднѣе послѣднихъ годовъ его бурной жизни! Самая смерть, постигшая его посреди смѣлаго, неравнаго боя, не имѣла для Грибоѣдова ничего ужаснаго, ничего томительнаго: она была мгновенна и прекрасна“.

Сочиненія Грибоѣдова имѣютъ четыре изданія, изданныя въ слѣдующемъ порядкѣ: *первое* — въ 1854 году, Смирдинымъ въ „Полномъ Собраніи Сочиненій Русскихъ Авторовъ“, вмѣстѣ съ сочиненіями Крюковскаго; *второе* — въ 1857 году въ С.-Петербургѣ, Серчевскимъ; *третье* — въ 1860 году въ С.-Петербургѣ и *четвертое* — въ 1860 въ Берлинѣ. Что же касается изданій комедіи „Горе отъ ума“, то, начиная съ 1833 года, когда вышло первое ея изданіе и до 1875, въ которомъ вышло изданіе г. Гарусова, и включая въ это число четыре перепечатки, помѣщённыя въ четырёхъ изданіяхъ „Сочиненій Грибоѣдова“, ихъ насчитываютъ слишкомъ сорокъ. Въ послѣднее время г. Суворинымъ „Горе отъ ума“ включено въ его „Дешевую библіотеку“.

ИЗЪ КОМЕДІИ „ГОРЕ ОТЪ УМА“.

ДѢЙСТВІЕ II, ЯВЛЕНІЕ I.

Фамусовъ *и* слуга.

Фамусовъ.

Петрушка! вѣчно ты съ обновкой,
Съ разодраннымъ локтёмъ! Достань-ка календарь.
Читай, смотри, не такъ какъ пономарь,
А съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой.
Постой-же. На листѣ черкни на записномъ,
Противу будущей недѣли:
„Къ Прасковьѣ Ѳёдоровнѣ въ домъ,
Во вторникъ, званъ я на форели“.
Куда какъ чуденъ созданъ свѣтъ!
Пофилософствуй — умъ вскружится!
То бережёшься, то обѣдъ;
Ѣшь три часа, а въ три дня не сварится.
Отмѣть-ка, въ тотъ же день... Нѣтъ, нѣтъ:
„Въ четвергъ я званъ на погребенье“.
Охъ, родъ людской! пришло въ забвенье,
Что всякій долженъ самъ туда-же лѣзть —
Въ тотъ ларчикъ, гдѣ—ни стать, ни сѣсть.
Но память по себѣ намѣренъ кто оставить
Житьёмъ похвальнымъ — вотъ примѣръ:
Покойникъ былъ почтенный камергеръ,
Съ ключёмъ - и сыну ключъ умѣлъ доставить,
Богатъ — и на богатой былъ женатъ,
Переженилъ дѣтей, внучатъ;
Скончался—всѣ о нёмъ съ прискорбьемъ вспоминаютъ:
„Максимъ Петровичъ! миръ ему!“
Что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ!
Пиши: въ четвергъ, одно ужъ къ одному,
А можетъ, въ пятницу, а можетъ, и въ субботу:
„Я долженъ у вдовы у докторши крестить“.
Она не родила, но, по разсчёту
По моему, должна родить.

ЯВЛЕНІЕ II.

Фамусовъ, Слуга *и* Чацкій.

Фамусовъ.

А, Александръ Андреичъ, просимъ!
Садитесь-ка.

Чацкій.

Вы заняты?

Фамусовъ (*слугѣ*).

Поди. (*Слуга уходитъ*).
Да, разныя дѣла на память въ книгу вносимъ:
Забудется, того гляди.

Чацкій.

Вы что-то невеселы стали?
Скажите, отчего? Пріѣздъ не въ пору мой?
Ужъ Софьѣ Павловнѣ какой
Не приключилось-ли печали?
У васъ въ лицѣ, въ движеньяхъ суета.

Фамусовъ.

Ахъ, батюшка! нашелъ загадку:
Не веселъ я! Въ мои лѣта
Не можно же пускаться мнѣ въ присядку.

Чацкій.

Никто не приглашаетъ васъ;
Я только-что спросилъ два слова
Объ Софьѣ Павловнѣ: быть-можетъ, нездорова?

Фамусовъ.

Тьфу, Господи прости! Пять тысячъ разъ
Твердитъ одно и то же:
То Софьи Павловны на свѣтѣ нѣтъ пригоже,
То Софья Павловна больна.
Скажи: тебѣ понравилась она?
Обрыскалъ свѣтъ — не хочешь-ли жениться?

Чацкій.

А вамъ на что?

Фамусовъ.

Меня не худо бы спроситься:
Вѣдь, я ей нѣсколько сродни;
По крайней мѣрѣ, искони
Отцомъ не даромъ называли.

Чацкій.

Пусть я посватаюсь, вы что̀ бы мнѣ сказали?

Фамусовъ.

Сказалъ бы я: во-первыхъ, не блажи,
Имѣньемъ, братъ, не управляй сплошно,
А главное — поди-ка, послужи.

Чацкій.

Служить-бы радъ, прислуживаться тошно.

Фамусовъ.

Вотъ то-то — всѣ вы гордецы!
Спросили бы, какъ дѣлали отцы?
Учились бы, на старшихъ глядя.
Вотъ, напримѣръ, покойникъ дядя,
Максимъ Петровичъ: онъ не то на серебрѣ —
На золотѣ ѣдалъ; сто человѣкъ въ услугамъ!
Весь въ орденахъ: ѣзжалъ-то вѣчно цугомъ;
Вѣкъ при Дворѣ — да при какомъ Дворѣ!
Тогда не то, что нынѣ:
При государынѣ служилъ Екатеринѣ!
А въ тѣ поры всѣ ва̀жны — въ сорокъ пудъ:
Раскланяйся — тупеемъ не кивнутъ.
Вельможа въ случаѣ — тѣмъ паче
Не какъ другой: и пилъ, и ѣлъ иначе.
А дядя — что твой князь, что графъ!
Серьёзный видъ, надменный нравъ —
Когда же нало подслужиться,
И онъ сгибался въ перегибъ.
На ку̀ртагѣ ему случилось оступиться:
Упалъ — да такъ, что чуть затылка не пришибъ.
Старикъ заохалъ: голосъ хрипкой
Былъ Высочайшею пожалованъ улыбкой —
Изволили смѣяться. Какъ-же онъ?
Привсталъ, оправился, хотѣлъ отдать поклонъ —
Упалъ вдругорядь ужъ нарочно;
А хохотъ пуще—онъ и въ третій также точно.
А? какъ по вашему? По нашему — смышлёнъ:
Упалъ онъ больно—всталъ здорово.
За то, бывало, въ вистъ кто̀ чаще приглашенъ?
Кто̀ слышитъ при дворѣ привѣтливое слово?
Максимъ Петровичъ! Кто̀ предъ всѣми зналъ почетъ?
Максимъ Петровичъ! Шутка!
Въ чины выводитъ кто и пенсіи даётъ?
Максимъ Петровичъ! А? Вы, нынѣшніе — нутка!

Чацкій.

И точно началъ свѣтъ глупѣть,
Сказать вы можете, вздохнувши!
Какъ посравнить, да посмотрѣть
Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій —
Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ,
Какъ тотъ и славился, чья чаще гнулась шея,
Какъ не въ войнѣ, а въ мирѣ брали лбомъ:
Стучали о̀бъ полъ, не жалѣя.
Кому нужда — тѣмъ спѣсь, лежи они въ пыли,
А тѣмъ, кто выше — лесть, какъ кружево, плели
Прямой былъ вѣкъ покорности и страха!
Всѣ, подъ личиною усердія къ царю...
(Я не о дядюшкѣ о вашемъ говорю:
Его не возмутимъ мы праха.)
Но, между тѣмъ, кого охота заберётъ,
Хоть въ раболѣпствѣ самомъ пылкомъ,
Теперь, чтобы смѣшить народъ,
Отважно жертвовать затылкомъ?
А сверстничекъ, а старичёкъ
Иной, глядя на тотъ скачёкъ
И разрушаясь въ ветхой кожѣ,
Чай приговаривалъ: „ахъ, если бы мнѣ тоже!"
Хоть есть охотники поподличать вездѣ,
Да нынче смѣхъ страшитъ и держитъ стыдъ въ уздѣ.
Не даромъ жалуютъ ихъ скупо государи!

Фамусовъ.

Ахъ, Боже мой, онъ карбонарій!

Чацкій.

Нѣтъ! нынче свѣтъ ужъ не таковъ!

ФАМУСОВЪ.

Опасный человѣкъ!

ЧАЦКІЙ.

Вольнѣе всякій дышитъ
И не торопится вписаться въ полкъ шутовъ.

ФАМУСОВЪ.

Что̀ говоритъ?—А говоритъ, какъ пишетъ.

ЧАЦКІЙ.

У покровителей зѣвать на потолокъ,
Явиться помолчать, пошаркать, пообѣдать,
Подставить стулъ, поднять платокъ...

ФАМУСОВЪ.

Онъ вольность хочетъ проповѣдать!

ЧАЦКІЙ.

Кто путешествуетъ, въ деревнѣ кто живётъ...

ФАМУСОВЪ.

Да онъ властей не признаётъ!

ЧАЦКІЙ.

Кто служитъ дѣлу, а не лицамъ...

ФАМУСОВЪ.

Строжайше-бъ запретилъ я этимъ господамъ
На выстрѣлъ подъѣзжать къ столицамъ!

ЧАЦКІЙ.

Я, наконецъ, вамъ отдыхъ дамъ.

ФАМУСОВЪ.

Терпѣнья, мочи нѣтъ, досадно!

ЧАЦКІЙ.

Вашъ вѣкъ бранилъ я безпощадно;
Предоставляю вамъ во власть:
Откиньте часть
Хоть нашимъ временамъ въ придачу —
Ужъ такъ и быть я не заплачу.

ФАМУСОВЪ.

И знать васъ не хочу: разврата не терплю!

ЧАЦКІЙ.

Я досказалъ.

ФАМУСОВЪ.

Добро, заткнулъ я уши!

ЧАЦКІЙ.

На что-жъ? Я ихъ не оскорблю.

ФАМУСОВЪ (*скороговоркой*)

Вотъ рыскаютъ по свѣту, бьютъ баклуши;
Воротятся — отъ нихъ порядка жди!

ЧАЦКІЙ.

Я пересталъ.

ФАМУСОВЪ.

Пожалуй, пощади!

ЧАЦКІЙ.

Длить споры не моё желанье.

ФАМУСОВЪ.

Хоть душу отпусти на покаянье!

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ *и* СЛУГА.

СЛУГА.

Полковникъ Скалозубъ!

ФАМУСОВЪ (*ничего не видя и не слыша*).

Тебя ужъ упекутъ
Подъ судъ! Какъ пить дадутъ.

ЧАЦКІЙ.

Пожаловалъ къ вамъ кто-то на̀ домъ.

ФАМУСОВЪ.

Не слушаю: подъ судъ!

ЧАЦКІЙ.

Къ вамъ человѣкъ съ докладомъ,

ФАМУСОВЪ.

Не слушаю: подъ судъ, подъ судъ!

ЧАЦКІЙ.

Да обернитесь, васъ зовутъ.

ФАМУСОВЪ (*оборачиваясь*).

А! бунтъ! Я такъ и жду содома!

СЛУГА.

Полковникъ Скалозубъ! Прикажете принять?

ФАМУСОВЪ (*вставая*).

Ослы! сто разъ вамъ повторять?
Принять его, позвать, просить, сказать, что дома,
Что очень радъ. Пошелъ же, торопись!
(*Слуга уходитъ.*)
Пожалуйста, судàрь, при нёмъ остерегись;
Извѣстный человѣкъ, солидный,
И знàковъ тьму отличья нахваталъ;
Не по лѣтàмъ и чинъ завидный:
Не нынче завтра — генералъ!

ЯВЛЕНІЕ V.

ЧАЦКІЙ, ФАМУСОВЪ *и* СКАЛОЗУБЪ.

ФАМУСОВЪ.

Сергѣй Сергѣичъ, къ намъ, сюда-съ,
Прошу покорно — здѣсь теплѣе:
Отдушничекъ откроемъ поскорѣе.

СКАЛОЗУБЪ (*густымъ басомъ*).

Зачѣмъ-же лазить, напримѣръ,
Самимъ? Мнѣ совѣстно, какъ честный офицеръ!

ФАМУСОВЪ.

Неужто для друзей не дѣлать мнѣ ни шагу?
Сергѣй Сергѣичъ дорогой,
Кладите шляпу, сдѣньте шпагу.
Вотъ вамъ софа: раскиньтесь на покой.

СКАЛОЗУБЪ.

Куда прикажете, лишь только бы усѣсться.
(*Всѣ трое садятся. Чацкій поодаль.*)

Фамусовъ.

Ахъ, батюшка, сказать, чтобъ не забыть:
Позвольте намъ своими счесться,
Хоть дальними — наслѣдства не дѣлить.
Не знали вы, а я подавно —
(Спасибо, научилъ двоюродный вашъ братъ!)
Какъ вамъ доводится Настасья Николавна?

Скалозубъ.

Не знаю-съ, виноватъ:
Мы съ нею вмѣстѣ не служили.

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичъ, это вы-ли?
Нѣтъ, я передъ роднёй, гдѣ встрѣтится, ползкомъ;
Сыщу её на днѣ морскомъ.
При мнѣ служащіе чужіе очень рѣдки:
Всё больше сёстрины, свояченицы дѣтки;
Одинъ Молчалинъ мнѣ не свой,
И то затѣмъ, что дѣловой.
Какъ станешь представлять къ крестишку-ли, къ мѣстечку,
Ну какъ не порадѣть родному человѣчку!
Однако, братецъ вашъ мнѣ другъ и говорилъ,
Что вами выгодъ тьму по службѣ получилъ.

Скалозубъ.

Въ тринадцатомъ году мы отличались съ братомъ
Въ тридцатомъ егерскомъ, а послѣ въ сорокъ-пятомъ.

Фамусовъ.

Да, счастье, у кого есть эдакой сынокъ!
Имѣетъ, кажется, въ петличкѣ орденокъ?

Скалозубъ.

За третье августа. Засѣли мы въ траншею.
Ему данъ съ бантомъ, мнѣ—на шею.

Фамусовъ.

Любезный человѣкъ! И посмотрѣть, такъ хватъ.
Прекрасный человѣкъ двоюродный вашъ братъ.

Скалозубъ.

Но крѣпко набрался какихъ-то новыхъ правилъ.
Чинъ слѣдовалъ ему—онъ службу вдругъ оставилъ,
Въ деревнѣ книги сталъ читать.

Фамусовъ.

Вотъ молодость! Читать, а послѣ — хвать!
Вы повели себя исправно:
Давно полковники, а служите недавно.

Скалозубъ.

Довольно счастливъ я въ товарищахъ моихъ;
Вакансіи какъ-разъ открыты:
То старшихъ выключатъ иныхъ,
Другіе, смотришь, перебиты.

Фамусовъ.

Да! чѣмъ Господь кого поищетъ — вознесётъ!

Скалозубъ.

Бываетъ, моего счастливѣе везётъ:
У насъ въ пятнадцатой дивизіи, не далѣ,
Объ нашемъ хоть сказать бригадномъ генералѣ.

Фамусовъ.

Помилуйте, а вамъ чего не достаётъ?

Скалозубъ.

Не жалуюсь, не обходили;
Однако за полкомъ два года поводили.

Фамусовъ.

Въ погонь-ли за полкомъ?
За то, конечно, въ чёмъ другомъ
За вами далеко тянуться.

Скалозубъ.

Нѣтъ-съ, старѣе меня по корпусу найдутся:
Я съ восемьсотъ-девятаго служу.
Да, чтобъ чины добыть, есть многіе каналы;
Объ нихъ, какъ истинный философъ, я сужу:
Мнѣ только бы досталось въ генералы.

Фамусовъ.

И славно судите. Дай Богъ здоровья вамъ
И генеральскій чинъ — а тамъ,
Зачѣмъ откладывать бы дальше,
Рѣчь завести о генеральшѣ?

Скалозубъ.

Жениться? Я ничуть не прочь.

Фамусовъ.

Что жъ? У кого сестра, племянница есть, дочь...
Въ Москвѣ, вѣдь, нѣтъ невѣстамъ перевода:
Чего! плодятся годъ отъ года!
А, батюшка, признайтесь, что едва
Гдѣ сыщется ещё столица, какъ Москва?

Скалозубъ.

Дистанція огромнаго размѣра.

Фамусовъ.

Вкусъ, батюшка, отмѣнная манера,
На всё свои законы есть.
Вотъ, напримѣръ, у насъ ужъ исстари ведётся,
Что, по отцѣ, и сыну честь:
Будь плохонькой, да если наберётся
Душъ тысячки двѣ родовыхъ,
Тотъ и женихъ;
Другой хоть прытче будь, надутый всякимъ чванствомъ,
Пускай себѣ—разумникомъ слыви,
А въ сёмью не включатъ, на насъ не подиви!
Вѣдь, только здѣсь ещё и дорожатъ дворянствомъ.
Да это-ли одно! Возьмите вы хлѣбъ-соль:
Кто хочетъ къ намъ пожаловать — изволь!
Дверь отперта для званыхъ и незваныхъ,
Особенно изъ иностранныхъ;

Хоть честный человѣкъ, хоть нѣтъ —
Для насъ равнёхонько: про всѣхъ готовъ обѣдъ.
Возьмите вы, отъ головы до пятокъ,
На всѣхъ московскихъ есть особый отпечатокъ.
Извольте посмотрѣть на нашу молодёжь,
На юношей, сынковъ и внучатъ:
Журимъ мы ихъ, а если разберёшь —
Въ пятнадцать лѣтъ учителей научатъ!
А наши старички? Какъ ихъ возьмётъ задоръ,
Засудятъ о дѣлахъ: что слово — приговоръ.
Вѣдь, столбовые всѣ; въ усъ никому не дуютъ
И о правительствѣ иной разъ такъ толкуютъ,
Что, еслибъ кто подслушалъ ихъ — бѣда!
Не тó, чтобъ новизны вводили — никогда!
Спаси насъ Боже! Нѣтъ! А придерутся
Къ тому, къ сему, а чаще ни къ чему,
Поспорятъ, пошумятъ и — разойдутся.
Прямые канцлеры въ отставкѣ по уму!
Я вамъ скажу: знать, время не приспѣло,
Но что безъ нихъ не обойдётся дѣло.
А дамы? Сунься кто, попробуй, овладѣй!
Судьи всему, вездѣ — надъ ними нѣтъ судей.
За картами, когда вовстанутъ общимъ бунтомъ—
Дай Богъ терпѣніе! Вѣдь, самъ я былъ женатъ!
Скомандовать велите передъ фрунтомъ!
Присутствовать пошлите ихъ въ сенатъ!
Ирина Власьевна! Лукерья Алексѣвна!
Татьяна Юрьевна! Пульхерія Андревна!
А дочекъ кто видалъ — хоть голову повѣсь!
Его величество король былъ прусскій здѣсь:
Дивился не путёмъ московскимъ онъ дѣвицамъ—
Ихъ благонравію, не лицамъ.
И точно! Можно-ли воспитаннѣе быть?
Умѣютъ же себя онѣ принарядить
Тафтицей, бархатцемъ и дымкой;
Словечка въ простотѣ не скажутъ—всё съ ужимкой.
Французскіе романсы вамъ поютъ
И верхнія выводятъ нотки;
Къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ —
А потому, что патріотки.
Рѣшительно скажу: едва
Другая сыщется столица, какъ Москва!

СКАЛОЗУБЪ.

По моему сужденью,
Пожаръ способствовалъ ей много къ украшенью.

ФАМУСОВЪ.

Не поминайте намъ: ужъ мало-ли кряхтятъ!
Съ тѣхъ поръ дороги, тротуары,
Дома и всё — на новый ладъ.

ЧАЦКІЙ.

Дома новы́, но предразсудки стары.
Порадуйтесь: не истребятъ
Ни годы ихъ, ни моды, ни пожары.

ФАМУСОВЪ (*Чацкому*).

Эй, завяжи на память узелокъ!
Просилъ я помолчать—не велика услуга.

(*Скалозубу*).

Позвольте, батюшка, вотъ-съ, Чацкаго, мнѣ друга,
Андрея Ильича покойнаго сынокъ!
Не служитъ, то есть въ томъ онъ пользы не находитъ;
Но захотѝ, такъ былъ-бы дѣловой.
Жаль, очень жаль: онъ малый съ головой,
И славно пишетъ, переводитъ...
Нельзя не пожалѣть, что съ этакимъ умомъ...

ЧАЦКІЙ.

Нельзя-ли пожалѣть о комъ-нибудь другомъ:
И похвалы мнѣ ваши досаждаютъ!

ФАМУСОВЪ.

Не я одинъ — всѣ такъ же осуждаютъ.

ЧАЦКІЙ.

А судьи кто? За древностію лѣтъ,
Къ свободной жизни ихъ вражда непримирима:
Сужденья черпаютъ изъ забытыхъ газетъ
Временъ очаковскихъ и покоренья Крыма.
Всегда готовые къ журьбѣ,
Поютъ всё пѣснь одну и ту же,
Не замѣчая о себѣ:
Что старѣе, то хуже.
Гдѣ, укажите намъ, отечества отцы,
Которыхъ мы должны принять за образцы?
Не тѣ-ли, что грабительствомъ богаты,
Защиту отъ суда въ друзьяхъ нашли, въ родствѣ,
Великолѣпныя соорудя палаты,
Гдѣ разливаются въ пирахъ и мотовствѣ
И гдѣ не истребятъ кліенты-иностранцы
Прошедшаго житья подлѣйшія черты.
Да и кому въ Москвѣ не зажимали рты
Обѣды, ужины и танцы?
Не тотъ-ли, вы къ кому меня, ещё съ пелёнъ,
Для замысловъ какихъ-то непонятныхъ,
Дитёй возили на поклонъ —
Тотъ Несторъ негодяевъ знатныхъ,
Толпою окруженный слугъ?
Усердствуя, они, въ часы вина и драки,
И честь, и жизнь его не разъ спасали — вдругъ
На нихъ онъ вымѣнялъ борзыя три собаки.
Или—вотъ тотъ ещё, который, для затѣй,
На крѣпостной балетъ согналъ на многихъ фурахъ
Отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей?
Самъ погруженъ умомъ въ зефирахъ и амурахъ,
Заставилъ и Москву дивиться ихъ красѣ;
Но кредиторовъ тѣмъ не согласилъ къ отсрочкѣ:

Амуры и зефиры всѣ
Распроданы по одиночкѣ.
Вотъ тѣ, которые дожили до сѣдинъ!
Вотъ уважать кого велятъ намъ на безлюдьи!
Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи!
Теперь пускай изъ насъ одинъ,
Изъ молодыхъ людей, найдётся врагъ исканій:
Не требуя ни мѣстъ, ни повышенья въ чинъ,
Въ науки онъ вперитъ умъ, алчущій познаній,
Или въ душѣ его самъ Богъ возбудитъ жаръ
Къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ —
Они тотчасъ: разбой! пожаръ!
И прослывёшь у нихъ мечтателемъ опаснымъ.
Мундиръ, одинъ мундиръ! Онъ, въ прежнемъ ихъ быту,
Когда-то укрывалъ — расшитый и красивый —
Ихъ слабодушіе, разсудка нищету —
И намъ за ними путь счастливый?
И въ женахъ, въ дочеряхъ къ мундиру та-же страсть.
Я самъ къ нему давно ль отъ нѣжности отрёкся?
Теперь ужъ въ это мнѣ ребячество не впасть.
Но кто-бъ тогда за всѣми не увлёкся?
Когда изъ гвардіи, иные отъ Двора,
Сюда на время пріѣзжали:
Кричали женщины „ура!“
И въ воздухъ чепчики бросали.

Фамусовъ (*про себя*).
Ужъ втянетъ онъ меня въ бѣду!
(*Громко*).
Сергѣй Сергѣичъ, я пойду
И буду ждать васъ въ кабинетѣ.
(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Скалозубъ *и* Чацкій.

Скалозубъ.
Мнѣ нравится, при этой смѣтѣ,
Искусно какъ коснулись вы
Предубѣжденія Москвы
Къ любимцамъ, къ гвардіи, къ гвардейцамъ, гвардіонцамъ.
Ихъ золотцу, шитью дивятся будто солнцамъ;
А въ первой арміи, когда отстали? въ чёмъ?
Всё такъ прилажено, и тальи всѣ такъ узки,
И офицеровъ вамъ начтёмъ,
Что даже говорятъ иные по-французски.

ДѢЙСТВІЕ III, ЯВЛЕНІЕ III.

Чацкій *и* Молчалинъ.

Чацкій.
Намъ, Алексѣй Степанычъ, съ вами
Не удалось сказать двухъ словъ.
Ну, образъ жизни вашъ каковъ?
Безъ горя нынче? безъ печали?

Молчалинъ.
Попрежнему-съ.

Чацкій.
А прежде какъ живали?

Молчалинъ.
День за день — ныньче какъ вчера.

Чацкій.
Къ перу отъ картъ, и къ картамъ отъ пера?
И положенный часъ приливамъ и отливамъ?

Молчалинъ.
По мѣрѣ я трудовъ и силъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ числюсь по архивамъ,
Три награжденья получилъ.

Чацкій.
Взманили почести и знатность?

Молчалинъ.
Нѣтъ-съ, свой талантъ у всѣхъ.

Чацкій.
У васъ?

Молчалинъ.
Два-съ:
Умѣренность и аккуратность.

Чацкій.
Чудеснѣйшіе два—и стôятъ нашихъ всѣхъ!

Молчалинъ.
Вамъ не дались чины? по службѣ неуспѣхъ?

Чацкій.
Чины людьми даются,
А люди могутъ обмануться.

Молчалинъ.
Какъ удивлялись мы!

Чацкій.
Какое-жъ диво тутъ?

Молчалинъ.
Жалѣли васъ.

Чацкій.
Напрасный трудъ.

Молчалинъ.
Татьяна Юрьевна разсказывала что-то,
Изъ Петербурга воротясь,
ъ министрами про вашу связь,
Пото . разрывъ.

Чацкій.

Ей почему забота?

Молчалинъ.

Татьянѣ Юрьевнѣ?

Чацкій.

Я съ нею незнакомъ.

Молчалинъ.

Съ Татьяной Юрьевной?

Чацкій.

Съ ней вѣкъ мы не встрѣчались.

Слыхалъ, что вздорная...

Молчалинъ.

Да это, полно, та-ли-съ!

Татьяна Юрьевна — извѣстная... Притомъ
Чиновные и должностные
Всѣ ей друзья и всѣ родные.
Къ Татьянѣ Юрьевнѣ хоть разъ бы съѣздить вамъ.

Чацкій.

На что же?

Молчалинъ.

Такъ. Частенько тамъ
Мы покровительство находимъ, гдѣ не мѣтимъ.

Чацкій.

Я ѣзжу къ женщинамъ, да только не за этимъ.

Молчалинъ.

Какъ обходительна, добра, мила, проста!
Балы даётъ нельзя богаче,
Отъ Рождества и до поста,
И лѣтомъ праздники на дачѣ.
Ну, право, чтб бы вамъ въ Москвѣ у насъ служить
И награжденья брать, и весело пожить?

Чацкій.

Когда въ дѣлахъ — я отъ веселій прячусь;
Когда дурачиться — дурачусь;
А смѣшивать два эти ремесла
Есть тьма искусниковъ: я не изъ ихъ числа.

Молчалинъ.

Простите. Впрочемъ, тутъ не вижу преступленья.
Вотъ самъ Ѳома Ѳомичъ... Знакомъ онъ вамъ?

Чацкій.

Ну, что жъ?

Молчалинъ.

При трёхъ министрахъ былъ начальникъ отдѣленья.
Изъ Петербурга къ намъ переведёнъ.

Чацкій.

Хорошъ!

Пустѣйшій человѣкъ изъ самыхъ бестолковыхъ.

Молчалинъ.

Какъ можно! Слогъ его здѣсь ставятъ въ образецъ.
Читали-вы?

Чацкій.

Я глупостей не чтецъ,
А пуще образцовыхъ.

Молчалинъ.

Нѣтъ, мнѣ такъ довелось съ пріятностью прочесть:
Не сочинитель я...

Чацкій.

И по всему замѣтно.

Молчалинъ.

Не смѣю моего сужденья произнесть...

Чацкій.

Зачѣмъ-же такъ секретно?

Молчалинъ.

Въ мои лѣта не должно смѣть
Своё сужденіе имѣть.

Чацкій.

Помилуйте, мы съ вами не ребяты!
Зачѣмъ-же мнѣнія чужія только святы?

Молчалинъ.

Вѣдь, надобно жъ зависѣть отъ другихъ.

Чацкій.

Зачѣмъ-же надобно?

Молчалинъ.

Въ чинахъ мы небольшихъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Вечеръ въ домѣ Фамусова. Всѣ двери настежъ, кромѣ одной — въ спальню Софьи.

Чацкій *и* Наталья Дмитріевна (*встрѣчаясь*).

Наталья Дмитріевна.

Не ошибаюсь-ли? Онъ, точно, по лицу.
Ахъ! Александръ Андреичъ, вы ли?

Чацкій.

Съ сомнѣньемъ смбтрите отъ ногъ до головы:
Неужто такъ меня три года измѣнили?

Наталья Дмитріевна.

Я полагала васъ далёко отъ Москвы.
Давно-ли?

Чацкій.

Нынче лишь.

Наталья Дмитріевна.

На долго?

Чацкій.

Какъ случится.

Однако, кто, смотря на васъ, не подивится?
Полнѣе прежняго, похорошѣли страхъ;
Моложе вы, свѣжѣе стали;
Огонь, румянецъ, смѣхъ, игра во всѣхъ чертахъ.

Наталья Дмитріевна.

Я замужемъ.

Чацкій.
Давно бы вы сказали.
Наталья Дмитріевна.
Мой мужъ — прелестный мужъ; вотъ онъ сейчасъ войдётъ.
Я познакомлю васъ — хотите?
Чацкій.
Прошу.
Наталья Дмитріевна.
И знаю напередъ,
Что вамъ понравится. Взгляните и судите.
Чацкій.
Я вѣрю: онъ вамъ мужъ.
Наталья Дмитріевна.
О, нѣтъ-съ, не потому:
Самъ по себѣ, по нраву, по уму,
Платонъ Михайлычъ мой единственный, безцѣнный!
Теперь въ отставкѣ, былъ военный;
И утверждаютъ всѣ, кто только прежде зналъ,
Что съ храбростью его, талантомъ
Когда-бы службу продолжалъ,
Конечно, былъ бы онъ московскимъ комендантомъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же *и* Платонъ Михайловичъ.

Наталья Дмитріевна.
Вотъ мой Платонъ Михайлычъ?
Чацкій.
Ба!
Другъ старый! мы давно знакомы. Вотъ судьба!
Платонъ Михайловичъ.
Здорово, Чацкій, братъ!
Чацкій.
Платонъ любезный, славно!
Похвальный листъ тебѣ—ведёшь себя исправно!
Платонъ Михайловичъ.
Какъ видишь, братъ:
Московскій житель и женатъ.
Чацкій.
Забытъ шумъ лагерный, товарищи и братья?
Спокоенъ и лѣнивъ?
Платонъ Михайловичъ.
Нѣтъ! есть-таки занятья:
На флейтѣ я твержу дуэтъ
А-мольный.
Чацкій.
Что твердилъ назадъ тому пять лѣтъ?
Ну, постоянный вкусъ въ мужьяхъ всего дороже!

Платонъ Михайловичъ.
Братъ, женишься, тогда меня вспомянь.
Отъ скуки будешь ты свистать одно и то же.
Чацкій.
Отъ скуки? Какъ? ужъ ты ей платишь дань?
Наталья Дмитріевна.
Платонъ Михайлычъ мой къ занятьямъ склоненъ разнымъ,
Которыхъ нѣтъ теперь: къ ученьямъ и смотрамъ,
Къ манежу; иногда скучаетъ по утрамъ.
Чацкій.
А кто, любезный другъ, велитъ тебѣ быть праздньмъ?
Въ полкъ—эскадронъ дадутъ. Ты оберъ или штабъ?
Наталья Дмитріевна.
Платонъ Михайлычъ мой здоровьемъ очень слабъ.
Чацкій.
Здоровьемъ слабъ? давно-ли?
Наталья Дмитріевна.
Всё ревматизмъ и головныя боли.
Чацкій.
Движенья болѣе — въ деревню, въ тёплый край!
Будь чаще на конѣ. Деревня лѣтомъ—рай.
Наталья Дмитріевна.
Платонъ Михайлычъ городъ любитъ,
Москву: за что въ глуши онъ дни свои погубитъ?
Чацкій.
Москву и городъ! Ты чудакъ!
А помнишь прежнее?
Платонъ Михайловичъ.
Да, братъ, теперь не такъ!
Наталья Дмитріевна.
Ахъ, мой дружочекъ,
Здѣсь такъ свѣжо, что мочи нѣтъ!
Ты распахнулся весь и разстегнулъ жилетъ.
Платонъ Михайловичъ.
Теперь, братъ, я не тотъ!
Наталья Дмитріевна.
Послушайся разочекъ,
Мой милый: застегнись скорѣй.
Платонъ Михаловичъ (*равнодушно*).
Сейчасъ.
Наталья Дмитріевна.
Да отойди подальше отъ дверей:
Сквозной тамъ вѣтеръ дуетъ сзади.
Платонъ Михайловичъ.
Теперь, братъ, я не тотъ!
Наталья Дмитріевна.
Мой ангелъ, Бога ради,
Отъ двери дальше отойди!

Платонъ Михайловичъ (*подымая глаза къ небу*).
Ахъ, матушка!

Чацкій.
Ну, Богъ тебя суди:
Ужъ точно, сталъ не тотъ въ короткое ты время!
Не въ прошломъ-ли году, въ концѣ,
Въ полку тебя я зналъ? Лишь утро—ногу въ стремя
И носишься на борзомъ жеребцѣ,
Осенній вѣтеръ дуй хоть спереди, хоть съ тыла.

Платонъ Михайловичъ (*вздыхая*).
Эхъ, братецъ, славное тогда житьё-то было!

ЯВЛЕНІЕ XXI.

Хлестова, Софья, Молчалинъ, Платонъ Михайловичъ, Наталья Дмитріевна, Графиня внучка, Княгиня *съ дочерьми*, Загорѣцкій, Скалозубъ, *потомъ* Фамусовъ *и многіе другіе*.

Хлестова.
Съ ума сошелъ? прошу покорно!
Да невзначай, да какъ проворно!
Ты, Софья, слышала?

Платонъ Михайловичъ.
Кто первый разгласилъ?

Наталья Дмитріевна.
Ахъ, другъ мой, всѣ!

Платонъ Михайловичъ.
Ну, всѣ, такъ вѣришь поневолѣ;
А мнѣ сомнительно.

Фамусовъ.
О комъ? о Чацкомъ, что-ли?
Чего сомнительно? я первый, я открылъ.
Давно дивлюсь я, какъ никто его не свяжетъ?
Попробуй о властяхъ—и нѣ-вѣсть, что наскажетъ!
Чуть низко поклонись, согнись-ка кто кольцомъ,
Хоть предъ монаршіимъ лицомъ,
Такъ назовётъ онъ подлецомъ!

Хлестова.
Туда-же изъ смѣшливыхъ:
Сказала что-то я—онъ началъ хохотать.

Молчалинъ.
Мнѣ отсовѣтовалъ въ Москвѣ служить въ архивахъ.

Графиня-внучка.
Меня модисткою изволилъ величать!

Наталья Дмитріевна.
А мужу моему совѣтъ далъ жить въ деревнѣ!

Загорѣцкій.
Безумный по всему!

Графиня-внучка.
Я видѣла изъ глазъ.

Фамусовъ.
По матери пошелъ, по Аннѣ Алексѣвнѣ:
Покойница съ ума сходила восемь разъ.

Хлестова.
На свѣтѣ дивныя бываютъ приключенья!
Въ его лѣта съ ума спрыгнулъ!
Чай, пилъ не по лѣтамъ?

Княгиня.
О, вѣрно!

Графиня-внучка.
Безъ сомнѣнья!

Хлестова.
Шампанское стаканами тянулъ.

Наталья Дмитріевна.
Бутылками-съ, и пребольшими.

Загорѣцкій (*съ жаромъ*).
Нѣтъ-съ, бочками сороковыми!

Фамусовъ.
Ну, вотъ великая бѣда,
Что выпьетъ лишнее мужчина!
Ученье—вотъ чума! ученость—вотъ причина,
Что нынче пуще, чѣмъ когда,
Безумныхъ развелось людей и дѣлъ, и мнѣній.

Хлестова.
И впрямь съ ума сойдёшь отъ этихъ отъ однихъ
Отъ пансіоновъ, школъ, лицеевъ—какъ бишь ихъ?
Да отъ ланкарточныхъ взаимныхъ обученій.

Княгиня.
Нѣтъ, въ Петербургѣ Институтъ
Пе-да-го-гическій—такъ, кажется, зовутъ:
Тамъ упражняются въ расколахъ и безвѣрьи
Профессора. У нихъ учился нашъ родня
И вышелъ — хоть сейчасъ въ аптеку въ подмастерья:
Отъ женщинъ бѣгаетъ и даже отъ меня,
Чиновъ не хочетъ знать; онъ химикъ, онъ ботаникъ —
Князь Фёдоръ, мой племянникъ!

Скалозубъ.
Я васъ обрадую: всеобщая молва,
Что есть проектъ насчётъ лицеевъ, школъ, гимназій:
Тамъ будутъ лишь учить по нашему: разъ два!
А книги сохранятъ такъ для большихъ оказій.

Фамусовъ.
Сергѣй Сергѣичъ! нѣтъ коли ужъ зло пресѣчь —
Собрать всѣ книги-бы, да сжечь.

Загорѣцкій (*кротко*).
Нѣтъ-съ, книги книгамъ рознь; а если-бъ, между нами,
Былъ цензоромъ назначенъ я—
На басни бы налёгъ. Охъ, басни смерть моя!

Насмѣшки вѣчныя надъ львами, надъ орлами!
Кто что̀ ни говори—
Хоть и животныя, а всё-таки цари.
Хлестова.
Отцы мои! ужъ кто въ умѣ разстроенъ,
Такъ всё равно, отъ книгъ-ли, отъ питья-ль!
А Чацкаго мнѣ жаль!
По христіански, такъ онъ жалости достоинъ:
Былъ острый человѣкъ, имѣлъ душъ сотни три...
Фамусовъ.
Четыре.
Хлестова.
Три, суда̀рь!
Фамусовъ.
Четыреста!
Хлестова.
Нѣтъ, триста!
Фамусовъ.
Въ моёмъ календарѣ...
Хлестова.
Всѣ врутъ календари!
Фамусовъ.
Какъ разъ четыреста! Охъ, спорить голосиста!
Хлестова.
Нѣтъ, триста! Ужъ чужихъ имѣній мнѣ не знать!
Фамусовъ.
Четыреста, прошу понять.
Хлестова.
Нѣтъ, триста, триста, триста!

ЯВЛЕНІЕ XXII.

Тѣ же *и* Чацкій.
Наталья Дмитріевна.
Вотъ онъ!
Графиня-Внучка.
Штъ!
Всѣ.
Штъ!
(*Пятятся отъ него въ противоположную сторону*).
Хлестова.
Ну, какъ съ безумныхъ глазъ
Затѣетъ драться онъ—потребуетъ къ раздѣлкѣ?
Фамусовъ.
О, Господи, помилуй грѣшныхъ насъ!
(*Опасливо Чацкому*).
Любезнѣйшій, ты не въ своей тарелкѣ.
Съ дороги нуженъ сонъ. Дай пульсъ—ты нездо-
ровъ.
Чацкій.
Да! мочи нѣтъ: мильонъ терзаній
Груди отъ дружескихъ тисковъ,
Ногамъ отъ шарканья, ушамъ отъ восклицаній,
А пуще головѣ отъ всякихъ пустяковъ!
(*Подходитъ къ Софьѣ*).
Душа здѣсь у меня какимъ-то горемъ сжата
И въ многолюдствѣ я потерянъ, самъ не свой.
Нѣтъ, не доволенъ я Москвой!
Хлестова.
Москва, вишь, виновата!
Фамусовъ.
Подальше отъ него!
(*Дѣлаетъ зна́къ Софьѣ*).
Г-мъ! Софья! Не глядитъ!
Софья (*Чацкому*).
Скажите, что̀ васъ такъ гнѣвитъ?
Чацкій.
Въ той комнатѣ незначущая встрѣча:
Французикъ изъ Бордо, надсаживая грудь,
Собралъ вокругъ себя родъ вѣча
И сказывалъ, какъ снаряжался въ путь
Въ Россію, къ варварамъ, со страхомъ и слезами.
Пріѣхалъ и нашелъ, что ласкамъ нѣтъ конца;
Ни звука русскаго, ни русскаго лица
Не встрѣтилъ: будто бы въ отечествѣ, съ друзьями,
Своя провинція. Посмотришь, вечеркомъ
Онъ чувствуетъ себя здѣсь маленькимъ царькомъ:
Такой-же толкъ у дамъ, такіе же наряды.
Онъ радъ, но мы не рады!
Умолкъ—и тутъ со всѣхъ сторонъ
Тоска и оханье, и стонъ.
„Ахъ, Франція! нѣтъ лучше въ мірѣ края!“
Рѣшили двѣ княжны, сестрицы, повторяя
Урокъ, который имъ изъ дѣтства натверженъ.
Куда дѣваться отъ княженъ!
Я о̀далъ возсылалъ желанья
Смиренныя, однако, вслухъ,
Чтобъ истребилъ Господь нечистый этотъ духъ
Пустого, рабскаго, слѣпого подражанья;
Чтобъ искру заронилъ Онъ въ комъ-нибудь съ душой
Кто могъ-бы словомъ и примѣромъ
Насъ удержать, какъ крѣпкою вожжей,
Отъ жалкой тошноты по сторонѣ чужой!
Пускай меня объявятъ старовѣромъ;
Но хуже для меня нашъ Сѣверъ во-сто кратъ
Съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ всё въ обмѣнъ на новый
ладъ,—
И нравы, и языкъ, и старину святую,
И величавую одежду, на другую,
По шутовскому образцу:
Хвостъ сзади, спереди какой-то чудный выемъ,
Разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ;
Движенья связаны и не краса лицу;

Смѣшные, бритые, сѣдые подбородки...
Какъ платье, волосы—такъ и умы коротки!
Ахъ, если рождены мы всё перенимать,
Хоть у китайцевъ бы намъ нѣсколько занять
Премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ!
Воскреснемъ ли когда отъ чужевластья модъ,
Чтобъ умный, добрый нашъ народъ,
Хотя по языку насъ не считалъ за нѣмцевъ?
„Какъ европейское поставить въ параллель
Съ національнымъ?—Странно что-то!
Ну, какъ перевести: мадамъ и мадмуазель?
Ужель: сударыня!"—забормоталъ мнѣ кто-то.
Вообразите—тутъ у всѣхъ
На мой же счётъ поднялся смѣхъ.
„Сударыня! ха! ха! прекрасно!
„Сударыня! ха! ха! ужасно!"
Я, разсердясь и жизнь кляня,
Готовилъ имъ отвѣтъ громовый;
Но всѣ оставили меня.
Вотъ случай вамъ со мною — онъ не новый:
Москва и Петербургъ—во всей Россіи тó,
Что человѣкъ изъ города Бордо:
Лишь ротъ открылъ—имѣетъ счастье
Во всѣхъ княженъ вселять участье.
И въ Петербургѣ, и въ Москвѣ
Кто недругъ выписныхъ лицъ, вычуръ, словъ кудрявыхъ,
Въ чьей, по несчастью, головѣ
Пять-шесть найдётся мыслей здравыхъ
И онъ осмѣлится ихъ гласно объявлять—
Глядь...
(*Оглядывается: всѣ въ вальсѣ кружатся съ величайшимъ усердіемъ; старики разбрелись къ карточнымъ столамъ*).

ДѢЙСТВІЕ IV.

Ночь. У Фамусова въ домѣ—парадныя сѣни; большая лѣстница изъ второго жилья, къ которой примыкаютъ многія побочныя изъ антресолей. Внизу, справа, выходъ на крыльцо и швейцарская ложа; слѣва, на томъ же планѣ, комната Молчалина. Слабое освѣщеніе. Лакеи—*иные суетятся, иные спятъ, въ ожиданіи своихъ господъ.*

ЯВЛЕНІЕ III.

Чацкій *и впереди его* лакей.

Чацкій.

Кричи, чтобы скорѣе подавали! (*Лакей уходитъ*).
Ну, вотъ и день прошелъ, и съ нимъ
Всѣ призраки, весь чадъ и дымъ
Надеждъ, которыя мнѣ душу наполняли!
Чего я ждалъ? чтó думалъ здѣсь найти?
Гдѣ прелесть эта встрѣчъ? участье въ комъ живое?
Крикъ, радость — обнялись... Пустое!
Въ повозкѣ такъ-то, на пути,
Необозримою равниной, сидя праздно,
Всё что-то видно впереди
Свѣтло, синё, разнообразно.
И ѣдешь часъ, и два, день цѣлый. Вотъ рѣзвó
Домчались къ отдыху—ночлегъ; куда ни взглянешь—
Всё та же гладь и степь, и пусто, и мертво.
Досадно, мочи нѣтъ, чѣмъ больше думать станешь!
(*Лакей возвращается*).
Готово?

Лакей.

Кучера нигдѣ вамъ не найдутъ.

Чацкій.

Пошелъ—ищи: не ночевать же тутъ!
(*Лакей уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Чацкій *и* Репетиловъ, *который вбѣгаетъ съ крыльца, падаетъ и встаётъ.*

Репетиловъ.

Тьфу! оплошалъ! Ахъ, мой Создатель!
Дай протереть глаза! Откудова, пріятель?
Сердечный другъ! любезный другъ! mon cher!
Вотъ фарсы мнѣ какъ часто были пѣты,
Что пустомеля я, что глупъ, что суевѣръ,
Что у меня на всё предчувствія, примѣты!
Сейчасъ... растолковать прошу:
Какъ будто зналъ, сюда спѣшу—
Хвать, о порогъ задѣлъ ногою
И растянулся во весь ростъ.
Пожалуй, смѣйся надо мною—
Что Репетиловъ врётъ, что Репетиловъ простъ,
А у меня къ тебѣ влеченье, родъ недуга,
Любовь какая-то и страсть:
Готовъ я душу прозакласть,
Что въ мірѣ не найдёшь себѣ такого друга,
Такого вѣрнаго — ей-ей!
Пускай лишусь жены, дѣтей,
Оставленъ буду цѣлымъ свѣтомъ,
Пускай умру на мѣстѣ этомъ,
Да разразитъ меня Господь...

Чацкій.

Да полно вздоръ молоть!

Репетиловъ.

Не любишь ты меня — естественное дѣло!
Съ другими — я и такъ, и сякъ;

Съ тобою — говорю не смѣло:
Я жалокъ, я смѣшонъ, я неучъ, я дуракъ!

ЧАЦКІЙ.

Вотъ странное уничиженье!

РЕПЕТИЛОВЪ.

Брани меня: я самъ кляну своё рожденье,
Когда подумаю, какъ время убивалъ...
Скажи, который часъ?

ЧАЦКІЙ.

Часъ ѣхать спать ложиться.
Коли явился ты на балъ,
Такъ можешь воротиться.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Что балъ, братёцъ, гдѣ мы всю ночь, до бѣла дня,
Въ приличьяхъ скованы, не вырвемся изъ ига!
Читалъ-ли ты, есть книга...

ЧАЦКІЙ.

А ты читалъ?—задача для меня!
Ты Репетиловъ-ли?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Зови меня вандаломъ —
Я это имя заслужилъ:
Людьми пустыми дорожилъ,
Самъ бредилъ цѣлый вѣкъ обѣдомъ или баломъ;
О дѣтяхъ забывалъ, обманывалъ жену,
Игралъ, проигрывалъ, въ опеку взятъ указомъ,
Танцовщицу держалъ, да не одну —
Трёхъ разомъ;
Пилъ мёртвую, не спалъ ночей по девяти;
Всё отвергалъ: законы, совѣсть, вѣру...

ЧАЦКІЙ.

Послушай: ври, да знай же мѣру.
Есть отчего въ отчаянье притти!

РЕПЕТИЛОВЪ.

Поздравь меня: теперь съ людьми я знаюсь,
Съ умнѣйшими! Всю ночь не рыщу напролётъ...

ЧАЦКІЙ.

Вотъ нынче, напримѣръ?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Что ночь одна—не въ счётъ!
За то спроси: гдѣ былъ?

ЧАЦКІЙ.

И самъ я догадаюсь:
Чай, въ клубѣ?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Въ англійскомъ, чтобъ исповѣдь начать!
Изъ шумнаго я засѣданья.
Пожалуйста, молчи — я слово далъ молчать:
У насъ есть общество и тайныя собранья
По четвергамъ. Секретнѣйшій союзъ!

ЧАЦКІЙ.

Ахъ, братецъ, я боюсь!
Какъ, въ клубѣ?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Именно!

ЧАЦКІЙ.

Вотъ мѣры чрезвычайны,
Чтобъ въ шеи прогнать и васъ, и ваши тайны.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Напрасно страхъ тебя берётъ:
Вслухъ громко говоримъ — никто не разберётъ.
Я самъ, какъ схватятся о камерахъ присяжныхъ,
О Байронѣ... ну, о матерьяхъ важныхъ —
Частенько слушаю, не разжимая губъ.
Мнѣ не подъ силу, братъ, и чувствую, что глупъ.
Ахъ, Александръ, у насъ тебя не доставало!
Послушай, миленькій, потѣшь меня хоть мало:
Поѣдемъ-ка сейчасъ — мы, благо, на ходу,
Съ какими я тебя сведу
Людьми! Ужъ на меня нисколько не похожи.
Что за люди, mon cher,—сокъ умной молодёжи.

ЧАЦКІЙ.

Богъ съ ними и съ тобой! Куда я поскачу?
Зачѣмъ? въ глухую? Домой — я спать хочу.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Э, брось! Кто нынче спитъ? Ну, полно, безъ прелюдій!
Рѣшись, а мы... У насъ рѣшительные люди,
Горячихъ дюжина головъ:
Кричимъ — подумаешь, что сотни голосовъ.

ЧАЦКІЙ.

Да изъ чего, скажи, бѣснуетесь вы столько?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Шумимъ, братёцъ, шумимъ!

ЧАЦКІЙ.

Шумите вы — и только?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Не мѣсто объяснять теперь и недосугъ:
Но государственное дѣло;
Оно, вотъ, видишь, не созрѣло —
Нельзя-же вдругъ!
Что за люди, mon cher! Безъ дальнихъ я исторій
Скажу тебѣ: во-первыхъ — князь Григорій:
Чудакъ единственный; насъ со смѣху моритъ.
Вѣкъ съ англичанами, вся англійская складка,
И также онъ сквозь зубы говоритъ,
И также коротко обстриженъ для порядка.
Ты не знакомъ? О, познакомься съ нимъ!
Другой — Воркуловъ Евдокимъ.
Ты не слыхалъ, какъ онъ поётъ? О, диво!
Послушай, милый! Особливо

Есть у него любимое одно:
„А нонъ ла-шьяръ ми но-но-но!“
Ещё у насъ два брата,
Леонъ и Боринька — чудесные ребята.
О нихъ не знаешь, что сказать;
Но если генія прикажете назвать:
Удушьевъ, Ипполитъ Маркелычъ!
Ты сочиненія его
Читалъ-ли что-нибудь? хоть мелочь?
Прочти, братéцъ. Да онъ не пишетъ ничего!
Вотъ этакихъ людей бы сѣчь-то
И приговаривать: „писать, писать, писать!“
Въ журналахъ можешь ты, однако, отыскать
Его отрывокъ: „Взглядъ и нѣчто!“
Объ чёмъ—бишь—„нѣчто?“ Обо всёмъ;
Всё знаетъ: мы его на чёрный день пасёмъ.
Но голова у насъ, какой въ Россіи нѣту —
Не надо называть — узнаешь по портрету:
Ночной разбойникъ, дуэлистъ,
Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ
И крѣпко нá руку нечистъ.
Да умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ;
Когда-жъ о честности высокой говоритъ,
Какимъ-то демономъ внушаемъ —
Глаза въ крови, лицо горитъ,
Самъ плачетъ, а мы всѣ рыдаемъ.
Вотъ люди! Есть-ли имъ подобные? Наврядъ?
Ну, между ними я, конечно, за-урядъ —
Немножко поотсталъ, лѣнивъ — подумать ужасъ;
Однако-жъ я, когда, умишкомъ понатужусь,
Засяду — часу не сижу
И какъ-то невзначай вдругъ каламбуръ рожý;
Другіе у меня мысль эту же подцѣпятъ
И вшестеромъ, глядь, водевильчикъ слѣпятъ;
Другіе шестеро на музыку кладутъ:
Другіе хлопаютъ, когда его даютъ...
Братъ, смѣйся, а что любо — любо!
Способностями Богъ меня не наградилъ;
Далъ сердце доброе — вотъ чѣмъ я людямъ милъ.
Совру — простятъ...

Лакей (*у подъѣзда*).
Карета Скалозуба!

Репетиловъ.
Чья?

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же *и* Скалозубъ *спускается съ лѣстницы.*

Репетиловъ (*къ нему на встрѣчу*).
А, Скалозубъ! душа моя!
Постой, куда же? сдѣлай дружбу!
(*Душитъ его въ объятіяхъ.*)

Чацкій.
Куда дѣваться мнѣ отъ нихъ?
(*Входитъ въ швейцарскую.*)

Репетиловъ.
Слухъ о тебѣ давно затихъ:
Сказали, что ты въ полкъ отправился на службу.
Знакомы вы? (*Ищетъ глазами Чацкаго.*)
Упрямецъ, ускакалъ!
Нѣтъ нужды! Я тебя нечаянно сыскалъ —
И просимъ-ка со мной сейчасъ, безъ отговорокъ.
У князь-Григорія теперь народу тьма —
Увидишь человѣкъ тамъ сорокъ.
Фу, сколько, братецъ, тамъ ума!
Всю ночь толкуютъ, не наскучатъ:
Во-первыхъ — напоятъ шампанскимъ на убой,
А во-вторыхъ — такимъ вещамъ научатъ,
Какихъ, конечно, намъ не выдумать съ тобой.

Скалозубъ.
Избавь. Ученостью меня не обморочишь:
Скликай другихъ. А если хочешь,
Я князь-Григорію и вамъ
Фельдфебеля въ Волтеры дамъ:
Онъ въ три шеренги васъ построитъ,
А пикните — такъ мигомъ успокоитъ.

Репетиловъ.
Всё служба на умѣ! Mon cher, гляди сюда:
И я въ чины-бы лѣзъ, да неудачи встрѣтилъ,
Какъ, можетъ быть, никто и никогда.
По статской я служилъ: тогда
Баронъ фонъ-Клокъ въ министры мѣтилъ,
А я
Къ нему въ зятья
Шелъ напрямикъ, безъ дальней думы.
Съ его женой и съ нимъ пускался въ реверси:
Ему и ей такія суммы
Спустилъ, что Боже упаси!
Онъ на Фонтанкѣ жилъ—я возлѣ домъ построилъ,
Съ колоннами, огромный — сколько стоилъ!
Женился, наконецъ, на дочери его:
Приданаго взялъ — шишъ, по службѣ — ничего.
Тесть нѣмецъ, а что проку?
Боялся, видишь, онъ упрёку
За слабость будто бы къ роднѣ.
Боялся, прахъ его возьми! Да легче-ль мнѣ?
Секретари его всѣ хамы, всѣ продажны,
Людишки, пишущая тварь —
Всѣ вышли въ знать, всѣ нынче важны:
Взгляни-ка въ „Адресъ-календарь“...
Тьфу, служба и чины, кресты — души мытарства!
Лохмотьевъ Алексѣй чудесно говоритъ,

Что радикальныя потребны тутъ лѣкарства:
Желудокъ больше не варитъ.
(*Останавливается, увидя, что Загорѣцкій заступилъ мѣсто Скалозуба, который между тѣмъ уѣхалъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Репетиловъ, Хлестова *и* Молчалинъ.

Репетиловъ.
Анфиса Ниловна! Ахъ, Чацкій бѣдный! Вотъ,
Что нашъ высокій умъ и тысячи заботъ!
Скажите, изъ чего на свѣтѣ мы хлопочемъ?

Хлестова.
Такъ Богъ ему судилъ: а впрочемъ,
Полѣчатъ — вылѣчатъ, авось.
А ты, мой батюшка, неизлѣчимъ, хоть брось!
Изволилъ во́-время явиться!
Молчалинъ, вонъ чуланчикъ твой!
Не нужны проводы. Поди, Господь съ тобой!
(*Молчалинъ уходитъ къ себѣ въ комнату*).
Прощайте, батюшка! Пора перебѣситься!
(*Уѣзжаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Репетиловъ *со своимъ* лакеемъ.

Репетиловъ.
Куда теперь направить путь?
А дѣло ужъ идётъ къ разсвѣту.
Поди, сажай меня въ карету,
Вези куда-нибудь!
(*Уѣзжаетъ. Послѣдняя лампа гаснетъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Чацкій *выходитъ изъ швейцарской.*

Чацкій.
Что это? Слышалъ я моими-ли ушами?
Не смѣхъ, а явно злость! Какими чудесами,
Черезъ какое колдовство,
Нелѣпость обо мнѣ всѣ въ голосъ повторяютъ?
И для иныхъ—какъ словно торжество,
Другіе — будто сострадаютъ.
О, если бъ кто въ людей проникъ!
Что́ хуже въ нихъ: душа или языкъ?
Чьё это сочиненье?
Повѣрили глупцы, другимъ передаютъ;
Старухи въ мигъ тревогу бьютъ —
И вотъ общественное мнѣнье!

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Чацкій, Софья *и* Лиза.

Чацкій.
Скорѣе въ обморокъ: теперь оно въ порядкѣ!
Важнѣе давишней причина есть къ тому.
Вотъ, наконецъ, рѣшеніе загадкѣ!
Вотъ я пожертвованъ кому!
Не знаю, какъ въ себѣ я бѣшенство умѣрилъ:
Глядѣлъ — и видѣлъ, и не вѣрилъ.
А *милый*, для кого забыть
И прежній другъ, и женскій страхъ, и стыдъ,
За двери прячется, боится быть въ отвѣтѣ.
Ахъ, какъ игру судьбы постичь?
Людей съ душой — гонительница, бичъ!
Молчалины — блаженствуютъ на свѣтѣ!

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же, Фамусовъ *и толпа слугъ со свѣчами.*

Фамусовъ.
Сюда, за мной! скорѣй, скорѣй!
Свѣчей сюда побольше, фонарей!
Гдѣ домовые? Ба! знакомыя всё лица!
Дочь! Софья Павловна! Срамница!
Безстыдница! гдѣ? съ кѣмъ? Ни дать, ни взять, она,
Какъ мать ея, покойница-жена!
Бывало, я съ дражайшей половиной
Чуть врозь—ужъ гдѣ-нибудь съ мужчиной!
Побойся Бога! какъ? чѣмъ онъ тебя прельстилъ?
Сама его безумнымъ называла...
Нѣтъ, глупость на меня и слѣпота напала!
Всё это заговоръ, и въ заговорѣ былъ
Онъ самъ и гости всѣ. За что́ я такъ наказанъ?

Чацкій (*Софьѣ*).
Такъ этимъ вымысломъ я вамъ ещё обязанъ?

Фамусовъ.
Братъ, не финти: не дамся я въ обманъ!
Хоть подеритесь — не повѣрю.
Ты, Филька, ты — прямой чурбанъ!
Въ швейцары произвёлъ лѣнивую тетерю!
Не знаетъ ни про что́, не чуетъ ничего!
Гдѣ былъ? куда ты вышелъ?
Сѣней не заперъ для чего?
И какъ не досмотрѣлъ? и какъ ты не дослышалъ?
Въ работу васъ! на поселенье васъ!
За грошъ продать меня готовы!
(*Лизѣ*). Ты, быстроглазая! всё отъ твоихъ проказъ!
Вотъ онъ, Кузнецкій мостъ, наряды да обновы!
Тамъ выучилась ты любовниковъ сводить —
Постой же, я тебя исправлю:

Изволь-ка въ йзбу! маршъ, за птицами ходить!
Да и тебя, мой другъ, я, дочка, не оставлю:
Ещё дни два терпѣнія возьми —
Не быть тебѣ въ Москвѣ, не жить тебѣ съ людьми;
Подалѣе отъ этихъ хватовъ—
Въ деревню, къ тёткѣ, въ глушь, въ Саратовъ!
Тамъ будешь горе горевать,
За пяльцами сидѣть, за святцами зѣвать!
А васъ, сударь, прошу я толкомъ
Туда не жаловать—ни прямо, ни просёлкомъ!
И ваша такова послѣдняя черта,
Что, чай, ко всякому дверь будетъ заперта.
Я постараюся, въ набатъ я пріударю,
По городу всему надѣлаю хлопотъ
И оглашу на весь народъ,
Въ сенатъ подамъ—министрамъ—государю!

Чацкій.

Не образумлюсь — виноватъ!
И слушаю—не понимаю!
Какъ-будто всё ещё мнѣ объяснить хотятъ...
Растерянъ мыслями, чего-то ожидаю...
Слѣпецъ, въ комъ я искалъ награду всѣхъ трудовъ?
Спѣшилъ, летѣлъ, дрожалъ! Вотъ счастье, думалъ, близко!
Предъ кѣмъ я давеча такъ страстно и такъ низко
Былъ расточитель нѣжныхъ словъ!
А вы, о Боже мой! кого себѣ избрали?
Когда подумаю—кого вы предпочли!
Зачѣмъ меня надеждой завлекли?
Зачѣмъ мнѣ прямо не сказали,
Что всё прошедшее вы обратили въ смѣхъ,
Что память даже вамъ постыла
Тѣхъ чувствъ въ обоихъ насъ, движеній сердца тѣхъ,
Которыя во мнѣ ни даль не охладила,
Ни развлеченія, ни перемѣна мѣстъ?
Дышалъ я ими, жилъ, былъ занятъ безпрерывно.
Сказали бы, что вамъ внезапный мой пріѣздъ,
Мой видъ, мои слова, поступки—всё противно:
Я съ вами бы тотчасъ сношенія пресѣкъ,
И передъ тѣмъ, какъ навсегда разстаться,
Не сталъ бы очень добиваться,
Кто этотъ вамъ любезный человѣкъ.
(*Насмѣшливо*).
Вы помиритесь съ нимъ, по размышленьи зрѣломъ:
Себя крушить — и для чего?
Подумайте: всегда вы можете его
Беречь и пеленать, и посылать за дѣломъ.
Мужъ-мальчикъ, мужъ-слуга, изъ жениныхъ пажей
Высокій идеалъ московскихъ всѣхъ мужей.
Довольно: съ вами я горжусь моимъ разрывомъ!
А вы, сударь, отецъ, вы, страстные къ чинамъ—
Желаю вамъ дремать въ невѣдѣньи счастливомъ!
Я сватаньемъ моимъ не угрожаю вамъ:
Другой найдётся, благонравный,
Низкопоклонникъ и дѣлецъ—
Достоинствами, наконецъ,
Онъ будущему тестю равный.
Такъ, отрезвился я сполна:
Мечтанья съ глазъ долой — и спала пелена!
Теперь не худо-бъ было, сряду,
На дочь и на отца,
И на любовника-глупца,
И на весь міръ излить всю желчь и всю досаду.
Съ кѣмъ былъ? куда меня закинула судьба?
Всѣ гонятъ, всѣ клянутъ; мучителей толпа—
Въ любви предателей, въ враждѣ неутомимыхъ,
Разсказчиковъ неукротимыхъ,
Нескладныхъ умниковъ, лукавыхъ простяковъ,
Старухъ зловѣщихъ, стариковъ,
Дряхлѣющихъ надъ выдумками, вздоромъ.
Безумнымъ вы меня прославили всѣмъ хоромъ—
Вы правы: изъ огня тотъ выйдетъ невредимъ,
Кто съ вами день пробыть сумѣетъ,
Подышетъ воздухомъ однимъ
И въ нёмъ разсудокъ уцѣлѣетъ.
Вонъ изъ Москвы! Сюда я больше не ѣздокъ.
Бѣгу, не оглянусь: пойду искать по свѣту,
Гдѣ оскорблённому есть чувству уголокъ!
Карету мнѣ, карету!
(*Быстро уходитъ; Фамусовъ долгое время стоитъ въ остолбенѣніи*).

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ же, *кромѣ* Чацкаго.

Фамусовъ.

Ну, что́? не видишь ты, что онъ съ ума сошелъ?
Скажи серьёзно?
Безумный, что онъ тутъ за чепуху мололъ?
„Низкопоклонникъ - тесть!" И про Москву такъ грозно...
А ты меня рѣшилась уморить?
Моя судьба ещё-ли не плачевна?
Ахъ, Боже мой! что́ станетъ говорить
Княгиня Марья Алексѣвна!

ТРЕТІЙ ПЕРІОДЪ.

ОТЪ ПУШКИНА ДО ЛЕРМОНТОВА.

А. С. ПУШКИНЪ.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, величайшій изъ русскихъ поэтовъ, родился 26-го мая 1799 года, въ четвергъ, въ день Вознесенія Господня, въ Москвѣ, на Молчановкѣ. Отецъ его былъ гвардіи капитанъ-поручикъ, Сергѣй Львовичъ Пушкинъ; мать — Надежда Осиповна Ганнибалъ, внучка извѣстнаго *арапа Петра Великаго* и племянница генерала-аншефа Авраама Петровича Ганнибала, героя Наварина и основателя Херсона. Пушкины ведутъ свой родъ отъ *мужа честна* Радши, выѣхавшаго въ Новгородъ изъ Пруссіи, въ Княженіе Александра Ярославича Невскаго. Въ числѣ предковъ Пушкина было трое бояръ и четверо окольничьихъ. Изъ всѣхъ своихъ предковъ, А. С. Пушкинъ уважалъ всѣхъ болѣе своего родоначальника по прямой линіи, боярина Григорія Гавриловича Пушкина, служившаго при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ посломъ въ Польшѣ и скончавшагося въ званіи оружейничьяго и нижегородскаго намѣстника въ 1656 году.

Воспріемникомъ новорождённаго Пушкина былъ графъ А. И. Воронцовъ. Вскорѣ послѣ своего появленія на свѣтъ, будущій поэтъ былъ перевезёнъ своими родителями на другую квартиру, въ домъ княженъ Щербатовыхъ, что у Яузскаго моста. Здѣсь-то провёлъ Пушкинъ свои младенческіе годы, подъ надзоромъ старухи-бабушки, Марьи Алексѣевны Ганнибалъ, женщины стариннаго русскаго воспитанья, и старой няни, знаменитой Арины Родіоновны, вынянчившей всё новое покол́ѣніе семьи Пушкиныхъ. „Родіоновна", говоритъ П. В. Анненковъ: „принадлежала къ типическимъ и благороднѣйшимъ лицамъ русскаго міра. Соединеніе добродушія и ворчливости, нѣжнаго расположенія въ молодости съ притворною строгостью, оставили въ сердцѣ Пушкина неизгладимое воспоминаніе. Онъ любилъ её родственною, неизмѣнною любовью и, въ годы возмужалости и славы, бесѣдовалъ съ нею по цѣлымъ часамъ. Это объясняется ещё и другимъ важнымъ достоинствомъ Арины Родіоновны: весь сказочный русскій міръ былъ ей извѣстенъ, какъ нельзя короче, а передавала она его чрезвычайно-оригинально. Поговорки, пословицы, присказки не сходили у нея съ языка. Большую часть народныхъ былинъ и пѣсенъ, которыхъ Пушкинъ такъ много зналъ, слышалъ онъ отъ Арины Родіоновны".

Отецъ поэта, Сергѣй Львовичъ, какъ равно и родной его дядя, поэтъ Василій Львовичъ Пушкины, были люди умные и даже хорошо образованные для своего времени; но, къ сожалѣнію, образованіе это было — чисто свѣтское. Сергѣй Львовичъ былъ душой великосвѣтскаго общества, въ которомъ блисталъ остроуміемъ и умѣньемъ наполнять альбомы московскихъ дамъ и дѣвицъ французскими стихами собственнаго издѣлія. Втягиваясь всё болѣе и болѣе въ свѣтскую жизнь, онъ сталъ скоро тяготиться жизнью домашней — и кончилъ тѣмъ, что предоставилъ всё хозяйство, а съ нимъ и воспитаніе дѣтей, въ полное распоряженіе жены. Началось воспитаніе. Бабушка, Марья Алексѣевна, взялась за указку — и очень скоро выучила будущаго поэта читать и писать по-русски, послѣ чего передала его для дальнѣйшихъ занятій русскимъ языкомъ какому-то Шиллеру. Затѣмъ, Пушкинъ попался въ руки разныхъ французовъ, пытавшихся заставить его позабыть, что онъ русскій. Впрочемъ, они не вполнѣ въ

этомъ успѣли, такъ-какъ ребёнокъ оказался далёко не изъ числа воспріимчивыхъ и бойкихъ. По свидѣтельству сестры Пушкина, Ольги Сергѣевны Павлищевой, будущій поэтъ лѣтъ до семи былъ очень молчаливъ и не обнаруживалъ ничего особеннаго, и даже приводилъ мать въ совершенное отчаяніе своею неповоротливостью; но за то онъ рано пристрастился къ чтенію. Чтеніе это, какъ водится, началось съ Плутарха, „Иліады" и „Одиссеи", въ переводѣ Битобе, и завершилось французскими классиками XVII вѣка. Пушкинъ тайкомъ забирался въ кабинетъ отца и тамъ просиживалъ ночи, погруженный въ чтеніе всевозможныхъ книгъ, попадавшихся ему подъ руку.

Между-тѣмъ, наступилъ 1811 годъ, ознаменованный открытіемъ Царскосельскаго лицея, куда долженъ былъ вступить и молодой Пушкинъ, въ числѣ тридцати другихъ мальчиковъ. Отвезённый въ Петербургъ дядей, Василіемъ Львовичемъ, Пушкинъ 12-го августа 1811 года выдержалъ, вмѣстѣ съ Дельвигомъ, пріёмный экзаменъ и былъ принятъ въ число воспитанниковъ Лицея. „Учебная жизнь молодого Пушкина не была блестяща", говоритъ г. Анненковъ, въ своихъ „Матеріалахъ для біографіи Пушкина". „При обширной, почти изумительной памяти, ему не доставало продолжительныхъ, ровныхъ усилій вниманія. Къ тому же, въ характерѣ его было какое-то нежеланіе выказывать и тѣ познанія, которыя онъ пріобрѣлъ... Замѣчательно, что въ Лицеѣ основныя черты характера Пушкина развернулись очень скоро, какъ-будто здѣсь предоставленъ имъ былъ просторъ и сняты были съ нихъ досадныя помѣхи: съ одной стороны, обнаружилось довѣрчивое и любящее сердце, съ другой—расположеніе къ насмѣшкѣ и преслѣдованію непріязненныхъ личностей, доводившее иногда многихъ до дѣтскаго отчаянія. Товарищи называли его французомъ, вѣроятно, за превосходное знаніе французскаго языка; но эпитетъ этотъ скрывалъ также и нерасположеніе ихъ къ живому и задорному мальчику, и выводилъ иногда самого Пушкина изъ терпѣнія. Только немногіе знали — и въ томъ числѣ Дельвигъ — его душу, сильно расположенную къ пріязни и откровенности".

Первымъ русскимъ стихотвореніемъ Пушкина, написаннымъ ещё въ бытность его въ Лицеѣ и дошедшимъ до насъ, надо считать „Посланіе къ сестрѣ", а первымъ напечатаннымъ — „Къ другу-стихотворцу", появившееся въ 13-мъ нумерѣ „Вѣстника Европы" на 1814 годъ. На публичномъ экзаменѣ Лицея, въ 1815 году, шестнадцатилѣтній Пушкинъ привёлъ въ восторгъ всѣхъ присутствовавшихъ своимъ прекраснымъ стихотвореніемъ: „Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ", при чёмъ Державинъ, вставъ съ мѣста, склонилъ передъ нимъ свою сѣдую голову и хотѣлъ обнять его, но потерявшійся поэтъ скрылся — и тщетно искали его вездѣ. Затѣмъ, 9-го іюня 1817 года совершился первый выпускъ воспитанниковъ Лицея, удостоенный присутствія императора Александра I, при чёмъ Пушкинъ прочёлъ своё стихотвореніе „Безвѣріе", заслужившее общія похвалы.

По выходѣ изъ Лицея, Пушкинъ съ жадностью накинулся на удовольствія столичной жизни: онъ усердно посѣщалъ общество, не пропускалъ ни одного спектакля, ни одного бала и литературнаго собранія, ни одного гулянья, и, при всёмъ томъ, находилъ время для литературныхъ занятій. Такъ, въ концѣ 1817 года, онъ написалъ нѣсколько очень хорошихъ стихотвореній, изъ которыхъ посланіе „Къ Жуковскому" причисляется къ лучшимъ его произведеніямъ, а въ началѣ 1818 года онъ уже читалъ на литературныхъ вечерахъ у Жуковскаго первыя пѣсни своей первой поэмы „Русланъ и Людмила", планъ которой былъ созданъ имъ ещё въ Лицеѣ.

Когда прочелъ Пушкинъ послѣднюю пѣсню своей первой поэмы, въ концѣ 1819 года, восхищённый Жуковскій подарилъ ему свой литографированный портретъ съ слѣдующею надписью: „Ученику-побѣдителю отъ побѣждённаго учителя, въ высокоторжественный день окончанія „Руслана и Людмилы". Поэма была издана въ 1820 году, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Русланъ и Людмила, поэма въ шести пѣсняхъ, сочиненіе А. Пушкина", съ слѣдующимъ прелестнымъ посвященіемъ „Красавицамъ":

Для васъ, души моей царицы,
Красавицы, для васъ однихъ,
Временъ минувшихъ небылицы,
Въ часы досуговъ золотыхъ,
Подъ шепотъ старины болтливой
Рукою вѣрной я писалъ;
Примите жъ вы мой трудъ игривый!
Ничьихъ не требуя похвалъ,
Счастливъ ужъ я надеждой сладкой,
Что дѣва съ трепетомъ любви
Посмотритъ, можетъ-быть, украдкой
На пѣсни грѣшныя мои.

Появленіе „Руслана и Людмилы" было встрѣчено съ восторгомъ публикой и большинствомъ литера-

турныхъ знаменитостей того времени—Карамзинымъ, Жуковскимъ, Гнѣдичемъ, Крыловымъ, Батюшковымъ, княземъ Вяземскимъ и другими; но нашлись и такіе, которые отнеслись къ поэмѣ съ недоумѣніемъ, увидѣвъ въ ней униженіе поэзіи и достоинства литературы. Къ числу недовольныхъ новой поэмой присоединился и И. И. Дмитріевъ. Критика пришла въ совершенный ужасъ отъ смѣлаго и шутливаго введенія сказочнаго русскаго міра въ область поэзіи. Но всѣ возгласы критики остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и Пушкинъ даже не счёлъ нужнымъ отвѣчать на ея курьёзныя нападки: до такой степени они были неосновательны и ничтожны. „Главная причина, что я не отвѣчалъ моимъ критикамъ"—говоритъ Пушкинъ въ своихъ „Запискахъ"—была лѣность. Мнѣ также было совѣстно, для опроверженій—повторять школьныя или пошлыя истины, толковать объ азбукѣ, риторикѣ, оправдываться тамъ, гдѣ не было обвиненій, а что всего затруднительнѣе, важно говорить: „Et moi je vous soutiens, que mes vers sont très bons".

Но вотъ настал ъ роковой для Пушкина 1820 годъ, и буря, долго носившаяся надъ поэтомъ, наконецъ, разразилась. Только благодаря заступничеству Карамзина, Милорадовича и Энгельгардта, Пушкинъ не былъ преданъ суду, и всё дѣло ограничилось высылкою поэта изъ столицы, съ переводомъ изъ министерства Иностранныхъ Дѣлъ на службу въ канцелярію главнаго попечителя колонистовъ южнаго края, въ Екатеринославль. „Поводомъ къ удаленію Пушкина изъ Петербурга", говоритъ г. Анненковъ: „были его собственная неосмотрительность, заносчивость въ мнѣніяхъ и поступкахъ, которыя вовсе не лежали въ сущности его характера, но привились къ нему по легкомыслію молодости, и потому, что проходили тогда почти безъ осужденія. Короче, причиной всей суматохи была ода „Вольность" и нѣсколько другихъ стихотвореній, написанныхъ въ томъ же родѣ, и тó, что Пушкинъ открыто показывалъ своимъ сосѣдямъ въ театрѣ портретъ Лувеля, убійцы герцога Беррійскаго.

Четыре года, проведённые Пушкинымъ на югѣ Россіи, прошли въ безпрерывномъ кочеваньи. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Екатеринославль, Пушкинъ заболѣлъ, и, спустя двѣ недѣли, отправился, съ семействомъ генерала Раевскаго, къ кавказскимъ минеральнымъ водамъ. Созерцаніе суровыхъ красотъ Кавказа навело его на мысль написать поэму изъ быта тамошнихъ горцевъ, которую онъ и привёлъ въ исполненіе, спустя годъ, написавъ „Кавказскаго плѣнника". Возвращаясь назадъ, черезъ Тамань и Керчь, Пушкинъ объѣхалъ часть Крыма и, очарованный чудными видами южнаго его берега и вдохновенный классическими воспоминаніями связанными съ нимъ, написалъ нѣсколько прелестныхъ антологическихъ стихотвореній, въ томъ числѣ: „Нереиду" и „Доридѣ", и элегію: „Погасло дневное свѣтило", извѣстную каждому грамотному человѣку въ Россіи. Обозрѣніе же ханскаго дворца въ Бахчисараѣ дало Пушкину мысль написать свою прелестную поэму: „Бахчисарайскій Фонтанъ", которая и была имъ написана, два года спустя, въ Кишиневѣ и потомъ отпечатана въ 1824 году въ Москвѣ. Тогда же, въ 1822 году, былъ написанъ имъ и разсказъ въ стихахъ: „Братья разбойники", задуманный подъ впечатлѣніемъ, видѣннаго имъ самимъ, побѣга двухъ арестантовъ изъ екатеринославскаго острога, при чёмъ преступники спасались вплавь въ кандалахъ черезъ Днѣпръ. Эта небольшая поэма была напечатана въ первый разъ въ „Полярной Звѣздѣ" на 1825 годъ, а въ 1827 году вышла въ Москвѣ отдѣльной книжкой, въ двухъ изданіяхъ.

Конецъ 1820 года и начало 1821 Пушкинъ провёлъ въ постоянныхъ переѣздахъ между Кишинёвымъ, новымъ мѣстомъ его службы, и Каменкой, кіевскимъ имѣніемъ Раевскихъ. Къ этому времени относится, между прочимъ, извѣстное стихотвореніе Пушкина: „Черная шаль", обязанное своимъ происхожденіемъ южнымъ впечатлѣніямъ поэта и облетѣвшее всю Россію, подобно „Тройкѣ" и „Красному сарафану". Перечитывая стихотворенія, написанныя имъ около этого времени, нельзя не замѣтить быстраго возрастанія поэтическаго генія Пушкина. Въ Кишинёвѣ были написаны тѣ высокохудожественныя лирическія произведенія, въ которыхъ Пушкинъ является передъ нами уже во всеоружіи своего могучаго таланта. Къ числу такихъ произведеній принадлежатъ: „Муза", „Чаадаеву", „Къ Овидію", „Наполеонъ", „Діонея", „Примѣты", „Дѣва", „Желаніе" и „Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ". Здѣсь же, въ Бессарабіи, задумалъ онъ своего „Евгенія Онѣгина" и началъ поэму „Цыганы"; поводомъ къ ней послужила случайная встрѣча его съ цыганскимъ таборомъ, въ которомъ онъ прожилъ нѣсколько дней дикою жизнью кочевого племени. Воспоминаніе объ этомъ кочеваніи по бессарабскимъ степямъ Пушкинъ сохранилъ въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ эпилога къ „Цыганамъ", не попавшемъ въ печать.

За ихъ лѣнивыми толпами
Въ пустыняхъ, праздный, я бродилъ,
Простую пищу ихъ дѣлилъ
И засыпалъ предъ ихъ огнями.
Въ походахъ медленныхъ любилъ
Ихъ пѣсней радостные гулы —
И долго милой Маріулы
Я имя нѣжное твердилъ.

По переѣздѣ въ Одессу, куда онъ былъ переведёнъ, въ августѣ мѣсяцѣ 1823 года, на службу, съ подчиненіемъ новому начальнику, графу М. С. Воронцову, Пушкинъ съ жаромъ принялся за продолженіе своего „Евгенія Онѣгина“ — и 22-го октября 1823 года первая глава романа, начатая въ маѣ въ Бессарабіи, была окончена въ Одессѣ, при чёмъ осенній мѣсяцъ имѣлъ тутъ своё значеніе. „Извѣстно“, говоритъ П. В. Анненковъ: „что осень была временемъ особеннаго развитія его творческой дѣятельности вообще. Она приносила ему нравственное спокойствіе, равновѣсіе всѣхъ силъ и необыкновенную бодрость мысли. На сѣверѣ онъ радовался туманной и дождливой осени и боялся сухой и свѣтлой, какъ предательницы, которая влечётъ къ прогулкамъ и разсѣянности. Южная осень съ ея чистымъ небомъ и освѣжительно-тёплымъ воздухомъ заставляла его прибѣгать къ хитрости. Онъ вставалъ рано и, не покидая постели, писалъ нѣсколько часовъ безъ отдыха“. Такимъ образомъ, осенью 1823 года были написаны первыя три главы „Онѣгина“, а зимой слѣдующаго года начаты „Цыганы“. Что же касается лирическихъ стихотвореній, написанныхъ Пушкинымъ въ Одессѣ, то они отличаются совсѣмъ другимъ колоритомъ. Прежнія спокойныя и величественныя произведенія уступили мѣсто такимъ, какъ, напримѣръ: „Ненастный день потухъ“, „Простишь-ли мнѣ ревнивыя мечты“, „Коварность“ и другія, исполненнымъ страстныхъ порывовъ, сомнѣнья и ревности. Впрочемъ, и въ это, тяжкое для сердце поэта, время, онъ освобождался иногда отъ бремени овладѣвшей имъ страсти и проявлялъ свой геній въ такихъ чудныхъ созданіяхъ, какъ „Демонъ“, „Птичка“ и „Сѣятель“.

Между тѣмъ, неудовольствія, возникшія между графомъ Воронцовымъ и Пушкинымъ, вызвавшія стихотвореніе послѣдняго („Полу-милордъ, полуневѣжда“), приняли такой оборотъ, что Александру Сергѣевичу уже невозможно было оставаться на службѣ въ Одессѣ и, волей-неволей, надо было съ ней разстаться. Въ началѣ осени 1824 года Пушкинъ простился съ югомъ Россіи своимъ превосходнымъ стихотвореніемъ „Къ морю“, въ которомъ, между прочимъ, сказалъ послѣднее „прости“ и *властителю своихъ думъ* — Байрону, воздавъ ему при этомъ послѣднюю хвалу. По распоряженію начальства, онъ былъ высланъ изъ Одессы для безвыѣзднаго поселенія въ его Псковской деревнѣ, сельцѣ Михайловскомъ. Пріѣхавъ въ Михайловское, въ которомъ ему приказано было жить до дальнѣйшаго распоряженія, Пушкинъ основался въ одной изъ комнатъ запущеннаго дома и сталъ жить жизнью затворника, развлекаясь чтеніемъ новѣйшихъ классиковъ и поэзіею. Впрочемъ, посѣщеніе друзей, пріѣзжавшихъ изъ Петербурга, знакомство съ семействомъ П. А. Осиповой, жившей по сосѣдству, верстахъ въ двухъ-трехъ отъ Михайловскаго и, въ особенности, постоянный трудъ осенней поэтической дѣятельности — всё это, взятое вмѣстѣ, вскорѣ благодѣтельно подѣйствовало на пылкаго поэта и отразилось, какъ нельзя лучше, на произведеніяхъ этого періода его жизни. Въ Михайловскомъ Пушкинъ написалъ четвёртую, пятую и шестую пѣсни романа „Евгеній Онѣгинъ“, приготовилъ къ печати поэму „Цыганы“, написанную ещё въ Одессѣ, и началъ, и окончилъ лучшее своё произведеніе — драматическую поэму: „Борисъ Годуновъ“. Что же касается лирическихъ его стихотвореній, то въ Михайловскомъ ихъ было написано множество — и многія изъ нихъ можно смѣло назвать перлами пушкинской поэзіи, какъ напримѣръ: „Я помню чудное мгновенье“, „19-го октября 1825 года“, „Зимній вечеръ“, „Андрей Шенье“, „Зимняя дорога“ и „Пророкъ“. Здѣсь же Пушкинъ прослушалъ и записалъ тѣ чудныя сказки, которыя онъ пересказалъ стихами впослѣдствіи, и всѣ тѣ простонародные разсказы, которые были найдены въ бумагахъ поэта, послѣ его смерти. Источникомъ большинства сказокъ, написанныхъ Пушкинымъ, были неистощимые разсказы его старой няни, Арины Родіоновны, знавшей ихъ великое множество. „Арина Родіоновна была посредницей“, говоритъ Анненковъ: „въ сношеніяхъ Пушкина съ русскимъ сказочнымъ міромъ, руководительницей его въ узнаваніи повѣрій, обычаевъ и самыхъ пріёмовъ народа, съ какими подходитъ онъ къ вымыслу и поэзіи. Александръ Сергѣевичъ отзывался о нянѣ, какъ о послѣднемъ своемъ наставникѣ, и говорилъ, что этому учителю онъ много обязанъ исправленіемъ недостатковъ своего первоначальнаго, французскаго воспитанія. Про-

стонародный разсказъ „Женихъ“ — остаётся блестящимъ результатомъ этихъ отношеній между поэтомъ и бывалой старухой“. Наконецъ, въ Михайловскомъ, гораздо позднѣе, написанъ былъ „Графъ Нулинъ“, прелестная шутка, возбудившая впослѣдствіи такъ много толковъ въ пубяикѣ и журналистикѣ.

Между тѣмъ, хлопоты друзей Пушкина о дозволеніи ему оставить Михайловское и переѣхать на жительство въ Москву, увѣнчались желаннымъ успѣхомъ. Императоръ Николай приказалъ представить себѣ поэта, и 3-го сентября 1826 года Александръ Сергѣевичъ уже мчался по дорогѣ къ Москвѣ, куда и прибылъ, въ сопровожденіи фельдъегеря, 8-го того же мѣсяца. Тотчасъ по прибытіи въ столицу, Пушкинъ былъ представленъ государю. Побесѣдовавъ съ поэтомъ довольно долго и весьма милостиво, императоръ Николай разрѣшилъ ему жить въ Москвѣ. Въ тотъ же вечеръ на балѣ у маршала Мармона, государь сказалъ графу Блудову: „Знаешь, что я нынче говорилъ съ умнѣйшимъ человѣкомъ въ Россіи“, и на вопросъ Блудова объ имени этого человѣка, назвалъ ему Пушкина.

Зиму съ 1826 на 1827 годъ Александръ Сергѣевичъ провёлъ въ Москвѣ, а весну и лѣто въ Петербургѣ и Михайловскомъ, и всё это время почти не брался за перо, наслаждаясь славой и вниманіемъ, встрѣчавшими его вездѣ. По возвращеніи въ Москву, онъ снова принялся за перо, и первымъ его произведеніемъ, вылившимся прямо изъ сердца, были извѣстные его стансы: „Въ надеждѣ славы и добра“, вплетшіе новый листокъ въ ёго лавровый вѣнецъ. Затѣмъ, въ исходѣ того же года вышли въ свѣтъ, первымъ и вторымъ изданіями, три его поэмы: „Цыганы“, „Братья разбойники“ и „Графъ Нулинъ“, написанныя ещё въ 1822, 1824 и 1825 годахъ. Наступившій 1828 годъ засталъ Пушкина въ Петербургѣ сѣтующимъ на шумъ и суету столичной жизни, какъ это можно заключить изъ слѣдующаго письма къ сосѣдкѣ по псковскому имѣнію, П. А. Осиповой: „Дельвигъ разскажетъ вамъ о нашемъ житьѣ въ Петербургѣ. Признаюсь, что это житьё довольно пошло и что я горю желаніемъ измѣнить его тѣмъ или другимъ образомъ. Не знаю, пріѣду-ли ещё въ Михайловское, хотя это искреннее моё желаніе. Для меня шумъ и суета петербургской жизни дѣлаются всё болѣе и болѣе несносными, и я съ трудомъ ихъ переношу“. Изъ лирическихъ стихотвореній, написанныхъ въ этомъ году, нельзя не указать на слѣдующія прелестныя пьесы: „Не пой, красавица, при мнѣ“, „Цвѣтокъ“, „Даръ напрасный, даръ случайный“, „Воспоминаніе“, „Заклинаніе“, „Утопленникъ“, „Воронъ къ ворону летитъ“, „Анчаръ“ и „Чернь“. Лѣто 1828 года Пушкинъ, по обыкновенію, провёлъ въ Михайловскомъ; но октябрь мѣсяцъ, вопреки обыкновенію, застаетъ его не въ деревнѣ, а въ Петербургѣ, гдѣ, тотчасъ по пріѣздѣ, онъ съ жаромъ принимается за созданіе новой поэмы, которую оканчиваетъ въ одинъ мѣсяцъ, не выѣзжая изъ столицы. Поэма была — „Полтава“, лучшая изъ всѣхъ поэмъ Пушкина. Чтобы оцѣнить всю громадность напряженія поэтическаго генія Пушкина, при созданіи „Полтавы“, стоитъ только взглянуть на числа выставленныя на листахъ рукописи, въ концѣ каждой изъ пѣсенъ ея, и мы увидимъ, что первая пѣснь окончена 3-го октября, вторая — 9-го, третья — 16-го; слѣдовательно, послѣднія двѣ пѣсни написаны были менѣе, чѣмъ въ двѣ недѣли. Поэма явилась въ печати въ началѣ 1829 года, но, не смотря на всё своё величіе и кованный стихъ, далеко не имѣла того успѣха, который выпалъ на долю его первыхъ поэмъ. Публика была въ недоумѣніи: она не узнавала своего Пушкина, не узнавала въ сжатомъ и многовѣсномъ стихѣ новой поэмы прежнихъ блестящихъ и огненныхъ строфъ „Бахчисарайскаго Фонтана“, „Кавказскаго Плѣнника“ и „Цыганъ“. „Полтава“, говоритъ Пушкинъ: „не имѣла успѣха. Можетъ быть, она его и не стоила, но я былъ избалованъ пріёмомъ, оказаннымъ моимъ прежнимъ, гораздо слабѣйшимъ произведеніямъ“. Изъ этихъ немногихъ строкъ можно видѣть, сколько Пушкинъ стоялъ впереди современнаго ему общества въ дѣлѣ пониманья всего художественнаго. Теперь уже никто не предпочтётъ „Полтавѣ“ первыхъ поэмъ его, навѣянныхъ Байрономъ. Какъ Пушкинъ ни былъ увѣренъ въ своихъ силахъ, тѣмъ не менѣе, рѣзкіе и постоянные нападки журналовъ на его произведенія волновали и сердили его. Издавъ „Полтаву“, Пушкинъ снова захандрилъ; какая-то нравственная усталость овладѣваетъ всѣмъ его существомъ — и онъ начинаетъ томиться жаждой физической дѣятельности, которая у него всегда чередовалась съ дѣятельностью нравственной. Онъ запирается дома и начинаетъ готовить изданіе „Бориса Годунова“, но, въ началѣ марта 1829 года, вдругъ весьма круто отрывается отъ общества и уѣзжаетъ на Кавказъ, не позаботясь даже испросить разрѣшенія на поѣздку. Затѣмъ, въ маѣ

является въ Георгіевскѣ — и принимается за записки, вышедшія впослѣдствіи подъ заглавіемъ: „Путешествіе въ Арзрумъ во время похода 1829 года“. Впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ этой вторичной поѣздки на Кавказъ, вылились у него въ цѣломъ рядѣ стихотвореній, которыя можно смѣло назвать перлами описательной поэзіи. Это— „Донъ“, „Кавказъ“, „Монастырь“, „Казбекъ“ и „Обвалъ“. Здѣсь же были написаны стихотворенія: „Олеговъ щитъ“ и „Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ“, изъ которыхъ первое—патріотическая пѣснь Пушкина, а второе — одна изъ лучшихъ и задушевнѣйшихъ его элегій. По возвращеніи въ Петербургъ, Пушкинъ приступилъ къ сочиненію новой поэмы „Галубъ“, но почему-то не окончилъ её; затѣмъ, началъ и окончилъ шуточную повѣсть въ стихахъ „Домикъ въ Коломнѣ“, и заключилъ 1829 годъ извѣстнымъ стихотвореніемъ: „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“. Въ мартѣ 1830 года Пушкинъ внезапно уѣхалъ въ Москву, оживленную тогда присутствіемъ Двора, и 21-го апрѣля сдѣлалъ предложеніе извѣстной московской красавицѣ, Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой, съ семействомъ которой онъ былъ давно знакомъ. Предложеніе было принято—и счастливый женихъ поспѣшилъ возвратиться въ Петербургъ, а оттуда выѣхалъ въ село Болдино, Нижегородской губерніи, Лукояновскаго уѣзда, отданное ему отцомъ для устройства его дѣлъ. Изъ Петербурга Пушкинъ, сопровождаемый Дельвигомъ, вышелъ пѣшкомъ. Прощаясь у заставы, оба поэта не подозрѣвали, что видятся въ послѣдній разъ. Въ Болдинѣ Пушкинъ провёлъ цѣлыхъ три мѣсяца, въ теченіе которыхъ его творческая сила выразилась въ самыхъ грандіозныхъ размѣрахъ. Онъ создалъ въ теченіе этого времени слѣдующія превосходныя произведенія въ такомъ порядкѣ: „Скупой рыцарь“, драма въ двухъ сценахъ, „Моцартъ и Сальери“, драма въ двухъ сценахъ, „Лѣтопись села Горохина“, статья въ прозѣ, „Каменный гость“, драма въ четырёхъ сценахъ, „Пиръ во время чумы“, драматическій отрывокъ, „Повѣсти Бѣлкина“, заключавшія въ себѣ пять повѣстей: „Выстрѣлъ“, „Мятель“, „Гробовщикъ“, „Станціонный смотритель“, „Барышня-крестьянка“, восьмую пѣснь „Евгенія Онѣгина“ и цѣлый рядъ мелкихъ стихотвореній, въ томъ числѣ: „Герой“, написанное по полученіи извѣстія о прибытіи Государя въ вымиравшую отъ холеры Москву, „Поэтъ, не дорожи любовію народной“, „Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье“, „Для береговъ отчизны дальней“, „Осень“, „Бѣсы“, „Пью за здравіе Мери“, „Стамбулъ гяуры нынче славятъ“, три „Подражанія Данту“, „Суровый Дантъ не презиралъ сонета“, „Нѣтъ—я не дорожу мятежнымъ наслажденьемъ“ и „Моя родословная“. Въ концѣ января 1831 года Пушкинъ отправился обратно въ Москву, гдѣ, 18-го февраля, былъ обвѣнчанъ съ Н. Н. Гончаровой. Къ 1831 году относятся слѣдующія стихотворенія: „Клеветникамъ Россіи“, „Бородинская годовщина“, „Лицейская годовщина“ и „Эхо“, и двѣ сказки изъ простонароднаго быта: „Сказка о царѣ Салтанѣ“ и „Сказка о купцѣ Кузьмѣ Остолопѣ и работникѣ его Балдѣ“. Проживъ лѣто и осень 1831 года въ Царскомъ Селѣ, Пушкинъ переѣхалъ на зиму въ Петербургъ и, поселившись въ Малой Морской, въ домѣ Жадимировскаго, сталъ усердно посѣщать архивы, гдѣ случайно натолкнулся на бумаги о пугачёвскомъ бунтѣ, давшія поэту канву для извѣстной его повѣсти „Капитанская дочка“ и наведшія его на мысль написать „Исторію Пугачёвскаго Бунта“. Приготовляя къ изданію это послѣднее сочиненіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, спѣша окончаніемъ „Капитанской дочки“, Пушкинъ вздумалъ съѣздить въ Казань и Оренбургъ, чтобы ознакомиться съ мѣстомъ дѣйствія обоихъ своихъ произведеній. Вздумано — сдѣлано! Пушкинъ совершилъ своё путешествіе очень быстро, въ теченіе осени 1833 года, и возвратился въ Болдино ещё до заморозковъ, такъ какъ *риемы и стихи не давали ему покоя*. И точно, пріѣхавъ въ Болдино онъ залёгъ въ постель — и, въ теченіе одного октября, написалъ: сказку „О рыбакѣ и рыбкѣ“, поэму „Мѣдный всадникъ“ и слѣдующія мелкія стихотворенія: „Воевода“, „Будрысъ и его сыновья“ и „Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума“. Изъ нихъ первыя два — вольные переводы изъ Мицкевича. По прибытіи въ Петербургъ, Пушкинъ, въ началѣ декабря, представилъ свою „Исторію Пугачёвскаго Бунта“ на разсмотрѣніе начальства, а 31-го того же мѣсяца, былъ пожалованъ камеръ-юнкеромъ, съ выдачею ему заимообразно 20,000 руб. ассигнаціями, для напечатанія его книги. Кромѣ исчисленныхъ произведеній, Пушкинымъ въ 1833 году написаны ещё слѣдующія: „Анджело“, поэма въ двухъ частяхъ, заимствованная изъ трагедіи Шекспира „Мѣра за мѣру“, „Сказка о мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ“, „Родословная моего героя“, „Гусаръ“ и „Пѣсни западныхъ славянъ“. Весною 1834 года Пушкинъ отправилъ своё семейство къ роднымъ, въ Калужскую губернію, а самъ остался въ Петербургѣ, гдѣ прохандрилъ

всё лѣто. Между тѣмъ печатаніе перваго изданія „Исторіи Пугачевскаго Бунта“ также было окончено въ исходѣ этого года. Въ 1835 году Пушкинъ издалъ полное собраніе своихъ поэмъ, подъ названіемъ: „Поэмы и Повѣсти Александра Пушкина“, въ 2-хъ частяхъ, и написалъ нѣсколько прекрасныхъ стихотвореній: „Полководецъ“, „Туча“, „Пиръ Петра Великаго“, „Египетскія ночи“, „Опять на родинѣ“ и „Сказка о золотомъ пѣтушкѣ“. 1836-ой годъ Пушкинъ встрѣтилъ весело, мечтая о заграничномъ путешествіи, отъ котораго, впрочемъ, долженъ былъ вскорѣ отказаться, по недостатку въ деньгахъ. Къ этому первому огорченію вскорѣ присоедились другія: болѣзнь и смерть матери и несогласія съ отцомъ, дѣла котораго совершенно разстроились и повергли его въ самое жалкое положеніе, и, наконецъ, всѣ тѣ грязныя, великосвѣтскія сплетни, которыя не давали покою ни ему, ни женѣ его. Въ этомъ же году Пушкинъ приступилъ къ изданію давно задуманнаго журнала, въ которомъ первое мѣсто должно было принадлежать критикѣ. Первая книжка „Современника“, вышла въ свѣтъ въ мартѣ 1836 года, безъ личнаго участія Пушкина. Вторая книжка „Современника“ вышла въ іюнѣ, третья — въ сентябрѣ, четвёртая — въ ноябрѣ. Остальныя книжки были изданы уже послѣ смерти Пушкина, его друзьями.

Въ началѣ октября мѣсяца Пушкинъ переѣхалъ въ городъ, наМойку, къ Пѣвческому мосту, въ домъ княгини Волконской. Вскорѣ послѣ того по городу стали ходить разные лживые слухи, весьма нелестные для семейной чести Пушкина. Затѣмъ, появились анонимныя письма, которыя вынудили Пушкина вызвать на дуэль сына голландскаго посланника, барона Дантеса-де-Гекерена.

Поединокъ долженъ былъ состояться 27-го января въ пять часовъ пополудни. Мѣстомъ поединка была назначена площадка за комендантской дачей, на Черной Рѣчкѣ. Дуэль на этотъ разъ, къ сожалѣнію, состоялась. Секундантами были: у Пушкина — полковникъ Данзасъ, у Дантеса — виконтъ д'Аршіакъ. Дантесъ выстрѣлилъ первый—и Пушкинъ, падая, воскликнулъ: „Je crois, que j'ai la cuisse fracassée!“ Затѣмъ, приподнявшись немного и опершись на лѣвую руку, Пушкинъ выстрѣлилъ въ свою очередь — и Дантесъ упалъ. Замѣтивъ текшую кровь изъ груди Дантеса, Пушкинъ вскрикнулъ: „браво“ и бросилъ пистолетъ въ сторону. Пушкинъ былъ раненъ въ правую сторону живота; пуля раздробила кость верхней части ноги у соединенія съ тазомъ и глубоко вошла въ животъ, гдѣ и засѣла. Рана была смертельная. Его усадили въ карету и увезли домой. У крыльца встрѣтилъ Пушкина его камердинеръ и бережно понёсъ его вверхъ по лѣстницѣ. „Грустно тебѣ нести меня?“ спросилъ у него Пушкинъ. Его раздѣли и уложили въ кабинетѣ. Вошла жена. Онъ схватилъ ея руки, прижалъ ихъ къ губамъ и сказалъ: „Благодарю Бога, я ещё живъ, и ты возлѣ меня!“ На вопросъ пріѣхавшаго доктора: не желаетъ-ли онъ видѣть кого-нибудь изъ своихъ близкихъ? Пушкинъ обратилъ глаза свои къ библіотекѣ и сказалъ: „Прощайте, друзья!“ Съ кѣмъ онъ прощался въ эту минуту, съ живыми-ли друзьями, или съ мёртвыми — неизвѣстно. Затѣмъ началась агонія, продолжавшаяся 45 часовъ.

В. А. Жуковскій, оставившій трогательное описаніе болѣзни и смерти Пушкина, по нѣскольку разъ въ день ѣздилъ докладывать Государю о ходѣ его болѣзни. „Скажи Государю“, сказалъ онъ Жуковскому: „что мнѣ жаль умереть: былъ-бы весь его. Скажи, что я ему желаю долгаго, долгаго царствованія, что я ему желаю счастья въ его сынѣ, счастья въ его Россіи“. Въ ночь на 28-е января докторъ Арендъ привёзъ умирающему слѣдующую записку Государя: „Если Богъ не приведётъ намъ свидѣться въ здѣшнемъ свѣтѣ, посылаю тебѣ прощенье и послѣдній совѣтъ: умереть христіаниномъ. О женѣ и дѣтяхъ не безпокойся: я беру ихъ на свои руки“. „Скажите Государю“, произнёсъ тогда Александръ Сергѣевичъ: „что жалѣю о потери жизни потому, что не могу изъявить ему моей благодарности, что я былъ бы весь его“. Послали за священникомъ. Пушкинъ исповѣдался и причастился. Передъ самой кончиной, Пушкинъ нѣсколько оживился; лицо прояснилось, глаза быстро открылись, и онъ сказалъ: „кончена жизнь! тяжело дышать! давитъ!“—и величайшаго русскаго поэта не стало. Смерть послѣдовала въ ³/₄ третьяго пополудни 29-го января 1837 года.

„На другой день“, говоритъ В. А. Жуковскій: „мы, друзья его, положили Пушкина своими руками въ гробъ; а на слѣдующій день, къ вечеру, перенесли его въ Конюшенную церковь. И въ эти оба дня, та горница, гдѣ онъ лежалъ во гробѣ, была безпрестанно полна народомъ. Конечно, болѣе 10,000 человѣкъ перебывало въ ней, чтобы взглянуть на него; многіе плакали; иные долго

Исчезъ и поцѣлуй свиданья...
Но жду его: онъ за тобой!

VIII.

Брожу-ли я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу-ль во многолюдный храмъ,
Сижу-ль межъ юношей безумныхъ —
Я предаюсь своимъ мечтамъ.

Я говорю: промчатся годы,
И, сколько здѣсь ни видно насъ,
Мы всѣ сойдёмъ подъ вѣчны своды —
И чей-нибудь ужъ близокъ часъ.

Гляжу-ль на дубъ уединенный,
Я мыслю: патріархъ лѣсовъ
Переживётъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ.

Младенца-ль милаго ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебѣ я мѣсто уступаю:
Мнѣ время тлѣть—тебѣ цвѣсти.

День каждый, каждую годину
Привыкъ я думой провожать,
Грядущей смерти годовщину
Межъ нихъ стараясь угадать.

И гдѣ мнѣ смерть пошлётъ судьбина:
Въ бою-ли, въ странствіи, въ волнахъ?
Или сосѣдняя долина
Мой приметъ охладѣлый прахъ?

И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать;
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ всё-бъ хотѣлось почивать.

И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

IX.

КАВКАЗЪ.

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами, у края стремнины:
Орёлъ, съ отдалённой поднявшись вершины,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.
Отселѣ я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.

Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной,
Сквозь нихъ низвергаясь, шумятъ водопады;
Подъ ними утёсовъ нагія громады;
Тамъ ниже мохъ тощій, кустарникъ сухой;
А тамъ уже рощи, зелёныя сѣни,
Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени.

А тамъ ужъ и люди гнѣздятся въ горахъ,
И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ,
И пастырь нисходитъ къ весёлымъ долинамъ
Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ брегахъ
И нищій наѣздникъ таится въ ущельи,
Гдѣ Терекъ играетъ, въ свирѣпомъ весельи,

Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной,
И бьётся о берегъ въ враждѣ безполезной,
И лижетъ утёсы голодной волной.
Вотще: — нѣтъ ни пищи ему, ни отрады;
Тѣснятъ его грозно нѣмыя громады.

X.

АНЧАРЪ.

Въ пустынѣ чахлой и скупой,
На почвѣ зноемъ раскаленной,
Анчаръ, какъ грозный часовой,
Стоитъ одинъ во всей вселенной.

Природа жаждущихъ степей
Его въ день гнѣва породила,
И зелень мёртвую вѣтвей,
И корни ядомъ напоила.

Ядъ каплетъ сквозь его кору,
Къ полудню растопясь отъ зною,
И застываетъ ввечеру
Густой, прозрачною смолою.

Къ нему и птица не летитъ,
И тигръ нейдётъ, лишь вихорь черный
На древо смерти набѣжитъ—
И мчится прочь уже тлетворный.

И если туча ороситъ,
Блуждая, листъ его дремучій,
Съ его вѣтвей ужъ ядовитъ
Стекаетъ дождь въ песокъ горючій.

Но человѣка человѣкъ
Послалъ къ Анчару властнымъ взглядомъ—
И тотъ послушно въ путь потекъ,
И къ утру возвратился съ ядомъ.

Принёсъ онъ смертную смолу
Да вѣтвь съ увядшими листами —
И потъ по блѣдному челу
Струился хладными ручьями;

Принёсъ—и ослабѣлъ, и лёгъ
Подъ сводомъ шалаша, на лыки —
И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки.

А царь тѣмъ ядомъ напиталъ
Свои послушливыя стрѣлы,
И съ ними гибель разослалъ
Къ сосѣдямъ въ чуждые предѣлы.

XI.

ПАМЯТНИКЪ.

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворной;
Къ нему не заростётъ народная тропа;
Вознёсся выше онъ главою непокорной
Наполеонова столпа.

Нѣтъ! весь я не умру: душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживётъ и тлѣнья убѣжитъ —
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ.

Слухъ обо мнѣ пройдётъ по всей Руси великой,
И назовётъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ славянъ, и финъ, и нынѣ дикій
Тунгусъ, и другъ степей калмыкъ.

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ.

Велѣнью Божію, о Муза, будь послушна:
Обиды не страшись, не требуй и вѣнца,
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

XII.

ПѢСНЬ О ВѢЩЕМЪ ОЛЕГѢ.

Какъ нынѣ сбирается Вѣщій Олегъ
Отмстить неразумнымъ хозарамъ:
Ихъ сёла и нивы, за буйный набѣгъ,
Обрёкъ онъ мечамъ и пожарамъ.
Съ дружиной своей, въ цареградской бронѣ,
Князь пò полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.

Изъ тёмнаго лѣсу на встрѣчу ему
Идётъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведшій весь вѣкъ.
И къ мудрому старцу подъѣхалъ Олегъ.

„Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
Чтó сбудется въ жизни со мною?
И скоро-ль, на радость сосѣдей-враговъ,
Могильной засыплюсь землёю?
Открой мнѣ всю правду, не бойся меня:
Въ награду любого возьмёшь ты коня“.

—„Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
А княжескій даръ имъ не нуженъ;
Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ
И съ волей небесною друженъ.
Грядущіе годы таятся во мглѣ;
Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.

„Запомни-же нынѣ ты слово моё:
Воителю слава — отрада;
Побѣдой прославлено имя твоё;
Твой щитъ на вратахъ Цареграда;
И волны, и суша покорны тебѣ;
Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.

„И синяго моря обманчивый валъ,
Въ часы роковой непогоды,
И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ
Щадятъ побѣдителя годы;
Подъ грозной бронёй ты не вѣдаешь ранъ:
Незримый хранитель могучему данъ.

„Твой конь не боится опасныхъ трудовъ:
Онъ, чуя господскую волю,
То смирный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
То мчится по бранному полю,
И холодъ, и сѣча ему — ничего.
Но примешь ты смерть отъ коня своего“.

Олегъ усмѣхнулся; однако чело
И взоръ омрачилися думой.
Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмый —

И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладитъ, и треплетъ по шеѣ крутой.

„Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга:
Разстаться настало намъ время.
Теперь отдыхай — ужъ не ступитъ нога
Въ твоё позлащённое стремя.
Прощай, утѣшайся, да помни меня.
Вы, отроки-други, возьмите коня —

„Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ,
Въ мой лугъ подъ устцы отведите,
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
Водой ключевою поите“.
И отроки тотчасъ съ конёмъ отошли,
А князю другого коня подвели.

Пируетъ съ дружиною Вѣщій Олегъ,
При звонѣ весёломъ стакана.
И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ
Надъ славной главою кургана:
Они поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

„А гдѣ мой товарищъ“, промолвилъ Олегъ:
„Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
Здоровъ-ли? всё также-ль легόкъ его бѣгъ?
Всё тотъ же-ль онъ бурный, игривый?“
И внемлетъ отвѣту: „на холмѣ крутомъ
Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ“.

Могучій Олегъ головою поникъ
И думаетъ: „что-же гаданье?
Кудесникъ—ты лживый, безумный старикъ!
Презрѣть-бы твоё предсказанье:
Мой конь и донынѣ носилъ бы меня!“
И хочетъ увидѣть онъ кости коня.

Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и старые гости —
И видятъ: на хόлмѣ у брега Днѣпра
Лежатъ благородныя кости;
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.

Князь тихо на черепъ коня наступилъ
И молвилъ: „спи, другъ одинокій!
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ:
На тризнѣ, уже недалёкой,
Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прахъ напоишь!

„Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя:
Мнѣ смертію кость угрожала!“
Изъ мёртвой главы гробовая змѣя,
Шипя, между-тѣмъ выползала;
Какъ черная лента вкругъ ногъ обвилась —
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые запѣнясь шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега,
Князь Игорь и Ольга на хόлмѣ сидятъ;
Дружина пируетъ у брега;
Бойцы поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

XIII.

УТОПЛЕННИКЪ.

Прибѣжали въ избу дѣти,
Второпяхъ зовутъ отца:
„Тятя! тятя! наши сѣти
Притащили мертвеца“.
— „Врите, врите, бѣсенята!“
Заворчалъ на нихъ отецъ:
„Охъ, ужъ эти мнѣ ребята!
Будетъ вамъ ужό мертвецъ!

„Судъ наѣдетъ — отвѣчай-ка!
Съ нимъ я ввѣкъ не разберусь.
Дѣлать нечего! Хозяйка,
Дай кафтанъ: ужъ поплетусь.
Гдѣ-жь мертвецъ?“—„Вонъ, тятя, э-вотъ!“
Въ самомъ-дѣлѣ при рѣкѣ,
Гдѣ разостланъ мокрый неводъ,
Мёртвый виденъ на пескѣ.

Безобразно трупъ ужасный
Посинѣлъ и весь распухъ.
Горемыка-ли несчастный
Погубилъ свой грѣшный духъ,
Рыболовъ-ли взятъ волнами,
Али хмельный молодецъ,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купецъ —

Мужику какое дѣло?
Озираясь, онъ спѣшитъ —
Онъ потопленное тѣло
Въ воду зá ноги тащитъ,
И отъ берега крутова
Оттолкнулъ его весломъ —
И мертвецъ внизъ пόплылъ снова
За могилой и крестомъ.

Долго мёртвый межъ волнами
Плылъ, качаясь, какъ живой.
Проводивъ его глазами,
Нашъ мужикъ пошелъ домой.
„Вы, щенки, за мной ступайте!
Будетъ вамъ по калачу,
Да, смотрите, не болтайте,
А не то — поколочу“.

Въ ночь погода зашумѣла,
Взволновалася рѣка.
Ужъ лучина догорѣла
Въ дымной хатѣ мужика;
Дѣти спятъ, хозяйка дремлетъ,
На полатяхъ мужъ лежитъ;
Буря воетъ — вдругъ онъ внемлетъ:
Кто-то тамъ въ окно стучитъ.

— „Кто тамъ?“—„Эй, впусти, хозяинъ!“
— „Ну, какая тамъ бѣда?
Что ты ночью бродишь, Каинъ?
Чортъ занёсъ тебя сюда!
Гдѣ возиться мнѣ съ тобою:
Дома тѣсно и темно“.
И лѣнивою рукою
Подымаетъ онъ окно.

Изъ-за тучъ луна катится —
Что же? Голый передъ нимъ:
Съ бороды вода струится,
Взоръ открытъ и недвижимъ;
Всё въ нёмъ страшно онѣмѣло,
Опустились руки внизъ,
И въ распухнувшее тѣло
Раки черные впились.

И мужикъ окно захлопнулъ,
Гостя голаго узнавъ,
Такъ и обмеръ... „Чтобъ ты лопнулъ!“
Проворчалъ онъ, задрожавъ.
Страшно мысли въ нёмъ мѣшались,
Трясся ночь онъ на пролётъ—
И до утра все стучались
Подъ окномъ и у воротъ.

Есть въ народѣ слухъ ужасный:
Говорятъ, что каждый годъ
Съ той поры мужикъ несчастный
Въ день урочный гостя ждётъ;
Ужъ съ утра погода злится,
Ночью буря настаетъ —
И утопленникъ стучится
Подъ окномъ и у воротъ.

XIV.

ИЗЪ ПОЭМЫ „РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА“.

У лукоморья дубъ зелёный,
Златая цѣпь на дубѣ томъ;
И днёмъ, и ночью котъ ученый
Всё ходитъ по цѣпи кругомъ;
Идётъ направо — пѣснь заводитъ
Налѣво — сказку говоритъ...
Тамъ чудеса: тамъ лѣшій бродитъ,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;
Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ, безъ дверей;
Тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны;
Тамъ о зарѣ прихлынутъ волны
На брегъ песчаный и пустой—
И тридцать витязей прекрасныхъ
Чредой изъ водъ выходятъ ясныхъ
И съ ними дядька ихъ морской;
Тамъ королевичъ мимоходомъ
Плѣняетъ грознаго царя;
Тамъ въ облакахъ передъ народомъ
Черезъ лѣса, черезъ моря
Колдунъ несётъ богатыря;
Въ темницѣ тамъ царевна тужитъ,
А бурый волкъ ей вѣрно служитъ;
Тамъ ступа съ бабою-ягой
Идётъ-бредётъ сама собой;
Тамъ царь Кощей надъ златомъ чахнетъ—
Тамъ русскій духъ, тамъ Русью пахнетъ!
И тамъ я былъ, и мёдъ я пилъ,
У моря видѣлъ дубъ зелёный,
Подъ нимъ сидѣлъ — и котъ ученый
Свои мнѣ сказки говорилъ.
Одну я помню: сказку эту
Повѣдаю теперь я свѣту.

XV.

ИЗЪ ПОЭМЫ „БАХЧИСАРАЙСКІЙ ФОНТАНЪ“.

1.

Гирей сидѣлъ, потупя взоръ;
Янтарь въ устахъ его дымился;
Безмолвно раболѣпный дворъ
Вкругъ хана грознаго тѣснился.

Всё было тихо во дворцѣ;
Благоговѣя, всѣ читали
Примѣты гнѣва и печали
На сумрачномъ его лицѣ.
Но повелитель горделивой
Махнулъ рукой нетерпѣливой, —
И всѣ, склонившись, йдутъ вонъ.
Одинъ въ своихъ чертогахъ онъ;
Свободнѣй грудь его вздыхаетъ;
Живѣе строгое чело
Волненье сердца выражаетъ:
Такъ бурны тучи отражаетъ
Залива зыбкое стекло.
Что движетъ гордою душою?
Какою мыслью занятъ онъ?
На Русь-ли вновь идётъ войною,
Несётъ-ли Польшѣ свой законъ,
Горитъ-ли местію кровавой,
Открылъ-ли въ войскѣ заговоръ,
Страшится-ли народовъ горъ,
Иль козней Генуи лукавой?
Нѣтъ, онъ скучаетъ бранной славой:
Устала грозная рука;
Война отъ мыслей далека.
Ужель въ его гаремъ измѣна
Стезёй преступною вошла, —
И дочь неволи, нѣгъ и плѣна
Гяуру сердце отдала?
Нѣтъ, жены робкія Гирея,
Ни думать, ни желать не смѣя,
Цвѣтутъ въ унылой тишинѣ;
Подъ стражей бдительной и хладной,
На лонѣ скуки безотрадной,
Измѣнъ не вѣдаютъ онѣ.
Въ тѣни хранительной темницы
Утаены ихъ красоты:
Такъ аравійскіе цвѣты
Живутъ за стёклами теплицы.
Для нихъ унылой чередой
Дни, мѣсяцы, лѣта проходятъ
И непримѣтно за собой
И младость, и любовь уводятъ.
Однообразенъ каждый день,
И медленно часовъ теченье.
Въ гаремѣ жизнью правитъ лѣнь:
Мелькаетъ рѣдко наслажденье.
Младыя жены, какъ-нибудь
Желая сердце обмануть,
Мѣняютъ пышные уборы,
Заводятъ игры, разговоры,
Или, при шумѣ водъ живыхъ,
Надъ ихъ прозрачными струями,
Въ прохладѣ яворовъ густыхъ,
Гуляютъ лёгкими роями.
Межъ ними ходитъ злой евнухъ —
И убѣгать его напрасно:
Его ревнивый взоръ и слухъ
За всѣми слѣдуетъ всечасно.
Его стараньемъ заведёнъ
Порядокъ вѣчный. Воля хана
Ему единственный законъ;
Святую заповѣдь Корана
Не строже наблюдаетъ онъ.
Его душа любви не проситъ;
Какъ истуканъ, онъ переноситъ
Насмѣшки, ненависть, укоръ,
Обиды шалости нескромной,
Презрѣнье, просьбы, робкій взоръ
И тихій вздохъ, и ропотъ томной.
Ему извѣстенъ женскій нравъ:
Онъ испыталъ, сколь онъ лукавъ
И на свободѣ, и въ неволѣ?
Взоръ нѣжный, слёзъ упрёкъ нѣмой —
Не властны надъ его душой:
Онъ имъ уже не вѣритъ болѣ.

2.

Опустошивъ огнёмъ войны
Кавказу близкія страны
И сёла мирныя Россіи,
Въ Тавриду возвратился ханъ
И, въ память горестной Маріи,
Воздвигнулъ мраморный фонтанъ
Въ углу дворца уединенный.
Надъ нимъ — крестомъ осѣнена —
Магометанская луна:
Символъ, конечно, дерзновенный,
Незнанья жалкая вина.
Есть надпись: ѣдкими годами
Ещё не сгладилась она;
За чуждыми ея чертами
Журчитъ во мраморѣ вода
И каплетъ хладными слезами,
Не умолкая никогда.
Такъ плачетъ мать во дни печали
О сынѣ, падшемъ на войнѣ.
Младыя дѣвы въ той странѣ
Преданье старины узнали —
И мрачный памятникъ онѣ
Фонтаномъ Слёзъ именовали.

XVI.

ИЗЪ ПОЭМЫ „ЦЫГАНЫ“.

1.

Цыганы шумною толпой
По Бессарабіи кочуютъ.
Они сегодня надъ рѣкой
Въ шатрахъ изодранныхъ ночуютъ,
Какъ вольность, веселъ ихъ ночлегъ
И мирный сонъ подъ небесами.
Между колёсами телѣгъ,
Полузавѣшенныхъ коврами,
Горитъ огонь; семья кругомъ
Готовитъ ужинъ; въ чистомъ полѣ
Пасутся кони; за шатромъ
Ручной медвѣдь лежитъ на волѣ.
Всё живо посреди степей:
Заботы мирныя семей,
Готовыхъ съ утромъ въ путь недальній,
И пѣсни женъ, и крикъ дѣтей,
И звонъ походной наковальни.
Но вотъ на таборъ кочевой
Нисходитъ сонное молчанье,
И слышно въ тишинѣ степной
Лишь лай собакъ, да кóней ржанье.
Огни вездѣ погашены;
Спокойно всё; луна сіяетъ
Одна съ небесной вышины
И тихій таборъ озаряетъ.

2.

„Межъ нами есть одно преданье:
Царёмъ когда-то сосланъ былъ
Полудня житель къ намъ въ изгнанье.
Я прежде зналъ, но позабылъ
Его мудрёное прозванье.
Онъ былъ уже лѣтами старъ,
Но младъ и живъ душой незлобной;
Имѣлъ онъ пѣсенъ дивный даръ
И голосъ шуму водъ подобной.
И полюбили всѣ его;
И жилъ онъ на брегахъ Дуная,
Не обижая никого,
Людей разсказами плѣняя.
Не разумѣлъ онъ ничего,
И слабъ, и робокъ былъ, какъ дѣти;
Чужіе люди за него
Звѣрей и рыбъ ловили въ сѣти;
Какъ мёрзла быстрая рѣка
И зимни вихри бушевали —
Пушистой кожей покрывали
Они святого старика.
Но онъ къ заботамъ жизни бѣдной
Привыкнуть никогда не могъ;
Скитался онъ, изсохшій, блѣдный.
Онъ говорилъ, что гнѣвный Богъ
Его каралъ за преступленье;
Онъ ждалъ: придётъ ли избавленье,
И всё несчастный тосковалъ,
Бродя по берегамъ Дуная,
Да горьки слёзы проливалъ,
Свой дальній градъ воспоминая.
И завѣщалъ онъ, умирая,
Чтобы на югъ перенесли
Его тоскующія кости
И смертью чуждой сей земли
Не успокоенные гости“.

XVII.

ИЗЪ ПОЭМЫ „ПОЛТАВА“.

1.

„Нѣтъ, поздно. Русскому царю
Со мной мириться невозможно.
Давно рѣшилась непреложно
Моя судьба. Давно горю
Стѣснённой злобой. Подъ Азовомъ
Однажды я съ царёмъ суровымъ
Во ставкѣ ночью пировалъ:
Полны виномъ кипѣли чаши;
Кипѣли съ ними рѣчи наши.
Я слово смѣлое сказалъ:
Смутились гости молодые;
Царь, вспыхнувъ, чашу уронилъ
И за усы мои сѣдые
Меня съ угрозой ухватилъ.
Тогда, смирясь въ безсильномъ гнѣвѣ,
Отмстить себѣ я клятву далъ:
Носилъ её, какъ мать во чревѣ
Младенца носитъ. Срокъ насталъ.
Такъ, обо мнѣ воспоминанье
Хранитъ онъ будетъ до конца.
Петру я посланъ въ наказанье:
Я тёрнъ въ листахъ его вѣнца.
Онъ далъ бы грады родовые
И жизни лучшіе часы,
Чтобъ снова, какъ во дни былые,
Держать Мазепу за усы“.

2.

Горитъ востокъ зарёю новой.
Ужъ на равнинѣ, по холмамъ,
Грохочутъ пушки. Дымъ багровой
Клубами всходитъ къ небесамъ
На встрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули;
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки;
Катятся ядра, свищутъ пули,
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огнь окоповъ рвутся шведы;
Волнуясь, конница летитъ,
Пѣхота движется за нею
И тяжкой твёрдостью своею
Ея стремленія крѣпитъ.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ;
Но явно счастье боевое
Служитъ ужъ начинаетъ намъ.
Пальбой отбитыя дружины,
Мѣшаясь, падаютъ во прахъ;
Уходитъ Розенъ сквозь тѣснины,
Сдаётся пылкій Шлипенбахъ.
Тѣснимъ мы шведовъ, рать за ратью;
Темнѣетъ слава ихъ знамёнъ —
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.
Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный гласъ Петра:
„За дѣло, съ Богомъ!“ Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Пётръ. Его глаза
Сіяютъ; ликъ его ужасенъ,
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь, какъ Божія гроза.
Идётъ. Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ
И мчится въ прахѣ боевомъ,
Гордясь могучимъ сѣдокомъ.
Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Кой гдѣ гарцуютъ казаки;
Ровняясь, строятся полки;
Молчитъ музыка боевая;
На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ.
И се — равнину оглашая,
Далече грянуло „ура“:
Полки увидѣли Петра.
И онъ промчался предъ полками,
Могущъ и радостенъ, какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ вослѣдъ неслись толпой
Сіи птенцы гнѣзда Петрова —
Въ премѣнахъ жребія земнова,
Въ трудахъ державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметьевъ благородный,
И Брюсъ, и Бауеръ, и Рѣпнинъ,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ.
И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился.
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился.
Смущённый взоръ изобразилъ
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье.
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На русскихъ двинулъ онъ полки.
И съ ними царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины —
И грянулъ бой, Полтавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскалённымъ,
Стѣной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся съ плеча.
Бросая груды тѣлъ на груду,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, русскій — колетъ, рубитъ, рѣжетъ;
Бой барабанный, клики, скрежетъ,
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ —
И смерть, и адъ со всѣхъ сторонъ!

XVIII.

ИЗЪ ПОВѢСТИ „МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ“.

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ Онъ, думъ великихъ полнъ,
И въ даль глядѣлъ. Предъ нимъ широко

Рѣка неслася; бѣдный челнъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ, топкимъ берегамъ
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Пріютъ убогаго чухонца;
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ. И думалъ Онъ:
„Отсель грозить мы будемъ шведу;
Здѣсь будетъ городъ заложенъ,
На зло надменному сосѣду;
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при морѣ;
Сюда, по новымъ имъ волнамъ,
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ —
И запируемъ на просторѣ“.
Прошло сто лѣтъ — и юный градъ,
Полнощныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознёсся пышно, горделиво:
Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальный пасынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій неводъ, нынѣ тамъ,
По оживлённымъ берегамъ
Громады стройныя тѣснятся
Дворцовъ и башенъ; корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся;
Въ гранитъ одѣлася Нева;
Мосты повисли надъ водами;
Темнозелёными садами
Ея покрылись острова —
И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфироносная вдова.
Люблю тебя, Петра творенье!
Люблю твой строгій, стройный видъ,
Невы державное теченье,
Береговой ея гранитъ,
Твоихъ оградъ узоръ чугунный,
Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный,
Когда я въ комнатѣ моей
Пишу, читаю безъ лампады —
И ясны спящія громады
Пустынныхъ улицъ, и свѣтла
Адмиралтейская игла,
И, не пуская тьму ночную
На золотыя небеса,
Одна заря смѣнить другую
Спѣшитъ, давъ ночи полчаса;
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздухъ и морозъ,
Бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой,
Дѣвичьи лица ярче розъ
И блескъ, и шумъ, и говоръ баловъ,
А въ часъ пирушки холостой,
Шипѣнье пѣнистыхъ бокаловъ
И пунша пламень голубой!
Люблю воинственную живость
Потѣшныхъ Марсовыхъ полей,
Пѣхотныхъ ратей и коней
Однообразную красивость,
Въ ихъ стройно-зыблемомъ строю
Лоскутья сихъ знамёнъ побѣдныхъ,
Сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ,
Насквозь прострѣленныхъ въ бою;
Люблю, военная столица
Твоей твердыни дымъ и громъ,
Когда Полнощная Царица
Даруетъ сына въ царскій домъ,
Или побѣду надъ врагомъ
Россія снова торжествуетъ,
Или, взломавъ свой синій лёдъ,
Нева къ морямъ его несётъ
И, чуя вешни дни, ликуетъ.
Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія!
Да умирится же съ тобой
И побѣждённая стихія:
Вражду и плѣнъ старинный свой
Пусть волны финскія забудутъ —
И тщетной злобою не будутъ
Тревожить вѣчный сонъ Петра!

XIX.

ИЗЪ РОМАНА „ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ“.

1.

Театръ ужъ полонъ; ложи блещутъ;
Партеръ и кресла — всё кипитъ;
Въ райкѣ нетерпѣливо плещутъ —
И, взвившись, занавѣсъ шумитъ.
Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимфъ окружена,
Стоитъ Истомина; она,

Одной ногой касаясь пола,
Другою медленно кружитъ
И вдругъ прыжокъ, и вдругъ летитъ,
Летитъ, какъ пухъ отъ устъ Эола;
То станъ совьётъ, то разовьётъ
И быстрой ножкой ножку бьётъ.

Всё хлопаетъ. Онѣгинъ входитъ;
Идётъ межъ креселъ по ногамъ;
Двойной лорнетъ скосясь наводитъ
На ложи незнакомыхъ дамъ;
Всѣ ярусы окинувъ взоромъ,
Всё видѣлъ: лицами, уборомъ
Ужасно недоволенъ онъ;
Съ мужчинами со всѣхъ сторонъ
Раскланялся; потомъ на сцену
Въ большомъ разсѣяньи взглянулъ,
Отворотился и зѣвнулъ,
И молвилъ: „всѣхъ пора на смѣну:
Балеты долго я терпѣлъ,
Но и Дидло мнѣ надоѣлъ".

Ещё амуры, черти, змѣи
На сценѣ скачутъ и шумятъ;
Ещё усталые лакеи
На шубахъ у подъѣзда спятъ;
Ещё не перестали топать,
Сморкаться, кашлять, шикать, хлопать;
Ещё снаружи и внутри
Вездѣ блистаютъ фонари;
Ещё прозябнувъ бьются кони,
Наскуча упряжью своей,
И кучера, вокругъ огней,
Бранятъ господъ и бьютъ въ ладони,
А ужъ Онѣгинъ вышелъ вонъ:
Домой одѣться ѣдетъ онъ.

Изображу ль въ картинѣ вѣрной
Уединённый кабинетъ,
Гдѣ модъ воспитанникъ примѣрной
Одѣтъ, раздѣтъ и вновь одѣтъ?
Всё, чѣмъ для прихоти обильной,
Торгуетъ Лондонъ щепетильной
И по Балтическимъ волнамъ
За лѣсъ и сало возитъ намъ,
Всё, что въ Парижѣ вкусъ голодной,
Полезный промыселъ избравъ,
Изобрѣтаетъ для забавъ,
Для роскоши, для нѣги модной —
Всё украшало кабинетъ
Философа въ осьмнадцать лѣтъ.

Янтарь на трубкахъ Царѣграда,
Фарфоръ и бронза на столѣ
И — чувствъ изнѣженныхъ отрада —
Духи въ гранёномъ хрусталѣ;
Гребёнки, пилочки стальныя,
Прямыя ножницы, кривыя
И щётки тридцати родовъ, —
И для ногтей, и для зубовъ.
Руссо — замѣчу мимоходомъ —
Не могъ понять, какъ важный Гриммъ
Смѣлъ чистить ногти передъ нимъ,
Краснорѣчивымъ сумасбродомъ?
Защитникъ вольности и правъ
Въ сёмъ случаѣ совсѣмъ неправъ.

2.

Вотъ пистолеты ужъ блеснули;
Гремитъ о шомполъ молотокъ;
Въ гранёный стволъ уходятъ пули
И щелкнулъ въ первый разъ курокъ.
Вотъ порохъ струйкой сѣроватой
На полку сыплется; зубчатый,
Надёжно ввинченный кремень
Взведёнъ ещё. За ближній пень
Становится Гильо смущенный.
Плащи бросаютъ два врага.
Зарѣцкій тридцать два шага
Отмѣрилъ съ точностью отмѣнной,
Друзей развёлъ по крайній слѣдъ —
И каждый взялъ свой пистолетъ.

„Теперь сходитесь!" Хладнокровно,
Ещё не цѣля, два врага
Походкой твёрдой, тихо, ровно
Четыре перешли шага,
Четыре смертныя ступени.
Свой пистолетъ тогда Евгеній,
Не преставая наступать,
Сталъ первый тихо подымать.
Вотъ пять шаговъ ещё ступили,
И Ленскій, жмуря лѣвый глазъ,
Сталъ также цѣлить — но какъ разъ
Онѣгинъ выстрѣлилъ. Пробили
Часы урочные: поэтъ
Роняетъ молча пистолетъ —

На грудь кладетъ тихонько руку
И падаетъ. Туманный взоръ
Изображаетъ смерть, не муку:
Такъ медленно по скату горъ,
На солнцѣ искрами блистая,

Спадаетъ глыба снѣговая.
Мгновеннымъ холодомъ облитъ,
Онѣгинъ къ юношѣ спѣшитъ,
Глядитъ, зовётъ его — напрасно:
Его ужъ нѣтъ! Младой пѣвецъ
Нашелъ безвременный конецъ!
Дохнула буря, цвѣтъ прекрасный
Увялъ на утренней зарѣ:
Потухъ огонь на алтарѣ.

Недвижимъ онъ лежалъ · · и страненъ
Былъ томный миръ его чела.
Подъ грудь онъ былъ навылетъ раненъ;
Дымясь, изъ раны кровь текла.
Тому назадъ одно мгновенье,
Въ сёмъ сердцѣ билось вдохновенье,
Вражда, надежда и любовь,
Играла жизнь, кипѣла кровь;
Теперь, какъ въ домѣ опустѣломъ,
Всё въ нёмъ и тихо, и темно;
Замолкло навсегда оно;
Закрыты ставни; окна мѣломъ
Забѣлены. Хозяйки нѣтъ!
А гдѣ? Богъ вѣсть! пропалъ и слѣдъ!

Пріятно дерзкой эпиграммой
Взбѣсить оплошнаго врага;
Пріятно зрѣть, какъ онъ, упрямо
Склонивъ бодливые рога,
Невольно въ зеркало глядится
И узнавать себя стыдится;
Пріятнѣй, если онъ, друзья,
Завоетъ сдуру: „это я!"
Ещё пріятнѣе въ молчаньи
Ему готовить честный гробъ
И тихо цѣлить въ блѣдный лобъ
На благородномъ разстояньи;
Но отослать его къ отцамъ
Едва-ль пріятно будетъ вамъ!

Что-жъ, если вашимъ пистолетомъ
Сраженъ пріятель молодой,
Нескромнымъ взглядомъ иль отвѣтомъ,
Или бездѣлицей иной
Васъ оскорбившій за бутылкой,
Иль даже самъ, въ досадѣ пылкой,
Васъ гордо вызвавшій на бой?
Скажите: вашею душой
Какое чувство овладѣетъ,
Когда недвижимъ, на землѣ,
Предъ вами, съ смертью на челѣ,
Онъ постепенно костенѣетъ,
Когда онъ глухъ и молчаливъ
На вашъ отчаянный призывъ?

Въ тоскѣ сердечныхъ угрызеній,
Рукою стиснувъ пистолетъ,
Глядитъ на Ленскаго Евгеній.
„Ну, что жъ? убитъ!" рѣшилъ сосѣдъ.
Убитъ! Симъ страшнымъ восклицаньемъ
Сраженъ, Онѣгинъ съ содроганьемъ
Отходитъ и людей зовётъ.
Зарѣцкій бережно кладётъ
На сани трупъ оледенѣлый;
Домой везётъ онъ страшный кладъ.
Почуя мёртваго, храпятъ
И бьются кони, пѣной бѣлой
Стальныя мочатъ удила —
И полетѣли, какъ стрѣла.

Друзья мои, вамъ жаль поэта:
Во цвѣтѣ радостныхъ надеждъ,
Ихъ не свершивъ ещё для свѣта,
Чуть изъ младенческихъ одеждъ —
Увялъ! Гдѣ жаркое волненье,
Гдѣ благородное стремленье
И чувствъ, и мыслей молодыхъ,
Высокихъ, нѣжныхъ, удалыхъ?
Гдѣ бурныя любви желанья,
И жажда знаній и труда,
И страхъ порока и стыда,
И вы, завѣтныя мечтанья,
Вы, призракъ жизни неземной,
Вы, сны поэзіи святой!

Быть-можетъ, онъ для блага міра,
Иль хоть для славы былъ рождёнъ;
Его умолкнувшая лира
Гремучій, непрерывный звонъ
Въ вѣкахъ поднять могла. Поэта,
Быть-можетъ, на ступеняхъ свѣта
Ждала высокая ступень.
Его страдальческая тѣнь,
Быть-можетъ, унесла съ собою
Святую тайну, и для насъ
Погибъ животворящій гласъ,
И за могильною чертою
Къ ней не домчится гимнъ времёнъ,
Благословенія племёнъ.

XX.

ИЗЪ ДРАМЫ „БОРИСЪ ГОДУНОВЪ".

1.

Ночь. Келья въ Чудовомъ монастырѣ.

Отецъ Пименъ *и* Григорій *спящій.*

Пименъ (*пишетъ предъ лампадой*).

Ещё одно послѣднее сказанье —
И лѣтопись окончена моя,
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ грѣшному. Не даромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ:
Когда-нибудь монахъ трудолюбивый
Найдётъ мой трудъ усердный, безыменный;
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду
И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ —
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро,
А за грѣхи, за тёмныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляютъ.
На старости я сызнова живу;
Минувшее проходитъ предо мною.
Давно-ль оно неслось событій полно,
Волнуяся, какъ море-окіанъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Немного лицъ мнѣ память сохранила,
Немного словъ доходитъ до меня,
А прочее погибло невозвратно.
Но близокъ день, лампада догораетъ—
Ещё одно послѣднее сказанье... (*Пишетъ*).

Григорій (*пробуждаясь*).

Всё тотъ-же сонъ! Возможно-ль? въ третій разъ!
Проклятый сонъ! А всё передъ лампадой
Старикъ сидитъ да пишетъ — и дремотой,
Знать, во всю ночь онъ не смыкалъ очей.
Какъ я люблю его спокойный видъ,
Когда, душой въ минувшемъ погруженный,
Онъ лѣтопись свою ведётъ; и часто,
Я часто угадать хотѣлъ, о чёмъ онъ пишетъ:
О тёмномъ-ли владычествѣ татаръ?
О казняхъ-ли свирѣпыхъ Іоанна?
О бурномъ-ли Новогородскомъ вѣчѣ?
О славѣ-ли отечества? Напрасно:
Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ:
Всё тотъ же видъ смиренный, величавый.
Такъ точно дьякъ, въ Приказахъ посѣдѣлый,
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Пименъ.

Проснулся, братъ?

Григорій.

Благослови меня,
Честной отецъ.

Пименъ.

Благослови Господь
Тебя и днесь, и присно, и вовѣки!

Григорій.

Ты всё писалъ и сномъ не позабылся;
А мой покой бѣсовское мечтанье
Тревожило, и врагъ меня мутилъ:
Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
Внизу народъ на площади кипѣлъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ;
И стыдно мнѣ, и страшно становилось —
И, падая стремглавъ, я пробуждался.
И трй раза мнѣ снился тотъ же сонъ.
Не чудо-ли?

Пименъ.

Младая кровь играетъ.
Смиряй себя молитвой и постомъ —
И сны твои видѣній лёгкихъ будутъ
Исполнены. Донынѣ, если я,
Невольною дремотой обезсиленъ,
Не сотворю молитвы долгой къ ночи —
Мой старый сонъ не тихъ и не безгрѣшенъ:
Мнѣ чудятся то шумные пиры,
То ратный станъ, то схватки боевыя, —
Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ.

Григорій.

Какъ весело провёлъ свою ты младость!
Ты воевалъ подъ башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
Ты видѣлъ Дворъ и роскошь Іоанна!
Счастливъ! А я отъ отроческихъ лѣтъ
По келіямъ скитаюсь, бѣдный инокъ!
Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
Не пировать за царскою трапезой?
Успѣлъ-бы я, какъ ты, на старость лѣтъ
Отъ суеты, отъ міра отложиться,
Произнести монашества обѣтъ
И въ тихую обитель затвориться.

Пименъ.

Не сѣтуй, братъ, что рано грѣшный свѣтъ
Покинулъ ты, что мало искушеній
Послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ:
Насъ издали плѣняютъ слава, роскошь
И женская лукавая любовь.
Я долго жилъ, и многимъ насладился;
Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
Какъ въ монастырь Господь меня привёлъ.
Подумай, сынъ, ты о царяхъ великихъ:
Кто выше ихъ? Единый Богъ. Кто смѣетъ
Противу нихъ? Никто. А что-же? Часто
Златой вѣнецъ тяжелъ имъ становился:
Они его мѣняли на клобукъ.
Царь Іоаннъ искалъ успокоенья
Въ подобіи монашескихъ трудовъ.
Его дворецъ, любимцевъ гордыхъ полный,
Монастыря видъ новый принималъ:
Кромѣшники въ тафьяхъ и власяницахъ
Послушными являлись чернецами,
А грозный царь игумномъ богомольнымъ.
Я видѣлъ здѣсь, вотъ въ этой самой кельѣ
(Въ ней жилъ тогда Кириллъ многострадальный,
Мужъ праведный; тогда ужъ и меня
Сподобилъ Богъ уразумѣть ничтожность
Мірскихъ суетъ), здѣсь видѣлъ я Царя,
Усталаго отъ гнѣвныхъ думъ и казней.
Задумчивъ, тихъ сидѣлъ межъ нами Грозный;
Мы передъ нимъ недвижимо стояли,
И тихо онъ бесѣду съ нами вёлъ.
Онъ говорилъ игумну и всей братьѣ:
„Отцы мои, желанный день придётъ —
Предстану здѣсь алкающій спасенья.
Ты, Никодимъ, ты, Сергій, ты, Кириллъ,
Вы всѣ—обѣтъ примите мой духовный:
Приду я къ вамъ, преступникъ окаянный,
И схиму здѣсь честну́ю восприму́,
Къ стопамъ твоимъ, святой отецъ, припавши“.
Такъ говорилъ державный государь —
И сладко рѣчь изъ устъ его лилася,
И плакалъ онъ; а мы, въ слезахъ, молились:
Да ниспошлётъ Господь любовь и миръ
Его душѣ страдающей и бурной.
А сынъ его Θеодоръ? На престолѣ
Онъ воздыхалъ о мирномъ житіи
Молчальника. Онъ царскіе чертоги
Преобразилъ въ молитвенную келью:
Тамъ тяжкія державныя печали
Святой души его не возмущали.
Богъ возлюбилъ смиреніе Царя —
И Русь при нёмъ во славѣ безмятежной
Утѣшилась; а въ часъ его кончины
Свершилося неслыханное чудо.
Къ его одру, Царю едину зримый,
Явился мужъ необычайно свѣтелъ —
И началъ съ нимъ бесѣдовать Θеодоръ
И называть великимъ патріархомъ.
И всѣ кругомъ объяты были страхомъ,
Уразумѣвъ небесное видѣнье,
Зане святый Владыка предъ Царёмъ
Во храминѣ тогда не находился.
Когда же онъ преставился — палаты
Исполнились святымъ благоуханьемъ
И ликъ его, какъ солнце, просіялъ.

2.

Ночь. Садъ. Фонтанъ.

Самозванецъ *и* Марина.

Марина.

Димитрій! Вы?

Самозванецъ.

Волшебный, сладкій голосъ!
Ты-ль, наконецъ? Тебя-ли вижу я,
Одну со мной, подъ сѣнью тихой ночи?
Какъ медленно катился скучный день!
Какъ медленно заря вечерня гасла!
Какъ долго ждалъ во мракѣ я ночномъ!

Марина.

Часы бѣгутъ — и дорого мнѣ время.
Я здѣсь тебѣ назначила свиданье
Не для того, чтобъ слышать нѣжны рѣчи
Любовника. Слова не нужны. Вѣрю,
Что любишь ты; но слушай: я рѣшилась
Съ твоей судьбой—и бурной, и невѣрной—
Соединить судьбу мою; то въ правѣ
Я требовать, Димитрій, одного:
Я требую, чтобъ ты души своей
Мнѣ тайныя открылъ теперь надежды,
Намѣренья и даже опасенья,
Чтобъ объ руку съ тобой могла я смѣло
Пуститься въ жизнь, не съ дѣтской слѣпотой,
Не какъ раба желаній лёгкихъ мужа,
Наложница безмолвная твоя,
Но какъ тебя достойная супруга,
Помощница московскаго царя.

Самозванецъ.

О, дай забыть хоть на единый часъ
Моей судьбы заботы и тревоги!
Забудь сама, что видишь предъ собой
Царевича. Марина, зри во мнѣ
Любовника, избра́ннаго тобою,

Счастливаго твоимъ единымъ взоромъ.
О, выслушай моленія любви!
Дай высказать всё тó, чѣмъ сердце полно!

МАРИНА.

Не время, князь. Ты медлишь—и межъ-тѣмъ
Приверженность твоихъ клевретовъ стынетъ;
Часъ óтъ часу опасность и труды
Становятся опаснѣй и труднѣе;
Ужъ носятся сомнительные слухи,
Ужъ новизна смѣняетъ новизну;
А Годуновъ свои пріемлетъ мѣры.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Что Годуновъ? Во власти-ли Бориса
Твоя любовь, одно моё блаженство?
Нѣтъ, нѣтъ! Теперь гляжу я равнодушно
На тронъ его, на царственную власть.
Твоя любовь... Чтò безъ нея мнѣ жизнь
И славы блескъ, и русская держава?
Въ глухой степи, въ землянкѣ бѣдной — ты,
Ты замѣнишь мнѣ царскую корону;
Твоя любовь...

МАРИНА.

Стыдись! не забывай
Высокаго, святого назначенья!
Тебѣ твой санъ дороже долженъ быть
Всѣхъ радостей, всѣхъ обольщеній жизни.
Его ни съ чѣмъ не можешь ты равнять.
Не юношѣ, кипящему безумно,
Плѣнённому моею красотой —
Знай, отдаю торжественно я руку
Наслѣднику Московскаго престола,
Царевичу, спасённому судьбой.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Не мучь меня, прелестная Марина,
Не говори, что санъ, а не меня
Избрала ты. Марина, ты не знаешь,
Какъ больно тѣмъ ты сердце мнѣ язвишь.
Какъ! ежели... О, страшное сомнѣнье!
Скажи: когда бъ не царское рожденье
Назначила слѣпая мнѣ судьба,
Когда бъ я былъ не Іоанновъ сынъ,
Не сей, давно забытый міромъ отрокъ,
Тогда бъ... тогда бъ любила ль ты меня?

МАРИНА.

Димитрій ты — и быть инымъ не можешь!
Другого мнѣ любить нельзя.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Нѣтъ, полно!
Я не хочу дѣлиться съ мертвецомъ
Любовницей, ему принадлежащей!
Нѣтъ, полно мнѣ притворствовать! Скажу
Всю истину. Такъ знай же: твой Димитрій
Давно погибъ, зарытъ — и не воскреснетъ.
А хочешь-ли ты знать, кто я таковъ?
Изволь, скажу: я бѣдный чернорѣзецъ;
Монашеской неволею скучая,
Подъ клобукомъ свой замыселъ отважный
Обдумалъ я; готовилъ міру чудо —
И, наконецъ, изъ кельи бѣжалъ
Къ украинцамъ, въ ихъ буйные курѐни;
Владѣть конёмъ и саблей научился,
Явился къ вамъ, Димитріемъ назвался —
И поляковъ безмозглыхъ обманулъ.
Что скажешь ты, надменная Марина?
Довольна ль ты признаніемъ моимъ?
Что жъ ты молчишь?

МАРИНА.

О, стыдъ! о, горе мнѣ!

XXI.

ИЗЪ ДРАМЫ „СКУПОЙ РЫЦАРЬ“.

БАРОНЪ.

Какъ молодой повѣса ждётъ свиданья
Съ какой-нибудь развратницей лукавой
Иль дурой, имъ обманутой, — такъ я
Весь день минуты ждалъ, когда сойду
Въ подвалъ мой тайный, къ вѣрнымъ сундукамъ.
Счастливый день! Могу сегодня я
Въ шестой сундукъ—въ сундукъ ещё неполный—
Горсть золота накопленнаго всыпать.
Не много кажется, но понемногу
Сокровища ростутъ. Читалъ я гдѣ-то,
Что царь однажды воинамъ своимъ
Велѣлъ снести земли по горсти въ кучу —
И гордый холмъ возвысился, и царь
Могъ съ вышины, съ весельемъ, озирать
И долъ, покрытый бѣлыми шатрами,
И море, гдѣ бѣжали корабли.
Такъ я, по горсти бѣдной принося
Привычну дань мою сюда въ подвалъ,
Вознёсъ мой холмъ — и съ высоты его
Могу взирать на всё, что мнѣ подвластно.
Что не подвластно мнѣ? Какъ нѣкій демонъ
Отселѣ править міромъ я могу:
Лишь захочу — воздвигнутся чертоги;
Въ великолѣпные мои сады
Сбѣгутся нимфы рѣзвою толпою;
И музы дань свою мнѣ принесутъ,
И вольный геній мнѣ поработится,
И добродѣтель, и бесонный трудъ
Смиренно будутъ ждать моей награды.

Я свисну — и ко мнѣ послушно, робко
Вползётъ окровавлённое злодѣйство,
И руку будетъ мнѣ лизать, и въ очи
Смотрѣть, въ нихъ знакъ моей читая воли.
Мнѣ всё послушно, я же — ничему.
Я выше всѣхъ желаній. Я спокоенъ.
Я знаю мощь мою: съ меня довольно
Сего сознанья. (*Смотритъ на свое золото.*)
Кажется, не много,
А скольнихъ человѣческихъ заботъ,
Обмановъ, слёзъ, моленій и проклятій
Оно тяжеловѣсный представитель!
Тутъ есть дублонъ старинный. Вотъ онъ. Нынче
Вдова мнѣ отдала его: но прежде
Съ тремя дѣтьми полдня передъ окномъ
Она стояла на колѣняхъ, воя.
Шелъ дождь — и пересталъ, и вновь пошелъ:
Притворщица не трогалась. Я могъ бы
Её прогнать; но что-то мнѣ шептало,
Что мужнинъ долгъ она мнѣ принесла
И не захочетъ завтра быть въ тюрьмѣ.
А этотъ? Этотъ мнѣ принёсъ Тибо.
Гдѣ было взять ему лѣнивцу, плуту?
Укралъ, конечно, или, можетъ быть,
Тамъ на большой дорогѣ, ночью, въ рощѣ...
Да, если бы всѣ слёзы, кровь и потъ,
Пролитыя за всё, что здѣсь хранится,
Изъ нѣдръ земныхъ всѣ выступили вдругъ,
То былъ бы вновь потопъ — я захлебнулся-бъ
Въ моихъ подвалахъ вѣрныхъ. Но пора...
(*Хочетъ отпереть сундукъ*).
Я каждый разъ, когда хочу сундукъ
Мой отперетъ, впадаю въ жаръ и трепетъ.
Не страхъ (о, нѣтъ! кого бояться мнѣ?
При мнѣ мой мечъ; за злато отвѣчаетъ
Честной булатъ), но сердце мнѣ тѣснитъ
Какое-то невѣдомое чувство...
Насъ увѣряютъ медики: есть люди,
Въ убійствѣ находящіе пріятность.
Когда я ключъ въ замокъ влагаю, то же
Я чувствую, что̀ чувствовать должны
Они, вонзая въ жертву ножъ: пріятно
И страшно вмѣстѣ. (*Отпираетъ сундукъ*).
Вотъ моё блаженство! (*Всыпаетъ деньги.*)
Ступайте, полно вамъ по свѣту рыскать,
Служа страстямъ и нуждамъ человѣка!
Усните здѣсь сномъ силы и покоя,
Какъ боги спятъ въ глубокихъ небесахъ!
Хочу себѣ сегодня пиръ устроить:
Зажгу свѣчу предъ каждымъ сундукомъ,
И всѣ ихъ отопру, и стану самъ
Средь нихъ глядѣть на блещущія груды.
(*Зажигаетъ свѣчи и отпираетъ всѣ сундуки*).
Я царствую! Какой волшебный блескъ!
Послушна мнѣ, сильна моя держава;
Въ ней счастіе, въ ней честь моя и слава!
Я царствую! Но кто вослѣдъ за мной
Пріиметъ власть надъ нею? Мой наслѣдникъ!
Безумецъ, расточитель молодой!
Развратниковъ разгульныхъ собесѣдникъ!
Едва умру, онъ — онъ сойдётъ сюда,
Подъ эти мирные, нѣмые своды,
Съ толпой ласкателей придворныхъ, жадныхъ.
Укравъ ключи у трупа моего,
Онъ сундуки со смѣхомъ отопрётъ —
И потекутъ сокровища мои
Въ атласные, дырявые карманы.
Онъ разобьётъ священные сосуды,
Онъ грязь елеемъ царскимъ напоитъ,
Онъ расточитъ... А по какому праву?
Мнѣ развѣ даромъ это всё досталось,
Или шутя, какъ игроку, который
Гремитъ костьми да груды загребаетъ?
Кто знаетъ, сколько горькихъ воздержаній,
Обузданныхъ страстей, тяжелыхъ думъ,
Дневныхъ заботъ, ночей безсонныхъ мнѣ
Всё это сто̀ило? Иль скажетъ сынъ,
Что сердце у меня обро̀сло мо̀хомъ,
Что я не зналъ желаній, что меня
И совѣсть никогда не грызла — совѣсть,
Когтистый звѣрь, скребящій сердце — совѣсть,
Незванный гость, докучный собесѣдникъ,
Заимодавецъ грубый; эта вѣдьма,
Отъ коей меркнетъ мѣсяцъ и могилы
Смущаются и мёртвыхъ высылаютъ!
Нѣтъ, выстрадай сперва себѣ богатство,
А тамъ, посмотримъ, станетъ ли несчастный
То расточать, что̀ кровью пріобрѣлъ.
О, если бъ могъ отъ взоровъ недостойныхъ
Я скрыть подвалъ! О, если бъ изъ могилы
Притти я могъ, сторожевою тѣнью
Сидѣть на сундукѣ и отъ живыхъ
Сокровища мои хранить, какъ нынѣ!

БАРОНЪ А. А. ДЕЛЬВИГЪ.

Баронъ Антонъ Антоновичъ Дельвигъ, потомокъ древней ливонской фамиліи, переселившейся въ Остзейскій край въ концѣ XV вѣка и возведённой въ баронское достоинство въ 1723 году, ро-

дился 6-го августа 1798 года въ Москвѣ. Какъ въ дѣтствѣ, такъ и въ юности, Дельвигъ отличался весьма живымъ воображеніемъ, что, впрочемъ, не мѣшало ему быть вялымъ и лѣнивымъ до послѣдней степени. Всѣ эти характеристическія особенности, не исключая послѣдней, усвоенныя нашимъ будущимъ поэтомъ подъ сѣнью родительскаго крова, были перенесены имъ и подъ кровъ Царскосельскаго лицея, куда онъ вступилъ 12-го августа 1811 года, въ одинъ день съ великимъ Пушкинымъ, и гдѣ окончилъ курсъ предпослѣднимъ, изъ тридцати воспитанниковъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1817 года. Но лѣность и отвращеніе къ наукамъ, выказанныя имъ весьма наглядно при изученіи исторіи, математики и языковъ, вознаграждались отчасти страстною любовью къ поэзіи, пробудившейся въ нёмъ очень рано. „Онъ зналъ", по словамъ Пушкина, „почти наизусть собраніе русскихъ стихотвореній, изданное Жуковскимъ. Съ Державинымъ онъ не разставался; Клопштока, Шиллера и Гёте прочёлъ онъ съ однимъ изъ своихъ товарищей, живымъ лексикономъ и вдохновеннымъ комментаріемъ. Горація изучалъ въ классѣ, подъ руководствомъ профессора Кошанскаго".

Первымъ стихотвореніемъ барона Дельвига, появившимся въ печати, была ода: „На взятіе Парижа", напечатанная въ іюньской книжкѣ „Вѣстника Европы" на 1814 годъ, то-есть, когда поэту-лицеисту было всего пятнадцать лѣтъ отъ роду. За одой послѣдовалъ цѣлый рядъ стихотвореній, напечатанныхъ въ томъ же „Вѣстникѣ Европы", въ томъ числѣ пьеса—„Къ Діону". Примѣръ Дельвига увлёкъ и Пушкина, съ которымъ нашъ молодой поэтъ подружился съ перваго дня поступленія своего въ Лицей и остался вѣренъ этой дружбѣ до конца жизни. Стихотвореніе, отданное Пушкинымъ въ „Вѣстникъ Европы" и напечатанное тамъ въ исходѣ 1814 года, есть — посланіе: „Къ другу-стихотворцу", которое потому и можетъ быть названо первымъ печатнымъ произведеніемъ великаго Пушкина, такъ-какъ стихотвореніе „Къ сестрѣ", написанное раньше, попало въ печать только въ 1855 году, въ изданіи Анненкова. Затѣмъ оба друга явились усердными сотрудниками журнала „Россійскій Музеумъ", въ которомъ Дельвигъ помѣстилъ, въ 1815 году, цѣлыхъ восемь стихотвореній и прозаическую статью: „Письмо къ издателю Музеума". Читая первыя стихотворенія Дельвига, нельзя не замѣтить, что Горацій имѣлъ сильное вліяніе на его музу. Только, начиная съ 1817 года, когда онъ написалъ свою прощальную пѣсню, пропѣтую его товарищами въ день выпуска изъ Лицея, самобытный талантъ Дельвига сталъ быстро развиваться.

По выпускѣ изъ Лицея, Дельвигъ былъ опредѣлёнъ на службу въ департаментъ Горныхъ и Соляныхъ дѣлъ, съ жалованьемъ по 700 руб. асс. въ годъ. Прослуживъ здѣсь около четырёхъ лѣтъ, Дельвигъ, всё это время весьма мало занимавшійся службою и посвящавшій большую часть своего времени литературѣ, рѣшился, наконецъ, распроститься съ гостепріимнымъ департаментомъ, чтобы занять въ Императорской Публичной Библіотекѣ мѣсто помощника библіотекаря. Служба въ библіотекѣ, директоромъ которой въ то время былъ извѣстный Оленинъ, а помощникомъ С. С. Уваровъ (впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія), сблизила Дельвига съ служившими въ то время въ этомъ учрежденіи И. А. Крыловымъ, Н. И. Гнѣдичемъ, А. Х. Востоковымъ и другими. Но и здѣсь Дельвигъ не оказалъ особенной ревности, лишь изрѣдка посвящая своё время сокровищамъ, ввѣреннымъ его завѣдыванью. Оставивъ службу въ департаментѣ, Дельвигъ съ новой ревностью предался литературнымъ занятіямъ — и вскорѣ цѣлый рядъ прекрасныхъ стихотвореній украсилъ страницы многихъ изъ тогдашнихъ журналовъ и альманаховъ. Такъ, въ „Новостяхъ Литературы" на 1822 и 1823 годá, журналѣ, издававшемся Воейковымъ и В. Козловымъ, были напечатаны слѣдующія пьесы: „Сегодня я съ вами пирую, друзья!", „Одинокъ мѣсяцъ плылъ, зыбляся въ туманѣ", „Когда, душа, просилась ты", „Вчера вакхическихъ друзей", „Только узналъ я тебя", „Я плылъ одинъ съ прекрасною въ гондолѣ" и „Къ выпущенной птичкѣ"; въ „Трудахъ Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности": „Мой домикъ", „Сонетъ Н. М. Языкову" и „Къ Софьѣ", а въ „Полярной Звѣздѣ", альманахѣ Бестужева и Рылѣева, на 1824 годъ: „Ахъ, ты ночь ли...", „На смерть ***", „Вдохновенье" и „Роза ль ты роза". Всѣ исчисленныя стихотворенія отличаются живостью и блескомъ и свидѣтельствуютъ о томъ замѣтномъ шагѣ впередъ, который сдѣлалъ Дельвигъ въ послѣднее время своей поэтической дѣятельности, что подтверждаетъ и слѣдующее мѣсто изъ письма Пушкина, отъ 30-го января 1823 года: „Дельвигъ! Дельвигъ! пиши ко мнѣ и прозой, и стихами. Благословляю и поздравляю тебя: добился ты, наконецъ, до точности языка—единственной вещи, которой тебѣ не доставало". Около этого времени

Дельвигъ сошелся съ Баратынскимъ, Плетнёвымъ и Языковымъ, дружескія отношенія къ которымъ онъ поддерживалъ до самой смерти и каждаго изъ нихъ почтилъ дружескимъ посланіемъ. Къ этому литературно-дружескому союзу кромѣ упомянутыхъ выше—Пушкина, Гнѣдича и Крылова—слѣдуетъ причислить Илличевскаго, Воейкова, Ѳ. Глинку и А. Измайлова, постоянно посѣщавшихъ четверги Дельвига. Лучшимъ доказательствомъ истинно-дружескихъ отношеній между членами этого союза можетъ служить издававшійся Дельвигомъ, въ продолженіе семи лѣтъ (съ 1825 по 1832 годъ), альманахъ „Сѣверные цвѣты", наполняемый почти исключительно произведеніями членовъ этого кружка друзей и лицейскихъ товарищей. Первая книжка „Сѣверныхъ Цвѣтовъ" на 1825 годъ, составленная изъ произведеній Пушкина, Жуковскаго, Крылова, Гнѣдича, Козлова, Баратынскаго, Воейкова, Глинки, Измайлова, князя Вяземскаго, Плетнёва и другихъ, встрѣтила самый блистательный пріёмъ со стороны публики и критики, за исключеніемъ нѣкоторыхъ журналовъ, отнёсшихся къ ней весьма недружелюбно, что́, впрочемъ, послужило только къ бо́льшему распространенію книги въ публикѣ. Самъ Дельвигъ помѣстилъ въ этой книжкѣ пять стихотвореній, — три русскія пѣсни: „На яву и въ сладкомъ снѣ", „Скучно, дѣвушки, весною жить одной" и „Пѣла, пѣла пташечка", романсъ — „Друзья, друзья, я Несторъ между вами" и идиллію - „Купальщицы". Слѣдующія шесть книжекъ „Сѣверныхъ Цвѣтовъ" были выпущены Дельвигомъ въ 1826—1831 годахъ; что же касается послѣдней, восьмой, книжки альманаха, то она была издана Пушкинымъ, уже послѣ смерти Дельвига, въ 1832 году, въ пользу его семейства. Во всѣхъ восьми книжкахъ было напечатано тридцать-три пьесы Дельвига, въ томъ числѣ: „Н. И. Гнѣдичу", „Луна", „Соловей мой, соловей", „Двѣ звѣздочки", „Диѳирамбъ", „Друзья", „Геній хранитель", „На смерть Веневитинова", „Смерть", „Сонъ", „Грусть", „Слёзы любви", „Удѣлъ поэта", „Отставной солдатъ", „Къ Морфею" и „Къ русскому флоту".

31-го іюля 1825 года Дельвигъ снова поступилъ на службу чиновникомъ для особыхъ порученій при министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, а спустя три мѣсяца женился на Софьѣ Михайловнѣ Салтыковой, послѣ чего у него сталъ собираться по средамъ и воскресеньямъ чуть не весь литературный міръ Петербурга. Въ 1828 году Дельвигъ задумалъ издавать, при помощи своихъ литературныхъ друзей, новый журналъ, подъ названіемъ „Литературная Газета"; но нашелъ возможнымъ осуществить свою мысль только въ началѣ 1830 года. Сначала дѣло шло очень хорошо: газета имѣла успѣхъ и подписчиковъ; но съ наступленіемъ 1831 года — вслѣдствіе внезапной болѣзни — Дельвигъ долженъ былъ на третьемъ нумерѣ отказаться отъ редакціи и передалъ её Ор. Сомову. Затѣмъ, къ болѣзни присоединилась простуда — и поэтъ скончался 14-го января 1831 года въ Петербургѣ, на 33 году жизни, то-есть въ такую пору, когда отъ него ещё можно было ожидать многаго. Тѣло поэта было погребено на Волковомъ кладбищѣ, гдѣ надъ нимъ воздвигнутъ скромный памятникъ. Не мѣшаетъ замѣтить, что стихотвореніямъ и пѣснямъ Дельвига досталось на долю завидная участь. Бо́льшая часть ихъ была переложена на музыку нашими лучшими композиторами и потому уже должна была пріобрѣсти громадную извѣстность.

Какъ поэтъ, Дельвигъ занималъ скромное мѣсто среди нашихъ второстепенныхъ поэтовъ; но какъ другъ Пушкина, оказавшій свою долю вліянія на величайшаго изъ нашихъ поэтовъ, какъ журнальный дѣятель, около котораго группировались современные ему поэты, Дельвигъ навсегда сохранитъ почётное мѣсто въ исторіи русской литературы. „Несмотря на нѣкоторую степень самостоятельности", говоритъ В. П. Гаевскій: „едва замѣтной возлѣ геніальной натуры Пушкина, Дельвигъ прежде всего обязанъ вліянію великаго поэта и своими недозрѣлыми порывами вдохновенья, и своею нежданною извѣстностью. Немеркнущая слава Пушкина, сохранившая много имёнъ отъ забвенія, ярче всѣхъ озарила нашего поэта. Съ именемъ Дельвига неразлучны самыя дорогія литературныя воспоминанія." Приговоръ вполнѣ справедливый.

Лучшая біографія Дельвига написана В. П. Гаевскимъ и напечатана въ „Современникѣ" на 1853 и 1854 года. „Стихотворенія барона Дельвига" были изданы всего два раза: въ первый разъ — самимъ авторомъ, съ 1829 году, въ Петербургѣ, а во второй — Смирдинымъ, въ его „Полномъ Собраніи Сочиненій Русскихъ Авторовъ", въ одномъ томѣ съ сочиненіями Нелединскаго-Мелецкаго. Послѣднее изданіе, сдѣланное крайне-небрежно, изобилуетъ множествомъ значительныхъ невѣрностей, и, не смотря на свой титулъ *полнаго*, въ нёмъ не досчитываются цѣлой трети самыхъ извѣстныхъ стихотвореній Дельвига, какъ это указано въ статьѣ г. Гаевскаго.

I.

РОМАНСЪ.

„Сегодня я съ вами пирую, друзья,
Веселье намъ пѣсни заводитъ;
А завтра, быть-можетъ, тамъ буду и я,
Откуда никто не приходитъ!“

Я такъ беззаботнымъ друзьямъ говорилъ
Давно — но отъ самаго дѣтства
Печаль въ безпокойномъ я сердцѣ таилъ
Предвѣстьемъ грядущаго бѣдства.

Друзья мнѣ смѣялись и, свѣжій вѣнецъ
На кудри мои надѣвая,
„Стыдись“, восклицали: „мечтатель-пѣвецъ!
Измѣнитъ-ли жизнь молодая!“

Война запылала; къ роднымъ знаменамъ
Друзья, какъ на пиръ, полетѣли —
Я съ ними; но жребьи, враждебные намъ,
Мнѣ съ ними разстаться велѣли.

Въ бездѣйствіи тяжкомъ я думой слѣдилъ
Ихъ битвы, предтечи побѣды;
Ихъ славою часто я первый живилъ
Родителей грустныхъ бесѣды.

Года пролетали — я часто въ слезахъ
Былъ черной повязкой украшенъ;
Брань стихла: гдѣ-жъ други? Лежатъ на поляхъ
Близь ими разрушенныхъ башенъ.

Съ тѣхъ поръ я печально сижу на пирахъ,
Гдѣ всё мнѣ твердитъ про былое!
Дрожитъ моя чаша въ ослабшихъ рукахъ;
Мнѣ тяжко веселье чужое.

II.

РУССКІЯ ПѢСНИ.

1.

Ахъ, ты, ночь ли
Ноченька!
Ахъ, ты, ночь ли
Бурная!
Отчего ты
Съ вечера
До глубокой
Полночи
Не блистаешь
Звѣздами,
Не сіяешь
Мѣсяцемъ,
Всё темнѣешь
Тучами?
И съ тобой, знать,
Ноченька,
Какъ со мною,
Мо́лодцемъ,
Грусть-злодѣйка
Свѣдалась!
Какъ заляжетъ
Лютая
Тамъ глубоко
На̀ сердцѣ —
Позабудешь
Дѣвицамъ
Усмѣхаться,
Кланяться;
Позабудешь
Съ вечера
До глубокой
По́лночи,
Припѣвая,
Тѣшиться
Хороводной
Пляскою.
Нѣтъ, взрыдаешь,
Всплачешься —
И, безродный
Мо́лодецъ,
На постелю
Жесткую,
Какъ въ могилу,
Кинешься!

2.

Пѣла, пѣла пташечка —
И затихла;
Знало сердце радости —
И забыло.
Что̀ пѣвунья-пташечка,
Замолчала?
Какъ ты, сердце, свѣдалось
Съ чернымъ горемъ?
Ахъ! убили пташечку
Злыя вьюги;
Погубили мо́лодца
Злые толки!
Полетѣть-бы пташечкѣ
Къ синю морю!
Убѣжать бы мо́лодцу
Въ лѣсъ дремучій!
На̀ морѣ валы шумятъ,
А не вьюги;
Въ лѣсѣ — звѣри лютые,
Да не люди!

3.

Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей,
Ты куда, куда летишь,
Гдѣ всю ночку пропоёшь?
Кто-то — бѣдная, какъ я —
Ночь прослушаетъ тебя,
Не смыкаючи очей,
Утопаючи въ слезахъ?
Ты лети, мой соловей,
Хоть за тридевять земель,
Хоть за синія моря,
На чужіе берега!
Побывай во всѣхъ странахъ,
Въ деревняхъ и въ городахъ:

Не найти тебѣ нигдѣ
Горемычнѣе меня.
У меня-ли у младой
Дорогъ жемчугъ на груди,
У меня-ли у младой
Жаръ-колечко на рукѣ,
У меня-ли у младой
Въ сердцѣ миленькій дружокъ:
Въ день осенній на груди
Крупный жемчугъ потускнѣлъ,
Въ зимню ночку на рукѣ
Распаялося кольцо —
А какъ нынѣшней весной
Разлюбилъ меня милóй.

III.

ВДОХНОВЕНІЕ.

Не часто къ намъ слетаетъ вдохновенье,
И краткій мигъ въ душѣ оно горитъ;
Но этотъ мигъ любимецъ музъ цѣнитъ,
Какъ мученикъ съ землёю разлученье.

Въ друзьяхъ обманъ, въ любви разувѣренье
И ядъ во всёмъ, чѣмъ сердце дорожитъ,
Забыты имъ: восторженный піитъ
Ужъ прочиталъ своё предназначенье.

И прéзрѣнный, гонимый отъ людей,
Блуждающій одинъ подъ небесами,
Онъ говоритъ съ грядущими вѣками;

Онъ ставитъ честь превыше всѣхъ честей,
Онъ клеветѣ мститъ славою своей
И дѣлится безсмертіемъ съ богами.

Е. А. БАРАТЫНСКІЙ.

Евгеній Абрамовичъ Баратынскій родился 19-го февраля 1800 года, въ помѣстьѣ своего отца, генералъ-лейтенанта А. А. Баратынскаго, Тамбовской губерніи, Кирсановскаго уѣзда въ селѣ Вяжлѣ. На десятомъ году молодой Евгеній лишился отца и первоначальное воспитаніе получилъ дома, при матери. Первымъ дядькой его былъ италіанецъ Боргесъ — тотъ самый, къ которому относится посланіе „Къ дядькѣ-италіанцу", написанное поэтомъ за двѣ недѣли до своей кончины, въ Неаполѣ. Пятнадцати лѣтъ Баратынскій былъ отданъ въ одинъ изъ Петербургскихъ пансіоновъ, изъ котораго перешелъ въ Пажескій корпусъ. Около 1815 года, онъ былъ исключёнъ изъ корпуса, вмѣстѣ съ другимъ пажомъ за шалость, о которой сохранилось его признаніе въ письмѣ къ Жуковскому, впослѣдствіи ходатайствовавшему за него. Въ 1818 году онъ былъ зачисленъ рядовымъ въ лейбъ-егерскій полкъ, въ 1820 — произведёнъ въ унтеръ-офицеры, съ переводомъ въ Нейшлотскій пѣхотный полкъ, стоявшій тогда въ Кюмени. Въ Финляндіи, суровая природа которой наложила на него свою печать и имѣла свою долю вліянія на его поэтическое творчество, провёлъ онъ около шести лѣтъ. Въ 1825 году Баратынскій былъ произведёнъ въ офицеры и вскорѣ послѣ того вышелъ въ отставку, и переѣхалъ въ Москву, гдѣ черезъ годъ женился на дочери генерала Энгельгардта, Настасьѣ Львовнѣ. Ещё въ 1819 году, въ бытность свою въ Петербургѣ, онъ познакомился и подружился съ Дельвигомъ, Плетнёвымъ, Жуковскимъ и Пушкинымъ. Теперь, по переѣздѣ на жительство въ Москву, онъ сошелся съ княземъ Вяземскимъ, жившимъ въ то время напротивъ его квартиры, и Д. В. Давыдовымъ, также жившимъ тогда въ своей Подмосковной, сельцѣ Мурановѣ, и, отдаваясь по очередно то поэзіи, то хозяйству, онъ издалъ въ 1827 году первое собраніе своихъ стихотвореній, затѣмъ, въ 1835 — второе, а въ 1842 — добавленіе къ нимъ, подъ заглавіемъ: „Сумерки". Въ 1843 году Евгеній Абрамовичъ, рѣшившись, наконецъ, осуществить давнишнее своё желаніе — ознакомиться съ Европою, предпринялъ путешествіе за границу. Прóживъ всю зиму въ Парижѣ, онъ, весною 1844 года, отправился черезъ Марсель въ Неаполь, и, по прибытіи туда, умеръ скоропостижно 29-го іюня того же года. Тѣло покойнаго было перевезено въ Петербургъ и погребено въ Александро-Невскомъ монастырѣ, близъ гробницъ Гнѣдича и Крылова. Современники цѣнили очень высоко поэтическое дарованіе Баратынскаго, называя его одною изъ звѣздъ плеяды Пушкина. Многіе находили, что нѣкоторыя произведенія его не уступаютъ въ достоинствѣ геніальнымъ созданіямъ нашего великаго поэта, а нѣкоторые даже предпочитали его „Цыганку" поэмамъ Пушкина. Конечно, въ настоящее время ни критика, ни публика уже далёко не такого высокаго мнѣнія о стихахъ Баратынскаго, тѣмъ не менѣе въ двухъ томахъ его стихотвореній есть нѣсколько истинно-прекрасныхъ произведеній, которыя никогда не умрутъ въ исторіи русской литературы. Третье и послѣднее изданіе „Сочиненій Е. А. Баратын-

скаго“ издано семействомъ покойнаго поэта въ Москвѣ, въ 1869 году, и есть единственное полное собраніе его сочиненій. „Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Баратынскаго“ напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ (1864, стр. 1103—1119).

I.

ФИНЛЯНДІЯ.

Въ свои разсѣлины вы приняли пѣвца,
Граниты финскіе, граниты вѣковые,
Земли ледянаго вѣнца
Богатыри сторожевые.
Онъ съ лирой между васъ. Поклонъ его—поклонъ
Громадамъ, міру современнымъ:
Подобно имъ, да будетъ онъ
Во всѣ годины неизмѣннымъ!
Какъ всё вокругъ меня плѣняетъ чудно взоръ:
Тамъ необъятными водами
Слилося море съ небесами;
Тутъ съ каменной горы къ нему дремучій боръ
Сошелъ тяжелыми стопами,
Сошелъ—и смотрится въ зерцалѣ гладкихъ водъ!
Ужъ поздно: день погасъ, но ясенъ неба сводъ;
На скалы финскія безъ мрака ночь нисходитъ,
И только-что себѣ въ уборъ
Алмазныхъ звѣздъ ненужный хоръ
На небосклонъ она выводитъ.
Такъ вотъ отечество Одиновыхъ дѣтей,
Грозы народовъ отдалённыхъ!
Такъ это колыбель ихъ безпокойныхъ дней,
Разбоямъ громкимъ посвящённыхъ!

Умолкъ призывный щитъ, не слышенъ скальда гласъ;
Воспламенённый дубъ угасъ;
Развѣялъ бурный вѣтръ торжественные клики,
Сыны не вѣдаютъ о подвигахъ отцовъ
И въ дольномъ прахѣ ихъ боговъ
Лежатъ низверженные лики —
И всё вокругъ меня въ глубокой тишинѣ.
О вы, носившіе отъ брега къ брегу бои,
Куда вы скрылися, полночные герои?
Вашъ слѣдъ исчезъ въ родной странѣ.
Вы-ль, на скалы ея вперивъ скорбящи очи,
Плывёте въ облакахъ туманною толпой?
Вы-ль? Дайте мнѣ отвѣтъ, услышьте голосъ мой,
Зовущій къ вамъ среди молчанья ночи.
Сыны могучіе сихъ грозныхъ, вѣчныхъ скалъ!
Какъ отдѣлились вы отъ каменной отчизны?
Зачѣмъ печальны вы? зачѣмъ я прочиталъ
На лицахъ сумрачныхъ улыбку укоризны?
И вы сокрылися въ обители тѣней!
И ваши имена не пощадило время!
Что жъ наши подвиги, что слава нашихъ дней,
Что наше вѣтреное племя?
О, всё своей чредой исчезнетъ въ безднѣ лѣтъ!
Для всѣхъ одинъ законъ — законъ уничтоженья.
Во всёмъ мнѣ слышится таинственный привѣтъ
Обѣтованнаго забвенья.

Но я – въ безвѣстности для жизни жизнь любя –
Я беззаботливой душою
Вострепещу-ль передъ судьбою?
Не вѣчный для временъ, я вѣченъ для себя:
Не одному ль воображенью
Гроза ихъ что-то говоритъ?
Мгновенье мнѣ принадлежитъ,
Какъ я принадлежу мгновенью.
Что нужды до былыхъ иль будущихъ племенъ?
Я не для нихъ бренчу незвонкими струнами:
Я, не внимаемый, довольно награждёнъ
За звуки звуками, а за мечты мечтами.

II.

РОДИНА.

Я возвращуся къ вамъ, поля моихъ отцовъ,
Дубравы мирныя, священный сердцу кровъ,
Я возвращуся къ вамъ, домашнія иконы!
Пускай другіе чтутъ приличія законы,
Пускай другіе чтутъ ревнивый судъ невѣждъ:
Свободный, наконецъ, отъ суетныхъ надеждъ,
Отъ безпокойныхъ сновъ, отъ вѣтреныхъ желаній,
Испивъ безвременно всю чашу испытаній,
Не призракъ счастія, но счастье нужно мнѣ.
Усталый труженникъ, спѣшу къ родной странѣ
Заснуть желаннымъ сномъ подъ кровлею родимой.
О, домъ отеческій! о, край всегда любимой!
Родныя небеса! незвучный голосъ мой
Въ стихахъ задумчивыхъ воспѣлъ въ странѣ чужой!
Вы мнѣ повѣете спокойствіемъ и счастьемъ!
Какъ въ пристани пловецъ, испытанный ненастьемъ,
Съ улыбкой слушаетъ—надъ бездною возсѣвъ —
И бури грозный свистъ, и волнъ мятежный ревъ:
Такъ, небо не моля о почестяхъ и златѣ,
Спокойный домосѣдъ, въ моей безвѣстной хатѣ
Укрывшись отъ толпы взыскательныхъ судей,
Въ кругу друзей своихъ, въ кругу семьи своей,
Я буду издали глядѣть на бури свѣта.

Нѣтъ, нѣтъ, не отмѣню священнаго обѣта!
Пускай летитъ къ шатрамъ безтрепетный герой!
Пускай кровавыхъ битвъ любовникъ молодой
Съ волненьемъ учится, губя часы златые,
Наукѣ размѣрять окопы боевые:
Я съ дѣтства полюбилъ сладчайшіе труды.
Прилежный, мирный плугъ, взрывающій бразды,
Почтеннѣе меча; полезный въ скромной долѣ.
Хочу возделывать отеческое поле.
Оратай, ветхихъ дней достигшій надъ сохой,
Въ заботахъ сладостныхъ наставникъ будетъ мой;
Мнѣ дряхлаго отца сыны трудолюбивы
Помогутъ утучнять наслѣдственныя нивы.
А ты, мой старый другъ, мой вѣрный доброхотъ,
Усердный пѣстунъ мой, ты, первый огородъ
На отческихъ поляхъ разведшій въ дни былые —
Ты поведёшь меня въ сады свои густые,
Деревьевъ и цвѣтовъ раскажешь имена!
Я самъ, когда съ небесъ роскошная весна
Повѣетъ нѣгою воскреснувшей природѣ,
Съ тяжелымъ заступомъ явлюся въ огородѣ:
Приду съ тобой садить деревья и цвѣты.
О, подвигъ благостный, не тщетенъ будешь ты!
Богиня пажитей признательнѣй Фортуны!
Для нихъ безвѣстный лѣсъ, для нихъ свирѣль и струны;
Онѣ доступны всѣмъ — и мнѣ за лёгкій трудъ
Плодами сочными обильно воздадутъ.
Отъ грядъ и заступа спѣшу къ полямъ и плугу;
А тамъ, гдѣ ручеёкъ по бархатному лугу
Катитъ задумчиво пустынныя струи,
Въ весенній ясный день, я самъ, друзья мои,
У брега насажу лѣсокъ уединённый
И липу свѣжую, и тополь осребрённый:
Въ тѣни ихъ отдохнётъ мой правнукъ молодой;
Тамъ дружба нѣкогда сокроетъ пепелъ мой
И, вмѣсто мрамора, положитъ на гробницу
И мирный заступъ мой, и мирную цѣвницу.

III.

ВЕСНА.

Весна, весна! Какъ воздухъ чистъ,
Какъ ясенъ небосклонъ!
Своей лазурію живой
Слѣпитъ мнѣ очи онъ

Весна, весна! Какъ высоко
На крыльяхъ вѣтерка,
Ласкаясь къ солнечнымъ лучамъ,
Летаютъ облака!

Шумятъ ручьи, блестятъ ручьи;
Взревѣвъ, рѣка несётъ
На торжествующемъ хребтѣ
Поднятый ею лёдъ.

Ещё древа обнажены,
Но въ рощѣ ветхій листъ,
Какъ прежде, подъ моей ногой
И шуменъ, и душистъ.

Подъ солнце самое взвился
И, въ яркой вышинѣ
Незримый, жаворонокъ поетъ
Заздравный гимнъ веснѣ.

Что съ нею, что̀ съ моей душой?
Съ ручьёмъ она — ручей
И съ птичкой — птичка: съ нимъ журчитъ,
Летаетъ въ небѣ съ ней.

Зачѣмъ такъ радуютъ её
И солнце, и весна?
Ликуетъ-ли, какъ дочь стихій,
На пирѣ ихъ она?

Что нужды! счастливъ, кто на нёмъ
Забвенье мысли пьётъ,
Кого далёко отъ неё
Онъ дивный унесётъ!

IV.

РИМЪ.

Ты былъ-ли, гордый Римъ, земли самовластитель,
Ты былъ-ли, о свободный Римъ?
Къ нѣмымъ развалинамъ твоимъ
Подходитъ съ грустію ихъ чуждый навѣститель.

За что̀ утратилъ ты величье прежнихъ дней?
За что̀, державный Римъ, тебя забыли боги?
Градъ пышный, гдѣ твои чертоги?
Гдѣ сильные твои, о родина мужей?

Тебѣ-ли измѣнилъ побѣды мощный геній?
Ты ль на распутіи времёнъ
Стоишь въ позорищѣ племёнъ,
Какъ пышный саркофагъ погибшихъ поколѣній?

Кому ещё грозишь съ твоихъ семи холмовъ?
Судьбы-ли всѣхъ державъ ты грозный возвѣститель?
Или, какъ призракъ-обвинитель,
Печальный предстоишь очамъ твоихъ сыновъ?

V.

ИСТИНА.

О счастіи съ младенчества тоскуя,
Всё счастьемъ бѣденъ я!
Или вовѣкъ его не обрѣту я
Въ пустынѣ бытія?

Младые сны отъ сердца отлетѣли;
Не узнаю я свѣтъ:
Надеждъ своихъ лишенъ я прежней цѣли,
А новой цѣли нѣтъ.

„Безуменъ ты и всё твои желанья!“
Мнѣ тайный голосъ рекъ —
И лучшія мечты моей созданья
Отвергнулъ я навѣкъ.

Но для чего души разувѣренье
Свершилось не вполнѣ?
О юныхъ снахъ слѣпое сожалѣнье
Зачѣмъ живётъ во мнѣ?

Такъ нѣкогда обдумывалъ съ роптаньемъ
Я жребій тяжкій свой:
Вдругъ истину — то не было мечтаньемъ —
Узрѣлъ передъ собой.

„Свѣтильникъ мой укажетъ путь ко счастью!“
Вѣщала: „Захочу —
И страстнаго отрадному безстрастью
Тебя я научу.

„Пускай со мной ты сердца жаръ погубишь;
Пускай, узнавъ людей,
Ты, можетъ-быть, испуганный, разлюбишь
И ближнихъ, и друзей.

„Я бытія всѣ прелести разрушу,
Но умъ наставлю твой;
Я оболью суровымъ хладомъ душу,
Но дамъ душѣ покой.“

Я трепеталъ, словамъ ея внимая,
И горестно въ отвѣтъ
Промолвилъ ей: „О, гостья неземная,
Печаленъ твой привѣтъ!

„Свѣтильникъ твой — свѣтильникъ погребальный
Всѣхъ радостей земныхъ!
Твой миръ — увы! — могилы миръ печальный
И страшенъ для живыхъ!

„Нѣтъ, я не твой: въ твоей наукѣ строгой
Я счастья не найду!
Покинь меня: кой-какъ моей дорогой
Одинъ я побреду.

„Прости! иль нѣтъ: когда моё свѣтило
Во звѣздной вышинѣ
Начнётъ блѣднѣть и всё, чтó сердцу мило,
Забыть придётся мнѣ —

„Явись тогда! раскрой тогда мнѣ очи,
Мой разумъ просвѣти,
Чтобъ, жизнь презрѣвъ, я могъ въ обитель ночи
Безропотно сойти!“

VI.

НА СМЕРТЬ ГЁТЕ.

Предстала — и старецъ великій смежилъ
Орлиныя очи въ покоѣ,
Почилъ безмятежно, зане совершилъ
Въ предѣлѣ земномъ всё земное.
Надъ дивной могилой не плачь, не жалѣй,
Что генія черепъ — наслѣдье червей.

Погасъ; но ничто не оставлено имъ
Подъ солнцемъ живымъ безъ привѣта;
На всё отозвался онъ сердцемъ своимъ,
Что проситъ у сердца отвѣта:
Крылатою мыслью онъ міръ облетѣлъ,
Въ одномъ безпредѣльномъ нашелъ ей предѣлъ.

Всё духъ въ нёмъ питало: труды мудрецовъ,
Искусствъ вдохновенныхъ созданья,
Преданья, завѣты минувшихъ вѣковъ,
Цвѣтущихъ времёнъ упованья,
Мечтою по волѣ проникнуть онъ могъ
И въ нищую хату, и въ царскій чертогъ.

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ;
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.

Извѣданъ, испытанъ имъ весь человѣкъ!
И ежели жизнью земною
Творецъ ограничилъ летучій нашъ вѣкъ
И насъ за могильной доскою,
За міромъ явленій, не ждётъ ничего:
Творца оправдаетъ могила его.

И если загробная жизнь намъ дана,
Онъ, здѣшней вполнѣ отдышавшій,
И въ звучныхъ, глубокихъ отзывахъ сполна
Всё дольное долу отдавшій,
Къ Предвѣчному лёгкой душой возлетитъ —
И въ небѣ земное его не смутитъ.

Н. М. ЯЗЫКОВЪ.

Николай Михайловичъ Языковъ, извѣстный русскій поэтъ, родился 4-го марта 1803 года въ Симбирскѣ. Затѣмъ, на двѣнадцатомъ году, онъ былъ отвезёнъ въ Петербургъ и отданъ въ Горный корпусъ, въ которомъ пробылъ шесть лѣтъ безъ всякой пользы, такъ-какъ ему не далась математика, и онъ, волей-неволей, долженъ былъ оставить заведеніе, не окончивъ курса наукъ. Проживъ въ Петербургѣ цѣлый годъ безъ дѣла, посвящая всё время сочиненію плохихъ стиховъ, онъ только въ половинѣ 1822 года рѣшился снова приняться за книги, и то благодаря совѣтамъ А. Ѳ. Воейкова, замѣтившаго въ нёмъ зародышъ таланта. Языковъ, руководимый совѣтами Воейкова, поступилъ въ Дерптскій университетъ. Снабженный рекомендательными письмами Воейкова, Языковъ, послѣ нѣкотораго колебанья, оставилъ, наконецъ, въ концѣ 1822 года Петербургъ и, по прибытіи въ древній русскій Юрьевъ, воспѣтый имъ впослѣдствіи, сталъ посѣщать университетскія лекціи. Здѣсь, среди товарищей-земляковъ, во множествѣ стекавшихся искать образованія въ Дерптскомъ университетѣ, сталъ созрѣвать и крѣпнуть талантъ Языкова, не замедлившій обратить на себя вниманіе свѣтилъ русской поэзіи — Жуковскаго и Пушкина, изъ которыхъ первый обласкалъ и ободрилъ его къ дальнѣйшей дѣятельности, въ бытность свою въ Дерптѣ лѣтомъ 1823 года, а второй — написалъ ему посланіе, начинающееся такъ:

Издревле сладостный союзъ
Поэтовъ межъ собой связуетъ:
Они жрецы единыхъ музъ,
Единый пламень ихъ волнуетъ.
Родня другъ другу по судьбѣ,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидіевой тѣнью,
Языковъ, близокъ я тебѣ!

и оканчивающееся приглашеніемъ молодого поэта пріѣхать въ псковскую его деревню, Михайловское. Языковъ поспѣшилъ исполнить дружеское желаніе великаго поэта — и провёлъ у него всё лѣто 1826 года.

Первыми напечатанными стихотвореніями Языкова считаются: „Посланіе къ А. Н. Очкину", „Къ А. М. Языкову" и „Моя родина", появившіяся въ „Новостяхъ Литературы" на 1822 годъ. Если взять въ соображеніе, что стихотворенія эти написаны осьмнадцатилѣтнимъ юношей, то нельзя не подивиться тому раннему развитію въ нёмъ эстетическаго чувства, которымъ запечатлѣна каждая изъ трёхъ пьесъ. Что же касается гладкости и звучности стиха, то они, по-истинѣ, изумительны. Въ талантѣ Языкова, между прочимъ, замѣчательно то, что произведенія его ранней молодости, съ 1823 по 1826 годъ, обнимающія дерптскій періодъ, гораздо лучше произведеній всей его послѣдующей поэтической дѣятельности, хотя и въ ней найдётся нѣсколько стихотвореній вполнѣ прекрасныхъ. Причину этого страннаго явленія слѣдуетъ искать отчасти въ самомъ направленіи таланта Языкова, отчасти и въ томъ болѣзненномъ настроеніи, которое, благодаря бурно-проведенной молодости, болѣе и болѣе развивалось въ Языковѣ, по мѣрѣ того, какъ онъ вступалъ въ зрѣлый возрастъ.

Возвратившись въ Дерптъ, осенью Языковъ написалъ извѣстное своё стихотвореніе „Тригорское", посвящённое воспоминаніямъ о лѣтѣ, пріятно проведённомъ въ имѣніи г-жи Осиповой и въ Михайловскомъ Пушкина, въ которомъ, между-прочимъ, находится слѣдующее обращеніе къ Пушкину:

Пѣвецъ Руслана и Людмилы!
Была счастливая пора,
Когда такъ веселы, такъ милы
Неслися наши вечера
Тамъ на горѣ, подъ мирнымъ кровомъ
Старѣйшинъ сада вѣковыхъ,
На дёрнѣ свѣжемъ и шелковомъ
Въ виду окрестностей живыхъ.

Вообще, если у Языкова произведенія дерптскаго періода не столько отличались богатствомъ мысли, сколько красотою формы — за то эта форма была вполнѣ прекрасна, чего нельзя сказать о позднѣйшихъ его произведеніяхъ, особенно о періодѣ 1832—1838 годовъ, когда вся его поэтическая дѣятельность ограничивалась посланіями, преимущественно къ разнымъ дамамъ, никому неизвѣстнымъ, и сочиненіемъ скучнѣйшихъ сказокъ „О па-

стухѣ и дикомъ вепрѣ“ и „О жаръ-птицѣ“, написанныхъ тяжелыми александрійскими стихами, которые вовсе не свойственны его таланту, привыкшему къ самымъ лёгкимъ и бойкимъ размѣрамъ. Впрочемъ, Языковъ самъ сознавалъ всю пустоту своей жизни въ Дерптѣ, съ ея пирушками, волокитствомъ и неясными стремленіями къ чёму-то, и выразилъ свой взглядъ на проведённое имъ въ Дерптѣ время въ слѣдующихъ стихахъ, написанныхъ въ то время, когда онъ собирался отправиться на родину въ половинѣ 1829 года:

Тамъ, вольной родины пѣвецъ,
Я просвѣтлѣю жизнью новой
И гордо брошу свой лавровый,
Виномъ забрызганный, вѣнецъ.

Послѣ шестилѣтняго пребыванія въ этомъ университетскомъ городѣ, который онъ оставилъ всё-таки студентомъ *бездипломнымъ*, какъ не выдержавшій окончательнаго экзамена, Языковъ вернулся въ Москву, и, поселившись здѣсь, прожилъ въ ней безвыѣздно до 1832 года. Первопрестольная столица приголубила молодого поэта, уже гремѣвшаго своими разгульными стихотвореніями, дружившаго съ Пушкинымъ, Баратынскимъ и Дельвигомъ, цвѣтущаго красотою и здоровьемъ и обладавшаго независимымъ состояніемъ. Всѣ съ восторгомъ повторяли всё, имъ написанное. Въ концѣ 1831 года онъ поступилъ-было на службу въ Межевую Канцелярію, но, спустя два года, вышелъ въ отставку, находя, что служба стѣсняетъ его и лишаетъ возможности предаваться всей душой любимому занятію — литературѣ. Къ этому времени принадлежатъ лучшія его стихотворенія: „Поэту“, „Пожаръ“ и „Весенняя ночь“. Въ 1831 году Языковъ почувствовалъ первые припадки той болѣзни, которая впослѣдствіи свела его въ могилу. Начиная съ 1833 года, онъ сталъ серіозно лѣчиться, для чего переселился въ деревню, гдѣ прожилъ около восьми лѣтъ, лишь изрѣдка наѣзжая въ Москву для совѣта съ докторами. Въ это время Языковъ писалъ мало и, кромѣ „Посланія къ Давыдову“, не произвелъ ничего, сколько-нибудь достойнаго его таланта. Начиная съ 1837 года, болѣзнь Языкова стала замѣтно усиливаться, такъ-что въ 1838 году онъ принуждёнъ былъ отправиться заграницу; но ни купанья въ Ниццѣ, ни искусство нѣмецкихъ докторовъ, ни воздухъ Рима — нисколько не помогли ему, и онъ возвратился въ Москву такимъ же больнымъ, какимъ оставилъ её пять лѣтъ тому назадъ. Но и за границей на долю больного поэта выпадали такіе счастливые дни, когда болѣзнь уступала искусству врачей и цѣлебному дѣйствію водъ: тогда изнывавшій въ тоскѣ по родинѣ поэтъ принимался снова за перо — и стихи снова звучно и плавно ложились на бумагу. Въ одинъ изъ подобныхъ промежутковъ, послѣдовавшій въ 1840 году въ Ниццѣ, написалъ онъ своё знаменитое стихотвореніе „Къ Рейну“, въ которомъ встрѣчаются подобные стихи:

Я волжанинъ: тебѣ привѣты Волги нашей
Принёсъ я. Слышалъ ты о нѣй?
Великъ, прекрасенъ ты; но Волга больше, краше,
Великолѣпнѣе, пышнѣй
И глубже — быстрая, и шире — голубая!
Не такъ, не такъ она бурлитъ,
Когда подымется погодка верховая
И бѣлый валъ заговоритъ.
По царству и рѣка! Тебѣ привѣтъ заздравный
Ея, властительницы водъ,
Обширныхъ русскихъ водъ, простёршей ходъ свой славный,
Всегда торжественный свой ходъ,
Между холмовъ и горъ, и доловъ многоплодныхъ
До тёмныхъ Каспія зыбей!
Привѣты и ея притоковъ благородныхъ,
Ея подручницъ и князей.

Къ этому же времени принадлежитъ и нѣсколько элегій, изъ которыхъ въ одной высказалось весьма ясно его горькое сомнѣніе въ возможности поправить своё здоровье, при помощи заграничнаго лѣченія:

Богъ вѣсть, не втуне ли скитался
Въ чужихъ странахъ я много лѣтъ!
Мой черный день не разгулялся,
Мнѣ утѣшенья нѣтъ какъ нѣтъ!
Печальный, трепетный и томный,
Назадъ, въ отеческій мой домъ,
Спѣшу, какъ птица въ кустъ укромный
Спѣшитъ, забитая дождёмъ.

По возвращеніи въ Москву, въ августѣ 1843 года, Языковъ сталъ лѣчиться у профессора Иновемцева, своего университетскаго товарища. Благодаря искусству знаменитаго московскаго врача, онъ скоро поправился на столько, что могъ снова приняться за перо. На этотъ разъ муза его, подъ вліяніемъ религіознаго настроенія, которое сдѣлалось господствующимъ чувствомъ его наболѣвшаго сердца въ послѣдніе годы его болѣзни, приняла совершенно новое направленіе, результатомъ котораго было появленіе такихъ превосходныхъ

стихотвореній, какъ „Землетрясеніе", „Самсонъ" и другія, выказавшія всю силу его таланта и, вмѣстѣ съ тѣмъ, бывшія его лебединою пѣснью. Въ половинѣ декабря 1846 года Языковъ простудился; къ застарѣлой болѣзни присоединилась горячка—и онъ скончался 26-го декабря того же года, на 41-мъ году жизни. Тѣло его, сопровождаемое родными, друзьями и почитателями покойнаго поэта, было перенесено въ Даниловъ монастырь—и тамъ похоронено, между могилами Венелина и Валуева.

Стихотворенія Языкова имѣютъ четыре изданія: первые три были выпущены при жизни автора, а четвёртое — послѣ его смерти Перевлѣсскимъ. Вотъ они: 1) Стихотворенія Н. Языкова. Спб. 1833. 2) Изъ стихотвореній Н. М. Языкова, М. 1844. 3) Новыя стихотворенія Н. Языкова. М. 1845. 4) Стихотворенія Н. М. Языкова. При нихъ приложены его портретъ, fac simile, свѣдѣнія о его жизни и значеніи и всё написанное о нёмъ въ разныхъ періодическихъ и другихъ изданіяхъ. Двѣ части. Спб. 1858.

Стихотворенія Языкова были въ своё время предметомъ самаго оживлённаго спора между его хвалителями и порицателями. Большинство критическихъ статей о Языковѣ, какъ поэтѣ, напечатанныхъ въ разныхъ журналахъ, не исключая и статьи Бѣлинскаго, помѣщённой въ 1-й книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ" на 1845 годъ, отличаются самымъ крайнимъ задоромъ и несомнѣннымъ пристрастіемъ. Но приводя ихъ здѣсь, мы заключимъ нашъ обзоръ поэтической дѣятельности Языкова отзывомъ о нёмъ его издателя и біографа, покойнаго профессора Перевлѣсскаго:

„Поэзія юности была вдохновительницею его пѣсенъ, была главнымъ мотивомъ его стихотвореній; такой строй лиры слышится особенно въ пьесахъ дерптскаго періода жизни поэта. Отсюда понятно, почему между его стихотвореніями въ такомъ обиліи встрѣчаются пѣсни анакреонтическія и дружественныя посланія. Но сколько бойкости, живости, силы и разгула блещетъ въ его стихотвореніяхъ анакреонтическихъ! Какою теплотой, искренностью проникнуты его посланія и какъ часто въ нихъ, кромѣ своихъ личныхъ отношеній къ друзьямъ, поэтъ умѣетъ высказать намъ многое, чтó составляетъ не уединённый, исключительный интересъ кружкà, но интересъ общій, важный для всѣхъ и каждаго!... Съ переселенія изъ Дерпта въ Москву, во время его странствій по цѣлебнымъ водамъ, въ годы тяжкихъ страданій отъ сокрушительнаго недуга, разгульный строй его лиры нерѣдко мѣнялся на важный и торжественный; вмѣсто игривыхъ, разудалыхъ пѣсенокъ слышались спокойныя, величавыя и благоговѣйныя пѣснопѣнія отчизнѣ и религіи. И эти патріотическія и религіозныя пѣснопѣнія ближе знакомятъ насъ со всею силой могучаго таланта Языкова, и невольно заставляютъ грустить о его ранней смерти. Поэзія Языкова не представляетъ намъ роскошнаго богатства и плѣнительнаго разнообразія въ своёмъ содержаніи: это—ея существенный недостатокъ. За то внѣшняя сторона ея — стихъ, полный неподдѣльной красоты, составляетъ гордость музы Языкова. Гармонія, сила, музыка стиховъ слышатся всюду въ его твореніяхъ: это признаютъ за нимъ всѣ единогласно, даже порицатели его. Чтò бы ни избралъ предметомъ своего стихотворенія — разгульную ли пирушку, картину ли природы, историческое событіе или священную былину — Языковъ вездѣ является чуднымъ мастеромъ стиха и великимъ художникомъ слова".

I.

ГЕНІЙ.

Когда, гремя и пламенѣя,
Пророкъ на небо улеталъ—
Огонь могучій проникалъ
Живую душу Елисея:
Святыми чувствами полна,
Мужала, крѣпла, возвышалась
И вдохновеньемъ озарялась,
И Бога слышала она.

Такъ геній радостно трепещетъ,
Своё величье познаётъ,
Когда предъ нимъ гремитъ и блещетъ
Иного генія полётъ:
Его воскреснувшая сила
Мгновенно зрѣетъ для чудесъ —
И міру новыя свѣтила
Дѣла избранника небесъ.

II.

КЪ МУЗѢ.

Мой ангелъ милый и прекрасный,
Богиня мужественныхъ думъ!
Ты занимала сладострастно,
Ты нѣжила мой юный умъ.

Служа тебѣ, тобою полный,
Не видѣлъ я, не слышалъ я,
Какъ на пучинѣ бытія
Росли, текли, шумѣли волны.
Ты мнѣ открыла въ тишинѣ
Великій міръ уединенья;
Благообразныя ко мнѣ
Твои слетали вдохновенья:
Твоей прекрасна красотой,
Твоимъ величьемъ величава,
Сама любовь передо мной
Являлась пышная, какъ слава.
И весело мои мечты,
Тобой водимыя, играли,
Тебѣ стихи мои звучали
Живые, свѣтлые, какъ ты.
Такъ разноцвѣтными огнями
Блеститъ рѣчная глубина,
Когда — торжественно-мирна —
Въ одеждѣ, убранной звѣздами,
По поднебесью ночь идётъ
И смотрится въ лазури водъ.

III.

МОЛИТВА

Молю Святое Провидѣнье:
Оставь мнѣ тягостные дни,
Но дай желѣзное терпѣнье,
Но сердце мнѣ окамени!
Пусть, неизмѣненъ, жизни новой
Приду къ таинственнымъ вратамъ,
Какъ Волги валъ бѣлоголовый
Доходитъ цѣлый къ берегамъ!

IV.

ВОДОПАДЪ.

Море блеска, гулъ, удары —
И земля потрясена:
То стеклянная стѣна
О скалы раздроблена;
То бѣгутъ чрезъ крутояры
Многоводной Ніагары
Ширина и глубина.

Вонъ пловецъ! Его отъ брега
Быстриною унесло:
Въ синій сумракъ водобѣга
Упираетъ онъ весло.
Тщетно! бурную стремнину
Онъ не силенъ оттолкнуть;
Далеко его въ пучину
Броситъ каменная круть.

Мирно гибели послушный,
Убралъ онъ своё весло,
Онъ потупилъ равнодушно
Безнадежное чело;
Онъ глядитъ спокойнымъ окомъ —
И къ пучинѣ волнъ и скалъ
Роковымъ своимъ потокомъ
Водопадъ его помчалъ.

Море блеска, гулъ, удары —
И земля потрясена:
То стеклянная стѣна
О скалы раздроблена;
То бѣгутъ чрезъ крутояры
Многоводной Ніагары
Ширина и глубина.

V.

ВЕЧЕРЪ.

Прохладенъ воздухъ былъ; въ стеклѣ спокойныхъ водъ.
Звѣздами убранный лазурный неба сводъ
Свѣтился; тёмные покровы ночи сонной
Струились по коврамъ долины благовонной:
Надъ берегомъ, въ тѣни раскидистыхъ вѣтвей,
И трелилъ, и вздыхалъ, и щёлкалъ соловей.
Тогда между кустовъ, какъ призраки мелькая,
Влюблённый юноша и дѣва молодая
Бродили вдоль рѣки. Казалося, для нихъ
Сей вечеръ нѣжился, такъ сладостенъ и тихъ,
Для нихъ лучами звѣздъ играла водъ равнина,
Для нихъ туманами окрестная долина
Скрывалась, и въ тѣни раскидистыхъ вѣтвей
И трелилъ, и вздыхалъ, и щёлкалъ соловей.

VI.

ПОЭТУ.

Когда съ тобой сроднилось вдохновенье
И сильно имъ твоя трепещетъ грудь,
И видишь ты своё предназначенье,
И знаешь свой благословенный путь;
Когда тебѣ на подвигъ всё готово,
Въ чёмъ на землѣ небесный явенъ даръ —
Могучей мысли свѣтъ и жаръ
И огнедышущее слово —

Иди ты въ міръ: да слышитъ онъ пророка!
Но въ мірѣ будь величественъ и святъ,
Не лобызай сахарныхъ устъ порока
И не проси, и не бери наградъ—
Привѣтно-ли сіяніе денницы,
Ужасенъ-ли судьбины произволъ:
Невиненъ будь, какъ голубица,
Смѣлъ и отваженъ, какъ орёлъ!

И стройные, и сладостные звуки
Поднимутся съ гремящихъ струнъ твоихъ:
Въ тѣхъ звукахъ рабъ свои забудетъ муки,
И царь Саулъ заслушается ихъ —
И жизнію торжественно-высокой
Ты процвѣтёшь — и будетъ вѣкъ свѣтло
Твоё открытое чело,
И зорко пламенное око!

Но если ты похвалъ и наслажденій
Исполнился желаніемъ земнымъ —
Не собирай богатыхъ приношеній
На жертвенникъ предъ Господомъ твоимъ:
Онъ на тебя немилосердно взглянетъ,
Не приметъ жертвъ лукавыхъ; дымъ и громъ
Размечутъ ихъ — и жрецъ отпрянетъ,
Дрожащій страхомъ и стыдомъ.

VII.

ЛИВОНІЯ.

Не встанешь ты изъ вѣковаго праха,
Ты не блеснёшь подъ знаменемъ креста,
Тяжелый мечъ наслѣдниковъ Рорбаха,
Ливоніи прекрасной красота!
Прошла пора твоихъ завоеваній,
Когда въ огняхъ тревоги боевой
Вожди побѣдъ, смирители Казани,
Смирялися, блѣднѣя, предъ тобой!

Но тишина постыднаго забвенья
Не всё, не всё у славы отняла —
И черныя дѣла опустошенья,
И доблести возвышенной дѣла:
Они живутъ для музы пѣснопѣнья,
Для гордости поэтова чела!

Рукою лѣтъ разбитыя громады,
Гдѣ бранная воспитывалась честь,
Гдѣ торжество не вѣдало пощады
И грозную разгорячало месть,
Несмѣлый внукъ ливонца удалого
Глядитъ на вашъ краснорѣчивый прахъ —
И нѣтъ въ груди волненія живого,
И нѣтъ огня въ безсмысленныхъ очахъ.

Таковъ-ли взоръ любимца вдохновенья,
Въ душѣ его такая-ль тишина,
Когда ему, подъ рубищемъ забвенья,
Является святая старина?
Исполненный божественной отрады,
Онъ зритъ въ мечтахъ минувшіе вѣка;
Душа кипитъ; горятъ, яснѣютъ взгляды —
И падаетъ къ струнамъ его рука.

VIII.

ИЗЪ „ПѢСНИ БАЛТІЙСКИМЪ ВОДАМЪ“.

Пою васъ, балтійскія воды: вы краше
Другихъ величайшихъ морей;
Лазурно-широкое зеркало ваше
Свободнѣе, чище, свѣтлѣй;
На нёмъ не крутятся огромныя льдины,
Въ щепы разбивая суда;
На нёмъ не блуждаютъ холмы и долины,
И горы полярнаго льда.
Въ нёмъ нѣтъ плотоядныхъ и лютыхъ чудовищъ
И мерзостныхъ гадовъ морскихъ;
Но много прелестныхъ и милыхъ сокровищъ,
Привалъ янтарей золотыхъ
И рыбы вкуснѣйшей. Балтійскія воды!
На вольной лазури своей
Носили вы часто въ старинные годы
Станицы нормандскихъ ладей;
Слыхали вы пѣсни побѣдныя скальда
И буйные крики войны,
И пѣсню любви удалого Гаральда,
Пѣвца непреклонной княжны.
Носили вы древле и грузы богатства
На Русь изъ Нѣмецкой Земли,
Когда — согражданe ганзейскаго братства —
И Псковъ, и Новгородъ цвѣли.
И нынѣ вы носите грозные флоты:
Нерѣдко въ строю боевомъ
Гуляютъ на васъ громовые оплоты
Столицы, созданной Петромъ.

IX.

КЪ НЯНѢ А. С. ПУШКИНА.

Свѣтъ Родіоновна, забуду-ли тебя?
Въ тѣ дни, какъ сельскую свободу возлюбя,
Я покидалъ для ней и славу, и науки,
И нѣмцевъ, и сей градъ профессоровъ и скуки -

Ты, благодатная хозяйка сѣни той,
Гдѣ Пушкинъ, не сраженъ суровою судьбой,
Презрѣвъ людей молву, ихъ ласки, ихъ измѣны,
Священнодѣйствовалъ при алтарѣ Камены,
Всегда привѣтами сердечной доброты
Встрѣчала ты меня, мнѣ здравствовала ты,
Когда чрезъ длинный рядъ полей подъ зноемъ лѣта
Ходилъ я навѣщать изгнанника-поэта
И мнѣ сопутствовалъ пріятель давній твой,
Ареевыхъ наукъ питомецъ молодой.
Какъ сладостно твоё святое хлѣбосольство
Намъ баловало вкусъ и жажды своевольство!
Съ какимъ радушіемъ—красою древнихъ лѣтъ —
Ты набирала намъ затѣйливый обѣдъ!
Сама и водку намъ, и брашна подавала,
И соты, и плоды, и вина уставляла
На милой тѣснотѣ стариннаго стола!
Ты занимала насъ — добра и весела —
Про стародавнихъ баръ плѣнительнымъ разказомъ:
Мы удивлялися почтеннымъ ихъ проказамъ,
Мы вѣрили тебѣ — и смѣхъ не прерывалъ
Твоихъ безхитростныхъ сужденій и похвалъ;
Свободно говорилъ языкъ словоохотный —
И лёгкіе часы летѣли беззаботно.

X.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЕ.

Всевышній граду Константина
Землетрясенье посылалъ, —
И геллеспонтская пучина,
И берегъ съ грудой горъ и скалъ
Дрожали, и царей палаты,
И храмъ, и циркъ, и гипподромъ,
И стѣнъ градскихъ верхи зубчаты,
И всё поморіе кругомъ.

По всей пространной Византіи,
Въ отверстыхъ храмахъ, Богу силъ
Обильно пѣлися литіи,
И дымъ молитвенныхъ кадилъ
Клубился; люди, страхомъ полны,
Текли передъ Христовъ алтарь:
Сенатъ, синклитъ, народа волны
И самъ благочестивый царь.

Вотще! Ихъ вопли и моленья
Господь во гнѣвѣ отвергалъ, —
И гулъ, и громъ землетрясенья
Не умолкалъ, не умолкалъ.
Тогда невидимая сила
Съ небесъ на землю низошла
И быстро отрока схватила,
И выше облакъ унесла:

И внялъ онъ горнему глаголу
Небесныхъ ликовъ: „Святъ, святъ, святъ!"
И пѣсню ту принёсъ онъ долу,
Священнымъ трепетомъ объятъ.
И церковь тѣ слова святыя
Въ свою молитву приняла —
И той молитвой Византія
Себя отъ гибели спасла.

Такъ ты, поэтъ, въ годину страха
И колебанія земли,
Носись душой превыше праха
И ликамъ ангельскимъ внемли,
И приноси дрожащимъ людямъ
Молитвы съ горней вышины —
Да въ сердце приемъ ихъ и будемъ
Мы нашей вѣрой спасены!

П. А. ПЛЕТНЕВЪ.

Пётръ Александровичъ Плетнёвъ, сынъ бѣднаго сельскаго священника Тверской губерніи, родился 10-го августа 1792 года, въ одинъ годъ съ княземъ Вяземскимъ, Милоновымъ, Ранчемъ, Катенинымъ и Панаевымъ. Воспитывался онъ въ главномъ педагогическомъ институтѣ, и по окончаніи курса въ 1814 году, былъ назначенъ учителемъ въ Екатерининскій институтъ. Прослуживъ восемнадцать лѣтъ преподавателемъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга, Плетнёвъ былъ приглашенъ, въ 1832 году, министерствомъ народнаго просвѣщенія занять каѳедру словесности въ Петербургскомъ университетѣ, съ званіемъ ординарнаго профессора, а въ 1840 году утверждёнъ ректоромъ того же университета. Эту послѣднюю должность Плетнёвъ занималъ въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ, то есть до 30-го ноября 1861 года, когда тяжелая болѣзнь заставила его просить объ увольненіи отъ должности и объ отпускѣ за границу, гдѣ онъ надѣялся получить исцѣленіе отъ поразившаго его недуга.

На литературное поприще вступилъ онъ около 1818 года, напечатавъ нѣсколько стихотвореній и критическихъ статей въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, что вскорѣ сблизило его съ Карамзинымъ и Жуковскимъ, занимавшими въ то время первыя мѣста въ литературѣ и обществѣ. Принад-

лежа къ молодому поколѣнію писателей, онъ дорожилъ, однако, связью съ прошедшимъ и такимъ образомъ сталъ связующимъ звеномъ между настоящею и минувшею, исполненною интереса, эпохою; и тѣ изъ молодыхъ писателей, которые дорожили ея преданіями, не безполезно обращались къ нему для пополненія своихъ познаній о прошедшемъ. Какъ ревностный членъ Вольнаго Общества Любителей Словесности и сотрудникъ „Соревнователя Просвѣщенія", Плетнёвъ вскорѣ сблизился съ новыми литературными дѣятелями: Рылѣевымъ, Бестужевымъ и другими; съ Дельвигомъ же и Баратынскимъ свёлъ тѣсную дружбу, которая повела къ сближенію его съ Пушкинымъ. Впослѣдствіи дружба Плетнёва съ великимъ поэтомъ укрѣпилась ещё болѣе, когда они узнали другъ друга короче и обмѣнялись посланіями, исполненными самой искренней пріязни. Нужно было обладать особенными достоинствами, чтобы въ такой степени, какъ Плетнёвъ, пріобрѣсти уваженіе и довѣріе лучшихъ писателей того времени. Чтобы показать всю важность значенія Плетнёва въ средѣ его знаменитыхъ друзей, достаточно сказать, что Пушкинъ, Дельвигъ и Баратынскій, а впослѣдствіи Жуковскій и Гоголь, весьма часто отдавали на судъ Плетнёва новыя свои произведенія и охотно выслушивали его замѣчанія. Вотъ, напримѣръ, въ какомъ привлекательномъ видѣ изображаетъ Пушкинъ личность Плетнёва въ своёмъ посвященіи ему „Евгенія Онѣгина":

Не мысля гордый свѣтъ забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотѣлъ бы я тебѣ представить
Залогъ достойнѣе тебя,
Достойнѣе души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзіи живой и ясной,
Высокихъ думъ и простоты;
Но такъ и быть — рукой пристрастной
Прими собранье пёстрыхъ главъ,
Полусмѣшныхъ, полупечальныхъ,
Простонародныхъ, идеальныхъ,
Небрежный плодъ моихъ забавъ,
Безсонницъ, лёгкихъ вдохновеній,
Незрѣлыхъ и увядшихъ лѣтъ,
Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ.

„Это—живой портретъ Плетнёва, съ его, можно сказать, младенческою простотой души, чуткою ко всѣмъ очарованіямъ поэзіи", говоритъ Лонгиновъ, приводя вышеприведённыя строки въ своемъ некрологѣ Плетнёва. Плетнёвъ писалъ немного, особенно стихами. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя изъ его стихотвореній отличаются красотами, рѣдкими въ произведеніяхъ второстепенныхъ поэтовъ двадцатыхъ годовъ. Всѣ поэтическія произведенія Плетнёва, относящіяся къ началу его литературной дѣятельности, за исключеніемъ оды „Честь", напечатанной отдѣльной книжкой въ 1820 году, разсѣяны по разнымъ журналамъ и альманахамъ и никогда собраны не были. По смерти Пушкина, въ началѣ 1837 года, Плетнёвъ, совмѣстно съ Жуковскимъ, княземъ Вяземскимъ, княземъ Одоевскимъ и А. А. Краевскимъ, принялъ на себя редакцію „Современника", и исполнялъ эту обязанность до наступленія 1838 года, когда изданіе, не дававшее никакого дохода наслѣдникамъ Пушкина, передано было въ полное владѣніе Плетнёва. Сдѣлавшись единственнымъ обладателемъ журнала, онъ усердно принялся за редакторство—и статьи его стали наполнять страницы „Современника". Въ это время Плетнёвъ уже не писалъ стиховъ, предавшись исключительно ученымъ занятіямъ и критикѣ. Въ теченіе своего девятилѣтняго редакторства, онъ помѣстилъ въ журналѣ около пятидесяти большихъ статей, изъ которыхъ многія, какъ напримѣръ: „Путешествіе по Россіи государя наслѣдника цесаревича", „О литературныхъ утратахъ", „Праздникъ въ честь Крылова", „Перемѣщеніе университета въ Санктпетербургѣ", „А. С. Пушкинъ", „Путешествіе В. А. Жуковскаго по Россіи" и другія—отличаются живымъ современнымъ интересомъ. Какъ критикъ, Плетнёвъ составлялъ полное исключеніе въ средѣ своихъ тогдашнихъ товарищей по ремеслу, ведшихъ отчаянную борьбу между собою. Во всё продолженіе своей критической дѣятельности, Плетнёвъ ни разу не ввязался въ происходившее вокругъ него отчаянное ратоборство, доходившее иногда до забвенія всѣхъ приличій. Преданный весь дѣлу, онъ не оставлялъ безъ вниманія ни одного литературнаго произведенія, носившаго хотя бы и слабый отпечатокъ дарованія, и давалъ у себя пріютъ всякому дѣльному и безпристрастному мнѣнію. Его приговоры новымъ книгамъ бывали, по бо̀льшей части, кратки, но существенны, и никогда не удалялись отъ строгихъ литературныхъ приличій.

Болѣзнь, заставившая Плетнёва просить объ увольненіи его отъ должности ректора, оказалась весьма серіозною. Петербургскіе медики объявили супругѣ Петра Александровича, что единствен-

нымъ средствомъ продлить жизнь больного — можетъ быть переселеніе его въ болѣе тёплый климатъ. Тогда Плетнёвы переселились въ Парижъ. Пребываніе въ Парижѣ, усиленное лѣченіе у первѣйшихъ европейскихъ знаменитостей и трудная операція продлили жизнь Плетнёва на цѣлые два года, но смерть уже стояла у изголовья—и 29-го декабря 1865 года Плетнёва не стало. Тѣло его было перевезёно въ Россію и похоронено на кладбищѣ Александро-Невской лавры.

„По чистотѣ своего характера и нравственному достоинству", говоритъ г. Гротъ: „Плетнёвъ принадлежалъ къ разряду рѣдкихъ явленій, о чёмъ, конечно, засвидѣтельствуетъ множество людей. Болѣе двадцати лѣтъ онъ былъ ректоромъ Петербургскаго университета и ровностью своего обращенія, безпристрастіемъ, благороднымъ и примирительнымъ образомъ дѣйствій умѣлъ снискать общее уваженіе и довѣріе. Съ особеннымъ сочувствіемъ и благодушіемъ относился онъ къ молодёжи: всякій могъ быть увѣренъ, что, обратясь къ нему, найдетъ не только дружескій пріёмъ, но совѣтъ и поддержку, и многіе, признательно помня оказанное имъ вниманіе, навсегда сохранили сношенія съ его домомъ. Литературный талантъ, тонкій эстетическій вкусъ и критическій тактъ, уже около 1820 года, ввели его въ кругъ лучшихъ тогдашнихъ писателей и доставили ему впослѣдствіи почётное порученіе — преподавать русскую словесность нынѣ царствующему Государю Императору и августѣйшимъ сёстрамъ Его Величества. Какъ писатель, Плетнёвъ заслужилъ особенное уваженіе своими критическими и біографическими статьями, которыя всегда останутся образцомъ глубокаго художественнаго пониманія, душевной теплоты и прекраснаго языка".

I.

А. С. ПУШКИНУ.

Я не сержусь на ѣдкій твой упрёкъ:
На нёмъ печать твоей открытой силы—
И, можетъ-быть, взыскательный урокъ
Ослабшія мои возбудитъ крылы.
Твой гордый гнѣвъ, скажу безъ лишнихъ словъ,
Утѣшнѣе хвалы простонародной:
Я узнаю судью моихъ стиховъ,
А не льстеца съ улыбкою холодной.
Притворство—прочь! На поприщѣ моёмъ
Я не свершилъ достойное поэта;
Но мысль моя божественнымъ огнёмъ
Въ минуты думъ не разъ была согрѣта.
Въ набросанныхъ съ небрежностью стихахъ
Ты не ищи любимыхъ мной созданій:
Они живутъ въ несказанныхъ мечтахъ;
Я ихъ храню въ толпѣ моихъ желаній.
Не вырвешь вдругъ изъ сердца вонъ заботъ,
Снѣдающихъ бездѣйственные годы;
Не упредишь судьбы могучей ходъ
И до поры не обоймёшь свободы.
На мнѣ лежитъ властительная цѣпь
Суровыхъ нуждъ, желаній безнадёжныхъ:
Я прохожу уныло жизни степь
И радуюсь средь радостей ничтожныхъ.
Такъ выростетъ случайно дикій цвѣтъ
Подъ сумракомъ безсолнечной дубровы
И, теплотой отрадной не согрѣтъ,
Не распустясь, свой листъ роняетъ новый.
Минётъ-ли срокъ изнеможенью силъ?
Минётъ-ли срокъ заботъ моихъ унылыхъ?
Съ какимъ бы я усиліемъ вступилъ
На путь трудовъ, для сердца вѣчно милыхъ.
Всю жизнь мою я имъ бы отдалъ въ даръ;
Я обнялъ бы мелькнувшія мнѣ тѣни,
Ихъ оживилъ, въ нихъ пролилъ бы мой жаръ
И кончилъ дни средь чистыхъ наслажденій.
Но жизни цѣпь—ты хладно скажешь мнѣ—
Презрительна для гордаго поэта:
Онъ духомъ царь въ забвенной сторонѣ;
Онъ сердцемъ мужъ въ младенческія лѣта.
Я-бъ думалъ такъ: но перенеси меня
Въ тотъ край, гдѣ всё живётъ одушевленьемъ.
Гдѣ мыслію, исполненной огня,
Всѣ дѣлятся, какъ лучшимъ наслажденьемъ;
Гдѣ вѣрный вкусъ торжественно взялъ власть
Надъ мнѣніемъ невѣжества и лести;
Гдѣ передъ нимъ молчитъ слѣпая страсть
И даръ одинъ идётъ дорогой чести.
Тамъ рубище и хижина пѣвца
Безцѣннѣе вельможескаго злата:
Тамъ, изъ оковъ, для славнаго вѣнца
Зовутъ во храмъ гонимаго Торквата.
Ещё бы я въ душѣ безчувственъ былъ
Къ ничтожному невѣжества презрѣнью,
Когда-бъ вполнѣ съ друзьями музъ дѣлилъ
И жребій мой, и жажду къ пѣснопѣнью.
Но я вотще стремлюся къ нимъ душой,
Напрасно жду сердечнаго участья:
Вдали отъ нихъ поставленъ я судьбой
И волею враждебнаго мнѣ счастья.
Межъ тѣмъ, какъ вслѣдъ за днёмъ проходитъ день.

Мой трудъ на нихъ слѣдовъ не налагаетъ—
И медленно съ ступени на ступень
Въ безсиліе мой даръ нереступаетъ.
Невольникъ думъ, невольникъ гордыхъ музъ
И страстію объятый неразлучной,
Я-бъ утомилъ взыскательный ихъ вкусъ
Бесѣдою довѣрчивости скучной.
Къ кому притти отъ жизни отдохнуть,
Оправиться среди дороги зыбкой,
Безъ робости вокругъ себя взглянуть
И передать съ надёжною улыбкой
Простую пѣснь, первоначальный звукъ
Младой души, согрѣтой первымъ чувствомъ,
И по струнамъ движенье робкихъ рукъ,
Не правимыхъ довѣрчивымъ искусствомъ?
Кому сказать: „искусства въ общій кругъ
Какъ братьевъ насъ навѣкъ соединили;
Другъ съ другомъ мы и трудъ свой, и досугъ,
И жребій нашъ съ любовію дѣлили:
Ихъ счастіемъ я счастливъ былъ равно;
Въ моей тоскѣ я видѣлъ ихъ унылыхъ;
Мнѣ въ славѣ ихъ участіе дано:
Я буду жить безсмертіемъ мнѣ милыхъ“.
Напрасно жду. Съ любовію моей
Къ поэзіи, въ душѣ съ тоской глубокой,
Быть-можетъ, я подъ бурей грозныхъ дней
Склонюсь къ землѣ, какъ тополь одинокой.

II.

НОЧЬ.

Задумчивая ночь, смѣнивъ мятежный день,
На всё набросила таинственную тѣнь.
Какъ опустѣлая, забвенная громада,
Весь городъ предо мной. Съ высотъ надъ нимъ
лампада
Безъ блеска, безъ лучей унылая виситъ
И только для небесъ недремлющихъ горитъ.
Ихъ безпредѣльныя, лазурныя равнины
Во тьмѣ освѣщены. Люблю твои картины,
Мерцанье звѣздъ твоихъ, поэзіи страна,
Когда въ полночный часъ межъ нихъ стоитъ луна.
Съ какою жаждою, насытивъ ими очи,
Впиваю въ душу я покой священной ночи!
Весь міръ души моей, созданіе мечты,
Исполненъ въ этотъ мигъ небесной красоты.
Туда въ забвеніи несусь, покинувъ землю,
И здѣсь я не живу, не вижу и не внемлю.

В. И. ТУМАНСКІЙ.

Василій Ивановичъ Туманскій, потомокъ стариннаго малороссійскаго дворянскаго рода, родился 28-го февраля 1802 года, Черниговской губерніи, Глуховскаго уѣзда, въ селѣ Чарторигахъ, въ усадьбѣ своего дѣда, бывшаго генеральнаго писаря Василія Григорьевича Туманскаго. Вскорѣ по его рожденіи, родители его переѣхали на жительство въ село Ананасовку, Полтавской губерніи, Гадячскаго уѣзда, гдѣ маленькій Туманскій и провёлъ всё своё дѣтство, подъ крыломъ матери, женщины до безконечности доброй. Затѣмъ, на тринадцатомъ году, Туманскій былъ опредѣлёнъ въ Харьковскую гимназію, а по смерти матери, послѣдовавшей 14-го августа 1814 года, былъ перемѣщёнъ въ Петербургъ, въ Петропавловское училище (Peter Schule). По успѣшномъ окончаніи полнаго курса наукъ въ этомъ послѣднемъ заведеніи, Василій Ивановичъ отправился для довершенія своего образованія, въ Парижъ и поступилъ вольнымъ слушателемъ въ Collège de France, въ которомъ прослушалъ полный курсъ Кузена, Араго и другихъ извѣстныхъ профессоровъ того времени. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ посвятилъ себя литературной дѣятельности, склонность къ которой почувствовалъ очень рано. Избранный въ члены Вольнаго Общества Россійской Словесности, онъ познакомился съ Крыловымъ, Измайловымъ, Рылѣевымъ, Александромъ и Николаемъ Бестужевыми и другими извѣстными литераторами того времени, съ которыми потомъ состоялъ, до конца ихъ жизни, въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ. Въ 1823 году Туманскій поступилъ на службу въ канцелярію графа М. С. Воронцова, бывшаго въ то время генералъ-губернаторомъ Новороссійскаго края, вслѣдствіе чего долженъ былъ переѣхать на жительство въ Одессу. Въ 1824 году, въ одну изъ поѣздокъ своихъ по службѣ въ Бессарабію, онъ познакомился и сошелся очень близко съ Пушкинымъ и съ тѣхъ поръ состоялъ съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ, какъ это видно изъ писемъ къ нему великаго поэта (хранящихся въ семействѣ Туманскихъ), который посвятилъ ему слѣдующую строфу въ своёмъ „Евгеніи Онѣгинѣ“:

Одессу звучными стихами
Нашъ другъ Туманскій описалъ,
Но онъ пристрастными глазами
Въ то время на неё взиралъ.
Пріѣхавъ, онъ прямымъ поэтомъ

Пошелъ бродить съ своимъ лорнетомъ
Одинъ надъ моремъ — и потомъ
Очаровательнымъ перомъ
Сады одесскіе прославилъ.
Всё хорошо, но дѣло въ томъ,
Что степь нагая тамъ кругомъ:
Кой-гдѣ недавній трудъ заставилъ
Младыя вѣтви въ знойный день
Давать насильственную тѣнь.

Въ 1828 году Туманскій былъ назначенъ состоять при предсѣдателѣ дивановъ Молдавіи и Валахіи, графѣ Паленѣ, по дипломатической части, и находился при нихъ до начала переговоровъ о мирѣ въ Адріанополѣ, когда былъ вызванъ графомъ Дибичемъ, вмѣстѣ съ барономъ Бруновымъ, для участія въ редакціонныхъ трудахъ Адріанопольскаго мирнаго трактата. Затѣмъ, по заключеніи мира, Туманскій состоялъ при графѣ Киселёвѣ, управлявшемъ дѣлами Княжествъ, и числился по азіатскому департаменту министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Въ 1836 году онъ получилъ мѣсто секретаря при нашемъ посольствѣ въ Константинополѣ, а въ 1840 году оставилъ вовсе дипломатическую часть и перешелъ на службу въ Государственный Совѣтъ, гдѣ былъ назначенъ помощникомъ статсъ-секретаря. Въ Государственномъ Совѣтѣ оставался онъ до 1850 года, когда, вслѣдствіе разныхъ непріятностей между нимъ и государственнымъ секретарёмъ Бахтинымъ, онъ счёлъ за лучшее выйти въ отставку и поселиться въ деревнѣ, гдѣ и предался устройству дѣлъ своихъ племянниковъ, Сатиныхъ, и ихъ воспитанію.

Первымъ напечатаннымъ стихотвореніемъ Туманскаго была элегія: „Поле Бородинскаго сраженія“, помѣщённая въ 50 № „Сына Отечества“ на 1817 годъ, съ примѣчаніемъ редактора, что это первый опытъ шестнадцатилѣтняго поэта. Какъ ни слабъ былъ этотъ первый опытъ начинающаго поэта, не мѣшаетъ прибавить, что онъ мало въ чёмъ уступалъ другимъ стихотвореніямъ, печатавшимся на страницахъ той же книжки „Сына Отечества“. За этимъ первымъ опытомъ, на страницахъ того же „Сына Отечества“ и „Благонамѣреннаго“ за 1818 и 1819 года, появляется цѣлый рядъ стихотвореній Туманскаго, такихъ же слабыхъ, какъ и первое. Затѣмъ, на цѣлые два года, муза молодого поэта смолкаетъ и только въ 1822 году стихотворенія его начинаютъ снова появляться на страницахъ „Благонамѣреннаго“, а съ 1823 года, произведенія Василія Ивановича дѣлаются достояніемъ почти всѣхъ журналовъ того времени. Только начиная съ 1825 года, муза Туманскаго начинаетъ возвышать тонъ своей плохо-настроенной лиры, и изъ подъ пера молодого поэта начинаютъ выходить болѣе обдуманныя произведенія; нѣкоторыя изъ нихъ обращаютъ на себя вниманіе знатоковъ и даже заслуживаютъ похвалы Пушкина, цѣнителя весьма строгаго. Укажемъ на лучшія изъ нихъ: „Элегія“ и „Постоянство“ — въ „Полярной Звѣздѣ“ на 1825 годъ, „Греція“ и „Манценилъ“ — въ „Соревнователѣ Просвѣщенія“ (1825, ч. 31), „Болѣзнь“ — въ „Новостяхъ Литературы“ (1825, январь) и „Моя любовь“ — въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1825 годъ. Послѣднее стихотвореніе, независимо отъ своего внутренняго достоинства, замѣчательно ещё тѣмъ, что было два раза перепечатано съ именемъ А. С. Пушкина, сначала въ альманахѣ „Весенніе Цвѣты“ на 1835 годъ и потомъ въ 3-й книжкѣ „Современника“ на 1856 годъ, съ примѣчаніемъ, что этой драгоцѣнной находкой русская публика обязана Г. Н. Эдельсону; впрочемъ, недоразумѣніе было вскорѣ разъяснено въ 58 № „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ того же года, въ статьѣ „Литературная замѣтка“. Стихотвореніе это помѣщено въ нашемъ изданіи. Изъ стихотвореній Туманскаго послѣдующихъ годовъ можно указать, какъ на лучшія, на слѣдующія: „Поэзія“, „Пѣснь любви“, „Памяти Веневитинова“ „Элегія“ („Московскій Вѣстникъ“, 1827, ч. 3 и 4) „Пѣсня“, „Къ лунѣ“ („Славянинъ“ 1828, ч. 7), „Стансы“, „Сѣтованіе“ („Московскій Вѣстникъ“, 1828, ч. 8), „Мысль о югѣ“, „Судьба“ („Сѣверные цвѣты“ на 1830 годъ), „Элегія“, „Имя милое Россіи“, „Мысль о Сѣверѣ“, „Звено“, „Стансы“ („Современникъ“, 1837, т. 7 и 8), „Отрады недуга“, „Люди и судьба“ („Отечественныя Записки“ 1839, №№ 1 и 3), „Дѣва“, „Поэтъ“, „Неаполь—прощай“ и „Жалоба“ („Утренняя Заря“ на 1839 и 1840 годы).

Послѣдніе годы жизни, по оставленіи службы, Туманскій мирно провёлъ въ родовомъ своёмъ имѣніи, въ селѣ Апанасовкѣ. Вскорѣ по выходѣ въ отставку, онъ прослужилъ одно трёхлѣтіе почётнымъ попечителемъ Полтавской гимназіи, которая много обязана ему улучшеніемъ своей библіотеки и физическаго кабинета. Послѣ тяжкой болѣзни, перенесённой имъ въ 1858 году, онъ уже не считалъ себя въ силахъ нести какую-нибудь общественную должность; но когда единодушнымъ избраніемъ дворянства былъ призванъ занять мѣсто члена комитета по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ, то не отказался исполнить общее

желаніе. Туманскій согласился на это избраніе ещё потому, что въ годы, проведённые имъ въ сельской тишинѣ, онъ постоянно былъ занятъ мыслью о необходимости измѣненія отношеній между помѣщиками и ихъ крестьянами. Въ комитетѣ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ онъ былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ дѣятелей его, вслѣдствіе чего былъ избранъ первымъ членомъ редакціонной коммиссіи. Наконецъ, и въ самомъ „Проэктѣ положенія объ улучшеніи быта крестьянъ Полтавской губерніи“ онъ много способствовалъ ясности и сжатости изложенія его основъ. По окончаніи занятій комитета, Василій Ивановичъ былъ избранъ единогласно депутатомъ въ Петербургъ для представленія „Проэкта положенія“; но, по слабости своего здоровья, онъ принуждёнъ былъ отказаться отъ этого лестнаго для него выбора, и остался въ своей деревнѣ, гдѣ и скончался 23-го марта 1860 года.

Туманскій писалъ не много и того менѣе печаталъ, но послѣднія его поэтическія произведенія обличаютъ въ нёмъ несомнѣнный талантъ, чтó признавалъ и Пушкинъ, строгій цѣнитель. По желанію императора Николая Павловича, составлена была имъ исторія Государственнаго Совѣта; но это любопытное сочиненіе, къ сожалѣнію, не было напечатано.

I.

ЗВЕНО.

Былыхъ страстей, былыхъ желаній
Пересмотрѣлъ я старину;
Всю цѣпь моихъ воспоминаній
Я подобралъ звено къ звену.

Какою яркою печатью
Сверкаетъ каждое звено!
Но чувство тихой благодатью
Меня проникло лишь одно.

Ахъ, то звено поры прекрасной,
Поры надеждъ и чистоты,
Поры задумчивости ясной
И цѣломудренной мечты!

И я изъ цѣпи разноцвѣтной
Исторгнулъ милое звено,
Чтобъ въ грустный часъ, какъ лучъ завѣтный,
Оно свѣтило мнѣ одно.

II.

МЫСЛЬ О ЮГѢ.

Я залелѣянъ югомъ, югомъ,
Яснымъ небомъ избалованъ;
Къ югу, югу вѣрной думой,
Словно цѣпью, я прикованъ.

Посмотри: тамъ волны моря
Бьются, плещутъ, голубыя,
Всѣ осыпанныя блескомъ,
Какъ надежды молодыя!

Посмотри: тамъ пирамиды —
Тополь въ виноградныхъ лозахъ!
Вкругъ фонтана вьются розы,
И балконъ алѣетъ въ розахъ!

Посмотри: тамъ чудо-очи,
Чудо-очи съ долгимъ взоромъ,
Съ огнедышущей любовью,
Съ огнедышущимъ укоромъ!

Тамъ гармонія, сіянье,
Благовонье, наслажденье:
Сѣверъ гордый! сѣверъ гордый!
Что жъ ты дашь мнѣ въ утѣшенье?

III.

МЫСЛЬ О СѢВЕРѢ.

Морозная ночь, полнолунная ночь!
Блескъ неба и снѣга вокругъ!
„Пѣвецъ! простодушныхъ друзей не морочь:
А югъ твой, а пѣсни про югъ?“
Мой демонъ, молчи! вѣщихъ струнъ не порочь:
Мысль сердца, какъ птица, вольна.
Морозная ночь, полнолунная ночь!
Какъ весело: снѣгъ и луна!

Любуйся: ужъ дымъ не ложится на долъ,
Надъ кровлей не вьётся вѣнцомъ:
Онъ бѣлъ и легокъ; какъ пророка глаголъ,
Онъ къ небу восходитъ столбомъ.
Любуйся: вдоль улицъ въ рѣшетчатый сводъ
Не льётся ручей дождевой;
Тамъ, словно сребро, до боярскихъ воротъ
Разостланъ ковёръ снѣговой.

На воздухъ, на воздухъ! Изъ хатъ, изъ палатъ
Дѣтей своихъ кличетъ морозъ.
Вотъ онъ, нашъ кормилецъ! какъ щеки горятъ —
Весеннихъ румянѣе розъ!

Какая отвага и удаль въ очахъ!
Льдяная нагайка въ рукѣ —
И прянулъ онъ въ сани и мчится въ саняхъ
На бурномъ гнѣдомъ рысакѣ.

О, родина, въ снѣжныхъ сугробахъ играй,
На зло полуночной судьбѣ!
Безъ роскоши солнца, безъ нѣги твой край;
Народъ твой съ природой въ борьбѣ:
Но крѣпость и волю даруетъ борьба,
Но духъ возвышаетъ она.
Морозная ночь, полнолунная ночь,
Ты силъ богатырскихъ полна!

IV.

МОЯ ЛЮБОВЬ.

За днями дни бѣгутъ толпой,
Слѣдовъ ихъ сердце не находитъ;
Но, другъ безцѣнный, образъ твой
Понынѣ властвуетъ душой
И съ памяти моей не сходитъ.

Я посѣщалъ прекрасный край:
Тамъ ухо ропотъ моря слышетъ,
Безвнойно долго свѣтитъ май,
И человѣку тихій рай
Въ тѣни оливъ и лавровъ дышитъ.

Тамъ, нѣжась въ лѣни и мечтахъ,
Въ часъ лунныхъ сладостныхъ тумановъ,
Какъ-будто видишь на горахъ —
Вокругъ мечетей, на гробахъ —
Блуждающія тѣни хановъ:

Тамъ жены, тайно, сквозь покровъ,
Назвавъ себя, лукавымъ взглядомъ
Манятъ счастливыхъ пришлецовъ
На мягкій одръ, на пухъ ковровъ —
Въ гаремъ, увитый виноградомъ.

Но въ той странѣ, на брегѣ томъ,
Къ инымъ занятіямъ остылый,
Безъ цѣли, странствуя кругомъ,
Мечталъ, грустилъ я объ одномъ,
Всё о тебѣ, мой ангелъ милый!

Какъ ночью пѣсня соловья,
Какъ плѣннику родные звуки
На брегѣ чуждаго ручья,
Отрадна мнѣ любовь твоя,
Сліянье нѣги, счастья, муки.

Люблю: любовь потребна мнѣ!
Я услаждёнъ, утѣшенъ ею!
Наскучу-ль жизнью въ тишинѣ,
Мнѣ милый ликъ блеснётъ во снѣ,
И вновь я къ жизни пламенѣю.

Ѳ. А. ТУМАНСКІЙ.

Ѳёдоръ Антоновичъ Туманскій, двоюродный братъ Василія Ивановича Туманскаго и его сверстникъ, родился въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Малороссіи. Онъ получилъ воспитаніе въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, въ которомъ окончилъ курсъ ещё до преобразованія, въ 1818 году, этого учрежденія, по образцу лицеевъ, то-есть ещё тогда, когда пансіонеры въ нёмъ только приготовлялись къ университетскому курсу, а оканчивали образованіе въ университетѣ, продолжая оставаться въ пансіонѣ, на попеченіи пансіоннаго начальства въ воспитательномъ отношеніи. Туманскій писалъ очень мало, и въ печати явилось всего восемь его стихотвореній. Всѣ они были напечатаны въ альманахѣ „Сѣверные Цвѣты“ барона Дельвига, и расположены по годамъ въ слѣдующемъ порядкѣ: въ 1825 году — „Я не былъ счастьемъ избалованъ“, въ 1826 — „Элегія“, „Къ увядающей красавицѣ“, „Молитва“ и „Элегія“, въ 1827 — „18-е апрѣля“ и „Птичка“, лучшее его стихотвореніе, и, наконецъ, въ 1830 году — „Родина“. Всѣ названныя стихотворенія носятъ на себѣ несомнѣнную печать таланта.

Ѳёдоръ Антоновичъ и въ обществѣ былъ такъ же молчаливъ, какъ его муза на Парнасѣ. Въ самомъ интимномъ кружкѣ онъ рѣдко, бывало, проронитъ слово; но если разъ это слово выходило изъ его устъ, оно никогда не оказывалось пустымъ. Разсказываютъ, что Баратынскій и Дельвигъ, прогуливаясь однажды по Невскому, безъ гроша въ карманѣ, разсуждали о томъ, гдѣ они будутъ обѣдать. На встрѣчу имъ попался Туманскій, такой же безпечный въ отношеніи всего житейскаго, какъ они. Поздоровавшись съ нимъ, оба поэта предложили ему вопросъ, гдѣ онъ обѣдаетъ сегодня. Туманскій поднялъ глаза къ нему и, указывая на него пальцемъ, отвѣчалъ торжественно: „chez le grand Restaurateur!“

Служилъ Туманскій по министерству иностранныхъ дѣлъ и въ двадцатыхъ годахъ былъ консуломъ въ Яссахъ, откуда часто пріѣзжалъ въ Кишинёвъ и видѣлся съ Пушкинымъ. Къ этому-то

времени относится и извѣстный „Отвѣтъ Ѳ. А. Туманскому“, написанный Пушкинымъ въ Кишинёвѣ, по прочтеніи одного изъ стихотвореній Ѳеодора Антоновича:

Нѣтъ, не черкешенка она:
Но въ долы Грузіи отъ вѣка
Такая дѣва не сошла
Съ высотъ угрюмаго Казбека.

Нѣтъ, не агатъ въ глазахъ у ней:
Но всѣ сокровища Востока
Не стоятъ сладостныхъ лучей
Ея полуденнаго ока.

Послѣдніе годы своей жизни Туманскій провёлъ въ Бѣлградѣ, куда назначенъ былъ консуломъ и гдѣ скончался 5-го іюля 1853 года.

I.

ПТИЧКА.

Вчера я растворилъ темницу
Воздушной плѣнницы моёй:
Я рощамъ возвратилъ пѣвицу,
Я возвратилъ свободу ей.

Она исчезла, утопая
Въ сіяньи голубого дня,
И такъ запѣла, улетая,
Какъ бы молилась за меня.

II.

А. С. ПУШКИНУ.

Ещё въ младенческія лѣта
Любилъ онъ пѣсенъ дивный даръ,
И не потухнулъ въ шумѣ свѣта
Его души небесный жаръ.
Не измѣнилъ онъ назначенью,
Главы предъ рокомъ не склонялъ
И, вѣрный тайному влеченью,
Онъ надъ судьбой торжествовалъ.
Подъ бурями, въ глуши изгнанья,
Вмѣщая міръ въ себѣ одномъ,
Младое сѣмя дарованья,
Какъ пышный цвѣтъ, созрѣло въ нёмъ.
Онъ пѣлъ въ степяхъ, подъ игомъ скуки
Влача свой страннический вѣкъ —
И на плѣнительные звуки
Стекались нимфы чуждыхъ рѣкъ.
Внимая пѣснопѣньямъ славнымъ,
Пришельца въ лавры облекли —
И въ упоеньи нарекли
Его пѣвцомъ самодержавнымъ.

В. А. ТЕПЛЯКОВЪ.

Викторъ Алексѣевичъ Тепляковъ родился въ достаточной дворянской семьѣ, въ самомъ началѣ текущаго столѣтія. Получивъ хорошее для своего времени образованіе, онъ поступилъ на службу въ министерство Иностранныхъ Дѣлъ, въ которомъ и продолжалъ служить до самой смерти, то состоя при нашемъ посольствѣ въ Константинополѣ, то занимая мѣсто вице-консула въ княжествахъ Молдавіи и Валахіи, или въ одномъ изъ портовыхъ городовъ Турціи. Тепляковъ былъ человѣкъ очень умный и образованный, и, притомъ, весьма добрый, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, большой оригиналъ. Такъ, напримѣръ, онъ постоянно носилъ какое-то страннаго покроя коричневое пальто, въ родѣ мѣшка, сильно-помятую шляпу, или *шапку-невидимку*, какъ онъ называлъ свой незатѣйливый головной уборъ, и никогда не разставался съ желѣзною палкой, фунтовъ въ десять вѣсомъ, съ надписью memento mori (помни часъ смерти). Кромѣ того, онъ не любилъ жить на одномъ мѣстѣ, и потому его легко было встрѣтить то гуляющимъ по Одессѣ или Кишинёву, то блуждающимъ въ степяхъ Бессарабіи или Молдавіи, то плывущимъ по Черному морю въ Константинополь, то направляющимъ свой путь къ берегамъ Кавказа или Крыма. Во время пребыванія его въ Кишинёвѣ, по обязанностямъ службы, съ 1820 — по 1824 годъ, Тепляковъ познакомился и сошелся съ Пушкинымъ, присланнымъ туда на жительство, и былъ во всё время пребыванія великаго поэта въ этомъ городѣ постояннымъ его собесѣдникомъ и спутникомъ въ прогулкахъ зà городъ. Вотъ, напримѣръ, чтó пишетъ Тепляковъ въ своихъ „Запискахъ“, подъ 3-мъ апрѣлемъ 1821 года: „Вечеръ былъ прекрасный. Я надѣлъ шапку-невидимку, взялъ memento mori и отправился зà городъ. Черезъ огороды и плетни, я вышелъ на просторъ—и предо мною открылась степь, пересѣкаемая тощимъ и болотистымъ Бычкомъ. На другой сторонѣ рѣчки я увидѣлъ Пушкина: онъ спѣшилъ ко мнѣ. „Послушай, Тепляковъ! гдѣ ты бродишь: я тебя ищу три часа!“ закричалъ мнѣ Пушкинъ сердито. „Но, постой, я перейду къ тебѣ!“ И въ одно мгновенье Пушкинъ разбѣжался, перескочилъ черезъ узкій Бычокъ и завязъ по колѣна въ болотѣ. „Что за проклятая Бессарабія!“ вскричалъ съ сердцемъ Пушкинъ, выходя съ трудомъ, съ помощью моей, изъ болота. „Куда какъ хорошъ!“ продолжалъ онъ, оглядывая себя: „въ грязи, запачканный, съ душою гадкою, мерзкою.... Знаешь

ли, Тепляковъ, вѣдь, я сегодня снова поколотилъ этого гадкаго молдавашку, Бузню. Чтó за чортъ этотъ Бузня, а не человѣкъ! Но, признаться, дружище, я и самъ виняватъ, обидѣвъ ни за что человѣка; погорячился, сунулъ ему дулю въ носъ—и пошла потѣха. Надо поправить свои грѣхи. Пойдёмъ, Мельмотъ, къ Бузнѣ: я извинюсь передъ нимъ; онъ человѣкъ бѣдный, куча дѣтей; я же передъ нимъ виноватъ. О молодость! о арабская кровь!" Мы пошли къ Бузнѣ, но не застали дома: Бузня отправился къ Ивану Никитичу *) жаловаться.

„4-го апрѣля. Утромъ я былъ у Пушкина. Онъ сидѣлъ подъ арестомъ въ своей квартирѣ; у дверей стоялъ часовой. „Здравствуй, Тепляковъ! спасибо, что посѣтилъ арестанта. По дѣлòмъ мнѣ. Что за добрая, благородная душа у Ивана Никитича! Каждый день я чтò-нибудь напрокажу: Иванъ Никитичъ отечески пожурптъ меня, отечески накажетъ — и черезъ день всё забылъ. Скотина я, а не человѣкъ! Вчера вечеромъ я арестованъ, а сегодня рано утромъ Иванъ Никитичъ прислалъ узнать о моёмъ здоровьѣ, доставилъ мнѣ получённыя изъ Петербурга на моё имя письма и послѣднія книжки „Благонамѣреннаго". Добрая, благочестивая душа! Дай Богъ много лѣтъ здравствовать Ивану Никитичу! Садись, дружище. Будемъ читать письма и просмотримъ „Благонамѣренный"... И разбирая „Благонамѣреннаго", онъ отъ души смѣялся надъ виршами нашихъ стихотворцевъ".

Пушкинъ любилъ Теплякова и, въ шутку, называлъ его Мельмотомъ-Скитальцемъ, чтó, какъ нельзя болѣе, шло къ нему, такъ-какъ вся жизнь его прошла въ скитаньяхъ по бѣлому свѣту, о чёмъ было уже нами сказано выше. Начиная съ 1826 года, скитанья эти приняли до того широкіе размѣры, что даже слѣдить за ними стало затруднительно, и друзья его часто по году не знали, гдѣ онъ находится въ данную минуту. Такъ, въ 1827 году, мы встрѣчаемъ его снова въ Кишинёвѣ, въ 1828—въ Одессѣ, въ 1829—въ Болгаріи, гдѣ онъ сопровождаетъ побѣдоносную русскую армію въ званіи дипломатическаго агента, въ 1831—въ Петербургѣ, въ 1836—въ Константинополѣ, въ 1837—въ Аѳинахъ, куда отправляется въ качествѣ дипломатическаго курьера, и, наконецъ, въ 1838 году—въ Парижѣ, гдѣ умираетъ.

Первыя произведенія ещё не окрѣпнувшей музы Теплякова, напечатанныя въ разныхъ альманахахъ и журналахъ двадцатыхъ годовъ, не представляютъ ничего достойнаго вниманія; за то, начиная съ 1830 года, нѣкоторыя изъ его стихотвореній, какъ напримѣръ: „Странникъ", „Первая Ѳракійская элегія", „Современное благополучіе", „Румелійская пѣсня", „Жестокій призракъ" и „Пріятно предъ роднымъ пенатомъ", напечатанныя въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" на 1830—1832 года, обратили на себя вниманіе публики, особенно „Ѳракійская элегія". Затѣмъ Тепляковъ собралъ свои стихотворенія, разсѣянныя по разнымъ періодическимъ изданіямъ, и издалъ ихъ отдѣльной книжкой въ 1832 году, подъ заглавіемъ: „Стихотворенія Виктора Теплякова". Въ 1834 году вышли въ свѣтъ его „Письма изъ Болгаріи", но вскорѣ, никѣмъ не замѣченныя, канули въ вѣчность. Наконецъ, въ 1836 году, вышло изъ печати лучшее произведеніе Теплякова: „Ѳракійскія элегіи", отрывки изъ которыхъ были напечатаны прежде и заслужили автору общія похвалы. Самъ Пушкинъ, уважавшій поэтическій талантъ Теплякова, привѣтствовалъ ихъ появленіе статьею въ первомъ томѣ своего „Современника", въ которой, между прочимъ, было сказано, по хвалебномъ разборѣ нѣкоторыхъ изъ „Ѳракійскихъ элегій", что „если бы г. Тепляковъ ничего другого не написалъ, кромѣ элегіи „Одиночество" и станса „Любовь и ненависть", то и тутъ занялъ бы онъ почётное мѣсто между нашими поэтами".

Послѣднимъ произведеніемъ Теплякова, напечатаннымъ имъ при жизни, была небольшая статья: „Вѣсти съ Востока", помѣщённая въ 30 № „Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду" на 1837 годъ, а послѣднимъ его сочиненіемъ, появившимся въ печати, была большая статья „Сарай-Бурну", появившаяся уже послѣ его смерти въ „Отечественныхъ Запискахъ" (1843, т. XXXI, №№ 11 и 12, отд. II, стр. 12 и 35).

Тепляковъ скончался въ Парижѣ въ 1838 году оставивъ по себѣ память добраго человѣка и даровитаго поэта. Тѣло его погребено на Монмартрскомъ кладбищѣ, въ Парижѣ, гдѣ надъ нимъ возвышается скромный памятникъ.

I.

КАВКАЗЪ.

Отчизна горъ въ моихъ очахъ,
Окаменѣлые гиганты предо мною;
Громады мрачныя, какъ будто на часахъ
Стоятъ гранитною стѣною:

*) Генералу Инзову.

Въ вѣнцѣ изъ тёмнаго кустарника одна,
Зелёнымъ бисеромъ унизана другая;
Тамъ — голыхъ скалъ семья чернѣетъ вѣковая.
Надъ ней волнистыхъ тучъ клубится пелена;
Подъ тяжкими ея стопами
Вокругъ богатыми махровыми коврами
Луга холмистые лежатъ.
На нихъ, изъ сердца горъ, кипучіе фонтаны,
Бушуя, серебромъ растопленнымъ летятъ;
Въ гранитныхъ броняхъ великаны,
Склонясь на пропасти, ихъ грозно сторожатъ,
И тихо рѣчка голубая,
Змѣёй сапфирною утёсы обвивая,
Журчитъ межъ каменныхъ стремнинъ.
Но кто сей мрачный властелинъ?
Иль зáмокъ мрачнаго громадъ сихъ властелина?
Огромный, съ башнями зубчатыми дворецъ;
Рядъ острыхъ скалъ — его вѣнецъ,
Сѣдая дымка тучъ — одежда исполина.
Ты-ль, пасмурный Бешту, колоссъ сторожевой,
Въ туманѣ облаковъ чело своё скрывая,
Горъ пятиглавый царь, чернѣешь предо мной
Въ дали, какъ туча громовая?
Такъ, такъ, ужъ не во снѣ я новый зрю Парнассъ!
Ужъ не восторженный богинею разсказа,
О, люди, здѣсь я выше васъ
Всей дивной вышиной Кавказа!
Здѣсь, на скалахъ Бешту, въ утробѣ сихъ громадъ—
Въ чертогахъ матери-природы,
Здѣсь, гдѣ гранитные ихъ своды
Со мною о вѣкахъ минувшихъ говорятъ!
Проснитесь, спящіе подъ ихъ навѣсомъ годы!
Вѣщай, отчизна горъ, которая скала
Кровь Прометееву пила?
Скажи, какъ онъ страданій вѣчность,
Неволи горькой безконечность
За дружбу къ смертному сносилъ?
И никогда душой высокой
Глухую непреклонность рока
О примиреньи не молилъ?
Но посмотрите, какъ съ востока
Завѣса палевыхъ, свинцовыхъ облаковъ
Свернулась, движется, сбѣгаетъ —
И что-жъ? — За нею міръ духовъ,
Изъ перловъ созданный, мелькаетъ!
Я вижу зданія янтарныхъ городовъ,
Покрытыхъ тонкими изъ снѣга кружевами;
ТамъСфинксы дивные, тамъ странныхъ ликовъ рядъ:
Изида, Озирисъ — живой хрустальный садъ
Въ туманѣ розовомъ сліялись съ небесами!
Но ты, Эльбрусъ, ты, будто конь сѣдой,
На коемъ смерть предстанетъ міру,
Къ свѣтилу вѣчному, къ далёкому эѳиру
Вознёсся снѣжною главой!
Ровесникъ міра величавый,
Какой орёлъ взлеталъ на твой вѣнецъ двуглавый!
Всемірный океанъ тебя не поглотилъ:
Твой верхъ, какъ мавзолей надменный,
Бѣлѣлъ надъ влажною могилою вселенной,
И первой пристанью любимцу Неба былъ!
Ты видѣлъ, какъ на міръ тотъ ураганъ могучій
Своихъ несмѣтныхъ силъ мчалъ громовыя тучи;
Ты слышалъ вой ихъ стрѣлъ, ихъ бурной Керны гласъ!
Но страшный метеоръ угасъ,—
И силы грознаго — дымъ, пепла прахъ летучій!
О, вы, которыхъ всѣ мечты
Къ землѣ продажною прикованы душою,
Рабы ничтожной суеты,
Придите съ дикою громадъ сихъ красотою
Кумиръ души своей сравнить!
Но нѣтъ! Пигмеямъ ли о мелкихъ ихъ заботахъ,
О ихъ тщеславіи, о хладныхъ ихъ разсчётахъ
Съ престолами громовъ небесныхъ говорить!
Степей обширною темницей утомлённый,
Какъ радостно, отчизна горъ,
Мой на тебя открылся взоръ!
Восторженный, обвороженный
Красой твоихъ пустынныхъ скалъ,
Какъ часто въ дикіе дедалы
Я на залётномъ ихъ питомцѣ проникалъ!
Какъ часто пировать въ порфировыя залы
Чадъ Эпикуровыхъ сбиралася семья!
Но вы ужъ скрылися, счастливые друзья,
Какъ это солнце золотое,
Какъ это небо голубое,
Какъ эта тёплая кавказская весна!
Какъ ты мертва теперь, пустынная страна,
Какъ молчалива ты! лишь вѣтръ въ ущельяхъ, мшистыхъ
Трепещетъ — и съ вершинъ кремнистыхъ
Отъ скалъ отторженный гранитъ
Въ глухія пропасти катитъ.

II.

ИЗЪ „ѲРАКІЙСКИХЪ ЭЛЕГІЙ“.

ОТПЛЫТІЕ.

Плывёмъ. Блѣднѣетъ день; бѣгутъ брега родные,
Златой струится блескъ по синему пути.

Прости, земля! прости, Россія!
Прости, о родина, прости!
Безумецъ, чтò за грусть? Въ минуту разлученья,
Чьи слёзы ты лобзалъ на берегу родномъ?
Чьи слышалъ ты благословенья?
Одно минувшее—мудрёнымъ, тяжкимъ сномъ—
Въ тотъ мигъ душѣ твоей мелькало,
И юности твоей избитый бурей челнъ
И бездны передъ ней отверстыя казало.
Пусть такъ; но грустно мнѣ! Какъ плескъ угрюмыхъ волнъ
Печально въ сердцѣ раздаётся!
Какъ быстро мой корабль въ чужую даль несётся!
О, лютня странника, святой отъ грусти щитъ,
Приди, подруга думъ завѣтныхъ!
Пусть въ каждомъ звукѣ струнъ привѣтныхъ
Къ тебѣ душа моя, о родина, летитъ!

Пускай на юность ты мою
Вѣнецъ терновый наложила.
О, мать, душа не позабыла
Любовь старинную твою!
Теперь—сны сердца прочь летите!
Къ отчизнѣ душу не маните:
Тамъ никому меня не жаль.
Синѣй, синѣй, чужая даль!
Сѣдыя волны, не дремлите!
Какъ жадно вольной грудью я
Пью безпредѣльности дыханье!
Лазурный міръ, въ твоёмъ сіяньи
Сгараетъ, тонетъ мысль моя!
Шумите, паруса, шумите!
Мечты о родинѣ—молчите:
Тамъ никому меня не жаль.
Синѣй, синѣй, чужая даль!
Сѣдыя волны, не дремлите!

Увижу я страну боговъ;
Краснорѣчивый прахъ открою—
И зашумитъ передо мною
Рой незапамятныхъ вѣковъ.
Гуляйте жъ, вѣтры—не молчите!
Утёсы родины, простите!
Тамъ никому меня не жаль,
Синѣй, синѣй, чужая даль!
Сѣдые волны, не дремлите!

Онѣ кипятъ, онѣ шумятъ—
И нѣтъ ужъ родины на дальнемъ небосклонѣ:
Лишь точка слабая, ея послѣдній взглядъ,
Блѣднѣетъ и, дрожа, въ вечернемъ тонетъ злато.
На смѣну солнечнымъ лучамъ,
Мелькая странными своими головами,
Колоссы мрачные свинцовыми рядами
Съ небесъ къ темнѣющимъ спускаются зыбямъ.
Спустились. День погасъ; нѣтъ звѣздъ па ризѣ ночи;
Глубокій мракъ надъ кораблёмъ;
И вотъ ужъ непримѣтнымъ сномъ
На тихой палубѣ пловцовъ сомкнулись очи.
Всё спитъ—лишь у руля матросъ сторожевой
О дальней родинѣ тихонько напѣваетъ,
Иль, кончивъ срокъ урочный свой,
Звонкомъ товарища на смѣну пробуждаетъ.
Лишь странница-волна, взмутясь въ дали нѣмой,
Какъ призракъ въ саванѣ, колѣнопреклонённый,
Надъ спящей бездною встаётъ,
Простонетъ надъ пучиной водъ
И разсыпается по влагѣ опѣнённой.
Такъ перси юности живой
Надежда гордая вздымаетъ;
Такъ идеалъ ея святой
Душа, пресытившись мечтой,
Въ своей пустынѣ разбиваетъ.
Но полно! чтò нашъ идеалъ?
Любовь-ли, дружба-ли, прелестница-ли слава?
Сосудъ Цирцеи—ихъ фіалъ:
Въ нёмъ скрыта горькая отрава.
И мнѣ-ль вздыхать о нихъ, когда въ сей мигъ орломъ,
Надъ царствомъ шумныхъ волнъ крылами думъ носимый,
Паритъ мой смѣлый духъ, какъ вѣтръ неукротимый,
Какъ яркая звѣзда въ эѳирѣ голубомъ.
Толпы безсмысленной хвалы иль порицанья,
Объ васъ-ли въ этотъ мигъ душѣ воспоминать!
Объ васъ-ли сердцу тосковать,
Измѣны ласковой коварныя лобзанья!
Нѣтъ, быстрый мой корабль, по синему пути
Лети стрѣлой въ страны чужія!
Прости, далёкая Россія!
Прости, о родина, прости!

Д. В. ВЕНЕВИТИНОВЪ.

Дмитрій Владимировичъ Веневитиновъ, потомокъ древняго дворянскаго рода, родился 14-го сентября 1805 года въ Москвѣ. Потерявъ отца ещё во время своего младенчества, онъ остался на рукахъ матери, благодаря заботливости которой, получилъ очень хорошее домашнее воспитаніе, подъ надзоромъ умнаго и образованнаго наставника, плѣннаго капитана французской службы Дорера. Четырнадцати лѣтъ Веневитиновъ уже хорошо по-

нималъ Софокла и Эсхила и не разставался съ Гораціемъ, которымъ пользовался, какъ матеріаломъ при сочиненіи первыхъ своихъ стихотвореній. Изъ русскихъ писателей, онъ познакомился прежде всего съ Карамзинымъ—и „Исторія Государства Россійскаго“ сдѣлалась его настольною книгою. Изъ юношескихъ стихотвореній Веневитинова сохранилось всего два: первое (переводъ изъ Виргиліевыхъ „Георгикъ“), написанное на четырнадцатомъ году, а второе (посланіе „Къ друзьямъ“), написанное лѣтъ шестнадцати. Обѣ пьесы отличаются замѣчательною правильностью и звучностью стиха, какою въ то время не могли похвалиться и записные наши поэты. Для доказательства—вотъ первыя строфы обоихъ стихотвореній:

I.

О, Фебъ, тебя-ль дерзнемъ обманчивымъ назвать?
Не твой-ли быстрый взоръ умѣетъ проникать
До глубины сердецъ, гдѣ возникаютъ мщенья
И злобы буйныя, но тайныя волненья

II.

Пусть искатель гордой славы
Жертвуетъ покоемъ ей!
Пусть летитъ онъ въ бой кровавый
За толпой богатырей!
Но надменными вѣнцами
Не прельщенъ пѣвецъ лѣсов:
Я счастливъ и безъ вѣнцовъ,
Съ лирой, съ вѣрными друзьями.

Семнадцати лѣтъ Веневитиновъ записался въ число вольнослушающихъ Московскаго университета и сталъ ревностно посѣщать лекціи профессоровъ М. Г. Павлова и А. Ѳ. Мерзлякова, особенно послѣдняго, педагогическія бесѣды котораго были открыты для всѣхъ желающихъ. Вліяніе лекцій Мерзлякова на воспріимчивый умъ молодого поэта выразилось, между-прочимъ, и въ самомъ направленіи поэтическихъ его произведеній, относящихся къ этому времени *). Университетскія занятія Веневитинова продолжались два года и шли такъ успѣшно, что, по истеченіи это времени, онъ, безъ большого труда выдержалъ выпускной экзаменъ. Теперь надо было поступать на службу—и Веневитиновъ, изъ всѣхъ карьеръ, открывавшихся ему, благодаря его уму, образованію, имени и состоянію, избралъ самую скромную, опредѣлившись въ Архивъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Затѣмъ онъ сблизился съ Кирѣевскимъ, Кошелёвымъ, княземъ Одоевскимъ, Титовымъ, Шевырёвымъ, Погодинымъ и нѣкоторыми другими, и вскорѣ сдѣлался центромъ этого литературнаго кружка, въ которомъ преобладающимъ элементомъ была философія Шеллинга, только-что начинавшая проникать въ кружки образованныхъ москвичей. Впрочемъ, Веневитиновъ, сдѣлавшійся вскорѣ однимъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей своего философскаго кружка, да и остальные его члены посвящали своё время не исключительно одной философіи Шеллинга, а находили время и для бесѣды съ музами. Такъ, напримѣръ, здѣсь были прочтены написанныя нашимъ поэтомъ, подъ вліяніемъ мнѣній кружка, прозаическія статьи: „Нѣсколько мыслей въ планъ журнала“, „Бесѣды Платона съ Анаксагоромъ“, „Скульптура, живопись и музыка“, „Утро, полдень, вечеръ и ночь“ и другія. Въ 1826 году Веневитиновъ познакомился съ Пушкинымъ—и вскорѣ горячая дружба связала обоихъ поэтовъ. Поводомъ къ этой дружбѣ послужила статья Веневитинова, написанная имъ противъ критической статьи Полевого въ „Телеграфѣ“, направленной противъ 1-й пѣсни „Евгенія Онѣгина“ Пушкина. Пріѣхавъ въ Москву и остановившись у Соболевскаго, Пушкинъ объявилъ ему своё непремѣнное желаніе—немедленно познакомиться съ авторомъ статьи. „Это единственная статья“, сказалъ онъ: „которую я прочёлъ съ любовью и вниманіемъ. Всё остальное — или брань, или переслащённая дичь.“ Свиданіе было устроено Соболевскимъ, подъ предлогомъ литературнаго вечера, на которомъ Пушкинъ прочёлъ нѣсколько сценъ изъ своего „Бориса Годунова“, произведшихъ сильное впечатлѣніе на Веневитинова. Ближайшимъ послѣдствіемъ этого свиданія было—сотрудничество Пушкина въ „Московскомъ Вѣстникѣ“, однимъ изъ издателей и дѣятельнѣйшихъ вкладчиковъ котораго былъ Веневитиновъ.

Въ концѣ октября 1826 года обстоятельства заставили Веневитинова проститься съ милой Москвой. Въ канцеляріи Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ открылась для него вакансія—и нашъ поэтъ, волей-неволей, отправился въ Петербургъ, съ затаённою страстью въ сердцѣ и начатымъ романомъ въ портфелѣ, отъ котораго сохранилось

*) „Два отрывка изъ неоконченной поэмы“, „Пѣснь Кольмы“ изъ Макферсона, „Четыре отрывка изъ неоконченнаго пролога: „Смерть Байрона“, „Пѣснь грека“ и другія.

только нѣсколько отрывковъ и планъ, изложенный въ предисловіи перваго изданія „Сочиненій Веневитинова". Въ Петербургѣ онъ сошелся съ Дельвигомъ и Козловымъ, съ которыми и проводилъ всего чаще свободное отъ службы и литературныхъ занятій время. Къ этому времени относится бо̀льшая и лучшая часть его поэтическихъ произведеній, именно: „Поэтъ" и всѣ стихотворенія, слѣдующія въ старомъ изданіи непосредственно послѣ него.

Между-тѣмъ, съ наступленіемъ 1827 года, здоровье Веневитинова, вообще слабое и уже давно надломленное постоянной внутренней работой и усиленными умственными занятіями, стало видимо разстраиваться и въ половинѣ февраля мѣсяца того же года было уже въ такомъ дурномъ состояніи, что Стурдза, видѣвшій его около этого времени, говорилъ своимъ знакомымъ, что онъ „замѣтилъ на его лицѣ признаки близкой смерти". А бѣдный поэтъ, нисколько не подозрѣвая опаснаго своего положенія, мечталъ въ это время о поѣздкѣ въ будущемъ маѣ мѣсяцѣ въ Ревель и Финляндію. Въ началѣ марта, къ болѣзни, уже гнѣздившейся въ нёмъ, присоединилась простуда, которая перешла въ нервную горячку, и, чрезъ недѣлю, 15-го марта 1827 года — поэта не стало. Онъ умеръ на 22 году своей жизни — и послѣднимъ произведеніемъ, написаннымъ имъ всего за недѣлю до смерти, было слѣдующее стихотвореніе:

Люби питомца вдохновенья
И гордый умъ предъ нимъ склоняй;
Но въ чистой жаждѣ наслажденья
Не каждой арфѣ слухъ ввѣряй.

Не много истинныхъ пророковъ
Съ печатью тайны на челѣ,
Съ дарами выспреннихъ уроковъ,
Съ глаголомъ неба на землѣ.

Вѣсть о смерти Веневитинова поразила всѣхъ его родныхъ и знакомыхъ. „Comment donc l'avez vous laissé mourir?" (Какъ вы допустили его умереть?) говорилъ Пушкинъ друзьямъ покойнаго.— „Душа разрывается", писалъ князь Одоевскій: „я плачу, какъ ребёнокъ!" Маститый поэтъ Дмитріевъ почтилъ его слѣдующей эпитафіей:

Здѣсь юноша лежитъ подъ хладною доской:
Надъ нею роза дышетъ—
А старость дряхлою рукой
Ему надгробье пишетъ.

Тѣло Веневитинова было перевезено въ Москву и погребено въ Симоновомъ монастырѣ. На могильной плитѣ, покрывающей прахъ поэта, вырѣзана слѣдующая краткая надпись:

„Какъ зналъ онъ жизнь, какъ мало жилъ!"

По смерти Веневитинова, сочиненія покойнаго поэта были собраны его друзьями и изданы въ двухъ частяхъ, изъ которыхъ первая, заключавшая стихотворенія, была отпечатана въ Москвѣ, въ 1829 году, а вторая (проза) — въ Петербургѣ, въ 1831 году. Второе изданіе сочиненій Веневитинова сдѣлано было въ 1857 году Смирдинымъ, включившимъ его въ своё „Полное Собраніе Сочиненій Русскихъ авторовъ", гдѣ оно соединено въ одномъ томѣ съ собраніемъ сочиненій В. Л. Пушкина. Третье и послѣднее изданіе вышло въ 1862 году, подъ редакціей А. П. Пятковскаго, въ Петербургѣ, подъ заглавіемъ: „Полное собраніе сочиненій Д. В. Веневитинова", съ приложеніемъ портрета автора, факсимиле и статьи издателя о его жизни и сочиненіяхъ.

I.

ПОЭТЪ.

Тебѣ знакомъ ли сынъ боговъ,
Питомецъ музъ и вдохновенья?
Узналъ-ли бъ межъ земныхъ сыновъ
Ты рѣчь его, его движенья?
Не вспыльчивъ онъ, и строгій умъ
Не блещетъ въ шумномъ разговорѣ,
Но ясный лучъ высокихъ думъ
Невольно свѣтитъ въ ясномъ взорѣ.
Пусть вкругъ него, въ чаду утѣхъ,
Бунтуетъ вѣтреная младость—
Безумный крикъ, нескромный смѣхъ
И необузданная радость:
Всё чуждо, дико для него,
На всё безмолвно онъ взираетъ;
Лишь что-то рѣдко съ устъ его
Улыбку бѣглую срываетъ.
Его богиня—простота,
И тихій геній размышленья
Ему поставилъ отъ рожденья
Печать молчанья на уста.
Его мечты, его желанья,
Его боязни, ожиданья —
Всё тайна въ нёмъ, всё въ нёмъ молчитъ:
Въ душѣ заботливо хранитъ
Онъ неразгаданныя чувства.

Когда-жъ внезапно что-нибудь
Взволнуетъ огненную грудь —
Душа безъ страха, безъ искусства
Готова вылиться въ рѣчахъ
И блещетъ въ пламенныхъ очахъ.
И снова тихъ онъ—и стыдливый
Къ землѣ онъ опускаетъ взоръ,
Какъ-будто-бъ слышалъ онъ укоръ
За невозвратные порывы.
О, если встрѣтишь ты его
Съ раздумьемъ на челѣ суровомъ,
Пройди безъ шума близъ него,
Не нарушай холоднымъ словомъ
Его священныхъ, тихихъ сновъ,
Взгляни съ слезой благоговѣнья —
И молви: „это сынъ боговъ,
Питомецъ музъ и вдохновенья!"

II.

ИТАЛІЯ.

Италія, отчизна вдохновенья,
Придётъ мой часъ, когда удастся мнѣ
Любить тебя съ восторгомъ наслажденья,
Какъ я любилъ твой образъ въ свѣтломъ снѣ!
Безъ горя я съ мечтами распрощаюсь,
И на яву, въ кругу твоихъ чудесъ,
Подъ яхонтомъ сверкающихъ небесъ,
Младой душой по волѣ разыграюсь.
Тамъ радостно я буду пѣть зарю
И поздравлять царя свѣтилъ съ восходомъ:
Тамъ гордо я душою воспарю
Подъ пламеннымъ необозримымъ сводомъ.
Какъ весело въ нёмъ утро золотое,
И сладостна серебряная ночь!
О, міръ суетъ — тогда отъ мыслей прочь!
Въ объятьяхъ нѣгъ и въ творческомъ покоѣ,
Я буду жить въ минувшемъ средь пѣвцовъ,
Я вызову ихъ тѣни изъ гробовъ!
Тогда, о, Тассъ, твой мирный сонъ нарушу —
И твой восторгъ, полуденный твой жаръ
Прольётъ и жизнь, и пѣсней сладкихъ даръ
Въ холодный умъ и сѣверную душу.

III.

СОНЕТЪ.

Къ тебѣ, о, чистый Духъ, источникъ вдохновенья,
На крыліяхъ любви несётся мысль моя:
Она затеряна въ юдоли заточенья,
И всё зовётъ её въ небесные края.
Но ты облёкъ себя въ завѣсу тайны вѣчной:
Напрасно силится мой духъ къ тебѣ парить.
Тебя читаю я во глубинѣ сердечной —
И мнѣ осталося надѣяться, любить.

Греми надеждою, греми любовью, лира!
Въ предверьи вѣчности греми его хвалой!
И еслибъ рухнулъ міръ, затмился свѣтъ эѳира

И хаосъ задавилъ природу пустотой —
Греми! Пусть сѣтуютъ среди развалинъ міра
Любовь съ надеждою и вѣрою святой!

IV.

УТѢШЕНІЕ.

Блаженъ, кому судьба вложила
Въ уста высокій даръ рѣчей,
Кому она сердца людей
Волшебной силой покорила!
Какъ Прометей, похитилъ онъ
Творящій лучъ, небесный пламень
И вкругъ себя, какъ Пигмальонъ,
Одушевляетъ хладный камень.
Немногіе сей дивный даръ
Въ удѣлъ счастливый получаютъ,
И рѣдко, рѣдко сердца жаръ
Уста послушно выражаютъ.
Но если въ душу вложена
Хоть искра страсти благородной—
Повѣрь, не даромъ въ ней она;
Не теплится она безплодно;
Не съ тѣмъ судьба её зажгла,
Чтобъ смерти хладная зола
Её навѣки потушила.
Нѣтъ! Что̀ въ душевной глубинѣ,
Того не унесётъ могила:
Она останется по мнѣ.

Души пророчества — правдивы!
Я зналъ сердечные порывы,
Я былъ ихъ жертвой, я страдалъ,
И на страданья не роптала.
Мнѣ было въ жизни утѣшенье,
Мнѣ тайный голосъ обѣщалъ,
Что не напрасное мученье
До срока растерзало грудь.
Онъ говорилъ: „когда-нибудь
Созрѣетъ плодъ сей муки тайной,
И слово сильное случайно
Изъ груди вырвется твоей.

Уронишь ты его не даромъ:
Оно чужую грудь зажжётъ,
Въ неё, какъ искра, упадётъ,
А въ ней пробудится пожаромъ".

И. П. МЯТЛЕВЪ.

Иванъ Петровичъ Мятлевъ, авторъ „Сенсацій госпожи Курдюковой", родился въ 1796 году въ Петербургѣ. По рожденію, богатству и сановному родству онъ принадлежалъ къ высшему петербургскому обществу, въ которомъ и вращался въ теченіе всей своей жизни. Образованіе, полученное имъ дома, было вполнѣ свѣтское. Любовь къ поэзіи развилась въ немъ очень рано. Ещё будучи ребёнкомъ, онъ любилъ подыскивать риѳмы, а позднѣе любовь эта превратилась въ неодолимую страсть къ писанію стиховъ.

Со вступленіемъ въ болѣе зрѣлый возрастъ, онъ отказался отъ сочиненія стиховъ въ серіозномъ родѣ и обратился къ лёгкой сатирѣ, тѣмъ болѣе, что самъ Мятлевъ, по свойству своего ума и характера, былъ болѣе склоненъ къ весёлому взгляду на жизнь, чѣмъ къ мрачнымъ воззрѣніямъ поэтовъ двадцатыхъ годовъ, такъ любившихъ метать громы въ своихъ добродушныхъ согражданъ.

Мятлевъ выступилъ на литературное поприще около 1833 года, съ крошечною книжкой весьма плохихъ стихотвореній, подъ наивнымъ названіемъ: „Друзья уговорили", написанныхъ во вкусѣ „Сенсацій госпожи Курдюковой" и отпечатанныхъ въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, для подарка пріятелямъ, которые одни только и замѣтили ея появленіе. Передъ публикой же Мятлевъ выступилъ въ первый разъ печатно въ 1840 году: это была великолѣпно-изданная книжка въ осьмушку, снабженная превосходными картинками и виньетками, подъ нижеслѣдующимъ заглавіемъ: „Сенсаціи и замѣчанія госпожи Курдюковой за границей, данъ-л'Этранже. Тамбовъ. 1840. Печатано въ типографіи „Journal de Saint-Petersbourg", съ эпиграфомъ: „Де бонъ тамбуръ де баскъ деріеръ ле монтань!" (Вольный переводъ русской народной пословицы: „славны бубны за горами"). Появленіе „Сенсацій" было встрѣчено журналами различно: „Современникъ" (1841, т. 22), „Сѣверная Пчела" (1841, № 81) и „Москвитянинъ" (1841, № 6) отозвались о книгѣ весьма благосклонно; что же касается „Отечественныхъ Записокъ" (1841, № 5, отд. VI, стр. 4), то отзывъ ихъ, не смотря на сдержанность, далеко не можетъ быть названъ благопріятнымъ, какъ это можно заключить изъ слѣдующихъ словъ рецензента: „Содержаніе книги шуточное. Авторъ заставляетъ русскую провинціальную барыню путешествовать по Европѣ и разсказывать свои впечатлѣнія пёстрымъ языкомъ, составленнымъ изъ смѣси русскихъ словъ съ французскими, которыя написаны русскими же буквами и отъ этого, при произношеніи, производятъ звуки, имъ несвойственные. Всё это многимъ кажется очень забавнымъ. Намъ же кажется, что подобныя произведенія теряютъ въ печати своё достоинство: ихъ можно съ удовольствіемъ слушать, когда кто-нибудь ловко декламируетъ ихъ или просто читаетъ живымъ голосомъ, какъ дѣлаетъ это иногда самъ почтенный авторъ „Сенсацій".

Тѣмъ не менѣе успѣхъ „Сенсацій" въ публикѣ былъ громадный. Вездѣ читали ихъ и смѣялись отъ души. Многіе заучивали изъ нихъ цѣлыя главы и декламировали ихъ въ обществѣ, возбуждая искренній смѣхъ и громкія похвалы ихъ автору. Общимъ потокомъ увлекся и Лермонтовъ, написавшій въ альбомъ автора „Курдюковой" слѣдующее стихотвореніе:

На нашихъ дамъ морозныхъ
Съ досадой я смотрю:
Угрюмыхъ и серьёзныхъ
Фигуръ ихъ не терплю
Вотъ дама Курдюкова!
Ея разсказъ такъ милъ:
Я бъ отъ слова до слова
Его бы затвердилъ.
Мой умъ скакалъ за нею —
И часто былъ готовъ
Я броситься на шею
Къ madame де-Курдюковъ.

Съ 1840 года, то-есть—со времени появленія въ свѣтъ „Сенсацій госпожи Курдюковой", мелкія стихотворенія Мятлева начинаютъ появляться на страницахъ „Современника" — Плетнева, „Маяка"—Корсакова, „Библіотеки для Чтенія"—Сенковскаго и другихъ журналовъ, а также и въ разныхъ сборникахъ, какъ-то: во 2-й книжкѣ „Картинокъ Русскихъ Нравовъ", издававшихся въ 1842 году, гдѣ помѣщена его поэма въ трёхъ пѣсняхъ, подъ названіемъ: „Петергофскій Праздникъ", въ сборникѣ Смирдина: „Сто Русскихъ Литераторовъ ",

гдѣ было помѣщено десять его стихотвореній, весьма плохихъ. Исключеніе составлялъ „Разговоръ барина съ Аѳонькой", который, по словамъ Бѣлинскаго („Сочиненія Бѣлинскаго", ч. IX, стр. 470), „дѣйствительно хорошъ, и то̀ потому, впрочемъ, что не сочиненъ Мятлевымъ, а списанъ имъ со словъ какого-нибудь Аѳоньки, почему и отличается тѣмъ особеннымъ юморомъ, который такъ свойственъ людямъ этого сословія, когда они разсуждаютъ о барахъ". Въ 1843 году вышелъ въ свѣтъ второй томъ „Сенсацій" Мятлева, подъ заглавіемъ: „Сенсаціи и замѣчанія госпожи Курдюковой за границей, дан-л'Этранже. II. Швейцарія. Тамбовъ. 1843". Новый томъ былъ встрѣченъ новыми похвалами большинства журналовъ („Библіотека для Чтенія", 1844, т. 62 и 64", „Сѣверная Пчела", № 3, „Москвитянинъ", № 5, „Маякъ", т. 14 и „Русскій Инвалидъ", № 40), за исключеніемъ „Литературной Газеты" (№ 3) и „Отечественныхъ Записокъ' (№ 3), изъ которыхъ послѣднія помѣстили у себя слѣдующій краткій отзывъ: „Мы не шутя собирались-было поговорить о литературныхъ шуткахъ г-жи Курдюковой; но... de mortuis aut bene aut nihil. Изданіе прекрасно; картинки г. Тимма были-бы украшеніемъ и не такому творенію". Въ томъ же 1844 году вышли въ свѣтъ отдѣльной книжкой его „Комеражи", съ посвященіемъ: à ces dames, и съ приложеніемъ 31 рисунка, при чёмъ были, по обыкновенію, похвалены „Современникомъ" (т. 34) и „Библіотекой для Чтенія" (т. 64) и не одобрены „Литературной Газетой" (№ 13).

Мятлевъ скончался въ 1843 году въ Петербургѣ. По смерти Мятлева, „Сенсаціи и замѣчанія госпожи Курдюковой" вышли въ 1855 году въ Петербургѣ вторымъ изданіемъ, съ приложеніемъ третьяго тома: „Италія", составляющаго продолженіе похожденій Курдюковой въ Италіи, а черезъ годъ были собраны всѣ его сочиненія и изданы въ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ: „Полное собраніе сочиненій И. П. Мятлева, съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали въ Лондонѣ. Спб. 1857". Рецензіи на оба эти изданія были помѣщены: на первое—въ „Современникѣ" (1856, № 9), а на второе въ „Отечественныхъ Запискахъ" (№ 5), „Сынѣ Отечества" (№ 26) и „Сѣверной Пчелѣ" (№ 151) на 1857 годъ. Наконецъ, въ 1863 году книгопродавецъ Вольфъ перепечаталъ ещё разъ отдѣльными книжками три пьесы Мятлева: „Комеражи", „Петергофскій праздникъ" и „Фонарики", лучшее стихотвореніе, написанное Мятлевымъ.

I.

ФОНАРИКИ.

Фонарики-сударики,
Скажите-ка вы мнѣ,
Что̀ видѣли, что̀ слышали
Въ ночной вы тишинѣ?
Такъ чинно вы разставлены
По улицамъ у насъ:
Ночные караульщики,
Вашъ вѣрно зоркъ глазъ!
Вы видѣли-ль, примѣтили-ль,
Какъ дѣвушка, одна,
На цыпочкахъ тихохонько
И робости полна,
Близъ стѣнки пробирается,
Чтобъ друга увидать
И шопотомъ, украдкою
„Люблю!" ему сказать.

Фонарики-сударики
Горятъ себѣ, горятъ,
А видѣли-ль, не видѣли-ль —
Того не говорятъ.

Не видѣли-ль, какъ юноша
Нетерпѣливо ждётъ,
Какъ сердцемъ, взоромъ, мыслію
Красавицу зовётъ?
И вотъ они встрѣчаются—
И радость, и любовь!
И вотъ они назначили
Свиданье завтра вновь.

Фонарики-сударики
Горятъ-себѣ, горятъ,
А видѣли-ль, не видѣли-ль —
Того не говорятъ.

Вы видѣли-ль несчастную,
Убитую тоской,
Какъ-будто тѣнь бродящую,
Какъ призракъ гробовой?
Ту женщину безумную —
Заплаканы глаза:
Ея всѣ жизни радости
Разрушила гроза.

Фонарики-сударики
Горятъ себѣ, горятъ,
А видѣли-ль, не видѣли-ль —
Того не говорятъ.

Вы видѣли-ль преступника —
Какъ, въ горести нѣмой,
Отъ совѣсти убѣжища
Онъ ищетъ въ часъ ночной?
Вы видѣли-ль весёлаго
Гуляку, въ сюртукѣ
Оборванномъ, запачканномъ,
Съ бутылкою въ рукѣ?

Фонарики-сударики
Горятъ себѣ, горятъ,
А видѣли-ль, не видѣли-ль —
Того не говорятъ.

Быть-можетъ, не примѣтили?
Да имъ и дѣла нѣтъ:
Горѣть имъ только велѣно,
Покуда будетъ свѣтъ.
Окутанный рогожею,
Фонарщикъ ихъ зажегъ;
Но чувства прозорливости
Имъ передать не могъ.

Фонарики-сударики —
Народъ всё дѣловой:
Чиновники, сановники,
Всё люди съ головой.

Они на тѣ поставлены,
Чтобъ видѣлъ ихъ народъ,
Чтобъ величались, славились,
Но только безъ хлопотъ.
Имъ, дескать, не приказано
Вокругъ себя смотрѣть;
Одна у нихъ обязанность —
Стоять тутъ и горѣть,
Да и горѣть, покудова
Кто не задуетъ ихъ.
Такъ что же и тревожиться
О горестяхъ людскихъ!

Фонарики-сударики —
Народъ всё дѣловой:
Чиновники, сановники,
Всё люди съ головой.

II.

БЫВАЛО.

Бывало, бывало,
Какъ всё утѣшало,
Какъ всё привлекало.
Какъ всё забавляло,
Какъ всё восхищало!
Бывало, бывало!

Бывало, бывало,
Какъ солнце сіяло,
Какъ небо пылало,
Какъ всё расцвѣтало,
Рѣзвилось, играло!
Бывало, бывало!

Бывало, бывало,
Какъ сердце мечтало,
Какъ сердце страдало
И какъ замирало,
И какъ оживало!
Бывало, бывало!

Но сколько не стало
Того, что̀ бывало,
Такъ сердце плѣняло,
Такъ міръ оживляло,
Такъ свѣтло сіяло!
Бывало, бывало!

Иное завяло,
Иное отстало,
Иное пропало,
Что̀ сердце ласкало,
Завѣтнымъ считало,
Бывало, бывало!

Теперь всё застлало
Тоски покрывало.
Ахъ, сердце, бывало,
Тоски и не знало:
Оно уповало!
Бывало, бывало!

Ѳ. И. ТЮТЧЕВЪ.

Ѳёдоръ Ивановичъ Тютчевъ, одинъ изъ лучшихъ поэтовъ послѣ-пушкинскаго періода, родился въ родовомъ своёмъ брянскомъ помѣстьѣ, селѣ Овстугъ, 23-го ноября 1803 года. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ домѣ отца, подъ наблюденіемъ извѣстнаго знатока классической поэзіи древнихъ и переводчика Тасса и Аріоста, С. Н. Раича, прожившаго въ домѣ Тютчевыхъ семь лѣтъ. Ещё ребёнкомъ Тютчевъ поражалъ всѣхъ своими блестящими дарованіями. Поэтическія наклонности и дѣтская живость не мѣшали ему учиться чрезвы-

чайно серіозно и прилежно. Въ 1817 году, когда Тютчеву было всего четырнадцать лѣтъ, Раичъ представилъ въ Общество Любителей Россійской Словесности его переводы въ стихахъ изъ Горація. Переводы оказались хорошими. Общество напечатало ихъ тогда же въ своихъ „Трудахъ“ и избрало четырнадцатилѣтняго Тютчева въ члены-сотрудники. Пятнадцати лѣтъ Тютчевъ сталъ посѣщать университетъ, куда ѣздилъ вмѣстѣ съ Раичемъ, былъ очень любимъ Мерзляковымъ, и блистательно выдержалъ экзаменъ на кандидата. Переѣхавъ въ Петербургъ, Тютчевъ поступилъ, 21-го февраля 1822 года, на службу въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ оставался до начала 1823 года, когда былъ причисленъ сверхштатнымъ чиновникомъ къ миссіи въ Мюнхенѣ. Затѣмъ въ 1825 году онъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры, въ 1828—назначенъ вторымъ секретарёмъ при миссіи въ Мюнхенѣ, а въ 1835 — пожалованъ камергеромъ Двора Его Величества. Съ 1823 по 1844 годъ Тютчевъ оставался за границей, съ двадцатилѣтняго возраста до сорока одного году. Онъ былъ обласканъ знаменитымъ Гёте, коротокъ съ Гейне и близокъ почти со всѣми свѣтилами мысли и науки, по преимуществу въ южной и средней Германіи. Съ 28-го іюня по 22-е августа 1836 года Ѳёдоръ Ивановичъ исправлялъ должность повѣреннаго въ дѣлахъ въ Мюнхенѣ; затѣмъ, въ концѣ 1837 года, былъ назначенъ старшимъ секретарёмъ миссіи въ Туринѣ, а съ 22-го іюня 1838 по 25-е іюня 1839 года исправлялъ должность повѣреннаго въ дѣлахъ при Дворѣ короля Сардинскаго. Такъ какъ въ тогдашнемъ Туринѣ дѣлать было нечего, то, увлёкшись однажды желаніемъ съѣздить въ Швейцарію, Тютчевъ заперъ посольство и, положивъ ключъ въ карманъ, оставилъ Туринъ. За это Ѳёдоръ Ивановичъ былъ исключёнъ изъ службы и лишенъ каммергерскаго званія. Переселившись въ Мюнхенъ, онъ прожилъ въ нёмъ до 1844 года, когда, по ходатайству великой княгини Маріи Николаевны, былъ прощёнъ покойнымъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ и былъ снова принятъ на службу по министерству Иностранныхъ Дѣлъ. Въ 1846 году Тютчевъ получилъ новое назначеніе—состоять по особымъ порученіямъ при государственномъ канцлерѣ, а въ 1848 — назначенъ былъ старшимъ цензоромъ при особой канцеляріи министерства Иностранныхъ Дѣлъ, съ оставленіемъ въ прежней должности. 6-го октября 1855 года, независимо отъ занимаемыхъ имъ двухъ должностей, Ѳёдоръ Ивановичъ назначенъ былъ, по Высочайшему повелѣнію, въ число членовъ комитета цензурнаго разсмотрѣнія приготовленныхъ къ печати посмертныхъ сочиненій В. А. Жуковскаго. Затѣмъ, въ 1857 году, онъ былъ произведёнъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и назначенъ предсѣдателемъ Санктпетербургскаго Комитета Цензуры Иностранной, съ оставленіемъ въ вѣдомствѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Эту послѣднюю должность Ѳёдоръ Ивановичъ занималъ до самой смерти и былъ, во время ея исправленія, пожалованъ, въ 1861 и 1863 годахъ, кавалеромъ орденовъ Св. Станислава и Св. Анны первыхъ степеней, а въ 1865 году произведёнъ въ тайные совѣтники.

Первыя стихотворенія Тютчева были напечатаны въ 1826 году въ альманахѣ „Уранія“, гдѣ были помѣщены три слѣдующія его пьесы: „Къ Нисѣ“, „Пѣснь скандинавскихъ воиновъ“ и „Проблескъ“. Всѣ они были перепечатаны впослѣдствіи въ его „Стихотвореніяхъ“. Затѣмъ, въ „Сѣверной Лирѣ“ на 1827 годъ появилось пять его стихотвореній: „Пѣснь радости“ изъ Шиллера, „Слёзы“, „Съ чужой стороны“, „Изъ Гейне“, „Саконтала“ изъ Гёте и „Въ альбомъ друзьямъ“ изъ Байрона. Эти стихотворенія, за исключеніемъ „Пѣсни радости“, были перепечатаны въ „Стихотвореніяхъ Ѳ. Тютчева“. Нѣсколько стихотвореній его помѣщено было также и въ альманахѣ барона Дельвига „Сѣверные Цвѣты“ на 1827 и 1830 года. Изъ нихъ только одно, именно—„Подражаніе арабскому“, начинающееся стихомъ: „Клянусь коня волнистой гривой“, не вошло въ собраніе стихотвореній автора, изданныхъ редакціей „Современника“ въ 1854 году. Наконецъ, въ „Галатеѣ“ на 1829 и 1830 года (части 1-я, 2-я, 4-я, 6-я, 7-я, 11-я, 12-я, 15-я, 16-я и 18-я) Ѳёдоръ Ивановичъ помѣстилъ ещё тринадцать стихотвореній, подъ слѣдующими заглавіями: „Весенняя гроза“, „Могила Наполеона“, „Cache - cache“, „Лѣтній вечеръ“, „Друзьямъ“, „Видѣніе“, „Безсонница“, „Изъ Фауста“, „Изъ Гейне“, „Вечеръ“, „Сны“, „Привѣтствіе духа“—изъ Гёте и „Изъ Гейне“. Изъ нихъ пьесы: „Друзьямъ“, „Безсонница“, „Изъ Гейне“ и „Вечеръ“ не вошли въ оба изданія „Стихотвореній Ѳ. И. Тютчева“. Всѣ эти стихотворенія, написанныя частью въ Россіи, частью въ Мюнхенѣ, куда Тютчевъ переѣхалъ въ концѣ 1828 года, прошли почти незамѣченными, не смотря на тó, что многія изъ нихъ отличались тѣми же самыми достоинствами, какъ и *стихотворенія*, *присланныя изъ*

Германіи въ Пушкинскій „Современникъ“ 1836—1840 годовъ и подъ которыми *весьма четко выставлены были буквы Ѳ. Т.* Вслѣдствіе-ли этого невниманія публики къ его произведеніямъ, или по какимъ-нибудь другимъ причинамъ — только, начиная съ 1840 года, стихотворенія Тютчева перестали появляться въ журналахъ, чтó продолжалось цѣлыя шесть лѣтъ.

Стихотворенія Ѳ. И. Т—ва, о которыхъ говоритъ Некрасовъ въ своей статьѣ, есть тѣ тридцать-девять стихотвореній, помѣщённыя въ 3, 4, 6, 9, 10, 11, 13, 14, 15, 19 и 20 томахъ „Современника“ Пушкина и Плетнёва на 1836 — 1840 года, которыя, вмѣстѣ съ прежде-напечатанными, въ числѣ 96 пьесъ, были перепечатаны „Современникомъ“ Панаева и Некрасова въ 1854 году, въ видѣ прибавленія къ 3-й книжкѣ журнала, и были встрѣчены такими восторженными похвалами критики и читающей публики. Удивительное измѣненіе вкусовъ! Тó, чтó было пропущено безъ вниманія въ 1836—1840 годахъ, то въ 1854 году вызываетъ восторженныя похвалы, которыя, на этотъ разъ, выбираютъ своимъ предметомъ произведенія дѣйствительно замѣчательныя и того достойныя. Вслѣдъ за перепечатаніемъ этихъ девяносто-шести пьесъ, именно — въ 4-й книжкѣ того же „Современника“ и за тотъ же годъ, была напечатана статья И. С. Тургенева, подъ заглавіемъ: „Нѣсколько словъ о стихотвореніяхъ Ѳ. И. Тютчева“, въ которой, назвавъ Тютчева „однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ поэтовъ, завѣщанныхъ намъ привѣтомъ и одобреніемъ Пушкина“, онъ говоритъ, между-прочимъ: „Мы сказали сейчасъ, что г. Тютчевъ одинъ изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ поэтовъ; мы скажемъ болѣе: въ нашихъ глазахъ, какъ оно ни обидно для современниковъ, Ѳ. И. Тютчевъ, принадлежащій къ поколѣнію предыдущему, стоитъ рѣшительно выше всѣхъ своихъ собратовъ по Аполлону. Легко указать на тѣ отдѣльныя качества, которыми превосходятъ его болѣе даровитые изъ теперешнихъ нашихъ поэтовъ: на плѣнительную, хотя нѣсколько однообразную, грацію Фета, на энергическую, часто сухую и жесткую страстность Некрасова, на правильную, иногда холодную, живопись Майкова; но на одномъ г. Тютчевѣ лежитъ печать той великой эпохи, къ которой онъ относится и которая такъ ярко и сильно выразилась въ Пушкинѣ; въ нёмъ одномъ замѣчается та соразмѣрность таланта съ самимъ собою, та соотвѣтственность его съ жизнью автора—словомъ, хоть часть того, чтó въ полномъ развитіи своёмъ составляетъ отличительные признаки великихъ дарованій“.

Затѣмъ, въ томъ же 1854 году, всѣ собранныя редакціей „Современника“ пьесы Тютчева были изданы отдѣльной книжкой, подъ заглавіемъ: „Стихотворенія Ѳ. И. Тютчева. С.-Петербургъ, 1854“, при чёмъ редакціей было заявлено, что она „помѣстила въ этомъ собраніи и тѣ стихотворенія, которыя принадлежатъ къ самой первой эпохѣ дѣятельности поэта и теперь были бы, вѣроятно, имъ отвергнуты“. Начиная съ 1851 года, въ которомъ былъ напечатанъ въ „Раутѣ“ Сушкова его прекрасный переводъ баллады Шиллера „Поминки“ стихотворенія Тютчева стали снова, хотя изрѣдка, появляться на страницахъ петербургскихъ и московскихъ журналовъ, газетъ и сборниковъ, возбуждая общее вниманіе. Укажемъ на девять стихотвореній, помѣщённыхъ въ 1-й и 2-й частяхъ „Русской Бесѣды“ на 1857 годъ, на переводъ изъ Шиллера „Фортуна и Мудрость“ („Шиллеръ, изданный Гербелемъ“, 1857, т. II), на два стихотворенія, посвящённыя: „Князю П. А. Вяземскому“, по случаю его юбилея, и „Памяти Е. П. Ковалевскаго“ („День“, 1861, № 1, и „Москва“, 1868, № 139), на привѣтствіе „Братьямъ-славянамъ“, произнесённое при пріёмѣ въ Москвѣ славянскихъ гостей, посѣтившихъ тамошнюю этнографическую выставку 1867 года („Братьямъ-славянамъ“, Москва, 1867), на три стихотворенія („А. Н. Муравьеву“, „Гусь на кострѣ“ и „Два единства“), напечатанныя въ 9-й книжкѣ „Зари“, 1869 года и 5-мъ и 10-мъ нумерахъ того же журнала на 1870-ый, на прелестное стихотвореніе, написанное Тютчевымъ по поводу посѣщенія турецкаго султана императрицей Евгеніей и императоромъ Францемъ-Іосифомъ, и начинающееся стихомъ: „Флаги вѣютъ на Босфорѣ“, напечатанное въ „Голосѣ“ на 1867 годъ и, наконецъ, на пьесу: „Черное море“, написанную для одной изъ живыхъ картинъ спектакля, даннаго петербургскимъ отдѣломъ Славянскаго Благотворительнаго Комитета въ зиму 1871 года и отпечатанную въ брошюрѣ: „Стихотворенія къ живымъ картинамъ“ (Спб. 1871, стр. 41).

Въ 1852 году Тютчевымъ напечатана была въ „Revue des Deux Mondes“ замѣчательная статья о латинской церкви, въ которой противопоставлялась ей православная, ещё нѣсколько другихъ на французскомъ же языкѣ, изъ которыхъ двѣ, посвящённыя вопросамъ современной политики ино-

странной к вопросу о цензурѣ, были помѣщены въ „Русскомъ Архивѣ" на 1873 годъ.

31-го декабря 1872 года его поразилъ ударъ. Послѣдніе дни онъ провёлъ безъ страданій. Дѣятельность мысли и остроуміе не покидали его до предсмертныхъ минутъ, равно какъ и живое участіе въ политическихъ судьбахъ Россіи. Хивинскій походъ и затѣмъ борьба государства съ церковью въ Германіи въ особенности занимали его въ послѣдніе мѣсяцы. Тютчевъ скончался 15-го іюля 1873 года въ Царскомъ-Селѣ и погребёнъ въ Воскресенскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ Петербургѣ.

Прекрасная и полная біографія Тютчева, написанная зятемъ покойнаго, нашимъ извѣстнымъ поэтомъ и публицистомъ И. С. Аксаковымъ, напечатана во 2-й книжкѣ „Русскаго Архива" на 1874 годъ.

Онъ былъ женатъ два раза и отъ обоихъ браковъ остались дѣти: отъ перваго—три дочери, отъ второго—одинъ сынъ.

Второе изданіе стихотвореній Тютчева было издано въ 1868 году, въ Петербургѣ же, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Стихотворенія Ө. И. Тютчева. Новое (2-е) изданіе, дополненное всѣми стихотвореніями, написанными послѣ 1854 года". Стихотворенія Тютчева переведены на нѣмецкій языкъ и изданы въ Мюнхенѣ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „F. J. Tjutschew's Lyrische Gedichte. In den Versmaassen des Originals, dem Russischen nachgebildet von H. Noé. München. 1861". Лучшіе разборы стихотвореній Ө. И. Тютчева принадлежатъ: Н. А. Некрасову и А. А. Фету, изъ которыхъ первый былъ помѣщёнъ въ „Современникѣ" за 1854 г., а второй — во 2-й книжкѣ „Русскаго Слова" на 1859 годъ.

I.

ВЕСЕННІЯ ВОДЫ.

Ещё въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ,
А воды ужъ весной шумятъ,
Бѣгутъ и будятъ сонный брегъ,
Бѣгутъ и блещутъ, и гласятъ—

Онѣ гласятъ во всѣ концы:
„Весна идётъ! весна идётъ!
Мы молодой весны гонцы:
Она насъ выслала впередъ".

Весна идётъ, весна идётъ —
И тихихъ, тёплыхъ майскихъ дней
Румяный, свѣтлый хороводъ
Толпится весело за ней.

II.

Не остывшая отъ зноя,
Ночь іюльская блистала,
И надъ тусклою землёю
Небо, полное грозою,
Отъ зарницъ всё трепетало.

Словно тяжкія рѣсницы
Разверзалися порою —
И сквозь бѣглыя зарницы
Чьи-то грозныя зѣницы
Загорались надъ землёю.

III.

Дума за думой, волна за волной —
Два проявленья стихіи одной.
Въ сердцѣ-ли тѣсномъ, въ безбрежномъ-ли морѣ,
Здѣсь—въ заключеніи, тамъ — на просторѣ,
Тотъ же всё вѣчный прибой и отбой,
Тотъ же всё призракъ тревожно-пустой.

IV.

Конченъ пиръ, умолкли хоры,
Опорожнены амфоры,
Опрокинуты корзины,
Не допиты въ кубкахъ вина,

На главахъ вѣнцы измяты; —
Лишь курились ароматы
Въ опустѣвшей свѣтлой залѣ.
Кончивъ пиръ, мы поздно встали:

Звѣзды на небѣ сіяли,
Ночь достигла половины...
Какъ надъ безпокойнымъ градомъ,
Надъ дворцами, надъ домами,

Шумнымъ уличнымъ движеньемъ,
Съ тускло-рдянымъ освѣщеньемъ
И безумными толпами;
Какъ надъ этимъ дальнимъ годомъ,

Въ черномъ, выспреннемъ предѣлѣ,
Звѣзды частыя горѣли,
Отвѣчая смертнымъ взглядамъ
Непорочными лучами!

V.

Итакъ, опять увидѣлся я съ вами,
Мѣста печальныя, хоть и родныя,
Гдѣ мыслилъ я и чувствовалъ впервые
И гдѣ теперь туманными очами,
При свѣтѣ вечерѣющаго дня,
Мой дѣтскій возрастъ смотритъ на меня.

О, бѣдный призракъ, немощный и смутный
Забытаго, загадочнаго счастья!
О, какъ теперь безъ вѣры и участья
Смотрю я на тебя, мой гость минутный!
Куда какъ чуждъ ты сталъ въ моихъ глазахъ,
Какъ братъ меньшой, умершій въ пеленахъ!

Ахъ, нѣтъ, не здѣсь, не этотъ край безлюдный
Былъ для души моей родимымъ краемъ —
Не здѣсь расцвѣлъ, не здѣсь былъ величаемъ
Великій праздникъ молодости чудной!
Ахъ, и не въ эту землю я сложилъ
То, чѣмъ я жилъ, и чѣмъ я дорожилъ!

VI.

ПОКИНУТАЯ ВИЛЛА.

И распростясь съ тревогою житейской,
И кипарисной рощей заслонясь,
Блаженной тѣнью - тѣнью елисейской —
Она заснула въ добрый часъ.

И вотъ тому ужъ вѣка два иль болѣ
Волшебною мечтой ограждена,
Въ своей цвѣтущей опочивъ юдоли,
На волю неба предалась она.

Но небо здѣсь къ землѣ такъ благосклонно:
И много лѣтъ и тёплыхъ южныхъ зимъ
Провѣяло надъ нею полусонной,
Не тронувши ея крыломъ своимъ.

Попрежнему фонтанъ въ углу лепечетъ,
Подъ потолкомъ гуляетъ вѣтерокъ,
И ласточка влетаетъ и щебечетъ,
И спитъ она—и сонъ ея глубокъ.

И мы вошли: всё было такъ спокойно,
Такъ всё отъ вѣка мирно и темно!
Фонтанъ журчалъ; недвижимо и стройно
Сосѣдній кипарисъ глядѣлъ въ окно.

Вдругъ всё смутилось; судорожный трепетъ
По вѣтвямъ кипариснымъ пробѣжалъ;
Фонтанъ замолкъ—и нѣкій чудный лепетъ,
Какъ-бы сквозь сонъ, невнятно прошепталъ.

Что это, другъ? Иль злая жизнь не даромъ —
Та жизнь, увы, что въ насъ тогда текла —
Та злая жизнь, съ ея мятежнымъ жаромъ,
Черезъ порогъ завѣтный перешла?

VII.

ОСЕННІЙ ВЕЧЕРЪ.

Есть въ свѣтлости осеннихъ вечеровъ
Умильная, таинственная прелесть:
Зловѣщій блескъ и пестрота дерёвъ,
Багряныхъ листьевъ томный, лёгкій шелестъ.
Туманная и тихая лазурь
Надъ грустно сиротѣющей землёю,
И—какъ предчувствіе сходящихъ бурь —
Порывистый, холодный вѣтръ порою,
Ущербъ, изнеможенье—и на всёмъ
Та кроткая улыбка увяданья,
Что въ существѣ разумномъ мы зовёмъ
Возвышенной стыдливостью страданья.

VIII.

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА.

Люблю грозу въ началѣ мая,
Когда весенній, первый громъ,
Какъ-бы рѣзвяся и играя,
Грохочетъ въ небѣ голубомъ.

Гремятъ раскаты молодые,
Вотъ дождикъ брызнулъ, пыль летитъ.
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотитъ.

Съ горы бѣжитъ потокъ проворный,
Въ лѣсу не молкнетъ птичій гамъ,
И гамъ лѣсной, и гулъ нагорный —
Всё вторитъ весело громамъ.

Ты скажешь: вѣтреная Геба,
Кормя зевесова орла,
Громокипящій кубокъ съ неба,
Смѣясь, на землю пролила.

XI.

Обвѣянъ вѣщею дремотой,
Полураздѣтый лѣсъ грустить;
Изъ лѣтнихъ листьевъ развѣ сотый.

Блестя осенней позолотой,
Ещё на вѣткѣ шелеститъ.

Гляжу съ участьемъ умилённымъ,
Когда пробившись изъ-за тучъ,
Вдругъ по деревьямъ испещрённымъ
Молніевидный брызнетъ лучъ.

Какъ увядающее мило,
Какая прелесть въ немъ для насъ,
Когда, что́ такъ цвѣло и жило,
Теперь такъ немощно и хило
Въ послѣдній улыбнётся разъ!

X.

Пошли, Господь, свою отраду
Тому, кто въ лѣтній жаръ и зной,
Какъ бѣдный нищій, мимо саду
Бредётъ по жаркой мостовой;

Кто смотритъ вскользь черезъ ограду
На тѣнь деревьевъ, злакъ долинъ,
На недоступную прохладу
Роскошныхъ свѣтлыхъ луговинъ.

Не для него гостепріимной
Деревья сѣнью разрослись;
Не для него, какъ облакъ дымной,
Фонтанъ на воздухѣ повисъ.

Лазурный гротъ, какъ изъ тумана,
Напрасно взоръ его манитъ,—
И пыль росистая фонтана
Главы его не освѣжитъ.

Пошли, Господь, свою отраду
Тому, кто жизненной тропой,
Какъ бѣдный нищій, мимо саду
Бредётъ по знойной мостовой.

XI.

Какъ птичка раннею зарей,
Міръ, пробудившись, встрепенулся:
Ахъ, лишь одной главы моей
Сонъ благодатный не коснулся!
Хоть свѣжесть утренняя вѣетъ
Въ моихъ всклокоченныхъ власахъ—
На мнѣ, я чую, тяготѣетъ
Вчерашній зной, вчерашній прахъ.

О, какъ пронзительны и дики,
Какъ ненавистны для меня
Сей шумъ, движенье, говоръ, клики
Младого, пламеннаго дня!
О, какъ лучи его багровы!
Какъ жгутъ они мои глаза!
Ночь, ночь, о, гдѣ твои покровы,
Твой тихій сумракъ и роса?

Обломки старыхъ поколѣній,
Вы, пережившіе свой вѣкъ,
Какъ вашихъ жалобъ, вашихъ пеней
Неправый праведенъ упрекъ!
Какъ грустно полусонной тѣнью,
Съ изнеможеніемъ въ кости,
На встрѣчу солнцу и движенью
За новымъ племенемъ брести!

XII.

Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной,
Земная жизнь кругомъ объята снами;
Настигнетъ ночь—и звучными волнами
Стихія бьётъ о берегъ свой.

То гласъ ея: онъ нудитъ насъ и проситъ —
Ужъ въ пристани волшебной ожилъ челнъ,
Приливъ растётъ и быстро насъ уноситъ
Въ неизмѣримость тёмныхъ волнъ.

Небесный сводъ, грядущій славой звѣздной,
Таинственно глядитъ изъ глубины —
И мы плывёмъ, пылающею бездной
Со всѣхъ сторонъ окружены.

XIII.

Песокъ сыпучій по колѣни...
Мы ѣдемъ; поздно—меркнетъ день.
И сосенъ по дорогѣ тѣни
Уже въ одну слилися тѣнь.

Чернѣй и чаще боръ глубокій...
Какія грустныя мѣста!
Ночь хмурая, какъ звѣрь стоокій,
Глядитъ изъ каждаго куста.

XIV.

ДЕНЬ И НОЧЬ.

На міръ таинственный духовъ
Надъ этой бездной безымянной

Покровъ наброшенъ златотканный
Высокой волею боговъ!

День—сей блистательный покровъ—
День, земнородныхъ оживленье,
Души болящей исцѣленье,
Другъ человѣковъ и боговъ!

Но меркнетъ день, настала ночь,
Пришла и, съ міра роковова,
Ткань благодатную покрова
Сорвавъ, отбрасываетъ прочь;
И бездна намъ обнажена
Съ своими страхами и мглами,
И нѣтъ преградъ межъ ей и нами:
Вотъ отчего намъ ночь страшна!

А. И. ПОДОЛИНСКІЙ.

Александръ Ивановичъ Подолинскій родился въ 1806 году въ Кіевѣ, гдѣ провёлъ первую молодость до поступленія въ благородный пансіонъ при Петербургскомъ университетѣ. Окончивъ здѣсь курсъ въ 1824 году, онъ, на пути въ Кіевъ, встрѣтился на почтовой станціи въ Черниговѣ съ Пушкинымъ, возвращавшимся изъ Одессы въ свою псковскую деревню. Увидѣвъ въ залѣ какого-то молодого человѣка, въ желтыхъ нанковыхъ шароварахъ и цвѣтной русской рубашкѣ, подпоясанной чернымъ шейнымъ платкомъ, шагающаго вдоль стойки буфета, Подолинскій принялъ его за полового, и когда тотъ, взглянувъ на его казённый сюртукъ, похожій на лицейскій, обратился къ нему съ вопросомъ: „вы изъ Царскосельскаго лицея?" отвѣчалъ довольно сухо.—„А, такъ вы были вмѣстѣ съ моимъ братомъ", возразилъ собесѣдникъ. Это озадачило Подолинскаго, и онъ уже вѣжливо попросилъ его назвать свою фамилію. „Я Пушкинъ. Братъ мой Левъ былъ въ вашемъ пансіонѣ". Молодые путешественники разговорились. Пушкинъ разсказалъ, что ѣдетъ изъ Одессы въ деревню; онъ попросилъ Подолинскаго передать въ Кіевѣ записку генералу Раевскому, тутъ-же имъ написанную. Понадобилось запечатать её; но у Пушкина печати не оказалось. Подолинскій досталъ свою, и она пришлась какъ нельзя болѣе кстати: вырѣзанныя на ней буквы А. П. какъ разъ подходили къ его имени и фамиліи. Эта случайность сильно порадовала Подолинскаго, уже втихомолку начинавшаго риѳмовать и потому увидѣвшаго въ такой тождественности счастливое для себя предзнаменованіе.

Въ 1825 году Подолинскій возвратился въ Петербургъ, гдѣ скоро опредѣлился въ гражданскую службу, которая, впрочемъ, не препятствовала его литературнымъ занятіямъ, шедшимъ съ ней весьма мирно рука-объ-руку. Въ началѣ своего пребыванія въ Петербургѣ, онъ былъ мало знакомъ съ записными литераторами, предпочитая имъ небольшой кружокъ своихъ товарищей по университетскому пансіону. Нѣкоторые изъ составлявшихъ эти дружескія сходки, пріобрѣли впослѣдствіи почётную извѣстность, напр.—М. И. Глинка—въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ оживлявшій ихъ своими вдохновенными импровизаціями. Въ 1827 году вышла въ свѣтъ первая поэма Подолинскаго: „Дивъ и Пери", встрѣченная единодушными похвалами журналовъ. Этотъ успѣхъ свёлъ его съ нѣкоторыми изъ литераторовъ, въ томъ числѣ съ Пушкинымъ и Дельвигомъ, изъ которыхъ первый отнёсся къ нему при встрѣчѣ самымъ радушнымъ образомъ, а со вторымъ онъ сошелся еще ближе, помѣщая свои стихотворенія въ его „Сѣверныхъ Цвѣтахъ". Дружба съ Дельвигомъ продолжалась до появленія въ печати, въ 1830 году, новой поэмы Подолинскаго „Нищій", вызвавшей самыя оживлённые и противорѣчивые споры. Дельвигъ оказался въ числѣ порицателей—и его рецензія, довольно рѣзкая, разорвала на всегда дружественныя отношенія двухъ поэтовъ. Въ 1829 году Подолинскій напечаталъ свою стихотворную повѣсть въ двухъ частяхъ „Борскій", а въ началѣ 1831 оставилъ службу въ Петербургѣ и переѣхалъ въ Одессу. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ журналахъ, альманахахъ и сборникахъ того времени стали появляться его мелкія стихотворенія, отличавшіяся гладкостью и звучностью стиха, изъ которыхъ три: „Гурія", „Отчуждённый" и „Сиротка", напечатанныя въ 9-й книжкѣ „Библіотеки для Чтенія" на 1836 годъ, обратили на себя общее вниманіе. Напечатавъ въ 3-мъ № „Библіотеки для Чтенія" на 1837 годъ свою новую поэму „Смерть Пери", Подолинскій, въ концѣ того же года, издалъ въ Петербургѣ первое собраніе своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: „Повѣсти и мелкія стихотворенія", куда вошло всё написанное имъ по 1837 годъ. Большинство журналовъ встрѣтили появленіе книги весьма благосклонно. Весной того же года Подолинскій объѣхалъ Крымъ — и результатомъ этой поѣздки былъ рядъ стихотвореній, а въ томъ числѣ и лучшія изъ нихъ: „Переѣздъ черезъ Яйлу", на-

печатанный въ 7-мъ томѣ „Современника" на 1837 годъ, „Дружба", помѣщённое въ „Библіотекѣ для Чтенія" (1838, № 10) и „Мелодія", „Цвѣты" и „Стансы", появившіяся, два года спустя, въ „Утренней Зарѣ" на 1839 годъ. Затѣмъ стихотворенія его перестали попадаться на страницахъ журналовъ до самаго 1855 года, когда севастопольскія событія побудили его прервать молчаніе и помѣстить въ 12-й книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ" того же года послѣднее своё стихотвореніе: „Союзникамъ". Полное собраніе его сочиненій, съ пріобщеніемъ 37 новыхъ стихотвореній, издано г. Устряловымъ, подъ заглавіемъ: „Сочиненія А. И. Подолинскаго. Двѣ части. Спб. 1860". Поэтъ скончался недавно (два года тому назадъ), въ глубокой старости.

I.

ЗВѢЗДА.

Когда, по волѣ исполина,
Текла несмѣтная дружина —
Звѣзда побѣдъ её вела,
И, мнилось, царствамъ въ поруганье,
Сосредоточила сіянье
Вокругъ избраннаго чела.

Питомцы мира и покоя,
Народы робкіе безъ боя
Безмолвно поклонялись ей;
Она-жъ, въ своёмъ полётѣ скоромъ,
Блестящимъ, дивнымъ метеоромъ
Неслась, чѣмъ далѣ, тѣмъ быстрѣй.

И вотъ — явленіемъ нежданнымъ
Подъ небомъ Сѣвера туманнымъ
Внезапно вспыхнула она:
Мгновенно очи ослѣпила —
И страшнымъ блескомъ пробудила
Холодный Сѣверъ ото сна.

Крѣпка любовью и молитвой,
На смерть рѣшительною битвой
Воздвиглась Русская Земля —
И участь грознаго свершилась:
Звѣзда побѣдная затмилась
Въ кровавомъ заревѣ Кремля.

И что-жъ? Пріемля даръ свободы,
Ещё со страхомъ ждутъ народы,
Откуда вновь она блеснётъ:
Не съ береговъ-ли шумной Сены,
Иль на гранитъ Святой Елены
Опять къ любимцу низойдётъ?

Не тамъ любви народа сила
Ея полётъ остановила —
И на сѣдинѣ вѣковой
Она съ Кремля блеснула взорамъ,
Но не мгновеннымъ метеоромъ,
А неподвижною звѣздой.

II.

ГУРІЯ.

„Не ходи на поле битвы,
Не точи свой ятаганъ!
Не спасутъ тебя молитвы
Въ тучѣ стрѣлъ отъ ѣдкихъ ранъ.
Милый другъ, тамъ за Пророка
Долы цѣлые въ крови:
Не ходи-жъ на встрѣчу рока,
Осуши слезу любви!"

И рабѣ своей покорный
Воинъ-юноша внималъ
И въ раздумьѣ локонъ черный
Ей свивалъ и развивалъ.
Потухаетъ жажда брани,
Въ сердце крадется печаль —
И скользитъ изъ жаркой длани
Недоточенная сталь...

...Но, какъ съ неба голубого
Сходитъ сонмъ ночныхъ свѣтилъ,
Очи воина младого
Сонъ волшебный посѣтилъ:
Снилось — кто-то въ морѣ злата
Пролетѣлъ и вдругъ исчезъ;
Но съ восхода до заката
Онъ раздвинулъ сводъ небесъ.

И въ сіяньи сходитъ дѣва:
Кудри въ радужномъ вѣнкѣ,
Вѣтвь божественнаго древа
И фіалъ въ ея рукѣ.
Станъ, въ дыму прозрачной ткани,
Бѣлъ, какъ снѣгъ на темѣ горъ,
Грудь — какъ волны, очи — лани;
Но упрёкомъ блещетъ взоръ.

Воинъ медленно подъемлетъ
Полусонную главу.

Пробудился онъ иль дремлетъ —
Онъ не помнитъ; на яву
Передъ нимъ всё та же дѣва,
Тотъ же блескъ со всѣхъ сторонъ —
И, какъ стройный звукъ напѣва,
Голосъ дѣвы слышитъ онъ:

„Не страшись: я дѣва рая!
Я, на лёгкихъ крыльяхъ сна,
Изъ надсолнечнаго края
Въ здѣшній міръ занесена.
Въ звѣздномъ хорѣ одиноко
Я полётъ свершаю мой —
И поклонника Пророка
Жажду страстною душой.

„Какъ недвижныя свѣтила,
Вѣченъ блескъ красы моей:
Время, горе и могила
Тратятъ власть свою надъ ней;
Отъ моихъ лобзаній таетъ
Сердце въ пламени любви,
И угасшій воскресаетъ
Огнь желанія въ крови.

„Но того съ двойной любовью
Приметъ гурія на грудь,
Кто въ бояхъ своею кровью
Освятитъ Пророка путь.
О, покинь, кого ты любишь!
Стань подъ знаменемъ святымъ!
Ты небесное погубишь
Наслажденіемъ земнымъ!“

Смолкла. Ризой серебристой
Обвилась и, вся въ лучахъ,
Какъ алоя паръ душистый,
Утонула въ небесахъ.
И за ней палящимъ взоромъ
Воинъ вслѣдъ; душа полна
Страстью новой—и укоромъ
Грудь порою стѣснена.

На подругу взводитъ очи;
Но не къ ней любви огонь!
Онъ встаётъ. Подъ кровомъ ночи
Тихо выведенъ имъ конь.
За плечами лукъ и стрѣлы,
Ятаганъ за кушакомъ—
И понёсся воинъ смѣлый
На свиданіе съ врагомъ.

День зажегъ края востока.
Прытче конь - и скоро онъ
Подъ знамёнами Пророка
Ѣздокомъ остановлёнъ.
Мигъ вздохнулъ, и вновь, летучій,
Въ бой помчался съ сѣдокомъ —
И, какъ въ бурю, — туча съ тучей, —
Воинъ встрѣтился съ врагомъ.

Вдругъ ударъ: облитый кровью
Онъ упалъ на груды тѣлъ.
Смерть надъ нимъ; но къ изголовью
Кто-то свѣтлый подлетѣлъ.
Онъ взглянулъ: то дѣва рая!
Всё въ ней блескъ и красота —
И зажглися, умирая,
И прильнули къ ней уста.

III.

ИЗЪ ПОЭМЫ „ДИВЪ И ПЕРИ“.

1.

Изъ предѣловъ Сегестана,
Къ дальнимъ рощамъ Хорасана
Пери лёгкая неслась.
Тѣнь ложилась на равнины —
И безмолвны тѣ долины,
Гдѣ когда-то кровь лилась,
Гдѣ неслись ордынцевъ клики,
Голосъ Керны завывалъ
И на трупахъ тотъ великій,
Тотъ ужасный пировалъ,
Кто на царства и народы
Съ шумомъ бури налеталъ
И, какъ вихорь непогоды,
Разрушеніемъ дышалъ.
Онъ промчался—и повсюду
Нивы кровью напоилъ;
Грады въ каменную груду,
Храмы въ пепелъ обратилъ!
Но свершилось! Мечъ Некира,
Мечъ Судебъ неумолимъ:
Онъ сверкнулъ—и въ лонѣ мира
Пепелъ грознаго хранимъ.
Стихнулъ вихрь опустошенья,
Битвы смолкли—и одинъ
Мрачный духъ уединенья
Ходитъ въ сумракѣ долинъ.
Онъ—задумчивъ и печаленъ—
Часто зримъ во мглѣ ночной

Надъ громадою развалинъ,
Озаряемыхъ луной.
Тотъ предѣлъ перелетая,
Видитъ Пери: чуть мелькая,
Между камней цвѣтъ ночной
Блещетъ радужной росой,
И, склонясь подъ сѣнью древа,
Какъ задумчивая дѣва,
Дремлетъ въ нѣгѣ—и сквозь сонъ
Ароматомъ дышетъ онъ.
И къ нему, благоуханьемъ
Съ высоты привлечена,
Мчится Пери—и дыханье
Пьётъ душистое она.

2.

Вотъ ужъ гаснетъ, померкая,
Строй полуночныхъ свѣтилъ.
Ангелъ свѣта растворилъ
Дверь Эдема—и, блистая,
Пурпуръ дня межъ облаковъ
Льётся райскими лучами,
Какъ сіянье надъ глазами
Неотверженныхъ духовъ.
Разошлись ночныя тѣни,
Зарумянился потокъ.
И цвѣты, и рощей сѣни
Обратились на востокъ;
И роса изъ лона розы
Покатилась на листы—
И сіяетъ, будто слёзы,
На румянцѣ красоты.
Но—недвижный и угрюмый—
Дивъ объятъ мятежной думой;
И, зарёй освѣщена,
Пери всё томна, блѣдна.
И на волю изъ темницы
Смотритъ плѣнница сквозь слёзъ:
Благодатный лучъ денницы
Ей веселья не принёсъ.
Ей не въ радость дня сіянье—
И невольное стенанье
Перси жаркія тѣснитъ.
Съ грустью Пери говоритъ:
„Облака, куда летите?
Подождите, посмотрите—
И снесите въ вышинѣ
Вѣсть подругамъ обо мнѣ.
Имъ доступно состраданье;
На печальное свиданье
Съ высоты слетятъ онѣ—
И цвѣтовъ блестящимъ златомъ
Мнѣ повѣютъ ароматомъ,
И алмазъ, и изумрудъ
Въ даръ скорбящей принесутъ.
Но зачѣмъ сіянье злата?
Что̀ мнѣ вешній ароматъ?
Воли горькая утрата,
Чѣмъ тебя мнѣ замѣнятъ?
Дайте, дайте мнѣ свободу!
Я къ румяному восходу,
Въ безпредѣльность высоты,
Полечу быстрѣй мечты.
Тамъ вольнѣй моё дыханье,
Тамъ яснѣй увижу я
Пробуждённое созданье
Въ полномъ блескѣ бытія.
Тамъ, лучами дня согрѣта,
Встрѣчусь я съ духами свѣта,
Съ ихъ сіяніемъ сольюсь.
Что? Куда? О чёмъ молюсь?
Мнѣ ль, преступной, упованье?
Мнѣ ль, отверженной, сіянье
И Эдема красота?
О, бѣги, бѣги, мечта!
Вижу сомкнутыя двери:
Я въ плѣну“! И очи Пери
Полны слёзъ—и вновь она
Тайной грусти предана.

IV.

ИЗЪ ПОВѢСТИ „БОРСКІЙ“.

Подъ небомъ чуждымъ бѣдный странникъ,
Владимиръ Борскій, много дней
Провёлъ, скитаясь, какъ изгнанникъ,
Вдали отъ родины своей.
Чужой языкъ, чужіе нравы
Ему знакомы. Видѣлъ онъ
Холодный, гордый Альбіонъ
И Сены берегъ величавый;
Задумчивъ, долго онъ блуждалъ
Въ стѣнахъ развѣнчаннаго Рима—
И отъ гробницъ его бѣжалъ,
Величьемъ мёртвымъ ихъ томимый;
Въ отчизнѣ Телля видѣлъ онъ
Съ снѣгами слитый небосклонъ
И горы льдистою громадой,
И гулъ паденія лавинъ
Съ какой-то горестной отрадой
Онъ слушалъ въ сумракѣ долинъ.
Полміра грустный гражданинъ,

Безъ цѣли шелъ онъ въ край изъ края.
И на развалинахъ Аѳинъ
Стоялъ, о Сѣверѣ мечтая.
Но годы странствій протекли —
И нынѣ Борскій видитъ снова
Предѣлъ родной своей земли
И сѣни дѣдовскаго крова.
Гремя, съ воротъ упалъ затворъ:
Они скрипятъ, и торопливо
Проходитъ Борскій длинный дворъ,
Поросшій плющемъ и крапивой.
Какой повсюду мёртвый сонъ!
Кругомъ былого нѣтъ и тѣни.
Но вотъ къ крыльцу подходитъ онъ:
Полуистлѣвшія ступени
Трещатъ — и, съ грохотомъ глухимъ,
Что шагъ, колеблются подъ нимъ.
Хоть бы одна душа родная
На этотъ шумъ отозвалась!
Лишь стая ласточекъ взвилась,
Въ испугѣ гнѣзда покидая,
И кверху съ крикомъ понеслась.

Въ отцовскій домъ Владимиръ входитъ:
Ряды покоевъ передъ нимъ —
И въ нихъ онъ, молча, долго бродитъ,
Воспоминаніемъ томимъ.
Не эта-ль пышная свѣтлица,
Гдѣ пировалъ его отецъ?
Она затихла наконецъ,
Она безмолвна, какъ гробница.
Кругомъ на стѣнахъ расписныхъ
Мелькаютъ въ рамахъ вырѣзныхъ
Знакомыя издáвна лица;
Но сѣтью тёмной ихъ заткалъ
Кой-гдѣ паукъ трудолюбивый,
Развалинъ житель молчаливый.
Въ пыли онъ далѣе встрѣчалъ
Рядами ружья и кинжалы,
Рога и сабли на ремняхъ,
И въ ветхихъ дѣдовскихъ шкапахъ
Ковши и древніе бокалы.
Его очамъ, какъ давній сонъ,
Опять минувшее предстало —
И сердце вдругъ затрепетало,
И тихо взоръ потупилъ онъ.
Но что? Какою грустью новой
Окованъ Борскій? Передъ нимъ
Покой съ панелію дубовой,
Объятый сумракомъ нѣмымъ.
Владимиръ сталъ: здѣсь всё родное!
Здѣсь въ колыбели онъ игралъ
И имя матери святое
У ней на персяхъ лепеталъ.
Душою чистый, безмятежный,
Игривъ, какъ лёгкій вѣтерокъ,
Не вѣдалъ онъ, младенецъ нѣжный,
Чтó добродѣтель, чтó порокъ.
Въ его душѣ неомрачённой
Таились миръ и правота,
Какъ бы въ святынѣ, охранённой
Нетлѣннымъ знаменьемъ креста.
Здѣсь долго, полный впечатлѣній,
Владимиръ, въ цвѣтѣ юныхъ дней,
Не зная жизни и людей,
Не зналъ ни страха, ни сомнѣній.
Его мечта въ волшебный міръ
Людей и свѣтъ преобразила,
И ею созданный кумиръ
Его душа боготворила.
Онъ жилъ, онъ жизнь благословлялъ —
И, подозрѣньямъ недоступный,
Онъ слѣпо сердцемъ довѣрялъ
Любви и дружбѣ неподкупной.
Давно-ль? и что-жъ? Мечты не тѣ!
Съ его очей повязка пала —
И безъ покрова жизнь предстала
Въ своей ужасной наготѣ.

Д. П. ОЗНОБИШИНЪ.

Димитрій Петровичъ Ознобишинъ, сынъ симбирскаго помѣщика, предки котораго появились въ Россіи при великомъ князѣ Василіи Іоанновичѣ Тёмномъ, родился въ первыхъ годахъ нашего столѣтія въ имѣньи отца, селѣ Троицкомъ, лежащемъ не далеко отъ рѣки Суры, въ Корсунскомъ уѣздѣ. Воспитывался онъ въ Московскомъ Университетскомъ Пансіонѣ, гдѣ считался постоянно въ числѣ первыхъ учениковъ и принималъ самое дѣятельное участіе, вмѣстѣ съ С. П. Шевырёвымъ и В. П. Титовымъ, въ учрежденіи Литературнаго Собранія. Ещё сидя на школьной скамьѣ, Ознобишинъ обратилъ на себя вниманіе М. Т. Каченовскаго, тогдашняго издателя „Вѣстника Европы", и профессора Д. И. Давыдова своимъ стихотвореніемъ „Старецъ", напечатаннымъ въ 1820 году въ упомянутомъ выше журналѣ. По окончаніи полнаго курса наукъ въ названномъ заведеніи, Ознобишинъ поступилъ на службу въ московскій почтамтъ, въ которомъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, занимался

цензурою французскихъ газетъ. Поселившись въ Москвѣ и весьма мало стѣсняемый службой, онъ предался литературнымъ занятіямъ съ тою страстью, къ которой способна только молодость съ поэтически-настроеннымъ воображеніемъ. Первыя стихотворенія Ознобишина появились въ „Ураніи" и „Сѣверныхъ Цвѣтахъ",—двухъ альманахахъ, московскомъ и петербургскомъ, на 1826 годъ. Затѣмъ, въ 1827 году, вмѣстѣ съ Раичемъ, талантливымъ переводчикомъ „Освобождённаго Іерусалима" Тасса, Ознобишинъ уже самъ составилъ альманахъ подъ названіемъ „Сѣверной Лиры". Здѣсь, кромѣ нѣсколькихъ оригинальныхъ стихотвореній, не представляющихъ ничего выдающагося, имъ было напечатано два весьма недурныхъ перевода: одна изъ „Еврейскихъ Мелодій" Байрона и „Неера" Шенье. Въ 1829 и 1830 годахъ, въ журналѣ Раича „Галатея", былъ напечатанъ цѣлый рядъ его стихотвореній, подъ заглавіемъ: „Три розы", „Поселянка", „Арабскій конь", „Стансы", „Потерянная любовь", „Подражатели", „Магометъ", „Поэтъ и свѣтскій человѣкъ" и „Троицынъ день", а въ концѣ того же 1830 года вышелъ въ свѣтъ, отпечатанный въ Петербургѣ отдѣльной книжкой, „Селамъ или языкъ цвѣтовъ", переведённый имъ незадолго предъ тѣмъ. Затѣмъ, въ 1834 году, Ознобишинъ напечаталъ нѣсколько своихъ стихотвореній въ „Молвѣ"; въ 1839 — въ „Современникѣ" Плетнёва появился его переводъ греческой пѣсни: „Кончина юноши-жениха", а въ 1840 году, въ возобновившейся „Галатеѣ", три новыхъ его стихотворенія: „Тоска по отчизнѣ", „П. А. Потоцкому" и „Кавказская ночь". Начиная съ 1839 года, Ознобишинъ сталъ печатать свои стихотворенія въ „Отечественныхъ Запискахъ" Краевскаго—и это была лучшая эпоха его поэтической дѣятельности. Пьесы, помѣщённыя здѣсь, какъ въ этомъ году, такъ и въ два слѣдующіе года — безспорно лучшія произведенія Ознобишина. Такъ-какъ отдѣльнаго изданія его стихотвореній не существуетъ, то мы считаемъ не лишнимъ перечислить ихъ всѣ до послѣдняго, чтобы, въ случаѣ надобности, облегчить трудъ ихъ издателя. Въ 1839 году, №№ 7 и 8: „Вазантазена" и „Вороной конь"; въ 1840, №№ 3, 6 и 12: „Кисловодскъ", „Кавказское утро", „Пятигорскъ" и „Вечерняя молитва"; въ 1841, №№ 3, 4 и 7: „Воспоминанія народа", „Гондольеръ" и „Аксайская станица" и, наконецъ, въ 1842, №№ 2 и 3: „Кювье" и „Умирающій клефтъ". Затѣмъ, въ „Утренней Зарѣ" на 1843 годъ, былъ напечатанъ его переводъ народной шотландской пѣсни: „Жена Вильяма". Въ то же время, то-есть начиная съ 1841 года, Ознобишинъ сталъ помѣщать свои стихотворенія и въ „Москвитянинѣ" Погодина, только-что начавшемъ свою дѣятельность. Въ этомъ году, въ №№ 1, 2 и 4, были напечатаны слѣдующія пьесы: „Машукъ и Казбекъ", „Утренняя молитва" и „Нардзанъ", послѣ чего послѣдовалъ трёхлѣтній перерывъ, въ теченіе котораго стихотворенія Ознобишина перестали печататься въ „Москвитянинѣ" и только начиная съ 10-й книжки 1845 года стали снова появляться на страницахъ этого журнала. Такъ въ 10, 11 и 12 нумерахъ этого года были помѣщены слѣдующія три пьесы: „Мать и дочь", „Мурильо" и „Ковыль", а въ 1-й книжкѣ слѣдующаго года „Кавказскій полдень и буря". Этимъ стихотвореніемъ, можно сказать, заключилась литературная дѣятельность Ознобишина, хотя въ 1866 и 1867 годахъ и появились въ печати еще три пьесы подъ слѣдующими заглавіями: „Стихи, произнесённые на столѣтнемъ юбилеѣ россійскаго исторіографа Н. М. Карамзина въ Симбирскѣ 1-го декабря 1866 года", „Князю П. А. Вяземскому, по прочтеніи его стихотворенія: „Тому сто лѣтъ", и „Въ память Д. В. Веневитинова". Почти всю свою молодость Ознобишинъ провёлъ въ переѣздахъ изъ одного мѣста въ другое, что видно изъ самыхъ заглавій его стихотвореній, которыя были нами приведены выше, и отчасти изъ посланія къ нему Языкова, напечатаннаго въ 4-й части „Московскаго Наблюдателя" на 1835 годъ и которое мы приводимъ здѣсь въ извлеченіи:

Гдѣ ты странствуешь? Гдѣ нынѣ,
Мой поэтъ и полиглотъ,
Повѣряешь длинный счётъ?
Чай, въ какой-нибудь пустынѣ,
На брегу безславныхъ водъ,
Гдѣ растительно живётъ
Человѣкъ, гдѣ и въ поминѣ
Нѣтъ возвышенныхъ заботъ!
Или кони рѣзвоноги
Мчатъ тебя съ твоей судьбой,
Въ дождь осенній, въ тьмѣ ночной,
По извилинамъ дороги,
Нелюдимой и лѣсной.

Выйдя въ отставку, Ознобишинъ, по предложенію Корсунскаго уѣзднаго предводителя дворянства, принялъ на себя званіе почётнаго смотрителя Корсунскаго уѣзднаго училища, а чрезъ четыре года, на губернскихъ дворянскихъ выборахъ, удостоенъ былъ званія почётнаго попечителя Сим-

бирской гимназіи, каковую службу нёсъ два трёхлѣтія. Затѣмъ долгое время былъ членомъ симбирскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, начиная съ самаго его основанія, при чёмъ издалъ руководство для пользованія „Положеніемъ 19-го февраля 1861 года".

Ознобишинъ скончался на семьдесятъ-пятомъ году отъ рожденья, 2-го августа 1877 года, въ городѣ Кисловодскѣ, куда онъ прибылъ для лѣченья.

I.

КЮВЬЕ.

Таинственный, безмолвный и великій
Былъ край, куда онъ, смѣлый, нисходилъ:
На зовъ его являлись мёртвыхъ лики,
И съ ними онъ, безстрашный, говорилъ.
Въ скупой землѣ онъ не искалъ стяжаній:
Онъ жизнь искалъ, гдѣ жизни слѣдъ погасъ —
И дивный міръ предъ силой обаяній
Затрепеталъ, услыша вѣщій гласъ.
Раскрылися предвѣчныя скрижали:
Вотще потопъ горами ихъ облёкъ;
Предъ мыслію во прахъ границы пали:
Минувшее разоблачилъ пророкъ.

Онъ міръ прозрѣлъ, но чуждый намъ и дальній,
Гдѣ мамонтъ жилъ, драконъ и кракенъ злой,
Въ столѣтьяхъ бурь, гдѣ каменѣли пальмы
И человѣкъ надъ всѣмъ царилъ главой.
Созданій всѣхъ предъ нимъ мелькнули тѣни,
Забытыя въ преданьяхъ на землѣ —
И онъ прошелъ подземныя ступени,
Не утомясь, и съ думой на челѣ.

Былъ краткокъ путь его отъ колыбели:
Но въ этотъ путь какъ много онъ вмѣстилъ!
Вѣка предъ нимъ въ хаосѣ пролетѣли,
И мрачность ихъ онъ свѣтомъ озарилъ.
Какъ Прометей, обнявши всѣ сказанья,
Онъ древній міръ въ обломкахъ разгадалъ
И чудныя, погибшія созданья
Изъ персти взялъ и къ жизни возсоздалъ.

II.

КИСЛОВОДСКЪ.

Долина есть въ краю далёкомъ,
Одна въ горахъ затаена,
Въ ней блещетъ и кипитъ потокомъ
Нардзана свѣжая волна.
Пріютъ безпечности и лѣни!
Ея древесъ въ густыя сѣни
Не разъ входилъ я, полонъ думъ;
Облитъ прохладной нѣгой юга,
Я, какъ привѣтъ радушный друга,
Любилъ внимать дубравный шумъ.

Любилъ я видѣть струй кипѣнье,
Ихъ ложе, взрытое въ скалѣ,
Ихъ бѣгъ и звучное паденье
Съ сердитой пѣной на челѣ.
Любилъ я токъ ихъ молчаливый
Подъ липой иль плакучей ивой,
Когда луна между вѣтвей,
Таинственно перебѣгая,
Какъ одалиска молодая,
Глядится въ зеркало зыбей.

Душистый воздухъ, свѣжесть сада,
Въ горахъ полуугасшій день
И дальній ропотъ водопада,
И тополей гигантскихъ тѣнь,
И шумъ Нардзана говорливый...
О, какъ тогда ронлись живо
Мечты забытыя мои!
Какъ духъ мой окрылялся юный!
Какъ звучно трепетали струны
Живой поэзіей любви!

Кипи, Нардзанъ, въ лучахъ востока
Играй клубами жемчуго́въ!
Какъ ха́джи въ свѣтлый рай пророка,
Къ тебѣ сынъ сѣверныхъ снѣговъ
Придётъ не разъ, надежды полный,
Испить цѣлительныя волны,
И, позабывъ тяжелый путь,
Въ твоихъ струяхъ переродиться,
Усталой грудью обновиться
И жизнью свѣжею вздохнуть.

Придётъ, быть-можетъ, издалёка,
Подобно мнѣ, другой пѣвецъ
Задуматься у струй потока —
И свѣтлыхъ думъ своихъ вѣнецъ
Повергнетъ въ ропщущія струи;
Другіе скроетъ поцѣлуи
Твоихъ древесъ густая тѣнь;
Другія тайныя признанья,
Другія пылкія желанья
Пробудитъ твой роскошный день.

И вновь замолкнутъ эти звуки:
Лишь ключъ одинъ не смолкнетъ твой,

Свидѣтель встрѣчи и разлуки,
Свидѣтель пылкій и нѣмой.
Кипи-жъ, Нардзанъ, струёй могучей
И пѣной звонкой и шипучей
Ласкай пришельца жадный взоръ!
Шуми, обильный, здравье льющій,
Студёный, жгучій, искробьющій,
Алмазный ключъ кавказскихъ горъ.

III.

ПЯТИГОРСКЪ.

Пустынный край! Здѣсь Дивнаго рука
Переворотъ таинственный свершала:
Грядами горъ взнеслась за облака
И на Эльбрусъ порфирой снѣга пала.

Здѣсь каждый шагъ—живыя письмена;
Всё говоритъ о томъ, чтó прежде было;
И воздухъ жжётъ, и паръ клубитъ волна,
И въ нѣдрахъ горъ кипитъ огней горнило.

М. Д. ДЕЛЯРЮ.

Михаилъ Даниловичъ Делярю родился въ 1811 году, въ Казани, гдѣ провёлъ своё дѣтство и отрочество въ домѣ отца, находившагося тамъ на службѣ. Затѣмъ, отвезённый отцемъ въ 1820 году въ Петербургъ, онъ былъ принятъ въ число воспитанниковъ Царскосельскаго лицея, гдѣ пробылъ девять лѣтъ, дѣля время между наукой и поэзіей и прилѣпляясь всё болѣе и болѣе къ послѣдней, даже въ ущербъ классныхъ занятіямъ, какъ это всегда случается съ поэтами, рано начинающими слагать звучныя строфы.

Делярю поступилъ въ Лицей, спустя ровно три года по выходѣ изъ него Пушкина и Дельвига, и подобно имъ, онъ сталъ писать стихи тотчасъ по поступленіи въ Лицей. Эта наклонность къ поэзіи не покидала его въ теченіе всей жизни, такъ что самая смерть застала его за переводомъ „Георгикъ“ Виргилія. По выходѣ изъ Лицея въ 1829 году, въ числѣ воспитанниковъ пятаго выпуска, онъ сблизился съ литературнымъ кружкомъ Пушкина—и воспоминаніе объ этомъ времени осталось лучшимъ его воспоминаніемъ. Особенно близко сошелся онъ съ Дельвигомъ, къ которому влекла его самая однородность направленія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, началась и служебная карьера Делярю. Но служба его длилась не долго. Поступивъ въ канцелярію военнаго министра, онъ оставался въ ней только до конца 1834 года, то-есть до выхода въ свѣтъ 12-й книжки „Библіотеки для Чтенія“ того-же года, въ которой былъ напечатанъ его переводъ стихотворенія Виктора Гюго „Красавицѣ“, обрушившій на его молодую голову административные громы, конечнымъ результатомъ которыхъ былъ арестъ и увольненіе его отъ службы. Несчастіе, постигшее поэта, надѣлало много шума и возбудило сильное сочувствіе публики къ пострадавшему, при чёмъ стихотвореніе, не представляющее ничего особеннаго ни по мысли, ни по исполненію, сдѣлалось общеизвѣстнымъ и разошлось по всей Россіи во множествѣ списковъ. Вотъ это небольшое стихотвореніе:

Когда-бъ я былъ царёмъ всему земному міру,
Волшебница! тогда-бъ повергъ я предъ тобой
Всё, всё, что власть даётъ народному кумиру:
Державу, скипетръ, тронъ, корону и порфиру
За взоръ, за взглядъ единый твой!

И если-бъ Богомъ былъ—селеньями святыми
Клянусь—я отдалъ-бы прохладу райскихъ струй,
И сонмы ангеловъ съ ихъ пѣснями живыми,
Гармонію міровъ и власть мою надъ ними
За твой единый поцѣлуй!

Какъ ни сильно былъ пораженъ Делярю разразившеюся надъ нимъ такъ неожиданно грозою, тѣмъ не менѣе литературныя занятія его продолжались съ прежнею любовью. Ещё въ концѣ 1829 года, сблизившись съ барономъ Дельвигомъ, и, сильный его поддержкой и одобреніемъ, напечаталъ въ томъ же году отдѣльной книжкой первое своё произведеніе: „Превращеніе Дафны“, поэму Овидія, и затѣмъ сталъ помѣщать свои стихотворенія въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ и другихъ альманахахъ, а съ 1834 года—и въ „Библіотекѣ для Чтенія“, гдѣ въ то время печатались произведенія однѣхъ только знаменитостей, то-есть Пушкина, Жуковскаго, Козлова, Марлинскаго (Бестужева), Давыдова, князя Шаховскаго, Кукольника, Сенковскаго, Масальскаго, Тимоѳеева и многихъ другихъ. Въ 1835 году стихотворенія Делярю, разсѣянныя по разнымъ журналамъ и альманахамъ, за исключеніемъ рокового для него перевода изъ Гюго, были собраны и изданы отдѣльной книжкой, подъ заглавіемъ: „Опыты въ стихахъ Михаила Делярю. Спб. 1835“. Критика

встрѣтила собраніе стихотвореній довольно благосклонно, но публика отнеслась къ нимъ съ полнымъ равнодушіемъ, хотя между ними и было нѣсколько весьма недурныхъ, оригинальныхъ и переводныхъ пьесъ. Читая стихотворенія Делярю, нельзя не замѣтить, что многія изъ нихъ напоминаютъ стихотворенія барона Дельвига и видимо навѣяны произведеніями этого меланхолическаго поэта.

Наконецъ, не считая навѣянныхъ Дельвигомъ, изъ небольшаго числа стихотвореній Делярю, вошедшихъ въ составъ изданной имъ книжки, семь имѣютъ прямое отношеніе къ Дельвигу и его семейству: 1) „Дельвигу", 2) „При врученіи стихотвореній барона Дельвига", 3) „Слеза любви", посвящается баронессѣ С. М. Дельвигъ, 4) „На смерть Дельвига", 5) „Баронессѣ С. М. Дельвигъ" и 6 и 7) „Лизанькѣ Дельвигъ".

Начиная съ 1837 года стихотворенія Делярю стали появляться въ „Современникѣ" Пушкина, но уже по смерти его великаго основателя, именно съ 6-й книжки, уже издававшейся „въ пользу его семейства кн. П. А. Вяземскимъ, В. А. Жуковскимъ, А. А. Краевскимъ, кн. В. Ѳ. Одоевскимъ и П. А. Плетнёвымъ", гдѣ было помѣщено стихотвореніе „Ангелу-Хранителю". Затѣмъ были напечатаны стихотворенія: „Грусть", „Буря", изъ первой пѣсни виргиліевой „Энеиды" и „Дидона", четвёртая пѣснь „Энеиды"; въ 1838 году, томъ 12-й—„Надгробіе младенцу", въ 1839,—„Маріи Д—гъ" и въ 1842, т. 31-й, 33-й и 34-й—„Дафна", повѣсть Овидія, „Фаэтонъ", изъ Овидія и „Іо", изъ Овидія. Этимъ послѣднимъ стихотвореніемъ окончилось сотрудничество Делярю не только въ „Современникѣ", но и во всѣхъ остальныхъ повременныхъ изданіяхъ.

По увольненіи отъ службы изъ канцеляріи военнаго министерства, Делярю перешелъ въ вѣдомство министерства финансовъ, но и тутъ прослужилъ онъ всего около трёхъ лѣтъ, послѣ чего простился окончательно съ Петербургомъ и переселился въ Одессу, гдѣ ему было предложено мѣсто инспектора классовъ въ тамошнемъ Ришельевскомъ лицеѣ. Прослуживъ три года въ этой должности, Делярю оставилъ службу навсегда и поселился сначала въ своей харьковской деревнѣ, а потомъ—въ самомъ Харьковѣ. Во время своего пребыванія въ Одессѣ, Делярю издалъ свой стихотворный переводъ „Слово о полку Игоря", подъ нижеслѣдующемъ заглавіемъ: „Пѣснь объ ополченіи Игоря, сына Святославова, внука Олегова. Переложеніе Михаила Делярю. Одесса 1839". Что бы дать понятіе о манерѣ Делярю, которой онъ придерживался въ изложеніи своего перевода, помѣщаемъ здѣсь его начало:

Или начать намъ, друзья, старымъ складомъ сказаній воинскихъ,
Пѣснь о походѣ Олегова внука, Игоря князя?
Пѣснь-же ту намъ начать по событіямъ дней настоящихъ,
Но не по замысламъ вѣщихъ Бояна. Боянъ, замышляя
Витязя славу воспѣть, соловьемъ растекался по древу,
Сѣрымъ волкомъ въ поляхъ, сизокрылымъ орломъ въ поднебесьи.

Рецензіи на переводъ „Пѣсни", помѣщённыя въ 11-мъ томѣ „Сына Отечества" на 1839 годъ и въ 7-мъ и 31-мъ нумерахъ „Литературной Газеты" и „Сѣверной Пчелы" на 1840 годъ, отнеслись и на этотъ разъ съ похвалою о новомъ трудѣ Делярю, чего онъ вполнѣ заслуживалъ, какъ относительно вѣрной передачи красотъ подлинника, такъ и звучности стиха. Гораздо важнѣе его переводы съ латинскаго. Делярю очень хорошо зналъ этотъ языкъ и глубоко понималъ красоты Виргилія и Овидія, чтеніе которыхъ было для него истиннымъ наслажденіемъ. Поэтому всѣ его переводы съ латинскаго отличаются вѣрностью не столько буквѣ, сколько духу и господствующему характеру переводимыхъ произведеній. Михаилъ Даниловичъ Делярю скончался въ Харьковѣ 24-го февраля 1868 года, на 58 году своей жизни. Михаилъ Даниловичъ былъ рѣдкій семьянинъ, рѣдкій отецъ и рѣдкій другъ!

I.

МУЗА.

Восходомъ солнца пробужденной,
Я поднялъ очи: надо мной,
Склонясь главою вдохновенной,
Вѣнкомъ лавровымъ осѣненной,
Стояла дѣва. Тишиной
Лицо прекрасной озарялось,
Улыбка млѣла на устахъ,
И въ ясныхъ голубыхъ очахъ
Олимпа небо отражалось;
Изъ устъ коралловыхъ текли
Очаровательные звуки —
И звуки тѣ мнѣ въ грудь прошли
И, какъ цѣлебныя струи,
Въ ней утолили сердца муки.

И, упоённый, я узналъ
Богиню въ дѣвѣ вдохновенной —
И на привѣтъ ея священной
Слезой восторга отвѣчалъ.
И съ гаснущимъ лучемъ денницы,
Легка, какъ тѣнь, какъ звукъ цѣвницы,
Сокрылась Муза въ небеса...
Уже исчезла... Но слеза
Доселѣ свѣжитъ мои зѣницы,
Какъ животворная роса;
Къ поэту въ грудь, какъ небо въ волны,
Глядится миръ и красота
И полны словъ, и звуковъ полны,
Дрожатъ отверстыя уста.

II.

КЪ ГЕНІЮ.

Гость благодатный, для чего ты
Приманкой сладостныхъ рѣчей
Велишь возстать душѣ моей
Отъ продолжительной дремоты?
Зачѣмъ твой вдохновенный видъ
Своей небесной красотою
Къ странѣ надземной за собою
Земного странника манитъ?
На мигъ единый очарованъ
Сіяньемъ звѣздной синевы,
Духъ встрепенётся; но, увы,
Къ темницѣ грустной онъ прикованъ,
И разорвать оковъ нѣтъ силъ.
Такъ древле вождь отпавшихъ Силъ,
Въ минуту сладкаго забвенья
О краѣ вспомнивши родномъ,
Взмахнулъ опущеннымъ крыломъ;
Но, опалённое Творцомъ,
Крыло повисло безъ движенья
Надъ мощнымъ демона плечомъ.

III.

ВОПЛОЩЕННЫЙ ИДЕАЛЪ.

Очи черкешенки, бровь соболиная,
Диво рѣсницъ и ланитъ красота,
Шея перловая, грудь лебединая,
Прелесть — улыбка и роскошь — уста!

Съ вами поэтъ никогда не разстался-бы!
Въ васъ воплощёнъ его думъ идеалъ;
Вами день цѣлый онъ всё любовался бы,
Цѣлую ночь онъ о васъ бы мечталъ!

Э. И. ГУБЕРЪ.

Эдуардъ Ивановичъ Губеръ, русскій поэтъ и переводчикъ „Фауста" Гёте, родился 1-го мая 1814 года, въ приволжской нѣмецкой колоніи Усть-Залихѣ, Саратовской губерніи. Здѣсь прожилъ онъ до девятилѣтняго возраста въ домѣ своего отца, лютеранскаго пастора, послѣ чего, вмѣстѣ съ остальными членами своего семейства, переселился въ Саратовъ, куда отецъ его назначенъ былъ членомъ тамошней консисторіи. Съ переѣздомъ въ Саратовъ, девятилѣтній Губеръ сталъ учиться у своего отца языкамъ греческому и латинскому, а затѣмъ началъ брать первые уроки русскаго языка, а въ августѣ 1824 года онъ выдержалъ пріёмный экзаменъ въ Саратовской гимназіи, бывшей въ то время подъ управленіемъ ученаго Миллера, и поступилъ въ число учениковъ ея. Въ гимназіи онъ тотчасъ сдѣлался любимцемъ учителя словесности, Ѳ. П. Волкова, своего перваго наставника въ русскомъ языкѣ, и страсть къ стихотворству стала въ немъ быстро развиваться, поощряемая Волковымъ. Въ 1828 году молодой Губеръ сталъ заносить свои стихотворенія и прозаическія статьи въ особую тетрадь, озаглавленную такъ: „Опыты въ стихахъ и прозѣ Эдуарда Губера". Это систематическое внесеніе всего написаннаго юношей продолжалось до конца 1830 года. Тетрадь сохранилась и служитъ доказательствомъ того, что Губеръ въ 14—16 лѣтъ владѣлъ бойкимъ стихомъ и писалъ хорошей прозой, но не болѣе. Въ 1830 году шестнадцатилѣтній Губеръ простился съ Саратовомъ и отправился въ Петербургъ, гдѣ одновременно выдержалъ экзаменъ въ университетъ и въ институтъ корпуса путей сообщенія, но поступилъ въ послѣдній. Послѣ четырёхлѣтнихъ усердныхъ занятій въ институтѣ, Губеръ окончилъ въ 1834 году курсъ и былъ выпущенъ на службу прапорщикомъ. Но занятія науками не мѣшали молодому поэту заниматься и литературой, чтó можно заключить изъ того, что къ началу 1835 года имъ было отдѣлано и приготовлено къ печати 25 стихотвореній; но задуманное изданіе почему-то не состоялось, хотя рукопись уже была подписана цензоромъ. Первымъ напечатаннымъ поэтическимъ произведеніемъ Губера считается стихотвореніе, появившееся въ „Сѣверномъ Меркуріи" на 1831 годъ; что же касается первыхъ прозаическихъ статей его, то онѣ появились въ „Энциклопедическомъ Лексиконѣ" Плюшара, редакторомъ котораго въ то время былъ

Н. И. Гречъ. Это послѣднее обстоятельство сблизило Губера съ журналистомъ, пользовавшимся тогда большою извѣстностью въ литературномъ мірѣ, и сдѣлало его постояннымъ посѣтителемъ вечеровъ Николая Ивановича, на которые собирался весь цвѣтъ петербургской литературы тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Продолжая посѣщать четверги Греча, Губеръ дѣлилъ всё остальное время между службою и чтеніемъ нѣмецкихъ философовъ, изученіемъ „Фауста“ Гёте и переводомъ отрывковъ изъ этой знаменитой трагедіи. Въ исходѣ 1835 года первая часть „Фауста“ была окончена, представлена въ цензуру и запрещена ею — и Губеръ, въ досадѣ, изорвалъ рукопись, плодъ пятилѣтняго упорнаго труда. А. С. Пушкинъ, узнавъ объ этомъ печальномъ событіи, посѣтилъ убитаго горемъ поэта, съ которымъ до того времени никогда не встрѣчался, ободрилъ его своимъ искреннимъ участіемъ и кончилъ тѣмъ что убѣдилъ его приняться вторично за переводъ „Фауста“. Приведённый въ восторгъ вниманіемъ къ нему величайшаго изъ поэтовъ, Губеръ вскорѣ принялся снова за переводъ знаменитой трагедіи, и, желая выразить свою любовь и уваженіе къ великому поэту — исполненіемъ его желанія, не иначе являлся къ нему, до самой его смерти, какъ съ отрывкомъ изъ новаго перевода. Но, прежде чѣмъ новый переводъ былъ оконченъ, Пушкина не стало — и скорбь Губера, живо почувствовавшаго всю глубину потери, понесённой Россіею, вылилась въ стихотвореніи, начинающемся такъ:

Я видѣлъ гробъ его печальный,
Я видѣлъ въ гробѣ блѣдный ликъ —
И въ тишинѣ, съ слезой прощальной,
Главой на трупъ его поникъ.
Но пусть надъ лирою безгласной
Порвётся тщетная струна,
И не смутитъ тоской напрасной
Его торжественнаго сна.

Когда эти стихи, облетѣвшіе мгновенно весь Петербургъ, были доведены до свѣдѣнія главноуправляющаго путями сообщенія, графа Толя, то онъ призвалъ къ себѣ Губера, обошелся съ нимъ весьма любезно и объявилъ, что „ему очень пріятно имѣть въ числѣ своихъ подчинённыхъ такого даровитаго человѣка“. Начиная съ 1838 года, Губеръ сталъ сотрудничать въ „Современникѣ“ и „Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду“, и напечаталъ въ сборникѣ Кукольника „Новогодникъ на 1838 годъ“ первую главу своей оригинальной поэмы „Антоній“, въ которой многіе видятъ автобіографію поэта. Въ 1839 году онъ оставилъ инженерную службу съ чиномъ капитана и опредѣлился въ гражданскую — въ канцелярію графа Клейнмихеля, преемника графа Толя. Въ 1840 году Губеръ сошелся съ Сенковскимъ, редакторомъ „Библіотеки для Чтенія“, и принялъ на себя постоянное сотрудничество въ журналѣ, по отдѣлу критики, за что издатель Смирдинъ обязался выплачивать ему по 6000 рублей ассигнаціями въ годъ и по 200 рублей за печатный листъ. Весной 1842 года онъ вовсе оставилъ службу и провёлъ слѣдующее лѣто въ орловскомъ имѣніи одного изъ своихъ пріятелей. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ сталъ вести жизнь свѣтскую — разсѣянную: посѣщалъ аристократическіе салоны, публичные балы и маскарады, и проводилъ ночи въ кругу весёлыхъ товарищей, чѣмъ окончательно разстроилъ своё, и безъ того хилое, здоровье. Въ 1845 году Губеръ издалъ собраніе своихъ стихотвореній, встрѣченное почти всѣми журналами весьма благосклонно. Одинъ только Бѣлинскій отозвался о нихъ холодно. „Въ его стихотвореніяхъ“, писалъ онъ: „мы увидѣли хорошій, обработанный стихъ, много чувства, ещё болѣе неподдѣльной грусти и меланхоліи, умъ и образованность, но, признаёмся, очень мало замѣтили поэтическаго таланта, чтобъ не сказать — совсѣмъ не замѣтили его“. Въ исходѣ 1846 года, Губеръ снова продолжалъ своё сотрудничество у Сенковскаго, на выгодныхъ для него условіяхъ, а съ 1847 года принялъ участіе въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“. Но оба эти сотрудничества длились не долго: 28-го марта 1847 года было написано Губеромъ послѣднее его стихотвореніе „Ave Maria“, а 11-го апрѣля поэта уже не было на свѣтѣ. Окруженный друзьями, онъ тихо угасъ, послѣ пятидневныхъ страданій. Тѣло Губера похоронено на Волковомъ кладбищѣ, въ Петербургѣ. „Сочиненія Э. И. Губера“ были изданы въ 1860 году, въ трёхъ томахъ, г. Тихменевымъ.

I.

ПАМЯТИ ПУШКИНА.

Когда меня на подвигъ трудный
Ты, улыбаясь, вызывалъ,
Я вѣрилъ силѣ безразсудной
И трудъ могучій обѣщалъ.

Съ тѣхъ поръ одинъ, вдали отъ свѣта,
Отъ праздной нѣги бытія,
Благословеніемъ поэта
Въ ночныхъ трудахъ крѣпился я.

И грозный образъ исполина
Явился пламеннымъ мечтамъ —
И вскрылась дивная картина
Моимъ испуганнымъ очамъ.

Тогда невѣдомыя муки
Глубоко въ грудь перелились,
И думы въ пламенные звуки,
Въ глаголы жизни облеклись.

Ты разбудилъ нѣмыя силы,
Ты завѣщалъ мнѣ новый свѣтъ —
И я къ дверямъ твоей могилы
Несу незрѣлый, блѣдный цвѣтъ.

Въ нѣмой тоскѣ, вдали отъ свѣта,
Въ своей незнаемой тиши,
Я приношу на гробъ поэта
Смиренный даръ моей души.

Простой листокъ въ вѣнкѣ лавровомъ,
Простая дань души простой,
Не поразитъ могучимъ словомъ —
И небогата красотой.

Нѣтъ, въ грустный часъ томящей муки
Мнѣ громкихъ пѣсенъ не дано!
Мнѣ облекать въ живые звуки
Моей тоски не суждено!

Но надъ могилою кровавой
Я брошу блёклый мой листокъ,
Пока сплетётъ на гробѣ славы
Другой пѣвецъ—другой вѣнокъ!

II.

СМЕРТЬ И ВРЕМЯ.

СМЕРТЬ.

Всё моё—и плодъ, и сѣмя:
Безконечна власть моя!
Покорись, сѣдое время,
Я — владычица твоя!
Всё моё—я всѣмъ владѣю:
Что родится—то умрётъ;
Всё подъ властію моею,
Всё въ гробахъ моихъ сгніётъ.
Гдѣ слѣды твоихъ дѣяній?
Гдѣ немолчныя дѣла?
Сѣмена твоихъ созданій
Я же жатвой собрала.
Гдѣ твой Римъ, твои державы?
Гдѣ плоды твоихъ трудовъ?
Всё легло въ борьбѣ кровавой,
Спитъ на днѣ моихъ гробовъ.
Всё моё — и плодъ, и сѣмя,
Всё подъ властію моей!
Покорись, сѣдое время,
Предъ владычицей твоей!

ВРЕМЯ.

Безъ конца и безъ начала,
Я отецъ и сынъ вѣковъ;
А тебя судьба сковала
Мёртвымъ тлѣніемъ гробовъ.
Гдѣ лежатъ твои могилы,
Гдѣ гніютъ твои гробы,
Тамъ мои живыя силы
Строятъ зданіе судьбы.
Изъ твоихъ могилъ беру я
Сѣмена моихъ трудовъ;
Колыбель мою творю я
Изъ досокъ твоихъ гробовъ.
Безъ конца моя дорога;
Цѣпь вѣковъ въ моихъ рукахъ;
Я ношу одежду Бога
На безсмертныхъ раменахъ.
Безъ границъ моё теченье,
Безконечно, какъ судьба;
Ты сама моё рожденье;
Я — владыка, ты — раба!

III.

НА ПОКОЙ.

Тяжело, не стало силы,
Ноетъ грудь моя.
Злое горе до могилы
Дотащу-ли я?

На покой пора печали;
Время — спать костямъ;
Душу страсти истерзали —
Время — спать страстямъ.

А далёко-ли у гроба
Отдохнулъ-бы я:
Отдохнули-бы мы оба —
Я да грусть моя.

IV.

ПѢСНЯ.

На душѣ свободной
Много думъ лежало,
Много въ мірѣ холодный
Тайныхъ словъ упало.

Въ мірѣ негдѣ звуку
Разойтись широко;
Носишь злую муку
На душѣ глубоко.

На зелёной вѣткѣ
Птичка распѣвала:
Въ золочёной клѣткѣ
Птичка замолчала.

Я запѣлъ-бы смѣло,
Да не та мнѣ доля:
Износилось тѣло,
Уходилась воля.

V.

ИЗЪ ПОЭМЫ „ВѢЧНЫЙ ЖИДЪ“.

1.

Дремлютъ воды Іордана;
Спитъ развѣнчанный Сіонъ;
Въ ризѣ влажнаго тумана
Исчезаетъ Элеонъ.
Тихо воздухъ благовонный
Нѣжитъ знойный прахъ земли,
И шумитъ волною сонной
Море Мёртвое вдали.
Мнится—тайны величавой,
Средь томительнаго сна,
Или думъ борьбы кровавой
Ночь тяжелая полна.
Въ небѣ дальнемъ мѣсяцъ блещетъ,
Смотритъ веселъ и игривъ;
Блѣдный свѣтъ его трепещетъ
Въ тёмной зелени оливъ,
И, въ лучахъ его блистая,
Въ сонъ глубокій погруженъ,
Листья длинные качая,
Озарился Элеонъ.
Полонъ муки безпредѣльной
И любви горячихъ слёзъ,
Человѣкъ, въ тоскѣ смертельной,
Руки чистыя вознёсъ.
Ближе смерть! Страшнѣе битва!
Кровь съ лица его бѣжитъ;
Безотвѣтная молитва
На устахъ его дрожитъ.
Онъ одинъ — въ часы ночные,
Полонъ страха и скорбей.
Гдѣ-же спутники младые,
Гдѣ семья его друзей?
Или, чуждыя заботы,
Преклонясь на прахъ земли,
Одолѣть ночной дремоты
Въ часъ тяжелый не могли?
Или спятъ? А Онъ съ любовью
Тихо молится за нихъ,
И скорбитъ, и плачетъ кровью
За апостоловъ своихъ.
Спите тихо до разсвѣта!
Ближе, ближе страшный часъ!
Нынѣ кровь его завѣта
Проливается за насъ.

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВЪ.

Иванъ Ивановичъ Лажечниковъ, извѣстнѣйшій изъ русскихъ романистовъ, авторъ „Послѣдняго Новика“, „Ледяного Дома“ и „Басурмана“, родился 14-го сентября 1794 года, въ городѣ Коломнѣ. Отецъ его, богатый коломенскій купецъ и коммерціи совѣтникъ, вёлъ обширную торговлю хлѣбомъ и солью. Дѣтство Лажечникова прошло счастливо и мирно. Отецъ не жалѣлъ денегъ на воспитаніе сына, который, съ своей стороны, оказался мальчикомъ весьма любознательнымъ и прилежнымъ. Окруженный учителями, подъ главнымъ руководствомъ умнаго и образованнаго француза-гувернёра Болье, онъ развивался быстро, не по лѣтамъ, и, начиная съ тринадцати лѣтъ, уже читалъ всё, что ему ни попадалось въ руки, а на 16-мъ году написалъ первое своё сочиненіе: „Мысли въ подражаніе Лабрюйера“, доставленное имъ въ редакцію журнала „Вѣстникъ Европы“, гдѣ оно вскорѣ и было напечатано. Этотъ первый успѣхъ рѣшилъ судьбу молодого Лажечникова и указалъ ему путь, которому онъ долженъ былъ слѣдовать. Но это счастливое положеніе длилось не долго. Отецъ Лажечникова, благодаря несчастной случайности, потерялъ всё своё состояніе и въ 1811 году его имущество пошло на удовлетвореніе кредиторовъ.

Эти обстоятельства побудили молодого Лажечникова подумать о службѣ—и онъ опредѣлился, въ 1810 году, въ канцелярію московскаго генералъ-губернатора. Съ наступленіемъ 1812 года онъ поступилъ прапорщикомъ въ московское ополченіе, изъ котораго, 24-го декабря того-же года, перешелъ въ Московскій гренадерскій полкъ. Затѣмъ, находясь адъютантомъ, сперва у графа Остермана-Толстого, знаменитаго побѣдителя при Кульмѣ, а потомъ (съ 12-го марта 1813 года) у принца мекленбургъ-шверинскаго, Карла, Лажечниковъ сдѣлалъ всю французскую кампанію, принималъ участіе въ сраженіяхъ подъ Бауценомъ, Гроссъ-Бергеномъ, Бріеномъ и Парижемъ, и въ торжественномъ вступленіи войскъ въ столицу Франціи. Прослуживъ до половины 1819 года, онъ вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ, гдѣ познакомился и сошелся съ Жуковскимъ, Воейковымъ и Денисомъ Давыдовымъ, въ кругу которыхъ однажды робко прочиталъ своё первое произведеніе: „Исторія города Дерпта“, отрывокъ изъ которой былъ напечатанъ въ „Вѣстникѣ Европы“ на 1820 годъ. Удовлетворивъ одному желанію своей молодости—желанію испытать тревоги боевой жизни, онъ рѣшился теперь, не связанный ничѣмъ, привести въ исполненіе второе своё желаніе — сдѣлаться литераторомъ. И дѣйствительно, въ томъ же 1819 году, стали появляться въ „Вѣстникѣ Европы“ (ч. 92—94 и 114, №№ 7, 9—15, 11 и 23) его „Походныя Записки“, полныя интересныхъ, фактовъ, изложенныхъ прекраснымъ языкомъ. „Записки“ были встрѣчены общими похвалами критики и публики, а императрица Елисавета Алексѣевна пожаловала автору золотые часы и изъявила своё согласіе на посвященіе „Записокъ“ ея имени при отдѣльномъ изданіи, которое вышло въ слѣдующемъ году въ Петербургѣ, подъ заглавіемъ: „Походныя Записки Русскаго Офицера“, съ картиною, представляющею казнь смоленскаго помѣщика Энгельгардта, разстрѣляннаго по приказанію Наполеона. Это первое печатное произведеніе Лажечникова проникнуто всё, отъ начала до конца, неподдѣльнымъ жаромъ молодости, пламенною любовью къ отечеству и сознаніемъ европейскаго значенія Россіи. Карьера Лажечникова была устроена. Онъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены Общества Любителей Россійской Словесности при Московскомъ университетѣ и Санктпетербургскаго Вольнаго Общества Любителей Словесности, а 20-го ноября 1820 года назначенъ директоромъ училищъ Пензенской губерніи. Здѣсь, обозрѣвая однажды ввѣренныя ему училища, онъ встрѣтилъ Бѣлинскаго, бывшаго тогда ученикомъ Чембарскаго уѣзднаго училища и потомъ своимъ вліяніемъ способствовалъ его поступленію въ Московскій университетъ. Въ 1823 году онъ былъ переведёнъ на то же мѣсто директора въ Казань. Здѣсь частыя столкновенія съ попечителемъ казанскаго округа Магницкимъ, заставили Лажечникова выйти въ оставку. Это было въ 1826 году. Затѣмъ, Иванъ Ивановичъ поселился въ Москвѣ и здѣсь-то задумалъ онъ своего „Послѣдняго Новика“, для котораго долго сбиралъ матеріалы, и даже ѣздилъ въ Лифляндію, чтобы ознакомиться съ мѣстомъ дѣйствія романа. Наконецъ, романъ былъ оконченъ и изданъ въ 1833 году, подъ заглавіемъ: „Послѣдній Новикъ, или завоеваніе Лифляндіи при Петрѣ Великомъ“. Авторъ былъ провозглашенъ первымъ русскимъ романистомъ, а императоръ Николай Павловичъ и императрица Александра Ѳёдоровна прислали ему по брильянтовому перстню. Вслѣдъ за первымъ романомъ, въ 1835 году появился второй, „Ледяной Домъ“, а въ 1838 третій — „Басурманъ“. Эти три романа прославили имя Лачежникова и доставили ему весьма почётное мѣсто въ исторіи русской литературы. Эти три произведенія не только извѣстны каждому грамотному человѣку въ Россіи, но и за границей, гдѣ они имѣютъ по нѣскольку переводовъ на языки: нѣмецкій, французскій, англійскій, шведскій, датскій, польскій и сербскій. Самъ Пушкинъ нѣсколько преувеличивалъ ихъ значеніе, говоря, будто „они будутъ жить до тѣхъ поръ, пока не забудется русскій языкъ“. Но, несмотря на положительный успѣхъ трёхъ своихъ романовъ, Лажечниковъ, къ удивленію своихъ почитателей, неожиданно замолкъ на 44-мъ году своей жизни. Правда, что и послѣ того онъ печаталъ иногда свои произведенія въ журналахъ; но всё это, за исключеніемъ 1-й главы изъ романа „Колдунъ на Сухаревой башнѣ“, напечатанной въ 1840 году въ „Отечественныхъ Запискахъ“ Свиньина, было крайне слабо, не исключая и драмъ: „Христіанъ II и Густавъ Ваза“ („Библіотека для Чтенія“), „Горбунъ“, „Окопировался“ и „Дочь еврея“ („Отечественныя Записки“, 1849, № 2), перепечатанной въ „Собраніи Сочиненій“, подъ названіемъ: „Вся бѣда отъ стыда“, и ничего не прибавило къ славѣ автора „Послѣдняго Новика“.

Въ 1853 году Лажечниковъ снова поступилъ на службу, и тогда-же былъ назначенъ вице-губерна-

торомъ въ Витебскъ; но, не прослуживъ тамъ и году, просилъ объ увольненіи его отъ должности. Наконецъ, въ 1856 году, онъ получилъ мѣсто цензора въ Петербургскомъ Цензурномъ Комитетѣ. Эту послѣднюю должность Лажечниковъ занималъ по 28-е мая 1858 года, послѣ чего вышелъ въ отставку съ полнымъ пенсіономъ. Въ 1862 году вышелъ въ свѣтъ, никѣмъ не замѣченный, новый его романъ въ 4-хъ частяхъ „Немного лѣтъ назадъ“, а въ 1868 — былъ напечатанъ въ журналѣ „Всемірный Трудъ“ другой его романъ въ 2-хъ частяхъ: „Внучка панцырнаго боярина“, такъ же мало обратившій на себя вниманіе, какъ и первый. Кромѣ исчисленныхъ нами сочиненій Лажечникова, имъ были написаны, во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ, и напечатаны въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ слѣдующіе три весьма интересные и прекрасно изложенные разсказа: „Бѣленькіе, черненькіе и сѣренькіё“, „Знакомство моё съ Пушкинымъ“ и „Гримаса моего доктора“, заставившіе каждаго, по ихъ прочтеніи, вспомнить прежняго Лажечникова, подарившаго Россію прекрасными произведеніями. Наконецъ, въ 1868 и 1869 годахъ на петербургской сценѣ появились, съ значительнымъ успѣхомъ, двѣ новыя драмы его: „Опричникъ“ и „Матери-соперницы“. Первая изъ нихъ была напечатана въ „Русскомъ Словѣ“ на 1859 годъ, а въ 1867 году вышла отдѣльною книжкою въ Москвѣ. Въ началѣ 1869 года многіе изъ почитателей Лажечникова вспомнили, что въ маѣ мѣсяцѣ этого года должно исполниться ровно пятьдесятъ лѣтъ со времени появленія въ печати перваго его произведенія (отрывка изъ „Походныхъ Записокъ“) въ „Вѣстникѣ Европы“ (1819, ч. 92, № 7, стр. 209) и рѣшили отпраздновать это пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности Лажечникова юбилейнымъ торжествомъ въ Москвѣ. 4-го мая 1869 года многочисленная публика собралась на праздникъ. Подарки, поздравительныя телеграммы и привѣтственныя письма, присланныя со всѣхъ концовъ Россіи, и, во главѣ ихъ, милостивый рескриптъ Наслѣдника Цесаревича, ожидали юбиляра; но самъ юбиляръ не явился на свой юбилей: тяжкая болѣзнь приковала его къ постели, и смерть уже носилась надъ нимъ. Рескриптъ былъ выслушанъ съ восторгомъ. „Мнѣ пріятно заявить вамъ при этомъ случаѣ“, писалъ наслѣдникъ Цесаревичъ, что „Послѣдній Новикъ“, „Ледяной Домъ“ и „Басурманъ“, вмѣстѣ съ романами Загоскина, были, въ первые годы моей молодости, любимымъ моимъ чтеніемъ и возбуждали во мнѣ ощущенія, о которыхъ и теперь съ удовольствіемъ вспоминаю. Я всегда былъ того мнѣнія, что писатель, оживляющій исторію своего народа поэтическимъ представленіемъ его событій и дѣяній, въ духѣ любви къ родному краю, способствуетъ къ оживленію народнаго самосознанія и оказываетъ немаловажную услугу не только литературѣ, но и цѣлому обществу“.

Полтора мѣсяца спустя, послѣ юбилея, — 26-го іюня 1869 года, Лажечникова не стало. Похороны его происходили въ Москвѣ, 28-го іюня, и тѣло его погребено въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

„Собраніе Сочиненій И. И. Лажечникова“ вышло ещё при жизни автора въ Петербургѣ, въ 1858 году, въ 8-ми частяхъ.

ПѢСНЯ.

Сладко пѣлъ душа соловушко
Въ зелено́мъ моёмъ саду;
Много, много зналъ онъ пѣсенокъ,
Слаще не́ было одной.

Ахъ! та пѣснь была завѣтная,
Рвала бѣлу грудь тоской;
А всё слушать-бы хотѣлося,
Не расталась вѣкъ-бы съ ней.

Вдругъ подуло со полуночи:
Будто на̀ сердце легла
Снѣговая непогодушка
И мой садикъ занесла.

Со того-ли со безвременья
Опустѣлъ зелёный садъ:
Много пташекъ, много пѣсенъ въ нёмъ,
Только милой не слыхать.

Слышите-ль, мои подруженьки?
Въ зелено́мъ моёмъ саду
Не поётъ-ли мой соловушко
Пѣснь завѣтную свою?

„Гдѣ ужъ помнить перелётному“,
Мнѣ подружки говорятъ:
„Пѣсню, можетъ-быть, постылую
Для него въ чужомъ краю?“

Нѣтъ, запѣлъ душа соловушко:
Въ чужеземной сторонѣ
Онъ всё горькій сиротинушка,
Онъ всё тотъ-же, что́ и былъ.

Не забылъ онъ пѣсню завѣтную;
Всё про край родной поётъ,
Всё поётъ въ тоскѣ про милую:
Съ этой пѣснью и умрётъ.

Н. Ф. ПАВЛОВЪ.

Николай Филипповичъ Павловъ, русскій писатель и журналистъ, родился въ 1803 году въ Москвѣ, въ семьѣ вольноотпущеннаго. Проживъ въ семействѣ до десятилѣтняго возраста, онъ былъ отданъ отцемъ въ московскую Театральную Школу, изъ которой былъ выпущенъ въ самомъ началѣ двадцатыхъ годовъ, съ званіемъ артиста императорскихъ московскихъ театровъ. Прослуживъ, послѣ перваго дебюта въ роли „Эгиста", въ *Меропѣ* Вольтера, ещё около двухъ лѣтъ при театрѣ и испробовавъ свои силы въ нѣсколькихъ роляхъ, Павловъ убѣдился окончательно, что сцена—не его призваніе, и оставилъ службу при театрѣ. Надо прибавить, что, независимо отъ сознанія своей неспособности сдѣлаться хорошимъ актёромъ, его побуждало къ этому рѣшительному шагу ещё одно постороннее обстоятельство, которое уже давно тревожило его воображеніе и отвлекало его отъ сцены. Это постороннее обстоятельство—была его страстная любовь къ литературѣ, влеченіе къ которой началось ещё въ Театральной Школѣ. Ещё въ школѣ пописывалъ онъ украдкой стихи, а по выходѣ изъ нея, предался этому занятію всецѣло, и сталъ посвящать ему почти всё своё свободное отъ занятій по театру время. Но вскорѣ Николай Филипповичъ сознàлъ всю недостаточность своего воспитанія, полученнаго въ Театральной Школѣ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и всю невозможность сдѣлаться хорошимъ писателемъ, безъ хорошей подготовки. Это сознаніе заставило его приняться снова за книги, что̀, чрезъ годъ, дало ему возможность поступить въ Московскій университетъ. Прослушавъ полный курсъ юридическихъ наукъ, Павловъ вышелъ изъ университета кандидатомъ, и принялся снова за сочиненіе стиховъ и прозаическихъ статей. Выходъ его изъ университета какъ разъ совпалъ съ выходомъ первыхъ книжекъ „Московскаго Телеграфа", издававшагося Полевымъ. Павловъ рѣшился попытать счастья: онъ послалъ въ редакцію нѣсколько стихотвореній—и они были напечатаны. Ободренный этимъ первымъ успѣхомъ, онъ принялся за перо съ удвоенною ревностью—и стихи полились обильнымъ потокомъ. Конечно, большая часть ихъ была крайне плоха, но за-то выдавались и такіе, которые „Московскій Телеграфъ" охотно помѣщалъ на своихъ страницахъ. Затѣмъ, въ 1825 году Павловъ перевёлъ съ французскаго стихами трагедію Лебрёна „Марія Стюартъ" и издалъ её особой книжкой, а въ 1830-мъ напечаталъ въ альманахѣ „Радуга" отрывокъ изъ комедіи-водевиля „Старъ и молодъ", окончанія котораго публика не дождалась.

Какъ ни нравились Павлову литературныя занятія, которымъ онъ постоянно предавался съ увлеченіемъ, тѣмъ не менѣе онъ скоро убѣдился, что жить литературнымъ трудомъ невозможно. Это побудило его поступить волей-неволей на службу. Послѣ долгихъ мытарствъ, ему удалось, наконецъ, попасть въ московскій надворный судъ, въ которомъ онъ прослужилъ довольно долго, и, пройдя всѣ ступени служебной іерархіи, занималъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мѣсто судьи, но всё-же вышелъ въ отставку. Затѣмъ, въ 1841 году, по приглашенію московскаго генералъ-губернатора, Димитрія Владиміровича Голицына, онъ поступилъ къ нему чиновникомъ по особымъ порученіямъ, и занималъ это мѣсто до новой отставки, послѣдовавшей въ концѣ сороковыхъ годовъ, по смерти Голицына. Но и служебныя занятія не отвлекали его вполнѣ отъ занятій литературныхъ, которымъ онъ продолжалъ предаваться въ свободное время съ прежнимъ увлеченіемъ. Такъ, въ теченіе своей службы, онъ издалъ цѣлый рядъ повѣстей, подъ заглавіемъ: „Три повѣсти Н. Павлова" (М. 1835) и „Новыя повѣсти Н. Ф. Павлова: Маскарадъ, Демонъ и Милліонъ" (М. 1838), и напечаталъ въ 1-й части „Московскаго Наблюдателя" 1838 года стихотвореніе „Геній мира" въ 9-мъ № „Отечественныхъ Записокъ" на 1839 годъ свой переводъ пяти-актной драмы Шекспира „Венеціанскій купецъ", а въ „Утренней Зарѣ" на 1840 годъ два стихотворенія: „Куплеты" и „Романсъ". Появленіе первой книжки „Повѣстей Павлова", запрещённыхъ вскорѣ по выходѣ ея, заставило обратить на него вниманіе.

По выходѣ въ отставку и послѣ долгаго молчанія, Павловъ съ новою энергіею принялся за перо. Лучшимъ произведеніемъ этого новаго періода литературной дѣятельности Павлова были четыре знаменитыхъ письма его къ Гоголю, напечатанныя первоначально въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" 1847 года, затѣмъ перепечатанныя въ 5-мъ и 6-мъ нумерахъ „Современника" того же года, и

написанныхъ по поводу „Выбранныхъ Мѣстъ Переписки съ друзьями“, огорчившей всѣхъ поклонниковъ великаго писателя, которые увидали въ этомъ произведеніи явный признакъ упадка его таланта и даже начало душевнаго недуга. Впечатлѣніе, произведённое на публику этими письмами, было, по-истинѣ, поразительно. Всё заговорило о нихъ — и всѣ, такъ горячо сочувствовавшіе Гоголю до изданія его книги, отшатнулись отъ него съ недоумѣніемъ. Въ 1849 году Павловъ помѣстилъ въ „Москвитянинѣ“ біографическую замѣтку объ Эвансѣ, съ цѣлью, какъ онъ говорилъ: „почтить память человѣка, который принадлежалъ къ числу иностранцевъ-воспитателей, но котораго уже, конечно, нельзя было обвинить ни въ недостаткѣ любви къ Россіи, его второму отечеству, ни въ недостаткѣ обширнаго просвѣщенія, составляющаго нашу вторую благороднѣйшую природу“. Затѣмъ, въ теченіе слѣдующихъ десяти лѣтъ, Павловъ не писалъ ничего замѣчательнаго, и только въ 1857 году двѣ критическія статьи его: „Біографъ-оріенталистъ“ и, въ особенности, Разборъ комедіи графа Соллогуба „Чиновникъ“, напечатанныя въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ того же года — заставили всѣхъ снова заговорить о Павловѣ и его критическомъ талантѣ. Въ слѣдующемъ 1858 году, въ 16-й и 21-й книжкахъ того же „Русскаго Вѣстника“, появились двѣ новыхъ статьи Павлова: „Вопросъ о евреяхъ“ и „Вотяки и г-нъ Дюма“, надѣлавшія, какъ и предыдущая статья, много шума и заставившія говорить о себѣ довольно долго. Послѣдними статьями, помѣщёнными Павловымъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, были: „Изъ московскихъ записокъ“ и „Италіанскій вопросъ“ (1859, т. 22). Въ послѣдніе годы своей жизни, именно, въ 1860 году, Павловъ предпринялъ изданіе газеты „Наше Время“, не имѣвшей успѣха, не смотря на многія прекрасныя статьи, принадлежавшія перу самого редактора-издателя и нѣкоторымъ изъ его сотрудниковъ. Изъ статей Павлова, можно указать на три: „А. П. Ермоловъ“, „Ещё о юбилеѣ князя П. А. Вяземскаго и о великосвѣтскихъ людяхъ“ и „Г-нъ Чернышевскій и его время“. („Наше Время“, 1861, №№ 14, 18 и 28). „Наше Время“, выходившее первые два года еженедѣльно, съ 1862 стало выходить ежедневно; но и это улучшеніе не поправило дѣла: на 126 нумерѣ 1863 года газета прекратилась, а вмѣсто ея стала выходить, подъ той-же редакціей, другая, общедоступная по цѣнѣ, газета: „Русскія Вѣдомости“.

Павловъ скончался 29-го марта 1865 года въ Москвѣ.

I.

СѢВЕРЪ.

Люблю тебя, страны моей родной
Широкій сводъ туманно-голубой,
Когда надъ сжатыми, просторными полями
Ты низомъ стелешься, волнуясь облаками,
И вдаль идёшь — и всюду твой просторъ
Являетъ тотъ же необъятный кругозоръ.

Однообразны Сѣвера картины:
Не веселъ видъ его нѣмыхъ полей:
Ни пашни долгія, ни долгія равнины
Суровой прелестью и грустію своей
Природою изнѣженнаго сына
Не привлекутъ восторженныхъ очей.

Но — сынъ задумчивый задумчиваго края —
Онъ любитъ родину: ея печаль
Его душѣ — знакомая, родная.
Отъ раннихъ лѣтъ глядитъ онъ съ грустью въ даль,
Какъ небо родины его угрюмой,
Съ холодной вопрошающею думой.

И пѣсня-ли порой по степи прозвучитъ —
Суровая, её не оживитъ.
Какъ жизнь — она протяжна и уныла,
Какъ сердце — жалобы безропотной полна;
Случайной странницей заслышалась она —
И пуще тайныя мечты расшевелила.

II.

Не говори, что сердцу больно
Отъ ранъ чужихъ;
Что слёзы катятся невольно
Изъ глазъ твоихъ!
Будь молчалива, какъ могилы,
Кто ни страдай,
И за невинныхъ Бога силы
Не призывай!
Твоей души святые звуки,
Твой дѣтскій бредъ —
Перетолкуетъ всё отъ скуки
Безбожный свѣтъ.

III.

КУПЛЕТЫ.

ГОЛОСЪ.

Я знала васъ въ саду природы,
Гдѣ всѣ искусства принялись,

Гдѣ въ свѣтло-голубыя воды
Глядятся лавръ и кипарисъ.
Тамъ грѣетъ солнце не родное,
Тамъ гордо блещетъ Римъ чужой;
Но подлѣ васъ и всё чужое
Казалось мнѣ родной Москвой.

Я знала васъ, когда побѣда
Сверкала въ голубыхъ очахъ,
Подъ чернымъ панцыремъ Танкреда,
Съ волшебной пѣснью на устахъ.
Гремѣла вамъ толпа живая,
И взорамъ видѣлось моимъ,
Какъ наша тихая Тверская
Перерождалась въ звучный Римъ.

ХОРЪ.

Съ благоуханнымъ, свѣтлымъ краемъ,
Съ искусствомъ насъ дружили вы;
Мы васъ встрѣчаемъ, провожаемъ,
Какъ самый нѣжный звукъ Москвы;
Какъ всё, чего у жизни мало,
Чѣмъ можно сердце утолить,
Какъ всё, что въ мірѣ заставляло
Мечтать и пѣть, пѣть и любить.

А. Ѳ. ВЕЛЬТМАНЪ.

Александръ Ѳомичъ Вельтманъ, романистъ, поэтъ и археологъ, потомокъ старой шведской фамиліи, поселившейся въ Ревелѣ ещё во время шведскаго владычества, родился 8-го іюля 1800 года въ Петербургѣ, гдѣ отецъ его находился на службѣ въ лейбъ-гвардіи Гренадерскомъ полку. Въ 1811 году онъ былъ отданъ въ благородный пансіонъ при Московскомъ университетѣ, но пробылъ тамъ всего до половины слѣдующаго года: вступленіе французовъ прервало его занятія. Въ 1814 году онъ былъ отвезёнъ въ Петербургъ, отданъ въ частный пансіонъ, послѣ чего вступилъ въ корпусъ колонно-вожатыхъ, изъ котораго былъ выпущенъ въ 1817 году, по экзамену, въ офицеры свиты его императорскаго величества по квартирмейстерской части, т. е. въ генеральный штабъ, въ которомъ и продолжалъ свою службу во второй дѣйствующей арміи. Въ 1828 и 1829 годахъ, во время турецкой войны, Вельтманъ находился при главной квартирѣ старшимъ адъютантомъ генеральнаго штаба и начальникомъ историческаго отдѣленія арміи. По окончаніи войны, чувствуя здоровье своё сильно разстроеннымъ, Александръ Ѳомичъ распростился съ военной службой и поселился въ Москвѣ, съ твёрдымъ намѣреніемъ посвятить свои силы и способности отечественной исторіи и литературѣ. Вскорѣ по переѣздѣ его въ Москву, онъ былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ Московскаго и Одесскаго Обществъ Исторіи и Древностей Россійскихъ и членомъ Общества Любителей Россійской Словесности. Затѣмъ, въ 1842 году, онъ снова вступилъ въ службу—помощникомъ директора Московской Оружейной Палаты; въ 1845 назначенъ членомъ Комитета Изданія Древностей Россійскаго Государства, а въ 1852—директоромъ Оружейной Палаты. Послѣднюю должность онъ занималъ до самой смерти, пройдя всѣ степени служебной іерархіи до чина тайнаго совѣтника.

Вельтманъ началъ своё литературное поприще двумя довольно слабыми поэмами („Бѣглецъ" и „Муромскіе Лѣса", Москва, 1831), почти не замѣченными публикою, хотя одна изъ пѣсенъ „Муромскихъ Лѣсовъ":—„Что отуманилась, зоренька ясная"—благодаря хорошей музыкѣ, облетѣла всю Россію, и до сихъ поръ поётся вездѣ, наравнѣ съ „Тройкою" Глинки. За то третье сочиненіе Александра Ѳомича: „Странникъ" — (3 ч. М. 1832—1840) было встрѣчено очень сочувственно, какъ критикою, такъ и публикою, и пріобрѣло ему громкую извѣстность. Вотъ чтó говоритъ о нёмъ Бѣлинскій: „Странникъ"—это калейдоскопическая игра ума, шалость таланта; это не художественное произведеніе, а дѣло и шутка пополамъ; вы и посмѣётесь, и вздохнёте, а иногда и освѣжитесь болѣе или менѣе сильнымъ впечатлѣніемъ творчества". За „Странникомъ", выдержавшимъ три изданія, послѣдовалъ цѣлый рядъ фантастическихъ романовъ: „Кощей Безсмертный" (3 части, М. 1833); „MMMCDXLVIII годъ. Рукопись Мартына Задеки" (3 части, М. 1833), „Святославичъ, вражій питомецъ" (2 части, М 1835), „Лунатикъ" (2 части, 1836), „Сердце и Думка" (4 части, М. 1838), „Новый Емеля" (4 части, М. 1845), „Предки Каломероса, Александръ Филипповичъ Македонскій" (2 части, М. 1836, продолженіе „Странника"), „Виргинія или поѣздка въ Россію" (2 ч. М. 1837), „Ротмистръ Чернокнижниковъ или Москва въ 1812 году" (3 ч. М. 1837), „Генералъ Каломеросъ" (2 ч. М. 1840), „Приключенія, почерпнутыя изъ моря житейскаго": 1) „Саломея" (М. 1849 и 1864), 2) „Чудодѣй", 2 т. М. 1849, 1856 и 1864), 3) „Воспитанница Сара" (М. 1862 и 1864), 4) „Счастье — несчастье" (М. 1863) и цѣлый рядъ повѣстей („Урсулъ", „Неистовый Роландъ", „Эротида", „Алѣ-

нушка“, „Райна, царевна болгарская“, „Пріѣзжій изъ уѣзда“, „Радой“, „Путевыя впечатлѣнія и, между прочимъ, горшокъ ерани“, „Костешскія скалы“, „Ольга“, „Карьеръ“, „Дочь Иппократа“, „Захарушка-добрая душа и каменная баба“, „Не домъ, а игрушка“, „Два майора“, „Илья Ларинъ“), разбросанныхъ по разнымъ періодическимъ изданіямъ и собранныхъ въ два тома „Повѣстей“ (М. 1837 и Спб. 1843). Изъ всѣхъ названныхъ здѣсь романовъ, „Кощей Безсмертный“ безспорно есть лучшее произведеніе Вельтмана. „Всѣ послѣдовавшіе за „Кощеемъ“ романы Вельтмана“, говоритъ Бѣлинскій: „были ознаменованы талантомъ и достоинствомъ, но всѣ они были ниже лучшаго его произведенія — „Кощея Безсмертнаго“. Кромѣ того, онъ помѣстилъ въ журналахъ и сборникахъ нѣсколько повѣстей, собранныхъ потомъ въ одинъ томъ и изданныхъ въ 1843 году въ Петербургѣ. Драматическія его сочиненія („Колумбъ“, „Ратиборъ Холмогардскій“ (М. 1841), „Ночь на Ивановъ день“ и „Амалатъ-Бекъ“), какъ равно и двѣ его стихотворныя сказки („Троянъ и Ангелица“ (М. 1846) и „Златой и Бѣлла“) — вещи довольно слабыя. Кромѣ того, онъ перевёлъ мѣрной прозой „Слово о полку Игоревѣ“ (М. 1833 и 1861) и 6 первыхъ главъ изъ „Наль и Дамаянти“. Изъ историческихъ трудовъ Вельтмана назовёмъ: „Начертаніе древней исторіи Бессарабіи“ (М. 1828), „О господинѣ Новгородѣ Великомъ „(М. 1834), „Московская Оружейная Палата“ (1844 и 1867), „Достопамятности московскаго Кремля“ (Москва, 1843).

А. Ѳ. Вельтманъ былъ женатъ два раза. Первой супруги лишился онъ въ молодости, а вторую имѣлъ несчастье потерять незадолго до смерти, какъ равно и единственную свою дочь отъ перваго брака, и затѣмъ умеръ въ совершенномъ одиночествѣ. Онъ скончался 11-го января 1870 года, въ Москвѣ, гдѣ и похоронёнъ,

ПѢСНЬ АТАМАНА.

Что отуманилась зоренька ясная,
Пала на землю росой?
Что ты задумалась, дѣвица красная —
Очи блеснули слезой?

Жаль мнѣ покинуть тебя, черноокую!
Пѣвень ударилъ крыломъ,
Крикнулъ: ужъ полночь! Дай чару глубокую,
Вспѣнь поскорѣе виномъ!

Время! ведите коня мнѣ любимаго,
Крѣпче держать подъ-уздцы!
Ѣдутъ съ товарами въ путь изъ Касимова
Муромскимъ лѣсомъ купцы.

Есть для тебя у нихъ кофточка шитая,
Шубка на лисьемъ мѣху:
Будешь ходить ты вся златомъ облитая,
Спать на лебяжьемъ пуху.

Много за душу твою одинокую,
Много я душъ погублю!
Я-ль виноватъ, что тебя, черноокую,
Больше чѣмъ душу люблю!

Н. В. ГОГОЛЬ.

Николай Васильевичъ Гоголь, величайшій изъ русскихъ повѣствователей, родился 19-го марта 1809 года въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ, Миргородскаго уѣзда, Полтавской губерніи. Родъ Гоголей происходитъ отъ извѣстнаго подольскаго полковника и потомъ гетмана небольшой дружины казаковъ, Остапа Гоголя, о которомъ впервые упоминается въ лѣтописяхъ подъ 1655 годомъ, при описаніи битвы на Дрижиполѣ. Далѣе въ протоколѣ говорится, что полковой писарь Аѳанасій Гоголь (дѣдъ нашего поэта), въ доказательство своихъ правъ на дворянство, представилъ документы на имѣнія, перешедшія къ нему отъ дѣда жены его, полковника Танскаго, и тестя бунчуковаго товарища Семёна Лизогуба. „Замѣтимъ“, говоритъ г. Кулишъ въ своихъ „Запискахъ о жизни Гоголя“: „что полковникъ Остапъ, игравшій роль посла въ Турціи, полковникъ Танскій, знатный шляхтичъ польскій, и Яковъ Лизогубъ, генеральный обозный — всё это должны были быть образованнѣйшіе люди своего времени. Что касается дѣдушки поэта, полковаго писаря, то уже одно это званіе показываетъ, что онъ могъ получить образованіе въ Кіевской Духовной Академіи, или по крайней мѣрѣ въ одной изъ семинарій, которыя занимали тогда мѣсто нынѣшнихъ гимназій, и, кто знаетъ, не изъ его-ли разсказовъ заимствовалъ Гоголь разныя обстоятельства жизни стариннаго бурсака, находимыя нами въ его повѣсти „Вій“? Если это и не такъ, то можно сказать почти навѣрное, что съ него рисовалъ онъ своего идиллическаго Аѳанасія Ивановича“.

Дѣтство и юность будущаго писателя прошли въ

семьѣ, въ усадьбѣ Васильевкѣ, принадлежащей его отцу, Василью Аѳанасьевичу Гоголю-Яновскому, и въ гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко, незадолго предъ тѣмъ основанной въ городѣ Нѣжинѣ. Изъ ранняго дѣтства Гоголя извѣстно только, что онъ росъ подъ руководствомъ своей матери, Маріи Ивановны, рождённой Косяровской, и на глазахъ отца, человѣка остроумнаго и начитаннаго, который, группируя около себя всё лучшее общество Миргородскаго уѣзда, былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ своимъ сосѣдомъ, бывшимъ министромъ юстиціи Дмитріемъ Прокофьевичемъ Трощинскимъ, въ имѣніи котораго былъ имъ устроенъ домашній театръ, имѣвшій свою долю вліянія на развитіе будущаго писателя. Первымъ наставникомъ Гоголя былъ какой-то наёмный семинаристъ, подъ руководствомъ котораго онъ нѣкоторое время готовился, вмѣстѣ съ своимъ младшимъ братомъ Иваномъ, къ поступленію въ Полтавскую гимназію: но смерть послѣдняго была причиной, что предполагаемый планъ не былъ приведёнъ въ исполненіе, вслѣдствіе чего Гоголь и оставался ещё нѣкоторое время дома, то-есть до того времени, когда отецъ Гоголя получилъ извѣстіе объ открытіи въ Нѣжинѣ гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко, съ пріобщеніемъ добраго совѣта отдать сына въ находившійся при ней пансіонъ, что и было исполнено въ маѣ мѣсяцѣ 1821 года.

Бывшіе наставники Гоголя отзывались о нёмъ, какъ о мальчикѣ скромномъ и *добронравномъ*. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ *смирною овечкою*. Напротивъ, маленькія, злыя ребяческія проказы были въ его духѣ, и то, что̀ онъ разсказываетъ въ „Мертвыхъ Душахъ“ о *гусарѣ*, списано имъ съ натуры, такъ-какъ подобныя затѣи были и между его товарищами въ большомъ ходу.

По свидѣтельству товарищей Гоголя, охота писать стихи высказалась у него впервые по случаю его нападокъ на одного изъ своихъ товарищей, котораго онъ преслѣдовалъ насмѣшками за низкую стрижку волосъ и прозвалъ Разстригою Спиридономъ. Вечеромъ, въ день именинъ своей жертвы, Гоголь выставилъ въ гимназической залѣ транспарантъ собственнаго издѣлія, съ изображеніемъ чорта, стригущаго монаха, снабдивъ его слѣдущимъ акростихомъ:

Се образъ жизни нечестивой,
Пугалище монаховъ всѣхъ,
Инокъ монастыря строптивой,
Разстрига, сотворившій грѣхъ.
И за сіе-то преступленье
Досталъ онъ титулъ сей.
О, чтецъ! имѣй терпѣнье,
Начальныя слова въ устахъ запечатлѣй

Вскорѣ затѣмъ, по разсказамъ тѣхъ же товарищей Гоголя, онъ написалъ сатиру на жителей Нѣжина, подъ нижеслѣдующимъ заглавіемъ: „Нѣчто о Нѣжинѣ, или дуракамъ законъ не писанъ“, въ которой изобразилъ типическія лица всѣхъ сословій. Для этого онъ взялъ нѣсколько торжественныхъ случаевъ, при которыхъ то или другое сословіе всего болѣе проявляло свои характеристическія черты, и по этимъ случаямъ раздѣлилъ свое сочиненіе на слѣдующіе отдѣлы: „Освященіе церкви на Греческомъ Кладбищѣ“, „Выборъ въ Греческій Магистратъ“, „Всеѣдная Ярмарка“, „Обѣдъ у предводителя“, „Роспускъ и съѣздъ студентовъ“. Кромѣ того, соученикъ и другъ дѣтства и первой молодости Гоголя, Прокоповичъ, сохранилъ воспоминаніе о томъ, какъ Гоголь, бывши ещё въ одномъ изъ первыхъ классовъ гимназіи, читалъ ему наизусть свою стихотворную балладу, подъ заглавіемъ „Двѣ рыбки“, въ которой подъ двумя рыбками онъ весьма трогательно изобразилъ судьбу свою и своего покойнаго брата. Наконецъ, сохранилось преданіе ещё объ одномъ ученическомъ произведеніи Гоголя—о трагедіи „Разбойники“, написанной пятистопными ямбами.

Но Гоголь не долго довольствовался своими первыми успѣхами въ стихотворствѣ. Ему захотѣлось сдѣлаться журналистомъ — и онъ вскорѣ осуществилъ своё желаніе, стоившее ему большихъ трудовъ, такъ-какъ ему приходилось почти одному работать по всѣмъ отдѣламъ, затѣмъ приниматься за переписку всего сочинённаго на-бѣло и, наконецъ, что̀ было всего важнѣе, изготовлять обёртку, на подобіе печатной. „Гоголь“, говоритъ г. Кулишъ: „хлопоталъ изо всѣхъ силъ, чтобъ придать своему изданію наружность печатной книги, и просиживалъ ночи, разрисовывая заглавный листокъ, на которомъ красовалось названіе журнала: „Звѣзда“. Всё это дѣлалось, разумѣется, украдкою отъ товарищей, которые не прежде должны были узнать содержаніе книжки, какъ по ея выходѣ изъ редакціи. Наконецъ, перваго числа мѣсяца книжка журнала выходила въ свѣтъ. Издатель бралъ иногда на себя трудъ читать вслухъ свои и чужія статьи. Всё внимало и восхищалось. Въ „Звѣздѣ“, между прочимъ, помѣщена была повѣсть Гоголя: „Братья Твердиславичи“ (подражаніе повѣстямъ, появляв-

шимся въ тогдашнихъ современныхъ альманахахъ), и разныя его стихотворенія. Всё это написано было такъ-называемымъ „высокимъ“ слогомъ, изъ-за котораго бились и всѣ сотрудники редактора. Гоголь былъ комикомъ во время своего ученичества только на дѣлѣ: въ литературѣ онъ считалъ комическій элементъ слишкомъ низкимъ“.

Но и журналистика не долго занимала Гоголя. Воротясь однажды, послѣ каникулъ, въ гимназію, онъ привёзъ съ собою комедію, написанную на малороссійскомъ языкѣ и игравшуюся на домашнемъ театрѣ его деревенскаго сосѣда Трощинскаго — и изъ журналиста сдѣлался директоромъ театра и актёромъ. Кулисами служили ему классныя доски, а недостатокъ въ костюмахъ дополняло воображеніе артистовъ и публики. Съ этого времени театръ сдѣлался страстью Гоголя и его товарищей, такъ что, послѣ предварительныхъ опытовъ, ученики сложились и устроили себѣ кулисы и костюмы, копируя, разумѣется, по указаніямъ Гоголя, театръ, на которомъ подвизался его отецъ. Какъ актёръ лицейскаго театра, Гоголь особенно хорошъ былъ въ комическихъ роляхъ, при чёмъ роль Простаковой въ „Недорослѣ“ была его торжествомъ.

По окончаніи, въ 1828 году, лицейскаго курса, Гоголь, съ аттестатомъ и правомъ на чинъ 14-го класса, покинулъ Нѣжинъ и отправился къ матери, овдовѣвшей въ отсутствіе сына, и нѣсколько мѣсяцевъ прожилъ въ родной деревнѣ. Затѣмъ, весной слѣдующаго года, онъ явился двадцатилѣтнимъ юношей, крайне слабаго здоровья и впечатлительнаго и тревожнаго характера, съ цѣлью опредѣленія на службу, въ Петербургъ, гдѣ и прожилъ семь лѣтъ. Въ эти года совершилось первое, быстрое и болѣе спокойное развитіе его могущественнаго творческаго таланта. Потерпѣвъ неудачу въ своёмъ покушеніи поступить на сцену и прихлопнутый Полевымъ въ лицѣ В. Алова, подъ именемъ котораго была напечатана имъ, въ 1829 году, отдѣльной книжкой, его стихотворная поэма „Ганцъ Кюхельгартенъ“, Гоголь внезапно выступилъ предъ публикой съ новымъ своимъ произведеніемъ — „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“, прикрытый псевдонимомъ Рудого Панько—и сразу занялъ высокое мѣсто въ русской литературѣ. Книга была принята огромнымъ большинствомъ любителей литературы съ восторгомъ, и не прошло года, какъ уже появилась въ печати вторая часть „Вечеровъ“.

Прослуживъ около года въ департаментѣ удѣловъ, куда былъ опредѣлёнъ 10-го апрѣля 1830 года, Гоголь, вслѣдствіе ходатайства Жуковскаго и Плетнёва, получилъ 10-го марта 1831 года мѣсто старшаго учителя исторіи въ Патріотическомъ Институтѣ. Вслѣдъ затѣмъ Гоголь, уже напечатавшій „Главу изъ историческаго романа“, съ подписью 0000, въ „Сѣвѣрныхъ Цвѣтахъ“ на 1831 годъ, издаваемыхъ барономъ Дельвигомъ, сдѣлался лично извѣстенъ Пушкину, и далъ четыре статьи для помѣщенія въ „Литературной Газетѣ“ Дельвига, гдѣ они и были напечатаны въ №№ 1, 4 и 17, подъ заглавіемъ: „Учитель“, „Нѣсколько мыслей о преподаваніи дѣтямъ Географія“, „Женщина“ и „Успѣхъ посольства“. Введённый (на обѣдѣ, данномъ 19-го февраля 1834 года по случаю перенесенія книжнаго магазина Смирдина съ Мойки на Невскій проспектъ) въ кругъ литераторовъ, Гоголь украсилъ Смирдинскій альманахъ „Новоселье“ извѣстной своей повѣстью „О томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“. Въ томъ же году были помѣщены имъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ три педагогическихъ статьи, подъ заглавіемъ: „Планъ преподаванія всеобщей исторіи“, „Отрывокъ изъ исторіи Малороссіи“ и „О малороссійскихъ пѣсняхъ“, а 24-го іюля 1834 года Гоголь былъ утверждёнъ адъюнктомъ Санктпетербургскаго университета по каѳедрѣ всеобщей исторіи, гдѣ онъ блистательно прочёлъ свою вступительную лекцію „О среднихъ вѣкахъ“. Въ 1835 году, продолжая занимать университетскую каѳедру, Гоголь издалъ, подъ общимъ заглавіемъ „Миргородъ“, рядъ повѣстей, служащихъ продолженіемъ „Вечеровъ на Хуторѣ близъ Диканьки“, въ двухъ частяхъ, и „Арабески“, другой сборникъ повѣстей, въ двухъ же частяхъ.

Проведя лѣто и осень 1835 года въ Малороссіи, а зиму — въ Петербургѣ, Гоголь снова почувствовалъ непреодолимое желаніе поправить своё здоровье въ тёпломъ климатѣ — и сталъ собираться на Кавказъ или куда-нибудь въ другое тёплое мѣсто. Второе изданіе „Вечеровъ на Хуторѣ“ и постановка на сцену „Ревизора“ доставили ему необходимыя для того средства—и весной 1835 года онъ уже былъ за границей. „Съ выѣздомъ за границу“, говоритъ г. Кулишъ: „начинается въ жизни Гоголя новый періодъ, въ которомъ онъ, по его письмамъ, является намъ сперва дѣтски-безпечнымъ, какъ школьникъ, вырвавшійся на просторъ, и яснымъ, какъ сіяющее небо европейскаго юга, потомъ всё болѣе и болѣе сумрачнымъ и, наконецъ, загадочно-торжественнымъ“. Поселившись

въ Римѣ и пользуясь вполнѣ ниспосланнымъ ему, наконецъ, полнымъ просторомъ и досугомъ, Гоголь написалъ или только докончилъ первую часть „Мёртвыхъ душъ“, геніальнѣйшаго изъ своихъ произведеній, въ которомъ отразилось спокойствіе, лежащее надъ *вѣчнымъ городомъ* и виденъ широкій ходъ эпопеи, проникшій и охватившій душу поэта при безконечномъ чтеніи эпопеи Рима. Въ 1839 году Гоголь возвратился въ Москву совершенно здоровымъ и весёлымъ; но о „Мёртвыхъ Душахъ“ ни съ кѣмъ не говорилъ и на вопросы о нихъ отвѣчалъ съ неудовольствіемъ, что у него нѣтъ ничего готоваго. Проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ домѣ у Погодина, онъ въ октябрѣ того же года уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ прожилъ также нѣсколько мѣсяцевъ у Жуковскаго, жившаго въ то время во дворцѣ, при чёмъ однажды сказалъ ему, что, кромѣ труда, завѣщаннаго ему Пушкинымъ, совершеніе котораго онъ считаетъ задачею своей жизни, то-есть „Мёртвыхъ Душъ“, у него составлена въ головѣ трагедія изъ исторіи Запорожья, въ которой всё готово даже до послѣдней нитки въ одеждѣ дѣйствующихъ лицъ, что это его давнишнее, любимое дитя, что онъ считаетъ, что эта пьеса будетъ лучшимъ его произведеніемъ и что ему будетъ слишкомъ достаточно двухъ мѣсяцевъ, чтобы переписать её на бумагу. По возвращеніи въ Москву, Гоголь началъ читать „Мёртвыя Души“ и въ разное время прочёлъ шесть главъ. Читалъ также отрывки изъ комедіи „Тяжба“ и начало италіанской повѣсти „Анунціата“, которое потомъ было нѣсколько передѣлано и составило статью „Римъ“, напечатанную въ „Москвитянинѣ“. Всё это время Гоголь чувствовалъ себя хорошо; но осенью 1840 года сильно заболѣлъ, послѣ чего характеръ его внезапно перемѣнился. Вотъ чтó говоритъ объ этой перемѣнѣ С. Т. Аксаковъ, въ своихъ „Запискахъ“: „18-го октября 1841 года внезапно Гоголь явился у насъ въ домѣ. Въ этотъ годъ послѣдовала новая, большая перемѣна въ Гоголѣ, не въ отношеніи къ наружности, а въ отношеніи къ его нраву и свойствамъ. Впрочемъ, и по наружности онъ сталъ худъ, блѣденъ, и тихая покорность волѣ Божіей слышна была въ каждомъ его словѣ. Гастрономическаго направленія и прежней проказливости какъ-будто никогда и не бывало. Иногда—очевидно, безъ намѣренія—слышался юморъ и природный его комизмъ; но смѣхъ слушателей, прежде непротивный ему или незамѣчаемый имъ, въ настоящее время сейчасъ заставлялъ его перемѣнить тонъ разговора. Покуда переписывались первыя шесть главъ „Мёртвыхъ Душъ“, Гоголь прочёлъ мнѣ, моему сыну Константину и М. П. Погодину, остальныя пять главъ. Рукопись поспѣшно переписывалась и немедленно была отослана въ цензуру, въ Петербургъ. По полученіи рукописи изъ цензуры, немедленно приступили къ печатанію 2500 экземпляровъ. Обёртка была нарисована самимъ Гоголемъ. Не смотря на то, что Гоголь былъ сильно занятъ изданіемъ „Мёртвыхъ Душъ“, очевидно было, что онъ часъ-отъ-часу болѣе разстраивался духомъ и даже тѣломъ. Онъ сталъ страдать головокруженіемъ и однимъ разъ впалъ въ такой сильный обморокъ, что долго лежалъ безъ всякой помощи, потому что это случилось на верху въ мезонинѣ, гдѣ онъ жилъ и гдѣ у него на ту пору никого не было. Вдругъ дошли до насъ слухи стороной, что Гоголь сбирается уѣхать за границу и очень скоро. Мы сначала не повѣрили и спросили самого Гоголя, который отвѣчалъ неопредѣлённо: „можетъ-быть“; но вскорѣ сказалъ рѣшительно, что онъ ѣдетъ, что онъ не можетъ долѣе оставаться, потому-что не можетъ писать, потому-что такое положеніе разрушаетъ его здоровье. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого объясненія, часовъ въ семь послѣ обѣда, вдругъ вошелъ къ намъ Гоголь, съ образомъ Спасителя въ рукахъ, съ сіяющимъ и просвѣтленнымъ лицомъ и сказалъ: „Я всё ждалъ, что кто-нибудь благословитъ меня образомъ; но никто не сдѣлалъ этого. Наконецъ Иннокентій благословилъ меня, и теперь я могу объявить, куда я ѣду: я ѣду ко Гробу Господню“. Гоголь провожалъ преосвященнаго Иннокентія, и тотъ на прощаніе благословилъ его образомъ; Иннокентію, какъ архіерею, весьма естественно было такъ поступить, но Гоголь видѣлъ въ этомъ указаніе свыше. Всѣ разспросы объ отъѣздѣ за границу были Гоголю непріятны. Одинъ разъ спросили его: „Съ какимъ намѣреніемъ онъ пріѣзжалъ въ Россію: съ тѣмъ ли, чтобъ остаться въ ней навсегда, или съ тѣмъ, чтобъ скоро уѣхать?“ Гоголь съ досадою отвѣчалъ: „Съ тѣмъ, чтобы проститься“. Но это была неправда: и письменно, и словесно онъ высказывалъ прежде совсѣмъ другое намѣреніе. На вопросъ: „На долго-ли онъ ѣдетъ?“ Гоголь отвѣчалъ различно. Сначала сказалъ, что уѣзжаетъ на два года, потомъ—на шесть лѣтъ, а одинъ разъ сказалъ, что ѣдетъ на десять лѣтъ. Послѣдній отвѣтъ, вѣроятно, вырвался у него въ досадѣ на скучные вопросы. Одна пожилая женщина, любимая и уважаемая Гоголемъ.

сказала ему, что она будетъ ожидать отъ него описанія Святыхъ Мѣстъ. Гоголь отвѣчалъ: „Да, я опишу вамъ ихъ, но для этого мнѣ надобно очиститься и быть достойнымъ“. Печатанье „Мёртвыхъ душъ“ приходило къ концу, и къ отъѣзду Гоголя успѣли переплести десятка два экземпляровъ, которые ему нужно было раздарить въ Москвѣ и взять съ собою въ Петербургъ. Первые, совсѣмъ готовые, экземпляры были получены 21-го мая прямо къ намъ въ домъ, къ обѣду. У насъ было довольно гостей, по случаю именинъ моего сына Константина, и всѣ обѣдали въ саду. Это былъ въ то же время и прощальный обѣдъ съ Гоголемъ. Здѣсь онъ въ третій разъ обѣщалъ, что черезъ два года будетъ готовъ второй томъ „Мёртвыхъ Душъ“, вдвое толще перваго, но пріѣхать для его напечатанія уже не обѣщалъ. 23-го мая, въ полдень, послѣ завтрака, Гоголь уѣхалъ изъ нашего дома“.

Въ концѣ сентября 1842 года Гоголь былъ снова въ Римѣ, гдѣ дѣятельно принялся за обработку второй части „Мёртвыхъ Душъ“, чтó продолжалось до начала 1845 года, когда онъ снова сильно заболѣлъ. Въ 1848 году Гоголь привёлъ въ исполненіе давно задуманное имъ путешествіе въ Іерусалимъ, съ которымъ онъ мистически связывалъ окончаніе „Мёртвыхъ Душъ“. Путешествіе это, сдѣланное въ сообществѣ своего товарища по гимназіи высшихъ наукъ, Базили, занимавшаго въ то время важный постъ въ Сиріи, сильно разстроило его и безъ того хилое здоровье. По возвращеніи изъ Іерусалима въ Россію, Гоголь поселился у матери, въ своей родной Васильевкѣ, гдѣ занялся продолженіемъ второго тома „Мёртвыхъ Душъ“, какъ это видно изъ его писемъ, а къ осени переѣхалъ въ Москву, гдѣ друзья встрѣтили его съ восторгомъ и окружили самыми почтительными и нѣжными заботами. Живя съ этого времени постоянно въ Москвѣ, за исключеніемъ кратковременной поѣздки зимою 1850 — 1851 года въ Одессу, Гоголь уже не издавалъ ничего, а только продолжалъ трудиться надъ второю частью „Мёртвыхъ Душъ“. Смерть застигла Гоголя 21-го февраля 1852 года, въ Москвѣ, па сорокъ четвёртомъ году жизни.

Тѣло его, какъ почётнаго члена Московскаго университета, перенесено было въ университетскую церковь; 24-го февраля происходило отпѣваніе его, въ присутствіи градоначальника, попечителя Московскаго Учебнаго Округа и многихъ почётныхъ лицъ древней русской столицы. Гробъ вынесенъ былъ изъ церкви профессорами университета и до самаго Данилова монастыря несёнъ преимущественно студентами, при многочисленномъ стеченіи народа. Гоголь похоронёнъ подлѣ своего друга, поэта Языкова. На его надгробномъ камнѣ вырѣзаны слѣдующія слова пророка Іереміи (гл. 8, ст. 20): „Горькимъ словомъ моимъ посмѣюся“.

I.

ИТАЛІЯ.

Италія, роскошная страна!
По ней душа и стонетъ, и тоскуетъ.
Она—вся рай, вся радости полна,
И въ ней любовь роскошная веснуетъ;
Бѣжитъ, шумитъ задумчиво волна
И берега чудесные цѣлуетъ;
Въ ней небеса прекрасныя блестятъ,
Лимонъ горитъ, и вѣетъ ароматъ.

И всю страну объемлетъ вдохновенье,
На всёмъ печать протекшаго лежитъ —
И путникъ зритъ великое творенье,
Самъ пламенный, изъ снѣжныхъ странъ спѣшитъ;
Душа кипитъ и весь онъ—умиленье,
Въ очахъ слеза невольная дрожитъ;
Онъ погруженъ въ мечтательную думу,
Внимаетъ дѣлъ давно минувшихъ шуму.

Здѣсь низокъ міръ холодной суеты,
Здѣсь гордый умъ съ природы глазъ не сводитъ,
И радужнѣй въ сіяньи красоты,
И жарче, и яснѣй по небу солнце ходитъ.
И чудный шумъ, и чудныя мечты
Здѣсь море вдругъ спокойное наводитъ;
Въ нёмъ облаковъ мелькаетъ рѣзвый ходъ,
Зелёный лѣсъ и синій неба сводъ.

А ночь, а ночь вся вдохновеньемъ дышетъ.
Какъ спитъ земля, красой упоена!
И страстно миртъ надъ ней главой колышетъ,
Среди небесъ, въ сіяніи луна
Глядитъ на міръ, задумалась—и слышитъ,
Какъ подъ весломъ проговоритъ волна,
Какъ черезъ сады октавы пронесутся,
Плѣнительно вдали звучатъ и льются.

Земля любви и моря чарованій;
Блистательной мірской пустыни садъ,
Тотъ садъ, гдѣ въ облакѣ мечтаній
Ещё живутъ Рафаэль и Торкватъ!
Узрю-ль тебя я, полный ожиданій?

Душа въ лучахъ и думы говорятъ:
Меня влечётъ и жжетъ твоё дыханье;
Я въ небесахъ — весь звукъ и трепетанье.

II.

ИЗЪ ПОЭМЫ „ГАНЦЪ КЮХЕЛЬГАРТЕНЪ".

Благословенъ тотъ дивный мигъ,
Когда въ порѣ самопознанья,
Въ порѣ могучихъ силъ своихъ;
Тотъ, небомъ избранный, постигъ,
Цѣль высшую существованья,
Когда не грёзъ пустая тѣнь,
Когда не славы блескъ мишурный
Его тревожатъ ночь и день,
Его влекутъ въ міръ шумный, бурный;
Но мысль и крѣпка, и бодра
Его одна объемлетъ, мучитъ
Желаньемъ блага и добра,
Его трудамъ великимъ учитъ.
Для нихъ онъ жизни не щадитъ.
Вотще безумно чернь кричитъ:
Онъ твёрдъ средь сихъ живыхъ обломковъ
И только слышитъ, какъ шумитъ
Благословеніе потомковъ.
Когда-жъ коварныя мечты
Взволнуютъ жаждой яркой доли,
А нѣтъ въ душѣ желѣзной воли,
Нѣтъ силъ стоять средь суеты—
Не лучше-ль въ тишинѣ укромной
По полю жизни протекать,
Семьёй довольствоваться скромной
И шуму свѣта не внимать?

А. С. ХОМЯКОВЪ.

Алексѣй Степановичъ Хомяковъ, извѣстный русскій поэтъ и горячій патріотъ, родился 1-го мая 1804 года въ Москвѣ, въ которой провёлъ безвыѣздно всё дѣтство, отрочество и первую молодость, раздѣляя дѣтскія игры и научныя занятія юности съ такими сверстниками, какъ Д. В. Веневитиновъ, князь В. Ѳ. Одоевскій, братья Кирѣевскіе, А. И. Кошелёвъ и многіе другіе. Благодаря окружавшей его средѣ и хорошему отношенію къ такому недюжинному товариществу, какъ названныя лица, Хомяковъ получилъ весьма солидное образованіе, хотя въ исканіи его не переступалъ родительскаго порога. Сочувствіе всему честному и доброму рано стало потребностью его молодого сердца. Когда извѣстіе о греческомъ возстаніи 1821 года дошло до Москвы и въ газетахъ стали появляться разсказы о славныхъ подвигахъ греческихъ вождей: Колокотрони, Боцариса, Карансками, Канариса, Никитаса и сотни другихъ, воображеніе шестнадцатилѣтняго Хомякова воспламенилось до такой степени, что онъ, не медля ни минуты, покинулъ родительскій домъ и бѣжалъ на югъ, съ цѣлью стать подъ знамёна бойцовъ за независимость. Настигнутый на дорогѣ и возвращённый подъ родительскій кровъ внушеніями благоразумія, Хомяковъ обратился къ поэзіи и сталъ писать стихи, преимущественно библейскаго содержанія. Затѣмъ, въ 1822 году, онъ отправился въ Петербургъ и поступилъ тамъ на службу лейбъ-гвардіи въ Конный полкъ юнкеромъ. Здѣсь онъ, черезъ два года, былъ произведенъ въ корнеты, а 7-го марта 1825 года вышелъ въ отставку, съ чиномъ поручика, „по домашнимъ обстоятельствамъ", какъ сказано въ указѣ. Начиная съ 1826 года, стихотворенія Хомякова стали изрѣдка появляться на страницахъ нашихъ журналовъ, и вскорѣ обратили на себя вниманіе любителей поэзіи своею оригинальностью и блескомъ стиха, такъ-что, спустя годъ или два, по напечатаніи перваго произведенія, имя Хомякова сдѣлалось извѣстнымъ, и голосъ общественнаго мнѣнія сталъ даже причислять его къ поэтамъ пушкинской плеяды. Въ началѣ 1828 года, съ открытіемъ военныхъ дѣйствій противъ турокъ, Хомяковъ снова вступилъ въ военную службу и прослужилъ всю кампанію 1828—1829 годовъ, состоя въ штабѣ одного изъ героевъ этой войны, генерала князя Мадатова. По возвращеніи побѣдоносной арміи въ Россію, Хомяковъ снова вышелъ въ отставку и поселился въ любимой имъ Москвѣ, горячая симпатія къ которой всегда была одною изъ отличительныхъ чертъ характера нашего поэта. Однимъ изъ лучшихъ его стихотвореній этого времени была — ода, написанная имъ по случаю начавшейся тогда борьбы Россіи съ Польшею, въ которой онъ смѣло поднялъ свой голосъ противъ взаимныхъ отношеній двухъ родственныхъ народовъ, какъ это можно видѣть изъ слѣдующей строфы его оды:

Потомства пламеннымъ проклятьемъ
Да будетъ проклятъ тотъ, чей гласъ
Противъ славянъ славянскимъ братьямъ
Мечи вручилъ въ преступный часъ!
Да будутъ прокляты сраженья,

Одноплеменниковъ раздоръ
И перешедшій въ поколѣнья
Вражды безсмысленный позоръ!
Да будутъ прокляты преданья,
Вѣковъ исчезнувшихъ обманъ,
И повѣсть мщенья и страданья,
Вина неисцѣлимыхъ ранъ!

Ободрённый успѣхомъ своихъ лирическихъ стихотвореній, Хомяковъ задумалъ написать чтó-нибудь болѣе серіозное — и вотъ въ 1832 году, въ Москвѣ, явилась въ свѣтъ его первая трагедія въ пяти актахъ „Ермакъ“, написанная прекрасными, звучными стихами, но весьма слабая по содержанію, вслѣдствіе чего и прошла почти незамѣченною. Одинъ Полевой посвятилъ ей въ „Московскомъ Телеграфѣ“ довольно большую критическую статью, въ которой, между-прочимъ, говоритъ: „Ермакъ и всѣ *добрыя* лица его (то-есть автора) трагедіи нисколько не похожи на дерзкихъ, мужественныхъ казаковъ: это нѣмецкіе студенты, прекрасно разговаривающіе по-русски. Если-бы на завоеваніе Сибири отправился какой-нибудь буршъ Геттингенскаго университета, съ толпою товарищей и филистеровъ, то въ трагедіи г. Хомякова была бы истина. Но теперь — ея нѣтъ и слѣда“. Неудача первой пьесы хотя и огорчила молодого поэта, но не уменьшила въ нёмъ ни на волосъ той страстной любви къ поэзіи, которая проникала всё его существо и поддерживала его въ трудныя минуты жизни. Ещё онъ не успѣлъ успокоиться вполнѣ отъ волненія, причинённаго неудачей „Ермака“, когда мысль о новой драмѣ уже начала созрѣвать въ его головѣ. Эта новая пяти-актная трагедія въ стихахъ, подъ названіемъ „Димитрій Самозванецъ“, была окончена въ концѣ того же 1832 года и въ началѣ слѣдующаго, 1833-го, вышла въ свѣтъ отдѣльною книжкой. Появленіе „Димитрія Самозванца“ было замѣчено многими; всѣ хвалили стихъ поэта; многіе восхищались нѣкоторыми вполнѣ-художественными сценами (въ особенности сценой между Димитріемъ и царицей Марѳой), но успѣха пьеса не имѣла и на сцену поставлена не была. Полевой въ томъ же „Московскомъ Телеграфѣ“ и на этотъ разъ не обошелъ своимъ сужденіемъ новаго произведенія Хомякова, какъ это можно видѣть изъ нижеслѣдующаго отрывка; но только сужденіе это было выражено теперь совершенно въ другомъ тонѣ. „Это произведеніе“, говоритъ онъ: „почитаемъ мы самымъ утѣшительнымъ для нашей драматургіи, во-первыхъ, по собственному достоинству онаго, во-вторыхъ, по тѣмъ надеждамъ, какія возбуждаетъ оно. Тутъ видно уже дарованіе гораздо болѣе зрѣлое и болѣе могущественное, нежели въ „Ермакѣ“: виденъ взглядъ мужа, а не юноши“.

Въ 1836 году Хомяковъ женился на Екатеринѣ Михайловнѣ Языковой, сестрѣ извѣстнаго нашего поэта. Въ 1844—1845 годахъ онъ совершилъ своё второе путешествіе за границу, послѣ котораго уже постоянно жилъ — зимою въ Москвѣ, а лѣтомъ въ тульскомъ своёмъ имѣніи. Въ 1852 году онъ имѣлъ несчастіе потерять любимую супругу, оставившую ему семерыхъ дѣтей. Въ началѣ 1853 года Хомяковъ снова обратился къ поэзіи. Какъ ни печальны были для насъ неудачи восточной войны, Хомякова ни на минуту не оставляла надежда на благопріятный исходъ — и торжественные звуки лились и сливались со стономъ, носившимся надъ залитыми русской кровью твердынями Севастополя.

Въ послѣдніе годы своей жизни Хомяковъ обратился къ прозѣ и ознаменовалъ этотъ періодъ своей литературной дѣятельности многочисленными статьями самаго разнообразнаго содержанія, возбудившими много споровъ и сдѣлавшими имя Хомякова извѣстнымъ въ литературѣ, помимо его трагедій и лирическихъ стихотвореній съ библейскимъ колоритомъ. Бóльшая ихъ часть была напечатана въ „Русской Бесѣдѣ“ 1859 и 1860 годовъ и затѣмъ, въ слѣдующемъ 1861 году, издана отдѣльной книгой, подъ заглавіемъ: „Полное собраніе сочиненій А. С. Хомякова. Т. I. Собраніе отдѣльныхъ статей и замѣтокъ разнороднаго содержанія. М. 1861“. Второе же изданіе „Стихотвореній А. С. Хомякова“ было отпечатано въ Москвѣ въ 1868 году.

Хомяковъ скончался отъ холеры, 23-го сентября 1860 года, въ имѣніи своёмъ, селѣ Ивановскомъ, Рязанской губерніи, Данковскаго уѣзда.

Для заключенія, помѣщаемъ здѣсь краткую характеристику А. С. Хомякова, принадлежащую М. Н. Лонгинову, близко знавшему покойнаго писателя: „Общественное значеніе Хомякова было обширно и благотворно. Онъ былъ такъ же, какъ и Чаадаевъ, такъ же, какъ и Грановскій, живымъ протестомъ противъ апатіи, пустоты и своекорыстія, которыя завладѣли стремленіями большинства. Онъ былъ не только центромъ мыслящихъ людей извѣстнаго круга, но вносилъ съ собою оживленіе и напоминанье о высшихъ нравственныхъ требованіяхъ человѣчества и въ сферы, ко-

торыя безъ того оставались бы погруженными въ безпробудный сонъ. На это употреблялъ Хомяковъ данные ему Богомъ дары, которые онъ умѣлъ развить и обогатить: таланты поэта и мыслителя, увлекательный даръ слова, тонкую діалектику, глубокія убѣжденія, энергическій характеръ. Разностороннія, обширныя свѣдѣнія его придавали ему ещё болѣе вѣса, а нравственный характеръ, стоявшій на высотѣ, недоступной никакимъ нареканіямъ и клеветамъ, привлекали къ нему невольно, какъ къ человѣку, независимо отъ уваженія, которое онъ возбуждалъ своимъ талантомъ и познаніями".

I.

МЫ—РОДЪ ИЗБРАННЫЙ.

„Мы—родъ избра́нный!" говорили
Сіона дѣти встарину:
„Намъ Божьи громы осушили
Морей волнистыхъ глубину!

„Для насъ Синай одѣлся въ пламя,
Дрожала горъ кремнистыхъ грудь,
И дымъ и огнь, какъ Божье знамя,
Въ пустыняхъ намъ казали путь!

„Намъ камень лилъ воды́ потоки,
Дождили манной небеса!
Для насъ законъ, у насъ пророки,
Въ насъ Божьей силы чудеса!"

Не терпитъ Богъ людской гордыни.
Не съ тѣми Онъ, кто говоритъ:
„Мы—соль земли, мы—столбъ святыни,
Мы—Божій мечъ, мы—Божій щитъ".

Не съ тѣми Онъ, кто звуки слова
Лепечетъ рабскимъ языкомъ,
И — мёртвенный сосудъ живого —
Душою мёртвъ и спитъ умомъ.

Но съ тѣми Богъ, въ комъ Божья сила.
Животворящая струя,
Живую душу пробудила
Во всѣхъ изгибахъ бытія.

Онъ съ тѣмъ, кто гордости лукавой
Въ слова смиренья не рядилъ,
Людскою не хвалился славой,
Себя кумиромъ не творилъ.

Онъ съ тѣмъ, кто духа и свободы
Ему возноситъ ѳиміамъ.
Онъ съ тѣмъ, кто всѣ зовётъ народы
Въ духовный міръ, въ Господень храмъ

II.

КІЕВЪ.

Высоко́ передо мною
Старый Кіевъ надъ Днѣпромъ;
Днѣпръ сверкаетъ подъ горою
Переливнымъ серебромъ.

Слава, Кіевъ многовѣчный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днѣпръ нашъ быстротечный,
Ру́си чистая купель!

Сладко пѣсни раздалися...
Въ небѣ тихъ вечерній звонъ...
„Вы откуда собралися,
Богомольцы, на поклонъ?"

—„Я оттуда, гдѣ струится
Тихій Донъ—краса степей!"
—„Я оттуда, гдѣ клубится
Безпредѣльный Енисей!"

—„Край мой—тёплый брегъ Эвксина!"
—„Край мой—брегъ тѣхъ дальнихъ странъ,
Гдѣ одна сплошная льдина
Оковала океанъ!"

—„Дикъ и страшенъ видъ Алтая,
Вѣченъ блескъ его снѣговъ:
Тамъ страна моя родная!"
—„Мнѣ отчизна—старый Псковъ!"

—„Я отъ Ладоги холодной!"
—„Я отъ синихъ волнъ Невы!"
—„Я отъ Камы многоводной!"
—„Я отъ матушки-Москвы!"

Слава, Днѣпръ—сѣдыя волны!
Слава, Кіевъ—чудный градъ!
Мракъ пещеръ твоихъ безмолвный
Краше царственныхъ палатъ.

Знаемъ мы: въ вѣка былые,
Въ древнюю но́чь и мракъ глубокъ,
Надъ тобой блеснулъ Россіи
Солнца вѣчнаго востокъ.

И теперь изъ странъ далёкихъ,
Изъ невѣдомыхъ степей,

Отъ полночныхъ рѣкъ глубокихъ —
Полкъ молящихся дѣтей:

Мы вокругъ твоей святыни
Всѣ съ любовью собраны...
Братцы, гдѣ-жъ сыны Волыни?
Галичъ, гдѣ твои сыны?

Горе, горе! ихъ спалили
Польши дикіе костры,
Ихъ сманили, ихъ плѣнили
Польши шумные пиры:

Мечъ и лесть, обманъ и пламя,
Ихъ похитили у насъ;
Ихъ ведётъ чужое знамя,
Ими правитъ чуждый гласъ.

Пробудися, Кіевъ, снова!
Падшихъ чадъ своихъ зови!
Сладокъ гласъ отца роднова,
Зовъ моленья и любви.

И отторженныя дѣти
Лишь услышатъ твой призывъ,
Разорвавъ коварства цѣпи,
Знамя чуждое забывъ,

Снова, какъ во время оно,
Успокоиться придутъ
На твоё святое лоно,
Въ твой родительскій пріютъ.

И вокругъ знамёнъ отчизны
Потекутъ они толпой
Къ жизни духа, къ духу жизни,
Возрождённыя тобой!

III.

НЕ ГОРДИСЬ.

Не гордись передъ Бѣлградомъ,
Прага, Чешскихъ странъ глава!
Не гордись предъ Вышеградомъ,
Златоверхая Москва!

Вспомнимъ — мы родные братья,
Дѣти матери одной:
Братьямъ—братскія объятья,
Къ груди грудь, рука съ рукой!

Не гордися силой длани
Тотъ, кто въ битвѣ устоялъ!
Не скорби, кто въ долгой брани
Подъ грозой судьбины палъ!

Испытанья время строго;
Тотъ, кто палъ—возстанетъ вновь:
Много милости у Бога,
Безъ границъ его любовь!

Пронесётся мракъ ненастный
И — ожиданный давно—
Возсіяетъ день прекрасный,
Братья станутъ заодно.

Всѣ велики, всѣ свободны —
На враговъ побѣдный строй,
Полны мыслью благородной,
Крѣпки вѣрою одной!

IV.

ВИДѢНІЕ.

Беззвѣздная полночь дышала прохладой;
Крутилася Лаба, гремя подъ окномъ;
О Прагѣ я съ грустною думалъ отрадой,
О Прагѣ мечталъ, забываяся сномъ.

Мнѣ снилось—лечу я: орёлъ сизокрылый
Давно и давно-бы въ полётѣ отсталъ,
А я, увлекаемъ невидимой силой,
Всё выше и выше взлеталъ.

И съ неба картину я зрѣлъ величаву —
Въ убранствѣ и блескѣ весь западный край,
Мораву и Лабу и дальную Саву,
Гремящій и синій Дунай.

И Прагу я видѣлъ — и Прага сіяла,
Сіялъ златоверхій на Петчинѣ храмъ,
Молитва славянская громко звучала
Въ напѣвахъ, знакомыхъ минувшимъ вѣкамъ.

И въ старой одеждѣ Святого Кирилла
Епископъ на Петчинъ всходилъ,
И слѣдомъ валила народная сила,
И воздухъ былъ полонъ куреньемъ кадилъ.

И клиръ, воспѣвая небесную славу,
Звалъ милость Господню на западный край,
На Лабу, Мораву, на дальную Саву,
На шумный и синій Дунай.

V.

СЕРБСКАЯ ПѢСНЯ.

Гаснетъ мѣсяцъ на Стамбулѣ,
Всходитъ солнышко свѣтло;

У мадьяръ и турка злого
Никнетъ гордое чело.

Спишь-ли ты, нашъ Королевичъ?
Посмотри-ка, твой народъ
Расходился, словно волны,
Чтó ломаютъ вешній лёдъ!

Спишь-ли, спишь-ли, Королевичъ?
Посмотри-ка, въ чьихъ рукахъ
Блещутъ копья и пищали
На Дунайскихъ берегахъ!

Слушай! трубы загремѣли,
Бьётъ въ раскатахъ барабанъ;
Сербы съ горъ текутъ, какъ рѣки,
Кроютъ поле, какъ туманъ.

Просыпайся, Королевичъ!
Знать, великій часъ насталъ:
У твоей могилы тёмной
Богатырскій конь заржалъ.

VI.

ОРЕЛЪ.

Высокó гнѣздо поставилъ,
Славянъ полуночныхъ Орёлъ:
Ширóко крылья ты расправилъ,
Глубоко въ небо ты ушелъ!
Лети, но въ горнемъ морѣ свѣта,
Гдѣ силой дышащая грудь
Разгуломъ вольности согрѣта,
О младшихъ братьяхъ не забудь!
На степь полуденнаго края,
На дальній западъ оглянись:
Ихъ много тамъ, гдѣ ширь Дуная,
Гдѣ Альпы тучей обвились,
Въ ущельяхъ скалъ, въ Карпатахъ тёмныхъ,
Въ Балканскихъ дебряхъ и лѣсахъ,
Въ сѣтяхъ тевтоновъ вѣроломныхъ,
Въ стальныхъ татарина цѣпяхъ...
И ждутъ окованные братья —
Когда же зовъ услышатъ тотъ,
Когда ты крылья, какъ объятья,
Прострёшь надъ слабой ихъ главой?
О, вспомни ихъ, Орёлъ полночи!
Пошли имъ звонкій твой привѣтъ,
Да ихъ утѣшитъ въ рабской ночи
Твоей свободы яркій свѣтъ!
Питай ихъ пищей силъ духовныхъ,
Питай надеждой лучшихъ дней
И хладъ сердецъ единокровныхъ
Любовью жаркою согрѣй!
Ихъ часъ придётъ—окрѣпнутъ крылья,
Младые когти подростутъ,
Вскричатъ орлы—и цѣпь насилья
Желѣзнымъ клювомъ расклюютъ.

VII.

ЖЕЛАНІЕ.

Хотѣлъ-бы я разлиться въ мірѣ,
Хотѣлъ-бы съ солнцемъ въ небѣ течь,
Звѣздою въ сумрачномъ эѳирѣ
Ночной свѣтильникъ свой зажечь.

Хотѣлъ бы зыбію стеклянной
Играть въ бездонной глубинѣ,
Или лучемъ зари румяной
Скользить по плещущей волнѣ.

Хотѣлъ бы съ тучами скитаться,
Туманомъ виться вкругъ холмовъ,
Иль буйнымъ вѣтромъ разыграться
Въ сѣдыхъ изгибахъ облаковъ;

Жить ласточкой подъ небесами,
Къ цвѣтамъ ласкаться мотылькомъ,
Или надъ дикими скалами
Носиться дерзостнымъ орломъ.

Какъ сладко было-бы въ природѣ
То жизнь и радость разливать,
То въ громахъ, вихряхъ, непогодѣ
Пространство неба обтекать!

VIII.

КЪ ДѢТЯМЪ.

Бывало, въ глубокій полуночный часъ,
Малютки, приду любоваться на васъ;
Бывало, люблю васъ крестомъ знаменать,
Молиться — да будетъ на васъ благодать,
Любовь Вседержителя Бога.

Стеречь умиленно вашъ дѣтскій покой,
Подумать о томъ, какъ вы чисты душой,
Надѣяться долгихъ и счастливыхъ дней
Для васъ, беззаботныхъ и милыхъ дѣтей,
Какъ сладко, какъ радостно было!

Теперь прихожу я: вездѣ темнота,
Нѣтъ въ комнатѣ жизни, кроватка пуста;

Въ лампадѣ погасъ предъ иконою свѣтъ...
Мнѣ грустно: малютокъ моихъ уже нѣтъ!
И сердце такъ больно сожмётся!

О, дѣти, въ глубокій полуночный часъ,
Молитесь о томъ, кто молился о васъ,
О томъ, кто любилъ васъ крестомъ знаменать —
Молитесь — да будетъ и съ нимъ благодать,
Любовь Вседержителя Бога.

С. П. ШЕВЫРЕВЪ.

Степанъ Петровичъ Шевырёвъ родился 18-го октября 1806 года въ Саратовѣ, въ дворянской семьѣ, ведущей свой родъ отъ городскихъ дворянъ Юрьева-Польскаго, потомокъ которыхъ переселился въ Саратовъ. Отецъ его, служившій весь свой вѣкъ по выборамъ въ Саратовѣ, пользовался общимъ уваженіемъ саратовскаго дворянства и купечества за свою справедливость и безкорыстіе. Первоначальное воспитаніе Шевырёвъ получилъ дома. Затѣмъ на двѣнадцатомъ году отвезёнъ былъ матерью въ Москву и опредѣленъ въ университетскій Благородный пансіонъ, въ которомъ пробылъ четыре года. Окончивъ курсъ съ чиномъ 10-го класса и золотой медалью, Шевырёвъ опредѣлился въ Московскій Архивъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Начиная съ января 1823 года, онъ сталъ посѣщать еженедѣльно литературные вечера Раича, на которыхъ познакомился и вскорѣ сошелся съ М. П. Погодинымъ. Въ 1826 году, въ альманахѣ „Уранія", появились первыя печатныя стихотворенія Степана Петровича, изъ которыхъ одно—„Я есмь!"—обратило на себя вниманіе Пушкина. Въ томъ же году онъ началъ стихотворный переводъ „Лагеря Валленштейна" и окончилъ его въ 1827 году. Два отрывка изъ этого перевода были напечатаны въ 7-й и 9-й частяхъ „Московскаго Вѣстника" на 1828 годъ и обратили на себя вниманіе не только публики, но и самого Пушкина. Къ сожалѣнію, Шевырёвъ не напечаталъ его въ своё время, въ 1829 году, когда онъ нравился многимъ, а вздумалъ предать его тисненію тридцать лѣтъ спустя, именно въ 1859 году. Это послѣднее обстоятельство было причиной того, что переводъ былъ встрѣченъ критикой крайне-враждебно, а публикой пропущенъ безъ вниманія. Въ теченіе 1827 и 1828 годовъ Шевырёвъ принималъ дѣятельное участіе въ изданіи „Московскаго Вѣстника", при чёмъ отдѣлъ литературной критики былъ въ полномъ его распоряженіи. Въ это же время нѣкоторыя изъ стихотвореній его были напечатаны въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" Дельвига и „Сѣверной Лирѣ" Раича и Ознобишина.

Въ началѣ 1829 года, Шевырёвъ отправился за границу, гдѣ пробылъ до второй половины 1832 года. Въ Веймарѣ онъ посѣтилъ Гёте, который при этомъ не преминулъ поблагодарить его за критическій разборъ интермедіи къ „Фаусту", который, годъ тому назадъ, былъ переведёнъ на нѣмецкій языкъ и доставленъ великому поэту, почтившему тогда же Шевырёва весьма лестнымъ письмомъ, которое было напечатано въ „Московскомъ Вѣстникѣ" 1828 года. Объѣхавъ Италію, онъ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Римѣ, гдѣ написалъ два дѣйствія трагедіи „Ромулъ", не попавшія въ печать, и нѣсколько статей объ Италіи и другихъ странахъ и нѣсколько стихотвореній, которыя были впослѣдствіи напечатаны въ „Галатеѣ", „Московскомъ Вѣстникѣ", „Сѣверныхъ Цвѣтахъ", „Литературной Газетѣ", „Телескопѣ" и другихъ повременныхъ изданіяхъ. Политическія событія 1830 года не позволили Шевырёву побывать въ Парижѣ, вслѣдствіе чего онъ провёлъ зиму и лѣто 1832 года въ Швейцаріи, а въ сентябрѣ того же года возвратился въ Москву, гдѣ получилъ предложеніе министра народнаго просвѣщенія С. С. Уварова поступить въ Московскій университетъ адъюнктомъ, по каѳедрѣ русской словесности. Такимъ образомъ, мечты Шевырёва исполнились: онъ былъ на пути къ профессурѣ. 15-го января 1834 года Шевырёвъ открылъ курсъ исторіи поэзіи, и въ томъ же году напечаталъ въ „Библіотекѣ для Чтенія", за октябрь, статью: „Сикстъ Пятый". Въ 1835 году предпринято было нѣкоторыми московскими литераторами изданіе журнала: „Московскій Наблюдатель" — и Шевырёвъ принялъ дѣятельное участіе въ его изданіи. Между тѣмъ труды преподавательской дѣятельности подѣйствовали разрушительно на силы молодого профессора. Съ высочайшаго разрѣшенія, Шевырёвъ отправился за границу и провёлъ тамъ два академическихъ года. По возвращеніи его въ Москву, онъ былъ утверждёнъ ординарнымъ профессоромъ. Съ 1841 года началъ издаваться въ Москвѣ журналъ „Москвитянинъ"— и Шевырёвъ, какъ и въ прежнихъ принялъ въ нёмъ дѣятельное участіе, которое всего сильнѣе было въ 1841—1843 годахъ, такъ-какъ въ это время вся критическая часть лежала на нёмъ. Въ 1852 году онъ былъ избранъ и утверждёнъ въ званіи ординарнаго академика Императорской Ака-

деміи Наукъ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ здоровье Шевырёва стало снова разстраиваться, и въ началѣ 1863 года болѣзнь его приняла такой дурной оборотъ, что онъ долженъ былъ уѣхать за границу. Пробывъ лѣто въ Висбаденѣ, онъ къ осени переѣхалъ въ Парижъ, гдѣ знаменитый хирургъ Нелатонъ —дѣлалъ ему операцію. Но операція не повела ни къ чему: сначала будто стало лучше, но вскорѣ страданья возобновились и уже не оставляли его до самой смерти.

Шевырёвъ скончался 8-го мая 1864 года. Тѣло его было перевезено въ Москву, гдѣ и погребено.

Полнаго собранія сочиненій Шевырёва издаваемо не было. Отдѣльно же изданы были слѣдующія его сочиненія: 1) Исторія поэзіи. Чтенія С. Шевырёва. М. 1835. 2) Теорія поэзіи, въ историческомъ разсужденіи у древнихъ народовъ. С. Шевырёва. М. 1837. 3) Объ отношеніи семейнаго воспитанія къ государственному. Шевырёва. 1842. 4) Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ - Антонскій. Воспоминаніе, посвящённое воспитанникамъ университетскаго благороднаго пансіона. С. Шевырёва. М. 1848. 5) Антіохійская церковь. Сочиненіе С. Шевырёва. Спб. 1850. 6) Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, въ 1847 году. Степана Шевырёва. Двѣ части. М. 1850. 7) Очеркъ исторіи живописи италіанской, сосредоточенной въ Рафаэлѣ и его произведеніяхъ. Четыре публичныя лекціи профессора С. П. Шевырёва. М. 1852. 8) О значеніи Жуковскаго въ русской жизни и поэзіи. С. Шевырёва. 1853. 9) Исторія Императорскаго Московскаго Университета, написанная къ столѣтнему его юбилею Степаномъ Шевырёвымъ. 1755—1855. М. 1855. 10) Исторія русской словесности. Лекціи Степана Шевырёва, ординарнаго академика и профессора. Четыре части. М. 1858—1860. 11) Лагерь Валленштейна. Фридриха Шиллера. Переводъ съ нѣмецкаго С. П. Шевырёва. М. 1859.

„Исторія Словесности“ Шевырёва переведена на италіанскій языкъ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Storia della literatura russa Per St. Scévireff. G. Rubini. Firenze. 1862“.

I.

МАДОННА.

Мадонна грустная крестомъ сложила руки!
О чёмъ же плакать ей, блаженной, въ небесахъ?
О чёмъ молиться ей и къ небу сердца звуки,
Вздыхая, возсылать, въ уныньи и слезахъ?

Не даромъ падаетъ, свѣжа и благовонна,
На землю жесткую насущная роса:
То плачутъ каждый день, какъ грустная Мадонна,
О немощахъ земли святыя небеса.

Не даромъ голуби въ лазури неба вьются,
Не даромъ лиліи бѣлѣютъ по полямъ,
И мысли чистыя отъ избранныхъ несутся,
Сквозь тьму нечистыхъ дѣлъ, къ далёкимъ небесамъ.

Когда-бъ безгрѣшная о грѣшномъ не молилась,
Когда бы праведникъ за гордыхъ не страдалъ,
Давно бы ужъ земля подъ нами расступилась,
Давно бы мрачный адъ всё свѣтлое пожралъ.

Вздыхай же, и молись, и не скудѣй слезами,
Источникъ радости, вселюбящая мать!
Да льются теплыя живящими рѣками
И въ мірѣ тёмномъ зла не будутъ высыхать!

Въ сердцахъ пресыщенныхъ на алчномъ жизни пирѣ,
Въ сердцахъ, обманутыхъ надеждою земной,
Чѣмъ будетъ жить любовь въ семъ отлюбившемъ мірѣ?
Твоей молитвою, вздыханьемъ и слезой!

II.

СТАНСЫ.

Когда безмолствуешь, природа,
И дремлетъ шумный твой языкъ,
Тогда душѣ моей свобода:
Я слышу въ ней призывный крикъ.

Живѣе сердца наслажденья,
И мысль возвышенна, свѣтла,
Какъ будто въ міръ преображенья
Душа изъ тѣла перешла.

Её обнялъ восторгъ спокойный —
И пѣсни вольныя живѣй
Текутъ рѣкою звучной, стройной
Въ святомъ безмолвіи ночей.

Когда же мрачнаго покрова
Ты сбросишь дѣвственную тѣнь
И загремитъ живое слово,
И яркій загорится день:

Тогда заботы докучаютъ,
И гонитъ трудъ души покой,
И пѣсни сердца умолкаютъ,
Когда я слышу голосъ твой.

III.

Я ЕСМЬ!

„Да будетъ!" былъ глаголъ творящій
Средь безднъ ничтожества нѣмыхъ:
Изъ мрака смерти свѣтъ живящій
Отвѣтствуетъ на гласъ — и вмигъ
Изъ волнъ отжившаго эѳира
Согласныя свѣтила міра
По гласу времени летятъ;
Стихіи жизнію кипятъ;
Хоръ тварей звуками нѣмыми
Отвѣтъ Творящему воздалъ;
Но человѣкъ возсталъ надъ ними
И первымъ словомъ отвѣчалъ:
„Я есмь!" и въ сей глаголъ единый, совершенной
Слился нестройный тварей хоръ,
И гласъ гармоніи былъ отзывъ во вселенной,
И примирёнъ стихій раздоръ;
И звукъ всесильнаго глагола
Достигъ до горняго престола,
Отколѣ гласъ творящій былъ:
Отвѣту внялъ отъ вѣка Сущій,
И въ нёмъ позналъ свой гласъ могущій
И рекшаго благословилъ.
Міръ бысть! прошли вѣка, но въ каждое мгновенье
„Да будетъ"—оглашаетъ свѣтъ,
И человѣкъ за всё творенье
Даётъ Творящему отвѣтъ.
Быстрѣй, чѣмъ мысль въ своёмъ пареньѣ,
Вѣка отвѣтъ его передаютъ вѣкамъ:
Такъ на крылахъ грозы ужасной
Несётся громъ далёко-гласный
По неизмѣннымъ небесамъ
Отъ облаковъ и къ облакамъ.
Симъ гласомъ жизни и свободы
Наукъ воздвигнуть свѣтлый храмъ,
Открыты тайны въ нёмъ природы,
И свѣтитъ истина очамъ.
Тамъ мудрость малый сонмъ предводитъ
Любимцевъ избранныхъ ея,
Но по ступенямъ бытія
Къ началу вѣчному возводитъ.
Симъ гласомъ въ роковой борьбѣ
Мужъ доблести исполненъ жаромъ;
Соперникъ мстительной судьбѣ
Отвѣтствуетъ ея ударамъ.
Судьба безщадная разитъ —
И силѣ смертной изумилась;
Надъ жертвой смерть остановилась,
Гремитъ косой и гласъ гремитъ,
Но звукъ времёнъ его не заглушитъ.
Великихъ нѣтъ, но подвиги ихъ живы!
Надъ мракомъ воспарилъ ихъ духъ —
И славы дальніе отзывы
Потомства поражаютъ слухъ.
Симъ гласомъ держится святая правъ свобода.
„Я есмь!" гремитъ въ устахъ народа.
Передъ престолами царей—
И чтутъ цари въ законѣ строгомъ
Сей гласъ благословенный Богомъ.
Въ раздорахъ царствъ, на полѣ прей —
Великъ, и славенъ, и возвышенъ —
Во звукѣ гнѣвнаго оружія онъ слышенъ.
Стеклись два воинства: гдѣ гласъ въ сердцахъ сильнѣй,
Одушевлёнъ любовью, раздаётся —
Побѣда тамъ несётся;
Но выше онъ гремитъ, согласнѣе, звучнѣй,
Въ порывахъ творческаго чувства;
Имъ созданъ дивный міръ искусства —
И съ неба красота въ лучахъ
Предъ взоромъ генія явилась
И въ звукахъ, образахъ, словахъ
Чудесной силой оживилась.
Какъ въ мигъ созданья вѣчный Богъ
Узрѣлъ себя въ міророжденьи,
Такъ смертный человѣкъ возмогъ
Познать себя въ своёмъ твореньи.
Греми сильнѣй, о мощный гласъ!
И нынѣ, и въ вѣкахъ грядущихъ
Звучи дотолѣ, какъ, слiясь
Со звуками міровъ, въ ничтожество падущихъ,
Ты возгремишь въ послѣдній разъ!

А. И. ПОЛЕЖАЕВЪ.

Александръ Ивановичъ Полежаевъ родился въ 1807 году въ небогатомъ дворянскомъ семействѣ, въ Петербургѣ. Гдѣ получилъ онъ своё первоначальное образованіе — этого мы разузнать не могли: извѣстно только, что онъ въ августѣ 1823 года, былъ принятъ въ число студентовъ Московскаго университета. Здѣсь онъ дѣломъ почти не занимался и посѣщалъ лекціи весьма неаккуратно, посвящая всё время поэзіи, пирушкамъ съ товарищами и развлеченіямъ. За то извѣстность его, какъ поэта, росла съ каждымъ годомъ и стихи его не только восхвалялись невзыскательными товарищами, но и печатались въ журналахъ. Такъ, въ IX книжкѣ „Новостей Литера-

туры“ на 1824 годъ былъ помѣщёнъ его стихотворный переводъ повѣсти Байрона „Оскаръ д'Альва“, а въ 23-мъ нумерѣ „Вѣстника Европы“ на 1825 годъ — два стихотворенія, изъ которыхъ одно оригинальное: „Постоянство“, а другое — переводное: „Морни или тѣнь Кормала“ Оссіана. Всѣ эти пьесы были перепечатаны въ „Стихотвореніяхъ А. Полежаева“, вышедшихъ въ 1832 году, за исключеніемъ стихотворенія „Постоянство“. Впрочемъ, слава Полежаева между товарищами основывалась не столько на печатныхъ стихахъ, сколько на томъ, что онъ былъ авторомъ юмористической поэмы „Сашка“, въ которой, пародируя „Евгенія Онѣгина“ и, не стѣсняя себя приличіями, онъ позволялъ себѣ осмѣивать многое, вполнѣ заслуживавшее уваженія. Начальство провѣдало о существованіи сатирической поэмы — и Полежаевъ былъ арестованъ въ іюлѣ 1826 года, отвезёнъ въ лагерь, расположенный подъ Москвой, и сданъ въ солдаты. Прослуживъ три года въ полку, онъ подалъ просьбу о помилованіи, но отвѣта не послѣдовало; онъ подалъ другую просьбу: то же молчаніе. Увѣренный, что просьбы его не доходятъ, онъ бѣжалъ въ Москву, съ цѣлью подать лично новую просьбу, кому слѣдуетъ, при чёмъ вёлъ себя крайне неосторожно и неблагоразумно: видѣлся съ товарищами и пировалъ съ ними, что́ не могло остаться въ тайнѣ. Схваченный въ Твери, онъ былъ отправленъ въ полкъ, какъ бѣглый солдатъ, пѣшкомъ и въ кандалахъ. Полежаевъ былъ судимъ военнымъ судомъ, который приговорилъ его прогнать сквозь строй. Въ отчаяніи, злополучный поэтъ хотѣлъ лишить себя жизни; но милость государя отмѣнила наказанье — и Полежаевъ былъ отправленъ на Кавказъ.

На Кавказѣ Полежаевъ былъ произведёнъ за отличіе въ унтеръ-офицеры; но годы шли своей чередой, не принося ему никакого облегченія въ безвыходномъ и скучномъ его положеніи. Эта безвыходность сломила его, наконецъ — и онъ сталъ пить уже не для веселья, а для того, чтобы забыться. И вотъ, къ концу своей жизни, какъ справедливо выразился Бѣлинскій: „къ своей поэтической извѣстности онъ присовокупилъ другую извѣстность, которая была проклятіемъ всей его жизни, причиной ранней утраты таланта и преждевременной смерти. Это была жизнь буйнаго безумія, способнаго возбудить къ себѣ и ужасъ, и сострадание. Полежаевъ не былъ жертвою судьбы и, кромѣ самого себя, никого не имѣлъ права обвинять въ своей гибели... Свобода была его любимымъ словомъ, его любимою риѳмою — и только въ минуту душевной муки понималъ онъ, что то была не свобода, а своеволіе, и что наиболѣе свободный человѣкъ есть въ то же время и наиболѣе подчинённый человѣкъ. Избытокъ силъ пламенной натуры заставилъ его обожать другого, ещё болѣе страшнаго идола — чувственность“.

Къ этому времени принадлежитъ большая часть стихотвореній Полежаева, исключонныхъ издателями изъ послѣднихъ двухъ изданій его сочиненій, вышедшихъ уже послѣ смерти поэта и хранящихъ на себѣ печать несомнѣннаго упадка таланта въ ихъ авторѣ. Къ этому времени относится всѣмъ извѣстная его пьеса „Четыре націи“, не вошедшая ни въ одно изъ изданій „Стихотвореній Полежаева“. Вотъ начало по списку, напечатанному въ 20-мъ нумерѣ „Библіографическихъ Записокъ“ на 1859 годъ:

Французъ — дитя:
Онъ вамъ, шутя,
Разрушитъ тронъ,
Издастъ законъ.
Самолюбивъ,
Нетерпѣливъ,
Онъ быстръ, какъ взоръ,
И пустъ, какъ вздоръ;
Онъ смѣлъ и слабъ,
И царь, и рабъ,
И удивитъ,
И насмѣшитъ.

Британскій лордъ
Свободой гордъ.
Онъ властелинъ,
Онъ вѣрный сынъ
Родной земли.
Ни короли,
Ни происк папъ
Кровавыхъ лапъ
Исподтишка
На смѣльчака
Не занесутъ.
Отважный Брутъ,
Онъ носитъ мечъ,
Чтобъ когти сѣчь.

Германецъ смѣлъ,
Да перепрѣлъ
Въ котлѣ ума;
Онъ, какъ чума
Окрестныхъ странъ,
Наукой пьянъ;
Носъ въ табакѣ,
Самъ въ колпакѣ,
Сидѣть готовъ
Хоть пять вѣковъ
Надъ кучей книгъ,
Кусать языкъ
И проклинать
Отца и мать
За пару строкъ
Халдейскихъ числъ,
Которыхъ смыслъ
Понять не могъ.

Изъ напечатанныхъ въ то время въ журналахъ стихотвореній Полежаева, можно указать на „Видѣніе Валтасара“, подражаніе Байрону, появившееся на страницахъ „Московскаго Телеграфа“ (1829, ч. 25).

Въ концѣ 1832 года онъ былъ, согласно поданной имъ просьбѣ, переведенъ въ одинъ изъ карабинерныхъ полковъ, расположенныхъ въ Москвѣ.

Это значительно улучшило его судьбу, хотя здоровье несчастнаго поэта, вслѣдствіе всякаго рода излишествъ, было сильно надломлено — и злая чахотка уже разъѣдала его грудь. Въ томъ же году вышло въ свѣтъ первое изданіе его стихотвореній, подъ заглавіемъ: „Стихотворенія А. Полежаева. М. 1832“, съ посвященіемъ: „Другу моему А. П. Л.“, подписаннымъ: „Крѣпость Грозная, 1-го февраля 1832 года“. Появленіе названныхъ стихотвореній вызвало цѣлый рядъ рецензій, изъ которыхъ лучшія были помѣщены въ „Московскомъ Телеграфѣ“, „Москвѣ“ и „Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду“ на 1832 годъ, ч. 45 и нумера 71 и 222. Въ томъ же 1832 году были отпечатаны въ Москвѣ двѣ его поэмы: „Эрпели“ и „Чиръ-Юртъ“, а въ слѣдующемъ — новое собраніе его стихотвореній, подъ названіемъ „Кальянъ“, выдержавшее три изданія: въ 1833, 1836 и 1838 годахъ. Наконецъ, въ 1838 году вышло въ свѣтъ послѣднее собраніе его стихотвореній, подъ заглавіемъ: „Арфа, стихотворенія Александра Полежаева“. Между тѣмъ, здоровье Полежаева разстраивалось всё болѣе и болѣе и въ началѣ 1838 года дошло до такого состоянія, что онъ, за неимѣніемъ средствъ лѣчиться дома, принуждёнъ былъ переѣхать въ городской госпиталь, гдѣ скончался зимой 1838 года. Послѣ смерти Полежаева, нѣкоторыя изъ послѣднихъ его стихотвореній были напечатаны въ „Библіотекѣ для Чтенія“ на 1839 годъ, „Галатеѣ“ на 1839 и 1840 годы и въ нѣкоторыхъ сборникахъ и альманахахъ, а въ 1842 году были изданы отдѣльной книжкой въ Москвѣ, подъ названіемъ: „Часы выздоровленія. Сочиненіе А. Полежаева“. Наконецъ, въ 1857 году, въ Москвѣ же, вышло въ свѣтъ новое изданіе его стихотвореній, съ портретомъ автора, изображеннаго въ солдатскомъ мундирѣ, и со статьёю объ его сочиненіяхъ, написанной Бѣлинскимъ. Въ 1859 году книга эта вышла вторымъ изданіемъ.

Вотъ прекрасная характеристика поэзіи Полежаева, набросанная Бѣлинскимъ, въ его разборѣ стихотвореній Полежаева: „Отличительный характеръ поэзіи Полежаева—необыкновенная сила чувства. Явившись въ другое время, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, при наукѣ и нравственномъ развитіи, талантъ Полежаева принёсъ бы богатые плоды, оставилъ бы послѣ себя замѣчательныя произведенія и занялъ бы видное мѣсто въ исторіи русской литературы. Талантъ Полежаева могъ бы сдѣлаться безсмертнымъ, еслибы воспитался на плодородной почвѣ историческаго міросозерцанія. Въ его поэзіи мало содержанія; но изъ нея же видно, что она, по своему духу, должна была-бы развиться преимущественно въ поэзію содержанія. Отселѣ эта крѣпость и мощь стиха, сжатость и рѣзкость выраженія. Полежаевъ свободно владѣлъ и языкомъ, и стихомъ: изысканность въ выраженіяхъ происходила у него отъ небрежности въ трудѣ и отъ недостатка въ развитіи. Онъ часто какъ-будто игралъ стихами, выбирая трудныя по коротности стиховъ размѣры, гдѣ одна рифма могла бы стать непреоборимымъ препятствіемъ. При другихъ условіяхъ, поэзія Полежаева могла бы развиться, расцвѣсть пышнымъ цвѣтомъ и дать плодъ сторицею: возможность этого видна и въ томъ, что̀ имъ написано при ложномъ его направленіи, при неестественномъ развитіи“.

I.

МОРЕ.

Я видѣлъ море — я измѣрилъ
Очами жадными его;
Я силы духа моего
Передъ лицомъ его повѣрилъ.
О, море, море! я мечталъ
Въ раздумьи грустномъ и глубокомъ,
Кто первый мыслилъ и стоялъ
На берегу твоёмъ высокомъ?
Кто, неразгаданный въ вѣкахъ,
Замѣтилъ первый блескъ лазури,
Войну громовъ и ярость бури
Въ твоихъ младенческихъ волнахъ?
Куда исчезли другъ за другомъ
Твоихъ владѣльцевъ племена,
О коихъ вѣсть намъ предана
Однимъ злопамятнымъ досугомъ?

Всегда-ли, море, ты почило
Въ скалахъ, висящихъ надо мной,
Или невѣдомая сила,
Враждуя съ мирной тишиной,
Не разъ твой образъ измѣнила?
Что̀ ты? откуда? изъ чего?
Игра случайная природы,
Или орудіе свободы,
Воззвавшей всё изъ ничего?
На долго-ль влажная порфира
Твоей безстрастной красоты
Осуждена блистать для міра
Изъ нѣдръ бездонной пустоты?

Вотъ тайный плодъ воображенья
Души, волнуемой тоской,
За мигъ невольный восхищенья
Передъ пучиною морской!
Я вопрошалъ её... Но море,
Подъ знойнымъ солнечнымъ лучомъ
Сребрясь въ узорчатомъ уборѣ,
Межъ-тѣмъ лелѣялось кругомъ
Въ своёмъ покоѣ роковомъ.
Черезъ разсыпанныя волны
Катились груды новыхъ волнъ,
И между нихъ, отваги полный,
Нырялъ предъ бурей утлый челнъ.
Счастливецъ, знаешь-ли ты цѣну
Смѣшного счастья твоего?
Смотри на челнъ—ужъ нѣтъ его:
Въ отвагѣ онъ нашелъ измѣну.

Въ другое время на брегахъ
Балтійскихъ водъ, въ моей отчизнѣ,
Красуясь цвѣтомъ юной жизни,
Стоялъ я нѣкогда въ мечтахъ;
Но тѣ мечты мнѣ сладки были:
Онѣ привѣтно сквозь туманъ,
Какъ за волной волну, манили
Меня въ житейскій океанъ,—
И я поплылъ... О, море, море!
Когда увижу берегъ твой?
Или, какъ челнъ залётный, вскорѣ
Сокроюсь въ безднѣ гробовой?

II.

ОЖЕСТОЧЕННЫЙ.

О, для чего судьба меня сгубила!
Зачѣмъ изъ цѣпи бытія
Меня навѣкъ природа исключила,
И страшно вживѣ умеръ я!
Ещё въ груди моей бунтуетъ пламень
Неугасаемыхъ страстей,
А совѣсть, какъ врага заклятый камень,
Гнетётъ отверженца людей;
Ещё мой взоръ блуждающій, но быстрый,
Порою къ небу устремлёнъ,
А божества святой, отрадной искры—
Надежды съ вѣрой—я лишенъ.
И дышитъ всё въ созданіи любовью,
И живы—червь, и прахъ, и листъ,
А я, злодѣй, какъ Авелевой кровью
Запечатлѣнъ—я атеистъ!
И вижу я, какъ горестный свидѣтель,
Сіянье утренней звѣзды,
И съ каждымъ днёмъ твердитъ мнѣ добродѣтель:
„Страшись, страшись готовой мзды!"
И грозенъ онъ, висящей казни голосъ,
И стынетъ кровь во мнѣ, какъ лёдъ,
И на челѣ стоитъ невольно волосъ,
И выступаетъ градомъ потъ.
Бѣжалъ-бы я въ далёкія пустыни,
Презрѣлъ бы ужасъ гробовой—
Душа кипитъ, но руки — не рабыни
Разбить сосудъ свой роковой.
И жизнь моя мучительнѣе ада,
И мысль о смерти тяжела,
А вѣчность—ахъ! она мнѣ не награда:
Я сынъ погибели и зла!
Зачѣмъ же я возникъ, о Провидѣнье,
Изъ тьмы вѣковъ передъ тобой?
О, обрати опять въ уничтоженье
Атомъ, караемый судьбой!
Земля, раскрой несытую утробу,
Горящей Этной протеки,
И—бурный вихрь—тоску мою и злобу
И память съ пепломъ развлеки!

III.

ЖИВОЙ МЕРТВЕЦЪ.

Кто видѣлъ образъ мертвеца,
Который демонскою силой,
Враждуя съ тёмною могилой,
Живётъ и страждетъ безъ конца?
Въ часъ полуночи молчаливой,
При свѣтѣ сумрачномъ луны,
Изъ подземельной стороны
Исходитъ призракъ боязливой.
Блѣдно́, какъ саванъ роковой,
Чело отверженца природы,
И неестественной свободы
Ужасенъ видъ полуживой.
Унылый, грустный, онъ блуждаетъ
Вокругъ жилища своего,
И—очарованъ—за него
Переноситься не дерзаетъ.
Слѣды минувшихъ, лучшихъ дней
Онъ видитъ въ мысли быстротечной,
Но мукой тяжкою и вѣчной
Наказанъ въ ярости своей.
Проклятый небомъ раздраженнымъ,
Онъ не пріемлется землёй,
И овладѣлъ мучитель злой
Злодѣя прахомъ оскверпённымъ.

Вотъ мой удѣлъ! Игра страстей,
Живой стою при дверяхъ гроба;
И скоро, скоро месть и злоба
Навѣкъ уснутъ въ груди моей;
Кумиры счастья и свободы
Не существуютъ для меня,
И — членъ ненужный бытія —
Не оскверню собой природы.
Мнѣ міръ — пустыня, гробъ — чертогъ!
Сойду въ него безъ сожалѣнья,
И пусть, за мигъ ожесточенья,
Самоубійцу судитъ Богъ!

IV.

ЦѢПИ.

Зачѣмъ игрой воображенья
Картины счастья рисовать,
Зачѣмъ душевныя мученья
Тоской опасной растравлять?
Убитый рокомъ своенравнымъ,
Я вяну жертвою страстей,
И угнетёнъ ярмомъ безславнымъ
Въ цвѣтущей юности моей!
Я зрѣлъ: надежды лучъ прощальный
Темнѣлъ и гаснулъ въ небесахъ —
И факелъ смерти погребальный
Съ тѣхъ поръ горитъ въ моихъ очахъ.
Любовь къ прекрасному, природа,
Младыя дѣвы и друзья,
И ты, священная свобода —
Всё, всё погибло для меня!
Безъ чувства жизни, безъ желаній,
Какъ отвратительная тѣнь,
Влачу я цѣпь моихъ страданій —
И умираю ночь и день!
Порою, огнь души унылой
Воспламеняется во мнѣ:
Съ снѣдающей меня могилой
Борюсь, какъ-будто бы во снѣ;
Стремлюсь, въ жару ожесточенья,
Мои оковы раздробить
И жажду сладостнаго мщенья
Живою кровью утолить.
Уже рукой ожесточённой
Берусь за пагубную сталь,
Уже разсудокъ мой смущённой
Забылъ и горе, и печаль —
Готовъ... Но цѣпь порабощенья
Гремитъ на скованныхъ ногахъ, —
И замираетъ сталь отмщенья
Въ холодныхъ, трепетныхъ рукахъ.
Какъ рабъ испуганный, бездушный,
Кляну свой жребій я тогда
И вновь взираю равнодушно
На жизнь позора и стыда.

V.

ГРѢШНИЦА.

И говорятъ Ему: „Она
Была въ грѣхѣ уличена
На самомъ мѣстѣ преступленья;
А по закону мы её
Должны казнить безъ сожалѣнья:
Скажи намъ мнѣніе своё".
И на лукавое воззванье
Храня глубокое молчанье,
Онъ нѣчто — грустенъ и унылъ —
Перстомъ божественнымъ чертилъ,
И, наконецъ, сказалъ народу:
„Даю вамъ полную свободу
Исполнить праотцевъ законъ;
Но гдѣ тотъ праведный — гдѣ онъ
Который первый на блудницу
Подниметъ тяжкую десницу?"
И вновь писалъ Онъ на землѣ.
Тогда, съ печатью поношенья
На обезславленномъ челѣ,
Сокрылись дѣти ухищренья —
И предъ лицомъ Его одна
Стояла грѣшная жена.
И онъ, съ улыбкой благотворной,
Сказалъ: „покинь твою боязнь.
Гдѣ твой синедріонъ упорной?
Кто осудилъ тебя на казнь?"
Она въ отвѣтъ: „никто, учитель!"
— „Итакъ, и я твоей души
Не осужу", сказалъ Спаситель:
„Иди въ свой домъ и не грѣши!"

А. В. КОЛЬЦОВЪ.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, сынъ зажиточнаго воронежскаго мѣщанина, промышлявшаго продажею гуртовъ и имѣвшаго свой собственный каменный домъ въ Воронежѣ, на Дворянской улицѣ, родился 2-го октября 1809 года. Вотъ что говоритъ Бѣлинскій о ранней молодости Кольцова, котораго онъ хорошо зналъ, съ которымъ жилъ

по цѣлымъ мѣсяцамъ въ Москвѣ и Петербургѣ: „Одарённый самыми счастливыми способностями, молодой Кольцовъ не получилъ никакого образованія. Воспитаніе его предоставлено было природѣ, какъ это бываетъ и не въ одномъ этомъ сословіи. Само-собою разумѣется, что съ раннихъ лѣтъ онъ не могъ набраться не только какихъ-нибудь нравственныхъ правилъ, или усвоить себѣ хорошія привычки, но и не могъ обогатиться никакими хорошими впечатлѣніями, которыя для юной души важнѣе всякихъ внушеній и толкованій. Онъ видѣлъ вокругъ себя домашнія хлопоты, мелочную торговлю съ ея продѣлками, слышалъ грубыя и не всегда пристойныя рѣчи даже отъ тѣхъ, изъ чьихъ устъ ему слѣдовало бы слышать одно хорошее. По счастію, къ благородной натурѣ Кольцова не приставала грязь, среди которой онъ родился и на лонѣ которой былъ воспитанъ. Съ дѣтства онъ жилъ въ своёмъ особенномъ мірѣ—и ясное небо, лѣса, поля, степь, цвѣты производили на него гораздо сильнѣйшее впечатлѣніе, нежели грубая и удушливая атмосфера его домашней жизни“.

На десятомъ году Кольцовъ былъ посаженъ за указку, а когда грамота пошла ребёнку въ прокъ, то былъ отданъ въ воронежское уѣздное училище. Но здѣсь онъ пробылъ всего четыре мѣсяца, такъ-какъ отецъ нашелъ пріобрѣтенныя имъ свѣдѣнія вполнѣ достаточными для домашняго обихода, не требовавшаго ничего, кромѣ умѣнья писать и читать. Но если училище ничего не прибавило къ скромнымъ познаніямъ Кольцова, то принесло ему пользу въ другомъ отношеніи: оно пристрастило его къ чтенію. Прочитавъ „Бову“ и „Еруслана“, онъ принялся за „Тысячу и одну ночь“ и, наконецъ, добрался до романовъ Дюкредю-Мениля и Августа Лафонтена. Кольцову уже было 16-ть лѣтъ, когда ему попались въ руки „Сочиненія Дмитріева“. Это были первые стихи, прочитанные имъ: гармонія стиха и риѳмы сильно подѣйствовали на Кольцова, хотя онъ и не понималъ, чтó такое стихъ и въ чёмъ заключается отличіе его отъ прозы. Первымъ руководителемъ Кольцова въ сочиненіи стиховъ былъ воронежскій книгопродавецъ Кашкинъ, подарившій будущему поэту „Русскую Просодію“, изданную для воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона, вмѣстѣ съ правомъ пользованія книгами его магазина—безплатно. Благотворное вліяніе на дальнѣйшее развитіе поэтической дѣятельности Кольцова имѣло знакомство его съ молодымъ воронежскимъ семинаристомъ Серебрянскимъ. Въ натурѣ и судьбѣ Серебрянскаго было много общаго съ Кольцовымъ, и ихъ знакомство скоро превратилось въ дружбу. Дружескія бесѣды съ Серебрянскимъ были для Кольцова истинною школою развитія во всѣхъ отношеніяхъ, особенно въ эстетическомъ. Для своихъ поэтическихъ опытовъ, Кольцовъ нашелъ себѣ въ Серебрянскомъ судью строгаго, безпристрастнаго, со вкусомъ и тактомъ, знающаго дѣло. Но окончательное направленіе, принятое поэзіей Кольцова въ началѣ тридцатыхъ годовъ и впослѣдствіи справедливо прославившее его имя, было указано ему молодымъ Станкевичемъ, познакомившимся съ нимъ въ Воронежѣ и въ свою очередь, познакомившимъ его, съ нѣкоторыми московскими литераторами, въ томъ числѣ—съ Бѣлинскимъ. Это знакомство, сильно повліявшее на окончательное развитіе таланта Кольцова, началось въ 1831 году, въ первый пріѣздъ его въ Москву; но, къ сожалѣнію, знакомство это ограничилось всего двумя-тремя свиданіями. Въ 1836 году, то-есть вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ перваго изданія „Стихотвореній Кольцова“, напечатаннаго по вызову Станкевича и на его счётъ, Алексѣй Васильевичъ снова пріѣхалъ въ Москву и тотчасъ же возобновилъ прерванное знакомство съ Бѣлинскимъ, которое, на этотъ разъ, окончилось полнымъ сближеніемъ двухъ писателей, продолжавшимся до самой смерти нашего поэта. Въ томъ же году, Кольцовъ побывалъ въ Петербургѣ, гдѣ познакомился съ княземъ Одоевскимъ, Пушкинымъ, Жуковскимъ и княземъ Вяземскимъ, которыми былъ принятъ весьма радушно и обласканъ чисто по-русски. Въ 1838 году Кольцовъ снова побывалъ въ Москвѣ и Петербургѣ, и прожилъ довольно долгое время въ обѣихъ столицахъ; особенно въ послѣдней, жизнь тогда чрезвычайно ему полюбилась. Къ этому времени принадлежатъ многія изъ лучшихъ его стихотвореній. Но эта пріятная жизнь въ кругу образованныхъ людей такъ мало гармонировала съ дѣйствительностью, ожидавшею его на родинѣ, что одна мысль о возвращеніи въ Воронежъ уже повергала его въ грустныя думы. Ему не однажды приходило въ голову—бросить всё и переселиться въ Петербургъ, куда его звалъ А. А. Краевскій—принять на себя завѣдываніе конторою „Отечественныхъ Записокъ“. Но просьбы матери и боязнь остаться безъ средствъ заставляли его каждый разъ откладывать исполненіе задуманнаго плана. Осенью 1840 года Кольцову ещё разъ удалось побывать въ Москвѣ и Петербургѣ. Это была его

послѣдняя поѣздка. По возвращеніи домой, онъ сталъ себя дурно чувствовать и на страстной недѣлѣ 1841 года чуть не умеръ; но, благодоря дружескимъ усиліямъ доктора, оправился на этотъ разъ. Впрочемъ, это выздоровленіе было только отсрочкою смерти, которая уже стояла надъ нимъ— и ждала своей жертвы. Для возстановленія своихъ силъ, онъ нуждался въ спокойствіи, котораго не находилъ въ домѣ отца. Въ началѣ февраля 1842 года Кольцовъ снова заболѣлъ и снова поправился, на сколько можетъ поправиться чахоточный. Въ письмѣ отъ 27-го февраля того же года онъ пишетъ: „Здоровье моё стало лучше. Началъ прохаживаться и два раза былъ въ театрѣ. Лѣкарь увѣряетъ, что я въ постъ не умру, а весной меня вылѣчитъ. Но силъ не только духовныхъ—и физическихъ ещё нѣтъ; памяти тоже". Въ концѣ письма, говоря о своёмъ нравственномъ состояніи, онъ прибавляетъ: „Что, если и выздоровѣвши, такимъ останусь? Тогда прощайте—друзья, Москва и Петербургъ! Нѣтъ, дай Господи умереть, а не дожить до этого полипнаго состоянія! Или жить для жизни, или — маршъ на покой!" Кольцовъ умеръ въ Воронежѣ 19-го октября 1842 года, въ три часа пополудни, на тридцать четвёртомъ году отъ рожденія. Тѣло поэта погребено на воронежскомъ новомъ кладбищѣ, по правую сторону алтаря кладбищенской церкви, и отмѣчено небольшимъ чугуннымъ памятникомъ, съ четырьмя безграмотными надписями. Болѣе же достойный памятникъ, воздвигнутый почитателями поэзіи Кольцова и изваянный изъ бѣлаго мрамора хорошимъ художникомъ, украшаетъ одну изъ аллей городского сада въ Воронежѣ.

Кольцовъ хотя началъ писать рано, но написалъ не много. Къ этому надо прибавить, что почти всё, написанное имъ до 1831 года, то-есть до знакомства съ Бѣлинскимъ, не представляетъ ничего сколько-нибудь выдающагося изъ обыкновеннаго уровня той массы стиховъ, которая наводняла въ то время русскіе журналы. Лучшимъ періодомъ его поэтической дѣятельности можно назвать время отъ 1834 по 1842 годъ и въ особенности 1838 годъ, на который самъ поэтъ указываетъ, какъ на одинъ изъ самыхъ плодотворныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на такой, въ который ему посчастливилось написать большую часть всего того, на что̀ указала критика, какъ на лучшее. Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ перечислить лучшія его пьесы: „Пѣсня старика", „Пѣсня Пахаря", „Не шуми ты, рожь", „Урожай", „Молодая жница", „Косарь", „Раздумье селянина", „Лѣсъ", „Горькая доля", „Двѣ пѣсни Лихача-Кудрявича", „Ахъ, зачѣмъ меня", „Измѣна суженой", „Путь", „Что ты спишь, мужичёкъ", „Хуторокъ", „Безъ ума, безъ разума", „Думы сокола", „Такъ и рвётся душа", „Доля бѣдняка", „Вопросъ" и „Послѣдняя борьба". „Стихотворенія Кольцова" были изданы пять разъ: въ 1835 году — Н. В. Станкевичемъ, въ Москвѣ, въ числѣ 18 пьесъ; въ 1846—Н. А. Некрасовымъ и Н. Я. Прокоповичемъ, въ Петербургѣ, въ числѣ 124 пьесъ, съ портретомъ автора, его факсимиле и пріобщеніемъ статьи Бѣлинскаго: „О жизни и сочиненіяхъ Кольцова". Остальныя изданія сдѣланы гг. Солдатёнковымъ и Щепкинымъ, и составляютъ перепечатку предыдущаго изданія.

I.

РАЗДУМЬЕ СЕЛЯНИНА.

Сяду я за столъ—
Да подумаю,
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому?
Нѣтъ у мо̀лодца
Молодой жены,
Нѣтъ у молодца
Друга вѣрнаго,
Золотой казны,
Угла тёплаго,
Бороны-сохи,
Коня-пахаря!
Вмѣстѣ съ бѣдностью
Далъ мнѣ батюшка
Лишь одинъ таланъ—
Силу крѣпкую;
Да и ту, какъ разъ,
Нужда горькая
По чужимъ людямъ
Всю истратила.
Сяду я за столъ—
Да подумаю,
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому?

II.

Что ты спишь, мужичёкъ?
Вѣдь, весна на дворѣ;
Вѣдь, сосѣди твои
Работа̀ютъ давно.

Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Что̀ ты былъ? и что̀ сталъ?
И что̀ есть у тебя?

На гумнѣ—ни снопа,
Въ закрома̀хъ—ни зерна;
На дворѣ, по травѣ—
Хоть шаромъ покати.

Изъ клѣтѐй домовой
Соръ метлою посмёлъ,

И лошадокъ, за долгъ,
По сосѣдямъ развёлъ.

И подъ лавкой сундукъ
Опрокинутъ лежитъ;
И, погнувшусь, изба,
Какъ старушка, стоитъ.

Вспомни время своё:
Какъ катилось оно
По полямъ и лугамъ
Золотою рѣкой —

Со двора и гумна
По дорожкѣ большой,
По селамъ, городамъ,
По торговымъ людямъ!

И какъ двери ему
Растворяли вездѣ,
И въ почётномъ углѣ
Было мѣсто твоё!

А теперь подъ окномъ
Ты съ нуждою сидишь
И весь день на печи —
Безъ просыпу лежишь.

А въ поляхъ, сиротой,
Хлѣбъ не скошенъ стоитъ:
Вѣтеръ точитъ зерно,
Птица клюетъ его.

Что ты спишь, мужичёкъ?
Вѣдь, ужь лѣто прошло,
Вѣдь, ужъ осень на дворъ
Черезъ прясло глядитъ.

Вслѣдъ за нею зима
Въ тёплой шубѣ идётъ,
Путь снѣжкомъ порошитъ,
Подъ санями хруститъ.

Всѣ сосѣди на нихъ
Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну,
Бражку ковшикомъ пьютъ.

III.

ВОПРОСЪ.

Какъ ты можешь
Кликнуть солнцу:
Слушай солнце!
Стань, ни съ мѣста!
Чтобъ ты въ небѣ
Не ходило,
Чтобъ на землю
Не свѣтило!
Стань на берегъ,
Глянь на море:
Чтó ты можешь
Сдѣлать морю,
Чтобъ вода въ нёмъ
Охладѣла,
Что бы камнемъ
Затвердѣла?
Какой силой —
Богатырской
Шаръ вселенной
Остановишь,
Чтобъ не шелъ онъ,
Не кружился?
Какъ же быть мнѣ
Въ этомъ мірѣ,
При движеньи—
Безъ желанья?
Что-жъ мнѣ дѣлать
Съ буйной волей,
Съ грѣшной мыслью,
Съ пылкой страстью?
Въ эту глыбу
Земляную
Сила неба
Жизнь вложила —
И живётъ въ ней,
Какъ царица.
Съ колыбели
До могилы
Духъ съ землёю
Ведутъ брани:
Земь не хочетъ
Быть рабою —
И нѣтъ мочи
Скинуть бремя!
Съ этой глыбой
Породниться
Много-ль время
Пролетѣло?
Много-ль время
Есть впереди?
Когда будетъ
Конецъ брани?
За кѣмъ поле?
Богъ ихъ знаетъ!
Въ этой сказкѣ
Цѣль сокрыта;
Въ моёмъ толкѣ
Смыслу нѣту,
Чтобъ провидѣть
Дѣла Божьи.
За могилой
Рѣчь безмолвна;
Вѣчной тьмою
Даль одѣта.
Буду-ль жить я
Въ дальнемъ небѣ?
Буду-ль помнить,
Гдѣ былъ прежде?
Чтó я думалъ
Человѣкомъ?
Иль за гробомъ
Всё забуду,
Смыслъ и память
Потеряю?
Что-жъ со мною
Тогда будетъ,
Творецъ міра,
Царь природы!

IV.

КОСАРЬ.

Не возьму я въ толкъ,
Не придумаю!
Отчего-же такъ
Не возьму я въ толкъ?
Охъ, въ несчастный день,
Въ безталанный часъ
Безъ сорочки я
Родился на свѣтъ!
У меня-ль плечо
Шире дѣдова;
Грудь высокая
Моей матушки.
На лицѣ моёмъ
Кровь отцовская
Въ молокѣ зажгла
Зóрю красную.
Кудри черныя
Лежатъ скобкою.
Чтó работаю —
Всё мнѣ спорится,

Да въ несчастный день,
Въ безталанный часъ
Безъ сорочки я
Родился на свѣтъ.
Прошлой осенью
Я за Грунюшку,
Дочку старосты,
Долго сватался;
А онъ, старый хрѣнъ,
Заупрямился.
За кого-же онъ
Выдастъ Грунюшку?
Не возьму я въ толкъ,
Не придумаю!
Я ль за тѣмъ гонюсь,
Что отецъ ея
Богачомъ слывётъ?
Пускай домъ его —
Чаша полная!
Я её хочу,
Я по ней крушусь:
Лицо бѣлое —
Заря алая,
Щёки полныя,
Глаза тёмные
Свели молодца
Съ ума-разума.
Ахъ, вчера по мнѣ
Ты такъ плакала!
На-отрѣзъ старикъ
Отказалъ вчера...
Охъ, не свыкнуться
Съ этой горестью!
Я куплю себѣ
Косу новую;
Отобью её,
Наточу её —
И прости-прощай
Село рóдное!
Не плачь, Грунюшка:
Косой вострою
Не подрѣжусь я!
Ты прости, село,
Прости, староста:
Въ края дальніе
Пойдётъ мóлодецъ;
Что внизъ пó Дону,
По набережью,
Хороши стоятъ
Тамъ слободушки!
Степь раздольная
Далеко вокругъ,
Широко лежитъ,
Ковылёмъ-травой
Растилается.
Ахъ ты, степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ морю Черному
Понадвинулась!
Въ гости я къ тебѣ
Не одинъ пришелъ:
Я пришелъ самъ-другъ
Съ косой вострою;
Мнѣ давно гулять
По травѣ степной,
Вдоль и пóперекъ
Съ ней хотѣлося...

Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни въ лицо,
Вѣтеръ, съ пóлудня!
Освѣжи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса,
Засверкай кругомъ!
Зашуми, трава
Подкошóнная!
Поклонись, цвѣты,
Головой землѣ!
Наряду съ травой
Вы засохнете,
Какъ по Грунѣ я
Сохну, мóлодецъ!
Нагребу копёнъ,
Намечу стоговъ —
Дастъ казáчка мнѣ
Денегъ прúгоршни.
Я зашью казну,
Сберегу казну;
Ворочусь въ село —
Прямо къ старостѣ:
Не разжалобилъ
Его бѣдностью —
Такъ разжалоблю
Золотой казной.

V.

ЛѢСЪ.

Что, дремучій лѣсъ,
Призадумался?
Грустью тёмною
Затуманился?
Чтó, Бова-силачъ
Заколдованный,
Съ непокрытою
Головой въ бою,
Ты стоишь-поникъ
И не ратуешь
Съ мимолётною
Тучей-бурею?
Густолиственный
Твой зелёный шлемъ
Буйный вихрь сорвалъ
И развѣялъ въ прахъ;
Плащъ упалъ къ ногамъ
И разсыпался:
Ты стоишь-поникъ —
И не ратуешь.
Гдѣ-жъ дѣвалася
Рѣчь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?
У тебя-ль было —
Въ ночь безмолвную
Заливная пѣснь
Соловьиная...
У тебя-ль было —
Дни—роскошество:
Другъ и недругъ твой
Прохлаждаются...
У тебя-ль было —
Поздно вечеромъ
Грозно съ бурею
Разговоръ пойдётъ;
Распахнётъ она
Тучу черную,
Обоймётъ тебя
Вѣтромъ-холодомъ;
И ты молвишь ей
Шумнымъ голосомъ:
„Вороти назадъ!
Держи около!"
Закружитъ она,
Разыграется...
Дрогнетъ грудь твоя,
Зашатается;
Встрепенувшися,
Разбушуешься:
Только свистъ кругомъ,
Голоса и гулъ...
Буря всплачется
Лѣшимъ, вѣдьмою —
И несётъ свои
Тучи зá море.
Гдѣ-жъ теперь твоя
Мощь зелёная?
Почернѣлъ ты весь,
Затуманился,
Одичалъ, замолкъ;
Только въ нéпогодь
Воешь жалобу
На безвременье.
Такъ-то, тёмный лѣсъ,
Богатырь-Бова!
Ты всю жизнь свою
Маялъ битвами.
Не осилили
Тебя сильные,
Такъ дорѣзала
Осень черная.
Знать, во время сна,
Къ безоружному
Силы вражія
Понахлынули.
Съ богатырскихъ плечъ
Сняли голову —
Не большой горой,
А соломинкой.

VI.

ПѢСНЯ ПАХÀРЯ.

Ну, тащися, сивка,
Пашней, десятиной!
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю.
Красавица-зорька
Въ небѣ загорѣлась;
Изъ большого лѣса
Солнышко выходитъ.

Весело на пашнѣ!
Ну, тащися, сивка!
Я самъ-другъ съ тобою,
Слуга и хозяинъ.
Весело я лажу
Бо́рону и соху,
Телѣгу готовлю,
Зёрна насыпаю.
Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вѣю.
Ну, тащися, сивка!
Пашенку мы рано
Съ сивкою распашемъ,
Зёрнышку сготовимъ
Колыбель святую.
Его вспо́итъ, вско́рмитъ
Мать-земля сырая:
Выйдетъ въ полѣ травка...
Ну, тащися, сивка!
Выйдетъ въ полѣ травка,
Выростетъ и колосъ
Станетъ спѣть, рядиться
Въ золотыя ткани.
Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь,
Зазвенятъ здѣсь косы:
Сла́докъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ!
Ну, тащися, сивка!
Накормлю досыта,
Напою водою,
Водой ключевою.
Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю:
Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ — моё богатство!

Н. С. ЦЫГАНОВЪ.

Николай Степановичъ Цыгановъ родился въ первое десятилѣтіе нашего вѣка въ Москвѣ, въ мѣщанскомъ семействѣ. Помѣщенный въ московское театральное училище на одиннадцатомъ году, онъ пробылъ въ нёмъ около восьми лѣтъ, послѣ чего былъ выпущенъ изъ заведенія съ званіемъ артиста императорскихъ театровъ и назначеніемъ въ жалованье низшаго оклада. Но не прошло и года, какъ всякаго рода непріятности и лишенія, сопряженныя съ положеніемъ второстепеннаго актёра, вовлекли его въ излишества и развили въ нёмъ страсть къ разгулу, сгубившему не одно дарованіе. Всё это, взятое вмѣстѣ, повлекло за собою разстройство здоровья и, въ концѣ-концовъ, свело Цыганова въ могилу. По свидѣтельству людей, знавшихъ его лично, это былъ человѣкъ весёлый, и только въ тяжелыя минуты любившій заглушать своё горе въ шумномъ разгулѣ. Эта печальная особенность, свойственная многимъ изъ самобытныхъ талантовъ нашихъ, отразилась и на самыхъ пѣсняхъ Цыганова. Пѣсни свои сочинялъ онъ не вслѣдствіе внутренней потребности, а единственно для развлеченія себя и своихъ пріятелей. Первая мысль о сочиненіи пѣсенъ пришла ему въ голову на одномъ изъ литературныхъ вечеровъ извѣстнаго въ своё время драматурга, князя Шаховского, любившаго собирать у себя тогдашнихъ московскихъ литераторовъ, въ число которыхъ попалъ случайно и Цыгановъ. Здѣсь каждый, возбуждаемый бесѣдой по душѣ, свойственной пріятельскому кружку, старался пощеголять своимъ остроуміемъ и талантами. Ободрённый примѣромъ другихъ, и Цыгановъ рѣшился испробовать свои силы по части литературы, и избралъ для этой цѣли *русскія народныя пѣсни*, которыя въ то время весьма мало уважались — въ то время, когда народная литература, съ ея Полканами-богатырями и Еруcланами Лазаревичами, считалась недостойною вниманія образованнаго писателя.

Первыя пѣсни Цыганова, довольно слабыя и по замыслу, и по формѣ, были помѣщены въ „Литературномъ Кабинетѣ", сборникѣ, составленномъ трудами артистовъ императорскихъ московскихъ театровъ. Затѣмъ, пѣсни его, которыя съ каждымъ годомъ становились все лучше и лучше и приходились все болѣе и болѣе по вкусу любителямъ національнаго творчества, отъ которыхъ переходили въ народъ, не находя мѣста въ печати, стали быстро расходиться по всей Россіи въ десяткахъ тысячъ списковъ и вскорѣ сдѣлались извѣстными всѣмъ и каждому, наравнѣ съ лучшими народными пѣснями, каковы: „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ", „Не шуми ты, мати, зеленая дуброва" и другія. Самыми извѣстными изъ его пѣсенъ считаются: „Не шей ты мнѣ, матушка, красный сарафанъ", „Ахъ, чарка моя, серебряная", „Охъ, болитъ да щемитъ ретиво сердечко", „Лежитъ въ полѣ дороженька", „При долинушкѣ береза", „Не кукушечка во сыромъ бору"; самыми же лучшими, въ художественномъ отношеніи: „По полю, полю чистому", „Полетай, соловушка" и „Что ты рано, травушка".

Цыгановъ умеръ въ 1833 году въ Москвѣ, въ совершенной безвѣстности, оставивъ старуху-мать, которой былъ единственной опорой при жизни, и посвятивъ, незадолго до смерти, свои произведенія извѣстному драматическому артисту П. С. Мочалову. Посвященіе это было помѣщено въ „Литературномъ Кабинетѣ", но почему-то не вошло ни въ одно изъ двухъ изданій его стихотвореній, при чемъ стихи были снабжены слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Стихотворенія покойнаго Цыганова мы получили отъ почтеннаго и всѣми уважаемаго П. С. Мочалова". Въ посвященіи своёмъ знаменитому трагику, Цыгановъ, между-прочимъ, говоритъ:

Ищите въ пѣсняхъ не стиховъ,
Не сладкихъ кудреватыхъ словъ
Поэтовъ, баловней искусства:

Въ душевной скорби, въ простотѣ
Писалъ простого сердца чувства.

И дѣйствительно, пѣсни Цыганова отличаются неподдѣльной простотою, задушевностью, и, кромѣ того, проникнуты истинно-русскимъ народнымъ духомъ, не заключая въ себѣ ничего искусственнаго, что свидѣтельствуетъ о несомнѣнномъ дарованіи ихъ автора.

Пѣсни Цыганова были изданы два раза — въ 1834 и 1857 годахъ въ Москвѣ, подъ нижеслѣдующимъ заглавіемъ: 1) „Русскія пѣсни. Соч. Н. Цыганова", и 2) „Собраніе сочиненій Н. Цыганова, съ пріобщеніемъ новѣйшихъ народныхъ пѣсенъ, собранныхъ С. Кораблёвымъ".

Для заключенія нашей статьи, помѣщаемъ здѣсь краткій отзывъ о пѣсняхъ Цыганова, помѣщённый въ 259 нумерѣ „Русскаго Инвалида" на 1857 годъ, который мы находимъ, какъ нельзя болѣе, вѣрнымъ и безпристрастнымъ:

„Въ пѣсняхъ Цыганова—всѣ элементы народной пѣсни, въ чёмъ и заключается главное достоинство его пѣсней: вѣрность народному духу не только въ общемъ его проявленіи, но и въ малѣйшихъ его оттѣнкахъ. Независимо отъ нѣкоторыхъ особенностей народнаго духа, въ пѣсняхъ Цыганова встрѣчается множество подробностей русскаго народнаго быта, очевидно заимствованныхъ изъ старинныхъ народныхъ пѣсенъ. Цыгановъ, подобно Кольцову, умѣлъ владѣть формою, не выходя изъ предѣловъ, обусловливающихся самымъ духомъ народа, но, конечно, въ гораздо низшей степени, чѣмъ Кольцовъ. Элементы, составляющіе основу формъ произведеній чисто-народныхъ, имѣютъ мѣсто и въ „Пѣсняхъ" Цыганова. Особенность таланта Цыганова составляетъ тѣ, что онъ съумѣлъ, не разрушая понятій народа и не искажая ихъ, уловить и выразить новые оттѣнки народнаго быта въ формѣ новой. Цыгановъ во многихъ изъ своихъ пѣсенъ представляетъ черты русскаго быта въ вѣрныхъ и довольно рельефныхъ краскахъ — и стихи его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не лишены поэтической теплоты и даже задушевности. Въ пѣсняхъ, всего болѣе выражающихъ личное чувство автора, его положеніе въ обществѣ и воззрѣнія на вещи („Ахъ, чара моя" и „Лежитъ въ полѣ дороженька"), подавленный бѣдностью, убитый горемъ, онъ старается заглушить всё это въ буйномъ веселіи, забыть на время самого себя. Особенное отношеніе къ личности автора имѣетъ пѣсня, выражающая сожалѣніе о его безродномъ положеніи въ жизни".

РУССКІЯ ПѢСНИ.

1.

По полю, полю чистому,
По бархатнымъ лужкамъ,
Течётъ, струнтся рѣченька
Къ безвѣстнымъ бережкамъ.
Взойдётъ гроза, пройдётъ гроза —
Всегда свѣтла она.
Отъ бури лишь поморщится,
Не зная, что волна.
Ни рощи, ни дубравушки
По бережку растутъ:
Кусты цвѣтовъ лазоревыхъ,
Любуясь въ ней, цвѣтутъ.
А рѣчка извивается,
По травушкѣ скользитъ,
То въ ямкѣ потеряется,
То снова заблеститъ.
Ей убыли невѣдомы —
Всегда въ одной красѣ;
За прибыль благодарствуетъ
Небесной лишь росѣ.
Но долго-ль, долго-ль рѣченькѣ
Катиться по цвѣтамъ?
Ждутъ бездны моря свѣтлую
Въ дали туманной, тамъ.
О, поле, поле чистое,
Осиротѣешь ты!
И вы, и вы, посохнете,
Лазоревы цвѣты!
Ахъ, рѣчка, рѣчка свѣтлая,
Измѣнчивъ нашъ удѣлъ!
На рѣзвый бѣгъ твой пó полю
Сквозь слёзы я глядѣлъ!
И я жилъ рѣзво, весело
Пѣвалъ въ былые дни —
И радости сердечныя
Лишь чувствовалъ однѣ.
Но всё перемѣняется,
Проходитъ всё, какъ сонъ —
И я грустить, печалиться
До гроба осуждёнъ.

2.

— „Не шей ты мнѣ, матушка,
Красный сарафанъ:
Не входи, родимушка,
Пóпусту въ изъянъ!
Рано мою косыньку

На двѣ расплетать!
Прикажи мнѣ русую
Въ ленты убирать!
Пускай, не покрытая
Шелковой фатой,
Очи молодецкія
Веселитъ собой!
То ли житье дѣвичье,
Чтобъ его мѣнять,
Торопиться замужемъ
Охать да вздыхать.
Золотая волюшка
Мнѣ милѣй всего!
Не хочу я съ волюшкой
Въ свѣтѣ ничего!"

— „Дитя моё, дидятко,
Дочка милая!
Головка побѣдная,
Неразумная!
Не вѣкъ тебѣ пташечкой
Звонко распѣвать,
Легкокрылой бабочкой
По цвѣтамъ порхать:
Поблёкнутъ на щёченькахъ
Маковы цвѣты;
Прискучатъ забавушки —
Стоскуешься ты!
А мы и при старости
Себя веселимъ:
Младость вспоминаючи,
На дѣтей глядимъ.
И я, молодёшенька,
Была такова;
И мнѣ тѣ же въ дѣвушкахъ
Пѣлися слова!"

3.

Ахъ, чарка моя
Серебряная,
На золотомъ блюдѣ
Поставленная!

Кому тебя пить,
Кому подносить,
Друзьями ты, чарка,
Оставленная?

Въ забытьи стоишь,
Къ себѣ не манишь,
Вина зеленàго
Не налитая!

Бывала-ли ты
Полнымъ-то полна,
Какъ въ водополь рѣчка,
Съ краями равна?

Свѣтилася-ли,
Честилася-ли
Въ весёлой бесѣдѣ
Въ запрошлые дни?

Ходила-ль кругомъ,
Поила-ль виномъ,
Пріятною рѣчью
Приправленная?

Знакомы-ль тебѣ
Въ счастливой судьбѣ
Весёлые взгляды
Ласкающіе?

Встрѣчалися-ли,
Случалися-ли
Пріятельски руки
Сжимающія?

Давно-ли бѣдой
И злой чередой
Лежишь ты на блюдѣ
Спрокинутая —

Роями друзей,
Къ печали моей,
Какъ улей пчелами,
Покинутая?

Не стало вина,
Забыта она...
Друзья отшатнутся
Отъ чистаго дна.

Спросись старины,
Коснись новизны,
Такъ есть и бывало —
Быль съ сказкой сходны.

4.

Охъ, болитъ
Да щемитъ
Ретиво сердечко —
Всё по нёмъ,
По моёмъ
По миломъ дружечкѣ!
Онъ сердитъ,
Не глядитъ
На меня, дѣвицу;
Всё коритъ
Да бранитъ,
Взноситъ небылицу:
Будто днёмъ
Соловьёмъ
По садамъ летаю —
Не о нёмъ,
Объ иномъ
Звонко распѣваю;
Ничего,
Никого
Ночью не боюся,
И не съ нимъ,
Всё съ инымъ
Милымъ веселюся.
Не рости,
Не цвѣсти
Кустику сухому:
Не любить,
Не сгубить
Дѣвицы иному!
Не себѣ —
Всё тебѣ
Красота блюдётся...
Ахъ, ничьей —
Всё твоей
Съ горя изведётся!

Д. И. МИНАЕВЪ.

Дмитрій Ивановичъ Минаевъ родился въ 1808 году, въ дворянскомъ семействѣ, въ Симбирскѣ, гдѣ отецъ его, екатерининскій ветеранъ, имѣлъ свой собственный домъ и жилъ на покоѣ. Окончивъ курсъ въ Симбирской гимназіи, состоявшей въ то время изъ четырёхъ классовъ, молодой Минаевъ отправился въ Петербургъ, гдѣ и поступилъ, въ 1823 году, въ учебный сапёрный баталіонъ.

Пробывъ здѣсь три года, онъ былъ выпущенъ, въ 1826 году, прапорщикомъ въ 3-й морской полкъ, въ которомъ прослужилъ до конца 1833 года, когда былъ переведёнъ въ Симбирскій батальонъ военныхъ кантонистовъ, съ состояніемъ по арміи; затѣмъ, въ концѣ 1835—вышелъ въ отставку по домашнимъ обстоятельствамъ; въ 1838—вступилъ снова въ службу, съ опредѣленіемъ въ симбирскую коммисаріатскую коммисію; въ 1841—назначенъ смотрителемъ Оренбургскаго военнаго госпиталя; въ 1847—былъ прикомандированъ къ провіантскому департаменту, а 15-го апрѣля того же года—назначенъ смотрителемъ Измайловскаго провіантскаго магазина въ Петербургѣ, куда Минаевъ и переселился съ семействомъ (въ томъ числѣ былъ и одиннадцатилѣтній сынъ Дмитрій, въ настоящее время подвизающійся на литературномъ поприщѣ). Прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, въ продолженіе которыхъ онъ напечаталъ свой переводъ „Слова о полку Игоря" и оригинальную поэму „Слава о вѣщемъ Олегѣ", Минаевъ снова отправился въ провинцію, гдѣ получилъ новое мѣсто и уже болѣе не возвращался въ Петербургъ. Прослуживъ въ провинціи ещё лѣтъ около пятнадцати, онъ вышелъ окончательно въ отставку и поселился въ Симбирскѣ, гдѣ и умеръ въ 1876 году.

Первыми поэтическими произведеніями Минаева, появившимися въ печати, были восемь стихотвореній, помѣщённыхъ Кукольникомъ въ его „Новогодникѣ", сборникѣ на 1839 годъ. Стихотворенія эти—(„Дума на Волгѣ", „Пѣсня", „Роза и соловей", „Романсъ", „Ивановъ цвѣтокъ", „Гонецъ", „Фантазія" и „Ночная прогулка") были встрѣчены весьма благосклонно, какъ публикой, такъ и критикой, при чёмъ въ 3-мъ томѣ „Отечественныхъ Записокъ" на 1839 годъ (отд. VII, стр. 3) было, между прочимъ, сказано, что всѣ они носятъ на себѣ печать свѣжаго, замѣчательнаго дарованія, хотя нѣкоторымъ не достаётъ силы, какъ, напримѣръ, пьесамъ: „Дума на Волгѣ", „Ивановъ цвѣтокъ" и „Фантазія". Затѣмъ, въ 9-й, 10-й и 11-й книжкахъ „Библіотеки для Чтенія" на 1840 годъ былъ напечатанъ цѣлый рядъ стихотвореній Минаева („Двѣ зари Бородинской годовщины", „Упрёкъ Кавказу", „Дума на Киргизъ-Кайсацкой степи" и другія), а въ 26-мъ, 27-мъ и 29-мъ нумерахъ „Иллюстраціи" Кукольника на 1846 годъ появились послѣднія его четыре пьесы („Жегулинскія горы", „Воспоминаніе", „Чатырдагъ", подражаніе Мицкевичу, и „Русскій на берегахъ Роны"); но всѣ они канули въ вѣчность, никѣмъ не замѣченныя, хотя нѣкоторыя изъ нихъ были написаны значительно лучше, чѣмъ первыя его произведенія, появившіяся въ „Новогодникѣ" и вызвавшія похвалы критики. Вотъ, напримѣръ, одно изъ нихъ, подъ заглавіемъ: „Воспоминаніе":

Что было—промчалось, того уже нѣтъ!
Надежда не манитъ фатою:
Обманщицы милой плѣнительный слѣдъ
Незримо лежитъ подъ травою.
Душа опустѣла, какъ брошенный храмъ
Сухой павеликѣ въ наслѣдство;
Лишь память несётся къ минувшимъ годамъ
На лоно безпечнаго дѣтства.
И въ мірѣ мечтаній, подъ соннымъ крыломъ,
Пьётъ сердце по каплѣ забвенье—
И дума смѣняетъ волшебнымъ жезломъ
Запавшія въ память видѣнья.

Минаевъ писалъ также и повѣсти. Онѣ помѣщались въ „Сынѣ Отечества", редакторомъ котораго въ то время былъ покойный Фурманъ; но онѣ не представляютъ ничего сколько-нибудь выдающагося изъ массы другихъ повѣстей того-же журнала. Наконецъ, въ 1846 году онъ издалъ лучшее своё произведеніе: стихотворный переводъ „Слова о полку Игоря", обратившій на него общее вниманіе публики и вызвавшій вполнѣ заслуженныя похвалы большинства журналовъ. Въ строгомъ смыслѣ, это не переводъ, а поэма, написанная на тэму „Слова о полку Игоря", мѣстами близкая къ подлиннику, мѣстами дополненная собственными вставками, въ чёмъ сознаётся самъ авторъ, утверждая, что онъ „объяснялъ тёмныя мѣста подлинника прямо стихами, развивая сжатыя мысли въ картины".

Послѣдними произведеніями Минаева были: „Слава о вѣщемъ Олегѣ", поэма, напечатанная въ 1847 году отдѣльной книжкой въ Петербургѣ, и „Тысячелѣтіе Руси въ русскихъ народныхъ сказаніяхъ", былина, напечатанная, десять лѣтъ спустя, въ 1857 году, въ Симбирскѣ.

ДѢДУШКА ДОНЪ ИВАНОВИЧЪ.

Ворчитъ, бранитъ сѣдое время
Всё наше вѣтреное племя;
Въ его глазахъ видна гроза—
И мýрманку свою плотнѣе

Старикъ надвинулъ на глаза:
Ему жить съ нами холоднѣе—
И шуба черныхъ соболей
Не грѣетъ высохшихъ костей.
За то въ нёмъ желчь теперь бушуетъ:
Въ пальто нашъ міръ ему смѣшонъ,
И даже колокольный звонъ
Души, какъ прежде, не волнуетъ.
Ему-бъ всё русскій видѣть духъ:
Бояръ осанистыхъ въ кафтанахъ,
Подъ душегрѣйками старухъ
И рядъ красавицъ въ сарафанахъ.
Давно готовъ онъ воскресить
Всю нашу старину изъ праха
И школу юную съ размаха
Тяжелой палицей разбить.
Въ враждѣ безсильной изнывая,
На русскій свѣтъ старикъ глядитъ
И зёрна чотокъ разбирая,
Угрюмо внукамъ говоритъ:
„Вы срыли ихъ, святыя зданья—
Хоромы кіевскихъ князей,
Разбили древнія преданья
Своихъ отцовъ-богатырей,
Затѣмъ-что вѣчныя обновки,
Лоскутья западной торговки,
Васъ обновляютъ, вамъ дарятъ
Костюмы въ юный маскарадъ.
Ужель заморскія игрушки,
Чужихъ пѣвцовъ простыя стружки,
Замѣнъ вамъ собственныхъ кудрей
И пѣсенъ родины своей?
Ужели вамъ смѣшны былины
Народной нашей старины,
Тѣ необъятныя картины
И смутъ, и славы, и войны,
Залитыя кровавымъ токомъ,
Гдѣ бились дѣды за дѣтей,
Гдѣ молотъ подъ желѣзнымъ рокомъ,
Дробилъ всё къ славѣ позднихъ дней?
И кости праотцовъ святыя,
Граниты ваши міровые,
Съ которыхъ Русь взошла собой,
Вы молча топчете ногой!
Кто-жъ правъ, кто виноватъ? Не вы-ли
Повѣрья русскія разбили,
И—съ европейской новизной—
Стыдитесь быть вы имъ роднёй?
Своихъ не знаете поэтовъ;
Для васъ безмолвствуетъ скрижаль,
Которая полна завѣтовъ,
Прошла сквозь огненную даль
И на плитахъ своихъ дѣянья
Почившихъ схимниковъ преданья
Межъ васъ, какъ въ склепѣ, погребла
И чуть услышана была.
Боянъ, пѣвецъ времёнъ минувшихъ,
Днѣпровскихъ высей соловей,
Вамъ воскресилъ бойцовъ уснувшихъ
И славу раннюю князей.
Отгрянулъ онъ раскатомъ были,
Зажегся молніей во мглѣ—
И на серебряномъ руслѣ
Его слова заговорили.
Нашъ поэтическій колоссъ
Не отъ террасъ Семирамиды,
Не съ темя гордой пирамиды
Чело народное вознёсъ;
Не изъ обломковъ разрушеній,
Блистая прежней красотой,
Сталъ предъ вашею толпой
Неистолкованный сей геній!
Семивѣковый снявъ шеломъ,
Сіяя бѣлыми кудрями,
Чуть движа вѣщими струнами,
Онъ пѣлъ вамъ древнимъ языкомъ“.

П. П. ЕРШОВЪ.

Петръ Павловичъ Ершовъ, авторъ „Конька-Горбунка“, родился 22-го февраля 1815 года, въ Ишимскомъ округѣ, въ селѣ Безруковѣ, лежащемъ въ 400 верстахъ отъ своего губернскаго города Тобольска. Отецъ его былъ чиновникомъ, вслѣдствіе чего, уже по самому роду своей службы, обязанъ былъ безпрестанно перемѣнять мѣсто жительства. Раннюю молодость свою, до поступленія въ Тобольскую гимназію, Молодой Ершовъ провёлъ въ пустынномъ городѣ Берёзовѣ, гдѣ отецъ его довольно долгое время занималъ мѣсто исправника. Отданный на десятомъ году въ Тобольскую гимназію, онъ кончилъ курсъ однимъ изъ первыхъ. По окончаніи гимназическаго курса, молодой Ершовъ, вмѣстѣ съ отцомъ прибылъ въ Петербургъ, гдѣ и былъ принятъ въ число студентовъ тамошняго университета, по философско-юридическому факультету. За годъ до окончанія Ершовымъ курса наукъ, отецъ его умеръ. Къ этому горю присоединилось вскорѣ другое—недостатокъ въ средствахъ къ существованію. Но Ершовы выдержали и этотъ

ударъ. Писать стихи Ершовъ началъ очень рано. Даже лучшее его произведеніе „Конёкъ-Горбунокъ“ было написано имъ на школьной скамьѣ. О сказкѣ этой впервые заговорили въ публикѣ въ въ 1834 году. Поводомъ къ этимъ разговорамъ послужило тѝ, что бывшій тогда профессоромъ русской словесности П. А. Плетнёвъ прочёлъ на лекціи первую часть „Конька-Горбунка“, поданную ему студентомъ Ершовымъ, какъ классное упражненіе. Вслѣдъ затѣмъ, первая часть сказки напечатана въ третьемъ томѣ „Библіотеки для чтенія“ на 1833 годъ, и доставила автору 500 рублей ассигнаціями, первый и едва-ли не послѣдній гонораръ, выпавшій на долю поэта. Въ томъ же году „Конёкъ-Горбунокъ“ изданъ былъ цѣликомъ, отдѣльною книжкой, и былъ встрѣченъ публикою весьма радушно. Критика также отозвалась о сказкѣ довольно благосклонно.

Лѣтомъ 1834 года Ершовъ окончилъ курсъ, со степенью кандидата, и поселился въ Петербургѣ, съ своей старухой-матерью. Здѣсь, по желанію своихъ знакомыхъ, извѣстныхъ въ то время въ музыкальномъ мірѣ, онъ написалъ нѣсколько либреттъ оперъ, которыя, однако остались неизданными и не положенными на музыку, хотя знающіе люди и отзывались о нихъ съ большою похвалою, утверждая что нѣкоторыя изъ нихъ были бы достойны вниманія нашихъ композиторовъ. Но, несмотря на дружескія связи со многими изъ своихъ товарищей и нѣкоторыми изъ литераторовъ, Ершовъ сильно не любилъ Петербургъ — и душа его неудержимо стремилась къ сибирскимъ дебрямъ, гдѣ, по его мнѣнію, только и жить было возможно. Наконецъ, лѣтомъ 1836 года, давнишнее его желаніе исполнилось: онъ былъ назначенъ учителемъ въ Тобольскую гимназію, куда и выѣхалъ тотчасъ по полученіи назначенія, вмѣстѣ съ старухою-матерью.

По выходѣ изъ университета, Ершовъ въ теченіе 1834—1836 года, до отъѣзда въ Сибирь, написалъ кромѣ „Конька-Горбунка“ и упомянутыхъ выше либретто, нѣсколько стихотвореній, изъ которыхъ большая часть была напечатана въ „Библіотекѣ для Чтенія“ Сенковскаго, нѣкоторыя — въ „Современникѣ“ Плетнёва и только немногія въ другихъ изданіяхъ. Всѣ эти стихотворенія, за исключеніемъ четырёхъ: „Первая любовь“, „Желаніе“, „Посланіе къ другу“ и „Вопросъ“ („Библіотека для чтенія“, 1835, т. 11 и 13, 1836, т. 16 и 1838, т. 30), проникнутыхъ искреннимъ чувствомъ, не представляютъ ничего замѣчательнаго и во всѣхъ отношеніяхъ стоятъ гораздо ниже его „Конька-Горбунка“.

По прибытіи въ Тобольскъ, Ершовъ занялъ скромное мѣсто учителя латинскаго языка въ мѣстной гимназіи, которое занималъ въ теченіе многихъ лѣтъ, то-есть до назначенія его инспекторомъ классовъ того же заведенія. Только въ 1857 году страстно-желанное и давно обѣщанное ему мѣсто директора училищъ Тобольской губерніи было, наконецъ, утверждено за нимъ. Наконецъ-то счастье по службѣ улыбнулось и ему! Ершовъ словно ожилъ — и четырёхлѣтній періодъ времени его директорства былъ, конечно, счастливѣйшимъ въ его жизни, тѣмъ болѣе, что содержаніе въ 2000 рублей, пенсія въ 500 и казённая квартира значительно улучшили его матеріальное положеніе, которое до того сильно его безпокоило. Съ переѣздомъ въ Сибирь, Ершовъ продолжалъ писать, но весьма мало печаталъ. Изъ напечатаннаго же можно указать всего на слѣдующія три пьесы: на быль „Сибирскій казакъ“, поэму „Сузгé“ и разсказъ „Кузнецъ Базимъ“, напечатанные въ „Современникѣ“ Плетнёва и „Сборникѣ Литературныхъ Статей, посвящённыхъ русскими писателями памяти А. Ф. Смирдина“.

Въ 1858 году Ершовъ, по вызову министра народнаго просвѣщенія, побывалъ въ Петербургѣ, но, вопреки своимъ собственнымъ ожиданіямъ, которыя рисовали его воображенію давно-покинутую имъ столицу въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ, попрежнему остался ею крайне недоволенъ и покинулъ её тотчасъ послѣ свиданія съ министромъ. Въ 1865 году, не смотря на своё значительное содержаніе и большое семейство, при неимѣніи никакихъ постороннихъ средствъ, онъ вышелъ вслѣдствіе различныхъ непріятныхъ столкновеній въ отставку, съ ежегодною пенсіею въ 1080 рублей и остался жить въ Тобольскѣ, ища одного только спокойствія. Послѣдніе годы жизни Ершова не представляютъ ничего выдающагося, а потому мы и проходимъ ихъ молчаніемъ. Ершовъ скончался 18-го августа 1869 года и погребёнъ на тобольскомъ кладбищѣ, за валомъ.

Всѣхъ изданій „Конька-Горбунка“ было до сихъ поръ — десять. *Первое* выпущено было въ Петербургѣ, въ 1834 году, *второе* и *третье*—въ Москвѣ, въ 1840 и 1843, *четвертое*, *пятое*, *шестое*, *седьмое*, *восьмое*, *девятое* и *десятое*—снова въ Петербургѣ, въ 1856, 1857, 1865, 1868, 1871, 1876 и 1878 годахъ. Съ тѣхъ поръ „Конёкъ-Горбунокъ“ переизданъ еще два раза.

ИЗЪ СКАЗКИ „КОНЕКЪ-ГОРБУНОКЪ".

1.

За горами, за лѣсами,
За широкими морями,
Противъ неба—на землѣ
Жилъ старикъ въ одномъ селѣ.
У крестьянина три сына:
Старшій умный былъ дѣтина,
Средній сынъ и такъ, и сякъ,
Младшій вовсе былъ дуракъ.
Братья сѣяли пшеницу,
Да возили подъ столицу:
Знать, столица та была
Не далеко отъ села.
Тамъ пшеницу продавали,
Деньги счетомъ принимали
И съ телѣгою пустой
Возвращалися домой.
Въ долгомъ времени, аль вскорѣ,
Приключилося имъ горе:
Кто-то въ поле сталъ ходить
И пшеницу ихъ косить.
Мужички такой печали
Отъ рожденья не видали.
Стали думать да гадать,
Какъ-бы вора имъ поймать —
И рѣшили всенародно:
Съ ночи той поочерёдно
Полосу свою беречь,
Злого вора подстеречь.
Только стало лишь смеркаться,
Началъ старшій братъ сбираться —
Взялъ и вилы, и топоръ,
И отправился въ дозоръ.
Ночь ненастная настала,
На него боязнь напала—
И со страху нашъ мужикъ
Завалился на сѣнникъ.
Ночь проходитъ, день приходитъ:
Съ сѣнника дозорный сходитъ
И, обшедъ избу кругомъ,
У дверей стучитъ кольцомъ:
„Эй, вы, сонныя тетери,
Отпирайте брату двери!
Подъ дождёмъ я весь промокъ,
Съ головы до самыхъ ногъ".
Братья двери отворили,
Караульнаго впустили,
Стали спрашивать его,
Не видалъ-ли онъ чего.
Караульный помолился,
Вправо, влѣво поклонился
И, прокашлявшись, сказалъ:
„Цѣлу ноченьку не спалъ!
На моё жъ притомъ несчастье,
Было страшное ненастье:
Дождь вотъ такъ ливмя́ и лилъ,
Подъ дождёмъ я всё ходилъ.
Правда, было мнѣ и скучно.
Впрочемъ, всё благополучно".
Похвалилъ его отецъ:
„Ты, Данило, молодецъ!
Ты, вотъ такъ сказать примѣрно,
Сослужилъ мнѣ службу вѣрно,
То-есть, будучи при томъ,
Не ударилъ въ грязь лицомъ".
Снова начало смеркаться;
Средній сынъ пошелъ сбираться:
Взялъ и вилы, и топоръ,
И отправился въ дозоръ.
Ночь холодная настала;
На него тоска напала,
Зубы начали плясать;
Онъ — ударился бѣжать
И всю ночь ходилъ дозоромъ
У сосѣдки подъ заборомъ.
Только начало свѣтать,
У дверей онъ сталъ стучать:
„Эй вы, сони! что вы спите?
Брату двери отоприте!
Ночью страшный былъ морозъ:
До костей я весь промёрзъ.
Братья двери отворили,
Караульнаго впустили —
Стали спрашивать его,
Не видалъ-ли онъ чего.
Караульный помолился,
Вправо, влѣво поклонился
И сквозь зубы отвѣчалъ:
„Всю я ноченьку не спалъ;
Да къ моей судьбѣ несчастной,
Ночью холодъ былъ ужасной—
До костей меня пробралъ:
Цѣлу ночь я проскакалъ...
Слишкомъ было несподручно!
Впрочемъ, всё благополучно".
И ему сказалъ отецъ:
„Ты, Гаврило, молодецъ!"
Стало въ третій разъ смеркаться;
Надо младшему сбираться:

Онъ и усомъ не ведетъ,
На печи въ углу поётъ
Изо всей дурацкой мочи:
„Распрекрасныя вы очи!“
Братья — ну его ругать,
Стали въ поле посылать;
Но сколь долго ни кричали,
Только время потеряли—
Онъ ни съ мѣста. Наконецъ,
Подошелъ къ нему отецъ,
Говоритъ ему: „Послушай,
Ты поди въ дозоръ, Ванюша!
Я нашью тебѣ обновъ,
Дамъ гороху и бобовъ“.
Вотъ дуракъ съ печи слѣзаетъ,
Шапку на бокъ надѣваетъ,
Хлѣбъ за пазуху кладётъ
И, шатаяся, идётъ.
Ночь настала; мѣсяцъ всходитъ.
Поле всё дуракъ обходитъ
И садится подъ кустомъ,
Звѣзды на небѣ считаетъ,
Да краюшку убираетъ.
Вдругъ на полѣ конь заржалъ.
Караульный нашъ привсталъ,
Посмотрѣлъ сквозь рукавицу—
И увидѣлъ кобылицу.
Кобылица та была
Вся, какъ зимній снѣгъ, бѣла;
Грива—точно золотая,
Въ мелки кольцы завитая.
„Эхе-хе! такъ вотъ какой
Нашъ воришко! Но постой,
Я шутить, вѣдь, не умѣю:
Разомъ сяду тѣ на шею.
Вишь, какая саранча!“
И, минуту улуча,
Къ кобылицѣ подбѣгаетъ,
За волнистый хвостъ хватаетъ
И садится на хребётъ —
Только задомъ напердъ.
Кобылица молодая,
Задомъ, передомъ брыкая,
Понеслася по полямъ,
По горамъ и по лѣсамъ;
То заскачетъ, то забьётся,
То вдругъ круто повернётся;
Но дуракъ и самъ не простъ:
Крѣпко держится за хвостъ.
Наконецъ, она устала.
„Ну, дуракъ!“ ему сказала:
„Коль умѣлъ ты усидѣть,
Такъ тебѣ мной и владѣть“.

2.

Скоро сказка говорится,
Дѣло мѣшкотно творится.
Только, братцы, я узналъ,
Что конёкъ туда вбѣжалъ,
Гдѣ — я слышалъ стороною —
Небо сходится съ землёю,
Гдѣ крестьянки лёнъ прядутъ,
Прялки на небо кладутъ.
Тутъ Иванъ на небо въѣхалъ,
Да по небу и поѣхалъ,
Избоченясь, будто князь,
Шапку на бокъ, подбодрясь.
—„Эко диво! эко диво!
Наше царство хоть красиво“,
Говоритъ коньку Иванъ
Средь лазоревыхъ полянъ:
„А какъ съ небомъ-то сравнится,
Такъ подъ стельку не годится.
Вѣдь, у насъ земля черна,
И темна-то, и грязна;
Здѣсь земля-то, голубая,
А ужъ свѣтлая какая!
Посмотри-ка, горбунокъ,
Видишь—вонъ тамъ на востокъ—
Словно свѣтится гнилушка?
Чай, крестьянская избушка?
Что-то больно высока!“
Такъ спросилъ Иванъ конька.
—„Это теремъ Царь-Дѣвицы,
Нашей будущей царицы“,
Горбунокъ ему кричитъ:
„По ночамъ здѣсь солнце спитъ,
А какъ день-деньской приходитъ,
То сюда и мѣсяцъ входитъ“.
Подъѣзжаютъ къ воротамъ —
Сто столбовъ по сторонамъ;
Всѣ столбы-то голубые,
А верхушки золотыя;
На верхушкахъ три звѣзды;
Вокругъ терема сады;
На серебряныхъ тамъ вѣткахъ,
Въ раззолоченныхъ во клѣткахъ,
Птицы райскія живутъ,
Пѣсни царскія поютъ.
А вѣдь, теремъ съ теремами,
Будто городъ съ деревнями;

А на теремѣ изъ звѣздъ —
Православный русскій крестъ.
Вотъ конёкъ во дворъ въѣзжаетъ;
Нашъ Иванъ съ него слѣзаетъ,
Въ теремъ къ мѣсяцу идётъ
И такую рѣчь ведётъ:
„Здравствуй, Мѣсяцъ Мѣсяцовичъ!
Я — Иванушка Петровичъ.
Изъ далекихъ я сторонъ —
И привёзъ тебѣ поклонъ".
—„Сядь, Иванушка Петровичъ!",
Молвилъ Мѣсяцъ Мѣсяцовичъ:
„И повѣдай мнѣ вину
Въ нашу свѣтлую страну
Твоего съ земли прихода:
Изъ какого ты народа,
Какъ явился въ сей странѣ —
Всё вполнѣ повѣдай мнѣ".
—„Я съ земли пришелъ землянской,
Изъ страны, вѣдь, христіанской",
Говоритъ ему Иванъ:
„Переѣхалъ окіянъ
Съ порученьемъ отъ Дѣвицы
Нашей будущей царицы,
Чтобъ тебя отъ ней спрошать—
Послѣ ей пересказать—
Для чего, дескать, три ночи
Не показывалъ ты очи
И зачѣмъ уже три дня
Солнце скрылось отъ меня?"
—„А какая тó царица?"
—„Это, знаешь, Царь-Дѣвица".
—„Царь-Дѣвицу? Такъ она
Что-ль тобой увезена?"
Вскрикнулъ Мѣсяцъ Мѣсяцовичъ.
Тутъ Иванушка Петровичъ
Говоритъ: „извѣстно, мной!
Вишь, я царской стремянной!"
—„Есть къ тебѣ, родной, прошенье:
То о китовомъ прощеньѣ.
Есть, вишь, море: чудо-китъ
Поперёкъ его лежитъ:
Всѣ бока его изрыты,
Частоколы въ рёбра вбиты.
Онъ бѣднякъ меня прошалъ,
Чтобы я тебѣ сказалъ:
Скоро-ль кончится мученье?
Чѣмъ сыскать ему прощенье
И за чтó онъ тутъ лежитъ?"
Мѣсяцъ ясный говоритъ:
—„Онъ за-то несётъ мученье,
Что безъ Божія велѣнья
Проглотилъ середь морей
Три десятка кораблей.
Если дастъ онъ имъ свободу,
То сниму съ него невзгоду".
Поклонившись, какъ умѣлъ,
На конька Иванъ тутъ сѣлъ,
Свистнулъ, будто витязь знатный,
И пустился въ путь обратный.
На другой день нашъ Иванъ
Вновь пришелъ на окіянъ.
Вотъ конёкъ бѣжитъ по киту,
По костямъ стучитъ копытомъ.
Чудо-юдо рыба-китъ
Такъ, вздохнувши, говоритъ:
„Чтó, отецъ мой? въ небѣ былъ-ли?
Мнѣ прощенье испросилъ-ли?"
Тутъ конёкъ ему кричитъ:
„Погоди ты, рыба-китъ!"
Вотъ въ селенье прибѣгаетъ,
Мужичковъ къ себѣ сзываетъ,
Черной гривкою трясётъ
И такую рѣчь ведётъ:
„Эй, послушайте, міряне!
Православны христіане!
Коль не хочетъ кто изъ васъ
Къ водяному сѣсть въ приказъ,
Убирайся вмигъ отсюда!
Здѣсь тотчасъ случится чудо:
Море сильно закипитъ—
Повернётся рыба-китъ",
Тутъ крестьяне и міряне,
Православны христіане
Закричали: „быть бѣдамъ!"
И пустились по домамъ.
Всѣ телѣги собирали;
Въ нихъ, не мѣшкая, поклали
Всё, чтó было живота—
И оставили кита.
Лишь на небѣ засмеркалось,
То на китѣ не осталось
Ни одной души живой,
Будто шелъ Мамай войной.
Тутъ конёкъ на хвостъ взбѣгаетъ,
Къ перьямъ скоро прилегаетъ
И, чтó мочи есть, кричитъ:
„Чудо-юдо рыба-китъ!
Отъ того твоё мученье,
Что безъ Божія велѣнья
Проглотилъ ты средь морей
Три десятка кораблей.

Если дашь ты имъ свободу,
Не потерпишь ужъ невзгоду".
И, окончивъ это, вмигъ
Горбунокъ на берегъ—прыгъ
И на нёмъ остановился!
Чудо-китъ поворотился,
Началъ море волновать
И изъ челюстей бросать
Корабли за кораблями,
Съ парусами и гребцами.
Чудо-юдо рыба-китъ
Громкимъ голосомъ кричитъ,
Ротъ широкой отворяя,
Плёскомъ волны разбивая:
„Чѣмъ тебѣ мнѣ услужить?
Чѣмъ за службу наградить?
Надо-ль раковинъ цвѣтистыхъ?
Надо-ль рыбокъ золотистыхъ?
Надо-ль крупныхъ жемчуговъ?
Всё достать тебѣ готовъ!"
—„Нѣтъ, китъ-рыба, мнѣ не надо
Крупныхъ жемчуговъ въ награду",
Говоритъ ему Иванъ:
„Лучше перстень мнѣ достань,
Перстень красной Царь-Дѣвицы,
Нашей будущей царицы".
—„Ладно, ладно!" рыба-китъ
Стремянному говоритъ:
„Отыщу я до зарницы
Перстень красной Царь-Дѣвицы".
Такъ китъ-чудо отвѣчалъ
И, всплеснувъ, на дно упалъ.
Вотъ онъ плесомъ ударяетъ,
Громкимъ голосомъ сзываетъ
Осетриный весь народъ
И такую рѣчь ведётъ:
„Вы достаньте до зарницы
Перстень красной Царь-Дѣвицы,
Скрытый въ ящичкѣ на днѣ.
Кто его доставитъ мнѣ,
Награжу того я чиномъ:
Будетъ думнымъ дворяниномъ,
Если жъ умный мой приказъ
Не исполните—я васъ!"
Осетры тутъ поклонились
И въ порядкѣ удалились.
Черезъ нѣсколько часовъ,
Двое бѣлыхъ осетровъ
Къ киту медленно подплыли
И смиренно говорили:
„Царь великій, не гнѣвись!
Мы всё море ужъ, кажись,
Ваша милость, обыскали,
А всё перстня не видали.
Только ёршъ одинъ изъ насъ
Могъ исполнить бы приказъ:
Онъ по всѣмъ морямъ гуляетъ,
Такъ ужъ, вѣрно, перстень знаетъ;
Но его, какъ бы на зло,
Ужъ куда-то унесло."
—„Отыскать его въ минуту
И послать въ мою каюту!"
Китъ во гнѣвѣ закричалъ
И усами закачалъ.
Осетры тутъ поклонились,
Въ земской судъ потомъ пустились
И велѣли въ тотъ же часъ
Отъ кита писать указъ,
Чтобъ гонцовъ скорѣй послали
И ерша скорѣй поймали.
Лещъ, услыша сей приказъ,
Именной писалъ указъ;
Сомъ—исправникомъ онъ звался—
Подъ указомъ подписался,
Черный ракъ указъ сложилъ
И печати приложилъ.
Двухъ дельфиновъ тутъ призвали
И, отдавъ указъ, сказали,
Чтобъ отъ имени царя
Всѣ объѣхали моря
И того ерша-гуляку,
Крикуна и забіяку,
Гдѣ бы ни было, нашли,
Къ государю привели.
Тутъ дельфины поклонились
И ерша искать пустились.
Ищутъ часъ они въ моряхъ,
Ищутъ часъ они въ рѣкахъ,
Всѣ озёра исходили,
Всѣ проливы переплыли—
Не могли ерша сыскать,
И вернулися назадъ,
Чуть не плача отъ печали.
Вдругъ дельфины услыхали
Недалёко на прудѣ
Крикъ неслыханный въ водѣ.
Въ прудъ дельфины завернули
И на дно его нырнули—
Глядь: въ прудѣ подъ камышомъ
Ершъ дерётся съ карасёмъ.
—„Смирно! Черти-бъ васъ побрали!
Вишь, содомъ какой подняли,

Словно важные бойцы!"
Закричали имъ гонцы.
—„Ну, а вамъ какое дѣло?"
Ершъ кричитъ дельфинамъ смѣло:
„Я шутить, вѣдь, не люблю:
Разомъ всѣхъ переколю!"
—„Охъ, ты, вѣчная гуляка,
И крикунъ, и забіяка!
Всё бы, дрянь, тебѣ гулять,
Всё бы драться да кричать!
Дома—нѣтъ, вѣдь, не сидится.
Ну, да что съ тобой рядиться!
Вотъ тебѣ царёвъ указъ,
Чтобъ ты плылъ къ нему тотчасъ".
Тутъ проказники дельфины
Подхватили за щетины
И отправились назадъ.
Ершъ—ну рваться и кричать:
„Будьте милостивы, братцы!
Дайте чуточку додраться.
Распроклятый тотъ карась
Поносилъ меня вчерась,
При честномъ при всёмъ собраньѣ,
Басурманской разной бранью".
Долго ёршъ ещё кричалъ,
Наконецъ, и замолчалъ;
А проказника дельфины
Всё тащили за щетины,
Ничего не говоря—
И явились предъ царя.
—„Чтò ты долго не являлся?
Гдѣ ты, вражій сынъ, шатался?"
Китъ со гнѣвомъ закричалъ.
На колѣни ёршъ упалъ
И, признавшись въ преступленьѣ,
Онъ вамолился о прощеньѣ,
—„Ну, ужъ Богъ тебя проститъ!"
Китъ державный говоритъ:
„Но за это преступленье
Ты исполни повелѣнье".
—„Все исполню, славный китъ!"
На колѣняхъ ёршъ пищитъ.
—„Ты по всѣмъ морямъ гуляешь,
Такъ ужъ, вѣрно, перстень знаешь
Царь-Дѣвицы?"—„Какъ не знать!
Можемъ разомъ отыскать."
—„Такъ ступай же поскорѣе
Да неси его живѣе".
Тутъ, отдавъ царю поклонъ,
Ершъ пошелъ оттуда вонъ;
Съ полминуты порѣзвился,
Въ черный омутъ опустился
И, разрывъ на днѣ песокъ,
Вырылъ красный сундучёкъ
Пудъ, по крайней мѣрѣ, вò сто.
„Здѣсь, братъ, дѣло-то не просто!"
И давай изъ всѣхъ морей
Ершъ скликать къ себѣ сельдей.
Сельди разомъ собралися,
Сундучёкъ тащить взялися—
Только слышно и всего,
Что „у-у!" да „о-о-о!"
Но, сколь сильно ни кричали,
Сундучка всё не подняли.
Ершъ, не тратя много словъ,
Кликнулъ десять осетровъ.
Вотъ десятокъ приплываетъ
И безъ крика поднимаетъ
Крѣпко ввязнувшій въ песокъ
Съ перстнемъ красный сундучёкъ.
„Ну, ребятушки, смотрите:
Вы къ царю теперь плывите!
Я жъ пойду теперь ко дну,
Да немножко отдохну:
Что-то сонъ одолѣваетъ,
Такъ глаза вотъ и смыкаетъ".
Осетры къ царю плывутъ;
Ершъ-гуляка прямо въ прудъ,
Изъ котораго дельфины
Утащили за щетины:
Чай, додраться съ карасёмъ—
Я не вѣдаю о томъ.

В. Г. БЕНЕДИКТОВЪ.

Владиміръ Григорьевичъ Бенедиктовъ, извѣстный русскій поэтъ и переводчикъ, родился 5-го ноября 1807 года въ С.-Петербургѣ. Отсюда онъ вскорѣ переѣхалъ, вмѣстѣ съ родителями, въ Петрозаводскъ, куда отецъ его былъ переведёнъ совѣтникомъ губернскаго правленія. Въ 1817 году, когда будущему поэту ещё не исполнилось десяти лѣтъ, онъ былъ отданъ въ Олонецкую губернскую гимназію и, пробывъ въ ней четыре года, окончилъ полный курсъ, такъ-какъ въ гимназіяхъ того времени было всего четыре класса. Изъ предметовъ гимназическаго образованія молодому Бенедиктову всего болѣе пришлись пò сердцу уроки учителя словесности, который писалъ стишки, и заставлялъ юныхъ гимназистовъ произносить эти стихи при разныхъ гимназическихъ торжествахъ

Въ 1821 году Бенедиктовъ былъ отвезёнъ въ Петербургъ и отданъ въ бывшій 2-й кадетскій корпусъ, гдѣ, по экзамену, принятъ въ одинъ изъ среднихъ классовъ. По словамъ самого Бенедиктова, во время пребыванія своего въ корпусѣ, онъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми товарищами своими, упражнялся въ писаніи стиховъ въ кадетскихъ журналахъ и альманахахъ. Преподаватели словесности въ корпусѣ были въ то время такъ плохи, что служили только предметомъ насмѣшекъ для учениковъ своихъ, изъ которыхъ наиболѣе способные и умѣвшіе написать что-нибудь, не хотѣли показывать своихъ дѣтскихъ произведеній наставникамъ, а только сообщали ихъ другъ другу и довольствовались взаимными критическими замѣчаніями.

Окончивъ курсъ первымъ, Бенедиктовъ былъ выпущенъ, 25-го іюня 1827 года, лейбъ-гвардіи въ Измайловскій полкъ прапорщикомъ; затѣмъ, чрезъ три года, произведёнъ въ подпоручики, а въ январѣ 1831 года выступилъ съ полкомъ въ походъ противъ польскихъ мятежниковъ, при чёмъ принималъ участіе во всѣхъ дѣлахъ Измайловскаго полка, и былъ пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Анны 4-й степени, съ надписью: „за храбрость". По возвращеніи гвардіи въ Петербургъ, Бенедиктовъ оставилъ военную службу и опредѣлился въ канцелярію министра финансовъ, съ переименованіемъ въ колежскіе секретари.

Первымъ литературнымъ произведеніемъ Бенедиктова, явившемся въ печати, былъ небольшой томъ его „Стихотвореній", выпущенный авторомъ въ началѣ 1835 года въ Петербургѣ и встрѣченный довольно единодушными похвалами журналовъ и публики. Почти всѣ петербургскіе журналы отозвались о книгѣ съ большой похвалою, а нѣкоторые, какъ напримѣръ: „Библіотека для Чтенія", „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія" и „Сѣверная Пчела", даже съ восторгомъ. Одинъ только Бѣлинскій, въ прекрасной статьѣ своей, помѣщённой въ 27-й части московскаго журнала „Телескопъ" на 1835 годъ, отозвался не вполнѣ благопріятно о талантѣ молодого поэта; но и тотъ нашелъ многія изъ его стихотвореній „милыми какъ поэтическія игрушки", похвалилъ пьесу „Два видѣнія", а стихотвореніе „Къ полярной звѣздѣ" назвалъ „чудомъ по красотѣ стиховъ". Самъ Жуковскій восхищался стихомъ Бенедиктова, а Пушкинъ на вопросы, какого онъ мнѣнія о поэтѣ? — отвѣчалъ только, что у него есть превосходное сравненіе неба съ опрокинутой чашей. Что же касается публики, то она была ослѣплена блескомъ и гармоніей бенедиктовскаго стиха, и раскупала книжку на расхватъ, такъ-что въ самомъ непродолжительномъ времени понадобилось новое изданіе ея. Съ этого времени стихотворенія Бенедиктова стали появляться всё чаще и чаще на страницахъ „Библіотеки для чтенія", „Современника" и „Сынъ Отечества". Въ концѣ 1838 года вышелъ въ свѣтъ второй томъ „Стихотвореній Владимира Бенедиктова", встрѣченный новыми похвалами Сенковскаго („Библіотека для Чтенія", 1839, № 2) и раскупленный публикой такъ же быстро, какъ и первый, хотя былъ напечатанъ въ количествѣ 3000 экземпляровъ. Начиная съ 1839 года, стихотворенія Бенедиктова стали появляться на страницахъ многихъ журналовъ, а въ концѣ 1842 года появилась статья Бѣлинскаго, написанная по поводу выхода въ свѣтъ второго изданія второй части „Стихотвореній В. Бенедиктова"—статья хотя и через-чуръ строгая, но, тѣмъ не менѣе, прекрасная и во многомъ справедливая. Стихотворенія перваго періода поэтической дѣятельности Бенедиктова (1835—1845) дѣйствительно довольно слабы, вычурны и, по большей части, лишены художественнаго значенія, за исключеніемъ семи: „Къ полярной звѣздѣ", „Озеро", „Два видѣнія", „Могила", Развалины", „Цвѣтокъ" и „Горныя выси". За то произведенія второго періода его литературной дѣятельности, начавшейся, послѣ десятилѣтняго молчанія, въ 1855 году, носятъ на себѣ совершенно иной характеръ и отличаются отъ первыхъ опытовъ не только внутреннимъ содержаніемъ, но и самой формой. Второй періодъ дѣятельности Владимира Григорьевича начался съ помѣщеніемъ въ „Библіотекѣ для Чтенія" на 1855 годъ пяти стихотвореній: „Звѣздочка", „Мелочи жизни", „Воспоминаніе о Крыловѣ", „Къ отечеству и врагамъ его" и „Малое слово о великомъ", изъ которыхъ послѣднее обратило на себя общее вниманіе. Затѣмъ, въ 1856 году онъ помѣстилъ въ „Библіотекѣ для Чтенія" и „Пантеонѣ" два прекрасныхъ стихотворенія: „Человѣкъ" и „Бахусъ", прочтённыя въ то время всѣми грамотными русскими людьми, а въ 1857 году, въ „Шиллерѣ въ переводахъ русскихъ поэтовъ" три превосходныхъ перевода изъ Шиллера: „Къ радости", „Лаурѣ" и „Боги Греціи"; въ „Сынѣ Отечества" три тоже очень хорошихъ оригинальныхъ пьесы: „На новый 1857 годъ", „Что шумишь„ и „Онъ" (графъ Канкринъ), изъ которыхъ первая была тотчасъ перепечатана въ 16-мъ № „Москвитянина", а третья

высоко цѣнится людьми, любящими поэзію. Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ стихотвореній, печатавшихся въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, „Библіотекѣ для Чтенія“, „Современникѣ“, „Сынѣ Отечества“, „Общезанимательномъ Вѣстникѣ“, „Вѣкѣ“, „Подснѣжникѣ“, „Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ“ и другихъ періодическихъ изданіяхъ. Изъ нихъ можно указать на слѣдующія, вполнѣ художественныя произведенія: „Борьба“, „И нынѣ“, „Вѣрю“, „ Благовѣщеніе“, „Я помню приволье широкихъ дубравъ“, „Южная ночь“ и „Къ моей музѣ“.

„Бенедиктовъ“, говоритъ Никитенко: „принадлежалъ къ тѣмъ даровитымъ личностямъ, которыя, сознавъ въ себѣ разъ художественное призваніе, остаются ему вѣрными до конца. Это была натура, для которой поэзія была не занятіемъ, но жизнію ея сердца, и всё, что̀ есть прекраснаго и возвышеннаго въ поэзіи, втекало въ ея внутренній міръ и возвышало въ ней достоинство человѣка. Понятно при этомъ, что, посвящая литературѣ лучшія свои силы, Бенедиктовъ не соединялъ съ ней ни одной изъ тѣхъ цѣлей, которыя нерѣдко писателей дѣлаютъ зависимыми отъ моды или мнѣній какого-нибудь литературнаго кружка̀. Онъ стоялъ совершенно въ сторонѣ отъ борьбы партій, возбуждаемой на литературной аренѣ маленькими страстями и маленькими самолюбіями, и, вообще, одобреніе большей части своихъ собратій по литературѣ не считалъ настолько важнымъ и основательнымъ, чтобъ можно было желать его. И это вовсе не изъ гордости: кто зналъ лично Бенедиктова, тому извѣстно, что онъ былъ воплощённая скромность“.

Тѣмъ временемъ служба Владимира Григорьевича шла своимъ чередомъ, сопровождаясь наградами и повышеніями, и, наконецъ, въ 1850 онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а въ 1847 и 1856 годахъ пожалованъ кавалеромъ орденовъ Св. Анны 2-й степени и Св. Владиміра 3-го класса. Начавъ свою службу исправленіемъ должности помощника столоначальника въ канцеляріи министра финансовъ, Бенедиктовъ былъ сдѣланъ, въ 1834 году, столоначальникомъ, въ 1837— старшимъ секретарёмъ общей канцеляріи министра финансовъ, въ 1843 — директоромъ правленія экспедиціи государственныхъ кредитныхъ билетовъ, а въ 1856 — членомъ правленія Государственнаго Банка. Эту послѣднюю должность онъ исправлялъ до 31-го октября 1860 года, когда вышелъ въ отставку.

Бенедиктовъ скончался 14-го апрѣля 1875 года въ Петербургѣ и похоронёнъ на кладбищѣ Воскресенскаго Новодѣвичьяго монастыря.

„Стихотворенія В. Бенедиктова“ были изданы три раза: въ первый разъ—въ 1835—1838, въ двухъ томахъ, во второй—въ 1836—1842, въ двухъ же томахъ, и въ третій разъ—въ 1856 году, въ трёхъ томахъ. Къ послѣднему изданію, въ видѣ дополненія, была издана, въ 1857 году, небольшая книжка, подъ заглавіемъ: „Новыя стихотворенія В. Бенедиктова“.

I.

И НЫНѢ.

Надъ нами тѣ жъ, какъ древле, небеса
И такъ же льютъ намъ благъ своихъ потоки,
И въ наши дни творятся чудеса,
И въ наши дни являются пророки.

Богъ не усталъ: Богъ шествуетъ впередъ;
Міръ борется съ враждебной силой змія;
Тамъ—зритъ слѣпецъ, тамъ—мёртвый возстаётъ,
Исайя живъ и живъ Іеремія.

Не истощилъ Господь своихъ даровъ,
Не оскудѣлъ верховной благодатью:
Онъ всё творитъ—и библія міровъ
Не замкнута послѣднею печатью.

Кто духомъ живъ, въ комъ вѣра не мертва,
Кто сознаётъ всю животворность слова,
Тотъ всюду зритъ наитье божества
И слышитъ всё, что̀ говоритъ Егова.

И, разогнавъ кудесничества чадъ,
Въ природѣ онъ усмотритъ святость чуда,
И не распнётъ онъ слово, какъ Пилатъ,
И не предастъ онъ слово, какъ Іуда—

И брата онъ, какъ Каинъ, не сразитъ;
Гонимаго съ радушной лаской приметъ,
Смиреніемъ надменныхъ пристыдитъ,
И слабаго, и падшаго подыметъ.

Не унывай, о малодушный родъ!
Не падайте, о племена земныя!
Богъ не усталъ: Богъ шествуетъ впередъ:
Міръ борется съ враждебной силой змія.

II.

ВѢРЮ.

Вѣрю я и вѣрить буду,
Что отъ сихъ до оныхъ мѣстъ
Божество разлито всюду—
Отъ былинки вплоть до звѣздъ.

Не оно-ль горитъ звѣздами
И у солнца изъ очей
Съ неба падаетъ снопами
Ослѣпительныхъ лучей?

Въ безднѣ тихой, черной ночи,
Въ безпредѣльной глубинѣ
Не оно ли передъ очи
Ставитъ прямо вѣчность мнѣ?

Не его-ль необычайный
Духу, сердцу внятный зовъ
Обаятельною тайной
Вѣетъ въ сумракѣ лѣсовъ!

Не оно-ль въ стихійномъ спорѣ
Блещетъ пламенемъ грозы,
Отражая ликъ свой въ морѣ
И въ жемчужинѣ слезы?

Сквозь міры, сквозь неба крышу
Углубляюсь въ естество,
И сдаётся—вижу, слышу,
Чую сердцемъ божество.

Не оно-ль и въ мысли ясной,
И въ песчинкѣ, и въ цвѣтахъ,
И возлюбленно-прекрасной
Въ гармоническихъ чертахъ?

Посреди вселенной храма,
Мнится мнѣ, оно стоитъ,
И, порой, въ глаза мнѣ прямо
Изъ очей ея глядитъ.

III.

МОГИЛА.

Я въ мірѣ боецъ; да, я биться хочу.
Смотрите: я бросилъ ужъ лиру;
Я мечъ захватилъ и открыто лечу
На встрѣчу нечистому міру.

И Богъ да поможетъ мнѣ зло поразить
И въ битвѣ глубоко, глубоко
Могучей рукою сталь правды вонзить
Въ шипучее сердце порока!

Не бойтесь, друзья: не падётъ вашъ пѣвецъ!
Пусть грозно враговъ ополченье!
Какъ левъ, я дерусь; какъ разумный боецъ,
Упрочилъ себѣ отступленье.

Могила за мною, какъ геній, стоитъ
И въ сердце вливаетъ отвагу;
Когда же боренье меня истомитъ,
Туда—и подъ холмикомъ лягу!

И пламенный духъ изъ темницы своей
Торжественнымъ крыльевъ размахомъ
Къ Отцу возлетитъ, а ползучихъ гостей
Земля угоститъ моимъ прахомъ.

Но съ міромъ не конченъ кровавый разсчётъ!
Нѣтъ—въ бурныя силы природы
Вражда моя въ новой красѣ перейдётъ:
И въ воздухъ, и въ пламя, и въ воды.

На стужу сердецъ я волканомъ дохну,
Кипящею лавой нахлыну;
Средь водной равнины волною плесну,
Злодѣя ладью опрокину.

Порою злымъ вихремъ прорвусь на просторъ
И вихрей-собратій накличу,
И прахомъ засыплю я хищника взоръ,
Коварно слѣдящій добычу.

Чрезъ горы преградъ путь свободный найду,
Сквозь камень стѣны безпредѣльной
Къ сатрапу въ чертоги заразой войду
И язвою лягу смертельной.

IV.

БОРЬБА.

Таковъ, знать, Богомъ всемогущимъ
Уставъ данъ міру съ давнихъ поръ:
Всегда прошедшее съ грядущимъ
Вело тяжелый, трудный споръ;
Всегда минувшее стояло
За свой негодный, старый хламъ
И свѣжей силы не пускало
Къ возобновительнымъ дѣламъ;
Всегда оно ворчало, злилось
И пѣло пѣсню всё одну,
Что было лучше въ старину,
И съ этою пѣснью въ гробъ валилось.
И надъ могилами отцовъ
Зарытыхъ бодрыми сынами,

Иная жизнь со всѣхъ концовъ
Катилась бурными волнами.
Пусть тотъ скорѣй оставитъ свѣтъ,
Кого пугаетъ всё, чтб ново.
Кому не въ радость, не въ привѣтъ
Живая мысль, живое слово.
Умри—въ комъ будущаго нѣтъ!

Порой средь общаго движенья
Всё смутно, сбивчиво, темно;
Но не отъ мутнаго-ль броженья
Творится свѣтлое вино?
Не жизни-ль варваръ Риму придалъ,
Когда онъ опрокинулъ Римъ?
Гдѣ прежде правилъ мертвый идолъ,
Тамъ Богъ живой поставленъ имъ.

Тамъ рыцарь несъ креста обновы
И гибнулъ съ мыслью о крестѣ.
Мы—тоже рыцари Христовы
И крестоносцы—да не тѣ:
Подъ средневѣковое иго
Уже не клонится никто,
И хоть предъ нами та-же книга,
Но въ ней читаемъ мы не тб,
И новый образъ пониманья
Кладёмъ на старыя сказанья.
И нынѣ мы пошли бы въ бой—
Не ради гроба лишь святого,
Но съ тѣмъ, чтобъ новою борьбою
Освободить Христа живого!

V.

ГОРНЫЯ ВЫСИ.

Одѣты ризою тумановъ
И льдомъ заоблачной зимы,
Въ рядахъ, какъ войско великановъ,
Стоятъ державные холмы.
Привѣтъ мой вамъ, столпы созданья,
Нерукотворная краса,
Земли могучія возстанья,
Побѣги праха въ небеса!
Здѣсь съ грустной цѣпи тяготѣнья
Земная масса сорвалась,
И, какъ въ порывѣ вдохновенья,
Съ кипящей думой отторженья
Въ отчизну молній унеслась;
Рванулась выше—но открыла
Нѣмую вѣчность впереди:
Чело отъ ужаса застыло,
А пламя спряталось въ груди.
И вотъ, на тучахъ отдыхая,
Виситъ громада вѣковая,
Чужая долу и звѣздамъ:
Она съ высотъ, гдѣ громъ рокочетъ,
Въ міръ дольній ринуться не хочетъ,
Не можетъ прянуть къ небесамъ.
О, горы, первыя ступени
Къ широкой, вольной сторонѣ,
Съ челомъ открытымъ, на колѣни
Предъ вами пасть отрадно мнѣ!
Какъ праха сынъ, клонюсь главою
Я къ вашимъ каменнымъ пятамъ
Съ невольной робостью—а тамъ,
Какъ сынъ небесъ, пройду пятою
По вашимъ бурнымъ головамъ.

VI.

ЮЖНАЯ НОЧЬ.

Лёгкій сумракъ, сѣнь акацій,
Берегъ моря, плескъ волны
И съ лазурной вышины
Свѣтъ лампады музъ и грацій,
Упоительной луны.

Тамъ, чернѣя надъ заливомъ,
Мачтъ подъемлются лѣса;
На землѣ жъ—земли краса—
Тóполь ростомъ горделивымъ
Измѣряетъ небеса.

Горячѣй дыханья дѣвы;
Межъ землёй и небомъ сжатъ
Сладкій воздухъ: въ нёмъ дрожатъ
Итальянскіе напѣвы,
Въ нёмъ развѣянъ ароматъ.

А луна? Луна здѣсь грѣетъ—
Хочетъ солнцемъ быть луна;
Соблазнительно-пышна,
Нѣжитъ грудь и чары дѣетъ
Блескомъ сладостнымъ она.

Злая ночь златого юга!
Блещешь лютой ты красой:
Ты смѣнила холодъ мой
Жаромъ страшнаго недуга—
Одиночества тоской.

Сердце, вспомнивъ сонъ завѣтный,
Жаждетъ вновь — кого-нибудь:
Тщетно! Не о комъ вздохнуть —
И любовью безпредметной
Высоко мятётся грудь.

Прочь, томительная нѣга!
Тамъ — цѣлебный сѣверъ мой
Возвратитъ душѣ больной,
Въ лонѣ вьюгъ, на глыбахъ снѣга,
Силу мысли и покой.

VII.

Я помню приволье широкихъ дубравъ —
Я помню край дикій. Тамъ, въ годы забавъ,
Невинной безпечности полный,
Я видѣлъ — синѣлась, шумѣла вода;
Далёко, далёко — не знаю, куда —
Катились всё волны, да волны.

Я отрокомъ часто на брегѣ стоялъ,
Безъ мысли, но съ чувствомъ на влагу взиралъ,
И всплески мнѣ ноги лобзали.
Въ дали безконечной виднѣлись лѣса —
Туда мнѣ хотѣлось: у нихъ небеса
На самыхъ вершинахъ лежали.

VIII.

ОНЪ.

Я помню: былъ старикъ — высокій, худощавый;
Ликъ блѣдный; сводъ чела разумно-величавый,
Весь лысый; на вискахъ сѣдыхъ волосъ клочки;
Глава подъ зонтикомъ и тёмныя очки.
Правительственный санъ! Огромныя заботы!
Согбенъ подъ колесомъ полезной всѣмъ работы,
Угодничества чуждъ, онъ былъ во весь свой вѣкъ
Совѣта мужъ вездѣ и всюду — человѣкъ;
Всегда доступенъ всѣмъ для нуждъ и просьбъ, и жалобъ,
Выслушиваетъ всѣхъ, очки подниметъ нà лобъ —
И видится, какъ мысль бьётъ въ видѣ двухъ лучей
Изъ синихъ, нàискось приподнятыхъ, очей.
Иного ободритъ улыбкою привѣта,
Другому, ждущему на свой вопросъ отвѣта,
На иностранный ладъ слова произнося,
Спокойно говоритъ: „нѣтъ, патушка, нельзя!"
Народнымъ голосомъ и милостью престольной
Увѣнчанный старикъ, подъ шляпой треугольной,
Въ шинели сѣренькой, надѣтой въ рукава,
Въ прогулкѣ утренней протащится сперва —
И возвращается въ свой кабинетъ рабочій,
Гдѣ трудъ его кипитъ съ утра до поздней ночи.
Угодно-ль заглянуть вамъ въ этотъ кабинетъ?
Здѣсь нѣту роскоши, удобствъ излишнихъ нѣтъ;
Всё дышитъ простотой студентской кельи скромной:
Здѣсь къ спинкѣ креселъ самъ хозяинъ экономный,
Чтобъ слабыхъ глазъ его свѣтъ лишній не терзалъ,
Большой картонный листъ бичёвкой привязалъ;
Тутъ груды книгъ, бумагъ, а тутъ запасъ дешевыхъ
Неслиндовскихъ сигаръ и трубокъ тростниковыхъ
Линейки, циркули; а дальше, на полу,
Различныхъ свёртковъ рядъ, уставленный въ углу:
Тамъ планы, чертежи, таблицы, счёты, смѣты;
Здѣсь — письменный приборъ. Вотъ всѣ почти предметы!
И посреди всего — онъ самъ, едва живой,
Онъ — пара тощихъ ногъ съ могучей головой!
Крестъ нà-крестъ двѣ руки, двухъ мѣткихъ глазъ оглядка,
Да тонко-сжатыхъ губъ изогнутая складка —
Вотъ всё! Но онъ тутъ вождь; онъ тутъ душа всего
А тамъ — орудія и армія его:
Вокругъ него кишатъ и движутся, какъ тѣни,
Директоры, главы различныхъ отдѣленій,
Вице-начальники, свѣтила разныхъ мѣстъ,
Навыйные кресты и сотни лентъ и звѣздъ.
Тѣ въ дѣлѣ ужъ подъ нимъ, а тѣ на изготовкѣ;
Тѣ перьями скрипятъ и пишутъ по диктовкѣ;
А онъ, по комнатѣ печатая свой шагъ,
Проходитъ, не смотря на бренный складъ бумагъ,
Съ сигарою въ зубахъ, въ исканьи цѣлей важныхъ,
Думъ нечернильныхъ полнъ и мыслей небумажныхъ.
Вдругъ — „боленъ" говорятъ: „подагрой пораженъ!"
И подчинённый міръ въ унынье погруженъ;
Собрались поутру въ пріемной: словно ропотъ
Смятённыхъ волнъ морскихъ — вопросы, говоръ шепотъ:
„Что? Какъ? Не лучше-ли? Недоспанныхъ ночей
Послѣдствіе! Упрямъ: не слушаетъ врачей!
Онъ всѣмъ необходимъ: самъ царь его такъ цѣнитъ!
Чтó, если онъ... того... ну, кто его замѣнитъ?"

А. В. ТИМОѲЕЕВЪ.

Алексѣй Васильевичъ Тимоѳеевъ родился 15-го марта 1812 года въ городѣ Курмышѣ, Симбирской губерніи. Воспитывался онъ до двѣнадцатилѣтняго возраста дома, послѣ чего поступилъ въ Казанскую гимназію, а по окончаніи въ ней полнаго

курса, вступилъ, на 16-мъ году, въ число студентовъ Казанскаго университета. Пробывъ въ университетѣ положенные въ то время три года, Тимоѳеевъ былъ выпущенъ, въ 1830 году, кандидатомъ юридическихъ наукъ, съ правомъ на чинъ 10-го класса, не имѣя ещё и девятнадцати лѣтъ. Переѣхавъ въ Петербургъ, онъ поступилъ, въ концѣ слѣдующаго 1831 года, на службу въ департаментъ удѣловъ, прямо помощникомъ столоначальника. Затѣмъ, въ началѣ 1834 года Тимоѳеевъ вышелъ въ отставку—и весной того-же года выѣхалъ за границу, гдѣ пробылъ ровно годъ, при чёмъ объѣхалъ Германію, Италію, Швейцарію и Голландію. По возвращеніи въ Петербургъ въ началѣ 1835 года, онъ снова поступилъ на службу въ министерство народнаго просвѣщенія, какъ членъ редакціи журнала этого министерства. Въ 1843 году Тимоѳеевъ перешелъ на службу въ Одессу, въ канцелярію тогдашняго ея генералъ-губернатора, графа М. С. Воронцова; но, пробывъ здѣсь всего два года, возвратился въ Петербургъ, гдѣ получилъ мѣсто столоначальника въ департаментѣ министерства юстиціи, а три года спустя, былъ назначенъ губернскимъ прокуроромъ въ городъ Уфу, куда и отправился немедленно. Прослуживъ здѣсь около четырёхъ лѣтъ, Тимоѳеевъ снова вышелъ въ отставку и поселился недалёко отъ Уфы, въ имѣніи жены своей. Въ началѣ 1856 года, распростившись съ деревнею, онъ переѣхалъ на жительство въ Москву, купилъ тамъ домъ и спустя полъ-года поступилъ снова на службу чиновникомъ особыхъ порученій при тамошнемъ генералъ-губернаторѣ, графѣ А. А. Закревскомъ. Эту послѣднюю должность Тимоѳеевъ занималъ въ теченіи почти четырнадцати лѣтъ, послѣдовательно при пяти генералъ-губернаторахъ (графѣ Строгоновѣ, П. А. Тучковѣ, М. А. Офросимовѣ и князѣ В. А. Долгорукомъ), и только въ октябрѣ 1870 года оставилъ её, выйдя въ отставку съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Первыми произведеніями Тимоѳеева, появившимися въ печати, были двѣ повѣсти: „Поэтъ" и „Художникъ", отпечатанныя особыми книжками въ 1833 году въ Петербургѣ. Затѣмъ, въ 1833 и 1834 годахъ, въ „Сынѣ Отечества" Греча, былъ напечатанъ цѣлый рядъ его повѣстей и нѣсколько мелкихъ стихотвореній. Въ томъ же 1833 году, въ Петербургѣ-же, вышелъ 1-й отдѣлъ перваго изданія его мелкихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: „XII пѣсенъ, сочиненія Тимоѳеева", а въ слѣдующемъ—два остальныхъ. Въ 1835 году эти стихотворенія вышли вторымъ изданіемъ въ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ: „Пѣсни, сочиненія Тимоѳеева". Начиная съ 8-й книжки „Библіотеки для Чтенія" 1834 года, поэмы, повѣсти и мелкія стихотворенія Тимоѳеева стали появляться на страницахъ этого журнала, и съ того времени по 1840 годъ рѣдкая книжка „Библіотеки" обходилась безъ какого-нибудь стихотворнаго или прозаическаго произведенія Тимоѳеева. Первыми напечатанными здѣсь сочиненіями молодого поэта были мистеріи: „Жизнь и смерть", „Послѣдній день", надѣлавшія много шуму въ тогдашнихъ литературныхъ кружкахъ. Талантливѣйшій изъ тогдашнихъ критиковъ, О. И. Сенковскій, принялъ открыто произведенія новаго поэта подъ своё покровительство и даже провозгласилъ его вторымъ Байрономъ. Продолжая печататься почти исключительно въ „Библіотекѣ для Чтенія", г. Тимоѳеевъ помѣстилъ въ XI и XII томахъ этого журнала статью: „Русскіе Художники въ Римѣ" и двѣ повѣсти: „Конрадъ фонъ-Тейфельсбергъ" и „Утрехтское происшествіе", и заключилъ своё сотрудничество въ нёмъ новой мистеріей: „Послѣднее разрушеніе міра" и стихотвореніемъ—„Мертвый гость" (1838, № 6. и 1839, № 1). Произведенія г. Тимоѳеева, какъ прозаическія, такъ и стихотворныя, были собраны имъ и изданы въ 1837 году въ Петербургѣ, въ трёхъ томахъ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Опыты. Сочиненія Тимоѳеева", куда вошло всё, написанное имъ до 1837 года, въ томъ числѣ и драматическая фантазія „Елисавета Кульманъ", напечатанная отдѣльной книжкой въ 1835 году въ Петербургѣ. Это послѣднее произведеніе г. Тимоѳеева имѣло успѣхъ, благодаря личности героини драмы, русской писательницы Кульманъ, извѣстной всему Петербургу и умершей въ 1825 году. Свою литературную дѣятельность г. Тимоѳеевъ заключилъ рядомъ мелкихъ стихотвореній, напечатанныхъ въ „Маякѣ" на 1843 годъ, послѣ чего имя его исчезло навсегда со страницъ журналовъ. Г. Тимоѳеевъ замолчалъ—и молчаніе это длилось ровно тридцать три года, то-есть до появленія въ свѣтъ, въ 1876 году, его новой огромной поэмы, подъ названіемъ „Микула Селяниновичъ, представитель земли", въ двухъ огромныхъ томахъ, которые, однако-же, прошли совершенно незамѣченными. Въ настоящее время произведенія г. Тимоѳеева, когда-то имѣвшія своихъ поклонниковъ, всѣми давно позабыты, и самое имя его знакомо только однимъ записнымъ библіографамъ. Одни только пѣсни его, дѣйствительно дышащія чѣмъ-то

русскимъ и носящія на себѣ печать несомнѣннаго таланта, сохранились въ памяти знатоковъ дѣла, а нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ: „Осѣдлаю коня“, „Борода-ль моя, бородушка“ и „Не женись на чужой женѣ“, положенныя на музыку извѣстными композиторами, вошли въ народъ и сдѣлались общимъ достояніемъ.

I.

ВЫБОРЪ ЖЕНЫ.

Не женись на умницѣ,
На лихой бѣдѣ!
Не женись на вдовушкѣ,
На чужой женѣ!

Женишься на вдовушкѣ —
Старый мужъ придётъ;
Женишься на умницѣ—
Голову свернётъ.

Не женись на золотѣ,
Тестевомъ добрѣ!
Не женись на почестяхъ,
Жениной роднѣ!

Женишься на золотѣ —
Самъ продашь себя;
Женишься на почестяхъ —
Пропадай жена!

Много пѣвчихъ пташечекъ
Въ Божіихъ лѣсахъ:
Много красныхъ дѣвушекъ
Въ царскихъ городахъ.

Загоняй соловушку
Въ клѣточку твою:
Выбирай изъ дѣвушекъ
Пташечку-жену.

II.

ТОСКА.

— „Осѣдлаю коня, коня быстраго;
Полечу, понесусь лёгкимъ соколомъ
Отъ тоски, отъ змѣи, въ поле чистое;
Размечу по плечамъ кудри черныя,
Разожгу, распалю очи ясныя—
Ворочусь, принесусь вихремъ, вьюгою:
Не узнаетъ меня баба старая!

„Заломлю на бекрень шапку бархатну;
Загужу, забрянчу въ гусли звонкія;
Побѣгу, полечу къ краснымъ дѣвушкамъ—
Прогуляю съ утра до ночной звѣзды,
Пропирую съ зари до полуночи,
Прибѣгу, прилечу съ пѣсней, съ пóсвистомъ:
Не узнаетъ меня баба старая!

— „Полно, полно тебѣ похваляться, князь!
Мудрена я, тоска: не схоронишься!
Въ тёмный лѣсъ оберну красныхъ дѣвушекъ,
Въ гробовую доску—гусли звонкія,
Изорву, изсушу сердце буйное,
Прежде смерти, сгоню съ свѣта божьяго:
Изведу я тебя, баба старая!“

Не постель постланà въ свѣтломъ теремѣ:
Черный гробъ тамъ стоитъ съ добрымъ молодцемъ;
Въ изголовьи сидитъ красна-дѣвица:
Горько плачетъ она, что ручей шумитъ,
Горько плачетъ она, приговариваетъ:
„Погубила, тоска, друга милова!
Извела ты его, баба старая!“

III.

БОРОДА.

Борода-ль моя, бородушка!
Борода-ль моя, бобровая!
Посѣдѣла ты, бородушка,
До поры своей, до времени!
Поведёшь, бывало, гаркнувши,
Усомъ чернымъ, молодецкимъ:
Красна-дѣвица огнёмъ горитъ,
Дочь боярска таетъ въ полымя;
Прикушу тебя, косматую:
Басурманинъ злой съ коня летитъ,
Дряблый нѣмецъ въ нóру прячется.
Занесло тебя, родимую,
Да не снѣгомъ, да не инеемъ—
Сѣдиной лихой, кручиною;
Растрепалъ тебя, кудрявую,
Да не вѣтеръ, да не лютый врагъ—
Растрепалъ тебя нежданный гость,
Что нежданный гость—змѣя тоска.
Борода-ль моя, бородушка!
Борода-ль моя, бобровая!

В. И. СОКОЛОВСКІЙ.

Владиміръ Игнатьевичъ Соколовскій, авторъ поэмы „Міросозданье“, родился въ 1813 году. Гдѣ воспитывался онъ до поступленія въ Московскій университетъ—неизвѣстно. Въ университетъ же поступилъ онъ въ 1830 году и, пробывъ въ нёмъ три года, окончилъ курсъ въ 1833 году, послѣ чего уѣхалъ въ Петербургъ на службу. Здѣсь, въ началѣ іюля 1834 года, онъ былъ арестованъ, привезёнъ въ Москву и преданъ суду за написанную имъ, ещё во время студенчества, пѣсню, которая, не задолго передъ тѣмъ, была пропѣта подгулявшими московскими студентами на праздникѣ. Присуждённый къ тюремному заключенію, Соколовскій былъ отправленъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, въ которой пробылъ около года. Выпущенный оттуда, онъ прожилъ нѣкоторое время въ Петербургѣ, а осенью 1837 года переѣхалъ на жительство въ Вологду. По свидѣтельству одного изъ его университетскихъ товарищей, Соколовскій былъ въ то время далеко не такимъ, какимъ его знали потомъ въ Петербургѣ и Вологдѣ; въ нёмъ ясно обнаруживался „поэтическій талантъ, хотя не достаточно самобытный, чтобъ обойтись безъ развитія, и не достаточно образованный, чтобъ развиться. Милый гуляка, поэтъ въ жизни, онъ вовсе не былъ политическимъ человѣкомъ. Онъ былъ очень забавенъ, любезенъ, весёлый товарищъ въ весёлыя минуты, bon vivant, любившій покутить, какъ мы всѣ;—можетъ-быть, немного болѣе.“

Соколовскій началъ писать очень рано и, будучи студентомъ 1-го курса, уже печаталъ свои стихотворенія въ „Галатеѣ“ Раича, гдѣ, между-прочимъ, въ 17-й книжкѣ на 1830 годъ, было напечатано его стихотвореніе „Прощаніе“, которое можно считать первымъ печатнымъ произведеніемъ Соколовскаго. Лучшая изъ его поэмъ, „Міросозданіе“, была тоже написана и напечатана въ первый разъ во время его студенчества, то-есть въ 1832 году. По переѣздѣ своёмъ въ Петербургъ, въ 1836 году, Соколовскій сталъ помѣщать свои стихотворенія и отрывки изъ поэмъ въ тамошнихъ журналахъ. Такъ, напримѣръ, онъ помѣстилъ, въ 1837 году, въ 5-мъ и 6-мъ томахъ „Современника:“ стихотвореніе „Вопросы и отвѣты“ и „Три явленія изъ 4-й части драматической поэмы „Альма“; въ 21-мъ томѣ „Библіотеки для Чтенія“ стихотвореніе: „Зазывъ молодому поэту“ и въ 21, 26, 33, 36, 43 и 46 нумерахъ „Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду“—„Молодица“, „Двѣ свадебныя пѣсни изъ большой романической поэмы „Іоаннъ IV“, „А. Н. Криницыну“, „Отрывокъ изъ поэмы „Хеверь“ и „Отвѣтъ В. А. М—вой“. Здѣсь же, въ Петербургѣ, Соколовскій окончилъ и напечаталъ свою вторую драматическую поэму „Хеверь“, мнѣнія о которой и въ то время были крайне различны, какъ это видно изъ „Литературныхъ Воспоминаній“ покойнаго И. И. Панаева. Одни находили её чудомъ совершенства и каждый стихъ ея пропитаннымъ библейскимъ духомъ, тогда-какъ другіе, напротивъ, принимали её за бредъ больного и—только. Авторъ „Воспоминаній“, бывшій въ то время очень молодымъ человѣкомъ, имѣлъ случай прослушать отрывокъ изъ „Хевери“ ещё до выхода ея въ свѣтъ, и, подобно многимъ, будучи отъ нея въ восторгѣ, съ нетерпѣніемъ ожидалъ появленія поэмы въ печати, предрекая ей огромный успѣхъ. „Хеверь“, однако, говоритъ Панаевъ: „къ удивленію нашему, произвела на всѣхъ тяжелое и непріятное впечатлѣніе, не смотря на то, что многіе заранѣе прокричали о ней, какъ о чудѣ. Едва ли этой „Хевери“ разошлось до десяти экземпляровъ. Одинъ мой знакомый, которому я наговорилъ, Богъ знаетъ чтó, о талантѣ Соколовскаго, взялъ у меня его поэму, пробѣжалъ её и, возвращая мнѣ, сказалъ: „Знаете, теперь ужъ никто не будетъ говорить: какую ты порешь дичь или галиматью, а какую *хеверь* ты порешь“. Соколовскій вдругъ упалъ съ пьедестала, на который неосторожно вознесли его. Неуспѣхъ его „Хевери“ совершенно убилъ его духъ; онъ совсѣмъ опустился и всё чаще и чаще сталъ предаваться своей несчастной слабости.

Осенью 1837 года, Соколовскій простился навсегда съ Петербургомъ и отправился въ Вологду. Здѣсь, въ теченіе всего слѣдующаго 1838 года, онъ завѣдывалъ редакціей „Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“. Въ Вологдѣ Соколовскій окончилъ послѣднюю изъ трёхъ поэмъ своихъ—„Альму“, которая осталась ненапечатанной. Кромѣ того, во время его пребыванія въ этомъ городѣ, было напечатано имъ въ „Утренней Зарѣ“ Владиславлева на 1838 и 1839 годы пять его стихотвореній, въ томъ числѣ „Разрушеніе Вавилона“, обратившее на себя вниманіе критики и публики. Въ началѣ 1839 года, Соколовскій, чувствуя приближеніе смерти, предпринялъ путешествіе къ кавказскимъ минеральнымъ водамъ, въ надеждѣ поддержать хотя на время свои угасавшія силы; но дни его уже были сочтены. Прибывъ въ Пятигорскъ и пролѣчившись въ нёмъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ

угасъ, какъ свѣча, снѣдаемый злою чахоткою. Тѣло его погребено на пятигорскомъ кладбищѣ.

Изъ произведеній Соколовскаго, оставшихся послѣ его смерти, было впослѣдствіи напечатано всего четыре—и притомъ весьма слабыхъ—стихотворенія, въ 13-й и 17-й книжкахъ „Маяка“ на 1844 годъ. Всё же остальное, въ томъ числѣ и поэма „Альма“, остались ненапечатанными. Единственное талантливое исключеніе изъ всего, написаннаго Соколовскимъ, составляетъ поэма „Мірозданье,“ написанная въ ранней молодости и мѣстами достойная кисти художника.

Изъ сочиненій Соколовскаго изданы были отдѣльно: 1) Мірозданье. Опытъ духовнаго стихотворенія. В. Соколовскаго. М. 1832. Тоже. Изданіе второе. Спб. 1867· 2) Хеверь. Драматическая поэма Владиміра Соколовскаго. Спб. 1837.

ИЗЪ ПОЭМЫ „МІРОЗДАНЬЕ“.

1.

ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ.

Прекрасный день опять одѣлъ
Лазурь небесъ своимъ сіяньемъ—
И вновь надъ пышнымъ мірозданьемъ
Глаголъ державный загремѣлъ.
Вдругъ—непонятное явленье!
Казалось, будто надъ землёй
Стемнѣло на одно мгновенье—
И благотворный свѣтъ дневной
Куда-то нёсся въ отдаленье.

Ужели, радость міра, ты
Покинешь землю сиротою
И въ лоно вѣчной красоты
Промчишься быстрою рѣкою
Сквозь голубыя высоты?

Безмолвно, къ непонятной цѣли,
Его блестящія струи,
По волѣ царственной, летѣли;
Но сиротою, въ забытьи,
Земли покинуть не хотѣли.
Онѣ надъ зеркаломъ морей
Слилися въ вѣчное свѣтило—
И вдругъ съ лазоревыхъ полей
Всю землю чудно оросило
Дождёмъ живительныхъ лучей.

Съ тѣхъ поръ, красуяся надъ нами,
О, царь свѣтилъ, сіяешь ты
Неистощимыми лучами
Величья, жизни, теплоты!
Промчались дни, исчезли годы,
Прошли согбенные вѣка,
И разрушенія рука
Не разъ касалася природы;
Но ты, въ могучей красотѣ,
Блестишь въ ѳеирной высотѣ!

Летятъ игривыя мгновенья—
И солнце, оставляя сводъ,
Впервые въ лонѣ свѣтлыхъ водъ
Идётъ вкусить успокоенье.
И вдругъ, для радости очей,
Изъ свѣтлыхъ солнечныхъ лучей
И изъ земной душистой дани,
Одѣвшись въ розовыя ткани,
Явилась нà небѣ заря—
И, какъ невѣста молодая,
Лицо румянцемъ оттѣняя,
Встрѣчала юнаго царя.
Тогда впервые, для привѣта,
Сквозь волны радостныя свѣта,
Съ его пылающихъ очей
Упали на стекло морей
Неосязаемыя розы—
И въ первый разъ тогда съ небесъ
На шелкъ полей, на пышный лѣсъ
Роса скатилась, будто слёзы.
Туманъ волнистой пеленой
Завѣсилъ западъ молчаливый.
Всё было тихо надъ землёй,
И только вѣтеръ шаловливый
То по кристалламъ волнъ скользилъ,
То шелестилъ въ лѣсу листами,
То, лобызаяся съ цвѣтами,
Ихъ ароматы разносилъ.

2.

ПЕЩЕРА ВЪ ЭДЕМѢ.

Подъ благодатнымъ небомъ тѣмъ,
Откуда солнце, жизнью вѣя,
Восходитъ, радостно свѣтлѣя,
Цвѣтётъ плѣнительный Эдемъ.
Тамъ есть гора: ея граниты
Роскошной зеленью увиты,
Иль, по мѣстамъ обнажены,
Стоятъ, какъ тѣни-исполины,
Или грядою отъ вершины
Идутъ обломками стѣны.

Какъ любитъ солнце тѣ громады!
Едва блестящей полосой,
Въ минуты утренней прохлады,
Лазурь затеплится зарёй —
И вотъ на высоту твердыни,
Черезъ воздушныя пустыни,
Какой-то нѣгою горя,
Какъ жаркій поцѣлуй привѣта,
Летятъ струи дневного свѣта
Прозрачной глыбой янтаря.
Ни дымка лёгкаго тумана,
Ни тѣни сумрачная мгла
Не прикасаются чела
Сего земного великана:
Оно блеститъ въ огнѣ лучей—
И солнце, отъ утра до ночи,
Въ него съ лазоревыхъ полей
Вперяетъ пламенныя очи.
Есть въ той горѣ уступъ крутой;
Онъ опушенъ душистымъ лѣсомъ,
И въ нёмъ, какъ-будто подъ навѣсомъ,
Видна пещера подъ скалой.
Не озаряемый лучами
Пещеры той печаленъ сводъ,
И только въ ней между камнями
Однообразный гулъ идётъ.
Какъ солнце вдаль съ небесъ скользитъ
И дивно западъ золотитъ
Красой и блескомъ приближенья;
Когда потомъ изъ лона водъ
Оно лучами вверхъ блеснётъ—
Тогда, при заревѣ заката,
На свѣтломъ рубежѣ земли
Въ пещерѣ вспыхнутъ хрустали—
И вся она огнёмъ объята.
И въ ту минуту видно въ ней,
Какъ, раздѣлясь въ лучи цвѣтные,
Съ тѣхъ драгоцѣнныхъ хрусталей
Струятся нити водяныя
И чудно, на топазномъ днѣ,
Въ алмазъ сливаются онѣ.

Н. В. КУКОЛЬНИКЪ.

Несторъ Васильевичъ Кукольникъ, сынъ перваго директора гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко (нынѣ филологическій институтъ) Василія Григорьевича Кукольника, родился 8 сентября 1809 года въ Петербургѣ, гдѣ отецъ его занималъ тогда профессорскую каѳедру въ Педагогическомъ институтѣ. По смерти отца, мать Нестора Васильевича выѣхала изъ Нѣжина и поселилась въ пожалованномъ ея покойному мужу небольшомъ имѣніи въ Виленской губерніи, въ которомъ и прожила до 1820 года, когда директоромъ гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко былъ назначенъ И. С. Орлай, другъ покойнаго Кукольника. Это назначеніе побудило её немедленно переселиться въ Нѣжинъ и опредѣлить сына въ заведеніе, которымъ управлялъ этотъ знаменитый педагогъ. Одарённый отъ природы хорошими способностями и любознательностью, молодой Кукольникъ вскорѣ очутился однимъ изъ главныхъ дѣятелей на литературныхъ собраніяхъ, сходившихся въ квартирѣ его товарища П. Г. Рѣдкина, (впослѣдствіи ректоръ С.-Петербургскаго университета), и даже отличался на драматическомъ поприщѣ, разыгрывая, вмѣстѣ съ Гоголемъ и другими, комедію Фонвизина „Недоросль", въ которой съ успѣхомъ исполнялъ роль Митрофана, раздѣляя рукоплесканія съ Гоголемъ, превосходно производившимъ типическую личность г-жи Простаковой. Начиная съ низшихъ классовъ и кончая выпускнымъ, Кукольникъ постоянно шелъ первымъ. Основательное изученіе отечественной исторіи познакомило его со многими интересными фактами, которыми онъ воспользовался впослѣдствіи въ своихъ интересныхъ романахъ и цѣломъ рядѣ прекрасныхъ повѣстей изъ времёнъ Петра Великаго. Въ 1829 году Кукольникъ окончилъ курсъ *первымъ*, съ званіемъ кандидата, и, вслѣдъ затѣмъ, былъ назначенъ учителемъ русскаго языка и русской словесности въ Виленскую гимназію. Здѣсь онъ пробылъ около двухъ лѣтъ, послѣ чего былъ командированъ въ Петербургъ, а 21-го августа 1832 года уволенъ по прошенію, въ отставку, которою, впрочемъ, пользовался всего восемь мѣсяцевъ, такъ какъ 27-го апрѣля 1833 года онъ былъ снова принятъ на службу въ канцелярію министра финансовъ.

Изъ всего написаннаго Кукольникомъ во время своего пребыванія въ гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко, только одна драматическая фантазія въ стихахъ „Торквато Тассо" уцѣлѣла въ портфелѣ поэта. Поселившись въ Петербургѣ, Кукольникъ вспомнилъ про своего „Торквато Тассо", добылъ рукопись изъ портфеля и принялся за ея исправленіе. Проработавъ цѣлые три мѣсяца надъ исправленіемъ своего перваго, лучшаго и, конечно, самаго задушевнаго произведенія, Несторъ Васильевичъ рѣшился, наконецъ, представить его на

судъ общества. Его „Торквато Тассо“ явился въ 1833 году отдѣльною книжкою—и былъ встрѣченъ восторженными похвалами. Этотъ неожиданный успѣхъ ободрилъ молодого поэта и поощрилъ его къ дальнѣйшимъ трудамъ по части драматургіи. Въ слѣдующемъ 1834 году онъ напечаталъ отдѣльной книжкой свою новую драматическую фантазію въ четырёхъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ: „Джакобо Санназаръ“ и поставилъ на сценѣ Александринскаго театра всѣмъ извѣстную драму—„Рука Всевышняго отечество спасла“, которая выдержала цѣлый рядъ представленій на театрахъ обѣихъ столицъ и многихъ провинціальныхъ, была издана два раза въ теченіе одного года и сдѣлала имя Кукольника извѣстнымъ всей Россіи. Критика отозвалась о драмѣ довольно благосклонно, за исключеніемъ „Московскаго Телеграфа“, который помѣстилъ рѣзкую статью по поводу драмы и указалъ на ея слабыя стороны. Статья журнала была дурно истолкована людьми недоброжелательными, и „Москов. Телеграфъ“ запрещенъ. Запрещеніе журнала вызвало извѣстную эпиграмму, долго ходившую по городу:

«Рука Всевышняго» три чуда совершила:
Отечество спасла,
Ходъ автору дала
И Полеваго погубила.

Общее сочувствіе публики къ молодому поэту, горячія похвалы и радушный привѣтъ, встрѣченные имъ въ средѣ тогдашнихъ литературныхъ знаменитостей, дали Кукольнику новыя силы на новые труды — и черезъ годъ новая его историческая драма въ стихахъ „Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій“ явилась на петербургской сценѣ. Петербургская публика встрѣтила новое произведеніе съ прежнею благосклонностью, благодаря которой дирекція театровъ стала давать её весьма часто. За „Скопинымъ“ послѣдовали: „Роксолана“, драма въ пяти дѣйствіяхъ, и драматическая фантазія „Джуліо Мости“; но обѣ пьесы не были даны на сценѣ.

Въ 1836 году возвратился изъ Италіи въ Петербургъ нашъ знаменитый художникъ К. П. Брюловъ. Встрѣча съ Кукольникомъ и М. И. Глинкою, авторомъ „Жизни за Царя“ и „Руслана“, произвела на него сильное впечатлѣніе, вскорѣ превратившееся въ самую тѣсную дружбу, связавшую ихъ на всю жизнь. Сближеніе съ ними и ещё съ нѣкоторыми другими художниками и артистами навело Кукольника на мысль объ изданіи художественнаго журнала, съ цѣлью ознакомленія русской публики съ произведеніями изящныхъ искусствъ и съ музыкой, которыя съ ранней юности были такъ близки сердцу молодого поэта. Заручившись сотрудничествомъ многихъ опытныхъ писателей по части художествъ, Несторъ Васильевичъ принялся за дѣло — и въ половинѣ августа 1836 года первый нумеръ „Художественной Газеты“, почти исключительно наполненный трудами самого редактора, вышелъ въ Петербургѣ. Но, несмотря на всевозможную полноту, интересъ содержанія и многочисленныя художественныя приложенія, газета не возбудила сочувствія къ себѣ въ публикѣ и потому не могла удержаться, не окупая даже и половины расходовъ. Тѣмъ не менѣе, она просуществовала по 1842 годъ и доставила Кукольнику, 28-го апрѣля 1837 года, званіе почётнаго вольнаго общника Императорской Академіи Художествъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣйствительнаго члена Общества Поощренія Художниковъ. Но усиленныя занятія по газетѣ не мѣшали ему заниматься въ то же время и сочиненіемъ драмъ. Такъ, въ „Библіотекѣ для Чтенія“ на 1837 и 1838 года были напечатаны: „28-е января 1725 года“, драматическая картина въ двухъ дѣйствіяхъ и драматическая фантазія въ двухъ частяхъ и десяти дѣйствіяхъ „Доменикино“, а въ 1-мъ томѣ „Ста Русскихъ Литераторовъ“ новая драматическая фантазія въ пяти актахъ „Іоаннъ Антонъ Лейзевицъ“. Лёгкость, съ которою писалъ Кукольникъ во всѣхъ родахъ—по истинѣ изумительна. Чтобы показать это наглядно—вотъ перечень драмъ, романовъ и повѣстей, написанныхъ имъ съ 1840 по 1845 годъ, то-есть съ напечатанія „Лейзевица“ и до выхода въ свѣтъ перваго нумера „Иллюстраціи“. Въ эти пять лѣтъ Кукольникъ написалъ: пять романовъ, въ 17-ти томахъ: „Эвелина де-Вальероль“, „Альфъ и Альдона“, „Дурочка Луиза“, „Историческая красавица“ и „Два Ивана, два Степановича, два Костылькова“; пять драмъ: „Статуя Христофа въ Ригѣ“, „Князь Холмскій“, „Бояринъ Басенокъ“, „Монументъ“ и „Импровизаторъ“; 26 повѣстей и разсказовъ: „Антоніо“, „Капустинъ“, „Корделія“, „Аврора Галиган“, „Надинька“, „Преферансъ“, „Квитъ“, „Кликуша“, „Три оперы“, „Лихончиха“, „Благодѣтельный Андроникъ“, „Сержантъ Ивановъ“, „Эдуардъ и Кунигунда“, „Полковникъ Десли“, „Позументы“, „Жанъ Бабтистъ Людо“, „Каролина“, „Монтеки и Капулети или Чернышевскій миръ“, „Прокуроръ“, „Психея“, „Часовой“, „Джіорджіо Фенороли“, „Князь Мар-

геръ Пилонскій", „Новый годъ", „Максимъ Ивановичъ Березовскій" и „Сказаніе о синемъ и зелёномъ сукнѣ". И не смотря на все разнообразіе этихъ работъ, Кукольникъ находилъ время, въ эти же пять лѣтъ, быть и редакторомъ „Русскаго Вѣстника", въ теченіе всего 1841 года, и издавать сборники: „Новогодникъ" и „Сказка за Сказкой", и редактировать свой журналъ „Дагеротипъ", котораго вышло двѣнадцать нумеровъ, и участвовать въ „Энциклопедическомъ Лексиконѣ", и наполнять почти всѣ современные альманахи своими стихотвореніями и статьями. Затѣмъ, Кукольникъ принялся за изданіе „Иллюстраціи" съ такимъ же рвеніемъ, какъ, десять лѣтъ тому назадъ, принимался за изданіе „Художественной Газеты". Съ перваго же нумера, на страницахъ „Иллюстраціи" стали появляться русскіе рисунки, исполненные русскими художниками: русскія мѣстности, ознаменованныя подвигами русскихъ людей, портреты русскихъ дѣятелей, дорогихъ для всякаго русскаго. Изъ статей Кукольника, помѣщённыхъ въ „Иллюстраціи", можно указать на романъ: „Баронъ фанфаронъ и маркизъ петиметръ", а изъ неподписанныхъ — на „Еженедѣльникъ", помѣщавшійся въ каждомъ нумерѣ газеты. Издавая „Иллюстрацію", Кукольникъ продолжалъ работать и для другихъ журналовъ. Такъ, онъ помѣстилъ въ „Финскомъ Вѣстникѣ" повѣсть „Егоръ Ивановичъ Сильвановскій, или покореніе Финляндіи при Петрѣ Великомъ" и пяти-актную драму „Генералъ-поручикъ Паткуль"; въ „Библіотекѣ для Чтенія" — романъ „Три періода", а въ третьемъ томѣ „Новоселья" — повѣсть „Старый хламъ". Кромѣ того, онъ выпустилъ въ свѣтъ, въ 1846 году, роскошное изданіе, подъ названіемъ: „Картины Русской Живописи", гдѣ помѣстилъ свою статью „Русская живописная школа" и свой разсказъ „Староста Маланья".

Въ концѣ 1847 года служебныя занятія заставили Кукольника, на цѣлыя пять лѣтъ, распроститься съ литературой. Возвратившись изъ цѣлаго ряда командировокъ въ Бессарабію, Новороссійскій край, Землю Войска Донского и на Кавказъ, Кукольникъ издалъ полное собраніе своихъ сочиненій въ десяти томахъ. Затѣмъ, въ слѣдующемъ году, поставилъ на сцену пяти-актную драму „Деньщикъ", помѣщённую потомъ въ „Сынѣ Отечества". За „Деньщикомъ" послѣдовали новыя три драмы: „Ермилъ Ивановичъ Костровъ", „Маркитантка" и „Морской праздникъ въ Севастополѣ". Всѣ три пьесы были представлены на Александринскомъ театрѣ и имѣли значительный успѣхъ. Въ декабрѣ 1853 года Кукольникъ снова былъ командированъ въ Ростовъ и Воронежъ, для наблюденія за поставкою провіанта для магазиновъ черноморскаго и азовскаго прибрежья, гдѣ пробылъ до начала 1856 года. Труды и лишенія, вынесенные Кукольникомъ въ эту продолжительную поѣздку, были награждены чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, получённымъ имъ вскорѣ по возвращеніи въ Петербургъ 15-го апрѣля 1856 года. Отдохнувъ немного, Несторъ Васильевичъ увидѣлъ, что здоровье его, разстроенное безпрерывными переѣздами, въ продолженіе послѣднихъ девяти лѣтъ его службы, требуетъ радикальнаго лѣченія. Это обстоятельство побудило его взять отпускъ и уѣхать на воды въ Германію, а по возвращеніи въ Россію — просить объ отставкѣ, съ цѣлью — поселиться гдѣ-нибудь на югѣ Россіи и тамъ посвятить остатокъ дней своихъ наукамъ и литературѣ.

Несторъ Васильевичъ скончался въ Таганрогѣ 8-го декабря 1868 года.

Для заключенія, помѣщаемъ здѣсь тѣ нѣсколько тёплыхъ словъ о покойномъ поэтѣ, которыя были напечатаны въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" (1868, № 277), Н. Ф. Павловымъ: „Имя Н. В. Кукольника близко знакомо тѣмъ, кто слѣдилъ за русской литературой сороковыхъ годовъ. Это было время самой горячей дѣятельности тогда ещё молодого литератора. Кто изъ людей той эпохи не помнитъ знаменитую въ то время драму „Рука Всевышняго отечество спасла"? кто не приходилъ въ восторгъ отъ его „Тасса", „Князя Холмскаго", „Джуліо Мости", „Роксоланы" и „Скопина-Шуйскаго"? Много воды утекло съ тѣхъ поръ; требованія изящнаго стали иныя; вкусъ русскаго общества измѣнился; измѣнился вмѣстѣ съ нимъ и характеръ произведеній нашей изящной словесности, а драмы Кукольника всё ещё живутъ въ памяти людей, когда-то видѣвшихъ ихъ сценическіе успѣхи. А „Эвелина де-Вальероль"? а „Альфъ и Альдона"? романы когда-то читавшіеся на расхватъ, а теперь едва извѣстные немногимъ только по имени. Такъ минуетъ слава міра сего! Но, какъ бы то ни было, говоря о Кукольникѣ, нельзя не сказать, что онъ принадлежалъ къ числу весьма видныхъ писателей своего времени. Его драмы, стихотворенія, повѣсти и сказки печатались въ современныхъ журналахъ и издавались отдѣльно — и всегда находили многочисленныхъ читателей. Лучшія его произведенія — тѣ, сюжеты для которыхъ чер-

налъ онъ изъ жизни русскаго общества петровской эпохи".

I.

ИЗЪ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ФАНТАЗІИ „ТОРКВАТО ТАССО".

ДѢЙСТВІЕ V, ЯВЛЕНІЕ III.

Тассъ.

Настанетъ время — и меня не будетъ,
И всѣ мои мечты и вдохновенья
Въ одно воспоминанье перельются.
Въ Италіи моей уснётъ искусство,
Поэзія разлюбитъ край Торквата
И перейдётъ на западъ и на сѣверъ.
Тогда въ снѣгахъ, въ туманномъ, хладномъ сердцѣ,
Проснётся обо мнѣ воспоминанье.
Тотъ юноша, холодный и суровый,
Отъ всѣхъ храня всѣ мысли и всѣ чувства,
Какъ друга своего, меня полюбитъ.
Шесть лѣтъ со мной онъ будетъ неразлученъ.
Ещё дитя, въ училищѣ, за книгой,
Онъ обо мнѣ начнётъ мечтать и думать —
И жизнь мою разскажетъ передъ свѣтомъ.
Какъ біографъ холодный и пристрастный,
Онъ не пойдетъ изъ года въ годъ искать
Всѣхъ горестей моихъ и всѣхъ несчастій,
Чтобъ въ безобразной кучѣ ихъ представить.
Нѣтъ, онъ въ душѣ угрюмой воскреситъ
Всю внутреннюю жизнь Торквата Тасса
И выставитъ въ науку людямъ —
И эти люди прибѣгутъ смотрѣть,
Какъ жилъ Торкватъ. Большая половина
Трагедію прослушаетъ безъ вздоха:
Всегда, вездѣ одни и тѣ же люди!
Но, можетъ-быть — кто знаетъ? — поколѣнья
Измѣнятся... Постойте! Вижу я:
Весь Западъ въ хладный Сѣверъ переходитъ!
О, сколько тамъ пѣвцовъ и музыкантовъ,
Художниковъ — и умныхъ, и искусныхъ!
Италіи моей уже не видно;
Но мѣсто то, гдѣ чудная лежала,
Покрылъ высокій холмъ — могильный холмъ,
Но всё ещё великій и прекрасный.
Въ нёмъ есть врата — и любопытный Сѣверъ
Тѣснится въ нихъ, то входитъ, то выходитъ,
И всякій разъ изъ чуднаго холма
Уноситъ кладъ какой-нибудь богатый.
Но снова всё туманится и тмится —
И я опять одинъ на цѣломъ свѣтѣ!

Джуліо Мости.

Въ горячкѣ онъ? скажи мнѣ, Риги, правду.

Клавдій Риги.

Нѣтъ, Джуліо, смерть близится къ нему;
А я читалъ, что будто передъ смертью
Предвидятъ всё чувствительные люди.

Тассъ.

Опять народъ, опять весь свѣтъ кипитъ!
Вотъ вижу я: въ толпѣ кудрявыхъ теповъ
Поднялись два увѣнчанныхъ гиганта.
Одинъ меня узналъ — и сладкой лирой
Привѣтствуетъ. Благодарю, поэтъ!
Другой мечту прекрасную голубитъ.
Какъ пламенно свою мечту онъ любитъ!
И правъ поэтъ! Прекрасная мечта!
Но мнѣ дика простая красота,
Безъ вымысловъ, наряда, украшеній,
И страненъ звукъ германскихъ вдохновеній.
Друзья мои, вотъ истинный поэтъ!
Послушайте, какъ стихъ его рокочетъ:
То пламенно раздастся, то замрётъ,
То вдругъ скорбитъ, то пляшетъ и хохочетъ.
Вокругъ его морозъ, свирѣпый хладъ,
А всё на нёмъ цвѣтётъ вѣнецъ лавровый.
Откуда онъ? Невѣдомый нарядъ:
Подъ шубой весь и въ шапкѣ соболиной.
Анакреонъ, Горацій, Симонидъ
Вокругъ стоятъ съ подъятыми очами,
И Пиндаръ самъ почтительно глядитъ,
Какъ онъ гремитъ полночными струнами.
Что жъ онъ поётъ? Его языкъ мнѣ новъ!
Въ нёмъ громъ гремитъ въ словахъ далёкогласныхъ,
Тоска горюетъ тихо, а любовь
Купается въ созвучьяхъ сладострастныхъ.
Какъ тотъ языкъ великолѣпенъ, гордъ!
Какъ риѳмъ его лобзаніе роскошно!
Какъ гибокъ онъ — и вмѣстѣ, какъ онъ твёрдъ!
Благословенъ языкъ земли полночной!

II.

ИЗЪ ДРАМЫ „ДЖУЛІО МОСТИ."

ЧАСТЬ IV, ЯВЛЕНІЕ VIII.

Импровизаторъ *(къ публикѣ)*.

Я сзвалъ васъ по тайному глаголу!
Необходимость—будетъ вдохновеньемъ,
Молчанье—лучшею моей наградой.
Впередъ скажу: не вѣрю ни хулѣ,
Ни безотчётныхъ рукъ пустому плеску:

Душа моя сама себя оцѣнитъ.
Не измѣняла Божія душа
Великій судъ вести дѣламъ пѣвца—
И въ этотъ разъ святая не измѣнитъ.
(*Предъ импровизаторомъ съ разныхъ сторонъ падаютъ записочки съ задачами*),

Голосъ изъ толпы.

Задачи! неугодно-ли синьоръ!

Импровизаторъ (*воодушевляется и начинаетъ*):

1.

ПЕРВАЯ ИМПРОВИЗАЦІЯ.

Къ чему? какъ-будто вдохновенье
Полюбитъ заданный предметъ?
Какъ-будто истинный поэтъ
Продастъ свое воображенье?
Я рабъ- поденщикъ, я торгашъ:
Я долженъ, грѣшникъ, вамъ за злато,
За сребренникъ ничтожный вашъ,
Платить божественною платой!
Я долженъ божью благодать
Предъ недостойными ушами,
Какъ даръ продажный, расточать
Богохульными устами.
Погибни, малодушный міръ
Высокихъ замысловъ пустыня!
Не сребролюбія-ль кумиръ
Твоя единая святыня?
Не мзда-ли—царь въ твоей землѣ?
Предъ распаленными очами
Не гидра-ль движется во мглѣ
Безчисленными головами
И жаждетъ мзды за пенязь свой?
Смотрите, взоръ ихъ златомъ блещетъ,
Грудь сребролюбіемъ трепещетъ,
Уста курятся клеветой...
И вамъ-ли слушать пѣснопѣнья?
Прочь, дѣти смрадные грѣха!
Для торгашей нѣтъ вдохновенья,
Нѣтъ ни единаго стиха!

2.

ВТОРАЯ ИМПРОВИЗАЦІЯ.

Простите, люди! Сердцу больно
Утратить счастье многихъ лѣтъ.
Нарушить жертвой добровольной
Души торжественной обѣтъ!
Я разскажу вамъ: были годы,
Душа невинностью цвѣла,
Два дара гордо берегла—
Даръ вдохновеній и свободы.
Свободный стихъ звучалъ шутя,
Шутя играло вдохновенье:
Изъ сновидѣнья въ сновидѣнье
Летало божіе дитя.
Вездѣ просторъ, вездѣ приволье;
Была жизнь чудно хороша—
И крѣпла вольная душа,
Какъ дикій левъ на дикой волѣ;
День счастья такъ ничтожно малъ,
Путь независимости тѣсенъ!
Я шелъ впередъ, блѣднѣлъ, страдалъ;
Но никогда не торговалъ
Богатствомъ сладкозвучныхъ пѣсенъ,
Теперь ужъ всё извѣстно вамъ:
Пѣвца-страдальца не вините,
Внимайте заказнымъ стихамъ,
А слову дерзкому простите.

III.

ИЗЪ ДРАМЫ „КНЯЗЬ ХОЛМСКІЙ".

1,

ПѢСНЬ ИЛЬИНИШНЫ.

Ходитъ вѣтеръ у воротъ:
У воротъ красотки ждётъ.
Не дождёшься, вѣтеръ мой,
Ты красотки молодой!

Съ парнемъ бѣгаетъ, горитъ,
Парню шепчетъ, говоритъ:
„Догони меня, дружокъ,
Наречённый муженёкъ!"

Ой ты, парень удалой,
Не гоняйся за женой!
Вѣтеръ дунулъ—и затихъ:
Безъ невѣсты сталъ женихъ.

Вѣтеръ дунулъ—и Авдей
Полюбился больше ей;
Стóитъ дунуть въ третій разъ—
И полюбится Тарасъ!

2,

ПѢСНЬ РАХИЛИ.

Съ горныхъ странъ
Палъ туманъ
На долины
И покрылъ
Рядъ могилъ
Палестины.
Прахъ отцовъ
Ждётъ вѣковъ
Обновленья.
Ночи тѣнь
Смѣнитъ день
Возвращенья:
Загоритъ,
Заблеститъ
Свѣтъ денницы.
И органъ,
И тимпанъ,
И цѣвницы,
И сребро,
И добро,
И святыню
Понесёмъ
Въ старый домъ,
Въ Палестину.

IV.

ДВѢ ПѢСНИ ИЗЪ ДРАМЫ „ЛЕЙЗЕВИЦЪ",

1,

Пора любви, пора стиховъ
Неодновременно приходитъ:
Зажжется стихъ—молчитъ любовь,
Придётъ любовь—стихи уходятъ.
Зачѣмъ, когда моя мечта
Любимый образъ представляла,
Молчали мёртвыя уста
И память римъ не открывала,
Нѣтъ, я люблю её безъ словъ,
Я говорилъ объ ней слезами...
Повѣрьте, звучными стихами
Не выражается любовь!
Какъ память сладкаго страданья,
Стихи вослѣдъ любви идутъ—
И, какъ могилы, берегутъ
Одни, одни воспоминанья,

2,

Мой сосѣдъ! Сорокъ лѣтъ
Былъ богатъ мой сосѣдъ:
Потолокъ расписной,
Весь карнизъ золотой;
Сто картинъ на стѣнахъ,
Сто ковровъ на полахъ;
На дворѣ у крыльца
Слышенъ стукъ жеребца:
Изъ арабскихъ сторонъ
Жеребецъ приведенъ.
Пробѣжитъ ночи тѣнь—
Во дворцѣ бѣлый день
Отъ огней, отъ свѣчей,
Отъ зеркальныхъ лучей;
И снаружи кругомъ
Освѣщёнъ, будто днёмъ,
Тихо дремлющій садъ;
Съ цвѣтниковъ ароматъ
И прохладу отъ водъ
Вѣтеръ въ окна несётъ,
А въ палатахъ жена,
Что на небѣ луна,
Ярче свѣта горитъ,
Краше неба глядитъ.
Но соскучилъ сосѣдъ
Жизнь вести сорокъ лѣтъ
Безъ лукавой бѣды,
Безъ коварной нужды:
Заперся отъ гостей,
Отъ жены, отъ дѣтей—
И тузы, короли
Серебро разнесли.

V.

ИЗЪ ПОЭМЫ „МАРІЯ СТЮАРТЪ"

ПѢСНЬ РИЦЦІО.

Есть въ паркѣ распутье—я знаю его!
Верхомъ ли, въ златой колесницѣ,
Она не минуетъ распутья того,
Моя молодая царица.

На этомъ распутьи я жизнь просижу,
Её да её поджидая.
Проѣдетъ: привстану, глаза опущу,
Почтительно шляпу снимая.

И сердце съ вопросомъ: взглянула-ль она?
Пѣвца увидала-ль смущенье?
Сурова-ль сегодня, мила-ли, нѣжна?
Какое въ лицѣ выраженье?

„Зачѣмъ же ты быстрыхъ не поднялъ очей?
Для взоровъ и боги доступны!"
Не смѣйтесь, молю васъ, печали моей:
О, други! тѣ взоры преступны.

Н. Я. ПРОКОПОВИЧЪ.

Николай Яковлевичъ Прокоповичъ родился 27-го ноября 1810 года въ Оренбургѣ, гдѣ отецъ его, Яковъ Семеновичъ, занималъ въ то время мѣсто управляющаго пограничной таможней. Прокоповичъ получилъ первоначальное воспитаніе въ домѣ родителей, а, по выходѣ отца въ отставку, переѣхалъ, вмѣстѣ съ остальными членами семейства, на жительство въ Нѣжинъ, гдѣ, два года спустя, поступилъ, въ Гимназію Высшихъ Наукъ, въ одинъ день съ Н. В. Гоголемъ, съ которымъ онъ вскорѣ сблизился и потомъ всю жизнь оставался друженъ. Окончивъ курсъ наукъ въ 1828 году, друзья разстались: Гоголь уѣхалъ въ Петербургъ, а Прокоповичъ остался въ Нѣжинѣ, гдѣ пробылъ цѣлый годъ, и только въ 1829 году, по вызову Гоголя, отправился въ Петербургъ для пріисканія мѣста. Разлука не только не охладила ихъ дружбы, а, напротивъ, усилила её: первое время они даже жили вмѣстѣ. Одинъ Прокоповичъ зналъ, кто авторъ поэмы: „Ганцъ Кюхельгартенъ", которую Гоголь, дорожа своей литературной репутаціей, истребилъ всю, до послѣдняго экземпляра; Прокоповичъ послѣдній обнялъ и проводилъ Гоголя въ его первое загадочное путешествіе за границу, и первый встрѣтилъ въ Петербургѣ неожиданно возвратившагося друга. Но обратимся къ литературнымъ занятіямъ Прокоповича. Въ 1831 году было напечатано въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду" первое его стихотвореніе: „Мои мечты". Стихотвореніе это, какъ и всё написанное Прокоповичемъ, прошло почти незамѣченнымъ, хотя и носитъ на себѣ несомнѣнный отпечатокъ таланта. Замѣчательная лёгкость стиха и всегда честная мысль—неотъемлемыя достоинства всѣхъ напечатанныхъ имъ стихотвореній. Будучи въ Лицеѣ, Прокоповичъ былъ, что̀ называется, записнымъ литераторомъ, то-есть писалъ много и во всѣхъ родахъ, прозой и стихами. Всё, по словамъ Гоголя: „пророчило въ нёмъ плодовитаго романиста". Съ переѣздомъ въ Петербургъ, декорація перемѣнилась: обременённый нуждой и множествомъ уроковъ, которые онъ принуждёнъ былъ давать въ разныхъ частяхъ города, бѣдный поэтъ отказался отъ обольщеній славы и почти бросилъ свои литературныя занятія, не смотря на непрерывавшіяся поощренія и побужденія Гоголя. Тѣмъ не менѣе, въ слѣдующемъ 1832 году, онъ напечаталъ еще два небольшихъ стихотворенія: „Полночь" и „Къ портрету Вальтеръ-Скотта"; первое—въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ", а второе—въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ".

Въ началѣ 1832 года, судя по письму Гоголя къ А. С. Данилевскому (отъ 30-го марта того-же года), Прокоповичъ, подобно своему знаменитому другу, задумалъ поступить на сцену. Съ этою цѣлью онъ сталъ посѣщать Театральное училище — и дѣло уже доходило до того, что онъ являлся на сценѣ въ незначительныхъ роляхъ вѣстниковъ или такъ-называемыхъ, *предводителей свиты Фортинбраса*, какъ вдругъ съ наступленіемъ лѣта, въ одно прекрасное утро, онъ исчезъ изъ Петербурга и черезъ недѣлю очутился въ Нѣжинѣ, въ кругу своихъ родныхъ. Что̀ было причиной оставленія имъ сцены—неизвѣстно. Тѣмъ не менѣе, въ декабрѣ того-же года Прокоповичъ снова былъ въ Петербургѣ. Затѣмъ, въ 1834 году, онъ женился на дѣвицѣ Марьѣ Никифоровнѣ Трохневой, отъ которой имѣлъ впослѣдствіи двухъ сыновей и четырёхъ дочерей. Тихая семейная жизнь, казалось, снова расположила его къ литературнымъ занятіямъ, плодомъ которыхъ были—баллада „Полнолуніе" и большая повѣсть въ стихахъ „Своя семья", напечатанныя въ VIII томѣ „Библіотеки для Чтенія" и 2-й части „Московскаго Наблюдателя" на 1835 годъ.

10-го іюля 1836 года Прокоповичъ былъ назначенъ учителемъ въ 1-й кадетскій корпусъ, по каѳедрѣ русскаго языка и словесности. Хотя уроки въ корпусѣ и отнимали у него много времени, тѣмъ не менѣе, онъ находилъ свободные часы для литературныхъ занятій, которыя были для него отдыхомъ отъ тяжелыхъ педагогическихъ занятій. Къ сожалѣнію, какъ мы сказали выше, Прокоповичъ, вѣрный своей робкой натурѣ, печаталъ мало и неохотно. При жизни его было напечатано въ разныхъ журналахъ всего двѣнадцать пьесъ, въ томъ числѣ двѣ повѣсти въ стихахъ. Чтобы не возвращаться болѣе къ обзору необширной литературной дѣятельности Прокоповича, помѣщаемъ здѣсь полный списокъ всѣхъ его стихотвореній, за исключеніемъ пяти, уже названныхъ нами выше, съ означеніемъ изданій, гдѣ они были помѣщены. Вотъ они: въ „Сынѣ Отечества" 1836 года—„Повѣсть о томъ, какъ Садко богатый былъ въ гостяхъ у царя Морского"; въ „Современникѣ" 1838 — „Сестра и братья", сербская баллада, „Городъ" и „Старость"; въ томъ-же журналѣ на 1840 годъ—„Графъ Конрадъ и его жена", баллада; въ „Звѣздочкѣ"—„Ѳедина ёлка" и въ „Журналѣ Военно-учебныхъ Заведеній"—„Тѣни Пушкина". Кромѣ того, при раз-

боръ бумагъ Прокоповича, были найдены двѣ нигдѣ не напечатанныя его сказки: „Три желанія“ и „Панъ Мышковскій“, относящіяся къ его ранней литературной дѣятельности. Обѣ пьесы вошли въ собраніе его стихотвореній, изданное въ 1858 году.

По возвращеніи Гоголя изъ за границы въ Петербургъ, въ 1839 году, друзья свидѣлись снова, и авторъ „Ревизора“ сталъ попрежнему весьма часто навѣщать убогій пріютъ своего стараго товарища и друга, и проводилъ у него вечера, гдѣ вскорѣ составился около него кругъ его лицейскихъ пріятелей, которые любили его горячо и были ему пò-сердцу.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1840 года Гоголь снова уѣхалъ за границу, гдѣ и пробылъ до конца слѣдующаго года. На возвратномъ пути въ Россію, онъ только проѣздомъ побывалъ въ Петербургѣ, чтобы повидаться съ Прокоповичемъ и другими близкими ему людьми, и отправился прямо въ Москву—печатать первый томъ „Мёртвыхъ Душъ“, представивъ тамъ и рукопись свою на цензурное одобреніе. Встрѣченныя затрудненія побудили Гоголя переслать рукопись въ Петербургъ, при чёмъ Прокоповичу, по обыкновенію, поручено было хожденіе и хлопоты по этому дѣлу. И того, и другого пришлось на долю ходатая порядочное количество. Подъ вліяніемъ мысли о близкомъ появленіи въ свѣтъ поэмы, Гоголь задумалъ кстати выдать новое изданіе своихъ сочиненій, но уже въ Петербургѣ, и притомъ не лично, но подъ своимъ наблюденіемъ, потому-что онъ хотѣлъ, по отпечатаніи „Мёртвыхъ Душъ“, уѣхать за границу. Слѣдовательно, нужно было найти человѣка, кто бы и могъ, и хотѣлъ взять на себя довольно сложную и хлопотливую работу—печатанья и изданія чужихъ сочиненій. Гоголь не долго колебался. Кто, кромѣ Прокоповича, могъ согласиться на такое самопожертвованіе? И вотъ, Гоголь, въ концѣ мая 1842 года пріѣзжаетъ въ Петербургъ, видится съ Прокоповичемъ, уговариваетъ его принять на себя изданіе сочиненій его, и въ первыхъ числахъ іюня уѣзжаетъ за границу — и между друзьями скоро возникаетъ *дѣловая* переписка.

Въ августѣ 1843 года печатанье „Сочиненій Гоголя“ было приведено къ вожделѣнному концу, и одинъ экземпляръ былъ тотчасъ же посланъ автору въ Римъ. Къ сожалѣнію, добросовѣстные труды и хлопоты Прокоповича по изданію не заслужили полнаго одобренія автора, какъ это видно изъ письма его къ Прокоповичу, отъ 24-го сентября 1843 года: „Изданіе сочиненій моихъ вышло не въ томъ вполнѣ видѣ, какъ я думалъ, и виною, разумѣется, этому я, не распорядившись аккуратнѣе. Книги, я воображалъ, выйдутъ благородной толщины, а, вмѣсто того, онѣ такія тоненькія. Подлецъ типографщикъ далъ мерзкую бумагу; она такъ тонка, что сквозитъ, и цѣна 25 рублей даже кажется теперь большою, въ сравненіи съ маленькими томиками. Издано, вообще, довольно исправно и старательно. Вкрались ошибки, но, я думаю, они произошли отъ неправильнаго оригинала и принадлежатъ писцу или даже мнѣ. Все, что отъ издателя—то хорошо, что отъ типографіи—то мерзко. Буквы тоже подлыя... На меня не сердись за это бремя, можетъ-быть, тяжкое. Какъ бы ни тяжело оно было и какъ бы ни потерпѣлъ ты чрезъ это, всё будетъ вознаграждено. У меня всё стоитъ въ счету, и, какъ я ни бѣденъ теперь, какъ ни немощенъ, но возмогу потомъ много такого, что кажется теперь совсѣмъ невозможно“.

Это было послѣднее письмо Гоголя къ Прокоповичу по поводу изданій его „Сочиненій“. Оно не требуетъ комментаріевъ, ибо вполнѣ передаетъ прихотливую и неподатливую натуру Гоголя. Затѣмъ, до 1847 года, друзья не переписывались. Въ 1847 и 1848 годахъ Прокоповичъ получилъ отъ Гоголя по письму—и только. Послѣднее письмо Гоголя къ товарищу его юности было изъ Москвы отъ 29-го марта 1851 года.

Николай Яковлевичъ Прокоповичъ умеръ 1-го іюня 1857 года, послѣ продолжительныхъ страданій чахоткою. Тѣло его погребено на Смоленскомъ кладбищѣ.

Прокоповичъ былъ однимъ изъ тѣхъ скромныхъ дѣятелей, которые въ отведенномъ имъ судьбою тѣсномъ кругу дѣйствуютъ честно и благородно, часто сами не замѣчая благодѣтельнаго вліянія, оказываемаго ими на развитіе мысли въ людяхъ встрѣчающихся имъ на ихъ одинокой дорогѣ. Знавшіе его коротко сохранятъ о нёмъ воспоминаніе, какъ о человѣкѣ, способномъ къ самой преданной и безкорыстной дружбѣ; а многія сотни его учениковъ долго не забудутъ своего любимаго учителя, его увлекательную рѣчь и простое, чуждое всякаго педантизма, преподаваніе.

„Стихотворенія Н. Я. Прокоповича“ были изданы въ 1858 году въ Петербургѣ, съ приложеніемъ полной его біографіи, составленной Н. В. Гербелемъ и озаглавленной такъ: „Николай Яковлевичъ Прокоповичъ и отношенія его къ Гоголю“.

ГОРОДЪ.

Движимъ думою чудесной,
„Здѣсь“, Онъ молвилъ: „будетъ градъ,
Украшенье поднебесной
И Москвы державный братъ!“

Чудо!—Волю полубога
Понялъ доблестный народъ,
И Европы у порога
Изъ лѣсовъ и изъ болотъ—

Всталъ красавецъ полуночи
На землѣ получужой,
Гордо глянулъ міру въ очи,
Опоясался Невой.

И у ногъ его сердито
Волны Финскія кипятъ:
Весь онъ въ латахъ изъ гранита,
Съ головы до самыхъ пятъ.

Держитъ онъ въ рукѣ могучей
Богатырское копьё—
И горитъ его за тучей
Золотое остріё.

Дряхлый міръ ему дивится,
Самъ спѣшитъ по лону водъ
Исполину поклониться
И дары покорно шлётъ.

Такъ-то волею чудесной
Созданъ Имъ могучій градъ,
Украшенье поднебесной
И Москвы державный братъ.

Е. П. ГРЕБЕНКА.

Евгеній Павловичъ Гребёнка родился 21-го января 1812 года въ отцовскомъ помѣстьѣ, „Убѣжище“, въ шестнадцати верстахъ отъ города Прилукъ, Полтавской губерніи. Раннее дѣтство Евгенія Павловича прошло подъ домашнимъ кровомъ. Впечатлѣнія дѣтскихъ лѣтъ, проведённыхъ среди патріархальнаго сельскаго быта, среди прекрасной природы, въ сближеніи съ народомъ, богатымъ самобытною поэзіей, отразились на многихъ произведеніяхъ Гребёнки. Вѣроятно, не одна изъ народныхъ былинъ, не одно изъ преданій, пересказанныхъ имъ впослѣдствіи, были слышаны имъ дома и заставляли сильнѣе биться его дѣтское сердце. Въ 1825 году Гребёнка былъ отвезёнъ отцомъ въ Нѣжинъ и помѣщенъ въ Гимназію Высшихъ Наукъ. Здѣсь онъ окончилъ полный курсъ, съ правомъ на чинъ 14-го класса, и тотчасъ же (въ 1831 году) поступилъ на службу въ резервы 8-го Малороссійскаго казачьяго полка; затѣмъ вышелъ въ отставку и около 1834 года переѣхалъ въ Петербургъ.

Гребёнка началъ заниматься литературой ещё въ Лицеѣ. Большею частью, первые опыты его были писаны на малорусскомъ нарѣчіи. Малороссійскій переводъ „Полтавы“ Пушкина такъ же относится ко времени его студенчества, какъ равно и „Малороссійскія Приказки“, выпущенныя имъ въ свѣтъ въ 1834 году въ Петербургѣ. По пріѣздѣ въ Петербургъ, Гребёнка началъ еще усерднѣе заниматься литературой. Его „Приказки“ имѣли успѣхъ и были изданы въ другой разъ, въ 1836 году. Въ этомъ же году издалъ онъ и свой малорусскій переводъ „Полтавы“, съ посвященіемъ Пушкину. Пушкинъ, съ обычною своей любезностью, принялъ участіе въ начинающемъ литераторѣ. Вѣроятно, съ его одобренія были напечатаны въ „Современникѣ“ на 1837 годъ два стихотворенія Гребёнки. Говорятъ даже, будто малороссійскія басни молодаго писателя такъ понравились Пушкину, что одну изъ нихъ, именно „Волкъ и Огонь“, онъ перевёлъ на русскій языкъ.

Извѣстный уже въ литературныхъ кружкàхъ, Гребёнка всё еще не былъ знакомъ публикѣ. Первые труды его на малороссійскомъ языкѣ имѣли слишкомъ ограниченный кругъ читателей; русскими же стихотвореніями, къ которымъ перешелъ Гребёнка, трудно было обратить на себя вниманіе въ то время, когда ещё дѣйствовали Пушкинъ и вся окружавшая его плеяда даровитыхъ поэтовъ. Гребёнка понялъ это — и рѣшился посвятить всю свою дѣятельность повѣствовательной прозѣ. Первымъ опытомъ его въ этомъ родѣ были „Разсказы Пирятинца“ (Спб. 1837), принятые публикою довольно радушно. Со времени изданія этихъ „Разсказовъ“ имя Гребёнки начинаетъ всё чаще и чаще появляться подъ повѣстями, разсказами и очерками въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, такъ что вскорѣ почти ни одинъ журналъ, ни одинъ альманахъ или сборникъ не обходился безъ какого-нибудь произведенія Гребёнки. Лучшими произведеніями его въ этомъ родѣ можно назвать повѣсти: „Вѣрное лѣкарство“, „Записки студента“, „Иванъ Ивановичъ“, „Приключенія синей ассигнаціи“ и особенно романъ „Чайковскій“, о которомъ Бѣлинскій отозвался съ большой похвалой.

По пріѣздѣ своёмъ въ Петербургъ, Гребёнка поступилъ на службу въ Коммиссію Духовныхъ Училищъ; затѣмъ въ 1838 году онъ былъ опредѣлёнъ старшимъ учителемъ русскаго языка и словесности въ Дворянскій полкъ, а въ 1841—переведёнъ учителемъ словесности во Второй Кадетскій Корпусъ. Въ послѣдніе годы жизни преподавалъ онъ тотъ же предметъ въ Институтѣ Корпуса Горныхъ Инженеровъ и въ офицерскихъ классахъ Морского Корпуса.

Натура Евгенія Павловича была одна изъ самыхъ симпатичныхъ; его благодушіе располагало къ нему съ первой встрѣчи. Узнавъ ближе, нельзя было не полюбить его отъ всей души. Всѣ, сходившіеся съ Гребёнкой, вспоминаютъ о нёмъ съ особенною теплотою. Разговоръ его былъ пріятенъ и дышалъ весёлостью, съ тѣмъ лёгкимъ оттѣнкомъ юмора, какой замѣчаемъ мы въ его сочиненіяхъ. Вообще, Евгеній Павловичъ былъ самый милый собесѣдникъ и всегда гость ко времени. Гребёнка умеръ въ декабрѣ 1848 года; тѣло его перевезено въ Малороссію, которая была ему всегда такъ мила и дорога.

Часть сочиненій Гребёнки была издана ещё при жизни автора, подъ заглавіемъ: „Романы, повѣсти и разсказы", въ 8 маленькихъ томикахъ (Спб. 1847 и 1848); по смерти же Гребёнки, сочиненія его были собраны вполнѣ и изданы, подъ редакціей Н. В. Гербеля, книгопродавцемъ С. И. Литовымъ въ пяти томахъ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Сочиненія Е. П. Гребенки (1833—1848). Спб. 1862". Кромѣ того, Гребёнкою были изданы отдѣльно слѣдующія его сочиненія: „Богданъ" (Спб. 1843), „Записки Зайца" (Спб. 1844) и Сборникъ „Ласточка" (Спб. 1846). Лучшіе разборы сочиненій Гребёнки были помѣщены въ „Современникѣ" (1848, № 11) и „Отечественныхъ Запискахъ" (1848, № 1).

I.

ПѢСНЯ.

Молода ещё дѣвица я была:
Наша армія въ походъ куда-то шла.
Вечерѣло. Я стояла у воротъ —
А по улицѣ всё конница идетъ.
Къ воротамъ подъѣхалъ баринъ молодой,
Мнѣ сказалъ: „напой, красавица, водой!"
Онъ напился, крѣпко руку мнѣ пожалъ,
Наклонился и меня поцѣловалъ.

Онъ уѣхалъ. Долго я смотрѣла вслѣдъ:
Жарко стало мнѣ; въ очахъ мутился свѣтъ.
Цѣлу ноченьку мнѣ спать было не въ мочь:
Раскрасавецъ-баринъ снился мнѣ всю ночь!

Вотъ недавно—я вдовой уже была,
Четырёхъ ужъ дочекъ замужъ отдала—
Къ намъ заѣхалъ на квартиру генералъ:
Весь прострѣленный, онъ жалобно стоналъ...
Я взглянула—встрепенулася душой:
Это онъ, красавецъ-баринъ молодой;
Тотъ же голосъ, тотъ огонь въ его глазахъ,
Только много сѣдины въ его кудряхъ.
И опять я цѣлу ночку не спала:
Цѣлу ночку молодой еще была.

II.

ПОЧТАЛЬОНЪ.

Скачетъ, форменно одѣтъ,
Вѣстникъ радостей и бѣдъ.
Сумка черная на немъ,
Киверъ съ бронзовымъ орломъ,

Сумка съ виду хоть мала—
Много въ ней добра и зла:
Часто рядомъ тамъ лежитъ
И банкротство, и кредитъ;

Клятвы ложныя друзей,
Бредъ влюблённаго о *ней*;
Безъ разсчётовъ—такъ, сплеча—
Спѣсь и гордость богача;

И педанта чепуха;
Голосъ вкрадчивый грѣха
И невинности привѣтъ...
И—чего въ той сумкѣ нѣтъ?

Будто посланный судьбой,
Безпристрастною рукой
Радость, горе, смѣхъ и стонъ
Разсыпаетъ почтальонъ.

Онъ весь городъ обскакалъ;
Конь едва идётъ—усталъ.
Равнодушно вѣстникъ мой
Возвращается домой.

А гдѣ былъ онъ—можетъ-быть,
Станутъ долго слёзы лить
О потерянныхъ друзьяхъ,
О несбывшихся мечтахъ;

Или въ радости живой
Лить шампанское рѣкой.
Гдѣ жъ волшебникъ-почтальонъ?
Дома спитъ въ чуланѣ онъ.

А. К. ЖУКОВСКІЙ (БЕРНЕТЪ).

Александръ Кириловичъ Жуковскій, довольно извѣстный поэтъ послѣ-пушкинскаго періода, родился 10-го сентября 1810 года въ Пензѣ. Прочитавъ это немногимъ извѣстное имя, читатель въ правѣ подивиться, что оно нашло мѣсто въ средѣ русскихъ поэтовъ, болѣе или менѣе всѣмъ извѣстныхъ и написавшихъ въ жизни хотя одно хорошее стихотвореніе. Причиной этой совершенной неизвѣстности имени Жуковскаго, однофамильца извѣстнаго нашего писателя, было тó, что онъ выступилъ на литературное поприще, подъ псевдонимомъ „Бернетъ", пріобрѣлъ шумную извѣстность во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ и возбудилъ во многихъ преувеличенныя надежды; не разоблачалъ онъ его до конца жизни, такъ что до сихъ поръ многіе грамотные люди считаютъ этотъ псевдонимъ настоящимъ именемъ автора „Вѣчнаго Жида", „Елены", „Графа Меца" и „Перли". Какъ бы то ни было, псевдонимъ совершенно заслонилъ его настоящую фамилію отъ публики, такъ-что даже люди, знавшіе Жуковскаго лично, не называли его иначе, какъ Бернетомъ, въ своихъ разговорахъ о нёмъ, какъ третьемъ лицѣ. Независимо отъ своего псевдонима, Жуковскій и самые сюжеты для своихъ поэмъ бралъ исключительно изъ иностранной жизни, и только въ нѣкоторыхъ мелкихъ своихъ стихотвореніяхъ обращался къ русскому быту и высказывалъ при этомъ свою русскую натуру. И эти-то вполнѣ русскія произведенія, вмѣстѣ съ стихотвореніями, выражавшими обще-человѣческія чувства, пріобрѣли Жуковскому ту заслуженную имъ извѣстность, которая прославила имя Бернета и вызвала похвалы Бѣлинскаго, хвалившаго очень рѣдко. Къ сожалѣнію, многіе изъ почитателей Бернета, особенно въ провинціи, оставались всю жизнь при томъ убѣжденіи, что любимый ими поэтъ—нѣмецъ, и потому считали весьма простительнымъ, что всѣ его поэмы носили отпечатокъ нѣмецкаго происхожденія, не исключая и поэмы „Вѣчный Жидъ", библейскій сюжетъ котораго въ поэмѣ Бернета сильно оттѣнёнъ нѣмецкою сентиментальностью.

Молодой Жуковскій началъ своё воспитаніе въ домѣ родительскомъ, продолжалъ въ царицынскомъ уѣздномъ училищѣ и окончилъ въ Саратовской гимназіи, куда поступилъ въ половинѣ 1822 года и откуда вышелъ въ 1827 году, для поступленія въ военную службу. Зачисленный фейерверкеромъ четвёртаго класса въ 4-ю конно-артиллерійскую роту, онъ сдѣлалъ съ ней всю турецкую кампанію 1828 и 1829 годовъ и послѣдававшую затѣмъ польскую, при чёмъ былъ произведенъ за отличіе въ первый чинъ и пожалованъ кавалеромъ святой Анны 4-й степени, съ надписью „за храбрость". Прослуживъ по окончаніи польской войны около пяти лѣтъ во фронтѣ, Жуковскій оставилъ въ 1836 году военную службу съ чиномъ ротмистра Александрійскаго гусарскаго полка, куда былъ переведёнъ ещё во время турецкой войны, и поступилъ въ службу гражданскую, въ департаментъ государственнаго казначейства. Прослуживъ по Министерству Финансовъ около 25 лѣтъ и занимая разныя должности въ канцеляріи самого министра, знаменитаго графа Канкрина, онъ только въ 1861 году получилъ давно имъ желанное и давно ему обѣщанное мѣсто вице-директора департамента государственнаго казначейства по распорядительной части. Скончался 8-го декабря 1864 года въ Петербургѣ, гдѣ и похоронёнъ на Волковомъ кладбищѣ.

Хотя Жуковскій рано началъ писать стихи, но на литературное поприще выступилъ только въ 1837 году, при чёмъ стихотворенія его появились въ одно и то же время почти во всѣхъ петербургскихъ журналахъ. Именно: въ „Современникѣ" Пушкина, томъ 5-й, былъ напечатанъ отрывокъ изъ поэмы „Елена", подъ заглавіемъ „Одиночество"; въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду" (№№ 20 и 31) „Лееданъ", отрывокъ изъ „Еврейскихъ поученій" и стихотвореніе „Призракъ". Объ этомъ стихотвореніи Бѣлинскій отозвался такъ: „Начало этого стихотворенія—поэзія, благоухающая ароматнымъ цвѣтомъ прекрасной внутренней жизни, поэтическое выраженіе одного изъ ея явленій, выраженіе, гдѣ каждый стихъ есть живой поэтической образъ и гдѣ каждый стихъ и каждое слово стоятъ на своёмъ мѣстѣ, по закону творческой необходимости, и не могутъ быть ни переставлены, ни перемѣнены!" („Сочиненія Бѣлинскаго" ч. II, стр. 366). Еще болѣе стихотвореній Бернета было напечатано въ „Библіотекѣ для Чтенія". Въ одномъ 1837 г. видимъ тамъ десять мелкихъ его стихотвореній („Подсолнечникъ", „Мѣдный крестъ", „Зимній походъ", „Паша", „Плѣнный африканецъ", „Два креста въ Валахіи", „Всадникъ", „Просьба", „Жребій поэта" и „Не-

ожиданный порывъ") и двѣ большихъ поэмы: „Перля, дочь банкира Мостіеха" и „Чужая Невѣста". Затѣмъ, въ томъ же 1837 году, всѣ напечатанныя имъ въ разныхъ журналахъ стихотворенія были собраны авторомъ въ одну книжку и изданы имъ, съ присоединеніемъ нѣсколькихъ нигдѣ не напечатанныхъ пьесъ, подъ заглавіемъ: „Стихотворенія Е. Бернета. Спб. 1837". Тогда же Жуковскій издалъ отдѣльной книжкой ещё одну поэму, подъ заглавіемъ: „Графъ Мецъ. Сочиненіе Бернета. Двѣ части. Спб. 1837". Затѣмъ, въ 1838 г. издана была отдѣльной книжкой: „Елена. Поэма. Сочиненіе Бернета. Спб. 1838". Въ 1839 году, последнемъ въ поэтической дѣятельности Жуковскаго, въ „Утренней Зарѣ" Владиславлева была напечатана вторая глава изъ новой поэмы его „Вѣчный Жидъ", подъ заглавіемъ „Женщина", а въ „Библіотекѣ для Чтенія" за тотъ же годъ, въ нумерахъ 1-мъ и 6-мъ, появились послѣднія поэтическія произведенія его: три стихотворенія—„Элегія", „Сонъ" и „Пѣсня", и лучшая изъ его поэмъ „Вѣчный Жидъ".

По выходѣ въ свѣтъ послѣдней поэмы, Жуковскій перестакъ печатать свои произведенія и цѣлые одиннадцать лѣтъ промолчалъ, вслѣдствіе чего не только его произведенія, но и самый псевдонимъ, упорно имъ сохраняемый, былъ позабытъ всѣми, когда, въ 1850 году, онъ явился снова на свѣтъ. Эти новыя произведенія Жуковскаго, явившіяся такъ неожиданно, были двѣ повѣсти изъ русской жизни, напечатанныя въ 1-й и 7-й книжкахъ „Отечественныхъ Запискахъ" на 1850 годъ, подъ названіемъ: „Черный гость" и „Не судите по наружности". Обѣ прошли почти никѣмъ не замѣченныя. Этими двумя повѣстями закончилась литературная дѣятельность Жуковскаго, поэта несомнѣнно талантливаго, но не сумѣвшаго разработать этотъ даръ Божій.

Правда, произведенія Жуковскаго появлялись въ печати и позже; такъ напримѣръ, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ въ журналѣ „Шехеразада", издававшемся очень короткое время, были помѣщены его „Романъ на старый ладъ", „Господинъ Симъ", повѣсть изъ жизни животныхъ, „Человѣкъ высшаго полёта", юмористическій разсказъ и нѣсколько мелкихъ стихотвореній. Но всё это оказалось до того слабымъ, что не заслуживаетъ даже упоминанія, тѣмъ болѣе, что самъ авторъ подъ нѣкоторыми изъ нихъ не нашелъ даже нужнымъ выставить своё полное имя и ограничился буквою *Б.*

Изъ всей же массы стиховъ, написанныхъ имъ въ теченіе его кратковременнаго литературнаго поприща, можно указать десятокъ дѣйствительно прекрасныхъ стихотвореній, разсѣянныхъ по разнымъ журналамъ и альманахамъ, а именно, на пьесы: „Семейное чувство", „Призракъ", „Жребій поэта", „Зимній походъ", „Прощанье", „Сонъ", „Элегія", „Просьба", „Пѣсня",—да на нѣкоторыя мѣста въ поэмахъ „Елена", „Перля" и „Вѣчный Жидъ", особенно въ послѣдней, которую, вообще, можно назвать лучшимъ произведеніемъ Жуковскаго.

1.

СЕМЕЙНОЕ ЧУВСТВО.

Измученъ дрязгами, усталый отъ трудовъ,
Въ кругу моихъ дѣтей я веселъ и здоровъ.
Понятенъ, дорогъ мнѣ сердецъ невинныхъ трепетъ!
Ихъ радость шумную, неистощимый лепетъ,
Разспросы безъ конца и безъ причины смѣхъ—
Прервать, остановить считаю я за грѣхъ.
Въ нихъ кровь моя течётъ, растётъ моя надежда!
Они—блестящее убранство и одежда
Разсудочныхъ годовъ суровой наготы,
Утраченной весны послѣдніе цвѣты!
Нѣтъ не напрасно я молюся и тоскую,
Когда ихъ руки жму, головки имъ цѣлую!
Нѣтъ, пощадитъ судьба безкрылаго птенца
За слёзы матери, страданія отца!
Мы преждевременно состарѣлися оба
Въ печали и борьбѣ. У тёмной двери гроба
Ещё ль не смѣемъ мы, въ замѣну долгихъ бѣдъ,
Грядущихъ, лучшихъ дней привѣтствовать разсвѣтъ?
Мой сынъ, ты будешь ли отъ горькихъ нуждъ избавленъ,
Желѣзною пятой насилья не раздавленъ?
Умъ, совѣсть сохранишь отъ язвы и пятна?
А птичка рѣзвая, а дочь моя—она
Спасётся ль отъ сѣтей—ихъ разгадать умѣя—
Богатаго глупца, бездушнаго злодѣя?
Свѣтъ полонъ тёмныхъ дѣлъ, обмановъ и заразъ!
Малютки бѣдныя, какъ я боюсь за васъ!
Но частыхъ опытовъ жестокіе уроки,
Но правды и любви немолчные упрёки
Проникнуть, можетъ быть, растопятъ, наконецъ,
Холодную кору безчувственныхъ сердецъ.
День примиренія, желанный долго нами,
День человѣчности—проглянетъ надъ сынами!
Зовъ милосердія пройдётъ во всѣ концы—
И стройно запоютъ свободные пѣвцы.

Простятъ имъ смѣлые порывы вдохновенья,
Больного чувства вопль не вмѣнятъ въ преступленье;
Не будутъ поминать, для осужденья ихъ,
Мгновеньемъ вызванный, неосторожный стихъ —
И пѣсня, гордая созвучій воздаяньемъ,
Польётся не глухимъ и сдержаннымъ рыданьемъ.

II.

ПРОЩАНЬЕ.

Глаза твои сомкнулись. Трудный путь
Окончен. Срокъ насталъ успокоенья.
Земля, какъ щитъ, тебѣ закрыла грудь
Отъ новыхъ ранъ, отъ муки и томленья.
Пусть міръ идётъ, какъ онъ доселѣ шелъ,
Пускай кипитъ и суета, и злоба:
Что въ нихъ тому, кто рано отошелъ
Въ сѣнь тихую безсмертія и гроба?
Могильный холмъ увѣнчанъ купой розъ,
Зелёный дёрнъ подножье одѣваетъ:
Роса его вседневно поливаетъ,
Роса ничѣмъ неосушимыхъ слезъ!
Но пусть тоска желаетъ дни пресѣчь,
Пускай любовь отчаяніемъ дышитъ,
И сиротство заводитъ съ камнемъ рѣчь:
Не слышитъ ихъ почившая, не слышитъ!
Всё, чѣмъ я здѣсь гордился, дорожилъ,
Въ чёмъ видѣлъ цѣль труда и вдохновенья,
Что было мнѣ звѣздою откровенья —
Всё, всё съ тобой въ могилу положилъ.
Прости, моё сокровище! Терять
И находить мнѣ нечего на свѣтѣ!
Кому теперь грусть сердца повѣрять
И видѣть рай въ плѣнительномъ отвѣтѣ?
Какъ горестенъ, какъ страшенъ мой удѣлъ!
И тамъ, и здѣсь — безлюдная пустыня.
Затворена пріютная святыня —
И до конца я рокомъ обѣднѣлъ.
Отъ долгихъ лѣтъ надежды не прибудетъ!
Могучій духъ, невольникъ, господинъ —
Что-бъ ни былъ я, но счастія не будетъ:
Всегда одинъ, вездѣ, во всёмъ одинъ!
Итакъ — прости! Дозволишь-ли порою
Твой мирный сонъ страдальцу посѣтить,
Притти къ нему знакомою тропою
И о быломъ прахъ милый вопросить?
Пусть будетъ онъ и нѣмъ, и безотвѣтенъ,
Пускай тепла и бытія въ нёмъ нѣтъ;
Но для меня онъ болѣе привѣтенъ,
Роднѣе мнѣ, чѣмъ этотъ грустный свѣтъ.

III.

ИЗЪ ПОЭМЫ „ВѢЧНЫЙ ЖИДЪ“.

ЖЕНЩИНА.

Она не сонъ, не ложный сонъ,
Не быстролётное мечтанье:
Она живётъ! Надъ ней законъ
Любви, восторга и страданья!
Не призракъ лёгкій и пустой
Черты святыя принимаетъ:
Душа увлечена бываетъ
Одушевлённой красотой.
О, вѣрьте сердцу! то влеченье,
Благой природы назначенье,
Правдивѣй счастія и бѣдъ,
Надежнѣй громкихъ обольщеній
Богатства, славы и побѣдъ,
Которыя придумалъ свѣтъ
Въ надменныхъ грёзахъ просвѣщенья.
Но воспитать небесный даръ
Не всѣмъ дано, не всѣмъ доступно!
Не долго тлѣетъ чувства жаръ
Въ душѣ холодной и преступной!
Мгновенно любитъ, кто жестокъ:
Не знаетъ вѣчныхъ узъ порокъ.
Лишь пылкій сердцемъ, чистый духомъ,
Сынъ неба межъ сыновъ земли,
Умѣетъ слышать вѣщимъ слухомъ
Созвучье вѣры и любви.
Лишь онъ въ порывахъ изступленья
Вмѣняя скорби въ наслажденье,
Какъ мученикъ среди костра,
Тѣмъ больше небо постигаетъ
Въ символахъ красоты, добра,
Чѣмъ больше пламени игра
Земной составъ его сжигаетъ.
Не чувствуя палящихъ жалъ,
Онъ въ край безсмертья переходитъ
И въ нѣдрахъ вѣчности находитъ,
Что въ мірѣ этомъ обожалъ.

Она предъ юношей явилась,
Какъ тотъ божественный кумиръ,
Которому, при звукѣ лиръ,
Эллада свѣтлая молилась;
Но прелесть строгаго лица,
Но нѣгой дышущее тѣло,
Какъ бы изсѣченное смѣло
Ваяньемъ древняго рѣзца,

Смягчались думою и чувствомъ.
Казалось, мысль зажглася въ ней—
И непослушный жаръ страстей
Взялъ верхъ надъ правильнымъ искусствомъ.

О, кто насъ можетъ такъ плѣнить,
Какъ тà, которой образъ внятно
Намъ изступлённымъ говорить,
Что наше сердце ей понятно!
Которая, земную лесть
Державнымъ взглядомъ отражая,
Даётъ улыбкой тихой вѣсть,
Что грусть любви ей не чужая!
Къ богинѣ внемлющей во храмъ
Итти мы съ жертвою готовы;
Пылаетъ духъ, какъ ѳиміамъ,
Проходитъ замыселъ суровый—
И головой къ ея ногамъ
Не стыдно преклониться намъ.

Она предъ юношей предстала,
Какъ воплощенье дивныхъ грёзъ,
Котораго душа искала,
Творя любви апоѳеозъ.
Она въ себѣ всё заключала
Красы и благости начала;
И если думъ иль чувствъ зерно
Забытое въ груди лежало,
Внезапной жизнію оно
При ней всходило, оживало—
И новый благовонный цвѣтъ
Богинѣ разливалъ привѣтъ.

Отрадная, какъ вѣсть прощенья
Въ стѣнахъ безмолвныхъ заточенья;
Прекрасная, какъ первый шагъ,
Какъ день начальный мірозданья,
Когда угрюмой ночи мракъ
Не одѣвалъ ещё созданья,
Когда небесные лучи
Лились, какъ чувства, горячи;
Сладка, какъ съ другомъ часъ свиданья
Въ странѣ печальнаго изгнанья,
Тиха, какъ приближенье сна;
Но полная огня и жизни,
Какъ благотворная весна,
Мила, какъ счастіе отчизны,
Какъ оный мигъ, когда народъ,
Цѣня заботы и служенье,
Въ простыхъ сердечныхъ выраженьяхъ
Благословенье намъ даётъ.

„Я—Гинда, странникъ! Я съ цвѣтами
Живу въ пустынѣ! Богъ надъ нами!
Онъ посылаетъ день и тьму;
Зефиръ, долины, волны, птицы—
Дѣла благой Его десницы.
Я—дочь Его: будь сынъ Ему!
Я съ каждымъ утромъ гимны пѣла,
Искала травъ, плела вѣнокъ;
Когда же въ облакахъ гремѣло
И страшный огненный потокъ
Вселенную громилъ и жегъ,
Тогда я плакала, боялась
За птицъ, за рощи, за цвѣты;
Но снова въ блескѣ красоты
Творцу природа улыбалась—
Тогда и я смѣялась вновь,
Понявъ, что гнѣвъ Его—любовь.

„Я—Гинда, странникъ! Это слово
Изъ устъ чужихъ мнѣ слышать ново.
Могла я птицъ къ себѣ созвать—
Ихъ голоса мнѣ сладко пѣли;
Но Гиндою меня назвать
Онѣ, порхая, не умѣли:
И пѣсня ихъ была скудна—
И я была всегда одна...
Лишь ты, созвучіемъ богатый
Думъ, выраженій и сердецъ,
Лишь ты, творенія вѣнецъ,
Меня плѣнилъ—и сталъ мнѣ братомъ,-
И въ узахъ новаго родства
Минуло горе сиротствà.
Твои слова, твои обѣты
Огнёмъ живительнымъ согрѣты;
Твоимъ сіяньемъ я полна,
Какъ солнцемъ тихая луна.
Растутъ невѣдомыя силы,
Призывъ я слышу божества,
Я внемлю тайнамъ естества,
Я вижу ангеловъ, о милый!
Я вижу, какъ они кругомъ
Долины неба обтекаютъ
И какъ въ пространствѣ голубомъ
Ихъ крылья бѣлыя мелькаютъ.
Скорѣе къ нимъ! впередъ, впередъ!
Любовь вольна—и не умрётъ“.

Н. П. ГРЕКОВЪ.

Николай Порфирьевичъ Грековъ родился въ 1810 году, въ Москвѣ, съ которой, въ теченіе всей сво-

ей жизни, разставался весьма рѣдко и притомъ только на короткое время. На литературномъ поприщѣ появился Грековъ очень рано, именно въ 1827 году, съ водевилемъ въ одномъ дѣйствіи, переведённымъ съ французскаго и отпечаннымъ въ одной изъ московскихъ типографій, подъ заглавіемъ: „Визиты въ окно или четыре вдругъ". Вслѣдъ за тѣмъ, мелкія его стихотворенія стали появляться въ современныхъ альманахахъ и нѣкоторыхъ московскихъ журналахъ, а спустя нѣсколько лѣтъ—и въ петербургскихъ періодическихъ изданіяхъ, такъ-что въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ ни одинъ журналъ уже не обходился безъ стихотвореній Грекова, которыя принимались редакторами довольно охотно: — они вообще, были недурны, а иногда даже и дѣйствительно хороши, чего нельзя было сказать о произведеніяхъ цѣлаго ряда поэтовъ того же времени, наводнявшихъ первыя страницы нашихъ журналовъ своими стихотвореніями, состоявшими, весьма часто изъ простого набора словъ. Лучшія изъ мелкихъ стихотвореній Грекова были помѣщены въ „Современникѣ" и „Отечечественныхъ Запискахъ" пятидесятыхъ годовъ. Независимо отъ своихъ оригинальныхъ поэтическихъ произведеній, Грековъ извѣстенъ также, какъ хорошій переводчикъ съ англійскаго, нѣмецкаго, французскаго и испанскаго языковъ. Онъ перевёлъ двѣ пятиактныя драмы Кальдерона: „Ересь въ Англіи" и „Жизнь есть сонъ", всю первую часть „Фауста" Гёте, „Ромео и Джульетту", трагедію въ пяти дѣйствіяхъ Шекспира, „Пытку женщины", драму Жирардена и „Роллу", поэму Альфреда де Мюссе. Грековъ умеръ лѣтомъ 1866 года въ Москвѣ.

Изъ сочиненій и переводовъ Грекова были изданы отдѣльно слѣдующіе: 1) Фаустъ. Трагедія Гёте. Переводъ Н. Грекова. М. 1843 и Спб. 1859. 2) Стихотворенія Н. Грекова. М. 1860. 3) Ромео и Джульетта. Драма въ пяти актахъ Вилліама Шекспира. Переводъ Н. П. Грекова. Спб. 1862. 4) Гейнрихъ Гейне, въ переводѣ Н. П. Грекова. М. 1863. 5) Ролла. Поэма Альфреда де Мюссе. Переводъ Н. П. Грекова. М. 1864. 6) Разсказы и очерки Н. П. Грекова. М. 1865. 7) Новыя стихотворенія. Н. П. Грекова. М. 1866.

I.

ОБЛАКА.

Серебристою грядою
Быстро мчатся облака;
Подъ лазурной пеленою
Имъ дорога широка.
Полны яркаго сіянья,
Полны радужныхъ цвѣтовъ,
Какъ видѣнья чудныхъ сновъ,
Какъ волшебныя мечтанья,
Вдаль стрѣлой они летятъ,
Блескомъ землю озаряютъ
И по небу разстилаютъ
Свой серебряный нарядъ.
Но воздушнымъ участь та-же,
Что мечтаньямъ молодымъ:
Ждётъ одинъ законъ на стражѣ
Ихъ подъ сводомъ голубымъ.
Минетъ утра часъ летучій,
Полдень небо раскалитъ
И серебряно-зыбучій
Облаковъ волшебный видъ
Въ громовыя сдвинетъ тучи,
Жгучей молньей окаймитъ,
И сольётся на лазури
Серебро ихъ въ ризу бури
И спадётъ въ грозѣ своей
Мутной влагою дождей.
Такъ кипучими страстями
Полдень жизни обожжётъ
Сновъ восторженныхъ полётъ,
Броситъ долу ихъ слезами
И туманными мечтами
Душу бурно обовьётъ.

II.

Бываетъ порою:
Такъ хочешь молиться,
Такъ радъ-бы душою
Съ душой подѣлиться;

И сердце бъ изъ груди
Здѣсь вырвалъ охотно
И молвилъ бы: „люди,
Терзайте свободно!"

А тёмныя грёзы
Бушуютъ и вьются,
А жгучія слёзы
Такъ моремъ и льются—

И въ эти мгновенья
Ужасна невзгода:
Ей нѣтъ выраженья,
Ей нѣтъ перевода.

III.

Цѣлую ночь на востокѣ играетъ зарница;
Носится грёзъ золотыхъ надо мной вереница,
Душу ласкаетъ мою и волнуетъ, и мучитъ:
Видно ничто меня съ ними, ничто не разлучитъ!

Цѣлую ночь ко мнѣ въ окна изъ тёмнаго сада
Запахъ сирени приноситъ ночная прохлада;
Пѣснь соловья раздаётся въ куртинѣ—далеко—
И обаяніемъ весь я проникнутъ глубоко.

Цѣлую ночь я не сплю, да и спать не хочу я!
Всѣ впечатлѣнія жадно душою ловлю я!
Всё, что она осязаетъ средь мрака ночнова
Всё перелилъ бы я въ звукъ да въ горячее слово.

IV.

ПРИМѢТЫ ОСЕНИ.

Мелькаетъ желтый листъ на зелени деревъ;
Работу кончилъ серпъ на нивахъ золотистыхъ;
И покраснѣлъ уже вдали ковёръ луговъ,
И зрѣлые плоды висятъ въ садахъ тѣнистыхъ.

Примѣты осени во всёмъ встрѣчаетъ взоръ:
Тамъ тянется, блестя на солнцѣ, паутина,
Тамъ скирдъ виднѣется, а тамъ черезъ заборъ
Кистями красными повиснула рябина;

Тамъ жнива колкая щетинится, а тамъ
Ужъ озимь яркая блеснула изумрудомъ,
И курится овинъ, и долго по утрамъ,
Какъ бѣлый холстъ, лежитъ туманъ надъ синимъ прудомъ,

И цѣлый день скрипятъ вова, и далеко
Токъ отзывается подъ дружными цѣпами,
И стая журавлей несётся высоко,
Перекликаяся порой подъ небесами.

Прости пора цвѣтовъ и тёплыхъ ясныхъ дней,
Пора блестящихъ зорь, черёмухъ благовонныхъ,
Пора играющихъ зарницъ во тьмѣ ночей
И пѣсенъ, и любви, и грёзъ неугомонныхъ!

Но осень я люблю: она мила мнѣ. Пусть
Всѣ чары вешнія она уничтожаетъ;
Но въ ней какая-то есть вкрадчивая грусть,
Которую душа и любитъ, и ласкаетъ—
Которой нравятся и клочья сѣрыхъ тучъ,
И листья, въ воздухѣ кружащіеся шибко,
И этотъ трепетный и блѣдный солнца лучъ,
Какъ умирающей красавицы улыбка.

V.

ОЖИДАНІЕ.

Давно закатъ облитъ румяною зарёю
И смолкнуло въ поляхъ, и въ озеро луна
Свой свѣтъ отбросила огнистой полосою,
И ужъ давно, давно за шторой голубою
У ней свѣча погашена.

Душа взволнована тоскою ожиданья,
И ею лишь одной полны мечты мои—
И раздражаетъ ихъ и мѣсяца сіянье,
И запахъ отъ цвѣтовъ, и ночи обаянье,
И ближней рощи соловьи.

Увижу-ли тебя, всѣхъ думъ моихъ царица,
Услышу-ль голосъ твой? иль передъ утромъ вновь
Отяжелѣлыя мнѣ сонъ сомкнётъ рѣсницы,
И только лживыхъ грёзъ слетятся вереницы
Утѣшить грустную любовь?

И только въ нихъ тебя мои обнимутъ руки,
И горячо твои прижмутъ къ груди меня,
Иль только выльется мой бредъ полночный въ звуки,
И выскажутъ они всю грусть мою, всѣ муки,
Весь жаръ душевнаго огня?

VI.

ЛѢТНЯЯ НОЧЬ.

На небѣ облитомъ багряной зарёй
Чернѣютъ вершины деревъ;
Мелькаетъ зарница за дальней горой
Межъ двухъ золотыхъ облаковъ.

Алмазныя звѣзды въ лазури дрожатъ;
Въ саду отъ деревьевъ темно;
Столѣтнія липы, какъ башни, стоятъ
И рвутся вѣтвями въ окно.

Изъ облака свѣтъ полосами луна
Бросаетъ на лугъ и поля;
Въ рѣкѣ подъ лозою чуть плещетъ волна,
Высокій тростникъ шевеля.

В. И. КРАСОВЪ.

Василій Ивановичъ Красовъ, сынъ соборнаго протоіерея, родился въ 1810 году, въ городѣ Кадниковѣ, Вологодской губерніи. Окончивъ ученіе въ Вологодской семинаріи, онъ поступилъ въ Московскій университетъ, гдѣ, по окончаніи полнаго курса по словесному факультету, получилъ степень кандидата и въ 1835 году опредѣлёнъ старшимъ учителемъ въ Черниговскую гимназію. Въ началѣ 1837 года Красовъ былъ вызванъ въ Кіевъ и назначенъ исправляющимъ должность адъюнкта въ университетъ Св. Владиміра, гдѣ, въ слѣдующемъ же 1838 году, произнёсъ на торжественномъ актѣ рѣчь: „О современномъ направленіи вообще и преимущественно въ Россіи". Будучи талантливымъ поэтомъ, Красовъ былъ далеко не талантливымъ профессоромъ. При всёмъ уваженіи къ его поэтическимъ произведеніямъ и ихъ направленію, отзывавшемуся чѣмъ-то гейновскимъ, слушатели Красова были не совѣмъ довольны его лекціями, не отличавшимися серіознымъ изученіемъ предмета. Вотъ что говоритъ о его профессорской дѣятельности авторъ „Исторіи университета Св. Владиміра", Виталій Шульгинъ: „Красовъ былъ даровитая поэтическая натура, но нисколько не профессоръ. Чтобы быть хорошимъ профессоромъ и ученымъ, ему не доставало ни свѣдѣній, ни терпѣнія къ пріобрѣтенію ихъ. Читалъ онъ, подъ вліяніемъ минуты, съ необыкновеннымъ жаромъ, но безъ обдуманнаго плана и предварительнаго приготовленія. Сверхъ того, у него была способность видѣть въ утрированномъ поэтическомъ свѣтѣ самыя обыкновенныя вещи. Этою восторженностью онъ производилъ нѣкоторое впечатлѣніе на слушателей, только-что поступившихъ въ университетъ; но старые студенты мало цѣнили его лекціи, состоявшія изъ ходячихъ въ то время фразъ о *непонятыхъ натурахъ*, о людяхъ, родившихся на свѣтъ *съ богатствомъ жизненныхъ вопросовъ* и т. п. Вообще у него было много благородства и душевной теплоты. Несостоятельность ученыхъ свѣдѣній Красова вполнѣ оказалась на докторскомъ его диспутѣ. Тутъ его не могла уже выручить даже блестящая его фразеологія—и ему отказано было въ ученой степени".

Слѣдствіемъ неудачной защиты имъ своей докторской диссертаціи, было увольненіе его отъ должности адъюнкта университета. Оставивъ въ 1839 году Кіевъ и переселившись обратно въ Москву, Красовъ долгое время занималъ должность учителя въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній московскаго округа и умеръ въ 1855 году въ Москвѣ, въ крайней бѣдности.

Красовъ началъ писать стихи ещё въ семинаріи и продолжалъ упражняться въ ихъ сочиненіи во всё продолженіе своего пребыванія въ Московскомъ университетѣ. Вскорѣ по выходѣ Красова изъ университета, стихотворенія его стали появляться въ „Московскомъ Наблюдателѣ", „Отечественныхъ Запискахъ", „Москвитянинѣ" и „Библіотекѣ для Чтенія". Въ 16-й части перваго изъ этихъ журналовъ на 1838 годъ были напечатаны два оригинальныхъ стихотворенія Красова: „Пѣсня" и „Дума", которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, могутъ быть названы первыми его печатными произведеніями. По смерти автора, стихотворенія его были собраны г. Шейномъ и изданы въ Москвѣ въ 1860 году, подъ заглавіемъ: „Стихотворенія В. И. Красова". Лучшими стихотвореніями Красова считаются: „Ахъ, ты, мать моя", „Ночной товарищъ", „Я скученъ для людей, мнѣ скучно между ними", „Пронеслась, пронеслась, моя младость", „Мечтой и сердцемъ охладѣлый", „Взгляни, мой другъ: по небу голубому..." и другія. Изъ статей Красова, намъ извѣстна всего только одна, напечатанная въ 10-й книжкѣ „Москвитянина" на 1848 годъ, озаглавленная такъ: „Нѣсколько словъ противъ г. Соловьёва". Стихотворенія Красова пользовались въ своё время значительною извѣстностью. Впрочемъ, и въ настоящее время многія изъ нихъ могутъ занять почётное мѣсто въ любой хрестоматіи.

I.

ПѢСНЯ.

Взгляни, мой другъ: по небу голубому,
Какъ лёгкій дымъ, несутся облака:
Такъ грусть пройдётъ по сердцу молодому,
Его, какъ сонъ, касаяся слегка.

Мой милый другъ, твои младые годы
Прекрасный цвѣтъ души твоей спасутъ;
Оставь же мнѣ и громъ, и непогоды—
Они твоё блаженство унесутъ.

Прости, забудь, не требуй объясненій:
Моей судьбы тебѣ не раздѣлить!
Ты создана для тихихъ наслажденій,
Для сладкихъ слёзъ, для счастія—любить!

Взгляни, взгляни: по небу голубому,
Какъ легкій дымъ несутся облака:
Такъ грусть пройдетъ по сердцу молодому,
Его, какъ сонъ, касаяся слегка!

II.

ЭЛЕГІЯ.

Я скученъ для людей, мнѣ скучно между ними!
Но — видитъ Богъ — я сердцемъ не злодѣй:
Я такъ хотѣлъ любить людей,
Хотѣлъ назвать ихъ братьями моими,
Хотѣлъ я жить для нихъ, какъ для друзей!
Я простиралъ къ нимъ жаркія объятья,
Младое сердце въ даръ имъ нёсъ —
И не признали эти братья,
Не раздѣлили братскихъ слёзъ.
А я ихъ такъ любилъ! Къ чему воспоминанья?
То были юноши безумныя желанья;
Я былъ дитя. Теперь же вновь люблю
Обитель тихую, безмолвную мою.
Тамъ зрѣютъ въ тишинѣ властительныя думы,
Кипятъ желанія, волнуются мечты,
И міръ души моей, то свѣтлый, то угрюмый,
Не возмущается дыханьемъ клеветы.
Но ты со мной, благое Провидѣнье!
Не ты-ли, мой Творецъ, не Ты-ли, вѣчный Богъ,
Не Ты-ль послалъ въ моё уединенье
И чистый пламенный восторгъ,
И тихое, святое размышленье?
Когда же по душѣ пройдётъ страстей гроза,
Настанетъ тягостная битва —
Есть на устахъ Тебѣ горячая молитва,
А на глазахъ дрожащая слеза.
Тогда бѣгу людей, боюсь ихъ приближенья
И силюсь затаить и слёзы, и волненья,
Чтобъ взоръ лукавой клеветы
Не оскорбилъ моей мечты —
И грустно разстаюсь я съ думами моими.
Я скученъ для людей, мнѣ скучно между ними!

III.

НОЧНОЙ ТОВАРИЩЪ.

Въ чистомъ полѣ, что есть силы,
Скачетъ конь мой вороной.
Всё кругомъ, какъ-бы въ могилѣ,
Полно мёртвой тишиной.

Въ чистомъ полѣ на просторѣ
Мчусь я съ пѣснью удалой.
Кто-то, слышу, въ тёмномъ борѣ
Перекликнулся со мной...

Полночь било; въ тёмной дымкѣ
Полумѣсяцъ молодой...
Чую, кто-то невидимкой
Скачетъ объ руку со мной.

IV.

Мечтой и сердцемъ охладѣлый,
Разставшись съ бурями страстей,
Для мукъ любви окаменѣлый,
Живу я тихо межъ людей.

Мои завѣтныя желанья
Ужъ въ непробудномъ снѣ молчатъ;
Мои сердечныя преданья
Мнѣ чудной сказкой ужъ звучатъ.

Но я живу ещё: порою
Могу я чувствовать, страдать, —
Надъ одинокой головою,
Хоть рѣдко, вѣетъ благодать.

Созданья генія — понынѣ —
И добродѣтели простой
Высокій подвигъ, какъ святыня,
Моею властвуютъ душой.

И. П. КЛЮШНИКОВЪ.

Иванъ Петровичъ Клюшниковъ родился въ началѣ десятыхъ годовъ текущаго столѣтія въ сумскомъ имѣніи своего отца, харьковскаго помѣщика. Начавъ своё воспитаніе дома, подъ надзоромъ гувернёра-учителя и продолжая его въ Московской первой гимназіи, онъ поступилъ, въ самомъ началѣ тридцатыхъ годовъ, въ Московскій университетъ, на словесный факультетъ и окончилъ курсъ наукъ со степенью кандидата и съ запасомъ знаній, послужившихъ основаніемъ той серіозности взгляда на вещи, которою запечатлены всѣ позднѣйшія его произведенія. По выходѣ изъ университета, около 1835 года, Клюшниковъ былъ назначенъ учителемъ въ Дворянскій институтъ (нынѣ первая Московская гимназія). Здѣсь пробылъ онъ около двухъ лѣтъ, послѣ чего распростился навсегда съ педагогическими занятіями и весь предался литературѣ, которая начала манить его къ себѣ ещё

въ пору студенчества, при чёмъ часто отвлекала отъ обязательныхъ занятій. Когда въ портфелѣ Клюшникова накопилось порядочное число разнаго рода стихотвореній, у него родилась мысль напечатать что-нибудь изъ своего собранія; но боязнь быть поднятымъ на смѣхъ досужими рецензентами долго охлаждала его рвеніе—и онъ рѣшился печатать только подъ псевдонимомъ. Послѣ нѣкотораго колебанія, онъ избралъ для своего псевдонима букву ѳ съ двумя тире по бокамъ (—Ѳ—) и, подписавъ этимъ знакомъ четыре своихъ стихотворенія: „Элегію", „Половодье", „Я не люблю тебя" и „Мѣдный всадникъ", отправилъ ихъ въ 1838 году въ редакцію „Московскаго Наблюдателя", съ просьбой о напечатаніи. Стихи понравились редактору журнала и были вскорѣ напечатаны. Затѣмъ, въ слѣдующемъ 1839 году, на страницахъ того же журнала (т. 1-й), появилось ещё три стихотворенія Клюшникова, подъ слѣдующими заглавіями: „Первый урокъ", „Жаворонокъ" и „Я ужъ давно за слёзы упоенья..." Несмотря на сравнительную слабость названныхъ стихотвореній, всѣ они были замѣчены многими—и псевдонимъ сталъ извѣстенъ и милъ для многихъ любителей поэзіи. Начиная съ конца 1839 года, Клюшниковъ перестаиъ печатать въ „Московскомъ Наблюдателѣ" и перенёсъ свою литературную дѣятельность въ петербургскіе журналы: „Отечественныя Записки" и „Современникъ", при чёмъ первымъ стихотвореніемъ, помѣщеннымъ въ первомъ изъ этихъ журналовъ (томъ VII, стр. 134), было—„Весна", небольшая, но весьма граціозная пьеса. За нею, въ 1840 году, на страницахъ того же журнала, появился цѣлый рядъ стихотвореній Клюшникова, а въ ихъ числѣ и „Пѣснь инвалида", начинающаяся слѣдующей характеристикой великаго Суворова:

Былъ у насъ въ былые годы
Знаменитый генералъ;
Я, ребёнкомъ, про походы
И про жизнь его читалъ.
Былъ русакъ—Россію нашу
Всей душою онъ любилъ:
Былъ солдатъ—ѣлъ щи да кашу,
Русскій квасъ и водку пилъ;
На морозѣ обливался,
Спалъ на сѣнѣ подъ плащомъ
И съ артелью заливался
Перелётнымъ соловьёмъ.

Затѣмъ, во второй книжкѣ было напечатано три стихотворенія: „Собирателямъ моихъ элегій", „Поэзія" и „Ночное раздумье"; въ третьей—два: „Малютка" и „Старая печаль"; въ четвёртой—два: „Мой геній" и „Красавицѣ", въ шестой—два: „Ей" и „Городокъ"; въ седьмой—одно: „Когда горя преступнымъ жаромъ..."; въ осьмой—два: „Осенній день и „Претензіи"; въ девятой—одна: „Пѣсня"; въ десятой—два: „Жизнь" и „Меланхоликъ"; въ одиннадцатой—два: „Ночная молитва" и „Слава Богу, на Парнасѣ..." и въ двѣнадцатой—одно: „Къ Москвѣ". Въ томъ же году, въ 17-мъ томѣ „Современника", издававшемся въ то время Плетнёвымъ, также было напечатано одно стихотвореніе Клюшникова: „На смерть дѣвушки", чѣмъ и ограничилось его участіе въ этомъ журналѣ. Послѣднимъ стихотвореніемъ Клюшникова была небольшая пьеса „Воспоминаніе", появившаяся въ 6-й книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ". Послѣ напечатанія этой пьесы прошло слишкомъ тридцать лѣтъ—и ни единаго звука не донеслось до насъ изъ той деревенской глуши, въ которую удалился поэтъ.

Послѣднимъ прозаическимъ произведеніемъ Клюшникова была повѣсть: „Любовная сказка", написанная въ 1849 году, ещё въ бытность его въ Москвѣ, и напечатанная въ 6-й книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ" того же года. Повѣсть—какъ большинство повѣстей, печатавшихся въ то время въ журналахъ, ни хороша, ни дурна—та золотая посредственность, какой не оберёшься въ нашей журналистикѣ.

I.

МОЙ ГЕНІЙ.

Когда земныя наслажденья,
Разсчёты грязной суеты,
Игра страстей и заблужденья,
Своекорыстныя мечты
Меня измучили: тоскою
Душа наполнилась моя;
Мнѣ міръ казался пустотою:
Я въ мірѣ видѣлъ лишь себя.
Запала къ счастію дорога,
Исчезъ блаженства идеалъ
И—Тàнталъ новый—я на Бога,
Томимый жаждою, роптаіъ.
Въ часы грѣховныхъ сновидѣній
Тогда, свидѣтель лучшихъ дней,
Ко мнѣ являлся свѣтлый геній
Святой невинности моей.

Онъ на меня взиралъ съ тоскою;
Какъ юной дѣвы идеалъ,
Сіяя вѣчной красотою,
Онъ вѣчной благостью сіялъ,
И озарялъ онъ сумракъ ночи—
И, сознавая благодать,
Стыдомъ окованныя очи
Не смѣлъ я на него поднять.
Я падалъ ницъ предъ нимъ съ мольбою,
Я заблужденья проклиналъ;
А онъ молился надо мною
И въ новый путь благословлялъ.

II.

КРАСАВИЦѢ.

Не смущай стыдливымъ взоромъ
Очарованныхъ очей!
Не бѣги съ нѣмымъ укоромъ
Отъ восторженныхъ рѣчей!

То молитвы безъ желанья!
Какъ предъ дѣвой неземной,
Бога лучшее созданье,
Я стою передъ тобой!

Не съ холоднымъ удивленьемъ
Я смотрю на образъ твой—
Съ непривычнымъ умиленьемъ,
Съ безконечною тоской.

Всё, чтó льстить мнѣ, всё, что льстило
И въ мечтахъ, и на яву,
Всё, чтò будетъ, всё, чтó было,
Всё, чѣмъ жилъ я, чѣмъ живу—

Всё погибло. Въ свѣтломъ взорѣ
Жизнь я новую нашелъ,
Но въ нѣмомъ твоемъ укорѣ
Я судьбу свою прочёлъ.

Путникъ, въ радости, рыдаетъ,
Скучный путь окончa свой,
Но предъ нимъ оазъ сіяетъ
Равнодушной красотой.

Будь же мнѣ—душой свободной
Чувствъ невольныхъ не дѣля—
Ты оазомъ на безплодной,
Скучной степи бытія!

Не смущай стыдливымъ взоромъ
Очарованныхъ очей!
Не бѣги съ нѣмымъ укоромъ
Отъ восторженныхъ рѣчей!

III.

ЖИЗНЬ.

Даръ мгновенный, даръ прекрасный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Умъ молчитъ, а сердцу ясно:
Жизнь для жизни мнѣ дана.

Всё прекрасно въ Божьемъ мірѣ!
Сотворившій міръ въ нёмъ скрытъ;
Но Онъ въ чувствѣ, но Онъ въ лирѣ,
Но Онъ въ разумѣ открытъ.

Познавать Его въ твореньѣ,
Видѣть духомъ, сердцемъ чтить—
Вотъ въ чёмъ жизни назначенье,
Вотъ чтó значитъ въ Богѣ жить!

IV.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Я васъ любилъ—давно, безъ упованья!
За арфою, въ вечерней тишинѣ,
Неясныя души моей желанья
Вы звуками высказывали мнѣ.

Лилися въ душу сладостные звуки;
Внимая имъ, въ восторгѣ я рыдалъ—
И счастливъ былъ; блаженство сладкой муки
Любить и плакать я впервые зналъ.

Я васъ любилъ—Невѣста молодая!
Онъ васъ плѣнилъ, красавецъ молодой—
И, радостью небесною сіяя,
Вы шли къ вѣнцу прекрасною четой,

Я былъ въ толпѣ—и, притаивъ дыханье,
Спокойно на обрядъ святой глядѣлъ:
Я спряталъ отъ людей своё страданье,
Я въ тишинѣ оплакалъ свой удѣлъ.

Я васъ любилъ! Склонясь на изголовье
Младенца-ангела прозрачною рукой,
Глядѣли вы съ надеждой и любовью
На первенца любви своей святой.

И я глядѣлъ—и сердцемъ забывался:
Души моей завѣтный идеалъ,
Я видѣлъ васъ—я вами любовался
И свято васъ любилъ—и не страдалъ.

Я васъ любилъ! На долгую разлуку
Судьба влекла меня въ далёкій край—
И лобызалъ я, плача, вашу руку
И вы сказали: „Добрый другъ, прощай!“

И я теперь люблю тебя, мой геній!
Какъ даръ храню прощальный взоръ очей—
И въ сладкій часъ волшебныхъ сновидѣній
Я слышу сердцемъ въ тишинѣ ночей
И лёгкій шумъ плѣнительныхъ движеній,
И музыку чарующихъ рѣчей.

V.

МЕЛАНХОЛИКЪ.

Я помню дѣтство: въ радужныхъ лучахъ
Жизнь предо мной роскошно разстилалась,
Взоръ отдыхалъ на розахъ, а въ мечтахъ
Лишь радость новой радостью смѣнялась.

Любви жилищемъ мнѣ казался свѣтъ,
А люди всѣ казалися друзьями;
Я лепеталъ имъ въ радости привѣтъ
И въ даль спѣшилъ съ надеждой и мечтами.

Шли годы, тускнулъ міръ—сѣдая даль
Отъ взоровъ скрыла чудныя видѣнья;
Глубоко въ сердце вгрызлася печаль,
Стѣснило грудь мнѣ тяжкое сомнѣнье.

Въ нѣмой тоскѣ печально жизнь влачу,
Живу одинъ, безъ цѣли, безъ участья.
Я счастія безумцевъ не хочу,
Не находя знакомаго мнѣ счастья!

И гдѣ-жъ они? гдѣ люди? гдѣ любовь?
Гдѣ свѣтлыя весны моей картины?
Душа болитъ и въ сердцѣ стынетъ кровь—
И я прошу у жизни лишь кончины.

VI.

ПО ПРОЧТЕНІИ БАЙРОНОВА „КАИНА“.

Я здѣсь одинъ: меня отвергли братья;
Имъ непонятна скорбь души моей;
Пугаетъ ихъ на мнѣ печать проклятья,
А мнѣ противны звуки ихъ цѣпей.

Кляну ихъ рай, подножный кормъ природы,
Кляну твой бичъ, безумная судьба,
Кляну мой умъ—рычагъ моей свободы,
Свободы жалкой бѣглаго раба!

Кляну любовь мою, кляну святыню,
Слѣпой мечты безчувственный кумиръ,
Кляну тебя, безплодную пустыню,
Въ зачатіи Творцомъ проклятый міръ!

VII.

СТАРАЯ ПЕЧАЛЬ.

О чёмъ, безумецъ, я тоскую?
О чёмъ души моей печаль?
Зачѣмъ я помню жизнь былую?
Что назади? чего мнѣ жаль?

Гдѣ слѣдъ горячаго участья?
Любилъ ли я когда-нибудь?
Нѣтъ, я не зналъ людского счастья!
Мнѣ нечѣмъ юность помянуть!

Какъ очарованный—въ туманѣ
Земныхъ желаній и страстей—
Я плылъ въ житейскомъ океанѣ
Съ толпой мнѣ чуждыхъ кораблей.

Но я сберёгъ остатокъ чувства,
Я жилъ, я мучился вдвойнѣ:
Въ день—рабъ сомнѣнья и безумства,
Ночь плакалъ о погибшемъ днѣ.

Душа алкала просвѣтлѣнья—
И онъ насталъ, священный мигъ!
Я сердцемъ благость Провидѣнья
И тайну бытія постигъ.

Я въ пристани. Былое горе,
Былая радость бурныхъ дней,
Простите! Но зачѣмъ же море
Такъ памятно душѣ моей?

Зачѣмъ въ міръ новый и прекрасный
Занёсъ я старую печаль?
Сквозь слёзъ гляжу на полдень ясный,
А утра мрачнаго мнѣ жаль!

Ѳ. А. КОНИ.

Ѳёдоръ Алексѣевичъ Кони, извѣстный русскій водевилистъ, журналистъ и писатель, родился 9-го марта 1809 года въ Москвѣ, гдѣ отецъ его, владѣлецъ единственнаго въ Москвѣ оптическаго магазина, проживалъ съ своимъ семействомъ на

Кузнецкомъ мосту. Получивъ первоначальное воспитаніе въ пансіонѣ Чермака, молодой Кони вступилъ въ 1827 году въ число студентовъ Московскаго университета, на философскій факультетъ, который, впрочемъ, скоро оставилъ и перешелъ, увлечённый лекціями знаменитаго анатома Лодера, на медицинскій факультетъ, и окончилъ курсъ въ маѣ 1833 года, со званіемъ лѣкаря. Вскорѣ по выходѣ изъ университета, Ѳедоръ Алексѣевичъ, не чувствуя склонности къ медицинѣ, отказался навсегда и отъ этой послѣдней профессіи и посвятилъ себя педагогія, при чёмъ былъ въ томъ же году назначенъ преподавателемъ исторіи въ 1-й Московскій кадетскій корпусъ. Затѣмъ, въ 1836 году, онъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ поступилъ сначала учителемъ исторіи во 2-й кадетскій корпусъ, а въ 1839 году былъ переведёнъ старшимъ наставникомъ-наблюдателемъ въ Дворянскій полкъ. Эту послѣднюю должность Кони съ производствомъ въ статскіе совѣтники оставилъ 1-го января 1849 года, по домашнимъ обстоятельствъ. Отдавшись, послѣ этого, всецѣло литературѣ, онъ уже болѣе не вступалъ на службу до самаго 1877 года, когда былъ приглашенъ для занятій въ канцелярію высочайше утверждённой коммиссіи для изслѣдованія желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи.

Кони началъ писать очень рано, а по вступленіи въ университетъ, не только мелкія его стихотворенія, но и большіе прозаическіе переводы съ французскаго стали появляться довольно часто на страницахъ московскихъ журналовъ и отдѣльными книжками, что́ продолжалось до конца 1833 года, то-есть, до появленія въ печати перваго его водевиля „Женихъ по довѣренности", встрѣченнаго на московской сценѣ весьма благосклонно. Этотъ первый успѣхъ рѣшилъ участь начинающаго писателя—и сдѣлалъ его водевилистомъ. Всѣхъ пьесъ, написанныхъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ, насчитывается тридцать-четыре.

Изъ этихъ тридцати-четырёхъ пьесъ, пятнадцать—оригинальныя: „Петербургскія квартиры", „Въ тихомъ омутѣ черти водятся", „Покойникъ мужъ и вдова его", „Бѣда отъ сердца и горе отъ ума", „Иванъ Савельичъ", „Женишокъ-горбунокъ", „Чему посмѣёшься—тому поработаешь", „Кавказская свадьба", „Царская милость", „Архивъ Осиповъ", Всякій чортъ—Иванъ Ивановичъ", „Женская натура", „Не влюбляйся безъ памяти, не женись безъ разсчёту", „Дѣловой человѣкъ или дѣло въ шляпѣ" и „Титулярные совѣтники въ домашнемъ быту"; что же касается остальныхъ восемнадцати, то это или передѣлки французскихъ и нѣмецкихъ водевилей на русскіе нравы, или просто—переводы.

Независимо отъ перечисленныхъ здѣсь пьесъ для театра, Кони написалъ и перевёлъ цѣлый рядъ статей, являвшихся въ теченіе многихъ лѣтъ въ петербургскихъ и московскихъ журналахъ, преимущественно въ „Пантеонѣ" и „Репертуарѣ", изъ которыхъ, какъ на болѣе замѣчательныя, укажемъ на слѣдующія: 1) „Русскій Театръ, его судьба и его историки" („Русская Сцена", 1864, №№ 2, 3, 6 и 8), 2) „И. А. Дмитревскій" („Часы Досуга", 1861, т. I, №№ 3 и 4) „Воспоминанія о театрѣ Медокса" и „Придворный театръ императора Наполеона въ Москвѣ въ 1812 году" („Пантеонъ", 1840, т. I).

Наконецъ, имъ-же были изданы отдѣльно слѣдующія сочиненія; 1) Книжка-малютка для милыхъ малолѣтокъ. Спб. 1837. 2) Современныя повѣсти модныхъ писателей. Собраны, переведены и изданы Ѳ. Кони. М. 1888. 3) Исторія Фридриха Великаго. Текстъ — Ѳ. Кони, рисунки — А. Менцеля. Спб. 1844. Изданіе второе. 1863. 4) Живописный міръ или взглядъ на природу, науку, искусство и человѣка. Два тома. Гельсингфорсъ. 1840. 5) Исторія Консульства и Имперіи во Франціи. Сочиненіе — Тьера, переводъ съ французскаго — Ѳ. Кони. Спб. 1849. 6) Театръ Ѳ. А. Кони. Четыре тома. Спб. 1870—1871.

Всѣ исчисленныя здѣсь изданія имѣли успѣхъ, что уже видно изъ того, что одно изъ нихъ, именно „Исторія Фридриха Великаго", достигло второго изданія и доставило въ 1846 году ея автору дипломъ на званіе доктора философіи Іенскаго университета.

Ѳедоръ Алексѣевичъ—былъ человѣкомъ вполнѣ образованнымъ и говорилъ на пяти языкахъ такъ же свободно, какъ и на русскомъ, который зналъ превосходно. Поступивъ такимъ образомъ на литературное поприще вполнѣ хорошо приготовленнымъ, онъ тотчасъ же обнаружилъ далеко не дюжинный талантъ журналиста, при чёмъ всѣ свои изданія, въ особенности журналы „Репертуаръ" и „Пантеонъ", вёлъ положительно талантливо, умѣлъ выбирать изъ иностранныхъ литературъ хорошія и выдающіяся драматическія произведенія и романы, съ которыми и знакомилъ русскую публику. Что же касается его собственныхъ произведеній, то они отличаются наблюдательностью и талантомъ, что и было главной причиной большого успѣха почти всѣхъ его водевилей, дававшихся, въ тече-

ніе слишкомъ тридцати лѣтъ, на столичныхъ и всѣхъ безъ исключенія провинціальныхъ русскихъ театрахъ. Стихотворенія Кони также далеко не лишены достоинствъ. Такъ, напримѣръ, его извѣстная баркаролла „Гондольеръ", появившаяся первоначально въ седьмой книжкѣ „Библіотеки для Чтенія" на 1835 годъ, положенная на музыку до сихъ поръ распѣвается по цѣлой Россіи и совершенно справедливо заняла мѣсто въ извѣстномъ сборникѣ лучшихъ произведеній русской поэзіи, изданномъ покойнымъ Щербиной. Всѣ, знавшіе Ѳедора Алексѣевича лично, говорятъ, что онъ до конца жизни горячо относился ко всему, что касалось блага и чести Россіи, и вѣрилъ въ ея будущее.

Ѳедоръ Алексѣевичъ скончался послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни, на семидесятомъ году жизни, 25-го января 1879 года, въ Петербургѣ, и погребёнъ на кладбищѣ Александро-Невской лавры.

I.

ГОНДОЛЬЕРЪ.

„Гондольеръ молодой, взоръ мой полонъ огня:
Я стройна, молода—не свезёшь ли меня?
Я къ Ріальто спѣшу до заката.
Видишь поясъ ты мой, съ жемчугомъ, бирюзой,
А въ срединѣ его изумрудъ дорогой?
Вотъ тебѣ за провозъ моя плата."

— Нѣтъ, не нуженъ онъ мнѣ, твой жемчужный уборъ!
Ярче камней и звѣздъ твой плѣнительный взоръ;
Но къ Ріальто съ тобой не плыву я!
Гондольеръ молодой отъ синьоръ молодыхъ
Не берётъ за провозъ жемчуговъ дорогихъ —
Жаждетъ онъ одного поцѣлуя.

„Ахъ, пора! На волнахъ лучъ послѣдній угасъ,
А мнѣ сроку дано на одинъ только часъ.
Гондольеръ подавай мнѣ гондолу!
Помолюсь за тебя я ночнымъ небесамъ,
Прикоснуться устами къ рукѣ моей дамъ
И въ добавокъ—спою баркаролу!"

— Знаю я, голосъ твой тихой флейты звучнѣй;
Знаю я, что рука бѣлой пѣны бѣлѣй —
Но къ Ріальто съ тобой не плыву я!
Самъ могу я запѣть—мнѣ не нужно октавъ;
Мнѣ не нужно руки — хладныхъ сердца отравъ:
Одного жажду я поцѣлуя.

„Вотъ мой крестъ: чудный, онъ въ Палестинѣ найдёнъ
И былъ въ Римѣ святѣйшимъ отцомъ освящёнъ,
А при нёмъ и янтарныя чотки".
—Мнѣ не нуженъ твой крестъ, я и самъ въ Римѣ былъ,
Передъ папой стоялъ — и крестомъ осѣнилъ
Онъ меня, мои вёсла и лодки.

И я видѣлъ потомъ, какъ, любуясь луной,
Плылъ съ синьорой вдвоёмъ гондольеръ молодой—
И надъ ними вѣтрило играло.
Онъ былъ веселъ и пѣлъ, и въ глаза ей глядѣлъ;
На щекѣ жъ у нея поцѣлуй пламенѣлъ,
А Ріальто вдали чуть мелькало.

II.

СНЫ.

Люблю я въ сумракѣ ночномъ
Мои живыя сновидѣнья,
Когда подъ пасмурнымъ челомъ
Они сплетаются вѣнкомъ
Рукою нѣги и забвенья.

Красою дивною полны,
Богаты тайными дарами,
Свѣтлѣй небесъ, живѣй волны,
Подъ вдохновеніемъ луны
Они слетаются роями.

Вотъ зарѣдѣла ночи мгла,
Всё засверкало, заиграло
Далеко туча уплыла,
И вся природа ожила,
Стряхнувши тлѣнья покрывала.

Вѣнцомъ трёхзвѣзднымъ озарёнъ,
Ты-ль это мнѣ знакомый геній?
Я понялъ арфы дивный звонъ:
Какъ сладко въ душу льётся онъ
Потокомъ звучныхъ вдохновеній!

Затми же спутниковъ собой:
Пускай умолкнутъ ихъ напѣвы!
Спахни свой отблескъ неземной
И облекись передо мной
Въ земную прелесть юной дѣвы!

Ты мнѣ послушенъ: вотъ она,
Моя задумчивая дѣва!
Какъ чаша лиліи блѣдна,
Какъ обликъ мѣсяца томна
И обольстительна, какъ Эва!

Алѣютъ розаны ланитъ,
Уста пылаютъ, сердце бьётся,
Слезою нѣги взоръ блеститъ,
Струёю локонъ съ плечъ бѣжитъ
И въ кудри змѣйчатыя вьётся.

Ея эфирной красотой
Я безотчётно очарованъ,
Очьми къ очамъ ея прикованъ—
И сверхъестественной мечтой
И упоёнъ, и очарованъ.

К. К. ПАВЛОВА.

Каролина Карловна Павлова, урождённая Янишъ, родилась 10-го іюля 1810 года въ Ярославлѣ. Извѣстность ея въ литературѣ началась очень рано, доказательствомъ чего можетъ служить первое изъ семи посланій къ ней поэта Языкова, написанное въ 1829 году, то-есть когда Каролинѣ Карловнѣ Янишь было всего 19 лѣтъ, и начинающееся такъ:

Въ былые дни отъ музы пѣснопѣній
Въ кругу друзей я смѣло принималъ
Игривыхъ сновъ, весёлыхъ вдохновеній
Живительный и сладостный фіалъ.

Второе посланіе Языкова къ ней-же относится къ 1831 году, когда она писала болѣе по-французски и по-нѣмецки, чѣмъ по-русски, и переводила на эти оба языка произведенія русскихъ поэтовъ, въ томъ числѣ и Языкова, какъ это видно изъ слѣдующаго мѣста его посланія:

Вы силою волшебныхъ думъ своихъ
Прекрасную торжественность мнѣ дали:
Вы на златыхъ струнахъ переиграли
Простые звуки струнъ моихъ.

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ Каролина Карловна вышла замужъ за Николая Филипповича Павлова, уже пользовавшагося въ то время значительною извѣстностью въ литературѣ. Со времени своего замужества, г-жа Павлова распростилась окончательно съ нѣмецкимъ авторствомъ и посвятила себя всецѣло русской литературѣ, которая встрѣтила её радушно и удѣлила ей почётное мѣсто въ кругу второстепенныхъ русскихъ писателей. Языковъ, въ своёмъ третьемъ посланьѣ озаглавленномъ: „Каролинѣ Карловнѣ Павловой“ и написанномъ въ 1840 году въ Ниццѣ, гдѣ онъ лѣчился, привѣтствуетъ это новое направленіе ея музы слѣдующими стихами:

Ещё пью чашу водъ! Горька мнѣ эта чаша!
Тоска меня томитъ! Дождусь-ли я Москвы?
Когда узнаю я, что дѣлаете вы?
Какъ распѣваетъ муза ваша?
Какой вѣнокъ теперь на ней?
Теперь, когда она, родная намъ, гуляетъ
Среди московскихъ музъ и царственно сіяетъ—
Она, любезная начальница моей!

Начиная съ 1841 года, стихотворенія г-жи Павловой какъ оригинальныя, такъ и переводныя, стали появляться на страницахъ „Москвитянина“. Такъ, въ 1-й, 3-й, 4-й и 12-й книжкахъ этого журнала на 1841 годъ были помѣщены слѣдующіе четыре стихотворныхъ перевода ея: Сцена изъ послѣдней неоконченной трагедіи Шиллера „Димитрій Самозванецъ“, „Послѣдніе стихи лорда Байрона“, „Баллада“ и „Аполлонъ Бельведерскій“ изъ „Чайльдъ-Гарольда“ Байрона. Затѣмъ въ 3-й и 9-й книжкахъ того же журнала на 1843 годъ было напечатано ещё два стихотворенія Каролины Карловны, уже оригинальныхъ, подъ заглавіемъ „Донна Инезилья“ и „Воспоминаніе“. Продолжая печатать свои произведенія въ „Москвитянинѣ“, она не отказывалась отъ сотрудничества и въ другихъ московскихъ и петербургскихъ журналахъ и сборникахъ, вслѣдствіе чего стихотворенія ея стали появляться въ „Современникѣ“ Плётнева, „Библіотекѣ для Чтенія“, „Отечественныхъ Запискахъ“, „Московскомъ Городскомъ Листкѣ“, „Сѣверной Пчелѣ“, „Московскомъ Сборникѣ“, „Раутѣ“ и другихъ повременныхъ изданіяхъ.

Въ началѣ 1848 года Каролина Карловна явилась на судъ публики и критики съ романомъ, напечатаннымъ отдѣльной книжкой, подъ заглавіемъ: „Двойная жизнь. Очеркъ К. Павловой“. Несмотря на скромное названіе „очерка“, данное г-жою Павловою новому своему произведенію, она коснулась въ немъ вопросовъ весьма важныхъ, именно—воспитанія свѣтскихъ дѣвушекъ, ихъ положенія въ свѣтскомъ обществѣ, ихъ браковъ, основанныхъ на одномъ разсчётѣ, ихъ неразвитости, отсутствія сердечности и, наконецъ, совершеннаго незнанія жизни, быть-можетъ, и привлекательнаго съ одной стороны, но бѣдственнаго—съ другой, именно—въ своёмъ столкновеніи съ брачною жизнію и общественными отношеніями.

Книга была встрѣчена единодушными похвалами всѣхъ журналовъ, а „Современникъ“ (1848, т. VIII) даже нашелъ нужнымъ предпослать своей рецензіи слѣдующую характеристику поэтической дѣятельности автора очерка: „Г-жа Павлова давно уже извѣстна своими прекрасными стихотвореніями, къ сожалѣнію, разсѣянными въ періодическихъ изданіяхъ. Обладая вполнѣ мастерствомъ стиха, г-жа Павлова владѣетъ также необыкновеннымъ талантомъ, какъ переводчица. Кому неизвѣстны ея превосходные переводы нѣкоторыхъ стихотвореній Пушкина на французскій и нѣмецкій языки, равно какъ и переводы нѣкоторыхъ англійскихъ поэтовъ на русскій языкъ. По звучности и мастерству своего стиха г-жа Павлова всего ближе подходитъ къ покойному Языкову. Въ ея стихѣ столько упругости и рельефности, что трудно узнать въ нёмъ нѣжную руку женщины: въ нёмъ, напротивъ, есть что-то мужественное и энергичное — качество, рѣдкое въ женщинѣ-поэтѣ“.

Въ 1854 году, въ 226 нумерѣ „Сѣверной Пчелы“, было напечатано стихотвореніе г-жи Павловой, подъ заглавіемъ; „Разговоръ въ Кремлѣ“, послужившее поводомъ къ полемикѣ между его авторомъ и однимъ изъ редакторовъ „Современника“, И. И. Панаевымъ.

Начиная съ 1855 года, стихотворенія г-жи Павловой стали появляться на страницахъ „Отечественныхъ Записокъ“, а годъ спустя — въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, возникнувшемъ въ 1856 году въ Москвѣ, подъ редакціей М. Н. Каткова. Это время можно смѣло назвать самымъ плодотворнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ счастливымъ, по отношенію къ поэзіи, во всей литературной дѣятельности г-жи Павловой. Въ первомъ изъ этихъ журналовъ (1855, №№ 4, 8, 9, 10 и 11, и 1856, № 10) были помѣщены слѣдующія лучшія изъ ея оригинальныхъ стихотвореній и стихотворныхъ переводовъ: „Слѣпой“, изъ А. Шенье, „Къ ужасающей пустынѣ...“, „Сходилась я и расходилась...“, „О быломъ и погибшемъ“, „Старуха“, „Когда карателемъ великимъ...“, „Праздникъ Рима“, „Люблю я васъ, младыя дѣвы...“ и „Амфитріонъ“, драматическая сцена. Что же касается „Русскаго Вѣстника“, то въ этомъ журналѣ, въ теченіе 1856—1859 годовъ былъ помѣщёнъ цѣлый рядъ прекрасныхъ стихотвореній г-жи Павловой, которыя обратили на себя вниманіе всѣхъ людей, понимающихъ дѣло. Наконецъ, въ 4-мъ нумерѣ „Русской Бесѣды“ на 1859 годъ было помѣщено ея стихотвореніе: „Писали подъ мою диктовку...“, которымъ она заключила на время свою литературную дѣятельность, прервавшуюся почти на десять лѣтъ. Послѣднимъ произведеніемъ Каролины Карловны былъ переводъ трагедіи Шиллера „Смерть Валленштейна“, помѣщённый въ 7-й и 8-й книжкахъ „Вѣстника Европы“ на 1868 годъ; да въ 1-мъ выпускѣ „Бесѣды въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности“ было напечатано нѣсколько ея стихотвореній.

Стихотворенія К. К. Павловой были собраны самой сочинительницей и изданы ею отдѣльной книжкой въ 1863 году, подъ заглавіемъ: „Стихотворенія К. Павловой. М. 1863“.

Въ послѣднія десять лѣтъ г-жа Павлова ничего не печатала.

I.

Къ ужасающей пустынѣ
Приведёнъ путёмъ твоимъ,
Что мечтою ищешь нынѣ,
Утомленный пилигримъ?

Въ темнотѣ полярной ночи,
Позабытъ и одинокъ,
Тщетно ты вперяешь очи
На бѣлѣющій востокъ.

Тщетно пышнаго разсвѣта
Сердце трепетное ждётъ:
Пропадётъ денница эта —
Это солнце не взойдетъ!

II.

Когда карателемъ великимъ
Неправды гордой и обидъ,
Противясь силой силамъ дикимъ,
Съ Антеемъ въ бой вступилъ Алкидъ—

Не разъ врага сражалъ онъ злаго;
Но, опрокинутый въ пыли,
Вставалъ грознѣй, окрѣпнувъ снова,
Неукротимый сынъ земли.

И начинался споръ сначала,
Ожесточённѣй, чѣмъ сперва—
И бой вести не уставала
Власть духа съ властью вещества.

И вдохновенной мысли нынѣ
Завистливо противостать
Взялось, въ слѣпой своей гордынѣ,
Земли могущество опять.

Съ нeй вновь въ борьбу оно вступило:
Упорно длится битва ихъ —
И будетъ нынѣ духа сила
Опять сильнѣе силъ земныхъ.

III.

БЕСѢДА ВЪ ТРІАНОВѢ.

Ночь лѣтнюю смѣнило утро;
Отливомъ бѣлымъ перламутра
Востокъ во мракѣ засіялъ;
Погасъ рой звѣздъ на небосклонѣ...
Не унимался въ Тріановѣ
Весёлый шумъ—и длился балъ.

И въ свѣжемъ сумракѣ боскетовъ
Вездѣ вопросовъ и отвѣтовъ
Живые шопоты неслись;
И въ толкахъ о своихъ затѣяхъ
Гуляли въ стриженныхъ аллеяхъ
Толпы напудренныхъ маркизъ.

Но гдѣ въ глуби, сквозь зелень парка,
Огни не такъ сверкали ярко,
Шли, избѣгая шумныхъ встрѣчъ,
Въ тотъ часъ подъ липами густыми
Два гостя тихо—и межъ ними
Иная продолжалась рѣчь.

Не походили другъ на друга
Они: одинъ былъ сыномъ юга,
По виду—странный человѣкъ;
Высокій станъ, какъ шпага гибкой,
Уста съ холодною улыбкой,
Взоръ мѣткій изъ-подъ быстрыхъ вѣкъ.

Другой—рябой и безобразный—
Казался чуждъ толпѣ той праздной,
Хоть съ ней встрѣчался не впервой;
И шедши, полонъ думой злою,
Съ повадкой львиной, онъ порою
Качалъ огромной головой.

Онъ говорилъ: „Приходитъ время!
Пусть тѣшится слѣпое племя...
Внезапно средь его утѣхъ
Прогрянетъ черни вопль голодный—
И предъ анаѳемой народной
Замолкнетъ наглый этотъ смѣхъ!“

— „Да, молвилъ тотъ, всегда такъ было!
Влечётъ ихъ роковая сила;
Свой старый долгъ они спѣшатъ
Довесть до страшнаго итога;
Онъ взыщется сполна и строго—
И близокъ тяжкій день уплатъ!

„Свергая древніе законы,
Народовъ встанутъ милліоны...
Кровавый наступаетъ срокъ...
Но мнѣ знакомы бури эти —
И четырёхъ тысячелѣтій
Я помню горестный урокъ.

„И нынѣшняго поколѣнья
Затихнутъ грозныя броженья.
Людской толпѣ, повѣрьте, графъ,
Опять понадобятся узы —
И бросятъ эти-же французы
Наслѣдство выстраданныхъ правъ“.

— „Нѣтъ, не сойдусь я въ этомъ съ вами!“
Промолвилъ графъ, сверкнувъ очами:
„Нѣтъ, лжи не вѣчно торжество!
Я сынъ скептическаго вѣка;
Я твёрдо вѣрю въ человѣка
И не боюся за него.

„Народъ окрѣпнетъ для свободы,
Созрѣютъ медленные всходы,
Дождётся новыхъ онъ началъ;
Вѣка считая скорбнымъ счетомъ,
Своею кровью онъ и пóтомъ
Не даромъ землю утучнялъ“.

Умолкъ онъ, взрывъ смиряя тщетный;
А тотъ улыбкой чуть замѣтной
На страстную отвѣтилъ рѣчь;
Потомъ, взглянувъ на графа остро—
„Нельзя“, сказалъ онъ: „Каліостро
Словами громкими увлечь.

„Своей не терпишь ты неволи,
Свои ты ненавидишь боли —
И противъ жизненнаго зла
Идёшь съ неотразимымъ жаромъ;

Въ себя ты вѣришь—и не даромъ —
Графъ Мирабо, въ свои дѣла.

„Ты знаешь, что въ тебѣ есть сила —
Какъ путеводное свѣтило —
Жить средь гражданскихъ непогодъ;
Что, во влеченьи вѣчно юномъ,
Своимъ любимцемъ и трибуномъ
Провозгласитъ тебя народъ.

„Да, и пойдётъ онъ за тобою,
И кости онъ твои съ мольбою
Внесётъ, быть-можетъ, въ Пантеонъ;
И, новымъ опьянѣвъ успѣхомъ,
Съ проклятьемъ, можетъ-быть, и смѣхомъ
По вѣтру ихъ размечетъ онъ.

„Всегда въ его тревогѣ страстной
Являлся, вслѣдъ за мыслью ясной,
Слѣпой и дикій произволъ;
Всегда любовь его безплодна;
Всегда онъ былъ поочерёдно
Иль лютый тигръ, иль смирный волъ.

„Толпу я знаю не отнынѣ!
Шелъ съ Моисеемъ я въ пустынѣ!
Покуда онъ, моля Творца,
Народу нёсъ скрижаль закона —
Народъ плясалъ вкругъ Аарона
И лилъ въ безумiи тельца.

„Я видѣлъ грознаго пророка,
Какъ онъ, разбивъ кумиръ порока,
Сталъ средь трепещущихъ людей
И повелѣлъ имъ, полонъ гнѣва,
Направо рѣзать и налѣво
Отцовъ и братьевъ, и дѣтей.

„Я въ циркѣ зрѣлъ забавы Рима:
На встрѣчу гибели шелъ мимо
Рабовъ послушныхъ длинный строй,
Всемiрной кланяясь державѣ —
И громкое звучало „ave“
Передъ несмѣтною толпой.

„Стоялъ жрецомъ я Аполлона
Вблизи у кесарева трона;
Сливались клики въ буйный хоръ;
Я тщетно ждалъ пощады знака —
И умирающаго Дака
Я взоромъ встрѣтилъ грустный взоръ.

„Я былъ въ далёкой Галилеи,
Я видѣлъ, какъ сошлись евреи
Судить Мессiю своего;
Въ награду за слова спасенья,
Я слышалъ вопли изступленья:
„Распни его! распни его!“

„Стоялъ величественъ и нѣмъ Онъ,
Когда блѣднѣющій игéмонъ
Спросилъ у черни, оробѣвъ:
Кого пущу вамъ по уставу?
„Пусти разбойника Варавву!“
Гремѣлъ толпы безумной ревъ.

„Я видѣлъ праздники Нерона.
Одѣтъ въ броню центурiона,
День памятный провёлъ я съ нимъ.
Ему вино лила Поппея,
Онъ пѣлъ стихи въ хвалу Энея
И вылъ кругомъ зажженный Римъ.

„Смотрѣлъ я на бѣду народа:
Безъ силъ искать себѣ исхода,
Съ тупымъ желанiемъ конца,
Ломясь средь огненнаго града,
Людское умирало стадо
Въ глазахъ безпечнаго пѣвца.

„Прошли вѣка надъ этимъ Римомъ.
Опять я прибылъ пилигримомъ
Къ вратамъ, знакомымъ съ давнихъ поръ.
На площадѝ былъ шумъ великой:
Всходилъ — къ веселью черни дикой —
Ея защитникъ на костёръ.

„И горькихъ встрѣчъ я помню много.
Была и здѣсь моя дорога:
Я помню, какъ сбылось при мнѣ
Убійство злое воиновъ храма —
Весь этотъ судъ грѣха и срама;
Я помню гимны ихъ въ огнѣ.

„Сто лѣтъ потомъ стоялъ я снова
Въ Руанѣ у костра другого;
Позорно умереть на нёмъ
Шла избавительница края —
И, бѣшено её ругая,
Народъ опять ревѣлъ кругомъ.

„Она шла тихо, безъ боязни,
Не содрогаясь, къ мѣсту казни,

Среди проклятій безъ числа;
И разъ, при взрывѣ злого гула,
На свой народъ она взглянула,
Главой поникла — и прошла.

„Я прожилъ ночь Варѳоломея:
По грудамъ труповъ, свирѣпѣя,
Толпа неслась передо мной,
И, новому предлогу рада,
Съ рыканьемъ звѣрскимъ, до упада
Свирѣпой тѣшилась рѣзнёй.

„Узналъ я вопли черни жадной;
Въ ея побѣдѣ безпощадной
Я вновь увидѣлъ большинство.
При мнѣ ватага угощала
Другъ друга мясомъ адмирала
И сердце жарила его.

„И въ Англіи провёлъ я годы.
Во имя вѣры и свободы,
Я видѣлъ, какъ игралъ Кромвель
Всевластно массою слѣпою —
И смѣлой ухватилъ рукою
Свою достигнутую цѣль.

„Я видѣлъ этотъ споръ кровавый
И судъ народа надъ державой;
Я видѣлъ плаху короля;
А гдѣ отецъ погибъ напрасно,
Сидѣлъ я съ сыномъ безопасно,
Развратный пиръ его дѣля.

„И этотъ вѣкъ стоитъ готовый
Къ перевороту бури новой —
И грозный плодъ его созрѣлъ;
И много здѣсь опоръ разбитыхъ,
И тщетныхъ жертвъ, и силъ сердитыхъ,
И тёмныхъ пронесётся дѣлъ.

„И дѣву, можетъ-быть, иную,
Карая доблесть въ ней святую,
Присудитъ къ смерти грѣшный судъ,
И, за свои сразившись вѣры,
Иные, можетъ, тампліеры
Свой гимнъ на плахѣ запоютъ.

„И вашимъ внукамъ разскажу я,
Что, восставая и враждуя,
Вы обрѣли въ своей борьбѣ,
Къ чему васъ повела свобода
И какъ отъ этого народа
Пришлось отречься и тебѣ“.

Онъ замолчалъ. А вдоль востока
Лучи зари, блеснувъ широко,
Свѣтлѣй всходили и свѣтлѣй.
Взглянулъ, въ опроверженье рѣчи,
На солнца ясные предтечи
Надменно будущій плебей;

Объятый мыслью роковою,
Тряхнулъ онъ дерзко головою —
И оба молча разошлись.
А въ толкахъ о своихъ затѣяхъ
Гуляли въ стриженыхъ аллеяхъ
Толпы напудренныхъ маркизъ.

ГРАФИНЯ Е. П. РОСТОПЧИНА.

Графиня Евдокія Петровна Ростопчина, урождённая Сушкова, дочь Петра Васильевича и родная племянница писателя Николая Васильевича Сушковыхъ, извѣстная русская писательница, родилась 23-го декабря 1811 года въ Москвѣ, въ богатомъ дворянскомъ семействѣ. Воспитаніе, полученное ею дома, если и нельзя назвать блестящимъ, то, во всякомъ случаѣ, оно было настолько лучше воспитанія ея подругъ, что появленіе ея въ свѣтѣ было тотчасъ всѣми замѣчено, хотя ей было въ то время (въ зиму 1828 года) всего 17 лѣтъ. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ о впечатлѣніи, произведённомъ ея появленіемъ въ московскомъ высшемъ обществѣ, нѣкто г-нъ Н. В. П., въ своей статейкѣ („Изъ Записной Книжки“), помѣщённой въ 7-мъ нумерѣ „Русскаго Архива“ на 1865 годъ. „Лѣтъ около тридцати тому назадъ, въ высшихъ кругахъ московскаго общества показалась въ свѣтъ молодая 17-ти-лѣтняя Евдокія Петровна Сушкова. Прекрасная собой, живая, воспріимчивая, она соединяла со всѣмъ очарованіемъ свѣтской дѣвушки примѣчательное дарованіе — съ необыкновенною лёгкостью, близкою къ дару импровизаціи, она небрежно, украдкою, выражала въ плавныхъ и пріятныхъ стихахъ впечатлѣнія свои, надежды и мечты юности, тревоги сердца. Тогда уже стихи молодой Сушковой, передаваемые близкими ея подругами, ходили изъ рукъ въ руки. Въ 1833 году она вступила въ бракъ съ молодымъ человѣкомъ, носившимъ историческое и столь народное въ Россіи имя — и въ печати стали появляться стихотворе-

нія *графини Ростопчиной*. Они были принимаемы публикой съ восхищеньемъ; журналисты осыпали ихъ похвалами и дорожили ими; Жуковскій и другія наши литературныя знаменитости привѣтствовали ихъ радушнымъ, лестнымъ одобреніемъ".

Графиня Ростопчина стала печатать свои стихотворенія и прозаическіе разсказы въ исходѣ 1833 года, т.-е. вскорѣ по выходѣ ея замужъ; но всѣ произведенія ея того времени появлялись или безъ подписи, или съ означеніемъ начальныхъ буквъ ея имени и фамиліи. Первымъ подписаннымъ ея произведеніемъ можно назвать небольшой разсказъ „Пѣвица", напечатанный въ „Одесскомъ Вѣстникѣ" на 1834 годъ. Затѣмъ, произведенія ея стали появляться въ современныхъ альманахахъ: „Утренней зарѣ", „Молодикѣ", „Раутѣ" и другихъ, а начиная съ 1837 года — и въ извѣстнѣйшихъ тогдашнихъ журналахъ: въ „Современникѣ" Плетнёва, въ которомъ, въ теченіе восьми лѣтъ, она напечатала слишкомъ сорокъ стихотвореній; въ „Сынѣ Отечества" Греча, гдѣ, кромѣ мелкихъ стихотвореній, было напечатано три ея разсказа: „Поединокъ", „Чины и деньги" и „Ясновидящая"; въ „Отечественныхъ Запискахъ" Краевскаго, гдѣ съ 1839 по 1843 годъ были помѣщены слѣдующія девять ея стихотвореній: „Князю В. Ѳ. Одоевскому", „Отрывокъ изъ поэмы", „Сломанный домъ", „Пѣсня трувера", „И онъ поэтъ", „Виктору Гюго", „Послѣ концерта", „Ноктурно" и „Зачѣмъ"; въ „Москвитянинѣ" Погодина, гдѣ, кромѣ цѣлаго ряда мелкихъ стихотвореній, были напечатаны: „Монахиня", историческія сцены (1843, № 9), „Бальная сцена", отрывокъ изъ романа (1844, № 1), драма „Нелюдимка" (1850, № 1) и стихотвореніе „Бояринъ" (1855, № 11); въ „Библіотекѣ для Чтенія", гдѣ, между-прочимъ, были помѣщены два большихъ ея произведенія: драма въ пяти дѣйствіяхъ „Семейная тайна" (1851, № 1) и романъ въ трёхъ частяхъ „Палаццо Форли" (1854, №№ 9, 10 и 11); въ „Пантеонѣ" Кони, гдѣ были напечатаны двѣ ея комедіи: „Ни тотъ, ни другой" и „Кто кого проучилъ" (1853, №№ 2 и 9) и двѣ драмы: „Людмила и Люба" и „Дочь донъ-Жуана" (1854, № 6 и 1856, № 1); въ „Московскомъ Наблюдателѣ", въ „Сѣверной Пчелѣ", гдѣ, между-прочимъ, была напечатана извѣстная ея баллада „Насильный бракъ", надѣлавшая столько шуму (1846, № 284) и, наконецъ, въ „Библіотекѣ для дачъ и пароходовъ", издававшейся въ пятидесятыхъ годахъ книгопродавцемъ Смирдинымъ, куда вошли два большихъ ея романа: „Счастливая женщина" и „У пристани".

Уже изъ одного этого краткаго и далеко не полнаго перечня печатныхъ сочиненій графини Ростопчиной, приведённаго нами выше, можно составить довольно ясное понятіе о необыкновенной ея плодовитости, что было одной изъ главныхъ причинъ малаго успѣха ея многочисленныхъ произведеній, несмотря на несомнѣнную ея даровитость, признаваемую большинствомъ нашихъ литературныхъ знаменитостей. Впрочемъ, извѣстность графини Ростопчиной зиждется не на большихъ ея произведеніяхъ, растянутыхъ, скучныхъ и не отдѣланныхъ, то-есть на романахъ, повѣстяхъ, поэмахъ, драмахъ и комедіяхъ, а на нѣсколькихъ небольшихъ стихотвореніяхъ, носящихъ на себѣ печать несомнѣннаго таланта, изъ которыхъ, какъ на лучшія, можно указать на слѣдующія три: „Насильный бракъ", „Не бойтесь насъ" и „Послѣдній цвѣтокъ", помѣщённыя въ предлагаемой книгѣ. Первое изданіе „Стихотвореній графини Ростопчиной", вышедшее въ 1841 году въ Петербургѣ, было встрѣчено критиками того времени весьма благосклонно, при чёмъ, между-прочимъ, Бѣлинскимъ было сказано слѣдующее: „Отличительныя черты музы графини Ростопчиной — наклонность къ разсужденіямъ и свѣтскость: это муза разсуждающая и свѣтская. „Зачѣмъ" особенно часто повторяется въ стихотвореніяхъ графини Ростопчиной. Даже тѣ пьесы, въ которыхъ нѣтъ прямого вопрошенія, большею частью не иное что, какъ разсужденія въ прекрасныхъ, а иногда и поэтическихъ стихахъ. Муза ея не чужда поэтическихъ вдохновеній, дышащихъ не однимъ умомъ, но и весьма глубокимъ чувствомъ. Правда, это чувство ни въ одномъ стихотвореніи не выказалось полно, но сверкаетъ болѣе въ отрывкахъ и частности; за то эти отрывки и частности ознаменованы печатью истинной поэзіи. Даже и въ разсуждающихъ стихотвореніяхъ графини Ростопчиной встрѣчаются мѣста, ознаменованныя думою и чувствомъ". Второе изданіе „Полнаго собранія стихотвореній графини Ростопчиной", вышедшее въ 1856—1860 годахъ въ Петербургѣ и Лейпцигѣ, въ 4-хъ частяхъ, съ портретомъ автора, не встрѣтило уже такого сочувственнаго пріема со стороны журнальныхъ рецензентовъ, какого удостоилось первое изданіе. Несомнѣнною печатью дарованія отмѣчены многія изъ стихотвореній графини Ростопчиной, и этимъ объясняется то вниманіе, съ которымъ от-

носились къ ней три величайшіе поэта трёхъ поколѣній: Жуковскій, Пушкинъ, и Лермонтовъ. Послѣдній увѣковѣчилъ ея имя прекраснымъ стихотвореніемъ;

Я вѣрю: подъ одной звѣздою
Мы съ вами были рождены и т. д.

Графиня Ростопчина скончалась 3-го декабря 1858 года, послѣ долгой и мучительной болѣзни, на 47 году отъ рожденья. Тѣло ея предано землѣ на Пятницкомъ кладбищѣ, возлѣ праха свёкра ея, знаменитаго градоначальника Москвы въ 1812 году, графа Ѳ. В. Ростопчина.

Кромѣ указанныхъ двухъ изданій „Стихотвореній графини Ростопчиной" и нѣсколькихъ отдѣльныхъ оттисковъ нѣкоторыхъ изъ ея романовъ, повѣстей и драмъ, помѣщённыхъ первоначально въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, какъ-то: драмы „Нелюдимка", романа въ письмахъ „У пристани" и другихъ, изъ сочиненій графини Ростопчиной были напечатаны отдѣльно слѣдующія три произведенія: 1) Очерки большого свѣта. Сочиненіе Ясновидящей. Спб. 1839. 2) Возвратъ Чацкаго въ Москву. Продолженіе комедіи Грибоѣдова „Горе отъ ума". Сочиненіе графини Е. П. Ростопчиной, (Написано въ 1856 году). Спб. 1865. 3) Дневникъ дѣвушки. Романъ въ стихахъ. Поэмы, повѣсти и разсказы графини Ростопчиной. Двѣ части. Спб. 1886.

I.

ПОСЛѢДНІЙ ЦВѢТОКЪ.

Не дамъ тебѣ увянуть одинокимъ,
Послѣдній цвѣтъ облистанныхъ полей!
Не пропадётъ въ безмѣрности степей
Твой ароматъ: тебя крыломъ жестокимъ
Не унесётъ холодный вихрь ночей.

Я напою съ заботливымъ стараньемъ
Тебя, мой гость, студёною водой;
Я нагляжусь, нарадуюсь тобой;
Ты отцвѣтёшь—и съ нѣжнымъ состраданьемъ
Вложу тебя въ Псалтирь сопутный мой.

Чрезъ много лѣтъ, въ часъ тихаго молчанья,
Я книги той переберу листы:
Засохшій мнѣ тогда предстанешь ты;
Но оживёшь въ моёмъ воспоминаньи,
Какъ прежде, полнъ душистой красоты.

А я, цвѣтокъ... въ безвѣстности пустыни
Увяну я; и мысли тщетный даръ,
И смѣлый духъ, и вдохновенья жаръ —
Кто ихъ поймётъ? Въ поэтѣ лучъ святыни
Кто разглядитъ сквозь думъ неясныхъ паръ?

Поэзія—она благоуханье
И ѳиміамъ восторженной души;
Но должно ей горѣть и цвѣсть въ тиши;
Но не дано на языкѣ изгнанья
Ей высказать всѣ таинства свои.

И много думъ, и много чувствъ прекрасныхъ
Не имутъ словъ, глагола не найдутъ
И нà душу обратно западутъ.
И больно мнѣ, что въ проблескахъ напрасныхъ
Порывы ихъ навѣкъ со мной умрутъ.

Мнѣ суждено подъ схимою молчанья
Святой мечты всё лучшее таить,
Знать свѣтъ въ душѣ и мракъ въ очахъ носить
Цвѣтокъ полей, забытый безъ вниманья,
Себя съ тобой могу-ли не сравнить?

II.

Не бойтесь насъ, цари земные:
Не страшенъ искренній поэтъ,
Когда порой въ дѣла мірскія
Онъ вноситъ Божьей правды свѣтъ.

Во имя правды этой вѣчной
Онъ за судьбой людей слѣдитъ —
И не корысть, а пылъ сердечный
Его устами говоритъ.

Онъ не завистникъ: не трепещетъ
Вражда въ груди, въ душѣ его;
Лишь слабыхъ ради въ сильныхъ мещетъ
Онъ стрѣлы слова своего.

Онъ врагъ лишь лжи и притѣсненій,
Онъ мрака, предразсудка врагъ;
Въ нёмъ нѣтъ ни тайныхъ ухищреній,
Ни алчности житейскихъ благъ.

Нѣтъ—не въ упрёкъ, не для обиды
Звучитъ его громовый стихъ,
Когда—гласъ высшій Немезиды —
Караетъ онъ и зло, и злыхъ.

Не знаетъ онъ любостяжанья;
Благоговѣйно принялъ онъ
Отъ неба въ даръ своё призванье,
Добра желаньемъ вдохновлёнъ.

Не нужно ничего поэту,
Ни лентъ, ни мѣста, ни крестовъ:
Поэтъ за благостыню эту
Вамъ не продаетъ своихъ стиховъ.

Не бойтесь насъ, земныя власти —
Но не гоните только насъ:
Мы выше станемъ при несчастьи,
Въ гоненьи дорастёмъ до васъ.

Подъ стражей общаго вниманья
Растётъ и множится нашъ родъ:
За гнѣвъ, за стыдъ, за поруганье,
Любовью намъ воздастъ народъ.

Молва за насъ! Судьба бѣдою
Грозитъ-ли намъ издалека —
Ужъ надъ безпечной головою
Молвы хранящая рука.

Не обижайте насъ! Преданье
За насъ потребуетъ отчётъ
И въ месть за насъ, вамъ въ наказанье,
И васъ, и насъ переживётъ.

Не бойтесь насъ! Мы правду знаемъ!
Вамъ больше всѣхъ она нужна:
Мы смыслъ ея вамъ разгадаемъ,
Хоть вамъ не нравится она.

Не бойтесь насъ! Мы правду скажемъ.
Народный гласъ къ вамъ доведёмъ,
Мы путь ко славѣ вамъ укажемъ
И вашу славу воспоёмъ.

Но бойтесь устъ медоточивыхъ
Низкопоклонниковъ, льстецовъ;
Но бойтесь ихъ доносовъ лживыхъ
И ихъ коварныхъ полусловъ.

Но бойтесь похвалы лукавой
И царедворческихъ рѣчей:
Въ нихъ ядъ, измѣна и отрава,
Отрава царства и царей.

Но бойтесь всѣхъ подобострастныхъ,
Что лижутъ, ластятся, ползутъ.
Они васъ, бѣдныхъ-самовластныхъ,
И проведутъ, и продадутъ!

Они поссорятъ васъ съ народомъ,
Его любовь къ вамъ охладятъ,
И неминуемымъ исходомъ
Они въ томъ насъ же обвинятъ!

ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРІОДЪ.

ОТЪ ЛЕРМОНТОВА ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ.

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ, одинъ изъ величайшихъ русскихъ поэтовъ, родился 3-го октября 1814 года въ Москвѣ, въ домѣ своей бабушки, Е. А. Арсеньевой, у которой отецъ и мать будущаго поэта проживали въ то время. По смерти матери, родной и единственной дочери Арсеньевой, умершей въ 1817 году, Лермонтовъ, которому въ то время едва исполнилось два съ половиной года, былъ оставленъ на воспитаніе у бабушки, которая всегда нѣжно любила внука и впослѣдствіи имѣла несчастіе пережить его. Отвезённый Арсеньевой въ пензенскую свою деревню, Тарханы, Лермонтовъ прожилъ тамъ безвыѣздно до десятилѣтняго возраста. Бабушка, женщина очень умная, добрая и образованная, ничего не жалѣла для его воспитанія — и его учили не только всѣмъ новѣйшимъ языкамъ, но даже и греческому. На одиннадцатомъ году ему удалось побывать на Кавказѣ, дикія красоты котораго произвели весьма сильное впечатлѣніе на его молодое воображеніе. Въ началѣ 1826 года Лермонтовъ отвезёнъ былъ въ Москву и опредѣлёнъ въ Благородный Пансіонъ при Московскомъ университетѣ, въ которомъ пробылъ около четырёхъ лѣтъ. Затѣмъ онъ сталъ посѣщать лекціи Московскаго университета и брать частные уроки у профессора Мерзлякова. Но за участіе въ одномъ изъ школьническихъ университетскихъ скандаловъ Лермонтовъ вскорѣ былъ подвергнутъ исключенію изъ университета, вмѣстѣ съ многими другими своими товарищами.

О времени пребыванія Лермонтова въ Московскомъ Университетскомъ Пансіонѣ до насъ дошли воспоминанія о нёмъ его товарищей, какъ о мальчикѣ съ блестящими способностями, получавшемъ первые призы на публичныхъ экзаменахъ. Что-же касается наружности, то это былъ крайне-неуклюжій, коренастый и далеко некрасивый мальчикъ, съ красными, большими, но умными и выразительными глазами, съ вздёрнутымъ носомъ и язвительной усмѣшкой. Страшно-самолюбивый, онъ тѣмъ съ бо́льшею горечью сознавалъ свои физическіе недостатки, и вѣчно-грызущая его мысль, что онъ некрасивъ, дурно сложенъ и незнатнаго происхожденія — не давала ему покоя. Онъ мечталъ о томъ, чтобы вытти въ люди; но хотѣлъ быть обязаннымъ этимъ только самому себѣ. Его часто встрѣчали въ это время съ огромнымъ „Байрономъ“ подъ-мышкой на уединённыхъ прогулкахъ. Въ обществѣ онъ любилъ порисоваться байронизмомъ, писалъ и читалъ стихи, увивался за хорошенькими, болталъ и острилъ.

По увольненіи Лермонтова изъ Московскаго университета въ половинѣ 1832 года, онъ отправился въ Петербургъ и поступилъ тамъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, вопреки волѣ своей бабушки, исполнявшей охотно всѣ остальныя желанія внука. 1832 — 1834 годы, проведённые Лермонтовымъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, немного прибавили къ тому, что́ удалось ему пріобрѣсти во время недолгаго пребыванія своего въ Московскомъ университетѣ. За то онъ пользовался большою извѣстностью между товарищами, какъ поэтъ и авторъ не совсѣмъ скромныхъ поэмъ, носившихъ названія „Уланши“, „Петергофскаго праздника“ и „Монго“. Вся школа была въ восторгѣ отъ игривыхъ произведеній юноши; но многіе изъ товарищей не долюбливали ихъ автора, благодаря безпощадности его остротъ и насмѣшекъ. Изъ школьныхъ товарищей расположеніемъ Лермонтова пользовались только двое: покойный

Вонлярлярскій, извѣстный беллетристъ, и родственникъ Столыпинъ, воспѣтый имъ подъ именемъ Монго. Во время двухлѣтняго пребыванія своего въ школѣ, Лермонтовъ писалъ очень много, но тщательно скрывалъ всё написанное имъ отъ товарищей. Имъ извѣстны были только шуточныя его поэмы и стихотворная повѣсть „Хаджи-Абрекъ", какимъ-то образомъ попавшая въ 1834 году къ Смирдину и напечатанная въ слѣдующемъ году въ „Библіотекѣ для Чтенія", безъ вѣдома и разрѣшенія автора.

Выпущенный зимою 1834 года въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ корнетомъ, Лермонтовъ повёлъ разсѣянную жизнь богатой свѣтской петербургской молодёжи, которую прошелъ и Пушкинъ, раздѣляя своё время между удовольствіями высшаго круга Петербурга и гусарскими пирушками въ Царскомъ Селѣ. До начала 1837 года, ознаменованнаго смертью Пушкина, литературная извѣстность Лермонтова не выходила изъ тѣснаго кружка окружавшей его молодёжи. Роковое извѣстіе, поразившее каждое русское сердце, вызвало и Лермонтова изъ его забытья. Написанное имъ стихотвореніе: „На смерть поэта" во множествѣ списковъ облетѣло столицу—и имя Лермонтова сдѣлалось извѣстнымъ каждому. Стихотвореніе это не заключало въ себѣ ничего вызывающаго, и потому, конечно, появленіе его въ публикѣ не имѣло бы никакихъ послѣдствій, вредныхъ для автора; но Лермонтовъ, досадуя на ходившіе въ публикѣ толки противной партіи, прибавилъ къ нему ещё шестнадцать окончательныхъ стиховъ, направленныхъ противъ высшаго общества, державшаго сторону противниковъ Пушкина—и пустилъ ихъ въ публику. Вслѣдствіе этого велѣно было начальнику штаба гвардейскаго корпуса, Веймарну, осмотрѣть бумаги Лермонтова въ Царскомъ Селѣ и хотя въ нихъ ровно ничего не было найдено, тѣмъ не менѣе Лермонтовъ былъ переведенъ на Кавказъ. Здѣсь, состоя въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку, онъ участвовалъ въ экспедиціи за Кубанью, подъ начальствомъ генерала Вельяминова, послѣ чего, высочайшимъ приказомъ отъ 11-го октября 1837 года, былъ снова переведёнъ въ гвардію, въ Гродненскій гусарскій полкъ, а въ началѣ слѣдующаго года—обратно въ лейбъ-гусары.

Этотъ обратный переводъ въ гвардію состоялся только послѣ большихъ хлопотъ. „Императоръ разрѣшилъ этотъ переводъ", говоритъ покойный Лонгиновъ, въ замѣткѣ, помѣщённой въ 3-мъ нумерѣ „Русской Старины" на 1837 годъ, „единственно по неотступной просьбѣ своего тогдашняго любимца шефа жандармовъ графа Бенкендорфа. Графъ представилъ государю отчаяніе старушки-бабушки, просилъ о снисхожденіи къ Лермонтову, какъ о личной къ себѣ милости, и обѣщалъ, что Лермонтовъ не подастъ болѣе поводовъ къ взысканію съ него—и, наконецъ, получилъ желаемое. Графъ сейчасъ отправился къ „бабушкѣ". Передъ ней стоялъ портретъ любимаго внука. Графъ, обращаясь къ нему, сказалъ, не предупреждая её ни о чёмъ: „ну, поздравляю тебя съ царскою милостію!" Старушка сейчасъ догадалась, въ чёмъ дѣло, и отъ радости заплакала".

Между тѣмъ, извѣстность Лермонтова, какъ писателя, мало распространялась въ публикѣ, не смотря на очень хорошее стихотвореніе его „Бородино", напечатанное въ „современникѣ" 1837 года и прошедшее почти незамѣченнымъ. Только съ появленіемъ въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду" на 1838 годъ его превосходной „Пѣсни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова"—имя Лермонтова стало произноситься всѣми съ любовью— и слава его упрочилась навсегда. Съ этого времени публика съ восторгомъ стала встрѣчать каждое новое произведеніе своего любимаго поэта и награждать каждое изъ нихъ самыми искренними похвалами. Тогда, какъ бы въ благодарность за вниманіе къ себѣ публики, Лермонтовъ напечаталъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1839 и 1840 годовъ цѣлый рядъ превосходнѣйшихъ стихотвореній („Дума", „Поэтъ", „Русалка", „Вѣтка Палестины", „Не вѣрь себѣ...", „Еврейская мелодія", „Въ альбомъ", „Дары Терека", „Памяти Одоевскаго" (1839, №№ 1, 2, 4, 5, 6, 11 и 12), „Первое января" „Казачья колыбельная пѣснь", „Журналистъ, читатель и писатель", „Воздушный корабль", „Отчего", „Благодарность", „Молитва", „Изъ Гёте", „Ребенку", „Смирновой", и „Какъ мальчикъ кудрявый рѣзва" (1840, №№ 1, 2, 4, 5, 6, 7, 9, 10, и 12) и три не менѣе прелестныхъ разсказа „Изъ записокъ офицера съ Кавказа": „Бэла", „Фаталистъ" и „Тамань" (1839, №№ 2, и 11 и 1840, № 2), вошедшіе впослѣдствіи въ извѣстный его романъ „Герой нашего времени".

Это время, быть-можетъ, было лучшимъ временемъ въ жизни Лермонтова. Окруженный общимъ уваженіемъ всѣхъ знавшихъ его лично, любовью читающей публики и единодушными похвалами критики, поэтъ видимо созрѣлъ и обѣщалъ въ

близкомъ будущемъ обогатить русскую литературу прекрасными произведеніями, на которыя уже самъ намекалъ въ своихъ откровенныхъ разговорахъ съ литературными друзьями. Тысячи замысловъ роились въ геніальной головѣ — и всё это должно было разрушиться вслѣдствіе пустого разговора съ пустымъ человѣкомъ. 16-го февраля 1840 года былъ балъ у графини Лаваль — одинъ изъ тѣхъ баловъ, на которыхъ собирается всё высшее петербургское общество. Въ самый разгаръ бала подходитъ къ Лермонтову сынъ извѣстнаго историка и тогдашняго французскаго посланника при русскомъ дворѣ, Барантъ, и требуетъ у него объясненія насчётъ сказаннаго будто-бы о нёмъ. Лермонтовъ отвѣчалъ, что переданное ему не имѣетъ никакого основанія; но такъ-какъ Барантъ не удовлетворился этимъ, то Лермонтовъ объявилъ ему, что онъ въ дальнѣйшія объясненія вступать съ нимъ не намѣренъ. На колкій отвѣтъ француза, Лермонтовъ отвѣтилъ такою-же колкостью, послѣ чего Барантъ сказалъ, что если бы онъ находился въ своёмъ отечествѣ, то зналъ-бы какъ кончить дѣло. На это Лермонтовъ отвѣчалъ, что въ Россіи слѣдуютъ правиламъ чести такъ-же строго, какъ и вездѣ, и что русскіе не менѣе другихъ не позволяютъ себя оскорблять безнаказанно. Тогда Барантъ сдѣлалъ вызовъ — и противники, условившись, разошлись. Дуэль происходила 18-го числа, въ воскресенье, въ 12 часовъ утра за Черною рѣчкою, близъ Парголова. По странному желанію Баранта, какъ обиженнаго, и потому имѣвшаго право на выборъ оружія, бой начался на шпагахъ и окончился на пистолетахъ. Едва противники скрестили клинки, какъ конецъ шпаги Лермонтова переломился, и Барантъ слегка оцарапалъ грудь поэта. Тогда взялись за пистолеты. Барантъ выстрѣлилъ — и далъ промахъ, Лермонтовъ выстрѣлилъ на воздухъ. Затѣмъ Барантъ подалъ руку Лермонтову — и противники разстались. Когда вѣсть о дуэли сдѣлалась извѣстной въ городѣ, Лермонтовъ былъ арестованъ и посаженъ на гауптвахту при ордонансгаузѣ, откуда, по требованію начальства, представилъ письменное изложеніе всего дѣла, въ которомъ, между-прочимъ, было имъ показано, какъ равно и секундантомъ его, отставнымъ поручикомъ Столыпинымъ, что онъ, стрѣляя въ Баранта, выстрѣлилъ умышленно въ сторону. Барантъ, узнавъ изъ объясненія Лермонтова и Столыпина, что онъ остался живъ, только благодаря великодушію Лермонтова, выстрѣлившаго на воздухъ, сталъ разсказывать по городу, что онъ находитъ обиднымъ такое разъясненіе счастливаго исхода дуэли. Лермонтовъ, извѣщенный объ этомъ, пригласилъ Баранта, письмомъ съ гауптвахты, повидаться съ нимъ въ ордонансгаузѣ и объясниться объ этомъ дѣлѣ откровенно. 22-го марта, въ 8 часовъ вечера, Барантъ подъѣхалъ къ гауптвахтѣ верхомъ. Лермонтовъ вышелъ ему на встрѣчу. „Правда-ли, что вы недовольны моимъ показаніемъ?“ спросилъ его Лермонтовъ. „Дѣйствительно“, отвѣчалъ тотъ: „я не знаю, почему вы говорите, что стрѣляли на воздухъ, не цѣля“. Лермонтовъ объяснилъ ему, что сказалъ это по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что это правда, а во-вторыхъ, потому, что онъ не видитъ нужды скрывать вещь, которая не должна быть ему пріятна, а ему можетъ служить въ пользу; но что если онъ не доволенъ этимъ объясненіемъ, то, по выходѣ его изъ-подъ ареста, онъ готовъ вторично съ нимъ стрѣляться, если онъ того пожелаетъ. Барантъ отвѣчалъ, что онъ драться не желаетъ, такъ-какъ находитъ объясненіе Лермонтова вполнѣ для себя удовлетворительнымъ. Послѣ того противники вѣжливо раскланялись — и Барантъ уѣхалъ.

Затѣмъ, 13-го апрѣля 1840 года послѣдовала высочайшая конфиренція, по которой поручикъ Лермонтовъ переводился тѣмъ-же чиномъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ, расположенный въ Закавказьѣ. Вынужденный снова ѣхать на Кавказъ, Лермонтовъ оставлялъ на этотъ разъ Петербургъ съ тяжелою грустью. Онъ оставлялъ здѣсь всё для него дорогое: и горячо-любимую бабушку, и небольшой кружокъ, въ который онъ вошелъ такъ недавно, и начатое изданіе „Героя нашего времени“, появленіе въ свѣтъ котораго было для него такъ желательно.

Это печальное настроеніе, навѣянное на него переводомъ на Кавказъ, выразилось какъ нельзя болѣе полно въ прелестномъ его стихотвореніи „Тучи“, написанномъ имъ на пути въ Ставрополь.

Тучки небесныя, вѣчные странники!
Степью лазурною, цѣпью жемчужною
Мчитесь вы, будто какъ я же, изгнанники
Съ милаго сѣвера въ сторону южную.

Въ то время, какъ русская читающая публика въ Петербургѣ и Москвѣ на-расхватъ раскупала только-что вышедшій въ свѣтъ новый романъ Лермонтова: „Герой нашего времени“, и вся грамотная Русь зачитывалась надъ его вдохновенными страницами, когда критика не находила словъ для вос-

данія должной хвалы новому произведенію геніальнаго поэта, въ это время самъ авторъ его совершалъ тяжелую экспедицію въ Чечню, терпя всякія лишенія и рискуя каждую минуту наткнуться на полудикаго чеченца—экспедицію, продолжавшуюся нѣсколько мѣсяцевъ и заключившуюся кровопролитной стычкой на рѣчкѣ Валерикъ, такъ краснорѣчиво описанной поэтомъ въ стихотвореніи того же имени. Прошатавшись на Кавказѣ цѣлый годъ, Лермонтовъ выхлопоталъ, наконецъ, разрѣшеніе пріѣхать въ Петербургъ для свиданія съ бабушкой. Но на этотъ разъ пребываніе его въ Петербургѣ было какъ-то не радостно для него. Почти всё время находился онъ въ мрачномъ расположеніи духа: ничто его не веселило, всё его раздражало. Въ апрѣлѣ 1841 года онъ отправился обратно на Кавказъ, а 15-го іюля того же года Лермонтова уже не было на свѣтѣ: онъ былъ убитъ на дуэли. Поводомъ къ поединку послужили его отношенія къ сослуживцу и товарищу Н. С. Мартынову. Всѣ доводы, всѣ убѣжденія друзей Лермонтова, старавшихся всѣми силами сломить непреклонную волю поэта, не повели ни къ чему. Дуэль должна была состояться. Ещё въ самый день дуэли Лермонтовъ былъ на пикникѣ, на которомъ много танцовалъ и веселился—и, повидимому, мысль о смерти нисколько не тревожила его. Около пяти часовъ вечера, между горами Машукомъ и Бешту, разразилась страшная буря, съ громомъ и молніей. Въ это самое время, въ одной верстѣ отъ Пятигорска, у подошвы Машука, сошлись противники. Пуля поразила поэта прямо въ сердце. Онъ тихо опустился на землю, вздохнулъ два раза—и умеръ, точно заснулъ. Извѣстіе о смерти Лермонтова подняло весь Пятигорскъ на ноги: всё поспѣшило отдать послѣдній долгъ поэту. На другой день, когда покойный уже лежалъ въ гробу, художникъ Шведе снялъ съ него портретъ, который въ настоящее время составляетъ собственность княги Ухтомской. Первоначально тѣло Лермонтова было предано землѣ въ Пятигорскѣ; но потомъ спустя полгода, именно въ мартѣ мѣсяцѣ 1842 года, было перевезено въ пензенское имѣніе его бабушки, Арсеньевой, село Тарханы, Чембарскаго уѣзда, гдѣ и покоится въ настоящее время въ воздвигнутой ею небольшой часовнѣ.

Лермонтовъ, можно сказать утвердительно, едва дожилъ до того періода своей литературной дѣятельности, въ которомъ геній его долженъ былъ создать нѣчто великое. „Лермонтовъ не много писалъ", говоритъ Бѣлинскій: „безконечно меньше того, сколько позволялъ его громадный талантъ. Беззаботный характеръ, пылкая молодость, жадная впечатлѣній бытія, самый родъ жизни—отвлекали его отъ мирныхъ кабинетныхъ занятій, отъ уединённой думы, столь любезной музамъ; но уже кипучая натура его начинала устаиваться, въ душѣ пробуждалась жажда труда и дѣятельности, а орлиный взоръ сталъ спокойно вглядываться въ глубь жизни. Уже затѣвалъ онъ въ умѣ, утомлённомъ отъ этой жизни, созданія зрѣлыя; онъ самъ говорилъ намъ, что замыслилъ написать романическую трилогію: три романа изъ трёхъ эпохъ жизни русскаго общества (вѣка Екатерины II, Александра I и Николая I), имѣющія между собою связь и нѣкоторое единство, по примѣру куперовой трилогіи, начинающейся „Послѣднимъ изъ Могиканов", продолжающейся „Путеводителемъ въ пустынѣ" и „Піонеромъ" и оканчивающейся „Степями", какъ вдругъ онъ умеръ...".

Какъ писатель, Лермонтовъ представляетъ поразительное явленіе ранней зрѣлости таланта. Не достигнувъ двадцатипятилѣтняго возраста, онъ уже стоялъ въ глазахъ критики и публики на той высотѣ, на которую возноситъ только геній. Лѣтомъ, 1849 года, появился въ свѣтъ его „Герой нашего времени", въ 2-хъ маленькихъ томикахъ, а въ концѣ того же года присоединился къ нимъ третій томикъ, съ мелкими его стихотвореніями, и, какъ справедливо замѣтилъ Лонгиновъ, „этихъ трёхъ томиковъ было достаточно для того, чтобы за Лермонтовымъ былъ признанъ титулъ перваго изъ современныхъ писателей и великаго поэта". („Русскій Вѣстникъ", 1860, № 8).

Помѣщаемъ здѣсь полный списокъ сочиненій Лермонтова, вышедшихъ отдѣльными изданіями: 1) Герой нашего времени. Сочиненіе М. Лермонтова. Двѣ части. Спб. 1840. Тоже, изданіе 2-е. 1842. Тоже, изданіе 3-е. Спб. 1843. 2) Стихотворенія М. Лермонтова. Спб. 1840. 3) Стихотворенія М. Ю. Лермонтова. Четыре части. Спб. 1842—1844. 4) Собраніе сочиненій Лермонтова. Новое изданіе въ „Полномъ Собраніи Сочиненій Русскихъ Авторовъ" Смирдина. Два тома. Спб. 1847. Тоже, изданіе 2-е. Спб. 1852; тоже, изданіе 3-е. Спб. 1856, 5) Сочиненія Лермонтова, приведённыя въ порядокъ С. Дудышкинымъ. Два тома. Спб. 1863. Тоже, изданіе второе, вновь исправленное и дополненное по рукописямъ и разнымъ изданіямъ П. А. Ефремовымъ. Спб. 1865. Тоже, съ портретомъ, снимками съ почерка и съ статьею о Лермонтовѣ А. Н. Пыпина. Изданіе третье, вновь свѣренное

съ рукописями, исправленное и дополненное, подъ редакціей П. А. Ефремова. Два тома. Спб. 1874. Всѣ эти изданія разошлись давно и въ настоящее время готовится новое.

Изъ сочиненій Лермонтова на иностранные языки переведены слѣдующія: „Герой нашего времени"—на нѣмецкій: неизвѣстнымъ—въ 1845 году; Больтцемъ—въ 1852 г. и Редигеромъ—въ 1865 году; на англійскій: Пульскимъ и неизвѣстнымъ—оба въ 1854 году; на французскій: Ледюкомъ—въ 1845 и неизвѣстнымъ—въ 1863 годахъ; на польскій: Кёномъ—въ 1844 и Л. Б.—въ 1848 годахъ; на датскій: неизвѣстнымъ—въ 1855 и Торсономъ—въ 1856 годахъ. „Стихотворенія"—на нѣмецкій языкъ: Будбергомъ-Беннингсгаузеномъ—въ 1843 и Боденштетомъ—въ 1852 годахъ; на французскій языкъ: Шопеномъ—въ 1853 и Д'Анжеромъ—въ 1866 годахъ. „Демонъ"—на нѣмецкій: Сеннеромъ—въ 1864 году и неизвѣстнымъ—въ Берлинѣ, въ 1876; на англійскій—неизвѣстнымъ, въ 1875 году въ Лондонѣ, на французскій: Д'Анжеромъ—въ 1858, Аносовой—въ 1860 и Бріавони—въ Петербургѣ въ 1876 годахъ, „Мцыри"—на нѣмецкій Будбергомъ-Беннингсгаузеномъ—въ 1858 году. „Бояринъ Орша"—на польскій—Г. Ц. въ 1855 году.

I.

ДУМА.

Печально я гляжу на наше поколѣнье!
Его грядущее—иль пусто, иль темно;
Межъ-тѣмъ, подъ бременемъ познанья и сомнѣнья,
Въ бездѣйствіи состарится оно.
Богаты мы, едва изъ колыбели,
Ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ—
И жизнь ужъ насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли,
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ.
Къ добру и злу постыдно равнодушны,
Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы;
Передъ опасностью позорно малодушны
И передъ властію—презрѣнные рабы.
Такъ тощій плодъ, до времени созрѣлый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глазъ,
Виситъ между цвѣтовъ, пришлецъ осиротѣлый,
И часъ ихъ красоты—его паденья часъ.

Мы изсушили умъ наукою безплодной,
Тая завистливо отъ ближнихъ и друзей
Надежды лучшія и голосъ благородный
Невѣріемъ осмѣянныхъ страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юныхъ силъ мы тѣмъ не сберегли;
Изъ каждой радости, боясь пресыщенья,
Мы лучшій сокъ навѣки извлекли.
Мечты поэзіи, созданія искусства
Восторгомъ сладостнымъ нашъ умъ не шевелятъ;
Мы жадно бережемъ въ груди остатокъ чувства—
Зарытый скупостью и безполезный кладъ.
И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови.
И предковъ скучны намъ роскошныя забавы,
Ихъ легкомысленный, ребяческій развратъ;
И къ гробу мы спѣшимъ безъ счастья и безъ славы,
Глядя насмѣшливо назадъ.

Толпой угрюмою и скоро позабытой,
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда.
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ.

II.

Выхожу одинъ я на дорогу:
Сквозь туманъ кремнистый путь блеститъ;
Ночь тиха; пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздою говоритъ.

Въ небесахъ торжественно и чудно!
Спитъ земля въ сіяньи голубомъ.
Что же мнѣ такъ больно и такъ трудно:
Жду ль чего? жалѣю ли о чёмъ?

Ужь не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть;
Я ищу свободы и покоя:
Я-бъ хотѣлъ забыться и заснуть.

Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы
Я-бъ желалъ навѣки такъ заснуть,
Чтобъ въ груди дрожали жизни силы,
Чтобъ, дыша, вздымалась тихо грудь;

Чтобъ всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя,
Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ,
Надо мной чтобъ, вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ.

III.

Когда волнуется желтѣющая нива
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зелёнаго листка;

Когда росой обрызганный душистой,
Румянымъ вечеромъ, иль утра въ часъ златой,
Изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристой
Привѣтливо киваетъ головой;

Когда студёный ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится онъ—

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога.

IV.

МОЛИТВА.

Въ минуту жизни трудную
Тѣснится-ль въ сердцѣ грусть:—
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ—
И дышитъ непонятная,
Святая прелесть въ нихъ.

Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далеко—
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко.

V.

ТУЧИ.

Тучки небесныя, вѣчные странники!
Степью лазурною, цѣпью жемчужною
Мчитесь вы, будто какъ я же, изгнанники
Съ милаго сѣвера въ сторону южную.

Кто же васъ гонитъ: судьбы-ли рѣшеніе?
Зависть-ли тайная? злоба-ль открытая?
Или на васъ тяготитъ преступленіе?
Или друзей клевета ядовитая?

Нѣтъ, вамъ наскучили нивы безплодныя!
Чужды вамъ страсти, и чужды страданія;
Вѣчно холодныя, вѣчно свободныя,
Нѣтъ у васъ родины—нѣтъ вамъ изгнанія.

VI.

ПРОРОКЪ.

Съ тѣхъ поръ какъ Вѣчный Судія
Мнѣ далъ всевѣдѣнье пророка,
Въ очахъ людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Провозглашать я сталъ любви
И правды чистыя ученья:
Въ меня всѣ ближніе мои
Бросали бѣшено каменья.

Посыпалъ пепломъ я главу,
Изъ городовъ бѣжалъ я нищій—
И вотъ въ пустынѣ я живу,
Какъ птицы, даромъ божьей пищи.

Завѣтъ Предвѣчнаго храня,
Мнѣ тварь покорна тамъ земная,
И звѣзды слушаютъ меня,
Лучами радостно играя.

Когда же черезъ шумный градъ
Я пробираюсь торопливо,
То старцы дѣтямъ говорятъ
Съ улыбкою самолюбивой:

„Смотрите: вотъ примѣръ для васъ!
Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами:
Глупецъ хотѣлъ увѣрить насъ,
Что Богъ гласитъ его устами!

„Смотрите жъ, дѣти, на него,
Какъ онъ угрюмъ и худъ, и блѣденъ;
Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ,
Какъ презираютъ всѣ его!".

VII

РЕБЕНКУ.

О грёзахъ юности томимъ воспоминаньемъ,
Съ отрадой тайною и тайнымъ содроганьемъ,
Прекрасное дитя, я на тебя смотрю.
О, еслибъ зналъ ты, какъ я тебя люблю!

Какъ милы мнѣ твои улыбки молодыя
И быстрые глаза, и кудри золотыя,
И звонкій голосокъ! Не правда ль, говорятъ,
Ты на неё похожъ? Увы, года летятъ!
Страданія её до срока измѣнили;
Но вѣрныя мечты тотъ образъ сохранили
Въ груди моей; тотъ взоръ, исполненный огня.
Всегда со мной. А ты? ты любишь ли меня?
Не скучны-ли тебѣ непрошенныя ласки?
Не слишкомъ часто-ль я твои цѣлую глазки?
Слеза моя ланитъ твоихъ не обожгла-ль?
Смотри-жъ, не говори ни про мою печаль,
Ни вовсе обо мнѣ. Къ чему? Её, быть можетъ,
Ребяческій разсказъ разсердитъ иль встревожитъ.

Но мнѣ ты всё повѣрь. Когда въ вечерній часъ,
Предъ образомъ съ тобой заботливо склонясь,
Молитву дѣтскую она тебѣ шептала
И въ знаменье креста персты твои сжимала,
И всё знакомыя, родныя имена
Ты повторялъ за ней—скажи, тебя она
Ни за кого ещё молиться не учила?
Блѣднѣя, можетъ-быть, она произносила
Названіе, теперь забытое тобой:
Не вспоминай его! Что имя?—Звукъ пустой!
Дай Богъ, чтобъ для тебя оно осталось тайной.
Но если какъ-нибудь, когда-нибудь, случайно
Узнаешь ты его—ребяческіе дни
Ты вспомни, и его, дитя, не проклияни!

VIII.

АНГЕЛЪ.

По небу полуночи Ангелъ летѣлъ
И тихую пѣсню онъ пѣлъ—
И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣснѣ святой.

Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кущами райскихъ садовъ,
О Богѣ великомъ онъ пѣлъ—и хвала
Его непритворна была.

Онъ душу младую въ объятіяхъ нёсъ
Для міра печали и слёзъ,
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.

И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

IX.

И СКУЧНО, И ГРУСТНО.

И скучно, и грустно—и некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды...
Желанья! Чтó пользы напрасно и вѣчно желать?
А годы проходятъ—всё лучшіе годы!

Любить! но кого же? На время—не стóитъ труда,
А вѣчно любить—невозможно.
Въ себя-ли заглянешь—тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда:
И радость, и муки, и всё тамъ ничтожно.
Что страсти? Вѣдь, рано иль поздно ихъ сладкій недугъ

Исчезнетъ при словѣ разсудка;
И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ,
Такая пустая и глупая шутка.

X.

СОНЪ.

Въ полдневный жаръ въ долинѣ Дагестана,
Съ свинцомъ въ груди лежалъ недвижимъ я;
Глубокая ещё дымилась рана,
По каплѣ кровь точилася моя.

Лежалъ одинъ я на пескѣ долины:
Уступы скалъ тѣснилися кругомъ,
И солнце жгло ихъ желтыя вершины
И жгло меня; но спалъ я мёртвымъ сномъ.

И снился мнѣ сіяющій огнями
Вечерній пиръ въ родимой сторонѣ:
Межъ юныхъ женъ, увѣнчанныхъ цвѣтами,
Шолъ разговоръ весёлый обо мнѣ.

Но, въ разговоръ весёлый не вступая,
Сидѣла тамъ задумчиво одна,
И въ грустный сонъ душа ея младая,
Богъ знаетъ чѣмъ, была погружена.

И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый трупъ лежалъ въ долинѣ той,
Въ его груди, дымясь, чернѣла рана,
И кровь лилась хладѣющей струей.

XI.

ВѢТКА ПАЛЕСТИНЫ.

Скажи мнѣ, вѣтка Палестины,
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла?

Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была?

У водъ-ли чистыхъ Іордана
Востока лучъ тебя ласкалъ!
Ночной-ли вѣтръ въ горахъ Ливана
Тебя сердито колыхалъ?

Молитву-ль тихую читали,
Иль пѣли пѣсни старины,
Когда листы твои сплетали,
Солима бѣдные сыны?

И пальма та жива-ль понынѣ?
Всё также-ль манитъ въ лѣтній зной
Она прохожаго въ пустынѣ
Широколиственной главой?

Или, въ разлукѣ безотрадной,
Она увяла, какъ и ты;
И дольній прахъ ложится жадно
На пожелтѣвшіе листы?

Повѣдай: набожной рукою
Кто въ этотъ край тебя занёсъ?
Грустилъ онъ часто надъ тобою?
Хранишь ты слѣдъ горючихъ слёзъ?

Иль—божьей рати лучшій воинъ—
Онъ былъ, съ безоблачнымъ челомъ,
Какъ ты, всегда небесъ достоинъ
Передъ людьми и божествомъ?

Заботой тайною хранима,
Передъ иконой золотой
Стоишь ты, вѣтвь Ерусалима,
Святыни вѣрный часовой.

Прозрачный сумракъ, лучъ лампады,
Кивотъ и крестъ, символъ святой...
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой.

XII.

ИЗЪ ПОЭМЫ „ДЕМОНЪ".

Печальный Демонъ, духъ изгнанья,
Леталъ надъ грѣшною землей—
И лучшихъ дней воспоминанья
Передъ нимъ тѣснилися толпой:
Тѣхъ дней, когда въ жилищѣ свѣта
Блисталъ онъ, чистый херувимъ,
Когда бѣгущая комета
Улыбкой ласковой привѣта
Любила помѣняться съ нимъ;
Когда сквозь вѣчные туманы,
Познанья жадный, онъ слѣдилъ
Кочующіе караваны
Въ пространствѣ брошенныхъ свѣтилъ;
Когда онъ вѣрилъ и любилъ,
Счастливый первенецъ творенья;
Не зналъ ни злобы, ни сомнѣнья,
И не грозилъ уму его
Вѣковъ безплодныхъ рядъ унылый—
И много, много.... и всего
Припомнить не имѣлъ онъ силы.

Въ пустынѣ міра онъ блуждалъ
Давно безъ цѣли и пріюта.
Вослѣдъ за вѣкомъ вѣкъ бѣжалъ,
Какъ за минутою минута,
Однообразной чередой.
Ничтожной властвуя землёй,
Онъ сѣялъ зло безъ наслажденья;
Нигдѣ искусству своему
Онъ не встрѣчалъ сопротивленья—
И зло наскучило ему.

И надъ вершинами Кавказа
Изгнанникъ рая пролеталъ.
Подъ нимъ Казбекъ, какъ грань алмаза,
Снѣгами вѣчными сіялъ,
И, глубоко внизу чернѣя,
Какъ трещина, жилище змѣя,
Вился излучистый Дарьялъ,
И Терекъ, прыгая, какъ львица
Ревѣлъ, и горный звѣрь и птица,
Кружась въ лазурной высотѣ,
Глаголу водъ его внимали,
И золотыя облака
Изъ южныхъ странъ, издалека,
Его на сѣверъ провожали;
И скалы тѣсною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Надъ нимъ склонялись головой,
Слѣдя мелькающія волны;
И башни зàмковъ на скалахъ
Смотрѣли грозно сквозь туманы:
У вратъ Кавказа на часахъ
Сторожевые великаны.
И дикъ, и чуденъ былъ вокругъ

Весь Божій міръ; но гордый духъ
Презрительнымъ окинулъ окомъ
Творенье Бога своего —
И на челѣ его высокомъ
Не отразилось ничего.
И передъ нимъ иной картины
Красы живыя расцвѣли:
Роскошной Грузіи долины
Ковромъ раскинулись вдали.
Счастливый, пышный край земли!
Столпообразныя руины,
Звонкобѣгущіе ручьи
По дну изъ камней разноцвѣтныхъ,
И кущи розъ, гдѣ соловьи
Поютъ красавицъ, безотвѣтныхъ
На сладкій голосъ ихъ любви;
Чинаръ развѣсистыя сѣни,
Густымъ вѣнчанныя плющомъ,
Пещеры, гдѣ палящимъ днёмъ
Таятся робкіе олени,
И блескъ, и жизнь, и шумъ листовъ,
Стозвучный говоръ голосовъ,
Дыханье тысячи растеній,
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлаженныя ночи,
И звѣзды яркія, какъ очи,
Какъ взоръ грузинки молодой.
Но, кромѣ зависти холодной,
Природы блескъ не возбудилъ
Въ груди изгнанника безплотной
Ни новыхъ чувствъ, ни новыхъ силъ —
И всё, что̀ предъ собой онъ видѣлъ,
Онъ презиралъ иль ненавидѣлъ.

XIII.

ИЗЪ ПОЭМЫ „МЦЫРИ".

„Напрасно въ бѣшенствѣ, порой,
Я рвалъ отчаянной рукой
Терновникъ, спутанный плющомъ:
Всё лѣсъ былъ, вѣчный лѣсъ кругомъ,
Страшнѣй и гуще каждый часъ,
И милліономъ черныхъ глазъ
Смотрѣла ночи темнота
Сквозь вѣтви каждаго куста.
Моя кружилась голова.
Я сталъ влѣзать на дерева̀;
Но даже на краю небесъ
Всё тотъ же былъ зубчатый лѣсъ.
Тогда на землю я упалъ
И въ изступленіи рыдалъ,
И грызъ сырую грудь земли —
И слёзы, слёзы потекли
Въ неё горячею росой.
Но, вѣрь мнѣ, помощи людской
Я не желалъ. Я былъ чужой
Для нихъ навѣкъ, какъ звѣрь степной;
И если-бъ хоть минутный крикъ
Мнѣ измѣнилъ, клянусь, старикъ,
Я-бъ вырвалъ слабый мой языкъ!
Ты помнишь: въ дѣтскіе года
Слезы не зналъ я никогда;
Но тутъ я плакалъ безъ стыда.
Кто видѣть могъ? Лишь тёмный лѣсъ
Да мѣсяцъ, плывшій средь небесъ.
Озарена его лучомъ,
Покрыта мохомъ и пескомъ,
Непроницаемой стѣной
Окружена, передо мной
Была поляна. Вдругъ по ней
Мелькнула тѣнь, и двухъ огней
Промчались искры—и потомъ
Какой-то звѣрь однимъ прыжкомъ
Изъ чащи выскочилъ и лёгъ,
Играя, навзничь на песокъ.
То былъ пустыни вѣчный гость —
Могучій барсъ. Сырую кость
Онъ грызъ и весело визжалъ,
То взоръ кровавый устремлялъ,
Мотая ласково хвостомъ,
На полный мѣсяцъ—и на нёмъ
Шерсть отливалась серебромъ.
Я ждалъ, схвативъ рогатый сукъ,
Минуту битвы; сердце вдругъ
Зажглося жаждою борьбы
И крови. Да, рука судьбы
Меня вела инымъ путёмъ!
Но нынче я увѣренъ въ томъ,
Что быть-бы могъ въ краю отцовъ
Не изъ послѣднихъ удальцовъ.
Я ждалъ. И вотъ въ тѣни ночной
Врага почуялъ онъ—и вой
Протяжный, жалобный, какъ стонъ,
Раздался вдругъ. И началъ онъ
Сердито лапой рыть песокъ,
Всталъ на дыбы, потомъ прилёгъ —
И первый бѣшеный скачокъ
Мнѣ страшной смертію грозилъ;
Но я его предупредилъ.
Ударъ мой вѣренъ былъ и скоръ:

Надёжный сукъ мой, какъ топоръ,
Широкій лобъ его разсѣкъ:
Онъ застоналъ, какъ человѣкъ,
И опрокинулся. Но вновь,
Хотя лила изъ раны кровь
Густой, широкою волной —
Бой закипѣлъ, смертельный бой.
Ко мнѣ онъ кинулся на грудь;
Но въ горло я успѣлъ воткнуть
И тамъ два раза повернуть
Моё оружье. Онъ завылъ,
Рванулся изъ послѣднихъ силъ,
И мы, сплетясь, какъ пара змѣй,
Обнявшись крѣпче двухъ друзей,
Упали разомъ—и во мглѣ
Бой продолжался на землѣ.
И я былъ страшенъ въ этотъ мигъ:
Какъ барсъ пустынный, золъ и дикъ,
Я пламенѣлъ, визжалъ, какъ онъ,
Какъ будто самъ я былъ рождёнъ
Въ семействѣ барсовъ и волковъ,
Подъ свѣжимъ пологомъ лѣсовъ.
Казалось, что слова людей
Забылъ я—и въ груди моей
Родился тотъ ужасный крикъ!
Какъ-будто съ дѣтства мой языкъ
Къ иному звуку не привыкъ.
Но врагъ мой сталъ изнемогать,
Метаться, медленнѣй дышать,
Сдавилъ меня въ послѣдній разъ,
Зрачки его недвижныхъ глазъ
Блеснули грозно — и потомъ
Закрылись тихо вѣчнымъ сномъ;
Но съ торжествующимъ врагомъ
Онъ встрѣтилъ смерть лицомъ къ лицу,
Какъ въ битвѣ слѣдуетъ бойцу".

XIV.

ИЗЪ „ПѢСНИ ПРО ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА, МОЛОДОГО ОПРИЧНИКА И УДАЛОГО КУПЦА КАЛАШНИКОВА".

За прилавкомъ сидитъ молодой купецъ,
Статный молодецъ, Степанъ Парамоновичъ,
По прозванію Калашниковъ,
Шелковые товары раскладываетъ,
Рѣчью ласковой гостей онъ заманиваетъ,
Злато, серебро пересчитываетъ.
Да не добрый день задался ему:
Ходятъ мимо бояре богатые,
Въ его лавочку не заглядываютъ.
Отзвонили вечерню во святыхъ церквахъ;
За Кремлемъ горитъ заря туманная
Набѣгаютъ тучки на небо, —
Гонитъ ихъ метелица, распѣваючи;
Опустѣлъ широкій гостинный дворъ:
Запираетъ Степанъ Парамоновичъ
Свою лавочку дверью дубовою
Да замкомъ нѣмецкимъ съ пружинною;
Злого пса-ворчуна зубастаго
На желѣзную цѣпь привязываетъ.
И пошелъ онъ домой, призадумавшись,
Къ молодой хозяйкѣ, за Москву-рѣку.

И приходитъ онъ въ свой высокій домъ,
И дивится Степанъ Парамоновичъ:
Не встрѣчаетъ его молода жена,
Не накрытъ дубовый столъ бѣлой скатертью.
А свѣча передъ образомъ еле теплится.
И кличетъ онъ старую работницу:
„Ты скажи, скажи, Еремѣевна,
А куда дѣвалась, затаилася
Въ такой поздній часъ Алёна Дмитревна?
А чтó дѣтки мои любезныя,
Чай забѣгались, заигралися,
Спозаранку спать уложилися?"

— Господинъ ты мой, Степанъ Парамоновичъ!
Я скажу тебѣ диво-дивное:
Что къ вечернѣ пошла Алёна Дмитревна;
Вотъ ужъ попъ прошелъ съ молодой попадьей,
Засвѣтили свѣчу, сѣли ужинать,
А по сю пору твоя хозяюшка
Изъ приходской церкви не вернулася,
А что дѣтки твои малыя
Почивать не легли, не играть пошли,
Плачемъ плачутъ, все не унимаются.

И смутился тогда думой крѣпкою
Молодой купецъ Калашниковъ.
И онъ сталъ къ окну, глядитъ на улицу —
А на улицѣ ночь темнёхонька;
Валитъ бѣлый снѣгъ, разстилается,
Заметаетъ слѣдъ человѣческій.

Вотъ онъ слышитъ, въ сѣняхъ дверью хлопнули,
Потомъ слышитъ шаги торопливые;
Обернулся, глядитъ — сила крестная!
Передъ нимъ стоитъ молода жена,
Сама блѣдная, простоволосая,
Косы русыя расплетенныя
Снѣгомъ-инеемъ пересыпаны,

Смотрятъ очи мутныя, какъ безумныя;
Уста шепчутъ рѣчи непонятныя.

„Ужъ ты гдѣ, жена, жена, шаталася?
На какомъ на дворѣ, на площади,
Что растрепаны твои волосы,
Что одёжа вся твоя изорвана?
Ужъ гуляла ты, пировала ты,
Чай, съ сынками все боярскими?..
Не на то предъ святыми иконами
Мы съ тобой, жена, обручалися,
Золотыми кольцами мѣнялися!..
Какъ запру я тебя за желѣзный замокъ,
За дубовую дверь окованную,
Чтобы свѣту божьяго ты не видѣла,
Мое имя честное не порочила...“

И услышавъ то, Алёна Дмитревна
Задрожала вся, моя голубушка,
Затряслась, какъ листочекъ осиновый,
Горько-горько она восплакалась,
Въ ноги мужу повалилася:

„Государь ты мой, красно-солнышко,
Иль убей меня, или выслушай!
Твои рѣчи — будто острый ножъ;
Отъ нихъ сердце разрывается.
Не боюся смерти лютыя,
Не боюся я людской молвы,
А боюсь твоей немилости.

„Отъ вечерни я домой шла нонече
Вдоль по улицѣ одинёшенька.
И послышалось мнѣ, будто снѣгъ хруститъ:
Оглянулася—человѣкъ бѣжитъ.
Мои ноженьки подкосилися,
Шелковóй фатой я закрылася;
И онъ сильно схватилъ меня за руки
И сказалъ мнѣ такъ тихимъ шепотомъ:
— „Что пужаешься, красная красавица?
Я не воръ какой, душегубъ лѣсной,
Я слуга царя, царя грознаго,
Прозываюсь Кирибѣевичемъ,
Я изъ славной семьи изъ Малютиной...

„Испугалась я пуще прежняго;
Закружилась моя бѣдная головушка.
И онъ сталъ меня цѣловать-ласкать
И, цѣлуя, все приговаривалъ:
— Отвѣчай мнѣ, чего тебѣ надобно,
Моя милая, драгоцѣнная!
Хочешь золота или жемчугу?
Хочешь яркихъ камней аль цвѣтной парчи?
Какъ царицу я наряжу тебя,
Станутъ всѣ тебѣ завидовать.
Лишь не дай мнѣ умереть смертью грѣшною:
Полюби меня, обойми меня
Хоть единый разъ на прощаніе!—

„И ласкалъ онъ меня, цѣловалъ меня:
На щекахъ моихъ и теперь горятъ,
Живымъ пламенемъ разливаются
Поцѣлуи его окаянные...
А смотрѣли въ калитку сосѣдушки;
Смѣючись, на насъ пальцемъ показывали.

„Какъ изъ рукъ его я рванулася
И домой стремглавъ бѣжать бросилась;
И остались въ рукахъ у разбойника
Мой узорный платокъ — твой подарочекъ,
И фата моя бухарская.
Опозорилъ онъ, осрамилъ меня,
Меня честную, непорочную —
И что скажутъ злыя сосѣдушки?
И кому на глаза покажусь теперь?

„Ты не дай меня, свою вѣрную жену,
Злымъ охульникамъ въ поруганіе!
На кого, кромѣ тебя, мнѣ надѣяться?
У кого просить стану помощи?
На бѣломъ свѣтѣ я сиротинушка:
Родной батюшка ужъ въ сырой землѣ,
Рядомъ съ нимъ лежитъ моя матушка,
А мой старшій братъ, самъ ты вѣдаешь,
На чужой сторонушкѣ пропалъ безъ вѣсти,
А меньшой мой братъ — дитя малое,
Дитя малое, неразумное...“

Говорила такъ Алёна Дмитріевна,
Горючьми слезами заливалася,

Посылаетъ Степанъ Парамоновичъ
За двумя меньшими братьями;
И пришли его два брата, поклонилися,
И такое слово ему молвили:
„Ты повѣдай намъ, старшóй нашъ братъ,
Что съ тобой случилось, приключилося—
Что послалъ ты за нами во темную ночь,
Во темную ночь, морозную?“

— Я скажу вамъ, братцы любезные,
Что лиха бѣда со мною приключилася:
Опозорилъ семью нашу честную
Злой опричникъ царскій, Кирибѣевичъ;
А такой обиды не стерпѣть душѣ,
Да не вынести сердцу молодецкому.

Ужъ какъ завтра будетъ кулачный бой
На Москвѣ-рѣкѣ при самомъ царѣ,
И я выйду тогда на опричника,
Буду на-смерть биться, до послѣднихъ силъ;
А побьетъ онъ меня — выходите вы
За святую правду-матушку.
Не сробѣйте, братцы любезные!
Вы моложе меня, свѣжѣй силою,
На васъ меньше грѣховъ накопилося,
Такъ, авось, Господь васъ помилуетъ!

И въ отвѣтъ ему братья молвили:
„Куда вѣтеръ дуетъ въ поднебесьи,
Туда мчатся и тучки послушныя,
Когда сизой орелъ зоветъ голосомъ
На кровавую долину побоища,
Зоветъ пиръ пировать, мертвецовъ убирать,
Къ нему малые орлята слетаются;
Ты нашъ старшій братъ, намъ второй отецъ;
Дѣлай самъ, какъ знаешь, какъ вѣдаешь.
А ужъ мы тебя, роднаго, не выдадимъ!“

Надъ Москвой великой златоглавою,
Надъ стѣной кремлёвской бѣлокаменной,
Изъ-за дальнихъ лѣсовъ, изъ-за синихъ горъ,
По тесовымъ кровелькамъ играючи,
Тучки сѣрыя разгоняючи,
Заря алая подымается.
Разметала кудри золотистыя,
Умывается снѣгами разсыпчатыми,
Какъ красавица, глядя въ зеркальце,
Въ небо чистое смотритъ — улыбается.
Ужъ зачѣмъ ты, алая заря, просыпалася?
На какой ты радости разыгралася?
Какъ сходилися, собиралися
Удалые бойцы московскіе
На Москву-рѣку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, потѣшиться.
И пріѣхалъ царь со дружиною,
Со боярами и опричниками,
И велѣлъ растянуть цѣпь серебряную,
Чистымъ золотомъ въ кольцахъ спаянную.
Оцѣпили мѣсто въ двадцать пять саженъ
Для охотницкаго боя, одиночнаго.
И велѣлъ тогда царь Иванъ Васильевичъ
Кличъ кликать звонкимъ голосомъ:
„Ой ужъ гдѣ вы, добры мóлодцы?
Вы потѣшьте царя, нашего батюшку!
Выходите-ка во широкій кругъ:
Кто побьётъ кого, того царь наградитъ,
А кто будетъ побитъ, тому Богъ проститъ!“

И выходитъ удалой Кирибѣевичъ,
Царю въ поясъ молча кланяется,
Скидаётъ съ могучихъ плечъ шубу бархатную,
Подпершися въ бокъ рукою правою,
Поправляетъ другой шапку алую,
Ожидаетъ онъ себѣ противника.
Трижды громкій кличъ прокликали —
Ни одинъ боецъ и не тронулся,
Лишь стоятъ, да другъ-друга поталкиваютъ.
На просторѣ опричникъ похаживаетъ,
Надъ плохими бойцами подсмѣиваетъ:
„Присмирѣли, небось, призадумались!
Такъ и быть, обѣщаюсь, для праздника,
Отпущу живого съ покаяніемъ,
Лишь потѣшу царя, нашего батюшку.
Вдругъ толпа раздалась на обѣ стороны —
И выходитъ Степанъ Парамоновичъ,
Молодой купецъ, удалой боецъ,
По прозванію Калашниковъ.
Поклонился прежде царю грозному,
Послѣ бѣлому Кремлю да святымъ церквамъ,
А потомъ всему народу русскому.
Горятъ очи его соколиныя,
На опричника смотритъ пристально;
Супротивъ его онъ становится,
Боевыя рукавицы натягиваетъ,
Могутныя плечи распрямливаетъ —
Да кудряву бороду поглаживаетъ.
И сказалъ ему Кирибѣевичъ:
„А повѣдай мнѣ, добрый молодецъ:
Ты какого рода, племени,
Какимъ именемъ прозываешься?
Чтобы знать, по комъ панихиду служить,
Чтобы было чѣмъ и похвастаться“.

Отвѣчаетъ Степанъ Парамоновичъ:
„А зовутъ меня Степаномъ Калашниковымъ,
А родился я отъ честнóго отца,
И жилъ я по закону Господнему:
Не позорилъ я чужой жены,
Не разбойничалъ ночью тёмною,
Не таился отъ свѣта небеснаго.
И промолвилъ ты правду истинную:
По одномъ изъ насъ бýдутъ панихиду пѣть,
И не позже, какъ завтра въ часъ полуденный;
И одинъ изъ насъ будетъ хвастаться,
Съ удалыми друзьями пируючи.
Не шутку шутить, не людей смѣшить
Къ тебѣ вышелъ я теперь, басурманскій сынъ,
Вышелъ я на страшный бой, на послѣдній бой!“
И услышавъ тó, Кирибѣевичъ

Поблѣднѣлъ въ лицѣ, какъ осенній снѣгъ,
Бойки очи его затуманились,
Между сильныхъ плечъ пробѣжалъ морозъ,
На раскрытыхъ устахъ слово замерло.
Вотъ молча оба расходятся —
Богатырскій бой начинается.
Размахнулся тогда Кирибѣевичъ
И ударилъ въ первой купца Калашникова,
И ударилъ его посередь груди:
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степанъ Парамоновичъ.
На груди его широкой висѣлъ мѣдный крестъ
Со святыми мощами изъ Кіева —
И погнулся крестъ, и вдавился въ грудь;
Какъ роса изъ-подъ него кровь закапала.
И подумалъ Степанъ Парамоновичъ:
„Чему быть суждено, то и сбудется;
Постою за правду до-послѣднева!"
Изловчился онъ, приготовился,
Собрался со всею силою
И ударилъ своего ненавистника
Прямо въ лѣвый високъ со всего плеча.
И опричникъ молодой застоналъ слегка,
Закачался, упалъ за́мертво;
Повалился онъ на холодный снѣгъ,
На холодный снѣгъ, будто сосенка,
Будто сосенка во сыромъ бору,
Подъ смолистый подъ корень подрубленная.
И увидѣвъ то, царь Иванъ Васильевичъ
Прогнѣвался гнѣвомъ, топнулъ о́ землю
И нахмурилъ брови черныя.
Повелѣлъ онъ схватить удалаго купца
И привесть его предъ лицо своё.

Какъ возго́воритъ православный царь:
„Отвѣчай мнѣ по правдѣ, по совѣсти —
Вольной-волею, или нѐхотя
Ты убилъ на-смерть мово вѣрнаго слугу,
Мово лучшаго бойца, Кирибѣевича?"

— „Я скажу тебѣ, православный царь:
Я убилъ его вольной-волею,
А за что, про что — не скажу тебѣ,
Скажу только Богу единому.
Прикажи меня казнить — и на плаху несть
Мнѣ головушку повинную;
Не оставь лишь малыхъ дѣтушекъ,
Не оставь молодую вдову
Да двухъ братьевъ моихъ своей милостью"!

— „Хорошо тебѣ, дѣтинушка,
Удалой боецъ, сынъ купеческій,
Что отвѣтъ держалъ ты по совѣсти.
Молодую жену и сиротъ твоихъ
Изъ казны моей я пожалую,
Твоимъ братьямъ велю отъ сего-же дня
По всему царству Русскому широкому
Торговать безданно, безпошлинно.
А ты самъ ступай, дѣтинушка,
На высокое мѣсто лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топоръ велю наточить-навострить,
Палача велю одѣть-нарядить,
Въ большой колоколъ прикажу звонить,
Чтобы знали всѣ люди московскіе,
Что и ты не оставленъ моей милостью".

Какъ на площади народъ собирается,
Заунывный гудитъ-воетъ колоколъ,
Разглашаетъ всюду вѣсть недобрую.
По высокому мѣсту лобному,
Во рубахѣ красной съ яркой запонкой,
Съ большимъ топоромъ навострённымъ,
Руки голыя потираючи,
Палачъ весело похаживаетъ,
Удалова бойца дожидается;
А лихой боецъ, молодой купецъ,
Съ родными братьями прощается:
„Ужь вы, братцы мои, други кровные,
Поцѣлуемтесь, да обнимемтесь
На послѣднее разставаніе.
Поклонитесь отъ меня Алёнѣ Дмитревнѣ,
Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моимъ дѣтушкамъ не сказывать.
Поклонитесь дому родительскому,
Поклонитесь всѣмъ нашимъ товарищамъ,
Помолитесь сами въ церкви Божіей
Вы за душу мою, душу грѣшную!"

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною —
И головушка безталанная
Во крови на плаху покатилася.

Н. П. ОГАРЕВЪ.

Николай Платоновичъ Огарёвъ родился въ 1813 году въ Пензенскомъ имѣніи своего отца, богатаго тамошняго помѣщика, человѣка очень добраго и привязаннаго къ семейству, и до четырнадцати лѣтъ оставался въ деревнѣ, подъ надзоромъ гувернёра. Затѣмъ, въ 1827 году онъ былъ отвезёнъ въ Москву, къ бабушкѣ, гдѣ сталъ приготовляться

къ поступленію въ университетъ. Здѣсь онъ познакомился и сошелся со своимъ дальнимъ родственникомъ, молодымъ Герценомъ, съ которымъ вскорѣ прочиталъ всего Шиллера, оставшагося съ тѣхъ поръ его любимцемъ навсегда. Въ 1832 году онъ уже былъ студентомъ Московскаго университета и усердно посѣщалъ лекціи; но судьбѣ не угодно было, чтобы онъ окончилъ курсъ — и въ 1834 году онъ долженъ былъ уѣхать къ отцу въ пензенскую деревню, гдѣ прожилъ пять лѣтъ безвыѣздно и женился на дѣвушкѣ, которая ему давно нравилась. Въ 1838 году онъ, вмѣстѣ съ молодой женой, побывалъ въ Пятигорскѣ, гдѣ познакомился съ княземъ А. И. Одоевскимъ, талантливымъ, но малоизвѣстнымъ поэтомъ, и написалъ въ честь его одно изъ первыхъ своихъ стихотвореній, быть можетъ, далеко не совершенное по формѣ, но за то исполненное искренняго чувства. Извѣстіе о болѣзни отца заставило Огарёва возвратиться въ деревню, куда онъ и прибылъ въ концѣ августа. Затѣмъ, въ началѣ 1842 года Огарёвъ отправился вмѣстѣ съ женой за границу, гдѣ пробылъ около четырёхъ лѣтъ, и только въ мартѣ 1846 года возвратился въ Москву. Всё слѣдующее лѣто провёлъ онъ на дачѣ, въ деревнѣ Соколовѣ, находящейся въ двадцати верстахъ отъ Москвы, вмѣстѣ съ Герценомъ и Грановскимъ. Проживъ около десяти лѣтъ въ Россіи, частью въ Москвѣ и Петербургѣ, частью въ пензенской своей деревнѣ, онъ снова уѣхалъ за границу и уже не возвращался болѣе въ Россію.

Первыми напечатанными стихотвореніями Огарёва—были: „Старый домъ“ и „Кремль“, появившіяся на страницахъ пятой книжки „Отечественныхъ Записокъ“ 1840 года. Стихи были замѣчены всѣми. Затѣмъ, въ 9-мъ нумерѣ того же журнала былъ напечатанъ „Деревенскій сторожъ“ — стихотвореніе высокаго достоинства. Въ слѣдующемъ 1841 году Огарёвъ помѣстилъ въ 1-мъ, 3-мъ, 5-мъ, 6-мъ, 7-мъ, 9-мъ и 11-мъ нумерахъ „Отечественныхъ Записокъ“ уже цѣлый рядъ своихъ стихотвореній („Nocturno“, „Путникъ“, „Когда настанетъ вечеръ ясный“, „Много грусти“, „Къ ***“, „Внутренняя музыка“, „Свѣчи горятъ“, „Изъ Фауста“, „Прометей“, „Полдень“ и „Стансы“ изъ Байрона), упрочившихъ за нимъ имя одного изъ талантливѣйшихъ современныхъ поэтовъ. 1842 годъ оказался ещё плодотворнѣе, какъ въ отношеніи качества, такъ и количества стихотвореній молодого поэта: начиная съ 1-й книжки „Отечественныхъ Записокъ“ и кончая 9-ю, въ нихъ было напечатано четырнадцать пьесъ, изъ которыхъ цѣлую половину („Обыкновенная повѣсть“, „Кабакъ“, „Встрѣча“, „Дилижансъ“, „Когда тревогою безплодной“, „Къ подъѣзду“ и „Исповѣдь“) можно причислить къ лучшимъ произведеніямъ Огарёва. Такимъ образомъ продолжалъ онъ помѣщать свои стихотворенія въ „Отечественныхъ Запискахъ“ въ теченіе 1843, 44 и 45 годовъ. Въ періодъ 1846 — 1852 годовъ, въ который редакція „Отечественныхъ Записокъ“ почему-то перестала печатать у себя стихи, стихотворенія Огарёва перестали являться на страницахъ этого журнала, и только въ 1853 году было напечатано въ нёмъ одно новое его стихотвореніе: „Старикъ, какъ прежде въ часъ привычный“, отличающееся обычными достоинствами огарёвской поэзіи. Не находя мѣста для своихъ стиховъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“, Огарёвъ помѣстилъ пять стихотвореній („Пустой домъ“, „Эмсъ“, „Рейнъ“, „Онъ ужъ былъ испытанъ“ и „Ожиданіе“) въ „Литературномъ Вечерѣ“ на 1846 годъ, а съ переходомъ въ 1847 году „Современника“ отъ Плетнёва къ Панаеву и Некрасову, напечаталъ въ первой, второй и пятой книжкахъ этого журнала три прекрасныхъ стихотворенія: „Бываю часто я смущенъ внутри души“, „Отъѣздъ“ и „Монологи“, изъ которыхъ послѣднее есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и одно изъ лучшихъ произведеній музы Огарёва. Съ открытіемъ восточной войны, вдохновеніе снова посѣтило нашего поэта — и въ 21-мъ нумерѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ появилось его стихотвореніе: „Россія и ея враги“, отличающееся высокимъ чувствомъ патріотизма, а въ „Русскомъ Инвалидѣ“ того же года тоже очень хорошая пьеса: „Море жизни“. Въ 1856 году М. Н. Катковъ сталъ издавать „Русскій Вѣстникъ“ — и Огарёвъ сдѣлался ревностнымъ его сотрудникомъ, что́ продолжалось до конца 1858 года, то-есть до послѣдняго отъѣзда Огарёва за границу, гдѣ онъ вскорѣ овдовѣлъ, а въ началѣ шестидесятыхъ годовъ снова женился, на сестрѣ Н. М. Сатина, переводчика „Бури“ и „Сна въ Иванову ночь“ Шекспира.

Стихотворенія Огарёва были издаваемы три раза К. Солдатёнковымъ и Н. Щепкинымъ въ 1856, 1860 и 1863 годахъ.

I.

СТАРЫЙ ДОМЪ.

Старый домъ, старый другъ, посѣтилъ я,
Наконецъ, въ запустѣньи тебя,

И былое опять воскресилъ я,
И печально смотрѣлъ на тебя.

Дворъ лежалъ предо мной неметёный,
Да колодезь валился гнилой,
И въ саду не шумѣлъ листъ зелёный —
Желтый тлѣлъ онъ на почвѣ сырой.

Домъ стоялъ обветшалый уныло,
Штукатурка обвилась кругомъ,
Туча сѣрая сверху ходила
И всё плакала, глядя на домъ.

Я вошелъ. Тѣ же комнаты были —
Здѣсь ворчалъ недовольный старикъ;
Мы бесѣды его не любили —
Насъ страшилъ его черствый языкъ.

Вотъ и комнатка: съ другомъ, бывало,
Здѣсь мы жили умомъ и душой;
Много думъ золотыхъ возникало
Въ этой комнаткѣ прежней порой.

Въ неё звѣздочка тихо свѣтила,
Въ ней остались слова на стѣнахъ:
Ихъ въ то время рука начертила,
Когда юность кипѣла въ душахъ.

Въ этой комнаткѣ счастье былое,
Дружба свѣтлая выросла тамъ...
А теперь — запустѣнье глухое:
Паутины висятъ по угламъ....

И мнѣ страшно вдругъ стало, дрожалъ я,
На кладбищѣ я будто стоялъ,
И родныхъ мертвецовъ вызывалъ я,
Но изъ мёртвыхъ никто не возсталъ,

II.

ДЕРЕВЕНСКІЙ СТОРОЖЪ.

Ночь темна, на небѣ тучи,
Бѣлый снѣгъ кругомъ,
И разлитъ морозъ трескучій
Въ воздухѣ ночномъ.

Вдоль по улицѣ широкой
Избы мужиковъ —
Ходитъ сторожъ одинокой,
Слышенъ скрипъ шаговъ.

Зябнетъ сторожъ; вьюга смѣло
Злится вкругъ него;
На морозѣ побѣлѣла
Борода его.

Скучно! радость измѣнила.
Скучно одному!
Пѣснь его звучитъ уныло
Сквозь мятель и тьму.

Ходитъ онъ въ ночи безлунной,
Бѣла утра ждётъ
И въ края доски чугунной
Съ тайной грустью бьётъ

И, качаясь, завываетъ
Звонкая доска...
Пуще сердце замираетъ,
Тяжелѣй тоска!

III.

Я помню робкое желанье,
Тоску, сжигающую кровь,
Я помню ласки и признанье,
Я помню слёзы и любовь.
Шло время — ласки были рѣже,
И высохъ слёзъ потокъ живой,
И только оставались тѣ же
Желанья съ прежнею тоской.
Просило сердце впечатлѣній
И тёплыхъ слёзъ, просило вновь
И новыхъ ласкъ, и вдохновеній,
Просило новую любовь.
Пришла пора — прошло желанье,
И въ сердцѣ стало холодно,
И на одно воспоминанье
Трепещетъ горестно оно.

IV.

ОБЫКНОВЕННАЯ ПОВѢСТЬ.

Была чудесная весна!
Они на берегу сидѣли —
Рѣка была тиха, ясна,
Вставало солнце, птички пѣли;
Тянулся за рѣкою долъ,
Спокойно, пышно зеленѣя;
Вблизи шиповникъ алый цвѣлъ,
Стояла тёмныхъ липъ аллея.

Была чудесная весна!
Они на берегу сидѣли —
Во цвѣтѣ лѣтъ была она.

Его усы едва чернѣли.
О, если бъ кто увидѣлъ ихъ
Тогда, при утренней ихъ встрѣчѣ,
И лица бъ высмотрѣлъ у нихъ,
Или подслушалъ-бы ихъ рѣчи —
Какъ былъ-бы милъ ему языкъ,
Языкъ любви первоначальной!
Онъ вѣрно бъ самъ, на этотъ мигъ,
Расцвѣлъ на днѣ души печальной!

Я въ свѣтѣ встрѣтилъ ихъ потомъ:
Она была женой другова,
Онъ былъ женатъ — и о быломъ
Въ поминѣ не было ни слова.
На лицахъ виденъ былъ покой,
Ихъ жизнь текла свѣтло и ровно,
Они, встрѣчаясь межъ собой,
Могли смѣяться хладнокровно...

А тамъ, по берегу рѣки,
Гдѣ цвѣлъ тогда шиповникъ алый,
Одни простые рыбаки
Ходили въ лодкѣ обветшалой
И пѣли пѣсни — и темно
Осталось, для людей закрыто,
Чтó было тамъ говорено
И сколько было позабыто.

V.

МОНОЛОГИ.

Чего хочу?... чего?... О! такъ желаній много,
Такъ къ выходу ихъ силѣ нуженъ путь,
Что кажется порой — ихъ внутренней тревогой
Сожжётся мозгъ и разорвётся грудь.
Чего хочу?... Всего, со всею полнотою!
Я жажду знать, я подвиговъ хочу,
Ещё хочу любить съ безумною тоскою,
Весь трепетъ жизни чувствовать хочу!
А втайнѣ чувствую, что всё желанья тщетны
И жизнь скупа, и внутренно я хилъ,
Мои стремленія замолкнутъ безотвѣтны,
Въ попыткахъ я запасъ растрачу силъ.
Я самъ себѣ кажусь, подавленный страданьемъ,
Какимъ-то жалкимъ, маленькимъ глупцомъ,
Среди безбрежности затеряннымъ созданьемъ,
Томящимся въ броженіи пустомъ...
Духъ вѣчности обнять за-разъ не въ нашей долѣ,
А чашу жизни пьёмъ мы по глоткамъ,
О томъ, чтó выпито, мы всё жалѣемъ болѣ,
Пустое дно всё больше видно намъ;
И съ каждымъ днёмъ душѣ тяжелѣ устарѣлость,
Больнѣе помнить и страшнѣй желать,
И кажется, что жить — отчаянная смѣлость;
Но биться пульсъ не можетъ перестать.
И дальше я живу въ стремленьи безотрадномъ,
И жизни крестъ беру я на себя,
И весь душевный жаръ несу въ движеньи жадномъ,
За мигомъ мигъ хватая и губя.
И всё хочу! .. чего?... О! такъ желаній много,
Такъ къ выходу ихъ силѣ нуженъ путь,
Что кажется порой — ихъ внутренней тревогой
Сожжётся мозгъ и разорвётся грудь.

VI.

ВЕЧЕРЪ.

Когда настанетъ вечеръ ясный,
Люблю на берегу пруда
Смотрѣть, какъ гаснетъ день прекрасный
И загорается звѣзда,
Какъ ласточка, неуловимо
По лону водъ скользя крыломъ,
Несётся быстро, быстро мимо —
И исчезаетъ... Смутнымъ сномъ
Тогда душа полна бываетъ —
Ей какъ-то грустно и легко,
Воспоминанье увлекаетъ
Её куда-то далеко.
Мнѣ грезятся иные годы,
Такой же вечеръ у пруда,
И тихо дремлющія воды,
И одинокая звѣзда,
И ласточка — и всё, чтó было,
Чтó сладко сердце разбудило
И промелькнуло навсегда.

VII.

Какъ дорожу я прекраснымъ мгновеньемъ!
Музыкой вдругъ наполняется слухъ,
Звуки несутся съ какимъ-то стремленьемъ,
Звуки откуда-то льются вокругъ.
Хочетъ за ними куда-то летѣть —
Сердце за ними стремится тревожно.
Въ эти минуты растаять-бы можно,
Въ эти минуты легко умереть.

VIII.

Когда встрѣчаются со мной
Подъ парчевою пеленой

И съ упряжью печальной дроги,
А мнѣ нельзя свернуть съ дороги —
Мнѣ мысль о смерти тяжела;
Не то, чтобъ жизнь была мила;
Жить скучно — горе да сомнѣнье,
Бѣда извнѣ, внутри мученье —
Да вотъ, когда вообразжу,
Что мёртвый я въ гробу лежу,
Что крышкою его накрыли
И въ крышку гвозди вколотили,
И въ землю гробъ спустили мой,
Да и засыпали землёй —
Душѣ обидно такъ и больно,
И тѣло дрожь берётъ невольно.

IX.

NOCTURNO.

Какъ пустъ мой деревенскій домъ,
Угрюмый и высокій!
Какую ночь провёлъ я въ нёмъ
Безсонно, одинокій!
Ужъ были сумракомъ давно
Окрестности одѣты,
Луна свѣтила сквозь окно
На старые портреты;
А я задумчивой стопой
Ходилъ по звонкой залѣ,
Да тѣнь ещё моя со мной —
Мы двое лишь не спали.
Деревья тёмныя въ саду
Качали всё вѣтвями,
Въ просонкахъ гуси на пруду
Кричали надъ волнами,
И мельница, грозя крыломъ,
Мнѣ издали махала,
И церковь бѣлая съ крестомъ,
Какъ призракъ, возставала.
Я ждалъ знакомыхъ мертвецовъ —
Не встанутъ-ли вдругъ кости,
Съ портретныхъ рамъ, изъ тьмы угловъ
Не явятся-ли гости?...
И страшенъ былъ пустой мнѣ домъ.
Гдѣ шагъ мой раздавался,
И робко я внималъ кругомъ,
И робко озирался.
Тоска и страхъ сжимали грудь
Среди безсонной ночи,
И вовсе я не могъ сомкнуть
Встревоженныя очи.

X

МНОГО ГРУСТИ!

Природа зноемъ дня утомлена,
И проситъ вечера скорѣй у Бога,
И вечеръ встрѣтитъ съ радостью она,
Но въ этой радости какъ грусти много!

И тотъ, кому ужъ жизнь давно скучна,
Онъ проситъ старости скорѣй у Бога,
И смерть ему на радость суждена,
Но въ этой радости какъ грусти много!

А я и молодъ, жизнь моя полна,
На радость лишь любовь дана отъ Бога,
И пѣснь моя на радость лишь дана,
Но въ этой радости какъ грусти много!

XI.

Опять знакомый домъ, опять знакомый садъ
И счастья дѣтскія воспоминанья!
Я отвыкалъ отъ нихъ... и снова грустно радъ
Подслушивать неясный звукъ преданья.
Люблю-ли я людей, которыхъ больше нѣтъ,
Чья жизнь истлѣла здѣсь въ тѣни досужной?
Но въ памяти моей давно остылъ ихъ слѣдъ,
Какъ слѣдъ любви случайной и ненужной.
А все же здѣсь меня преслѣдуетъ тоска,
Припадокъ безъименнаго недуга,
Все будетъ предо мной могильная доска
Какого-то отвергнутаго друга...

XII.

ОТЪѢЗДЪ.

Ну, прощай же, братъ! Я поѣду въ даль,
Не сидится на мѣстѣ, ей Богу!
Вѣдь, не то, чтобъ мнѣ было васъ жаль,
Да ужъ такъ — собрался я въ дорогу.
И не то, чтобъ здѣсь было худо мнѣ,
Нѣтъ! Мнѣ все какъ-то близко, знакомо:
Ну — и домъ, и садъ, и привыкъ къ странѣ:
Хорошо, знаешь, — нравится дома.
И такое есть, о чемъ вспомнить мнѣ
Тяжело, а забыть невозможно;
Да не все-жъ твердить о вчерашнемъ днѣ —
Неразумно, а можетъ, и ложно!
И вотъ видишь, братъ, такъ и танетъ въ путь,
Погулять надо мнѣ, на просторѣ,

Широко пожить, на людей взглянуть
Да послушать гульливое море.
Много свѣтлыхъ странъ, много чудныхъ встрѣчъ,
Много сладкихъ словъ, много пѣсенъ...
Не хочу жалѣть! Не хочу беречь!
Ну, прощай! міръ авось-ли не тѣсенъ!

И. С. ТУРГЕНЕВЪ.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, знаменитѣйшій изъ современныхъ русскихъ беллетристовъ и потомокъ старой дворянской фамиліи, родился 28-го октября 1818 года въ городѣ Орлѣ. Какъ сынъ не только достаточныхъ, но и весьма богатыхъ родителей, онъ провёлъ все дѣтство въ орловскомъ имѣніи своей матери, селѣ Спасскомъ, гдѣ росъ вмѣстѣ съ двумя своими братьями: старшимъ Николаемъ, скончавшимся въ 1879 году, и младшимъ, Сергѣемъ, умершимъ семнадцати лѣтъ. Первыми наставниками Тургенева были разные французы и нѣмцы, что̀ дало ему возможность изучить въ дѣтствѣ языки французскій и нѣмецкій. Что же касается русскаго языка и литературы, то знакомство съ ними началось съ „Россіады“, поэмы Хераскова, которую, по свидѣтельству самого Ивана Сергѣевича, камердинеръ его матери читалъ ему украдкой, „повторяя каждый стихъ сперва на̀-черно, потомъ на̀-бѣло“. По достиженіи двѣнадцатилѣтняго возраста, Тургеневъ былъ отвезёнъ въ Москву и помѣщёнъ тамъ въ одинъ изъ частныхъ пансіоновъ, откуда былъ вскорѣ взятъ и порученъ попеченію директора Лазаревскаго института, Краузе, благодаря заботливости котораго Иванъ Сергѣевичъ на пятнадцатомъ году выучился англійскому языку, а на шестнадцатомъ — поступилъ въ число студентовъ Московскаго университета, по словесному факультету. Но не долго оставался Тургеневъ въ стѣнахъ Московскаго университета: смерть отца, послѣдовавшая 30-го октября 1834 года, принудила его оставить Москву и перейти въ Петербургскій университетъ, въ которомъ онъ пробылъ ещё два года, послѣ чего въ 1837 году былъ выпущенъ дѣйствительнымъ студентомъ, а черезъ годъ, по выдержаніи надлежащаго экзамена, удостоенъ степени кандидата. Затѣмъ, въ томъ же 1838 году, Тургеневъ отправился въ Берлинъ, для довершенія своего образованія въ тамошнемъ университетѣ. Здѣсь онъ прожилъ около двухъ лѣтъ, и въ теченіе трёхъ семестровъ прослушалъ лекціи профессоровъ: Вердера, Ранке, Ганса, Цумпта и Бёка, именами которыхъ справедливо гордился тогдашній Берлинскій университетъ. По возвращеніи въ Петербургъ, Тургеневъ впервые заявилъ себя, какъ поэтъ. Первымъ напечатаннымъ произведеніемъ Тургенева считается стихотвореніе „Старый помѣщикъ“, помѣщённое въ 9-мъ № „Отечественныхъ Записокъ“ на 1841 годъ. За этимъ первымъ произведеніемъ на страницахъ того же журнала, начиная съ 1841 и кончая 1846 годомъ, былъ напечатанъ цѣлый рядъ мелкихъ его стихотвореній („Баллада“, „Похищеніе“, „Цвѣтокъ“, „Нева“, „Весенній вечеръ“, „Когда съ тобой разстался я“, „Человѣкъ, какихъ много“, „Толпа“, „Когда давно забытое названье...“, „Конецъ жизни“, „Ѳедя“, „Къ А. С.“, „Въ ночь лѣтнюю“, „Послѣдняя сцена 1-й части „Фауста“ Гёте, „Къ ***“, „Откуда вѣетъ тишиной“ и „Признаніе“) и двѣ большихъ поэмы: „Параша“ и „Андрей“, изъ которыхъ первая была напечатана отдѣльной книжкой (Спб. 1843) и расхвалена Бѣлинскимъ, а вторая имѣла серіозный успѣхъ въ публикѣ, хотя и не удостоилась оцѣнки рецензентовъ. Изъ мелкихъ стихотвореній, помѣщённыхъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“, особенно хороши слѣдующія пьесы, обратившія на себя вниманіе всѣхъ понимающихъ дѣло, ещё при первомъ ихъ появленіи на страницахъ названнаго изданія: „Весенній вечеръ“, „Ѳедя“, „Въ ночь лѣтнюю, когда тревожной грусти полный...“ и „Откуда вѣетъ тишиною...“. Затѣмъ, четыре его стихотворенія („В. Н. Б.“, „Замѣтила ли ты...“, „Осень“ и „Гроза промчалась...“) были напечатаны въ „Современникѣ“ Плетнёва на 1844 годъ. Шесть другихъ („Когда такъ радостно, такъ нѣжно...“, „Ахъ, давно ли гулялъ я съ тобой...“, „Въ дорогѣ“, „Утро туманное, утро сѣдое...“, Къ чему твержу я стихъ унылый...“ и „Брожу надъ озеромъ...“) въ сборникѣ „Вчера и Сегодня“; пять („Помѣщикъ“, „Тьма“ изъ Байрона и три пьесы безъ заглавія) въ „Петербургскомъ Сборникѣ“, изданномъ Некрасовымъ въ 1846 году, и девять стихотвореній, подъ общимъ заглавіемъ „Деревня“ („Люблю я вечеромъ къ деревнѣ подъѣзжать...“, „На охотѣ — лѣтомъ“, „Безлунная ночь“, „Дѣдъ“, „Гроза“, „Другая ночь“, „Кроткіе льются лучи съ небесъ на согрѣтую землю...“, „Передъ охотой“ и „Первый снѣгъ“) въ 1-й книжкѣ „Современника“ на 1847 годъ. Отдѣльнымъ изданіемъ, за исключеніемъ упомянутой выше поэмы „Параша“, Тургеневымъ было выпущено въ свѣтъ всего одно поэтическое произведеніе, именно — поэма „Разговоръ“, отпечатанная въ 1845 году въ

Петербургѣ и вызвавшая два критическихъ разбора, помѣщённыхъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и „Финскомъ Вѣстникѣ“.

Вотъ полный перечень всѣхъ поэтическихъ произведеній Ивана Сергѣевича, явившихся въ печати въ первыя шесть лѣтъ его литературной дѣятельности. Хотя эти первые порывы молодого вдохновенія, не признаваемые самимъ авторомъ, ничего не могутъ прибавить къ лаврамъ, увѣнчавшимъ Тургенева, какъ перваго беллетриста нашего времени, тѣмъ не менѣе, многія поэтическія произведенія его молодости отличаются большимъ достоинствомъ, и Бѣлинскій не даромъ такъ восторгался ими, какъ это можно заключить изъ отзыва его о поэмѣ „Параша“, помѣщённаго въ 12-й книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ на 1842 годъ.

Первымъ прозаическимъ произведеніемъ Ивана Сергѣевича, явившимся въ печати, былъ драматическій очеркъ въ одномъ дѣйствіи „Неосторожность“, помѣщённый въ 10-й книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ на 1843 годъ. Затѣмъ, въ слѣдующемъ году, въ 11-й книжкѣ того же журнала, была напечатана его первая повѣсть „Андрей Колосовъ“, въ „Петербургскомъ Сборникѣ“ — повѣсть „Три портрета“ и въ 1-й книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ на 1847 годъ — повѣсть „Бреттёръ“. Первая изъ названныхъ повѣстей не имѣла большого успѣха въ публикѣ, и, можно сказать, прошла почти незамѣченной; за то остальныя двѣ возбудили всеобщее любопытство и были прочитаны всѣми съ жадностью. Всё заговорило о новыхъ произведеніяхъ неизвѣстнаго автора, скрывавшагося подъ двумя буквами: Т. Л. (означавшими: Тургеневъ-Лутовиновъ). Псевдонимъ не могъ долго оставаться неизвѣстнымъ; онъ былъ вскорѣ разоблачёнъ — и имя Тургенева стало дорогимъ для каждаго русскаго. Съ этого времени начинается тотъ громадный успѣхъ произведеній Ивана Сергѣевича Тургенева, который сразу поставилъ его на первое мѣсто среди цѣлой плеяды нашихъ превосходныхъ беллетристовъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, которыми Россія можетъ справедливо гордиться предъ цѣлой Европой. Первымъ отрывкомъ изъ „Записокъ Охотника“, появившимся въ печати, былъ разсказъ „Хорь и Калинычъ“, помѣщённый въ 1-й книжкѣ возобновлённаго „Современника“ на 1847 годъ, въ отдѣлѣ „Смѣси“. За этимъ первымъ разсказомъ изъ „Записокъ Охотника“, пріятно поразившимъ читающую публику, послѣдовалъ цѣлый рядъ ещё болѣе прелестныхъ разсказовъ, напечатанныхъ въ томъ же „Современникѣ“ (1847-1851) и встрѣченныхъ единодушными и восторженными похвалами критики и публики. Разсказы эти были: „Ермолай и мельничиха“, „Мой сосѣдъ Радиловъ“, „Однодворецъ Овсянниковъ“, „Льговъ“, „Бурмистръ“, „Контора“, „Малиновая вода“, „Уѣздный лѣкарь“, „Бирюкъ“, „Лебедянь“, „Татьяна Борисовна и ея племянникъ“, „Смерть“, „Гамлетъ Щигровскаго уѣзда“, „Чертапхановъ и Недопюскинъ“, „Лѣсъ и степь“, „Пѣвцы“, „Свиданіе“, „Бѣжинъ лугъ“ и „Касьянъ съ Красивой Мечи“. Собранные въ одну книгу и изданные въ 1852 году, въ двухъ частяхъ, въ Москвѣ, подъ заглавіемъ „Записки Охотника“, разсказы эти окончательно упрочили литературную извѣстность Тургенева. Въ то же время Тургеневымъ были напечатаны въ „Отечественныхъ Запискахъ“: „Безденежье“, сцены изъ петербургской жизни молодого дворянина“ (1846, № 11), „Холостякъ“, комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ (1849, № 9), „Дневникъ лишняго человѣка“ (1850, № 4) и „Провинціалка“ комедія въ одномъ дѣйствіи (1851, № 1); въ „Современникѣ“: „Пётръ Петровичъ Каратаевъ“, повѣсть, „Жидъ“, разсказъ (1847, №№ 2 и 11), „Пѣтушковъ“, повѣсть, „Гдѣ тонко, тамъ и рвётся“, комедія въ одномъ дѣйствіи (1848, №№ 9 и 11) и „Три встрѣчи“, разсказъ (1852, № 2), да въ ученолитературномъ альманахѣ „Комета“ — „Разговоръ на большой дорогѣ“ (1851). Сверхъ того, въ „Современникѣ“ были напечатаны три критическихъ его статьи: „Племянница, романъ г-жи Туръ“, „Нѣсколько словъ о комедіи Островскаго: „Бѣдная невѣста“ (1852, № 1 и 3) и „Записки ружейнаго охотника, Аксакова“ (1853, № 1). Наконецъ, къ этому же времени, то-есть къ 1850 году относится сочиненіе комедіи „Мѣсяцъ въ деревнѣ“, впослѣдствіи передѣланной по требованію цензуры и появившейся въ печати въ своёмъ первоначальномъ видѣ только въ 1869 году въ „Сочиненіяхъ Тургенева“, изданныхъ Салаевымъ.

Къ концу 1851 года относится знакомство Тургенева съ Гоголемъ, только-что возвратившимся изъ-за границы и проживавшимъ въ Москвѣ, на квартирѣ у графа Толстого.

По смерти Гоголя, въ 32-мъ нумерѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ на 1852 годъ было напечатано Тургеневымъ „Письмо о Гоголѣ“. Эта коротенькая замѣтка, не заключавшая въ себѣ ничего противоцензурнаго, тѣмъ не менѣе обрушила на голову Ивана Сергѣевича цѣлую кучу непріятностей. Онъ былъ арестованъ и высланъ на житьё въ орлов-

скую деревню, гдѣ и прожилъ безвыѣздно до конца 1854 года.

Двухлѣтнее пребываніе Тургенева въ деревнѣ было далеко не безплодно для русской литературы. Здѣсь, не считая его критической статьи на „Записки ружейнаго охотника“ С. Т. Аксакова, о которой мы упомянули выше, онъ написалъ: повѣсть „Два пріятеля“, прелестный разсказъ „Муму“, критическую статью „О стихотвореніяхъ г. Тютчева“ и повѣсть „Затишье“, при чёмъ всѣ названныя нами произведенія были напечатаны въ „Современникѣ“ на 1854 и 1855 года. Затѣмъ, въ 4-мъ № „Отечественныхъ Записокъ“ на 1855 годъ появилась новая его повѣсть — „Яковъ Пасынковъ“ прочтённая публикой съ величайшимъ удовольствіемъ, въ „Разсказахъ и воспоминаніяхъ С. Т. Аксакова“ — статья „О соловьяхъ“, напечатанная въ нихъ въ видѣ приложенія, а въ 11-й книжкѣ „Современника“ — повѣсть „Постоялый дворъ“ и „Два слова о Грановскомъ“. Наступленіе новаго 1856 года Тургеневъ почтилъ двумя новыми повѣстями, изъ которыхъ первая — „Рудинъ“ — была напечатана въ первой книжкѣ „Современника“, а вторая — „Переписка“ въ первомъ же нумерѣ „Отечественныхъ Записокъ“. Затѣмъ, осенью того же года, въ 8-й и 10-й книжкахъ „Современника“, появились ещё два новыхъ произведенія Ивана Сергѣевича: одно-актная комедія „Завтракъ у предводителя“ и разсказъ „Фаустъ“, и вышли въ свѣтъ изданныя П. В. Анненковымъ въ Петербургѣ: „Повѣсти и разсказы И. С. Тургенева“, въ трёхъ частяхъ, встрѣченные цѣлымъ роемъ хвалебныхъ рецензій, изъ которыхъ двѣ лучшія принадлежали Дружинину и Дудышкину и были напечатаны во 2-й, 3-й и 5-й книжкахъ „Библіотеки для Чтенія“ на 1857 годъ и 1-мъ и 4-мъ нумерахъ „Отечественныхъ Записокъ“ на тотъ же годъ. Въ 1857 году Тургеневъ появился въ печати всего два раза. Это были „Чужой хлѣбъ“, комедія въ двухъ дѣйствіяхъ и „Поѣздка въ Полѣсье“, изъ которыхъ первая, написанная ещё въ 1848 году, была впослѣдствіи переименована въ „Нахлѣбника“ и давалась на сценѣ съ большимъ успѣхомъ, а вторая — составляетъ заключительный очеркъ къ „Запискамъ Охотника“ которыя, около этого времени, вышли въ Парижѣ во французскомъ переводѣ Делаво, подъ заглавіемъ: „Recits d'un chasseur“. Съ наступленіемъ 1858 года, талантъ Тургенева проявляется снова во всёмъ блескѣ въ прелестнѣйшей изъ его повѣстей „Асѣ“. Къ сожалѣнію, этой повѣстью, напечатанной въ 1-й книжкѣ „Современника“, и ограничилась на этотъ годъ вся литературная дѣятельность Тургенева, такъ-какъ письмо „Изъ-за границы“, помѣщённое въ 6-мъ нумерѣ „Атенея“, можетъ быть пройдено молчаніемъ. Въ томъ же 1858 году вышли въ свѣтъ въ Берлинѣ „Записки Охотника“ въ нѣмецкомъ переводѣ, подъ названіемъ „Aus dem Tagebuche eines Jägers“, въ двухъ томахъ. Наступленіе новаго 1859 года было ознаменовано появленіемъ въ свѣтъ извѣстнаго романа Тургенева „Дворянское гнѣздо“, напечатаннаго въ 1-й книжкѣ „Современника“ и вызвавшаго столько толковъ въ публикѣ и столько рецензій въ журналахъ, изъ которыхъ лучшія принадлежатъ покойному Аполлону Григорьеву („Русское Слово“, 1859, №№ 4, 5, 6 и 8) и г. Анненкову „Русскій Вѣстникъ“, 1859, № 16). Наконецъ, въ томъ же году, въ 12-й книжкѣ „Московскаго Вѣстника“, былъ напечатанъ „Отрывокъ изъ романа“. Съ наступленіемъ 1860 года въ первыхъ книжкахъ „Русскаго Вѣстника“ и „Современника“ появилось снова два замѣчательныхъ произведенія Тургенева: извѣстная повѣсть „Наканунѣ“ и критическая статья „Гамлетъ и Донъ-Кихотъ“, а въ 3-мъ нумерѣ „Библіотеки для Чтенія“ — повѣсть „Первая любовь“, одно изъ лучшихъ произведеній нашего талантливаго повѣствователя. Рядъ успѣховъ Тургенева заключился романомъ „Отцы и дѣти“, появившимся въ февральской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ на 1862 годъ. Этотъ романъ вызвалъ цѣлую бурю въ нашемъ обществѣ. Какъ публика, такъ и критика раздѣлились на два враждебные лагеря; слово „нигилистъ“ было произнесено и получило право гражданства; каждый журналъ, каждая газета поспѣшила заявить своё мнѣніе о новомъ произведеніи, сказать своё *новое слово*. Какъ на болѣе замѣчательныя статьи, укажемъ на „Базарова“ покойнаго Писарева („Русское Слово“, № 3), на „Асмодея нашего времени“ — Антоновича („Современникъ“, № 3) и на двѣ статьи „Русскаго Вѣстника“ (№№ 5 и 6), „Романъ Тургенева и его критики“ и „О нашемъ нигилизмѣ, по поводу романа Тургенева“. Въ 1864 году, въ № 1-мъ и 2-мъ „Эпохи“, Тургеневъ напечаталъ свою повѣсть-фантазію „Призраки“, а въ 1865, въ „Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 85) — небольшой разсказъ „Собака“.

Вслѣдъ за романомъ „Отцы и Дѣти“, сильно охладившимъ рвеніе Тургенева къ литературѣ, наступилъ періодъ видимаго ослабленія его производительности, въ теченіе котораго онъ напечаталъ только одинъ романъ „Дымъ“ (въ мар-

товской книжкѣ „Русскихъ Вѣдомостей“ за 1867 годъ), а за нимъ послѣдовали уже мелкіе разсказы и отрывки изъ воспоминаній. Только уже десять лѣтъ спустя, выступилъ Тургеневъ съ новымъ большимъ (и слабѣйшимъ изъ всѣхъ) романомъ „Новь“ („Вѣстникъ Европы“ 1877 г.). Приводимъ здѣсь общій списокъ написаннаго имъ за это время. Въ 1867 году, Тургеневъ, находясь за-границей, написалъ три новыхъ разсказа: „Лейтенантъ Ергуновъ“, „Несчастная“ и „Бригадиръ“, помѣстивъ два первыхъ изъ нихъ въ первой и восьмой книжкахъ „Русскаго Вѣстника“ на 1868 годъ, а второй—въ первой книжкѣ „Вѣстника Европы“ того же года. Затѣмъ всѣ остальныя произведенія Ивана Сергѣевича, за послѣднія десять лѣтъ, за исключеніемъ разсказа „Живыя Мощи“, помѣщённаго въ сборникѣ, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1874 году, подъ названіемъ „Складчина“, были напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы“—именно: въ 4-й книжкѣ 1869 года—„Воспоминанія о Бѣлинскомъ“, въ 1-й 1870-го—разсказъ „Странная исторія“, въ 10-й того же года—„Степной король Лиръ“; въ 1-й 1871-го—„Стукъ! стукъ! стукъ!“; въ 1-й 1872-го—„Вешнія воды“, въ 11-й того же года—„Конецъ Чертопханова“, окончаніе разсказа „Чертопхановъ и Недопюскинъ“ въ „Запискахъ Охотника“; въ 1-й 1875-го—„Пунинъ и Бабуринъ“; въ 1-й 1876-го—разсказъ „Часы“; въ 1-й, 2-й и 5-й 1877-го—обѣ части романа „Новь“ и „Разсказъ отца Алексѣя“.

Проживая послѣднія двадцать лѣтъ жизни преимущественно за границей, Иванъ Сергѣевичъ, тѣмъ не менѣе, почти ежегодно бывалъ въ Россіи, при чёмъ каждый разъ проводилъ по нѣскольку мѣсяцевъ въ Петербургѣ, Москвѣ и въ своей орловской деревнѣ, среди родныхъ, друзей, знакомыхъ и горячихъ поклонниковъ своего таланта, которыхъ у него такъ было много во всѣхъ концахъ Россіи. Въ одинъ изъ послѣднихъ своихъ пріѣздовъ въ Россію, совпавшій какъ разъ съ крутымъ и многознаменательнымъ поворотомъ русской интеллигенціи къ идеаламъ сороковыхъ годовыхъ, Тургеневъ былъ почтёнъ во время своего довольно-продолжительнаго пребыванія въ Москвѣ и Петербургѣ цѣлымъ рядомъ торжественныхъ оваціи и празднествъ, какихъ не удостоился ещё ни одинъ изъ русскихъ писателей. Одно изъ этихъ торжественныхъ празднествъ было устроено Обществомъ Любителей Словесности, состоящимъ при Московскомъ университетѣ, участіе въ которомъ приняли какъ всѣ наличные члены общества, такъ равно и весь университетъ, начиная съ ректора, и вся интеллигенція древней русской столицы.

Вскорѣ по возвращеніи въ Парижъ, Тургеневъ заболѣлъ и, прохворавъ почти два года какою-то сложною и загадочною внутреннею болѣзнью, скончался среди ужасныхъ страданій, въ мѣстечкѣ Буживалѣ, близъ Парижа, 23-го августа 1883 года. Тѣло Тургенева было перевезено въ Петербургъ, и 27-го сентября похоронено съ величайшею торжественностью, на Волковомъ кладбищѣ, у самой стѣны Ново-Волковской церкви.

Незадолго до смерти, Тургеневъ сталъ печатать въ „Вѣстникѣ Европы“ „Стихотворенія въ прозѣ“, и умеръ, приготовляя къ изданію самое полное изъ всѣхъ изданій своихъ сочиненій, на которыя еще при жизни право продано авторомъ фирмѣ И. И. Глазунова.

I.

ВЕСЕННІЙ ВЕЧЕРЪ.

Гуляютъ тучи золотыя
Надъ отдыхающей землёй;
Поля просторныя, нѣмыя
Блестятъ, облитыя росой;
Ручей журчитъ во мглѣ долины;
Вдали гремитъ весенній громъ;
Лѣнивый вѣтръ въ листахъ осины
Трепещетъ пойманнымъ крыломъ.

Молчитъ и млѣетъ лѣсъ высокій,
Зелёный тёмный лѣсъ молчитъ,
Лишь иногда въ тѣни глубокой
Безсонный листъ прошелеститъ.
Звѣзда дрожитъ въ огняхъ заката,
Любви прекрасная звѣзда,
А на душѣ легко и свято,
Легко, какъ въ дѣтскіе года.

II.

Въ ночь лѣтнюю, когда, тревожной грусти полный,
Отъ милаго лица волосъ густыя волны
Заботливой рукой
Я отводилъ и ты, мой другъ, съ улыбкой томной
Къ окошку прислонясь, глядѣла въ садъ огромный
И тёмный, и нѣмой,

Въ окно раскрытое спокойными струями
Вливался свѣжій мракъ и замиралъ надъ нами,

И пѣсни соловья
Гремѣли жалобно въ тѣни густой, душистой,
И вѣтеръ лепеталъ надъ рѣчкой серебристой,
Покоились поля,

Ночному холоду предавъ и грудь, и руки,
Ты долго слушала рыдающіе звуки —
И ты сказала мнѣ,
Къ таинственнымъ звѣздамъ поднявши взоръ унылый:
„Не быть намъ никогда съ тобой, о другъ мой милый
Блаженными вполнѣ!"

Я отвѣчать хотѣлъ, но, странно замирая,
Погасла рѣчь моя. Томительно-нѣмая
Настала тишина;
Въ большихъ твоихъ глазахъ слеза затрепетала,
А голову твою печально лобызала
Холодная луна.

III.

Откуда вѣетъ тишиной?
Откуда мчится зовъ?
Чтó дышитъ на меня весной
И запахомъ луговъ?
Чего тебѣ, душа моя,
Внезапно стало жаль —
Скажи: какую вспомнилъ я
Любимую печаль?

Но всё былое, Боже мой,
Такъ бѣдно, такъ темно,
И тó, надъ чѣмъ я плакалъ, мной
Осмѣяно давно.
Невѣжда самъ, среди другихъ
Забывчивыхъ невѣждъ,
Любуюсь гибелью моихъ
Восторженныхъ надеждъ.

Но всё же тихъ и тронутъ я —
Съ души сбѣжала тѣнь,
Какъ-будто тоже для меня
Насталъ волшебный день,
Когда на деревѣ нагомъ —
И соченъ, и душистъ —
Согрѣтый ласковымъ лучомъ
Растётъ весенній листъ.

Какъ-будто сердцемъ я воскресъ —
И, волю давъ слезамъ,
И задыхаясь, въ тёмный лѣсъ
Бѣгу по вечерамъ...
Какъ-будто я люблю, любимъ,
Какъ-будто ночь близка
И тополь подъ окномъ однимъ
Киваетъ мнѣ слегка.

IV.

ѲЕДЯ.

Молча въѣзжаетъ — да ночью морозной —
Парень въ село на лошадкѣ усталой.
Тучи сѣдыя столпилися грозно;
Звѣздочки нѣтъ ни великой, ни малой.

Онъ у забора встрѣчаетъ старуху:
„Бабушка, здравствуй!" — „А, Ѳедя! Откуда?
Гдѣ пропадалъ ты? — Ни слуху, ни духу!"
— „Гдѣ я бывалъ — не увидишь отсюда.

„Живы ли братья? родная жива-ли?
Наша изба всё цѣла-ль — не сгорѣла?
Правда ль, Параша — въ Москвѣ мнѣ сказали
Наши ребята — постомъ овдовѣла?"

— „Домъ вашъ, какъ былъ: словно полная чаша,
Братья всѣ живы, родная здорова;
Умеръ сосѣдъ, овдовѣла Параша,
Да черезъ мѣсяцъ пошла за другова".

Вѣтеръ подулъ. Засвисталъ онъ легонько,
Нà небо глянулъ и шапку надвинулъ;
Молча рукой онъ махнулъ и тихонько
Лошадь назадъ повернулъ — да и сгинулъ.

ГРАФЪ А. К. ТОЛСТОЙ.

Графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой, авторъ „Смерти Іоанна Грознаго" и „Князя Серебрянаго", родился 24-го августа 1817 года въ Петербургѣ; дѣтство же своё провелъ въ сѣверной части Черниговской губерніи, въ имѣніи своего дяди (съ материнской стороны) А. А. Перовскаго, впослѣдствіи попечителя Харьковскаго университета, извѣстнаго у насъ въ литературѣ подъ псевдонимомъ Антона Погорѣльскаго. И этó пребываніе въ деревнѣ имѣло благотворное вліяніе на развитіе его поэтическаго таланта, обнаружившагося въ нёмъ рано. По окончаніи домашняго воспитанія, графъ Толстой сдалъ выпускной экзаменъ въ Московскомъ университетѣ, и, вслѣдъ затѣмъ, занялъ

мѣсто въ русскомъ посольствѣ при франкфуртскомъ союзномъ сеймѣ. Впрочемъ, онъ оставался на службѣ не долго. Выйдя въ отставку, онъ провёлъ нѣсколько лѣтъ въ путешествіяхъ по Германіи, Франціи и Италіи По возвращеніи въ Россію, онъ снова поступилъ на службу церемоніймейстеромъ, и съ того времени, вплоть до крымской войны, почти безвыѣздно проживалъ въ Петербургѣ. Затѣмъ, въ самомъ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ журналовъ стали появляться его стихотворенія, обратившія на себя общее вниманіе, благодаря своей оригинальности и тёплому отношенію къ природѣ и русской жизни. Какъ на лучшія изъ стихотвореній этого времени, можно указать на шесть пьесъ, помѣщённыхъ въ третьей книжкѣ „Современника" на 1854 годъ: „Колокольчики", „Ой, стоги, стоги," „По греблѣ неровной и тряской...", „Коль любить...", „Умѣренность" и „Ты знаешь край..."

Въ самомъ началѣ крымской кампаніи, графъ Толстой вступилъ въ стрѣлковый полкъ Императорской фамиліи въ чинѣ майора, при чёмъ былъ пожалованъ флигель-адъютантомъ; но, тотчасъ по заключеніи мира, вышелъ въ отставку, а въ слѣдующемъ 1857 году вступилъ въ должность егермейстера Двора Его Величества, которую занималъ до самой смерти.

Тотчасъ по окончаніи крымской войны, литературная дѣятельность графа Толстого возобновилась съ новой силой. Такъ во 2-й книжкѣ „Современника" на 1856 годъ было напечатано шесть новыхъ его стихотвореній, въ томъ числѣ: „Ой, кабы Волга" и „Ходитъ Спѣсь, надуваючись...", въ 11-й—восемъ пьесъ, подъ общимъ заглавіемъ: „Крымскіе очерки" и въ 1-й 1857 года—пять небольшихъ пьесъ: „Волны", „Не вѣрь", „Изъ Сведенборга", „Острою сѣкирой ранена береза:.." и „О, не пытайся духъ унять тревожный..." Затѣмъ, въ „Русской Бесѣдѣ" 1857—1859 годовъ появился цѣлый рядъ стихотвореній Толстого, въ томъ числѣ двѣ поэмы: „Грѣшница" и „Іоаннъ Дамаскинъ", а въ „Русскомъ Вѣстникѣ", начиная съ 1857 года и кончая 1873, были напечатаны, между-прочимъ, его извѣстныя баллады: „Василій Шибановъ", „Князь Михайло Репнинъ", „Старицкій воевода" и „Пантелей цѣлитель". Въ томъ же журналѣ, на 1861 годъ, былъ помѣщёнъ его историческій романъ „Князь Серебряный", имѣвшій значительный успѣхъ, вслѣдствіе чего былъ изданъ отдѣльно три раза между 1863 и 1887 годами. Романъ этотъ навѣянъ былъ изученіемъ историческихъ матеріаловъ, къ которымъ онъ обратился, задумавъ написать трагедію изъ жизни Іоанна Грознаго. Что же касается трагедіи, то она была написана и напечатана въ 1-й книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ" на 1866 годъ, подъ названіемъ „Смерть Іоанна Грознаго". Драма эта, встрѣченная общимъ одобреніемъ, была, годъ спустя, поставлена на сцену и имѣла большой успѣхъ, благодаря многимъ несомнѣннымъ достоинствамъ, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ. Сюжетъ своей драмы заимствовалъ авторъ изъ той же, особенно любимой имъ, эпохи, которая дала матеріалы для большинства его балладъ и для названнаго выше романа. Но какъ самъ Грозный, такъ и его время отразились въ его новомъ произведеніи гораздо рельефнѣе, чѣмъ въ „Князѣ Серебряномъ". Не только главныя дѣйствующія лица драмы—мужчины, но даже и женщины, несмотря на всю наивность своего положенія, вышли у него живыми людьми, что̀ дало возможность автору представить въ своёмъ произведеніи картину, полную движенія и жизни. „Смерть Іоанна Грознаго"—есть первая часть трилогіи, вторую и третью части которой составляютъ двѣ послѣднихъ его трагедіи: „Царь Ѳедоръ Іоанновичъ" и „Царь Борисъ", напечатанныя въ „Вѣстникѣ Европы", первая—въ 5-й книжкѣ 1868 года, а вторая—въ 3-мъ нумерѣ на 1870 годъ. Обѣ эти пьесы, несмотря на нѣсколько истинно прекрасныхъ сценъ, въ цѣломъ несравненно слабѣе первой, что̀ произошло главнымъ образомъ оттого, что одно и то же лицо, Борисъ Годуновъ, дѣйствуетъ во всѣхъ трёхъ драмахъ, вслѣдствіе чего автору пришлось поневолѣ повторяться и тратиться на изображенія однѣхъ и тѣхъ же сценъ, съ значительными измѣненіями, не представляющими ничего существеннаго. Кромѣ названныхъ двухъ трагедій, въ „Вѣстникѣ Европы" 1868—1873 годовъ былъ напечатанъ цѣлый рядъ мелкихъ стихотвореній Толстого, въ томъ числѣ переводъ „Коринѳской невѣсты" Гёте (1868, № 3), три пѣсни: „О Гаральдѣ и Ярославнѣ", „О трёхъ побоищахъ" и „О походѣ Владиміра" (1869, №№ 4, 5 и 9), легенда „Канутъ" (1873, № 3), повѣсть въ стихахъ „Портретъ" (1874, № 9) и баллада „Драконъ" (1875, № 10), а въ „Гражданинѣ" на 1872 годъ—лучшая изъ его былинъ: „Алёша Поповичъ" и, наконецъ, въ „Братской Помочи" (1876) его „Послѣднее стихотвореніе", начинающееся стихомъ: „Земля цвѣла въ лугу, весной одѣтомъ". Послѣднія стихотворенія Алексѣя Константиновича, сюжеты которыхъ преимущественно заимствованы изъ русскихъ на-

родныхъ былинъ, отличаются особенною свѣжестью образовъ, замѣчательною оригинальностью языка и самаго стиха.

Послѣднія два года своей жизни Толстой провелъ по большей части въ странствованіяхъ за границей, преимущественно по разнымъ минеральнымъ водамъ Германіи, въ надеждѣ на исцѣленіе отъ снѣдавшаго его недуга. Воротившись, наконецъ, въ Россію, онъ, нигдѣ не останавливаясь, прямо проѣхалъ въ своё любимое Черниговское имѣніе Красный Рогъ, близъ города Почепа, гдѣ и скончался 28-го сентября 1875 года вечеромъ, на пятьдесятъ-девятомъ году жизни.

Заключаемъ нашу статью о графѣ Алексѣѣ Константиновичѣ Толстомъ глубоко-прочувствованными строками И. С. Тургенева, написанными имъ тотчасъ по полученіи извѣстія о его смерти: „Я назвалъ Толстого поэтомъ! Да, онъ былъ имъ несомнѣно, вполнѣ, всѣмъ существомъ своимъ: онъ былъ рождёнъ поэтомъ, а это въ наше время вездѣ и пуще всего въ Россіи — большая рѣдкость. Однимъ этимъ словомъ опредѣляется поколѣніе, къ которому онъ принадлежалъ, опредѣляются также его убѣжденія, его сердечныя наклонности, всѣ его безкорыстныя и искреннія стремленія. Положеніе Толстого въ обществѣ и его связи открывали ему широкій путь ко всему тому, чтó такъ цѣнится большинствомъ людей; но онъ остался вѣренъ своему призванію — поэзіи, литературѣ: онъ не могъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ только тѣмъ, чѣмъ создала его природа; но онъ имѣлъ всѣ качества, свойства, весь пошибъ литератора, въ лучшемъ значеніи слова. Толстой обладалъ въ значительной степени тѣмъ, чтó даётъ жизнь и смыслъ художественнымъ произведеніямъ, а именно — собственной, оригинальной и въ то же время очень разнообразной физіономіей, при чёмъ, свободно, мастерскою рукою распоряжался роднымъ языкомъ. Онъ оставилъ въ наслѣдство своимъ соотечественникамъ прекрасные образцы драмъ, романовъ, лирическихъ стихотвореній, которые, въ теченіе долгихъ лѣтъ, стыдно будетъ не знать всякому образованному русскому; онъ былъ создателемъ новаго у насъ литературнаго рода — исторической баллады, легенды; на этомъ поприщѣ онъ не имѣетъ соперниковъ, а въ послѣдней изъ нихъ — „Драконъ“ — онъ достигъ почти дантовской образности и силы.“

Изъ сочиненій графа Толстого вышли отдѣльными изданіями нижеслѣдующія:

1) Князь Серебряный. Повѣсть времёнъ Іоанна Грознаго. Сочиненіе А. К. Толстого. Два тома. Спб. 1863. Тоже. Изданіе второе. Спб. 1869. 2) Смерть Іоанна Грознаго. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Графа А. К. Толстого. Спб. 1866. То-же. Изданіе второе. Спб. 1869. 3) Преподобный Іоаннъ Дамаскинъ. Поэма графа А. Толстого. М. 1866. Тоже. Изданіе второе. М. 1875. 4) Стихотворенія графа А. Толстого. Спб. 1867. 5) Царь Өедоръ Іоанновичъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Графа А. К. Толстого. Спб. 1868. 6) Проэктъ постановки на сцену трагедіи „Царь Өедоръ Іоанновичъ“. Графа А. К. Толстого. Спб. 1868. 7) Царь Борисъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Графа А. К. Толстого. Сбп. 1870. 8) Полное собраніе стихотвореній графа А. К. Толстого. Два тома. Спб. 1876. Тоже, изданіе второе. Спб. 1878. 9) Драматическая трилогія. Спб. 1876.

I.

Ты не спрашивай, не распытывай,
Умомъ-разумомъ не раскидывай:
Какъ люблю тебя, почему люблю,
И за что люблю, и на долго-ли?
Ты не спрашивай, не распытывай:
Что сестра-ль ты мнѣ, молода-ль жена.
Или дѣтище ты мнѣ малое?
И не знаю я, и не вѣдаю,
Какъ назвать тебя, какъ приkликати?
Много цвѣтиковъ во чистомъ полѣ,
Много звѣздъ горитъ по поднебесью,
А назвать-то ихъ нѣтъ умѣнія,
Сосчитать-то ихъ нѣту силушки.
Полюбивъ тебя, я не спрашивалъ,
Не разгадывалъ, не распытывалъ;
Полюбивъ тебя, я махнулъ рукой,
Очертилъ свою буйну головушку!

II.

ОЙ-КАБЫ.

Ой, кабы Волга-матушка да вспять побѣжала,
Кабы можно, братцы, начать жить сначала!
Ой, кабы зимою цвѣты расцвѣтали,
Кабы мы любили да не разлюбляли,
Кабы дно морское достать да измѣрить,
Кабы можно, братцы, краснымъ дѣвкамъ вѣрить!
Ой, кабы всѣ бабы были-бъ молодицы,
Кабы въ полугарѣ поменьше водицы,
Кабы всегда чарка доходила дô рту,
Да кабы приказныхъ пô боку да къ чорту!

Да кабы звенѣли завсегда карманы!
Да кабы намъ, братцы, да свои кафтаны!
Да кабы голодный всякій день обѣдалъ!
Да батюшка-бъ царь нашъ всю правду-бы вѣдалъ!

III.

СПѢСЬ.

Ходитъ Спѣсь, надуваючись,
Съ боку на̀ бокъ переваливаясь.
Ростомъ-то Спѣсь аршинъ съ четвертью,
Шапка-то на нёмъ во цѣлу сажень,
Пузо-то его всё въ жемчугѣ,
Сзади-то у него раззолочено.
А и зашелъ бы Спѣсь къ отцу, къ матери,
Да ворота не крашены;
А и помолился бъ Спѣсь въ церкви Божіей,
Да полъ не метёнъ.
Идётъ Спѣсь, видитъ—на̀ небѣ радуга;
Повернулъ Спѣсь во другую сторону:
Непригоже-де мнѣ нагибатися.

IV.

На нивы желтыя нисходитъ тишина,
Въ остывшемъ воздухѣ отъ меркнущихъ селеній
Дрожа, несется звонъ... Душа моя полна
Разлукою съ тобой и горемъ сожалѣній.
И каждый мой упрекъ я вспоминаю вновь
И каждое твержу привѣтливое слово,
Что могъ бы я сказать тебѣ, моя любовь,
Но что внутри себя я схоронилъ сурово..

V.

Звонче жаворонка пѣнье,
Ярче вешніе цвѣты,
Сердце полно вдохновенья,
Небо полно красоты.

Разорвавъ тоски оковы,
Цѣпи пошлыя разбивъ,
Набѣгаетъ жизни новой
Торжествующій приливъ —

И звучитъ свѣжо и ю́но
Но́выхъ силъ могучій строй,
Какъ натянутыя струны
Между небомъ и землёй.

VI.

Край ты мой, родимый край!
Конскій бѣгъ на волѣ!
Въ небѣ крикъ орлиныхъ стай!
Волчій голосъ въ полѣ!

Гой ты, родина моя!
Гой ты, боръ дремучій!
Свистъ полночный соловья,
Вѣтеръ, степь да тучи!

VII.

Коль любить, такъ безъ разсудку,
Коль грозить, такъ не на шутку,
Коль ругнуть, такъ сгоряча,
Коль рубнуть, такъ ужъ съ плеча!
Коли спорить, такъ ужъ смѣло,
Коль карать, такъ ужъ за дѣло,
Коль прощать, такъ всей душой,
Коли пиръ, такъ пиръ горой!

VIII.

ИЗЪ ПОЭМЫ „ГРѢШНИЦА".

Вино струится; шумъ и хохотъ;
Звонъ лютней и кимваловъ грохотъ;
Куренье, солнце и цвѣты—
И вотъ въ толпѣ, шумящей праздно,
Подходитъ мужъ благообразный.
Его чудесныя черты,
Осанка, поступь и движенья,
Во блескѣ юной красоты,
Полны огня и вдохновенья.
Его величественный видъ
Неотразимой дышитъ властью,
Къ земнымъ утѣхамъ нѣтъ участья,
И взоръ въ грядущее глядитъ.
То мужъ, на смертныхъ не похожій;
Печать избранника на нёмъ;
Онъ свѣтелъ, какъ архангелъ Божій,
Когда пылающимъ мечомъ
Врага въ кромѣшныя оковы
Онъ гналъ по манію Еговы.
Невольно грѣшная жена
Его величьемъ смущена—
И смотритъ робко, взоръ понизивъ;
Но, вспомня свой недавній вызовъ,
Она съ сѣдалища встаётъ,
И, станъ свой выпрямивши гибкой

И смѣло выступивъ впередъ,
Пришельцу съ дерзкою улыбкой
Фіалъ шипящій подаётъ.

„Ты тотъ, что̀ учитъ отреченью?
Не вѣрю твоему ученью:
Моё надежнѣй и вѣрнѣй.
Меня смутить не мысли нынѣ,
Одинъ скитавшійся въ пустынѣ,
Въ постѣ проведшій сорокъ дней!
Лишь неслажденьемъ я влекома,
Съ постомъ, съ молитвой незнакома,
Я вѣрю только красотѣ,
Служу вину и поцѣлуямъ:
Мой духъ тобою не волнуемъ,
Твоей смѣюсь я чистотѣ!“

И рѣчь ея ещё звучала,
Ещё смѣялася она,
И пѣна лёгкая вина
По кольцамъ рукъ ея бѣжала,
Какъ общій говоръ вкругъ возникъ—
И слышитъ грѣшница въ смущеньи:
„Она ошиблась! Въ заблужденье
Её привёлъ пришельца ликъ:
То не учитель передъ нею—
То Іоаннъ изъ Галилеи,
Его любимый ученикъ“.
Небрежно немощнымъ обидамъ
Внималъ онъ дѣвы молодой—
И вслѣдъ за нимъ, съ спокойнымъ видомъ
Подходитъ къ храминѣ другой.
Въ его смиренномъ выраженьи
Восторга нѣтъ, ни вдохновенья;
Но мысль глубокая легла
На очеркъ дивнаго чела.
То не пророка взглядъ орлиный,
Не прелесть ангельской красы—
Дѣлятся на̀ двѣ половины
Его волнистые власы;
Поверхъ хитона упадая,
Одѣла риза шерстяная
Простою тканью стройный ростъ;
Въ движеньяхъ скроменъ онъ и простъ;
Ложась вкругъ устъ его прекрасныхъ,
Слегка раздвоена брада —
Такихъ очей благихъ и ясныхъ
Никто не видѣлъ никогда.
И пронеслося надъ народомъ,
Какъ дуновенье тишины —
И чудно благостнымъ приходомъ
Сердца гостей потрясены.
Замолкнулъ говоръ. Въ ожиданьи
Сидитъ недвижное собранье,
Тревожно духъ переводя —
И онъ, въ молчаніи глубокомъ,
Обвёлъ сидящихъ тихимъ окомъ
И, въ домъ веселья не входя,
На дерзкой дѣвѣ самохвальной
Остановилъ свой взоръ печальный.

И былъ тотъ взоръ, какъ лучъ денницы,
И всё открылося ему —
И въ сердцѣ сумрачномъ блудницы
Онъ разогналъ ночную тьму.
И всё, что̀ было тамъ таимо,
Въ грѣхѣ что̀ было свершено,
Въ ея глазахъ неумолимо
До глубины озарено.
Внезапно стала ей понятна
Неправда жизни святотатной,
Вся ложь ея порочныхъ дѣлъ —
И ужасъ ею овладѣлъ.
Уже на грани сокрушенья
Она постигла, въ изумленьи,
Какъ много благъ, какъ много силъ
Господь ей щедро подарилъ
И какъ она восходъ свой ясный
Грѣхомъ мрачила ежечасно.
И, въ первый разъ гнушаясь зла,
Она въ томъ взорѣ благодатномъ
И кару днямъ своимъ возвратнымъ,
И милосердіе прочла;
И, чуя новое начало,
Ещё страшась земныхъ препонъ,
Она, колеблясь, стояла.
И вдругъ въ тиши раздался звонъ
Изъ рукъ упавшаго фіала —
Стѣснённый груди слышенъ стонъ:
Блѣднѣетъ грѣшница младая,
Дрожатъ открытыя уста —
И пала ницъ она, рыдая,
Передъ святынею Христа.

IX.

АЛЕША ПОПОВИЧЪ.

Кто весломъ такъ ловко правитъ
Черезъ а̀иръ и купырь?
Это тотъ Поповичъ славный,
Тотъ Алёша-богатырь!

За плечами видны гусли,
А въ ногахъ червлёный щитъ.
Супротивъ его царевна
Полонённая сидитъ.

Подъ себя поджала ножки,
Лѣтникъ свой подобралà —
И считаетъ ровно взмахи
Богатырскаго весла.

„Ты почто меня, Алёша,
Въ лодку пѣсней заманилъ?
У меня женихъ есть дома;
Ты-жъ, похитчикъ, мнѣ не милъ!“

Но, смѣясь, Поповичъ молвитъ:
„Не похитчикъ я тебѣ!
Ты взошла своею волей —
Покорись своей судьбѣ.

„Ты не первая попалась
Въ лодку, дѣвица, мою:
Знаменитымъ птицеловомъ
Я слыву въ моёмъ краю.

„Безъ силковъ и безъ приманокъ
Я не разъ межъ камышей
Голубыхъ очеретянокъ
Пѣсней лавливалъ моей.

„Но въ плѣну кого поймаю,
Безъ нужды я не морю...
Покорися-же, царевна,
Сдайся мнѣ, богатырю!“

Но она къ нему: „Алёша,
Тѣсно въ лодкѣ намъ вдвоёмъ:
Тяжела ей будетъ ноша —
Вмѣстѣ кó дну мы пойдёмъ.“

Онъ же къ ней: „смотри, царевна:
Видишь тамъ, гдѣ тотъ откосъ,
Какъ на солнцѣ быстро блёщутъ
Стаи легкія стрекозъ?

„На лозу когда-бы сѣли,
Не погнули-бы лозы;
Ты-же въ лодкѣ не тяжелѣ
Легкокрылой стрекозы.“

И, круша душистый аиръ,
Онъ скользитъ очеретомъ,
Стебли длинныя купавокъ
Рвётъ сверкающимъ весломъ.

Много пѣвниковъ нарядныхъ
Въ лодку съ берега глядитъ;
Но Поповичу царевна,
Озираясь, говоритъ:

„Птицеловъ ты безпощадный!
Иль тебѣ меня не жаль?
Отпусти меня на волю,
Лодку къ берегу причаль.“

Онъ же, въ берегъ упираясь
И осокою шурша,
Повторяетъ только: „сдайся,
Сдайся, дѣвица-душа!

„Я люблю тебя, царевна,
Я хочу тебя добыть:
Вольной волей иль неволей
Будешь ты меня любить.“

Онъ весло своё бросаетъ,
Гусли звонкія берётъ —
Дивнымъ пѣніемъ дрожащій
Огласился очерётъ.

Звуки льются, звуки таютъ:
То не вѣтеръ-ли во ржи?
Не крылами-ль задѣваютъ
Мѣдный колоколъ стрижи?

Иль въ тѣни журчатъ дубравной
Однозвучные ключи?
Иль ковшей то звонъ заздравный?
Иль мечи бьютъ о мечи?

Пламя-ль блещетъ? дождь-ли льётся?
Буря-ль встала, пыль крутя?
Конь-ли пó полю несётся?
Мать-ли пѣстуетъ дитя?

Или то воспоминанье,
Отголосокъ давнихъ лѣтъ?
Или счастья обѣщанье,
Или смерти тó привѣтъ?

Пѣсню кто уразумѣетъ?
Кто пойметъ ея слова?
Но отъ звуковъ сердце млѣетъ.
И кружится голова.

Ихъ услыша, присмирѣли
Пташекъ рѣзвыя четы;
На тростникъ стрекозы сѣли,
Преклонилися цвѣты:

Погремокъ, пестрецъ и шильникъ,
И болотная заря
Къ лодкѣ съ берега нагнулись
Слушать пѣснь богатыря.

Такъ съ царевной по теченью
Онъ уносится межъ травъ —
И она внимаетъ пѣнью,
Руку бѣлую поднявъ.

Чтó внезапно въ ней свершилось?
Тоскованье-ль улеглось?
Сокровенное-ль открылось?
Невозможное-ль сбылось?

Словно давнія печали
Разошлися, какъ туманъ;
Словно всѣ преграды пали,
Или были лишь обманъ!

Взоромъ любящимъ невольно
Въ ликъ его она впилась:
Ей и радостно, и больно,
Слезы капаютъ изъ глазъ.

Любитъ онъ, иль лицемѣритъ —
Для нея то все равно:
Этимъ звукамъ сердце вѣритъ
И дрожитъ, побѣждено.

И со всѣхъ сторонъ ихъ лодку
Обняла рѣчная тишь,
И куда ни обернешься —
Только небо да камышъ.

X.

ПОСЛѢДНЕЕ СТИХОТВОРЕНІЕ.

Земля цвѣла. Въ лугу, весной одѣтомъ,
Ручей межъ травъ катился, молчаливъ.
Былъ тихій часъ межъ сумракомъ и свѣтомъ,
Былъ легкій сонъ лѣсовъ, полей и нивъ.
Не оглашалъ ихъ соловей привѣтомъ;
Природу всю широко осѣнивъ,
Царилъ покой; но подъ безмолвной тѣнью
Могучихъ силъ мнѣ чуялось движенье.

Не шелестя надъ головой моей,
Въ прозрачный мракъ деревья улетали;
Сквозной узоръ ихъ молодыхъ вѣтвей,
Какъ легкій дымъ, терялся въ горной дали;
Лѣсной чаберъ и полевой шалфей,
Блестя росой, въ травѣ благоухали —
И думалъ я, въ померкшій глядя сводъ:
Куда меня такъ манитъ и влечетъ?

Проникнутъ весь блаженствомъ былъ я новымъ,
Исполненъ весь невѣдомыхъ мнѣ силъ.
Чего въ житейскомъ натискѣ суровомъ
Не смѣлъ я ждать, чего я не просилъ —
То свершено однимъ, казалось, словомъ.
И мнилось мнѣ, что я лечу безъ крылъ,
Перехожу, подъятъ природой всею,
Въ одинъ порывъ неудержимый съ нею.

Нò трезвъ былъ умъ, и чуждъ ему восторгъ.
Надежды я не зналъ, ни опасенья...
Кто жъ мощно такъ отъ нихъ меня отторгъ?
Кто отрѣшилъ отъ тягости хотѣнья?
Со злобой дня души постыдный торгъ
Сталъ для меня безъ смысла и значенья;
Для всѣхъ тревогъ безслѣдно умеръ я
И ожилъ вновь въ сознаньи бытія.

Тутъ пронеслось, какъ въ листьяхъ дуновенье,
И, какъ отвѣтъ, послышалося мнѣ:
Задачи то старинной разрѣшенье
Въ таинственномъ ты видишь полуснѣ!
То творчества съ покоемъ соглашенье,
То мысли пылъ въ душевной тишинѣ.
Лови-жъ сей мигъ, пока къ нему ты чутокъ:
Межъ сномъ и бдѣньемъ краткой промежутокъ.

XI.

ИЗЪ ТРАГЕДІИ „СМЕРТЬ ІОАННА ГРОЗНАГО".

ДѢЙСТВІЕ I, СЦЕНА II.

Іоаннъ, *блѣдный и изнуренный, одѣтый въ черную рясу, сидитъ въ креслахъ, съ четками въ рукахъ*, и Григорій Нагой.

Іоаннъ.

Оступился мой умъ,
Изнылo сердце; руки неспособны
Держать бразды. Ужъ за грѣхи мои
Господь послалъ поганымъ одолѣнье,
Мнѣ-жъ указалъ престолъ мой уступить
Другому. Беззаконія мои
Песка морского паче: сыроядецъ,
Мучитель, блудникъ, церкви оскорбитель...
Долготерпѣнья божьяго пучину
Послѣднимъ я злодѣйствомъ истощилъ.

Нагой.

О, Государь, ты въ мысли умножаешь
Невольный грѣхъ свой! Не хотѣлъ убить ты
Царевича: нечаянно твой посохъ
Такой ударъ ему нанёсъ.

Іоаннъ.

Неправда:
Нарочно я, съ намѣреніемъ, съ волей
Его убилъ. Иль изъ ума я выжилъ,
Что ужъ и самъ не зналъ, куда кололъ?
Нѣтъ, я убилъ его нарочно. Навзничь
Упалъ онъ, кровью обливаясь; руки
Мнѣ лобызалъ — и, умирая, грѣхъ мой
Великій отпустилъ мнѣ; но я самъ
Простить себѣ злодѣйства не хочу.
Сегодня ночью онъ являлся мнѣ,
Манилъ меня кровавою рукою
И схиму мнѣ показывалъ, и звалъ
Меня съ собой, въ священную обитель
На Бѣломъ озерѣ — туда, гдѣ мощи
Покоятся Кирилла Чудотворца.
Туда и прежде иногда любилъ я
Отъ треволненья міра удаляться;
Любилъ я тамъ, вдали отъ суеты,
О будущемъ покоѣ помышлять
И забывать людей неблагодарность
И злыя козни недруговъ моихъ.
И умилительно мнѣ было въ кельѣ
Отъ долгаго стоянья отдыхать,
Въ вечерній часъ слѣдить за облаками,
Лишь вѣтра шумъ да чàекъ слышать крики,
Да озера однообразный плескъ.
Тамъ тишина — тамъ всѣхъ страстей забвенье!
Тамъ схиму я приму и, можетъ-быть,
Молитвою, пожизненнымъ постомъ
И долгимъ сокрушеньемъ заслужу я
Прощенье окаянству моему. *(Помолчавъ.)*
Поди, узнай — зачѣмъ такъ долго длится
Ихъ совѣщанье? Скоро-ли они
Свой постановятъ приговоръ и съ новымъ
Царёмъ придутъ: да возложу, не медля,
Я на него и бармы, и вѣнецъ. *(Нагой уходитъ.)*
Всё кончено! Такъ вотъ куда приводитъ
Меня величья длинная стезя!
Что встрѣтилъ я на ней? Одни страданья.
Отъ младости не вѣдая покоя,
То на конѣ, подъ свистомъ вражьихъ стрѣлъ,
Языцей покоряя, то въ синклитѣ
Сражаяся съ боярскимъ мятежомъ,
Лишь длинный рядъ я вижу за собою
Ночей безсонныхъ и тревожныхъ дней.
Не кроткимъ былъ я властелиномъ — нѣтъ!
Я не умѣлъ обуздывать себя.
Отецъ Сильвѐстръ, наставникъ добрый мой,
Мнѣ говорилъ: „Иване, берегись!
Въ тебя вселиться хочетъ сатана:
Не отверзай души ему, Иване!“
Но я былъ глухъ къ рѣчамъ святого старца —
И душу я діаволу отверзъ.
Нѣтъ, я не царь — я волкъ, я пёсъ смердящій!
Мучитель я! Мой сынъ, убитый мною...
Я Каина злодѣйство превзошелъ!
Я прокаженъ душой и мыслью! Язвы
Сердечныя безчисленны мои!
О, Христе-Боже, исцѣли меня!
Прости мнѣ, какъ разбойнику простилъ Ты!
Очисти мя отъ несказáнныхъ скверней
И ко блаженныхъ лику сочетай!

ДѢЙСТВІЕ IV, СЦЕНА II.

Іоаннъ, царица Марія Θеодоровна, царевичъ Θеодоръ, царевна Ирина, Борисъ Годуновъ, князь Шуйскій и Бѣльскій.

Іоаннъ.

Борисъ, оставь, оставь теперь синодикъ —
Мы послѣ кончимъ. Слышите? Что тамъ
Скребётъ въ подпольѣ? Слышите? Ещё!
Ещё! Всё ближе! Да воскреснетъ Богъ!
Я царь ещё! Мой срокъ ещё не минулъ!
Я царь ещё — покаяться я властенъ!
Ирина, Θёдоръ, Марья! Станьте здѣсь
Другъ подлѣ друга. Ближе — такъ, бояре!
Всѣ рядомъ станьте здѣсь передо мной —
Чего боитесь? Ближе! *(Кланяется въ землю.)*
Я у всѣхъ,
У всѣхъ у васъ прощенія прошу!

Бѣльскій *(тихо Шуйскому).*

Помилуй насъ Господь!

Шуйскій *(тихо Бѣльскому).*

Остережемся:
Быть можетъ, онъ испытываетъ насъ!

Іоаннъ *(стоя на колѣняхъ).*

Вы, вѣрные рабы мои и слуги!
Межъ вами нѣтъ ни одного, кого-бъ
Не оскорбилъ я дѣломъ или словомъ.
Простите-жъ мнѣ — ты, Бѣльскій, ты, Захарьинъ,
Ты, князь Мстиславскій, ты, князь Шуйскій, ты...

Шуйскій.

Помилуй, государь! Тебѣ ль у насъ
Прощенія просить?

Іоаннъ.
Молчи, холопъ!
Я каяться и унижаться властенъ,
Предъ кѣмъ хочу! Молчи и слушай! Каюсь:
Моимъ грѣхамъ нѣсть мѣры, ни числа!
Душою скотенъ, разумомъ растлѣнъ,
Прельстился я блещаньемъ багряницы,
Главу мою гордыней осквернилъ,
Уста — божбой, языкъ мой — срамословьемъ,
Убійствомъ руки и грабленьемъ злата,
Утробу — объядѣніемъ и пьянствомъ,
А чресла — несказуемымъ грѣхомъ!
Бояре всѣ — я васъ молю: простите,
Вы всѣ простите вашему царю!
(Кланяется въ землю.)

Я. П. ПОЛОНСКІЙ.

Яковъ Петровичъ Полонскій, современный поэтъ и беллетристъ, родился 6-го декабря 1820 года въ Рязани, гдѣ провёлъ своё дѣтство и первую молодость. На десятомъ году онъ имѣлъ несчастье лишиться нѣжно-любившей его матери, умершей въ 1830 году, и остаться почти круглымъ сиротою, такъ-какъ отецъ его, спустя нѣсколько мѣсяцевъ по смерти жены, получилъ мѣсто совѣтника казённыхъ сборовъ и податей въ городѣ Эривани, въ Закавказьи, куда тотчасъ же и уѣхалъ, оставивъ шестерыхъ дѣтей на попеченіе своихъ свояченицъ. Благодаря заботливости тётокъ, молодой Полонскій поступилъ въ 1831 году въ Рязанскую гимназію, гдѣ вскорѣ обнаружилъ первые проблески поэтическаго таланта. Къ концу же гимназическаго курса стихъ его принялъ такую красивую форму и сталъ на столько благозвучнымъ, что Полонскій, будучи ещё ученикомъ 6-го класса, за стихи свои, поднесённые государю наслѣднику — впослѣдствіи Государю императору, Александру II — во время проѣзда его черезъ Рязань, удостоился получить отъ него въ подарокъ золотые часы. Окончивъ гимназическій курсъ, Полонскій отправился въ Москву и поступилъ на юридическій факультетъ тамошняго университета, чтò, впрочемъ, не мѣшало ему посѣщать весьма усердно лекціи другихъ факультетовъ и рѣдко заглядывать въ аудиторію своего. Къ несчастью, пребываніе Полонскаго въ университетѣ совпало съ съ совершеннымъ разстройствомъ дѣлъ и здоровья его отца, чтò поставило его въ весьма затруднительное положеніе и познакомило даже съ нуждою. Пришлось отказаться отъ посѣщенія нѣкоторыхъ лекцій и заниматься уроками въ частныхъ домахъ. Въ 1844 году Полонскій окончилъ курсъ въ университетѣ и въ концѣ того же года издалъ небольшую книжку своихъ стихотвореній, въ числѣ тридцати двухъ, подъ заглавіемъ „Гаммы“, о которой, строгій къ начинающимъ поэтамъ, Бѣлинскій отозвался съ большою похвалою. Затѣмъ онъ отправился въ Одессу, а оттуда въ Закавказье, гдѣ онъ получилъ мѣсто помощника редактора газеты „Закавказскій Вѣстникъ“. Здѣсь, независимо отъ всего, напечатаннаго имъ въ „Закавказскомъ Вѣстникѣ“, какъ однимъ изъ редакторовъ газеты, Полонскій написалъ и напечаталъ цѣлый рядъ стихотвореній и пяти-актную драму, именно: въ 1849 году онъ издалъ третье собраніе своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: „Сазандръ“ (чтò по-грузински значитъ — пѣвецъ), въ составъ котораго вошло двѣнадцать стихотвореній; затѣмъ, въ 1851 году, онъ напечаталъ въ Тифлисѣ же четвёртое собраніе своихъ новыхъ поэтическихъ произведеній, подъ заглавіемъ: „Нѣсколько стихотвореній Я. П. Полонскаго“; наконецъ, въ 1852 году, онъ окончилъ свою историческую драму въ пяти дѣйствіяхъ, подъ заглавіемъ: „Дареджана Имеретинская“. Драма эта была написана исключительно для тифлисскаго театра, только что отстроеннаго тогда на Эриванской площади. Она же была и поводомъ поѣздки ея автора въ Петербургъ. По дорогѣ въ Петербургъ Яковъ Петровичъ посѣтилъ свою родину — Рязань, гдѣ былъ утѣшенъ свиданіемъ съ больнымъ отцомъ. Затѣмъ, просрочивъ въ Петербургѣ данный ему отпускъ, онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, въ надеждѣ найти себѣ мѣсто въ столицѣ. Спустя нѣсколько времени, здѣсь приступилъ онъ къ печатанію пятаго изданія своихъ поэтическихъ произведеній, которое и вышло въ свѣтъ въ концѣ 1855 года, подъ заглавіемъ: „Стихотворенія Я. П. Полонскаго“. Сюда вошли всѣ поэтическія произведенія Полонскаго, напечатанныя имъ въ четырёхъ предшествовавшихъ изданіяхъ, за исключеніемъ пяти стихотвореній въ „Гаммахъ“, тринадцати въ „Стихотвореніяхъ 1845 года“ и драмы „Дареджана“. Затѣмъ, зиму 1856 года онъ провёлъ въ Варшавѣ, а весною слѣдующаго года выѣхалъ за границу. Объѣхавъ, въ теченіе лѣта и осени, всю Германію и Швейцарію, онъ провёлъ зиму въ Римѣ, поселясь тамъ въ улицѣ Felice, въ которой жилъ Гоголь. Весною 1857 года Полонскій простился съ Римомъ и отправился въ южную Италію, а оттуда въ Парижъ.

Здѣсь, въ одномъ русскомъ семействѣ, онъ встрѣтился случайно съ молодой и весьма красивой дѣвушкой, Еленой Васильевной Устюжской, дочерью причетника при русской церкви въ Парижѣ. Впечатлѣніе, сдѣланное на Полонскаго ея красотой и музыкальнымъ талантомъ, было такъ полно, что, спустя нѣсколько дней послѣ первой встрѣчи, онъ уже просилъ ея руки, а въ іюлѣ мѣсяцѣ того же 1858 года былъ обвѣнчанъ съ избранной имъ подругой жизни въ парижской русской церкви, въ присутствіи нѣсколькихъ друзей его, бывшихъ въ то время въ Парижѣ. Но счастье, такъ неожиданно заглянувшее, наконецъ, подъ кровлю нашего поэта, не долго тѣшило его своими ласками: черезъ какіе-нибудь полтора года послѣ свадьбы, Полонскій имѣлъ несчастіе лишиться горячо-любимой жены, умершей внезапно, въ цвѣтѣ красоты и молодости, и остался снова сирымъ и одинокимъ.

Возвратившись въ Петербургъ въ концѣ 1858 года, Полонскій немедленно вступилъ въ права редактора журнала „Русское Слово“, мѣсто котораго было предложено ему графомъ Г. А. Кушелевымъ-Безбородко ещё при встрѣчѣ съ нимъ въ Римѣ въ 1857 году. Въ теченіе своего почти двухлѣтняго редакторства (1859—1860) Полонскій помѣстилъ въ „Русскомъ Словѣ“ цѣлый рядъ своихъ стихотвореній и нѣсколько прозаическихъ и критическихъ статей. Осенью 1860 года, во время отлучки Якова Петровича изъ Петербурга, редакція журнала была передана графомъ Кушелевымъ г-ну Хмельницкому. Это обстоятельство заставило Полонскаго искать службы, тѣмъ болѣе, что здоровье его было разстроено и требовало радикальнаго лѣченія. Въ мартѣ 1860 года, открылась вакансія мѣста секретаря Комитета Цензуры Иностранной. Предложенное Полонскому, оно было принято имъ — и поэтъ уже думалъ успокоиться отъ всевозможныхъ треволненій, представляемыхъ жизнію, съ ея ежедневными нуждами и заботами; но и на этотъ разъ желаннаго успокоенія не послѣдовало. Болѣзнь, начавшаяся уже около года тому назадъ, вдругъ приняла дурной оборотъ и Полонскій — волей-неволей — долженъ былъ уѣхать лѣчиться за границу. Пролѣчившись всё лѣто 1861 года въ Ишлѣ, Гастейнѣ и Теплицѣ, Полонскій поправился и возвратился въ Петербургъ почти здоровый, и вскорѣ оправился совершенно. Въ 1866 году Яковъ Петровичъ вступилъ во второй бракъ съ дѣвицей Жозефиной Антоновной Рюльманъ.

Начиная съ конца 1860 года, стихотворенія Полонскаго стали появляться почти во всѣхъ петербургскихъ журналахъ, какъ-то: въ „Современникѣ“, „Библіотекѣ для Чтенія“, „Времени“, „Эпохѣ“, „Вѣстникѣ Европы“, „Зарѣ“, „Гражданинѣ“, „Отечественныхъ Запискахъ“ и „Дѣлѣ“.

Какъ на болѣе выдающіяся произведенія Якова Петровича за послѣдніе годы, слѣдуетъ указать на поэмы: „Мими“ и „Келіотъ“, напечатанныя въ „Отечественныхъ Запискахъ“ на 1873 и „Дѣлѣ“ на 1874 года, на стихотвореніе „Казиміръ Великій“, помѣщённое въ „Недѣлѣ“, и романъ „Дешевый Городъ“, первая часть котораго напечатана во 2-й и 3-й книжкахъ „Вѣстника Европы“ на 1879 годъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1887 года былъ отпразднованъ въ С.-Петербургѣ 50-ти-лѣтній юбилей литературной дѣятельности Я. П. Полонскаго.

Заключаемъ нашу статью двумя отзывами И. С. Тургенева и Н. Н. Страхова о поэтической дѣятельности Полонскаго. „Если про кого можно сказать“,—пишетъ И. С. Тургеневъ—„что онъ не эклектикъ, не поэтъ съ чужого голоса, что онъ, по выраженію Альфреда де-Мюссе, „пьётъ хотя изъ маленькаго, но своего стакана“, такъ это именно про Полонскаго. Худо-ли, хорошо-ли онъ поётъ, но поётъ уже точно по-своему. Талантъ Полонскаго представляетъ особенную, ему лишь одному свойственную, смѣсь простодушной граціи, свободной образности языка, на которомъ ещё лежитъ отблескъ Пушкинскаго изящества и какой-то иногда неловкой, но всегда любезной честности и правдивости впечатлѣній“.

А вотъ и отзывъ г-на Страхова: „Направленіе у Полонскаго — есть. Это — поклоненіе всему прекрасному и высокому, служеніе добру и красотѣ, любовь къ просвѣщенію и свободѣ, ненависть ко всякому насилію и мраку. По мѣсту духовнаго развитія, Полонскій принадлежитъ Москвѣ и Московскому университету сороковыхъ годовъ — и онъ до конца остается вѣренъ лучшимъ стремленіямъ тогдашней блестящей эпохи. Въ его стихахъ вы безпрестанно встрѣчаете тёплое слово, обращённое къ свѣтлымъ идеаламъ, которыми тогда жила литература и которые, въ сущности, никогда не должны въ ней умирать. Любовь къ человѣчеству, стремленіе къ свѣту науки, благоговѣніе передъ искусствомъ и передъ всѣми родами духовнаго величія — вотъ постоянныя черты поэзіи Полонскаго. Если онъ не былъ провозвѣстникомъ этихъ идей, то онъ всегда былъ ихъ вѣрнымъ поклонникомъ“.

Кромѣ уже указанныхъ нами выше пяти изданій своихъ стихотвореній и прозаическихъ сочиненій, въ послѣднія двадцать лѣтъ своей литературной дѣятельности Полонскій издалъ ещё слѣдующія: 1) Стихотворенія Я. Полонскаго. Дополненіе къ стихотвореніямъ, изданнымъ въ 1855 году. Спб. 1859. 2) Разсказы Я. П. Полонскаго. Спб. 1859. 3) Оттиски. Стихотворенія Я. П. Полонскаго. Спб. 1860. 4) Кузнечикъ-музыкантъ. Шутка въ видѣ поэмы. Съ добавленіемъ стихотвореній за послѣдніе годы. Я. П. Полонскаго. Спб. 1863. 5) Разладъ. Сцены изъ послѣдняго польскаго возстанія. Я. П. Полонскаго. Спб. 1865. 6) Сочиненія Я. П. Полонскаго. Три тома. Спб. 1869. 7) Снопы. Стихи и проза. Книга 1-я. Я. П. Полонскаго. Спб. 1871. 8) Рецензентъ „Отечественныхъ Записокъ“ и отвѣтъ ему. Я. Полонскаго. Спб. 1871. 9) Вакула-кузнецъ. Либретто для оперы. Я. П. Полонскаго. Спб. 1872. 10) Озими. Новый сборникъ стиховъ Я. П. Полонскаго. Двѣ части. Спб. 1876. Послѣднее, новѣйшее изданіе стало выходить въ свѣтъ, отдѣльными томами, съ 1886 года.

I.

ПТИЧКА.

Пахнетъ полемъ воздухъ чистый;
Въ безмятежной тишинѣ
Пѣсни птички голосистой
Раздаются въ вышинѣ.

Есть у ней своя подруга,
Есть у ней пріютъ ночной
Средь нескошеннаго луга,
Подъ росистою травой.

Въ небесахъ, но не для неба,
Вся полна живыхъ заботъ,
Для земли, не ради хлѣба,
Птичка вольная поётъ.

Внемля ей, невольно стыдно
И досадно, что порой
Сердцу гордому завидно
Долѣ птички полевой!

II.

Посмотри — какая мгла
Въ глубинѣ долинъ легла!
Подъ ея прозрачной дымкой
Въ сонномъ сумракѣ ракитъ
Тускло озеро блеститъ.
Блѣдный мѣсяцъ невидимкой,
Въ тѣсномъ сонмѣ сизыхъ тучъ,
Безъ пріюта въ небѣ ходитъ
И, сквозя, на всё наводитъ
Фосфорическій свой лучъ.

III.

НОЧЬ ВЪ КРЫМУ.

Помнишь — лунное мерцанье,
Шорохъ моря подъ скалой,
Сонныхъ листьевъ колыханье
И цикады стрекотанье
За оградой садовой?

Въ полумглѣ нагорнымъ садомъ
Шли мы — лавръ благоухалъ,
Гротъ чернѣлъ за виноградомъ,
И бассейнъ подъ водопадомъ
Переполненный звучалъ.

Помнишь — свѣжее дыханье,
Запахъ розы, говоръ струй —
Всей природы обаянье
И невольное сліянье
Устъ въ нежданный поцѣлуй?

Эта музыка природы
Эта музыка души
Мнѣ въ иные злые годы,
Послѣ бурь и непогоды,
Ясно слышалась въ тиши.

Я внималъ, и сердце грѣлось
Съ юга вѣющимъ тепломъ;
Легче вѣрилось и пѣлось;
Я внималъ — и мнѣ хотѣлось
Этой музыки во всёмъ.

IV.

Пришли и стали тѣни ночи
На стражѣ у моихъ дверей.
Смѣлѣй глядитъ мнѣ прямо въ очи
Глубокій мракъ ея очей;
Надъ ухомъ шепчетъ голосъ нѣжный,
И змѣйкой бьётся мнѣ въ лицо
Ея волосъ, моей небрежной
Рукой измятое, кольцо.
Помедли, ночь! густою тьмою
Покрой волшебный міръ любви!
Ты, время, дряхлою рукою
Свои часы останови!

Но покачнулись тѣни ночи,
Бѣгутъ, шатаяся, назадъ.
Ея потупленныя очи
Уже глядятъ и не глядятъ;
Въ моихъ рукахъ рука застыла!
Стыдливо на моей груди
Она лицо своё сокрыла...
О, солнце, солнце — погоди!

V.

НАЯДЫ.

Я всю ночь просидѣлъ на уступѣ скалы —
И знакомый мнѣ ропотъ я слышалъ у ногъ:
То Эгейское море катило валы
И плескало на рыхлый песокъ.
Тамъ, довѣрясь пустынѣ, я громко читалъ
Заунывныя пѣсни отчизны моей,
Говорилъ я народу, не видя людей —
И далёко по взморью мой голосъ звучалъ.

Надъ пучиною, въ лонѣ глубокихъ небесъ,
Почивалъ громовержецъ Зевесъ.
Всё по-прежнему — вѣра была не нова —
И я громко боговъ уличалъ; но едва
Я замолкъ — на яву увидалъ чудный сонъ:
Въ лунный блескъ изъ воды поднялась голова,
И другая, и третья, и слѣдомъ за ней
На поверхности ровно бѣгущихъ зыбей,
И вдали, и вблизи цѣлый рой
Ихъ возникъ изъ пучины морской.
То всё были наяды. Въ серебряной мглѣ
Рисовались ихъ очерки; тихо онѣ
Колыхались и плыли, какъ пѣна, къ землѣ,
И нагія мерцали при полной лунѣ.
И, луны отраженье колебля, заливъ
Тихо къ отмели, нёсъ ихъ, журча, какъ потокъ,
И, къ отлогому берегу молча приплывъ,
Нимфы моря локтями на влажный песокъ
Оперлись и поникли Я долго не могъ
Ни понять, ни разслушать ихъ. Вдругъ
Сладкогласная рѣчь поразила мой слухъ:
„Это онъ: земнородный титанъ, Прометей,
Что похитилъ огонь у небесъ! Это онъ,
Одарившій душою людей!
Не его-ли мы слышали стонъ?
Тише, сёстры: быть-можетъ, опять
Мы услышимъ страдальческій голосъ его,
Научающій мыслить, страдать
И любить, не боясь никого!"

Въ этотъ мигъ надъ заливомъ свинцовой горой
Поднялася громада-волна. Страшный гулъ
Сонный воздухъ потрясъ, и изъ пѣны морской,
Закачавшись, трезубецъ мелькнулъ.
Кверху брызнулъ фонтанъ, книзу прянулъ каскадъ,
Захрапѣли подводные кони. Я могъ
Только видѣть сквозь брызги зубчатый вѣнокъ
Сѣдовласаго бога — владыки наядъ,
Но не видѣлъ лица его. Сильной рукой
Онъ вожжами хлестнулъ — и сердито-глухой
Раздался его голосъ: „Вотъ я васъ! Назадъ!"

На яву-ли — не знаю, быть-можетъ, во снѣ,
Всё мгновенно исчезло — и онъ, и онѣ;
Только плачущій валъ
По песку прокатился до каменныхъ скалъ,
Только я просидѣлъ до румяныхъ лучей.

Поднимались ночные пары; чуть дышалъ
Поблѣднѣвшій заливъ — и я чутко молчалъ,
И молчало всё. Бѣдныя нимфы морей!
Не титанъ я, безсмертнаго міра творецъ...
Обманули васъ пѣсни отчизны моей,
Испугалъ васъ ревнивый отецъ.

VI.

ПЧЕЛА.

Пчела, погибшая съ послѣдними цвѣтами,
Не даромъ чистыми янтарными сотами
Ты, съ помощью сестёръ, свой улей убрала.
Ту руку, что̀ тебя всё лѣто берегла,
Обогатила ты сладчайшими дарами.

А я? Собравши плодъ съ цвѣтовъ Господней нивы,
Я рано! до зари, вернулся въ садъ родной,
Но опрокинутымъ нашелъ я улей мой;
Гдѣ цвѣлъ подсолнечникъ—растутъ кусты крапивы,
И некуда сложить мнѣ ноши дорогой.

VII.

У АСПАЗІИ.

ГОСТЬ.

Что-бъ это значило? — Вижу, сегодня ты
Домъ свой, какъ храмъ, убрала:
Между колоннъ занавѣсы приподняты,
Благоухаетъ смола;

Цитра настроена, свитки разбросаны;
У посыпающихъ полъ
Смуглыхъ рабынь твоихъ косы расчёсаны,
Ставятъ амфоры на столъ
Ты же блѣдна—словно всѣми забытая,
Молча стоишь у дверей?

АСПАЗІЯ.

Площадь отсюда видна мнѣ, покрытая
Тѣнью сквозныхъ галлерей:
Шумъ ея замеръ, и—это молчаніе
Въ полдень такъ странно, что вновь
Сердце мнѣ мучитъ тоска ожиданія,
Радость, тревога, любовь.
Буйныхъ Аѳинъ тишину изучила я:
Это — Периклъ говоритъ!
Если блѣдна и молчитъ его милая,
Значитъ:— весь городъ молчитъ.
Чу! шумъ на площади - рукоплесканія:
Друга вѣнчаетъ народъ!
Но и въ лавровомъ вѣнкѣ изъ собранія
Онъ въ эти двери войдётъ.

VIII.

АГАРЬ.

„Завистью гонима, я бѣгу стыда —
И никто не сыщетъ моего слѣда.

„Кущи господина! сѣни госпожи!
Вертоградъ зелёный! столбъ родной межи!

„Поле, гдѣ доила я весёлыхъ козъ!
Ложе, гдѣ такъ много пролила я слёзъ!

„И очагъ домашній, и святой алтарь —
Всё прости навѣки!“ — говоритъ Агарь.

И её въ пустыню духъ вражды влечётъ,
И пустыня словно всё за ней идётъ,

Всё впередъ заходитъ и со всѣхъ сторонъ
Ей грозитъ и душитъ, какъ тяжелый сонъ.

Сѣрые каменья, лава и песокъ
Подъ лучами солнца жгутъ подошвы ногъ;

Пальмъ высокихъ листья сухо шелестятъ;
Тѣни безъ прохлады по лицу скользятъ;

И въ лицо ей вѣтеръ дышитъ горячо,
И кувшинъ ей давитъ смуглое плечо.

Сердце замираетъ, ноги устаютъ,
Слёзы высыхаютъ и опять текутъ.

Чу! вдали журчанье ключевой воды;
По краямъ оврага свѣжіе слѣды.

Знать, не даромъ пастырь здѣсь прогналъ стада:
Вотъ - скамья и жолобъ, зелень и вода.

И, слагая ношу, сѣла отдыхать
Бывшая рабыня, будущая мать —

И, страшась пустыни и боясь пути,
И не зная, гдѣ ей спутниковъ найти,

Головой поникла съ тайною мольбой.
Вдругъ, какъ-будто съ вѣтромъ, сладостно-живой

Голосъ не воздушный, но и не земной,
Прозвучалъ въ пустынѣ, говоря съ душой.

И она очнулась; слушая, глядитъ,
Видитъ — ангелъ Божій на пескѣ стоитъ.

Бѣлая одежда, бѣлое крыло,
Кроткое сіянье – строгое чело.

—„Ты куда?“ спросилъ онъ.—„Я иду въ Кадисъ“.
И сказалъ ей ангелъ: „съ миромъ воротись!“

—„Я бѣгу отъ Сарры, госпожи моей“.
И сказалъ ей ангелъ· „примирися съ ней!

„И родишь ты сына, силу многихъ силъ;
Наречешь имя ему Измаилъ.

„И рука Господня будетъ вѣчно съ нимъ:
Населятся страны сѣменемъ твоимъ“.

И съ отрадой въ сердцѣ начала вставать
Бывшая рабыня — будущая мать.

IX.

ИЗЪ ПОЭМЫ „КУЗНЕЧИКЪ-МУЗЫКАНТЪ“.

Не сверчка-нахала, что̀ скрипитъ у печекъ,
Я пою: герой мой — полевой кузнечикъ.
Росту небольшого, но продолговатый,
На спинѣ носилъ онъ фракъ зеленоватый;
Тонконогій, тощій и широколобый,
Былъ онъ сущій геній — даръ имѣлъ особый:
Музыкантомъ слылъ онъ между насѣкомыхъ,
И концерты слушать приглашалъ знакомыхъ.
Подъ роскошной жатвой жилъ онъ въ полѣ чистомъ,
Оглашая воздухъ безконечнымъ свистомъ
Своего оркестра. Вѣтреное племя

Скакуновъ забыло, что въ поляхъ, въ то время,
Музыки и вкуса былъ онъ представитель.
Всё, что нынче лѣтомъ деревенскій житель
Слышитъ за окошкомъ, лёжа на кровати,
Или на балконъ свой выходя въ халатѣ —
Этотъ свистъ трескучій, этотъ звонъ безбрежный,
Разлитой повсюду — и сухой, и нѣжный —
Если только въ этомъ сумрачномъ концертѣ
Есть живая нѣга и восторгъ — повѣрьте —
Это всё былыя, вѣчныя созданья
Моего героя или — подражанья.
Бѣдненькій кузнечикъ, позабытъ твой геній!
Но ты вѣкъ свой прожилъ не безъ приключеній.
Помню, ты не даромъ слылъ идеалистомъ:
Сядешь ты, бывало, въ свѣтѣ серебристомъ
Мѣсяца, подъ пологъ ночи, на соломкѣ,
Вѣтромъ сокрушенной. Даромъ, что не ломки
Гибкіе колосья, всё же въ нивѣ шаткой
Много ихъ подломитъ этотъ вѣтеръ гадкій.
Сядешь ты, бывало, и во славу ночи
На своей скрипицѣ пилишь, что есть мочи;
И тебя дразнили пискуны пустые,
Комары-злодѣи, трубачи степные,
И въ тебя влюблялись божія коровки,
И мутила зависть многія головки
Съ тѣмъ же, музыкальнымъ то-есть, направленьемъ,
Съ тою же охотой, да не съ тѣмъ умѣньемъ.
И грозилась мошка, съ помощью науки,
Умертвить тобою созданные звуки,
И тяжеловѣсный жукъ неоднократно
Увѣрялъ, что уши смачивать пріятно
На твоихъ концертахъ, а не то де уши,
Какъ трава, завянутъ отъ ужасной суши.
Въ частной жизни также къ добренькимъ коровкамъ,
Къ мушкамъ и козявкамъ часто въ пренеловкомъ
Былъ ты положеньи: слушалъ ихъ признанья,
Робко избѣгая тайнаго свиданья.
Но ничто, однако-жъ, не поколебало
Твоего покоя; никакое жало
Твоему таланту не казалось вреднымъ:
Въ музыкальномъ мірѣ былъ ты всепобѣднымъ.
Липки — это было нѣчто въ родѣ парка;
Въ серединѣ — прудикъ, а при въѣздѣ — арка
Изъ вѣтвей — такая, что была, безспорно,
Чудомъ совершенства; такъ была просторна,
Что — вообразите — насѣкомыхъ двѣсти
Въ рядъ могло бы въѣхать Вы меня повѣсьте,
Если вру! Строитель — я и не скрываю —
Былъ — сама природа: только я не знаю,
Кто ей за работу заплатилъ; а впрочемъ,
Здѣсь мы о природѣ вовсе не хлопочемъ.
Такъ, чтобъ журналисты насъ не заклевали,
Признаюсь, что въ домѣ бабочекъ едвали
Описать возможно лѣстницу подъ желтымъ
Коврикомъ изъ моху, кое-гдѣ протёртымъ;
Пасмурныя сѣни, гдѣ съ утра лакеи
Безъ сапогъ быть могутъ, но не безъ ливреи;
Залу, гдѣ гнилушки, точно сталактиты,
Облѣпивъ карнизы, зеленью повиты.
Мой одинъ знакомый, архитекторъ русскій,
Видѣлъ въ этой залѣ черепокъ этрусскій,
И — я живо помню — хвасталъ, не краснѣя,
Какъ ему въ той залѣ вдругъ пришла идея
Украшать со вкусомъ барскіе покои,
Покрывая бѣлой плѣсенью обои.
Впрочемъ, домъ Сильфиды, если только строго
Придираться къ стилю, смахивалъ немного
На дупло. Кузнечикъ такъ былъ очарованъ,
Или такъ былъ сердцемъ наэлектризованъ,
Что дрожалъ и таялъ — молча ждалъ Сильфиды,
Подходилъ къ окошку и глядѣлъ на виды.
А Сильфида съ кѣмъ-то по саду порхала,
Съ милыми гостями весело болтала.
Гости эти были черви разныхъ кличекъ
И въ травѣ лежали въ видѣ заковычекъ.
Чернокожій клопикъ, вѣрно сынъ швейцарской,
Или внучекъ няни, крестничекъ боярскій,
Доложилъ Сильфидѣ, что какой-то длинный
Господинъ изволитъ ждать её въ гостиной.
Приглашенъ герой мой. Ему отвѣчали
На поклонъ улыбкой и пробормотали:
„Очень, очень рады!“ Дамы оглядѣли
Всю его фигуру — и едва сумѣли
Удержать свой хохотъ: только покосились
На мужчинъ. Но черви не пошевелились,
Ибо умъ ихъ кто-то такъ ужасно сузилъ,
Что для нихъ довольно бантикъ или узелъ
Галстуха замѣтить, чтобъ на остальное
Не глядѣть и въ гордомъ пребывать покоѣ.
Поприще артиста къ разнымъ столкновеньямъ
Пріучаетъ душу; но къ обыкновеньямъ
Милыхъ насѣкомыхъ высшаго разряда
Не привыкъ герой мой. Вдалекѣ отъ сада,
Бѣденъ, худъ и блѣденъ, съ головы до пятокъ
На себѣ носилъ онъ поля отпечатокъ,
Поля, гдѣ лишь тучи подаютъ свой голосъ,
Колосится жатва и серпа ждётъ колосъ.
Знаю, о кузнечикъ, какъ ты былъ отмѣнно
Бабочкою принятъ. Ты себя надменно
Вёлъ, какъ-будто цѣлый вѣкъ торчалъ ты въ свѣтѣ,
Съ юныхъ лѣтъ гуляя въ собственной каретѣ.
Но, скажи, въ тотъ вечеръ, что съ тобою сталось,

И какимъ безвѣстнымъ чувствомъ сердце сжалось,
И какія думы охватили жарко
Геніальный лобъ твой, въ часъ, когда изъ парка
Ты обратно въ поле мчался черезъ кочки?
Отвѣчать-ли, или — мы поставимъ точки?..
Уходя, день ясный плакалъ за горою,
И, роняя слёзы, жаркою зарёю,
Изъ-за тёмной рощи, обхватилъ край нивы.
Дню вослѣдъ глядѣла ночь — и переливы
Свѣта отражались и, дрожа, блуждали
По ея ланитамъ. Тихо начинали
Выходить свѣтила, мѣсяца предтечи,
Передъ Божьимъ трономъ зажигая свѣчи.
Далеко стемнѣло море жатвы зыбкой;
Грустная берёза обнялася съ липкой;
Приватихла роща; только дубъ шушукалъ,
Только гдѣ-то дятелъ крѣпкимъ носомъ тукалъ,
Только гдѣ-то струйки смутно лепетали,
Только роковыя страсти не дремали,
Только насѣкомыхъ міръ неугомонный
Голосилъ немолчно въ тишинѣ безсонной.
Стрекотали мухи, комары трубили;
На своихъ скрипицахъ весело пилили,
Лихо зная ноты, стало-быть — безъ свѣчекъ,
Тѣ, которыхъ хоромъ управлялъ кузнечекъ.
Впереди оркестра, на своей скрипицѣ
Громче всѣхъ пилилъ онъ въ честь своей царицы.
Выходила замужъ бабочки кузина —
И женихъ былъ славный съ хоботомъ дѣтина;
По уму, конечно, не былъ изъ проворныхъ,
Но происходилъ онъ изъ червей отборныхъ.
По словамъ невѣсты, онъ лишь былъ несносенъ
Тѣмъ, что безъ разбора запахъ старыхъ сосенъ
Сравнивалъ съ весеннимъ запахомъ фіалокъ,
Уважалъ шиповникъ и боялся галокъ.
Но какое дѣло намъ до этихъ вздоровъ!
Балъ великолѣпный. Звуки льются съ хоровъ.
Шпанскихъ мухъ десятки въ золотыхъ ливреяхъ
Курятъ ароматы въ сумрачныхъ аллеяхъ.
Свѣтляки, подобно шкаликамъ и плошкамъ
Вспыхивая, блещутъ вдоль по всѣмъ дорожкамъ.
Копошатся гости. Въ мѣсячномъ сіяньѣ
Бабочки порхаютъ въ бальномъ одѣяньѣ;
Стрекоза, сцѣпившись съ стрекозой, несётся;
Пёстрый вихорь вальса шелеститъ и вьётся;
Жужелицы ходятъ около буфета;
Ползаютъ козявки, а большого свѣта
Жесткія особы, божія коровки,
Собрались другъ-другу показать обновки.
Молча подбираясь къ двумъ зелёнымъ мухамъ,
Два жука какихъ-то выступали брюхомъ
На коротенькихъ ножкахъ. Муравей, съ шнуровкой
Подъ жилетомъ моднымъ, съ желтенькой коровкой
Важно и небрежно, присѣдая, пляшетъ;
Рѣзвая Сильфида крылышками машетъ:
Глазки, носикъ, ножки, платьица узоры —
Всё въ ней поневолѣ привлекаетъ взоры.
Мой артистъ-кузнечикъ и душой пылаетъ,
И очей не сводитъ, и, какъ чортъ, играетъ.
По ея же просьбѣ — сердцемъ неизмѣнный —
Сочинилъ онъ этотъ танецъ вдохновенный,
Танецъ, подъ который скачутъ и понынѣ
Стаи насѣкомыхъ на любой куртинѣ
Вашего же сада, если, о читатель,
Садъ иль хоть садишко далъ тебѣ Создатель.
Но и насѣкомыхъ балъ не обошелся
Безъ скандала: въ паркѣ, говорятъ, нашелся
Злой паукъ, который, съ вѣточки на вѣтку
Протянувши нити, невидимку-сѣтку
Сдѣлалъ такъ канальски ловко и искусно,
Что тайкомъ, быть-можетъ, и покушалъ вкусно.
Говорятъ, вдобавокъ шлёпнулась коровка,
И у ней отъ страха лопнула шнуровка.
Самъ артистъ замѣтилъ, какъ его Сильфиду
Паучокъ какой-то, пренаивный съ виду,
За крыло задѣвши чѣмъ-то въ родѣ петли,
Притянуть старался и глядѣлъ ужъ нѣтъ ли
Гдѣ такого мѣста въ этомъ чудномъ садѣ,
Чтобъ минутъ хоть десять провести въ прохладѣ
Въ тишинѣ, въ уютѣ, дальше отъ волненья.
Но артистъ ревнивый понялъ ухищренья,
Подскочилъ и порвалъ роковыя нити.
Паучокъ надулся; а комаръ: „смотрите“,
Пропищалъ артисту: „какъ вы замарались,
Точно въ неприличномъ мѣстѣ обрѣтались.“
Покраснѣлъ кузнечикъ: видитъ — паутина
Къ рукаву прилипла. „Экая скотина!“
Проворчалъ и — вытеръ. Бабочка ни слова
Не сказала, только выбрала другого
Въ танцахъ кавалера: кавалеръ крылатый
Былъ ея сосѣдки братецъ глуповатый.
„Правда-ли“, спросилъ онъ: „слухъ идётъ изъ нивы,
Будто бы въ маэстро страстно влюблены вы?
Будто бы кузнечикъ говорилъ, что хочетъ
Онъ на васъ жениться и о томъ хлопочетъ?“
— „Что вы говорите?“ молвила Сильфида:
„Мой женихъ — кузнечикъ! Какова обида!
Кто такіе въ свѣтѣ распускаетъ слухи?
Или эту глупость выдумали мухи!“
— „Нѣтъ, совсѣмъ не мухи-съ! Кто-то изъ оркестра
Говорилъ, что будто слышалъ отъ маэстро.“
Фея надъ собою сдѣлала усилье,

Чтобъ не разсердиться и, встряхнувши крылья,
Бросила холодный взглядъ на музыканта,
А когда кричали въ честь его таланта:
„Браво! фора' фора!“ дѣлала гримаски
Или улыбалась, опустивши глазки.

X.

ИЗЪ ПОЭМЫ „КЕЛІОТЪ“.

„Я молодость мою провелъ
На скатѣ въ Джелигинскій долъ,
Въ Балканахъ. Помню я, моя
Простая, мирная семья
Любила грамоту. Дѣтей
Не мало на скамьѣ своей
Отецъ мой выучилъ читать,
Къ Отцу небесному взывать,
Родной земли не забывать.
Къ несчастью, у меня была
Сестра Олимпія; росла,
Какъ говорится, не по днямъ...
И, не въ укоръ другимъ цвѣтамъ,
Такъ пышно отъ весеннихъ грозъ
Вдругъ расцвѣла, что намъ пришлось
Скрывать её отъ вражьихъ глазъ,
Какъ драгоцѣнность, какъ алмазъ.
Но красоты не спрячешь — нѣтъ!
Она сама спѣшитъ на свѣтъ,
И, какъ подсолнечникъ, глядитъ
Туда, гдѣ солнышко блеститъ.
Нашъ бѣлый домикъ, на бѣду,
Съ рѣки далёко виденъ былъ,
И хоть листвой окно прикрылъ,
Своё крылечко пріютилъ
На самомъ, такъ-сказать, юру,
Такъ, можетъ-быть, мою сестру,
Въ густые прячась тростники,
Злодѣи видѣли съ рѣки.
Туда-жъ, я помню, за водой
Сходили, пёстрою толпой,
Юницы — пѣли и порой
Аукались съ моей сестрой.
Въ числѣ подругъ моей сестры
Была одна — до сей поры
Я не забылъ ея черты.
То были первыя мечты,
Ребяческія грёзы; но
Всё это было такъ давно,
Что кажется и не понять,
Какъ могъ я сладко такъ страдать.
Я помню, въ нашемъ санджакѣ
Разбои были. По рѣкѣ
Ходила стража. Но пока
Ещё Всевышняго рука
Хранила домикъ нашъ. Какъ вдругъ
На всю семью нашелъ испугъ:
Паша къ отцу прислалъ сказать,
Что если хочетъ онъ продать
Ему въ гаремъ родную дочь,
Онъ раскошелиться не прочь.
Старикъ мой вознегодовалъ:
Онъ на экзарха уповалъ
И, чтобъ спасти законъ и честь,
Рѣшился дочь свою отвесть
И скрыть въ стѣнахъ монастыря;
Но прежде чѣмъ взошла заря,
Я связанъ былъ, отецъ убитъ,
Сестра исчезла. Слѣдъ копытъ
Терялся около рѣки,
Тамъ, гдѣ ломились тростники —
Слѣда другого не нашли.
Я бросился къ пашѣ, къ вали
Хотѣлъ въ Стамбулъ итти пѣшкомъ,
Но, признанный клеветникомъ,
Забитъ въ колодки и потомъ,
Не разъ побитый палачомъ,
Какъ рабъ, помилованъ. Съ трудомъ,
Ступая на̀ ноги, кой-какъ
Обороняясь отъ собакъ,
Изъ Сливенъ я прибрёлъ домой;
Но только матери родной
Я не засталъ: она сошла
Съ ума и утонилась. Домъ
Мой опустѣлъ, и жизнь кругомъ
Притихла. Я такого зла
Не вынесъ. Міръ свои дѣла
Проклятыя мнѣ сталъ являть
Во всей позорной наготѣ.
Не за себя я сталъ страдать —
За всѣхъ. Въ сердечной простотѣ,
То я надѣялся, что край
Славянскій царь нашъ Николай
Освободитъ когда-нибудь,
То самъ сбирался въ дальній путь,
Туда, въ Россію, гдѣ хоть звонъ
Колоколовъ не воспрещёнъ.
То думалъ я, что месть таить
Въ душѣ — ещё не значитъ мстить.
И вотъ, отъ злобы самъ не свой,
Два пистолета подъ полой
Пронёсъ я черезъ Кадыкой.
Хотѣлъ коня себѣ купить

И стать киседжіемъ, но плоть
Борьбы не вынесла. Господь,
Знать, посѣтилъ — я заболѣлъ.
Больной однажды я сидѣлъ
Въ лѣсу, въ тѣни большихъ дубовъ,
И думалъ: „Боже, вѣдь, враговъ
Религіи моихъ отцовъ
Не меньше этихъ комаровъ,
Чтó въ этой теплотѣ сырой
Снуютъ столбами надо мной!
Ладонью комара убить,
Убить ихъ сотню, можетъ-быть,
Чтó значитъ? Въ дубнякахъ родныхъ
И ярахъ меньше-ль будетъ ихъ?
Къ чему послужитъ месть, когда
Богъ терпитъ зло? Вѣдь, въ день суда
Послѣдняго, когда падутъ
И эти горы — пропадутъ
Невѣрные, въ тартарары
Съ бѣсами, свергнутыми въ адъ,
Посыплются, какъ комары,
Которымъ крылья подпалятъ —
Въ тотъ день, чтó скажетъ Царь царей
О мести суетной моей?
И воротился я домой,
И день, и ночь, полубольной
И одинокій, сталъ читать
Четьи-Минеи, повторять
Каноны, пѣть ихъ наизусть.
Домишко нашъ сталъ тихъ и пустъ,
Лишь мнѣ въ окно всё тотъ-же кустъ
Цвѣтами бѣлыми кивалъ
И тѣмъ же запахомъ встрѣчалъ
Меня въ часъ утренній. Никто
Не посѣтилъ меня, за-то
Видѣнья стали посѣщать.
Я помню ночь — явилась мать,
Перекрестила и ушла.
А иногда и духи зла
Меня пугали — звукъ цѣпей
Я слышалъ въ комнатѣ моей —
И содрогался. Не дивись,
Я думалъ, мнѣ легко спастись,
Я думалъ, до конца моей
Ничтожной жизни мало дней
Ужъ остаётся. Озарёнъ
Надеждой видѣть Божій рай,
Стремился я въ завѣтный край,
Въ пустыни, на святой Афонъ.

—

А. Н. МАЙКОВЪ.

Аполлонъ Николаевичъ Майковъ, извѣстный современный русскій поэтъ, правнукъ Василія Ивановича, автора „Елисѣя", и сынъ извѣстнаго живописца Николая Аполлоновича—Майковыхъ, родился 23-го мая 1821 года въ Москвѣ; но всё дѣтство провёлъ въ деревнѣ своего отца, въ шестидесяти верстахъ отъ первопрестольной столицы, близъ Троицко-Сергіевской лавры. Обстановка первыхъ лѣтъ не могла не повліять на ребёнка, то-есть не породнить съ окружающей его природой. Вотъ, напримѣръ, чтó говоритъ объ этомъ времени самъ поэтъ въ прекрасномъ своёмъ стихотвореніи „Рыбная ловля":

> Себя я помнить сталъ въ деревнѣ подъ Москвою:
> Бывало, ввечеру поудить карасей
> Отецъ пойдётъ на прудъ, а двое насъ, дѣтей,
> Сидимъ на берегу подъ ёлкою густою,
> Добычу изъ ведра руками достаёмъ
> И шепотомъ о ней другъ съ другомъ рѣчь ведёмъ.

Лѣтомъ 1854 года отецъ Майкова переѣхалъ съ семействомъ въ Петербургъ. Здѣсь, подъ руководствомъ дяди своего, занимавшагося приготовленіемъ молодыхъ людей для поступленія въ военно-учебныя заведенія, молодой Майковъ собственно началъ учиться, при чёмъ болѣе всего оказывалъ успѣховъ въ математикѣ. Главнымъ же виновникомъ образованія какъ его, такъ равно и старшаго его брата, Валеріана, былъ другъ ихъ отца, Солоницынъ, соредакторъ Сенковскаго по изданію „Библіотеки для Чтенія", окончательно подготовившій Майкова къ поступленію въ университетъ и развившій въ нёмъ вкусъ къ литературѣ, при содѣйствіи молодого кандидата Московскаго университета, И. А. Гончарова, (впослѣдствіи знаменитаго автора „Обломова" и „Обрыва"), преподававшаго ему русскую словесность. Библіотека Солоницына доставляла обоимъ братьямъ огромный выборъ чтенія на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ. До поступленія въ университетъ, познакомились они съ капитальнѣйшими произведеніями этихъ литературъ. Шестнадцати лѣтъ, въ 1836 году, Аполлонъ Николаевичъ поступилъ въ университетъ. Впрочемъ, въ первое время своего юношества, Майковъ, отдавшись весь живописи, къ которой пристрастился ещё въ дѣтствѣ, смотрѣлъ на собственныя литературныя упражненія, какъ на постороннее занятіе, и стихамъ своимъ не придавалъ никакой цѣны. Ободрённый

успѣхомъ одной изъ своихъ картинъ, изображавшей распятіе и купленной въ устраивавшуюся тогда католическую капеллу для бракосочетанія великой княжны Маріи Николаевны, Майковъ, и по выходѣ изъ университета, ещё мечталъ о томъ, чтобы посвятить всѣ свои силы живописи и даже думалъ, для усовершенствованія себя въ этомъ искусствѣ, отправиться за границу; но успѣхъ нѣкоторыхъ изъ числа первыхъ стихотвореній, обратившихъ на себя вниманіе профессоровъ: Плетнёва и Никитенко, понудилъ его окончательно обратиться къ литературѣ. Первымъ стихотвореніемъ Майкова была небольшая пьеса — „Разочарованіе", навѣянная какою-то неудачей въ дѣлѣ живописи. Первыми же его стихотвореніями, появившимися въ печати, были двѣ пьесы, напечатанныя въ „Одесскомъ Альманахѣ" на 1840 годъ, а именно: „Картины вечера" и „Сонъ", безъ имени автора. Перепечатанныя Бѣлинскимъ въ его разборѣ гётевскихъ „Римскихъ элегій", въ переводѣ Струговщикова, они удостоились горячаго его одобренія. Первыми же подписанными поэтическими произведеніями его были два стихотворенія, „Пустынникъ" и „Сомнѣніе", напечатанныя во 2-й книжкѣ „Библіотеки для Чтенія" на 1841 годъ. Затѣмъ, начиная съ 1-ой книжки, стихотворенія его стали появляться на страницахъ „Отечественныхъ Записокъ" 1842 года, а въ концѣ того же года вышли отдѣльной книжкой, подъ заглавіемъ: „Стихотворенія Аполлона Майкова", встрѣченной самыми горячими похвалами Бѣлинскаго, при чёмъ въ обширной статьѣ его, посвящённой подробному разбору собранныхъ стихотвореній, было, между прочимъ, сказано: „Многія изъ стихотвореній г. Майкова обличаютъ дарованіе неподдѣльное, замѣчательное и много обѣщающее въ будущемъ. Говоря такъ, мы думаемъ, что много сказали въ пользу молодого поэта; можно быть человѣкомъ съ дарованіемъ и не обѣщать развитія; только сильныя дарованія въ первыхъ произведеніяхъ своихъ даютъ залогъ будущаго развитія. Явленіе подобнаго таланта особенно отрадно теперь, въ эту печальную эпоху литературы, осиротѣлой и покрытой трауромъ—теперь, когда лишь изрѣдка слышится свѣжій голосъ искренняго чувства, болѣе или менѣе, звучный отголосокъ внутренней думы. Г. Майковъ вполнѣ владѣетъ орудіемъ искусства — стихомъ, который у него напоминаетъ стихъ первыхъ мастеровъ русской поэзіи, и это — великій и подающій самыя лестныя надежды признакъ!" Этотъ лестный отзывъ тѣмъ болѣе важенъ, что большая часть антологическихъ стихотвореній, вошедшихъ въ это первое изданіе стихотвореній Майкова и составляющихъ лучшее его украшеніе, были написаны между 16—20 годами.

Въ томъ же 1842 году исполнилось, наконецъ, давнишнее желаніе Аполлона Николаевича — побывать за границей. Съ наступленіемъ лѣта этого года, онъ отправился въ Италію. Чтеніе классиковъ, изученіе древностей и занятіе живописью, приготовившія его къ пониманію всего прекраснаго, дали ему возможность насладиться вполнѣ всѣмъ тѣмъ, чтó представляетъ Италія изумлённымъ глазамъ наблюдателя, поражая его красотою природы, сооруженій и произведеній искусствъ чтó отразилось впослѣдствіи весьма рельефно въ изданныхъ имъ въ 1847 году „Очеркахъ Рима". Проживъ около года въ Италіи и мѣсяцевъ пять въ Парижѣ, гдѣ онъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Валеріаномъ Николаевичемъ (впослѣдствіи извѣстнымъ критикомъ) усердно посѣщалъ лекціи Сорбонны и Collège de France, Аполлонъ Николаевичъ возвратился въ Петербургъ, проживъ, по дорогѣ, мѣсяца два въ чешской Прагѣ. У Майковыхъ въ домѣ получались всѣ лучшіе тогдашніе русскіе журналы, какъ-то: „Библіотека для Чтенія", „Отечественныя Записки" и „Москвитянинъ". Благодаря послѣднему, Аполлонъ Николаевичъ познакомился со славянскимъ міромъ, который тогда игнорировали другіе журналы, и уже на студенческой скамейкѣ почувствовалъ важный пробѣлъ въ преподаваніи юридическихъ наукъ молодыми тогда профессорами, недавно возвратившимися изъ-за границы, воспитанниками Гегеля: знакомя студентовъ съ правомъ и исторіей главнѣйшихъ европейскихъ народовъ древнихъ и новыхъ, они ни слова не говорили о славянскихъ. Вслѣдствіе этого, онъ самъ старался познакомиться съ юридическими памятниками славянскихъ народовъ, и свою кандидатскую диссертацію написалъ на тему: „О первоначальномъ характерѣ законовъ, по источникамъ славянскаго права". Это былъ едва-ли не первый по времени, хотя и совершенно младенческій, трудъ, въ которомъ обращено было вниманіе на бытъ славянъ. Профессоръ Варшевъ отозвался объ этой диссертаціи, что „въ ней очень много любопытнаго и новаго".

Въ Прагѣ, радушно принятый Ганкою, Майковъ скоро выучился по-чешски и былъ свидѣтелемъ возникавшаго тогда пробужденія чувства самостоятельности въ довольно ещё тѣсномъ кружкѣ на-

тріотовъ, собиравшихся около Ганки и Шафарика. На память о себѣ Аполлонъ Николаевичъ оставилъ чехамъ пѣсню, которую тутъ же Ганка перевёлъ на чешскій языкъ, а кто-то положилъ её на музыку. Она начиналась слѣдующими шестью стихами.

Чехъ сидѣлъ надъ Лабой горной,
Къ чеху соколъ прилетѣлъ:
«Что сидишь ты въ думѣ черной,
Ты бы пилъ, да ты бы пѣлъ".
— „Радъ бы пить, да мнѣ не пьётся,
Радъ бы пѣть, да не поётся!"

Въ результатѣ всѣхъ этихъ странствованій по Европѣ было то́, что, возвратясь въ отечество, Майковъ съ особеннымъ рвеніемъ предался занятіямъ русской исторей и увлёкъ за собою своихъ товарищей. Братъ же его Валеріанъ, занимаясь въ это время болѣе умозрительными науками, вносилъ философскій элементъ въ этотъ тѣсный кругъ друзей.

По возвращеніи Майкова въ Петербургъ, стихотворенія его стали снова появляться на страницахъ „Отечественныхъ Записокъ" и нѣкоторыхъ другихъ журналовъ. Затѣмъ, въ 1845 году онъ издалъ поэму „Двѣ судьбы", а въ 1847 — новый сборникъ своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: „Очерки Рима". Независимо отъ этихъ двухъ поэтическихъ произведеній, навѣянныхъ на автора пребываніемъ его въ Италіи, имъ были написаны, около того же времени, двѣ большихъ пьесы: „Машенька" и „Барышня", напечатанныя въ „Петербургскомъ Сборникѣ" на 1846 годъ и въ 4-й книжкѣ „Современника" на 1847 годъ, въ которыхъ поэтъ впервые коснулся мотивовъ изъ русской жизни. Начиная съ 4-й книжки „Современника" на 1847 годъ, стихотворенія его, въ томъ числѣ „Анакреонъ" и „Алкивіадъ", стали появляться въ этомъ журналѣ, что̀ продолжалось до конца 1859 года. Здѣсь же, въ 10-й и 11-й книжкахъ на 1848 годъ были напечатаны два прозаическихъ его разсказа: „Прогулка по Риму съ моими знакомыми" и „Пикникъ во Флоренціи", подъ общимъ заглавіемъ: „Встрѣчи и разсказы", а въ „Отечественныхъ Запискахъ" на 1852 и 1853 года — нѣсколько критическихъ и художественныхъ статей, изъ которыхъ можно указать на двѣ слѣдующія: „Графъ Ѳ. П. Толстой и его рисунки къ Душенькѣ" (1852, № 9) и „Годичная выставка Императорской Академіи Художествъ" (1835, № 11). Въ 1855 году вышло въ свѣтъ новое собраніе стихотвореній Майкова, подъ заглавіемъ: „1854-й годъ", куда вошли слѣдующія девять его стихотвореній: „Бывало, уловить изъ жизни мигъ случайный...", „Памяти Державина", „Клермонтскій Соборъ", „Посланіе въ лагерь", „Отставной солдатъ Перфильевъ", „Пастухъ", „Молитва", „Москвѣ" и „Арлекинъ". Появленіе этой небольшой книжки было встрѣчено, съ одной стороны, неприличнѣйшими ругательствами, съ другой — самыми горячими похвалами большинства петербургскихъ и московскихъ журналовъ, при чёмъ въ „Современникѣ" (1855, № 3) было сказано: „Новое направленіе, одушевляющее лиру г. Майкова, отголосокъ того чувства, которымъ нынѣ проникнуто сердце всякаго русскаго патріота; оно вызвано справедливымъ убѣжденіемъ нашего поэта, что

Не полны воинскіе лавры
Безъ звона неподкупныхъ лиръ...

что наше время требуетъ своего Державина. Въ самомъ дѣлѣ, какой русскій не желалъ бы нынѣ стать поэтомъ, чтобы откликнуться на громкій вызовъ великихъ событій современности? Кто не хотѣлъ бы возвысить свой голосъ противъ враговъ отечества,

Къ нимъ стать лицомъ, поднять забрало
И грянуть рѣчью громовой?

Г. Майковъ сознаѣтъ, что на нёмъ, какъ на поэтѣ, равнаго которому въ настоящее время едва-ли имѣетъ Россія, прямымъ образомъ лежитъ обязанность сдѣлаться органомъ общаго чувства. Нѣтъ сомнѣнія, что любители поэзіи поспѣшатъ пріобрѣсть эту книжку, имѣющую въ настоящее время двойной интересъ, какъ произведеніе даровитаго поэта и какъ задушевное выраженіе общаго чувства патріотизма".

Въ слѣдующія за тѣмъ десять лѣтъ талантъ Майкова опредѣлился и развился окончательно и поэтъ обогатилъ русскую литературу цѣлымъ рядомъ превосходныхъ произведеній во всѣхъ родахъ, начиная съ поэтическихъ описаній природы русской и итальянской и оканчивая грандіозными картинами событій изъ древней и новой исторіи. Къ этому времени относятся слѣдующія капитальныя его произведенія: вторая часть драматической поэмы „Три смерти", первая часть которой писалась съ 1841-го по 1852 годъ, такъ-какъ авторъ принимался за неё нѣсколько разъ, и была напечатана только въ 1857 году въ „Библіотекѣ для Чтенія", „Савонарола", „Дурочка Дуня", едва-ли не лучшее произведеніе нашего талантлива-

го поэта, „Рыбная ловля“, „Послѣдніе язычники“, „Упраздненный монастырь“, „Приговоръ“, „Исповѣдь королевы“, „Бабушка и внучекъ“, „Другу Ильѣ Ильичу“ и другіе. Какъ поименованныя здѣсь, такъ равно и всѣ остальныя стихотворенія этого періода, появлявшіяся въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ въ „Современникѣ“, „Отечественныхъ Запискахъ“, „Русскомъ Вѣстникѣ“, „Библіотекѣ для Чтенія“ и „Времени“, а также и лучшіе изъ прежнихъ произведеній Майкова, изданныхъ въ 1842, 1847 и 1854 годахъ, были собраны и изданы въ двухъ сборникахъ, изъ которыхъ первый вышелъ въ 1858 году, въ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ: „Стихотворенія Аполона Майкова“, а второй — въ 1864 году, въ одной книжкѣ, подъ заглавіемъ: „Новыя Стихотворенія А. Н. Майкова“. Послѣдніе годы, стихотворенія Апполона Николаевича, продолжая печататься въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, появлялись также въ „Зарѣ“, „Гражданинѣ“ и „Нивѣ“. Въ этихъ журналахъ, между прочимъ, были помѣщены слѣдующія его произведенія: „Странникъ“, „Стрѣлецкое сказанье о царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ“, „Сонъ королевича Марка“, „Мотивы изъ народной поэзіи нынѣшнихъ грековъ“, стихотворный переводъ „Слова о полку Игоревѣ“ и таковой же — восьми главъ „Апоколипсиса“, переводы изъ Мицкевича, Халупки и другіе.

Кромѣ того, въ „Зарѣ“ напечаталъ онъ рядъ разсказовъ изъ русской исторіи, опытъ изложенія событій такъ, какъ они отразились въ представленіи современниковъ и запечатлѣлись въ памяти народной. Въ 1872 году окончено было имъ произведеніе, занимавшее его много лѣтъ, именно — „Два міра“, которому „Три смерти“ могутъ служить какъ бы прологомъ. Здѣсь авторомъ изображено трагическое положеніе лучшаго изъ римлянъ эпохи паденія, стоявшаго на всей высотѣ развитія разума, какого только могъ достигнуть древній человѣкъ — положеніе эстетика-философа-аристократа въ ту минуту, когда онъ, если не вполнѣ понялъ, то почуялъ новую силу, долженствующую сокрушить созданіе римскаго генія — силу, идущую не съ мечёмъ и огнёмъ, выдвигающую людей не отъ міра сего и всё побѣждающую мирною проповѣдью любви и прощенія. Поэма эта вошла въ третье полное изданіе всѣхъ произведеній Майкова, вышедшее въ томъ же 1872 году. Затѣмъ въ „Сборникѣ“ на 1883 годъ была напечатана его „Легенда“, въ „Гражданинѣ“ стихотвореніе „Сѣверъ и Югъ“, въ „Складчинѣ“ — „Минуэтъ“, „Въ степяхъ“, „Вопросъ“ и „У памятника Крылова“, въ „Братской Помочи“ — „Опять горитъ Востокъ...“ и въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ — „Кассандра“, переводъ нѣсколькихъ сценъ изъ Эсхиловой трагедіи „Агамемнонъ“.

Для заключенія нашего краткаго очерка литературной дѣятельности Майкова, считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ его служебной карьерѣ. По выходѣ изъ университета, онъ опредѣлился въ департаментъ государственнаго казначейства, въ которомъ прослужилъ весьма не долго, послѣ чего получилъ мѣсто библіотекаря въ Румянцовскомъ Музеѣ, послѣ чего перешелъ въ комитетъ цензуры иностранной, въ которомъ служитъ и по настоящее время.

Изъ сочиненій А. Н. Майкова отдѣльно изданы были: 1) Стихотворенія Аполлона Майкова. Спб. 1842. 2) Двѣ судьбы. Сочиненіе Аполлона Майкова. Спб. 1845. 3) Очерки Рима. Сочиненіе А. Майкова. Спб. 1847. 4) 1854-й годъ. Стихотворенія А. Н. Майкова. Спб. 1855. 5) Стихотворенія Аполлона Майкова. Изданіе графа А. Кушелева-Безбородко. Двѣ части. Спб. 1858. 6) Новыя стихотворенія (1858—1863) А. Н. Майкова. Москва. 1864. 7) 3-е апрѣля 1866 года. Два стихотворенія А. Н. Майкова. Спб. 1868. 8) Стихотворенія А. Н. Майкова. Изданіе третье, князя В. П. Мещерскаго, Три части. Спб. 1874. Стихотворенія А. Н. Майкова, изд. 4-ое, исправленное и дополненное (А. Ѳ. Маркса) 3 т. Спб. 1884.

I.

СОНЪ.

Когда ложится тѣнь прозрачными клубами
На нивы желтыя, покрытыя скирдами,
На синіе лѣса, на влажный злакъ луговъ;
Когда надъ озеромъ бѣлѣетъ столпъ паровъ
И въ рѣдкомъ тростникѣ, медлительно качаясь,
Сномъ чуткимъ лебедь спитъ, на влагѣ отражаясь:
Иду я подъ родной соломенный свой кровъ,
Раскинутый въ тѣни акацій и дубовъ —
И тамъ, въ урочный часъ, съ улыбкой устъ привѣтныхъ,
Въ вѣнцѣ дрожащихъ звѣздъ и маковъ темно-цвѣтныхъ,
Съ таинственныхъ высотъ воздушною стезёй
Богиня мирная, являясь предо мной,
Сіяньемъ палевымъ главу мнѣ обливаетъ
И очи тихою рукою закрываетъ,
И, кудри подобравъ, главой склонясь ко мнѣ,
Лобзаетъ мнѣ уста и очи въ тишинѣ.

II.

СОМНѢНІЕ.

Пусть говорятъ — поэзія мечта,
Горячки сердца бредъ ничтожный,
Что міръ ея есть міръ пустой и ложный
И блѣдный вымыслъ — красота!
Пусть нѣтъ для мореходцевъ дальныхъ
Сиренъ опасныхъ, нѣтъ дріадъ
Въ лѣсахъ густыхъ, въ ручьяхъ кристальныхъ
Золотовласыхъ нѣтъ наядъ!
Пусть Зевсъ изъ длани не низводитъ
Разящей молніи потокъ
И на ночь Геліосъ не сходитъ
Къ Ѳетидѣ въ пурпурный чертогъ!
Пусть такъ! но въ полдень листьевъ шепотъ
Такъ полонъ тайны, шумъ ручья
Такъ сладкозвученъ, моря ропотъ
Глубокомысленъ, солнце дня
Съ такой любовію пріемлетъ
Пучина моря, лунный ликъ
Такъ сокровенъ, что сердце внемлетъ
Во всёмъ таинственный языкъ;
И ты невольно симъ явленьямъ
Даруешь жизни красоты —
И этимъ милымъ забужденьямъ
И вѣришь, и не вѣришь ты.

III.

Вхожу съ смущеніемъ въ забытыя палаты,
Блестящій нѣкогда, но нынѣ сномъ объятый
Пріютъ державныхъ думъ и царственныхъ забавъ.
Всё пусто. Времени губительный уставъ
Во всёмъ величіи здѣсь блещетъ: всё мертвѣетъ!
Въ аркадахъ мраморныхъ молчанье цѣпенѣетъ;
Вкругъ гордыхъ колоннадъ съ старинною рѣзьбой
Ель пышно разрослась, и въ зелени густой,
Подъ сѣнью древнихъ липъ и золотыхъ акацій,
Бѣлѣютъ кое-гдѣ статуи нимфъ и грацій.
Гремѣвшій водомётъ изъ пасти мѣдныхъ львовъ
Замолкъ; широкій листъ виситъ съ нагихъ столбовъ,
Качаясь пó вѣтру. О, гдѣ въ аллеяхъ спящихъ
Красавицъ лёгкій рой, звонъ колесницъ блестящихъ?
Не слышно ужъ литавръ бряцанья; пирный звукъ
Умолкъ и стихъ давно оружья бранный стукъ;
Но миръ, волшебный сонъ въ забытые чертоги
Вселились — новые, невѣдомые боги.

—

IV.

ГОРНЫЙ КЛЮЧЪ.

Откуда ты, о ключъ подгорный,
Катишь звенящія струи?
Кто вызвалъ васъ изъ бездны черной,
Вы, слёзы чистыя земли?
На горныхъ главахъ лучъ палящій
Кору-ль льдяную растопилъ?
Земли-ль изъ сердца ключъ шипящій
Истоки тайные пробилъ?

Откуда-бъ ни былъ ты, но сладко
Въ твоихъ сверкающихъ зыбяхъ
Дремать наядѣ иль украдкой
Свой ликъ купать въ твоихъ водахъ;
Отрадно пастырямъ долины
У водъ твоихъ въ свой рогъ играть
И дѣвамъ звонкіе кувшины
Въ студёной влагѣ погружать.

Таковъ и ты, о стихъ поэта!
Откуда ты? и для кого?
Тебя кто вызвалъ въ бездну свѣта?
Кого ты ищешь средь него?
То — тайна всѣмъ; но всѣмъ отрадно
Твоей гармоніи внимать,
Любить твой строй, твой лепетъ складный,
Въ тебѣ усладу почерпать.

V.

СВИРѢЛЬ.

Вотъ тростникъ сухой и звонкой!
Добрый Панъ, перевяжи
Осторожно нитью тонкой
И въ свирѣль его сложи!
Подѣлись со мной искусствомъ
Трели въ ней перебирать,
Оживлять ихъ мыслью, чувствомъ,
Понижать и повышать,
Чтобъ мнѣ въ зной полдня златого
Рощи, горы усыпить,
И изъ волнъ ручья лѣсного
Въ гротъ наяду приманить.

VI.

НИВА.

По нивѣ прохожу я узкою межой,
Поросшей кашкою и цѣпкой лебедой.

Куда ни оглянусь — повсюду рожь густая;
Иду — съ трудомъ её руками разбирая.
Мелькаютъ и жужжатъ колосья предо мной,
И колятъ мнѣ лицо. Иду я наклоняясь,
Какъ-будто бы отъ пчёлъ тревожныхъ отбиваясь,
Когда, перескочивъ чрезъ ивовый плетень,
Средь яблонь въ пчельникѣ проходишь въ ясный день.

О, Божья благодать! О, какъ прилечь отрадно
Въ тѣни высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно!
Заботы полные, колосья надо мной
Бесѣду важную ведутъ между собой.
Имъ внемля, вижу я — на всёмъ полей просторѣ
И жницы, и жнецы, ныряя точно въ морѣ,
Ужъ вяжутъ весело тяжелые снопы;
Вонъ — по зарѣ стучатъ проворные цѣпы;
Въ амбарахъ воздухъ полнъ и розана, и мёда;
Вездѣ скрыпятъ возы; средь шумнаго народа
На пристаняхъ кули валятся; вдоль рѣки,
Гуськомъ, какъ журавли, проходятъ бурлаки,
Нагнувши головы, плечами напирая
И длинной бичевой по влагѣ ударяя.
О, Боже! Ты даёшь для родины моей
Тепло и урожай — дары святые неба;
Но хлѣбомъ золотя просторъ ея полей,
Ей, также, Господи, духовнаго дай хлѣба!
Уже надъ нивою, гдѣ мысли сѣмена
Тобой насажены, повѣяла весна,
И непогодами несгубленныя зёрна
Пустили свѣжіе ростки свои проворно.
О, дай намъ солнышка! пошли Ты вёдра намъ,
Чтобъ вызрѣлъ ихъ побѣгъ по тучнымъ бороздамъ!
Чтобъ намъ, хоть опершись на внуковъ, стариками
Притти на тучныя ихъ нивы подышать,
И, позабывъ, что мы ихъ полили слезами,
Промолвить: „Господи! какая благодать!“

VII.

АНГЕЛЪ И ДЕМОНЪ.

Подъемлютъ споръ за человѣка
Два духа мощные: одинъ —
Эдемской двери властелинъ
И вѣрный стражъ ея отъ вѣка;
Другой — во всёмъ величьи зла,
Владыко сумрачнаго міра:
Надъ огненной его порфирой
Горятъ два огненныхъ крыла.

Но торжество кому-жъ уступитъ
Въ пыли рождённый человѣкъ?
Вѣнецъ-ли вѣчныхъ пальмъ онъ купитъ,
Иль чашу временную нѣгъ?
Господень ангелъ тихъ и ясенъ:
Его живитъ смиренья лучъ;
Но гордый демонъ такъ прекрасенъ,
Такъ лучезаренъ и могучъ!

VIII.

АНАКРЕОНЪ.

Въ день сбиранья винограда
Въ дверь отворенного сада
Мы на праздникъ Вакха шли
И — любимца Купидона —
Старика Анакреона
На рукахъ съ собой несли.

Много юношей насъ было,
Бодрыхъ, смѣлыхъ, каждый съ милой,
Каждый бойкій на языкъ;
Но — вино сверкнуло въ чашахъ —
Мы глядимъ — красавицъ нашихъ
Всѣхъ привлёкъ къ себѣ старикъ.

Дряхлый, пьяный, весь разбитый,
Черепъ розами покрытый —
Чѣмъ имъ головы вскружилъ?
А онѣ намъ хоромъ пѣли,
Что любить мы не умѣли,
Какъ когда-то онъ любилъ.

IX.

КЛЕРМОНТСКІЙ СОБОРЪ.

Не свадьбу праздновать, не пиръ,
Не на воинственный турниръ
Блеснуть оружьемъ и конями
Въ Клермонтъ нагорный притекли
Богатыри со всей земли.
Какъ лугъ, усѣянный цвѣтами,
Вся площадь, полная гостей,
Вздымалась массою людей,
Какъ перекатными волнами.
Лучъ солнца ярко озарялъ
Знамена, шарфы, перья, ризы,
Гербы и ленты, и девизы,
Лазурь и пурпуръ, и металлъ.
Подъ златотканнымъ балдахиномъ,
Средь духовенства, властелиномъ
Въ тіарѣ папа возсѣдалъ.

У трона — герцоги, бароны
И красныхъ кардиналовъ рядъ;
Вокругъ ихъ — сирыхъ обороны —
Толпою рыцари стоятъ:
Въ узорныхъ латахъ италіанцы,
Тяжелый швабъ и рыжій бриттъ,
И галлъ, отважный сибаритъ,
И въ шлемахъ съ перьями испанцы,
И — отдалёнъ отъ всѣхъ старикъ,
Дерзавшій свергнуть папства узы:
То обращённый еретикъ
Изъ фанатической Тулузы;
Здѣсь строй норманновъ удалыхъ,
Какъ въ маскахъ, въ шлемахъ пудовыхъ,
Съ своей тяжелой алебардой.
На крыши взгромоздясь, народъ
Всѣхъ поимённо ихъ зовётъ:
Всё это — львы да леопарды,
Орлы, медвѣди, ястреба,
Какъ-будто грозныя прозванья
Сама сковала имъ судьба,
Чтобъ обезсмертить ихъ дѣянья.
Надъ ними, стаей лебедей,
Слетѣвшихъ на̀ берегъ зелёный,
Изъ ложъ кругомъ сіяютъ жены
Въ шелку, въ зубчатыхъ кружевахъ,
Въ алмазахъ, въ млечныхъ жемчугахъ.
Лишь шепотъ слышится въ собраньѣ.
Необычайная молва
Давно чудесныя слова
И непонятныя сказанья
Носила въ мірѣ. Виденъ крестъ
Былъ въ небѣ; нёсся стонъ съ востока;
Заря кроваваго потока
Имѣла видъ; межъ блѣдныхъ звѣздъ,
Какъ человѣческое, было
Лицо луны и слёзы лило —
И вкругъ клубился дымъ и мгла.
Чего-то страшнаго ждала
Толпа, внимать готовясь Богу —
И били грозную тревогу
Со всѣхъ церквей колокола.
Вдругъ звонъ затихъ — и на ступени
Престола папы преклонилъ
Убогій пилигримъ колѣни.
Его съ любовью осѣнилъ
Святымъ крестомъ первосвященникъ,
И, помолясь небесамъ,
Пустынникъ говорилъ къ толпамъ:
„Смиренный нищій, бѣглый плѣнникъ
Предъ вами, сильные земли!
Темна моя, ничтожна доля;
Но движетъ мной иная воля.
Не мнѣ внимайте, короли:
Самъ Богъ, державствующій нами,
Къ моей склонился нищетѣ,
И повелѣлъ мнѣ стать предъ вами
И вамъ въ сердечной простотѣ
Сказать про плѣнъ, про тѣ мученья,
Что испыталъ и видѣлъ я.
Вся плоть истерзана моя,
Спина хранитъ слѣды ремня —
И язвамъ нѣту исцѣленья.
Взгляните: на рукахъ моихъ
Оковъ кровавыя запястья.
Въ темницахъ душныхъ и сырыхъ,
Безъ утѣшенья, безъ участья,
Провёлъ я юности лѣта;
Копалъ я рвы, бряцая цѣпью,
Влачилъ я камни знойной степью,
За то̀, что вѣровалъ въ Христа!
Вотъ эти руки... Но въ молчаньѣ
Вы потупляете глаза:
На грозныхъ лицахъ состраданья —
Я вижу — катится слеза.
О, люди, люди, язвы эти
Смутили васъ на краткій часъ!
О, впечатлительныя дѣти,
Какъ слёзы дёшевы у васъ!
Ужель, чтобъ тронуть васъ, страдальцамъ
Къ вамъ надо нищими предстать?
Чтобъ васъ увѣрить, надо дать
Ощупать язвы вашимъ пальцамъ!
Тогда лишь бѣдствіямъ земнымъ,
Тогда неслыханнымъ страданьямъ,
Безчеловѣчнымъ истязаньямъ
Вы сердцемъ внемлете своимъ.
А тѣхъ страдальцевъ милліоны,
Которыхъ вамъ не слышны стоны,
Къ которымъ мусульманинъ злой,
Какъ къ агнцамъ трепетнымъ, приходитъ
И безпрепятственно уводитъ
Изъ нихъ рабовъ себѣ толпой;
Въ глазахъ у брата душитъ брата,
И неродившихся дѣтей
Во чревѣ рѣжетъ матерей,
И вырываетъ для разврата
Изъ ихъ объятій дочерей.
Я видѣлъ: блѣдныхъ, безоружныхъ
Толпами гнали по пескамъ,
Отсталыхъ старцевъ, женъ недужныхъ
Бичомъ стегали по ногамъ,

И турокъ рыскалъ по пустынѣ,
Какъ передъ стадомъ гуртовщикъ.
Но мигъ — мнѣ памятный донынѣ,
Благословенный жизни мигъ,
Когда окованнымъ, средь дыма
Прозрачныхъ утреннихъ паровъ,
Предстали намъ Ерусалима
Святые храмы безъ крестовъ!
Замолкли стоны и тревога
И, позабывши прахъ и тлѣнъ,
Возславословили мы Бога,
Въ виду Сіонскихъ древнихъ стѣнъ,
Гдѣ ждали насъ позоръ и плѣнъ.
Породнены тоской, чужбиной,
Латинецъ съ грекомъ обнялись:
Всѣ, какъ сыны семьи единой,
Страдать безропотно клялись.
И грекъ намъ далъ примѣръ великій:
Іерея, пѣвшаго псаломъ,
Съ коня спрыгнувши, турокъ дикій
Ударилъ взвизгнувшимъ бичомъ:
Тотъ пѣлъ—и бровію не двинулъ.
Злодѣй страдальца опрокинулъ
И вырвалъ бороду его.
Рванули съ воплемъ мы цѣпями—
А онъ Евангелья словами
Господне славилъ торжество.
Въ куски изрубленное тѣло
Злодѣи побросали въ насъ:
Мы сохранили ихъ всецѣло.
И, о душѣ его молясь,
Въ темницѣ, гдѣ страдали сами,
Могилу вырыли руками,
И на груди святой земли
Его останки погребли.
И онъ не встанетъ, вѣдь, предъ вами
Вамъ язвы обнажить свои
И выпросить у васъ слезами
Слезу участья и любви!
Увы, не разверзаютъ гробы
Святыя жертвы адской злобы!
Нѣтъ — и живое не придётъ
Къ вамъ одновѣрцевъ вашихъ племя,
Христу молящійся народъ;
Одинъ креста несётъ онъ бремя,
Одинъ онъ тёрнъ Христовъ несётъ!
Какъ рабъ евангельскій, израненъ,
Въ степи лежитъ больной безъ силъ...
Иль ждёте вы, чтобъ напоилъ
Его чужой самаритянинъ,
А вы, съ кошницей яствъ, бойцы
Пройдёте мимо, какъ слѣпцы?
О, нѣтъ, для васъ ещё священны
Любовь и правда на землѣ!
Я вижу ужасъ вдохновенный
На вашемъ доблестномъ челѣ!
Возстань, о воинство Христово,
На мусульманъ войной суровой!
Да съ громомъ рушится во прахъ —
Созданье злобы и коварства —
Ихъ тяготѣющее царство
На христіанскихъ раменахъ!
Разбейте съ чадъ Христа оковы!
Дохнуть имъ дайте жизнью новой!
Они васъ ждутъ, чтобъ васъ обнять,
Край вашихъ ризъ облобызать!
Идите ангелами мщенья!
Изъ храма огненнымъ мечомъ
Изгнавъ невѣрныхъ поколѣнья,
Отдайте Богу Божій домъ!
Тамъ благодарственные псалмы
Для васъ народы воспоютъ,
А падшимъ—мучениковъ пальмы
Вѣнцами ангелы сплетутъ!"
Умолкъ. Въ отвѣтъ какъ-будто громы
Перекатилися въ горахъ.
То кликъ одинъ во всѣхъ устахъ:
„Идёмъ, оставимъ женъ и домы!"
И, въ умиленіи святомъ,
Вокругъ желѣзные бароны
Въ восторгѣ плакали, какъ жены,
Врагъ лобызался со врагомъ
И руку жалъ герой герою,
Какъ левъ косматый, алча бою;
На общій подвигъ дамы съ рукъ
Снимали злато и жемчугъ,
Свой грошъ и нищіе бросали —
И радость всѣхъ была свѣтла:
Её литавры возвѣщали,
И въ небесахъ распространяли
Со всѣхъ церквей колокола.

X.

ДУРОЧКА.

Всѣмъ довольна я, старушка!
Бога нечего гнѣвить!
Миръ въ семьѣ; есть деревушка --
Хоть мала, да можно жить.

У меня семья большая:
Дѣтки вкругъ насъ стариковъ,

Словно роща молодая
Вкругъ дряхлѣющихъ дубковъ.

Но, какъ въ ясномъ небѣ тучка,
Къ намъ одна напасть пришла:
Наша младшая-то внучка
Просто дурочка была.

Вовсе здраваго понятья
Не имѣла: что ни дай
Ей хоть шелковое платье —
Въ мигъ всё въ пятнахъ, хоть бросай.

Благонравныя дѣвицы
Къ намъ пріѣдутъ. „Да поди!"
Говорю: „тамъ всѣ сестрицы:
Только такъ хоть посиди."

— „Нѣтъ ужъ, бабушка, мнѣ съ ними
Дѣлать нечего!" — „Какъ такъ?"
— „Что мнѣ съ этакими злыми!"
И забьётся на чердакъ.

Только встала — полетѣла:
Всю деревню обѣжитъ!
Это — первое ей дѣло:
Всё друзья, вѣдь. Просто стыдъ!

Свадьба ль въ домѣ — всё равно ей;
Посѣтитъ ли смерть кого —
Съ мертвецомъ въ одномъ покоѣ
Ляжетъ спать — и ничего!

Мать учить начнётъ, бывало,
Говоритъ, подчасъ и бьётъ —
Какъ къ стѣнѣ горохъ: нимало —
То-есть ухомъ не ведётъ.

Ну, её за то жъ и гнали!
Вѣчно съ нею воркотня;
Нà хлѣбъ, нà воду сажали —
Баловала только я.

И она какъ-будто чуетъ,
И ко мнѣ одной идётъ:
Обойму её — цѣлуетъ,
Руки крѣпко, крѣпко жмётъ.

Надорвётъ моё сердечко...
„Охъ, ты, бѣдная моя,
Нелюбимая овечка,
Сиротинка у меня!"

„Какъ у васъ хватаетъ духу
Гнать бѣдняжку?" говорю.
Да не слушаютъ старуху,
Сколько я ихъ не журю.

Ей одно лишь любо было —
Няньчить маленькихъ дѣтей:
Всё имъ сказки говорила
Про русалокъ да князей.

Гдѣ слова тогда берутся!
И дрожитъ сама-то вся...
Дѣти такъ и разревутся —
И унять потомъ нельзя.

Въ снѣгъ — на улицу и скачетъ!
А возьмутъ её домой —
Въ уголъ спрячется и плачетъ:
Домъ ей словно какъ чужой.

Всё бы въ лѣсъ! Весною хлѣба,
Крупъ съ собою наберётъ,
Станетъ въ полѣ, смотритъ въ небо,
Журавлей къ себѣ зовётъ.

Мы видали: къ ней станицей
Птица всякая летитъ —
И она, вѣдь, съ каждой птицей
Особливо говоритъ.

Порча-ль тутъ была отъ дѣтства,
Или разумъ ужъ такой —
Всё мы пробовали средства,
Да махнули и рукой.

И жила она немного.
Видимъ, нѣтъ ужъ въ ней пути:
Что лѣчить тутъ? Противъ Бога
Человѣку не итти.

Докторовъ иныхъ бы нужно —
Повести бы по мощамъ.
Ну, да лѣтомъ недосужно —
Жатва, сѣвы — знаешь самъ!

Вотъ — и вышло: лѣтомъ стала
Пропадать она по днямъ.
Спросимъ: „гдѣ ты пропадала?"
Вздоръ разсказываетъ намъ:

Что была она далёко,
Въ неизвѣстныхъ сторонахъ,
Гдѣ зимы нѣтъ, гдѣ высоко
Горы въ самыхъ небесахъ;

Что у моря тамъ зелёный
Вѣчно лѣсъ растётъ; что тамъ

Зрѣютъ желтые лимоны
По высокимъ деревамъ;

Что тамъ городъ есть великій,
Гдѣ рабы со всякихъ странъ;
Царь въ томъ городѣ предикій
И гонитель христіанъ;

Что онъ травитъ ихъ тамъ львами,
Чтобъ отъ вѣры отреклись;
Что ихъ кровь течётъ ручьями —
А они всё не сдались;

Что тамъ чудные чертоги,
Разноцвѣтныхъ храмовъ рядъ,
Гдѣ всё мраморные боги
Лѣтъ двѣ тысячи сидятъ;

Вавилонская царица
Тамъ какая-то жила,
И языческая жрица
Сожжена огнёмъ была;

Да безумная невѣста…
Но всего не передать.
Есть-ли гдѣ такое мѣсто —
Не могу тебѣ сказать.

Только видимъ — дѣвка бредитъ,
Увѣряетъ, что сама
Въ этотъ край совсѣмъ уѣдетъ,
Только вотъ придётъ зима.

Между-тѣмъ прошла ужъ осень!
Дуня что-то всё молчитъ;
Цѣлый день между двухъ сосенъ,
По дорогѣ въ лѣсъ, сидитъ.

Мать журила. Запирали;
Да ничто неймётся ей.
Разъ ушла она; мы ждали —
Нѣтъ. Ужъ поздно. Мы за ней

Разослали по сосѣдямъ —
Нѣтъ нигдѣ! Дней пять прошло.
Какъ-то съ сыномъ лѣсомъ ѣдемъ —
Снѣгъ въ лѣсу-то размело.

„Взглянь-ко", говорю я: „Саша!"
А сама-то вся дрожу:
„Что тамъ? Ужъ не Дуня ль наша?"
Такъ и есть — она! Гляжу —

Къ старой сосенкѣ прижалась,
На ручёнки прилегла —
И, голубушка, казалось,
Крѣпкимъ сномъ она спала.

Я вотъ такъ тутъ и завыла,
Точно что оторвалось
Отъ души-то. Горько было,
А могилку рыть пришлось.

Послѣ всё ужъ мы узнали:
Къ намъ въ сосѣдство той весной
Графъ съ графиней пріѣзжали
Изъ чужихъ краёвъ домой.

У графини, видишь, дѣтокъ
Былъ всего одинъ сынокъ;
Съ нашей былъ онъ однолѣтокъ —
Такъ пятнадцатый годокъ.

Съ нимъ-то наша и сошлася,
Да, какъ глупое дитя,
Всякихъ толковъ набралася
Про заморскіе края.

И когда графиня снова
Поднялася въ свой вояжъ,
Никому не молвя слова,
Дуня вздумала — туда-жъ!

Гдѣ же ей пройти лѣсами!
И большому мудрено,
Да зимой ещё, снѣгами…
Такъ ужъ, видно, суждено!

Не жилось ей, знать, на свѣтѣ!
Богъ не долго жить даётъ
Юродивымъ: Божьи дѣти —
Прямо въ рай Онъ ихъ берётъ!

Безъ нея же запустѣнье
Стало вдругъ въ семьѣ моей.
И хотя соображенья
Вовсе не было у ней,

Хоть пути въ ней было мало
И вся жизнь ея былъ бредъ,
Безъ нея жъ замѣтно стало,
Что души-то въ домѣ нѣтъ.

А. А. ШЕНШИНЪ (ФЕТЪ).

Аѳанасій Аѳанасьевичъ Шеншинъ, извѣстный въ литературѣ подъ именемъ Фета, одинъ изъ талантливѣйшихъ нашихъ современныхъ поэтовъ, родился 23-го ноября 1820 года, Орловской

губерніи, Мценскаго уѣзда, въ сельцѣ Новосёлкахъ, родовомъ имѣніи отца его, Афанасія Неофитовича Шеншина. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ домѣ родительскомъ, затѣмъ на четырнадцатомъ году поступилъ сначала въ учебное заведеніе Крюммера, въ городѣ Верро, а потомъ перешелъ въ Москву, въ пансіонъ М. П. Погодина. Полгода спустя, онъ поступилъ въ Московскій университетъ сперва на юридическій, а затѣмъ на словесный факультетъ. При поступленіи въ университетъ, по неожиданнымъ затрудненіямъ въ представленіи документовъ, онъ вынужденъ былъ, при подачѣ прошенія, принять имя матери своей, по первому браку — Фетъ, которое и осталось за нимъ въ литературѣ, хотя, вслѣдствіе представленія имъ документовъ, въ 1875 году Высочайшимъ указомъ за нимъ утверждена родовая его фамилія — Шеншинъ. По окончаніи полнаго университетскаго курса въ 1844 году онъ поступилъ юнкеромъ въ Орденскій кирасирскій полкъ, стоявшій въ то время въ одномъ изъ округовъ херсонскаго военнаго поселенія. Затѣмъ, прослуживъ въ полку около девяти лѣтъ, Фетъ перешелъ въ лейбъ-гвардіи уланскій Его Величества полкъ, съ которымъ сдѣлалъ походъ къ западнымъ нашимъ границамъ, а по заключеніи мира въ 1856 году, вышелъ въ отставку, женился на дѣвицѣ Боткиной, сестрѣ извѣстнаго литератора, и поселился въ своей орловской деревнѣ, гдѣ и проживаетъ по настоящее время.

Аѳанасій Аѳанасьевичъ началъ писать очень рано — и въ 1840 году, то-есть когда ему не было ещё девятнадцати лѣтъ, уже заявилъ о себѣ печатно, выпустивъ въ свѣтъ небольшую книжку своихъ стихотвореній подъ заглавіемъ: „Лирическій Пантеонъ, А. Ф. Москва. 1840.“ Несмотря на всю незрѣлость этихъ ещё вполнѣ юношескихъ произведеній Фета, вошедшихъ въ составъ названной книжки, въ нихъ и тогда уже проглядывалъ тотъ талантъ, который выказался впослѣдствіи въ его стихотвореніяхъ, относящихся къ болѣе поздней порѣ его поэтической дѣятельности. Такъ, напримѣръ, здѣсь была напечатана его прелестная „Ода Горація къ Лидіи“, нѣсколько хорошихъ переводовъ изъ Гёте и двá весьма граціозныхъ оригинальныхъ стихотворенія, начинающихся стихами: „Тамъ, подъ оливами, близъ шумнаго каскада“ и „Скоро доѣду — да вотъ и тѣнистая старая ива...“. „Лирическій Пантеонъ“ былъ встрѣченъ весьма радушно журналами того времени, весьма скупыми на похвалы стихамъ, при чёмъ рецензентъ „Отечественныхъ Записокъ“ (1840, № 12, отд. VI, стр. 42), выписавъ послѣднее изъ двухъ указанныхъ нами оригинальныхъ стихотвореній Фета, былъ совершенно правъ, говоря: „Скажите, откуда такая изобразительность? И какъ не подозрѣвать тутъ вліянія болѣе сильнаго, нежели вліяніе поэтовъ латинскихъ? Впрочемъ, чтó бы это ни было — дарованіе-ли, воспитанное подъ сильнымъ вліяніемъ неумирающихъ поэтическихъ авторитетовъ, или просто вѣрный тактъ, вѣрное чувство природы — да живётъ оно! Мы, съ своей стороны, радостно привѣтствуемъ его первое вступленіе въ свѣтъ и желаемъ только одного, чтобы оно продолжало своё воспитаніе подъ вдохновительнымъ вліяніемъ той благотворной музы, которая такъ привѣтливо улыбнулась ему при самомъ его рожденіи“.

Первые два года пребыванія Фета въ Московскомъ университетѣ, поступленіе въ который совпало какъ разъ съ выходомъ въ свѣтъ его „Лирическаго Пантеона“, мало способствовали развитію поэтической его дѣятельности, такъ-какъ посѣщеніе лекцій и изученіе древнихъ и новыхъ языковъ, особенно въ началѣ курса, поглощали почти всё его время. Но съ переходомъ во второй курсъ, стихотворенія его, начиная съ января 1842 года, стали снова появляться въ печати, сначала въ „Москвитянинѣ“, а потомъ и въ „Отечественныхъ Запискахъ“, подписанныя начальными буквами его имени и фамиліи: „А. Ф.“ Какъ на первыя поэтическія произведенія Фета, появившіяся на страницахъ „Москвитянина“, можно указать на рядъ стихотвореній, напечатанныхъ въ 1-й и 3-й книжкахъ этого журнала на 1842 годъ, подъ общимъ заглавіемъ: „Снѣгà“ и „Гаданія“, а въ „Отечественныхъ Запискахъ“ — на одиннадцать стихотвореній, подъ общимъ заглавіемъ „Вечера и ночи“, появившіяся въ 5-мъ нумерѣ на тотъ же 1842 годъ. Здѣсь же, въ 12-й книжкѣ, былъ напечатанъ его прекрасный переводъ „Посейдона“ Гейне, подъ которымъ впервые была выставлена полная фамилія автора. Затѣмъ, стихотворенія Аѳанасія Аѳанасьевича стали появляться въ названныхъ нами журналахъ почти ежемѣсячно, чтó продолжалось въ „Москвитянинѣ“ до конца сороковыхъ годовъ, а въ „Отечественныхъ Запискахъ“ — до 1847 года, въ 5-й книжкѣ котораго было помѣщено послѣднее его стихотвореніе: „Няня“. Въ началѣ 1850 года вышло въ Москвѣ второе изданіе „Стихотвореній А. Фета“. Несмотря на то, что поэтъ выбралъ для выпуска въ свѣтъ своей

книжки самое неблагопріятное время, ознаменованное гоненіями на стихи, она встрѣчена была весьма радушно журнальными рецензентами, при чёмъ въ „Современникѣ“, который отнесся къ молодому поэту строже, чѣмъ всѣ остальные журналы, было все же высказано: „Не обинуясь, называемъ мы г. Фета поэтомъ, хотя и не справлялись, въ какомъ разрядѣ состоитъ онъ по принятому адресъ-календарю нашего поэтическаго Олимпа. Знаемъ, что онъ не засыплетъ насъ роскошью красокъ, яркостью образовъ: онъ бережливъ на нихъ, не сыплетъ ихъ по-пустому. Или, пожалуй, мы скажемъ ещё прямѣе, что яркость и блескъ фантазіи вообще не лежатъ въ свойствахъ таланта нашего поэта. Талантъ скромный и умѣренный — его настоящее достоинство въ нашихъ глазахъ состоитъ не въ пышности и великолѣпіи картинъ, на что онъ ни сколько и не претендуетъ, но въ истинности и живой непосредственности вдохновенія“.

Съ переходомъ Фета въ гвардію и переселеніемъ въ окрестности Петербурга, стихотворенія его стали появляться преимущественно въ „Современникѣ“, а потомъ и въ „Отечественныхъ Запискахъ“, въ которыхъ они уже печатались въ раннюю пору его поэтической дѣятельности; но съ 1847 года, поэтъ замолкъ до самаго 1856 года, когда стихотворенія его снова стали появляться цѣлыми массами. Первымъ поэтическимъ произведеніемъ Фета, напечатаннымъ въ „Современникѣ“, было небольшое, но очень хорошее стихотвореніе, начинающееся такъ: „Въ долгія ночи, какъ вѣжды на сонъ не сомкнуты“ (1852, № 3). Затѣмъ, въ 1854 году на страницахъ этого журнала появилось болѣе двадцати мелкихъ его стихотвореній, въ томъ числѣ два прекрасныхъ перевода изъ Горація и два оригинальныхъ его стихотворенія: „На Днѣпрѣ въ половодье“ и „Растутъ, растутъ причудливыя тѣни...“ (№№ 1 и 3). Въ слѣдующіе же затѣмъ годы (1855—1859) „Современникъ“ напечаталъ въ своихъ двадцати трёхъ книжкахъ цѣлый рядъ его стихотвореній, бо́льшею частью, вполнѣ художественныхъ, переводъ поэмы Гёте „Германъ и Доротея“ (1856, № 7) и три статьи его, подъ заглавіемъ: „Изъ за границы. Путевыя впечатлѣнія“ (1856, № 11, и 1857, №№ 2 и 7). Одновременно съ появленіемъ въ „Современникѣ“ 1854 года произведеній Фета, его стихотворенія, переводы и прозаическіе разсказы стали печататься и въ „Отечественныхъ Запискахъ“, гдѣ, между прочимъ, были напечатаны: полный стихотворный переводъ „Одъ Квинта Горація Флакка“ — въ четырёхъ книгахъ (1856, №№ 1, 3, 5 и 7), разсказъ „Каленикъ“ (1854, № 3) и повѣсть „Дядюшка и двоюродный братецъ“ (1855, № 9). Затѣмъ, начиная съ 1857 года, стихотворенія Аѳанасія Аѳанасьевича стали появляться въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, „Библіотекѣ для чтенія“, гдѣ, между прочимъ, былъ напечатанъ его переводъ въ стихахъ трагедіи Шекспира „Юлій Цезарь“ (1859, № 3) и въ „Русскомъ Словѣ“, гдѣ онъ помѣстилъ свой переводъ другой трагедіи Шекспира „Антоній и Клеопатра“ и статью: „О стихотвореніяхъ Тютчева“ (1859, № 2). Послѣднее время стихотворенія и прозаическія статьи Фета преимущественно печатались въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, гдѣ, между прочимъ, былъ напечатанъ рядъ его статей по сельскому хозяйству, а также въ „Зарѣ“ и „Литературной Библіотекѣ“, въ которой было помѣщено два его письма: „О назначеніи древнихъ языковъ въ нынѣшнемъ воспитаніи“ (1867, №№ 7 и 9).

Кромѣ указанныхъ двухъ изданій стихотвореній Фета („Литературный Пантеонъ“ и „Стихотворенія“, изданныя въ 1850 году), изъ сочиненій и переводовъ его были напечатаны слѣдующіе: 1) Стихотворенія А. Фета. Спб. 1856. 2) Оды Квинта Горація Флака. Въ четырёхъ книгахъ. Переводъ съ латинскаго А. Фета. Спб. 1856. 3) Стихотворенія А. А. Фета. Двѣ части. Новое изданіе. Москва. 1863. Лучшая рецензія стихотвореній Фета принадлежитъ покойному В. П. Боткину („Современникъ“, 1857, № 1). Вечерніе огни. Собраніе ненапечатанныхъ стихотвореній А. Фета. Москва. 1883—85. Вып. 1 и 2.

I.

ТАЙНА.

Почти ребёнкомъ я была —
Всѣ любовались мной.
Мнѣ шли и кудри по плечамъ,
И фартучекъ цвѣтной.
Любила мать смотрѣть, какъ я
Молилась по утру,
Любила слушать, если я
Пѣвала ввечеру.
Чужой однажды посѣтилъ
Нашъ тихій уголокъ:
Онъ былъ такъ нѣженъ и умёнъ,
Такъ строенъ и высокъ.
Онъ часто въ очи мнѣ глядѣлъ
И тихо руку жалъ,

И тайно глазъ мой голубой
И кудри цѣловалъ.
И, помню, стало мнѣ вокругъ
При нёмъ всё такъ свѣтло,
И стало мутно въ головѣ,
И нà сердцѣ тепло.
Летѣли дни — промчался годъ —
Насталъ послѣдній часъ:
Ему шепнула что-то мать —
И онъ оставилъ насъ.
И долго, долго мнѣ пришлось
И плакать, и грустить;
Но я боялася о нёмъ
Кого-нибудь спросить.
Однажды, вижу: милый гость,
Припавъ къ устамъ моимъ,
Мнѣ говоритъ: „не бойся, другъ:
Я для другихъ незримъ!"
И съ этихъ поръ онъ снова мой —
Въ объятіяхъ моихъ,
И страстно, крѣпко онъ меня
Цѣлуетъ при другихъ.
Всѣ говорятъ, что яркій цвѣтъ
Ланитъ моихъ больной:
Имъ не узнать, какъ жарко ихъ
Цѣлуетъ милый мой.

II.

Чудная картина,
Какъ ты мнѣ родна:
Бѣлая равнина,
Полная луна,
Свѣтъ небесъ высокихъ
И блестящій снѣгъ,
И саней далёкихъ
Одинокій бѣгъ.

III.

Шепотъ, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонваго ручья,
Свѣтъ ночной, ночныя тѣни —
Тѣни безъ конца,
Рядъ волшебныхъ измѣненій
Милаго лица,
Въ дымныхъ тучкахъ пурпуръ розы,
Отблескъ янтаря,
И лобзанія, и слёзы —
И заря, заря!

IV.

Облакомъ волнистымъ
Пыль встаетъ вдали:
Конный или пѣшій —
Не видать въ пыли!

Вижу: кто-то скачетъ
На лихомъ конѣ.
Другъ мой, другъ далекій,
Вспомни обо мнѣ!

V.

БЕРЕЗА.

Печальная берёза
У моего окна,
И прихотью мороза
Разубрана она;

Какъ гроздья винограда,
Вѣтвей концы висятъ —
И радостенъ для взгляда
Весь траурный нарядъ.

Люблю игру денницы
Я замѣчать на ней,
И жаль мнѣ, если птицы
Стряхнутъ красу вѣтвей.

VI.

Жди яснаго на завтра дня!
Стрижи мелькаютъ и звенятъ;
Пурпурной полосой огня
Прозрачный озарёнъ закатъ.

Въ заливѣ дремлютъ корабли,
Едва трепещутъ вымпелà:
Далёко небеса ушли —
И къ нимъ морская даль ушла.

Такъ робко набѣгаетъ тѣнь,
Такъ тайно свѣтъ уходитъ прочь,
Что ты не скажешь: минулъ день,
Не говоришь: настала ночь.

VII.

Ещё весны душистой нѣга
Къ намъ не успѣла низойти:
Ещё овраги полны снѣга;

Ещё зарёй гремитъ телѣга
На замороженномъ пути.

Едва лишь въ полдень солнце грѣетъ,
Краснѣетъ липа въ высотѣ,
Сквозя, березникъ чуть желтѣетъ,
И соловей ещё не смѣетъ
Запѣть въ смородинномъ кустѣ.

Но возрожденья вѣсть живая
Ужъ есть въ пролетныхъ журавляхъ—
И, ихъ глазами провожая,
Стоитъ красавица степная,
Съ румянцемъ сизымъ на щекахъ.

VIII.

ПЧЕЛЫ.

Пропаду отъ тоски я и лѣни!
Одинокая жизнь не мила,
Сердце ноетъ, слабѣютъ колѣни...
Въ каждый гвоздикъ душистой сирени,
Распѣвая, вползаетъ пчела.

Дай хоть выду я въ чистое поле,
Иль совсѣмъ потеряюсь въ лѣсу!
Съ каждымъ шагомъ не легче на волѣ:
Сердце пышетъ всё болѣ и болѣ,
Точно уголь въ груди я несу.

Нѣтъ, постой же: съ тоскою моею
Здѣсь разстанусь. Черёмуха спитъ.
Ахъ, опять эти пчёлы подъ нею—
И никакъ я понять не умѣю,
На цвѣтахъ ли, въ ушахъ ли звенитъ.

IX.

На зарѣ ты её не буди:
На зарѣ она сладко такъ спитъ!
Утро дышитъ у ней на груди,
Ярко дышитъ на ямкахъ ланитъ.

И подушка ея горяча,
И горячъ утомительный сонъ,
И, чернѣясь, бѣгутъ на плечá
Косы лентой съ обѣихъ сторонъ.

А вчера у окна ввечеру
Долго, долго сидѣла она
И слѣдила по тучамъ игру,
Что скользя затѣвала луна.

И чѣмъ ярче играла луна,
И чѣмъ громче свисталъ соловей,
Всё блѣднѣй становилась она,
Сердце билось больнѣй и больнѣй.

Отъ того-то на юной груди,
На ланитахъ такъ утро горитъ.
Не буди жъ ты её, не буди:
На зарѣ она сладко такъ спитъ!

X.

Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ —
Разсказать, что солнце встало,
Что оно горячимъ свѣтомъ
По листамъ затрепетало;
Разсказать, что лѣсъ проснулся,
Весь проснулся, вѣткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полонъ жаждой;
Разсказать, что съ той же страстью,
Какъ вчера, пришелъ я снова,
Что душа всё такъ же счастью
И тебѣ служить готова;
Разсказать, что отовсюду
На меня весельемъ вѣетъ,
Что не знаю самъ, что́ буду
Пѣть, но только пѣсня зрѣетъ.

XI.

Постой! Здѣсь хорошо! Зубчатой и широкой
Каймою тѣнь легла отъ сосенъ въ лунный свѣтъ.
Какая тишина! Изъ-за горы высокой
Сюда и доступа мятежнымъ звукамъ нѣтъ.
Я не пойду туда, гдѣ камень вѣроломный,
Скользя изъ-подъ пяты съ отвѣсныхъ береговъ,
Летитъ на хрящъ морской; гдѣ въ морѣ валъ огромный
Придётъ и убѣжитъ въ объятія валовъ;
Одна передо мной, подъ мирными звѣздами,
Ты здѣсь царица чувствъ, властительница думъ;
А тамъ придётъ волна—и грянетъ между нами.
Я не пойду: тамъ вѣчный плескъ и шумъ.

XII.

УЗНИКЪ.

Густая крапива
Шумитъ подъ окномъ;
Зелёная ива

Повисла шатромъ;
Весёлыя лодки
Въ дали голубой;
Железо рѣшетки
Визжитъ подъ пилой.
Бывалое горе
Уснуло въ груди;
Свобода и море
Горятъ впереди.
Прибавилось духа,
Затихла тоска —
И слушаетъ ухо,
И пилитъ рука.

XIII.

Люди спятъ, мой другъ: пойдёмъ въ тѣнистый садъ;
Люди спятъ, однѣ лишь звѣзды къ намъ глядятъ,
Да и тѣ не видятъ насъ среди вѣтвей
И не слышатъ—слышитъ только соловей,
Да и тотъ не слышитъ — пѣснь его громка;
Развѣ слышатъ только сердце да рука:
Слышитъ сердце — сколько радостей земли,
Сколько счастія сюда мы принесли,
Да рука, услыша, сердцу говоритъ,
Что чужая въ ней пылаетъ и дрожитъ,
Что и ей отъ этой дрожи горячо,
Что къ плечу невольно клонится плечо.

XIV.

Растутъ, растутъ причудливыя тѣни,
Въ одну сливаясь тѣнь.
Ужъ позлатилъ послѣднія ступени
Перебѣжавшій день.
Что̀ звало жить, что̀ силы горячило —
Далёко за горой.
Какъ призракъ дня, ты, блѣдное свѣтило,
Восходишь надъ землёй.
И на тебя, какъ на воспоминанье,
Я обращаю взоръ.
Смолкаетъ лѣсъ, блѣднѣй ручья сіянье,
Потухли выси горъ;
Лишь ты одно скользишь стезей лазурной;
Недвижно всё окрестъ,
Да сыплетъ ночь своей бездонной урной
Къ намъ миріады звѣздъ.

XV.

Надъ озеромъ лебедь въ тростникъ протянулъ;
Въ водѣ опрокинулся лѣсъ;
Зубцами вершинъ онъ въ зарѣ потонулъ,
Межъ двухъ изгибаясь небесъ.

И воздухомъ чистымъ усталая грудь
Дышала отрадно. Легли
Вечернія тѣни. Вечерній мой путь
Краснѣлъ межъ деревьевъ вдали.

А мы — мы на лодкѣ сидѣли вдвоёмъ;
Я смѣло налёгъ на весло,
Ты молча покорнымъ владѣла рулёмъ;
Насъ въ лодкѣ, какъ въ люлькѣ, несло.

И дѣтская челнъ направляла рука
Туда, гдѣ, блестя чешуёй,
Вдоль соннаго озера быстро рѣка
Бѣжала, какъ змѣй золотой.

Ужъ начали звѣзды мелькать въ небесахъ...
Не помню, какъ бросилъ весло,
Не помню, что̀ пёстрый нашептывалъ флагъ,
Куда насъ потокомъ несло?

XVI.

Ея не знаетъ свѣтъ — она ещё ребёнокъ;
Но очеркъ головы у ней такъ чистъ и тонокъ,
И столько томности во взглядѣ кроткихъ глазъ,
Что дѣтства мирнаго послѣдній близокъ часъ.
Дохнётъ тепло любви — младенческое око
Лазурнымъ пламенемъ засвѣтится глубоко,
И гребень, ласково-разборчивъ, будто самъ
Пойдётъ медлительнѣй по пышнымъ волосамъ,
Персты румяные, блѣднѣя, подлиннѣютъ.
Блаженъ, кто замѣчалъ, какъ постепенно зрѣютъ
Златыя гроздія, и зналъ, что, виноградъ
Сбирая, онъ вопьётъ ихъ сладкій ароматъ.

XVII.

Спи — ещё зарёю
Холодно и рано;
Звѣзды за горою
Блещутъ средь тумана;
Пѣтухи недавно
Въ третій разъ пропѣли;
Съ колокольни плавно
Звуки пролетѣли.
Дышатъ липъ верхушки
Нѣгою отрадной,
А углы подушки
Влагою прохладной.

XVIII.

Тёплый вѣтеръ тихо вѣетъ,
Жизнью свѣжей дышитъ степь,
И кургановъ зеленѣетъ
Убѣгающая цѣпь.

И далёко межъ кургановъ
Темносѣрою змѣёй
До блѣднѣющихъ тумановъ
Пролегаетъ путь родной.

Къ безотчётному веселью,
Подымаясь въ небеса,
Сыплютъ съ неба трель за трелью
Вешнихъ птичекъ голоса.

XIX.

О, долго буду я, въ молчаньи ночи тайной,
Коварный лепетъ твой, улыбку, взоръ случайной,
Перстамъ послушную волосъ густую прядь
Изъ мыслей изгонять и снова призывать;
Дыша порывисто, одинъ, никѣмъ незримый,
Досады и стыда румянами палимый,
Искать хотя одной загадочной черты
Въ словахъ, которыя произносила ты;
Шептать и поправлять былыя выраженья
Рѣчей моихъ съ тобой, исполненныхъ смущенья,
И въ опьяненіи, наперекоръ уму,
Завѣтнымъ именемъ будить ночную тьму.

С. Θ. ДУРОВЪ.

Сергѣй Θёдоровичъ Дуровъ, русскій писатель и потомокъ древняго русскаго дворянскаго рода, родился въ 1816 году въ имѣніи своего отца. Получивъ довольно хорошее для своего времени воспитаніе, Дуровъ вступилъ въ гражданскую службу, которую и продолжалъ до конца сороковыхъ годовъ, послѣ чего вышелъ въ отставку, съ чиномъ коллежскаго ассесора. Вмѣстѣ съ служебной дѣятельностью, шли и литературныя его занятія, начавшіяся очень рано. Первыя стихотворенія, помѣщаемыя имъ въ современныхъ альманахахъ, печатались довольно долго безъ означенія имени автора. Только начиная съ 1843 года, имя его стало являться на страницахъ журналовъ того времени и вскорѣ обратило на себя вниманіе многихъ. Однимъ изъ первыхъ подписанныхъ имъ стихотвореній, былъ переводъ изъ Байрона, помѣщённый въ 43 нумерѣ „Литературной Газеты“ на 1843 годъ. Начиная съ 1844 года, стихотворенія Дурова стали появляться въ „Библіотекѣ для Чтенія“, „Финскомъ Вѣстникѣ“ и нѣкоторыхъ альманахахъ того времени, но, по большей части, проходили незамѣченными. Затѣмъ, въ „Иллюстраціи“ на 1846 годъ (№№ 26, 27 и 29), издававшейся Н. В. Кукольникомъ, было напечатано четыре его оригинальныхъ стихотворенія („Когда трагическій актёръ“, „Шекспиръ“, „Кручина“ и „Призраки“), а въ слѣдующемъ—около двадцати, изъ которыхъ нѣкоторыя были замѣчены. Кромѣ того, Дурову принадлежитъ статья, предпосланная „Сочиненіямъ Н. И. Хмельницкаго“, изданнымъ въ 1849 году Смирдинымъ въ его „Полномъ Собраніи Сочиненій Русскихъ Авторовъ“, подъ заглавіемъ: „Нѣсколько словъ о Николаѣ Ивановичѣ Хмельницкомъ“. Эта статья была послѣднимъ произведеніемъ Дурова, въ первой половинѣ его литературной дѣятельности, такъ-какъ затѣмъ послѣдовалъ двѣнадцатилѣтній промежутокъ невольнаго молчанія, вслѣдствіе ссылки въ Сибирь за прикосновенность къ дѣлу Петрашевскаго.

Только начиная съ 1862 года, стихотворенія Дурова стали снова появляться на страницахъ журналовъ. Такъ, въ 3-й книжкѣ „Современника“ на 1862 годъ, было напечатано два перевода его изъ Барбье и три изъ В. Гюго, а въ №№ 3-мъ и 5-мъ слѣдующаго года—одно оригинальное („Добро бы жить, какъ надо — человѣкомъ!“) и два переводныхъ, изъ В. Гюго и Барбье. Затѣмъ, въ 1-й книжкѣ „Эпохи“ на 1864 годъ появился его новый переводъ извѣстнаго ямба Барбье „Смѣхъ“ и, наконецъ, въ третьей книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ 1869 года—оригинальное стихотвореніе: „Европа движется...“

Дуровъ скончался послѣ трехдневной болѣзни, 6-го декабря 1869 года, въ Полтавѣ, гдѣ онъ проживалъ послѣднее время. Въ некрологѣ его, помѣщённомъ въ 338 нумерѣ „Санктпетербургскихъ Вѣдомостей“ на 1869 годъ и подписанномъ буквою „Е“, есть нѣсколько біографическихъ данныхъ о послѣднихъ годахъ жизни покойнаго поэта, которыя мы и приводимъ: „Товарищъ Θ. М. Достоевскаго по „Мёртвому дому“, Дуровъ возвратился въ Россію съ силами, до того истощёнными, что послѣднія десять лѣтъ его жизни можно было назвать десятью годами болѣзни. Не взирая на это, его умъ и врождённый сарказмъ даже какъ-будто окрѣпли и стали сильнѣе прежняго. Нововведенія

разнаго рода и, особенно, судебная реформа, съ ея практическимъ примѣненіемъ въ глуши провинціальнаго города, вѣяли на него, какъ свѣжій воздухъ, а тёплое солнце Малороссіи, вмѣстѣ съ заботами пріютившей его семьи, которой онъ былъ старшимъ членомъ, согрѣли остальные дни его нерадостной жизни. Однимъ честнымъ, добрымъ, прямымъ, стойкимъ и умнымъ человѣкомъ стало меньше въ нашемъ обществѣ!"

I.

Когда трагическій актёръ,
Увлёкшись геніемъ поэта,
Выходитъ дерзко на позоръ
Въ мишурной мантіи Гамлета:

Толпа, любя обманъ пустой,
Гордяся мнимымъ состраданьемъ,
Готова ложь почтить слезой
И даровымъ рукоплесканьемъ.

Но если, выйдя на порогъ,
Насъ со слезами встрѣтитъ нищій
И, прахъ цѣлуя нашихъ ногъ,
Попроситъ крова или пищи:

Глухія къ бѣдствіямъ чужимъ,
Чужой нужды не понимая,
Мы на несчастнаго глядимъ,
Какъ на лжеца и негодяя.

И рѣчь правдивая его,
Не подслащённая искусствомъ,
Не вырветъ слёзъ ни у кого
И не волнуетъ сердца чувствомъ.

О, родъ людской, какъ жалокъ ты!
Кичась своимъ поддѣльнымъ жаромъ,
Ты глухъ на голосъ нищеты,
И слёзы льешь передъ фигляромъ.

II.

Въ насъ воля разума слаба;
Желанья наши своевольны;
Чтó бъ ни судила намъ судьба,
Всегда мы ею недовольны.

Намъ новизны давай для глазъ,
Давай для сердца намъ обновы —
И если счастье ловитъ насъ,
Мы горе выдумать готовы.

III.

Иные дни—мечты иныя:
Нельзя ребёнкомъ вѣчно быть!
Пришлось мнѣ годы молодые
Для настоящаго забыть.

Но всё жъ, какой-то волей тайной,
Простая пѣсня мужика,
Взглядъ, часто кинутый случайно,
Благоуханіе цвѣтка—

Вся эта ветошь жизни пошлой
Невольно грудь волнуетъ мнѣ,
И говоритъ о жизни прошлой
И о недавней старинѣ.

Толпа живыхъ воспоминаній
Чудесно вьётся надо мной:
Вотъ я дитя: вотъ сказки няни;
Вотъ пышный лугъ; вотъ лѣсъ густой —

Тотъ лѣсъ, гдѣ я любилъ когда-то,
Въ травѣ, какъ заяцъ, притаясь,
Глядѣть, какъ рыщетъ бѣсъ косматой,
За черной вѣдьмою гонясь;

Какъ въ кущѣ лѣса чьи-то очи
Огнёмъ горятъ издалека
И тѣни сумрачныя ночи
Меня касаются слегка.

Любилъ я слушать звонкій лепетъ
Вблизи бѣгущаго ручья,
Жужжанье мошки, листьевъ трепетъ
И вздохъ далёкій соловья.

Виски горѣли, билось темя —
Я весь сгоралъ въ нѣмомъ огнѣ...
Чего не слышалъ я въ то время?
Чего тогда не снилось мнѣ?

Но этотъ сонъ не долго длится,
Не долго имъ согрѣта грудь;
Передо мной опять ложится
Однообразной жизни путь.

М. А. СТАХОВИЧЪ.

Михаилъ Александровичъ Стаховичъ родился въ 1819 году въ орловскомъ имѣніи своего отца, богатаго елецкаго помѣщика. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ дома, подъ надзоромъ француза-гувернёра; затѣмъ, былъ отвезёнъ въ Москву

для приготовленія къ поступленію въ университетъ, что́ и устроилось, послѣ удовлетворительнаго экзамена, выдержаннаго молодымъ Стаховичемъ въ сентябрѣ 1837 года. Будущій поэтъ, какъ и слѣдовало ожидать, избралъ словесный факультетъ—и окончилъ его кандидатомъ въ 1841 году. Возвратившись къ отцу, въ елецкую деревню, онъ прожилъ здѣсь около двухъ лѣтъ, развлекая себя поѣздками въ Москву и Орёлъ и посвящая свободное время литературнымъ занятіямъ и музыкѣ, которую онъ любилъ не менѣе поэзіи, приласкавшей его ещё на школьной скамьѣ и сулившей ему въ будущемъ славу недюжиннаго поэта, если-бы ранняя смерть не постигла его такъ неожиданно. Въ началѣ 1844 года Стаховичъ выхлопоталъ себѣ, наконецъ, давно-желанное дозволеніе отправиться за границу. Объѣхавъ Германію, Швейцарію и Италію и проживъ въ разныхъ городахъ этихъ государствъ нѣсколько лѣтъ, онъ возвратился назадъ въ Россію—въ Елецкій уѣздъ, гдѣ и былъ вскорѣ выбранъ въ уѣздные предводители дворянства. Поселившись въ своёмъ Елецкомъ имѣніи, онъ прожилъ въ нёмъ до самой смерти, внезапно и трагически постигнувшей его въ концѣ 1858 года, на 39-мъ году его жизни. Здѣсь въ послѣдніе годы онъ посвятилъ всё свободное время литературнымъ занятіямъ. Стаховичъ былъ убитъ своимъ бурмистромъ. Поводъ къ этому убійству не былъ вполнѣ выясненъ, несмотря на строгое слѣдствіе, и дѣло осталось тёмнымъ.

При значительномъ талантѣ и страстной любви къ литературѣ, Стаховичъ писалъ и печаталъ очень мало. Первымъ печатнымъ произведеніемъ Стаховича было: „Собраніе русскихъ народныхъ пѣсенъ", въ 4-хъ тетрадяхъ, текстъ и мелодіи которыхъ были собраны, а музыка аранжирована для фортепіано и семиструнной гитары самимъ издателемъ. Аполлонъ Григорьевъ, разбирая названное изданіе въ „Москвитянинѣ", сдѣлалъ кое-какія замѣчанія относительно невѣрности аранжировки музыки. Стаховичъ возражалъ ему съ жаромъ въ 6-й книжкѣ того же „Москвитянина" на 1855 годъ, стараясь доказать неосновательность мнѣнія своего оппонента; но Григорьевъ не удовлетворился объясненіемъ издателя и въ статьѣ своей: „Русскія народныя пѣсни", написанной по поводу выхода въ свѣтъ собранія пѣсенъ Якушкина, повторилъ свои обвиненія противъ Стаховича („Отечественныя Записки", 1860, №№ 4 и 5). Первымъ же напечатаннымъ стихотвореніемъ Стаховича была пьеса: „12-е января 1855 года", появившаяся въ 1-й книжкѣ „Москвитянина" на тотъ же годъ. Затѣмъ, въ 3-мъ, 6-мъ, 7-мъ и 8-мъ нумерахъ того же журнала и на тотъ же 1855 годъ были напечатаны ещё три его стихотворенія: „Праздникъ", „Москва 1855 года" и „Воля", и „Ночное", прекрасно-написанная сцена изъ русскаго народнаго быта. Она была поставлена на сцену и даётся досихъ поръ на петербургскихъ и московскихъ театрахъ съ постояннымъ успѣхомъ.

Начиная съ 1855 года, стихотворенія Стаховича стали появляться въ „Современникѣ", гдѣ, въ 3-й и 5-й книжкахъ, были напечатаны двѣ его пьесы: „Дѣдушкинъ садикъ"—лучшее его произведеніе, которое читатели найдутъ въ нашемъ изданіи, и „Пѣсня къ милой", изъ Гёте. Оба стихотворенія понравились всѣмъ, понимающимъ дѣло, особенно первое, отличающееся неподдѣльной простотою, доказывающей всего лучше присутствіе таланта въ авторѣ. Затѣмъ, въ слѣдующемъ году въ „Русской Бесѣдѣ" было напечатано четыре новыхъ его стихотворенія. Это были: „Пѣсня", „Пѣснь юности", „Вечерняя пѣсня" и „Степи". Наконецъ, въ 1858 году вышли въ свѣтъ, отдѣльною книжкой, двѣ первыхъ главы стихотворной повѣсти Стаховича, подъ названіемъ: „Былое", не представляющей ничего сколько-нибудь выдающагося изъ уровня множество другихъ стихотворныхъ повѣстей, выходящихъ въ свѣтъ только для того, чтобы быть забытыми тотчасъ по прочтеніи. Кромѣ исчисленныхъ здѣсь стихотвореній и ещё нѣсколькихъ другихъ, помѣщенныхъ авторомъ въ двухъ-трёхъ мало-распространенныхъ изданіяхъ, Стаховичъ оставилъ послѣ себя только нѣсколько неоконченныхъ произведеній въ стихахъ и прозѣ.

ДѢДУШКИНЪ САДИКЪ.

Въ дѣтствѣ, я помню, нашъ садикъ старинной
        Дѣдушка самъ разводилъ:
Съ са́жнемъ, со скрёбкой, съ верёвкою длинной
        Онъ вокругъ дома ходилъ.
Древенъ ужъ, древенъ онъ былъ, мой голубчикъ,
        Старецъ весёлый, живой;
Былъ на нёмъ бѣлый овчинный тулупчикъ;
        Самъ онъ, какъ лунь, былъ сѣдой.
Въ ту пору плохо онъ видѣлъ глазами—
        Было лѣтъ подъ сто ему;
Руки тряслись, но своими руками
        Всё онъ работалъ, всему
Былъ головою: и въ домѣ, и въ полѣ,
        Всё хлопоталъ и бродилъ;

Вѣкъ не знавалъ онъ ни скуки, ни боли,
Вѣчно смѣялся, шутилъ.
„Ну", говорилъ онъ мнѣ: „маленькій внучекъ,
Дѣду теперь помогай!
Ты не жалѣй своихъ бѣленькихъ ручекъ—
Ямки со мною копай.
Ты доставай мнѣ изъ грядокъ прививки,
Колья за мною носи,
Воду изъ кадки таскай для поливки,
Глину лопатой мѣси.
Здѣсь-то, вотъ видишь ты, яблоньки будутъ,
Тутъ вотъ крыжовникъ."—„А тамъ?"
—„Тамъ-то садовникъ ручей перепрудитъ—
И по крутымъ берегамъ
Густо повиснутъ широкія вѣтки,
Будетъ житьё соловьямъ!
Тамъ мы устроимъ аллеи, бесѣдки,
Кинемъ цвѣты по лугамъ."
—„Дѣдушка, полно! въ деревнѣ не диво
Рощи, цвѣты да кусты:
Весь бы садочекъ да вишней, да сливой,
Да грушей усаживалъ ты".
—„То-то ты, дитятко, больно глупенекъ!
Ты, вѣдь, меня не поймёшь!
Вотъ погоди-ка—ещё ты маленекъ—
Послѣ и самъ разберёшь.
Какъ запоютъ надъ бесѣдкою птички,
Какъ дерева зацвѣтутъ,
Ты не захочешь тогда землянички,
Яблочки въ ротъ не пойдутъ.
Время дождёшься, когда начинаетъ
Усъ надъ устами чернѣть—
Тутъ по веснѣ-то чего не бываетъ!
Право, не будешь жалѣть,
Что насадилъ тебѣ дѣдушка хилый
Рощи въ саду да кусты.
Только въ то время, пожалуйста, милый,
Вспомни про дѣдушку ты!"
И засмѣялся мой дѣдушка звонко;
Я же не могъ понимать,
Что намекаетъ онъ шуткою тонкой?
Чѣмъ мнѣ его поминать?
Смотримъ: на лѣто надъ быстрой рѣкою
Нашъ закурчавился садъ:
Рощей прозрачною въ нёмъ, чередою,
Въ листьяхъ зелёныхъ, стоятъ
Клёну и липъ молодыя куртины,
И на обрывѣ крутомъ
Множатся стебли сухіе малины.
Вотъ ужъ по валу кругомъ
Часто цѣплялся шиповникъ усатый,
Хмеля бесѣдки вились,
Скоро и крупный крыжовникъ мохнатый
Въ вѣткахъ зелёныхъ повисъ.
Дѣдушкѣ радость, что скоро принялся
Новый, завѣтный садокъ.
Два года онъ имъ ещё утѣшался,
Только на третій годокъ
Онъ не видалъ ужъ любимаго сада—
Онъ до весны не дожилъ.
Около церкви простая ограда—
Лоно семейныхъ могилъ;
Тамъ на могилѣ, чуть видная въ травкѣ,
Надпись простая гласитъ:
„Здѣсь безмятежно, сержантомъ въ отставкѣ,
Старецъ столѣтній лежитъ."
И на ограду широкія тѣни
Садъ, разростаясь, бросалъ;
Сѣмя черёмухъ и сѣмя сирени
Вѣтеръ туда завѣвалъ.
Клёны и липы всё гуще и гуще
Сѣни скрываютъ свои—
И, заселяя ихъ тёмныя кущи,
Громко поютъ соловьи.

А. Н. ЯХОНТОВЪ.

Александръ Николаевичъ Яхонтовъ, современный поэтъ и переводчикъ „Торквата Тассо" и „Ифигеніи въ Тавридѣ" Гёте, родился въ 1820 году въ Петербургѣ. Первые годы своего дѣтства Яхонтовъ провёлъ въ родовомъ имѣньи близъ Пскова; затѣмъ, именно въ 1831 году, поступилъ въ Петербургскій Благородный Пансіонъ (нынѣ 1-ая Санктпетербургская гимназія), откуда, ровно черезъ годъ, въ числѣ прочихъ, былъ переведёнъ въ Императорскій Царскосельскій Лицей, гдѣ и окончилъ полный курсъ въ 1838 году съ чиномъ девятаго класса. Уже въ Лицеѣ молодой Яхонтовъ сталъ обнаруживать наклонность къ поэзіи и изученію нѣмецкой литературы, при чёмъ перевёлъ послѣднюю сцену изъ первой части „Фауста", оставшуюся не напечатанной, и потомъ началъ, но не окончилъ „Эмилію Галотти" Лессинга. Что же касается мелкихъ стихотвореній, то и они также остались въ портфелѣ автора. Въ началѣ слѣдующаго года Яхонтовъ поступилъ на службу въ 1-ый департаментъ Мин. Государственныхъ Имуществъ, но въ началѣ 1842 года вышелъ въ отставку, чтобы имѣть возможность ознакомиться съ Европой, давно уже манившей его къ себѣ. Возвратившись послѣ четырёх-

лѣтняго отсутствія въ Петербургъ, онъ тотчасъ же поступилъ снова на службу, но уже не въ прежнее вѣдомство, а въ департаментъ желѣзныхъ дорогъ.

Устроившись въ Петербургѣ, Яхонтовъ тотчасъ же принялся за переводъ драмы Гёте „Торквато Тассо", о чёмъ уже подумывалъ въ Лицеѣ. Проработавъ надъ нимъ около двухъ лѣтъ, онъ, наконецъ, окончилъ его въ началѣ 1844 года и представилъ свой трудъ въ редакцію „Отечественныхъ Записокъ", гдѣ онъ и былъ напечатанъ въ 8-ой книжкѣ того же года. Въ 1851 году Яхонтовъ, по семейнымъ обстоятельствамъ, принуждёнъ былъ проститься съ Петербургомъ и перейти на службу во Псковъ, возлѣ котораго проживало въ деревнѣ его семейство. Здѣсь служилъ онъ сначала по министерству государственныхъ имуществъ, но вскорѣ перешелъ на должность директора Псковской губернской гимназіи, которую и занималъ въ теченіе слѣдующихъ девяти лѣтъ. Въ 1867 году Яхонтовъ былъ избранъ въ предводители дворянства Псковскаго уѣзда, должность котораго исправлялъ три трёхлѣтія подъ рядъ, а по выходѣ въ отставку псковскаго губернскаго предводителя—исправлялъ и его обязанности въ продолженіе полутора года. Избранный въ то же время въ почётные мировые судьи и губернскіе гласные, а въ 1877 году—и въ Предсѣдатели Псковской уѣздной управы, Александръ Николаевичъ занималъ всѣ эти должности, отличаясь строгимъ и неуклоннымъ исполненіемъ обязанностей.

Со времени переселенія Александра Николаевича въ Псковъ, стихотворенія его начали отъ времени до времени появляться на страницахъ столичныхъ журналовъ, но и то очень рѣдко. Это продолжалось до 1872 года, то-есть до возобновленія знакомства съ Некрасовымъ, съ которымъ Яхонтовъ встрѣчался довольно часто во время первой своей молодости въ Петербургѣ. Начиная съ того времени, стихотворенія его стали печататься почти исключительно въ „Отечественныхъ Запискахъ" и только изрѣдка появлялись въ „Вѣстникѣ Европы" и „Искрѣ". Въ этотъ періодъ времени были переведены имъ съ нѣмецкаго—трагедіи: Гёте „Ифигенія въ Тавридѣ" и Лессинга „Эмилія Галотти", напечатанныя—первая въ „Свѣточѣ", а вторая—въ „Иностранныхъ Классикахъ", и нѣсколько мелкихъ стихотвореній изъ Шиллера, Гёте и Гейне. Послѣдняя изъ двухъ названныхъ пьесъ была поставлена на московской сценѣ, гдѣ давалась въ теченіе двухъ лѣтъ съ успѣхомъ. Что же касается петербургской сцены, то пьеса была поставлена на ней до того небрежно и разыграна до того неудовлетворительно, что выдержала всего только три представленія, послѣ чего была сдана въ архивъ, чтобы, конечно, уже не появляться болѣе на сценѣ Александринскаго театра.

Прозаическіе переводы Яхонтова отличаются замѣчательною вѣрностью, а стихотворные, кромѣ того, и благозвучностью стиха. Что же касается его оригинальныхъ стихотвореній, вообще весьма граціозныхъ, то — при внимательномъ чтеніи — нельзя не признать ихъ какъ бы навѣянными Некрасовымъ—такъ сильно напоминаютъ они иногда не только манеру, но и самый духъ, которымъ запечатлѣны всѣ лучшія произведенія нашего поэта. Полное собраніе стихотвореній А. М. Яхонтова вышло въ Петербургѣ въ 1884 г., въ видѣ изящно-отпечатаннаго томика.

I.

ГОЛОСЪ ПРИРОДЫ.

Чтò за роздолье широкое лѣтомъ!
Всё, что таилось невѣдомо гдѣ,
Вызвано къ солнцу живительнымъ свѣтомъ.
Радость, движенье и звуки вездѣ.
Сколько и жизней, и пѣсенъ родится:
Всякая мошка—туда же поётъ;
Всякій червякъ незамѣтный—и тотъ
День весь хлопочетъ: ползётъ, шевелится.
Глазъ не охватитъ широкихъ равнинъ,
Гдѣ золотой наливается колосъ;
Звонкій кузнечикъ, земли гражданинъ,
Тоже свободный имѣетъ тамъ голосъ.
Пѣснями полонъ нескошенный лугъ,
Роща поётъ, наклоняяся гибко,
Вѣтви о чёмъ-то зашепчутся вдругъ...
Тамъ на водѣ расширяется кругъ—
Весело плещется рѣзвая рыбка.
Слышите? Скачетъ лѣсной водопадъ;
Ласточки съ радостнымъ крикомъ несутся;
Ржанье коня и блеяніе стадъ
Вечеромъ въ звучной дали раздаются.
Всѣ голоса точно слились въ одинъ;
Радостный міръ такъ глубоко спокоенъ
И отъ земли до небесныхъ вершинъ,
Словно волшебная арфа, настроенъ.
Голосъ природы, немолчно въ тебѣ
Слышится чувство всей твари свободной:
Какъ же таить человѣку въ себѣ
Праведный голосъ любви благородной?
Въ сердце природой любовь вложена:

Радость-ли пѣснь вдохновенную сложитъ,
Съ воплями ль рвётся наружу она—
Смертный въ груди её спрятать не можетъ!

II.

МЫСЛЬ.

Пока надъ міра суетой,
Чиста и благородна,
Ношусь безплотною мечтой—
Какъ воздухъ, я свободна.
Надъ твердью молніи быстрѣй
Въ пространствахъ я витаю,
Спускаюсь въ глубину морей
И въ небо улетаю;
Скорблю надъ океаномъ бѣдъ
И заблужденій вѣка;
Въ дѣла людей вношу я свѣтъ
И въ сердце человѣка.
Наука мною создана —
Предвѣстница свободы —
И довершать я призвана
Красу и строй природы.
Но въ мірѣ жить не суждено
Мнѣ вольной безтѣлесной:
Мнѣ слово бѣдное дано;
Какъ цѣпь желѣзная — оно
Въ моей юдоли тѣсной.
Здѣсь, на землѣ, моя судьба—
Оковы и гоненья!
Дитя свободы — я раба,
Съ минуты воплощенья!
Я крылъ могучихъ лишена
Въ изгнаніи суровомъ,
Умалена, искажена
Моимъ безсильнымъ словомъ.
Среди бездушья и страстей,
Неправдъ и преступленій
Померкъ мой свѣточъ межъ людей
И отлетѣлъ мой геній.
Я чувствъ высокихъ не бужу
Къ прекрасному, святому;
Міръ обуялъ меня: служу,
Какъ онъ, тельцу златому.
Лучъ вдохновенья на челѣ
Угасъ—я измельчала,
Утративъ, въ непроглядной мглѣ,
Сознанье идеала.
Отдайте мнѣ просторъ полей
И крылья для полёта,
Освободите отъ цѣпей,
Отъ давящаго гнёта!
Мнѣ любо жить въ сіяньи дня!
Властители, народы,
О, не страшитесь, какъ огня,
Дыханія свободы!
Въ оковахъ мнѣ спасенья нѣтъ:
Послѣднихъ силъ лишая,
Меня поворятъ мракъ и гнётъ
И губятъ, развращая.
Когда, откинувъ страхъ земной,
Взовьюсь я вольной птицей,
Я въ мірѣ буду не рабой,
А вольною царицей.
Не нужны будутъ мнѣ тогда
Коварство, ухищренья
На честномъ поприщѣ труда,
Науки, просвѣщенья.
Я межъ людей останусь жить,
Отъ немощей свободна:
Я буду истинѣ служить,
Свѣтла и благородна.

III.

ВЕСЕННІЙ ДОЖДЬ.

Тучка въ небѣ, какъ тихая дума,
Вѣтеръ смолкъ, чуть листья шевеля.
Лейся, лейся безъ вѣтра и шума,
Тёплый дождь, на сухія поля!
Пыль дороги тобою прибита,
Жадно пьётъ твою влагу трава,
Ты для льна благодать и для жита,
Изъ земли они вышли едва.
Какъ хотѣлося влажной прохлады
Этимъ новымъ пришельцамъ полей;
Какъ они тебѣ, вешнему, рады,
Какъ пойдутъ они въ ростъ веселѣй!
Далеки ещё лѣтнія грозы,
Ничему не грозишь ты бѣдой,
Льёшься, точно блаженныя слёзы,
Слёзы первой любви молодой.
Хорошо и ненастье весною!
Юность, любишь свою ты печаль!
Столько счастья въ тебѣ, что порою
Улетѣвшаго облачка жаль;
Зло мірское виднѣется смутно
И, какъ солнце, что̀ скрылось минутно,
Золотитъ этой тучки края,
Такъ лучами сквозитъ, подъ угрюмой
На чело налетѣвшею думой,
Свѣтозарная радость твоя.

В. Р. ЗОТОВЪ.

Владимиръ Рафаиловичъ Зотовъ, русскій писатель и журналистъ, сынъ извѣстнаго романиста тридцатыхъ годовъ, автора „Леонида", „Таинственнаго Монаха", „Никласа Медвѣжей лапы", „Цинъ-Кіу-Тонга" и другихъ, пользовавшихся успѣхомъ, повѣстей и романовъ, родился 22-го іюня 1821 года въ Петербургѣ. Получивъ первоначальное воспитаніе въ 1-ой Петербургской гимназіи, онъ перешелъ затѣмъ въ Царскосельскій лицей, въ которомъ и окончилъ полный курсъ наукъ въ 1841 году. Затѣмъ, прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ Военномъ Министерствѣ, въ званіи помощника секретаря, Зотовъ перешелъ въ департаментъ Податей и Сборовъ, въ которомъ прослужилъ до 1861 года, послѣ чего навсегда оставилъ государственную службу и посвятилъ себя исключительно литературѣ, влеченіе къ которой не покидало его со школьной скамьи. Ещё будучи въ Лицеѣ, Зотовъ помѣщалъ свои мелкія стихотворенія въ „Маякѣ" и „Сѣверной Пчелѣ". Здѣсь же были написаны имъ и три большія стихотворныя произведенія: поэма—„Двѣ колонны" (Александровская и Вандомская), трилогія—„Клитемнестра" и драматическая фантазія — „Любовь и развратъ", напечатанныя, первая — отдѣльной брошюрой (Спб. 1841), а двѣ послѣднія въ „Репертуарѣ" (1843, № 3) и „Иллюстрированномъ Семейномъ Листкѣ".

Получивъ энциклопедическое образованіе въ воспитавшемъ его заведеніи и пополнивъ его впослѣдствіи серіознымъ изученіемъ предметовъ и языковъ, не входившихъ въ программу лицейскаго курса, Зотовъ сталъ писать во всѣхъ родахъ — и результатомъ его неустанной, почти сороколѣтней литературной дѣятельности была та масса драматическихъ произведеній, поэмъ и мелкихъ стихотвореній, какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ, и тотъ длинный рядъ романовъ, повѣстей, ученыхъ, беллетристическихъ и критическихъ статей, историческихъ изслѣдованій, монографій, этюдовъ и фельетоновъ, разсѣянныхъ почти по всѣмъ повременнымъ изданіямъ сороковыхъ, пятидесятыхъ, шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, изъ которыхъ мы можемъ указать здѣсь лишь на небольшую ихъ часть. Не говоря о мелкихъ стихотвореніяхъ, которыхъ было напечатано имъ въ теченіе его многолѣтней литературной дѣятельности болѣе двухъ сотъ, почти во всѣхъ петербургскихъ журналахъ, Зотовъ написалъ и напечаталъ до сорока пьесъ для театра, изъ которыхъ двадцать-семь были играны. Вотъ главнѣйшія изъ нихъ. Драмы въ стихахъ: „Святославъ", „Новгородцы", „Король Энціо" („Репертуаръ", 1843, № 22), „Чума въ Миланѣ", „Дочь Карла Смѣлаго", „Шкиперъ" (Спб. 1844), „Герцогиня д'Эвильонъ", „Наполеоновскій гвардеецъ", „Дочь короля Рене" („Пантеонъ", 1850, № 4") и „Расинъ"; драмы въ прозѣ: „Мольеръ", „Однофамильцы", „Дочь Корсара", „Семь Мильоновъ", „Греческій философъ", „Дочь управителя"; комедіи: „Мѣщанинъ-дворянинъ" — Мольера, „Дружба и Любовь"—Ожье („Пантеонъ", 1851, № 4), „Наука и женщина", „Учитель", "Двѣ невѣсты", „Комедія въ окнѣ и на балконѣ", „Какъ нынче любятъ", „Какъ нынче ненавидятъ" и „Тётушка и добродѣтель" („Репертуаръ", 1842, № 22); водевилей—не перечисляемъ. Кромѣ того, Зотовымъ были переведены съ италіанскаго—три оперы: „Лукреція Борджія", „Ломбардцы" и „Біанка и Гвальтіеро", а съ французскаго—одна: „Сирена" Обера. Кромѣ того, имъ было написано, вмѣстѣ съ графомъ Соллогубомъ, либретто первой оперы Рубинштейна „Куликовская битва", а въ 1856 году—сочинёнъ и изданъ отдѣльной брошюрой драматическій прологъ въ стихахъ на столѣтній юбилей русскаго театра, подъ заглавіемъ „30 августа 1856 года" (Спб. 1856), за который былъ удостоенъ преміи. Изъ романовъ и повѣстей назовёмъ слѣдующія: „Черный тараканъ", романъ, помѣщённый во 2-ой книжкѣ „Репертуара" на 1843 годъ и почтённый одобрительнымъ отзывомъ Бѣлинскаго, „Любовь и приличіе", повѣсть въ двухъ частяхъ, „Левъ и Барышня", повѣсть („Репертуаръ" 1842 годъ), „Жизнь и электричество", „Прихоть", „Разсказы моего затылка", „Опекунша" (всѣ три повѣсти были помѣщены въ „Литературной Газетѣ" 1848 и 1849 годовъ), „Волтижорка", повѣсть „Отечественныя Записки" (1849, т. 67), „Между Петербургомъ и Москвою", разсказъ въ шести станціяхъ (тамъ же, 1853, т. 88), „Старый домъ", романъ въ восьми частяхъ (тамъ же, 1850 и 1851, т. 73, 74, 75, 76 и 77), „Коломенская роза" (тамъ же, 1850, т. 68), „Человѣкъ съ характеромъ", романъ въ двухъ частяхъ („Библіотека для Чтенія" 1852), „Первый маскарадъ", „Комедія въ оперѣ" (обѣ въ „Пантеонѣ", 1852 и 1853), „Исторія одного паука" („Пантеонъ", 1854, т. XVI), „Лопухинская легенда", повѣсть („С.-Петербургскія Вѣдомости", 1856), „Лѣшій", поэма въ прозѣ („Общезанимательный Вѣстникъ", 1857), „Любовь въ городской каретѣ", повѣсть („Пантеонъ", 1856), „Любовь людей", повѣсть („Сынъ Отечества", 1857),

„Докторша“, повѣсть („Отечественныя Записки“, 1865). Изъ серьёзныхъ статей Зотова заслуживаютъ вниманія: „Фаустъ Гёте и его русскіе переводчики“, „Шекспиръ въ его малоизвѣстныхъ произведеніяхъ“, „Менандръ и Теренцій“ и „Рабле“, напечатанныя въ „Репертуарѣ“ и „Пантеонѣ“, „Риваролъ“ („Сѣверная Пчела“), „Рашель и классицизмъ“, „Лермонтовъ въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ“, „Лермонтовъ какъ прозаикъ и драматургъ“ („Сѣверное Сіянье“, 1863, №№ 3 и 6, и 1864, №№ 5 и 6) и другія. Независимо отъ сего исчисленнаго нами, Зотовъ написалъ цѣлый рядъ критическихъ статей по русской литературѣ, помѣщавшихся въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ въ теченіе 1855 и 1856 годовъ и въ „Пантеонѣ“ Кони, во всё продолженіе его существованія съ 1850 по 1856 годъ, и множество „Заграничныхъ писемъ“ въ „Сынѣ Отечества“ Старчевскаго. Отдѣльно же Зотовъ издалъ: поэму „Хеакъ“ (Спб. 1842), стихотвореніе „Театралъ“, съ рисунками Тима, и въ 1843 году вмѣстѣ съ Некрасовымъ двѣ книжки стихотвореній, подъ заглавіемъ: „Статейки въ стихахъ безъ картинокъ“, изъ которыхъ въ первой помѣщена была небольшая его поэма „Жизнь и Люди“, вмѣстѣ съ юмористическимъ стихотвореніемъ Некрасова „Говорунъ“, которое подписано псевдонимомъ „Бѣлопяткинъ“.

Испытавъ свои силы во всѣхъ родахъ литературы, Зотовъ приходитъ, наконецъ, къ убѣжденію, что его призваніе — журналистика. И вотъ, начиная 1842 годомъ и кончая 1876, онъ не перестаётъ быть редакторомъ какого-нибудь періодическаго изданія, а иногда и нѣсколькихъ вдругъ. Такъ, напримѣръ, въ теченіе 1842 и 1843 годовъ онъ редактировалъ „Репертуаръ“, съ 1846 по 1848 годъ — „Литературную Газету“, въ 1850 — „Сынъ Отечества“, съ 1857 по 1863 — „Иллюстрацію“, съ 1859 по 1862 — „Семейный Листокъ“, съ 1863 по 1873 — „Воскресный Досугъ“, съ 1864 по 1873 — „Иллюстрированную Газету“ и, наконецъ, съ 1874 по 1876 — „Иллюстрированную Недѣлю“. Кромѣ исчисленныхъ здѣсь журналовъ, сотрудничество въ которыхъ было обязательно для Зотова, онъ въ то же время — или въ промежутки между редакторствами — находилъ ещё возможность принимать участіе и въ другихъ журналахъ. Такъ, напримѣръ, въ тѣ же 1850—1856 годы онъ участвовалъ въ изданіи „Пантеона“, перешедшаго подъ редакцію Кони, гдѣ завѣдывалъ отдѣлами критики и смѣси, что̀, впрочемъ, не мѣшало ему работать въ то же время и для „Отечественныхъ Записокъ“ и „С.-Петербургскихъ Вѣдо̀мостей“, въ которыхъ онъ завѣдывалъ критическимъ отдѣломъ, что обязывало его читать всѣ тогдашніе журналы. Наконецъ, въ „Сынѣ Отечества“ Старчевскаго, Владиміръ Рафаиловичъ, какъ постоянный сотрудникъ этого журнала, писалъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ рецензіи, а во время своей поѣздки за границу — письма изъ Парижа, Лондона, Брюселя, Роттердама, Манчестера и другихъ городовъ. Даже редактированіе въ послѣднее время двухъ еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ изданій, въ которыхъ, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, Зотовъ работалъ болѣе всѣхъ своихъ сотрудниковъ, составляя статьи по всѣмъ отраслямъ науки и литературы, не мѣшало ему въ то же время принимать на себя и другія работы, въ особенности лексикографическія, къ которымъ онъ всегда обнаруживалъ особенную наклонность и способность, благодаря своему энциклопедическому образованію и знанію многихъ европейскихъ языковъ. Такъ, будучи съ 1861 по 1864 годъ помощникомъ редактора „Энциклопедическаго Словаря“, онъ составилъ почти одинъ, безъ сотрудниковъ, весь третій томъ „Настольнаго Словаря“ Толя, завѣдывая въ то же время редакціею „Сѣвернаго Сіянія“, для котораго онъ почти одинъ составлялъ всѣ статьи по исторіи русской литературы, живописи и другимъ предметамъ. Послѣднимъ трудомъ Зотова была „Исторія всемірной литературы въ очеркахъ, біографіяхъ и образцахъ“, изданъ въ свѣтъ Вольфомъ.

Въ настоящее время Владиміръ Рафаиловичъ проживаетъ попрежнему въ Петербургѣ, который не покидалъ никогда въ теченіе всей своей жизни, продолжая заниматься литературой и ревностно служить ей.

ИЗЪ ФИЛОСОФСКОЙ СКАЗКИ „ЖИЗНЬ И ЛЮДИ“.

Гдѣ граничитъ съ мірозданьемъ
Безпредѣльность и хаосъ,
Гдѣ таинственнымъ лобзаньемъ
Время съ вѣчностью слилось,
Гдѣ нѣтъ жизни, звука, свѣта,
Нѣтъ ни неба, ни земли —
Мысли странныя поэта
Тамъ пріютъ себѣ нашли.
Видитъ онъ: за гранью міра,
Сбросивъ тѣла скорлупу,

Въ свѣтлой области эѳира
Проложивъ себѣ тропу,
Длинной цѣпью вьются тѣни
Къ центру чудному вдали,
Съ грузомъ грязныхъ впечатлѣній
Ими брошенной земли.
Не успѣла въ нихъ застынуть
Пѣна помысловъ земныхъ:
Не могли они покинуть
Мелочныхъ страстей своихъ.
Тѣни мчались и стремились
Всѣ къ началу бытія;
Всѣ надѣялись, молились,
Страхъ на сердцѣ затая.
Но полётъ ихъ быстротечный
Вдругъ прервался. Въ краѣ томъ
Есть черта межъ жизнью вѣчной
И пустымъ небытіёмъ.
Ихъ на той чертѣ прекрасной
Жизни Духъ остановилъ
И съ улыбкою безстрастной
Имъ спокойно говорилъ:

ДУХЪ ЖИЗНИ.

Куда вы летите?

ТѢНИ.

Къ небесной отчизнѣ.

ДУХЪ ЖИЗНИ.

Къ чему вы стремитесь?

ТѢНИ.

Къ источнику жизни.

ВАЖНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Я не безъ пользы жилъ на свѣтѣ
И очень дѣятеленъ былъ;
Я всё по утру въ кабинетѣ
Переставлялъ, переносилъ.
Съ фарфора самъ сдувалъ пылинки,
Укладывалъ бумаги самъ,
И самъ богатыя картинки
Въ порядкѣ вѣшалъ по стѣнамъ.
Любилъ я очень симметрію,
А вольнодумства не любилъ,
И нашу славную Россію
Съ утра и дó ночи хвалилъ.
По вечерамъ ко мнѣ сбиралась
Въ недѣлю разъ вся наша знать:
За танцы юность принималась,
А мы садилися играть.
И аматёры по субботамъ
Порой сбиралися блеснуть:
Играли, пѣли — всё по нотамъ,
Не наобумъ и какъ-нибудь,
Какъ иностранныя пѣвицы,
Стеклянымъ горлышкомъ звеня,
И въ залахъ наши львы и львицы
Курить не смѣли у меня.
Я столъ держалъ всегда отличный,
Во всёмъ приличье соблюдалъ,
И всё, чтó слыло неприличнымъ,
Съ негодованьемъ отвергалъ.
Я въ даль, признаться, не пускался,
Журнальныхъ не читалъ статей
И, какъ чумы, всегда боялся
Философическихъ идей.
Бывалъ я въ церкви, хоть не часто,
Но клалъ поклоны до земли;
Въ театръ ходилъ, какъ пѣла Паста,
Когда туда другіе шли.
Я не служилъ, но всё *считался*,
Имѣя мѣсто при дворѣ,
И въ разговоры не мѣшался
О Богѣ, мірѣ и добрѣ.
Повсюду принятъ, всѣмъ извѣстенъ,
Я гордо кланялся, смотрѣлъ,
И если былъ не слишкомъ честенъ,
За то амбицію имѣлъ.
Добро я дѣлалъ, но не много,
Дѣлами занятый съ утра;
Но, если мы разсудимъ строго —
Какая польза отъ добра?
Какъ жилъ я чинно, такъ-же точно
И умеръ чинно — и гласитъ
На гробѣ надпись: „Непорочно
Служившій мужъ здѣсь возлежитъ“.

АКТРИСА.

Я въ той жизни испытала
Много радостей земныхъ
И искусно завлекала
Обожателей моихъ.
Не заботясь объ искусствѣ
И чуждаяся труда,
Объ одномъ постыдномъ чувствѣ
Я лишь думала всегда.
Я затѣмъ пошла въ актрисы,
Что влечётъ къ нимъ бóльшій жаръ,
Что заманчивѣй кулисы,
Чѣмъ роскошный будуаръ.
Никогда я не мечтала —
И о чёмъ, къ чему мечтать? —
И лишь тó при жизни знала,
Чтó не слѣдовало знать.
Такъ я время проводила,
Въ сплётняхъ путая подругъ —

И, шутя, распространила
Моего знакомства кругъ.
Но недолго роль царицы
Мнѣ разыгрывать пришлось —
И забытою въ больницѣ
Умереть мнѣ привелось.

ЧИНОВНИКЪ.

Я самъ въ моей ничтожности
Не только въ свѣтѣ жилъ,
Но даже по возможности
Отечеству служилъ!
На службу собираюся
Часамъ я къ десяти
И такъ всегда стараюся,
Чтобъ раньше всѣхъ притти.
Бывало, въ отдѣленіи
Смирнѣе всѣхъ сижу —
Со страхомъ и почтеніемъ
На старшихъ я гляжу;
Пишу всегда внимательно,
Никакъ не обернусь
И дó верху такъ тщательно,
Какъ должно, застегнусь.
Мнѣ съ чувствомъ въ дни воскресные
Начальникъ руку жалъ,
И каждый писарь въ крестные
Отцы навѣрно звалъ.
Со славой самой прочною
Я ревностно служилъ
И пряжку безпорочную
За тридцать лѣтъ носилъ.
Я въ жизнь словечка грубаго,
Ей-Богу, не сказалъ
И сторожа беззубаго
„Любезнымъ" называлъ.
Начальникъ отдѣленія
Подчасъ начнётъ ругать.
Чтó жъ дѣлать? Безъ сомнѣнія,
Смириться и молчать.
Другой себѣ нахальствуетъ,
А крикнешь — и притихъ:
На то онъ и начальствуетъ,
Чтобъ взыскивать съ другихъ.
Я въ рынокъ и лабазникамъ
Всегда долги платилъ;
Въ театръ ходилъ по праздникамъ;
Безчинства не любилъ.
Смотрѣлъ, чтó поучительно,
Актрисамъ не мигалъ,
Служилъ неукоснительно,
Стиховъ не сочинялъ.
Конечно, приходилося
И мнѣ грустить порой, —
И страшно сердце билося
Чувствъ новыхъ полнотой,
Грудь ныла отъ томленія,
И не спалося въ ночь;
Но это наважденіе
Я гналъ тотчасъ же прочь.
Меня ветчинка сочная
Въ могилу низвела —
И пряжка безпорочная
Отъ смерти не спасла.
Я временное жительство
Съ почётомъ покидалъ:
Его превосходительство
За гробомъ выступалъ
И шляпа трёхугольная
Лежала на гробу.
Вотъ жизнь моя юдольная!
Кого жъ винить? Судьбу?

К. С. АКСАКОВЪ.

Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ, старшій сынъ автора „Семейной Хроники", Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова и старшій братъ Ивана Сергѣевича, родился 29-го марта 1817 года въ селѣ Аксаковѣ, Оренбургской губерніи.

Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ деревнѣ, въ домѣ своихъ родителей, частью въ Самарской, частью въ Оренбургской губерніяхъ. Кабинетъ отца былъ его дѣтскою. Въ тотъ возрастъ, когда другія дѣти забавляются игрушками, онъ зналъ наизусть „Россіаду" Хераскова и множество другихъ произведеній русской литературы вѣка Екатерины. Ещё будучи двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, какъ разсказываютъ его родные и знакомые, знавшіе его въ дѣтствѣ, онъ собиралъ вокругъ себя своихъ младшихъ братьевъ и сестёръ, заставлялъ ихъ пѣть стихи собственнаго сочиненія, въ которыхъ предавалъ проклятію всё иноземное, и затѣмъ сжигалъ торжественно французскія записки, которыя получались его матерью отъ знакомыхъ русскихъ барынь. Въ 1828 году онъ переѣхалъ вмѣстѣ съ своими родителями въ Москву, для приготовленія въ университетъ. Здѣсь часто видали, какъ у подножья памятника Минину и Пожарскому онъ разсказывалъ извозчикамъ и калачникамъ о событіяхъ 1612-го года. Съ поступленіемъ въ университетъ въ 1832 году, онъ съ замѣчательною

ревностью принялся за изученіе иностранныхъ литературъ, а потомъ углубился весь въ изученіе новѣйшихъ германскихъ философовъ. Это было время сближенія его съ Станкевичемъ, Бѣлинскимъ, Грановскимъ и другими, принадлежавшими къ ихъ кружку. Окончивъ курсъ кандидатомъ въ 1835 году и посвятивъ себя всего ученой и литературной дѣятельности, онъ никогда и нигдѣ не служилъ, оставаясь безотлучно въ родительскомъ домѣ. Въ 1847 году, послѣ экзамена, выдержаннаго за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, и по защитѣ своей диссертаціи: „Ломоносовъ въ исторіи русской словесности и русскаго языка“, Аксаковъ былъ удостоенъ степени магистра. Ещё до изданія этого сочиненія, онъ печаталъ въ „Телескопѣ“, „Молвѣ“, „Московскомъ Наблюдателѣ“ и „Отечественныхъ Запискахъ“ свои стихотворенія, какъ оригинальныя, такъ и переводныя, и статьи по поводу нѣкоторыхъ, занимавшихъ въ то время русское общество, вопросовъ, при чёмъ являлся иногда предъ публикой подъ псевдонимомъ „К. Эврипидина“.Начиная съ 1846 года, Аксаковъ былъ самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ всѣхъ лучшихъ органовъ славянофильскаго направленія въ нашей литературѣ. Такъ, въ „Московскомъ Сборникѣ“ 1846, 1847 и 1852 годовъ были, между прочимъ, напечатаны слѣдующія его сочиненія: „О православіи“, три большія критическія статьи и „О древнемъ бытѣ у славянъ вообще и у русскихъ въ особенности“, а въ „Русской Бесѣдѣ“ 1856—1860 годовъ—цѣлый рядъ статей по русской исторіи и литературѣ. Всего яснѣе выражены общественныя и литературныя тенденціи автора въ статьяхъ его объ „Исторіи Россіи“ Соловьёва, „О русской литературѣ“, „О богатыряхъ князя Владиміра“, „О русской грамматикѣ Буслаева“, „О современномъ человѣкѣ“ („Братская Помочь“, 1876) и другихъ. Отдѣльно были напечатаны: „Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка“ (М. 1847), „Освобожденіе Москвы въ 1612 году“ драма (М. 1848), „О древнемъ бытѣ у славянъ вообще и у русскихъ въ особенности“ (М. 1852), „О русскихъ глаголахъ“ (М. 1855), „Князь Луповицкій“, комедія (М. 1866 и Лейпцигъ 1857), „Олегъ подъ Константинополемъ“, драматическая пародія въ стихахъ (Спб. 1858), „Опытъ русской грамматики“ (М. 1860) и „Замѣчаніе на новое административное устройство крестьянъ въ Россіи“ (Лейпцигъ, 1861). Воззрѣнія Аксакова на русскую исторію, хотя они и не выражены ни въ какомъ отдѣльномъ сочиненіи и, при томъ, разбросаны по журнальнымъ статьямъ, имѣютъ большой интересъ. „Полнаго собранія сочиненій К. С. Аксакова“, начатаго изданіемъ въ 1861 году, вышло до сихъ поръ всего три тома. Томъ I. Сочиненія историческія. М. 1861. Томъ II и т. III. Сочиненія филологическія. М. 1875.

Независимо отъ своихъ ученыхъ трудовъ, Аксаковъ оставилъ намъ также и произведенія поэтическія. Кромѣ тѣхъ мелкихъ стихотвореній и переводовъ изъ Шиллера и другихъ поэтовъ, которыя были напечатаны въ „Московскомъ Наблюдателѣ“, „Отечественныхъ Запискахъ“, „Москвитянинѣ“ и другихъ журналахъ, онъ оставилъ ещё много лирическихъ стихотвореній, не попавшихъ въ печать.

Аксаковъ скончался на одномъ изъ Іоническихъ островов — Зантѣ, 7-го декабря 1861 года, куда доктора послали его, въ надеждѣ, что воздухъ юга поправитъ его разстроенное здоровье.

Заключаемъ нашъ краткій очеркъ полезной дѣятельности Аксакова тёплымъ отзывомъ о нёмъ покойнаго А. Ѳ. Гильфердинга, напечатаннымъ въ 19-мъ нумерѣ „Санктпетербургскихъ Вѣдомостей“ на 1861 годъ: „Трудно представить себѣ личность болѣе самобытную, болѣе своеобразную, нежели какой былъ К. С. Аксаковъ. Жизнь его, мы полагаемъ, не прошла даромъ для Земли Русской. Онъ имѣлъ вліяніе на образованіе и развитіе тѣхъ идей, которымъ назначено, по нашему мнѣнію, исцѣлить Россію отъ существующихъ въ ней недуговъ. Его убѣжденіе было постоянно наружу, высказывалось въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ дѣйствіи. Онъ былъ весь сосредоточенъ на одной мысли; но односторонность въ нёмъ не только не была вредна, а, напротивъ, служила ему источникомъ силы и средствомъ дѣйствовать на людей, ибо самая мысль, на которой онъ сосредоточивался, была цѣльна, жизненна, многостороння. Аксаковъ соединялъ съ своею обширною ученостью и съ постоянною дѣятельностью ума дѣтскую простоту сердца. Онъ былъ человѣкъ самой высокой нравственности. Смерть его на отдалённомъ островѣ среди родныхъ, сопровождавшихъ его за границу, была трогательна и прекрасна“.

ЛУНА И СОЛНЦЕ.

Тебя мечтательницы любятъ,
Луна въ далёкихъ небесахъ!
Свои мечты онѣ голубятъ
Въ твоихъ серебряныхъ лучахъ.
Къ тебѣ, о робкое свѣтило,

Стремится робкая душа,
Съ тобой блаженствуя уныло,
Тоскою праздною дыша!
Въ твоёмъ мерцаніи пристрастномъ,
Въ твоей невѣрной полумглѣ —
Всё стало призракомъ неяснымъ,
Видѣньемъ страннымъ на землѣ.
Гоня вездѣ опредѣленность
И утверждая власть мечты,
Простую жизни откровенность
Сомнѣньемъ окружила ты.
Твой блѣдный лучъ какой-то тайной
Весь міръ дѣйствительный облёкъ,
Всему далъ видъ необычайный—
Вездѣ загадка иль намёкъ.
Завѣса лёгкаго тумана
На всё наброшена тобой:
Очарованіе обмана
Объяло тихо міръ земной.
Но нѣжитъ онъ, твой лучъ холодный,
Лелѣетъ онъ въ ночной тиши
Пустого сердца сонъ безплодный
И ложь мечтательной души.
Твоихъ поклонниковъ довольно,
Довольно въ мірѣ, о луна,
Тоски, и скорби добровольной,
И лжи, и нравственнаго сна!
Есть люди: въ нихъ всё также зыбко,
Въ нихъ всё загадка иль намёкъ;
Въ ихъ сердцѣ—вѣчная ошибка;
Дары природы имъ не въ прокъ.
Мила имъ область сновъ неясныхъ
И недоконченныхъ рѣчей,
Иносказаній ежечасныхъ,
Смѣшенье свѣта и тѣней.
Мечтамъ и шуткамъ безконечнымъ—
Какъ будто дѣлу преданы—
Они всю жизнь въ просоньи вѣчномъ
Свои разсказываютъ сны.

Но вотъ прозрачный мракъ рѣдѣетъ
Зари багряной полосой;
Всё небо постепенно рдѣетъ,
И всходитъ солнце надъ землёй—
И солнца лучъ, рѣшитель спора,
Блеснулъ и прогоняетъ тьму:
Всё освѣщаетъ онъ для взора—
Но недоступенъ онъ ему.
О, солнце, врагъ видѣній лживыхъ!
И полумракъ, и полусонъ
Бѣгутъ лучей твоихъ правдивыхъ!
Весь міръ открытъ и озарёнъ,
Всё смотритъ ясно и отрадно,
Нигдѣ, ни въ чемъ обмана нѣтъ:
Всё озаряетъ безпощадно
Твой, солнце, правосудный свѣтъ!
Чтò дышитъ жизнью настоящей,
То встрѣтитъ съ радостнымъ лицомъ
Твой неподкупный лучъ блестящій
И новыхъ силъ добудетъ въ нёмъ.
Торжественный, и многогласный,
И непрестанный съ древнихъ поръ,
Тебѣ, свѣтило правды ясной,
Гремитъ хвалебный жизни хоръ!
Тотъ только солнце любитъ смѣло,
Кто жизнь въ мечту не обратилъ,
Кому доступно въ мірѣ дѣло,
Кто не изнѣжилъ данныхъ силъ,
Кто полумысли, получувства
Въ своей душѣ не допускалъ,
Рѣчей загадочныхъ искусства
Презрѣннаго не изучалъ,
Кому противенъ путь намёка
И ненавистнѣй для кого
Благообразіе порока,
Чѣмъ безобразіе его,
Въ комъ чувство жизни вѣчно ново,
Кто рѣчи хитро не двоитъ,
Чья мысль ясна, чьё прямо слово,
Чей духъ свободенъ и открытъ.

И. С. АКСАКОВЪ.

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, второй сынъ Сергѣя Тимоѳеевича, родился въ селѣ Надеждинѣ, Оренбургской губерніи, 26-го сентября 1823 года, воспитывался въ Училищѣ Правовѣдѣнія, гдѣ окончилъ курсъ въ 1842 году, и тогда же опредѣлился на службу въ Московскій Сенатъ. Въ 1848 году, по переходѣ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ, онъ былъ командированъ въ Бессарабію по раскольничьимъ дѣламъ, а въ слѣдующемъ году ѣздилъ ревизовать городское управленіе Ярославской губерніи, гдѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, состоялъ всё время членомъ въ комиссіи для изслѣдованія секты „Странниковъ", ученіе и догматы которой онъ описалъ въ особомъ сочиненіи. Въ 1850 году Иванъ Сергѣевичъ вышелъ въ отставку и возвратился къ отцу своему, въ Москву, гдѣ и отдался весь литературнымъ занятіямъ.

Въ 1852 году онъ издалъ 1-ой томъ „Московскаго Сборника“ и уже готовился издать 2-ой; но цензурныя препятствія заставили его отказаться отъ своего намѣренія. Затѣмъ, въ 1853 году, Русское Географическое Общество предложило ему сдѣлать описаніе торговли на украинскихъ ярмаркахъ. Аксаковъ принялъ предложеніе и въ томъ же году отправился въ Малороссію, гдѣ и пробылъ до конца слѣдующаго года, переѣзжая съ одной ярмарки на другую, вникая въ малѣйшія подробности торговыхъ сдѣлокъ и дѣлая свои замѣтки. Результатомъ всѣхъ этихъ наблюденій и изысканій было извѣстное его сочиненіе: „Изслѣдованіе о торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ“, изданное Географическимъ Обществомъ въ 1858 году. Это изслѣдованіе, основанное на фактахъ, тщательно собранныхъ большею частью самимъ издателемъ, обнимаетъ собою не только одну торговлю нашихъ ярмарокъ на Украйнѣ, но и всю почти торговую и промышленную дѣятельность нашихъ главныхъ торговыхъ и промышленныхъ центровъ, какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оно обнаружило всю недостаточность и неточность оффиціальныхъ свѣдѣній по этой части. Сочиненіе было удостоено со стороны Географическаго Общества константиновской медали, а Академія Наукъ присудила ему половинную демидовскую премію.

Воротившись въ Москву изъ своего малороссійскаго путешествія, Аксаковъ вступилъ въ 1855 году въ ополченіе и вмѣстѣ съ Серпуховской дружиной сдѣлалъ походъ въ Одессу, а потомъ въ Бессарабію. При первомъ извѣстіи о мирѣ, онъ оставилъ дружину и вернулся въ Москву, послѣ чего въ 1858 году принялъ на себя редакторство „Русской Бесѣды“ и выдалъ 3-ій и 4-ый томы за тотъ годъ. Затѣмъ, получивъ дозволеніе издавать газету „Парусъ“, онъ выдалъ, въ январѣ 1859 года, два нумера этой газеты, третій же былъ задержанъ ценцурой и—изданіе прекратилось. Въ 1860 году онъ посѣтилъ славянскія земли, а къ концу года былъ уже снова въ Москвѣ, гдѣ, спустя годъ, сталъ издавать еженедѣльную газету „День“, продолжавшую своё существованіе до половины 1865 года, а въ теченіе 1867 и 1868 годовъ еженедѣльныя газеты „Москву“ и „Москвичъ“. Съ 1880 года онъ принялся за изданіе въ Москвѣ еженедѣльной газеты „Русь“, которую съ успѣхомъ и продолжалъ вести до самой смерти, отстаивая интересы славянства въ Россіи и стараясь провести русскія начала въ нашу политику и внутреннее управленіе.

Какъ поэтъ, Аксаковъ извѣстенъ, какъ авторъ поэмы „Бродяга“ и многихъ лирическихъ стихотвореній, отличающихся несомнѣнными достоинствами. Первое его стихотвореніе „Колумбъ“ было напечатано въ „Москвитянинѣ“ 1844 года; остальныя же—разсѣяны по разнымъ изданіямъ съ славянофильскимъ направленіемъ, какъ-то: въ „Московскомъ Сборникѣ“ 1846, 1847 и 1852 годовъ, „Русской Бесѣдѣ“ (1856—1860) и въ газетѣ „Парусъ“.

Что же касается дѣятельности Ивана Сергѣевича, какъ предсѣдателя Московскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, то она хорошо извѣстна всякому русскому.

И. С. Аксаковъ скончался 27 января 1886 г. отъ разрыва сердца. Тѣло его похоронено въ Троице-Сергіевской Лаврѣ, по желанію покойнаго, выраженному еще при жизни. По смерти И. С. Аксакова, изданы были его сочиненія въ семи томахъ (1886—87 гг.) и, сверхъ того, *Сборникъ стихотвореній* Ивана Сергѣевича въ 1886 г. былъ изданъ въ Москвѣ *двумя изданіями.*

I.

Усталыхъ силъ я долго не жалѣлъ!
Не упрекнуть бездѣйствіемъ позорнымъ
Мою тоску: какъ труженикъ, умѣлъ
Работать я съ усердіемъ упорнымъ.

Моей душѣ тѣ годы не легки;
Скупымъ трудомъ не брезгалъ я лукаво,
И мнится мнѣ, — досуга и тоски
Купилъ себѣ я дорогое право.

Въ былые дни поэтовъ чаровалъ
Блаженства сонъ, Эдемъ въ неясной дали...
Почуявъ ложь, безумецъ тосковалъ—
И намъ теперь смѣшны его печали.

Но, осмѣявъ его безсильный плачъ,
Я въ жизнь вступилъ путёмъ иныхъ мечтаній:
Къ трудамъ благимъ, къ рѣшенію задачъ,
На жаркій бой, на подвигъ испытаній.

Всѣ помыслы, всѣ силы, всю любовь
Направилъ я—и громъ далёкій слышалъ...
Лгала и ты, о молодая кровь!
Исчезъ обманъ, едва я въ поле вышелъ...

И понялъ я, что спитъ желанный громъ,
Что, вмѣсто битвъ, нерѣдко съ браннымъ духомъ
За комаромъ бѣжимъ мы съ топоромъ,
За мухою гоняемся съ обухомъ.

И понялъ я, что подвиговъ живыхъ,
Блестящихъ жертвъ, борьбы великодушной
Пора прошла—и намъ, въ замѣну ихъ,
Борьбы глухой достался подвигъ скучный.

Отважныхъ силъ не нужно въ наши дни!
И юности лукавые порывы
Опасны намъ, затѣмъ, что всѣ они
Такъ хороши, такъ ярки, такъ красивы.

Есть путь иной, гдѣ вѣра не легка:
Сгораетъ въ нёмъ порыва скорый пламень;
Есть долгій трудъ, есть подвигъ червяка:
Онъ точитъ дубъ, — долбитъ и капля камень.

Невзрачный путь, тебѣ я вѣренъ былъ!
Лишенъ ты всей отрады упоенья —
И дерзко я на сердце наложилъ
Тяжолый гнётъ упорнаго терпѣнья.

Но слышно мнѣ порой, въ тиши работъ,
Что бурныхъ силъ не укротило время.
Когда же власть, скажи, твоя пройдётъ,
О молодость, о тягостное бремя?

II.

Среди цвѣтовъ поры осенней,
Видавшихъ вьюгу и морозъ,
Вдругъ распустился цвѣтъ весенній —
Одна изъ раннихъ алыхъ розъ;
Пахнýло вдругъ дыханьемъ мая,
Блеснуло солнцемъ вешнихъ дней,
И мнилось — гостья дорогая
Мнѣ принесла, благоухая,
Привѣтъ изъ юности моей!..

III.

ВЕЧЕРЪ.

Жаръ свалилъ. Повѣяла прохлада.
Длинный день покончилъ рядъ заботъ:
По дворамъ давно загнали стадо,
И косцы вернулися съ работъ.
Потемнѣть заря уже готова;
Тихо всё. Часъ ночи не далёкъ.
Подымался и улёгся снова
На закатѣ лёгкій вѣтерокъ.
Говоръ смолкъ; лишь изрѣдка собачій
Слышенъ лай; промолвятъ голоса...
Пыль слеглась; остылъ песокъ горячій;
Пала сильно нà землю роса.

По краямъ темнѣющаго свода
Тѣни всѣ широкія слились;
Встрѣтить ночь готовится природа —
Запахи отвсюду понеслись.
Въ тишинѣ жизнь новая творится:
Зрячею проснулася сова,
И встаётъ, и будто шевелится,
И растётъ, и шепчется трава.

IV.

Спустилась ночь въ убранствѣ звѣздномъ,
И, дольнихъ чуждыя страстей,
Какъ бы зажглись по синимъ безднамъ
Тьмы зоркихъ, мыслящихъ очей.
Міръ опочилъ. Едва колышетъ
Листы вѣтвей; кругомъ дремà
И сонъ...
Лишь ночь не спитъ сама,
Живетъ, и мощно, мѣрно дышитъ,
И чутко землю сторожитъ,
Все вѣщимъ таинствомъ объемлетъ,
И все невидимое зритъ, —
Неизглаголанному внемлетъ!
Беззвучный хоръ во мглѣ ведетъ...
И внятна сердцу пѣснь ночная,
И мнится — съ горнихъ тѣхъ высотъ
Зіяетъ правда неземная!..

V.

Добро бъ мечты, добро бы страсти,
Съ мятежной прелестью своей,
Держали насъ въ могучей власти,
Сбивали насъ съ прямыхъ путей!
Нѣтъ, счастьемъ мелкаго объёма
Довольны мы безъ бурь и грома,
И мирно путь проходимъ свой,
И, тратя жизнь разумной мѣрой,
Съ туманнымъ днёмъ, съ погодой сѣрой
Въ согласный ладъ живёмъ душой.

Но эта жизнь—ни сонъ, ни бдѣнье—
Богъ знаетъ что. Подчасъ, друзья,
Какое горькое презрѣнье
Къ себѣ и къ вамъ питаю я!
Намъ всё дано. Мы грубой ложью
Затмить не въ силахъ правду Божью—
Такъ ярокъ свѣтъ ея вдали.
Её мы чтимъ, о ней мы тужимъ;
Но гдѣ же храмъ, въ которомъ служимъ?
Какія жертвы принесли?

А впрочемъ, мы, дворянской лѣнью
Врачуя совѣсти недугъ,
Святому истины служенью
Свой барскій жертвуемъ досугъ.
Мы любимъ къ пышному обѣду
Прибавить мудрую бесѣду,
Иль въ поздней ужина порѣ,
Въ роскошно-убранной палатѣ
Потолковать о бѣдномъ братѣ,
Погорячиться о добрѣ.

Что жъ толку въ томъ? Проходятъ лѣта,
Любовь попрежнему мертва.
О! слово старое поэта:
„Слова, слова, одни слова!"
Не тò, чтобъ лгали мы безстыдно,
Но спимъ, но дремлемъ мы обидно,
Но постепенно силы въ насъ,
Пугаясь подвиговъ суровыхъ,
Средь мелкихъ благъ, средь благъ дешевыхъ
Счастливо гаснутъ каждый часъ.

Не всё же сонъ! Худыхъ желаній
Соблазнъ послышавъ иногда,
Обману ловкихъ оправданій
Мы поддаёмся безъ труда.
Мудрецъ умомъ, хитрецъ душою,
Какъ примирился ты съ собою?
Какъ столько выгодъ согласилъ
Ты съ духомъ мудрости змѣиной?
Какой „златою серединой"
Ты путь опасный проходилъ?

Нѣтъ, тёмныхъ сдѣлокъ, Боже правый,
Съ неправдой намъ не допусти,
Покрой стыдомъ совѣтъ лукавый,
Блаженство сонныхъ возмути!
Да пробудясь въ восторгѣ смѣломъ
Съ отвагой пылкою любви,
Мы жизнью всей, мы самымъ дѣломъ
Почтимъ велѣнія Твои!

VI.

ИЗЪ ПОЭМЫ „БРОДЯГА".

ВСЕНОЩНАЯ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Приди ты, немощный,
Приди ты, радостный!
Звонятъ ко всенощной,
Къ молитвѣ благостной,
И звонъ смиряющій
Всѣмъ въ душу просится,
Окрестъ сзывающій,
Въ поляхъ разносится.
Въ Холмахъ, селѣ большомъ,
Есть церковь новая.
Воздвигла Божій храмъ
Сума торговая —
И службы Божія
Богато справлены,
Иконъ подножія
Свѣчьми уставлены.
И старъ, и младъ войдётъ —
Сперва помолится,
Поклонъ земной кладётъ,
Кругомъ поклонится.
И стройно клирное
Несётся пѣніе,
И дьяконъ мирное
Твердитъ глашеніе:
О благодарственномъ
Трудѣ молящихся,
О градѣ царственномъ,
О всѣхъ трудящихся,
О тѣхъ, кому въ удѣлъ
Страданье задано...
А въ церкви дымъ висѣлъ
Густой отъ ладана.

Ѳ. Б. МИЛЛЕРЪ.

Ѳёдоръ Богдановичъ Миллеръ родился 22-го января 1818 года въ Москвѣ. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ московскомъ нѣмецкомъ училищѣ Св. Петра и Павла, въ которомъ и окончилъ курсъ на 16-мъ году. Затѣмъ, не желая обременять своей матери, которой, при ея скудныхъ средствахъ, было бы затруднительно содержать его во время прохожденія университетскаго курса, онъ поступилъ ученикомъ въ аптеку, а черезъ три года выдержалъ экзаменъ на званіе аптекарскаго помощника. Около двухъ лѣтъ Миллеръ занимался фармацевтикой, служа при Московскомъ университетѣ и посѣщая лекціи тѣхъ профессоровъ, которыхъ нужно ему было слушать, такъ какъ онъ уже давно задумалъ оставить фармацевтику и заняться литературой, влеченіе къ которой почувствовалъ ещё въ нѣмецкой школѣ. Въ 1839 году Миллеръ выдержалъ экзаменъ на званіе домашняго учителя русскаго и нѣмецкаго языковъ, а въ

1841—поступилъ въ 1-ый Московскій кадетскій корпусъ преподавателемъ сперва нѣмецкаго, а потомъ русскаго языковъ и словесности, для чего долженъ былъ снова держать экзаменъ на право преподаванія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Прослуживъ здѣсь 28 лѣтъ, Ѳёдоръ Богдановичъ оставилъ службу въ 1869 году, съ пенсіей и чиномъ статскаго совѣтника.

Первымъ литературнымъ трудомъ Миллера былъ романъ въ трёхъ частяхъ „Цыганка", написанный имъ на 19-мъ году. Само собою разумѣется, романъ былъ плохъ, что, впрочемъ, не помѣшало ему разойтись очень скоро. Затѣмъ, въ 1840 году, онъ напечаталъ отдѣльной книжкой свою драматическую сказку „Брильянтъ и роза", заимствованную изъ нѣмецкой повѣсти, а въ 1841, въ 8-мъ нумерѣ „Москвитянина", свой первый опытъ перевода въ стихахъ: двухактную драму Кастелли: „День Карла Пятаго". Съ этого времени Миллеръ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ „Москвитянина" и помѣщалъ въ нёмъ, почти исключительно, свои переводы, вплоть до его прекращенія. Здѣсь, между прочимъ, были помѣщены его прекрасные переводы двухъ большихъ балладъ Шиллера: „Жалоба Цереры" и „Фридолинъ" (1853, №№ 14 и 20) и пятиактной его трагедіи „Вильгельмъ Телль" (1843, № 8). Затѣмъ, Ѳёдоръ Богдановичъ сталъ печатать свои переводы въ „Русскомъ Словѣ", гдѣ былъ напечатанъ его полный переводъ „Конрада Валенрода" Мицкевича (1860, № 7), въ Библіотекѣ для Чтенія" („Альманзоръ" Гейне), „Шиллерѣ въ переводахъ русскихъ поэтовъ" („Мессинская невѣста"), „Шекспирѣ въ переводахъ русскихъ писателей" („Цимбелинъ" и „Мѣра за мѣру"), „Русскомъ Вѣстникѣ" („Тюрьма", „Вѣнецъ", „Графиня", „Сикстъ Пятый", „Олланта") и, наконецъ, въ „Отечественныхъ Запискахъ", гдѣ былъ помѣщёнъ весьма замѣчательный его переводъ поэмы Гамерлинга „Агасферъ въ Римѣ" (1872, №№ 9 и 10) и оригинальное стихотвореніе „Судья Шемяка" (1873, № 4).

Въ 1874 году исполнилось тридцать пять лѣтъ литературной дѣятельности Миллера—и Общество Любителей Россійской Словесности при Московскомъ университетѣ, которое считаетъ его съ 1859 года въ числѣ своихъ дѣйствительныхъ членовъ, назначило особое публичное засѣданіе, чтобы почтить тридцатипятилѣтніе труды его и другого своего члена, извѣстнаго ученаго и романиста покойнаго П. И. Мельникова (болѣе извѣстнаго подъ псевдонимомъ Андрея Печерскаго), литературной дѣятельности котораго также исполнилось въ то время тридцать пять лѣтъ.

Ѳёдоръ Богдановичъ издавалъ литературно-юмористическій журналъ съ карикатурами „Развлеченіе", основанный имъ въ 1859 году. Стихотворенія его были издаваемы три раза: 1) Стихотворенія Ѳ. Миллера. 1841—1848. М. 1849. 2) Стихотворенія Ѳ. Б. Миллера. Двѣ части. Изданіе второе, исправленное и дополненное. М. 1860. 3) Стихотворенія Ѳ. Б. Миллера. Двѣ части. Изданіе третье. М. 1872.

Миллеръ скончался 20 января 1881 года.

I.

СУДЬЯ ШЕМЯКА.

„Помоги мнѣ, братецъ", проситъ братъ убогой:
Не оставь, родимый, милостью премногой!
Вотъ ужъ наступаютъ вьюги съ холодами:
Одолжи лошадку съѣздить за дровами."
— „Охъ, какъ надоѣло мнѣ съ тобой возиться!
Вѣкъ ты будешь плакать, вѣкъ ты будешь биться.
Видно, самъ ужъ плохъ ты, пропилъ, знать, деньжонки,
Что купить не можешь клячи-лошадёнки?
Счастливъ, что пришелъ ты, какъ иду къ обѣдни:
Такъ и быть, возьми ужъ, только знай—въ послѣдній!
Приведёшь — и больше къ моему порогу
Ни ногою — слышишь? прогоню, ей-Богу".
Взялъ бѣдняга лошадь. „Дай ужъ оголовокъ",
Проситъ онъ у брата.—„Ишь ты, больно ловокъ!
За него вечоръ лишь деньги отдалъ самъ я.
Оголовокъ знатный — нѣтъ, его не дамъ я:
Изорвёшь, испортишь, буду я въ изъянѣ."
— „Дай, вѣдь, не къ хвосту же привязать мнѣ сани".
— „Дѣлай тамъ, какъ знаешь, людямъ поклонися:
Гдѣ-нибудь достанешь — только отвяжися".
Такъ сказавъ, богатый бѣдняка оставилъ;
А бѣднякъ, взявъ лошадь, путь домой направилъ.
Думаетъ онъ думу: какъ бы сани справить,
Чтобъ дрова изъ лѣсу до́ дому доставить?
Повезётъ ли лошадь? Вѣдь, безъ хомута-то
Возъ тащить тяжелый будетъ трудновато.
Ну, да ужъ устрою — я, вѣдь, парень ловкой:
Ей къ бокамъ оглобли привяжу верёвкой,
А чтобъ не съѣзжали, я свяжу ремнями
Какъ нибудь покрѣпче хвостъ ея съ санями".
Справилъ — и поѣхалъ въ рощу за дровами.
Нагрузивши дровни, по дорогѣ гладкой
Тянетъ онъ ихъ къ дому рядышкомъ съ лошадкой.

Всё идётъ, какъ надо — вотъ и дотащились;
Только вдругъ за что-то сани зацѣпились.
„Эй, ну-ну!“ кричитъ онъ: „вывози, родная!
Тутъ ужъ недалечко — дамъ тебѣ сѣнца я“.
Палкой замахнулся: „ну-же, ну, тащися!“
Конь рванулъ всей силой — хвостъ и оборвися.
Какъ на утро лошадь увидалъ богатый —
„Что́ ты съ нею сдѣлалъ? что́ въ ней безъ хвоста-то?“
Закричалъ онъ грозно: „это, братъ, не ладно —
Этакъ одолжать васъ будетъ мнѣ накладно.
Мы пойдёмъ къ Шемякѣ: пусть онъ насъ разсудитъ
И тебя за лошадь заплатить принудитъ“.
И пошелъ къ Шемякѣ съ братомъ братъ убогой.
Путь ихъ былъ не близокъ: снѣжною дорогой
Шли они всё утро и, уставъ немало,
Завернули оба въ сельское кружало.
Богача хозяинъ встрѣтилъ съ уваженьемъ,
Кланяется въ поясъ: „съ нашимъ, молъ, почтеньемъ!“
И вина, и пива гостю предлагаетъ;
Бѣдняка же словно вовсе и не знаетъ.
Къ богачу подсѣвши, пьётъ онъ съ нимъ, гуторя;
А бѣдняга на̀ печь завалился съ горя,
Чтобъ заспать свой голодъ. Слушая ихъ рѣчи,
Онъ вздремнулъ немного — и свалился съ печи.
Какъ на грѣхъ ребёнокъ спалъ тутъ той порою:
Онъ его, упавши, придавилъ собою.
— „Ахъ, ты душегубецъ! ахъ, безпутный Каинъ!
Что ты тутъ надѣлалъ?“ закричалъ хозяинъ.
„Этого, братъ, дѣла такъ я не оставлю,
И на судъ къ Шемякѣ я тебя представлю“.
— „Что-жъ, пойдёмъ къ Шемякѣ: знать такая доля“,
Отвѣчалъ бѣдняга: „буди Божья воля!“
И пошли всё трое; а межъ тѣмъ дорогой,
Закручинясь, думу думаетъ убогой:
„Что-жъ теперь мнѣ дѣлать? вѣдь, меня засудятъ!
Пропаду я, бѣдный! Эхъ, ужъ будь, что будетъ:
Брошусь лучше съ моста и покончу разомъ!“
У бѣдняги съ горя умъ зашелъ за разумъ.
Вотъ подходятъ къ мосту — онъ перекрестился
И черезъ перила вдругъ перевалился.
Подъ мостомъ въ ту пору сани проѣзжали,
Двое мужичковъ въ нихъ пѣсни распѣвали.
Вдругъ на нихъ свалился будто куль тяжелый —
И замолкли звуки пѣсни ихъ весёлой.
Крикъ бѣдняга слышитъ: „съ нами крестна сила!“
Голову приподнялъ — передъ нимъ верзила:
Парень здоровенный въ бокъ его толкаетъ
И ругаетъ крѣпко, и съ саней пихаетъ:
А подъ нимъ, уткнувшись въ сѣно головою,
Кто-то тяжко стонетъ и хрипитъ порою.
Понялъ онъ, въ чёмъ дѣло — и давай Богъ ноги;
Но верзила-парень сталъ середь дороги.
„Глянь, что ты надѣлалъ, лиходѣй треклятый!
Вѣдь, пришибъ до смерти моего отца ты.
Ты за это дѣло мнѣ отвѣтишь, милый —
И тебя къ Шемякѣ потащу я силой“.
— „Что-жъ, пойдёмъ къ Шемякѣ: пусть онъ насъ разсудитъ!“
Говоритъ убогой: „двухъ смертей не будетъ“.
Идутъ парни въ городъ вчетверомъ. Доро́гой
Грустно такъ повѣсилъ голову убогой:
Думаетъ, гадаетъ, какъ бы умудриться,
Чтобъ отъ наказанья строгаго отбиться.
Онъ съ дороги камень поднялъ съ думой злою
И, въ мошну засунувъ, спряталъ подъ полою.

На высокомъ стулѣ важно засѣдаетъ
Въ храминѣ Шемяка и свой судъ вѣщаетъ —
И съ благоговѣньемъ предъ судьёю строгимъ,
Кланяясь, предстали три истца съ убогимъ.
Первый свою просьбу изложилъ богатый.
— „Что отвѣтить можешь на слова истца ты?“
Вопросилъ Шемяка. Тотъ, въ замѣнъ отвѣта,
Лишь потрясъ мошною: посмотри, молъ, это!
— „А!“ смекнулъ Шемяка: это онъ сотнягу
Мнѣ за судъ мой сулитъ. Выручу бѣднягу!“
„Вотъ моё рѣшенье“, говоритъ: „отъ брата
Ты съ хвостомъ, не такъ ли, получилъ коня-то?
Посему и долженъ ты радѣть о томъ же,
Чтобъ ему скотину возвратить съ хвостомъ же.
Того ради конь сей долженъ находиться
При тебѣ, доколѣ хвостъ не отроститея“.

. . . .
. . . .

Тутъ съ поклономъ третій подаётъ прошенье
И судью Шемяку молитъ о рѣшеньѣ.
На вопросъ Шемяки бѣдный, безъ отвѣта,
Вновь трясётъ мошною: посмотри, молъ, это!
И Шемяка смѣтилъ: „а, еще сотнягу
Мнѣ за судъ онъ сулитъ. Выручу бѣднягу!“
И сказалъ въ раздумьѣ: „въ преступленьѣономъ,
Знай, сугубо виненъ ты передъ закономъ:
Самъ хотѣлъ убиться, а убилъ другого!
Такъ-какъ, что бъ ни дѣлалъ, ты отца родного
Сиротинѣ-сыну воротить не можешь,
То за свой проступокъ самъ животъ положишь.
Лягъ же ты подъ мостомъ; онъ же, на́ мостъ ставши,
Пусть тебя задавитъ, на тебя упавши“.

Весело выходитъ отъ судьи убогой;
Гѣ-жъ въ душѣ Шемяку всѣ клянутъ дорогой,
— „Что-жъ, любезный братецъ“, говоритъ бѣдняга:

„Подавай коня-то!" — „Нѣтъ, зачѣмъ, сердяга:
Я ужъ передумалъ. Намъ-бы помириться!
Конь, хоть и безхвостый, всё-жъ мнѣ пригодится.
Дамъ тебѣ деньжонокъ — разживайся съ Богомъ,
И вперёдъ пожалуй пригожусь во многомъ".

. . . .

Тутъ убогій съ третьимъ началъ разговоры:
„Охъ, какъ горько слушать мнѣ твои укоры!
Видно на семъ свѣтѣ не жилецъ я болѣ!
Ну, ступай-ка нà мостъ да скачи оттолѣ„.
—„Нѣтъ, я передумалъ! Что съ тобой возиться:
На тебя скакавши, самъ могу убиться.
Убирайся съ Богомъ". — „Нѣтъ, родимый, дудки!
Мы съ тобой ходили въ судъ, вѣдь, не для шутки:
Ты хотѣлъ обидѣть горькаго бѣднягу,
Такъ скачи, братъ, съ моста, иль подай сотнягу".
Какъ ни спорилъ парень, какъ онъ ни бранился,
Все-жъ таки на сотнѣ съ бѣднымъ помирился.

Вотъ домой приходитъ бѣдный развесёлый!
Ужъ не будетъ знаться онъ съ нуждой тяжелой:
Станетъ жить, какъ люди, голодъ позабудетъ
И въ міру считаться хуже всѣхъ не будетъ.
А межъ тѣмъ Шемяка дани поджидаетъ
И къ нему за нею парня посылаетъ,
„Что-жъ, пріятель, такъ-то держишь обѣщанье?
Что сулилъ Шемякѣ ты за оправданье?"
—„Что-жъ ему сулилъ я?"— „Три мошны съ казною,
Въ каждой по сотнягѣ". — „Что ты? Богъ съ тобою!
У меня въ мошнѣ той грошъ не заводился,
А лежалъ вотъ камень — имъ я и грозился:
Коль меня въ ту пору онъ не оправдалъ бы,
Я вотъ этимъ камнемъ въ гробъ его вогналъ бы".
Какъ узналъ про камень — загремѣлъ Шемяка:
„Я тебя доѣду! Погоди, собака!"

М. П. РОЗЕНГЕЙМЪ.

Михаилъ Павловичъ Розенгеймъ родился въ 1820 году. Одинъ изъ предковъ поэта родомъ датчанинъ, по семейнымъ преданіямъ, переселился въ Россію въ концѣ XVII или въ началѣ XVIII столѣтія. Онъ былъ лютеранинъ, но, женясь въ Москвѣ на русской, принялъ православіе и потомство его совершенно обрусѣло. Отецъ Михаила Павловича въ своё время былъ единственнымъ представителемъ этого рода. Всѣ они служили, но никто изъ нихъ не выдвинулся и не пріобрѣлъ извѣстности. Оставшись послѣ смерти отца, служившаго въ горномъ вѣдомствѣ, четырёхъ лѣтъ, онъ былъ отданъ на восьмомъ году въ 1-ый кадетскій корпусъ въ малолѣтнее отдѣленіе. Пробывъ въ корпусѣ цѣлыхъ одиннадцать лѣтъ, Розенгеймъ былъ выпущенъ въ мартѣ 1838 года прапорщикомъ въ полевую конную артиллерію. Прослуживъ десять лѣтъ въ строю, онъ воротился въ 1848 году въ Петербургъ, гдѣ до 1866 года продолжалъ служить въ артиллеріи внѣ строя; въ этомъ же году поступилъ въ открывшуюся тогда Военно-Юридическую Академію, по окончаніи двухгодичнаго курса въ которой вышелъ изъ нея по 1-му разряду въ началѣ 1868 года, а въ 1869 — былъ назначенъ военнымъ судьёю въ петербургскій военно-окружный судъ.

Михаилъ Павловичъ сталъ писать стихи съ четырнадцати лѣтъ, ещё будучи кадетомъ, при чёмъ однимъ изъ первыхъ его произведеній была „Походная пѣсня", которую пѣсенники-кадеты, лѣтомъ 1836 года, пѣли на походѣ въ лагерь въ Петергофъ и за которую онъ получилъ отъ командовавшаго въ тотъ годъ батальономъ 1-го кадетскаго корпуса Наслѣдника Цесаревича, впослѣдствіи Императора Александра II, золотые часы. Въ 1837 году бывшій въ то время преподавателемъ русской словесности въ старшихъ классахъ корпуса, покойный Плаксинъ передалъ нѣкоторыя изъ стихотвореній Розенгейма покойному Н. А. Полевому — и тотъ былъ такъ снисходителенъ къ первымъ опытамъ юнаго поэта, что напечаталъ нѣкоторые изъ нихъ въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ издаваемаго имъ въ то время „Сына Отечества". Затѣмъ, напечатавъ въ „Библіотекѣ для Чтенія" 1840 года ещё два стихотворенія, Розенгеймъ оставилъ Петербургъ и до 1868 года вовсе не печаталъ стиховъ въ журналахъ. Впрочемъ, это послѣднее обстоятельство не помѣшало стихотвореніямъ его, благодаря нескромности пріятелей поэта, являться по временамъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ — то подъ именемъ Лермонтова, то подъ именемъ Хомякова. Такъ въ „Современникѣ" на 1850 годъ, въ „Замѣткахъ Новаго Поэта", было помѣщено его стихотвореніе „Дума", безъ означенія имени сочинителя; затѣмъ, въ 1856 году, это самое стихотвореніе, въ нѣсколько измѣнённомъ видѣ, было передано госпожею Хвостовой въ „Русскій Вѣстникъ", какъ стихотвореніе Лермонтова, гдѣ оно и было напечатано (№ 14, отд. I, стр. 323), вмѣстѣ съ двумя другими, съ именемъ великаго нашего поэта, вызвавъ громкія похвалы со стороны тѣхъ самыхъ рецензентовъ, которые, впо-

слѣдствіи, такъ жестоко нападали на Розенгейма, при выходѣ въ свѣтъ его стихотвореній. Наконецъ, еще недавно, такимъ же образомъ было напечатано стихотвореніе Розенгейма „На развалинахъ Севастополя“, выданное за произведеніе Хомякова.

Начиная съ 1858 года, стихотворенія Розенгейма стали снова появляться на страницахъ петербургскихъ и московскихъ журналовъ, преимущественно въ „Отечественныхъ Запискахъ“, „Библіотекѣ для Чтенія“, „Русскомъ Вѣстникѣ“, „Сынѣ Отечества“, „Русскомъ Словѣ“, „Литературной Библіотекѣ“, „Зарѣ“ и другихъ. Въ томъ же 1858 году вышло въ свѣтъ первое изданіе „Стихотвореній Михаила Розенгейма“, вызвавшее весьма разнорѣчивые отзывы со стороны журнальныхъ рецензентовъ обѣихъ столицъ, при чёмъ Чернышевскій („Современникъ“, 1858, № 11) и Дружининъ („Библіотека для Чтенія“, 1858, № 12) посвятили имъ большія, но далеко неблагосклонныя статьи. Одновременно со стихами стали появляться въ петербургскихъ журналахъ и прозаическія статьи Розенгейма. Такъ, съ ноября 1859 до конца 1860 года ежемѣсячно въ „Отечественныхъ Запискахъ“ печатались его „Замѣтки праздношатающагося“; въ юридическомъ журналѣ Салманова помѣщена была статья его „О конокрадствѣ въ Россіи“; въ газетѣ „Наше Время“—большая статья „О Печерскомъ краѣ“, а въ „Сѣверной Пчелѣ“, перешедшей отъ Греча подъ редакцію Усова, рядъ юмористическихъ статей, подъ заглавіемъ: „Путешествіе во времени и пространствѣ“. Въ 1860 году ему предложена была редакція журнала „Коннозаводства и охоты“, которою онъ и завѣдывалъ до 1863 г. Въ 1863 году онъ началъ издавать сатирическую газету „Заноза“, которая съ перваго же года пріобрѣла слишкомъ 5,000 подписчиковъ. Онъ издавалъ её два года; но въ 1865 году, по особымъ обстоятельствамъ, долженъ былъ передать её въ другія руки. Въ „Занозѣ“ было помѣщено нѣсколько юмористическихъ стихотвореній и разсказовъ самого редактора. Въ 1864 году „Стихотворенія М. Розенгейма“ вышли вторымъ, значительно дополненнымъ, изданіемъ, а въ 1882 г.—*третьимъ* изданіемъ. Затѣмъ, въ 1866 году, въ „Голосѣ“ напечатанъ былъ рядъ статей его, подъ заглавіемъ: „Письма о недавнемъ быломъ“. Вообще, начиная съ этого времени, Розенгеймъ сталъ постояннымъ сотрудникомъ названной газеты, при чёмъ, въ теченіе всего 1867 и въ началѣ 1868 годовъ, написалъ цѣлый рядъ статей, преимущественно, по вопросамъ о западныхъ окраинахъ нашихъ и о желѣзныхъ дорогахъ. Наконецъ, въ 1869 и 1870 годахъ онъ напечаталъ нѣсколько статей въ Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ и въ „Военномъ Сборникѣ“.

Розенгеймъ скончался 7-го марта 1887 года, въ С.-Петербургѣ, отъ разрыва сердца.

I.

19-е февраля 1862 года.

Христосъ, Христосъ воскресъ! Воистину воскресъ!
Воспойте: живъ Господь, и слава въ вышнихъ Богу!
Блеснулъ свободы лучъ и намъ съ родныхъ небесъ!
Осанна! Вайями усыплемте дорогу!

Разбита рабства цѣпь. Вставайте, мертвецы!
Вставайте, Лазари, изъ гроба вѣкового,
Гдѣ вы родилися, гдѣ отжили отцы!
Прощенье прошлому! забвеніе былого!

Оплотъ коснѣнія и порчи сокрушенъ:
На свѣтъ, на Божій свѣтъ скорѣе выходите!
Граждане новые, привѣтъ вамъ и поклонъ!
Богъ помочь, братья, вамъ, Богъ помочь въ новомъ быть!

Не стойте—прочь скорѣй отъ двери гробовой!
Васъ жизнь къ себѣ зовётъ: живымъ работы много.
Впередъ, насъ братья ждутъ, впередъ, рука съ рукой!
Теперь вамъ всѣмъ одно — всѣмъ общая дорога.

Вы, чуждые досель, сыны одной семьи,
Средь рабства явнаго и тайнаго проклятья,
Вглядитесь, наконецъ, другъ въ друга: вы свои,
Одной неволей лишь разрозненные братья.

Но рабство сломано: давайте жъ руки намъ,
Давайте и пойдёмъ, пойдёмъ: насъ ждётъ работа!
И радость, и печаль — всё вмѣстѣ, пополамъ!
Про дѣло земское всѣмъ общая забота.

Пойдёмъ! свободы лучъ блеснулъ съ родныхъ небесъ;
Побѣду довершимъ при кликахъ всенародныхъ:
„Христосъ, Христосъ воскресъ!“ Воистину воскресъ!
И стала наша Русь землёй людей свободныхъ.

Христосъ, Христосъ воскресъ! Хвала и честь Тому,
Тому, кто, какъ пророкъ, евреямъ Богомъ данный,
Воздвигнулъ свой народъ отъ рабства и ему
Открылъ широкій путь къ землѣ обѣтованной!

II.

ПРОРОКЪ.

Когда Господь открылъ мнѣ вѣжды
И скверну міра показалъ,

Когда — испуганный — одежды
Я, полный скорби, разорвалъ;

Когда — въ порывѣ сокрушенья
Бѣжать въ пустыню я хотѣлъ,
Чтобы не видѣть униженья
И черноты, и грязи дѣлъ:

Тогда, сверкая мнѣ изъ тучи
И гласомъ гнѣва, и суда,
Онъ — малодушному — Могучій
Изрёкъ мнѣ грозное: „куда?“

„Куда?“ воззвалъ онъ громогласно:
„Куда, лукавый человѣкъ?
Бѣжишь въ пустыню безопасно
Влачить безплодно жалкій вѣкъ!

„Не сокрушенье, не молитвы—
Мнѣ нуженъ истины пророкъ,
Мнѣ нуженъ мужъ для смѣлой битвы,
Мнѣ нуженъ молотъ на порокъ!

„Не это рабское безсилье
Потребно смѣлому бойцу.
Иди предъ злобу и насилье—
И съ ними стань лицомъ къ лицу!“

И я пошелъ. Вражду, гоненье
Я видѣлъ, зналъ и перенёсъ;
Я слышалъ пошлое глумленье
И вопли гнѣва и угрозъ —

И фарисея шопотъ желчный,
И вой безсмысленный глупца;
Но я иду—набатъ немолчный
Глаголовъ правды—до конца.

Не кроюсь. Пусть въ меня каменья
Бросаютъ ближніе мои:
Иду безъ злобы и смущенья—
Во имя правды и любви.

III.

Горе ты, горе, змѣя подколодная,
Ворогъ старинный ты мой!
Ты, неотступное, ты, безысходное—
Рано сошлись мы съ тобой!

Рано сошлись мы—сошлись и схватилися:
Чья-то, посмотримъ, возьмётъ?
Сильны, знать, оба съ тобой мы родилися—
Схватка идётъ да идётъ.

Грустно проносится жизнь безотрадная
Въ этой борьбѣ роковой...
Можетъ-быть, сломишь меня, безпощадная —
Только не дамся живой.

IV.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Опять весна живительно
Стучитъ ко мнѣ въ окно:
Что-жъ сердце такъ мучительно,
Такъ больно стѣснено?

Безъ воли, безъ желанія,
Богъ знаетъ почему,
Встаютъ воспоминанія,
Мерещатся уму.

Всё, всё—давно забытое,
Что время унесло,
Убитое, разбитое,
Что было, что прошло;

Весь адъ житья бездольнаго —
Бѣды, нужды, труда,
Гдѣ умъ простора вольнаго
Не вѣдалъ никогда;

Невѣжество завзятое,
Нахально-наглый гнётъ...
Вся эта жизнь проклятая —
Зачѣмъ она встаётъ?

Н. Ѳ. ЩЕРБИНА.

Николай Ѳёдоровичъ Щербина, извѣстный русскій поэтъ, родился 2-го декабря 1821 года въ Міусскомъ округѣ земли Войска Донского, въ посёлкѣ Грузко-Елачинскомъ, лежащемъ въ 60 верстахъ отъ Таганрога. Предки Щербины, какъ это видно изъ разныхъ документовъ, принадлежали къ числу тѣхъ малороссійскихъ выходцевъ съ береговъ рѣки Сожи, которые, 250 лѣтъ тому назадъ, во время борьбы Богдана Хмельницкаго съ поляками, принуждены были оставить разорённую родину и переселиться на необитаемые берега Донца, гдѣ вскорѣ они образовали изъ себя Изюмскій слободской казачій полкъ, защищавшій русскія

окраины противъ татарскихъ набѣговъ. По переформировании же слободскихъ полковъ въ гусарскіе, въ 1763 году, указомъ императрицы Екатерины II, родъ Щербины былъ занесёнъ въ число дворянскихъ родовъ вновь образованной изъ слободскихъ земель Слободско-Украинской губерніи.

Первые годы своего дѣтства Щербина провёлъ въ названномъ выше посёлкѣ, принадлежавшемъ его матери, донской дворянкѣ. Что же касается бабушки его по матери, женщины весьма умной, энергичной и потому оказавшей большое вліяніе на внука, то она была природная гречанка, переселившаяся въ Россію изъ Мореи при императрицѣ Екатеринѣ II, вслѣдствіе чего греческій элементъ отразился весьма сильно на воспитаніи матери поэта, а по выходѣ ея замужъ за отца Щербины, сталъ играть видную роль въ жизни и во всей обстановкѣ родителей поэта, что имѣло огромное вліяніе на эстетическое развитіе будущаго автора „Греческихъ Стихотвореній". Когда же, по продажѣ донского имѣнія, всё семейство Щербины переселилось на жительство въ Таганрогъ, населённый почти исключительно греками, вліяніе это скоро усилилось и сблизило ребёнка ещё болѣе съ греческимъ бытомъ и преданіями греческой старины. По вступленіи въ Таганрогскую гимназію, десятилѣтній Щербина такъ ревностно принялся за изученіе греческаго языка, что вскорѣ, недовольствуясь преподаваніемъ его въ гимназіи, сталъ ходить въ частную греческую школу, гдѣ прочиталъ въ первый разъ „Илліаду" Гомера и познакомился съ нѣкоторыми другими поэтами древней Эллады. Къ этому времени относится первое поэтическое произведеніе Щербины, поэма „Сафо", написанная имъ на тринадцатомъ году и затѣмъ уничтоженная самимъ авторомъ, а также и первое печатное стихотвореніе его „Къ морю", появившееся въ 10-мъ № „Сына Отечества" на 1838 годъ. Не окончивъ ещё гимназическаго курса, шестнадцатилѣтній Щербина отправился въ Москву съ цѣлью — приготовиться къ поступленію въ тамошній университетъ; но вскорѣ неблагопріятныя обстоятельства заставили его возвратиться въ Таганрогъ, гдѣ онъ прожилъ ещё цѣлыхъ четыре года, посвящая всё время на приготовленіе къ университетскому экзамену. Наконецъ, желанное время настало: лѣтомъ 1841 года Щербина отправился въ Харьковъ, выдержалъ вступительный экзаменъ и былъ принятъ въ число студентовъ тамошняго университета, по юридическому факультету. Но и на этотъ разъ непредвидѣнныя случайности воспрепятствовали правильному ходу его образованія и — въ концѣ-концовъ — принудили его оставить университетъ, до окончанія полнаго курса. Тѣснимый нуждою, Щербина принуждёнъ былъ промѣнять университетскія занятія на домашніе уроки у окрестныхъ помѣщиковъ, для чего долженъ былъ выдержать экзаменъ и заручиться дипломомъ на званіе домашняго учителя. Изъ стихотвореній, принадлежащихъ къ этому времени, заслуживають особеннаго вниманія слѣдующія: „Клефты", „Ночь въ Венеціи" и „Эллада", напечатанныя въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1841, „Пантеонѣ" 1842 и „Москвитянинѣ" 1845 годовъ, и нѣкоторыя изъ стихотвореній, помѣщённыхъ въ „Молодикѣ" Бецкаго. Въ 1849 году Щербина простился съ Харьковомъ и отправился въ Одессу, мечтая о путешествіи въ дорогую его сердцу Грецію, куда такъ давно и настойчиво стремились всѣ его помышленія. Здѣсь, въ Одессѣ, гдѣ нашъ поэтъ прожилъ около года, онъ издалъ въ свѣтъ первое собраніе своихъ стихотвореній, подъ названіемъ „Греческія Стихотворенія Н. Щербины", встрѣченныя какъ публикой, такъ и критикой („Современникъ" № 6, „Отечественныя Записки" № 6 „Москвитянинъ" № 15, „Сынъ Отечества" № 5 и „Одесскій Вѣстникъ" № 33) весьма благосклонно.

Оставивъ Одессу въ концѣ 1850 года, Щербина переѣхалъ въ Москву, гдѣ тотчасъ поступилъ на государственную службу, въ тамошнее губернское правленіе, помощникомъ редактора „Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостей". По истеченіи двухъ лѣтъ, онъ вышелъ въ отставку и снова принялся за частные уроки, что, впрочемъ, не мѣшало ему быть сотрудникомъ „Москвитянина" и нѣкоторыхъ петербургскихъ журналовъ. Въ 1855 году Щербина переѣхалъ въ Петербургъ и снова опредѣлился на службу по министерству народнаго просвѣщенія, чиновникомъ особыхъ порученій при товарищѣ министра, князѣ П. А. Вяземскомъ, и дѣлопроизводителемъ еврейскаго ученаго комитета.

Съ переѣздомъ въ Петербургъ, стихотворенія Николая Ѳёдоровича всё чаще и чаще стали появляться въ „Современникѣ", „Отечественныхъ Запискахъ", „Библіотекѣ для Чтенія", „Сынѣ Отечества", „Иллюстраціи", „Зарѣ" и другихъ петербургскихъ журналахъ, а также и въ московскихъ — „Днѣ" и „Русскомъ Вѣстникѣ", въ которомъ, между прочимъ, были напечатаны „Путевыя Письма" — плодъ его наблюденій во время заграничной поѣздки. Кромѣ того, онъ писалъ рецензіи

въ разныхъ журналахъ и, по порученію Императорской Академіи Наукъ, разборы сочиненій, поступающихъ на уваровскія преміи, за что удостоился получить отъ Академіи золотую медаль. Наконецъ, онъ издалъ въ 1858 году „Сборникъ лучшихъ произведеній русской поэзіи“, а въ 1865 году—„Пчелу, сборникъ для народнаго чтенія и для употребленія при народномъ обученіи“, выдержавшій четыре изданія, въ 1865, 1866, 1869 и 1875 годахъ.

При новомъ преобразованіи министерства народнаго просвѣщенія, Щербина остался-было безъ мѣста, но черезъ годъ былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ и, вслѣдъ затѣмъ, прикомандированъ къ главному управленію по дѣламъ печати.

Щербина скончался 10-го апрѣля 1869 года. Смерть послѣдовала отъ внезапнаго задушенія, произведённаго горловымъ полипомъ, которымъ покойный страдалъ уже нѣсколько лѣтъ, не оставляя своихъ занятій по службѣ и занимаясь изданіемъ „Пчелы“. Тѣло покойнаго погребено на старомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры, рядомъ съ могилой композитора Даргомыжскаго.

Стихотворенія Щербины были изданы три раза: 1) Греческія Стихотворенія Н. Щербины. Одесса. 1850. 2) Стихотворенія Н. Щербины. Два тома. Спб. 1857. 3) Полное Собраніе Сочиненій Николая Ѳёдоровича Щербины. Спб. 1873.

I.

ЭЛЛАДА.

Окружена широкими морями,
Въ тѣни оливъ покоится она—
Развалина, покрытая гробами,
Въ ничтожествѣ великая страна.

Я съ корабля сошелъ при блескѣ ночи,
При ропотѣ таинственномъ валовъ...
Горѣла грудь, въ слезахъ кипѣли очи:
Я чувствовалъ присутствіе боговъ.

И видѣлъ я, усыпанный цвѣтами,
Рельефами покрытый саркофагъ:
Въ нихъ граціи поникли головами
И Аполлонъ, и вѣчно-юный Вакхъ;

И въ гробѣ томъ красавица лежала,
Нетлѣнная — печальна, но ясна:
Казалося, она не умирала,
Казалося — безсмертной рождена;

И пѣснь ея носилась надъ могилой,
Когда уже замолкнули уста —
И всё вокругъ собой животворила
Усопшая во гробѣ красота.

II.

ДѢТСКАЯ ИГРА.

Дѣти рѣзвятся, бросая свой маленькій дискъ по дорогѣ;
Личики свѣтлы у нихъ и румяны; подъ туникой ножки
Живо бѣгутъ и, колеблясь зефиромъ, по мраморной шейкѣ
Черныя кудри струятся; смѣются уста ихъ и глазки.
Рады они — и хохочутъ въ безумномъ весельи малютки;
Весело имъ, что кузнечику ножки они оборвали.
„Прыгать съ дороги въ пшеницу ужъ больше не станетъ“,
Дѣти себѣ разсуждаютъ, смѣяся отъ чистаго сердца.
Чуждый товарищъ, стоялъ я межъ ними - и слёзы смочили
Старыя вѣки мои, и на сердцѣ теплѣй становилось:
Дѣтямъ завидовалъ я съ умиленіемъ, полнымъ отрады;
Годы сѣдые хотѣлось мнѣ сбросить и юностью милой
Снова зажить, и безпечно рѣзвиться, какъ прежде рѣзвился.
Долго я грезилъ такимъ сновидѣньемъ. Когда жъ пробудился,
Стали мнѣ милы прожитыя лѣта, и дороги стали
Жизнію опытъ стяжанный и свѣточъ высокаго знанья.
Гордо вѣнецъ свой колючій на лобъ обнаженный,
Крона косою изрытый, опять я надвинулъ и молча
Въ путь свой собрался, но — стыдно признаться — съ печальною думой.

III.

ЗАГОРѢВШАЯ ДѢВУШКА.

Хлѣбородной нивы жницы!
Какъ сіяютъ предо мной
Въ золотыхъ волнахъ пшеницы
Ваши бронзовыя лицы
Загорѣвшею красой!
Вотъ, съ корзиной винограда,
Отъ подругъ вдали, одна,
Этихъ волнъ земныхъ наяда,
Дикой гордости полна.

И опущены рѣсницы
На загаръ ея ланитъ,
Закрывая блескъ денницы
Черныхъ глазъ стыдливой жницы
И хариты изъ харитъ.

Солнце! вѣтеръ! вы счастливы:
Слѣдъ вашъ виденъ на поляхъ —
Слѣдъ любви на злакахъ нивы
И у дѣвы горделивой
На щекахъ и на плечахъ.
Ваши страстныя желанья
На лицѣ у красоты
Пыломъ жаркаго лобзанья
Смуглымъ цвѣтомъ разлиты;
А мечты мои и грёзы,
И безсонница ночей,
И признанія, и слёзы
Безъ слѣда прошли у ней.

Но, исполненный прохлады,
Вѣтеръ всѣхъ счастливѣй насъ:
Грудь открытую наяды
Онъ, вкушая всѣ отрады,
Освѣжалъ собой не разъ;
Я жъ цѣной моей печали
Не осмѣлился бъ желать
И ремни ея сандалій
Раболѣпно развязать.

IV.

ВЕСЕННІЙ ГИМНЪ.

Сладко на солнцѣ дремлю я,
Слышу паденіе водъ —
И надо мною, ликуя,
Пташекъ поётъ хороводъ.

Лёгкое вѣтра дыханье
Всюду несётъ ароматъ;
Воздухъ исполненъ сіянья;
Пёстрыя мушки жужжатъ;

Кудри деревъ расцвѣтаютъ
Роскошью бѣлыхъ цвѣтовъ:
Пчёлы надъ ними летаютъ
Въ желтой пыли лепестковъ;

Чашей сребристой — лелѣя,
Жукъ — изумрудомъ блеститъ;
Сѣть паутины, бѣлѣя,
Въ зелени тёмной виситъ.

Быстро по сучьямъ взбѣгаютъ
Ящерицъ рѣзвыхъ семьи
И, шелестя, пропадаютъ —
Будятъ меня въ забытьи.

Я подъ крыломъ у природы
Чистъ и безскорбенъ живу,
Полнъ первобытной свободы;
Всё мнѣ—какъ сонъ на яву.

Встрѣтилъ я душу родную,
Тщетно искàнную мной;
Встрѣтилъ её, отлитую
Въ образъ весны молодой.

Слился я съ нимъ — и не знаю,
Въ воздухѣ-ль, въ сердцѣ-ль тепло?
И у себя не пытаю:
Въ небѣ, въ душѣ-ли свѣтло?

О, Міродержецъ! отрадно
Стройность въ душѣ ощутить!
Дай же мнѣ долго и жадно
Жизни до дна не допить!

V.

ГОЛОСА НОЧИ.

Тихо бреду по широкому полю
 Лѣтнею ночью прохладной,
Воздухъ впивая живительный вволю,
 Жаждой исполненъ отрадной.

Братской всемірной бесѣдѣ я внéмлю —
 Всё говоритъ предо мною:
Падаютъ рѣчи съ эѳира на землю,
 Льются лучистой рѣкою;

Просятъ у звѣздъ позолоты и краски
 Зрѣющій колосъ и слива,
Ловятъ ночныя красавицы ласки
 У вѣтерка шаловливо.

А подъ горою бесѣдуютъ воды
 Съ вѣтками ивъ и съ камнями;
Шепчутся тайно древесные своды,
 Держатъ совѣтъ съ облачками.

Слышу — кузнечиковъ пѣсня живая
 Мелкою дробью несётся,
И угадалъ я, той пѣсни внимая,
 Чтò и о чёмъ имъ поётся.

Пѣли кузнечики: „Красное лѣто
Вслѣдъ улетитъ за весною;
Жить намъ, покуда лишь поле согрѣто
Ризой хлѣбовъ золотою.

Счастливы тёмныя сосны и ели —
Вѣчно онѣ зеленѣютъ!
Гибели имъ не приносятъ мятели,
Смертью морозы не вѣютъ!"

Новая пѣсня изъ рощи несётся,
Смѣлостью звуковъ блистаетъ
И перекатными трелями льётся —
То̀ соловей распѣваетъ:

„Жизнь хороша, но не долго живу я!
Пѣть мнѣ хотѣлось-бы вѣчно;
Съ розой родился и съ розой умру я,
Жаждая жить безконечно.

Всё для людей! Имъ и долгіе вѣки,
Пѣснь соловья и поэта,
Небо и горы, и рощи, и рѣки
Въ перлахъ и въ золотѣ свѣта."

Пѣсня другая въ саду раздаётся,
Трель соловья прерывая:
Это и громко, и стройно несётся
Грустная пѣсня людская:

„Волосы наши кудрями разлиты —
Время пошлётъ имъ сѣдины;
Этотъ румянецъ, зажегшій ланиты,
Скоро погасятъ морщины.

Ты только счастливъ своею безсмѣнной
И несходящей весною,
Ты только вѣченъ, румянецъ вселенной,
Въ небѣ горящій зарёю!"

А. А. ГРИГОРЬЕВЪ.

Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ, сынъ секретаря московскаго магистрата, Александра Ивановича Григорьева (человѣка довольно образованнаго и получившаго воспитаніе въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ), родился въ 1822 году въ Москвѣ. Получивъ хорошее домашнее воспитаніе, онъ поступилъ въ 1838 году на юридическій факультетъ Московскаго университета. Послѣ четырёхлѣтняго пребыванія въ университетѣ, посвящённаго на половину усиленнымъ занятіямъ, на половину всякаго рода развлеченіямъ, на которыя такъ была въ то время падка университетская молодёжь, Григорьевъ окончилъ курсъ первымъ кандидатомъ и тотчасъ же поступилъ секретарёмъ въ университетское правленіе. Прослуживъ здѣсь около двухъ лѣтъ, онъ, вслѣдствіе несчастной любви, внезапно и даже безъ отпуска покинулъ Москву и удалился въ Петербургъ, куда прибылъ въ самомъ началѣ 1844 года. Здѣсь онъ снова поступилъ на службу, сперва въ Управу Благочинія, а потомъ въ Сенатъ; но и отсюда скоро принуждёнъ былъ выйти за нехожденіе въ должность. Бросивъ службу, Григорьевъ рѣшился отдаться всецѣло литературѣ, которая манила его къ себѣ ещё въ университетѣ, гдѣ онъ пользовался славой поэта въ кругу своихъ товарищей, возлагавшихъ вообще большія надежды на его талантливую натуру. Ещё будучи студентомъ, онъ написалъ нѣсколько далеко незаурядныхъ стихотвореній и сильно нравившихся въ кружкѣ товарищей. Рѣшившись выступить на литературное поприще, онъ обратился съ предложеніемъ своихъ услугъ въ редакцію „Отечественныхъ Записокъ"; но дѣло не устроилось, и всё его участіе въ этомъ журналѣ ограничилось помѣщеніемъ во 2-омъ его нумерѣ на 1845 годъ прелестнаго стихотворенія „Прости", имѣющаго отношеніе къ той любовной исторіи, которая заставила его такъ внезапно покинуть Москву. Не успѣвъ пристроиться къ „Отечественнымъ Запискамъ", Григорьевъ предложилъ свои услуги редакціи „Репертуара и Пантеона", которая оказалась сговорчивѣе. Въ теченіе почти двухъ лѣтъ Григорьевъ наводнялъ этотъ журналъ своими стихами и критическими статьями, изъ которыхъ немногія были достойны его таланта; всё же остальное было слабо, особенно стихотворные переводы. Причину этой неудовлетворительности слѣдуетъ искать въ той крайней поспѣшности, съ которой онъ работалъ во всё время своего перваго пребыванія въ Петербургѣ, томимый желаніемъ имѣть средства не только для своего безбѣднаго существованія въ столицѣ, но и для тѣхъ развлеченій и удовольствій, къ которымъ страсть развивалась въ нёмъ съ каждымъ годомъ всё болѣе и болѣе. Въ началѣ 1846 года Григорьевъ издалъ небольшой томикъ своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: „Стихотворенія Аполлона Григорьева". Бѣлинскій отозвался о книжкѣ Григорьева далеко не сочувственно. „Давно уже вниманіе наше останавливалось на стихотвореніяхъ г. Григорьева" — говоритъ онъ — „помѣщав-

шихся въ одномъ изъ петербургскихъ періодическихъ изданій. Мы всегда читали ихъ съ интересомъ, хотя ожиданіе наше чаще было обмануто, нежели удовлетворено. Несмотря на тó, книжка стихотвореній г. Григорьева болѣе опечалила насъ, нежели порадовала. Мы прочли её больше, чѣмъ съ принужденіемъ — почти со скукою. Дѣло въ томъ, что изъ нея мы окончательно убѣдились, что онъ не поэтъ, вовсе не поэтъ. Въ его стихотвореніяхъ прорываются проблески поэзіи, но поэзіи ума, негодованія. Видишь въ нихъ умъ и чувство, но не видишь фантазіи, творчества, даже стиха". („Отечественныя Записки", 1846, № 4). Отзывъ совершенно справедливый. Лучшаго опредѣленія таланта Григорьева нельзя сдѣлать. Но, несмотря на тó, что его поэзія—есть „поэзія ума", нѣкоторыя стихотворенія Григорьева все-же очень хороши!

Въ самомъ началѣ 1847 года Григорьевъ оставилъ Петербургъ и снова поселился въ Москвѣ. Здѣсь онъ женился на дѣвицѣ Коршъ—и зажилъ семьяниномъ; но не надолго. Начиная съ половины 1847 года, въ „Московскомъ Городскомъ Листкѣ" стали появляться стихотворенія Григорьева, изъ которыхъ два—переводы изъ Шиллера „Тэкла" и „Тайна воспоминанія" — заслуживаютъ вниманія, а въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1849 и 1850 годовъ—„Замѣтки о Московскихъ Театрахъ", длившіяся десять мѣсяцевъ (1849, №№ 7, 8, 10, 11 и 12, и 1850, № 4). Затѣмъ, по напечатаніи имъ въ 1-ой книжкѣ „Пантеона" на 1850 годъ стихотворнаго перевода комедіи Казиміра Делявина „Школа Стариковъ", для Григорьева наступаетъ пора самой усиленной дѣятельности. Онъ бросаетъ стихи и весь отдаётся критикѣ. Вотъ какъ характеризуетъ самъ Григорьевъ эту горячую эпоху своей литературной дѣятельности, въ „краткомъ послужномъ спискѣ на память старымъ и новымъ друзьямъ", написанномъ за нѣсколько недѣль до смерти и напечатанномъ г. Страховымъ вмѣстѣ съ письмами покойнаго писателя въ сентябрской книжкѣ „Эпохи" на 1864 годъ:

„Явился Островскій—и около него, какъ центра, кружокъ, въ которомъ нашлись всѣ мои, дотолѣ смутныя, вѣрованія. Съ 1851 по 1854 годъ включительно—энергія дѣятельности и ругань на меня неимовѣрная, до пѣны у рта. „Москвитянинъ" сталъ падать отъ адской скупости... „Современникъ" началъ заискивать Островскаго—и, какъ привѣсокъ, меня, думая, что поладимъ. Факты. Наѣхали въ Москву Дружининъ и Панаевъ. Боткинъ — дотолѣ врагъ, потомъ пріятель — свёлъ меня съ ними. Съ 1853 по 1856 годъ, разумѣется урывками, переводился „Сонъ"; лѣтомъ 1856 года я запродалъ его Дружинину за 450 рублей. Лѣтомъ же написана одна изъ серьёзнѣйшихъ статей моихъ „Объ искренности въ искусствѣ" въ „Бесѣдѣ". Молчаніе. Вдругъ совсѣмъ неожиданно я явился въ „Современникѣ" съ прозвищемъ „проницательнѣйшаго изъ нашихъ критиковъ". Въ 1857—выдался случай ѣхать за границу. Тамъ я ничего не писалъ, а только думалъ. Результатомъ думъ были статьи „Русскаго Слова" 1859 года. Возвратъ, вообще, былъ блистательный. Сейчасъ же готовились выдать патентъ на званіе оберъ-критика. Некрасовъ купилъ у меня разомъ: „Venezia la bella", „Паризину" Байрона и „Сонъ" для его будущаго изданія Шекспира. При статьяхъ „Русскаго Слова" вотъ какъ: цензоръ Гончаровъ самъ занёсъ мнѣ первую съ адмираціями. При послѣдующихъ — градъ насмѣшекъ Добролюбова, взрывъ ослинаго хохота въ „Искрѣ" и прочее. Въ іюлѣ 1859 года, въ отъѣздъ графа Кушелева, я не позволилъ Хмельницкому (редактору „Русскаго Слова") вымарать въ моихъ статьяхъ дорогія мнѣ имена Хомякова, Кирѣевскаго, Аксакова, Погодина и Шевырёва — и я былъ уволенъ отъ критики. Фактъ. Негдѣ было писать—я сталъ писать въ „Русскомъ Мірѣ". Не сошлись. У Старчевскаго — не сошлись. Въ 1860 году я получилъ приглашеніе и вызовъ. Я поѣхалъ на свиданіе и привёзъ отвѣтъ на дикій вздоръ Дудышкина „Пушкинъ — народный поэтъ". Прочиталъ Каткову — очень понравилось. Отправился въ Москву чрезъ мѣсяцъ въ качествѣ критика. Статей моихъ не печатали, а заставляли меня дѣлать какія-то недоступныя для меня выписки о воскресныхъ школахъ и читать рукописи, не печатая, впрочемъ, ни одной изъ мною одобренныхъ. Зачѣмъ меня приняли?—Богъ одинъ вѣдаетъ! Факты. Опять въ Петербургъ. Начало „Времени". Хорошее время и время недурныхъ моихъ статей! Но съ 4-ой покойнику М. М. (Достоевскому) стало какъ-то жутко частое употребленіе имёнъ (нынѣ безпрестанно повторяемыхъ у насъ) Хом... и прочее. Вижу, что и тутъ дѣло плохо. Въ Оренбургъ. Воротился. Опять статьи во „Времени". Не дурное тоже время! Ярыя статьи о театрѣ — культъ Островскому и смѣлые упрёки Гоголю за многое—безцензурно и безпошлинно. Запретъ „Времени"; горячія статьи въ „Якорѣ"; опять „Эпоха". Опять я съ тѣми же культами и тѣми же достоинствами и недостатками. Редакторская цензура! Ну и что жъ дѣлать!

Видно и съ „Эпохой“—какъ критику, а не какъ другу—конечно, приходится разстаться. Тѣмъ болѣе... Но пора кончить. 1864 года, сентября 2-го. Писано сіе, конечно, не для возбужденія жалости къ моей особѣ, ненужнаго человѣка, а для показанія, что особа сія всегда, какъ въ дни, когда вѣрные 50 рублей Краевскаго за листъ мѣняла на невѣрные 15 рублей за листъ „Москвитянина“, пребывала фанатически преданною своимъ самодурнымъ убѣжденіямъ“.

Что бы ни говорили о критическихъ статьяхъ Григорьева его противники, всѣ онѣ, несмотря на свою заносчивость и своеобычность, отличаются умомъ и свидѣтельствуютъ объ обширной его начитанности. Но, какъ человѣкъ горячій и увлекающійся, онъ часто бросался отъ одного предмета къ другому, легко мѣнялъ взгляды и мнѣнія и никогда ничего не отдѣлывалъ, не вырабатывалъ тщательно. Вотъ почему, несмотря на тó, что Григорьевъ написалъ въ теченіи своей критической дѣятельности такое огромное количество критическихъ статей и рецензій, что они могли бы составить десять объёмистыхъ томовъ,—только весьма немногія изъ нихъ заслуживаютъ вниманія. Благодаря своему увлекающемуся, неусидчивому и непостоянному характеру, Григорьевъ всю жизнь колебался между разными направленіями: то сочувствовалъ славянофильству, то предлагалъ „вести съ нимъ войну на ножахъ“, то бранилъ Некрасова, то приходилъ отъ него въ умиленіе. Островскій былъ почему-то любимцемъ Григорьева; но врядъ-ли самъ Островскій могъ быть признателенъ усердному критику за возвеличеніе его „Козьмы Минина“.

Какъ на лучшія критическія статьи Григорьева можно указать на слѣдующія: „О комедіяхъ Островскаго и ихъ значеніи въ литературѣ и на сценѣ“ („Москвитянинъ“, 1855, № 3); „О правдѣ и искренности въ искусствѣ“ („Русская Бесѣда“, 1856, № 3), „Объ исторіи Россіи Соловьева“ (Русское Слово“, 1859, № 1); „Русскія народныя пѣсни и ихъ поэтическія и музыкальныя стороны“ („Отечественныя Записки“, 1860, №№ 4 и 5); „Реализмъ и идеализмъ въ нашей литературѣ, по поводу сочиненій Тургенева и Писемскаго“ („Свѣточъ“, 1861, № 4) и по поводу изданія старой вещи: „Горя отъ ума“ („Время“, 1862, № 8).

Григорьевъ также занимался переводами, преимущественно съ англійскаго и италіанскаго языковъ. Именно, онъ перевелъ три пьесы изъ Шекспира: „Сонъ въ лѣтнюю ночь“ („Библіотека для Чтенія“, 1857, № 8), „Шейлокъ, венеціанскій жидъ“ („Драматическій Сборникъ“, 1860, № 1) и „Ромео и Джульета“ („Русская Сцена“, 1864, № 8), „Паризину“ и отрывокъ изъ „Чайльдъ-Гарольда“ Байрона („Современникъ“ 1860 и „Время“, 1862, № 7) и цѣлый рядъ италіанскихъ либретто для оперъ („Донъ Пасквале“, „Лучія“, „Фаворитка“, „Фіорина“, „Ченерентола“ и „Беатриче ди Тенда“). Наконецъ, незадолго до смерти, онъ напечаталъ во „Времени“ (1862, №№ 11 и 12) и въ „Эпохѣ“ 1864, №№ 3 и 5) свою автобіографію, подъ заглавіемъ: „Мои литературныя и нравственныя скитальчества“, представляющую много интересныхъ данныхъ о воспитаніи и развитіи ихъ автора,

Григорьевъ скончался 25-го сентября 1864 года въ Петербургѣ и погребенъ на Митрофаньевскомъ кладбищѣ, рядомъ съ поэтомъ Меемъ. Одной изъ главныхъ причинъ ранней смерти Григорьева была его несчастная слабость къ вину.

Двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ смерти Григорьева, часть его сочиненій была собрана г. Страховымъ и издана имъ подъ заглавіемъ: „Сочиненія Аполлона Григорьева. Томъ первый. Спб. 1876 года“; но и это новое усиліе возбудить вниманіе публики къ покойному критику не увѣнчалось успѣхомъ — и статьи Григорьева, собранныя въ одну книгу, нисколько не поднялись въ глазахъ критики и публики, а прошли передъ ними столь же мало замѣченными, какъ и въ то время, когда они появлялись, при жизни ихъ автора, на страницахъ „Москвитянина“, „Русскаго Слова“ и „Времени“.

I.

ГОРОДЪ.

Да, я люблю его, громадный, гордый градъ,
Но не за то, за что другіе:
Не зданія его, не пышный блескъ палатъ
И не граниты вѣковые
Я въ нёмъ люблю—о, нѣтъ! Скорбящею душой
Я прозрѣваю въ нёмъ иное:
Его страданіе подъ ледяной корой,
Его страданіе больное.

Пусть почву шаткую онъ заковалъ въ гранитъ
И защитилъ ее отъ моря,
И пусть сурово онъ въ самомъ себѣ таитъ
Волненья радости и горя,
И пусть его рѣка къ стопамъ его несётъ
И роскоши, и нѣги дани —

На нихъ отпечатлѣнъ тяжелый слѣдъ заботъ,
Людского пота и страданій.

И пусть горятъ свѣтло огни его палатъ,
Пусть слышны въ нихъ веселья звуки —
Обманъ, одинъ обманъ! Они не заглушатъ
Безумно-страшныхъ стоновъ муки!
Страданіе одно привыкъ я подмѣчать—
Въ окнѣ-ль съ богатою гардиной,
Иль въ тёмномъ уголкѣ—вездѣ его печать,
Страданья уровень единый!

И въ тѣ часы, когда на городъ гордый мой
Ложится ночь безъ тьмы и тѣни,
Когда прозрачно всё — мелькаетъ предо мной
Рой отвратительныхъ видѣній.
Пусть ночь ясна, какъ день, пусть тихо всё вокругъ,
Пусть всё прозрачно и спокойно —
Въ покоѣ томъ затихъ на время злой недугъ
И то —прозрачность язвы гнойной.

II.

СТАРАЯ КНИГА.

Книга старинная, книга забытая,
Ты-ли попалась мнѣ вновь,
Глупая книга, слезами облитая
Въ годы, когда, для любви не закрытая,
Душа понимала любовь?

Съ желтыхъ страницъ твоихъ ветхихъ, разорванныхъ,
Что же мнѣ вѣетъ опять:
Запахъ цвѣтовъ-ли безъ времени сорванныхъ,
Звуки-ли струнъ въ изступленіи порванныхъ,
Святой-ли любви благодать?

Что бы то ни было—книгая забытая,
О, не буди, не тревожь
Муки заснувшія, раны закрытыя!
Прочь твои пятна, годами не смытыя,
И прочь — твоя сладкая ложь!

Ждёшь-ли ты слёзъ? Ожиданія тщетныя:
Ты на страницахъ твоихъ
Слёзъ сохранила слѣды неисчетные...
Были то первыя слёзы завѣтныя!
Да что жъ было проку отъ нихъ?

Въ годы ли дѣтства съ моленія шопотомъ,
Ночью ль бессонной потомъ
Лились тѣ слёзы съ рыданьемъ и ропотомъ —
Чтó мнѣ за дѣло? Изведалъ я опытомъ,—
Съ надеждой давно незнакомъ.

Звать я на судъ тебя, книга лукавая,
Передъ разсудкомъ готовъ —
Ты содрогнёшься предъ нимъ, какъ неправая:
Ты облила своей сладкой отравою
Рядъ даромъ прожитыхъ годовъ.

III.

ПРОСТИ.

Прости! Покоренъ волѣ рока,
Безъ глупыхъ жалобъ и упрёка
Я говорю тебѣ: прости!
Къ чему упрёкъ?—Я вѣрю твёрдо,
Что въ насъ равно страданье гордо,
Что намъ однимъ путёмъ итти.

Мы не пойдёмъ рука съ рукою,
Но память прошлаго съ собою
Равно нести осуждены.
Мы въ жизнь, обоимъ намъ пустую,
Уносимъ вѣру роковую
Въ одни обманчивые сны.

Пускай душа твоя нимало
Въ былые дни не понимала
Души моей, любви моей —
Ея блаженство и мученья
Прошли давно безъ раздѣленья
И безъ возврата. Чтó мнѣ въ ней?

Пускай за то, что мы свободны,
Что мы душою странно-сходны,
Не суждено сойтися намъ!
Но всё, чтó мучитъ и тревожитъ,
Чтó грудь такъ жмётъ и сердце гложетъ,
Мы раздѣлили пополамъ.

И намъ обоимъ нѣтъ спасенья:
Тебя не выкупятъ моленья,
Тебѣ молитва не дана!
Въ ней Небо слышитъ безъ участья
Сознанье скуки, жажду счастья,
Мечты несбыточнаго сна.

Л. А. МЕЙ.

Левъ Александровичъ Мей, богато-одаренный отъ природы поэтъ, сынъ обрусѣвшаго чиновника нѣмецкаго происхожденія Александра Ива-

новича Мея, и дворянки Ольги Ивановны Шлыковой, родился 13-го февраля 1822 года въ Москвѣ. Получивъ первоначальное воспитаніе въ Московскомъ дворянскомъ институтѣ, онъ былъ переведёнъ оттуда, въ 1835 году, за отличные успѣхи въ наукахъ, въ Царскосельскій лицей, въ которомъ и окончилъ курсъ въ 1841 году, съ чиномъ 10-го класса. По выходѣ изъ Лицея, Мей поступилъ на службу въ канцелярію московскаго военнаго генералъ-губернатора, въ которой прослужилъ до января 1849 года. Выйдя въ отставку, Мей около полутора года оставался безъ мѣста; но въ мартѣ 1850 года снова вступилъ въ службу по министерству народнаго просвѣщенія, съ назначеніемъ въ должность инспектора классовъ 2-ой Московской гимназіи. Прослуживъ здѣсь около полутора года, онъ вторично и окончательно вышелъ въ отставку, простился на всегда съ Москвою и переѣхалъ на жительство въ Петербургъ, въ которомъ прожилъ безвыѣздно до самой смерти.

Левъ Александровичъ началъ писать стихи ещё въ Лицеѣ, гдѣ принималъ дѣятельное участіе въ изданіи лицейскаго журнала, подъ названіемъ „Вообще", и помѣщалъ свои стихи въ альманахѣ „Столиственникъ", редакторомъ котораго былъ одинъ изъ его товарищей, Голубцовъ, человѣкъ весьма талантливый, но умершій вскорѣ по выходѣ изъ Лицея.

Первымъ напечатаннымъ произведеніемъ Мея было стихотвореніе „Гванагани" (отрывокъ изъ поэмы „Колумбъ") появившееся въ 4-ой части „Маяка" на 1840 годъ, то-есть ещё въ бытность его въ Лицеѣ. Затѣмъ, начиная съ 1845 года, стихотворенія Мея стали появляться въ „Москвитянинѣ", въ которомъ, между-прочимъ, былъ помѣщёнъ прекрасный его переводъ небольшой пьесы Шиллера „Вечеръ", нѣсколько переводовъ изъ Мицкевича, одно изъ лучшихъ оригинальныхъ стихотвореній его „Хозяинъ", драма „Царская невѣста" (1849, № 18) и переводъ „Слова о полку Игоря" (1850, № 22). Съ переѣздомъ въ Петербургъ, стихотворенія и прозаическія статьи Мея стали появляться сначала въ „Отечественныхъ Запискахъ", гдѣ были помѣщены двѣ новыхъ его драмы изъ римской и русской жизни: „Сервилія" и „Псковитянка" (1854, № 5 и 1860, № 2), а затѣмъ и въ „Библіотекѣ для Чтенія", гдѣ, между прочимъ, были напечатаны слѣдующія его произведенія: „Цвѣты", „Слѣпорождённый", „Фрина", „Юдиѳь", „Избавитель", „Пѣсня про боярина Евпатія Коловрата", двѣ главы изъ „Потеряннаго рая", нѣсколько идиллій изъ Ѳеокрита, цѣлый рядъ переводовъ изъ Анакреона и два разсказа въ прозѣ „Кирилычъ" и „Софья", въ „Сынѣ Отечества" Старчевскаго, гдѣ былъ помѣщёнъ цѣлый рядъ переводовъ его изъ Ѳеокрита, Анакреона, Байрона, Шиллера, Гёте, Гейне, Гюго, Мицкевича, Сырокомли, Одынца, Залѣсскаго и другихъ, въ „Пантеонѣ", „Русскомъ Словѣ", „Искрѣ", „Развлеченіи", „Русскомъ Мірѣ", Народномъ Чтеніи", „Иллюстраціи", „Свѣточѣ", „Времени", „Модномъ Магазинѣ" и даже въ „Сѣверной Пчелѣ", „Петербургскомъ Вѣстникѣ", „Шехеразадѣ", „Общезанимательномъ Вѣстникѣ", „Сѣверномъ Цвѣткѣ", „Ласточкѣ", „Дамскомъ Вѣстникѣ", „Семейномъ Кругѣ", „Каррикатурномъ Листкѣ" и многихъ другихъ газетахъ, которыхъ самыя названія извѣстны въ настоящее время однимъ только записнымъ библіографамъ.

Несмотря на свою несомнѣнную даровитость, Мей никогда не пользовался большою извѣстностью въ публикѣ, хотя послѣднее время писалъ много и во всѣхъ родахъ, что́, конечно, и было главной причиной нѣкоторой холодности къ нему публики и критики. Изъ оригинальныхъ произведеній Мея, всего болѣе замѣчательны его драмы, поэмы и мелкія стихотворенія изъ русскаго быта—именно: „Царская невѣста", „Псковитянка", „Хозяинъ", „Избавитель", „Русалка", „Вихорь", „Запѣвка" и другія. Всѣ они носятъ на себѣ отпечатокъ близкаго знакомства съ русскою жизнью и тщательнаго изученія родной страны. Затѣмъ, слѣдуютъ поэмы изъ библейскаго и древняго міра—именно: „Юдиѳь", „Отойди отъ меня, Сатана", „Слѣпорождённый", „Цвѣты" и нѣкоторыя другія, отличающіяся могучимъ и гармоническимъ стихомъ, и глубокимъ знаніемъ „Библіи", исторіи и древностей. Наконецъ, Мей былъ замѣчательнымъ переводчикомъ съ древнихъ и новыхъ языковъ. Зная основательно языки греческій, латинскій, древне-еврейскій, французскій, нѣмецкій, англійскій, италіанскій и польскій, онъ переводилъ свободно со всѣхъ этихъ языковъ — и переводилъ превосходно. Его по́лный переводъ Анакреона, девяти идиллій Ѳеокрита, двухъ пѣсенъ „Потеряннаго Рая" Мильтона, двухъ драмъ Шиллера („Лагерь Валленштейна" и „Димитрій Самозванецъ") и нѣкоторыхъ изъ его балладъ и всѣ библейскія переложенія — по истинѣ изумительны.

Проживъ около десяти лѣтъ въ Петербургѣ и посвящая всё своё время исключительно одной литературѣ, Мей скончался 16-го мая 1862 года, послѣ непродолжительной болѣзни, на сорокъ пер-

вомъ году жизни. Смерть застала его за диктовкой повѣсти для „Моднаго Магазина“, издававшагося въ то время его женой, Софьею Григорьевной Мей.

Если произведенія Мея—особенно послѣдняго періода—и хранятъ на себѣ печать нѣкоторой поспѣшности въ работѣ и не отличаются надлежащей отдѣлкой, тѣмъ не менѣе, Мей принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ русскихъ поэтовъ. „Мей былъ поэтомъ съ тѣхъ поръ, какъ началъ помнить себя“, говоритъ В. Р. Зотовъ, товарищъ и другъ покойнаго поэта, близко и хорошо знавшій его: „онъ остался бы имъ и до глубокой старости, если бы такіе люди, какъ онъ, могли жить долго. Умирая въ державинскія лѣта, онъ писалъ бы всё такіе же стихи, какъ въ полной силѣ своего таланта; можетъ быть, лучше, но никакъ не хуже. Поэтическій родникъ не могъ никогда въ нёмъ изсякнуть“.

Какъ человѣкъ, Мей былъ необыкновенно симпатиченъ. Онъ соединялъ въ себѣ замѣчательную мягкость характера и сердечную доброту съ беззаботностью, не знавшей предѣловъ. „Умѣренность и аккуратность были антипатичны для Мея даже въ семейной жизни“, говоритъ г. Зотовъ. „Большого труда стоило его домашнимъ поддерживать въ хозяйствѣ порядокъ, часто нарушаемый добрымъ, но беззаботнымъ поэтомъ, никогда не думавшимъ не только о будущемъ, но даже и о завтрашнемъ днѣ. Отъ этого ему часто приходилось испытывать въ жизни временныя лишенія и нужды. Но въ самыя стѣснённыя минуты, чтобъ выйти изъ затруднительнаго положенія, никогда чистая, благородная душа поэта не прибѣгала къ поступкамъ, сколько-нибудь сомнительнымъ, или не одобряемымъ самою строгою, щекотливою деликатностью. У него было много долговъ, но для покрытія ихъ онъ никогда не употреблялъ средствъ, извиняемыхъ, вообще, нашимъ невзыскательнымъ обществомъ, но отвергаемыхъ безусловною честностью поэта. Строгій къ самому себѣ, Мей былъ даже черезчуръ добръ и снисходителенъ къ другимъ. Мягкость чувства отражалась во всѣхъ его сношеніяхъ съ другими лицами. Всякій, кто близко зналъ поэта, по-неволѣ любилъ его. У него сходились иногда лица самыхъ крайнихъ литературныхъ партій; ихъ примиряла всѣхъ его добродушная, гуманная терпимость и широкій, нравственный космополитизмъ“.

Изъ сочиненій Мея, кромѣ драмъ „Царская Невѣста“ и „Сервилія“ и перваго изданія перевода „Слова о полку Игоря“, составляющія отдѣльные оттиски изъ журналовъ „Москвитянинъ“ и „Отечественныя Записки“, гдѣ они были напечатаны первоначально, были отпечатаны отдѣльно слѣдующія: 1) Слово о полку Игоревѣ, сына Святославля, внука Ольгова. Переводъ Л. Мея. Изданіе второе. Спб. 1856. 2) Стихотворенія Л. Мея. Спб. 1857. 3) Сочиненія и переводы Льва Мея. Книга первая. Былины и повѣсти. Изданіе Печаткина, Спб. 1861. 4) Сочиненія Л. А. Мея. Три тома. Изданіе графа Г. А. Кушелева-Безбородко. Спб. 1862 и 1863.

I.

ЗАПѢВКА.

Охъ, пора тебѣ на волю, пѣсня русская,
Благовѣстная, побѣдная, раздольная,
Погородная, посельная, попольная,
Непогодою-невзгодою повитая,
Во крови, въ слезахъ крещёная-омытая!
Охъ, пора тебѣ на волю, пѣсня русская!
Не сама-собой ты спѣлася-сложилася:
Съ пустырей тебя намыло снѣгомъ, дождикомъ,
Нанесло тебя съ пожарищъ дымомъ-копотью,
Намело тебя съ сырыхъ могилъ мятелицей!

II.

ИЗЪ ПОЭМЫ „ЦВѢТЫ“.

Въ разгарѣ пиръ. Мѣняются чредой
Неслыханно-затѣйливыя блюда;
Финифтью расцвѣчённая посуда
Вездѣ блистаетъ грудой золотой;
Прельщая вкусъ и удивляя взоры,
Обходятъ избалованныхъ гостей
Завѣтныя потэры и амфоры,
Безцѣнныя и рѣдкостью своей,
И нектаромъ, заботливо хранённымъ:
Спокойное фалернское вино
Библосскимъ искрометнымъ смѣнено,
Библосское—хіосскимъ благовоннымъ,
Хіосское—ѳазосскимъ золотымъ,
Ѳазосское—коринѳскимъ вѣковымъ.

Шумнѣе пиръ, смѣлѣе разговоры,
Нескромный смѣхъ, живѣй огонь очей.
Одни, въ толпѣ ликующихъ гостей,
Потупили задумчивые взоры
Поппея и Софоній Тигеллинъ:
На ихъ челѣ—сомнѣніе, забота
И тайный страхъ. Но Рима властелинъ
Софонію шепнулъ украдкой что-то,
А на Поппею бросилъ бѣглый взглядъ—
И лица ихъ мгновенно просвѣтлѣли.

Межъ тѣмъ тимпаны, трубы и свирѣли,
И струны лиръ торжественно гремятъ,
И рѣзвый рой менадъ гостей забавитъ,
И хоръ пѣвцовъ царицу пира славитъ,
Красавицу, богиню изъ богинь.
Ужъ зà полночь. Гостей, не потревожа,
Поппея тихо поднялася съ ложа
И, скрытая толпой нѣмыхъ рабынь,
Скользнула незамѣтно изъ столовой.
Но видѣлъ всё внимательный Неронъ:
Онъ также всталъ, нахмуренный, суровый,
И также вышелъ изъ чертога вонъ,
Безмолвно опершись на Тигеллина —
И двери затворилися за нимъ.
Переглянулись съ ужасомъ нѣмымъ
Всѣ гости, но уходѣ властелина.
Вдругъ затрещалъ надъ ними потолокъ —
И Флора уронила къ нимъ цвѣтокъ.
Упала пышно-лиственная роза,
За ней другая, третья — словно вязь
Въ перстахъ лилейныхъ Флоры расплелась
И, волею боговъ, метаморфоза
Свершалась очевидно: съ высоты
Лилися внизъ дождёмъ благоуханнымъ
Мгновенно оживавшіе цвѣты.
Поражены явленіемъ нежданнымъ,
Вскочили гости, словъ не находя,
Чтобъ выразить всю силу изумленья,
Но — минулъ краткій мигъ оцѣпенѣнья —
И мѣрный шумъ цвѣточнаго дождя
Покрыли оглушительные крики:
„Живи вовѣки, кесарь нашъ великій!
Да здравствуетъ божественный Неронъ!
Благословенны дни его драгіе!“
Ликуютъ снова гости молодые
И снова смѣхъ, и чашъ весёлый звонъ
Триклиніумъ умолкшій огласили.
Недавній страхъ и ужасъ далеки.
Изъ яркихъ розъ и бѣлоснѣжныхъ лилій
Свиваются пахучіе вѣнки;
Плетутся вязи длинныя фіалокъ,
Нарциссовъ, гіацинтовъ, васильковъ.
„Менадъ сюда! канатныхъ плясуновъ!
Вина, вина! Кто пить усталъ, тотъ жалокъ!
Придумывай скорѣй, архимагиръ,
Чѣмъ заключить достойнѣе нашъ пиръ!“

Всѣ девять музъ украшены вѣнками;
На всѣхъ гостяхъ гирлянды изъ цвѣтовъ;
Всѣ ложа, полъ, весь длинный рядъ столовъ
Усѣяны, усыпаны цвѣтами.
Пора рабамъ дать отдыхъ и покой!
Гентитъ вскочилъ и ложе съ мѣста сдвинулъ,
И пса толкнулъ могучею пятой:
Рванулся пёсъ, свѣтильникъ опрокинулъ
И цѣпь порвалъ. И вотъ, рабы ушли,
Ушли рабыни, плясуны, менады.
Кой-гдѣ погасли пирныя лампады.
Весёлый смѣхъ и крики перешли
Въ невнятные, слитые разговоры;
Замолкнулъ клиръ и потемнѣли хоры

И падаютъ, и падаютъ цвѣты,
И сыплются дождёмъ неудержимымъ.
(Въ лугахъ и злачныхъ пажитяхъ подъ Римомъ
Три дня ихъ сборомъ были заняты
Селянки загорѣлыя и дѣти.)
И падаютъ, и падаютъ цвѣты,
И зыблются, какъ радужныя сѣти,
Спущённыя на землю съ высоты.
Ихъ сотня рукъ съ потухшихъ хоръ кидаетъ
Корзинами, копнами; ароматъ
Вливаетъ въ воздухъ смертоносный ядъ;
Клокочетъ кровь и сердце замираетъ
Отъ жара и несносной духоты....
И падаютъ, и падаютъ цвѣты!
Напрасенъ крикъ пирующихъ: „Пощады!
Мы умираемъ!“ Падаютъ цвѣты —
Пощады нѣтъ: всѣ двери заперты;
Потухли всюду пирныя лампады...

III.

(ИЗЪ ПОЭМЫ: „КНЯГИНЯ ЮЛІАНІЯ ВЯЗЕМСКАЯ“.)

Какъ у князь-Симеона дворъ — море,
У Мстиславича-свѣта широкое:
Что волной — его травой подернуло.
Ворота у него и скрипучія,
Да гостямъ-то ужъ больно отворчивы;
Въ огородѣ кусты и колючіе,
Да на ягоду больно оборчивы.
Крàсенъ дворъ — краше теремъ узорочемъ:
Гдѣ вѣнецъ, тамъ отёски дубовыя;
Гдѣ покрышка — набивка свинцовая;
Гдѣ угревъ, тамъ и печь изразцовая:
Сѣни новыя понавѣсилися,
Не шатаются, не рѣшётятся...

Хорошо въ терему князя Вяземскаго:
Все у мѣста, прилажено, прибрано,
Какъ къ Великому, Свѣтлому празднику:
Вымытъ полъ, ометенъ свѣжимъ вѣникомъ;

Что ни лавка, то шитый налавочникъ,
А въ углу милосердіе Божіе:
Кипарисный кіотъ, рѣзанъ травами;
Колыхаясь, лампада подвѣсная,
Огонькомъ по окладамъ посвѣчиваетъ;
А иконы — письмà цареградскаго,
Всѣ бурмицкими зернами низаны,
Самоцвѣтные камни на вѣнчикахъ.
Столъ дубовый покрытъ браной скатертью;
За столомъ оба князя бесѣдуютъ;
На столѣ три стопы золоченыя:
Въ первой — брага похмельная, мартовская,
Во второй — липецъ-медъ, нàвѣкъ ставленный,
Въ третьей — фряжское, прямо изъ-за моря;
А княгиня Ульяна Андреевна
Подъ окошкомъ стоитъ и красуется,
Зелены́мъ своимъ садомъ любуется:
Развернулись въ немъ лапы кленовыя,
Зацвѣли въ немъ цвѣточки махровые,
Зацвѣли и алô, и лазбрево.
Закидали росны́мъ, вешнимъ ладономъ,
На утѣху пѣвуньямъ охотливымъ,
Мелкимъ пташкамъ лѣснымъ, перелетливымъ.

IV.

ИЗЪ ДРАМЫ „ПСКОВИТЯНКА“.

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ II.

Вѣра *и* Надежда.

Вѣра.

Охъ, не кори! И ты-бы полюбила,
Когда бъ *ему* въ недобрый часъ попалась
На зоркій глазъ, на ласковое слово!
И ты бы грѣхъ на душу приняла.

НАДЕЖДА.

Да кто-жъ такой?

ВѢРА.

Не спрашивай, Надежда!
Не вымолвить; а то языкъ отсохнетъ!
Я и въ молитвахъ шопотомъ боюся
Проговорить желанное словечко —
Назвать *его* по имени. Послушай!
Грѣхъ говорить, а промолчать не въ-силу.
Хоть кàзнися, да выслушай!

НАДЕЖДА.

Не бойся:
Я не стыжусь — я вышла изъ подростковъ.

ВѢРА.

Такъ слушай-же! Шла зàмужъ я неволей —
Привыкла послѣ. Мой Иванъ Семёнычъ
Пренравный, а души во мнѣ не чаялъ
И баловалъ, какъ малаго ребёнка:
Въ глаза глядитъ — и мысли-то, кажися,
Всѣ выглядитъ да высмотритъ насквозь.
Сегодня — что ни есть мнѣ приглянулось,
А завтра — ужъ несутъ на дворъ купцы.
Даритъ, даритъ, да самъ еще боится —
Въ угоду-ли? Колечко — не колечко,
Запястье — не запястье. Такъ мы жили
Съ нимъ до весны. Весною слышно стало,
На нѣмцевъ рать сбираютъ. Мой хозяинъ
Куды тужилъ, что надо намъ разстаться;
Да какъ тутъ быть? пошелъ и онъ въ походъ.
Поплакала я, Богу помолилась —
Дала обѣтъ къ печерскимъ чудотворцамъ
Сходить, какъ только радостную вѣстку
Услышу. Вотъ и прискакалъ гонецъ:
„Сломали нѣмцевъ — Богъ послалъ побѣду!“
Недѣли съ три прошло — другой гонецъ:
„Царь будетъ въ Псковъ, и наши съ нимъ вернутся!“
Пріѣхалъ царь, вернулися и наши,
А мужа нѣтъ: остался на сторóжѣ
Подъ Колыванью — словно не надолго;
Прислалъ поклонъ мнѣ съ нашими, гостинцы.
Жду, жду — не ѣдетъ. Думаю: навѣрно
Господь меня за то и наказуетъ,
Что я дала обѣтъ и не сдержала.
Взяла съ собою дѣвушекъ — пошла
Угодникамъ господнимъ поклониться...
Ты не была въ монастырѣ?

НАДЕЖДА.

Въ Печерскомъ?
Нѣтъ не была.

ВѢРА.

Туда дорога лѣсомъ,
А лѣсъ густой: берёзы да осины
Переплелися, спутались вѣтвями,
Какъ волосá, а молодой кустарникъ
Сплошнымъ плетнёмъ раскинулся, разросся —
Проходу нѣтъ. Идёмъ мы по опушкѣ,
Вдругъ Степанида мнѣ и говоритъ:
„Боярыня, гляди-ка: подосиновикъ!
Пойдёмъ искать грибовъ“.

НАДЕЖДА.

Ты и пошла?

ВѢРА.

Я и пошла. Давно ужъ это было,
А какъ теперь гляжу на этотъ лѣсъ:
Уютъ, прохлада; солнышко, какъ зайчикъ,
По молодымъ кустамъ перебѣгаетъ;
Мохъ — что ковёръ шелкóвый подъ ногами;

А впереди деревья гуще, чаще,
Темнѣй, темнѣе — такъ къ себѣ и манятъ.
Иду — кругомъ грибовъ и ягодъ вдоволь:
Тутъ боровикъ, волнянка, подорѣшникъ;
Тутъ земляника. Тишь въ лѣсу такая,
Что ни одинъ листокъ не шелохнётся.
Вотъ слышится мнѣ, будто бы кукушка
Кукуетъ гдѣ-то, только далеко.
Дай, думаю, послушаю поближе,
Надолго-ли Господь грѣхамъ потерпитъ?
Аукнула и побѣжала дальше.
За мной: „ау! ау!" а я ныряю
Промежъ кустовъ, не хуже куропатки.
Вотъ и иду. Кустарникъ чаще, чаще —
Всё жимолость — да цѣпкая такая;
То тамъ, то здѣсь лѣтникъ сучкомъ прихватитъ.
На ту бѣду моя кукушка смолкла;
Куда итти — не знаю, да и полно!
Остановилась, духъ перевела,
Подумала: заблудишься, пожалуй!
Пошла назадъ тихонько, а сама
По сторонамъ гляжу, ищу дороги.
Кажися, здѣсь? Прошла шаговъ съ десятокъ —
Нѣтъ, здѣсь не шла; свернула полѣвѣе —
Опять не тó; взяла направо — топь:
По щиколку ушла нога въ болото.
Я крикнула — никто не отвѣчаетъ;
Ещё, ещё — опять отвѣту нѣтъ;
Я не сробѣла, крикнула погромче,
Прислушалась: чу! кто-то отозвался;
Я нá голосъ бѣжать, бѣжать, бѣжать,
Всё цѣликомъ, по хворосту, по кочкамъ;
Изорвала лѣтникъ, каптуръ сронила,
Валежникомъ всѣ ноги исколола,
Всѣ руки исцарапала — задаромъ:
Не изъ лѣсу бѣгу, а прямо въ лѣсъ.
Трущоба, глушь; а сучья, словно руки,
Такъ вотъ тебя за полы и хватаютъ.
Страхъ обуялъ! Я побѣжала шибче,
Куда глаза глядѣли, безъ пути,
Безъ памяти — бѣжала и кричала,
Пока языкъ и ноги не отнялись;
Споткнулася о что-то и упала —
Тутъ изъ очей и выкатился свѣтъ.

НАДЕЖДА.

Какъ ты жива осталась? Жутко, Вѣра!
И слушать — страхъ!

ВѢРА.

Не страшенъ страхъ, Надёжа,
А страшенъ грѣхъ! Вотъ какъ любовь-змѣя
Подъ сердце ляжетъ, словно подъ колоду,
Да высосетъ всю кровь изъ ретивóго,
Да какъ не тò, что о грѣхѣ молиться,
А, кажется, молилась бы грѣху —
Такъ тутъ вотъ жутко: что твой лѣсъ потёмный!
Ну, что со мною было — я не знаю.
Какъ сквозь просонокъ слышала: кричали,
Трубили въ рогъ. Очнулася я поздно —
Ужъ въ сумерки. Въ какомъ-то я шатрѣ.
Гляжу: ковёръ подосланъ подо мною,
А въ головѣ камчатная подушка,
И парчевой попоной я накрыта.
Кругомъ собаки лаютъ, кони ржутъ,
Народъ гутòритъ.

НАДЕЖДА.

Что жъ это такое?
Бояре, что-ль, охотилися?

ВѢРА.

Онъ!
Приподняла я голову — подходитъ.
Въ потьмахъ лица не видно, только очи —
Какъ уголья въ жаровнѣ. Говоритъ:
„Долгонько спалось, гостья дорогая!
А намъ бы вотъ довѣдаться: какъ гостья
Велитъ себя по имени назвать,
Какъ величать по отчеству?" Самъ — въ поясъ.
Я ни гу-гу: языкъ не шевелится;
А вижу-то, что изъ бояръ бояринъ:
По рѣчи слышно — голосъ такъ и льётся.
Что за осанка! что за ростъ и плечи!
Онъ мнѣ опять: „Мужовая жена,
Аль красная дѣвица — обзовися:
Мы до дому проводимъ". Я молчу.
Сверкнулъ глазами, отвернулся, крикнулъ:
„Князь Вяземскій, послать сюда дѣвчёнку!"
И вышелъ вонъ. Втолкнули Степаниду —
А тамъ ужъ какъ свезли меня домой,
Какъ на постель раздѣли, положили —
Не помню.

НАДЕЖДА.

Вѣра, знаешь ли ты?

ВѢРА.

Что?

НАДЕЖДА.

И я бы также полюбила.

ВѢРА.

Надя,
Да ты скажи мнѣ: какъ же не любить-то?
Душа изъ тѣла рвётся! Ты послушай!
(Слышенъ отдаленный звукъ трубъ).

НАДЕЖДА.

Что это? трубы?

ВѢРА.

Пусть себѣ трубятъ!
Дослушай лучше пѣсенку мою.
Проснулася я ночью на постели:
Щемитъ мнѣ сердце — сладко таково;
По тѣлу дрожь, какъ искры, пробѣгаетъ;
Коса трещитъ, вертится изголовье;
Въ глазахъ круги огнёвые пошли...
Вскочила я, окошко распахнула,
Дышу, дышу всей грудью. А въ саду
Роса дымится и укропомъ пахнетъ
И подъ окномъ въ травѣ куётъ кузнечикъ.
Ну, что, Надёжа — что бы ты сказала,
Какъ еслибъ онъ да шасть изъ-за угла,
Да пошептомъ промолвилъ: „эхъ, молодка!
Аль ласковымъ глазкомъ на насъ не взглянешь?
Аль бѣлою рукою не поманишь?
Пустила бы въ свѣтёлку...“ Я шатнулась
И о косякъ ударилась плечомъ,
А самоё трясётъ, какъ въ лихоманкѣ.
Сказать хотѣла: „отойди, проклятый!“
А говорю: „влѣзай же, что ль, скорѣе!“
Ужъ, видно, Богъ попуталъ за грѣхи!
Да что тутъ! Вырвалъ сердце мнѣ изъ груди,
Какъ изъ гнѣзда безкрылую косатку,
Ударилъ о земь — да и прочь пошелъ.

Н. А. НЕКРАСОВЪ.

Николай Алексѣевичъ Некрасовъ, одинъ изъ любимѣйшихъ нашихъ поэтовъ, родился 22-го ноября 1822 года, въ одномъ изъ мѣстечекъ Каменецъ-Подольской губерніи, гдѣ тогда квартировалъ полкъ, въ которомъ служилъ его отецъ, Алексѣй Сергѣевичъ, женатый на Александрѣ Андреевнѣ Закревской, по происхожденію полькѣ, съ семьёй которой онъ познакомился незадолго предъ тѣмъ въ Херсонской губерніи. Оставивъ службу, въ продолженіи которой Алексѣй Сергѣевичъ сдѣлалъ всю кампанію 1812--1814 годовъ въ качествѣ адъютанта графа Витгенштейна и потерялъ двухъ старшихъ братьевъ при Бородинѣ, онъ поселился окончательно въ своёмъ имѣніи, въ деревнѣ Грешнево, ярославской губерніи, на почтовомъ трактѣ между Ярославлемъ и Костромой.

Первоначальное воспитаніе Некрасовъ получилъ дома, среди громадной семьи братьевъ и сестёръ, а съ тринадцатилѣтняго возраста сталъ посѣщать ярославскую гимназію, начиная съ четвёртаго класса. Пробывъ въ названномъ заведеніи два года, Некрасовъ, согласно желанію отца, оставилъ гимназію и, снабженный его письмомъ на имя начальника петербургскаго округа корпуса жандармовъ, генерала Полозова, отправился въ Петербургъ. Отдавая письмо Полозову, Некрасовъ объявилъ ему прямо, что содержаніе его ему хорошо извѣстно; но что онъ не желаетъ поступать въ Дворянскій полкъ, нынѣ Константиновское военное училище, какъ того желаетъ отецъ, а намѣренъ готовиться къ поступленію въ университетъ, такъ-какъ чувствуетъ сильную склонность къ литературнымъ занятіямъ, весьма мало совмѣстнымъ съ военной службой. Полозовъ нашелъ рѣшимость шестнадцатилѣтняго юноши какъ нельзя болѣе благоразумной — и совѣтовалъ ему поскорѣе приступить къ дѣлу. Тогда Некрасовъ ревностно принялся за книги и сталъ готовиться съ лихорадочной поспѣшностью къ грозному экзамену. Но вскорѣ всякаго рода препятствія стали тормозить успѣшно-начатое дѣло. Первымъ и главнымъ препятствіемъ къ осуществленію благихъ намѣреній юноши былъ недостатокъ въ деньгахъ, безъ которыхъ трудно было сдѣлать что-нибудь, такъ-какъ безъ учителей изучать математику и латинскій языкъ не было никакой возможности. Наконецъ, случай свёлъ его съ профессоромъ Медицинской Академіи, Успенскимъ, который, узнавъ о затрудненіяхъ Некрасова касательно латыни, не только любезно предложилъ давать ему уроки даромъ, но даже пригласилъ его переселиться на нѣкоторое время въ его квартиру. Некрасовъ принялъ предложеніе — и уже въ самомъ началѣ 1840 года былъ совершенно готовъ къ университетскому экзамену. Бо́льшая часть предметовъ, въ томъ числѣ и латынь, сошли благополучно, но математика и физика испортили всё дѣло — и Некрасовъ волей-неволей долженъ былъ отказаться отъ поступленія въ число студентовъ университета и удовольствоваться званіемъ вольнаго слушателя.

Посѣщая усердно университетскія лекціи въ теченіе 1840 и 1841 годовъ, Некрасовъ тогда же началъ помѣщать свои стихотворенія и небольшія повѣсти и рецензіи въ нѣкоторыхъ тогдашнихъ газетахъ и журналахъ. Первымъ поэтическимъ опытомъ Некрасова было стихотвореніе „Мысль“, напечатанное въ „Сынѣ Отечества“ на 1838 годъ, а вторымъ — „Жизнь“, помѣщённое въ 7-мъ № „Библіотеки для Чтенія“ на 1839 годъ. Затѣмъ, въ „Сынѣ Отечества“ на 1839 годъ, томы 2-ой, 4-ой, 6-ой и 7-ой, были напечатаны ещё пять его стихо-

твореній: „Безнадежность“, „Человѣкъ“, „Смерть“, „Офелія“, „Скорбь и Слёзы“ и повѣсть „Пѣвица“, въ „Пантеонѣ“ на 1840 годъ (томъ I и III) поэма — „Провинціальный подъячій въ Петербургѣ“. Стихотворенія эти — плодъ досуга 16-ти-лѣтняго поэта — были замѣчены. Это обстоятельство порѣшило дѣло: онъ рѣшился избрать поэтическую дѣятельность своей карьерой. Въ томъ же 1840 году вышелъ первый сборникъ стихотвореній Некрасова, подъ заглавіемъ „Мечты и Звуки“, при чёмъ Жуковскій, прочтя эту небольшую книжку, отозвался о ней съ похвалою. Что же касается Н. А. Полевого, помѣстившаго у себя въ „Сынѣ Отечества“ первое стихотвореніе Некрасова, то онъ принялъ самое живое участіе въ начинающемъ поэтѣ. Одинъ Бѣлинскій встрѣтилъ книжку недружелюбно.

Впрочемъ, его суровый приговоръ не помѣшалъ поэту и критику вскорѣ послѣ того познакомиться и сблизиться. Знакомство это оказало большое и благодѣтельное вліяніе на развитіе таланта Некрасова, требовавшаго въ то время поддержки и указанія. Начиная съ 4-й книжки „Отечественныхъ Записокъ“ на 1845 годъ, гдѣ было напечатано первое изъ стихотвореній: „Современная ода“, произведенія молодого поэта стали всё чаще и чаще являться на страницахъ этого, въ то время лучшаго, русскаго журнала. Мы говоримъ о стихотворныхъ произведеніяхъ Некрасова; что же касается прозы, то-есть небольшихъ повѣстей и разсказовъ, то они, начиная съ повѣстей „Опытная женщина“ и „Необыкновенный завтракъ“, напечатанныхъ въ томъ же журналѣ (1841 г. № 10 и 1843 г. № 12), печатались въ немъ и гораздо раньше. Въ 1843 году Некрасовъ издалъ, вмѣстѣ съ В. Р. Зотовымъ, двѣ маленькихъ книжки, подъ заглавіемъ: „Статейки въ стихахъ безъ картинокъ“, въ которыхъ помѣстилъ двѣ главы изъ „Говоруна“ (записокъ петербургскаго жителя А. Ѳ. Бѣлопяткина) обратившія на себя вниманіе критики. Затѣмъ, въ „Петербургскомъ Сборникѣ“ и въ 4-ой книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ того же года были напечатаны слѣдующія три его пьесы: „Въ дорогѣ“, „Огородникъ“ и „Когда изъ мрака заблужденья“, которыми начинаются всѣ изданія „Стихотвореній Некрасова“. Въ тѣхъ же 1846—1848 годахъ Николай Алексѣевичъ издалъ свой *комическій иллюстрированный альманахъ* „Первое Апрѣля“, похваленный Бѣлинскимъ, „Петербургскій Сборникъ“, „Физіологію Петербурга“ и „Иллюстрированный Альманахъ“, а съ 1847 года сталъ издавать, вмѣстѣ съ И. И. Панаевымъ, журналъ „Современникъ“, выходившій потомъ безъ малаго цѣлыхъ двадцать лѣтъ—и во всё продолженіе этого времени стоявшій постоянно во главѣ русской журналистики.

Ещё за годъ до появленія въ свѣтъ 1-й книжки „Современника“, благодаря массѣ публикацій, читающей и мыслящей публикѣ было хорошо извѣстно, кто будутъ сотрудники новаго журнала и чего можно будетъ ожидать отъ него. Почти всѣ писатели — цвѣтъ русской науки и литературы того времени — были объявлены его исключительными сотрудниками, при чёмъ были названы многія изъ ихъ произведеній, приготовленныхъ къ помѣщенію въ новомъ журналѣ, въ томъ числѣ оба приложенія „Кто виноватъ?“ романъ Искандера и „Лукреція Флоріани“, романъ Жоржа-Занда, въ переводѣ Кронеберга, извѣстнаго переводчика „Гамлета“ и „Макбета“ Шекспира. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если мы скажемъ, что появленія 1-ой книжки „Современника“ всѣ ожидали съ величайшимъ нетерпѣніемъ.

Наконецъ. 1-го января 1847 года книжка вышла вмѣстѣ съ двумя обѣщанными приложеніями, и превзошла даже ожиданія публики. Въ ней помѣщены были: повѣсть Тургенева, романъ Герцена, начало романа Панаева, стихотворенія Некрасова, Тургенева и Огарёва, статьи Бѣлинскаго, Кавелина, Соловьёва, графа Уварова, Никитенка и Кронеберга; наконецъ самая „Смѣсь“ была составлена изъ такихъ произведеній, какъ „Хорь и Калынинчъ“ Тургенева, „Романъ въ десяти письмахъ“ Достоевскаго, первыя „Письма изъ Парижа“ Анненкова и другихъ; даже статья о модахъ была написана совершенно въ новомъ родѣ, именно—въ видѣ живого фельетоннаго разсказа. Послѣдовавшія за январьской, остальныя одиннадцать книжекъ „Современника“ 1847 года оказались если не лучше, то — во всякомъ случаѣ — не хуже первой, такъ-какъ въ нихъ были помѣщены: стихотворенія Некрасова, Майкова и Огарёва, „Обыкновенная Исторія“ — первый романъ Гончарова, повѣсть „Жидъ“ и первые семь разсказовъ изъ „Записокъ Охотника“ Тургенева, „Записки доктора Крупова“ и четыре письма изъ „Avenue Marigny“ Искандера, „Антонъ Горемыка“ Григоровича и „Полинька Саксъ“ Дружинина, и „Письма объ Испаніи“ Боткина, „Письма изъ Парижа“ Анненкова, статьи Бѣлинскаго, Савича, Буняковскаго, Рулье, Афанасьева, Милютина и другихъ. „Современникъ“

1848 года, несмотря на совершенное отсутствіе стиховъ, былъ не менѣе предыдущаго богатъ прекрасными повѣстями и учеными, и критическими статьями Тургенева, Гончарова, Герцена, Даля, Григоровича, Дружинина, Гребёнки, Грановскаго, Соловьёва, Кавелина, Ковалевскаго, Перевощикова и другихъ.

Начало „Современника“ совпало какъ разъ съ началомъ гоненія на стихи, поднятаго „Отечественными Записками“ и продолжаемаго другими журналами, между-прочимъ и „Современникомъ“, хотя во главѣ его стоялъ поэтъ. Даже и стихотворенія Некрасова стали появляться только съ іюльской книжки 1848 г. Такимъ образомъ, цѣлые три года Некрасовъ не печаталъ у себя ни чужихъ, ни своихъ стихотвореній, ограничивая свою литературную дѣятельность составленіемъ мелкихъ статей для смѣси и небольшихъ рецензій для отдѣла критики, да сочиненіемъ *неправдоподобныхъ разсказовъ*, въ родѣ „Новоизобрѣтённой привилегированной краски Дерлинга и К°“, напечатанной въ 4-й книжкѣ журнала на 1850 годъ и прошедшей почти никѣмъ не замѣченной.

Первыми стихотвореніями Некрасова, появившимися послѣ трёхлѣтняго молчанія на страницахъ „Современника“ (1850, № 9), были двѣ коротенькихъ пьесы любовнаго содержанія: „Буря“ и „Ты всегда хороша несравненно“, не представляющія ничего замѣчательнаго; но, начиная съ 3-ьей книжки журнала на 1853 годъ, гдѣ было помѣщено извѣстное его стихотвореніе „Блаженъ незлобивый поэтъ“, стали появляться тѣ лучшія изъ его поэтическихъ произведеній, которыя впослѣдствіи прославили его имя. Стихотворенія эти были: „Муза“, „Въ деревнѣ“, „Несжатая полоса“, „Забытая деревня“, „Маша“, „Власъ“, „Внимая ужасамъ войны“, „Замолкни, муза мести и печали“, „Застѣнчивость“ и нѣкоторыя другія. Затѣмъ, въ теченіе 1857–1860 годовъ, Некрасовъ не написалъ ничего замѣчательнаго, и только начиная съ 1861 года, въ которомъ былъ напечатанъ его стихотворный разсказъ „Коробейники“, стали снова появляться въ печати какъ мелкія его пьесы, такъ и цѣлыя поэмы, весьма замѣчательныя. Изъ большихъ его произведеній, напечатанныхъ въ этотъ послѣдній періодъ существованія „Современника“, особенно выдаются: разсказъ „Морозъ Красный Носъ“ и первая глава поэмы: „Кому на Руси жить хорошо“. Съ прекращеніемъ „Современника“ на 4-ой книжкѣ 1866 года, Некрасовъ перенёсъ свою литературную дѣятельность въ „Отечественныя записки“, перешедшія, въ началѣ 1868 года, подъ его редакцію; здѣсь и напечаталъ онъ цѣлый рядъ мелкихъ стихотвореній, разсказовъ и поэмъ, въ томъ числѣ двѣ главы изъ поэмы „Русскія женщины“—„Княгиня Т***“ и „Княгиня Вол—ская“ (1872, № 4 и 1873, № 1), восемнадцать главъ изъ поэмы: „Кому на Руси жить хорошо“ (1869, №№ 1 и 2, 1870, № 2, 1873, № 2, и 1874, № 1), „Герои времени“, „Горе стараго Наума“ и „Послѣднія пѣсни“ (1876, №№ 1 и 3, и 1877, № 1).

Въ началѣ 1875 года Некрасовъ почувствовалъ въ первый разъ тѣ нервныя боли и желудочные припадки, которые черезъ три года свели его въ преждевременную могилу. Первое время припадки эти случались съ нимъ періодически; но года за полтора до смерти они усилились до того, что страданія его почти не прекращались, возобновляясь ежедневно всё съ большею и большею силой.

Такъ продолжалось до 14-го декабря, когда съ нимъ сдѣлалось вдругъ очень дурно, послѣ чего силы его стали падать всё болѣе и болѣе — и 27-го декабря 1877 года въ 8 часовъ 50 минутъ пополудни Некрасова не стало. По вскрытіи тѣла оказалось, что причиной смерти поэта былъ — ракъ.

Погребеніе Некрасова совершилось 30-го декабря. Гробъ былъ принесёнъ къ могилѣ открытымъ. Нѣкоторыми изъ присутствовавшихъ друзей поэта были произнесены у гроба рѣчи. Первымъ говорилъ г. Панаевъ, близко знавшій покойнаго; затѣмъ— Ѳ. М. Достоевскій. Въ рѣчахъ того и другого были высказаны тёплые отзывы какъ о важномъ значеніи покойнаго въ русской поэзіи, такъ и о его отзывчивости на горе и страданія угнетённыхъ.

„Стихотворенія Н. А. Некрасова“ выдержали, въ теченіе тридцати лѣтъ десять изданій, изъ которыхъ 1-ое было напечатано въ 1856 году, въ Москвѣ, въ одномъ томѣ, 2-е—въ 1858, въ Петербургѣ, въ одномъ томѣ, 3-е — въ 1862, тамъ же, 4-е — тамъ же, въ 1864, въ трёхъ частяхъ, 5-е — тамъ же, въ 1869, въ четырёхъ частяхъ, 6-е — тамъ же, въ 1873—1874, въ шести частяхъ, остальныя послѣ его смерти.

Кромѣ того, Некрасовымъ были изданы ещё слѣдующія книги: 1) Мечты и Звуки. Стихотворенія Н. Н. Спб. 1840. 2) Статейки въ стихахъ безъ картинокъ. Спб. 1843. 3) Физіологія Петербурга. Спб. 1845. 4) Первое апрѣля. Комическій иллюстрированный альманахъ. Спб. 1846. 5) Петербургскій Сборникъ. Спб. 1846. 6) Иллюстриро-

ванный альманахъ. Спб. 1848. 7) Три страны свѣта. Романъ въ восьми частяхъ. Изд. 1-ое—Спб. 1848, изд. 2-ое и 3-ое—тамъ же, 1852 и 1872. 8) Мёртвое озеро. Романъ въ трёхъ частяхъ. Спб. 1852. 9) Красныя книжки. 3 части. Спб. 1863. 10) Баба-яга—костяная нога. Изд. 1-ое—Спб. 1863, изд. 2-ое—Спб. 1871, и 11) Послѣднія пѣсни Н. А. Некрасова. Спб. 1877.

I.

МУЗА.

Нѣтъ, Музы ласково-поющей и прекрасной
Не помню надъ собой я пѣсни сладкогласной!
Въ небесной красотѣ, неслышимо, какъ духъ,
Слетая съ высоты, младенческій мой слухъ
Она гармоніи волшебной не учила,
Въ пелёнкахъ у меня свирѣли не забыла;
Среди забавъ моихъ и отроческихъ думъ
Мечтой неясною не волновала умъ,
И не явилась вдругъ восторженному взору
Подругой любящей въ блаженную ту пору,
Когда томительно волнуютъ нашу кровь
Нераздѣлимыя — и Муза, и Любовь.
Но рано надо мной отяготѣли узы
Другой, неласковой и нелюбимой Музы,
Печальной спутницы печальныхъ бѣдняковъ,
Рождённыхъ для труда, страданья и оковъ —
Той Музы плачущей, скорбящей и болящей,
Всечасно-жаждущей, униженно-просящей,
Которой золото — единственный кумиръ.
Въ усладу новаго пришельца въ Божій міръ,
Въ убогой хижинѣ, предъ дымною лучиной,
Согбенная трудомъ, убитая кручиной,
Она пѣвала мнѣ—и пóлонъ былъ тоской
И вѣчной жалобой напѣвъ ея простой.
Случалось, не стерпѣвъ томительнаго горя,
Вдругъ плакала она, моимъ рыданьямъ вторя,
Или тревожила младенческій мой сонъ
Разгульной пѣснею; но тотъ же скорбный стонъ
Ещё пронзительнѣй звучалъ въ разгулѣ шумномъ.
Всё слышалося въ нёмъ въ смѣшеніи безумномъ:
Разсчёты мелочной и грязной суеты
И юношескихъ лѣтъ прекрасныя мечты
Погибшая любовь, подавленныя слёзы,
Проклятья, жалобы, безсильныя угрозы.
Въ порывѣ ярости, съ неправдою людской
Безумная клялась начать упорный бой;
Предавшись дикому и мрачному веселью,
Играла бѣшено моею колыбелью,
Кричала: „мщеніе!“ и буйнымъ языкомъ
Въ сообщники свои звала Господень громъ.
Въ душѣ озлобленной, но любящей и нѣжной,
Непроченъ былъ порывъ жестокости мятежной.
Слабѣя медленно, томительный недугъ
Смирялся, утихалъ — и выкупалось вдругъ
Всё буйство дикое страстей и скорби лютой
Одной божественно-прекрасною минутой,
Когда страдалица, поникнувъ головой:
„Прощай врагамъ своимъ!“ шептала надо мной.
Такъ вѣчно плачущей и непонятной дѣвы
Лелѣяли мой слухъ суровые напѣвы,
Покуда, наконецъ, обычной чередой
Я съ нею не вступилъ въ ожесточённый бой.
Но съ дѣтства прочнаго и кровнаго союза
Со мною разорвать не торопилась Муза:
Чрезъ бездны тёмныя насилія и зла,
Труда и голода она меня вела —
Почувствовать свои страданья научила,
И свѣту возвѣстить о нихъ благословила.

II.

Когда изъ мрака заблужденья
Горячимъ словомъ убѣжденья
Я душу падшую извлёкъ —
И, вся полна глубокой муки,
Ты прокляла, ломая руки,
Тебя опутавшій порокъ;
Когда, забывчивую совѣсть
Воспоминаніемъ казня,
Ты мнѣ передавала повѣсть
Всего, что̀ было до меня,
И вдругъ, закрывъ лицо руками,
Стыдомъ и ужасомъ полна,
Ты разрѣшилася слезами,
Возмущена, потрясена —
Вѣрь, я внималъ не безъ участья,
Я жадно каждый звукъ ловилъ...
Я понялъ всё, дитя несчастья,
Я всё простилъ и всё забылъ.
Зачѣмъ же тайному сомнѣнью
Ты ежечасно предана?
Толпы безсмысленному мнѣнью
Ужель и ты покорена?
Не вѣрь толпѣ—пустой и лживой.
Забудь сомнѣнія свои,
Въ душѣ болѣзненно-пугливой
Гнетущей мысли не таи!
Грустя напрасно и безплодно,

Не пригрѣвай змѣи въ груди —
И въ домъ мой смѣло и свободно
Хозяйкой полною войди!

III.

Блаженъ незлобивый поэтъ,
Въ комъ мало желчи, много чувства:
Ему такъ искрененъ привѣтъ
Друзей спокойнаго искусства.

Ему сочувствіе въ толпѣ,
Какъ ропотъ волнъ, ласкаетъ ухо;
Онъ чуждъ сомнѣнія въ себѣ —
Сей пытки творческаго духа.

Любя беспечность и покой,
Гнушаясь дерзкою сатирой,
Онъ прочно властвуетъ толпой
Съ своей миролюбивой лирой.

Дивясь великому уму,
Его не гонятъ, не злословятъ —
И современники ему
При жизни памятникъ готовятъ.

Но нѣтъ пощады у судьбы
Тому, чей благородный геній
Сталъ обличителемъ толпы,
Ея страстей и заблужденій.

Питая ненавистью грудь,
Уста вооруживъ сатирой,
Проходитъ онъ тернистый путь
Съ своей карающею лирой.

Его преслѣдуютъ хулы;
Онъ ловитъ звуки одобренья
Не въ сладкомъ ропотѣ хвалы,
А въ дикихъ крикахъ озлобленья.

И вѣря и не вѣря вновь
Мечтѣ высокаго призванья,
Онъ проповѣдуетъ любовь
Враждебнымъ словомъ отрицанья —

И каждый звукъ его рѣчей
Плодитъ ему враговъ суровыхъ,
И умныхъ, и пустыхъ людей,
Равно клеймить его готовыхъ.

Со всѣхъ сторонъ его клянутъ,
И только трупъ его увидя,
Какъ много сдѣлалъ онъ — поймутъ,
И какъ любилъ онъ — ненавидя!

IV.

Внимая ужасамъ войны,
При каждой новой жертвѣ боя,
Мнѣ жаль не друга, не жены,
Мнѣ жаль не самого героя.
Увы! утѣшится жена,
И друга лучшій другъ забудетъ:
Но гдѣ-то есть душа одна —
Она до гроба помнить будетъ.
Средь лицемѣрныхъ нашихъ дѣлъ
И всякой пошлости, и прозы
Однѣ я въ мірѣ подсмотрѣлъ
Святыя, искреннія слёзы —
То слёзы бѣдныхъ матерей!
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей.

V.

РОДИНА.

И вотъ они опять, знакомыя мѣста,
Гдѣ жизнь отцовъ моихъ, безплодна и пуста,
Текла среди пировъ, безсмысленнаго чванства,
Разврата грязнаго и мелкаго тиранства;
Гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ
Завидовалъ житью послѣднихъ барскихъ псовъ,
Гдѣ было суждено мнѣ Божій свѣтъ увидѣть,
Гдѣ научился я терпѣть и ненавидѣть,
Но, ненависть въ душѣ постыдно притая,
Гдѣ иногда бывалъ помѣщикомъ и я;
Гдѣ отъ души моей, довременно растлѣнной,
Такъ рано отлетѣлъ покой благословенной
И неребяческихъ желаній и тревогъ
Огонь томительный до срока сердце жогъ.
Воспоминанія дней юности — извѣстныхъ
Подъ громкимъ именемъ роскошныхъ и чудесныхъ,
Наполнивъ грудь мою и злобой, и хандрой,
Во всей своей красѣ проходятъ предо мной.

Вотъ тёмный, тёмный садъ! Чей ликъ въ аллеѣ дальной
Мелькаетъ межъ вѣтвей болѣзненно-печальной?
Я знаю, отчего ты плачешь, мать моя!
Кто жизнь твою сгубилъ—о, знаю, знаю я!
Навѣки отдана угрюмому невѣждѣ,
Не предавалась ты несбыточной надеждѣ—
Тебя пугала мысль возстать противъ судьбы:
Ты жребій свой несла въ молчаніи рабы.

Но знаю: не была душа твоя безстрастна!
Она была горда, упорна и прекрасна
И всё, что вынести въ тебѣ достало силъ,
Предсмертный шопотъ твой губителю простилъ?

И ты, дѣлившая съ страдалицей безгласной
И горе, и позоръ судьбы ея ужасной,
Тебя ужъ также нѣтъ, сестра души моей!
Изъ дома крѣпостныхъ любовницъ и псарей
Гонимая стыдомъ, ты жребій свой вручила
Тому, котораго не знала, не любила;
Но матери своей печальную судьбу
На свѣтѣ повторивъ, лежала ты въ гробу
Съ такой холодною и строгою улыбкой,
Что дрогнулъ самъ палачъ, заплакавшій ошибкой.
Вотъ сѣрый, старый домъ! Теперь онъ пустъ и глухъ:
Ни женщинъ, ни собакъ, ни гаеровъ, ни слугъ...
А встарь? Но помню я: здѣсь что-то всѣхъ давило,
Здѣсь въ маломъ и въ большомъ тоскливо сердце ныло.
Я къ нянѣ убѣгалъ. Ахъ, няня! сколько разъ
Я слёзы лилъ о ней въ тяжелый сердцу часъ;
При имени ея впадая въ умиленье,
Давно-ли чувствовалъ я къ ней благоговѣнье?
Ея безсмысленной и вредной доброты
На память мнѣ пришли немногія черты —
И грудь моя полна враждой и злостью новой.
Нѣтъ, въ юности моей, мятежной и суровой,
Отраднаго душѣ воспоминанья нѣтъ;
Но всё, что жизнь мою опутавъ съ первыхъ лѣтъ,
Проклятьемъ на меня легло неотразимымъ —
Всему начало здѣсь, въ краю моёмъ родимомъ!

И, съ отвращеніемъ кругомъ кидая взоръ,
Съ отрадой вижу я, что срубленъ тёмный боръ —
Въ томящій лѣтній зной защита и прохлада,
И нива выжжена, и праздно дремлетъ стадо,
Понуривъ голову надъ высохшимъ ручьёмъ,
И на бокъ валится пустой и мрачный домъ,
Гдѣ вторилъ звону чашъ и гласу ликованій
Глухой и вѣчный гулъ подавленныхъ страданій,
И только тотъ одинъ, кто всѣхъ собой давилъ,
Свободно и дышалъ, и дѣйствовалъ, и жилъ.

VI.

НЕСЖАТАЯ ПОЛОСА.

Поздняя осень: грачи улетѣли,
Лѣсъ обнажился, поля опустѣли,
Только не сжата полоска одна —
Грустную думу наводитъ она.

Кажется, шепчутъ колосья другъ другу:
„Скучно намъ слушать осеннюю вьюгу,
Скучно склоняться до самой земли,
Тучныя зёрна купая въ пыли!
Насъ, что ни ночь, разоряютъ станицы
Всякой пролётной прожорливой птицы,
Заяцъ насъ топчетъ и буря насъ бьётъ.
Гдѣ же нашъ пахарь? чего ещё ждётъ?
Или мы хуже другихъ уродились?
Или не дружно цвѣли-колосились?
Нѣтъ, мы не хуже другихъ — и давно
Въ насъ налилось и созрѣло зерно.
Не для того-же пахалъ онъ и сѣялъ,
Чтобы насъ вѣтеръ осенній развѣялъ?“
Вѣтеръ несётъ имъ печальный отвѣтъ:
„Вашему пахарю мочи нѣтъ!
Зналъ, для чего и пахалъ онъ, и сѣялъ,
Да не по силамъ работу затѣялъ.
Плохо бѣднягѣ — не ѣстъ и не пьётъ,
Червь ему сердце больное сосётъ;
Руки, что вывели борозды эти,
Высохли въ щепку, повисли, какъ плети;
Очи потускли и голосъ пропалъ,
Что заунывную пѣсню пѣвалъ,
Какъ, на соху налегая рукою,
Пахарь задумчиво шелъ полосою.“

VII.

ВЛАСЪ.

Въ армякѣ съ открытымъ воротомъ,
Съ обнаженной головой,
Медленно проходитъ городомъ
Дядя Власъ, старикъ сѣдой.

На груди икона мѣдная:
Проситъ онъ на Божій храмъ.
Весь въ веригахъ, обувь бѣдная,
На щекѣ глубокій шрамъ;

Да съ желѣзнымъ наконешникомъ
Палка длинная въ рукѣ.
Говорятъ, великимъ грѣшникомъ
Былъ онъ прежде. Въ мужикѣ

Бога не было: побоями
Въ гробъ жену свою вогналъ;
Промышляющихъ разбоями
Конокрадовъ укрывалъ.

У всего сосѣдства бѣднаго
Скупитъ хлѣбъ, а въ черный годъ

Не повѣритъ гроша мѣднаго,
Втрое съ нищаго сдерётъ.

Бралъ съ родного, бралъ съ убогаго,
Слылъ кащеемъ-мужикомъ;
Нрава былъ крутого, строгаго...
Наконецъ — и грянулъ громъ!

Власу худо: кличетъ знахаря —
Да поможешь-ли тому,
Кто снималъ рубашку съ пахаря,
Кралъ у нищаго суму?

Только пуще всё неможется.
Годъ прошелъ, а Власъ лежитъ —
И построить церковь божится,
Если смерти избѣжитъ.

Говорятъ, ему видѣніе
Всё мерещилось въ бреду.
Видѣлъ свѣта преставленіе,
Видѣлъ грѣшниковъ въ аду:

Мучатъ бѣсы ихъ проворные,
Жалитъ вѣдьма-егова:
Ефіопы — видомъ черные
И, какъ угліе, глаза.

Крокодилы, змін, скорпіи
Припекаютъ, рѣжутъ, жгутъ.
Воютъ грѣшники въ прискорбіи,
Цѣпи ржавыя грызутъ.

Громъ глушитъ ихъ вѣчнымъ грохотомъ,
Удушаетъ лютый смрадъ,
И кружитъ надъ ними съ хохотомъ
Черный тигръ-шестокрылатъ.

Тѣ на длинный шестъ нанизаны,
Тѣ горячій лижутъ полъ.
Тамъ, на хартіяхъ написаны,
Власъ грѣхи свои прочёлъ:

Сочтены дѣла безумныя.
Но всего не описать!
Богомолки, бабы умныя,
Могутъ лучше разсказать.

Власъ увидѣлъ тьму кромѣшную
И послѣдній далъ обѣтъ...
Внялъ Господь — и душу грѣшную
Воротилъ на вольный свѣтъ.

Роздалъ Власъ своё имѣніе,
Самъ остался босъ и голъ —
И сбирать на построеніе
Храма Божьяго пошелъ.

Съ той поры мужикъ скитается,
Вотъ ужъ скоро тридцать лѣтъ,
Подаяніемъ питается —
Строго держитъ свой обѣтъ.

Сила вся души великая
Въ дѣло Божіе ушла:
Словно сроду жадность дикая
Непричастна ей была.

Полонъ скорбью неутѣшною,
Смуглолицъ, высокъ и прямъ,
Ходитъ онъ стопой неспѣшною
По селеньямъ, городамъ.

Нѣтъ ему пути далёкаго:
Былъ у матушки Москвы
И у Каспія широкаго,
И у царственной Невы.

Словомъ истины евангельской
Собирая Богу дань,
Побываетъ и въ Архангельской,
Проберётся и въ Рязань.

Ходитъ съ образомъ и съ книгою,
Самъ съ собой всё говоритъ,
И желѣзною веригою
Тихо на ходу звенитъ.

Ходитъ въ зимушку студёную,
Ходитъ въ лѣтніе жары,
Вызывая Русь крещёную
На посильные дары —

И даютъ, даютъ прохожіе.
Такъ изъ лепты трудовой
Выростаютъ храмы Божіи
По лицу земли родной.

VIII.

Замолкни, Муза мести и печали!
Я сонъ чужой тревожить не хочу:
Довольно мы съ тобою проклинали!
Одинъ я умираю — и молчу.

Къ чему хандрить, оплакивать потери?
Когда-бъ хоть легче было отъ того!
Мнѣ самому, какъ скрипъ тюремной двери,
Противны стоны сердца моего.

Всему конецъ. Ненастьемъ и грозою
Мой тёмный путь не даромъ омрача,
Не просвѣтлѣетъ небо надо мною,
Не броситъ въ душу тёплаго луча.

Волшебный лучъ любви и возрожденья!
Я звалъ тебя—во снѣ и на яву,
Въ трудѣ, въ борьбѣ, на рубежѣ паденья
Я звалъ тебя—теперь ужъ не зову!

Той бездны самъ я не хотѣлъ-бы видѣть,
Которую ты можешь освѣтить:
То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидѣть.

IX.

ИЗЪ ПОЭМЫ:

„КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО."

1.

ПОПЪ.

Потупился, задумался,
Въ телѣжкѣ сидя, попъ
И молвилъ: „Православные,
Роптать на Бога грѣхъ!
Несу мой крестъ съ терпѣніемъ;
Живу, а какъ — послушайте!
Скажу вамъ правду-истину,
А вы крестьянскимъ разумомъ
Смекайте". — „Начинай!"
— „Въ чёмъ счастіе по вашему?
Покой, богатство, честь —
Не такъ ли, други милые?"
Они сказали: „такъ!"
— „Теперь посмотримъ, братія,
Каковъ попу покой?
Начать, признаться, надо бы
Почти съ рожденья самаго,
Какъ достаётся грамота
Поповскому сынку,
Какой цѣной поповичемъ
Священство покупается —
Да лучше помолчимъ!
Дороги наши трудныя,
Приходъ у насъ большой.
Болящій, умирающій,
Рождающійся въ міръ
Не избираютъ времени:
Въ жнитво и въ сѣнокосъ,
Въ глухую ночь осеннюю,
Зимой, въ морозы лютые
И въ половодье вешнее
Иди — куда зовутъ.
Идёшь безотговорочно —
И пусть бы только косточки
Ломалися одни:
Нѣтъ, всякій разъ намается,
Переболитъ душа.
Не вѣрьте, православные —
Привычкѣ есть предѣлъ:
Нѣтъ сердца выносящаго
Безъ нѣкоего трепета
Предсмертное хрипѣніе,
Надгробное рыданіе,
Сиротскую печаль.
Аминь! Теперь подумайте —
Каковъ попу покой?
Теперь посмотримъ, братія,
Каковъ попу почётъ?
Задача щекотливая:
Не прогнѣвить бы васъ?
Скажите, православные,
Кого вы называете
Породой жеребячьею?
Чуръ! отвѣчать на спросъ?"
Крестьяне позамялися,
Молчатъ — и попъ молчитъ.
„Съ кѣмъ встрѣчи вы боитеся,
Идя путёмъ-дорогою?
Чуръ! отвѣчать на спросъ!"
Кряхтятъ, переминаются,
Молчатъ. „О комъ слагаете
Вы сказки балагурныя
И пѣсни непристойныя,
И всякую хулу?
Мать-попадью степенную,
Попову дочь безвинную,
Семинариста всякаго —
Какъ чествуете вы?
Кому въ догонъ, злорадствуя,
Кричите: го-го-го!"

Потупились ребятушки,
Молчатъ — и попъ молчитъ.
Крестьяне думу думали,
А попъ широкой шляпою
Въ лицо себѣ помахивалъ
Да нà небо глядѣлъ.
Весной что внуки малые
Съ румянымъ солнцемъ-дѣдушкой

Играютъ облака:
Вотъ правая сторонушка
Одной сплошною тучею
Покрылась — затуманилась,
Стемнѣла и заплакала:
Рядами нити сѣрыя
Повисли до земли.
А ближе, надъ крестьянами,
Изъ небольшихъ, разорванныхъ,
Весёлыхъ облачковъ
Смѣётся солнце красное,
Какъ дѣвка изъ сноповъ.
Но туча передвинулась —
Попъ шляпой накрывается:
Быть сильному дождю.
А правая сторонушка
Уже свѣтла и радостна:
Тамъ дождь перестаётъ.
Не дождь — тамъ чудо Божіе:
Тамъ съ золотыми нитками
Развѣшены мотки.

„Теперь посмотримъ, братія,
Откудова богачество
Поповское идётъ?
Во время недалёкое
Имперія Россійская
Дворянскими усадьбами
Была полнымъ-полна —
И жили тамъ помѣщики,
Владѣльцы именитые,
Какихъ теперь ужъ нѣтъ!
Плодилися и множились —
И намъ давали жить.
Что свадебъ тамъ игралося,
Что дѣтокъ нарождалося
На даровыхъ хлѣбахъ!
Хоть часто крутонравые,
Однако доброхотные
То были господа;
Прихода не чуждалися:
У насъ они вѣнчалися,
У насъ крестили дѣтушекъ,
Къ намъ приходили каяться,
Мы отпѣвали ихъ.
А если и случалося,
Что жилъ помѣщикъ въ городѣ,
Такъ умирать навѣрное
Въ деревню пріѣзжалъ.
Коли умрётъ нечаянно —
И тутъ накажетъ нàкрѣпко
Въ приходѣ схоронить.
Глядишь — ко храму сельскому,
На колесницѣ траурной
Въ шесть лошадей наслѣдники
Покойника везутъ:
Попу — поправка добрая,
Мірянамъ — праздникъ праздникомъ,
А нынѣ ужъ не то!
Какъ племя іудейское,
Разсѣялись помѣщики
По дальней чужеземщинѣ
И по Руси родной.
Теперь ужъ не до гордости —
Лежать въ родномъ владѣніи,
Рядкомъ съ отцами, съ дѣдами!
Да и владѣнья многія
Барышникамъ пошли.
Ой, холеныя косточки
Россійскія, дворянскія!
Гдѣ вы не позакопаны?
Въ какой землѣ васъ нѣтъ?

„Потомъ, статья—раскольники.
Не грѣшенъ: не живился я
Съ раскольниковъ ничѣмъ:
По счастью, нужды не было:
Въ моёмъ приходѣ числится
Живущихъ въ православіи
Двѣ трети прихожанъ.
А есть такія волости,
Гдѣ сплошь почти раскольники:
Такъ тутъ какъ быть попу?
Всё въ мірѣ перемѣнчиво!
Прейдётъ и самый міръ!
Законы, прежде строгіе
Къ раскольникамъ, смягчилися,
А съ ними и поповскому
Доходу матъ пришелъ.

„Перевелись помѣщики:
Въ усадьбахъ не живутъ они
И умирать на старости
Уже не ѣдутъ къ намъ.
Богатыя помѣщицы,
Старушки богомольныя—
Которыя повымерли,
Которыя пристроились
Вблизи монастырей.
Никто теперь подрясника
Попу не подаритъ;
Никто не вышьетъ воздуховъ —

Живи съ однихъ крестьянъ:
Сбирай мірскія гривенки
Да пироги по праздникамъ,
Да яйца о святой.
Крестьянинъ самъ нуждается —
И радъ бы далъ, да нечего.
А то ещё не всякому
И милъ крестьянскій грошъ.
Угодья наши скудныя:
Пески, болота, мхи,
Скотинка ходитъ въ проголодь,
Родится хлѣбъ самъ-другъ,
А если и раздобрится
Сыра земля-кормилица,
Такъ новая бѣда:
Дѣваться съ хлѣбомъ нѣкуда.
Припрётъ нужда — продашь его
За сущую бездѣлицу,
А тамъ — неурожай;
Тогда плати въ три-дорога,
Скотинку продавай.
Молитесь, православные!
Грозитъ бѣда великая
И въ нынѣшнемъ году:
Зима стояла лютая,
Весна стоитъ дождливая;
Давно бы сѣять надобно,
А на поляхъ — вода.
Умилосердись, Господи!
Пошли крутую радугу
На наши небеса!“

Снявъ шляпу, пастырь крестится
И слушатели тожъ.

„Деревни наши бѣдныя,
А въ нихъ крестьяне хворые,
Да женщины печальницы,
Кормилицы, поилицы,
Рабыни, богомолицы
И труженицы вѣчныя —
Господь прибавь имъ силъ!
Съ такихъ трудовъ копейками
Живиться тяжело.
Случается, къ недужному
Придёшь: не умирающій —
Страшна семья крестьянская
Въ тотъ часъ, какъ ей приходится
Кормильца потерять.
Напутствуешь усопшаго
И поддержать въ оставшихся
По мѣрѣ силъ стараешься
Духъ бодръ. А тутъ къ тебѣ
Старуха, мать покойника,
Глядь, тянется съ костлявою,
Мозолистой рукой.
Душа переворотится,
Какъ звякнутъ въ этой рученькѣ
Два мѣдныхъ пятака!
Конечно, дѣло чистое —
За требу воздаяніе:
Не брать — такъ нечѣмъ жить;
Да слово утѣшенія
Замрётъ на языкѣ —
И, словно какъ обиженный,
Уйдёшь домой. Аминь!“

2.

ПОМѢЩИКЪ.

Расположась на коврикѣ
И выпивъ рюмку хересу,
Помѣщикъ началъ такъ:
„Я далъ вамъ слово честное
Отвѣтъ держать по совѣсти,
А не легко оно.
Хоть люди вы почтенные,
Однако не ученые —
Какъ съ вами говорить?
Сперва понять вамъ надо-бы,
Что значитъ слово самое:
Помѣщикъ, дворянинъ.
Скажите вы, любезные,
О родословномъ деревѣ
Слыхали что-нибудь?“

— „Лѣса намъ не заказаны:
Видали древо всякое!“
Сказали мужики.

— „Попали пальцемъ въ небо вы!
Скажу вамъ вразумительнѣй:
Я роду именитаго;
Мой предокъ Оболдуй
Впервые поминается
Въ старинныхъ русскихъ грамотахъ,
Два вѣка съ половиною
Назадъ тому. Гласитъ
Та грамота: „Татарину
„Оболту Оболдуеву
„Дано суконце доброе,
„Цѣною въ два рубля:

„Волками и лисицами
„Онъ тѣшилъ государыню,
„Въ день царскихъ именинъ;
„Спускалъ медвѣдя дикаго
„Съ своимъ, и Оболдуева
„Медвѣдь тотъ ободралъ“.
Ну, поняли, любезные?“

— Какъ не понять! „Съ медвѣдями“ —
Не мало ихъ шатается,
Прохвостовъ, и теперь.

— „Вы всё своё, любезные!
Молчать! ужъ лучше слушайте,
Къ чему я рѣчь веду:
Тотъ Оболдуй, потѣшившій
Звѣрями государыню,
Былъ корень роду нашему;
А было тò, какъ сказано,
Съ залишкомъ двѣсти лѣтъ.
Прапрадѣдъ мой по матери
Былъ и того древнѣй:
„Князь Щепинъ съ Васькой Гусевымъ“,
Гласитъ другая грамота,
„Пыталъ поджечь Москву:
„Казну пограбить думали,
„Да ихъ казнили смертію“.
А было тò, любезные,
Безъ мала триста лѣтъ.
Такъ вотъ оно откудова
То дерево дворянское
Идётъ, друзья мои!“

— „А ты, примѣрно, яблочко
Съ того выходишь дерева?“
Сказали мужики.

— „Ну, яблочко, такъ яблочко!
Согласенъ! Благо, поняли
Вы дѣло, наконецъ.
Теперь вы сами знаете:
Чѣмъ дерево дворянское
Древнѣй, тѣмъ именитѣе,
Почётнѣй дворянинъ.
Не такъ ли, благодѣтели?“

— „Такъ!“ отвѣчали странники:
„Кость бѣлая, кость черная —
И поглядѣть, такъ разныя:
Имъ разный и почётъ“.

— „Ну, вижу, вижу: поняли!
Такъ вотъ, друзья — и жили мы,
Какъ у Христа за пазухой,
И знали мы почётъ.
Не только люди русскіе —
Сама природа русская
Покорствовала намъ.
Бывало — ты въ окружности
Одинъ, какъ солнце нà небѣ:
Твои деревни скромныя,
Твои лѣса дремучіе,
Твои поля кругомъ;
Пойдешь-ли деревенькою —
Крестьяне въ ноги валятся;
Пойдешь лѣсными дачами —
Столѣтними деревьями
Преклонятся лѣса;
Пойдёшь-ли пашней, нивою —
Вся нива спѣлымъ колосомъ
Къ ногамъ господскимъ стелется,
Ласкаетъ слухъ и взоръ.
Тамъ рыба въ рѣчкѣ плещется:
„Жирѣй, жирѣй до времени!“
Тамъ заяцъ лугомъ крадется:
„Гуляй, гуляй до осени!“
Всё веселило барина,
Любовно травка каждая
Шептала: „я твоя!“
Краса и гордость русская,
Бѣлѣли церкви Божіи
По горкамъ, по холмамъ,
И съ ними въ славѣ спорили
Дворянскіе дома,
Дома съ оранжереями,
Съ китайскими бесѣдками
И съ англійскими парками;
На каждомъ флагъ игралъ,
Игралъ-манилъ привѣтливо,
Гостепріимство русское
И ласку обѣщалъ.
Французу не привидится
Во снѣ — какіе праздники,
Не день, не два — по мѣсяцу
Мы задавали тутъ.
Свои индѣйки жирныя,
Свои наливки сочныя,
Свои актёры, музыка;
Прислуги — цѣлый полкъ.
Бывало, въ осень позднюю
Лѣса твои, Русь-матушка,
Одушевляли громкіе
Охотничьи рога.
Унылые, поблёкшіе

Лѣса полураздѣтые
Жить начинали вновь;
Стояли по опушечкамъ
Борзовщики-разбойники,
Стоялъ помѣщикъ самъ,
А тамъ, въ лѣсу, выжлятники
Ревѣли, сорви-головы,
Варили-варомъ гончія.
Чу! подзываетъ рогъ!
Чу! стая воетъ — сгрудилась:
Никакъ по звѣрю красному
Погнали. Улю-лю!
Лисица чернобурая,
Пушистая, матёрая
Летитъ, хвостомъ метётъ.
Присѣли, притаилися,
Дрожа всѣмъ тѣломъ, рьяные,
Догадливые псы:
„Пожалуй, гостья жданная!
Поближе! къ намъ, молодчикамъ,
Подальше отъ кустовъ!
Пора! Ну, ну! не выдай конь!
Не выдайте собаченки!
Эй! улю-лю! родимыя!
Эй! улю-лю! а-ту“

Гаврило Аѳанасьевичъ
Вскочилъ съ ковра персидскаго,
Махалъ рукой, подпрыгивалъ,
Кричалъ. Ему мерещилось,
Что травитъ онъ лису.
Крестьяне молча слушали,
Глядѣли, любовалися,
Посмѣивались въ усъ.

„Ой, ты, охота псовая!
Забудутъ всё помѣщики,
Но ты, исконно-русская
Потѣха, не забудешься
Ни вỏ-вѣки вѣковъ!
Не о себѣ печалимся —
Намъ жаль, что ты, Русь-матушка,
Съ охотою утратила
Свой рыцарскій, воинственный,
Величественный видъ.
Бывало, насъ по осени
До полусотни съѣдется
Въ отъѣзжія поля.
У каждаго помѣщика
Сто гончихъ въ напуску;
У каждаго по дюжинѣ
Борзовщиковъ верхомъ;
При каждомъ съ кашеварами,
Съ провизіей обозъ.
Какъ съ пѣснями да съ музыкой
Мы двинемся впередъ...
На что кавалерійская
Дивизія твоя!

„Летѣло время соколомъ,
Дышала грудь помѣщичья
Свободно и легко.
Во времена боярскія
Въ порядки древне-русскіе
Переносился духъ!
Ни въ комъ противорѣчія:
Кого хочу — помилую,
Кого хочу — казню.
Я въ Воскресенье Свѣтлое
Со всей своею вотчиной
Христосовался самъ.
Бывало, накрывается
Въ гостиной столъ огромнѣйшій:
На нёмъ и яйца красныя,
И пасха, и куличъ.
Моя супруга, бабушка,
Сынишка, даже барышни
Не брезгаютъ — цѣлуются
Съ послѣднимъ мужикомъ.
„Христосъ воскресъ!“ — „Во-истину!“
Крестьяне разговляются,
Пьютъ брагу и вино.
За то, скажу не хвастая,
Любилъ меня мужикъ.

„ . . . . Не весело
Глядѣть, какъ измѣнилося
Лицо твоё, несчастная,
Родная сторона!
Сословье благородное
Какъ-будто всё попряталось
Повымерло. Куда
Ни ѣдешь — попадаются
Одни крестьяне пьяные,
Акцизные чиновники,
Поляки пересыльные
Да глупые посредники,
Да иногда пройдётъ
Команда. Догадаешься:
Должно-быть, взбунтовалося
Въ избыткѣ благодарности
Селенье гдѣ-нибудь!

А прежде что тутъ мчалося
Колясокъ, бричекъ троечныхъ,
Дормезовъ шестерней!
Катитъ семья помѣщичья:
Тутъ маменьки солидныя,
Тутъ дочки миловидныя
И рѣзвые сынки.
Поющихъ колокольчиковъ,
Воркующихъ бубенчиковъ
Наслушаешься всласть.

„А нынче чѣмъ разсѣешься?
Картиной возмутительной —
Что шагъ — ты пораженъ:
Кладбищемъ вдругъ повѣяло —
Ну, значитъ, приближаемся
Къ усадьбѣ. Боже мой!
Разобранъ по кирпичику
Красивый домъ помѣщичій —
И аккуратно сложены
Въ колонны кирпичи.
Обширный садъ помѣщичій,
Столѣтьями взлелѣянный,
Подъ топоромъ крестьянина
Весь лёгъ; мужикъ любуется,
Какъ много вышло дровъ.
Черства душа крестьянина!
Подумаетъ-ли онъ,
Что дубъ, сейчасъ имъ сваленный,
Мой дѣдъ рукою собственной
Когда-то насадилъ?
Что вотъ подъ той рябиною
Рѣзвились наши дѣтушки —
И Ганичка, и Вѣрочка
Аукались со мной?
Что тутъ, подъ этой липою,
Жена моя призналась мнѣ,
Что тяжела она
Гаврюшей, нашимъ первенцомъ,
И спрятала на грудь мою,
Какъ вишня, покраснѣвшее,
Прелестное лицо?
Ему была-бы выгода —
Радёхонекъ помѣщичьи
Усадьбы изводить.
Деревней ѣхать — совѣстно:
Мужикъ сидитъ — не двинется;
Не гордость благородную —
Желчь чувствуешь въ груди.
Въ лѣсу не рогъ охотничій
Звучитъ — топоръ разбойничій:
Шалятъ! А что подѣлаешь?
Кѣмъ лѣсъ убережешь?
Поля — не доработаны,
Посѣвы — не досѣяны,
Порядку нѣтъ слѣда.
О, матушка! о, родина!
Не о себѣ печалимся:
Тебя, родная, жаль!
Ты, какъ вдова печальная,
Стоишь съ косой распущенной,
Съ неубраннымъ лицомъ.“

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВЪ.

Алексѣй Михайловичъ Жемчужниковъ, сынъ сенатора, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Михаила Николаевича Жемчужникова, родился въ 1822 году. Получивъ первоначальное воспитаніе въ домѣ отца, онъ былъ отданъ на двѣнадцатомъ году въ Училище Правовѣдѣнія, въ которомъ и окончилъ курсъ въ 1841 году, съ чиномъ девятаго класса. Затѣмъ служилъ довольно долго въ Сенатѣ, а послѣднее время занималъ мѣсто помощника статсъ-секретаря въ Государственномъ Совѣтѣ. Въ настоящее время — онъ въ отставкѣ и проживаетъ за границей.

Первымъ печатнымъ произведеніемъ Жемчужникова была — извѣстная въ своё время комедія „Странная Ночь“, появившаяся во 2-ой книжкѣ „Современника“ на 1850 годъ и обратившая на себя общее вниманіе, благодаря замысловатому сюжету изъ свѣтской жизни, прекрасно-ведённымъ разговорамъ дѣйствующихъ лицъ и звучному стиху, напоминающему Грибоѣдовскій. Успѣху этой пьесы въ публикѣ много способствовала ея хорошая постановка на сценѣ Александринскаго театра, въ бенефисъ Вѣры Васильевны Самойловой, при чёмъ главныя роли были исполнены самой бенефиціанткой, Максимовымъ и Сосницкимъ. Затѣмъ, въ 11-ой книжкѣ того-же „Современника“ на 1851 годъ, было напечатано одно изъ лучшихъ его стихотвореній: „Притча о сѣятелѣ и сѣменахъ“, которое читатель найдётъ въ предлагаемомъ изданіи, а въ 11-мъ нумерѣ 1852 года — „Сумасшедшіе“, его вторая комедія, встрѣченная, какъ и первая, общими похвалами.

Продолжая печатать свои стихотворенія въ „Современникѣ“, гдѣ, въ теченіе 1854 — 1857 годовъ, были помѣщены слѣдующія его пьесы: „Старая дорога“, „Прощаніе съ Патмосомъ“, „Съ вечера

ѣдетъ всё лѣсомъ дремучимъ...", „Septuor Бетховена", „Первый снѣгъ", „Мятель", „Вечеръ въ деревнѣ" и „Деревня въ ноябрѣ"; Жемчужниковъ помѣщалъ ихъ въ то-же время и въ другихъ журналахъ, въ томъ числѣ и въ „Отечественныхъ Запискахъ", начиная съ 4-ой книжки 1855 года, гдѣ, между прочимъ, были напечатаны нижеслѣдующія пьесы: „Примиреніе", „Недавно силою предубѣжденій свѣтскихъ...", „Въ степи", „Къ другу", „Я музыку страстно люблю, но порою...", „На кладбищѣ" и другія. Начиная съ 1858 года, стихотворенія Жемчужникова исчезли на цѣлыя десять лѣтъ со страницъ „Современника" и „Отечественныхъ Записокъ", да и въ другихъ журналахъ появлялись только изрѣдка; но, съ переходомъ „Отечественныхъ Записокъ" въ 1868 году подъ другую редакцію, они снова стали появляться въ первомъ изъ нихъ. Такъ, во 2-мъ нумерѣ этого года была помѣщена его поэма „Сны", въ 1-мъ и въ 8-мъ 1869—„Заколдованный мѣсяцъ" и „Современныя пѣсни", въ 8-мъ 1870—„Неосновательная прогулка", въ 9-мъ, 10-мъ и 11-мъ 1871—„Думы оптимиста", „Въ Европѣ" и „Журавли", въ 1872 году (2-ая и 5-ая книжки) — „Къ ***", „Въ чёмъ вся суть..." и въ 1877 году (5-ая книжка)—„За днями ненастными съ тёмными тучами...", „Чувствъ и думъ несмѣтный рой..." и „Привѣтъ веснѣ".

Кромѣ указанныхъ двухъ комедій, поэмы и ряда мелкихъ стихотвореній, подписанныхъ полнымъ именемъ и фамиліей автора, Жемчужниковъ, при содѣйствіи графа А. К. Толстаго, брата своего Владимира Михайловича и другихъ лицъ, написалъ множество шуточныхъ стихотвореній и сценъ въ прозѣ, прикрываясь псевдонимомъ „Кузьмы Пруткова". Первые опыты въ этомъ родѣ были напечатаны въ 1-мъ выпускѣ „Литературнаго Ералаша", вышедшемъ въ видѣ приложенія къ 1-ой книжкѣ „Современника" на 1854 годъ. Здѣсь, подъ общимъ заглавіемъ: „Досуги Кузьмы Пруткова", были напечатаны слѣдующія его пьесы: „Споръ греческихъ философовъ объ изящномъ", „Эпиграмма № 1-ый", „Поѣздка въ Кронштадтъ", „Честолюбіе", „Мысли и афоризмы", „Урокъ внучатамъ", „Эпиграмма № 2-ой", „Письмо изъ Коринеа", „Изъ Гейне", „Древней греческой старухѣ" и „Желаніе быть испанцемъ". Затѣмъ, во 2-мъ, 3-мъ, 4-мъ и 6-мъ выпускахъ того же „Литературнаго Ералаша", приложенныхъ къ 3, 4, 6 и 10 №№ „Современника", нашла мѣсто цѣлая группа произведеній Кузьмы Пруткова, а именно: „Къ толпѣ", „Подражаніе Гейне", „Возвращеніе изъ Кронштадта", „Безвыходное положеніе", „Эпиграмма № 3-ій", „Пятки не кстати", „Осада Памбры", „Въ альбомъ красивой чужестранкѣ", „Выдержки изъ записокъ моего дяди", „Историческіе матеріалы", „Баллада", „Пластическій грекъ", „Путникъ", „Въ альбомъ", „Изъ Гейне", „Новые афоризмы", „Блонды", „Къ друзьямъ послѣ женитьбы", „Моё вдохновеніе", „Аквилонъ", „Желаніе поэта" и „Мой сонъ". Наконецъ, въ 4-мъ, 5-мъ и 7-мъ выпускахъ „Свистка", замѣнившаго „Литературный Ералашъ", приложенныхъ къ 4-ой и 6-ой книжкамъ „Современника" на 1860 годъ и къ 1-му № того же журнала на 1861 годъ, были помѣщены ещё слѣдующія произведенія Кузьмы Пруткова: „Къ моему портрету", „Помѣщикъ и садовникъ", „Память прошлаго", „Помѣщикъ и трава", „Осень", „Разочарованіе", „Философъ въ банѣ", „Черепословъ, сирѣчь Френологъ, оперетта въ трёхъ картинахъ" и „Чиновникъ и курица".

Кромѣ того, во 2-мъ № „Искры" на 1859 годъ было напечатано одно шуточное его стихотвореніе „Разногласіе" да въ „Развлеченіи" на 1861 годъ: драма въ трёхъ дѣйствіяхъ „Любовь и Силинъ" и два юмористическихъ стихотворенія, подъ названіемъ: „Простуда" и „Сестру задѣвъ случайно шпорой..."

Всѣ исчисленныя нами здѣсь произведенія, принадлежащія, по увѣренію ихъ автора, перу геніальнаго, хотя и мало извѣстнаго писателя Кузьмы Пруткова, отличаются тѣмъ неподдѣльнымъ, чисто русскимъ юморомъ, которымъ такъ богата наша литература, имѣющая право гордиться цѣлымъ рядомъ такихъ сатириковъ, какъ Фонвизинъ, Нарѣжный, Грибоѣдовъ, Гоголь, Казакъ-Луганскій (Даль), Основьяненко (Квитка) и Щедринъ (Салтыковъ).

I.

ПРИТЧА О СѢЯТЕЛѢ И СѢМЕНАХЪ.

Шелъ сѣятель съ зёрнами въ полѣ и сѣялъ —
И вѣтеръ повсюду тѣ зёрна развѣялъ.
Одни при дорогѣ упали: порой
Ихъ топчетъ прохожій небрежной ногой,
И птицъ, изъ окрестныхъ степей пролетая,
На нихъ нападаетъ голодная стая.
Другія на камень безплодный легли,
И вскорѣ безъ влаги и корня взошли —
И въ пламенный полдень дневное свѣтило
Былинку палящимъ лучомъ изсушило.
Средь тернія пало иное зерно —
И въ терніи дикомъ заглохло оно.
Напрасно шелъ дождь, и съ прохладной зарёю

Поля освѣжались небесной росою:
Одинъ за другими проходятъ года —
Отъ зёренъ тѣхъ нѣтъ и не будетъ плода;
Но въ добрую землю упавшее сѣмя —
Какъ жатвы настанетъ урочное время —
Готовя сторицею умноженный плодъ,
Высоко и быстро, и сильно растётъ,
И блещетъ красою, и жизнею дышитъ!
Имѣющій уши, чтобъ слышать — да слышитъ!

II.

Мы долго лежали, повергнуты въ прахъ,
Не мысля, не видя, не слыша;
Казалось, мы заживо тлѣемъ въ гробахъ —
Забита тяжелая крыша.
Но вспыхнувшій свѣточъ вдругъ вышелъ изъ тьмы,
Какъ будто-бы рѣчь прозвучала —
И всѣ, встрепенувшись, воспрянули мы,
Почуявъ благое начало.
Въ насъ сердце забилось, духъ жизни воскресъ —
И гимномъ хвалы и привѣта
Мы встрѣтили даръ просіявшихъ небесъ
Въ рожденіи слова и свѣта.

III.

Восторгомъ святымъ пламенѣя,
На всё, чтó свершается въ мірѣ,
Порой я взираю яснѣе,
И мыслю свободнѣй и шире.

Я братъ на землѣ всѣмъ живущимъ
И въ жизнь отошедшимъ иную,
И, полонъ мгновеньемъ бѣгущимъ,
Присутствіе вѣчности чую.

И слышу я ангеловъ хоры,
И стону людскому я внемлю,
И къ небу возносятся взоры,
И падаютъ слёзы на землю.

IV.

За днями ненастными съ тёмными тучами
Земля дождалась красныхъ дней,
И знойное солнце лучами могучими
Любовно сверкаетъ на ней.

Вблизи-ли, вдали-ли, мнѣ видится, слышится,
Что міръ, наслаждаясь, живётъ,
Такъ радостно въ полѣ былинка колышется,
Такъ весело птичка поётъ!

И въ запахахъ, въ блескѣ, въ журчаніи, въ шелестѣ
Такъ явственъ восторгъ бытія,
Что, сердцемъ подвластенъ всей жизненной прелести,
Съ природою ожилъ и я.

О, сердце безумное, сердце живучее,
Открытое благамъ земли —
Ужель одиночества слёзы горючія
Насквозь твоихъ ранъ не прожгли?

Чего тебѣ ждать, когда нѣтъ уже болѣе
Любовнаго сердца съ тобой?
Плачь, плачь надъ былою счастливою долею
И вѣчную память ей пой!

А. В. ДРУЖИНИНЪ.

Александръ Васильевичъ Дружининъ, извѣстный русскій писатель и публицистъ, родился 8-го октября 1824 года въ Петербургѣ, въ которомъ и провёлъ всю свою послѣдующую жизнь, почти безвыѣздно. Воспитывался онъ сначала дома, потомъ въ частномъ пансіонѣ и, наконецъ, въ Пажескомъ корпусѣ, изъ котораго былъ выпущенъ 2-го августа 1843 года въ лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ прапорщикомъ, гдѣ уже служили два его старшихъ брата и гдѣ онъ сошелся съ Федотовымъ, прославившимся впослѣдствіи въ области русскаго жанра. Здѣсь, благодаря основательному знанію языковъ французскаго, англійскаго и италіанскаго, любви къ чтенію и расположенію всѣхъ его товарищей, онъ былъ вскорѣ избранъ единогласно обществомъ офицеровъ въ полковые библіотекари только-что начинавшейся тогда библіотеки. Эта должность пришлась какъ нельзя болѣе по вкусу молодому офицеру — и онъ оставался библіотекаремъ до самаго выхода изъ полка, послѣдовавшаго въ началѣ 1846 года. Затѣмъ Дружининъ поступилъ въ канцелярію военнаго министерства, гдѣ оставался до начала 1851 года, послѣ чего оставилъ службу навсегда, имѣя въ виду посвятить всѣ свои силы исключительно одной литературѣ. Впрочемъ, литературная извѣстность началась для него еще прежде, благодаря появленію въ декабрьской книжкѣ „Современника" на 1847 годъ „Полиньки Саксъ", лучшей изъ его повѣстей, заинтересовавшей публику, расхваленной крити-

кою и доставившей автору доступъ въ литературные кружки. Выйдя въ отставку, Дружининъ отдался весь литературѣ и уже не оставлялъ её до самой смерти, проживая большею частью въ Петербургѣ, а на лѣто уѣзжая или въ деревню, или заграницу

Ободрённый успѣхомъ первой своей повѣсти, Дружининъ написалъ цѣлый рядъ повѣстей, разсказовъ и одинъ романъ въ двухъ частяхъ, подъ заглавіемъ „Жюли"; но всѣ они, за исключеніемъ прекраснаго „Разсказа Алексѣя Дмитріевича", напечатаннаго во 2-ой книжкѣ „Современника" на 1848 годъ, оказались ниже первой его повѣсти, и потому не имѣли успѣха. Тогда Дружининъ обратился къ критикѣ и началъ её блистательно „Письмами иногороднаго подписчика", появлявшимися въ „Современникѣ" въ теченіе цѣлыхъ восьми лѣтъ, начиная съ первой книжки 1849 года, сначала ежемѣсячно, а потомъ всё рѣже и рѣже и, наконецъ, совершенно прекратившимися въ 1856 году. Не довольствуясь успѣхомъ своихъ весёлыхъ фельетоновъ, онъ напечаталъ въ „Современникѣ" на 1850 годъ цѣлый рядъ статей, подъ общимъ названіемъ „Галлереи замѣчательныхъ романовъ старыхъ и новыхъ времёнъ", съ біографическими свѣдѣніями объ авторахъ, при чёмъ имѣлъ въ виду ознакомить русскую публику съ исторіею романа отъ времёнъ рыцарства до полнаго развитія плаксиваго тона эпохи 17-го и 18-го столѣтій, что и выполнилъ блистательно въ пяти статьяхъ, озаглавленныхъ „Кларисса Гарловъ", „Векфильдскій священникъ", „Исторія маленькаго Жака Сентре и дамы его сердца", „Лѣсъ или Сенъ-клерское Аббатство" и „Одинъ изъ тринадцати", въ которыхъ разобралъ и изложилъ содержаніе этихъ пяти романовъ, подписанныхъ именами: Ричардсона, Гольдсмита, Графа де-Трессона, госпожи Радклифъ и Бальзака. Затѣмъ, всё болѣе и болѣе увлекаемый своими давними симпатіями къ англійской литературѣ, онъ напечаталъ въ „Современникѣ" на 1854 годъ „Жизнь и драматическія произведенія Ричарда Шеридана", „Лекціи Текерея объ англійскихъ юмористахъ" и „Георгъ Краббъ и его произведенія", въ „Библіотекѣ для Чтенія" на 1851 и 1852 года—„Джонсонъ и Босвель" и въ „Отечественныхъ Запискахъ" на 1854 годъ — „Вальтеръ-Скоттъ и его современники".

Огромный успѣхъ исчисленныхъ нами выше этюдовъ изъ англійской литературы, побудилъ Дружинина попробовать свои силы надъ переводомъ нѣкоторыхъ пьесъ Шекспира, что̀ онъ и выполнилъ съ большимъ успѣхомъ, благодаря прекрасному стиху и тщательному изученію подлинника. Тѣмъ не менѣе, нельзя не замѣтить, что переводчикъ въ видахъ, не всѣми раздѣляемыхъ безусловно, перевёлъ первую изъ четырёхъ трагедій Шекспира, переложенныхъ имъ на русскій языкъ, именно—„Короля Лира", не въ томъ видѣ, какъ она извѣстна намъ въ подлинникѣ, но выбрасывая всё, что̀, по его мнѣнію, „составляло признакъ случайный и временный, гдѣ Шекспиръ долженъ былъ жертвовать опрятностью отдѣлки довольно невзыскательному вкусу современниковъ". Къ счастью, справедливыя замѣчанія критики по поводу этихъ передѣлокъ заставили переводчика тотчасъ отказаться отъ своего ошибочнаго взгляда, вслѣдствіе чего остальные три перевода, сдѣланные имъ въ сравнительно короткое время и—главное—весьма близко къ подлиннику, трагедій: „Коріоланъ", „Ричардъ Третій" и „Король Джонъ", могутъ быть смѣло названы образцовыми. Независимо отъ всѣхъ этихъ почтенныхъ трудовъ, Дружининъ неустанно редактировалъ до самаго 1861 года „Библіотеку для Чтенія", перешедшую къ нему въ 1855 году, въ которой, вмѣстѣ съ „Письмами иногороднаго подписчика" и своими шуточными фельетонами, за подписью Ивана Чернокнижникова, написалъ цѣлый рядъ весьма дѣльныхъ критическихъ разборовъ, по поводу произведеній Бѣлинскаго, Гончарова, Островскаго, Писемскаго, графа Толстого, Майкова, Полонскаго, „Шиллера въ переводахъ русскихъ поэтовъ" и многихъ другихъ.

Но, несмотря на свои усиленныя занятія по редактированію „Библіотеки для Чтенія" и сочиненію множества статей самаго разнообразнаго содержанія, его не оставляла ни на минуту давно-лелѣянная имъ мысль объ учрежденіи Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, которая была, наконецъ, заявлена печатно въ 1859 году, а два года спустя осуществлена, одновременно съ прекращеніемъ газеты „Вѣкъ", въ изданіи которой Дружининъ также принималъ довольно дѣятельное участіе, хотя редакторомъ и считалось другое лицо. Сдѣлавшись сначала однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ новаго общества, а потомъ и распорядителемъ его, Дружининъ тотчасъ-же отказался отъ редакторства „Библіотеки для Чтенія", что̀, впрочемъ, не помѣшало ни на волосъ его честному продолженію служенія страстно любимой

имъ литературѣ. Напротивъ, дѣятельность его стала ещё болѣе усиленной и разнообразной, при чёмъ статьи его появились не только во всѣхъ почти петербургскихъ, но и въ нѣкоторыхъ московскихъ журналахъ, а также и въ разныхъ газетахъ, не исключая и „Сѣверной Пчелы". Чуждый всѣхъ литературныхъ дрязгъ и преданный исключительно изученію своего любимаго предмета — исторіи англійской литературы, онъ одновременно печаталъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" и „Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ" критическіе разборы замѣчательнѣйшихъ англійскихъ романовъ.

Послѣднія статьи, написанныя Дружининымъ, были: „Англійскій наблюдатель въ Сѣверной Америкѣ" и „Первые годы царствованія Фридриха Великаго", напечатанныя въ „Русскомъ Вѣстникѣ" на 1863 годъ и „Англійскіе романы послѣдняго сезона", „Томасъ Гудъ" и шесть статей подъ заглавіемъ „Новости англійской литературы", появившіяся въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" того же года.

Страдая около двухъ лѣтъ разстройствомъ легкихъ, онъ, въ исходѣ 1863 года, слёгъ окончательно въ постель, и умеръ 19-го января 1864 года въ Петербургѣ, на 39-мъ году жизни. Онъ похороненъ на Смоленскомъ кладбищѣ. На выносъ тѣла его собрались многіе изъ друзей покойнаго, между прочими: Тургеневъ, Некрасовъ, Фетъ, Боткинъ, Анненковъ, Гаевскій, Гербель и другіе, при чёмъ, по возвращеніи съ похоронъ въ бывшую квартиру покойнаго, на завтракъ, А. А. Фетъ почтилъ память покойнаго слѣдующимъ задушевнымъ стихотвореніемъ:

Умолкъ твой голосъ навсегда,
И сердце жаркое остыло:
Лампаду честнаго труда
Дыханье смерти погасило.
На миръ усопшаго лица
Кладу послѣднее лобзанье!
Не измѣнили до конца
Тебѣ ни дружба, ни призванье!
Изнемогающій, больной,
Души ты не утратилъ силу
И жизни мутною волной
Ты чистымъ донесенъ въ могилу.
Спи! Вѣчность правды настаетъ,
Вокругъ стихаетъ гулъ суровый—
И муза строгая кладётъ
Тебѣ на гробъ вѣнецъ лавровый.

I.

ДАНТЪ ВЪ ВЕНЕЦІИ.

Съ змѣёй въ груди, унылый и суровый,
Я шелъ одинъ по площади торговой;
Былъ душенъ день, и зной меня палилъ.
Съ усиліемъ и медленно ступая,
Я кончилъ путь; но видъ чужого края
Изгнаннику былъ тягостенъ, не милъ.

Казалась мнѣ мрачна морей столица:
Ряды дворцовъ глядѣли, какъ гробница;
Безсмысленно бродилъ народъ пустой.
Я изнемогъ—и дрогнули колѣни,
И я присѣлъ у храма на ступени,
Склонясь на мраморъ скорбной головой.

Вблизи меня двѣ женщины сидѣли:
Одна была стара — едва глядѣли
Ея глаза изъ-подъ сѣдыхъ бровей;
У той же — юной и пышноволосой —
Какъ змѣй семья, къ ногамъ сбѣгали косы,
И слышенъ былъ мнѣ шопотъ ихъ рѣчей.

„Взгляни, дитя: вонъ тотъ изгнанникъ смѣлый!
Не ужился въ Италіи онъ цѣлой.
Желѣзный духъ судьбой въ него вложёнъ;
Онъ въ рубищѣ глядитъ, какъ царь плѣненный;
Онъ предался наукѣ потаённой;
Въ сердцахъ людей всѣ тайны видитъ онъ.

„Онъ мстилъ за зло, и самъ не зналъ пощады;
Чтобъ отомстить, онъ самъ въ обитель ада
Съ вампиромъ блѣднымъ объ-руку входилъ
И видѣлъ тамъ враговъ своихъ мученья,
Но не скорбѣлъ, а, полный духомъ мщенья,
Проклятьемъ тѣхъ несчастныхъ заклеймилъ".

И, крестъ творя, умолкнула старуха;
Но въ тотъ же мигъ опять коснулся слуха
Дѣвичій говоръ, будто лепетъ водъ:
„Въ его глазахъ не видно злого блеску!
Скажи мнѣ, мать, не онъ-ли про Франческу
Сложилъ ту пѣснь, что знаетъ весь народъ?

„Какъ страшенъ этотъ путникъ величавый!
Какъ грозенъ видъ главы его курчавой!
Небесный огнь её какъ бы спалилъ.
Такъ вотъ онъ, Дантъ, неукротимый мститель!
Онъ былъ въ аду: нещадный зла гонитель,
Онъ всюду зло проклятіемъ клеймилъ!"

И смолкла рѣчь, и сердцу сладко стало —
И съ торжествомъ воспрянулъ духъ усталый,
Почуявши привѣтъ простыхъ сердецъ.
Въ простыхъ рѣчахъ и въ сказкѣ суевѣрной
Я, дань принявъ любви нелицемѣрной,
Благословилъ тяжелый свой вѣнецъ.

И я созналъ, что за моё изгнанье,
За тяжкій трудъ и тяжкое мечтанье
Моя мечта къ народу перейдётъ.
И вспять пошелъ я твёрдою стопою —
И, тихо всколыхнувшись предо мною,
Почтительно раздвинулся народъ.

II.

ОТРЫВОКЪ.

Тому давно, лѣтъ двадцать-пять назадъ,
Межъ Нарвской и Московскою заставой,
Гдѣ высится садовъ дремучій рядъ
Аллеею прямой и величавой,
Раскинутъ былъ въ старинномъ вкусѣ садъ,
Съ прудами и широкою канавой —
И сквозь тотъ садъ, съ таинственностью важной,
Глядѣлъ на городъ домъ многоэтажный.

И чуденъ былъ тотъ барскій, старый домъ!
Такъ только дѣды строиться умѣли!
Подъ княжескимъ владѣтелей гербомъ
Былъ виденъ гербъ художника Растрели —
И виллы полубарскія кругомъ,
Казалося, отъ зависти блѣднѣли,
Иль съ робостью на домъ глядѣли гордый,
Какъ русскій фатъ на англійскаго лорда.

И зодчаго любимый идеалъ
Являлся въ сгруппированныхъ колоннахъ, —
И въ высотѣ глубокихъ, звонкихъ залъ,
И въ статуяхъ, и въ выступныхъ балконахъ.
И весь Олимпъ собраніе держалъ
На мастерски расписанныхъ плафонахъ,
А садъ Ленотра шелъ къ дворцу сѣдому,
Какъ пудра шла къ старинному бель-ому.

Ужъ десять лѣтъ, какъ домъ пустымъ стоялъ,
Глядясь угрюмо въ сумрачныя воды.
Не разъ ужъ онъ владѣтелей мѣнялъ;
Не было счастья княжескому роду:
За княземъ князь несчастно жизнь кончалъ,
Въ своёмъ дворцѣ не выживши и году.
Единственный наслѣдникъ оставался —
И тотъ всю жизнь, Богъ знаетъ гдѣ, скитался.

И слухи про наслѣдника того
Престранные ходили по столицѣ:
Изъ нашихъ баръ не зналъ онъ никого,
Женился на плясуньѣ иль пѣвицѣ,
И чуть родня возстала на него,
Онъ бросилъ всё — уѣхалъ за границу.
Довольно здѣсь поиспытавши горя —
И былъ отъ всѣхъ обруганъ con amore.

П. М. КОВАЛЕВСКІЙ.

Павелъ Михайловичъ Ковалевскій, потомокъ старинного малороссійскаго дворянскаго рода, родился 5-го декабря 1823 года въ деревнѣ отца своего Вертѣевкѣ, Харьковской губерніи и уѣзда. Воспитывался онъ до тринадцати лѣтъ дома, послѣ чего былъ отвезёнъ въ Петербургъ и помѣщёнъ въ Горный институтъ, гдѣ пробылъ до 1845 года. Выпущенный изъ института съ чиномъ поручика, Ковалевскій былъ отправленъ на службу въ Луганскій литейный заводъ, нынѣ уѣздный городъ Екатеринославской губерніи. Пробывъ здѣсь годъ, онъ былъ командированъ за границу—въ Англію, Францію и Бельгію для усовершенствованія въ каменноугольномъ дѣлѣ. По возвращеніи изъ заграничной поѣздки, гдѣ пробылъ слишкомъ два года, Ковалевскій женился на дѣвицѣ Аннѣ Өёдоровнѣ Кожевниковой, харьковской уроженкѣ, а въ 1850 году вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ; но въ концѣ 1853 года разстроенное здоровье заставило его снова отправиться за границу, гдѣ онъ и провёлъ, вмѣстѣ съ женою, около пяти лѣтъ, проживая пó-долгу въ разныхъ городахъ Швейцаріи и Италіи, преимущественно въ Римѣ. Отсюда-то сталъ Ковалевскій посылать свои статьи въ „Отечественныя Записки“ Краевскаго, въ которыхъ они и были помѣщаемы въ теченіе 1857 и 1858 годовъ, подъ общимъ названіемъ: „Картины Италіи и Швейцаріи“, а съ половины 1859 года—въ „Современникѣ“ Панаева и Некрасова, гдѣ они были напечатаны, подъ общимъ заглавіемъ: „Путевыя впечатлѣнія ипохондрика“, въ 10-ой и 11-ой книжкахъ на 1859 годъ. Въ 1864 году всѣ эти статьи были собраны авторомъ въ одну книгу и изданы имъ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Этюды Путешественника. Италія. Швейцарія. Путешественники и путешествіе. Сочиненіе П. Ковалев-

скаго. Спб. 1864". Книга была встрѣчена весьма сочувственно, какъ публикой, такъ и критикой при чёмъ она была весьма тщательно разобрана въ „Современникѣ" (1864, № 10), „Голосѣ" (1864, № 322), „Отечественныхъ Запискахъ" (1865, № 2) и „Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ" (1865, № 62). Вотъ, напримѣръ, что было сказано въ „Современникѣ": „Этюды Путешественника" имѣютъ то большое достоинство, что свѣдѣнія, сообщаемыя ими объ Италіи, являются не въ отрывочныхъ указаніяхъ, а въ широкой и привлекательной картинѣ, передающей живо общій характеръ страны, жизни, нравовъ и обычаевъ народонаселенія, въ картинѣ, обличающей художника, не только умѣющаго ощущать, но умѣющаго также отдавать отчётъ въ своихъ ощущеніяхъ".

По возвращеніи своемъ въ 1859 году въ Петербургъ, Ковалевскій сталъ помѣщать свои стихотворенія сначала въ „Современникѣ", а по запрещеніи этого журнала, въ „Отечественныхъ Запискахъ", перешедшихъ съ января 1868 года подъ новую редакцію, а потомъ, начиная съ 5-ой книжки 1870 года — и въ „Вѣстникѣ Европы". Первымъ стихотвореніемъ Павла Михайловича былъ переводъ изъ Барбье, подъ заглавіемъ „Прогрессъ", помѣщённый въ 9-ой книжкѣ „Современника" на 1859 годъ. За нимъ послѣдовали: „Жена австрійца" изъ Берше (1859, № 10), „Побѣдитель" изъ Барбье 1860, № 3), „Нагнись, нагнись живѣе..." изъ Барбье, „Послѣдняя пѣсня Шенье" (1862, № 4), „Нашимъ сверстникамъ", „Ненастье", „Блаженни милостивіи", „Въ деревнѣ", „Осенніе голоса", „Опоздалые" (1863, №№ 1, 4, 10 и 11), „Сапогъ" — изъ Джусти, „Пожатая нива", „Какъ подъ убранною нивой", „Италія" изъ Барбье (1864, №№ 3, 6 и 7), „Одному изъ многихъ", „Сорокъ лѣтъ", „На Сѣверѣ", „Лѣто" и „Возвратъ тепла" (1866, № 2). Кромѣ того, во 2-мъ нумерѣ „Современника" на 1861 годъ былъ помѣщёнъ разсказъ Ковалевскаго „Уголокъ Италіи", а въ 11-ой книжкѣ того же журнала на 1864 годъ — повѣсть въ двухъ частяхъ: „Непрактическіе люди". Затѣмъ, въ „Отечественныхъ Запискахъ" были напечатаны слѣдующія его произведенія: „Русскому дитяти" (1868, № 3), „Непогодь", „По блѣдной осенней лазури..." „Пустой садъ", „Весна", „Я посѣтилъ унылое жилище", „Война", „Осень", „Не о томъ мнѣ поётъ соловей", „Она оживаетъ отъ ласокъ весны", „Вопль матери", „О, не зови воспоминаній...", „Родное", „Могила" (1869, №№ 3 и 7), „Современные куплеты", „Блаженни миротворцы", „Пѣсенка", „Не говори ты мнѣ про звуки", „Покойникъ", „Ш—ѣ", „Какъ долго билась и стонала", „Мать", „Желтый листъ", „Съ новымъ годомъ" (1870, № 12), „Осень", „Весною", „Послѣ грозы", „Осенніе листы" и „Дары жизни" (1872, № 11). Кромѣ названныхъ стихотвореній, здѣсь были напечатаны двѣ „Замѣтки" о выставкахъ въ Академіи Художествъ 1868 и 1872 годовъ (1868, № 11, и 1872, № 4) и очеркъ „Лѣто въ Путбусѣ". Наконецъ, въ „Вѣстникѣ Европы" появились слѣдующія его пьесы: „Наши шмели", „Скромныя ожиданія", „Осенній цвѣтъ", „Встрѣча осени", „Смерть", „Не требую готовыхъ приговоровъ", „Есть дни, когда душа безъ мѣры проситъ счастья..." (1870, №№ 3 и 5), „Забвеніе", „Затишье", „Осенній полдень" (1871, № 4), „Гроза", „А—ѣ", „Сирени", „Что-то ждётъ", „Обновленіе", „Ш—ѣ", „Предчувствіе смерти" и „Послѣдній лучъ" (1872, №№ 2 и 12), „Поздніе розы", „На югъ" (1873, № 12), „Покинутыя мѣста", „Изъ-за дали и разлуки..." „Весна", „Буря", „Отрадный слухъ" и „Багровые листья" (1876, №№ 5 и 11). Кромѣ того, здѣсь были помѣщены четыре его обзора по части художествъ: „Первые и послѣдніе шаги", „Художественныя выставки Петербурга", „Годичная выставка въ Академіи Художествъ" и „Картина г-на Якоби" (1870, №№ 3, 4, 11 и 12).

I.

СМЕРТЬ.

Всё въ жизни невѣрно, и смерть лишь одна
Вѣрна — неизмѣнно вѣрна!
Всё канетъ, минуетъ, забудетъ, пройдётъ—
Она не минуетъ, найдётъ
Покинутыхъ, скорбныхъ, послѣднихъ изъ насъ,
До мошки, незримой для глазъ.
Она не забудетъ, придётъ, приголубитъ,
Обниметъ, навѣки полюбитъ,
И брачный свой тяжкій надѣнетъ вѣнецъ,
И жизненной сказкѣ — конецъ.

II.

Есть дни, когда душа безъ мѣры проситъ счастья;
Когда она полна прощенья и участья —
И вѣетъ тихій миръ забвеніемъ святымъ
На язвы старыхъ битвъ съ недобрымъ прожитымъ;
Когда готовъ врага привѣтствовать, какъ брата;
Когда любовью грудь и нѣжностью объята.

Въ тѣ дни зовёшь и ждёшь — и, кажется, вотъ-вотъ,
Отцвѣтшая, но вновь желанная, придётъ
Она, мечта весны — и трепетъ ожиданья
Захватываетъ духъ, какъ прежде въ мигъ свиданья.
Но меркнетъ день, и съ нимъ твой свѣтлый идеалъ —
И видишь ты, увы! что къ призраку взывалъ;
Что такъ же, какъ вчера, дѣйствительность сухая
Бредётъ, костлявыми ногами ковыляя;
Что тотъ, кого просилъ, къ тебѣ пылаетъ зломъ;
Что исцѣленья нѣтъ, что только боль во всёмъ —
И другъ, который звалъ такъ страстно и такъ нѣжно,
Привѣтствуетъ тебя такъ холодно-небрежно.

III.

За что вашъ гнѣвъ на племя молодое?
За что такой неумолимый судъ?
Иль васъ гнѣвитъ безслѣдно-прожитое
И то, что слѣдъ другіе ужъ кладутъ?

Пускай, увы! загубленные годы
Лежатъ горой, какъ желтые листы,
Оббитые рукою непогоды:
Благословимъ весенніе цвѣты!

Незрѣлыхъ дѣлъ не оскорбимъ улыбкой!
Зачѣмъ, забывъ своихъ ошибокъ рядъ,
Кичиться намъ ихъ каждою ошибкой
И съ гордостью показывать назадъ?

Назадъ! Ихъ путь иной отъ колыбели.
Иныхъ заботъ зналъ бремя юный умъ,
Тогда-какъ мы пустыя пѣсни пѣли
И громкихъ словъ любили праздный шумъ.

И вы на насъ воздвигнули гоненья
За то, что мы, подъ снѣгомъ сѣдины,
Вълюбили жизнь иного поколѣнья,
Весну другой, намъ неданной, весны;

За то, что мы сознали немощь нашу
И, жизни ядъ испивъ весь до-чиста,
Любуемся, какъ юныя уста
Пьютъ новыхъ силъ непочатую чашу.

IV.

ПОСЛѢДНІЙ ЛУЧЪ.

Душа моя нѣжна. Возлюбленная, гдѣ ты?
Румянымъ золотомъ края небесъ одѣты —
Послѣдней роскошью плѣнительнаго дня.
Спѣши, далёкая, покуда грудь моя
Полна тоской любви, такъ сладостно томящей;
Пока ещё дрожитъ тотъ лучъ, едва сквозящій —
Тотъ въ небѣ и въ душѣ послѣдній свѣта лучъ,
Готовый утонуть въ безбрежномъ морѣ тучъ.

V.

Онъ оживаетъ отъ ласокъ весны:
Лазурное небо глядитъ съ вышины;
Лиловыя вѣтви цвѣтущей сирени
Простёрли надъ нею пахучія тѣни,
И блѣдной берёзы, блестящъ и душистъ,
На солнцѣ играетъ лепечущій листъ...

VI.

О, не зови воспоминаній!
Былыхъ надеждъ, былыхъ страданій,
Былого праздника любви
Изъ ихъ забвенья не зови!
Но жизни съ вѣчными дарами,
Съ надеждой новой и мечтами,
Къ бѣдѣ грозящей впереди
Стопою твёрдою иди!
У пня разбитаго грозою,
Смотри, какъ свѣжею лозою,
На встрѣчу вѣтра и дождей,
Идётъ семья живыхъ вѣтвей!

А. Н. ПЛЕЩЕЕВЪ.

Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ, современный поэтъ и потомокъ стариннаго русскаго дворянскаго рода, родился 22-го ноября 1825 года въ Костромѣ. Дѣтство своё провёлъ онъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, куда переѣхалъ двухлѣтнимъ ребёнкомъ, вмѣстѣ съ отцомъ, перешедшимъ туда на службу. Въ 1838 году молодой Плещеевъ былъ отправленъ въ Петербургъ и, спустя два года, опредѣлёнъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, откуда однако же вскорѣ вышелъ и, спустя три года, вступилъ въ Санктпетербургскій университетъ, но и здѣсь курса не окончилъ. Оставивъ университетъ, Плещеевъ отдался весь литературѣ, наклонность къ которой проявилась въ нёмъ очень рано. Первымъ произведеніемъ Плещеева, появившимся въ печати, былъ переводъ стихотворенія Рюккерта „Пѣсня странника“, напечатанный въ XXXI томѣ „Современника“

Плетнёва на 1843 годъ, то-есть, когда переводчику ещё не исполнилось восемнадцати лѣтъ. Печатанье своихъ стихотвореній въ этомъ журналѣ Плещеевъ продолжалъ до половины 1845 года. Затѣмъ, стихотворенія его стали появляться на страницахъ „Иллюстраціи" Кукольника; но и здѣсь сотрудничество Плещеева ограничилось помѣщеніемъ всего четырёхъ стихотвореній („Странникъ", „Её мнѣ жаль" и „Двѣ пѣсни"), напечатанныхъ въ 20, 24 и 30 нумерахъ на 1845 годъ. Наконецъ, въ „Репертуарѣ и Пантеонѣ" Межевича, въ теченіе 1845 и 1846 годовъ, было напечатано нѣсколько мелкихъ его стихотвореній, изъ которыхъ многія вошли во всѣ собранія его стихотвореній. Въ 1846 году стихотворенія Плещеева, какъ напечатанныя въ журналахъ, такъ и новыя, не нашедшія въ нихъ мѣста, были собраны въ одну небольшую книжку и изданы подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Стихотворенія А. Плещеева. Спб. 1846". Книжка была встрѣчена благосклонно почти всѣми тогдашними журналами и газетами. Всѣхъ радушнѣе встрѣтили появленіе книжки „Отечественныя Записки" (1846, № 10), въ которыхъ между прочимъ было сказано, что „въ томъ жалкомъ положеніи, въ которомъ находится наша поэзія со смерти Лермонтова, г. Плещеевъ безспорно первый нашъ поэтъ въ настоящее время". Первый періодъ своей литературной дѣятельности (1843 — 1849) Алексѣй Николаевичъ заключилъ слѣдующими повѣстями и разсказами: „Енотовая шуба", „Шалость", „Дружескіе совѣты" и „Папироска", изъ которыхъ первые три были напечатаны въ „Отечественныхъ Запискахъ" (1847, № 10, 1841, № 11 и 1849, № 9), а четвертая въ „Современникѣ" (1848, № 1).

Въ началѣ 1849 года Плещеевъ, въ бытность свою въ Москвѣ, куда онъ ѣздилъ по домашнимъ дѣламъ, былъ арестованъ, по прикосновенности къ политическому дѣлу Петрашевскаго, и, по Высочайшей конфирмаціи, назначенъ рядовымъ въ оренбургскіе линейные баталіоны, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія. 24-го декабря 1849 года Плещеевъ былъ отправленъ въ Оренбургскій край, гдѣ и оставался до 1858 года. Первое время Алексѣй Николаевичъ служилъ въ Уральскѣ, потомъ принималъ участіе въ экспедиціи, предпринятой генералъ-адъютантомъ Перовскимъ для взятія коканской крѣпости Акмечеть (нынѣ Перовскъ), и принималъ участіе въ штурмѣ этой крѣпости, за что произведёнъ былъ въ унтеръ-офицеры, а въ 1856 году — въ прапорщики. Затѣмъ, прослуживъ ещё годъ во фронтѣ, Плещеевъ перешелъ въ гражданскую службу, въ оренбургскую пограничную коммиссію, въ которой прослужилъ до выхода въ отставку въ 1858 году. 17-го апрѣля 1857 года ему возвращены были права потомственнаго дворянства, а годъ спустя, онъ получилъ разрѣшеніе жить въ столицѣ. Это послѣднее обстоятельство позволило Плещееву исполнить давнишнее его желаніе—поселиться въ Москвѣ, чтó ему и удалось осуществить въ половинѣ 1859 года. Проживъ здѣсь слишкомъ одиннадцать лѣтъ, Плещеевъ въ январѣ 1872 года переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и проживаетъ по настоящее время, находясь на службѣ въ Государственномъ Контролѣ.

Замолкнувъ въ началѣ 1849 года, Плещеевъ въ теченіе цѣлыхъ семи лѣтъ ни одной строкой, ни однимъ стихомъ не напомнилъ о себѣ русской публикѣ — и только въ 1856 году снова появился въ „Русскомъ Вѣстникѣ", съ робостью новичка печатая свои стихотворенія подъ неполной фамиліей А. П—ва. Но многіе изъ прежнихъ почитателей его таланта узнали знакомый голосъ и радушно приняли „старыя пѣсни на новый ладъ", какъ называлъ Алексѣй Николаевичъ свои стихи, печатая ихъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ". Кромѣ цѣлаго ряда переводныхъ и оригинальныхъ стихотвореній, Плещеевъ напечаталъ въ названномъ журналѣ, въ продолженіе 1856—1859 годовъ, четыре большихъ повѣсти: „Наслѣдство", „Будневъ", „Отецъ и дочь" и „Пашинцевъ", изъ которыхъ вторую въ двухъ, а четвёртую въ трёхъ частяхъ. Начиная съ 9-ой книжки „Современника" на 1858 годъ, стихотворенія Плещеева стали появляться въ этомъ журналѣ, при чёмъ первыми пьесами, здѣсь напечатанными въ этомъ году, были слѣдующія три стихотворенія: „Мой знакомый", „Изъ Шевченки" и „На улицѣ" (№№ 9 и 11). Затѣмъ, въ 1859 году здѣсь были напечатаны, кромѣ пяти мелкихъ стихотвореній, его переводъ драматической баллады Гейне „Вильямъ Радклифъ", послужившій сюжетомъ для оперы г. Кюи того же имени, и повѣсть „Карьера" (№№ 11 и 12); въ 1860 году—между прочимъ—переводъ поэмы Шевченки „Работницы" (№ 4) и статья „Поль-Луи Курье, его жизнь и сочиненія" (№ 11); въ 1861 и 1862—рядъ мелкихъ стихотвореній; въ 1862—драматическая сцена „Счастливая чета" (№ 4), а въ 1863 и 1864 — рядъ переводовъ изъ англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ поэтовъ, нѣсколько оригинальныхъ стихотвореній и разсказъ „Лотерея" (№ 5). Въ то же время, въ „Библіотекѣ для

Чтенія" Дружинина на 1858 годъ были напечатаны два разсказа Плещеева: „Ломбардный билетъ" и „Неудавшаяся афера", въ журналѣ „Свѣточъ" - повѣсть „Призваніе", въ „Вѣкѣ" 1861 года — рядъ переводовъ изъ Ленау, Гервега, Роберта Прутца и другихъ нѣмецкихъ поэтовъ, а во „Времени" покойнаго Достоевскаго — на 1861 и 1862 года — цѣлый рядъ мелкихъ стихотвореній, какъ переводныхъ, такъ и оригинальныхъ, переводъ четырёхактной драмы Геббеля „Магдалина" (1861, № 2) и четыре драматическихъ пьесы: „Ловкая барыня", „Крестница", „Свиданіе" (1861, №№ 5 и 11) и „Командирша" (1862, № 10). Что же касается „Эпохи", то изъ сочиненій Плещеева нашла здѣсь мѣсто лишь одна изъ его драматическихъ сценъ, подъ названіемъ „Попутчики", помѣщённая въ 9-мъ нумерѣ этого журнала на 1864 годъ. Съ прекращеніемъ „Современника" въ 1866 году и переходомъ „Отечественныхъ Записокъ" подъ другую редакцію, Плещеевъ перенёсъ свою дѣятельность въ этотъ послѣдній журналъ, и, начиная съ 9-ой книжки 1868 года, напечаталъ въ нёмъ, въ теченіе пяти лѣтъ, цѣлый рядъ своихъ переводовъ изъ Байрона, Теннисона, Фелиціи Гименсъ, Альфіери, Гейне, Прутца, Гаммерлинга и другихъ, и нѣсколько оригинальныхъ стихотвореній (1868, №№ 9 и 10, 1869, №№ 2 и 3, 1870, № 7, 1871, №№ 2 и 11, 1872, №№ 3, 4, 8, 10, 11 и 12). Наконецъ, въ 5, 6 и 7 книжкахъ „Вѣстника Европы" на 1870 годъ былъ напечатанъ его переводъ пяти-актной трагедіи Михаила Бэра „Струензе". Въ томъ же журналѣ печатались неоднократно и лирическія стихотворенія его, бо̀льшею частью переводныя — изъ Байрона и нѣмецкихъ поэтовъ.

Всё, написанное Плещеевымъ въ теченіе всей его литературной дѣятельности, начиная съ 1843 года, запечатлѣно глубокою задушевностью, вслѣдствіе чего появленіе на страницахъ петербургскихъ журналовъ 1843—1848 годовъ первыхъ его стихотвореній было тотчасъ же замѣчено многими, такъ какъ, несмотря на всю слабость нѣкоторыхъ изъ нихъ, они почти всѣ безъ исключенія отличались тѣмъ благородствомъ чувствъ и мыслей, которыя располагаютъ каждаго въ пользу автора. Заключивъ первый періодъ своей литературной дѣятельности первымъ изданіемъ своихъ стихотвореній въ 1846 году, Плещеевъ открылъ второй ея періодъ напечатаніемъ въ 1858 году сорока̀ новыхъ своихъ стихотвореній, выпущенныхъ имъ въ свѣтъ отдѣльной книжкой въ Петербургѣ. Всё, написанное Александромъ Николаевичемъ послѣ и собранное въ двухъ послѣдующихъ изданіяхъ его стихотвореній, отличается тѣми же достоинствами, которыя сдѣлали его имя извѣстнымъ и любимымъ въ Россіи, что выпадаетъ на долю далеко не всѣмъ поэтамъ. Поэты, съ такимъ благороднымъ и чистымъ направленіемъ, какъ направленіе Плещеева, всегда будутъ дороги для всѣхъ и полезны для юношества.

Независимо отъ исчисленныхъ нами сочиненій и переводовъ Алексѣя Николаевича, онъ издавалъ въ Москвѣ, въ теченіе 1859—1860 годовъ, политико-литературную газету „Московскій Вѣстникъ", выпустилъ въ свѣтъ, въ 1861—1866 годахъ, семь выпусковъ „Географическихъ Очерковъ и Картинъ", составленныхъ по Грубе и другимъ источникамъ, и напечаталъ въ 11-ой книжкѣ „Современника" на 1860 годъ статью „Поль-Люи Курье, его жизнь и сочиненіе", а въ 194 нумерѣ „Московскихъ Вѣдомостей" на 1867 годъ: „Некрологъ одного молодаго ученаго", то-есть — Д. И. Соколова.

Изъ сочиненій А. Н. Плещеева отдѣльно напечатаны были: 1) Стихотворенія А. Плещеева. 1845—1846. Спб. 1846. 2) Стихотворенія А. Н. Плещеева. Спб. 1858. 3) Повѣсти и разсказы А. Н. Плещеева. М. 1860. 4) Стихотворенія А. Н. Плещеева. Новое изданіе, значительно дополненное. Спб. 1861. 5) Новыя стихотворенія А. Плещеева. М. 1863. 6) „Ожиданія", стихотворенія А. Плещеева. Спб. 1876 г.

Въ послѣдній годъ своего пребыванія въ Оренбургскомъ краѣ, вскорѣ по произвоствѣ въ офицеры, Плещеевъ женился на тамошней уроженкѣ; но черезъ семь лѣтъ имѣлъ несчастіе её потерять, оставшись вдовцомъ съ тремя малолѣтними дѣтьми.

I.

ВПЕРЁДЪ.

Вперёдъ, безъ страха и сомнѣнья,
На подвигъ доблестный, друзья!
Зарю святого искупленья
Ужъ въ небесахъ завидѣлъ я!

Смѣлѣй—дадимъ другъ другу руки
И смѣло двинемся впередъ—
И пусть подъ знаменемъ науки
Союзъ нашъ крѣпнетъ и растётъ!

Жрецовъ грѣха и лжи мы будемъ
Глаголомъ истины карать—

И спящихъ мы отъ сна разбудимъ,
И поведемъ на битву рать.

Не сотворимъ себѣ кумира
Ни на землѣ, ни въ небесахъ;
За всѣ дары и блага міра
Мы не падёмъ предъ нимъ во прахъ.

Провозглашать любви ученье
Мы будемъ нищимъ, богачамъ —
И за него снесёмъ гоненье,
Простивъ озлобленнымъ врагамъ.

Блаженъ, кто жизнь въ борьбѣ кровавой,
Въ заботахъ тяжкихъ истощилъ;
Какъ рабъ лѣнивый и лукавый,
Талантъ свой въ землю не зарылъ!

Пусть намъ звѣздою путеводной
Святая истина горитъ —
И, вѣрьте, голосъ благородный
Не даромъ въ мірѣ прозвучитъ.

Внемлите-жъ, братья, слову брата,
Пока мы полны юныхъ силъ!
Впередъ, впередъ—и безъ возврата,
Чтó-бъ рокъ вдали намъ не сулилъ!

II.

РАЗДУМЬЕ.

Дни скорби и тревогъ, дни горькаго сомнѣнья,
Тоски болѣзненной и безотрадныхъ думъ,
Когда-жъ минуете? Иль тщетно возрожденья
Такъ страстно сердце ждётъ, такъ сильно жаждетъ умъ?

Не вижу я вокругъ отраднаго разсвѣта!
Повсюду ночь да ночь, куда ни бросишь взоръ.
Исчезли безъ слѣда мои младыя лѣта,
Какъ въ зимнихъ небесахъ сверкнувшій метеоръ.

Какъ мало радостей они мнѣ подарили,
Какъ скоро свѣтлыя разсѣялись мечты:
Морозы ранніе безжалостно побили
Безпечной юности любимые цвѣты.

И чистыхъ помысловъ, и жаркихъ упованій
На жизненномъ пути растратилъ много я;
Но средь неравныхъ битвъ, средь тяжкихъ испытаній
Что жъ обрѣла, въ замѣнъ всѣхъ грёзъ, душа моя?

Увы! лишь жалкое въ себѣ разувѣренье
Да убѣжденіе въ безплодности борьбы,
Да мысль, что ни одно правдивое стремленье
Ждать не должно себѣ пощады отъ судьбы.

И даже ты моимъ призывамъ измѣнила,
Друзей свободная и шумная семья!
Привѣта братскаго живительная сила
Мнѣ не вручаетъ духъ въ тревогахъ бытія.

Но пусть ничѣмъ душа больная не согрѣта,
А съ жизнью всё-таки разстаться было-бъ жаль,
И, хоть не вижу я отраднаго разсвѣта,
Ещё невольно взоръ съ надеждой смотритъ въ даль.

III.

ОТЧИЗНА.

Природа скудная родимой стороны!
Ты дорога душѣ моей печальной;
Когда-то въ дни моей промчавшейся весны
Манилъ меня чужбины берегъ дальной.

И пылкая мечта, бывало, предо мной
Рисуетъ всё блестящія картины:
Я вижу сводъ небесъ прозрачно-голубой,
Громадныхъ горъ зубчатыя вершины.

Облиты золотомъ полуденныхъ лучей,
Казалось, миртъ, платаны и оливы
Зовутъ меня подъ сѣнь раскидистыхъ вѣтвей
И розы мнѣ киваютъ молчаливо...

То были дни, когда о цѣли бытія
Мой духъ, среди житейскихъ обольщеній,
Ещё не помышлялъ и—легкомысленъ—я
Лишь требовалъ у жизни наслажденій.

Но быстро та пора исчезла безъ слѣда—
И скорбь меня нежданно посѣтила,
И многое, чему душа была чужда,
Вдругъ стало ей и дорого, и мило.

Покинулъ я тогда завѣтную мечту
О сторонѣ волшебной и далёкой —
И въ родинѣ моей узрѣлъ я красоту,
Незримую для суетнаго ока.

Поля изрытыя, колосья желтыхъ нивъ,
Просторъ степей безмолвно-величавый,
Весеннею порой широкихъ рѣкъ разливъ,
Таинственно-шумящія дубравы.

Святая тишина убогихъ деревень,
Гдѣ труженикъ, задавленный невзгодой,
Молился небесамъ, чтобъ новый, лучшій день
Надъ нимъ взошелъ, великій день свободы.

Васъ понялъ я тогда—и сердцу такъ близка
Вдругъ стала пѣснь моей страны родимой,
Звучала-ль въ пѣснѣ той глубокая тоска,
Иль слышался разгулъ неудержимый.

Отчизна, не плѣнишь ничѣмъ ты чуждый взоръ;
Но ты мила красой своей суровой
Тому, кто самъ рвался на волю и просторъ,
Чей духъ носилъ гнетущія оковы.

IV.

Была пора—своихъ сыновъ
Отчизна къ битвѣ призывала
Съ толпой несмѣтною враговъ—
И рать за ратью возставала,
И бодро шла за ратью рать
Геройской смертью умирать.

Но смолкъ орудій страшный гулъ—
И, отстоявъ свой край родимый,
Народъ великій отдохнулъ.
Отчизна вышла невредима
Изъ той борьбы, какъ встарину—
Въ иную славную войну.

И вотъ опять она зовётъ
Своихъ сыновъ на бой упорный;
Но этотъ бой уже не тотъ:
Со зломъ и тьмой, съ неправдой черной
Она зовётъ теперь на бой,
Во имя истины святой.

Не страшенъ намъ и новый врагъ—
И съ нимъ отчизна совладаетъ.
Смотрите, ужъ рѣдѣетъ мракъ,
Ужъ свѣтъ повсюду проникаетъ
И, содрагаясь, чуетъ зло,
Что торжество его прошло!

V.

Нѣтъ мнѣ отъ лютаго горя покоя:
Знать, никуда не уйду отъ него я.

Взялся-бы я за свѣжительный трудъ,
Жилъ-бы, какъ добрые люди живутъ—
Только гдѣ сила, гдѣ воля на это?
Нѣту въ душѣ на вопросъ мой отвѣта.

Были когда-то и сила, и воля—
Всё доканала суровая доля.

Нѣтъ! не встряхнуть мнѣ кудрями опять,
Гордо чела предъ бѣдой не поднять:

Съ юностью честною, бодро и смѣло
Мнѣ-ли итти на полезное дѣло!

Бурею смятый, кой-какъ я бреду:
Смотришь—и тёмная яма въ виду.

Лютое горе, о если бъ ты въ ней
Сномъ безпробуднымъ заснуло скорѣй!

VI.

Отдохну-ка, сяду у лѣсной опушки;
Вонъ вдали—соломой крытыя избушки,
И бѣгутъ надъ ними тучи въ перегонку
Изъ родного края въ дальнюю сторонку.
Бѣлыя берёзы, жидкія осины,
Пашни да овраги—грустныя картины:
Не пройдёшь безъ думы безъ тяжелой мимо!
Что же къ нимъ всё тянетъ такъ неодолимо?

Вѣдь, на свѣтѣ бѣломъ всякихъ странъ довольно,
Гдѣ и солнце ярко, гдѣ и жить привольно.
Но и тамъ, при блескѣ голубого моря,
Наше сердце ноетъ отъ тоски и горя,
Что не видятъ взоры ни берёзъ плакучихъ,
Ни избушекъ этихъ сѣренькихъ, какъ тучи;
Что же въ нихъ такъ сердцу дорого и мило,
И какая манитъ тайная къ нимъ сила?

А. Н. ОСТРОВСКІЙ.

Александръ Николаевичъ Островскій, извѣстный современный русскій драматическій писатель, родился 30-го марта 1824 года въ Москвѣ. Воспитаніе своё началъ онъ дома, продолжалъ въ первой московской гимназіи и окончилъ въ Московскомъ университетѣ. Склонность къ литературѣ обнаружилась въ нёмъ очень рано, то-есть—ещё въ гимназіи; первыя-же попытки его выступить на литературное поприще относятся къ 1847 году, когда въ двухъ московскихъ журналахъ были напечатаны два первыхъ его опыта, подъ названіемъ:

„Сцены изъ замоскворѣцкой жизни“ и „Очерки Замоскворѣчья“. Нѣкоторый успѣхъ этихъ небольшихъ пьесъ поощрилъ молодого писателя къ дальнѣйшей дѣятельности на избранномъ имъ поприщѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, убѣдилъ, что ему не слѣдуетъ выходить изъ той сферы московской жизни, изображенію которой были посвящены два первые его опыта, то-есть: изъ сферы жизни и нравовъ московскаго купечества. Слѣдующимъ произведеніемъ Островскаго, появившимся въ свѣтъ, три года спустя послѣ первыхъ двухъ его пьесъ, была извѣстная его комедія въ пяти дѣйствіяхъ: „Свои люди — сочтёмся“, напечатанная въ „Москвитянинѣ“ на 1850 годъ и обратившая на себя общее вниманіе. Это капитальное и едва ли не лучшее произведеніе Островскаго сразу поставило его имя на ряду съ лучшими писателями того времени и вызвало цѣлый рядъ рецензій, которыя, несмотря на всё различіе своихъ взглядовъ не только на пьесу, но и на самое драматическое искусство, сошлись, однако, въ томъ, что пьеса — произведеніе замѣчательное. Словомъ, успѣхъ комедіи, какъ литературнаго произведенія, былъ громадный; но это, впрочемъ, нимало не помогло тому, что бы она была допущена къ постановкѣ на сцену. Успѣхъ „Своихъ людей“, превзошедшій всё ожиданія молодого драматурга, поощрилъ его къ новымъ трудамъ — и вскорѣ цѣлый рядъ превосходныхъ комедій появился въ журналахъ и на сценѣ, въ слѣдующемъ порядкѣ: „Бѣдная невѣста“ („Москвитянинъ“, 1852, № 4), „Не въ свои сани не садись“ (тамъ же, 1853, № 5), „Бѣдность не порокъ“ (тамъ же, 1854, № 1), „Не такъ живи, какъ хочется“ (тамъ же, 1855, № 17 и 18), „Въ чужомъ пиру похмелье“, „Доходное мѣсто“ („Русская Бесѣда“, 1857, ч. 1), „Воспитанница“ („Библіотека для Чтенія“, 1859, № 1) и „Гроза“. Кромѣ того, Островскій написалъ и напечаталъ, въ теченіе тѣхъ же десяти лѣтъ, цѣлый рядъ сценъ изъ московской жизни, подъ заглавіемъ: „Семейная картина“ („Современникъ“, 1856, № 4), „Утро молодого человѣка“, „Праздничный сонъ — до обѣда“ („Современникъ“, 1857, № 2), „Не сошлись характерами“ (тамъ же, 1858, № 1), „Свои собаки грызутся, чужая не приставай“, „За чѣмъ пойдёшь, то и найдёшь“ и „Старый другъ лучше новыхъ двухъ“ („Современникъ“, 1860, № 9).

Начиная съ 1862 года, въ журналахъ стали появляться драматическія произведенія Островскаго въ новомъ родѣ, именно — историческія его драмы, или „драматическія хроники“, какъ ихъ называетъ самъ авторъ. Первою изъ этихъ драматическихъ хроникъ, появившихся въ печати, была — драма въ пяти дѣйствіяхъ: „Кузьма Захаровичъ Мининъ-Сухорукъ“, напечатанная въ 1-ой книжкѣ „Современника“ на 1862 годъ. Затѣмъ, въ томъ же журналѣ на 1865 годъ, нумеръ 1-ый, явилась вторая его хроника: „Воевода или сонъ на Волгѣ“, впослѣдствіи поставленная на сцену. Въ 1867 году появились въ свѣтъ ещё двѣ хроники: „Димитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій“ и „Тушино“, изъ которыхъ первая также была играна и также имѣла успѣхъ. Послѣдней хроникой Островскаго была — драма въ пяти дѣйствіяхъ „Василиса Мелентьевна“, напечатанная во 2-ой книжкѣ „Вѣстника Европы“ на 1868 годъ. Всѣ названныя нами хроники, несмотря на свою прекрасную стихотворную форму и многія весьма поэтическія мѣста, не выдерживаютъ строгой критики и, вообще, несравненно слабѣе его бытовыхъ комедій и драмъ, отличающихся первоклассными достоинствами. Впрочемъ, одновременно съ сочиненіемъ историческихъ хроникъ, Островскій продолжалъ писать и свои комедіи, и сцены изъ купеческаго быта, прославившія его имя. Такъ, въ 1-ой книжкѣ „Времени“, на 1863 годъ, была напечатана его новая четырёхактная драма: „Грѣхъ да бѣда на кого не живётъ“; въ „Современникѣ“ на 1863, 1864 и 1865, №№ 10, 9 и 9, были помѣщены три слѣдующія пьесы: „Тяжелые дни“, сцены изъ московской жизни, въ 3-хъ дѣйствіяхъ, „Шутники“, картины московской жизни, въ 4-хъ дѣйствіяхъ, и „На бойкомъ мѣстѣ“, комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ, а въ „Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ“ на 1867 годъ — „Пучина“, сцены изъ московской жизни, въ 4-хъ сценахъ. Кромѣ того, въ 11-мъ нумерѣ „Современника“ на 1865 годъ былъ напечатанъ его прекрасный переводъ пяти-актной комедіи Шекспира „Усмиреніе своенравной“, перепечатанный во 2-мъ томѣ „Шекспира въ переводѣ русскихъ писателей“. Къ сожалѣнію, надо сказать, всѣ исчисленныя здѣсь пьесы Островскаго, написанныя одновременно съ хрониками, за исключеніемъ „Шутниковъ“, несравненно ниже предшествовавшихъ имъ пьесъ, написанныхъ до появленія въ свѣтъ „Минина“, и часто представляютъ одинъ только внѣшній интересъ живыхъ сценъ и блестящее изложеніе. Тоже самое можно сказать и о пьесахъ, написанныхъ имъ вслѣдъ за вышепоименованными и появлявшихся въ послѣдніе четыре года весьма аккуратно, по одной и по двѣ въ годъ, и притомъ исключительно на страницахъ „Отечественныхъ Записокъ“, перешедшихъ съ 1868 года подъ дру-

гую редакцію. Вотъ ихъ заглавія: „На всякаго мудреца довольно простоты“ (1868, № 11), „Горячее сердце“ (1869, № 1), „Бѣшеныя деньги“ (1870, № 2), „Лѣсъ“, „Не всё коту масляница“ (1871, №№ 1 и 9), „Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ“ (1872, № 1), „Комикъ“ (1873, № 2), „Поздняя любовь“ и „Трудовой хлѣбъ“ (1874, №№ 1 и 11), „Волки и овцы“ (1875, № 11), „Богатыя невѣсты“ 1876 № 2), „Правда хороша, а счастье лучше“ (1877, № 1), „Послѣдняя жертва“ (1878, № 1), и „Безприданница“ (1879, № 1). Какъ на счастливое исключеніе въ этомъ рядѣ новыхъ комедій, можно указать на пьесы: „Не всё коту масляница“, „Трудовой хлѣбъ“, „Богатыя невѣсты“ и „Безприданница“, въ которыхъ талантъ автора выказался во всёмъ своёмъ прежнемъ блескѣ. Наконецъ, къ числу послѣднихъ произведеній Островскаго, къ сожалѣнію, надо причислить его переводы пяти весьма плохихъ итальянскихъ и французскихъ комедій: „Заблудшія овцы“, „Великій банкиръ“, „Кофейная“, „Рабство мужей“ и „Семья преступника“.

15-го марта 1872 года была годовщина 25-тилѣтней драматической дѣятельности Александра Николаевича Островскаго — и почитатели его таланта отпраздновали этотъ день торжественнымъ обѣдомъ въ Петербургскомъ Собраніи Художниковъ, на которомъ самъ юбиляръ вслѣдствіе болѣзни, не присутствовалъ. На обѣдѣ этомъ, послѣ тоста, провозглашеннаго въ честь юбиляра, было сдѣлано предложеніе объ учрежденіи въ деревнѣ, унаслѣдованной Островскимъ отъ отца, школы его имени. Предложеніе было принято всѣми присутствовавшими единогласно, и сумма, собранная тутъ-же по подпискѣ, достигла 1000 рублей. По окончаніи обѣда, собраніе художниковъ отправило Александру Николаевичу адресъ, изящно нарисованный, а петербургскіе любители драматическаго искусства поднесли юбиляру-драматургу роскошный альбомъ.

Островскій, талантливый продолжатель славной дѣятельности Грибоѣдова и Гоголя, обогатилъ русскую сцену, до того весьма бѣдную хорошими пьесами, цѣлымъ рядомъ превосходныхъ и вполнѣ художественныхъ произведеній. Не только лучшія его комедіи, какъ напримѣръ: „Свои люди сочтёмся“, „Бѣдная невѣста“, „Не въ свои сани не садись“, „Бѣдность не порокъ“, „Доходное мѣсто“, „Воспитанница“, „Гроза“, „Не всё коту масляница“, и „Безприданница“, но и тѣ, которыя мы назвали слабыми (только по сравненію съ его же первоклассными произведеніями), отличаются такими достоинствами, предъ которыми меркнутъ произведенія всѣхъ остальныхъ современныхъ драматическихъ писателей нашихъ. Заслуги Островскаго, какъ драматическаго писателя, ещё важны и тѣмъ, что онъ своими комедіями разработалъ всесторонне цѣлую область, до него непочатую литературой, и познакомилъ русскую публику съ бытомъ купечества, съ его особыми обычаями, образомъ жизни и нравами.

А. Н. Островскій, въ концѣ 1885 года, былъ призванъ къ давно-желанной имъ дѣятельности: къ участію въ управленіи сценою Московскаго театра, и горячо принялся за это дѣло. Но судьба рѣшила иначе... 2-го іюня 1886 г. Александръ Николаевичъ скоропостижно скончался отъ разрыва сердца въ своемъ имѣніи Костромской губерніи, с. Щелыковѣ. По желанію его семьи, тѣло его тамъ же и предано землѣ.

„Сочиненія А. Н. Островскаго“ были издаваемы три раза: въ первый разъ—графомъ Г. А. Кушелевымъ-Безбородко. Томы 1-ый и 2-ой. Спб. 1859; во второй разъ — Кожанчиковымъ. Томы 1-ый и 2-ой. Спб. 1868; затѣмъ имъ же—томы 3-ій, 4-ый и 5-ый. Спб. 1867—1870. Въ 1874 году вышло третье изданіе, подъ заглавіемъ: „Собраніе сочиненій А. Н. Островскаго“. Восемь томовъ. Спб. 1874. Въ 1878 г. вышелъ девятый томъ и въ 1884 г. десятый томъ.—Затѣмъ въ 1885 г. вышли вновь первыя восемь томовъ изд. Н. Мартынова.—Что же касается переводовъ его, то они были изданы подъ слѣдующимъ названіемъ: „Драматическіе переводы А. Островскаго. Спб. 1872“. Въ 1886 г. вышло новое изданіе Н. Мартынова, въ двухъ томахъ.

I.

ИЗЪ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ХРОНИКИ „МИНИНЪ“.

ДѢЙСТВІЕ II, ЯВЛЕНІЕ III.

Mининъ *(одинъ)*.

Вонъ огоньки зажглись по берегамъ.
Бурлаки, трудъ тяжелый забывая,
Убогую себѣ готовятъ пищу.
Вонъ пѣсню затянули. Нѣтъ, не радость
Сложила эту пѣсню, а неволя,
Неволя тяжкая и трудъ безмѣрный,
Разгромъ войны, пожары деревень,
Житьё безъ кровли, ночи безъ ночлега.
О, пойте! громче пойте! Соберите
Всё слёзы съ матушки широкой Руси,

Новгородскія, псковскія слёзы,
Съ Оки и съ Клязьмы, съ Дона и съ Москвы,
Отъ Волхова и до широкой Камы.
Пусть всѣ онѣ въ одну сольются пѣсню,
И рвутъ мнѣ сердце, душу жгутъ огнёмъ
И слабый духъ на подвигъ утверждаютъ.
О, Господи! благослови меня!
Я чувствую невѣдомыя силы:
Готовъ одинъ поднять всю Русь на плечи,
Готовъ орломъ летѣть на супостата,
Забрать подъ крылья угнетённыхъ братій —
И грудью въ бой кровавый и послѣдній.
Часъ близокъ! Смерть злодѣямъ! Трепещите:
Изъ дальняго Кремля грозитъ вамъ Мининъ.
А если Богъ отступитъ отъ меня
И за гордыню покарать захочетъ —
Успѣха гордымъ замысламъ не дастъ,
Чтобъ я не мнилъ, что я его избранникъ —
Тогда я къ вамъ приду, бурлàки-братья,
И съ вами запою по Волгѣ пѣсню: —
Печальную и длинную затянемъ.
И зашумятъ ракитовы кусты,
По берегамъ песчанымъ нагибаясь!
И позабудетъ бросить сѣть рыбакъ
И въ тихомъ плесѣ на челнѣ заплачетъ;
И дѣвка съ вёдрами на коромыслѣ,
Идя домой извилистой тропинкой,
Оглянется съ горы и станетъ слушать,
И, рукавами слезы утирая,
Широкіе измочитъ рукава;
Бурлàки запоютъ её подъ лямкой
И балахонцы, за своей работой
Надъ новою расшивой съ топорами.
И пронесётся пѣсня, и прольётся
Изъ вѣка въ вѣкъ, пока стоитъ земля.
О, Господи, грѣшу я: малъ я духомъ —
Смѣлъ усумниться въ благости Твоей!
Нѣтъ, прочь сомнѣнья! Перстъ Твой вижу ясно!
Со всѣхъ сторонъ мнѣ шепчутъ голоса:
„Возстань за Русь — на то есть воля Божья!“

II.

ИЗЪ КОМЕДІИ „ВОЕВОДА“.

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ IV.

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА *подходитъ къ разобранному тыну, изъ-за котораго выходитъ* БАСТРЮКОВЪ.

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Вотъ диво-то! Не съ неба ли свалился?
Какъ занесло?

БАСТРЮКОВЪ.

По моему прошенью,
По щучьему велѣнью. Надоѣло
Черезъ заборъ вести переговоры:
И видитъ глазъ, да зубъ неймётъ. Поближе
Хотѣлось быть; лицомъ къ лицу, бокъ-ò-бокъ
Рѣчь тайную, любовную держать
И миловаться, какъ душѣ угодно.
Мы разобрали тынъ.

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Ты, парень, ловокъ!

БАСТРЮКОВЪ.

Вѣдь, рано ль, поздно ль—надо жъ будетъ, Маша,
Тебѣ покинуть свой терёмъ высокій,
Чужую сторону узнать—такъ лучше
Съ милымъ дружкомъ тишкомъ лужкомъ уѣхать!
Кто знаетъ думу батюшки-отца
Иль матушки твоей башку пустую?
Загубятъ вѣкъ, спихнутъ за старика
Постылаго на горе да на слезы.
Чего же ждать? что̀ думать? Свистнуть, что-ли?
У насъ готово—люди въ лодкѣ, только
Сѣсть да поѣхать.

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Какъ же, дожидайся —
Такъ и поѣду! Нѣтъ, ошибся, парень.
Ты поглупѣй ищи!

БАСТРЮКОВЪ.

Такъ вотъ какъ, Маша!
Что́ жъ, не́любъ сталъ?

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

За что́ тебя любить-то?
Обманщикъ ты! Охаживать горазд
Кругомъ да около. Тебѣ повѣрить —
Трёхъ дней не проживёшь. О святкахъ, помнишь,
У насъ въ дому плясали скоморохи —
Ты мѣхоношей былъ — ты что̀ мнѣ баялъ?
Что ты купецкой сынъ, Иванъ Ковригинъ.
Зима прошла, весна-краснà настала,
На деревѣ у моего окна
Ты по ночамъ сидѣлъ — и коротали
Тайкомъ съ тобой весеннія мы ночи.
Ты нянекъ, мамокъ деньгами осыпалъ;
Не разъ, не два я спрашивать пытала
Объ имени и отчествѣ твоёмъ:
„Иванъ Ковригинъ“ — только и отвѣту.
Ну, кàкъ тебѣ не грѣхъ? Я всё узнала:
Ты не купецкій, а боярскій сынъ
Степанъ Семёнычъ, Бастрюковыхъ роду,
И скоморохи-то — твои всё люди,
И самъ ты — скоморохъ.

Бастрюковъ.

Тебѣ же лучше:
Боярскій сынъ — тебѣ почёту больше;
Со скоморохомъ веселѣе жить.

Марья Власьевна.

Ну, нѣтъ: старуха на̀ двое сказала!
Купецкій сынъ-то женится честь-честью,
А у тебя, я знаю, во дворѣ-то
Всё краденыя дѣвки да молодки;
И я въ такихъ-же буду. Нѣтъ, зачѣмъ же?
А надоѣмъ — къ отцу прогонишь. Лучше
Я дома посижу — изъяну меньше.
Одинъ изъянъ, что новый тынъ попорченъ:
Такъ батюшкѣ скажу — поправятъ завтра.
А ты — женись, какъ слѣдуетъ, порядкомъ —
Тогда вези, куда душѣ угодно.

Бастрюковъ.

Да я бы радъ, да, вишь, Нечай Шалыгинъ
Берётъ сестру твою Прасковью замужъ...
Онъ врагъ заклятый и отцу, и мнѣ!
Не то̀, что сватать — мнѣ нельзя и носу
Къ вамъ показать.

Марья Власьевна.

Ну, станемъ дожидаться!
Мнѣ лѣтъ не много: я не перестарокъ.

Бастрюковъ.

Толкуй съ тобой! А замужъ отдадутъ?

Марья Власьевна.

Своей охотой не пойду; а силой
Неволить станутъ — ну, тогда не знаю,
Быть-можетъ, парень, выйдетъ на твоё:
Тогда ломайте тынъ, готовьте лодку,
Бери въ охабку и тащи домой.

Бастрюковъ.

Голубушка! (*Обнимаетъ.*)

Марья Власьевна.

Ты волю-то не очень
Давай рукамъ: повремени до срока!
Придётъ пора — ни слова не скажу,
Твоя же буду.

Бастрюковъ.

Жизнь моя, лебёдка!
Пройди весь свѣтъ отъ края и до края,
Но всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ немирнымъ,
Ищи другого парня — не найдёшь,
Чтобъ такъ любилъ, какъ я. Да вотъ что, Маша!
По нашему любить, такъ вотъ какъ: видишь
Булатный ножъ? (*Вынимаетъ ножъ изъ-за пояса*).

Марья Власьевна.

Да что ты! Богъ съ тобой!

Бастрюковъ.

Нѣтъ, погоди! Промолви только слово —
И глазомъ не мигну — по рукоятку
Въ грудь опущу. Вели!

Марья Власьевна.

Да вѣрю, вѣрю.

Бастрюковъ.

Убей меня Господь на этомъ мѣстѣ!

Марья Власьевна.

Да лжешь-ли, нѣтъ-ли — самъ отвѣтишь Богу,
А слушать сладко.

Бастрюковъ.

Значитъ, по рукамъ? (*Подаетъ руку*).

Марья Власьевна.

Да что ужъ говорить! Тебя полюбишь,
Такъ не разлюбишь скоро. Поведёшься
Съ тобой, такъ на другихъ потомъ не взглянешь.
Ишь, ты какой пригожій уродился!

Бастрюковъ.

И поцѣлуемся?

Марья Власьевна.

Изволь, голубчикъ.
Грѣха тутъ нѣтъ. Цѣлуемся со всѣми;
Чужихъ цѣлуемъ, а тебя подавно. (*Цѣлуются*).

Ю. В. ЖАДОВСКАЯ.

Юлія Валерьяновна Жадовская, дочь статскаго совѣтника, родилась въ 1825 году въ отцовскомъ помѣстьи, Любимскаго уѣзда, Ярославской губерніи. Появленіе на свѣтъ ребёнка сильно опечалило его родителей, такъ какъ онъ оказался съ физическимъ недостаткомъ: дѣвочка родилась безъ лѣвой руки; на правой же было всего три пальца. Затѣмъ, на второмъ году отъ рожденія, она потеряла мать, единственное существо, которое любило и ласкало её. Видя безпомощное положеніе ребёнка, старушка-бабушка, съ материнской стороны, взяла малютку подъ своё покровительство и перевезла её къ себѣ, въ сельцо Панфилово, лежащее въ 20-ти верстахъ отъ уѣзднаго города Буя, гдѣ маленькая Жадовская прожила до 15-тилѣтняго возраста. Слабое здоровье дѣвочки и природный физическій недостатокъ, о чёмъ было сказано выше, долго заставляли пренебрегать ея воспитаніемъ. Старушка-бабушка сама, шутя, выучила её, ещё на шестомъ году, русской грамотѣ, и заставила читать разныя не дѣтскія произведенія русской литературы. Писать же ребёнокъ выучился самоучкой, такъ какъ учить его этому

было трудно. Когда Жадовской исполнилось 13 лѣтъ, родная тётка ея, Анна Ивановна Корнилова, извѣстная въ литературномъ мірѣ болѣе подъ своей прежней фамиліей—Готовцевой, взяла её къ себѣ, чтобы поучить её въ теченіе нѣкотораго времени. Ученье пошло въ прокъ: спустя съ небольшимъ годъ, она стала понимать по-французски и пріобрѣла нѣкоторыя свѣдѣнія въ исторіи и географіи и болѣе основательно изучила Законъ Божій, подъ руководствомъ сельскаго священника. Когда Жадовской исполнилось 15 лѣтъ, её отдали, по желанію отца, въ Костромской пансіонъ благородныхъ дѣвицъ. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, по ея вступленіи, пансіонъ этотъ закрылся по недостатку средствъ и малому числу ученицъ, и отецъ взялъ ёе въ 1841 году къ себѣ, въ Ярославль, гдѣ онъ находился на службѣ. Здѣсь она стала брать уроки русскаго языка и словесности, которые принесли ей много пользы и вскорѣ навели её на мысль взяться за перо и сдѣлаться поэтомъ.

На литературное поприще г-жа Жадовская выступила въ 1844 году, со стихотвореніемъ „Водяной", помѣщеннымъ въ 6 № „Москвитянина" того же года, и, затѣмъ, въ 1846 году, съ небольшой книжкой своихъ стихотвореній, встрѣченныхъ весьма радушно всѣми любящими поэзію. Затѣмъ, стихотворенія ея стали появляться въ разныхъ московскихъ изданіяхъ: въ „Московскомъ Городскомъ Листкѣ", „Московскомъ Сборникѣ", „Москвитянинѣ", „Раутѣ", „Ярославскомъ Сборникѣ" и другихъ, а также и въ петербургскихъ: „Сынѣ Отечества" на 1856 и 1857 года и въ „Сборникѣ въ память Смирдина". Любители поэзіи прочитывали ихъ съ удовольствіемъ; но въ публикѣ имя г-жи Жадовской было весьма мало извѣстно, вѣроятно, потому, что журналы, въ которыхъ она почти исключительно печатала свои произведенія, не имѣли большого круга читателей. Въ 1857 году г-жа Жадовская обратила на себя вниманіе публики замѣчательнымъ романомъ: „Въ сторонѣ отъ большого свѣта", помѣщённымъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" того же года, №№ 5, 6, 7 и 8 и отпечатаннымъ въ томъ же году отдѣльной книжкой въ Москвѣ; но о стихотвореніяхъ ея всё-таки знали немногіе. Наконецъ, въ 1858 году всѣ стихотворенія г-жи Жадовской, какъ помѣщенныя въ книжкѣ, изданной въ 1846 году, такъ и разбросанныя по разнымъ повременнымъ изданіямъ и сборникамъ, были собраны ею въ количествѣ 119 пьесъ и выпущены въ свѣтъ отдѣльною книжкой. На этотъ разъ книжка была замѣчена многими, а журналы, съ рѣдкимъ единодушіемъ, осыпали ея автора самыми вѣскими похвалами. Вотъ, напримѣръ, отзывъ рецензента „Современника": „Стихи г-жи Жадовской не имѣютъ внѣшнихъ достоинствъ, рѣзко бросающихся въ глаза. Но мы, нимало не задумываясь, рѣшаемся причислить эту книжку стихотвореній къ лучшимъ явленіямъ нашей поэтической литературы послѣдняго времени. Стихъ г-жи Жадовской, какъ сказали мы, не отличается внѣшней отдѣлкой, такъ поражающей насъ въ произведеніяхъ новѣйшихъ поэтовъ. Риѳма часто измѣняетъ ей, иногда выходятъ стихи неловкіе, незвучные, отзывающіеся прозой. Но мы признаёмся, что даже эти прозаическіе стихи ея намъ нравятся и что именно многіе изъ нихъ произвели на насъ сильное впечатлѣніе своей простотою и задушевностью. Задушевность, полная искренность чувства и спокойная простота его выраженія—вотъ главныя достоинства стихотвореній г-жи Жадовской. Настроеніе чувствъ ея — грустное; главные мотивы ея—задумчивое созерцаніе природы, сознаніе одиночества въ мірѣ, воспоминаніе о быломъ, когда-то свѣтломъ, счастливомъ, но безвозвратно прошедшемъ".

Одновременно съ „Стихотвореніями Юліи Жадовской", вышедшими въ 1858 году, появились въ продажѣ и „Повѣсти Юліи Жадовской", но такъ какъ они оказались гораздо ниже ея перваго романа, то и прошли почти незамѣченными.

Послѣдними произведеніями г-жи Жадовской были: „Женская исторія", романъ въ трёхъ частяхъ, напечатанный во 2-мъ, 3-мъ и 4-мъ нумерахъ „Времени" на 1861 годъ и потомъ вышедшій отдѣльно, и „Отсталая", повѣсть, напечатанная въ 12-ой книжкѣ того же журнала и того же года.

Два года тому назадъ, Ю. В. Жадовская скончалась въ своемъ имѣніи, при довольно загадочныхъ условіяхъ, которыя давали даже нѣкоторую возможность поводомъ смерти предполагать отравленіе.

Вскорѣ послѣ ея смерти, наслѣдники ея издали въ свѣтъ полное собраніе ея сочиненій, въ 10 томахъ.

I.

МОЛИТВА.

Міра Заступница, Матерь всепѣтая!
Я предъ Тобою съ мольбой:
Бѣдную грѣшницу, мракомъ одѣтую.

Ты благодатью прикрой!
Если постигнуть меня испытанія,
Скорби, утраты, враги —
Въ трудный часъ жизни, въ минуту страданія
Ты мнѣ, молю, помоги!
Радость духовную, жажду спасенія
Въ сердце моё положи!
Въ царство небесное, въ міръ утѣшенія
Путь мнѣ прямой укажи!

II.

Ты скоро меня позабудешь,
Но я не забуду тебя;
Ты въ жизни разлюбишь, полюбишь,
А я — никого, никогда!
Ты новыя лица увидишь
И новыхъ друзей изберёшь;
Ты новыя чувства узнаешь —
И, можетъ быть, счастье найдёшь.
Я — тихо и грустно свершаю,
Безъ радостей, жизненный путь;
И, какъ я люблю и страдаю —
Узнаетъ могила одна.

III.

НЕВЫДЕРЖАННАЯ БОРЬБА.

Боролась я долго съ суровой судьбой —
Душа утомилась неравной борьбой.
Всей силой надежду я въ сердцѣ хранила;
Но силы не стало — судьба ихъ убила;
И я, съ затаённой глубоко тоской,
Склонилась смиренно предъ мощной судьбой.
Что дѣлать? Мнѣ стыдно и грустно, и больно —
И лью я горячія слёзы невольно.

IV.

Не зови меня безстрастной
И холодной не зови:
У меня въ душѣ есть много
И страданій, и любви.
Проходя передъ толпою,
Сердце я хочу закрыть
Равнодушіемъ наружнымъ,
Чтобъ себѣ не измѣнить.
Такъ идётъ предъ господиномъ,
Затая невольный страхъ,
Рабъ, ступая осторожно,
Съ чашей полною въ рукахъ.

V.

Нѣтъ, никогда поклонничествомъ низкимъ
Я покровительства и славы не куплю,
И лести я ни дальнимъ и ни близкимъ
Изъ устъ моихъ постыдно не пролью.
Предъ тѣмъ, чтó я всегда глубоко презирала,
Предъ чѣмъ порой дрожать достойные — увы!
Предъ знатью гордою, предъ роскошью нахала
Я не склоню свободной головы.
Пройду своимъ путёмъ, хоть горестно, но честно,
Любя свою страну, любя родной народъ,
И, можетъ-быть, къ моей могилѣ неизвѣстной
Бѣднякъ иль другъ со вздохомъ подойдётъ.
На то, чтó скажетъ онъ, на тò, о чёмъ помыслитъ,
Я вѣрно отзовусь безсмертною душой...
Нѣтъ, вѣрьте, лживый свѣтъ не знаетъ и не смыслитъ,
Какое счастье быть всегда съ самимъ собой!

VI.

КТО МНѢ РОДНЯ.

Покрытый ранами, поверженный во прахъ,
Лежалъ я при пути, въ томленьи и слезахъ,
И думалъ про себя въ тоскѣ невыразимой:
„О, гдѣ моя родня? гдѣ близкій, гдѣ любимый?“
И много мимо шло... Но что жъ? Никто изъ нихъ
Не думалъ облегчить тяжелыхъ ранъ моихъ...
Иной бы и желалъ, да въ даль его манила
Житейской суеты губительная сила;
Иныхъ пугалъ видъ ранъ и мой тяжелый стонъ.
Ужъ мной овладѣвалъ холодный смерти сонъ;
Ужъ на устахъ моихъ стенанья замирали,
Въ тускнѣющихъ глазахъ ужъ слёзы застывали:
Но вотъ пришелъ одинъ, склонился надо мной
И слёзы мнѣ отёръ спасительной рукой.
Онъ былъ невѣдомъ мнѣ, но, полнъ святой любовью,
Текущею изъ ранъ нё погнушался кровью.
Онъ взялъ меня съ собой и помогалъ мнѣ самъ,
И лилъ на раны мнѣ цѣлительный бальзамъ...
И голосъ мнѣ сказалъ, въ душѣ неотразимый:
„Вотъ кто родня тебѣ, кто близкій, кто любимый!“

VII.

Тихо я бреду одна по саду,
Подъ ногами желтый листъ хруститъ,
Осень льетъ предзимнюю прохладу,
О прошедшемъ лѣтѣ говоритъ.
Говоритъ увядшими цвѣтами,
Грустнымъ видомъ выжатыхъ полей,

И холодными, сырыми вечерами, —
Всей печальной прелестью своей.
Такъ тоска душѣ напоминаетъ
О потерѣ нашихъ лучшихъ дней,
Обо всемъ, чего не возвращаетъ
Эта жизнь — жестокій чародѣй!

VIII.

Другъ мой! Видишь-ли, по небу
Тучки вешнія плывутъ.
Чу! въ поляхъ зазеленѣвшихъ
Птички весело поютъ.
Ужъ на тополѣ высокомъ
Распустилися листы;
Дышатъ сладкимъ благовоньемъ
Мои первые цвѣты.
Подъ вліяньемъ чудной силы,
Вознесемся, хоть на мигъ,
Выше горя, выше счастья
Выше радостей людскихъ.

IX.

Среди бездушныхъ и ничтожныхъ
Рабовъ вседневной суеты,
Храни отъ яда мнѣній ложныхъ
Свой здоровый умъ и сердце ты,
Ищи, что истинно и свято,
Лжи искушеній избѣгай,
И гласу страждущаго брата
Душою чуткою внимай.
И если въ нуждѣ и неволѣ,
Неся несчастій тяжкій гнётъ
Не совладѣвъ съ своею долей,
Онъ, полнъ отчаянья, падётъ,
И прокричитъ толпа свирѣпо
Свой безпощадный приговоръ,
Свой судъ пристрастный и нелѣпый
И малодушный свой укоръ;
Не заключай по нимъ поспѣшно, —
Не осуждая никого
Скажи имъ: „кто изъ васъ безгрѣшный,
Пусть броситъ камень на него!“

Н. Д. ХВОЩИНСКАЯ (В. КРЕСТОВСКІЙ).

Надежда Дмитріевна Хвощинская, извѣстная въ русской литературѣ болѣе подъ своимъ псевдонимомъ „В. Крестовскій“, родилась въ 1825 году, въ Рязани, гдѣ отецъ ея занималъ мѣсто окружного начальника, по вѣдомству государственныхъ имуществъ. Надежда Дмитріевна воспитывалась дома и своимъ развитіемъ обязана исключительно самой себѣ. Любовь къ поэзіи проявилась у нея очень рано, вслѣдствіе чего первыми произведеніями ея, явившимися въ печати, были два стихотворенія, помѣщённыя въ 46 нумерѣ „Иллюстраціи“ на 1847 годъ, подъ названіемъ: „Въ сумерки“ и „Птичка“. За этой первой попыткой выйти на литературную арену, послѣдовалъ цѣлый рядъ стихотвореній, напечатанныхъ ею на страницахъ „Литературной Газеты“ того же года и подписанныхъ, какъ и первыя два, полнымъ именемъ и фамиліей автора. На этотъ разъ они обратили на себя вниманіе многихъ и были почтены похвалами людей, интересующихся появленіемъ новыхъ талантовъ. Такъ шло дѣло до половины 1850 года, когда на страницахъ 6-ой книжки „Отечественныхъ Записокъ“ явилась ея первая повѣсть: „Анна Михайловна“, подписанная не именемъ автора, а псевдонимомъ: „В. Крестовскій“. Обрадованная удачей, Надежда Дмитріевна отправилась въ Петербургъ. И это былъ ея первый выѣздъ изъ Рязани, и первое посѣщеніе столицы, тѣмъ болѣе пріятны, что она встрѣтила здѣсь самый радушный пріёмъ. Затѣмъ, въ „Отечественныхъ Запискахъ“ того же года была напечатана другая ея повѣсть: „Сельскій учитель“ понравившаяся всѣмъ и возбудившая любопытство многихъ относительно личности автора, умѣвшаго такъ хорошо подмѣтить и такъ наглядно передать ту внутреннюю жизнь обыденнаго человѣка, которая, вообще, весьма трудно поддаётся нашей наблюдательности. Новая повѣсть, какъ и предъидущая, была подписана псевдонимомъ „В Крестовскій“, который съ тѣхъ поръ сталъ неизмѣнно являться подъ каждымъ прозаическимъ произведеніемъ Н. Д. Хвощинской. Что же касается стихотвореній, то они продолжали печататься подъ ея настоящимъ именемъ.

Ободрённая успѣхами своихъ повѣстей, г-жа Хвощинская, тотчасъ по своёмъ возвращеніи въ Рязань, съ удвоенною ревностью принялась за перо—и рядъ романовъ и повѣстей, съ изумительной быстротой являвшихся въ свѣтъ, едва могъ помѣститься на страницахъ „Отечественныхъ Записокъ“ и „Пантеона“. Въ теченіи 1852 и 1853 годовъ на долю „Отечественныхъ Записокъ“ пришлось три повѣсти („Ещё годъ, дневникъ сельскаго учителя“, и „Искушеніе“ и „Нѣсколько лѣтнихъ дней“), одинъ романъ въ двухъ частяхъ („Кто жъ

остался доволенъ?"), одна драматическая сцена („Рѣшительный часъ") и пять стихотвореній („Вы улыбаетесь", „Въ прощальный, смертный часъ", „Свой разумъ искусивъ не разъ", „Солнце сегодня за тучей" и „Нѣтъ, я не назову обманомъ"); а на долю „Пантеона" выпалъ призъ менѣе крупный, именно—драматическая фантазія въ стихахъ „Джуліо" (1850, т. III, № 6), стихотворная повѣсть „Деревенскій случай" и десятка два мелкихъ стихотвореній. У г-жи Хвощинской много ума и наблюдательности, что доказывается большинствомъ ея прозаическихъ произведеній; изъ всего видно, что она много думала и много испытала и не чужда житейской опытности; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ней недостаетъ тѣхъ качествъ, которыя создаютъ поэта.

Въ 1854 году Надежда Дмитріевна помѣстила въ 3-мъ, 4-мъ и 5-мъ нумерахъ „Отечественныхъ Записокъ" новый свой романъ въ трёхъ частяхъ: „Испытаніе", а въ 1856 году, въ 1-ой, 2-ой, 3-ей, 11-ой и 12-ой книжкахъ того же журнала напечатала ещё два романа: „Послѣднее дѣйствіе комедіи" и „Свободное время", изъ которыхъ первый — въ 3-хъ, а второй въ 2-хъ частяхъ. Оба романа были прочтены публикою съ тѣмъ же вниманіемъ и, можно сказать, терпѣніемъ, къ которому уже стали мало-по-малу пріучаться почитатели таланта г-жи Хвощинской, продолжавшей называться В. Крестовскимъ, когда уже два подлинныхъ В. Крестовскихъ, (романистъ, авторъ „Петербургскихъ Трущобъ", и водевилистъ, авторъ „Цыганки", „Дипломатики-жены", „Нашествія иноплеменныхъ", „Бѣдовой дѣвушки" и многихъ другихъ), уже приближались къ зениту своей славы, а публика, добродушно смѣшивая ихъ имена, не знала, кому покланяться. Путаница эта дошла, наконецъ, до того, что самъ А. А. Краевскій спуталъ ихъ въ своемъ „Алфавитномъ указателѣ" къ „Отечественнымъ Запискамъ", гдѣ, на стр. 41-ой, пьеса водевилиста Крестовскаго „Дипломатика жены" помѣщёна въ числѣ сочиненій В. Крестовскаго, то-есть г-жи Хвощинской. Это такъ поразило уважаемаго редактора журнала, что онъ въ примѣчаніи къ новой повѣсти г-жи Хвощинской—„Новый годъ" сдѣлалъ слѣдующую выноску: „нужнымъ считаемъ замѣтить, что авторъ этой повѣсти, избравшій себѣ псевдонимъ В. Крестовскаго, не имѣетъ ничего общаго съ другимъ г-мъ Крестовскимъ, можетъ быть, и не псевдонимомъ, авторомъ драматическихъ пьесъ: „Цыганка", „Нашествіе иноплеменныхъ", „Бѣдовой дѣвушки" и другихъ, играемыхъ на сценѣ Александринскаго театра". Не стану утомлять читателя дальнѣйшимъ исчисленіемъ всего написаннаго и напечатаннаго г-жою Хвощинской въ теченіи слѣдующихъ десяти лѣтъ. Скажемъ только, что изъ всего, написаннаго ею за это время, обратили на себя особенное вниманіе двѣ ея повѣсти: „Баритонъ" и „Въ ожиданіи лучшаго", напечатанныя въ „Отечественныхъ Запискахъ" и „Русскомъ Вѣстникѣ" на 1861 годъ. Изъ нихъ послѣдняя вышла въ Москвѣ отдѣльнымъ изданіемъ.

Стихотворенія Надежды Дмитріевны, кромѣ „Литературной Газеты", „Отечественныхъ Записокъ" и „Пантеона", печатались также и въ „Иллюстраціи" на 1858 и 1859 года, гдѣ, между прочимъ, было помѣщено весьма хорошее стихотвореніе „Кладбище". Въ 1859 году вышло полное собраніе ея сочиненій въ шести томахъ, подъ заглавіемъ: „Романы и повѣсти В. Крестовскаго. Спб. 1859". Сюда вошло всё, написанное г-жою Хвощинской въ теченіи ея десятилѣтней литературной дѣятельности, начиная съ 1850 года.

Дальнѣйшими произведеніями г-жи Хвощинской, появившимися въ печати, были два большихъ романа, напечатанныхъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" (1869, №№ 8 и 9) и въ „Вѣстникѣ Европы" (1870, №№ 3, 4, 7, 8 и 9 и 1871, №№ 4, 5, 6 и 11) подъ названіемъ: „Первая борьба" и „Большая медвѣдица", двѣ большихъ повѣсти, подъ названіемъ „Два памятныхъ дня" и „На вечерѣ", появившіяся на страницахъ „Отечественныхъ Записокъ" (1868, № 4-й и 1876, № 1) и „Альбомъ,—группы и портреты", помѣщенные въ „Вѣстникѣ Европы" (1874 № 12, 1875, № 2 и 9 и 1877 № 5). Изъ нихъ романъ „Большая медвѣдица", превосходящій объёмомъ всѣ остальные, несмотря на многіе недостатки и значительную идеализацію нѣкоторыхъ лицъ, понравился всѣмъ, и даже журнальные рецензенты отозвались о нёмъ весьма благосклонно, что въ настоящее время случается довольно рѣдко. Что же касается ея послѣдняго романа, появившагося въ „Отечественныхъ Запискахъ" на 1878 годъ, то онъ былъ также встрѣченъ общими похвалами журналовъ и утвердилъ за ней окончательно ея первенство въ средѣ русскихъ современныхъ беллетристовъ. Послѣдними изданіями сочиненій г-жи Хвощинской были: „Повѣсти" 4 т. 1880. „Очерки и отрывки" 2 т. 1880. „Провинція въ старые годы". Спб. 1884. Все это издано А. С. Суворинымъ.

I.

ОТРЫВОКЪ.

Ихъ домъ былъ барскій домъ, и въ нёмъ она жила,
Какъ птичка грустная, привывши къ клѣткѣ тѣсной.
Отецъ былъ строгъ, угрюмъ, съ холодною душой
И домогался всё чего-то — неизвѣстно.
Мать славилась своей роскошной красотой,
Своимъ таинственнымъ вліяніемъ въ гостиной.
А дочь... Она, какъ тѣнь, передо мной стоитъ.
Ужъ вечеръ. Купидонъ на мраморномъ каминѣ
У стрѣлки часовой лукаво сторожитъ.
Она у зеркала одна, совсѣмъ одѣта;
Весёлый, шумный балъ давно невѣсту ждётъ
И тотъ, кому она — на зависть, толки свѣта —
И руку дѣтскую, и сердце отдаётъ.
„Союзъ сей, зависти самихъ боговъ достойный",
Воспѣтъ піитами. Но будущій супругъ
Отъ почестей другимъ не могъ уснуть спокойно—
И станъ его согнулъ томительный недугъ
Напрасныхъ происковъ, обманутыхъ желаній,
Хоть сладко онъ умѣлъ улыбкою прикрыть
Предъ сильными земли всю злость своихъ страданій,
Улыбкой самъ умѣлъ счастливить и язвить,
Привѣтно кланялся новорождённой славѣ,
И это дѣлалъ онъ ужъ много, много лѣтъ —
Но крылась сѣдина подъ пудрой величавой,
А дряхлость блѣдныхъ рукъ подъ кружевомъ манжетъ.
Онъ вздумалъ полюбить! И образъ нѣжный, милый,
При имени любви, опять передо мной!...

Въ ту ночь она балконъ поспѣшно растворила
И сходитъ въ тёмный садъ, печальный и пустой.
Дитя! ей страшенъ шумъ листовъ, ночныя тѣни,
Ея отчаянный, свободный первый шагъ.
Но кто-то передъ ней склонился на колѣни
На сбитыхъ осенью, поблёкнувшихъ листахъ,
И ручка бѣлая съ ея кольцомъ вѣнчальнымъ
На чью-то голову кудрявую легла,
И слёзы горькія лились во тьмѣ печальной,
И непогода ихъ, разсѣявъ, унесла.
И были слёзы тѣ о счастьи невозможномъ,
О горести его, о горести своей,
О томъ, чтобъ не винилъ онъ, пылкій и тревожный,
Въ невѣрности её,—чтобы простилъ онъ ей.

II.

Свой разумъ искусивъ не разъ
И сердце вопросивъ съ участьемъ,
Мы знаемъ — всё прошло для насъ
И даже не къ лицу намъ счастье.

Мы знаемъ, что напрасно ждёмъ;
Одно прошло, пройдётъ другое,
И — хоть съ печалью - сознаёмъ
Благоразуміе покоя

Мы знаемъ — путь нашъ недалёкъ;
Но все душа мечты ласкаетъ.
Такъ иногда дитя въ песокъ
Цвѣты завялые сажаетъ.

III.

Подъ шумъ заботы ежедневной
Спокойно задремавъ душой,
Они выслушиваютъ гнѣвно
Сужденья жизни молодой.

Ихъ будитъ какъ-то непріятно
Могучій говоръ свѣжихъ силъ,
Имъ наши чувства непонятны —
Тотъ ихъ не зналъ, тотъ пережилъ.

Имъ странно наше увлеченье,
Имъ дерзко кажется оно,
Досадно наше убѣжденье,
Безумно, гордо и грѣшно.

Не побѣдивъ упорнымъ крикомъ,
Они пугаютъ небомъ насъ.
Внимая ихъ угрозамъ дикимъ,
Я грустно думаю подчасъ:

Зачѣмъ за истину святую
Я не могу ихъ толкъ принять,
И мысль тревожную и злую
И усмирить, и оковать —

Негодованье и волненье
Смиривъ, дать миръ душѣ моей,
Чтобъ къ невозможному стремленье
Не оставалося у ней?

Мечты, желанья! О, Богъ съ ними,
Когда имъ воли не дано,
Когда словами лишь пустыми
Имъ выражаться суждено!

IV.

Нѣтъ, я не назову обманомъ
Того, чѣмъ жизнь казалась мнѣ!
Надъ моремъ жизни нѣтъ тумана:
Всё видно на прозрачномъ днѣ.

Въ него, въ раздумьи, не гадая,
Руки не опускала я
И перловъ не искала — зная,
Что перлы тѣ не для меня.

Покорно, безотвѣтно ими
Я любовалась на другой,
Благоговѣя, какъ рабыни
Передъ нарядной госпожой.

И. С. НИКИТИНЪ.

Иванъ Савичъ Никитинъ, поэтъ-самоучка, родился 21-го сентября 1824 года, въ Воронежѣ, въ мѣщанской семьѣ. Отецъ его, владѣвшій воскобѣлильнымъ заводомъ въ самомъ городѣ, былъ человѣкъ достаточный — и только къ концу 1834 года, дѣла старика-отца поразстроились. Шести лѣтъ Никитина стали учить грамотѣ, а на седьмомъ году отдали въ уѣздное духовное училище, въ которомъ будущій поэтъ пробылъ цѣлыхъ пять лѣтъ, посвящая всё свободное отъ классныхъ занятій время чтенію старинныхъ романовъ, нѣкогда славныхъ, а нынѣ забытыхъ авторовъ: Коцебу, Дюкре-дю-Мениля и г-жи Радклифъ. Затѣмъ, въ 1838 году онъ былъ переведёнъ въ Воронежскую семинарію, гдѣ началъ знакомиться съ произведеніями отечественныхъ поэтовъ и писателей, изъ которыхъ Пушкинъ, Жуковскій и Кольцовъ вскорѣ сдѣлались его любимцами. Здѣсь-же, по переходѣ въ классъ философіи, написалъ онъ своё первое стихотвореніе, заслужившее одобреніе профессора словесности Чехова и опредѣлившее его призваніе. Но въ томъ же классѣ философіи застало семнадцатилѣтняго юношу извѣстіе о разстройствѣ дѣлъ его отца — и сынъ принуждёнъ былъ оставить семинарію, не окончивъ полнаго курса, чтобы принять на свои плечи всю обузу разстроеннаго домашняго хозяйства и дѣлъ по заводу. Покончивъ съ кредиторами, для чего надо было пожертвовать заводомъ, молодой Никитинъ, на вырученныя деньги, завёлъ постоялый дворъ и поселился въ нёмъ, вмѣстѣ съ больнымъ старикомъ-отцомъ. Уединённая жизнь съ хворымъ отцомъ на концѣ города, въ совершенномъ отчужденіи отъ образованнаго общества, развила въ Никитинѣ страсть къ загороднымъ прогулкамъ и охотѣ, во время которыхъ онъ иногда зачитывался по цѣлымъ часамъ, или, улёгшись подъ деревомъ, сочинялъ стихи, которые потомъ ревниво скрывалъ отъ посторонняго глаза, зная очень хорошо, что вскормившая его среда можетъ встрѣтить ихъ только одними насмѣшками. Только въ началѣ 1850 года рѣшился онъ прервать своё невольное молчаніе — и послалъ въ „Воронежскія Губернскія Вѣдомости“ два свои стихотворенія: „Лѣсъ“ и „Дума“, съ просьбою ихъ напечатать. Редакція нашла стихи хорошими, но печатать ихъ отказалась, такъ какъ ей неизвѣстно было имя автора. Спустя три года, Никитинъ снова доставилъ въ редакцію „Воронежскихъ Вѣдомостей“ три новыхъ своихъ стихотворенія: „Русь“, „Съ тѣхъ поръ, какъ міръ нашъ необъятный...“ и „Поле“, при письмѣ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: „Я здѣшній мѣщанинъ. Не знаю, какая непостижимая сила влечётъ меня къ искусству, въ которомъ, можетъ быть, я ничтожный ремесленникъ. Какая непонятная власть заставляетъ меня слагать задумчивую пѣснь въ то время, когда горькая дѣйствительность окружаетъ жалкою прозою моё одинокое, незавидное существованіе. Скажите, у кого мнѣ просить совѣта и въ комъ искать тёплаго участія? Кругъ моихъ знакомыхъ слишкомъ ограниченъ и составляетъ со мною рѣшительный контрастъ во взглядахъ на предметы, въ понятіяхъ и желаніяхъ. Быть можетъ, мою любовь къ поэзіи и мои грустныя пѣсни вы назовёте плодомъ раздраженнаго воображенія и смѣшною претензіею выйти изъ той сферы, въ которую я поставленъ судьбою. Рѣшеніе этого вопроса я предоставляю вамъ и, скажу откровенно, буду ожидать этого рѣшенія не совсѣмъ равнодушно: оно покажетъ мнѣ — или моё значенье, или одну ничтожность, моё нравственное „быть или не быть“. Редакторъ „Воронежскихъ Вѣдомостей“ напечаталъ стихотвореніе „Русь“ и принялъ горячее участіе въ его авторѣ, вслѣдствіе чего Никитинъ былъ радушно принятъ воронежскимъ, образованнымъ обществомъ въ свою среду и прославленъ, какъ нарождающійся талантъ. Тогда, ободрённый общимъ вниманіемъ и громкими похвалами своихъ поклонниковъ, Никитинъ съ новымъ рвеніемъ взялся за перо и написалъ цѣлый рядъ весьма граціозныхъ стихотвореній, изъ которыхъ нѣкоторыя принадлежатъ къ числу лучшихъ произведеній его музы; напримѣръ: „Жена ямщика“, „Ночлегъ извозчиковъ“, „Зимняя ночь въ деревнѣ“, „Измѣна“, „Ссора“, „Зашумѣла, разыгралась...“ и „Утро на берегу озера“. Въ 1856 году графъ Д. И. Толстой, заинтересованный какъ стихами Никитина, такъ и его личностью, задумалъ познако-

мить русскую публику съ музой молодого самоучки-поэта; но изданныя имъ въ томъ же году „Стихотворенія Ивана Никитина“ не имѣли желаннаго успѣха: публика отнеслась къ нимъ довольно холодно, а журналистика встрѣтила ихъ даже больше, чѣмъ неблагосклонно. Въ 1858 году Никитинъ издалъ въ Москвѣ поэму „Кулакъ“. На этотъ разъ журналы отозвались о стихахъ нашего поэта гораздо благосклоннѣе, а „Атеней“ даже призналъ его поэму за одно изъ „лучшихъ литературныхъ явленій послѣдняго времени“. Въ 1859 году Никитинъ выпустилъ свои стихотворенія вторымъ изданіемъ, при чёмъ нѣкоторыя изъ нихъ оказались передѣланными противъ изданія 1856 года, а другія, болѣе слабыя, были вовсе исключены, но и эти передѣлки и исключенія не сдѣлали критику болѣе снисходительною къ музѣ Никитина: она попрежнему утверждала, что въ его стихотвореніяхъ нѣтъ ничего оригинальнаго; что всѣ они напоминаютъ то Пушкина, то Тютчева, то Майкова, то Кольцова; что поэтическаго таланта въ нёмъ очень мало. Въ этомъ есть нѣкоторая доля справедливости; но тѣмъ не менѣе, у Никитина есть нѣсколько стихотвореній, быть можетъ и навѣянныхъ произведеніями нашихъ великихъ поэтовъ, но всё же очень хорошихъ, которыя мы и помѣщаемъ въ нашемъ изданіи.

Никитинъ умеръ 16-го октября 1861 года, въ Воронежѣ, на 37-мъ году отъ рожденья. Тѣло его погребено на городскомъ кладбищѣ, недалеко отъ могилы Кольцова.

По смерти Никитина всё имъ написанное было собрано г. Курбатовымъ и издано имъ въ 1869 году въ Воронежѣ, въ двухъ томахъ. Второе изданіе сочиненій Никитина сдѣлано г. Де-Пуле, отпечатавшимъ его въ 1878 году въ Москвѣ, въ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ: „Сочиненія И. С. Никитина, съ портретомъ, facsimile и біографіей, составленной и вновь исправленной М. Ѳ. Де-Пуле“. Третье изданіе (Я. К. Шамова). М. 1883. 8°. Четвертое „Сочиненія Никитина“ (школьное изданіе) подъ ред. Миропольскаго. Спб. 1885. 8°.

I.

СОХА.

Ты, соха-ли, наша матушка,
Горькой бѣдности помощница,
Неизмѣнная кормилица,
Вѣковѣчная работница!

По твоей-ли, соха, милости
Съ хлѣбомъ гумна пораздвинуты,
Сыты злые, сыты добрые,
По полямъ ковры раскинуты.

Про тебя и вспомнить некому!
Что-жъ молчишь ты, безпривѣтная?
Что не въ славу тебѣ трудъ идётъ?
Не въ честь служба безотвѣтная?

Ахъ, крѣпка, не знаетъ устали
Мужика рука желѣзная —
И покоитъ соху-матушку
Одна ноченька беззвѣздная!

На межѣ трава зелёная,
Полынь дикая качается:
Не твоя-ли доля горькая
Въ ея сокѣ отзывается?

Ужъ и кѣмъ же ты придумана,
Къ дѣлу навѣки приставлена?
Кормишь малаго и стараго,
Сиротой сама оставлена.

II.

НИЩІЙ.

И вечерней, и ранней порою
Много старцевъ и вдовъ, и сиротъ
Подъ окошками ходятъ съ сумою,
Христа ради на помощь зовётъ.

Надѣваетъ-ли сумку неволя,
Неохота-ли взяться за трудъ —
Тяжела и горька твоя доля,
Безпріютный, оборванный людъ!

Не откажутъ тебѣ въ подаяньи,
Не умрёшь ты безъ крова зимой—
Жаль разумное Божье созданье,
Человѣка въ грязи и съ сумой!

Но бѣднѣе и хуже есть нищій—
Не пойдётъ онъ просить подъ окномъ:
Цѣлый вѣкъ, изъ одежды и пищи,
Онъ работаетъ ночью и днёмъ.

Спитъ въ лачужкѣ, на грязной соломѣ,
Богатырь въ безысходной тоскѣ,
Крѣпче камня въ несносной истомѣ,
Крѣпче мѣди въ кровавой нуждѣ.

Въ землю зёрна по смерть онъ бросаетъ,
По смерть жнётъ, а нужда продаётъ;
О нёмъ облако слёзы роняетъ,
Про тоску его буря поётъ.

III.

Вырыта заступомъ яма глубокая!
Жизнь невесёлая, жизнь одинокая,
Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая,
Жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая —
Горько она, моя бѣдная, шла
И, какъ степной огонёкъ, замерла.

Что же? Усни моя доля суровая!
Крѣпко закроется крышка сосновая,
Плотно сырою землёю придавится:
Только однимъ человѣкомъ убавится.
Убыль его никому не больна!
Память о нёмъ никому не нужна!

Вотъ она слышится, пѣснь беззаботная,
Гостья погоста, пѣвунья залётная,
Въ воздухѣ синемъ, на волѣ, купается...
Звонкая пѣснь серебромъ разсыпается...
Тише! о жизни покончeнъ вопросъ;
Больше не нужно ни пѣсенъ, ни слёзъ!

IV.

ДѢДУШКА.

Лысый, съ бѣлой бородою,
Дѣдушка сидитъ;
Чашка съ хлѣбомъ и водою
Передъ нимъ стоитъ.

Бѣлъ, какъ лунь; на лбу морщины;
Съ испитымъ лицомъ...
Много видѣлъ онъ кручины
На вѣку своёмъ.

Всё прошло: пропала сила,
Притупился взглядъ;
Смерть въ могилу уложила
Дѣтокъ и внучатъ.

Съ нимъ въ избушкѣ закоптѣлой
Котъ одинъ живётъ.
Старъ и онъ, и спитъ день цѣлый.
Съ печки не спрыгнётъ!

Старику не много надо:
Лапти сплесть, да сбыть —
Вотъ и сытъ. Его отрада —
Въ Божій храмъ ходить.

Къ стѣнкѣ, около порога,
Станетъ тамъ, кряхтя —
И за скорби славитъ Бога
Божіе дитя.

Радъ онъ жить, не прочь въ могилу —
Въ тёмный уголокъ.
Гдѣ-жъ ты черпалъ эту силу,
Бѣдный мужичёкъ?

М. Л. МИХАЙЛОВЪ.

Михаилъ Ларіоновичъ Михайловъ, русскій писатель и переводчикъ Гейне и другихъ иностранныхъ поэтовъ, сынъ чиновника горнаго вѣдомства и киргизской княжны, родился въ 1826 году въ одномъ изъ казённыхъ горныхъ заводовъ на Уралѣ. Не окончивъ полнаго курса въ Уфимской гимназіи, куда онъ былъ отданъ въ 1836 году, Михайловъ оставилъ Оренбургъ, гдѣ онъ проживалъ по выходѣ изъ заведенія, и переѣхалъ, въ концѣ 1844 года, въ Петербургъ, съ цѣлью поступить въ тамошній университетъ. Не выдержавъ вступительнаго экзамена, Михайловъ — волей-не-волей — принуждёнъ былъ удовольствоваться скромной ролью вольнослушающаго и слишкомъ годъ посѣщалъ университетскія лекціи очень усердно; но съ наступленіемъ 1846 года наклонность къ литературѣ превозмогла въ нёмъ влеченіе къ наукамъ: онъ сталъ всё рѣже и рѣже посѣщать лекціи, а къ концу года и вовсе пересталъ ходить въ университетъ.

Между-тѣмъ, начиная съ 11-го нумера „Иллюстраціи“ на 1845 годъ, стихотворенія Михайлова, преимущественно переводы, стали появляться всё чаще и чаще на страницахъ этого журнала. Затѣмъ, начиная съ 1847 года, Михайловъ сталъ печатать ихъ въ „Литературной Газетѣ“ и „Сынѣ Отечества“, при чёмъ въ первомъ изъ этихъ журналовъ было напечатано, въ теченіе трехъ лѣтъ (1847—1849), около ста стихотвореній, на половину переводныхъ, въ томъ числѣ девять переводовъ изъ Гейне, вошедшихъ, впослѣдствіи, въ исправленномъ видѣ, въ изданныя имъ въ 1858 году „Пѣсни Гейне въ переводѣ М. Л. Михайлова“.

Въ самомъ началѣ 1849 года, Михайловъ переѣхалъ на службу въ Нижній-Новгородъ, при чёмъ перенёсъ и свою литературную дѣятельность изъ петербургскихъ журналовъ въ „Москвитянинъ", издававшійся тогда въ Москвѣ Погодинымъ — и напечаталъ въ нёмъ, не считая мелкихъ стихотвореній, два разсказа въ прозѣ: „Нянюшка" и „Онъ", и лучшую свою повѣсть: „Адамъ Адамовичъ" (1851, №№ 18, 19 и 20), встрѣченную громкими похвалами, при чёмъ было замѣчено, что повѣсть „Адамъ Адамовичъ" принадлежитъ перу писателя, только-что выступающаго на литературное поприще, и обнаруживаетъ въ нёмъ несомнѣнное дарованіе. Жаль, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей повѣсти авторъ уже слишкомъ густо и ярко наложилъ краски и „обнаружилъ слишкомъ большое расположеніе къ поль-де-ковскимъ сценамъ" („Современникъ", 1851, № 12.) Въ началѣ 1852 года Михайловъ оставилъ службу и переселился окончательно въ Петербургъ, гдѣ тотчасъ же вошелъ въ сношенія съ редакціями „Современника" и „Отечественныхъ Записокъ", принявшими его съ удовольствіемъ, такъ-какъ недостатокъ въ беллетристахъ уже и тогда чувствовался. Въ теченіе своего десятилѣтняго сотрудничества въ „Современникѣ", Михайловъ напечаталъ въ нёмъ: пять повѣстей („Кружевница", „Голубые глазки", „Африканъ", „Деревня и городъ" и „Вольная пташка", рядъ серьёзныхъ статей („Джоржъ Эліотъ", „Женщины", „Американскіе поэты и романисты", „Джонъ Стюартъ Милль объ эмансипаціи женщинъ", „Юморъ и поэзія въ Англіи", „Женщины въ университетѣ") и рядъ переводовъ изъ Гейне (въ томъ числѣ двѣ главы изъ „Путевыхъ картинъ"), Борнса, Ленау, Томаса Гуда, Теннисона, Лонгфелло и другихъ. Что же касается „Отечественныхъ Записокъ", то въ теченіе своего четырёхлѣтняго сотрудничества (1852—1855), Михайловъ напечаталъ въ нихъ тоже пять повѣстей и разсказовъ („Поэтъ", „Скромная доля", „Кумушки", Святки" и „Стрижовыя норы"), два большихъ романа, первый — въ трёхъ, а второй — въ четырёхъ частяхъ („Марья Ивановна" и „Перелётныя птицы") и нѣсколько переводныхъ стихотвореній.

Независимо отъ постояннаго сотрудничества въ двухъ названныхъ нами журналовъ, печатавшихъ весьма охотно на своихъ страницахъ почти всё, выходившее изъ-подъ пера молодого писателя, Михайловъ находилъ время писать и для другихъ журналовъ и даже для газетъ, какъ это можно видѣть изъ нижеслѣдующаго перечня: въ „Пантеонѣ" 1853 года было напечатано два его разсказа: „Кухмистерша" и „Скрипачъ"; въ „Библіотекѣ для Чтенія" 1854—1858 — повѣсти: „Изгоевъ", „Ау", „Нашъ домъ" и „Улинька" и цѣлый рядъ переводовъ изъ Гейне; въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1856 — 1859 — разсказъ „Напраслина" и до сорока переводовъ изъ Гейне, въ томъ числѣ „Гарцъ" и „Рыцарь Олафъ"; въ „Русскомъ Словѣ" 1859—1860 — разсказы: „Кормилица", «Обязательный человѣкъ", „Тётушка", романъ въ трёхъ частяхъ „Благодѣтели" и рядъ стихотвореній; въ „Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ" 1852 года — разсказы: „Сынокъ и маменька" и „Исторія одной скрипки"; въ „Шиллерѣ въ переводѣ русскихъ писателей" — переводъ трагедіи Шиллера „Коварство и Любовь" и его же романа „Духовидецъ"; въ „Народномъ Чтеніи" — „Шелковый платокъ" разсказъ и въ „Морскомъ Сборникѣ" на 1859 годъ—„Уральскіе очерки".

Въ 1858 и 1861 годахъ Михайловъ побывалъ заграницей, при чёмъ объѣхалъ половину Германіи и сѣверную Францію и прожилъ по нѣскольку мѣсяцевъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и другихъ большихъ городахъ Европы. Плодомъ этого двухлѣтняго пребыванія между французами, англичанами и нѣмцами былъ рядъ писемъ изъ Парижа, Лондона и Берлина, помѣщенныхъ въ „Современникѣ" (1858, №№ 9, 10, 11 и 12, 1859, №№ 1, 2, 6, 7, 8, 10 и 1860, № 5).

По возвращеніи въ Россію, осенью 1861 года, онъ былъ арестованъ какъ лицо, прикосновенное къ дѣлу о прокламаціяхъ, преданъ суду и, по произнесеніи приговора, сосланъ въ Сибирь, гдѣ скончался лѣтомъ 1865 года.

Изъ сочиненій Михайлова, отдѣльно изданы были: 1) Святки. Михаила Михайлова. Спб. 1854. 2) Пѣсни Гейне, въ переводѣ М. Л. Михайлова. Спб. 1858. 3) Сочиненія М. Л. Михайлова. Двѣ части. Спб. 1859. Сюда вошли слѣдующіе два романа и восемь повѣстей и разсказовъ: „Адамъ Адамовичъ", „Онъ", „Кружевница", „Поэтъ", „Скромная доля", „Сынокъ и маменька", „Кумушки", „Скрипачъ", „Перелётныя птицы" и „Изгоевъ". Изъ нихъ „Адамъ Адамовичъ" посвящается И. С. Тургеневу, а „Кружевница" Н. В. Гербелю. 4) Стихотворенія М. Л. Михайлова. Берлинъ. 1862.

I.

Какъ долгой ночью ждётъ утра̀
Больной, томясь въ бреду,
Такъ въ этой безразсвѣтной тьмѣ
Я милой вѣсти жду.

День безконеченъ.. грудь полна̀
Невыплаканныхъ слёзъ.
Наступитъ ночь—ко мнѣ бѣгутъ
Рои зловѣщихъ грёзъ.

О, только бъ знать, что надъ тобой
Безъ тучъ восходитъ день,
Что, ясная, встрѣчаешь ты
Безъ слёзъ ночную тѣнь —

Какъ стало бы свѣтло̀, тепло
Въ холодной этой тьмѣ!
Пусть воли нѣтъ: пока придётъ,
Есть счастье и въ тюрьмѣ!

Но дни и мѣсяцы идутъ...
Я жду—напрасно жду...
Такъ въ ночь безсонную утра̀
Не ждётъ больной въ бреду...

II.

Если лѣтъ безстрастныхъ холодъ
Всё въ тебѣ оледенилъ,
И забылъ ты, какъ любилъ,
Какъ боролся, какъ былъ молодъ;

Если юной жизни гулъ
Мирно спать тебѣ мѣшаетъ,
Что же гробъ тебя пугаетъ?
Въ нёмъ бы крѣпче ты заснулъ.

Подъ землёй ужъ не наскучатъ
Дѣти шумомъ... Шуму нѣтъ —
И безсонницы не мучатъ,
И проходитъ злобный бредъ.

III.

Вечеромъ душнымъ, подъ черными тучами насъ похоронятъ;
Молнія вспыхнетъ, зароппщетъ рѣка и дубрава застонетъ;
Ночь будетъ бурная; необозримою властью могучи,
Громомъ, огнёмъ и дождёмъ разразятся угрюмыя тучи —
И надъ могилами нашими, радостный день предвѣщая,
Радуга утро раскинетъ по небу отъ края до края.

IV.

Зимнія вьюги завыли
Въ нашихъ пустыняхъ глухихъ;
Саваномъ снѣга накрыли
Мёртвыхъ они и живыхъ.

Гробъ — моя тёмная келья,
Крыша тяжелая — сводъ;
Вѣтеръ полночный въ ущельѣ
Мнѣ панихиду поётъ.

Д. Л. МИХАЛОВСКІЙ.

Дмитрій Лаврентьевичъ Михаловскій родился въ 1828 году и окончилъ курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, по юридическому факультету, въ 1848 г. Первымъ изъ напечатанныхъ его произведеній былъ переводъ поэмы Байрона „Мазепа", помѣщенный, въ 1857 году, въ майской книжкѣ „Современника". Затѣмъ онъ продолжалъ печатать свои стихотворенія въ „Современникѣ", „Отечественныхъ Запискахъ", „Дѣлѣ", „Словѣ", „Русской Мысли" и другихъ большихъ и малыхъ журналахъ и сборникахъ. Большинство этихъ стихотвореній—переводы и пересказы изъ иностранныхъ поэтовъ—англійскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ и италіанскихъ, въ томъ числѣ Шекспира, изъ котораго онъ перевелъ трагедію „Юлій Цезарь", напечатанную въ 1864 г. въ „Современникѣ" и перепечатанную, затѣмъ, въ изданіяхъ Н. В. Гербеля. Кромѣ стихотворныхъ переводовъ, Михаловскій помѣщалъ переводы беллетристическихъ произведеній въ прозѣ, а также статей и сочиненій научнаго содержанія, преимущественно по исторіи и политической экономіи съ языковъ французскаго, нѣмецкаго и англійскаго, въ разныхъ журналахъ и отдѣльныхъ изданіяхъ. Что касается его оригинальныхъ стихотвореній, то ихъ напечатано немного, такъ что Михаловскій болѣе извѣстенъ какъ переводчикъ иностранныхъ поэтовъ; изъ прозаическихъ же переводовъ всѣ напечатаны безъ его подписи, за исключеніемъ романа Руфини „Записокъ Лоренцо Бенони", напечатаннаго въ 1861 г. въ „Современникѣ" и вы-

шедшаго затѣмъ отдѣльною книгой. Въ 1876 г. вышелъ сборникъ его стихотвореній подъ названіемъ: „Иностранные поэты въ переводѣ Д. Л. Михаловскаго", изданный въ пользу литературнаго фонда. Въ эту книжку не вошелъ переводъ „Юлія Цезаря" Шекспира. Дальнѣйшія послѣ изданія этого сборника произведенія Михаловскаго или разбросаны по равнымъ журналамъ, или еще не напечатаны. Съ самаго окончанія курса въ университетѣ Михаловскій состоялъ на государственной службѣ сперва за Кавказомъ, затѣмъ въ Петербургѣ, Литвѣ и опять въ Петербургѣ, гдѣ служитъ и нынѣ по министерству финансовъ.

I.

НА БЕРЕГУ ОКЕАНА.

Былъ жаркій лѣтній день; лежала предо мной,
Какъ зеркало блестя, равнина океана;
Надъ этой свѣтлою, прозрачной глубиной
Не видно было тучъ, ни тѣни, ни тумана.

Казалось, навсегда умолкнула она;
Небесные лучи въ волнѣ не трепетали,
Но ихъ слѣпящій блескъ и эта тишина
Тупымъ уныніемъ мнѣ душу наполняли.

Недвижныя судà я видѣлъ вдалекѣ:
Оставили пловцы свой парусъ безполезный,
И ждали тамъ они, въ томительной тоскѣ,
Охвачены кругомъ оцѣпенѣвшей бездной...

Я ждалъ, какъ и они, пловцы изъ дальнихъ странъ,
Чтобъ волны двинулись съ игрою, шумомъ, плескомъ;
Мнѣ грустнымъ кладбищемъ казался океанъ,
Безмолвный, дремлющій и весь покрытый блескомъ.

На сердцѣ у меня лежалъ тяжелый гнетъ.
Желалъ я, чтобы жизнь вокругъ меня проснулась,
Чтобъ громъ загрохоталъ и эта масса водъ,
Теперь недвижная, тревожно всколыхнулась.

И вдругъ я увидалъ вдали какъ будто тьму...
Вотъ туча черная весь горизонтъ покрыла,
И вѣтеръ зашумѣлъ; затѣмъ въ отвѣтъ ему,
Со стономъ пробудясь, волна заговорила...

Судà задвигались... Я слушалъ и смотрѣлъ, —
Я очарованъ былъ внезапной перемѣной, —
Межъ тѣмъ какъ океанъ взволнованный ревѣлъ
И обдавалъ меня и брызгами, и пѣной.

II.

НА СЦЕНѢ.

Веселый, радостный предъ вами я стою;
Нѣтъ на моемъ лицѣ слѣда моихъ страданій;
А ночью — я постель слезами оболью,
Быть можетъ, задохнусь отъ сдавленныхъ рыданій.

Предъ вами — лишь актеръ; и онъ васъ такъ смѣшитъ
Своей веселостью живой, неистощимой;
Его душевный міръ для васъ совсѣмъ закрытъ, —
И что вамъ за нужда — входить въ тотъ міръ незримый?

Букеты и вѣнки вы сыплете дождемъ, —
Онъ позабавилъ васъ — и этого довольно...
О, еслибъ знали вы — какъ тяжко быть шутомъ,
Когда въ душѣ темно, когда такъ сердцу больно!

О, еслибъ знали вы — какъ горько мнѣ порой,
Какъ трудно мнѣ *играть*, едва собой владѣя,
И, со стыдомъ въ душѣ, кривляться предъ толпой,
Подъ глупой маскою смѣшнаго лицедѣя!..

III.

СѢЯТЕЛИ.

Шагъ за шагомъ, стезей одинокою,
Слово правды сквозь мракъ мы несемъ,
Съ вѣрой чистою, съ вѣрой глубокою
Возрастивъ ее въ сердцѣ своемъ.

Мы ее такъ хранили, лелѣяли, —
А теперь насъ сомнѣнья гнетутъ:
Не пожнемъ мы того, что̀ мы сѣяли, —
Можетъ быть, только внуки пожнутъ.

И то будетъ-ли жатва обильная?
Плодотворна-ли будетъ она?
Или почва сухая, безсильная
Превратитъ въ лебеду сѣмена?

Но къ чему намъ безплоднымъ сомнѣньемъ
Наболѣвшія мучить сердца?
Мы трудились съ великимъ терпѣніемъ
Мы работали въ потѣ лица,

Съ безконечной борьбой и тревогою
Свѣтъ вливая въ сердца и умы...
Пусть и внуки надъ нивой убогою
Поработаютъ такъ-же, какъ мы.

Пусть хоть два или три полныхъ колоса
На посѣвъ она имъ принесетъ,
Когда съ нами звукъ нашего голоса
Въ темномъ мірѣ забвенья умретъ.

IV.

Не плачь, мой другъ,—ты этимъ не поможешь,
И намъ съ тобой страдать—не въ первый разъ;
Рыданьями лишь сердце растревожишь,
Слезами блескъ лучистый уничтожишь
Своихъ прекрасныхъ глазъ.

Какъ жаль мнѣ ихъ! Съ глубокою тоскою
Гляжу, когда застелетъ ихъ туманъ;
И хочется мнѣ зарыдать съ тобою—
Мнѣ сердца жаль, которому судьбою
Нанесено такъ много ранъ...

Мнѣ жизни жаль, чтó счастія не знала,
Которую, вползая какъ змѣя,
Все больше скорбь отравой наполняла;
Мнѣ жаль души, что вѣру потеряла,
Какъ и моя...

Но вспомни, другъ, что намъ крѣпиться надо,
И, въ мракѣ бѣдъ блуждая и скорбя,
Не отрывать отъ свѣтлыхъ точекъ взгляда,
Что намъ въ любви взаимной есть отрада,
Что мы живемъ *не для себя.*

Не плачь-же, другъ, приникнувъ къ изголовью,
Не растравляй ты сердца своего
Тревожнаго, облившагося кровью,—
Забвеніемъ, прощеніемъ, любовью -
Лѣчи его!

V.

ИДЕАЛЪ ХУДОЖНИКА.

„Художникъ, посмотри—какъ солнце золотитъ
Вершины дальнихъ горъ и плещущее море;
Вотъ—тучка легкая по небесамъ бѣжитъ,
И таетъ отъ лучей въ сіяющемъ просторѣ.
На берегъ набѣжавъ, разсыпалась волна;
За нею вслѣдъ идетъ другая, ей на смѣну;
Вся блещетъ, искрится морская глубина,
Бросая на песокъ серебряную пѣну...
Картина чудная! пустыня здѣсь кругомъ,—
Просторъ для тихихъ думъ, для творческой свободы...
Взгляни—и отрази на полотнѣ твоемъ
Величье гордое и красоту природы".

— Нѣтъ, мысль моя—не здѣсь: туда летитъ она,
Гдѣ слышится мнѣ шумъ совсѣмъ другаго моря,
Гдѣ жизнь людей кипитъ, гдѣ бездна создана
Изъ ихъ борьбы и думъ, ихъ радости и горя.
Здѣсь—вдохновеніе меня не посѣтитъ;
Здѣсь—я безмолствую, и кисть мнѣ непослушна,
И сердцу моему ничто не говоритъ,—
Пустыня такъ скучна, природа такъ бездушна!
Чаруютъ насъ ея подвижныя черты,
Своею красотой великой ослѣпляя...
Мнѣ мало этихъ чаръ, мнѣ мало красоты:
Мнѣ нужно, чтобы въ ней была душа живая!.

Н. В. БЕРГЪ.

Николай Васильевичъ Бергъ родился въ 1822 г., въ родовомъ помѣстьицѣ своемъ, Кирсановскаго уѣзда, Тамбовской губ., а большую часть дѣтства провелъ въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ городковъ Восточной Сибири, въ которомъ отецъ его занималъ какую-то должность по службѣ. Воспитаніе и первоначальное образованіе получилъ Бергъ въ Московскомъ дворянскомъ пансіонѣ, который помѣщался въ домѣ нынѣшняго Румянцовскаго музея, и по ученію очутился на школьной скамейкѣ товарищемъ А. Н. Островскаго, съ которымъ во всю жизнь сохранялъ самыя теплыя, дружескія отношенія. Окончивъ гимназію, Бергъ поступилъ въ Московскій университетъ, на словесный факультетъ, въ періодъ его процвѣтанія, страстно увлекался лекціями талантливыхъ своихъ профессоровъ, а въ числѣ молодежи, подававшей большія надежды, былъ замѣченъ М. П. Погодинымъ, который одобрилъ его первые поэтическіе опыты и руководилъ первыми шагами его таланта, направляя его на изученіе модной въ то время обще-европейской и славянской народной поэзіи. Страстно увлекаясь театромъ, принимая дѣятельное и живое участіе въ изданіи „Москвитянина", Бергъ вскорѣ предался вполнѣ занятіямъ литературою и поэзіею, и всю жизнь свою построилъ по чрезвычайно странному плану. Не заботясь о карьерѣ, гоняясь только за впечатлѣніями, этотъ энтузіастъ пустился смолоду путешествовать, и всю жизнь свою, до сѣдыхъ волосъ, провелъ, какъ туристъ и художникъ, въ вѣчныхъ переѣздахъ и перекочевкахъ,

въ истинныхъ „скитаніяхъ по бѣлу свѣту“—какъ онъ самъ назвалъ потомъ свои странствованія. Одаренный большимъ характеромъ, энергіею и очень спокойнымъ мужествомъ, Н. В. Бергъ, въ качествѣ секретаря князя Горчакова, провелъ въ Севастополѣ все время осады, до самаго выступленія нашихъ войскъ оттуда; затѣмъ сражался подъ знаменами Гарибальди противъ австрійцевъ; объѣхалъ всю Европу и нѣсколько разъ побывалъ въ Сиріи и Палестинѣ; а въ самый разгаръ польскаго возстанія, въ 1863 году, поселился въ Варшавѣ, сталъ серіозно заниматься исторіею нашихъ отношеній къ Польшѣ, съ 1832 года, и подъ покровительствомъ графа Ѳ. Ѳ. Берга, имѣлъ возможность изучить эту любопытную и поучительную эпоху на основаніи документовъ, мало доступныхъ кому бы то ни было. До 1868 года, Н. В. Бергъ провелъ все время въ переѣздахъ изъ Варшавы въ Познань и Галицію, изъѣздилъ вдоль и поперекъ всю *конгрессуеку* и побывалъ лично на мѣстахъ всѣхъ важнѣйшихъ битвъ и событій. Любопытнѣйшіе матеріалы, собранные имъ, были только отчасти напечатанны въ „Русскомъ Архивѣ“ и потомъ вышли отдѣльною книгою. Съ 1868 г., со времени открытія Главной Школы въ Варшавѣ, Н. В. Бергъ былъ туда приглашенъ въ качествѣ преподавателя русской грамматики студентамъ младшаго курса и до самой смерти оставался въ должности лектора русскаго языка при Варшавскомъ университетѣ, возникшемъ впослѣдствіи изъ Главной Школы, при чемъ былъ чрезвычайно полезенъ для польской молодежи, облегчая ей изученіе русскаго языка своимъ превосходнымъ знаніемъ языка польскаго.

Не касаясь обширной литературной дѣятельности Берга, какъ туриста, наблюдателя и художника, не упоминая здѣсь заглавія его отдѣльныхъ историческихъ трудовъ и брошюръ, перечислимъ только то, что было имъ сдѣлано въ области поэзіи. Въ 1847 г., онъ издалъ въ свѣтъ въ Москвѣ „Сербскія народныя пѣсни“ въ своемъ переводѣ. Затѣмъ, въ 1854 г., тамъ же, были напечатаны имъ „Пѣсни разныхъ народовъ“ съ текстомъ ихъ на разныхъ языкахъ, начиная отъ санскритскаго, арабскаго, персидскаго и баскскаго, до французскаго и славянскихъ нарѣчій. Въ 1866 г. были изданы Н. В. Гербелемъ въ С.-Петербургѣ „Переводы и подражанія“ Н. В. Берга. Въ то же самое время онъ занимался переводами изъ Мицкевича, и его переводъ „Пана Тадеуша“ можно считать образцовымъ. Не мало славянскихъ мотивовъ было имъ пересажено на русскую почву и въ томъ сборникѣ славянской поэзіи, который былъ изданъ Гербелемъ. Послѣднимъ поэтическимъ трудомъ Берга былъ небольшой, изящно-изданный въ Познани, сборникъ подъ заглавіемъ: „Книга любви“, вольныя подражанія Бгартригари 1881 г.

Несмотря на свою нѣмецкую фамилію, Н. В. Бергъ былъ и по душѣ, и по складу ума истинно-русскимъ человѣкомъ, и, кажется, въ жизни своей не сказалъ ни одного нѣмецкаго слова. Н. В. Бергъ умеръ въ Варшавѣ, 22 іюля 1884 года.

I.

Л.

Ты еще не умѣешь любить,
Но готовъ я порою забыться
И съ тобою слегка пошутить,
И въ тебя на минуту влюбиться;
Я влюбляюсь въ тебя безъ ума;
Ты, кокетка, шалить начинаешь:
Ты какъ будто-бы любишь сама,
И тоскуешь, и тайно страдаешь;
Ты прощаешь пѣвцу своему
И волненье, и грусть, и докуку,
И что крѣпко цѣлую и жму
Я твою бѣлоснѣжную руку;
И что въ очи тебѣ я смотрю
Безпокойнымъ, томительнымъ взоромъ,
Что съ тобой говорю, говорю,
И не знаю конца разговорамъ...
Вдругъ, я вижу, ты снова не та:
О любви ужъ и слышать не хочешь,
И какъ будто другимъ занята,
И бѣжишь отъ меня, и хохочешь..
Я спѣшу заглушить и забыть
Ропотъ сердца мятежный и страстный..
Ты еще не умѣешь любить,
Мой ребенокъ, мой ангелъ прекрасный!

II.

АФИ *).

Въ часъ, какъ тѣни упадутъ
На холмы и на долины,

*) Женское татарское имя.

И къ молитвѣ позовутъ
Правовѣрныхъ муэззины,

И слышнѣй журчатъ ручьи
По садамъ Бахчисарая,
И засвищутъ соловьи,
Сладострастно замирая;

Заиграетъ вѣтерокъ
Съ тополями по вершинамъ:
Въ этотъ часъ, подъ вечерокъ,
Ты съ горы идешь съ кувшиномъ.

И звенящая струя
Зарокочетъ по кувшину:
Выхожу тогда и я,
Свой портфель походный выну...

Начертать я въ немъ хочу
Станъ твой дѣвственный и стройный,
Эти косы по плечу
И во взглядѣ пламень знойный,

И восточныя черты,
— Хоть неловко, хоть невѣрно...
Но опять съ кувшиномъ ты
Убѣгаешь, точно серна!

Я кричу тебѣ: „прости,
Пышный цвѣтъ Бахчисарая!"
Ты на мигъ, въ полупути,
Остановишься, играя.

Ручки сложишь и стоишь
Надъ кувшиномъ граціозно;
Я къ тебѣ... Но ты глядишь
Повелительно и грозно!...

III.

ВѢЕРЪ.

Я помню вѣеръ вашъ: звѣздами
Онъ весь усѣянъ, потому
Что свѣтозарными очами
Вы все склоняетесь къ нему.

На немъ почіютъ ваши взгляды,
Ихъ отражаются лучи,
Какъ въ морѣ — яркія лампады
Свѣтилъ, мерцающихъ въ ночи.

Въ мигъ разставанія унылый
Поэта искушала страсть —
Тотъ вѣеръ чудный, вѣеръ милый
Безъ церемоніи украсть!

Не смѣлъ, не могъ-ли онъ, не знаю;
Но до того взволнованъ былъ,
Что вѣеръ вашъ немного съ краю
Неосторожно надломилъ.

Простите этотъ слѣдъ случайный
Моей тоски, моихъ тревогъ!
Остался-бъ онъ навѣки тайной...
Его легко бы скрыть я могъ...

Но для чего? Вы угадали,
Проникли все давнымъ-давно,
Вы яснымъ взоромъ прочитали
Въ моей душѣ — мнѣ лгать смѣшно!

Н. В. ГЕРБЕЛЬ.

Николай Васильевичъ Гербель родился 26-го ноября 1827 года, въ Твери, гдѣ отецъ его, квартировалъ въ то время со своей конно-артиллерійской бригадой. Предки Гербеля, родомъ изъ нѣмецкой части Швейцаріи, переселились въ Россію еще при Петрѣ Великомъ и одинъ изъ нихъ, искусный архитекторъ, принималъ даже участіе въ постройкѣ Петербурга, но съ теченіемъ времени „фонъ-Гербели" совершенно обрусѣли и обратились просто въ „Гербелей"—православныхъ русскихъ баръ и зажиточныхъ помѣщиковъ. Въ самомъ Николаѣ Васильевичѣ „нѣмецкаго" осталось только чрезвычайная его аккуратность во всѣхъ денежныхъ расчетахъ и въ литературныхъ его предпріятіяхъ.

Воспитаніе, полученное Н. В. Гербелемъ, отчасти было поставлено въ зависимость отъ служебной дѣятельности его отца; такъ какъ Василій Васильевичъ Гербель былъ назначенъ на службу въ Черниговскую губернію начальникомъ Шостенскаго порохового завода, то, конечно, и сына своего постарался пристроить поближе къ себѣ—въ Нѣжинскій лицей графа Кушелева-Безбородко, гдѣ онъ и окончилъ курсъ въ 1847 году Затѣмъ, по обычаю добраго стараго николаевскаго времени, молодой Гербель поступилъ на службу въ Изюмскій гусарскій полкъ юнкеромъ; въ 1849 году былъ произведенъ въ корнеты и тотчасъ же отправился въ венгерскій походъ. Во время этого похода, за отличія въ дѣлахъ при Герембели и

Зодчѣ, онъ удостоенъ былъ награжденія орденомъ Анны 4-ой степени съ надписью „за храбрость". Въ 1851 году Н. В. Гербель переведенъ былъ въ гвардію, въ лейбъ-уланскій полкъ, и въ то же время, черезъ бывшаго командира Изюмскаго полка, полковника Краснокутскаго, вошелъ въ сношеніе съ кружкомъ „Современника", которому и предложилъ свои поэтическіе опыты — въ особенности, переводы изъ Шиллера и Байрона. Вскорѣ имя молодого поэта, печатавшаго свои произведенія не только въ „Современникѣ", но и въ „Отечественныхъ Запискахъ", и въ „Библіотекѣ для Чтенія", пріобрѣло нѣкоторую извѣстность, а литературная дѣятельность въ такой степени заняла Н. В. Гербеля, что онъ рѣшился покинуть военную службу и выступить на литературно-издательское поприще. Получивъ около этого времени свою долю наслѣдства отъ отца, Гербель попытался сначала пріобрѣсть право на „сочиненія Пушкина", которое, однако же, перебилъ у него книгопродавецъ Исаковъ, а затѣмъ, когда это ему не удалось, онъ попалъ на счастливую мысль объ изданіи „Шиллера въ переводѣ русскихъ писателей", которое и привелъ въ исполненіе съ успѣхомъ. Изданіе Н. В. Гербеля удалось и понравилось публикѣ, а потому и повлекло его къ другимъ подобнымъ же предпріятіямъ, а именно—къ изданію „Гёте" Байрона и „Шекспира"—въ переводѣ русскихъ писателей—чѣмъ и была оказана немаловажная услуга русской литературѣ, такъ какъ русскому читателю четыри классическихъ иноземныхъ писателя, въ полномъ составѣ своихъ произведеній, стали вполнѣ доступны на родномъ языкѣ. За этими изданіями послѣдовали весьма интересные сборники произведеній подъ заглавіями „Нѣмецкіе поэты", „Англійскіе поэты", „Русскіе поэты" и „Поэзія славянъ" — сборники, составленные толково, добросовѣстно и съ большимъ знаніемъ потребностей русской публики. Занимаясь этими полезными литературными предпріятіями, Гербель не оставлялъ никогда и собственныхъ своихъ занятій русскою поэзіею. Въ 1854 г. онъ издалъ въ свѣтъ свой переводъ „Слова о полку Игоревѣ", подъ заглавіемъ „Игорь, князь Сѣверскій"; въ 1855 г. книга вышла вторымъ, а въ 1876 — даже третьимъ изданіемъ. Въ 1858 г. Гербель собралъ въ два изящныхъ томика всѣ свои переводы, подражанія и оригинальныя и поэтическія произведенія, подъ общимъ заглавіемъ „Отголоски", а подъ конецъ своей жизни въ 1882 г., издалъ „Полное собраніе стихотвореній", ч. I и II. При этомъ, находясь въ постоянныхъ и частыхъ сношеніяхъ съ литературнымъ и журнальныхъ міромъ, Гербель принималъ самое дѣятельное и горячее участіе въ изданіяхъ „Литературнаго Фонда" и „Славянскаго благотворительнаго общества" и много труда полагалъ совершенно безкорыстно на такія издательскія предпріятія, которыя почиталъ полезными, хотя и не ожидалъ себѣ отъ нихъ никакой выгоды. Большимъ счастіемъ для Гербеля было то, что въ женѣ своей онъ нашелъ себѣ помощницу въ своихъ литературныхъ трудахъ и предпріятіяхъ, такъ какъ Ольга Ивановна Гербель (урожд. Соколова), женщина прекрасно образованная и нелишенная таланта, сама занималась поэзіей: она даже перевела стихами пяти-актную трагедію Байрона „Вернеръ", — для „Байрона въ переводѣ русскихъ писателей", изданнаго ея мужемъ.

Усиленныя занятія, съ теченіемъ времени, вредно повліяли на здоровье Николая Васильевича: въ лѣтахъ еще не старыхъ, повидимому, еще совершенно-здоровый физически, полной силы и свѣжести, онъ вдругъ сталъ проявлять нѣкоторые признаки душевнаго недуга, который овладѣвалъ имъ все болѣе и болѣе, и наконецъ, оказался неизлѣчимымъ. По счастью, смерть не заставила себя ждать... Гербель скончался 8 марта 1883 года. Въ тотъ же годъ 26 ноября скончалась и глубоко преданная ему жена.

I.

ПРОСТОРЪ.

(Я. П. Полонскому.)

Кони мчатъ, гремитъ телѣга,
Колокольчикъ дребезжитъ;
Отъ ночлега до ночлега
Путь на встрѣчу мнѣ бѣжитъ.
　　Но ни лѣса, ни стремнины,
　　Ни пригорка въ сторонѣ—
　　Безпредѣльныя равнины
　　Разстилаются однѣ,
Всюду поле, всюду поле,
Поле ровное лежитъ,
И лишь вѣтеръ въ буйной волѣ
Пышной жатвою шумитъ.
　　И чѣмъ дальше, тѣмъ скучнѣе
　　Тѣмъ полей печальнѣй видъ;

И чѣмъ дальше, тѣмъ грустнѣе
Колокольчикъ дребезжитъ.
Духъ томится, сердце дремлетъ,
Изнуренное борьбой,
И просторъ меня объемлетъ
Безглагольной пустотой.

II.

Меня преслѣдуетъ какой-то демонъ злой,
Хотя я самъ еще назвать его не знаю;
Какая-то тоска тревожитъ мой покой —
И я скорблю, досадую, страдаю.
Какъ вѣтеръ осенью поблекшіе листы
Разноситъ по полямъ, по дебрямъ, по дорогѣ,
Такъ радости мои, надежды и мечты
Развѣяли житейскія тревоги.
Мнѣ некого любить—мнѣ нѣкуда итти!
Чтó въ сердцѣ безъ огня, разбитомъ и уснувшемъ?
И вотъ я, какъ бѣглецъ, на жизненномъ пути,
Стою одинъ,—одинъ съ минувшимъ.

III.

Уже одиннадцать часовъ
Въ сосѣдней комнатѣ пробило,
И стукъ колесъ, и стукъ шаговъ —
Все близкій полдень возвѣстило.
Ужъ свѣтъ дневной со всѣхъ сторонъ
Сквозь щели ставенъ проникаетъ,
И въ немъ пылинокъ милліонъ
Кружится, блещетъ и играетъ —
Да двѣ-три мухи, чуя день,
Едва пригрѣтыя весною,
Тревожа сладостную лѣнь,
Жужжатъ, кружатся надо мною;
А я не въ силахъ отогнать,
Стряхнуть съ себя полудремóты,
Чтобъ міръ видѣній промѣнять
На ежедневныя заботы.

Г. П. ДАНИЛЕВСКІЙ.

Григорій Петровичъ Данилевскій, авторъ романовъ „Бѣглые въ Новороссіи" и „Девятый валъ", извѣстныхъ въ Россіи и переведённыхъ на нѣмецкій языкъ, родился 14-го апрѣля 1829 года въ имѣніи своей тётки по отцу, въ селеньи Даниловкѣ, Харьковской губерніи, Изюмскаго уѣзда, а дѣтскіе годы провёлъ частью въ зміевскомъ имѣніи дяди, въ селѣ Пришибѣ, близъ Донца, частью въ смежномъ отцовскомъ выселкѣ.

Получивъ первоначальное воспитаніе дома, Данилевскій продолжалъ его въ Московскомъ дворянскомъ институтѣ и окончилъ въ Петербургскомъ университетѣ со степенью кандидата и награжденіемъ серебрянною медалью за представленное имъ сочиненіе на тэму „О Пушкинѣ и Крыловѣ". Прослуживъ около восьми лѣтъ по Министерству Народнаго просвѣщенія, въ званіи чиновника особыхъ порученій, онъ вслѣдъ затѣмъ вышелъ въ 1857 году въ отставку и прожилъ цѣлыя двѣнадцать лѣтъ въ Харьковѣ и въ родовомъ имѣніи отца, при чёмъ въ теченіе этого времени прошелъ службу по выборамъ, какъ членъ зміевскаго училищнаго совѣта, гласный харьковскаго губернскаго земскаго собранія и членъ харьковской губернской земской управы. Избранный въ 1867 году въ почётные мировые судьи Зміевскаго уѣзда, Данилевскій предполагалъ заняться адвокатурой и въ 1868 году уже былъ утверждёнъ присяжнымъ повѣреннымъ харьковскаго судебнаго округа, когда въ Петербургѣ возникла мысль объ изданіи „Правительственнаго Вѣстника", при чёмъ ему было предложено мѣсто помощника его главнаго редактора.

Писать, какъ стихи, такъ и прозу, Данилевскій началъ очень рано, именно — еще во время пребыванія своего въ стѣнахъ института; по вступленіи же въ университетъ произведенія его весьма скоро стали появляться на страницахъ „Звѣздочки", почему напечатанныя въ 12-ой книжкѣ этого дѣтскаго журнала на 1847 годъ статья „Пещера тигровъ" и стихотвореніе „Брату" могутъ быть названы первыми плодами досуга начинавшаго писателя, явившимися въ печати. Затѣмъ, спустя всего годъ по окончаніи университетскаго курса, онъ уже успѣваетъ сдѣлаться сотрудникомъ чуть не всѣхъ петербургскихъ журналовъ и газетъ, и наполняетъ ихъ своими оригинальными и переводными стихотвореніями, фельетонами, корреспонденціями и множествомъ мелкихъ статей самаго разнообразнаго содержанія.

Но не долго довольствовался Данилевскій скромнымъ кругомъ своей дѣятельности. Мысль написать что-нибудь болѣе значительное не давала ему покоя—и вотъ, спустя годъ, онъ является на страницахъ ноябрьской книжки „Библіотеки для Чтенія" на 1849 годъ съ большой поэмой изъ мексиканской жизни, подъ заглавіемъ „Гвая Лиръ". Но на этотъ разъ дѣло обошлось далеко не такъ

мирно, какъ при появленіи въ печати его первыхъ стихотвореній, никѣмъ не замѣченныхъ и благополучно канувшихъ въ лету. Напротивъ, большинство крупныхъ журналовъ шумно обрушилось на новое произведеніе молодого писателя, и рецензіи на эту поэму, помѣщённыя въ „Отечественныхъ Запискахъ" и „Современникѣ" за 1850 годъ, вслѣдъ за появленіемъ названной поэмы въ свѣтъ отдѣльною книжкою, оказались ещё болѣе рѣзкими.

Второе стихотворное произведеніе Данилевскаго, выпущенное имъ въ 1851 году отдѣльной книжкой, подъ заглавіемъ „Крымскія Стихотворенія", подверглось ещё большимъ нападкамъ со стороны большинства нашихъ журналовъ и газетъ.

Появленіе въ 10-ой книжкѣ „Пантеона" на 1852 годъ двухъ новыхъ поэтическихъ произведеній Данилевскаго „Катулъ" и „Арабская Касида" вызвало новую бурю на голову молодого писателя.

Несмотря, однако же, на всю рѣзкость журнальныхъ отзывовъ, направленныхъ противъ поэтической дѣятельности г. Данилевскаго, они тѣмъ не менѣе принесли свою долю пользы начинающему писателю, побудивъ его во́-время отказаться отъ поэзіи и перейти окончательно къ прозѣ, доставившей ему впослѣдствіи почётную извѣстность романиста, которою онъ совершенно справедливо пользуется въ настоящее время. Что же касается его стихотворныхъ переводовъ съ малороссійскаго и иностранныхъ языковъ, то изъ нихъ можно указать на „Украинскія сказки", выдержавшія четыре изданія, что уже одно говоритъ въ ихъ пользу, и весьма удачное переложеніе шиллерскаго „Resignation" на русскій языкъ, сдѣланное имъ для „Полнаго собранія сочиненій Шиллера въ переводахъ русскихъ писателей" и замѣченное всѣми любителями поэзіи.

Однимъ изъ первыхъ разсказовъ Данилевскаго, обратившихъ на себя вниманіе критики, была „Повѣсть о томъ, какъ казакъ побывалъ въ Бахчисараѣ", появившаяся въ первый разъ въ 8-ой книжкѣ „Современника" на 1852 годъ. Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ такихъ же разсказовъ, почерпнутыхъ изъ украинскаго быта, собранныхъ впослѣдствіи въ одну книгу и изданныхъ подъ названіемъ „Слобожане". Здѣсь уже встрѣчается нѣсколько небольшихъ разсказовъ, весьма поэтическихъ по вымыслу, изящныхъ по изложенію и полныхъ правдиваго мѣстнаго колорита. Словомъ, дарованіе молодого писателя сказалось въ этомъ небольшомъ сборникѣ со всѣми его характеристическими особенностями. Вслѣдъ за этими первыми шагами на поприщѣ беллетристики, повѣсти и разсказы Данилевскаго стали появляться всё чаще и чаще на страницахъ „Отечественныхъ Записокъ", „Современника", „Времени", „Эпохи", „Свѣточа", „Русскаго Вѣстника" и другихъ журналовъ и завоевали, въ концѣ концовъ, подобающее имъ мѣсто въ русской литературѣ. Изъ числа этихъ разсказовъ, какъ на лучшія, укажемъ на „Вечеръ въ теремѣ царя Алексѣя Михайловича" и „Екатерина Великая на Днѣпрѣ" („Библіотека для Чтенія", 1856 и 1858), „Село Сорокопа́новка" („Современникъ", 1859), „Разсказъ прабабушки" и „Лейбъ-кампанецъ" („Русскій Вѣстникъ", 1870 и 1871), „Бабушкинъ рай" („Складчина на 1874 годъ") и „Потёмкинъ на Дунаѣ" („Вѣстникъ Европы", 1878). Главнѣйшее достоинство почти всѣхъ повѣстей Григорія Петровича это — правдивость самой ихъ фабулы. Несмотря на то̀, что она бываетъ у него часто очень сложна, тѣмъ не менѣе вы сознаёте, что выдуманнаго, сочинённаго въ разсказѣ ничего нѣтъ и что авторъ не гоняется за внѣшними эффектами, ради которыхъ весьма часто приходится жертвовать правдою изложенія. Это-то искреннее, подчасъ даже переходящее въ наивность отношеніе къ жизни и описываемымъ явленіямъ и составляетъ лучшую сторону таланта Данилевскаго.

Въ 1866 году Григорій Петровичъ собралъ въ отдѣльное изданіе, подъ заглавіемъ „Украинская старина", нѣсколько статей по исторіи украинской литературы и народнаго образованія. Въ сборникѣ этомъ помѣщены біографіи: украинскаго философа Сковороды, основателя харьковскаго университета Каразина и малороссійскаго писателя Квитки-Основьяненки. Это послѣднее сочиненіе удостоилось въ 1868 году уваровской преміи Академіи Наукъ.

Но не эти небольшія, хотя и талантливыя вещи составляютъ главную заслугу Данилевскаго. Его литературная репутація основывается на трёхъ большихъ романахъ: „Девятый Валъ", „Бѣглые въ Новороссіи" и „Бѣглые воротились" (два послѣдніе изданы впослѣдствіи подъ общимъ названіемъ „Воля"), и на такихъ историческихъ повѣстяхъ какъ: „Мировичъ", „Княжна Тараканова" и др.

Изъ сочиненій Данилевскаго были изданы отдѣльно слѣдующія: 1) Гвая Лиръ или мексиканскія ночи. Поэма. Спб. 1849. 2) Жизнь и смерть короля Ричарда III. Драма Шекспира. Переводъ съ англійскаго Г. Данилевскаго. Спб. 1850. 3) Цим-

белинъ. Драма Шекспира. Переводъ Г. Данилевскаго. Спб. 1851. 4) Крымскія стихотворенія Г. П. Данилевскаго. Спб. 1851. 5) Степныя сказки. Спб. 1852. 6) Слобожане. Малороссійскіе разсказы. Спб. 1854. 7) Основьяненко. Спб. 1856. 8) Изъ Украйны. Сказки и Повѣсти. Три тома. Спб. 1860. 9) Украинскія сказки для дѣтей. Спб. 1863. 10) Воля. Два романа изъ быта бѣглыхъ. Т. I. Бѣглые въ Новороссіи. Т. II. Бѣглые воротились. Спб. 1864. 11) Украинская старина. Матеріалы для исторіи украинской литературы и народнаго образованія. Харьковъ. 1866. 12) Новыя мѣста. Романъ. М. 1867. 13) Новыя сочиненія Г. П. Данилевскаго. Два тома. Спб. 1868. 14) Девятый валъ. Романъ. Спб. 1874. 15) Сочиненія Г. П. Данилевскаго. Четыре тома. Спб. 1878—1880. Затѣмъ, до 1882 вышло еще два изданія; въ 1884 появилось 4-ое изданіе въ 6 томахъ а въ 1887—5-ое изд.

СНѢГУРКА.

Жилъ да былъ старикъ съ старухой.
Не давалъ Господь имъ дѣтокъ —
И сидѣли подъ окошкомъ,
Горевали дѣдъ и баба;
А на улицѣ надъ рѣчкой
Вереница ребятишекъ
Гору снѣжную лѣпила.
Вотъ и спрашиваетъ баба:
„Не пойти-ли, человѣче,
„Намъ на улицу съ тобою?“
— „А и въ самомъ дѣлѣ, баба!“
Отвѣчаетъ дѣдъ на это.
И шары лѣпить изъ снѣгу
Начинаютъ дѣдъ и баба.
„Что вы дѣлаете, старцы?“
Молвитъ, кланяясь, прохожій
Старый, дряхлый, съ бородою.
— „Лѣпимъ дитятко!“ съ усмѣшкой,
Отвѣчаютъ дѣдъ и баба.
„Помогай же Богъ вамъ, старцы!“
Молвитъ, кланяясь, прохожій—
И за рѣчкой исчезаетъ.
Лѣпитъ дѣдъ изъ снѣгу ножки,
Лѣпитъ носикъ, лѣпитъ ротикъ;
Только вдругъ изъ губокъ бѣлыхъ
Тёплый паръ повѣялъ струйкой,
Глазки синіе раскрылись—
И красавица Снѣгурка,
Отряхая мягкій иней,
Передъ старцемъ встрепенулась,
Встрепенулась, какъ живая.
„Крошка!“ молвила старуха:
„Будь отнынѣ нашей дочкой!“
И, въ тулупъ закутавъ тёплый,
Унесла Снѣгурку въ хату.
Вотъ идутъ за днями ночи,
За ночами дни проходятъ;
Не по днямъ, а по минутамъ
Хорошѣетъ и милѣетъ
Русокудрая Снѣгурка.
Не успѣлъ старикъ съ старухой
Осмотрѣться, оглядѣться,
Стала дѣвочкой-рѣзвушкой
Русокудрая Снѣгурка.
Не успѣли дѣдъ и баба
Справить ей на косы ленты,
А на шубку позументы,
Стала пышною невѣстой
Русокудрая Снѣгурка.
Женихи, какъ листья въ осень,
Къ нимъ посыпались въ ворота.
Всѣмъ была она красотка,
Только вовсе безъ румянцу,
Безъ одной кровинки въ тѣлѣ;
Да ещё бывала рада
Тучамъ, будто милымъ сёстрамъ,
Вольнымъ бурямъ и метелямъ,
Будто сватьямъ да золовкамъ,
А туману, словно брату.
Бокогрѣй-февраль спустился,
Потянулъ весенній вѣтеръ
И затаяли потоки.
Призадумалась, замолкла
И головкою поникла
Русокудрая Снѣгурка.
Разъ зарёю ранней было,
Вешнихъ водъ струи сбѣгали.
Вышелъ дѣдъ, присѣлъ у двери
И старухѣ тихо молвилъ:
„Посмотри, какою павой
Выступаетъ наша дочка!“
А красавица Снѣгурка
Отъ рѣки, промежъ заборовъ,
Коромысло взявъ на плечи,
Шла, былинкой изгибаясь
И былинкой колыхаясь,
Вся въ дукатахъ, вся въ гранатахъ,
Шла по улицѣ широкой.
Только вдругъ остановилась,
Пошатнулась, оступилась --
И тихонько стала таять,

Стала таять, словно свѣчка:
Заклубилась лёгкимъ паромъ,
Тихо въ облачко свернулась
И разсѣялась въ лазури.

П. И. ВЕЙНБЕРГЪ.

Пётръ Исаевичъ Вейнбергъ, русскій современный писатель и переводчикъ Шекспира и Гейне, родился въ 1830 году въ городѣ Николаевѣ. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ извѣстномъ одесскомъ пансіонѣ Золотова — впослѣдствіи автора всѣмъ извѣстныхъ педагогическихъ сочиненій. Затѣмъ продолжалъ его въ одесской гимназіи, и, по окончаніи полнаго курса, поступилъ въ Ришельевскій лицей, на юридическій факультетъ, но за полгода до выпуска оставилъ его и перешелъ въ Харьковскій университетъ на историко-филологическій факультетъ, въ которомъ на этотъ разъ и окончилъ курсъ въ 1855 году, со степенью кандидата. Прослуживъ около двухъ лѣтъ въ Симбирскѣ и напечатавъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1856 года нѣсколько небольшихъ стихотвореній, онъ переѣхалъ въ 1858 году на жительство въ Петербургъ, а въ 1868 году снова оставилъ его и переселился въ Варшаву, гдѣ получилъ мѣсто профессора исторіи русской литературы въ тамошней Главной Школѣ (нынѣ Варшавскій университетъ). Послѣднюю должность занималъ онъ до начала 1873 года. Въ настоящее время Вейнбергъ въ отставкѣ и проживаетъ снова въ Петербургѣ, гдѣ занимается чтеніемъ лекцій исторіи всеобщей и русской литературы въ женскихъ педагогическихъ курсахъ.

На литературное поприще Вейнбергъ выступилъ въ 1854 году съ изданной въ Одессѣ книжкой своихъ стихотвореній, въ составъ которой вошло нѣсколько его оригинальныхъ и переводныхъ пьесъ (въ томъ числѣ переводъ одной изъ юношескихъ поэмъ лорда Байрона „Оскаръ Д'Альва"), не представляющихъ ничего сколько-нибудь замѣчательнаго. По переѣздѣ-же въ 1858 году въ Петербургъ, онъ сталъ помѣщать свои оригинальныя и переводныя стихотворенія сначала въ „Библіотекѣ для Чтенія", „Иллюстраціи" и „Искрѣ", а потомъ въ „Современникѣ", „Будильникѣ" и другихъ журналахъ. Въ 1860 году Вейнбергъ, вмѣстѣ съ А. В. Дружининымъ, К. Д. Кавелинымъ и В. П. Безобразовымъ, предпринялъ изданіе еженедѣльнаго журнала „Вѣкъ", продолжавшагося всего одинъ годъ. Здѣсь Вейнбергъ помѣстилъ цѣлый рядъ своихъ оригинальныхъ и переводныхъ стихотвореній, пародій, подписанныхъ псевдонимомъ Гейне изъ Тамбова, и прозаическихъ статей, подписанныхъ также псевдонимомъ, составляющимъ переводъ имени и фамиліи автора: Камень Виногоровъ (Pierre Weinberg). По прекращеніи „Вѣка", Пётръ Исаевичъ сталъ снова печатать почти во всѣхъ петербургскихъ и московскихъ журналахъ свои переводы изъ Гейне, Фаллерслебена, Гервега, Шамиссо, Ленау, Гуцкова и другихъ нѣмецкихъ поэтовъ.

Въ 1864 году Вейнбергъ принялся за переводъ Шекспира и въ теченіи трёхъ лѣтъ перевёлъ девять его пятиактныхъ пьесъ, изъ которыхъ трагедіи: „Отелло", „Король Генрихъ VIII" и „Тимонъ Аѳинскій" были напечатаны въ первый разъ въ 4-ой и 5-ой книжкахъ „Библіотеки для Чтенія" за 1864 годъ и 8-мъ и 10-мъ нумерахъ „Современника" того же года, а комедіи „Венеціанскій купецъ", „Какъ вамъ будетъ угодно", „Конецъ — всему дѣлу вѣнецъ", „Виндзорскія проказницы", „Комедія ошибокъ" и „Безплодныя усилія любви" въ „Шекспирѣ въ переводѣ русскихъ писателей". Кромѣ поименованныхъ здѣсь девяти драматическихъ произведеній Шекспира, Вейнбергъ перевёлъ ещё слѣдующія драматическія произведенія: Байрона — „Сарданапалъ" („Байронъ въ переводахъ русскихъ поэтовъ"), Шелли — „Ченчи" („Дѣло"), Гуцкова — „Уріэль Акоста" („Отечественныя Записки" 1872, № 2, 11 и 12), комедіи: Шеридана — „Школа злословія", Коппе — „Двѣ судьбы" („Отечественныя Записки" 1874, № 10 и 1875, № 12), поэмы: Гейне — „Іуда Бенъ Галеви" и „Бимини" („Отечественныя Записки", 1870, № 2 и 4), Лонгфелло — „Евангелина", Ленау — „Жижка" и другія, напечатанныя въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1869 и 1870 годовъ. Наконецъ, Вейнбергъ издалъ сочиненія Гёте и Гейне въ русскихъ переводахъ, первыя въ шести, а вторыя въ двѣнадцати томахъ. Изъ большихъ же статей Вейнберга можно указать ещё на „Людвига Бёрне" („Современникъ", 1864, №№ 1) „Менцеля — французоѣда" („Русское Слово", 1864, № 4) и „Посмертныя Сочиненія Гейне" („Отечественныя Записки", 1870, № 1). Изъ оригинальныхъ стихотвореній серіознаго содержанія, которыхъ Вейнбергъ написалъ немного, три лучшія напечатаны въ предлагаемомъ изданіи; что же касается сатирическихъ и шуточныхъ его пьесъ, которыхъ онъ написалъ великое множество, то для интересующихся ими мы

можемъ сказать только, что они печатались въ „Будильникѣ", „Развлеченіи", „Вѣкѣ" и, преимущественно, въ „Искрѣ".

Впрочемъ, извѣстность Вейнберга въ литературѣ нашей, какъ поэта, зиждется не на оригинальныхъ его произведеніяхъ, а на стихотворныхъ переводахъ съ англійскаго и нѣмецкаго языковъ, которые пріобрѣли ему почётное мѣсто среди русскихъ переводчиковъ. Переводы его, независимо отъ звучнаго и всегда правильнаго стиха, отличаются замѣчательною вѣрностью духу и буквѣ подлинника. Нѣкоторые изъ его переводовъ изъ Гейне, Ленау (напримѣръ — поэма „Жижка"), Фаллерслебена, Гервега и нѣкоторыхъ другихъ нѣмецкихъ поэтовъ — превосходны, а комедіи Шекспира „Конецъ всему дѣлу вѣнецъ", „Какъ вамъ будетъ угодно" и „Комедія Ошибокъ" могутъ быть поставлены въ примѣръ всѣмъ переводчикамъ Шекспира.

I.

ИЗЪ „СОЖЖЕННЫХЪ ПИСЕМЪ".

1.

Когда мы сходимся въ гостиной,
И я, участвуя съ другими наравнѣ,
Въ бесѣдѣ церемонно-чинной,
Такъ говорю съ тобой, какъ-будто ты и мнѣ,
Какъ и другимъ, знакомая простая;
Когда, постыдную комедію играя,
Я говорю тебѣ холодныя слова,
Межъ тѣмъ какъ кровь кипитъ, пылаетъ голова
И рвутся изъ груди неодолимо звуки
И счастья вѣчнаго, и безконечной муки;
Когда передъ людьми я мужу твоему
Съ улыбкою Іуды руку жму;
Когда ещё полна святого обаянья
Невыразимыхъ чаръ недавняго свиданья,
Въ таинственной тиши, со мной наединѣ,
Съ улыбкой свѣтскою подходишь ты ко мнѣ;
Когда мы вѣжливо прощаемся съ тобою
И уѣзжаешь ты съ другимъ,
Его законною рабою,
Оставивши меня съ мученіемъ моимъ —
О, въ эти гнусныя мгновенья
Позорно-лицемѣрной лжи,
Мои порывы озлобленья
Ты понимаешь-ли, скажи?
Ты слышишь-ли, что эта злоба
Не противъ общества? О, нѣтъ!
Разъ навсегда создалъ свои законы свѣтъ
И твёрдо ихъ блюдётъ. Нѣтъ, только мы, мы оба
Мнѣ возмутительны ничтожествомъ своимъ,
Трусливой робостью, съ которой мы стоимъ
Въ цѣпяхъ неволи, сознавая
Нашъ нескончаемый позоръ
И только сердцемъ возставая
На жесткій свѣта приговоръ,
Тупой выносливостью боли,
Безсильемъ — стать на новый путь
И комедьянтовъ жалкихъ роли
Съ себя презрительно стряхнуть.

2.

Каждый разъ, какъ только въ сердце,
Въ сердце я твоё взгляну —
Вижу солнце, вижу розы,
Вижу свѣтлую весну.
Каждый разъ, какъ ты запрёшься
Въ строгой логикѣ ума —
Предо мной и снѣгъ, и холодъ
И мертвящая зима.
Ахъ, дитя моё, на свѣтѣ
Зябну я и безъ того;
Что-жъ ты прячешь въ мозгъ холодный
Солнце сердца твоего?

II.

Никакъ не пойму я разгадки печально-мудрёной!
Ликуетъ и блещетъ природа въ одеждѣ зелёной;
Въ ней щедро разлиты всѣ чары роскошнаго лѣта,
Въ ней столько сокровищъ тепла и лазурнаго свѣта.
Но — странное дѣло — въ такую чудесную пору
Тоскливо и тщетно дыханіе ищетъ простору,
Свинцовая тяжесть ложится на душу сурово,
На сжатыхъ губахъ замираетъ свободное слово,
И слышатся уху — какіе-то странные крики
Несутся отвсюду, зловѣщи, отчаянны, дики,
И видятся глазу — какіе-то гадкіе люди
Хохочутъ и топчутъ высокія, мощныя груди,
И губятъ, и давятъ, и — черствы, заносчивы, тупы —
Съ проклятіемъ грознымъ садятся на бѣдные трупы.
А лѣто ликуетъ и блещетъ въ одеждѣ зелёной...
Никакъ не пойму я загадки печально-мудрёной!

III.

ДВѢ СВАДЬБЫ.

Залитà огнями церковь; блещутъ роскошью наряды;
Всюду праздничныя лица и торжественные взгляды.

Представители бомонда живописно-пёстрымъ роемъ
Собрались вокругъ стоящихъ передъ свадебнымъ налоемъ.
Устремились зорко взоры всей толпы щеголеватой
На виновниковъ счастливыхъ свадьбы знатной и богатой:
Онъ — старикъ гнилой и дряхлый, еле ходитъ, еле дышетъ;
Въ ней всё жизнью молодою такъ и брызжетъ, такъ и пышетъ.
Онъ глядитъ сатиромъ гадкимъ на пурпуровыя губки,
На роскошнѣйшія плечи, и въ восторгѣ отъ покупки;
А покупка — вся подъ гнётомъ скорби тяжкой и унылой,
И стоитъ она какъ-будто передъ мрачною могилой.
Конченъ весь обрядъ вѣнчальный. Хоръ веселыхъ поздравленій
Молодыхъ встрѣчаетъ шумно — и чрезъ нѣсколько мгновеній
Экипажъ великолѣпный мчитъ въ квартиру щегольскую
Гниль отжившую и съ нею жизнь цвѣтуще-молодую.
„Жертва бѣдная!" шепчу я съ чувствомъ грусти и досады:
„Продала ты противъ воли красоту свою и силу —
И нашла въ позорномъ бракѣ безысходную могилу;
Въ раззолоченной могилѣ ты угаснешь одиноко —
И никто въ блестящемъ свѣтѣ не замѣтитъ, какъ глубоко
Ты страдала, какъ томилась безпощадно, ядовито,
Сколько слёзъ на шелкъ и бархатъ изъ очей твоихъ пролито".
Такъ скорбѣлъ я, бѣдной жертвѣ много горя предвѣщая.
Въ это время въ церковь свадьба появляется другая.
Люди бѣдные, какъ видно. Приглашенныхъ очень мало;
Всѣ безъ свѣтской политуры, всѣ одѣты какъ попало;
Но женихъ такъ свѣжъ и молодъ; онъ съ такой надеждой ясной
Руку далъ своей невѣстѣ, тоже юной и прекрасной,
И глядятъ въ глаза другъ другу такъ свѣтло и прямо оба,
Что съ души моей спадаетъ и уныніе, и злоба —
И шепчу я: „Будетъ ясенъ путь вашъ скромный и нешумный;
Будетъ вамъ опорой вѣчный трудъ здоровый и разумный;
Ваша преданность другъ другу и взаимное участье
Мнѣ ручаются за ваше продолжительное счастье".
Года три прошло. Я снова встрѣтилъ обѣ пары эти:
Та, которой я пророчилъ столько слёзъ — блистала въ свѣтѣ,
Беззаботно толковала про гулянья и наряды,
На развалину-супруга очень ласковые взгляды
Устремляла, и я слышалъ, какъ вокругъ меня твердили:
„Вотъ счастливица!" И правду эти люди говорили:
Бракъ, сулившій столько горя, столько муки и позора,
Въ бракъ спокойный и завидный превратился очень скоро —
И слѣды гнуснѣйшей купли и постыднѣйшей продажи
Уничтожили навѣки — деньги, платья, экипажи.
Но зато другая пара — та, которой обѣщало
Всё спокойную дорогу, та, въ которой всё дышало
Свѣжей жизнью, дружной силой, безпредѣльнымъ упованьемъ,
Какъ она перемѣнилась подъ безвыходнымъ страданьемъ!
На ихъ лицахъ исхудалыхъ, въ каждомъ взглядѣ, въ каждомъ звукѣ
Я читалъ разсказъ о долгой и губящей душу мукѣ,
О борьбѣ съ трудомъ и ложью, объ утратѣ вѣры ясной
Въ жизнь, которая казалась имъ цвѣтущей и прекрасной.
Эти вѣчныя невзгоды, эти вѣчныя мученья
Отравили оба сердца горькимъ ядомъ озлобленья,
И изъ устъ, что такъ недавно про любовь свою шептали,
Только мрачныя проклятья безпощадно вылетали.

В. С. КУРОЧКИНЪ.

Василій Степановичъ Курочкинъ, талантливый русскій поэтъ-сатирикъ, редакторъ „Искры" во всё время ея существованія и лучшій изъ русскихъ переводчиковъ Беранже, родился 28-го іюля 1831 года въ Петербургѣ. Призваніе къ литературѣ обнаружилось въ немъ ещё въ раннемъ дѣтствѣ. На седьмомъ году онъ самъ, безъ учителя, выучился читать; съ восьми — проводилъ буквально цѣлые дни за чтеніемъ, а десяти лѣтъ уже сочинялъ, при чёмъ первымъ опытомъ его въ сочинительствѣ были три комедіи въ стихахъ, написанныя въ подражаніе всему тому, что̀ онъ вычиталъ по этой части на страницахъ издававшихся въ то время „Библіотеки для Чтенія" Сенковскаго и

„Репертуара" и „Пантеона" Кони. Въ 1841 году Курочкинъ былъ опредѣленъ въ 1-ый Кадетскій корпусъ, въ которомъ оставался до 1846 года, когда былъ переведёнъ въ Дворянскій полкъ, и спустя два года, выпущенъ прапорщикомъ въ Гренадерскій принца Евгенія Виртембергскаго полкъ. Не чувствуя рѣшительно никакого расположенія къ военной и особливо къ фронтовой службѣ, онъ, тѣмъ не менѣе, промыкался въ ней около трёхъ лѣтъ.

Къ этому времени относится сочиненіе Курочкинымъ первой его сатиры „Путешествіе хромого бѣса въ Старую-Руссу", оставшейся не напечатанной. Выпущенный изъ крѣпости, куда онъ былъ посаженъ на мѣсяцъ по приговору полевого военнаго суда, онъ порѣшилъ или попытаться вступить въ Военную Академію, для полученія высшаго образованія, или — въ случаѣ неудачи — совсѣмъ оставить военную службу. Но для осуществленія перваго изъ этихъ предположеній слѣдовало, во-первыхъ, получить отпускъ, съ правомъ на жительство въ Петербургѣ, а во-вторыхъ, добыть себѣ средства къ существованію въ столицѣ. Такъ-какъ перваго ему не давали, а вторыхъ добыть было негдѣ, то ему, совершенно здоровому и жаждавшему жизни молодому человѣку, ничего болѣе не оставалось, какъ лечь на цѣлый почти годъ въ госпиталь, въ ожиданіи того счастливаго мгновенья, когда дѣло о пріёмѣ его въ академію или о выпускѣ въ отставку придётъ къ вожделѣнному концу. Съ этою цѣлью онъ поступилъ во второй военно-сухопутный госпиталь, гдѣ сталъ готовиться къ экзамену. Единственнымъ его развлеченіемъ за всё это время, какъ и на гауптвахтѣ, были ежедневныя посѣщенія брата его, Николая Степановича, который, состоя въ это время вольно-слушателемъ Медицинской Академіи, нарочно поселился противъ госпиталя. Но, несмотря на всѣ хлопоты, поступить въ Военную Академію Василію Степановичу не удалось; всё же дѣло кончилось тѣмъ, что онъ былъ уволенъ въ отставку съ чиномъ провинціальнаго секретаря, XIII-го класса. Тогда, не имѣя никакихъ средствъ къ существованію, хотя стихи его уже съ годъ какъ печатались во многихъ журналахъ безъ вознагражденія, онъ принуждёнъ былъ подумать о службѣ — и опредѣлился въ существовавшій тогда департаментъ ревизіи отчётовъ, въ Вѣдомство Путей Сообщенія, съ жалованьемъ чуть-ли не по 14 рублей въ мѣсяцъ, которымъ онъ и долженъ былъ довольствоваться въ теченіе почти двухъ лѣтъ, вплоть до полученія штатнаго пятидесятирублёваго мѣста. Въ госпиталѣ Курочкинъ писалъ очень много и, между прочимъ, сочинилъ цѣлый романъ, подъ заглавіемъ „Увлеченіе", который, несмотря на всѣ хлопоты автора и достоинства текста, не былъ принятъ ни въ одинъ журналъ и такимъ образомъ остался ненапечатаннымъ, какъ равно и переводъ „Мизантропа" Мольера, который также ни одна изъ существовавшихъ тогда редакцій не сочла удовлетворительнымъ и достойнымъ напечатанія.

Только начиная со второй половины 1854 года стихотворенія Курочкина стали появляться въ нѣкоторыхъ мало-распространённыхъ петербургскихъ журналахъ и газетахъ, сначала безъ подписи, а потомъ и подписанныя полными его именемъ и фамиліею; но, тѣмъ не менѣе, стихи никѣмъ замѣчены не были. Затѣмъ прошло ещё года три — и стихотворенія Курочкина стали являться въ журналахъ болѣе распространённыхъ, какъ напримѣръ: въ „Библіотекѣ для Чтенія", „Сынѣ Отечества" и другихъ; но и это послѣднее обстоятельство нисколько не повліяло на увеличеніе извѣстности автора. Это невниманіе критики и публики къ произведеніямъ Курочкина продолжалось вплоть до появленія въ печати первыхъ его переводовъ изъ Беранже, которые были тотчасъ всѣми замѣчены — и впослѣдствіи пріобрѣли ему извѣстность и титулъ „переводчика Беранже".

Съ успѣхомъ переводовъ Беранже роли мгновенно перемѣнились — и къ Курочкину изо-всѣхъ редакцій посыпались приглашенія къ сотрудничеству. Успѣхъ переводовъ былъ такъ великъ, что когда авторъ собралъ ихъ въ одну книгу, то она въ теченіе пяти-шести лѣтъ выдержала пять изданій, одно изъ которыхъ — именно пятое — появилось въ 1864 году съ приложеніемъ двѣнадцати гравюръ, сдѣланныхъ по рисункамъ Бойе.

Успѣхъ переводовъ изъ Беранже и, особенно, нѣкоторыхъ оригинальныхъ юмористическихъ пьесъ, напечатанныхъ въ „Библіотекѣ для Чтенія", „Сынѣ Отечества" и нѣкоторыхъ другихъ журналахъ, навели Василія Степановича на мысль объ изданіи сатирическаго журнала съ карикатурами, подъ названіемъ „Искра", 1-ый нумеръ котораго долженъ былъ выйти ещё въ 1857, а вышелъ только 1-го января 1859 года, подъ редакціей его и Н. С. Степанова, извѣстнаго нашего карикатуриста. Редактированіе литературной части новаго журнала развило ещё болѣе сатирическую сторону таланта Курочкина — и вскорѣ изъ подъ пера его вышло множество стихотвореній, весьма живыхъ,

мѣткихъ и, по временамъ, захватывающихъ очень серіозныя явленія нашей общественной жизни. Въ началѣ 1864 года изданіе и редакція „Искры" перешли въ исключительное завѣдываніе Курочкина, такъ-какъ соредакторъ его, Степановъ, начиная съ этого года, сталъ издавать свой собственный сатирическій журналъ—„Будильникъ", перенесённый имъ впослѣдствіи въ Москву.

Съ выходомъ первыхъ нумеровъ „Искры" дружескія отношенія большинства нашихъ журналовъ и газетъ къ „переводчику Беранже" начали мало-по-малу мѣняться въ враждебныя къ нему, какъ къ редактору новаго сатирическаго изданія, едва только выяснился основной характеръ его журнала. Съ появленія перваго нумера „Искры", Курочкинъ, если только можно такъ выразиться, отдалъ всего себя этому дѣлу и связалъ неразрывно личную свою судьбу съ судьбами „Искры". Да и было надъ чѣмъ поработать! „Искра" представляла у насъ первый опытъ внесенія въ жизнь сатирической прессы, составляющей немаловажную силу во всѣхъ европейскихъ обществахъ. Курочкину пришлось быть какъ бы создателемъ этого рода прессы.

Василій Степановичъ былъ неутомимъ въ работѣ и изумительно плодовитъ. Довольно будетъ сказать, что изъ слишкомъ 700 нумеровъ, составляющихъ полное изданіе „Искры" за всё время ея существованія, едва ли найдётся нумеръ, въ которомъ бы не было помѣщено его передовой или обличительной статьи, его оригинальнаго или переводнаго стихотворенія.

Въ періодъ изданія „Искры", Василій Степановичъ помѣщалъ свои стихи только въ немногихъ журналахъ. Что же касается болѣе крупныхъ вещей, то въ „Отечественныхъ Запискахъ" отъ времени до времени появлялись прозаическія его статьи о русскомъ театрѣ, а на сценѣ Александринскаго театра его оригинальныя и переводныя оперетки.

По прекращеніи въ 1873 году „Искры", Курочкинъ, оставшійся, какъ и при началѣ своего литературнаго поприща, безъ всякихъ средствъ, вынужденъ былъ снова искать работы въ чужихъ журналахъ для поддержанія своего существованія. Какъ на послѣднія работы Курочкина, можно указать на его переводъ поэмы Грессе „Попугай", напечатанный въ „Отечественныхъ Запискахъ" и фельетоны, появившіеся въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ его жизни въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ".

Современные фельетонисты обыкновенно бываютъ плотью отъ крови вновь появляющихся издателей печатныхъ органовъ. Но Курочкинъ сумѣлъ остаться независимымъ отъ всего навѣяннаго въ роли фельетониста чужой газеты. Роль эта его мучила, но—вѣчно терпѣливый и кроткій—онъ молчалъ и не высказывался. Стóитъ пробѣжать фельетоны въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ", чтобы увидѣть, что въ нихъ нѣтъ ни одной чужой мысли, ни одного полемическаго слова, высказаннаго по приказанію. Онъ умеръ такимъ-же юнымъ и честнымъ, какимъ оставался во всю жизнь.

Кромѣ Беранже, изъ котораго Курочкинъ перевёлъ до ста пьесъ, онъ переводилъ Мольера („Мизантропъ", комедія въ пяти дѣйствіяхъ), Вольтера („Макаръ и Телэма"), Альфреда-де-Виньи („Смерть волка" и „Гнѣвъ Самсона"), Альфреда-де-Мюссе („Ночи", „Ива", „Пѣснь Фортуніо"), Виктора Гюго („Грозный годъ" и другія пьесы), Барбье („Бэдламъ", „Всемірная сила" и другія) и Гюстава Надó (цѣлый рядъ пѣсенъ), а также изъ Борнса („Пѣснь бѣдняка"), Шиллера („Начало новаго вѣка" и „Лаурѣ") и другихъ поэтовъ.

Курочкинъ умеръ совершенно неожиданно, на сорокъ-четвёртомъ году отъ рожденія, вслѣдствіе неосторожнаго лѣченія ничтожной болѣзни, и похоронёнъ на Волковомъ кладбищѣ, недалеко отъ могилъ Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева и Рѣшетникова.

Неожиданная и преждевременная смерть Курочкина поразила всѣхъ, его близко знавшихъ и видѣвшихъ его весёлымъ и здоровымъ, не далѣе какъ за нѣсколько дней до рокового дня.

Изъ сочиненій и переводовъ В. С. Курочкина, кромѣ указанныхъ нами выше пяти изданій „Пѣсенъ Беранже", изъ которыхъ послѣднее вышло въ 1864 году въ Петербургѣ, въ исправленномъ и значительно дополненномъ видѣ, существуютъ ещё слѣдующія: 1) Собраніе стихотвореній Василія Курочкина. Спб. 1867. 2) Собраніе стихотвореній Василія Курочкина. Новое дополненное изданіе. Два тома. Спб. 1869. 3) Фаустъ на изнанку. Опера-Буфъ въ трёхъ дѣйствіяхъ и четырёхъ картинахъ. Слова Кремье. Передѣлана съ французскаго В. Курочкинымъ. Спб. 1869. 4) Дочь рынка. Комическая опера въ трёхъ дѣйствіяхъ Клервиля, Сидодена и Кенента. Для петербургской сцены передѣлана В. Курочкинымъ. Музыка Лекока. Спб. 1874.

I.

18-го іюля 1857 года.

Зачѣмъ Парижъ въ смятеніи опять?
На площадяхъ и улицахъ солдаты!
Народныхъ волнъ не можетъ взоръ обнять!
Кому спѣшатъ послѣдній долгъ воздать?
Чей это гробъ и катафалкъ богатый?
Тревожный слухъ въ Парижѣ пролетѣлъ:
Угасъ поэтъ — народъ осиротѣлъ!

Великая скатилася звѣзда,
Свѣтившая полвѣка кроткимъ свѣтомъ
Надъ алтарёмъ страданья и труда;
Простой народъ простился навсегда
Съ своимъ роднымъ учителемъ-поэтомъ,
Воспѣвшимъ блескъ его великихъ дѣлъ.
Угасъ поэтъ — народъ осиротѣлъ!

Зачѣмъ пальба и колокольный звонъ,
Мундиры войскъ и ризы духовенства,
Торжественность тщеславныхъ похоронъ
Тому, кто жилъ такъ искренно, какъ онъ —
Пѣвцомъ любви, свободы и равенства,
Несчастнымъ льстилъ, но съ сильными былъ смѣлъ?
Угасъ поэтъ — народъ осиротѣлъ!

Зачѣмъ пѣвцу напрасный ѳиміамъ,
Дымъ пороха въ невыносимомъ громѣ,
Дымъ, дорогой тщеславнымъ богачамъ —
Зачѣмъ ему, когда Богъ добрыхъ Самъ,
Благословивъ младенца на соломѣ,
Не быть ничѣмъ поэту повелѣлъ?
Угасъ поэтъ — народъ осиротѣлъ!

Народъ всѣхъ странъ, страданіе и трудъ,
И сладкихъ слёзъ надъ пѣснями отрада
Громчѣй пальбы къ безсмертію зовутъ!
И въ нихъ, поэтъ, тебѣ верховный судъ:
Великому великая награда,
Когда поэтъ пѣснь лебедя пропѣлъ
И, внемля ей, народъ осиротѣлъ.

II.

Какъ въ наши лучшіе года
Мы пролетаемъ безъ участья
Помимо истиннаго счастья!
Мы молоды, душа горда;
Какъ въ насъ заносчивости много!
Предъ нами свѣтлая дорога —
Проходятъ лучшіе года!

Проходятъ лучшіе года —
Мы всё идёмъ дорогой ложной:
Вслѣдъ за мечтою невозможной
Идёмъ невѣдомо куда;
Но вотъ оврагъ — вотъ мы споткнулись;
Кругомъ стемнѣло; оглянулись —
Нигдѣ ни звука, ни слѣда!

Нигдѣ ни звука, ни слѣда,
Ни свѣтлыхъ дней, ни сожалѣнья;
На сердцѣ тяжесть оскорбленья
И одиночество стыда.
Для утомительной дороги
Нѣтъ силы, подкосились ноги —
Погасла дальняя звѣзда!

Погасла дальняя звѣзда!
Пора, пора душой смириться!
Надъ жизнью нечего глумиться,
Отвѣдавъ горькаго плода,
Или, съ безсильемъ старой дѣвы,
Твердить упорно: „гдѣ вы, гдѣ вы,
Вотще минувшіе года!“

Вотще минувшіе года
Не лучше-ль справить честной тризной?
Не осквернимъ-же укоризной
Господень міръ — и никогда
Съ безсильной злобой оскорблённыхъ,
Не осмѣёмъ четы влюблённыхъ,
Влюблённыхъ въ лучшіе года!

III.

Честнымъ я прожилъ пѣвцомъ,
Жилъ я для слова родного.
Гробъ мой украсьте вѣнкомъ:
Труднымъ для дѣла благаго
Въ жизни прошелъ я путёмъ.

Пѣлъ и боролся со зломъ
Силой я смѣха живого.
Гробъ мой украсьте вѣнкомъ:
Труднымъ для дѣла благого
Въ жизни прошелъ я путёмъ.

Н. С. КУРОЧКИНЪ.

Николай Степановичъ Курочкинъ, писатель и родной братъ переводчика Беранже и издателя „Искры“, родился 2-го іюня 1830 года въ Петер-

бургѣ; воспитывался сначала въ третьей гимназіи, а потомъ въ Медико-Хирургической академіи, откуда вышелъ въ 1854 году со званіемъ лѣкаря.

Литературой сталъ заниматься Курочкинъ со школьной скамьи и, будучи ещё ученикомъ четвёртаго класса, напечаталъ переведённый имъ романъ Арсена Уссэ „Три сестры", въ журналѣ „Пантеонъ", издававшемся тогда покойнымъ Кони, а въ теченіе всего своего студенчества поддерживалъ своё существованіе единственно литературными работами. Сдѣлавшись врачомъ, онъ занималъ въ первое время мѣсто окружного доктора нѣсколькихъ уѣздовъ Петербургской губерніи, а затѣмъ перешелъ въ военные медики, послѣ чего былъ командированъ въ Крымъ, во время осады Севастополя, гдѣ и находился во всё продолженіе войны. Вынужденный этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ отказаться временно отъ чисто литературныхъ работъ, онъ, по окончаніи войны и возвращеніи въ Петербургъ, принуждёнъ былъ обратиться къ практикѣ, которой и занимался почти исключительно три года, помѣщая въ то же время статьи въ „Московской Медицинской Газетѣ" Смирнова. Затѣмъ, опредѣлившись въ 1857 году въ Русское пароходное общество врачомъ, онъ провёлъ два съ половиной года въ странствованіяхъ по морямъ, при чёмъ побывалъ на Кавказѣ, во Франціи, Италіи, Азіи и Африкѣ. Въ январѣ 1860 года онъ былъ вызванъ братомъ своимъ, Василіемъ Степановичемъ, въ Петербургъ, для раздѣленія съ нимъ трудовъ по редактированію юмористической газеты „Искра", начавшей своё существованіе съ 1859 года, хотя мысль о ней зародилась гораздо раньше. Здѣсь Курочкинъ помѣстилъ множество юмористическихъ стихотвореній, драматическихъ сценъ и всякаго рода статей подъ разными псевдонимами. Тамъ-же началъ онъ печатать свои переводы изъ италіанскихъ сатириковъ Джусти и Порта, а во время отлучки брата за границу, редактировалъ „Искру". Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сотрудничалъ и помѣщалъ свои статьи и стихотворенія въ „Русскомъ Мірѣ", „Русскомъ Инвалидѣ", „Времени", „Очеркахъ" и другихъ журналахъ, а въ теченіи 1861 года редактировалъ „Иллюстрацію", въ 1865 и 1866 годахъ — „Книжный Вѣстникъ", а въ 1867—„Невскій Сборникъ". Наконецъ, въ январѣ 1868 года, онъ былъ приглашенъ въ число членовъ редакціи „Отечественныхъ Записокъ", и завѣдывалъ здѣсь въ теченіе четырёхъ лѣтъ отдѣломъ библіографіи, при чёмъ помѣстилъ въ этомъ журналѣ слѣдующія шесть большихъ статей: „Западная наука на русской почвѣ", „Европейская наука у себя дома", „Анри Рошфоръ и его Фонарь", „Годы развитія Прудона", „Корни невзгодъ современной Франціи" и „Необходимы-ли тюрьмы"; цѣлый рядъ стихотвореній, преимущественно переводныхъ изъ французскихъ и италіанскихъ поэтовъ, и — въ сокращеніи — нѣсколько романовъ съ французскаго, нѣмецкаго и италіанскаго языковъ. Такъ продолжалась литературная дѣятельность Курочкина до начала семидесятыхъ годовъ, когда хроническая болѣзнь, которою онъ сталъ страдать около этого времени, вынудила его ограничиться почти исключительно переводами, изъ которыхъ можно указать, какъ на лучшія, на двѣ слѣдующія пьесы: „Весёлый огонь", сцены въ стихахъ, съ французскаго, напечатанныя въ „Отечественныхъ Запискахъ" на 1874 годъ, и „За монастырской стѣной"— драму, и теперь еще съ успѣхомъ являющуюся на нашей сценѣ.

I.

Довольно лѣтъ я прожилъ. Понимать,
Казалось-бы я могъ всё въ мірѣ ясно,
Чтобъ на людей безплодно не пенять
И не бранить судьбы своей напрасно.

Стремленье знать не глохнуло во мнѣ:
Я весь былъ это страстное стремленье;
А между тѣмъ я всё брожу во тьмѣ
Безсилія и скорби и сомнѣнья.

Одно вполнѣ понятно для меня
И мозгъ терзаетъ правдой роковою,
Что человѣкъ, разбитый злобой дня,
Ужъ не боецъ со злобой вѣковою.

II.

Чѣмъ выше умъ, чѣмъ страсть живѣй,
Чѣмъ чувство глубже и сильнѣе,
Тѣмъ въ злую темень нашихъ дней
Жить человѣку тяжелѣе.
Повсюднымъ мракомъ умъ смущёнъ,
Доводитъ страсть до озлобленья
Сознанья горечь — и ни въ чёмъ
Для сердца нѣтъ успокоенья.

Весь гнётъ ошибокъ вѣковыхъ
И лжи тысячелѣтней бремя
Выноситъ на плечахъ своихъ,

Изнемогая, наше время.
Живучесть лжи, громадность зла
Встаютъ въ сознаньи скорбномъ ясно,
И слышитъ сердце безъ числа
Лишь стоны гибнущихъ напрасно.

Стремимся силой роковой
Мы въ юности къ борьбѣ тревожной—
И нѣтъ для мысли молодой
На свѣтѣ цѣли невозможной;
Но жизнь съ безстрастіемъ тупымъ
Мечтѣ подрѣзываетъ крылья—
И умираемъ мы съ однимъ
Сознаньемъ своего безсилья.

III.

Уныло и темно день тянется за днёмъ
Для тѣхъ, кто, разгадавъ встревоженнымъ умомъ
Тщету тщеславія и шаткость суевѣрья,
Не примиряется съ безстыдствомъ лицемѣрья;

Кто сдёрнулъ сотканный изъ лжи и звонкихъ словъ
Съ неправды жизненной чарующій покровъ,
Предъ кѣмъ весь міръ стоитъ скелетомъ обнаженнымъ,
Растенья остовомъ, листвы своей лишеннымъ;

Кто горько оскорблёнъ надменной пустотой
Ничтожной суеты и пошлости людской
И вмѣстѣ утомлёнъ попыткою напрасной
Исканья истины въ природѣ безучастной.

Стремленьямъ дорогимъ сознанью съ юныхъ лѣтъ
Въ безстрастныхъ выводахъ ума — отвѣта нѣтъ;
А прежнія мечты разбиты какъ химеры —
И сердцу всё темно и мёртвенно безъ вѣры.

П. А. КУСКОВЪ.

Платонъ Александровичъ Кусковъ родился 18-го ноября 1834 года въ Петербургѣ, воспитывался въ Коммерческомъ училищѣ, куда поступилъ въ 1848 году и гдѣ окончилъ полный курсъ въ 1853 году, послѣ чего былъ немедленно командированъ обязательно на службу въ одесскій Приказъ общественнаго призрѣнія, на счётъ котораго онъ получилъ своё воспитаніе. Пробывъ въ Одессѣ всего около шести мѣсяцевъ, Кусковъ былъ переведёнъ въ петербургскій Приказъ. Переѣхавъ въ самомъ началѣ 1854 года въ Петербургъ, онъ уже не оставлялъ его болѣе. Въ 1861 году онъ вышелъ въ отставку и цѣлые два года оставался безъ службы, до поступленія своего въ главное выкупное учрежденіе.

Первыя два стихотворенія Кускова были напечатаны въ іюльской книжкѣ „Современника“ на 1854 годъ, въ отдѣлѣ „Литературный Ералашъ“, куда они попали совершенно случайно и безъ подписи автора. Стихотворенія эти носили слѣдующія заглавія: „Рѣка“ и „Послѣдняя просьба“. Въ обѣихъ пьесахъ не было ничего особеннаго, но, тѣмъ не менѣе, въ нихъ было „нѣчто оригинальное, дѣлающее ихъ стóящими прочтенія“, какъ справедливо отозвалась о нихъ сама редакція, помѣстившая у себя названныя стихотворенія. Затѣмъ, въ 1856 году, на страницахъ „Сына Отечества“, издаваемаго Старчевскимъ, появилось нѣсколько оригинальныхъ стихотвореній Кускова, а въ „Современникѣ“ на 1859—1861 года (томы 77, 79 и 90) были напечатаны слѣдующія восемь пьесъ: „Люблю я памятникъ Великаго Петра“, „Возвращеніе“, „Искатель службы“, „Комары и мухи“, „И вотъ я вновь одинъ...“, „Всё въ умѣ лѣса да горы...“, „Мнѣ снилась ты въ лѣсу...“ и „Весною“. Одновременно съ этимъ въ „Русскомъ Словѣ“ было помѣщено нѣсколько переводовъ Кускова изъ Гейне, а въ теченіе всего 1861 года онъ принималъ дѣятельное участіе въ журналѣ „Время“, который издавался тогда Михайломъ Достоевскимъ, братомъ извѣстнаго писателя; здѣсь, кромѣ цѣлаго ряда критическихъ статей безъ имени автора, было напечатано девять его оригинальныхъ стихотвореній („Не смѣйся надъ нимъ...“, „Старичокъ“ „Много сновъ мнѣ чудныхъ снится...“, „Ночь“, „Весною“, „Дитя весёлое, въ глаза твои смотря...“, „Послѣ бури“, „Какъ хорошо, что занятая...“ и „Я люблю тебя, ребёнокъ...“) и разсказъ, подъ заглавіемъ: „Повѣсть объ одномъ сумасшедшемъ поэтѣ“. Въ 1862 году онъ перенёсъ свою дѣятельность въ журналъ „Свѣточъ“, гдѣ помѣщалъ свои стихотворенія, критическія статьи и написалъ свой первый фельетонъ. Наконецъ, въ теченіе всего 1863 года, онъ дѣятельно сотрудничалъ въ газетѣ „Голосъ“, въ которой помѣстилъ цѣлый рядъ своихъ фельетоновъ и небольшихъ рецензій, послѣ чего вовсе отказался отъ журнальной дѣятельности и сталъ посвящать свободное отъ служебныхъ занятій время переводу драмъ Шекспира. Результатомъ этихъ трудовъ былъ переводъ трагедіи „Отелло“ и одной сцены изъ „Ромео и Юліи“. Оба перевода были напечатаны въ 1870 году

въ 4-ой и 10-ой книжкахъ вскорѣ послѣ того прекратившагося журнала „Заря“.

I.

ПАМЯТНИКЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Люблю я памятникъ Великаго Петра,
Стоящій весело надъ царственной Невою:
Проста и нехитра гранитная гора,
Что, кажется, звенитъ подъ мощною пятою
Могучаго коня. Съ открытой головою,
Какой-то плащъ простой накинувъ на плечà,
Великій всадникъ вдаль, съ приподнятой рукою,
Глядитъ открытый всѣмъ, безъ шпоръ и безъ меча.
И всю его любовь къ Руси непросвѣщённой
Въ движеніи его душою умилённой
Я чувствую — и говорю безъ словъ:
Всё пусто на землѣ — лишь велика любовь!

II.

ПОСЛѢ БУРИ.

Посмотри, какъ стихла буря;
Посмотри, какъ горы эти,
Поднимаяся надъ нами,
Мрачно тонутъ въ лунномъ свѣтѣ;
Какъ въ прорѣху черной тучи
Ясно смотритъ мѣсяцъ полный,
И подъ нами лижутъ камни
Успокоенныя волны —
Лижутъ нехотя, угрюмо,
Пѣнясь въ воздухѣ стемнѣвшемъ,
Точно всё забыть не могутъ
Распри съ вѣтромъ усмирѣвшимъ.

III.

И вотъ я вновь одинъ; опять вокругъ меня
Ни слёзъ, ни брани нѣтъ, ни зависти, ни сплетенъ;
Опять мой тихій день идётъ, едва замѣтенъ,
И новаго за нимъ я жду спокойно дня.
Не слышу ничего, чтò слуха недостойно,
Не вижу ничего, чтò оскорбляетъ взоръ —
И мысли шествуютъ торжественно, спокойно,
И жизни вижу я обиды и позоръ;
Но въ мысляхъ это всё приличный видъ пріемлетъ
И сердца не мутитъ. И самый сердца крикъ
Благопристойно-тихъ и важенъ, какъ старикъ,
Рѣчамъ котораго покорно юность внемлетъ.
Не то случается, когда въ кругу людей,
Уставъ отъ злобы ихъ, въ ожесточеньи дикомъ,
Готовъ бываешь ты за тридевять морей
Бѣжать, кляня судьбу, съ отчаяньемъ и крикомъ.

Д. Д. МИНАЕВЪ.

Дмитрій Дмитріевичъ Минаевъ, современный поэтъ и переводчикъ, родился 21-го октября 1835 года, въ Симбирскѣ. Начавъ воспитаніе своё въ домѣ отца (поэта, о которомъ мы говорили выше, на стр. 329) и окончивъ его въ Дворянскомъ полку, онъ былъ выпущенъ изъ него въ 1852 году, съ чиномъ 14-го класса, для поступленія въ гражданскую службу. Прослуживъ затѣмъ около двухъ лѣтъ въ симбирской казённой палатѣ, онъ вышелъ въ отставку и отправился въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ и опредѣлился снова на службу въ Министерство Внутреннихъ дѣлъ, въ земскій отдѣлъ по крестьянскому вопросу, въ которомъ прослужилъ до половины 1857 года, послѣ чего, выйдя въ отставку, поселился окончательно въ Петербургѣ и посвятилъ себя исключительно литературной дѣятельности. Хотя Минаевъ началъ писать стихи ещё въ бытность свою въ Дворянскомъ полку, но печатать ихъ сталъ гораздо позже, именно — съ 1858 года. Начиная съ этого времени, стихотворенія Минаева стали появляться сначала изрѣдка въ „Иллюстраціи“ Зотова, „Сынѣ Отечества“ Старчевскаго, „Русскомъ Мірѣ“, „Русскомъ Вѣстникѣ“ шестидесятыхъ годовъ, а потомъ и гораздо чаще—въ „Русскомъ Словѣ“, „Модномъ Магазинѣ“, „Искрѣ“, „Будильникѣ“, „Свѣточѣ“, „Времени“, „Современникѣ“, „Дѣлѣ“, новыхъ „Отечественныхъ Запискахъ“ и нѣкоторыхъ другихъ петербургскихъ и московскихъ журналахъ, чтò, впрочемъ, не мѣшало ему вести въ то же время въ „Русскомъ Словѣ“, въ теченіе четырёхъ лѣтъ, постоянный еженедѣльный фельетонъ, подъ рубрикой: „Дневникъ тёмнаго человѣка“. Начиная же съ 1860 года, онъ обратился къ переводамъ стихотворныхъ произведеній знаменитѣйшихъ европейскихъ поэтовъ, сперва—французскихъ: Альфреда де-Виньи, Виктора Гюго („Рюи-Блазъ“ и „Эрнани“) Барбье, Мюссе и Надò, а потомъ англійскихъ: Чосера, Марло („Фаустъ“), Борнса, Фелиціи Гименсъ, Корнваля, Андерсона, Шелли („Освобождённый Прометей“) и Байрона, при чёмъ изъ послѣдняго перевёлъ цѣлый рядъ самыхъ большихъ его поэмъ, какъ-то: „Донъ-Жуанъ“, „Чайльдъ Гарольдъ“, „Беппо“, „Манфредъ“ и „Каинъ“.

Изъ послѣднихъ большихъ стихотворныхъ переводовъ Минаева, можно указать на „Германію“ и „Зимнюю сказку Гейне“, на трилогію Данта, изъ которой переведены „Адъ“ и „Чистилище“, на четыре поэмы Сырокомли: „Ночлегъ Гетмана“, „Три литвинки“, „Странствованія Пилигрима“ и „Форнарина“ и, въ особенности, на комедію Мольера „Ученыя барыни“, напечатанную въ 12-ой книжкѣ „Вѣстника Европы“ на 1875 годъ.

Изъ оригинальныхъ же стихотвореній Минаева, серіозныхъ по содержанію, можно указать, какъ на лучшія, на тѣ, которыя были написаны послѣ выхода въ свѣтъ его „Сумерекъ“ и потомъ напечатаны въ изданіи его стихотвореній 1871 года. Однимъ изъ послѣднихъ оригинальныхъ произведеній Минаева была комедія „Спѣтая пѣсня“, напечатанная въ майской книжкѣ „Вѣстника Европы“ на 1874 годъ и удостоенная большой уваровской преміи. Что же касается его шуточныхъ стихотвореній, то они печатались въ „Искрѣ“, „Будильникѣ“, „Гудкѣ“, „Развлеченіи“ и „Петербургскомъ листкѣ“, подъ псевдонимами: Обличительный Поэтъ, Тёмный Человѣкъ, Михаилъ Бурбоновъ, Дм. Свіяжскій, Литературное Домино и другими, а впослѣдствіи были собраны и изданы два раза подъ нижеслѣдующимъ заглавіемъ: 1) Перепѣвы. Стихотворенія Обличительнаго Поэта. Спб. 1859. и 2) Здравія желаю! Стихотворенія отставного майора Михаила Бурбонова. Спб. 1867.

Кромѣ названныхъ выше двухъ собраній сатирическихъ стихотвореній, сочиненія и переводы Минаева были издаваемы пять разъ, подъ слѣдующими заглавіями: 1) Думы и Пѣсни Д. Д. Минаева и юмористическія стихотворенія Обличительнаго Поэта. Двѣ части. Спб. 1863 — 1864 2). Въ Сумеркахъ. Сатиры и Пѣсни Д. Д. Минаева. Спб. 1868. 3) Пѣсни и Поэмы Д. Д. Минаева. Спб. 1870. 4) На перепутьи. Новыя стихотворенія Д. Д. Минаева. Спб. 1871. Въ этомъ же изданіи была перепечатана его оригинальная комедія въ пяти дѣйствіяхъ „Либералъ“, первоначально напечатанная въ 12-ой книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ на 1870 годъ, гдѣ, между прочимъ, были напечатаны и двѣ поэмы его: оригинальная — „Сфинксъ“ (1868, № 8) и переводная, изъ Альфреда де-Виньи, „Потопъ“ (1869, № 12). 5) Пѣсни и Сатиры Д. Д. Минаева, съ прибавленіемъ комедіи „Разорённое гнѣздо“. Спб. 1875. 6) Чѣмъ хата богата, пѣсни и риѳмы. Спб. 8°. 1880. 7) Не бровь, а въ глазъ. Собраніе эпиграммъ. Спб. 8°. 1883.

I.

НАСУЩНЫЙ ВОПРОСЪ.

Гражданинъ.

Молчи, толпа! твой дѣтскій ропотъ
Тревожитъ мирный сонъ гражданъ!
Ужели былъ напрасно данъ
Тебѣ на свѣтѣ долгій опытъ?
Тебя, капризную толпу,
Ведёмъ мы къ истинѣ, къ наукѣ,
И, яркій свѣточъ взявши въ руки,
Твою житейскую тропу
Мы озаряемъ блескомъ знанья.
Среди блестящаго собранья
Мы проливаемъ много слёзъ,
Слагая рѣчь за бѣдныхъ братій,
За всѣхъ, кто много перенёсъ
Обидъ, гоненій и проклятій;
Твои невзгоды и тоску
Мы чтимъ въ созданіяхъ поэта,
И среди земскаго совѣта
Даёмъ мы мѣсто мужичку.
Всему, что сиро и убого,
Мы сострадали столько разъ,
И Ломоносова дорога
Открыта каждому изъ васъ.
Чего-жъ вамъ надо? Не робѣя,
Вкушайте знанья сладкій сокъ:
Сплетёмъ лавровый мы вѣнокъ
Для геніальнаго плебея
И будь онъ селянинъ простой —
Предъ нимъ преклонимся мы дружно.
Чего-же вамъ, безумцы, нужно?
Того-ль, чтобъ дождикъ золотой,
Какъ манна, падалъ прямо съ неба,
Балуя праздностью народъ?
Чего-же вамъ недостаётъ?
Чего-жь хотите?

Толпа.

Хлѣба! хлѣба!

II.

ВѢЧНАЯ НЕВѢСТА.

Молода, безсмертна, какъ природа,
Какъ невѣста, сходитъ въ міръ свобода.
Передъ ней — благоговѣйно тихъ —
Міръ не разъ склонялся, какъ женихъ,
И не разъ межъ нихъ — землѣ казалось —
Обрученья тайна совершалась

И въ виду священныхъ, вѣчныхъ узъ
Близокъ былъ божественный союзъ.
На челѣ богини новобрачной
Былъ покровъ таинственно-прозрачный;
Но, при видѣ брачнаго вѣнца,
Жизнь сбѣгала съ гордаго лица
И, съ себя роняя покрывало,
Каждый разъ невѣста исчезала.
И донынѣ сходитъ въ міръ она,
Цѣломудріемъ своимъ защищена,
Оставаясь вѣчно для вселенной
Недоступной, чистой и нетлѣнной.

III.

СМѢХЪ.

Всегда неподкупенъ, великъ
И страшенъ для всѣхъ безъ различья
Смѣхъ честный — живой проводникъ
Прогресса, любви и величья.

Наивно-прямой, какъ дитя,
Какъ мать — многолюбящій нѣжный,
Онъ мудрости учитъ шутя,
Смягчаетъ удѣлъ безнадежный.

Струясь, какъ по камнямъ вода,
Какъ чистый фонтанъ водоёма,
Торжественный смѣхъ иногда
Доходитъ до грохота грома,

Сливаясь въ густыхъ облакахъ
Въ немолчное, грозное эхо —
И тотъ, кто забылъ всякій страхъ,
Дрожитъ отъ подобнаго смѣха.

Смиряя рыданья порывъ
И гордую скорбь гражданина
Подъ маской шута затаивъ,
Запрятавъ подъ плащъ арлекина,

Стремленіе къ лучшей судьбѣ,
Родитъ онъ въ груди всего міра
И, съ гидрой пороковъ въ борьбѣ,
Сверкаетъ и бьётъ, какъ сѣкира.

Онъ сонную мысль шевелитъ
И будитъ во мракѣ глубокомъ:
Плясалъ вкругъ ковчега Давидъ,
Но былъ и царёмъ, и пророкомъ.

VI.

ПРИЗРАКЪ.

Въ эпоху античнаго вѣка
Мудрецъ, засвѣтивъ свой фонарь,
Ходилъ и искалъ человѣка,
Искалъ человѣка онъ встарь.

Столѣтья прошли, какъ видѣнья,
Исчезнувъ въ прошедшемъ, какъ дымъ,
И въ гробъ не одно поколѣнье
Сошло, чередуясь съ другимъ —

А тѣнь Діогена всё бродитъ
По міру съ своимъ фонарёмъ
И свѣтъ безнадежно наводитъ
На встрѣчныхъ и ночью, и днёмъ.

Н. А. ДОБРОЛЮБОВЪ.

Николай Александровичъ Добролюбовъ, извѣстный критикъ и сатирическій поэтъ, родился 24-го января 1836 года въ Нижнемъ Новгородѣ. Дѣтство Добролюбова прошло безцвѣтно и однообразно, какъ проходитъ оно для бо́льшей части дѣтей его среды. Совокупными усиліями отца, Александра Ивановича, священника нижегородской Никольской церкви, человѣка дѣятельнаго и энергическаго, и матери, Зинаиды Васильевны, женщины умной и доброй, мальчикъ на пятомъ году уже умѣлъ читать и немного писать и прекрасно произносилъ нѣкоторыя изъ басенъ Крылова, которыя заучивалъ очень скоро со словъ матери. Когда же ему исполнилось восемь лѣтъ, то въ учители къ нему былъ приглашенъ семинаристъ философскаго класса Костровъ, женившійся впослѣдствіи на старшей сестрѣ Добролюбова. Въ 1847 г. одиннадцатилѣтній Добролюбовъ былъ отданъ въ духовное училище, гдѣ, черезъ годъ, уже былъ въ четвёртомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣднемъ кла сѣ заведенія. Въ 1848 году Добролюбовъ переходитъ въ Нижегородскую семинарію, и всецѣло погружается въ учебныя занятія и чтеніе русскихъ авторовъ, учёныхъ сочиненій и журналовъ. Эти усиленныя занятія молодого семинариста съ перваго же года обратили на него общее вниманіе какъ профессоровъ, такъ и товарищей. По переходѣ же въ среднее отдѣленіе семинаріи, онъ сталъ изумлять всѣхъ своими сочиненіями на философскія тэмы, которыя иногда достигали ста листовъ. Впрочемъ, независимо отъ писанія этихъ

сочиненій, Добролюбовъ предавался и настоящему авторству, выражавшемуся въ писаніи стиховъ, при чёмъ онъ, между прочимъ, переводилъ Горація. Въ 1850 году онъ даже собирался отослать въ „Москвитянинъ“ сорокъ своихъ стихотвореній, съ просьбой уплатить за нихъ 100 рублей, а въ 1852 году послалъ въ редакцію „Сына Отечества“ двѣнадцать стихотвореній, подъ псевдонимомъ Владимира Ленскаго.

Но, несмотря на всѣ успѣхи Добролюбова въ семинаріи, о которыхъ отецъ его слышалъ весьма часто отъ ректора и профессоровъ заведенія, несмотря на рѣдкую мягкость характера и благонравіе молодого семинариста, отношенія между отцомъ и сыномъ были крайне натянуты, какъ это можно видѣть изъ весьма любопытнаго дневника, найденнаго послѣ смерти Добролюбова въ его бумагахъ.

Переходъ отъ дѣтства къ юности выразился у Добролюбова глубокою религіозностью, въ которую онъ погрузился всей душою и которая сопутствовала ему въ теченіе всей его юности, доходя по временамъ до суроваго аскетизма, какъ это можно заключить изъ слѣдующаго отрывка его дневника:

„17-го марта 1853 года, 1-ый часъ пополудни. Нынѣ сподобился я причащенія пречистыхъ таинъ Христовыхъ и принялъ намѣреніе съ этого времени строже наблюдать за собою. Не знаю, будетъ-ли у меня силъ давать себѣ каждый день отчётъ въ своихъ прегрѣшеніяхъ, но, по крайней мѣрѣ, прошу Бога моего, чтобы онъ далъ мнѣ положить хотя начало благое. Боже мой! какъ мало ещё прошло времени и какъ уже много лежитъ на моей совѣсти! Вчера, во время исповѣди, я осудилъ духовника своего и потомъ скрылъ это — не покаялся; кромѣ того, я сказалъ не всѣ грѣхи, и это не потому, что позабылъ ихъ или не хотѣлъ, но потому-что не рѣшился сказать духовнику, что ещё рано разрѣшить меня, что я ещё не всё сказалъ. Потомъ я сѣтовалъ на отца духовнаго, что онъ не о многомъ спрашивалъ меня. Но развѣ я долженъ ожидать вопросовъ, а не самъ говорить о своихъ прегрѣшеніяхъ? Только вышелъ я изъ алтаря — и сдѣлался виновенъ въ страхѣ человѣческомъ; затѣмъ человѣкоугодіе и, хотя лёгкій, смѣхъ съ товарищами присоединились къ этому. Потомъ суетныя помышленія славолюбія и гордости, разсѣянность во время молитвы, лѣность къ богослуженію, осужденіе другихъ увеличили число грѣховъ моихъ“.

Впрочемъ, не одно религіозное чувство исключительно владѣло въ это время его помышленіями. Разнообразное чтеніе, преимущественно свѣтскихъ авторовъ, и жизнь, кипѣвшая вокругъ, возбуждали въ нёмъ всё новыя и новыя впечатлѣнія и увлекали его всё дальше и дальше.

Такъ, въ одно и то же время, онъ, по собственнымъ словамъ своимъ, то хотѣлъ походить на Печорина и Тамарина, хотѣлъ толковать, какъ Чацкій, то впадалъ въ самый суровый аскетизмъ, то мечталъ объ университетѣ и о литературной славѣ. Но всѣ эти золотыя мечты о славѣ, наукѣ и университетѣ вскорѣ разлетѣлись, какъ прахъ, гонимый вѣтромъ. Дѣлать нечего, пришлось отказаться отъ университета и удовольствоваться поступленіемъ въ Петербургскую Духовную Академію. По пріѣздѣ въ Петербургъ въ августѣ 1853 года, Добролюбовъ узналъ о возможности поступить въ Педагогическій Институтъ — и поступилъ туда, выдержавъ отлично экзаменъ по всѣмъ предметамъ, кромѣ математики, физики и французскаго языка, въ которыхъ оказался слабъ. Но не успѣлъ ещё Добролюбовъ углубиться, какъ слѣдуетъ, въ изученіе предметовъ новаго курса, какъ судьба стала наносить ему ударъ за ударомъ. Не прошло и году по вступленіи его въ институтъ, какъ страшная вѣсть о смерти горячо-любимой матери повергла его въ глубокое горе. Не успѣлъ онъ оправиться отъ этого перваго удара, какъ тяжкая болѣзнь свела въ могилу и отца, оставившаго послѣ себя восемь человѣкъ дѣтей, безъ всякихъ средствъ къ существованію. Въ отчаяніи, Добролюбовъ уже хотѣлъ оставить институтъ и опредѣлиться уѣзднымъ учителемъ въ своёмъ городѣ; но, по настоянію родственниковъ и знакомыхъ, предложившихъ ему взять его братьевъ и сестёръ къ себѣ на воспитаніе, до окончанія имъ курса въ институтѣ, онъ согласился остаться въ заведеніи. Тѣмъ не менѣе, Добролюбовъ не могъ допустить, чтобы его братья и сёстры существовали исключительно милостью другихъ — и вотъ онъ, сверхъ своихъ институтскихъ занятій, даётъ уроки, переводитъ для журналовъ и такимъ образомъ пріобрѣтаетъ деньги на содержаніе своего семейства. Конечно, вся масса семейнаго горя, упавшая такъ неожиданно на голову Добролюбова, не могла не повліять какъ на здоровье, такъ и на нравственныя его убѣжденія. „За что такъ строга судьба?“ сказалъ онъ однажды одному изъ своихъ товарищей по институту: „Матушка моя была такъ религіозна, такъ набожна и такъ не-

обходима малолѣтней семьѣ нашей. Зачѣмъ было отнимать её у насъ? Поневолѣ задумаешься".

Во время своего пребыванія въ институтѣ, Добролюбовъ очень усердно слѣдилъ за лекціями профессоровъ, при чёмъ отличался особеннымъ тактомъ въ своихъ занятіяхъ. Всё свободное отъ научныхъ занятій время посвящалъ онъ чтенію журналовъ и книгъ самаго разнообразнаго содержанія. Но что бы Добролюбовъ ни дѣлалъ, онъ всегда охотно оставлялъ своё занятіе для живого разговора. Съ переходомъ на третій курсъ, Добролюбовъ, начиная съ 1-го сентября 1855 года, сталъ издавать подъ своей редакціей рукописную газету „Слухи", которая продолжалась всего около четырёхъ мѣсяцевъ и окончила своё существованіе въ исходѣ того же года, на 19-мъ нумерѣ. Одновременно съ изданіемъ „Слуховъ", Добролюбовъ вздумалъ-было испробовать свои силы по части беллетристики; но опытъ оказался не вполнѣ удачнымъ. Окончивъ первыя главы своей повѣсти, онъ отправился къ одному изъ главныхъ сотрудниковъ „Современника" — и тотъ прямо и положительно посовѣтовалъ Добролюбову, чтобы онъ не брался за беллетристику. Мнѣніе опытнаго литератора какъ нельзя лучше опредѣлило родъ будущей дѣятельности Добролюбова и, надо думать, окончательно направило его на тотъ путь, на которомъ онъ вскорѣ пріобрѣлъ извѣстность.

Добролюбовъ выступилъ на литературное поприще, въ роли критика, лѣтомъ 1856 года, за годъ до окончанія курса въ институтѣ, съ историко-литературною статьёю о „Собесѣдникѣ Любителей Русскаго Слова", напечатанной въ „Современникѣ" того же года; а спустя нѣсколько мѣсяцевъ напечаталъ въ томъ же журналѣ разборъ „Акта Главнаго Педагогическаго Института".

Обѣ статьи были замѣчены: о нихъ заговорили. Одни восхищались ими, другіе-же, напротивъ, видѣли въ нихъ глумленіе надъ наукой и легкомысленное отрицаніе ея. Хотя статьи явились въ журналѣ безъ подписи, тѣмъ не менѣе Добролюбовъ понялъ очень хорошо, что они, при огласкѣ, могутъ навлечь на него большія непріятности въ институтѣ, и потому призналъ за лучшее отложить своё сотрудничество въ „Современникѣ" до выхода изъ заведенія. Окончивъ курсъ въ 1857 году, онъ былъ выпущенъ съ аттестатомъ на званіе старшаго учителя гимназіи, но, благодаря ходатайству профессоровъ Срезневскаго и Благовѣщенскаго, былъ освобождёнъ отъ обязательства прослужить восемь лѣтъ по учебному вѣдомству. Почувствовавъ себя свободнымъ, онъ снова обратился къ „Современнику" — и въ половинѣ 1857 года началъ своё постоянное сотрудничество въ этомъ журналѣ, а въ концѣ слѣдующаго года принялъ въ своё исключительное завѣдываніе отдѣлы критики и библіографіи, которые съ того времени стали почти исключительно наполняться его статьями, по большей части не подписанными или подписанными окончаніемъ (*—бовъ*) его имени. Но не долго продолжалась дѣятельность Добролюбова. Съѣздивъ за границу въ 1860 году и пролѣчившись тамъ — въ Германіи и Италіи — слишкомъ полтора года, онъ возвратился осенью 1861 года въ Петербургъ, гдѣ скончался 17-го ноября того же года, на 26-мъ году отъ рожденія и похороненъ на Волковскомъ кладбищѣ, рядомъ съ Бѣлинскимъ.

Сочиненія Добролюбова были собраны послѣ его смерти и изданы затѣмъ три раза въ четырёхъ томахъ, съ портретомъ автора, въ С.-Петербургѣ, въ 1862, 1871 и 1876 годахъ.

I.

Силъ молодецкихъ размахи широкіе,
Я никогда васъ не зналъ:
Съ первыхъ лѣтъ дѣтства усвоилъ уроки я
Смиренно-мудрыхъ началъ.
Только и зналъ, что корпѣлъ всё надъ книжками,
Горбясь да портя глаза.
Если ругнётъ кто, бывало, мальчишкою —
Такъ и прохватитъ слеза.
Гордо смотрѣлъ я на шалости сверстниковъ,
Бѣгалъ ихъ игръ молодыхъ:
Всё добивался быть въ роли наперсниковъ
У резонёровъ сѣдыхъ.
Старцы мой умъ и степенность прославили;
Въ школѣ всё первымъ я былъ;
Дѣтямъ знакомыхъ въ примѣръ меня ставили —
Какъ я послушенъ и милъ.
Сами товарищи местью обычною
Мнѣ не хотѣли платить:
Видно фигуру такую приличную
Было неловко дразнить.

II.

О, грустно, грустно убѣждаться
Въ безсильи нравственномъ своёмъ
И тяжело въ нёмъ сознаваться
Предъ строгимъ внутреннимъ судомъ;

Но тяжелѣй, грустнѣй, больнѣе,
Когда ты видишь предъ собой
Людей взывающихъ: „скорѣе!
Скорѣй зажги свѣтильникъ твой!

„Ты показалъ намъ, что̀ ты можешь!
Иди — работай-же! пора!
Ты зло и глупость потревожишь
Во имя чести и добра!“

О, братья, тщетные порывы!
Надежды нѣтъ вамъ на меня:
За свѣтъ живительный сочли вы
Лишь отраженіе огня.

Съ чужимъ свѣтильникомъ я рано
Въ кружокъ вашъ сумрачный вступилъ;
Въ тьмѣ предразсвѣтнаго тумана
Огонь мой вамъ замѣтенъ былъ.

Но волны свѣта, возрастая,
Бѣгутъ ужъ въ небѣ голубомъ —
И меркнетъ, меркнетъ, замирая,
Огонь въ фонарикѣ моёмъ.

Погасимъ, братья, наши свѣчи:
Имъ не горѣть средь бѣла дня!
И выйдемъ радостно на встрѣчу
Дневного вѣчнаго огня! *)

III.

Ещё работы въ жизни много,
Работы честной и святой:
Ещё тернистая дорога
Не залегла передо мной.
Ещё пристрастьемъ ни единымъ
Своей судьбы я не связалъ,
И сердца полнымъ господиномъ
Противъ соблазновъ устоялъ.
Я вашъ, друзья! хочу быть вашимъ!
На трудъ и битву я готовъ —
Лишь бы начать въ союзѣ нашемъ
Живое дѣло, вмѣсто словъ.
Но если — нѣтъ: моё презрѣнье
Меня далёко оттолкнётъ
Отъ тѣхъ кружковъ, гдѣ словопренье
Опять права свои возьмётъ.
И сгибну-ль я въ тоскѣ безумной,
Иль въ мирѣ съ пошлостью людской —
Всё лучше, чѣмъ заняться шумной,
Надменно-праздной болтовнёй.
Но знаю я — работа наша
Ужъ пилигримовъ новыхъ ждётъ
И не минётъ святая чаша
Всѣхъ, кто ея не оттолкнётъ!

IV.

Пускай умру — печали мало;
Одно страшитъ мой умъ больной,
Чтобы и смерть не разыграла
Обидной шутки надо мной;

Боюсь, чтобъ надъ холоднымъ трупомъ
Не пролилось горячихъ слёзъ,
Чтобъ кто-нибудь въ усердьи глупомъ
На гробъ цвѣтовъ мнѣ не принёсъ;

Чтобъ безкорыстнòю толпою
За нимъ не шли мои друзья,
Чтобъ подъ могильною землёю
Не сталъ любви предметомъ я;

Чтобъ всё, чего желалъ такъ жадно
И такъ напрасно я, живой,
Не улыбнулось мнѣ отрадно
Надъ гробовой моей доской.

К. К. СЛУЧЕВСКІЙ.

Константинъ Константиновичъ Случевскій родился 26-го іюля 1837 года въ Петербургѣ. Воспитывался онъ въ 1-мъ Кадетскомъ корпусѣ, откуда, въ 1855 году, былъ выпущенъ прапорщикомъ лейбъ-гвардіи въ Семёновскій полкъ; затѣмъ онъ перешелъ въ лейбъ-гвардіи стрѣлковый Его Величества батальонъ, прослужилъ въ немъ около двухъ лѣтъ, поступилъ въ Академію Генеральнаго Штаба, а въ 1861 году вышелъ въ отставку и въ томъ же году отправился за границу. Проведя въ Парижѣ цѣлый годъ, употреблённый имъ на посѣщеніе лекцій въ Сорбоннѣ, и проживъ слишкомъ четыре года въ Берлинѣ и Гейдельбергѣ, гдѣ въ университетахъ онъ прослушалъ полный курсъ философіи, Случевскій выдержалъ экзаменъ въ послѣднемъ изъ этихъ университетовъ и былъ удостоенъ,

*) „Оба предыдущія стихотворенія Добролюбова являются здѣсь въ первый разъ въ печати. Первое изъ нихъ получено мною въ оригиналѣ отъ самого автора, не задолго до его смерти, для моего альбома, а второе—списано мною съ подлинника, и потому — какъ за подлинность обоихъ стихотвореній, такъ равно и за вѣрную ихъ передачу — я могу вполнѣ ручаться. Н. Г.“ (Замѣчанія покойнаго Н. В. Гербеля къ второму изданію).

въ 1865 году, степени доктора философіи, послѣ чего возвратился въ Россію и поступилъ на службу въ Министерство Внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ оставался до 1874 года, послѣ чего перешелъ въ Министерство Государственныхъ имуществъ, въ которомъ продолжаетъ служить по настоящее время.

Первыми произведеніями Случевскаго, явившимися въ печати, были шесть небольшихъ стихотвореній: два оригинальныхъ („Я сказалъ ей...“ и „Каріатиды“) четыре переводныхъ (двѣ „Еврейскія мелодіи“ Байрона и двѣ пьесы изъ В. Гюго), помѣщённыя въ 6-мъ нумерѣ „Общезанимательнаго Вѣстника“ на 1857 годъ, безъ означенія имени автора! За этимъ первымъ опытомъ послѣдовалъ вскорѣ цѣлый рядъ его стихотвореній, напечатанныхъ въ томъ-же журналѣ и за тотъ-же годъ. Затѣмъ, начиная съ 1859 года, стихотворенія Случевскаго, уже съ означеніемъ имени и фамиліи автора, стали появляться на страницахъ „Иллюстраціи“, а съ 1860 — въ „Современникѣ“ и „Отечественныхъ Запискахъ“. Первыя стихотворенія Случевскаго, появившіяся въ „Общезанимательномъ Вѣстникѣ“ и „Иллюстраціи“, прошли никѣмъ незамѣченныя; но когда они стали появляться въ „Современникѣ“, во главѣ котораго стоялъ извѣстный поэтъ, общее вниманіе сдѣлало ихъ предметомъ разговоровъ, а потомъ и ожесточённой полемики, результатомъ которой было то̀, что стихотворенія Случевскаго перестали являться на страницахъ нашихъ журналовъ, если не считать случайнаго появленія нѣсколькихъ стихотвореній молодого поэта въ „Складчинѣ“ и „Братской Помочи“. Затѣмъ совершенно неожиданно, на страницахъ „Новаго Времени“ и „Русскаго Вѣстника“ появилось разомъ двѣ поэмы Случевскаго: „Въ снѣгахъ“ и „Картинка въ рамкѣ“, обратившія на себя вниманіе критики и публики своими несомнѣнно-поэтическими достоинствами.

Лучшими изъ стихотвореній Случевскаго можно назвать тѣ, которыя были помѣщены въ „Современникѣ“ на 1860 годъ (нумера 1-ый, 2-ой, 3-ій и 5-ый), въ числѣ тринадцати, и носятъ слѣдующія названія: „Статуя“, „На кладбищѣ“, „Ходитъ вѣтеръ избочась“, „Весталка“, „Прощанье лѣта“, „Людскіе вздохи“, „Бандуристъ“, „Ночь весны“, „Снѣга“, „Вечеръ на Леманѣ“, „Мои желанья“, „Онъ не любилъ ещё...“ и „Давнымъ давно тебя похоронилъ я...“ Всѣ названныя пьесы, что̀ бы ни говорили ихъ порицатели, носятъ на себѣ несомнѣнную печать таланта, а двѣ изъ нихъ — „Статуя“ и „Весталка“ — полны поэзіи. Что же касается двухъ послѣднихъ поэмъ, то, несмотря на кой-какіе недостатки и даже нѣкоторыя неправильности въ самыхъ стихахъ, онѣ свидѣтельствуютъ о несомнѣнномъ поэтическомъ дарованіи ихъ автора и его способности къ о̀бразнымъ выраженіямъ, которыя, вмѣстѣ съ счастливыми живыми поэтическими картинами природы, и составляютъ всю суть того, что̀ нравится намъ въ этихъ двухъ послѣднихъ произведеніяхъ Константина Константиновича.

По возвращеніи изъ-за границы въ 1866 году, Случевскій принялся за прозу — и первымъ плодомъ его новой дѣятельности была книга, отпечатанная подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Явленія русской жизни подъ критикою эстетики. К. Случевскаго. Спб. 1866“. Она состоитъ изъ слѣдующихъ трёхъ статей: 1) Прудонъ объ искусствѣ, его переводчики и критикъ. 2) Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности, 3) Какъ Писаревъ эстетику разрушалъ. Въ 1880 г. К. К. Случевскій издалъ свои „Стихотворенія“ (Спб. 8°) въ трехъ книгахъ.

I.

СТАТУЯ.

Надъ озеромъ тихимъ и соннымъ,
Прозраченъ, игривъ и пѣвучъ,
Сливается съ камней на камни
Холодный желѣзистый ключъ.

Надъ нимъ молодой гладіаторъ:
Онъ раненъ въ тяжеломъ бою;
Онъ силится брызнуть водою
Въ глубокую рану свою.

Какъ только затеплятся звѣзды
И ночь величаво сойдётъ,
Выходятъ на землю туманы,
Выходитъ наяда изъ водъ.

И, къ статуѣ грудью прижавшись,
Косою ей плечи обвивъ,
Томится она и вздыхаетъ,
Глубокія очи закрывъ.

И видятъ полночныя звѣзды,
Какъ проситъ она у него
Отвѣта, лобзанья и чувства,
И какъ обнимаетъ его.

И видятъ полночныя звѣзды
И шепчутъ двурогой лунѣ,

Какъ холоденъ къ ней гладіаторъ
Въ своёмъ заколдованномъ снѣ.

И долго два чудныя тѣла
Бѣлѣютъ надъ спящей водой.
Лежитъ неподвижная полночь,
Сверкая алмазной росой;

Сіяетъ торжественно небо,
На землю туманы ползутъ,
И слышно, какъ мхи проростаютъ,
Какъ сонныя травы цвѣтутъ.

Подъ утро уходитъ наяда,
Печальна бѣла и блѣдна—
И, въ сонныя волны спускаясь,
Глубоко вздыхаетъ она.

II.

ВЕСНОЙ.

Послѣднимъ льдомъ своимъ спирая
Судовъ высокіе бока,
Въ теплѣ весны, шумя и тая,
Готова тронуться рѣка.

На югъ сіяющій и знойный,
Къ странѣ счастливой и иной
Ты добѣжишь, потокъ спокойный,
Своей работницей-волной.

Съ журчаньемъ нѣжнымъ и печальнымъ,
Другимъ звѣздамъ, въ вечерній часъ,
Чужимъ землямъ и людямъ дальнымъ,
Рѣка, повѣдай и о насъ.

Скажи, какъ къ намъ весна приходитъ,
Что долго ждёмъ, что скучны дни,
Что смерть съ весной здѣсь дружбу водитъ
И люди гаснутъ, какъ огни.

III.

ПРО СТАРЫЕ ГОДЫ.

Не смѣйся надъ пѣснею старой
Съ напѣвомъ ея немудрёнымъ,
Служившей завѣтною чарой
Отцамъ нашимъ, нѣжно влюблённымъ!

Не смѣйся стихамъ мадригаловъ,
Топорщенью фижмъ и манжетовъ,
Вихрамъ боевыхъ генераловъ,
Качавшимся въ ладъ минуэтовъ!

Надъ смысломъ альбомовъ старинныхъ
Съ пучками волосъ неизвѣстныхъ,
Съ собраніемъ шалостей чинныхъ,
Забавныхъ, но въ сущности честныхъ!

Не смѣйся! Тѣ вещи служили,
Томили людей, подстрекали:
Отцы наши жили, любили,
И матери насъ воспитали.

IV.

ИЗЪ ПОЭМЫ „ВЪ СНѢГАХЪ".

1.

Можетъ, въ Европѣ, а можетъ, въ Сибири,
Вдоль по безмолвной, немѣрянной шири,

Берегомъ озера желтымъ, сыпучимъ,
Слѣва обставлена боромъ дремучимъ,

Вдоль по пологому скату отрога
Въ гору идётъ ни тропа, ни дорога.

Какъ сиротинка, забыта, одна,
Блѣднымъ вьюномъ пробѣгаетъ она;

Тутъ незамѣтна, а тамъ повиднѣй,
Вертится, вьётся у камней и пней,

Шла она степью—пробьётся и боромъ:
Споритъ безумная съ мощнымъ просторомъ.

Не на бумагѣ её сочинили,
Не на казённыи деньги взводили—

А родилась она гдѣ-то сама,
Дѣломъ какимъ-то, чьего-то ума.

Въ степи отважилась, въ горы пустилась,
Въ тёмныя пущи, въ ущелья пробилась;

Лѣзетъ изъ мёртвыхъ, гніющихъ трясинъ
Къ свѣтлымъ зазубринамъ твёрдыхъ вершинъ;

Лѣпится съ краю мохнатыхъ утёсовъ;
Скачетъ безъ всякихъ мостовъ и откосовъ.

Штуку такую порой удерётъ,
Что у прохожаго сердце замрётъ—

Такъ она гдѣ-нибудь дерзко взбѣжитъ,
Въ воздухѣ, будто шутя, провиситъ

И оборвётся и сгинетъ тайкомъ
Въ Божьей пустынѣ, охваченной снѣмъ.

2.

Что-то давно ужъ, дорога-змѣя,
Ты не встрѣчала людского жилья;

А о ночлегѣ, что ты посѣтила,
Чай, ты, дорога, совсѣмъ позабыла.

Чтó за дорога? Кому тутъ пройти,
Тутъ, гдѣ людского жилья не найти?

Вьючные кони тебя протоптали,
Ноги людскія топтать помогали.

Къ розсыпямъ, къ золоту, лѣтней порой
Ѣздятъ охочіе люди тобой —

Ѣздитъ всё ловкій, умѣлый народъ.
Только какъ ранняя осень придётъ,

Ночи длиннѣй, молчаливѣе станутъ,
Горы совсѣмъ непролазными станутъ —

Самой дороги тогда не сыскать,
Словно ей любо, какъ сонъ, исчезать:

Любо, чтобъ люди скорѣй позабыли,
Чтобъ за пескомъ золотымъ не ходили,

Чтобы не ѣздилъ тутъ ловкій народъ,
Тотъ, что за золото всё отдаётъ,

Чтобы самой ей заснуть лежебокомъ,
Въ бѣломъ снѣгу, безконечномъ, глубокомъ,

Чистомъ, невинномъ, какъ грёзы дѣтей,
Полномъ однихъ только звѣздъ да лучей.

3.

Божье присутствіе всё возмущаетъ:
Вѣчный порядокъ оно нарушаетъ!

Грань между жизнью и смертью мутится;
Чтó невозможно — то можетъ случиться.

Такъ это будетъ у насъ и теперь.
Тотъ, кто согласенъ повѣрить — повѣрь!

Въ рощѣ еловой, за яркимъ кострóмъ,
Мѣсяцы-братья сидѣли кругомъ.

Всѣ королевичи, всѣ однолѣтки,
Въ пламя кидали трескучія вѣтки:

Копьями груду костра шевеля,
Въ ночь поджидали къ себѣ Февраля.

А по рукамъ у нихъ чаша ходила,
Пьянымъ медкомъ языки разводила.

Шутка весёлую шутку гоняла;
Братьямъ ни спать, ни молчать не давала.

Вспыхнулъ костёръ, огласилася даль,
Вѣтеръ пронёсся — явился Февраль.

Блещетъ алмазами древко копья,
Звѣздочка свѣтитъ съ конца острія,

Панцырь чешуйками льдинокъ покрытъ,
Поясъ въ сосулькахъ — что мѣхомъ обшитъ;

Щитъ и шеломъ на бокахъ своихъ кованыхъ
Полны фигурокъ, морозомъ рисованныхъ;

Мечъ тёплымъ таяньемъ полдней червлёнъ.
Отдалъ Февраль своимъ братьямъ поклонъ.

„Шлютъ вамъ привѣтъ свой на многія лѣта
Наши родные съ широкаго свѣта.

„Бабушка наша, старушка Зима,
Видно сердиться устала сама —

„Встрѣтилась у моря съ младшей сестрой,
Съ младшей сестрой, свѣтлоокой Весной;

„Долго и тихо о чёмъ-то шептались,
И — на прощаньи — поцѣловались.

„Матушка наша, вдовица-Луна,
Такъ же, какъ прежде, грустна и одна.

„Ясныя Зорюшки, наши сестрицы,
Въ тихихъ свѣтлицахъ, какъ прежде — дѣвицы:

„Рядятся, шьютъ, что ни день молодѣютъ,
Замужъ хотятъ — жениховъ не имѣютъ,

„Парочка звѣздъ, отъ любви и печали,
Въ Муромскій лѣсъ втихомолку сбѣжали.

Будетъ по утру въ звѣздахъ недочётъ!
Вѣтреный, влюбчивый, глупый народъ!

„Двухъ нашихъ тётокъ постигла невзгода:
Тётушку Утро — прогнала погода,

„Тётушка Ночь — опалила свой хвостъ.
Справили люди великій свой постъ:

„Время тебѣ, братецъ Мартъ, выходить!
Выйди скорѣе Весну залучить!

„Въ тёмной землѣ — тамъ броженье идётъ,
Въ сѣмечкахъ духъ недовольства живётъ,

„Если намъ мѣръ никакихъ не принять,
Надо тогда возмущенія ждать!"

Всталъ мѣсяцъ Мартъ. Наклонясь надъ костромъ.
Сталъ онъ ворочать полѣнья копьёмъ.

Вскинулось пламя живѣй, веселѣй,
Сдались морозы и стало теплѣй.

А. К. ШЕЛЛЕРЪ (А. МИХАЙЛОВЪ).

Александръ Константиновичъ Шеллеръ родился 30-го іюля 1838 года въ С.-Петербургѣ. Отецъ Шеллера, родомъ эстонецъ, происходилъ изъ Оренбурга, но въ раннемъ дѣтствѣ попалъ въ столицу, былъ помѣщенъ въ Театральное училище и впослѣдствіи служилъ камеръ-музыкантомъ при Императорскихъ театрахъ. Будучи человѣкомъ умнымъ и просвѣщеннымъ, онъ приложилъ всѣ заботы къ тому, чтобы дать сыну своему основательное и разнообразное образованіе. Александръ Константиновичъ воспитывался сначала дома, подъ надзоромъ нѣжно-любимой матери, потомъ отданъ былъ въ Анненскую школу (Anne-Schule), окончилъ въ ней полный курсъ наукъ, а въ 1857 году поступилъ вольнослушателемъ въ С.-Петербургскій Университетъ, гдѣ и оставался до осени 1861 года (т.-е. до такъ называемой первой студенческой исторіи). Въ бытность свою въ Университетѣ А. К. около года провелъ за границей, въ качествѣ домашняго секретаря графа Ѳ. Л. Апраксина, и воспользовался этимъ временемъ для пополненія и усовершенствованія своего образованія. По выходѣ изъ Университета, А. К., наравнѣ со многими другими молодыми людьми шестидесятыхъ годовъ, увлекся педагогіей, и основалъ весьма замѣчательную, по своему устройству, школу для бѣдныхъ дѣтей, въ которой дѣти получали первоначальное образованіе за самую ничтожную плату (90 к. сер. въ мѣсяцъ). Учениковъ набралось очень много (до 100 человѣкъ), и школа весьма успѣшно существовала до конца 1863 года, когда нѣкоторыя подозрѣнія, вызванныя извѣстнымъ направленіемъ въ высшихъ слояхъ общества, побудили учебное начальство отнестись недовѣрчиво и къ школѣ Александра Константиновича, которая вскорѣ видоизмѣнилась и утратила свой первоначальный строй. 1863—64 гг. А. К. провелъ за границей, преимущественно во Франціи, занимаясь разработкою нѣкоторыхъ, сильно интересовавшихъ его, вопросовъ, а отчасти подготовляясь къ той многообразной литературной дѣятельности, которой онъ посвятилъ всю свою жизнь.

Страсть къ авторству проявилась у А. К. очень рано. Первые стихи сталъ онъ писать еще отрокомъ; но первыя печатныя стихотворенія (4 пьесы) были имъ помѣщены въ октябрской книжкѣ „Современника", за 1863 годъ. Въ то же время доставлены были имъ въ редакцію того же журнала два готовыхъ романа: „Гнилыя болота" и „Жизнь Шупова". Первый изъ этихъ романовъ появился въ первыхъ книжкахъ „Современника" за 1864 годъ; второй — въ первыхъ же книжкахъ „Современника" за 1865 годъ. Около того же времени А. К. былъ приглашенъ къ участію въ „Русскомъ Словѣ", въ качествѣ редактора по иностранному отдѣлу; а послѣ закрытія „Русскаго Слова", принялъ на себя общую редакцію „Дѣла", и посвятилъ этому журналу лучшіе годы своей жизни и дѣятельности (до окт. 1877 года). Въ тотъ же самый періодъ А. К. Шеллеръ временно принималъ участіе въ редактированіи „Недѣли" (вмѣстѣ съ д-ромъ Конради), тогда издаваемой Генкелемъ. Въ „Недѣлѣ", между прочимъ, помѣщены были его очерки подъ общимъ заглавіемъ: „Пролетаріатъ во Франціи", — изданные впослѣдствіи отдѣльной книгой. Съ 1877 г. А. К. Шеллеръ перешелъ въ редакцію „Живописнаго Обозрѣнія", которую не покидаетъ и до настоящаго времени.

За вышепомянутыми первыми двумя романами послѣдовали другіе: „Въ разбродъ", „Г. Г. Обносковы", „Старыя Гнѣзда", „Хлѣба и Зрѣлищъ", „Безпечальное житье", „Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ", „Чужіе Грѣхи", „Надъ обрывомъ", „И молотомъ, и золотомъ", „Пророкъ", „На разныхъ берегахъ", „Мужъ и жена", „Первая любовь", „Голь", „Лычкины", и т. д. И эта серія живыхъ разнообразныхъ и высоко-занимательныхъ произведеній продолжаетъ пополняться каждый годъ, такъ какъ авторъ ихъ, пользующійся общимъ сочувствіемъ и вниманіемъ публики, пользуясь въ то же время и вожделѣннымъ здоровьемъ, едва достигъ средняго возраста.

Одновременно съ романами, плодовитый А. К.

Шеллеръ не оставлялъ и своихъ серіозныхъ занятій европейской современностью и преимущественно — вопросами о религіозныхъ вѣрованіяхъ и различныхъ эпохахъ образованности, и въ связи съ ними—вопросами педогогическими. Результатомъ этихъ занятій явились его статьи: „Ассоціаціи во Франціи, Германіи и Англіи", „Образованіе въ Европѣ и Америкѣ", „Наши Дѣти" (всѣ эти статьи были помѣщены въ журналѣ „Дѣло"), „Смутное время анабаптизма" (Русск. Мысль, 1886) и „Секты въ Америкѣ" (Живоп. Обозрѣн. 1885). Неоконченнымъ, по независищимъ отъ автора причинамъ, остался трудъ А. К. Шеллера: „Народное образованіе въ Россіи", доведенный до 1612 года. Но главнымъ трудомъ, которому А. К. и теперь еще постоянно посвящаетъ всѣ свои досуги, слѣдуетъ считать обширную „Исторію коммунизма", надъ которою авторъ работаетъ уже много лѣтъ сряду, предполагая издать его въ трёхъ объемистыхъ томахъ. Въ заключеніе замѣтимъ, что немногіе изъ нашихъ романистовъ достигали равной съ А. К. Шеллеромъ степени популярности. Всѣ романы его выдержали по три изданія, а одинъ изъ нихъ—„Чужіе Грѣхи"—разошелся даже въ 22,000 экземплярахъ.

I.

БОЛЬНОЕ ДИТЯ.

Бѣдняковъ жилище роковое:
У сырой стѣны въ углу кровать,
Подъ тряпьемъ на ней дитя больное
И надъ нимъ склонились—врачъ и мать.
„Помогите, докторъ, ради Бога!"
Шепчетъ мать въ волненьи и въ слезахъ
И глядитъ въ лицо ему съ тревогой,
Чтобъ прочесть отвѣтъ въ его глазахъ.
Чтó сказать ей? Лучшее жилище,
Чистый воздухъ, сытная ѣда —
Вотъ спасенье... Но надъ этой нищей,
Какъ Дамокловъ мечъ, виситъ нужда.
Для борьбы съ нуждою у науки
Нѣтъ лѣкарства; но за то у насъ
Средство есть продлить лѣченьемъ муки,
И отсрочить тихой смерти часъ.
Врачъ рецептъ какой-то сложный пишетъ,
Сдвинувъ брови сумрачно, — и вотъ
Отъ него она съ восторгомъ слышитъ,
Что ея ребенокъ не умретъ.
Не умретъ! Голубенькіе глазки
Улыбаться будутъ ей опять;
Дѣтскій лепетъ, полный нѣжной ласки,
Будетъ вновь ей сердце услаждать.
Будетъ сладко сниться ей, что скоро
Сынъ ея здоровьемъ зацвѣтетъ
Безъ тепла, безъ свѣта, безъ простора,
Посреди лишеній и невзгодъ, —
Онъ же, хилый, медленно дотаетъ...
Такъ цвѣтокъ, подъ страшною грозой
Надломившись, тихо увядаетъ,
Освѣженный утренней росой.

II.

ВЪ ДОРОГѢ.

Холодъ, вѣтеръ, вой мятели,
Снѣгъ, занесшій коней...
Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ,
Сбились мы давно съ пути?
Впрочемъ, что жъ? Не все равно-ли,
Гдѣ усну сегодня я:
Здѣсь-ли, въ этомъ снѣжномъ полѣ,
Или дома, у огня?
Одинаково уныло
Здѣсь и тамъ: пустой мой домъ —
Незарытая могила,
Съ неотпѣтымъ мертвецомъ.
Въ часъ безмолвія ночного,
Въ часъ безсонницы ночной
Тѣни страшнаго былого
Тамъ встаютъ передо мной.
Слышу и въ стѣнахъ темницы
Звонъ бряцающихъ цѣпей,
Вижу мертвенныя лица
Въ нихъ замученныхъ друзей.
Горько плàчу я, проклятья
Посылая ихъ врагу,
И не въ силахъ самъ понять я,
Какъ я жить еще могу.
Да и жизнь-ли это, полно?
И не гробъ-ли этотъ домъ, —
Гробъ холодный, гробъ безмолвный
Съ неотпѣтымъ мертвецомъ?
Здѣсь хотя морозъ трескучій
Воспаленный мозгъ на мигъ
Облегчилъ отъ боли жгучей
Думъ безвыходныхъ моихъ,
На саняхъ подъ плачъ мятели,
Грѣжу я во тьмѣ ночной,
Что поётъ у колыбели
Снова няня надо мной.
Я плотнѣй смыкаю вѣжды.

И усталый умъ тогда
Озаряетъ лучъ надежды --
Не проснуться никогда.

III.

ПАДШАЯ.

Вчера раба, сегодня львица,
Ты — мимолетный метеоръ —
Блистаешь роскошью царицы,
И знаетъ цѣлая столица
Твои причуды, твой позоръ.
А мнѣ все грезится иная
Давно прошедшая пора,
Когда, едва незамерзая,
Сбирала, дѣвочка босая,
Ты щепки съ ближняго двора.
Въ угрюмомъ сумракѣ подвала,
Забившись въ уголъ какъ-нибудь,
Вся передрогшая, бывало,
Дитя, ты часто засыпала,
Склоня головку мнѣ на грудь.
Не прилагалъ никто старанья,
Чтобъ ободрить, чтобъ научить
Тебя, забытое созданье,
И въ память той поры страданья,
Готовъ я все тебѣ простить.
Съ тобой встрѣчаясь, дочь разврата,
Не шумныхъ оргій вечерà
Я вспоминаю сердцемъ брата,
А тѣ, чтó вынесла когда-то
Моя погибшая сестра.
И ты сама спѣшишь, при встрѣчѣ,
Прикрыть стыдливо отъ меня
Нагую грудь, нагія плечи...
И не разнузданныя рѣчи,
А горькій ропотъ слышу я...

А. Н. АПУХТИНЪ.

Алексѣй Николаевичъ Апухтинъ, потомокъ старой русской дворянской фамиліи, родился въ 1840 году въ селѣ Болховѣ, Орловской губерніи. Получивъ первоначальное воспитаніе въ домѣ своихъ родителей, онъ продолжалъ его и окончилъ, въ 1859 году, въ Училищѣ Правовѣдѣнія, съ чиномъ девятаго класса, то-есть — по первому разряду. Въ настоящее время онъ продолжаетъ службу при Министерствѣ Внутреннихъ дѣлъ.

Апухтинъ началъ печатать свои стихотворенія въ 1859 году, то-есть тотчасъ по окончаніи курса наукъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія: именно, въ 9-ой книжкѣ „Современника" этого года появились первыя его стихотворенія, въ числѣ девяти, подъ общимъ заглавіемъ: „Деревенскіе очерки", а въ 11-мъ нумерѣ того же самаго года ещё три стихотворенія: „19-ое октября 1858 года", „Memento mori" и „Ивъ Ленау". Затѣмъ, во „Времени" 1861 года, нумера 3-ій и 12-ый и 1862, нумера 2-ой и 6-ой — было напечатано ещё четыре его стихотворенія: „Греція", „Актёры", „Современнымъ витіямъ" и „Весна", да въ двухъ-трёхъ другихъ повременныхъ изданіяхъ появилось двѣ-три пьесы, подписанныя его именемъ. Этими двумя десятками мелкихъ стихотвореній завершился первый періодъ поэтической дѣятельности Апухтина. Затѣмъ послѣдовалъ промежутокъ въ цѣлыя десять лѣтъ, въ теченіе которыхъ стихотворенія молодого поэта вовсе перестали появляться на страницахъ нашихъ журналовъ. Наконецъ, съ появленіемъ въ свѣтъ первыхъ нумеровъ „Гражданина" на 1872 годъ, стихотворенія Апухтина снова стали появляться въ печати, но только безъ подписи. Лучшимъ изъ стихотвореній этого періода поэтической дѣятельности Апухтина, мы считаемъ — „Недостроенный памятникъ", пьесу, обратившую на себя общее вниманіе. Читая названное стихотвореніе, носящее на себѣ несомнѣнную печать значительнаго таланта, нельзя не пожалѣть о тѣхъ десяти годахъ, которые прошли безслѣдно для поэта. Встрѣченный при самомъ началѣ своего литературнаго поприща похвалами такихъ знатоковъ дѣла, какъ И. С. Тургеневъ и покойный Н. А. Некрасовъ, Апухтинъ, спустя четыре года послѣ появленія въ свѣтъ своихъ первыхъ стихотвореній, почему-то пересталъ печатать ихъ, и затѣмъ цѣлыя десять лѣтъ ни одной строкой не заявилъ о себѣ печатно. Въ 1886 г. А. Н. Апухтинъ издалъ въ свѣтъ собраніе своихъ поэтическихъ произведеній.

I.

НЕДОСТРОЕННЫЙ ПАМЯТНИКЪ.

Однажды снилось мнѣ, что площадь русской сцены
Была полна людей, гудѣли голоса;
Огнями пышными горѣли окна, стѣны
И съ трескомъ падали ненужные лѣса —
И изъ-за тѣхъ лѣсовъ, въ сіяніи великомъ,
Явилась женщина. Съ высокаго чела
Улыбка свѣтлая на зрителей сошла —

И площадь дрогнула однимъ могучимъ крикомъ.
Волненье усмиривъ движеніемъ руки,
Промолвила она, склонивъ къ театру взоры:
„Учитесь у меня, россійскіе актёры!
Я роль свою сыграла мастерски.
Принцессою кочующей и бѣдной,
Какъ многія, явилася я къ вамъ —
И такъ же жизнь моя могла пройти безслѣдно;
Но было иначе угодно небесамъ.
На шаткія тогда ступени трона
Ступила я безтрепетной ногой —
И заблистала старая корона
Надъ новою, надъ чуждой головой.
За то какъ высоко взлетѣлъ орелъ двухглавый!
Какъ низко передъ нимъ склонилися племена!
Какой немеркнущею славой
Покрылись наши знамена!
Съ дворянства моего оковы были сняты;
Безъ пытокъ загремѣлъ святой глаголъ суда;
Въ столицу Грознаго съзывались депутаты;
Изъ нѣдръ степей вставали города.
Я женщина была—и много я любила;
Но совѣсть шепчетъ мнѣ, что для любви своей
Ни разу я отчизны не забыла
И счастьемъ подданныхъ не жертвовала ей.
Когда Тавриды князь, наскучивъ пыломъ страсти,
Надменно отошелъ отъ сердца моего,
Не пошатнула я его могучей власти —
И Русь попрежнему цвѣла у ногъ его.
Мой пышный дворъ блисталъ на удивленье свѣту
Въ странѣ безлюдья и снѣговъ;
Но не былъ онъ похожъ на стёртую монету,
На скопище безцвѣтное льстецовъ.
Отъ смѣлыхъ чудаковъ не отвращая взоровъ,
Умѣла я цѣнить, что мудро иль остро:
За то въ дворецъ мой шли скитальцы, какъ Дидро,
И чудаки такіе, какъ Суворовъ.
За то и я могла свободно говорить
Въ эпоху дикихъ войнъ и казней хладнокровныхъ,
Что лучше десять оправдать виновныхъ,
Чѣмъ одного невиннаго казнить.
И не было то слово буквой праздной!
Однажды пасквиль мнѣ рѣшилися подать:
Въ нёмъ я была, какъ женщина, какъ мать,
Поругана со злобой безобразной.
Заныла грудь моя отъ гнѣва и тоски;
Ужъ мнѣ мерещились допросы, приговоры...
Учитесь у меня, россійскіе актёры!
Я роль свою сыграла мастерски!
Я пасквиль тотъ взяла - и написала съ краю:
„Оставить автора, стыдомъ его казня.
„Что здѣсь—какъ женщины—касается меня,
„Я—какъ царица—презираю!"
Да, управлять подчасъ бывало не легко!
Повсюду—дома-ли, въ Варшавѣ-ль, въ Византіи—
Я помнила лишь выгоды Россіи—
И знамя то держала высоко.
Хоть не у васъ я свѣтъ увидѣла впервые—
Вамъ громко за меня твердятъ мои дѣла:
Я больше русская была,
Чѣмъ многіе цари, по крови вамъ родные!
Но время шло, печальные слѣды
Вокругъ себя невольно оставляя:
Качалася на мнѣ корона золотая,
И ржавѣли въ рукахъ державныя бразды.
Когда случится вамъ, питомцы Мельпомены,
Творенье генія со славой разыграть
И вами созданныя сцены
Заставятъ зрителей смѣяться и рыдать,
Тогда—скажите ради Бога—
Ужель вамъ не простятъ правдивыя сердца
Неловкость выхода, неровности конца
И даже скуку эпилога?"

Тутъ гулъ по площади пошелъ со всѣхъ сторонъ:
Гремѣли небеса, людскому хору вторя —
И былъ сначала я, какъ-будто ревомъ моря,
Народнымъ воплемъ оглушонъ.
Потомъ всѣ голоса слилися воедино —
И ясно слышалъ я изъ говора того:
„Живи, живи, Екатерина,
Въ безсмертной памяти народа твоего!"

II.

ПАМЯТИ Ѳ. И. ТЮТЧЕВА.

Ни у домашняго простого камелька,
Ни въ шумѣ свѣтскихъ фразъ и суеты салонной
Намъ не забыть его, сѣдого старика
Съ улыбкой ѣдкою, съ душою благосклонной.

Лѣнивой поступью прошелъ онъ жизни путь,
Но мыслью обнялъ всё, что на пути замѣтилъ,
И передъ тѣмъ, чтобъ сномъ послѣднимъ отдохнуть
Онъ былъ, какъ голубь чистъ и какъ младенецъ свѣтелъ.

Искусства, знанія, событья нашихъ дней —
Всё отклик вѣрный въ нёмъ будило неизбѣжно,
И словомъ, брошеннымъ на факты и людей,
Онъ клейма вѣчныя накладывалъ небрежно.

Вы помните его среди его друзей?
Какъ мысли сыпались нежданныя, живыя,
Какъ забывали мы подъ звукъ его рѣчей
И вечеръ длившійся, и годы прожитые!

Въ нёмъ злобы не было; когда-жъ онъ говорилъ,
Язвительно смѣясь надъ раболѣпнымъ вѣкомъ,
То самый смѣхъ его насъ съ жизнію мирилъ,
А свѣтлый ликъ его мирилъ насъ съ человѣкомъ.

В. В. КРЕСТОВСКІЙ.

Всеволодъ Владиміровичъ Крестовскій, современный поэтъ и авторъ романа „Петербургскія Трущобы", родился 11-го февраля 1840 года въ Кіевской губерніи, Таращанскаго уѣзда, въ имѣніи своей бабушки, селѣ Малая Березянка. Здѣсь же провёлъ онъ своё дѣтство и получилъ первоначальное образованіе. Затѣмъ, въ 1850 году, былъ отвезёнъ въ Петербургъ и опредѣлёнъ въ 1-ую гимназію, и по окончаніи полнаго курса въ ней, поступилъ, въ 1857 году, въ Петербургскій университетъ, на филологическій факультетъ, но пробылъ тамъ не болѣе года. Писать Крестовскій началъ очень рано — именно, съ четвёртаго класса гимназіи, при чёмъ небольшая пьеса его на заданную тему — „Вечеръ послѣ грозы" — обратила на себя общее вниманіе педагоговъ заведенія. Затѣмъ, въ теченіе послѣднихъ трёхъ лѣтъ своего пребыванія въ гимназіи, онъ перевёлъ почти половину „Одъ" и всю книгу „Эподъ" Горація, четыре первыя пѣсни „Энеиды" и цѣлый рядъ стихотвореній Гейне, изъ которыхъ многіе, впослѣдствіи, явились на страницахъ нашихъ журналовъ. Первыми печатными произведеніями Крестовскаго были: переводъ оды Горація „Къ Хлоѣ", помѣщённый въ „Общезанимательномъ Вѣстникѣ" на 1857 годъ и разсказъ въ стихахъ „Безъ дочери", напечатанный тамъ же. Начиная съ 1858 года, стихотворенія и повѣсти Крестовскаго стали появляться въ „Иллюстраціи", „Библіотекѣ для Чтенія", „Отечественныхъ Запискахъ" и „Сынѣ Отечества". Затѣмъ, во всё продолженіе 1859 года, Крестовскій былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ „Русскаго Слова", издававшагося въ то время подъ редакціей Аполлона Григорьева, а въ 1860 — „Русскаго Міра". Начиная съ 1861 года, онъ сталъ помѣщать свои стихотворенія и повѣсти во „Времени", а по прекращеніи его — въ „Эпохѣ". „Свѣточѣ", „Русскомъ Вѣстникѣ" и „Модномъ Магазинѣ". Первый прозаическій разсказъ Крестовскаго былъ помѣщёнъ въ „Иллюстраціи" на 1858 годъ. Затѣмъ въ „Русскомъ Мірѣ" и „Библіотекѣ для Чтенія" на 1859 годъ были напечатаны двѣ повѣсти его: „Любовь дворовыхъ" и „Не первый и не послѣдній", въ „Свѣточѣ" 1860 — повѣсть „Бѣсёнокъ", во „Времени" 1861 — разсказъ „Погибшее, но милое созданье", въ „Русскомъ Словѣ" 1860 — повѣсти: „Пчельникъ" и „Сфинксъ", въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1864 — 1867 — романъ въ семи частяхъ „Петербургскія трущобы" и путевые очерки „По дорогѣ". Въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1869 — романъ въ трёхъ частяхъ „Панургово стадо", въ „Нивѣ" 1870 и 1871 — двѣ повѣсти: „Подъ каштанами Саксонскаго сада" и „Панъ Пшепендовскій", въ „Зарѣ" 1869 и 1871 годовъ — два очерка изъ кавалерійской жизни: „Буяновъ, мой сосѣдъ" и „Отъ штаба до зимнихъ квартиръ", въ „Русскомъ Мірѣ", „Всемірной Иллюстраціи" 1872 года и въ „Нивѣ" 1874 — три очерка изъ кавалерійской жизни, въ „Военномъ Сборникѣ" 1871 — 1874 — нѣсколько эпизодовъ изъ „Исторіи Ямбургскаго полка", въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1874 — романъ „Двѣ силы", составляющій продолженіе романа „Панургово стадо". Оба названные романа, подъ общимъ заглавіемъ „Кровавый Пуфъ", вышли въ свѣтъ въ 1875 году.

Изъ стихотвореній Крестовскаго, какъ на лучшія, можно указать на слѣдующія: „Весенняя смерть", поэма („Русское Слово", 1860), „Калика перехожая" („Свѣточъ", 1860), „Солимская Гетера" и „Ванька-ключникъ" („Время", 1861, № 1, и 1862, № 3 „Послѣдняя баррикада".

Въ началѣ 1868 года Крестовскій поступилъ юнкеромъ въ 14-ый уланскій полкъ, черезъ два года былъ произведёнъ въ корнеты, а въ 1871 году — командированъ для составленія „Исторіи Ямбургскаго уланскаго полка" въ Петербургъ, гдѣ былъ вскорѣ произведёнъ въ поручики. Затѣмъ, въ самомъ началѣ 1874 года, „Исторія Ямбургскаго уланскаго полка" была написана и отпечатана. Въ награду за этотъ трудъ Государь Императоръ соизволилъ перевести ея автора въ Лейбъ-Гвардіи Уланскій Его Величества полкъ тѣмъ же чиномъ, въ который онъ былъ произведёнъ 20-го января 1874 года, а въ 1877 году, состоя при штабѣ главнокомандующаго, въ качествѣ исторіографа войны, онъ сдѣлалъ весь послѣдній турецкій походъ, при чёмъ переходилъ Балканы и былъ въ Адріанополѣ. Въ настоящее время Крестов-

скій состоитъ при штабѣ гвардейскаго корпуса и проживаетъ въ Петербургѣ.

Сочиненія Крестовскаго были изданы два раза, подъ слѣдующими заглавіями: 1) Сочиненія и стихи В. Крестовскаго. Пять томовъ. Спб. 1862. 2) Сочиненія В. В. Крестовскаго. Двѣ части. 1873.

Кромѣ того, отдѣльно были изданы слѣдующія его сочиненія: 3) Петербургскіе типы. Очерки В. Крестовскаго. Три части. Спб. 1865. Изданіе II. Спб. 1868. 4) Петербургскія трущобы. Книга о сытыхъ и голодныхъ. Романъ въ шести частяхъ. Четыре тома. Спб. 1867. То-же. Спб. 1867. (Изданіе Стелловскаго, составляющее 10-ый томъ его „Полнаго Собранія Сочиненій Русскихъ Авторовъ"). То-же. Изданіе III. Спб. 1875. 5) Повѣсти очерки и разсказы Всеволода Крестовскаго. Три тома. Спб. 1868. Изданіе II. Спб. 1870. Изданіе III. Спб. 1872. 6) На западѣ и востокѣ. Очерки В. Крестовскаго. Спб. 1872. 7) Внѣ закона. Романъ въ четырёхъ частяхъ. Спб. 1873. 8) Исторія 14-го уланскаго Ямбургскаго Ея Императорскаго Высочества великой княжны Маріи Александровны полка. Всеволода Крестовскаго. Спб. 1874 9) Изъ походныхъ очерковъ. В. Крестовскаго. Спб. 1874. 10) Кровавый пуфъ. Романъ въ двухъ отдѣленіяхъ. Спб. 1875. 11) Двадцать мѣсяцевъ въ дѣйствующей арміи. (1877—1878.) В. Крестовскаго. Спб. 1879.

I.

СОЛИМСКАЯ ГЕТЕРА.

Свѣтла, какъ образъ серафима,
Межъ падшихъ жонъ была одна
Далёкой Греціи жена —
Живой кумиръ всего Солима.
Когда она на пышный пиръ,
Въ благоуханьи сладкихъ мирръ,
Бывало, явится царицей
Съ золотострунною цѣвницей
И кубокъ стараго вина,
Въ гирляндахъ розовыхъ, она
Надъ головою, какъ менада,
Въ вѣнкѣ изъ миртъ и винограда,
Подниметъ нѣжною рукой,
Отбросивъ съ персей покрывало,
И запоётъ передъ толпой —
Ей всё восторженно внимало.
Гулъ острыхъ словъ и соль сатиръ,
И смѣхъ гостей, и всё — смолкало,
Когда, подъ звуки нѣжныхъ лиръ,
Изъ „Пѣсни Пѣсней" Соломона
Иль старика Анакреона
Она имъ пѣла. Плески, крикъ,
Стихи, сложённые поэтомъ,
На пѣсню были ей отвѣтомъ—
И юный отрокъ, и старикъ
Въ восторгѣ млѣли. Всѣ заботы
Сжигалъ огонь ея очей,
И даже постникъ-фарисей
При всѣхъ, забывъ уставъ субботы,
Дрожа, лобзалъ колѣна ей.
Былъ пиръ у ней. Среди маслинъ
На ложа кругъ гостей склонялся.
И въ искрометной пѣнѣ винъ,
Казалось, жемчугъ растоплялся.
Изъ вазъ на эллинскій кумиръ
Благоуханія кропились;
Изъ вертограда доносились
Напѣвы трепетные лиръ;
Въ ладъ говорливой сикоморы
Звучали праздничные хоры,
Гремѣли бубны на отлётъ,
И брызгалъ перлы водомётъ.
Блистая роскошью Востока,
Ликуетъ пиръ — и кругъ гостей
Всё шире, бойчѣ и хмѣльнѣй.
На праздникъ ждали всѣ пророка.
О нёмъ чудесная молва
Межъ возлежавшими ходила,
Что будто въ нёмъ святая сила
Сокрыта, что его слова
Вѣщаютъ странныя сказанья,
Что онъ страдалъ — но презрѣлъ онъ
Всѣ эти дряхлыя преданья
И вызвалъ истины законъ.
Онъ въ человѣкѣ видитъ брата;
Его крушитъ одна утрата
Любви и истины въ сердцахъ,
И такъ онъ святъ, что предъ толпою
Любая грѣшница съ мольбою
Предъ нимъ повергнется во прахъ.
И вдругъ, съ надменною улыбкой,
Презрѣнья гордаго полна,
Лѣниво выгнувъ станъ свой гибкой,
Отъ ложа спрянула она.
„Не вѣрю я", она сказала:
„Чтобъ вашъ прославленный пророкъ
Прельститься женщиной не могъ!
Повѣрьте мнѣ: я испытала
Съ-измладу силу женскихъ чаръ,

Когда и царственный кидаръ
Склонялся къ этому подножью,
Какъ-будто къ жертвеннику божью.
Не вѣрю я! И знайте — онъ
Ко мнѣ склонится, какъ повѣса,
Призывомъ первымъ охмѣлёнъ!"

Но вотъ расторглася завѣса —
И входитъ Онъ — и простъ, и святъ.
И всѣ замолкли — ждутъ, глядятъ!
И встала гордая блудница.
Соблазна женскаго полна,
Въ величьи царственномъ она
Къ нему подходитъ; какъ орлица,
Взглянула въ очи — мигъ — и вдругъ
Въ ея чертахъ нѣмой испугъ...
Уста и взоръ полураскрыты...
Вздрогнула, съ ужасомъ въ очахъ,
Лицо скрывая въ покрывало —
И вдругъ повергласся во прахъ
И въ наступленьи зарыдала.
И передъ Нимъ, склонясь у ногъ,
Она дрожитъ — и, сквозь рыданье,
У ней вдругъ вырвалось признанье:
„Ты побѣдилъ меня, пророкъ!
Прости же дерзкому невѣрью,
Простри цѣлительную длань —
И въ жизнь войду я узкой дверью!"
И онъ сказалъ ей кротко: „встань!"

Ѳ. Н. БЕРГЪ.

Ѳёдоръ Николаевичъ Бергъ родился 11-го сентября 1840 года въ Пензенской губерніи. На литературное поприще выступилъ онъ въ 1860 году съ двумя стихотвореніями: однимъ оригинальнымъ, начинающимся со стиха: „На улицахъ среди толпящихся людей..." и другимъ—переводнымъ, „Изъ Барбье", напечатанными въ 12-ой книжкѣ „Современника" на 1860 годъ. Затѣмъ въ 6-ой и 12-ой книжкахъ того же журнала на 1861 годъ было напечатано ещё шесть оригинальныхъ и переводныхъ его стихотвореній, во „Времени" того же года (№№ 3, 5, 6, 7, 9 и 12) — десять пьесъ, а въ слѣдующемъ 1863 году — двѣнадцать, въ томъ числѣ — „Въ полѣ" и „Зайка" — два лучшія его стихотворенія, въ „Свѣточѣ" того же 1862 года—десять, въ „Иллюстраціи" (томъ X) — четыре, наконецъ, въ 1863 году явились въ первыхъ четырёхъ книжкахъ „Времени" и „Современника" послѣднія шесть его пьесъ, послѣ чего онѣ уже не появлялись болѣе въ обоихъ журналахъ. Затѣмъ, стихотворенія Берга стали появлятся въ „Отечественныхъ Запискахъ", а потомъ въ „Зарѣ", но уже подъ псевдонимомъ: *Боевъ.* Здѣсь въ теченіе 1869 и 1870 годовъ (№№ 1, 4, 8, 9, 10 и 2, 4, 8 и 12), было напечатано одиннадцать новыхъ его стихотвореній, въ томъ числѣ два переводныхъ: „Болгарская пѣсня" изъ Гартмана и „Забота" изъ Гейне. Кромѣ исчисленныхъ здѣсь стихотвореній, Бергъ писалъ и прозой. Именно — въ „Современникѣ" 1863 года, книжка 2-ая и 3-ья, былъ напечатанъ его романъ въ двухъ частяхъ „Закоулокъ", въ „Зарѣ" за 1869 и 1870 года (нумера 10, 11 и 12, и 8) „Замѣтки изъ путевой книжки" и „Страна горъ", а въ „Русскомъ Вѣстникѣ", „Иллюстраціи" и „Библіотекѣ для Чтенія"—разсказы: „Незадача", „Необычный случай", „Три ключа", „Хористка", „Каменный Островъ" и другіе.

Независимо отъ перечисленныхъ здѣсь сочиненій и переводовъ Берга, помѣщённыхъ въ журналахъ, онъ издалъ — самъ и вмѣстѣ съ покойнымъ поэтомъ В. Костомаровымъ—слѣдующіе три сборника стихотворныхъ переводовъ: 1) Сборникъ стихотвореній иностранныхъ поэтовъ. Переводы В. Костомарова и Ѳ. Берга. Два выпуска. М. 1860 1862. 2) Поэты всѣхъ временъ и народовъ В. Костомарова и Ѳ. Берга. Спб. 1862. 3) Полное собраніе сочиненій Г. Гейне въ русскомъ переводѣ, изданномъ подъ редакціею Ѳ. Н. Берга. Томъ I. Спб. 1863. 4) Романсеро Г. Гейне. Переводы В. Костомарова и Ѳ. Берга. Спб. 1864. 5) Заозёрье. Очерки и разсказы изъ жизни лѣсного края. Н. Боева. Спб. 1874. 6) Въ четырёхъ стѣнахъ. Повѣсть изъ подневныхъ записокъ Н. Боева. Спб. 1874. Кромѣ того, онъ издалъ, вмѣстѣ съ А. П. Плещеевымъ, книжку для дѣтскаго чтенія, подъ заглавіемъ: „Дѣтская книжка. А. Плещеевъ и Ѳ. Бергъ." М. 1861.

I.

ВЪ ПОЛѢ.

Дай тебѣ Боже, родная земля,
Мира, свободы, покою!
Какъ эти сёла, какъ эти поля
Крѣпко сроднились со мною!
Чудное утро за ночью дождливою:
Сѣрая тѣнь переходитъ за нивою,

Тучки плывутъ въ синевѣ
И широко по травѣ
Тянется вѣтеръ струёй благовонною
Въ рощу зелёную,
Дождикомъ свѣжимъ омытую,
Солнечнымъ свѣтомъ залитую.
Дай тебѣ Боже, родная земля,
Дождичка, вёдра въ поля,
И сохрани ихъ отъ града, отъ голода,
Жара сухого, да поздняго холода!
Богъ вамъ на помощь, христовы работнички!
Глубже вамъ вспахивать пашенку черную,
Шире косой размахнуться проворною —
Будетъ большой урожай,
Градъ не побьётъ, саранча не напустится.
Какъ всё кругомъ зацвѣтётъ да распустится —
Знай увози-собирай!
Въ полдень-ли жаркій, полуночью-ль тихою,
Мёдомъ потянетъ отъ кашки съ гречихою,
Станутъ хлѣба̀, что стѣна,
И засквозятся, что золото яркое,
Стебли сухіе на солнышко жаркое
И зашумятъ, какъ волна.
Пѣсни по сёламъ споются весёлыя,
Стономъ застонутъ телѣги тяжелыя —
Горы сноповъ повезутъ.
Всё, чѣмъ поля за труды ни поплотятся,
Всё на току на сухомъ умолотится,
Всё въ закрома̀ покладутъ.
Дай тебѣ Боже, родная земля,
Мудрыхъ вождей и великихъ,
Чтобы не слышали эти поля
Криковъ проклятія дикихъ,
Чтобъ не лилась неповинная кровь,
Слёзъ неутѣшныхъ не лилось—
Чтобъ вѣковѣчно святая любовь
Въ грѣшныхъ сердцахъ воцарилась!

II.

ЗАРЯ.

Заря! Унынье, страхъ лучей ея бѣгутъ,
И сердце бьётся жизни жаждой.
Толпою бодрою идёмъ на жизнь и трудъ;
Своё для всѣхъ положитъ каждый.

Идёмъ на жизнь и трудъ! Въ пылающихъ сердцахъ,
Въ біеньи частомъ каждой жилы,
Въ молчаньи сдержанномъ, въ стремительныхъ рѣчахъ
Вся мощь и крѣпость львиной силы.
Пусть умирающихъ, ослѣпшихъ голоса
Звучатъ... Земля моя родная,
По сёламъ, городамъ, въ поля твои, въ лѣса
Давно ужъ вѣетъ жизнь иная!

Вотъ вспыхнетъ солнышко надъ сумрачной землёй!
Бѣгутъ обманчивыя тѣни —
И храма ветхаго — подъ твёрдою стопой —
Дрогнули мшистыя ступени.

В. П. БУРЕНИНЪ.

Викторъ Петровичъ Буренинъ, сынъ художника, родился въ 1841 году въ Москвѣ. Воспитывался онъ сперва дома, а потомъ въ Московскомъ Дворцовомъ Архитектурномъ училищѣ. Окончивъ курсъ въ этомъ заведеніи, Буренинъ, не чувствуя никакой склонности къ своей спеціальности, на изученіе которой употребилъ не мало труда и времени, круто повернулъ въ другую сторону и смѣло пошелъ тернистымъ путёмъ писателя, который манилъ его съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Хотя Буренинъ, начавшій писать очень рано, сочинялъ во всѣхъ родахъ, въ стихахъ и прозѣ, тѣмъ не менѣе, ещё въ училищѣ, произведенія его отличались преимущественно сатирическимъ направленіемъ. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что первыми печатными произведеніями его были юмористическіе куплеты, появившіеся въ „Искрѣ“ и „Свисткѣ“. Эти въ первый разъ напечатанныя стихотворенія были: „Шабашъ на Лысой горѣ или журналистика въ 1862 году“, помѣщённый въ 46-мъ нумерѣ „Искры“ на 1862 годъ и „Драматическія сцены“ по поводу выхода „Современника“, напечатанныя въ 4-ой книжкѣ „Современника“ на 1863 годъ. съ подписью: „Владиміръ Монументовъ“. Затѣмъ, на страницахъ „Искры“ 1863—1866 годовъ появился цѣлый рядъ юмористическихъ стихотвореній Буренина, подписанныхъ тѣмъ же псевдонимомъ; изъ нихъ многія обратили на себя вниманіе читателей этого сатирическаго журнала, благодаря своей весёлости и звучности стиха. Рядомъ съ этими юмористическими стихотвореніями, на страницахъ тѣхъ-же двухъ журналовъ, стали появляться и пьесы серіознаго содержанія, уже подписанныя настоящимъ именемъ ихъ автора. Этими, въ первый разъ напечатанными, пьесами Буренина въ „Современникѣ“ были слѣдующія два оригинальныхъ его стихотворенія: „Поникъ я долу головой...“ и „Какая жалкая судьба...“ (1863,

№ 3), а въ „Искрѣ“ — переводъ „Минотавра“ Барбье (1863, № 50). Продолжая сотрудничать въ „Современникѣ“ до его запрещенія въ 1866 году, Буренинъ помѣстилъ въ нёмъ слѣдующія стихотворенія: „Много въ дѣтствѣ страшныхъ сказокъ...“, два перевода изъ Барбье: „Жертвы“ и „Прогрессъ“ (1863, №№ 4 и 6) одинъ изъ Гуда — „Сонъ Евгенія Арама“ (1864. № 5), и „Парижъ“ изъ Барбье (1865, № 11). Затѣмъ онъ перенёсъ свою дѣятельность въ „Вѣстникъ Европы“, гдѣ, начиная съ 9-ой книжки 1868 года, были напечатаны слѣдующіе восемь его переводовъ: „Грѣшница“, поэма А. де-Виньи (1868, № 9), „Неронъ“ трагикомедія Гуцкова (1869, №№ 3, 5, 6 и 7). „Нищая на мосту“ изъ Мередита (1870, № 12), „Греція“ изъ „Гяура“ Байрона, „Моисей на Нилѣ“ изъ Гюго, „Къ Италіи“, изъ Леопарди (1871, №№ 2, 6 и 11), „Дочь воздуха“, изъ трагедіи Кальдерона; „Ролла“, поэма Альфреда де-Мюссе (1872, №№ 3 и 10) и три оригинальныхъ пьесы: „Чурило Пленковичъ“, „Ссора Ильи Муромца съ княземъ Владиміромъ“ и „Микула Селяниновичъ“ (182, №№ 4 и 6). Въ то же время въ „Отечественныхъ Запискахъ“, перешедшихъ съ начала 1868 года подъ другую редакцію, были помѣщены слѣдующія оригинальныя и переводныя пьесы Буренина: „Воспоминаніе ночи 4-го декабря“ и „Весёлая жизнь“—изъ Гюго, „Пѣсня работника“ изъ Гуда (1869, №№ 2, 3 и 8), „Изъ „Châtiments“ Гюго, „Пѣснь Цирка“, изъ Гюго (1870, № 11), „Праздникъ Нерона“, изъ Гюго, „Жалобы“, „Пѣсни дня“, „Изъ В. Гюго“, „Общественное мнѣніе“, „Изъ Гейне“, „Всё улучшается“ и „Исторія“ (1871, №№ 3, 4, 6 и 9). Кромѣ того, въ томъ же журналѣ (1871, №№ 1 и 3) былъ напечатанъ цѣлый рядъ юмористическихъ его стихотвореній, подъ общимъ заглавіемъ „Воённо-поэтическіе отголоски“, куда вошло 14-ть слѣдующихъ пьесъ: „Графъ Шенгаузенскій“, „Прусская каска“, „Дары прогресса“, „Шмидтъ и его сыновья“, „Герой“, „Талисманъ“, „Генералъ“ „Вопль пруссака“, „Торжество побѣдителей“, „Будущность прогресса“, „Современный типъ“, „Цѣль жизни при всеобщей военной повинности“, „Миръ и война“ и „Гимнъ лиро-поэтическій на полученіе его сіятельствомъ графомъ Бисмаркомъ генералъ-лейтенантскаго чина и на побѣды прусскія“. Стихотворенія эти подписаны псевдонимомъ: „Выборгскій пустынникъ“, какъ равно и „Пѣснь о Педефилѣ и Педемахѣ“, напечатанная тамъ же (1871, № 6). Наконецъ, онъ помѣщалъ иногда свои стихотворенія въ прекратившейся „Бесѣдѣ“ и нѣкоторыхъ другихъ журналахъ.

Начиная съ 1865 года, Буренинъ сталъ преимущественно посвящать своё время журнальной дѣятельности, работая въ качествѣ одного изъ постоянныхъ сотрудниковъ „Санктпетербургскихъ Вѣдомостей“, редакціи В. Ѳ. Корша, гдѣ еженедѣльно, почти въ теченіе десяти лѣтъ, появлялись его критическіе фельетоны, подписанные буквою Z. Въ настоящее же время Викторъ Петровичъ состоитъ однимъ изъ постоянныхъ членовъ редакціи газеты „Новое Время“, въ которомъ еженедѣльно печатаетъ свои „Критическіе Очерки“. Кромѣ стихотвореній и критическихъ статей, Буренинъ печаталъ и въ „Петерб. Вѣд.“, и въ „Новомъ Времени“ беллетристическія вещи. Стихотворенія Буренина вышли отдѣльнымъ изданіемъ въ трехъ томахъ подъ заглавіемъ: „Былое“, „Стрѣлы“ и „Пѣсни и шаржи“.

I.

ПРИЗРАКИ.

Много въ дѣтствѣ страшныхъ сказокъ
Слышалъ я отъ няни старой;
Западали въ душу тайно
Ихъ пугающія чары.
Ночью, лёжа на постелѣ,
Я дрожу во тьмѣ, бывало,
Въ страхѣ дѣтскую головку
Закрывая въ одѣяло.
Всё мнѣ чудится, что свищетъ
И гудётъ мятель сердито,
Лѣсъ шумитъ — и слышенъ топотъ,
Топотъ лѣшаго копыта.
Всё мнѣ чудится, что поле
Принакрыто снѣгомъ бѣлымъ
И надъ нимъ несутся вѣдьмы
Съ мертвецомъ окоченѣлымъ.
Всё мнѣ чудится, что въ домѣ
Ставни оконъ заскрипѣли:
Вотъ подходитъ тихо-тихо
Домовой къ моей постели.
Словно листъ, дрожу я въ страхѣ
И, уткнувъ лицо въ подушку,
Я бужу внезапнымъ крикомъ
Няню, добрую старушку.
И, проснувшись, няня съ лаской
Ликъ сѣдой ко мнѣ склоняетъ,
Креститъ мнѣ постель и громко

„Да воскреснетъ Богъ“ читаетъ.
И, обнявъ ей крѣпко шею,
Я съ боязнію рыдаю,
Но, старушкой успокоенъ,
Скоро сладко засыпаю.

Дни младенчества промчались,
Унеслися грёзы эти —
Мрака страшныя видѣнья —
Смѣлой мысли при разсвѣтѣ.
Только призраки иные
Ихъ смѣнили чередою,
Что и въ яркомъ дня сіяньи
Тяготѣютъ надъ душою.
То ни демоны, ни вѣдьмы,
Что проносятся въ туманахъ:
Вотъ лежитъ на камнѣ голомъ
Нищій въ рубищѣ и ранахъ;
Вотъ судья: лохмотья съ бѣдныхъ
Рвали часто эти руки —
И теперь онѣ несчастныхъ
Палачу́ ведутъ на му́ки:
Вотъ пророки: правды слово
Возвѣщалось ихъ устами —
И они страдаютъ въ тюрьмахъ,
Истомлённые цѣпями.
Сонмы гнусныхъ лицемѣровъ,
Палачей толпы народной,
Денегъ звонъ, разврата клики,
Вопли бѣдности голодной —
И надъ всѣмъ тупая сила,
Вѣя мракомъ зла, тлетворно
Налегла видѣньемъ страшнымъ,
Налегла, какъ демонъ черный.
Сонмы призраковъ проходятъ,
Полны воплей и стенаній —
И теперь ихъ не отгонятъ
Крестъ и ласка старой няни.

II.

Поникъ я долу головой,
Осиленъ горемъ до истомы.
Вотъ нива жизни: жгучій зной
Всё сжегъ — и грудами соломы
Колосья тощіе лежатъ:
На утро съ первыми лучами
Надъ ней серпы не зазвенятъ,
И желтые снопы подъ — рядъ
Не лягутъ пышными скирдами.
Я помню: съ горъ сошла вода;
Весна дохнула тёплымъ вздохомъ —
И вотъ пришла работа сохамъ,
Пришли святые дни труда.
Я въ нѣдрахъ почвы благотворной
Желѣзомъ острымъ борозду
Провёлъ рукой, въ трудѣ упорной,
И въ землю смѣло бросилъ зёрна —
И благодати ждалъ труду.

Съ зарёй надъ нивою звенѣла
Пѣснь жавронка, лилась роса —
И нива пышно зеленѣла,
И долгій колосъ поднялся.
Съ нимъ вѣтеръ заигралъ проворный
И, отъ межи и до межи,
Клонилась рожь волной покорной,
И тѣнь отъ облаковъ узорно
Плыла по золотистой ржи.

И что-жъ? Упалъ засохшій колосъ,
Не блещетъ нива красотой,
И тщетно жаворонка голосъ
Надъ нею слышится съ зарёй;
И тщетно влагою холодной
Её кропитъ роса ночей:
Ничто не оживитъ безплодной!
И съ думой горя неисходной
Стою я, пахарь, передъ ней.

III.

ССОРА ИЛЬИ-МУРОМЦА СЪ КНЯЗЕМЪ ВЛАДИМІРОМЪ.

1.

У князя Владиміра пиръ средь хоромъ.
Поютъ, заливаясь, гусляры,
Кипятъ золоченыя чаши виномъ,
Ликуютъ князья и бояры.

2.

Ликуетъ и вся богатырская рать,
Отводитъ веселіемъ душу.
Забылъ только князь къ себѣ въ гости позвать
Крестьянскаго сына Ильюшу.

3.

Обидѣлся старый Илья: — „Вѣкъ живу,
А князь меня пиромъ обходитъ“...

Беретъ онъ свой лукъ, натянулъ тетиву,
Стрѣлу каленую наводитъ.

4.

Стрѣляетъ по божьимъ церквамъ онъ стрѣлой,
По чуднымъ крестамъ съ позолотой,
Самъ къ голи кабацкой зоветъ: — „Кто со мной
Итти хочетъ, други охотой?"

5.

— „Пойдемъ обирать божьи церкви, пойдемъ
Боярскія рушить хоромы.
Напьемся мы пьянымъ зеленымъ виномъ,
Богатое сыщемъ добро мы!"

6.

Сбѣжалась къ Ильюшѣ кабацкая голь,
Итти за Ильей она рада:
— „Отецъ ты нашъ, батюшка родный, изволь,
Порушимъ мы все, что те надо!"

7.

По Кіеву гулъ: расходился народъ,
Ничѣмъ не уймешь его блажи:
Съ церквей золоченыя главы деретъ,
Снимаетъ кресты для продажи.

8.

Князь видитъ: тутъ властію княжьей не взять,
Съ Ильей не приходится спорить,
На пиръ надо сына крестьянскаго звать, —
И дѣлаетъ пиръ онъ вдругорядь.

9.

Къ Ильѣ шлетъ Добрыню Никитича онъ,
Ильюши крестоваго брата;
У нихъ былъ великій завѣтъ положенъ,
Хранили они его свято:

10.

Братъ меньшій—онъ старшаго слушалъ во всемъ,
Братъ старшій — онъ слушалъ меньшóва.
Приходитъ Добрыня къ Ильюшѣ посломъ,
И молвитъ такое онъ слово:

11.

— Мы слушать другъ друга клялися, Илья,
Завѣтъ положили мы честный:
Пришелъ я отъ князя, зову тебя я
На княжескій пиръ на почестный.

12.

— „Добрынюшка, помню я честный завѣтъ —
Илья отвѣчаетъ Добрынѣ —
Когда бы не ты, не пошелъ бы я—нѣтъ!
Въ хоромы къ Владиміру нынѣ".

13.

Тутъ старый Илья снаряжался и шелъ,
Въ столовую гридню онъ чинно.
Сажали на первое мѣсто за столъ
Ильюшу крестьянскаго сына.

14.

Несли ему чару зелёна вина,
Другую-то меду хмельнова,
И медъ и вино испивалъ онъ до дна
И молвилъ ко князю онъ слово:

15.

— „Владиміръ, князь кіевскій, зналъ ты кого
Заслать ко мнѣ съ ласковымъ словомъ:
Добрыня просилъ — я послушалъ его,
Не онъ, такъ бы худо пришло вамъ!

16.

„Ужъ было на сердцѣ положено мной:
Стянуть тетивою шелковой
Мой лукъ да тебя каленою стрѣлой
Убить среди гридни столовой.

17.

„Обидѣть мужичью ты силушку могъ,
Забылъ о крестьянскомъ ты сынѣ,
Забылъ объ Ильюшѣ... Прости тебѣ Богъ
Вину ту великую нынѣ!

И. З. СУРИКОВЪ.

Иванъ Захаровичъ Суриковъ — поэтъ, крестьянинъ, родился въ 1841 году, весною, въ д. Новоселово, Юхтинской волости, Ушицкаго уѣзда, Ярославской губерніи. Деревня Новоселово принадлежала, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ подобныхъ же деревень названной мѣстности, богатѣйшему въ Россіи помѣщику, графу Шереметеву; большая часть крестьянъ этой деревни землѣдѣліемъ почти не занималась, а ходила по оброку, и такъ какъ оброкъ былъ не великъ (около 35 р. съ тягла), то новоселовскимъ крестьянамъ жилось хорошо. Очень многіе изъ односельцевъ поэта жили въ Москвѣ, приписавшись „по торговой части"; къ числу ихъ принадлежалъ и отецъ Ивана Захаровича, Захаръ Андреяновичъ, довольно успѣшно торговавшій въ Москвѣ „овощнымъ товаромъ". По десятому году, отецъ вытребовалъ сына въ Москву и поселилъ съ женою при себѣ. Здѣсь

Ивану Захаровичу очень скоро удалось выучиться грамотѣ въ одной изъ маленькихъ школокъ, содержимой какими-то старыми дѣвицами, которыя, вмѣстѣ съ грамотностью, сумѣли вселить въ юношу и любовь къ чтенію, и любовь къ поэзіи. Но въ интересы отца вовсе не входило, конечно, слишкомъ большое углубленіе сына въ „книжную науку“. Едва только онъ замѣтилъ, что сынъ его можетъ ему пригодиться за прилавкомъ, онъ поспѣшилъ примѣнить его знанія къ практикѣ, и открылъ неуспѣшную войну противъ всякихъ его поползновеній заниматься книжками и „писанныхъ тетрадокъ“, за которыми онъ его заставалъ иногда, на досугѣ, гдѣ-нибудь въ укромномъ уголкѣ. Несмотря на всѣ старанія отца, около Ивана Захаровича нашлись таки добрые люди, которые не дали въ немъ погаснуть искрѣ Божіей, и встрѣтили привѣтливо его первые, слабые опыты въ стихотворствѣ. Однакоже сыну жилось тяжело и невесело подъ недовѣрчивымъ и строгимъ надзоромъ отца, который любилъ его по-своему и все хотѣлъ изъ него сдѣлать образцоваго „овощнаго торговца“. Еще хуже стала его жизнь, когда дѣла отца пошли къ низу, и старикъ сталъ искать себѣ утѣшенія въ винѣ... Но счастье, на минуту, улыбнулось Ивану Захаровичу, когда въ 1880 году ему сосватали невѣсту по-сердцу, съ которой онъ вскорѣ обвѣнчался и до конца жизни жилъ душа-въ-душу. Счастье улыбнулось одновременно и съ другой стороны: добрые люди, сочувствовавшіе молодому-самоучкѣ, свели его съ А. Н. Плещеевымъ, который внимательно и съ участіемъ просмотрѣлъ первые опыты Ивана Захаровича и не только посовѣтовалъ ему непремѣнно продолжать занятія поэзіей, но еще и пристроилъ нѣкоторыя изъ его пьесъ въ „Развлеченіи“, которое издавалъ Ѳ. Б. Миллеръ. Это было въ 1863 году. Казалось, путь былъ открытъ: у надежды могли отрости крылья... Но нужда гнула больного Ивана Захаровича въ дугу. Дѣла отца разстроились окончательно, и въ то же время умерла нѣжно-любящая мать. Отецъ съ тоски запилъ хуже прежняго и женился на какой-то раскольницѣ, которая вынудила сына и невѣстку уйти изъ-подъ родительскаго крова. Затѣмъ, несчастному поэту, пришлось пройти длинную дорогу страданій и униженій,—пришлось то служить младшимъ приказчикомъ у дяди-лавочника и слушать всякія оскорбленія, то выносить голодъ и холодъ, служа наборщикомъ въ типографіи. Въ эти тяжелые годы, силы и здоровье Ивана Захаровича были окончательно подорваны, и въ то время, когда судьба-мачиха надъ нимъ сжалилась—дни его уже были сочтены,

Съ конца 60 годовъ стихотворенія И. З. Сурикова стали появляться въ разныхъ журналахъ и, между прочимъ, въ „*Дѣлѣ*“. Въ 1871 году вышло въ свѣтъ первое изданіе его стихотвореній и было принято публикою весьма радушно. Два слѣдующія изданія были распущены въ теченіе слѣдующихъ пяти-шести лѣтъ. Московское Общество любителей „Русской Словесности“ почтило поэта, самоучку избраніемъ въ члены... Около того же времени и домашнія обстоятельства поэта поправились настолько, что онъ могъ снова вернуться подъ отеческій кровъ, покинутый бѣжавшей изъ-подъ него мачихой... Но поэту уже все было не по сердцу, и не на радость... Онъ умиралъ медленно, тихо таялъ какъ свѣча,—шелъ къ могилѣ вѣрными шагами. Напрасны были усилія отца и добрая помощь друзей, благодаря которой Ивану Захаровичу въ послѣдній годъ жизни удалось побывать и въ кумысолѣчебныхъ заведеніяхъ на Востокѣ Россіи, и въ Крыму. 24-го апрѣля 1880 года поэта не стало... Прахъ его покоится на Пятницкомъ кладбищѣ въ Москвѣ. Друзья воздвигли на его могилѣ скромный памятникъ, окруженный изящною чугунною рѣшеткой.

По смерти Ивана Захаровича, въ 1884 г. вышло въ Москвѣ четвертое, значительное дополненное изданіе его стихотвореній, напечатанное иждивеніемъ извѣстнаго Московскаго богача-издателя К. Т. Солдатенкова; къ этому изданію приложенъ прекрасный портретъ поэта, гравированный въ Лейпцигѣ, и весьма обстоятельная (хотя и нѣсколько многословная), біографія его, написанная однимъ изъ его друзей.

I.

Эхъ ты, доля, эхъ ты, доля,
Доля бѣдняка!
Тяжела ты, безотрадна,
Тяжела, горька!
Не твою-ли это хату
Вѣтеръ пошатнулъ—
Съ крыши ветхую солому
Разметалъ, раздулъ?
И не твой-ли подъ горою
Сгнилъ до-тла овинъ—
Въ запустѣломъ огородѣ
Повалился тынъ?

Не твоей-ли прокатали
Полосой пустой
Мужики дорогу въ городъ
Лѣтнею порой?
Не твоя-ль жена, въ лохмотьяхъ,
Ходитъ босикомъ?
Не твои-ли это дѣтки
Просятъ подъ окномъ?
Не тебя-ль въ пиру обносятъ
Чаркою съ виномъ,
И не ты-ль сидишь послѣднимъ
Гостемъ за столомъ?
Не твои-ли это слезы
На пиру текутъ?
Не твои-ли это пѣсни
Грустью сердце жгутъ?
Не твоя-ль это могила
Смотритъ сиротой? —
Крестъ свалился, вся размыта
Дождевой водой...
По краямъ ея, крапива
Жгучая растетъ,
А зимой надъ нею вьюга
Плачетъ и поетъ.
И звучитъ въ тѣхъ пѣсняхъ горе,
Горе да тоска...
Эхъ ты, доля, эхъ ты, доля,
Доля бѣдняка!

II.

Еслибъ легкой птицы
Крылья я имѣла,
Въ частый бы кустарникъ
Я не полетѣла;

Еслибъ я имѣла
Голосъ соловьиный,
Я бы не носилась
Съ пѣсней надъ долиной;

Я бы не летала
На разсвѣтѣ въ поле,
Косарямъ усталымъ
Пѣть о лучшей долѣ;

Я бы не кружилась
Вечеромъ надъ хаткой,
Чтобъ ребенка пѣсней
Убаюкать сладкой.

Нѣтъ! я полетѣла бъ
Съ пѣсней въ городъ дальній:
Есть тамъ домъ обширный
Всѣхъ домовъ печальнѣй.

У стѣны высокой
Ходятъ часовые:
Въ окна смотрятъ люди
Блѣдные, худые, —

Имъ никто не скажетъ
Ласковаго слова,—
Только вѣтеръ пѣсни
Имъ поетъ сурово.

Отъ окна—къ другому,
Тамъ-бы я летала,
Узниковъ привѣтной
Пѣсней утѣшала.

Я бъ имъ навѣвала
Золотыя грёзы
И изъ глазъ потухшихъ
Вызывала слезы,

Чтобы эти слезы
Щеки ихъ смочили,
Полную печали
Душу облегчили...

III.

Честь-ли вамъ, поэты-братья,
Въ напускномъ своемъ задорѣ
Извергать изъ устъ проклятья
На пѣвцовъ тоски и горя?

Чѣмъ мы вамъ не угодили —
Поперекъ дороги стали?
Иль не искренни мы были
Въ пѣсняхъ горя и печали?

Или братались позорно
Съ ложью земною людскою?
Нѣтъ! всю жизнь вели упорно
Мы борьбу съ царящей тьмою.

Наше сердце полно было
Къ человѣчеству любовью;
Но отъ мукъ оно изныло,
Изошло отъ боли кровью...

Честны были въ насъ стремленья,
Чисты были мы душою, —
Такъ за что жъ кидать каменья
Въ насъ, измученныхъ борьбою?!.

IV.

ЖИЗНЬ.

Жизнь, точно сказочная птица,
Меня надъ бездною несетъ —
Вверху мерцаетъ звѣздъ станица,
Внизу шумитъ водоворотъ.

И слышны въ этой безднѣ темной—
Неясный рокотъ, ревъ глухой,
Какъ будто звѣрь рычитъ огромный,
Въ желѣзной клѣткѣ запертой.

Порою, звѣзды скроютъ тучи—
И я, на трепетномъ хребтѣ,
Съ тоской и болью въ сердцѣ жгучей,
Мчусь въ безпредѣльной пустотѣ.

Тогда страшитъ меня молчанье
Свинцовыхъ тучъ, и вѣтра вой,
И крылъ холодныхъ колыханье,
И мракъ, сидящій надо мной.

Когда же тѣни ночи длинной
Смѣнятся краткимъ блескомъ дня,
Что́ будетъ тамъ, въ дали пустынной,
Куда уноситъ жизнь меня?

Чѣмъ кончитъ? Въ бездну-ли уронитъ,
Иль въ область свѣта принесетъ,
И духъ мой въ мирномъ снѣ потонетъ?
Иль ждетъ меня иной исходъ?

Отвѣта нѣтъ,—однѣ догадки,
Предположеній смутныхъ рой.
Кружатся мысли въ безпорядкѣ,
Мечта смѣняется мечтой...

Смерть, вѣчность, тайна мірозданья,—
Какой хаосъ!—и сверхъ всего,
Всплываетъ страшное сознанье
Безсилья духа своего!

КНЯЗЬ Д. Н. ЦЕРТЕЛЕВЪ.

Князь Дмитрій Николаевичъ Цертелевъ родился въ 1852 г. въ Пензенской губерніи, Саранскаго уѣзда, въ с. Стольковѣ. Первоначальное образованіе получилъ отчасти въ деревнѣ, отчасти за границею.

Въ 1866 г. поступилъ въ 5-ую Московскую гимназію, а въ 1870 г. въ Московскій университетъ, гдѣ и кончилъ курсъ по юридическому факультету, въ 1874 г. Лѣтомъ 1878 г. слушалъ лекціи въ Лейпцигскомъ университетѣ, представилъ диссертацію о теоріи незнанія Шопенгауэра и удостоенъ былъ степени доктора философіи; въ 1880 г. издалъ въ Петербургѣ критическій очеркъ философіи Шопенгауэра, а въ 1855 г. сочиненіе — „Современный пессимизмъ въ Германіи"; кромѣ того, помѣщалъ философскія статьи въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Первое стихотвореніе князя Цертелева, если не считать нѣсколькихъ мелкихъ переводовъ, напечатанныхъ безъ подписи въ „Пчелѣ", появилось въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1875 г.; съ тѣхъ поръ его стихотворенія печатались въ „Русскомъ Вѣстникѣ", „Вѣстникѣ Европы" и изрѣдка въ другихъ журналахъ. Въ 1883 г. князь издалъ ихъ отдѣльною книжкой и въ настоящее время предполагаетъ издать второй выпускъ.

Съ 1877 по 1880 г. князь Цертелевъ былъ предсѣдателемъ Съѣзда Мировыхъ Судей Спасскаго уѣзда, Тамбовской губерніи; въ 1880 г. поступилъ въ Министерство Финансовъ; въ 1882 г. оставилъ службу, и въ настоящее время состоитъ редакторомъ журнала „Русскій Вѣстникъ".

I.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНІЕ БУДДЫ.

День наступилъ, спѣшитъ густой толпою
Ко храму древнему народъ,
Взглянуть какъ въ первый разъ своей рукою
Царь-отрокъ жертву принесетъ.

Цвѣтами устлана его дорога,
Гремитъ браминовъ стройный хоръ;
Но онъ глядитъ задумчиво и строго,
И полонъ скорби дѣтскій взоръ.

Кругомъ звучатъ священные напѣвы,
Горятъ алмазы и жемчугъ.
Его красавицы встрѣчаютъ дѣвы,
Волшебный замыкая кругъ.

И дышать счастьемъ лица молодыя;
Все полно жизни, красоты,
Сверкаютъ яркимъ солнцемъ залитые
Дворцы и ткани и цвѣты.

Но вотъ и храмъ – и холодомъ, и тканью
Отъ сводовъ вѣетъ вѣковыхъ,
И подъ его суровой, хмурой сѣнью
Умолкло всё — и хоръ затихъ.

Внутри его тѣснятся изваянья,
Во мракъ вперивъ недвижный взоръ
Праджапати — источникъ мірозданья,
Варуна — вѣчности просторъ.

И тутъ же Чандра, тихая богиня,
Царица свѣтлая ночей,
Что носится въ лазоревой пустынѣ
Въ вѣнцѣ серебряныхъ лучей,

И Сурія живой огонь вселенной,
Кѣмъ міръ согрѣтъ и озарёнъ,
И самъ великій Брама, неизмѣнный
Среди явленій и времёнъ.

И замерла толпа безмолвно на порогѣ
И ждетъ, чтобъ царь колѣна преклонилъ свои —
Но онъ вошелъ, и встали мраморные боги
Предъ тѣмъ, кто міру несъ ученіе любви.

II.

Я воздвигнулъ мой храмъ средь пустыни,
Я поставилъ алтарь на востокъ,
Уготовалъ я жертвы святынѣ,
Всѣ свѣтильники въ храмѣ зажёгъ.

И я ждалъ, чтобъ дневное свѣтило
Животворнымъ горячимъ лучомъ
И пустыню, и храмъ озарило,
И разсѣяло тѣни кругомъ.

Но проходятъ часы за часами,
Угасаетъ свѣтильниковъ свѣтъ,
И часы уже стали годами —
Все не брезжетъ желанный разсвѣтъ.

III.

Когда всё умолкаетъ надъ сонной землею
И несчётныя звѣзды горятъ въ вышинѣ,
Изъ волшебнаго царства влетаетъ порою
Невидимкою гостья ко мнѣ.

И она говоритъ мнѣ: незримы для ока,
Есть другіе міры: просыпайся, вставай,
Мы помчимся съ тобою далеко, далеко
Въ очарованный, сказочный край.

Тамъ ни скорби, ни слёзъ, ни тоски, ни разлуки;
Вѣчно-стройные хоры созвѣздій гремятъ,
Одѣваются въ краски волшебные звуки,
А лучи и поютъ, и звенятъ.

IV.

Мнѣ снился сонъ: кругомъ кипитъ сраженье,
Подъ звуки трубъ идётъ за строемъ строй,
А я гляжу на грозное смятенье
Въ плѣну, безсильный и нѣмой.

Призывный кличъ мнѣ слышенъ среди стона;
Сквозь дымъ, огонь и сталь передо мной,
Знакомыя проносятся знамена,
Но тщетно рвусь за ними въ бой.

Мнѣ снился сонъ— кругомъ кипитъ сраженье,
Свободенъ я — стою вооружёнъ,
Но среди грома, воплей и смятенья
Не узнаю своихъ знаменъ.

С. Я. НАДСОНЪ.

19 января 1887 г. въ Ялтѣ умеръ Семенъ Яковлевичъ Надсонъ. Исторія его жизни не сложна, но крайне печальна. Въ своей автобіографіи онъ говоритъ слѣдующее:

„Я родился 14-го декабря 1862 г. въ Петербургѣ, и когда мнѣ былъ годъ отъ роду, моя мать уѣхала по разстроенному здоровью въ Кіевъ, гдѣ я пробылъ до осьми лѣтъ. Отца моего, гдѣ-то служившаго и имѣвшаго чинъ надворнаго совѣтника, я совсѣмъ не помню, такъ какъ онъ умеръ, когда мнѣ было два года. Потомъ я слышалъ, что онъ никогда не отдавался весь своей службѣ и страстно любилъ музыку. Любовь эта передалась и мнѣ, и если бы мое воспитаніе сложилось иначе, я думаю, изъ меня вышелъ-бы хорошій музыкантъ. Когда мнѣ было девять лѣтъ, умерла моя мать, оставивъ меня и мою сестру Анну на попеченія своихъ двухъ братьевъ—Ильи Степановича и Діодора Степановича Мамонтовыхъ. Дядей я былъ отданъ на казенный счетъ во 2-ую с.-петербургскую военную гимназію, а сестра моя (на казенный-же счетъ) была принята въ Николаевскій институтъ. Гимназію я окончилъ благополучно 16-ти лѣтъ, хотя

занимался неровно, не имѣя никакихъ способностей къ математикѣ. Писать я началъ десяти лѣтъ изъ подражанія одному изъ моихъ двоюродныхъ братьевъ, бывшему въ той-же гимназіи, на котораго всѣ мои родные смотрѣли, какъ на маленькаго феникса. Я помню до сихъ поръ казавшіяся мнѣ безукоризненными четыре строки изъ одного его стихотворенія:

„Какъ пріятно въ полѣ лѣтомъ:
„Выйдешь утромъ погулять
„И, закутавшися пледомъ,
„Хочешь птичекъ услыхать".

Вообще, будучи старше меня однимъ годомъ, ловкій, разбитной, онъ имѣлъ на меня большое вліяніе. Вскорѣ онъ бросилъ поэзію, промѣнявъ Апполона на Марса (онъ служитъ въ артиллеріи). Первымъ моимъ произведеніемъ было стихотворное поздравленіе его въ день его рожденія. Съ тѣхъ поръ я уже не переставалъ писать. Первое мое печатное стихотвореніе „На зарѣ" было помѣщено въ апрѣльскомъ выпускѣ журнала „Свѣтъ" за 1878 г., издававшагося Н. П. Вагнеромъ (тогда мнѣ было 15 лѣтъ). Въ это время я познакомился и сошелся съ семействомъ Д—выхъ, имѣвшемъ нѣсколько мистическое направленіе, и самъ пережилъ очень тяжелый періодъ религіозныхъ увлеченій. Вскорѣ большинство членовъ семейства перемерло. Съ этимъ временемъ совпало окончаніе мною гимназіи въ 1879 году. Въ этомъ-же году на обычномъ гимназическомъ концертѣ я въ первый разъ публично читалъ съ успѣхомъ свое стихотвореніе „Іуда", носящее на себѣ печать моихъ религіозныхъ увлеченій. Въ слѣдующемъ 1880 году я поступилъ въ Павловское военное училище, по настоянію моего опекуна, хотя и чувствовалъ себя неспособнымъ къ военной службѣ, по слабости здоровья и по склонностямъ. Первые-же дни въ училищѣ обошлись мнѣ очень дорого. Слабогрудый и хилый, принужденный въ одномъ мундирѣ учиться въ холодные осенніе дни на плацу, я заболѣлъ острымъ катарромъ легкихъ настолько серіозно, что принужденъ былъ на годъ уѣхать на Кавказъ, по приглашенію одного изъ моихъ родственниковъ, служившаго въ Тифлисѣ. Вернувшись обратно нѣсколько поправившимся, я сталъ настаивать на моемъ желаніи бросить службу, но опекунъ мой и на этотъ разъ былъ противъ. Два года училища и лагерей не могли не имѣть пагубнаго вліянія на мое здоровье, тѣмъ болѣе сильнаго, что я не вполнѣ оправился отъ катарра и къ груднымъ болѣзнямъ имѣлъ наслѣдственное предрасположеніе. Въ бытность мою на Кавказѣ написано мною нѣсколько стихотвореній („Поэтъ", „Поэзія", „Кавказскія вершины" и др.), впервые помѣщенныхъ въ журналѣ „Слово" 1880 г.

Стихотворенія, помѣщенныя въ „Словѣ", обратили на себя вниманіе А. Н. Плещеева, который и выразилъ желаніе познакомиться со мною. Впослѣдствіи я очень съ нимъ сблизился. Завѣдуя стихотворнымъ отдѣломъ въ „Отечественныхъ Запискахъ", А. Н. нашелъ возможнымъ открыть для меня доступъ на страницы этого журнала, въ которомъ я и печаталъ свои стихи до его закрытія. Въ то же время стихотворенія мои помѣщались въ „Дѣлѣ", въ „Недѣлѣ", въ „Русской Мысли" „Еженедѣльномъ Обозрѣніи" и многихъ другихъ изданіяхъ. Въ 1882 году я былъ выпущенъ изъ Павловскаго военнаго училища, а въ 1884 году крайне неудовлетворительное состояніе моего здоровья, а также и личное влеченіе, побудили меня окончательно бросить службу. На первое время редакторъ „Недѣли" П. А. Гайдебуровъ предложилъ мнѣ у себя мѣсто секретаря, но все развивающаяся болѣзнь лишила меня возможности оставаться въ Петербургѣ, а друзья мои, въ числѣ которыхъ я назову семейство директора консерваторіи, К. Ю. Давыдова, доставили мнѣ возможность провести почти годъ за границей, преимущественно въ Ниццѣ и Ментонѣ. Вернувшись въ Петербургъ въ августѣ, прошлую зиму я провелъ въ Подольской губ., а теперь нахожусь въ Ялтѣ. Весною 1885 года вышло первое изданіе моихъ стихотвореній, теперь-же находится въ продажѣ четвертое".

Передъ смертью до него дошло радостное извѣстіе о томъ, что ему за его стихи присуждена академіей наукъ пушкинская премія въ пятьсотъ рублей. Вотъ и все, что можно сказать о его жизни. Преждевременное сиротство, корпусная жизнь среди чужихъ, болѣзнь, сказавшаяся уже въ военномъ училищѣ, стѣсненныя обстоятельства, необходимость прибѣгать въ юности къ частной благотворительности,—все это не могло не повліять удручающимъ образомъ на впечатлительную душу поэта, и сказалось горькими нотами въ его поэзіи. Какъ человѣкъ, онъ производилъ впечатлѣніе симпатичнаго, живого, впечатлительнаго юноши, относившагося крайне сердечно къ людямъ. Зная его, нельзя было не полюбить его.

I.

ПОЭЗІЯ.

За много лѣтъ назадъ, изъ тихой сѣни рая,
Въ вѣнкѣ душистыхъ розъ, съ улыбкой молодой
Она сошла въ нашъ міръ, прелестная, нагая
И гордая своей невинной красотой.
Она несла съ собой невѣдомыя чувства,
Гармонію небесъ и преданность мечтѣ, —
И былъ законъ ея — искусство для искусства,
И былъ завѣтъ ея — служенье красотѣ.

Но съ первыхъ же шаговъ съ чела ея сорвали
И растоптали въ прахъ роскошные цвѣты, —
И темнымъ облакомъ сомнѣній и печали
Покрылись дѣвственно-прекрасныя черты;
И прежнихъ гимновъ нѣтъ!.. Ликующіе звуки
Дыханіемъ грозы бевслѣдно унесло, —
И дышитъ пѣснь ея огнемъ душевной муки,
И терніи язвятъ небесное чело!...

II

Бываютъ дни, когда надъ хмурою землей
Сплошныя облака стоятъ, не пролетая,
Туманной дымкою, какъ сѣрой пеленой,
И рощи, и луга тоскливо одѣвая;
Нѣтъ въ воздухѣ игры причудливыхъ лучей,
Рельефы сглажены, оттѣнки мутно слиты,
Даль какъ-то кажется и площе, и тѣснѣй,
И волны озера дремотою повиты.

И вдругъ, какъ будто вздохъ раздастся и замретъ,
И вѣтеръ налетитъ, порывистый и крѣпкій,
И крылья мельницы со скрипомъ повернетъ,
И броситъ пыль въ глаза, и заволнуетъ вѣтки.
Разорванъ пологъ тучъ!.. Какимъ-то волшебствомъ
Природа красками мгновенно расцвѣтилась,
И въ вышинѣ, въ просвѣтѣ, блескомъ и тепломъ
Небесная лазурь, сверкая, заструилась...
Такъ, въ дни унынія и будничныхъ заботъ
Порывомъ въ грудь пѣвца слетаетъ вдохновенье,
И озаряетъ міръ, и будитъ, и зоветъ, —
Зоветъ итти во храмъ и совершить служенье.
Разорванъ пологъ тучъ. Душа потрясена,
И жизнь ужъ не томитъ безцвѣтной пустотою, —
Нѣтъ, въ ней открылась мысль, блеснула глубина
И вѣетъ истиной, добромъ и красотою!..

III.

НАДЪ МОГИЛОЙ И. С. ТУРГЕНЕВА.

Тревожные слухи давно долетали;
Бѣда не подкралась къ отчизнѣ тайкомъ, —
Бѣда шла открыто, — мы всѣ ее ждали,
Но всѣхъ взволновалъ разразившійся громъ:
И такъ ужъ не много вождей остается,
И такъ ужъ безлюдье насъ тяжко гнететъ,
Чье-жъ сердце на русскую скорбь отзовется,
Чья мысль ей укажетъ желанный исходъ?..

Больной и далекій, — въ послѣдніе годы
Немного ты далъ намъ, учитель и другъ:
Понять наши стоны и наши невзгоды
Тебѣ помѣшалъ безпощадный недугъ.
Но жилъ ты — и вѣрилось въ русскую силу,
И вѣрилось въ русской души красоту, —
Сошелъ, побѣжденный страданьемъ, въ могилу, —
И нѣтъ тебѣ смѣны на славномъ посту.

Не здѣсь, не въ мерцаньи свѣчей погребальныхъ
Не въ пестрой толпѣ, не при громѣ рѣчей,
Не въ звукахъ молитвъ, заунывно печальныхъ,
Поймемъ мы всю горечь утраты своей, —
Поймемъ ее дома, поймемъ надъ строками
Высокихъ и свѣтлыхъ твореній твоихъ,
Заслышавъ, какъ сердце трепещетъ слезами, —
Слезами восторга и чувствъ молодыхъ!..

И долго при лампѣ вечерней порою,
За дружнымъ и тѣснымъ семейнымъ столомъ,
Въ студенческой кельѣ, въ саду надъ рѣкою,
На школьной скамейкѣ и всюду кругомъ —
Знакомыя будутъ мелькать намъ страницы,
Звучать отголоски знакомыхъ рѣчей,
И словно живыя, вставать вереницы,
Тобою возсозданныхъ русскихъ людей!..

IV.

Опять вокругъ меня ночная тишина,
Опять на серебро морознаго окна
Бросаетъ лунный свѣтъ отливъ голубоватый,
И въ поздній часъ ночной, передъ недолгимъ сномъ,
Сижу я при огнѣ, склонясь надъ дневникомъ,
Тревогою, стыдомъ и ужасомъ объятый.

Такихъ, какъ этотъ день, минувшій безъ слѣда,
Растратилъ много я въ послѣдніе года, —

Но ихъ въ мою тетрадь я заносить боялся:
Больную мысль страшилъ растущій ихъ итогъ...
Такъ медлитъ счетъ свести неопытный игрокъ,
Съ отчаяньемъ въ груди сознавъ, что проигрался...

Сегодня совѣсть мнѣ отсрочки не даетъ...
За что? что сдѣлалъ я?.. За что меня гнететъ
Мое минувшее, какъ память преступленья?
Я жилъ, какъ всѣ живутъ,—какъ всѣ, я убивалъ
Безцѣльно день за днемъ и рабски отгонялъ
Укоры разума и думы, и сомнѣнья!

Я жилъ, какъ всѣ живутъ,—а въ этотъ часъ ночной,
Быть можетъ, я одинъ съ мучительной тоской
Въ тайникъ души моей спускаюсь безпристрастно...
И тихо все кругомъ, и за моимъ окномъ,
Окованный луны холоднымъ серебромъ,
Недвижный городъ спитъ глубоко и безстрастно.

V.

Я вчера еще радъ былъ отречься отъ счастья..
Я презрѣньемъ клеймилъ этихъ сытыхъ людей,
Промѣнявшихъ туманы и холодъ ненастья
На отраду и ласку весеннихъ лучей...
Я твердилъ, что покуда на свѣтѣ есть слезы
И покуда царитъ непроглядная мгла,
Безконечно постыдны заботы и грезы
О теплѣ и довольствѣ родного угла...
А сегодня—сегодня весна золотая,
Вся въ цвѣтахъ, и въ мое заглянула окно—
И забилось усталое сердце, страдая,
Что такъ бѣдно за этимъ окномъ и темно...
Милый взглядъ, мимолетнаго полный участья,
Грусти въ прекрасныхъ чертахъ молодого лица,
И безумно, мучительно хочется счастья,
Женской ласки и слезъ, и любви безъ конца!..

С. А. АНДРЕЕВСКІЙ.

I.

ДУМА.

Какъ жутко въ чудный, свѣтлый день,
Въ концѣ весны, въ началѣ лѣта,
Когда цвѣтетъ уже сирень
И ландышъ не утратилъ цвѣта—
Замѣтивъ снѣжное пятно
Въ глухомъ, безжизненномъ оврагѣ,
Гдѣ долго прячется оно,
Въ пріютѣ сумрака и влаги...
Такъ наше сердце иногда
Смущаетъ горестная дума,
И старость мертвая угрюмо
Грозится издали, когда,
Еще въ цвѣтущіе года,
Среди красотъ незамѣнимыхъ,
Завѣтовъ жизненной весны,—
Случится намъ, въ кудряхъ любимыхъ,
Подмѣтить наши сѣдины.

II.

Въ темной тучкѣ, звѣздное свѣтило,
Сквозь дымокъ на Божій міръ глядѣло,
И, мигая, сердцу говорило:
„Не тоскуй, жди лучшаго удѣла!“

—„Безполезны, звѣздочка, намеки!
Въ сѣрой тучкѣ скоро ты утонешь.
Небеса при жизни мнѣ далёки,
А въ могилу свѣта не заронишь...“

III.

Отъ милыхъ строкъ, начертанныхъ небрежно,
Когда-то жившаго рукой,
Незримый духъ безропотно и нѣжно,
Намъ вѣетъ тихою тоской!

Безмолвенъ гробъ, портреты безотвѣтны,
И вы лишь, блѣдныя слова,
Забытымъ здѣсь даете знакъ завѣтный,
Что тѣнь души еще жива!

IV.

Шумятъ ручьи, подснѣжные ручьи...
Иная жизнь торопится на смѣну,
Ничей запретъ, и жалобы ничьи—
Не отвратятъ благую перемѣну!
Богатыхъ льдовъ заплачутъ хрустали,
Сѣдыхъ полей истреплются порфиры,
И вздохъ, и паръ поднимутся съ земли,
Летя на встрѣчу вольнаго эфира,
И звучный кликъ пошлютъ подъ небеса
Хрипѣвшіе подъ стужей голоса,
И чуждыхъ странъ невѣдомыя птицы
Влетятъ въ окно провѣтренной темницы.

V.

Въ началѣ жизненной дороги,
Я зналъ нелѣпыя тревоги.
Я видѣлъ много милыхъ сновъ,
Въ тѣни сиреневыхъ кустовъ.
Когда въ саду цвѣли жасмины,
Я волновался безъ причины.
О чемъ, при звѣздахъ, по ночамъ
Я слезы лилъ — не зная самъ.
И нынче также, дни и годы,
При всѣ зимней непогоды,
При лѣтнемъ солнцѣ и весной
Въ тѣни сирени молодой
Я часто слезы проливаю
Но слезъ — увы! — причину знаю...

В. И. НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО.

I.

РОДНОЙ КРАЙ.

Засыпанный глубокими снѣгами,
Какъ другъ въ землѣ, молчитъ мой край родной...
Стоитъ рѣка, окованная льдами,
И дремлетъ лѣсъ подъ шапкой снѣговой.
Въ дыму лачугъ, спасаясь отъ мороза,
Заснулъ народъ. Какъ туча ходитъ сонъ,
Безсиленъ умъ. Совсѣмъ увяла грёза...
Запѣть—кому?.. Тутъ пѣсни—тотъ-же стонъ!
Я уходилъ въ край солнца и свободы,
Въ край яркихъ розъ и говорливыхъ водъ.
Не зная сна, на праздникѣ природы
Тамъ весело волнуется народъ
И жизнь кипитъ. Подъ сводами руины,
Какъ будто-бы забывшими упасть,
По вечерамъ рокочутъ мандолины
И пѣснь звучитъ и вспыхиваетъ страсть...
Но тамъ меня отчаянье томило:
Мнѣ чудился, далекій и глухой,
Холодный край, раскинутый уныло
Въ оковахъ льда, подъ шапкой снѣговой...
На праздникѣ плѣнительнаго юга
Мнѣ видѣлась голодная страна,
Забытыхъ селъ — убогая лачуга,
Густыхъ лѣсовъ — угрюмая сосна.

II.

ВЪ КУЗНИЦѢ.

Падаетъ молотъ тяжелый,
Брызжетъ желѣзо огнемъ;
Въ кузницѣ, съ пѣсней веселой,
Плугъ мы на славу куемъ.
Выйдешь ты крѣпокъ изъ горна;
Землю ты взроешь, могучъ.
Въ землю схоронятся зерна,
Прыснетъ ихъ ливень изъ тучъ.
Встанетъ зеленая нива —
Сладокъ ей потъ трудовой...
Лѣтомъ колосья лѣниво
Вѣтеръ погонитъ волной...
Золотомъ чистымъ по полю
Лягутъ подъ острымъ серпомъ...
Вырвется пѣсня на волю
Какъ изъ желѣза — огнемъ...
Падаетъ молотъ проворно;
Крѣпче! — не будетъ грѣха!..
Мечется пламя изъ горна,
—„Воздуху!“ — свищутъ мѣха.

III.

КОМУ ВЕСНА!

Темный день, за темной ночкой,
Просыпался, солнцу радъ,
Жадно дышитъ каждой почкой,
Молчаливый, старый садъ.
Вѣтви просятся въ окошко,
Словно шепчутъ свой привѣтъ;
Погоди еще немножко —
Ихъ покроетъ бѣлый цвѣтъ...
Ароматный, свѣжій, чистый —
Лишь повѣетъ вѣтерокъ,
Станетъ, будто снѣгъ пушистый,
Осыпаться лепестокъ.
Налетитъ крикливой птицы,
Запоетъ мой старый садъ;
Подъ рукой весны царицы
Все пойдетъ на новый ладъ...
Злыя муки, боль недуга
Утолитъ ея привѣтъ,
Уврачуетъ солнце юга,
Унесутъ — тепло и свѣтъ...
Только тѣхъ, что сердцу милы,
Не найдетъ твоя любовь;
Не раскроются могилы,
Не воскреснетъ счастье вновь...

IV.

ВЪ ДАЛЬ!

Изъ вашихъ душныхъ городовъ,
Изъ стѣнъ, пропитанныхъ слезами,

Въ блаженный край моихъ лѣсовъ,
Я уношусь еще мечтами.
Зеленымъ царствомъ въ лѣтній зной
Ложится глушь моя родная.
Тамъ тѣнь, молчанье и покой,
Тамъ я воскресну, отдыхая...
Среди безмолвной красоты,
Гдѣ только бродитъ вѣтеръ горный,
Безсильно слово клеветы
И жало зависти упорной...
Смолистымъ воздухомъ дыша,
Въ тѣни столѣтнихъ великановъ,
Забудемъ все — о чемъ душа
Томилась въ области тумановъ,
Среди ликующихъ глупцовъ
И жертвъ, раздавленныхъ врагами,
Во мракѣ душныхъ городовъ,
Въ стѣнахъ, пропитанныхъ слезами.

С. Г. ФРУГЪ.

I.

ЛЕГЕНДА О ЧАШѢ.

„... Скажи мнѣ — то правда-ль, родная:
Мнѣ дѣдушка все говоритъ,
Что на небѣ чаша большая
Предъ Божьимъ престоломъ стоитъ,
И съ каждой бѣдою, что̀ насъ постигаетъ
Отъ рукъ безпощадныхъ людей,
Въ ту чашу слеза упадаетъ
Со скорбныхъ Господнихъ очей,—
Когда-же слезами до самаго края
Наполнится чаша святая,
На землю Мессія придетъ,
Тотъ самый, чья слава въ молитвахъ поется,
Тотъ самый, котораго ждетъ не дождется
Такъ долго нашъ бѣдный народъ?“
— „Да, милый, родной мой, то правда святая“,
Печально промолвила мать.
И смолкло дитя, размышляя;
Но скоро спросило опять:
„Когда-же, родная, когда-же слезами
Ужъ будетъ та чаша полна?..
Иль сохнутъ тѣ слёзы вѣками?
Иль, можетъ быть, чаша безъ дна?..“
И полные кротости, полные ласки,
Невинные, свѣтлые глазки
На мать устремило дитя.
А мать, головою поникнувъ, стояла...
Слеза на рѣсницахъ ея задрожала...
Вотъ, яркимъ алмазомъ блестя,
Спадаетъ слеза на головку родную...
Вотъ съ кудрей на лобикъ течетъ...
О, Боже! Пусть въ чашу святую
И эта слеза упадетъ!

II.

Горячихъ слезъ бушующее море
Кипитъ и стонетъ предо мной,
И бой ведетъ въ немъ на просторѣ
Мое отчаянное горе
Съ моей больной, измученной душой...

Стихаетъ бой и снова закипаетъ...
Бойцы ко дну идутъ — и тамъ
Душа въ безсильи замираетъ,
А горе... горе выплываетъ
И съ хохотомъ несется по волнамъ...

III.

(Іеремiада I. XX, XXII).

Уноси мою душу въ ту синюю даль,
Гдѣ степь золотая легла на просторѣ —
Широка̀, какъ моя роковая печаль,
Какъ мое безысходное горе:

Разбужу я былыя надежды мои
И теплую вѣру, и свѣтлыя грёзы —
И кипучей рѣкой по раздольной степи
Разолью я горячія слезы;

И по звонкимъ струнамъ я ударю звучнѣй,
И хлынутъ потокомъ забытые звуки;
Разомъ выльетъ душа всѣ созрѣвшія въ ней
Безконечныя тяжкія муки...

Уноси мою душу въ ту чудную даль,
Гдѣ степь золотая лежитъ на просторѣ —
Широка, какъ моя роковая печаль,
Какъ мое безысходное горе!..

ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

А. Ф. ВОЕЙКОВЪ.

ДОМЪ СУМАСШЕДШИХЪ.

Други милые, терпѣнье!
Разскажу вамъ чудный сонъ;
Не игра воображенья,
Не случайный призракъ онъ:
Нѣтъ, то мщенью предыдущій
И грозящій неба гласъ,
Къ покаянію зовущій
И пророческій для насъ.

Ввечеру, разставшись съ вами,
Въ уголку сидѣлъ одинъ,
И Кутузова стихами
Я растапливалъ каминъ;
Подбавлялъ изъ Глинки сору,
И твоихъ — о, Мерзляковъ —
Изъ Омира по сю пору
Недописанныхъ стиховъ.

Дымъ отъ смѣси этой ѣдкой
Носъ мнѣ сажей закоптилъ
И въ награду крѣпко, крѣпко
И пріятно усыпилъ.
Снилось мнѣ, что въ Петроградѣ,
Чрезъ Обуховъ мостъ пѣшкомъ
Перешедъ, спѣшу къ оградѣ
И вступаю въ „Желтый Домъ".

Отъ любови сумасшедшихъ
Въ списокъ бѣгло я взглянулъ
И твоихъ проказъ прошедшихъ
Длинный рядъ воспомянулъ, —

О, Каверинъ! Долгъ романамъ
Былъ тобою заплачёнъ;
Но, сказавъ „прости" обманамъ,
Ты давно ужъ сталъ умёнъ.

Ахъ, и я!... Но сновидѣнье
Прежде, други, разскажу.
Во второе отдѣленье
Я чиннёхонько вхожу:
Тутъ одинъ желаетъ трона,
А другой, владѣть луной —
И портретъ Наполеона
Намалёванъ, какъ живой.

Я поспѣшными шагами
Черезъ залу перешелъ
И увидѣлъ надъ дверями
Очень чётко: „Сей отдѣлъ
Прозаистамъ и поэтамъ,
Журналистамъ, авторàмъ;
Не по чину, не по лѣтамъ —
Здѣсь мѣста по нумерамъ".

Двери настежь надзиратель
Отворя мнѣ говоритъ:
„Нумеръ первый — вашъ пріятель
Каченовскій здѣсь сидитъ!
Букву „э" на эшафотѣ
Съ торжествомъ и пѣньемъ жжетъ".
Умъ его всегда въ работѣ:
По крюкамъ стихи поётъ.

То кавыки созерцаетъ,
То, обнюхивая, гниль
Духу розъ предпочитаетъ,
То стряхаетъ съ книжицъ пыль,

И. въ восторгѣ восклицая,
Набиваетъ ею ротъ:
„Соръ славянскій, пыль родная,
Слаще ты, чѣмъ медъ и сотъ!“

Вотъ на розовой цѣпочкѣ
Спичка Шаликовъ въ слезахъ,
Разрумяненый, въ вѣночкѣ,
Въ ярко-бланжевыхъ чулкахъ,
Прижимаетъ вѣникъ страстно,
Кличетъ грацій здѣшнихъ мѣстъ,
И, мяуча сладострастно,
Размазню безъ масла ѣстъ.

Нумеръ третій — на лежанкѣ
Истый Глинка возсѣдитъ;
Передъ нимъ „духъ русскій“ въ склянкѣ
Не закупоренъ стоитъ;
„Книга Кормчая“ отверста,
И уста отворены,
Сложены десной два перста,
Очи вверхъ устремлены:

„О, Расинъ, откуда слава?
Я тебя, дружокъ, поймалъ:
Изъ россійскаго „Стоглава“
Ты „Гофолію“ укралъ!
Чувствъ возвышенныхъ сіянье,
Выраженій красота
Въ „Андромахѣ“ — подражанье
„Погребенію кота“.

„Ты ль, Хвостовъ?“ къ нему вошедши,
Вскрикнулъ я: „Тебѣ-ль здѣсь быть?
Ты дуракъ — не сумасшедшій:
Не съ чегѝ тебѣ сходить“.
— „Въ Буало я смыслъ добавилъ,
Лафонтена я убилъ
И Расина обезглавилъ“.
Быстро онъ проговорилъ —

И читать мнѣ началъ оду.
Я искусно ускользнулъ
Отъ мучителя, но въ воду
Прямо изъ огня юркнулъ.
Здѣсь старикъ съ лицомъ печальнымъ
Буквъ славянскихъ красоту
Мажетъ золотомъ сусальнымъ
Пресловутую „ѳиту“.

И на утвари повсюду
Коронованныя „кси“,
Старовѣрскихъ книжицъ груду
И въ окладѣ „юсъ“ и „пси“,
Томъ, въ сафьянъ переплетённый,
Тредьяковскаго стиховъ
Я увидѣлъ изумлённый —
И узналъ, что тѝ Шишковъ.

Вотъ Сладковскій восклицаетъ:
„Се, се, — россы! се — самъ Петръ!
Се со всѣхъ сторонъ зіяетъ
Молнія изъ тучныхъ нѣдръ
И чрезъ Ворсклу при препавѣ,
Градовъ на сушѣ творецъ
Съ дерзостью пошелъ ко славѣ —
И поэмы сей конецъ!“

Вотъ Жуковскій: въ саванъ длинный
Скутанъ, лапочки крестомъ,
Ноги вытянуты чинно,
Чорта дразнитъ языкомъ;
Видѣть вѣдьму воображаетъ;
То глазкомъ ей подмигнётъ
И кадитъ, и отпѣваетъ,
И трезвонитъ, и ревётъ.

Вотъ Кутузовъ: онъ зубами
Бюстъ грызётъ Карамзина;
Пѣна съ устъ течётъ клубами,
Кровью грудь обагрена.
Но напрасно мраморъ гложетъ,
Только время тратитъ въ томъ:
Онъ вредитъ ему не можетъ
Ни зубами, ни перомъ.

Вотъ Станевичъ. Въ отдаленьи
Усмотрѣвъ, что это я,
Возопилъ въ остервенѣньи:
„Міръ, потомство, за меня
Злому критику отмстите!
Мой изъ бронзы выливъ ликъ —
Монументъ соорудите:
Я великъ, великъ, великъ!“

Чудо: подъ окномъ на вѣткѣ
Крошка Батюшковъ сидитъ
Въ свѣтлой проволочной клѣткѣ,
Въ баночку съ водой глядитъ —
И поётъ онъ сладкогласно:
„Тихъ, спокоенъ сверху видъ,
Но спустись на дно — ужасно:
Крокодилъ на нёмъ лежитъ“.

Вотъ Грузинцевъ: онъ въ коронѣ
И въ сандаліяхъ, какъ царь,
Гордъ въ мишурномъ онъ хитонѣ,
Держитъ греческій букварь.
— „Вѣрно ваше сочиненье?“
Скромно сдѣлалъ я вопросъ.
— „Нѣтъ, Софоклово творенье!“
Отвѣчалъ онъ, вздернувъ носъ.

Вотъ Измайловъ, авторъ басенъ,
Разсужденій, эпиграммъ;
Онъ пищитъ мнѣ: „Я согласенъ,
Я писатель не для дамъ;
Мой предметъ — носы съ прыщами;
Ходимъ съ музою въ трактиръ
Водку пить, ѣсть лукъ съ сельдями;
Міръ квартальныхъ — вотъ мой міръ!“

Я — бѣжать безъ дальнихъ сборовъ.
— „Вотъ ещё!“ сказали мнѣ.
Я смотрю: Максимъ Невзоровъ
Углемъ пишетъ на стѣнѣ:
„Если бъ такъ, какъ на Вольтера
Былъ на мой журналъ расходъ,
Пострадала-бъ горько вѣра:
Я вреднѣй, чѣмъ Дидеротъ!“

Отъ досады и отъ смѣху
Утомлёнъ, я поспѣшилъ
Горькую прервать потѣху;
Но смотритель доложилъ:
„Рады вы, или не ради,
Но указъ ужъ получёнъ:
Вамъ отсель нельзя ни пяди!
И указъ тотчасъ прочтёнъ:

„Тотъ Воейковъ, что Делиля
Такъ безбожно исказилъ,
Запятнать хотѣлъ „Эмиля“
И Виргилію грозилъ —
Долженъ быть, какъ сумасбродный,
Въ цѣпь посаженъ, въ „Желтый Домъ“.
Голову обрить сегодня
И тереть почаще льдомъ!“

Прочитавъ, я ужаснулся,
Хладъ по жиламъ пробѣжалъ,
И, проснувшись, не очнулся
И не вѣрилъ самъ, что спалъ.
Други, къ вамъ я за совѣтомъ!
Безъ него я не рѣшусь:
Не писать — не быть поэтомъ!
А писать начать — боюсь!

И. П. МЯТЛЕВЪ.

ИЗЪ „СЕНСАЦІЙ КУРДЮКОВОЙ“.

1.

Я доѣхала до Берна.
На дворѣ ужасно скверно:
Дождикъ, вѣтеръ, *де ля нежъ* —
Такъ что даже не въ терпежъ.
Харитону любо стало:
Русь ему напоминало!
Снѣгъ и слякоть! Фанатизмъ!
Этакой патріотизмъ —
Есть патріотизмъ холопа.
Не завидуетъ Европа
Нашимъ вьюгамъ и снѣгамъ,
Ни курнымъ у насъ избамъ,
Ни мятелямъ, ни ухабамъ,
Ни крестьянскимъ нашимъ бабамъ,
Что одѣты *а не пре*,
Комъ де сакъ, и ни икрѣ,
Ни сосулькамъ, ни баранкамъ,
Ни ботвиньѣ, ни цыганкамъ —
А завидуетъ она,
Что Россія такъ сильна,
Что народъ такой чудесный:
Духомъ, твёрдостью извѣстный,
Молодецъ всё къ молодцу,
Преданъ такъ царю-отцу,
Что скажи онъ только слово —
Всё стремится, всё готово,
Всё кипитъ, и захотя —
Рады всѣ на смерть итти;
Мановеньемъ только брови
До послѣдней капли крови
Онъ потребуй — отдадутъ!
Вотъ и говорятъ „нихтъ гутъ“ —
Иностранцы. Имъ досадно,
Что у насъ въ Россіи ладно,
Точно какъ семья одна
И, какъ моська на слона,
Издали на насъ ярятся.
Пусть ихъ лаютъ: утомятся,
Какъ увидятъ, что ихъ крикъ
Ни по чёмъ. Нашъ Богъ великъ!
Велика у насъ и вѣра:
Вотъ успѣховъ нашихъ мѣра!

Мы стоимъ гора-горой!
Осѣнивъ себя рукой,
Никого не задѣваемъ:
Всѣмъ имъ здравствовать желаемъ;
Но не тронь они и насъ,
Иль не сыщется *ля плясъ*,
Гдѣ когда-то ихъ видали:
Просто — поминай какъ звали!

Вотъ чѣмъ русскій патріотъ
Долженъ дорожить, и вотъ
Что такъ бѣситъ иностранцевъ,
Нѣмцевъ, англичанъ, испанцевъ
И французовъ, *э ле свисъ*.
Какъ ни силься, ни ярись —
Какъ волна она морская,
Съ ревомъ, съ пѣной прибѣгая,
На кронштадтскій нашъ гранитъ
Налетитъ — и отбѣжитъ;
А гранитъ не замѣчаетъ
Этихъ брызговъ — и сіяетъ
Еще болѣе отъ нихъ,
Когда солнце, какъ женихъ,
Изъ морскихъ зыбей воспрянетъ,
На Кронштадтъ любовно взглянетъ,
Какъ привѣтствіе утра
Славной памяти Петра.

Но про нашихъ патріотовъ
Есть не мало анекдотовъ.
Патріотъ иной у насъ
Закричитъ: „*дю* квасъ, *дю* квасъ,
Дю разсольникъ огуречный!“
Пьётъ и морщится сердечный:
Кисло, солоно, *мове*,
Ме се Рюсъ — э ву саве —
Надобно любить родное,
Дескать даже и такое,
Что не стоитъ ни гроша.
Же не ди па — ла каша
Манная, *авекъ де* пѣнки,
Ла марошка, *лез' апенки*,
Поросёнокъ *су ле* хрѣнъ,
Ле кисель, *э ле студенъ*
Очень вкусны; но не въ этемъ
Ле патріотизмъ! Замѣтимъ,
Что онъ долженъ быть въ душѣ.
Въ кушаньѣ — *с'етъ енъ пеше:*
Са с'апель — служитъ мамону.
Про свою я вотъ персону
Растолкую просто — такъ:

Постою за свой буракъ
И за свой горшокъ со щами,
Какъ другая; но — межъ нами —
Если поваръ мнѣ подастъ
Иногда, *пуръ ле контрастъ*,
Де фуа-гра пате Страсбурга
Или *бефъ сале* Гамбурга,
Иль французскій *дендъ трюфе* —
Что жъ такое? *ке-с'къ са фе?*
Отъ того не измѣнюся,
Что наѣмся иль напьюся
Коместиблей чуждыхъ странъ.
Же не сви па басурманъ;
Но по мнѣ лафитъ, нѣтъ слова,
Лучше пѣннаго простова.

2.

Для меня готова барка:
Отправляюсь. Къ льву Сантъ-Марка
Надо съѣздить на поклонъ.
Этотъ левъ — *де са колонъ* —
На весь міръ металъ перуны;
Покрывалися лагуны
Кораблями разныхъ странъ;
И коммерція *анъ-гранъ*,
И военные успѣхи,
И искусства, и утѣхи
Процвѣтали *а Венизъ*.
Правилъ ей *Консель де Дизъ*,
Книги бархатной вельможи;
Королями были — дожи.
Былъ у нихъ *ле бусанторъ*,
Энъ плашкотецъ, весь *анъ оръ* —
И на воду опускался,
Съ моремъ дожъ когда вѣнчался.

Какъ подумаешь — *гелась* —
Отчего не родилась
Я во время этихъ свадебъ?
Мнѣ подумалося: я-де бъ
Тутъ вошла въ *ривалите*
Съ моремъ — *э де монъ коте*
Нарядилась бы сиреной:
Газомъ *анъ аржанъ*, какъ пѣной,
Окружилась бы — и что жъ?
Можетъ быть — *мосье ле дожъ*,
Видя и меня, и море,
Предпочёлъ бы въ этомъ спорѣ
Дамы бѣлокурой ликъ

А ла меръ Адріатикъ.
Это дѣло *сантимента!*
По каналу *де ла* Брента,
Что межъ дачъ и какъ въ саду
Тянется *девюи Паду*,
Подвигаясь по немногу —
И вдругъ вскрикнула, ей-Богу:
Удивилась! Предо мной
Море синее: волной
Насъ привѣтствуетъ, играя,
И, роскошно догорая,
Солнце небо золотитъ.
Запоздалая летитъ,
Въ дальней влагѣ небосклона
Исчезая, гальціона.
Такъ мечта о прежнихъ дняхъ
Невозвратныхъ, въ небесахъ
Иногда намъ засіяетъ —
И въ туманѣ исчезаетъ.

Но вотъ вдругъ, среди валовъ,
Средь зыбей, ряды домовъ,
Точно лебеди, всплываютъ;
Изъ-за нихъ въ огнѣ сіяютъ
Тамъ и сямъ главы церквей.
Помнится, *данъ л'„Одиссей"*
Говоритъ Гомеръ: изъ пѣны
Выплывали такъ сирены
И плескалися въ волнахъ,
И рѣзвились при лучахъ
Догорающей денницы.
Я гомеровы страницы
Развернула: *ла Венизъ*
Изъ воды, *комъ юнъ сюрпризъ*,
Появилась предо мною —
И я мыслью и душою
Унеслась въ тѣ времена,
Гдѣ такъ славилась она.
И весь бытъ ея, крамолы,
Маскарады, баркароллы,
Пѣсни, ревность и любовь,
Инквизиція и кровь —
Всё такъ живо мнѣ явилось,
Будто-бы вчера случилось,
Будто-бы при нихъ была
Я сама. Вотъ тутъ цвѣла
Красотою Дездемона:
На челѣ ея корона
Счастья, нѣги и любви —
Вдругъ кинжалъ въ ея крови
Омываетъ изступлённый
Мавръ, отчаянный, влюблённый,
Довѣряясь клеветѣ.
Тутъ въ безмолвьи, въ темнотѣ
Засѣдала инквизицья,
Преужасная полицья!
Десять аргусовъ такихъ,
Что не скроешься отъ нихъ.
Тутъ *иль Понте дей Соспире*,
Гдѣ въ туманѣ и въ эѳирѣ
Исчезали вздохи тѣхъ
Жертвъ несчастныхъ, что, на грѣхъ,
Инквизицьи попадались
И въ мѣшки ей зашивались,
И бросалися въ каналъ.

Вотъ здѣсь былъ тотъ карнавалъ
Знаменитый, незабвенный,
Гдѣ со всѣхъ концовъ вселенной
Отставные *мажесте*,
Философы и *боте*
Собиралиcь и гуляли,
И другъ съ другомъ толковали
Объ утратѣ ихъ коронъ.

Вотъ, быть-можетъ, тотъ балконъ,
Гдѣ красавица внимала
Серенадѣ — и давала
Знакъ условный при лунѣ,
О желаньи *промене*.
И красавица на волѣ,
И красавица въ гондолѣ
Съ милымъ другомъ; но супругъ
Догадался... Для услугъ
У него всегда есть *бравы*.
Тасса между-тѣмъ октавы,
При плесканіи волны,
Раздаются — и полны
Страсти, нѣги, упоенья,
Безъ заботы, безъ сомнѣнья
Ѣдутъ *нозъ черезъ аманъ*
По каналу *Малеманъ*.
До Пьячетты доплываетъ
Ихъ гондола: тутъ гуляетъ
Незнакомый *домино*;
Подошелъ — и рѣшено:
Трупъ любовника въ каналѣ —
Поминай его какъ звали!

Н. Ф. ПАВЛОВЪ.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬ.

Въ увеселеніяхъ безвредныхъ
Спектаклей, баловъ, лотерей
Весь годъ я тѣшилъ въ пользу бѣдныхъ
Себя, жену и дочерей.

Для братьевъ сирыхъ и убогихъ
Я вовсе выбился изъ силъ;
Я танцовалъ для хромоногихъ,
Я для голодныхъ ѣлъ и пилъ.

Рядился я для обнажённыхъ,
Для нищихъ сдѣлался купцомъ;
Для погорѣвшихъ, разорённыхъ
Отдѣлалъ за̀-ново свой домъ.

Моихъ малютокъ милыхъ кучу
Я человѣчеству обрёкъ:
Плясала Машенька качучу,
Дивила полькою Сашокъ.

Къ нечастнымъ дѣтямъ безъ пріюта
Питая жалость съ раннихъ лѣтъ,
Занемогла моя Анюта
Съ базарныхъ фруктовъ и конфетъ.

Я для слѣпыхъ пошелъ въ картины
И отличался, какъ актёръ;
Я для глухихъ пѣлъ каватины,
Я для калѣкъ катался съ горъ.

Вѣдь, мы не варвары, не турки:
Кто слёзы отереть не радъ?
Ну какъ не проплясать мазурки,
Когда страдаетъ меньшій братъ?

Во всёмъ прогрессъ по волѣ неба,
Законъ развитія во всёмъ:
Людей безъ крова и безъ хлѣба
Всё больше будетъ съ каждымъ днёмъ.

И съ бо̀льшей жаждой дѣлъ прекрасныхъ
Пойду, храня священный жаръ,
Опять на всё я за несчастныхъ —
На балъ, на раутъ, на базаръ!

Ѳ. С. ЧЕРНЫШОВЪ *).

ИЗЪ „СОЛДАТСКОЙ СКАЗКИ“.

Становитесь въ круговую
Слушать сказку удалую!
Разскажу вамъ — не солгу,
Только — чуръ — ужъ ни гугу:
Будетъ быль, не небылица!
Въ ротѣ, въ комнатѣ одной,
Въ полночь самую, порой,
Треснетъ полъ, какъ лёдъ зимой,
И запляшетъ половица;

*) Ѳёдоръ Сергѣевичъ Чернышовъ — авторъ извѣстной „Солдатской сказки про двухъ царей, россійскаго и нѣмецкаго, и о томъ, какъ царь русскій, перещеголявъ царя нѣмецкаго, поступилъ великодушно“ — родился въ 1805 году въ Калужской губерній, воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ, съ 1815 по 1824 годъ, изъ котораго выпущенъ былъ въ Преображенскій полкъ прапорщикомъ въ 1824 году. Въ 1835 были извѣстные Калишскіе манёвры: Пруссія браталась съ Россіей. Весьма понятно, что при безпрестанныхъ встрѣчахъ офицеровъ и солдатъ обѣихъ армій, прусской и русской, не обошлось безъ сравненій, шутокъ, насмѣшекъ и соревнованія другъ передъ другомъ — и плодомъ этихъ встрѣчъ и столкновеній была названная нами выше „Солдатская Сказка“, написанная молодымъ офицеромъ Чернышовымъ и облетѣвшая мгновенно всю Россію во множествѣ списковъ. Говорятъ, что императоръ Николай Павловичъ находилъ её весьма забавною и что будто, по его повелѣнію, она была налитографирована. Въ 1838 году Чернышовъ былъ уже капитаномъ и въ томъ же году пожалованъ въ флигель-адъютанты и получилъ 675 рублей награды, а въ 1839 году, за сочиненіе солдатской пѣсни, по случаю бородинскаго сбора войскъ для празднованія годовщины славнаго дня битвы при деревнѣ этого имени, ему пожалованъ брилльянтовый перстень въ двѣ тысячи рублей и орденъ Св. Владимира 4-го класса. Въ 1843 году Чернышовъ оставилъ фронтовую службу въ чинѣ полковника и съ 1848 года продолжалъ ѐе, послѣ пятилѣтняго нахожденія въ безсрочномъ отпуску, въ званіи члена разныхъ комитетовъ по улучшенію ружей, а также въ командировкахъ по осмотру резервныхъ и запасныхъ батальоновъ, по производству наборовъ рекрутъ, и — съ 1853 — по формированію запасныхъ войскъ. Въ севастопольскую кампанію, онъ, уже въ чинѣ генералъ-маіора, принималъ участіе въ оборонѣ Севастополя, при чёмъ былъ тамъ при бомбардированіи его 24-го августа. Въ 1858 году Чер-

Изъ-подъ ней, въ сѣдыхъ усахъ,
Лѣзетъ котъ на трёхъ ногахъ,
И, мурлыча и мяуча,
Онъ колечкомъ хвостикъ вьётъ,
Сладко пѣсенки поётъ.
У него, вѣдь, сказокъ куча:
Распотѣшитъ хоть кого.
Котъ мнѣ кумъ — я весь въ него!
Чтò прислушалъ, по-солдатски
Подѣлюся тѣмъ по-братски;
А кто сказку перебьётъ,
Или взыщется за слогомъ,
Котъ хвостомъ того убьётъ,
Чортъ повѣситъ надъ порогомъ.

Жили-были два царя:
Царь россійскій, царь нѣмецкій.
Русскій царь — царь молодецкій —
Какъ румяная заря,
Свѣжъ лицомъ и станомъ строенъ,
Какъ копьё богатыря;
Смѣлымъ взглядомъ — Божій воинъ;
Подъ ногой дрожитъ земля,
Между плечъ — сажень косая,
Очи — полночь, бровь густая,
И — чтò стѣны у Кремля —
Грудь широкая, крутая.
Ну, ни въ сказкахъ не сказать,
Ни перомъ не написать!

Царь нѣмецкій — царь пшеничный
И не боекъ красотой:
Рыжій, низенькій, худой,
Взглядъ куриный, носъ брусничный,
А душа вся въ пятачокъ;
Руки фертомъ подъ бочёкъ,
Грудь — что наша рукавица,
Умъ — съ куриное яйцо,
Въ жилкахъ — мутная водица
И какъ черствый хлѣбъ лицо.
Словомъ, чорту на потѣху!
Но, политику храня,
На нѣмецкаго царя
Русскій царь смотрѣлъ безъ смѣху,
И, какъ слышно даже, встарь,
Какъ-то, гдѣ-то, на походѣ,
Какъ и съ нами на разводѣ,
Поздоровался съ нимъ царь.
Видя первенство большое
Русскихъ славнаго царя,
Молодца-богатыря,
Затаилъ мечтанье злое
Въ бусурманской злой крови
Царь нѣмецкія земли:
Диво выдумать такое,
Славу русскихъ помрачить
И во что бы то ни стало —
Чѣмъ бы, какъ бы ни попало —
Злое горе приключить,
Срамнымъ срамомъ осрамить.

Пролетаютъ дни за днями,
И, нѣмецкій весь народъ
Думу думаетъ — и вотъ,
Русскимъ счётомъ черезъ годъ,
Къ нѣмцу съ добрыми вѣстями
Лѣзутъ прямо во дворецъ
И кричатъ, глядя спѣсиво:
„Царству русскому конецъ!
Осрамимъ его на диво!
Отыскался молодецъ:
Хочетъ замокъ онъ построить,
Замкомъ милю заселить,
Крышей облака раздвоить“.

— „Ну, спасибо! Такъ и быть,
Денегъ я не пожалѣю:
Всё отдамъ, чтò ни имѣю,
Только бъ русскому царю,
Молодцу-богатырю,
Моему врагу, злодѣю,
Злое горе приключить,
Срамнымъ срамомъ осрамить“.

Принялися за работы:
Роютъ, мажутъ и стучатъ.
Годъ проходитъ — и ворота
Замка дивнаго стоятъ;
Годъ, другой летитъ, какъ птица —
Стала крыша ужъ видна;
Въ третій годъ на кончикъ шпица
Насадили каплуна.
Раздоволенъ царь нѣмецкій:
Свищетъ, пляшетъ и поётъ;
То присядетъ, то вскокнётъ,

нышовъ назначенъ былъ предсѣдателемъ Коммиссіи, учреждённой въ Петербургѣ для словеснаго разбирательства по просьбамъ и искамъ, но облечённымъ въ законную форму. Потомъ, въ 1861 году, произведёнъ въ генералъ-лейтенанты, а 21-го декабря 1867 года уволенъ въ отставку съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья. Скончался онъ въ 1869 году, въ Петербургѣ.

То, какъ-будто конь турецкій,
Гордо голову дерётъ,
И, спѣсивясь не на шутку,
Наряжаетъ онъ посла,
И велитъ того жъ числа,
Въ тотъ же часъ и въ ту жъ минутку,
Ѣхать къ русскому царю,
Молодцу-богатырю,
И отдать ему предъ трономъ
Харатейную съ поклономъ.
Пишетъ въ ней нѣмецкій царь:
„Русскій, славный государь!
У меня въ землѣ — всё худо;
Но одно есть — замокъ-чудо!
Въ день кругомъ не обойдёшь,
Въ мѣсяцъ оконъ не сочтёшь,
И не можетъ соколъ-птица
Долетѣть до верху шпица;
Крышу только увидать,
Надо шапку прежде снять,
А спину согнуть дугою.
Дивной рѣдкостью такою
Подивить могу я васъ.
Осчастливьте много насъ:
Пріѣзжайте хоть на часъ!“

И поѣхалъ царь на зовъ
И безъ часу въ сто часовъ
Доѣзжаетъ до границы —
Видитъ пламенные шпицы
Свѣтятъ въ небѣ далеко.
Царь подъѣхалъ — высоко
За̀мокъ выстроенъ чудесный;
Но, досады кроя видъ,
Нѣмцу съ смѣхомъ говоритъ:
„Звалъ меня ты, другъ любезный,
Чудо-замокъ посмотрѣть:
Да у насъ въ Россіи клѣть
Курамъ строятъ вдвое выше.
Хвастай, нѣмецъ, да потише!
Знай и совѣсть, знай и честь!
Самъ подумай, чѣмъ дивиться?
У меня солдатикъ есть:
Здѣсь ему ни стать, ни сѣсть,
А куда ужъ развалиться.
Шалашишка — замокъ твой!
Что̀ смотрѣть! — пора домой.
Мой дворецъ такъ впрямь отличенъ,
Точно близокъ къ чудесамъ;
Но я хвастать не привыченъ:
Пріѣзжай — увидишь самъ“.

Получивши приглашенье,
Царь нѣмецкій поспѣшилъ:
Собралъ всё своё имѣнье —
Взялъ въ фурманку уложилъ;
Взялъ всё войско — сотню счётомъ
(Всѣ — на пѣгихъ лошадяхъ,
Всѣ на сѣдлахъ и съ намётомъ,
Всѣ въ желѣзныхъ шишакахъ).
Самъ гофмаршалъ фонъ-деръ-Херовъ,
Съ цѣлой парою пажей,
Впереди шелъ офицеровъ,
Чтобъ кричать: „держи правѣй!“
И безъ дня недѣля съ годомъ,
Путь-дорога имъ была.
Сказку сказываютъ ходомъ,
Скокомъ дѣлаютъ дѣла.
Скоро-ль, долго-ль, но походомъ
Царь нѣмецкія земли,
Весь измученный, въ пыли,
Устало̀й, худой и блѣдный
Подъѣзжаетъ, наконецъ —
Видитъ — ужасъ — не дворецъ!
Землю жмётъ фундаментъ мѣдный,
Небо жжетъ златой вѣнецъ;
Шире моря-окіана,
Крыша словно безъ конца;
Стѣны, будто изъ тумана,
Всѣ сибирскаго свинца;
По угламъ — рѣзныя башни,
Окна въ нихъ — сердолики,
А на шпицахъ наши шашни,
Сестрорѣцкіе штыки.
Въ башняхъ странствуютъ солдаты;
При бедрахъ у нихъ булаты,
А въ рукахъ ковши, лопаты.
Въ зимній холодъ для потѣхъ
Загребаютъ въ небѣ снѣгъ,
Снѣгъ бросаютъ на долины —
И россійскаго царя,
Молодца-богатыря,
Грудь и очи соколины
Превозносятъ въ небесахъ.
Солнце — мячикъ въ ихъ рукахъ:
Имъ солдатушки лихіе
Въ дни играютъ гулевые;
А съ молодушкой-луной,
Какъ съ подругой дорогой,
Разговоръ ведутъ и дружбу,
День и ночь несутъ ей службу:
Моютъ свѣжею водой,
Берегутъ лица румянецъ,

Трутъ кирпичикомъ, золой
И зубкомъ наводятъ глянецъ.
Словно маленькой сестрой,
Новой тѣшатся луной.
Старой плохо—тесаками
Рѣжутъ, крошатъ, чтобъ звѣздами,
Какъ потѣшными огнями,
Разукрасить неба сводъ,
Словно Питеръ въ новый годъ,
Пёстры курочки рядами
И повзводно пѣтушки,
Золотые гребешки,
Разноцвѣтными хохлами,
Распопёрыми хвостами
Пыль на башенкахъ метутъ.

Въ нѣмцѣ жизни не замѣтно,
Стыдъ коверкаетъ лицо.
Царь ведётъ его привѣтно
На широкое крыльцо
Чрезъ гранитныя ступени
Въ малахитовыя сѣни.
Двери вскрылися собой—
Такъ и блещутъ бирюзой.
За дверями часовой
Въ ярко-вышитомъ мундирѣ;
Всѣ кресты, какіе въ мірѣ
Можно выдумать и счесть,
На груди его—всѣ есть;
На рукахъ пятьсотъ шевроновъ:
Цѣлыхъ двѣсти золотыхъ,
Остальные—изъ басоновъ,
Не простыхъ, а вышивныхъ;
Въ каждомъ—два десятка клѣтокъ,
Въ каждой клѣткѣ—сто замѣтокъ,
Счётъ забрȧнныхъ городовъ;
Въ часъ не вымѣрять усовъ;
А рукою богатырской—
И подумать—задрожишь:
Лондонъ городъ и Парижъ
Зашвырнётъ за край Сибирской.
Изъ сѣней покоевъ рядъ
Поражаетъ нѣмца взглядъ
Блескомъ радуги чудесной:
Всѣ блестятъ, какъ сводъ небесный.
Черезъ нихъ рѣзнымъ поломъ,
Шитымъ бисеромъ ковромъ,
Въ залъ проходятъ танцовальный,
Весь граненый, весь хрустальный—
Стѣны, полъ и потолокъ;
Искры—каждый уголокъ:
Всё горитъ огнёмъ хитрецкимъ,
Смысломъ русскимъ, молодецкимъ.
Какъ поспѣлъ хрустальный залъ,
Стало солнышко проситься—
Посмотрѣть и подивиться.
Зодчій промаха не далъ
(Какъ фельдфебель былъ удалъ)
Солнце ввёлъ и—заперъ залъ—
И горитъ оно въ затворѣ.
Русски дѣвушки въ уборѣ,
Въ дымкахъ, словно въ облачкахъ,
Всѣ въ торжковскихъ кушачкахъ,
Всѣ въ глазетныхъ башмачкахъ,
Пляшутъ, вьются до упада.
Шелку—кудри ихъ досада,
Зубки—жемчугу не надо,
Щёчки—розаны изъ сада,
Вздохи—вешняя прохлада,
Станъ и плечи—всё подъ рядъ;
А изъ отблесковъ алмаза
Каждой вставлены два глаза;
Да за то ужъ и горятъ!

Видя странности такія,
Царь нѣмецкій: „Ахъ!—да—ахъ!“
Да вдругъ въ ноги чубурахъ
И кричитъ: „Ура, Россія!“
А россійскаго царя,
Молодца-богатыря,
Проситъ—бѣдный—со слезами
Въ живѣ къ дому отпустить,
И клянётся небесами
Впредь навѣкъ покорнымъ быть,
Дурь нѣмецкую забыть.
Любятъ русскіе смиренье!
Въ молодецку царску грудь
Западаетъ сожалѣнье:
Царь не сердится ничуть,
Не бранитъ его нисколько—
Щелкнулъ по носу—и только,
Говоря: „умнѣе будь!“

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

РЕВЕЛЬСКІЙ БАРОНЪ.

Близъ Ревеля баронъ, любитель псовъ,
Жилъ съ деревенской простотою.
Онъ, день и ночь гоняя русаковъ,
Увязъ въ долгахъ—и съ головою.

Ему не былъ законъ знакомъ!
Онъ продалъ барскій домъ съ селомъ —
И съ милой родиной простился.
Бѣжитъ баронъ тишкомъ пѣшкомъ;
Пришелъ въ Москву—рядкомъ съ крыльцомъ
Въ трактирѣ скромно поселился.

Баронъ въ Москвѣ безъ прихотей, безъ слугъ,
И кошелёкъ его въ чахоткѣ.
Въ изгнаньи съ нимъ его вѣрнѣйшій другъ—
Султанъ, извѣстный въ околоткѣ.
Казалъ его конямъ, полямъ,
Охотникамъ, гостямъ, псарямъ:
Пускался съ мѣста онъ стрѣлою;
Летая по горамъ, доламъ,
Рвалъ рёбра русакамъ, лисамъ—
И съ лапкой возвращался съ бою.

Ещё другой отрадою скорбей
Былъ рогъ охотничій, старинный:
Всѣ радости давно минувшихъ дней
Онъ оживлялъ въ душѣ пустынной:
Сраженный рокомъ, мой герой,
Услышавъ звукъ живой, родной,
Летѣлъ въ предѣлы отдаленны.
Гдѣ солнце надъ горой крутой
Льётъ утренній свой лучъ златой
На древни рыцарскія стѣны.

Баронъ въ Москвѣ, проснувшись на зарѣ,
Блуждалъ вокругъ знакомой кровли.
Вдругъ видитъ онъ напротивъ — на стѣнѣ —
Картину милой псовой ловли:
Встаетъ — схватилъ свой рогъ, какъ могъ,
Потомъ съ постели скокъ. Мой Богъ!
Баронъ себя не помнитъ болѣ
Порскáетъ онъ, гудитъ, трубитъ,
Атукаетъ, шумитъ, кричитъ,
Какъ встарину въ отъѣзжемъ полѣ.

Надъ головой охотника до псовъ
Жилъ отставной корнетъ уланскій.
Онъ цѣлый день, запёршись отъ долговъ,
Курилъ табакъ по вольности дворянской;
Но, къ умноженью скукъ и мукъ,
Онъ слышитъ страшный стукъ и звукъ,
Какъ въ псарнѣ лѣтомъ до обѣду;
Хлопъ трубку и чубукъ изъ рукъ,
И, разорвавъ сюртукъ объ крюкъ,
Бѣжитъ къ шумящему сосѣду.

—„Зачѣмъ, сударь, вы прервали мой сонъ,
Шумя въ часъ утренній, безмолвный?“
—„Прошу, сударь, потише: я баронъ!“
—„Что нужды мнѣ: я самъ чиновный!
Корнетомъ я служилъ, кружилъ,
Курилъ, любилъ, билъ, пилъ, рубилъ—
И наглецовъ учить умѣю!“
—„Короткій вамъ, сосѣдъ, отвѣтъ:
До васъ мнѣ дѣла нѣтъ, корнетъ!
Въ своихъ травить я дачахъ смѣю“.

Уходитъ гость; а храбрый нашъ герой
Съ восторгомъ продолжаетъ травлю.
„Постой же, братъ!“ кричитъ уланъ лихой:
„И самъ я друга позабавлю.
Воды сюда!“ Содомъ кругомъ!
Бѣжитъ корнетъ—весь домъ вверхъ дномъ.
Корнетъ сулитъ рубли—и вскорѣ
Бѣгутъ шесть батраковъ, скотовъ,
Льютъ нá полъ шесть чановъ съ головъ —
И на полу бушуетъ море.

Корнетъ въ углу съ верёвкой крюкъ нашёлъ —
И смотритъ на потопъ съ постели.
Межъ тѣмъ вода, проѣвши старый полъ,
Ручьями льётся, бьётся во всѣ щели.
Охотнику жестокъ урокъ:
Бѣжитъ сквозь потолокъ потокъ.
Спасенья ищетъ онъ напрасно;
Его шумящій рогъ умолкъ;
Онъ съ головы до ногъ промокъ—
И мигомъ выкупанъ прекрасно.

Баронъ бѣжитъ къ сосѣду съ палашомъ,
Потомокъ рыцарей достойный.
Что жъ видитъ онъ? Корнетъ сидитъ съ крюкомъ
И удитъ рыбу преспокойно.
„Проказить брось, уланъ-буянъ!
Иль будь я истуканъ, болванъ,
Коль въ мигъ уняться не принужу!“
—„Ты, право, мнѣ смѣшенъ, баронъ,
Коль всякъ волёнъ пугать воронъ:
Ты травишь тамъ, а я здѣсь ужу!“

К. К. ПАВЛОВА.

ДУМА.

Гдѣ ни бродилъ съ душой унылой,
Какъ ни текли года—
Всё думу слалъ къ подругѣ милой
Вездѣ я и всегда.

Вездѣ влачилъ я, чуждъ забавамъ,
Какъ цѣпь, свою мечту:
И въ альбіонѣ величавомъ,
И въ дикомъ Томбукту —

Въ Москвѣ, при колокольномъ звонѣ,
Отчизну вновь узрѣвъ;
Въ иноплемённомъ Лисабонѣ,
Средь португальскихъ дѣвъ —

И тамъ, гдѣ снится о гяурѣ
Разбойнику въ чалмѣ,
И тамъ, гдѣ пляшутъ въ Сингапурѣ
Индійская Альмэ —

И тамъ, гдѣ города подъ лавой,
Безмолвствуютъ дома,
И тамъ, гдѣ царствуетъ со славой
Тамеа-меа-ма —

Когда я въ вальсѣ мчался съ дамой,
Одѣтою въ атласъ,
Когда предъ грознымъ далай-ламой
Стоялъ я, преклонясь —

Когда летѣлъ я въ авангардѣ
На рукопашный бой,
Когда на мрачномъ Сенъ-Готардѣ
Я слушалъ вѣтра вой —

Когда я въ ложѣ горе Тэклы
Дѣлилъ, какъ весь Берлинъ,
Когда глядѣлъ на пламень Геклы,
Задумчивъ и одинъ —

Въ странахъ далёкихъ или близкихъ,
Въ тревогѣ тяжкихъ дней,
На берегахъ Миссисипійскихъ,
На высяхъ Пиреней —

На бурномъ морѣ безъ компаса,
Въ лѣсу, въ ночной порѣ,
Въ глухихъ степяхъ на Чимборасо,
Въ столицѣ Помаре —

Гдѣ ни бродилъ съ душой унылой,
Какъ ни текли года,
Всё думу слалъ къ подругѣ милой
Вездѣ я и всегда!

А. П. БАХТУРИНЪ *).

БАРОНЪ БРАМБЕУСЪ.

(Пародія на балладу Жуковскаго „Смальгольмскій баронъ".)

До разсвѣта поднявшись, перо очинилъ
Нечестивый Брамбеусъ баронъ,
И чернилъ не щадилъ — *сихъ* и *оныхъ* бранилъ —
До полудня безъ отдыха онъ.
Улыбаясь, привсталъ и статью отослалъ
Въ типографію Праца баронъ:
Въ ней онъ Греча ругалъ, но подъ видомъ похвалъ,
Разобравъ съ *тѣхъ* и *этихъ* сторонъ.
Фантастическій бѣсъ въ кацавейкѣ своей,
Потирая руками, гулялъ.
Слышенъ стукъ у дверей—и на зовъ „ну, скорѣй!"
Въ кабинетъ Т.....въ вбѣжалъ.
„Подойди, мой уродецъ, поэтъ мой плохой!
Ты мнѣ три года другъ и родня.
Будь мнѣ преданъ душой, а не тò—чортъ съ тобой!
Пропадёшь ты, какъ пёсъ, безъ меня.
Я въ отлучкѣ день былъ. Кто у Смирдина былъ?
На меня не точилъ-ли ножи?
И къ кому онъ ходилъ, и хлѣбъ-соль съ кѣмъ водилъ?
Что замѣтилъ — ты всё разскажи".

— „Безъ тебя, мой баронъ, непогода была:
Цѣлый день нашъ купецъ хлопоталъ —
И реформа пошла: Смирдинà всѣ дѣла
Полевой обработывать сталъ.
Тихомолкомъ прокрался я къ нимъ въ кабинетъ
И внималъ ихъ преступную рѣчь.

*) Константинъ Петровичъ Бахтуринъ, авторъ драмъ „Кузьма Рощинъ" („Репертуаръ" 1839 года), „Шестнадцать лѣтъ или зажигатели" и многихъ другихъ, и цѣлаго ряда пародій на извѣстныя баллады нашихъ извѣстныхъ поэтовъ, родился въ самомъ концѣ перваго десятилѣтія текущаго вѣка. Въ молодости служилъ онъ въ одномъ изъ армейскихъ уланскихъ полковъ, но въ чинѣ поручика вышелъ въ отставку и затѣмъ, до смерти, постоянно проживалъ въ Петербургѣ, занимаясь литературой. Стихотворенія его, печатавшіяся охотно въ современныхъ журналахъ и альманахахъ, были впослѣдствіи собраны авторомъ въ одну книгу и изданы имъ въ 1837 году, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Стихотворенія К. Бахтурина. Часть первая. Спб. 1837", при чёмъ появленіе книжки было встрѣчено похвальной статьей Ө. А. Кони, напечатанной въ 170 № „Сѣверной Пчелы" на 1837 годъ. Скончался Бахтуринъ въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ Петербургѣ.

Передать силы нѣтъ Полевого совѣтъ...
Вдругъ дверь настежь и входитъ къ нимъ Гречъ.
И, ему поклонившись почти до земли,
Нашъ Филиппычъ осклабилъ уста.
Тутъ бесѣды пошли: разобрали, нашли,
Что твой умъ и учёность — мечта,
Что ты Смирдина скоро въ банкротство введёшь,
Что его ты султанъ Богадуръ,
Что ему ты всё врёшь, празднословишь и лжёшь,
Что богатъ онъ и простъ черезчуръ,
Что безстыднымъ нахальствомъ ты всѣхъ оттолкнулъ,
Что откармливалъ только себя,
Что ты *сихъ* обманулъ, что ты *оныхъ* надулъ,
Что надежда плоха на тебя.
И спасенья у нихъ вымолялъ нашъ Смирдинъ.
Призадумались Гречъ съ Полевымъ.
„Ты нашъ другъ!" восклицаетъ „Отечества Сынъ",
А другой повторяетъ за нимъ:
Пусть отъ злости зачахнетъ ехидный баронъ!
Но ты честенъ, желаешь добра —
И теперь ты спасёнъ, и не страшенъ намъ онъ.
Обличить самозванца пора!
Тутъ взялися за шляпы, за трости они
И Филиппычъ ихъ сталъ провожать;
И сокрылись они, и потухли огни —
Я домой поспѣшилъ убѣжать".

И Брамбеусъ баронъ, пораженъ, раздраженъ,
И кипѣлъ, и горѣлъ, и сверкалъ;
Злобный вырвался стонъ: „Дамъ Іудѣ трезвонъ!
Онъ, клянусь сатаною, пропалъ!
Но обмануть ты не былъ-ли глупой мечтой,
Напримѣръ, хоть мистерій твоихъ?
Ты невольно порой — охъ, раздуй те горой! —
Съ панталыку сбиваешься въ нихъ".

— „Не мистерилось мнѣ, не писалъ я пять дней,
А всё видѣлъ и слышалъ я самъ,
Какъ онъ сталъ веселѣй, проводивши гостей,
Какъ онъ гнулъ непристойности намъ.
Если ты не покажешь свой гнѣвъ, свою власть
Смирдину и клевретамъ его,
Я предвижу напасть: намъ придётся пропасть,
Намъ не будутъ платить ничего.
Но бороться опасно: могучъ Полевой,
Не доступенъ бываетъ и Гречъ;
Не рискуй же собой ты, баронъ удалой,
Вѣдь, тебя имъ, какъ плюнуть, распечь.
Они бойко владѣютъ перомъ и умомъ,
Ихъ привыкли давно уважать,
И живутъ хоть домкомъ, да нажили путёмъ,
А не такъ... Но къ чему пояснять!
Что сказалъ, то — я знаю, ты понялъ, баронъ:
Вѣрь, слова непритворны мои.
Ты отвѣсь имъ поклонъ — и не выгонятъ вонъ,
А не то насъ облупятъ они".

— „Ахъ, ты, Миѳъ Тимофеичъ, изъ лыка ты шитъ!
Мнѣ ты смѣешь совѣты давать?
Во мнѣ ярость кипитъ: пусть Смирдинъ задрожитъ:
Я его поспѣшу наказать.
Кто Брамбеусъ — измѣннику я покажу;
Будь свидѣтелемъ мести моей —
Я языкъ привяжу, я дружка уложу.
Въ путь-дорогу сбирайся скорѣй!"

— „Я не властенъ итти, я не долженъ итти,
Я не смѣю итти!" — былъ отвѣтъ:
„Что шумѣть безъ пути! Да и ты не кути!"
И бѣжитъ безъ оглядки поэтъ.
Сѣлъ въ коляску баронъ; кони борзые мчатъ
Изъ Почтамтской на Невскій его.
Часу мщенія радъ. Въ безпорядкѣ нарядъ;
Всё мутится въ глазахъ у него.
Вотъ подъѣхалъ къ крыльцу, вотъ ужъ онъ на крыльцѣ
Вотъ въ знакомый вбѣжалъ магазинъ.
Вытеръ потъ на лицѣ; нѣтъ лица на купцѣ:
Душу въ пятки упряталъ Смирдинъ.

— „Я съ тобою опять, другъ почтеннѣйшій мой!"
— „Въ добрый часъ, благородный баронъ!"
— „Ты въ чести сталъ большой. Что, здоровъ Полевой?
Ну, скажи мнѣ, что дѣлаетъ онъ?"
Отъ вопроса Смирдинъ измѣнился лицомъ
И ни слова; ни слова и тотъ.
Что-то будетъ съ купцомъ? Счётъ плохой съ наглецомъ,
А онъ кстати и счётъ подаётъ.
Содрогнулся Смирдинъ, и въ очахъ меркнетъ свѣтъ:
Счётъ ужасенъ. „Что будетъ со мной?
Дай одинъ мнѣ отвѣтъ: ты мнѣ сбавишь иль нѣтъ?"
Но Брамбеусъ затрясъ головой.
— „Беззаконную черти караютъ пріязнь!
Нашей дружбѣ съ тобою конецъ!
Ты повѣдалъ боязнь и ужасную казнь
Заслужилъ, вѣроломный купецъ!"
И тяжелою шуйцей коснувшись стола,
Онъ въ минуту замокъ разломалъ,
Гдѣ наличность была: всё десница взяла —
И Смирдинъ караулъ закричалъ.

Въ томъ столѣ пустота роковая видна;
Счетъ огромный лежитъ передъ нимъ.
Простъ голубчикъ! одна его въ этомъ вина —
И закрылъ онъ съ тѣхъ поръ магазинъ.

Есть въ больницѣ „Скорбящихъ" недавній жилецъ:
Онъ дичится, на свѣтъ не глядитъ;
Съ нимъ ужасенъ конецъ; блѣденъ онъ, какъ мертвецъ
И безъ умолку всё говоритъ:
„Былъ богатъ, былъ богатъ, а теперь разорёнъ!
На козлы бы его, да подъ кнутъ!
Не баронъ, не баронъ, не Брамбеусъ баронъ —
Онъ мошенникъ, отъявленный плутъ!"
Есть на Невскомъ проспектѣ огромнѣйшій домъ—
Громобоемъ хозяинъ живётъ:
Каждой ночью и днёмъ зло пируетъ онъ въ нёмъ
И, вдобавокъ, журналъ издаётъ.
Сей счастливецъ богатый и пышный — кто онъ?
Кто больницы „Скорбящихъ" жилецъ?
То злодѣй, нечестивый Брамбеусъ баронъ,
То нашъ Смирдинъ, извѣстный купецъ!

П. А. ѲЕДОТОВЪ *).

ИЗЪ ПОЭМЫ „МАЙОРЪ".

Вотъ майоромъ десять лѣтъ,
А надежды нѣтъ, какъ нѣтъ
Въ подполковники подняться:
Всё смотры мнѣ не клеятся,

*) Павелъ Андреевичъ Ѳедотовъ, извѣстный живописецъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, авторъ всѣмъ извѣстной поэмы „Майоръ", написанной въ поясненіе лучшей изъ его картинъ „Сватовство" майора, родился въ 1815 году въ Москвѣ, воспитывался въ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ и, какъ первый ученикъ, выпущенъ 1833 году лейбъ-гвардіи въ Финляндскій полкъ. Любовь къ живописи и поэзіи обнаружились въ нёмъ ещё въ корпусѣ, гдѣ онъ отличался болѣе какъ портретистъ. Поступивъ въ полкъ, онъ продолжалъ заниматься живописью, занимаясь преимущественно изображеніемъ военныхъ сценъ. Изъ нихъ особенно замѣчательны четыре: „Французскіе мародёры въ русской деревнѣ", „Переходъ егерей въ бродъ черезъ рѣку на манёврахъ", „Вечернія увеселенія въ казармахъ, по случаю полкового праздника" и „Казарменная жизнь". Въ 1844 году Ѳедотовъ оставилъ службу съ чиномъ капитана и посвятилъ всего себя живописи. Своею извѣстностью онъ обязанъ всего болѣе лучшей своей картинѣ „Сватовство майора", на которую онъ потратилъ много труда и времени. Кромѣ извѣстности, она доставила Ѳедотову званіе академика и 300 рублей ежегодной пенсіи отъ Академіи Художествъ. Лучшими его картинами, послѣ „Сватовства", считаются: „Утро послѣ пирушки", „Вдовушка", „Опасное положеніе молодой дѣвушки" и „Разборчивая невѣста".

Но не одна живопись служила Ѳедотову для выраженія врождённаго юмора, а также и поэзія. Его сатирическія стихотворенія, несмотря на довольно-слабую форму, въ которую онъ ихъ облекалъ, имѣли огромный успѣхъ въ публикѣ, которой они были извѣстны только по спискамъ, и притомъ часто весьма неточнымъ. Хотя, конечно, успѣху лучшаго его произведенія, поэмы „Майоръ", много способствовала тогдашняя ея нецензурность, тѣмъ не менѣе, и помимо этого обстоятельства, она не могла не обратить на себя вниманія, благодаря вѣрному изображенію той части общества, которая искала и находила средства жизни не въ трудѣ, а въ казнокрадствѣ, взяточничествѣ и богатой женитьбѣ, а средства къ возвышенію—въ обѣдахъ и родствѣ. Само собою разумѣется что о напечатаніи стихотвореній Ѳедотова при его жизни не могло быть и рѣчи. Поэтому неудивительно, что авторъ нисколько не заботился объ отдѣлкѣ своихъ стиховъ и довольствовался тѣмъ, что читалъ ихъ въ рукописи друзьямъ и близкимъ знакомымъ. Въ первый разъ нѣкоторыя изъ стихотвореній Ѳедотова и отрывки изъ его „Майора" были напечатаны покойнымъ Толбинымъ въ его статьѣ о Ѳедотовѣ, помѣщённой въ 1-ой книжкѣ „Пантеона" на 1854 годъ. Затѣмъ, въ 4-мъ нумерѣ „Русскаго Слова" на 1862 годъ, въ статьѣ г. Витковскаго, было приведено нѣсколько новыхъ отрывковъ, и, между-прочимъ, всё „Предисловіе" къ „Майору". Наконецъ, полный текстъ этой послѣдней поэмы былъ напечатанъ въ 5-мъ нумерѣ „Русской Старины" на 1872 годъ, а варіанты къ ней — въ 8-ой книжкѣ того же журнала и за тотъ же годъ.

Стѣснённыя обстоятельства, изъ которыхъ Ѳедотовъ не выходилъ никогда, въ началѣ 1851 года сдѣлались для него ещё болѣе тяжелыми, такъ-какъ, по продажѣ дома, единственнаго достоянія его старухи-матери и сестёръ, они остались буквально безъ всякихъ средствъ къ существованію. Это послѣднее обстоятельство, къ которому вскорѣ присоединились нервное разстройство и болѣзнь глазъ, имѣло на Ѳедотова самое пагубное вліяніе. Онъ сталъ задумываться и въ іюнѣ 1852 года заболѣлъ разстройствомъ умственныхъ способностей. Прострадавъ цѣлыя пять мѣсяцевъ, онъ скончался 14-го ноября того же года въ больницѣ Всѣхъ Скорбящихъ, близъ Петербурга. Тѣло его погребено на Смоленскомъ кладбищѣ, неподалеку отъ могилы знаменитой драматической актрисы и красавицы Асенковой.

Всё робѣю на смотрахъ;
Слово „смотръ" наводитъ страхъ.
Просто, хуже всякой бабы!
Нервы, что ли, очень слабы —
Ужъ не знаю! А всегда
На смотру, глядишь, бѣда!
Позапрошлый годъ стояли
Мы въ каре и всё стрѣляли;
Вдругъ командуютъ „вперёдъ!"
Съ фланга мнѣ пришелъ черёдъ.
Ужъ не даромъ ненавижу
Я каре! Засуетясь,
Позабылъ назначить фасъ,
Гаркнулъ „маршъ!" и что же вижу:
Фасы, кто куда лицомъ,
Какъ стояли, врозь крестомъ
Дуютъ; только я шестомъ,
Одурѣвъ, торчу въ срединѣ;
Музыканты тоже врозь,
Кто куда — бѣда, хоть бросъ!
Не забуду и понынѣ
Я объ этомъ тяжкомъ днѣ,
Какъ тогда досталось мнѣ!

Прошлый годъ мнѣ въ построеньяхъ
Лучше шло, чѣмъ на ученьяхъ:
Я ошибся только разъ,
Да и то дымъ пушекъ спасъ.
Ну, я думалъ, въ добрый часъ,
Чтобъ не сглазить! А предъ старшимъ
Церемоніальнымъ маршемъ
Намъ пройти ужъ ни по чёмъ;
Незамѣченный ни въ чёмъ,
Вѣрно, буду я представленъ:
Подполковника схвачу —
И въ мечтахъ лечу, лечу!
Вижу: армія большая,
Всѣ колоннами идутъ,
И знамёна преклоняя,
Всѣ мнѣ почесть воздаютъ;
Барабаны громко бьютъ,
Громко музыка играетъ,
И народъ кругомъ зѣваетъ;
Дамы такъ ко мнѣ... а я
Такъ лорнирую свободно...
Но, постой, мечта моя!
На яву идутъ повзводно.
Всѣ идутъ, идутъ, идутъ,
Мѣрнымъ тактомъ землю бьютъ;
Поле гладкое трясётся,
Гулъ далёко раздается,
Эхо ближнихъ рощъ и горъ
Дразнитъ музыкантскій хоръ,
И отъ взводовъ крикъ несётся.
„Радъ стараться, ваше — ство!"
И на лицахъ торжество.
Взводъ щетинистой грядою
Взводъ смѣняетъ чередою —
Всё вперёдъ, вперёдъ, вперёдъ.
Вотъ подходитъ мой черёдъ.
Радъ и страшно: сердце бьётся.
Вдругъ по полю раздаётся
Командирскій голосъ: „стой!"
Барабановъ смолкнулъ бой,
Стихло всё, остановилось —
Всё какъ въ землю притвоздилось,
И лишь только, тамъ и сямъ,
Офицеры по рядамъ
Потихоньку пробѣгаютъ
И солдатиковъ ровняютъ.
Всѣ чего-то ожидаютъ,
Всѣ боятся... Но зачѣмъ,
Для чего бояться всѣмъ?
Есть одинъ — для всѣхъ несчастный:
Это — я! О, рокъ ужасный!
Такъ и есть: въ мой пятый взводъ
Прямо корпусный идётъ.
Вотъ всевидящее око!
Онъ замѣтилъ издалёка
У канальи у одной
Въ пятомъ взводѣ подъ сумой
Съ табакомъ кисетъ проклятый.
Погубилъ меня взводъ пятый!
Ждалъ схватить иль чинъ, иль крестъ,
А попался подъ арестъ!
Пуще жъ всѣхъ годовъ мнѣ это
Было нынѣшнее лѣто:
Только третій боевой
Какъ пойдётъ — хоть волкомъ вой.

ГРАФЪ А. К. ТОЛСТОЙ.

Я всталъ однажды рано утромъ,
Сидѣлъ впросонкахъ у окна.
Рѣка играла перламутромъ;
Была мнѣ мельница видна —
И мнѣ казалось, что колёса
Напрасно мельницѣ даны:
Что ей, стоящей возлѣ плёса,
Приличнѣй были бы штаны.

Вошелъ отшельникъ. Велегласно
И неожиданно онъ рекъ:
„О ты, что въ горести напрасно
На Бога ропщешь, человѣкъ!"
Онъ говорилъ — я прослезился;
Сталъ утѣшать меня старикъ;
Морозной пылью серебрился
Его бобровый воротникъ...

Н. Ө. ЩЕРБИНА.

I.

ФИЗІОЛОГІЯ „НОВАГО ПОЭТА".

Свѣтъ журнала не читаетъ,
Гдѣ какой-то господинъ
О *бонъ-тонѣ* разсуждаетъ,
Какъ въ *дворянствѣ мѣщанинъ.*

Изъ передней всѣ салоны
Господинъ тотъ изучилъ:
Другъ-швейцаръ ему законы,
Тайны *свѣта* сообщилъ.

Съ той поры чернилъ излишекъ
Онъ для правды расточалъ,
Коленкоровыхъ манишекъ
Безпощадный Ювеналъ.

Другъ Ивана Хлестакова
И Тряпичкинъ нашихъ дней,
Пишетъ гимны въ честь портного,
Брань на мыслящихъ людей.

Снобсовъ рьянаго витію
Онъ собой изобразилъ —
И на цѣлую Россію
Вдругъ печатно протрубилъ,

Что онъ запросто бываетъ
Съ княземъ Сержемъ у Дюссо
И по Невскому гуляетъ,
Возлѣ львовъ, какъ lionceau.

Съ той поры онъ въ фельетонѣ
Ежемѣсячно твердилъ,

Что онъ ѣздитъ въ фаэтонѣ,
Рысаковъ себѣ купилъ;

Что его — до мелкой пряжки —
Славный Шармеръ одѣвалъ,
Что голландскія рубашки
Утро каждое мѣнялъ.

Онъ не можетъ похвалиться
Ни талантомъ, ни умомъ:
Пусть себѣ онъ отличится
Передъ публикой бѣльёмъ.

Въ свой романъ каррикатурный
Втиснулъ онъ друзей своихъ —
И журналъ литературный
Сдѣлалъ органомъ портныхъ.

Но журнальную букашку
Не замѣтилъ модный свѣтъ,
Какъ въ голландскую рубашку
Ни рядился нашъ поэтъ.

II.

АВТОРУ „КНИГИ ПЕЧАЛЕЙ".

Да, признанья есть благія!
И не даромъ, о поэтъ,
Времена позналъ крутыя,
Свой тебѣ несётъ Россія
Благодарственный привѣтъ.

Насъ враги одолѣвали,
Намъ терпѣть не стало силъ,
Мы веселью чужды стали...
Издалъ ты свои „Печали" —
И всѣхъ насъ развеселилъ.

III.

ДВОЙНОЕ ГОРЕ.

Слышны вопли, стонъ и клики
Лучшихъ родины сыновъ:
„Умеръ Гоголь нашъ великій!
Живъ и здравствуетъ Сушковъ!"

Н. А. НЕКРАСОВЪ.

I.

ПЕРВЫЙ ШАГЪ ВЪ ЕВРОПУ.

Какъ дядю моего Ивана Ильича
Нечаянно сразилъ ударъ паралича
Въ его наслѣдственномъ имѣніи Корсунскомъ—
Я памятникъ ему воздвигнулъ сгоряча,
А души заложилъ въ совѣтѣ опекунскомъ.

Мои домашніе, особенно жена,
Пристали: „жизнь для насъ на родинѣ скучна!"
Кто: „ангелъ!" кто: „злодѣй! вези насъ за границу!"
Я крикнулъ старосту Ивана Кузьмина,
Имѣнье сдалъ ему и — укатилъ въ столицу.

Въ столицѣ получивъ немедленно паспортъ,
Я сѣлъ на пароходъ и уронилъ за бортъ
Горячую слезу, невольный даръ отчизнѣ.
„Утѣшься!" прошепталъ насъ увлекавшій чортъ:
„Отраду ты найдёшь въ нѣмецкой дешевизнѣ."

И я утѣшился. И тутъ ужъ не долга
Развязка мрачная: минули мы брега
Священной родины, минули Свинемюнде,
Пріѣхали въ Берлинъ — и обрѣли врага
Въ Луизѣ-Августѣ-Фернандѣ-Кунигундѣ.

Такъ горничная тварь въ гостинницѣ звалась.
Но я предупредить обязанъ прежде васъ,
Что Лидія, моя дражайшая супруга,
Ужасно горяча, какъ будто родилась
Подъ небомъ Африки: въ ней дышатъ страсти юга.

Въ отечествѣ она не знала имъ узды!
Покорно ей вручивъ правленія бразды,
Я скоро подчинилъ ей волю и разсудокъ:
Въ сочельникъ крошки въ ротъ не бралъ я до звѣзды,
Хоть голоду терпѣть не можетъ мой желудокъ.

И всякъ за мною вслѣдъ во всёмъ ей потакалъ,—
Противорѣчіемъ никто не раздражалъ
Изъ опасенья слёзъ, трагическихъ истерикъ.
Въ гостинницѣ едва я умываться сталъ,
Вдругъ слышу: Лидія бушуетъ, словно Терекъ.

Я бросился туда. Вотъ что́ случилось съ ней!
О, ужасъ! о, позоръ! Въ небрежности своей,
Луиза, Лидію съ дороги раздѣвая,
Царапнула слегка булавкой шею ей,
А Лидія моя, не долго размышляя...

Но что́ тутъ говорить? Тутъ нужны не слова —
Тутъ громы нужно-бы! Недвижна, чуть жива
Стояла Лидія въ какой-то думѣ новой —
Растрёпана коса, поникла голова:
На натискъ пламенный ей былъ отпоръ суровый!

Слова моей жены: „о другъ, Иванъ Ильичъ!"
Мнѣ вспомнились тогда: „здѣсь грубость, мракъ и дичь!
Здѣсь жить я не могу—вези меня въ Европу!"
Ахъ! лучше бъ, душечка, въ деревнѣ дѣвокъ стричь
Да надирать виски безгласному холопу!

II.

ПЕРЕПИСКА МОСКВЫ СЪ ПЕТЕРБУРГОМЪ.

1.

МОСКОВСКОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ.

На дальнемъ сѣверѣ, въ гиперборейскомъ краѣ,
Гдѣ солнце тусклое, показываясь въ маѣ,
Скрывается опять до лѣта въ сентябрѣ,
Столица новая возникла при Петрѣ.
Возникнувъ, съ помощью чухонскаго народа,
Изъ топей и болотъ въ какихъ-нибудь два года,
Она до нашихъ дней съ Россіей не срослась:
Въ употребленіи тамъ гнусный рижскій квасъ,
Съ нѣмецкимъ языкомъ тамъ перемѣшанъ русскій,
И надъ обоими господствуетъ французскій.
А рѣчи истинно-народной оборотъ
Тамъ рѣдокъ столько же, какъ честный патріотъ.
Да, патріота тамъ наищешься со свѣчкой:
Подбиться къ сильному, прикинуться овечкой,
Мѣстечка тёплаго добиться и потомъ
Безбожно торговать и честью, и умомъ —
Таковъ тамъ человѣкъ! Но, впрочемъ, безъ сомнѣнья,
Спѣшу оговорить, найдутся исключенья.
Забота Промысла о людяхъ такова,
Что если гдѣ растётъ негодная трава,
Тамъ есть и добрая: вотъ, напримѣръ, Жуковскій—
Хоть въ Петербургѣ жилъ, но былъ съ душой московской.

Театры и дворцы, Нева и корабли,
Несущіе туда со всѣхъ концовъ земли
Затѣи роскоши, музеи просвѣщенья,
Музеи древностей — „всё признаки ученья"
Въ томъ городѣ найдешь; нѣтъ одного — души!

Тамъ высохъ человѣкъ, погрязнувъ въ барыши;
Улыбка на устахъ, а на умѣ коварность:
Святого ничего — одна утилитарность!
Итакъ, друзья мои, кляну тщеславный градъ!
Рыдаю и кляну. Прогрессу онъ не радъ.
Въ то время, какъ Москва надеждами пылаетъ,
Онъ погружается попрежнему въ развратъ
И противъ гласности стишонки сочиняетъ.

2.

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ПОСЛАНІЕ.

Ты знаешь градъ, заслуженный и древній,
Который совмѣстилъ въ свои концы
Хоромы, хижины, посады и деревни,
И храмы Божіи, и царскіе дворцы?
Тотъ мудрый градъ, гдѣ смѣлый провозвѣстникъ
Московскихъ думъ и англійскихъ началъ,
Какъ водопадъ, бушуетъ „Русскій Вѣстникъ",
Гдѣ „Атеней", какъ ручеёкъ, журчалъ.
Ты знаешь градъ? — Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Ученый говоритъ: „тотъ градъ славнѣе Рима,"
Прозаикъ — „сердцемъ родины" зовётъ,
Поэтъ гласитъ: „Россіи дочь любима!"
И „матушкою" чествуетъ народъ.
Не даромъ, нѣтъ! Невольно брызжутъ слёзы
При имени заслугъ, какія онъ свершилъ:
Въ двѣнадцатомъ году такіе тамъ морозы
Стояли, что французъ доселѣ ихъ не забылъ.
Ты знаешь градъ? — Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Достойный градъ! Тамъ Мининъ и Пожарскій
Торжественно стоятъ на площади;
Тамъ уцѣлѣлъ остатокъ древне-барскій
У каждаго патриція въ груди;
Въ купечествѣ, въ сословіи дворянскомъ —
Тамъ безкорыстіе, готовность выше мѣръ:
Въ послѣдней-ли войнѣ, въ вопросѣ-ли крестьянскомъ
Мы не одинъ найдёмъ тому примѣръ.
Ты знаешь градъ? — Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Волшебный градъ! Тамъ люди въ дѣлѣ тихи,
Но говорятъ, волнуются за двухъ;
Тамъ отъ Кремля, съ Арбата и Плющихи —
Отвсюду вѣетъ чисто-русскій духъ;
Всё взоры веселитъ, всё сердце умиляетъ,
На выспренній настраиваетъ ладъ —
Царь-колоколъ лежитъ, царь-пушка не стрѣляетъ,
И сорокъ-сороковъ безъ умолку гудятъ.
Волшебный градъ! Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Правдивый градъ! Тамъ процвѣтаетъ гласность,
Тамъ принялись науки сѣмена;
Тамъ въ головахъ у всѣхъ такая ясность,
Что комара не примутъ за слона;
Тамъ, не въ примѣръ столицѣ нашей Невской,
Подмѣтятъ всё — оцѣнятъ, разберутъ:
Анаѳемѣ тамъ преданъ Чернышевскій,
И Кокорева умъ нашелъ себѣ пріютъ!
Правдивый градъ! Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Мудрёный градъ! По приговору сейма,
Тамъ судятся и люди, и статьи;
Ученый Бабстъ стихами Ровенгейма
Тамъ подкрѣпляетъ мнѣнія свои;
Тамъ сомнѣвается почтеннѣйшій Киттары —
Ужъ точно-ли не нужно сѣчь дѣтей?
Тамъ въ Хомяковѣ чехи и мадьяры
Нашли пѣвца народности своей.
Мудрёный градъ! Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Разумный градъ! Тамъ Павловъ Соллогуба,
Байборода — Крылова обличилъ;
Тамъ Бонапартъ былъ пораженъ сугубо;
Тамъ самъ себя Чичеринъ поразилъ;
Тамъ, что ни мужъ — то жаркій другъ прогресса,
И лишь не вдругъ могли уразумѣть,
Чтó, на пути къ нему, вѣрнѣе — пресса
Или умно направленная плеть?
Разумный градъ! Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Серьёзный градъ! Науку безъ обмана,
Безъ гаерства искусство любятъ тамъ;
Тамъ область празднословнаго романа
Мужчина передалъ въ распоряженье дамъ.
И чтó романъ? Тамъ поражаютъ пьянство,
Устами Чанинга о трезвости поютъ;
Тамъ люди презираютъ балаганство
И нашъ „Свистокъ" проклятью предаютъ.
Серьёзный градъ! Туда, туда съ тобой
Намъ страшно показаться, милый мой!

КУЗЬМА ПРУТКОВЪ (А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВЪ).

I.

ПОМѢЩИКЪ И САДОВНИКЪ.

Помѣщику однажды въ воскресенье
Поднёсъ презентъ его сосѣдъ:
То было нѣкое растенье,
Которыхъ, кажется, въ Европѣ даже нѣтъ.
Помѣщикъ посадилъ его въ оранжерею,
Но такъ какъ самъ не занимался ею
(Онъ дѣломъ занятъ былъ другимъ:
Вязалъ набрюшники роднымъ),
То разъ садовника къ себѣ онъ призываетъ
И говоритъ ему: „Ефимъ,
Блюди особенно ты за растеньемъ симъ:
Пусть хорошенько прозябаетъ!“
Зима настала между-тѣмъ —
Помѣщикъ о своёмъ растеньи вспоминаетъ
И такъ Ефима вопрошаетъ:
„Чтó, хорошо-ль растенье прозябаетъ?“
„Изрядно“, тотъ въ отвѣтъ: „прозябло ужъ совсѣмъ.“

Пусть всякъ садовника такого нанимаетъ,
Который понимаетъ,
Что значитъ слово „прозябаетъ“.

II.

ПОМѢЩИКЪ И ТРАВА.

На родину изъ службы воротясь,
Помѣщикъ молодой, любя во всёмъ успѣхи,
Собралъ своихъ крестьянъ: „Друзья, межъ нами связь
Залогъ утѣхи!
Пойдёмте-же мои осматривать поля“.
И преданность крестьянъ сей рѣчью воспаля,
Пошелъ онъ съ ними купно.
„Что жъ здѣсь моё?“ — „Да всё“, отвѣтилъ голова:
„Вотъ тимоѳеева трава“...
— „Мошенникъ!“ тотъ вскричалъ: „ты поступилъ преступно!
Корысть мнѣ недоступна!
Чужого не ищу; люблю свои права.
Мою траву отдать, конечно, пожалѣю;
Но эту — возвратить немедля Тимоѳеюǃ“

Оказія сія по мнѣ ужъ не нова:
Антоновъ есть огонь, но нѣтъ того закону,
Чтобъ онъ всегда принадлежалъ Антону.

III.

ВАГНЕРЪ И КОХЪ.

Фрицъ Вагнеръ, студьозусъ изъ Іены,
Изъ Бона Іерóнимусъ Кохъ
Вошли въ кабинетъ мой съ азартомъ,
Вошли, не очиствъ сапогъ.

„Здорово, нашъ старый товарищъ!
Рѣши поскорѣе нашъ споръ:
Кто доблестнѣй — Кохъ или Вагнеръ?“
Спросили съ бряцаніемъ шпоръ.

„Друзья, васъ и въ Іенѣ, и въ Бонѣ
Давно уже я оцѣнилъ:
Кохъ логикѣ славно учился,
А Вагнеръ искусно чертилъ.“

Отвѣтомъ моимъ недовольны —
„Рѣшай поскорѣе нашъ споръ“ —
Они повторяли съ азартомъ
И съ тѣмъ же бряцаніемъ шпоръ.

Я комнату взглядомъ окинулъ
И, будто узоромъ прельщонъ —
„Мнѣ нравятся очень обои“
Сказалъ имъ — и выбѣжалъ вонъ.

Понять моего каламбура
Изъ нихъ ни единый не могъ —
И долго стояли въ раздумьи
Студьозусы Вагнеръ и Кохъ.

IV.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Вянетъ листъ, проходитъ лѣто,
Иней серебрится.
Юнкеръ Шмитъ изъ пистолета
Хочетъ застрѣлиться.

Погоди, безумный, снова
Зелень оживится!
Юнкеръ Шмитъ, честнóе слово —
Лѣто возвратится!

V.

ЖЕЛАНІЕ БЫТЬ ИСПАНЦЕМЪ.

Тихо надъ Альгамброй;
Дремлетъ вся натура;
Дремлетъ зáмокъ Памбра;
Спитъ Эстремадура.

Дайте мнѣ мантилью,
Дайте мнѣ гитару,
Донну-Инезилью,
Кастаньетовъ пару!

Дайте руку вѣрную,
Два вершка булату,
Ревность непомѣрную,
Чашку шоколату!

Закурю сигару я,
Лишь взойдётъ луна...
Пусть дуэнья старая
Смотритъ изъ окна —

За двумя рѣшётками
Пусть меня клянётъ,
Пусть шевéлитъ чётками,
Старика зовётъ.

Слышу на балконѣ
Шорохъ платья... Чу!
Подхожу я къ доннѣ,
Сбросилъ епанчу.

Погоди, прелестница,
Поздно или рано
Шелковую лѣстницу
Выну изъ кармана!

О, синьора милая,
Здѣсь темно и сѣро!
Страсть кипитъ унылая
Въ нашемъ кавальеро.

Здѣсь, передъ бананами,
Если не наскучу,
Я между фонтанами
Пропляшу качучу.

И на этомъ мѣстѣ,
Если вы мнѣ рады,
Будемъ пѣть мы вмѣстѣ
Ночью серенады.

Будетъ въ вашей власти
Толковать о мірѣ,
О враждѣ, о страсти,
О Гвадалквивирѣ,

Объ улыбкахъ, взорахъ,
Вѣчномъ идеалѣ,
О торреадорахъ,
Объ Эскуріалѣ.

Тихо надъ Алямброй;
Дремлетъ вся натура;
Дремлетъ зáмокъ Памбра;
Спитъ Эстремадура.

VI.

СПОРЪ ГРЕЧЕСКИХЪ ФИЛОСОФОВЪ ОБЪ ИЗЯЩНОМЪ.

КЛЕФИСТОНЪ.
Да, я люблю среди лавровъ и розъ
Смуглыхъ сатировъ затѣи!
СТИФЪ.
Да, я люблю и Лесбосъ, и Паросъ!
КЛЕФИСТОНЪ.
Да, я люблю Пропилеи!
СТИФЪ.
Да, я люблю, чтобъ пѣвецъ Демодокъ
Въ душу вдыхалъ мнѣ свой пламень!
КЛЕФИСТОНЪ.
Ѳивскаго мрамора бѣлый кусокъ...
СТИФЪ.
Тирскій увѣсистый камень...
КЛЕФИСТОНЪ.
Тýники складки...
СТИФЪ.
Хламиды извивъ...
КЛЕФИСТОНЪ
Пляску въ движеніи мѣрномъ...
СТИФЪ.
Сукъ, наклонённый подъ бременемъ сливъ...
КЛЕФИСТОНЪ.
Чашу съ душистымъ фалерномъ.
СТИФЪ.
Любо смотрѣть мнѣ на группу бойцовъ,
Такъ охватившихъ другъ друга!
(*Показываетъ руками*).
КЛЕФИСТОНЪ.
Взмахи могучихъ люблю кулаковъ!
СТИФЪ.
Мышцы, надутыя туго!
КЛЕФИСТОНЪ.
Ногу на столько подвинуть впередъ.
(*Оба подвигаютъ ногу*).
СТИФЪ.
Руку вотъ этакъ закинуть!
(*Каждый подымаетъ руку*).
КЛЕФИСТОНЪ.
Тѣлу изящный придать поворотъ...
(*Оба пластически изгибаются.*)

СТИѲЪ.
Ногу назадъ отодвинуть...
(*Оба поспѣшно отодвигаютъ ногу.*)
КЛЕФИСТОНЪ.
Часто лежу я подъ сѣнью деревъ...
СТИѲЪ.
Внемлю кузнечиковъ крикамъ...
КЛЕФИСТОНЪ.
Нравится мнѣ на стѣнѣ барельефъ...
СТИѲЪ.
Я всё брожу подъ портикомъ...
КЛЕФИСТОНЪ.
Думы рождаетъ во мнѣ кипарисъ...
СТИѲЪ.
Плачу подъ звукъ тетрахординъ...
КЛЕФИСТОНЪ.
Страстно люблю архитравъ и карнизъ...
СТИѲЪ.
Я же дорическій орденъ...
КЛЕФИСТОНЪ (*разгорячась*).
Барсову кожу я гладить люблю...
СТИѲЪ (*съ жаромъ*).
Нюхать янтарные токи...
КЛЕФИСТОНЪ (*со злобою*).
Ѣмъ виноградъ...
КЛЕФИСТОНЪ (*съ гордостью*).
Я жъ охотно треплю
Отрока полныя щёки.
КЛЕФИСТОНЪ (*торжественно*).
Свесть не могу очарованныхъ глазъ
Съ формы изящной котурна.
СТИѲЪ (*съ достоинствомъ*).
Послѣ прогулокъ моихъ утомясь,
Я опираюсь на урну.
(*Изящно изгибаясь, опирается на жертвенникъ. Клефистонъ бросаетъ на него завистливый взглядъ, и оба медленно расходятся въ противоположныя стороны, злобно посматривая другъ на друга*).

А. А.

СЕРЕНАДА.

Городъ спитъ въ дали туманной;
Освѣщёнъ лишь бельведеръ—
И играетъ иностранный
На гитарѣ офицеръ.

Звучно стройная гитара
Изливаетъ нѣжный стонъ:
„Cara mia, mia cara,
Выйди, выйди на балконъ!“

Полны слёзъ глаза живыя;
Но безмолвенъ бельведеръ —
И опять „о cara mia!“
Продолжаетъ офицеръ.

Голосъ плакалъ музыканта;
Вотъ услышали его:
Изъ окна — Maria Santa —
Чѣмъ-то облили всего.

„Жаль мнѣ новаго мундира!
Maledetto бельведеръ!“
И въ водахъ Гвадалквивира
Сталъ купаться офицеръ.

ИВАНЪ ЧЕРНОКНИЖНИКОВЪ (А. В. ДРУЖИНИНЪ).

РАЗДУМЬЕ АРТИСТА.

ПЕТАНЛЕРЪ И КЛАВИКОРДОВЪ.

КЛАВИКОРДОВЪ.
Кто здѣсь портной?
ПЕТАНЛЕРЪ.
Pour vous servir, monsieur.
КЛАВИКОРДОВЪ.
Ты, Петанлеръ, французъ?
ПЕТАНЛЕРЪ.
Daignez prendre place.
КЛАВИКОРДОВЪ.
И здѣсь давно живёшь?
ПЕТАНЛЕРЪ.
Sept ans, monsieur.
КЛАВИКОРДОВЪ.
Такъ можешь и по-русски говорить.
Я не люблю нарѣчій чужестранныхъ —
И требовать могу, чтобы въ Россіи
Со мною каждый говорилъ по-русски.
(*Петанлеръ улыбается*).
Напрасно носъ свой сморщилъ ты; повѣрь,
Со мной дѣла вести не трудно будетъ —
Я простъ и прямъ: долги свои плачу
Почище лоботрясовъ тѣхъ, что бродятъ
По Невскому, какъ будто кулики.
Поди жъ сюда, возьми побольше мѣрку
Да не зѣвай! Мнѣ надобна бекешь,
Шинель, штановъ штукъ пять да фракъ зелёный,

Глухихъ жилетовъ три или четыре,
А главное — сюртукъ одинъ хорошій.

ПЕТАНЛЕРЪ.

Пиджакъ иль redingotte à deux...

КЛАВИКОРДОВЪ.

Молчи!
Ты сшей сюртукъ да сшей его на славу,
Чтобъ былъ широкъ — толстѣю я въ деревнѣ,
Чтобъ проченъ былъ — мнѣ денегъ жаль на платье,
Чтобъ длиненъ былъ — я бѣгать отъ долговъ
Привычки не имѣю. Вотъ задатокъ,
А деньги остальныя ты получишь,
Какъ принесёшь всё нà домъ. Начинай!

Входятъ Графъ Бутаревъ *съ молодымъ* Мерзилкинымъ *и другими львами. Вся компанія насмѣшливо оглядываетъ Клавикордова. Французъ, начавшій снимать мѣрку, видимо, конфузится.*

КЛАВИКОРДОВЪ.

Длиннѣй пусти.

ПЕТАНЛЕРЪ.

Monsieur, то длинно будетъ.

КЛАВИКОРДОВЪ.

И здѣсь пошире...

ПЕТАНЛЕРЪ *(въ сторону)*.

О, невѣжда грубый!

КЛАВИКОРДОВЪ.

Что руки у тебя дрожатъ?

ПЕТАНЛЕРЪ *(въ сторону)*.

Я опозоренъ!

КЛАВИКОРДОВЪ.

Длиннѣй, длиннѣй сюртукъ.

ПЕТАНЛЕРЪ.

Но кто-же носитъ
Такіе сюртуки?

КЛАВИКОРДОВЪ.

Кто? *Я* ношу!

ПЕТАНЛЕРЪ *(изумленный)*.

Вы?.. вы?... Но модѣ слѣдовать намъ дóлжно.

КЛАВИКОРДОВЪ.

Такъ пусть она сама слѣдитъ за мною!
Теперь штаны.

ПЕТАНЛЕРЪ *(скрежеща зубами, въ сторону)*.

Неистовый вандалъ!

КЛАВИКОРДОВЪ.

Что? что? зачѣмъ ты мѣркой сжалъ колѣно?
Чтобъ я носить сталъ узкіе штаны!
Ещё пусти, чтобъ было здѣсь широко;
Пошире, говорю.

ПЕТАНЛЕРЪ *(въ сторону)*.

Вся кровь кипитъ!
Глаза не видятъ! Гнѣвъ меня задушитъ!

КЛАВИКОРДОВЪ.

Ну, что стоишь?

ПЕНТАЛЕРЪ.

Я шире шить не стану!

КЛАВИКОРДОВЪ *(смѣясь)*.

Вишь ты какой!

ПЕТАНЛЕРЪ
(въ неистовствѣ кидаетъ мѣрку на земь).

Чтобъ я... чтобъ я... чтобъ я
Невѣждѣ шилъ широкія шальвары!
Чтобъ я, артистъ, художникъ вдохновенный,
Сюртукъ нелѣпый свѣту подарилъ!
Чтобъ я тебѣ кроилъ жилетъ глухой —
Тебѣ... тебѣ... художества гонитель!

(Закрываетъ лицо руками).

КЛАВИКОРДОВЪ *(хохочетъ, держась за бока)*.

Ай да чудакъ! Задалъ шпектакль на славу!
Онъ въ самомъ дѣлѣ плачетъ! Эй, французъ,
За что мнѣ обижать тебя? Послушай,
Мнѣ панталонъ не надо; остальное
Ты заготовь, какъ нужно, а штаны,
Чтобы не оскорблять твоихъ привычекъ,
Готовыми я самъ куплю въ Москвѣ.

ПЕТАНЛЕРЪ *(бросается къ нему)*.

Злодѣй!
Развитья врагъ! насмѣшникъ! Мефистофель!
Не за себя, а за моё искусство
Проклятіемъ тебя я поражаю!
Пусть жизнь свою ты проведёшь въ халатѣ!
Пусть, въ свадьбы часъ, разрушится твой фракъ,
Пусть на балу грязнѣйшую манишку
Ты подъ своимъ жилетомъ обнаружишь!
Пусть цѣлый міръ тебя навѣкъ ославитъ
Неистовымъ, противнѣйшимъ медвѣдемъ,
Позоромъ человѣческихъ племёнъ!
Такъ, превзойди невѣжества всю мѣру!
Пусть о тебѣ исторія гласитъ:
„Онъ оскорбилъ артиста Петанлера —
И пусть его народный судъ казнитъ!"
Какъ! сочетать съ твореньями моими
Намѣренъ ты готовыя издѣлья
Московскихъ неотёсанныхъ портныхъ?
Ихъ грубую, презрѣнную работу
Ты станешь надѣвать съ моей бекешью?
И я... и я.. чтобъ это потерпѣлъ!
Иди отсель! сокройся въ бездны ада!
Оставь меня! бери задатокъ свой!
Ненужно денегъ мнѣ... О, ты хохочешь!
Уйди, уйди! тебя я умоляю!
Уйди, уйди! я говорю тебѣ!
(Кидается на колѣни. Клавикордовъ уходитъ, взявъ

деньги и хохоча во все горло. Графъ Бутаревъ и Мерзилкинъ кидаются въ объятія Петанлера).

ГРАФЪ.

О, ты великъ! Вотъ истинный художникъ!

ПЕТАНЛЕРЪ (*сквозь слезы*).

Друзья мои, я вашу похвалу
Цѣню всѣмъ сердцемъ; но прогнавъ медвѣдя,
Задатка я лишился. Денегъ нѣту;
Матерій много — трудно извернуться.
Нельзя-ли вамъ, на память грустной сцены,
Мнѣ что-нибудь по счётамъ уплатить.

(*Графъ быстро убѣгаетъ; половина львовъ тоже*).

МЕРЗИЛКИНЪ (*еще разъ цѣлуя француза*).

Да что жъ ты, другъ, мнѣ раньше не сказалъ?
Ещё сегодня въ долгъ я далъ пять тысячъ;
Ещё сегодня думалъ о тебѣ.
Покоенъ будь: на той недѣлѣ разомъ
Ты весь свой долгъ получишь и съ лихвою.
Сегодня жъ — не взыщи — въ моёмъ карманѣ
Лежитъ на всѣ расходы два цѣлковыхъ.

(*Уходитъ быстро съ остальными львами*).

ПЕТАНЛЕРЪ.

Такъ вотъ они — вотъ эти львы и денди!
Такъ вотъ она, художника судьба!
Одни цѣлуютъ и гроша не платятъ,
Другіе оскорбляютъ всё искусство!
Эй, мальчикъ! побѣги за тѣмъ медвѣдемъ,
Что былъ сейчасъ у насъ и постарайся
Его вернуть сюда — на водку будетъ.

(*Мальчикъ убѣгаетъ. Петанлеръ уходитъ въ заднюю комнату, закрывъ лицо руками*).

Л. Л. Л.

I.

ПАССАЖЪ ВЪ ПАССАЖѢ.

Поклонникъ вре-бонтона,
Армянскій жантильомъ,
Читающій Прудона
Подъ пальмовымъ листомъ;
Другъ мыслей современныхъ,
Чуть-чуть не комунистъ;
Удавъ — для подчиненныхъ,
Передъ начальствомъ — глистъ.

И. Т—въ.

Горитъ огнями залъ Пассажа;
Наполненъ публикою залъ;
У каждой двери по два стража;
Къ дверямъ стремится старъ и малъ.

Не Пеликанъ, не Стасюлевичъ
Читаютъ лекціи свои,
Не юный Серно-Соловьевичъ
Гремитъ про цыфры и паи;

Не звуки трубъ и контрабасовъ
Встаютъ, какъ смертные грѣхи:
Тургеневъ, Майковъ и Некрасовъ
Читаютъ прозу и стихи.

И всё молчитъ, полнó вниманья.
Вдругъ кто-то всталъ и черезъ залъ,
При громкомъ шиканьи собранья,
Къ дверямъ спокойно зашагалъ.

Кто ты — подумалъ я невольно —
Кто ты, достойный жантильомъ,
Идущій такъ самодовольно
При громкомъ шиканьѣ кругомъ?

Твои глаза, армянскій профиль
И волоса, какъ смоль, и носъ,
Похожій больше на картофель —
Всё говоритъ, что ты не *Россъ;*

Но что ты *росъ* подъ небомъ дальнымъ,
Гдѣ вѣчно-хмурый Араратъ
Мрачитъ челомъ своимъ печальнымъ
Твой отчій домъ и вертоградъ.

Да, это ты — Анахоретовъ,
Неукротимый генералъ,
Герой Тургеневскихъ куплетовъ,
Тебя воспѣвшихъ наповалъ.

Пускай зовутъ тебя нахаломъ,
Пускай враги тебя бранятъ
Литературнымъ подлипаломъ
И осуждаютъ, какъ хотятъ:

Я не склонюсь предъ общимъ мнѣньемъ,
Всегда останусь при своёмъ,
Что ты общественнымъ презрѣньемъ
Презрѣлъ, какъ истый жантильомъ.

II.

ВВЕДЕНІЕ КЪ НЕНАПЕЧАТАННОЙ ПОЭМѢ.

Пробѣжавъ по струнамъ,
Золотымъ пѣвунамъ,
Не жалѣю ни груди, ни глотки:
И сіяй, и свѣтлѣй
Незабвенный Лицей,
Знаменитый Лицей Безбородки!

Гдѣ окрѣпъ, возмужалъ
Тотъ, кто выше похвалъ,
Дивный Гоголь, изъ геніевъ геній,
Гдѣ Торкватовъ пѣвецъ
Ужъ мечталъ про вѣнецъ,
Гдѣ трудился Гребёнка Евгеній;

Гдѣ Пётръ Рѣдкинъ корпѣлъ,
Гдѣ Рославскій потѣлъ
Надъ латынью сухой, гдѣ Базили
О Элладѣ мечталъ
И гдѣ росъ-выросталъ
Крѣпко-тѣлый Домбровскій Василій;

Гдѣ Миклуха, Собко
Усвояли легко
Математики высшей начала
И гдѣ въ мракѣ ночей
Проработалъ надъ ней
Нашъ Журавскій Димитрій не мало;

Гдѣ Иванъ Лашнюковъ
На кропанье стиховъ
Промѣнялъ упражненье въ латынѣ
И гдѣ, полонъ любви,
Всѣ надежды свои
Созидалъ Эккебладъ на Троцинѣ.

И свѣтлѣй, и сіяй
Дорогой „Неминай“,
Украшеніе Нѣжина-града!
Пусть бутылки твои
Съ искрометнымъ аи
Возрастутъ до библейскаго стада!

Гдѣ нашъ Ш—й Иванъ,
Министрель и боянъ,
Нашъ К—кій, Ш—ко, М—ровъ
Напивались со мной
До того, что порой
Принимали людей за омаровъ.

Западъ вспыхнулъ огнёмъ:
За сосѣднимъ холмомъ
Догоралъ—такъ роскошенъ и нѣженъ—
Умирающій день—
И вечерняя тѣнь
Осѣняла безжизненный Нѣжинъ.

Огоньки кое-гдѣ;
Но какъ пусто вездѣ
На ристалищахъ Нѣжина-града!
Всё заснуло кругомъ,
Лишь подъ чьимъ-то окномъ
Замирала вдали серенада.

Это *онъ* и *она!*
Чуть зажжется луна—
Ужъ, съ дрянною гитарой подъ мышкой,
Онъ стоитъ у воротъ
И бренчитъ, и поётъ—
И смѣётся *она* надъ мальчишкой;

Да извозчикъ домой
Проѣзжалъ стороной,
У трактира похрюкивалъ боровъ,
Да какой-то бѣднякъ,
По дорогѣ въ кабакъ,
Пробирался вдоль длинныхъ заборовъ;

Да въ стеклянныхъ дверяхъ
Появлялся въ очкахъ
Дорогой властелинъ „Неминая“, —
И глядѣлъ на востокъ,
И сморкался въ платокъ,
Понапрасно гостей поджидая.

ДІАМАНТОВЪ (Б. Н. АЛМАЗОВЪ) *).

I.

МОСКОВСКІЙ ПОЭТЪ И ПЕТЕРБУРГСКІЙ ОБЫВАТЕЛЬ.

Какъ нынѣ сбирается желчный поэтъ
Отмстить Петербургскимъ журналамъ:
Ихъ прозу и вирши за гнусный памфлетъ
Обрёкъ онъ во снѣдь эпиграммамъ.

*) Борисъ Николаевичъ Алмазовъ, поэтъ и критикъ, родился въ половинѣ третьяго десятилѣтія нашего вѣка. Его первыя критическія и полемическія статьи, исполненныя весьма тонкаго юмора, были напечатаны въ „Москвитянинѣ“ 1852 года и, затѣмъ, продолжали печататься на его страницахъ почти до самаго конца его существованія, послѣ чего стали появляться по временамъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, гдѣ въ четвёртой книжкѣ на 1862 годъ была напечатана, между-прочимъ, его дѣльная статья: „Первое полное изданіе „Горя отъ Ума“. Что же касается его юмористическихъ стихотвореній и пародій, вышедшихъ въ 1863 году въ Москвѣ отдѣльной книжкой, подъ названіемъ «Диссонансы“, то они, по бо́льшей части, были напечатаны въ первый разъ въ «Развлеченіи» на 1860, 1862 и 1863 года.

Въ татарскомъ халатѣ, за старымъ бюро
Сидитъ онъ и злобно кусаетъ перо.

Изъ тёмной передней предъ нимъ вдругъ предсталъ
Прихвостникъ всѣхъ русскихъ талантовъ,
Редакторовъ русскихъ курьеръ и фискалъ,
Наперсникъ неопытныхъ франтовъ,
Для сплетенъ и кляузъ встающій чѣмъ свѣтъ —
И сплетнику водки подноситъ поэтъ.

„Скажи мнѣ, Тряпичкинъ, какъ въ обществѣ львовъ
Находятъ мои сочиненья,
И скоро ль, на гибель отчизны враговъ,
Собранье моихъ громозвучныхъ стиховъ
Достигнетъ второго тисненья?
Скажи мнѣ всю правду, не бойся—и въ даръ
За то ты получишь стиховъ экземпляръ.“

„Мы, денди и львы, не боимся писакъ;
Стихи же твои мнѣ не нужны.
Попробуй, сгруби мнѣ—отдѣлаютъ такъ:
Со мной всѣ редакторы дружны.
Я въ Питерѣ знаю весь избранный кругъ
По скачкамъ, гуляньямъ и клубамъ:
Самъ Гречъ мнѣ родня, Григоровичъ мнѣ другъ,
Я даже „на ты“ съ Соллогубомъ.
Нашъ критикъ извѣстный играетъ въ ланскне
Съ моею прислугой въ передней;
Аскоченскій чай пить заходитъ ко мнѣ,
Идучи отъ ранней обѣдни;
Мнѣ деньги разъ двадцать взаймы предлагалъ
Андрей Александрычъ Краевскій,
И въ долгъ папиросы всегда отпускалъ
Редакторъ Мишель Достоевскій;
Некрасовъ партнёръ мой: съ нимъ въ клубѣ сижу
За картами я до разсвѣта,
Съ Тургеневымъ вмѣстѣ на утокъ хожу
И съ Майковымъ ўжу всё лѣто;
Панаевъ впервые у Шармера фракъ
По моему сдѣлалъ совѣту;
Нерѣдко у Мея пивалъ я коньякъ
И риѳмы подыскивалъ Фету.
Иванъ Гончаровъ для меня издаётъ
Романъ для мадамъ Бѣловодовъ,
А Гербель, какъ встрѣтитъ, сейчасъ пристаётъ:
„Изъ Шиллера дай переводовъ“.
Громека мнѣ отдалъ свой синій картузъ
Въ тотъ день, когда снялъ эполеты,
А Боткинъ привёзъ мнѣ мѣшокъ кукурузъ,
А тёщѣ моей кастаньеты;
Съ Бодянскимъ я вмѣстѣ въ казакахъ служилъ,
А съ Хавскимъ Петромъ—въ лейбъ-гусарахъ;
Про Пушкина Анненковъ мнѣ говорилъ,
При встрѣчѣ со мной въ Чебоксарахъ,
А Писемскій часто при мнѣ умиралъ—
Разъ сорокъ: какія страданья!
Отходную съ чувствомъ надъ нимъ я читалъ,
А онъ диктовалъ завѣщанье.
Толстой Алексѣй, Теофилъ и Леонъ,
И всѣ что ни пишутъ Толстые—
Ихъ много: названіе имъ легіонъ—
Со мной хороши чуть не съ самыхъ пелёнъ...
Такіе всё, право, чудные!
Ристори съ Ольриджемъ, Рашель съ Бурдинымъ
Мои посѣщали салоны;
Бурдинъ безъ утайки, но нà ухо, имъ
Открылъ, какъ любимымъ адептамъ своимъ,
Искусства святые законы.
Въ Москвѣ каждый вечеръ я въ клубѣ сижу:
Тамъ царствуетъ Лонгиновъ Миша.
Кричитъ онъ ужасно; я только твержу:
„Мой милый, потише, потише!“
При мнѣ всѣ комедьи свои написалъ
Извѣстный писатель Островскій;
Во всѣхъ мнѣ изданьяхъ пая предлагалъ
Извѣстный издатель Основскій.
Съ Садовскимъ знакомъ я; Мартынова зналъ:
Я другъ и наставникъ артистовъ!
И даже мнѣ руку однажды пожалъ—
Повѣритъ ли кто?—Ѳеоктистовъ!
Нашъ Щепкинъ не разъ про Жакартовъ станокъ
Разсказывалъ мнѣ со слезами;
Я тоже отъ слёзъ удержаться не могъ—
И плакали Корши всѣ съ нами.
Въ печатнѣ Каткова я часто внималъ
Тисненья торжественный грохотъ;
Мнѣ Павелъ Якушкинъ самъ пѣсни пѣвалъ,
И слышалъ я Кетчера хохотъ.
Я зрѣлъ драматурговъ россійскихъ главу
Потѣхина - то-есть второго,
И въ Брынскихъ лѣсахъ середь дня, наяву,
Григорьева видѣлъ живого!
Всѣ двѣсти россійскихъ писательницъ-дамъ
Мнѣ туфли къ святой нашиваютъ;
Колошинъ Сергѣй и калужскій Имамъ
Меня одного уважаютъ.
При мнѣ Аѳанасьевъ, московскій Нарцисъ,
Глядѣлся въ колодезь въ Мытищѣ;
Кузьма Солдатёнковъ—Козьма Медичисъ—
При всѣхъ на Рогожскомъ кладбищѣ
Меня поощрялъ и обѣдъ мнѣ давалъ,
И дачу мнѣ съ прудомъ купить обѣщалъ.

Совѣтъ сихъ улемовъ, собравшись вчера
На общемъ торжественномъ сеймѣ,
Въ виду колоссальной статуи Петра,
Рѣшилъ, при самомъ Розенгеймѣ,
Что вирши нечёсанной музы твоей
Не стоятъ и браннаго слова:
Что площе онѣ аравійскихъ степей,
Наивнѣе папскихъ всѣхъ буллъ и рѣчей,
Пошлѣе комедіи Львова.
На счастье твоё былъ Аскоченскій тутъ
И подалъ протестъ дерзновенный—
И вирши твои поступаютъ на судъ
Къ какой-то просвирнѣ почтенной."

II.

ПОХОРОНЫ „РУССКОЙ РѢЧИ".

Палъ журналъ новорожденный,
Органъ женскаго ума—
И надъ плачущей вселенной
Воцарилась снова тьма.
Важенъ, толстъ, какъ частный приставъ,
Жертва злобной клеветы,
Палъ великій Ѳеоктистовъ
Съ двухъ аршинной высоты.

И съ предвѣдѣньемъ во взглядѣ
Жертву самъ Катковъ заклалъ.
„Слава Зевсу и Палладѣ!"
Онъ Леонтьеву сказалъ:
„Слава мышцамъ Аполлона,
Ратоборца свѣтлыхъ силъ!
Онъ шипящаго Пиѳона
Прямо въ темя угодилъ".

„Зритель", „День" и „Развлеченье",
И журналовъ цѣлый полкъ—
Всѣ сошлись на погребенье,
Чтобъ отдать послѣдній долгъ
Брату, падшему со славой,
Какъ отчизны вѣрный сынъ—
И вломились всей аравой
Къ Базунову въ магазинъ.

Тамъ, взваливъ къ себѣ на плечи,
Какъ священный нѣкій кладъ,
Хламъ останковъ „Русской Рѣчи"
Понесли въ Лоскутный рядъ.
У Петровскаго бульвара
Ихъ догнавъ, библіофилъ
„Русской Рѣчи" экземпляра,
Какъ диковинки просилъ.

Съ воплемъ шла толпа густая
Горько плачущихъ Коршей:
Слёзы падали, блистая,
Изъ безчисленныхъ очей.
И, смиривъ свой пылъ воинскій,
Польско-русскій Маколей,
Шелъ задумчивъ панъ Вызинскій,
Хитро-умный Одиссей.

Провожая прахъ любезный,
Шла редакція-вдова
И причитывала слезно
Прежестокія слова:
„Ахъ когда бъ на дѣлѣ знала
Я журнальные труды—
Я бъ журналъ не затѣвала!
Вотъ безумія плоды!
Но могла-ль я Олимпійца
Снесть восточный произволъ?
Онъ, редакторъ-кровопійца,
Не щадитъ и слабый полъ:
Онъ терзалъ мои созданья
И подъ каждою статьёй
Дѣлалъ дерзко примѣчанья
Святотатственной рукой.
Нѣтъ, крутымъ его законамъ
Ни за что̀ не подчинюсь:
Съ нимъ, какъ Сталь съ Наполеономъ,
Хоть умру, а не сойдусь!"

Кетчеръ, жизнью убѣлённый,
Нацѣдилъ вина бокалъ
И вдовицѣ сокрушённой
Подкрѣпиться предлагалъ:
„Пей и знай: виномъ заморскимъ
Накатиться нѣтъ грѣха;
Вотъ другое дѣло горскимъ
Или водкой—ха, ха, ха!
Ха, ха, ха! Вино—лѣкарство!
Ха, ха, ха! Ну, пей скорѣй!
Ха, ха, ха! Ну, къ чорту барство!
Пей да только не пролей!
Вспомни матерь Ніобею,
Что̀ извѣдала она,
Сколь ужасная надъ нею
Казнь была совершена?
Но и въ вѣкъ тотъ безотрадный
Солдатенковъ тоже жилъ:
Онъ ей влаги виноградной

Цѣлый ящикъ подарилъ.
Ты, чай, знаешь: Ніобея
Схоронила всѣхъ дѣтей.
Ну, такъ пей же, не робѣя,
Въ память внучки „Атенея“,
„Рѣчи“, дочери твоей!“

Но редакція подняла
Гордо голову свою
И съ презрѣньемъ отвѣчала:
„Отвяжитесь, я не пью!“
И рукой своей сурово
Оттолкнула прочь бокалъ;
Влага брызнула — и снова
Кетчеръ вдругъ захохоталъ.

И на хохотъ Провъ Садовскій,
Запыхавшись, прибѣжалъ.
Жбанъ эпохи допетровской
Онъ въ рукахъ своихъ держалъ.
Силой генія чудесной
Чрезъ толпу Коршей пролѣзъ
И куда-то — неизвѣстно —
Быстро съ Кетчеромъ исчезъ.
„Смерть велитъ умолкнуть злобѣ“,
Жрецъ Аскóченскій сказалъ:
„Миръ покойницѣ во гробѣ:
Преневинный былъ журналъ!“

Миша-книжникъ книжной ражи
Удержать въ себѣ не могъ —
И на улицѣ сейчасъ же
Настрочилъ онъ некрологъ:
„Молъ, жила-была газетка,
Такъ-себѣ не безъ грѣшковъ,
(Сей журналъ, ужасно рѣдкій,
Здѣсь читалъ одинъ Сушковъ)
Нравъ имѣла тихій, кроткій:
Не бросалась на своихъ,
А скончалась отъ сухотки,
Къ сожалѣнію родныхъ“.

„Господа, ей Богу тошенъ
Жребій родины моей!“
Загремѣлъ Сергѣй Колошинъ,
Катилина нашихъ дней:
„У боговъ на умномъ вѣчѣ,
Видно, правда не живётъ:
Нѣтъ громóвой „Русской Рѣчи“,
„Наше Время“ всё не мрётъ!“

„Да, нашъ вѣкъ ужасно скверенъ!
Нѣтъ людей — всё я одинъ!“
Возгласилъ Борисъ Чичеринъ,
Публицистъ и дворянинъ.
„Всѣ желаютъ вертикально
Мой народъ разгородить;
Я хочу — горизонтально:
Кто мнѣ можетъ запретить?“

Взоръ вперяя изступлённый
Въ сѣроватый небосклонъ,
Вдругъ Медузой вдохновлённый,
Рекъ Григорьевъ Аполлонъ:
„Демоническимъ началамъ
Честно, вѣрно я служу,
И съ сочувствіемъ немалымъ
За паденьями слѣжу:
Легіоны журналистовъ,
Точно мухи, такъ и мрутъ:
Нынче умеръ Ѳеоктистовъ,
Завтра Павлову капутъ“.

ГЕЙНЕ ИЗЪ ТАМБОВА (П. И. ВЕЙНБЕРГЪ).

I.

ЭЛЕГІЯ.

Я любилъ её такъ нѣжно,
Такъ высоко, поэтично!
Всё въ ней было такъ эѳирно,
Такъ небесно гармонично,
Но вчера, о боги, боги,
Приключеніе какое!
Ту, которая являлась
Мнѣ, какъ нѣчто неземное,
Окруженная цвѣтами,
Въ обстановкѣ идеальной —
Ту красавицу увидѣлъ
Я въ палатѣ госпитальной.
Съ инструментомъ, подлѣ трупа,
Дѣва милая стояла
И, по правиламъ науки,
Трупъ спокойно разсѣкала.
Я отпрянулъ въ изумленьи
Отъ невиданнаго дѣла,
А она въ глаза мнѣ прямо
И учено посмотрѣла;
Протянула мнѣ спокойно
Окровавленныя руки

И сказала: „другъ, ты видишь
Здѣсь служителя науки!“
И опять припала къ трупу.
Я стоялъ, глотая слёзы.
Черной пылью разсыпались
Поэтическія грёзы:
Ихъ, какъ молнія смѣняли
Медицинскія картины —
И шепталъ я: „дѣва рая —
Докторъ, докторъ, медицины!“

II.

Дождь и слякоть: по аллеѣ
Безбородкинскаго сада
Ты гуляешь, приподнявши
Кончикъ свѣжаго наряда.
Стройно стянутую ножку
Выставляешь ты наружу,
Но, увы! ты поскользнулась —
И попала прямо въ лужу.
Другъ мой, такъ и въ жизни нашей:
Какъ ни дѣйствуй осторожно,
А запачкаться въ болотѣ
Очень можно, очень можно!

III.

Онъ былъ титулярный совѣтникъ,
Она — генеральская дочь;
Онъ робко въ любви объяснился,
Она прогнала его прочь.

Пошелъ титулярный совѣтникъ
И пьянствовалъ съ горя всю ночь —
И въ винномъ туманѣ носилась
Предъ нимъ генеральская дочь.

IV.

Къ укротителю въ звѣринецъ
Онъ привёлъ свою супругу —
И сказалъ онъ: „Крейцбергъ старшій,
Окажи ты мнѣ услугу!

„Ты владыка надъ звѣрями:
Укрощаешь львовъ, шакаловъ;
Ты смиряешь крокодиловъ
И съ сигарами нахаловъ.

„Укроти мою супругу
Взглядомъ, голосомъ, хлыстами:
Докажи, что ты волшебникъ
И начальникъ надъ скотами!“

Посмотрѣлъ ей въ очи Крейцбергъ
Опустилъ свой хлыстъ любимый
И промолвилъ тихо, робко:
„Это звѣрь неукротимый!“

V.

Въ фотографіи недавно
Снялъ свою я образину.
Ахъ, когда бъ могли вы видѣть
Эту чудную картину!

Перенёсъ меня художникъ
На бумагу вѣрно, живо:
Носъ, глаза и бакенбарды
Смотрятъ бойко и красиво.

Далъ портретъ я той, къ которой
Пламенѣю я любовью,
За которую охотно
Я пожертвовалъ бы кровью.

Но — коварная — вчера я
Къ ней явился на свиданье:
Вдругъ — у самой двери — слышу
Странный хохотъ и шептанье.

Въ дверь взглянулъ я — и отпрянулъ,
Будто обданъ сильнымъ жаромъ:
Я красавицу увидѣлъ
Въ нѣжной позѣ съ лейбъ-гусаромъ.

На портретъ смотря, шептали:
„Образина-то похожа!“
И сквозь хохотъ повторяли:
„Эка рожа! эка рожа!“

В. С. КУРОЧКИНЪ.

I.

ОБЩІЙ ЗНАКОМЫЙ.

Не высокъ, ни толстъ, ни тонокъ,
Холостъ, среднихъ лѣтъ,
Взглядъ пріятенъ, голосъ звонокъ,
Хорошо одѣтъ;

Безъ запинки, гдѣ придётся,
Всюду порετъ дичь —
И поэтому зовется:
Милый Пётръ Ильичъ!

Молодое поколѣнье
Съ жаромъ говоритъ,
Что брать взятки — преступленье,
Совѣсть не велитъ;
Онъ сейчасъ: „Ужъ какъ угодно;
Взятки — сущій бичъ!
Ахъ! какой онъ благородный,
Милый Пётръ Ильичъ!

Старичковъ остатокъ злобный,
Чуя зло вездѣ,
Образъ мыслей неподобный
Видитъ въ бородѣ —
Онъ сейчасъ: „на барабанѣ
Всѣхъ бы ихъ остричь!“
Старички-то и въ туманѣ.
Милый Пётръ Ильичъ!

Съ дамами глядитъ амуромъ
Въ цвѣтникѣ изъ розъ;
Допотопнымъ каламбуромъ
Насмѣшитъ до слёзъ;
Губки сжавъ, въ альбомы пишетъ
Сладенькую дичь
И изъ устъ прелестныхъ слышитъ:
„Милый Пётръ Ильичъ!“

Тамъ старушки о болонкахъ
Мелютъ, о дровахъ,
Приживалкахъ, компаньонкахъ,
Крѣпостныхъ людяхъ...
Онъ и къ этимъ разговорамъ
Прилетаетъ дичь;
А старушки дружнымъ хоромъ:
„Милый Пётръ Ильичъ!“

Съ сановитыми тузами
Мастеръ говорить
И умильными глазами
Случай уловить.
Своему призванью вѣрный,
Вѣдь, сумѣлъ достичь
Аттестаціи „примѣрный,
Милый Пётръ Ильичъ“.

Польки пляшетъ до упада,
Въ картахъ чорту братъ —
И хозяйка очень рада,
И хозяинъ радъ.
Ужъ его не разбираютъ,
Не хотятъ постичь,
А до гроба величаютъ:
„Милый Пётръ Ильичъ!“

II.

ПРИГОВОРЪ.

Прочь отъ насъ Катонъ, Сенека!
Прочь угрюмый Эпиктетъ!
Пироговъ, Щедри́нъ, Громека —
Обличительнаго вѣка
Безпокойный факультетъ!

Господа, мы не созрѣли!
Вотъ какой принёсъ намъ плодъ
За стремленье къ доброй цѣли
Въ двѣ послѣднія недѣли
Пятьдесятъ-девятый годъ!

Какъ мальчишкамъ нужны сказки,
Такъ намъ всѣмъ въ родномъ краю
Нужны помочи, указки.
Такъ уснёмъ, закрывши глазки,
Баю-баюшки-баю!

Обличительныхъ погромовъ
Уничтоживъ самый слѣдъ,
Будемъ спать, какъ спалъ Обломовъ,
Въ продолженіе двухъ томовъ,
Въ продолженіе ста лѣтъ.

Бросивъ гласности химеры,
Неприличныя дѣтямъ,
Да пребудутъ полны вѣры
Господа акціонеры
Къ господамъ директорамъ!

И такъ далѣе... и выше,
И въ судахъ, и въ остальномъ,
Съ каждымъ днёмъ всё тише, тише,
Благодатный миръ подъ крыши
Заберётся въ каждый домъ.

И невѣдѣньемъ хранима,
Зломъ невидимымъ сильна,
Въ крѣпкомъ снѣ непобѣдима,
Безглагольна, недвижима,
Будетъ Русская страна!

III.

Я не поэтъ — и, не связанный узами
Съ музами,
Не обольщаюсь ни лживой, ни правою
Славою.
Родинѣ преданъ любовью безвѣстною,
Честною,
Не воспѣвая съ пѣвцами присяжными,
Важными
Злое и доброе, съ равными шансами
Стансами,
Я положилъ своё чувство сыновнее
Всё въ неё.
Но не могу же я плакать отъ радости,
Съ гадости,
Или искать красоту въ безобразіи
Азіи,
Или курить въ направленіи заданномъ
Ладаномъ,
То-есть — заигрывать съ зломъ и невзгодами
Одами.
Съ рифмами лазить особаго счастія
Къ власти я
Не нахожу, тамъ какія бы ни были
Прибыли.
Рифмы мои ходятъ поступью твёрдою,
Гордою,
Располагаясь богатыми парами —
Барами!
Ну, не дадутъ мнѣ за нихъ въ академіи
Преміи;
Не приведутъ ихъ въ примѣрахъ піитики
Критики:
„Нѣтъ ничего—молъ—для чтенья народнаго
Годнаго,
Нѣтъ возносящаго душу паренія
Генія,
Нѣту воинственной, храброй и въ старости,
Ярости
И ни одной для Петруши и Васеньки
Басенки“.

Что жъ? Мнѣ сама мать-природа оставила
Правила,
Чувствомъ простымъ одаривъ одинаково
Всякаго.
Если найдутъ книжку съ пѣснями разными,
Праздными
Добрые люди вниманія стоющей —
Что̀ ещё?
Если жъ я рифмой, свободной и смѣлою,
Сдѣлаю,
Кромѣ того, впечатлѣнье извѣстное,
Честное —
Въ нёмъ и поэзія будетъ обильная,
Сильная
Тѣмъ, что не связана даже и съ музами
Узами.

IV.

ПРИРОДА, ВИНО И ЛЮБОВЬ.

Трагедія въ трёхъ дѣйствіяхъ, безъ соблюденія трёхъ единствъ, такъ какъ происходитъ въ разное время, въ разныхъ комнатахъ и подъ вліяніемъ различныхъ страстей и побужденій.

ДѢЙСТВІЕ I.

ПРИРОДА.

Комната поэта.

Поэтъ (*пишетъ и читаетъ*).

Пришла весна. Увы, любовь
Не манитъ въ тихія дубравы:
Нѣтъ, негодующая кровь
Зовётъ меня на бой кровавый!

КАБИНЕТЪ РЕДАКТОРА.

Редакторъ (*поправивъ написанное поэтомъ, читаетъ*).

Пришла весна. Опять любовь
Раскрыла тысячу объятій —
И я бы, кажется, готовъ
Расцѣловать всѣхъ меньшихъ братій.

КАБИНЕТЪ ЦЕНЗОРА.

Цензоръ (*поправивъ написанное поэтомъ и исправленное редакторомъ, читаетъ*).

Пришла весна. Но не любовь
Меня влечётъ подъ сѣнь дубравы,
Не плоть, а духъ! Я вижу вновь
Творца во всёмъ величьи славы.
(*Подписываетъ: „Одобрено цензурою“*).

ДѢЙСТВІЕ II. ВИНО.

Поэтъ.

Люблю вино. Въ нёмъ не топлю,
Подобно слабенькимъ натурамъ,
Скорбь гражданина — а коплю
Вражду къ проклятымъ самодурамъ!

Редакторъ (*поправивъ, читаетъ*).

Люблю вино. Я въ нёмъ топлю
Свои гражданскія стремленья —
И видитъ Богъ, какъ я терплю
И какъ тяжелъ мой крестъ терпѣнья!

Цензоръ (*поправивъ, читаетъ*).

Люблю вино; но какъ люблю?
Какъ сладкій мёдъ, какъ скромный танецъ.
Пью рюмку въ день — и не терплю
Косматыхъ нигилистовъ-пьяницъ.

ДѢЙСТВІЕ III. ЛЮБОВЬ.

Поэтъ.

Люблю тебя. Любовь одна
Даётъ мнѣ бодрость, духъ и силу,
Чтобъ, чашу зла испивъ до дна,
Непобѣждённымъ лечь въ могилу.

Редакторъ (*поправляетъ*).

Люблю тебя. Любовь къ тебѣ
Ведётъ такъ сладко до могилы
Въ неровной роковой борьбѣ
Мои погубленныя силы.

Цензоръ (*поправляетъ*).

Люблю тебя. И не скорбя,
Подобно господамъ писакамъ,
Обязанъ вѣкъ любить тебя,
Соединясь законнымъ бракомъ.

(*Подписываетъ. Занавѣсъ падаетъ. Въ печати появляется стихотвореніе:* „Природа, вино и любовь“, *подъ которымъ красуется имя поэта. Въ журналахъ выходятъ рецензіи, въ которыхъ говорится о вдохновеніи, непосредственномъ творчествѣ, смѣлости мысли, оригинальности оборотовъ рѣчи и выраженій, художественной цѣлости и гражданскихъ стремленіяхъ автора.*)

ОБЛИЧИТЕЛЬНЫЙ ПОЭТЪ (Д. Д. МИНАЕВЪ).

I.

ПЕРВОЕ ЯНВАРЯ.

Новаго года лишь вспыхнетъ денница,
Съ ранняго часа проснётся столица.
Въ праздничный день никого не смутитъ,
Стонетъ-ли вѣтеръ, иль вьюга крутитъ,
Хлещетъ ли снѣгомъ въ лицо непогода —
Всюду на улицахъ волны народа:
Мчатся кареты то взадъ, то впередъ,
Смѣло шагаетъ вездѣ пѣшеходъ,
Словно съ плеча его спала забота,
Словно свершилось великое что-то,
Словно сегодня — не то, что вчера.
Городъ проснулся и ожилъ съ утра:
Хмурыя лица — свѣжѣй и пригожѣй;
Баринъ въ медвѣдяхъ, въ тулупѣ прохожій,
Женщинъ головки въ замёрзшемъ окнѣ;
Только невесело что-то всё мнѣ.
Право, не знаю — отъ зависти, что-ли —
Только смотрѣть не могу я безъ боли
И безъ досады на праздный народъ:
Чтò же васъ тѣшитъ? чтò жизнь вамъ даётъ?
Что веселитесь, бѣснуетесь что вы?
Дай-ка, взгляну я на ваши обновы
И, замѣшавшись въ толпѣ безъ труда,
Ближе на васъ погляжу, господа!
Вотъ вы скользите по гладкой панели:
Сколько-жъ обновокъ на васъ, въ самомъ дѣлѣ!
Золотомъ шитый швейцаръ у дверей,
Яркіе канты потёртыхъ ливрей,
Кружева модницъ, рубины булавокъ;
Вотъ и герои Милютиныхъ лавокъ,
Баловни счастья и щедрой судьбы.
Какъ металлически блещутъ ихъ лбы!
Въ лицахъ читаешь всю важность ихъ цѣлей:
„Устрицъ-бы свѣжихъ да свѣжихъ камелій!“
Блескомъ нарядовъ смущается глазъ —
Бархатъ и соболь, и мягкій атласъ;
Только ходи да записывай цѣны.
Моды столичной гуляютъ манкены —
И усмиряетъ капризный мой сплинъ
Выставка женщинъ, дѣтей и мужчинъ.
Долго портные, модистки, торговки
Шили имъ къ празднику эти обновки.
Жаль, что не шьютъ они новыхъ идей —

Вотъ-бы примѣрить на этихъ людей!
Въ мысли здоровой дать лучшую моду —
Какъ-бы пристало-то къ новому году!
Право, пристало-бы; но, говорятъ:
Намъ не къ лицу незнакомый нарядъ.
Дальше смотрю я: фельдъегеръ несётся;
Въ ветхой шинелькѣ чиновникъ плетётся;
Тащитъ подъ мышкой старушка салопъ;
Ванька, качаясь, заѣхалъ въ сугробъ,
И предъ толпой разодѣтой, богатой
Тянетъ шарманка мотивъ „Травіаты“—
Плачетъ въ сказаньѣ какихъ-то потерь.
Вотъ и питейнаго зданія дверь!
Входитъ въ питейный, съ оглядкой, бѣднякъ,
Чтобъ заложить свой послѣдній армякъ,
Выпить подъ праздникъ, забыться немного:
Завтра опять трудовая дорога,
Сѣрыя будни и ночи безъ сна —
Какъ не хватить зеленàго вина!
Тутъ, одержимъ публицистики бѣсомъ,
Думалъ смутить бѣдняка я прогрессомъ,
Думалъ блестящій прочесть монологъ:
„Пьянство-де страшный, великій порокъ!
Новаго дѣла приспѣла минута!“
Но посмотрѣлъ — и замолкъ почему-то,
И, какъ пристыженный школьникъ иной,
Съ новой досадой побрёлъ я домой.

II.

ДОМИНО.

Кто онъ? Ради Бога,
Дайте намъ отвѣтъ!
Говоритъ немного,
Больше „да“ и „нѣтъ“,
Сядетъ молча, строго,
Съ кипою газетъ.
Кто онъ? Ради Бога,
Дайте намъ отвѣтъ!

Всѣ его встрѣчали,
Но не зналъ никто —
Вь театральной залѣ,
Въ клубѣ у лото.
Для него дорога
Не закрыта въ свѣтъ.
Кто онъ? Ради Бога,
Дайте намъ отвѣтъ!

Въ дверь у Доминика
Входитъ, „Вѣсть“ берётъ.
„Вотъ онъ! посмотри-ка!“
Кто-нибудь шепнётъ.
Общая тревога:
Опустѣлъ буфетъ.
Кто онъ? Ради Бога,
Дайте намъ отвѣтъ!

Утромъ въ день пріёмный
Журналисту онъ,
Съ рукописью, скромный
Отдавалъ поклонъ,
Корчилъ демагога,
Порицалъ бюджетъ.
Кто онъ? Ради Бога,
Дайте намъ отвѣтъ!

Въ залѣ Бенардаки
Чтеніе — народъ:
Онъ ужъ въ черномъ фракѣ
Прокрался впередъ
Слушать прелесть слога
И живой куплетъ.
Кто онъ? Ради Бога,
Дайте намъ отвѣтъ!

Ночью, въ часъ урочный
Начался шпицбалъ —
Аккуратный, точный
Онъ ужъ тамъ — и взялъ
Тотчасъ у порога
Даровой билетъ.
Кто онъ? Ради Бога,
Дайте намъ отвѣтъ!

Тучи вкругъ нависли;
Въ слякоть, черезъ мостъ
Труженика мысли
Тащатъ на погостъ.
Поотставъ немного,
Онъ бредётъ во слѣдъ.
Кто жъ онъ? Ради Бога,
Дайте намъ отвѣтъ!

ЯКОВЪ ХАМЪ (Н. А. ДОБРОЛЮБОВЪ).

I.

МОЕ ОБРАЩЕНІЕ.

Во дни пасхальныхъ балагановъ
Я буйной лирой оскорблялъ
Прогресса русскаго титановъ
И нашу гласность осмѣялъ.

Но отъ стиховъ моихъ шутовскихъ
Я отвратилъ со страхомъ взоръ,
Когда въ „Вѣдомостяхъ Московскихъ“
Прочёлъ презрительный укоръ.

Я лилъ потоки слёзъ нежданныхъ
О томъ, что презрѣнъ я въ Москвѣ;
Себѣ-жъ, въ порывахъ покаянныхъ,
Надралъ я плѣшь на головѣ.

Но плѣшью пріобрѣлъ я право
Смотрѣть на будущность свѣтло.
Съ тѣхъ поръ, не мудрствуя лукаво,
Я прояснилъ моё чело:

Меня живитъ родная пресса —
И, полнъ святого забытья,
Неслышной поступи прогресса
Съ благоговѣньемъ внемлю я.

II.

НОВЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВОПРОСЪ.

Ещё одинъ общественный вопросъ
Прибавился въ общественномъ сознаньи:
Кто были тѣ, отъ коихъ имя „Росъ“
Къ намъ перешло по древнему сказанью?
Изъ-за моря тогда они пришли:
Изъ-за моря идётъ къ намъ всё благое!
Но кто жъ они? Въ какихъ краяхъ земли
Шумѣло море то своей волною?
Не знаемъ мы! Искали мы его
Отъ Каспія, куда струится Волга,
Гдѣ дешева икра—вплоть до того,
Гдѣ странствовалъ Максимовъ очень долго.
На Черномъ морѣ думали найти,
Гдѣ общество родного пароходства
Цвѣтётъ, растётъ и будетъ всё цвѣсти,
Десятки лѣтъ, назло недоброхотству.
На Балтикѣ его искали мы,
Гдѣ вознеслась полночная столица,
Гдѣ, средь болотъ, тумановъ и зимы,
Жизнь такъ легко и весело катится.
Такъ мы не день, не мѣсяцъ и не годъ,
А цѣлый вѣкъ, отъ моря и до моря,
Металися, какъ угорѣлый котъ,
Томительно изслѣдуя и споря.
Но, наконецъ, измучась, истомясь,
Рѣшились всѣ на томъ остановиться,
На чёмъ засталъ моментъ послѣдній насъ,
Чтобъ съ этимъ дѣломъ больше не возиться.
Въ такой-то часъ норманство водворилъ
И далъ прочесть намъ господинъ Погодинъ —
И съ той поры весь русскій людъ твердилъ,
Что Рюрикъ нашъ съ норманами былъ сроденъ.

Но снова мы сомнѣніемъ полны;
Волнуются тревожно наши груди:
Мы слышимъ, что норманы смѣнены
Варягами-литовцами изъ Жмуди.
Нормановъ уничтожилъ, говорятъ,
Въ статьѣ своей профессоръ Костомаровъ.
Погодинъ хочетъ встать за прежній взглядъ —
И, вѣрно, ужъ не пощадитъ ударовъ.
Кому-то пасть? кому-то предлежитъ
Насъ озарить открытьемъ благодатнымъ?
Богъ вѣсть! Но грудь у всѣхъ у насъ горитъ
Предчувствіемъ какимъ-то непонятнымъ.
Привѣтъ тебѣ, счастливая пора
Поднятія общественныхъ вопросовъ!
Въ дни торжества науки и добра
Томитъ насъ вновь призывъ варяго-россовъ!
Чтó жъ дѣлать намъ? Какъ разрѣшить вопросъ,
Который такъ давно насъ всѣхъ тревожитъ?
Онъ въ дѣтствѣ намъ такъ много стоилъ слёзъ
И, кажется, въ могилу насъ уложитъ!

III.

НОВЫЙ ВѢКЪ.

Зрѣетъ всё, чтó было зелено,
Правдѣ зиждется престолъ:
„Вѣкъ“ Дружинина, Кавелина,
Безобразова пришолъ!

Вѣкъ Пожарскаго и Минина,
Дружбу князя съ мясникомъ,
„Вѣкъ“ Кавелина, Дружинина
Возвратилъ намъ цѣликомъ.

Въ „Вѣкѣ“ Вейнберга, Кавелина
Будетъ всюду тишь да гладь,
Ибо въ нёмъ для счастья велѣно
Всѣмъ законы изучать.

„Вѣкъ“ счастливый Безобразова
Бѣдняка обогатитъ,
Зрячимъ сдѣлаетъ безглазаго
И банкроту дастъ кредитъ.

Будетъ зрѣло всё, чтó зелено —
И свершится человѣкъ.
„Вѣкъ“ Дружинина, Кавелина,
Чернокнижникова „Вѣкъ“!

МОНУМЕНТОВЪ (В. П. БУРЕНИНЪ).

I.

ГРАФЪ ШЕНГАУЗЕНСКІЙ.

Торжественный праздникъ весельемъ шумѣлъ
Въ Версали, при главной квартирѣ;
Хозяинъ, графъ Отто фонъ-Бисмаркъ, сидѣлъ
Въ блестящемъ майорскомъ мундирѣ.
Фонъ-Мольтке безмолвно сигару курилъ,
Подбѣльскій напитки въ бокалы цѣдилъ,
И штабные—младшіе чиномъ—
Стояли поодаль начальниковъ въ рядъ,
На вытяжкѣ, будто свершали парадъ
Они на плацу подъ Берлиномъ.

И Бисмаркъ, наполнивши пивомъ стаканъ,
Вѣщаетъ съ привѣтомъ во взглядѣ:
„Прекрасенъ мой пиръ: цѣлый воинскій станъ
Предсталъ сюда въ полномъ парадѣ;
Блескъ пуговицъ, касокъ, погоновъ такъ чистъ...
Но гдѣ жъ возбудитель веселья, горнистъ
Съ чудесно-звучащей трубою?
Чтобъ сердце мнѣ маршемъ военнымъ плѣнить,
Чтобъ пѣснею прусской мой слухъ усладить —
Да явится онъ предо мною!“

Сказалъ—и горниста приводятъ: по швамъ
Онъ держитъ почтительно руки.
Графъ молвитъ: „пропой, братецъ, чтó-нибудь намъ:
Поёшь ты не хуже, чай, Лукки?“
Весь штабъ засмѣялся на острый вопросъ
И всё въ одобреніи общемъ слилось:
За юморъ былъ графъ восхваляемъ.
„Не можемъ мы, ваше сіятельство, знать“,
Горнистъ отвѣчаетъ: „чтó спѣть иль сыграть
Прикажете—то и сыграемъ.“

„Не мнѣ управлять ландвермана душой“,
Властитель Европы вѣщаетъ:
„О чёмъ пожелаешь, о томъ и запой:
Графъ Бисмаркъ тебя не стѣсняетъ“.
Отъ ласковой рѣчи сей, духомъ горнистъ
Взыгралъ несказа̀нно и, будто артистъ,
Почувствовалъ онъ вдохновенье;
Глава на начальство по формѣ скосилъ,
Напрягся съ усердьемъ, что было въ нёмъ силъ;
И вдругъ полилось его пѣнье:

„Однажды въ пивную заходитъ майоръ
(Онъ былъ представителемъ „правой“)
И видитъ: вопя о правительствѣ вздоръ,
Сидятъ радикалы оравой;
Онъ пива спросилъ и, присѣвъ за столомъ,
Сурово поникъ надъ газетнымъ листомъ;
А шумъ всё сильнѣй раздавался...
Особенно ярый одинъ радикалъ,
На власть огрызаясь, какъ злобный шакалъ,
Весьма неприлично ругался.

„Вдругъ бравый майоръ, будто столбъ верстовой,
Возсталъ: въ нёмъ отвага вспылала;
Взмахнулъ онъ — не саблею — кружкой пивной
И въ лобъ поразилъ радикала.
Посыпались на̀ полъ осколки; кругомъ
Затихли ораторы, въ страхѣ нѣмомъ;
Хулитель властей усмирился;
Майоръ же прикрикнулъ лакею: „болванъ,
Возьми зильбергрошъ за разбитый стаканъ!“—
И вонъ изъ пивной удалился.

„Тогда пораженный вскочилъ радикалъ
И, шишку на лбу осязая,
Внезапно пророческимъ духомъ вспылалъ
И рекъ, тьму времёнъ прозрѣвая:
„О, мужъ знаменитый! О, прусскій герой!
Чело сокрушилъ ты мнѣ кружкой пивной:
Сей подвигъ—начало дѣлъ славныхъ!
Удѣлъ твой въ грядущемъ великъ: ты въ судьбѣ
Европы играть будешь роль—и тебѣ
Въ майорахъ не сыщется равныхъ!“

Задумавшись, голову Бисмаркъ склонилъ:
Минувшее въ нёмъ оживилось.
Вдругъ быстрый онъ взоръ на пѣвца устремилъ—
И таинство словъ объяснилось:
Въ горнистѣ онъ зритъ радикала, чей лобъ
Подвергся одной изъ блистательныхъ пробъ
На юнкерскій ладъ усмиренья.
Всѣ смолкли, на графа уставивши взоръ —
И всякъ догадался, кто бравый майоръ,
И сердцемъ почтилъ провидѣнье.

II.

ПРУССКАЯ КАСКА.

Скажи мнѣ, каска пѣхотинца,
Чьё украшала ты чело?
Въ какомъ полку — какого принца —
Твой мѣдный верхъ сіялъ свѣтло?

Не на главѣ-ли ландвермана
Востока лучъ тебя ласкалъ
Въ тотъ день, когда герой Седана
Напрасно гибели искалъ?

Играли-ль маршъ на барабанѣ,
Иль пѣли „Wacht am Rein“ въ тотъ часъ,
Когда на храбромъ ландверманѣ
Ты возсіяла въ первый разъ?

И живъ-ли онъ ещё понынѣ?
Всё также любитъ плацъ-парадъ?
Всё также преданъ дисциплинѣ
И побивать „думкопфовъ“ радъ?

Иль, внявши Бисмарка приказу,
Онъ долженъ былъ къ Парижу течь,
И тамъ ему влѣпили сразу
Въ широкій лобъ его картечь?

Повѣдай: набожной рукою
Кто перенёсъ тебя сюда?
Грустилъ порой онъ надъ тобою
О томъ, что губитъ міръ вражда?

Иль—прусской рати лучшій воинъ—
Начальства слушая приказъ,
Онъ билъ людей и былъ спокоенъ,
Въ битьѣ исправностью гордясь?

Хранима дѣтямъ для примѣра,
Ты подъ стеклянымъ колпакомъ
Стоишь въ квартирѣ филистѐра,
Стальнымъ увѣнчена штыкомъ.

Шишакъ, чудесно заострённый,
Орёлъ и штыкъ—символъ святой,
Всё дышитъ выправкой казённой
Вокругъ тебя и надъ тобой!

III.

ИЗЪ РОМАНА ВЪ СТИХАХЪ „ИВАНЪ ОВѢРИНЪ“.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

I.

Начну слегка на пушкинскій манеръ:
Наскучила мнѣ нестерпимо проза.
И отчего въ дни наши, напримѣръ,
Не написать, хоть просто для курьоза,
Романъ стихами? Выберемъ размѣръ
Прельстительный „Orlando furioso“
И „Донъ-Жуана“ и пойдёмъ сейчасъ
Октавы набирать, благословясь.

II.

Вы думаете, можетъ-быть, спасую
Я передъ риѳмами? Да я могу
Не только что романъ—„передовую“
Стихами сочинить, ей-ей—не лгу!
Угодно доказательства? Любую
Давайте тэму: я не убѣгу,
Я не почувствую ни страха, ни смущенья
И обработаю её въ одно мгновенье.

III.

Вамъ надобенъ образчикъ? Очень радъ:
„Санктъ-Петербургъ (число и годъ). Съ Востока
Извѣстія тревожны и грозятъ,
Что часъ войны, быть-можетъ, недалёко.
Въ Алимусьидѣ собралъ Ханъ-Сіадъ
5,000...“ Тьфу! возможно ль такъ жестоко
Шутить надъ музою, какъ я шучу?
Нѣтъ, продолжать я больше не хочу!

IV.

Пускай я не поэтъ, но музы ласки
Мнѣ дороги: могу увѣрить въ томъ.
Что мнѣ въ стихахъ ненадобно указки—
Наглядно убѣдитесь вы потомъ,
При чтеніи дальнѣйшемъ этой сказки:
(Я написать октавъ намѣренъ томъ);
Теперь же, миновавъ опасный рифъ, мы
Поговоримъ, за что люблю я риѳмы—

V.

За что́ ихъ прозѣ чинной предпочёлъ,
Романъ писать задумавъ фельетонный.
Вотъ видите: мнѣ нуженъ произволъ
Въ разсказѣ, какъ и въ жизни, а казённой
Дорогою я никогда не шолъ.
Разсѣянно, какъ юноша влюблённый
Иль какъ проспекта Невскаго фланёръ,
По сторонамъ хочу бросать я взоръ.

VI.

Сказать прямѣй: я склоненъ къ отступленьямъ,
Къ замѣткамъ à propos и къ болтовнѣ.
Въ романѣ съ прозаическимъ теченьемъ
Недостаётъ свободы полной мнѣ:
Тамъ заниматься надо похожденьемъ
Героевъ, героинь и, въ сторонѣ
Оставивъ шутки въ духѣ фельетона,
Вести разсказъ къ развязкѣ неуклонно.

VII.

А здѣсь гуляй и тѣшь болтливый нравъ,
Не кстати, кстати обо всёмъ бесѣдуй
И выводи себѣ ряды октавъ;
Смѣяться нѣтъ охоты—проповѣдуй;
Начни разсказъ и, вдругъ его прервавъ,
За пылкою фантазіей послѣдуй
Хоть на луну—бѣды не будетъ тутъ:
Стихи всё стерпятъ, всё перенесутъ.

VIII.

Но вотъ бѣда: въ дни наши не въ фаворѣ
Поэзія и Фебовы сыны;
Для публики ихъ пѣснопѣнья — горе,
Пѣвцы же сами пó-просту смѣшны.
Стиховъ читать совсѣмъ не станутъ вскорѣ
Читатели родимой стороны.
Я это знаю и намѣренъ всё-жъ я
Писать стихи: на то, знать, воля божья!

IX.

Хотя талантъ и не большой мнѣ данъ:
Не Байронъ я — „И по всему замѣтно“ —
Но все же мною начатый романъ
Появится на этотъ свѣтъ не тщетно:
Я для себя „пѣвца“ стяжаю санъ —
(Охъ, жажду я его, скажу секретно —)
Потомъ, плоды поэзіи цѣня,
Собратья по перу прочтутъ меня.

X.

Меня прочтётъ Полонскій вдохновенный
И Майковъ Аполлонъ, и нѣжный Фетъ,
И Страховъ, нашъ эстетикъ незабвенный,
Крестовскій, пылкій ротмистръ и поэтъ,
И Розенгеймъ — онъ судія военный,
Но любитъ музы ласковый привѣтъ —
И Марковъ риторическій Евгеній,
Меня прочтутъ и мой оцѣнятъ геній.

XI.

Прочесть меня, конечно, всѣ прочтутъ:
Не въ этомъ суть фатальнаго вопроса,
А въ томъ, каковъ за чтеньемъ будетъ судъ?
Вдругъ критики посмотрятъ слишкомъ косо
И порицанья слово изрекутъ?
Ахъ, чтó бы тамъ въ грядущемъ ни стряслося,
Вступленье сдѣлано въ разсказъ — ура!
Теперь къ герою перейти пора.

XII.

„I want a hero“—Байронъ „Донъ-Жуана“
Когда-то началъ, такъ и я начну:
Героя мнѣ для новаго романа!
Но вѣдь, герои были встарину,
А въ наши дни искать ихъ, право, странно:
Всѣ люди въ форму вылиты одну,
Ѣдятъ и пьютъ, какъ подобаетъ людямъ —
И мы за то ихъ осуждать не будемъ.

XIII.

Великихъ лицъ я не поклонникъ — нѣтъ,
Особенно въ моей отчизнѣ милой.
Героя образъ въ грёзахъ юныхъ лѣтъ
Мнѣ представлялся мрачный и унылый:
Онъ былъ плащомъ, иль тóгою одѣтъ;
Но время ликъ завѣтный измѣнило —
И нынѣ мнѣ герой земли родной
Является фигурою иной.

XIV.

Жидомъ, погонцевъ сотни уморившимъ,
Иль адвокатомъ, крупный кушъ сейчасъ
Отъ крупнаго мерзавца получившимъ,
Котораго отъ каторги онъ спасъ,
Или кассиромъ, милліонъ стащившимъ
Изъ кассы банка... Много есть у насъ
Теперь такихъ героевъ: ихъ исчислить —
Объ этомъ я боюся и помыслить.

XV.

Но тотъ, кого введу я въ мой романъ,
Конечно, будетъ не изъ этой клики
Прославленныхъ молвою россіянъ,
Съ печатью наглой подлости на ликѣ.
Хоть долженъ онъ нести героя санъ,
Но у него доходы не велики,
И потому онъ честный индивидъ.
(Пусть терминъ сей читатель мнѣ проститъ.)

XVI.

Что Исаакъ рождёнъ отъ Авраама,
Іакова далъ міру Исаакъ,
Что Поляковъ, Коганъ и Горвицъ прямо
Изъ племени Іуды — это такъ;
Но родъ героя моего упрямо
Покрылъ времёнъ неодолимый мракъ:
Я изъ его забытой родословной
Знакомъ лишь съ бабушкой Анфисой Провной.

XVII.

И васъ я долженъ познакомить съ ней.
Зачѣмъ? Я послѣ объясню причину,
Теперь-же мой разсказъ отъ нашихъ дней
Въ прошедшее я разомъ отодвину.
Съ эпохой нашей чудною, ей-ей,
Мнѣ жалко разставаться но покину
Её я не надолго — и потомъ
Ужъ съ ней не разлучусь, клянуся въ томъ!

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.